

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2017. 46(4)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Сочи, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервиль, США)

В. П. Зиновьев (г. Томск, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия
Соучредитель – Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Адрес для писем:

354000, Россия, г. Сочи, ул. Советская, 26а
Тел.: 8(918)201-97-19

831 04, Словакия, г. Братислава, Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: www.bg.sutr.ru

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Подписано в печать 01.12.2017 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Уч.-изд. л. 22. Усл. печ. л. 13,1.
Заказ № 51.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография периода присоединения Азии

BYLYE GODY (FORETIME). 2017. 46(4)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (SOCHI, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERTVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

V. P. ZINOV'EV (TOMSK, RUSSIA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic
Co-publisher – Sochi State University, Russian Federation

Postal Address:

26a, Sovetskaya str., Sochi city, 354000

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava,
Nove Mesto, 831 04

Tel.: 8(918)201-97-19
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Website: www.bg.sutr.ru
English version of the journal site:
www.en.bg.sutr.ru

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Approved for printing 1.12.2017

Format 21 × 29, 7/4.
Ych. Izd. l. 22. Ysl. pech. l. 13,1.
Order № 51.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo of the period of Asia's accession

C O N T E N T S

ARTICLES AND STATEMENTS

The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V.	1140
The Formation of Entrepreneurship in Russia: Historical Background and Modernity Dudin M.N., Smirnov W.V., Rusakova E.P.	1174
The Formation and Discharge service of the Cossacks of Siberia in the XVIII century Puzanov V.D.	1184
Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V.	1194
On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century) Shaidurov V.N.	1207
The Military Factor and the Mobilization Wave Mechanism as the Main Features of Modernization in Russia during the Imperial Period Samokhin K.V., Korolyova L.Yu.	1219
The Development of Russia-Mountain People Interaction in the last quarter of XVIII century in the Context of Factors, Prospective and Problems of Integrating of Mountain People into Imperial State System Vinogradov B.V.	1229
To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V.	1237
At the Origins of the Formation of the Entrepreneurial Layer Among the Handicraftsmen in the Central Chernozem Region Dushkova N.A., Grigorova V.A.	1244
Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.	1252
The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.	1261
Estimates of the Colonial Policy of Great Britain in Malaya and Singapore Buranok S.O., Malkin S.G., Levin Y.A.	1275
The Natural Environment in the Daily Life of Disabled People in the Volga region (XIX century) Nurova O.G.	1283
Sports Training in Parts of the Active Army in the Period of the Caucasian War Natolochnaya O.V., Chikhladze L.T., Yablochkina I.V., Gordeev I.A.	1291
Transformation of Legal Status and its Influence on the Culture of Native Minorities of the Far East in XIX – Early XX centuries Akhmetova A.V., Dementeva V.V., Ivaschenko Y.S.	1297
Features of Regional Management in Russia: Historical and Legal Aspects (on the Example of Kalmykia) Ochir-Garyaeva I.K., Komandzhaev E.A.	1305

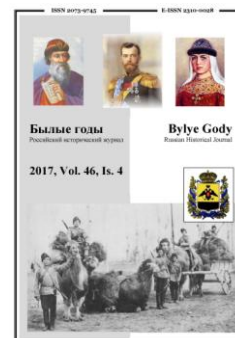
The Losses of the Russian army during the Russian-Persian War of 1826–1828: the Historical-Statistical Study Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A.	1315
Understanding of Kazakh Volost by Russian Officials of the XIX century Sultangalieva G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U.	1322
Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis) Shashkova A.V., Rakitskaya I.A., Pavlov E.Ya.	1333
From the history of Religious Studies in Russia: The study of the History of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century) Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.	1345
Ethnographic Researches of Ecological Culture of the Peoples of the Volga region in the XIX – early XX centuries Lepeshkina L.Y.	1357
Institute of the Guardian in the Kazakh Steppe in the XIXth century: Legal Status and Duty Regulations Izbassarova G.B.	1366
“Study of the Livles Remnants, Descendants of the Primitive Inhabitants of the Province”: A. Sjögren and F. Wiedemann Scientific Activity in the middle of XIX c. Kolesov V.I.	1376
Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX – early XX century Likhachev E.N., Pustovetov G.I., Likhacheva A.E.	1386
The Cruising Service of the Black Sea Fleet in the 1860s: Regulations and Practical Application Okatiev N.A., Ostrovskaya A.A., Makarov Y.N.	1395
"Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation Whether They Need This Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II A.Y. Peretyatko	1401
Evolution of Judicial System of the Russian Empire: from Estate Court to All-Estates Court Nemytina M.V., N.N. Efremova, Mikheeva T.Ts.	1416
"Exchanging the Past": Historical Memory, Money and National Identity in the Russian Empire and Central Europe in second half of XIX – early XX centuries Golovashina O.V., Linchenko A.A.	1433
N.K. Mikhailovski and the Democratic Movement in Russia in the second half of the XIX century: Political Doctrine and Activity (to the 175th Anniversary of Birthday) Blokhin V.V., Soloviev E.A.	1443
Night as a Special Dimension of Human Life in the Cultural Life of the Russian Provincial Town in terms of the Historical end of the late 19th – early 20th century Menshikova E.N., Semenov M.Y., Kozlov K.V., Dvoretzkiy E.V.	1454
The Concepts of Multifactor and the Historical Regularity in Russian Liberal Historical Thought at the turn of XIX and XX centuries Kononov A.A., Tamazov M.S., Shorova M.B., Mirzoeva S.G.	1468
The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontery Modernization Lysenko Y.A., Goncharov Y.M.	1480

Local Authorities and Prostitution in Pre-Revolutionary Siberia (on materials of the city of Tyumen) Alexander B. Khramtsov	1488
The Role of the "Siberian Trade Newspaper" in the Development of the Advertising Business of Merchant Tyumen at the end of the 19th century Stavetskaya I.V., Medvedeva N.G.	1497
The Socio-Economic Situation of Omsk at the beginning of the 20th century Sungurov P.A.	1508
Historical Sources of the early XX century about the Siberian Students: an Analysis of Archival Data and Published Materials Cherepanova V.N., Putilina Y.V., Savitskaya Y.P.	1517
Location of the Industry and Industrial Typology of the Counties of the Central Chernozem region in the early XX century Zhitin R.M., Topilsky A.G.	1525
The Role of Russian Diplomatic Mission in Beijing in Safeguarding Russia's Interests in the Establishment of the Statehood of Barga (1912–1915) Dudin P.N.	1534
Charitable Siberian Students at the turn of XIX–XX centuries Pivovarova I.V., Zubareva J.V.	1546
Regulation of Behavior of Studying Youth of Siberia at the turn of XIX–XX centuries Rodina V.N.	1554
Socio-Demographic Characteristics of Siberian students in the early twentieth century (on materials of the journal "Siberian student": 1914–1916) Ustinova O.V., Kirilova O.V.	1563
Position of the Cossacks of the Petrograd garrison during the October uprising in the Capital and Participation of Cossack Units in the Campaign of Kerensky-Krasnov Trut V.P., Borodin S.V., Tarakanov V.V.	1572
Networking in Scientific Projects on Naval History Mitiukov N.W., Kondratenko R.V., Korobeinikov A.V., Dashyan A.V., Mitrofanov A.F.	1582
Russian Historical Journal "Bylye Gody" publications for 2017	1591

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1140-1173, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1140
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

ARTICLES AND STATEMENTS

UDC 903.22

The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin

Leonid A. Bobrov ^{a,*}, Viacheslav P. Zaytsev ^b, Sergey P. Orlenko ^c, Alexey V. Salnikov ^d

^a Novosibirsk State University, Russian Federation

^b Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^c Moscow Kremlin Museums, Armoury Chamber, Russian Federation

^d Armavir Social and Psychological Institute, Russian Federation

Abstract

In the splendid and rich collections of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin Museums is stored a unique East Asian helmet currently inventoried as OR-2057. Over the past two hundred years, images and brief descriptions of this item have been repeatedly reproduced in various works from military history to philology. However, the helmet OR-2057 has not yet been the subject of independent scientific weapons research. The purpose of this paper is to provide a detailed description of the construction and decoration of the helmet OR-2057, as well as to confirm its dating and attribution.

The complex research and analysis of material, written and pictorial sources made it possible for us to clarify the dating and attribution of the helmet OR-2057, as well as the circumstances of its receipt into the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin.

The first mentions of the helmet in the Russian service documentation are connected with the embassy of Stepan Grechenin and Bazhen Kartashev sent to Ombo Erdeni Khong Tayiji (Badma Erdeni Khong Tayiji), ruler (Altan Khan) of the Khotogoid people, and his spiritual mentor Erdeni Dai Mergen Nangso, a lama of Tibetan origin. This embassy lasted from August 28, 1636 to April 23, 1637 (all dates are in Julian calendar). In the course of negotiations, in early February (presumably on February 4), 1637, Lama Erdeni Dai Mergen Nangso presented the helmet in question (as well as some mail and plate armour, and vambraces) as a “tribute” to Tsar Michael I of Russia. On October 28, 1637, the helmet was deposited in the treasury of the Kazenny Dvor (Treasury Court), and then in the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin.

Based on our research we discovered that the helmet was made within the tradition of weapon-making from the late Jurchen (early Manchu) period in the second half of the 1610s to the mid-1630s at one of the workshops of the Later Jin (1616–1636) state.¹ Thus, the helmet in question can be attributed as a late Jurchen or early Manchu helmet of the reign of Nurhaci (1559–1626) and Hong Taiji (1592–1643).²

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), sldr76@gmail.com (V.P. Zaytsev), orlenko@kremlin.museum.ru (S.P. Orlenko), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

¹ In May 1636 the state of Later Jin changed the state name into the Great Qing.

² The circumstances of delivering the helmet to representatives of the Buddhist clergy in Mongolia are not currently known. It is most likely that the helmet was passed to Lama Erdeni Dai Mergen Nanso as an offering during one of his many trips to various parts of Central and East Asia.

The privilege of wearing a helmet with such decorations at the time of the Qing Empire (1636–1912) was granted (according to the *Huangchao liqi tushi*) only to representatives of a narrow stratum of the Manchu and Mongolian aristocracy — the “princes of blood” of the first and second ranks, that is, the *qinwang* and *junwang* (the bearers of the second and third most high titles in the Qing Empire). This allows us to suggest that the helmet OR–2057 could be originally made for one of the representatives of the highest nobility of the late Jurchen (early Manchu) state, whose social status was close to or equivalent to the status of persons who received the titles of *qinwang* or *junwang* during the Qing time. Thus, the helmet OR–2057 is one of the earliest known helmets to be of Late Jurchen (Early Manchu) manufacture that can be dated with a high degree of reliability and correlated with the armament of the Later Jin state’s aristocracy. The latter fact predetermines the exceptional scientific value of the helmet in question as a reference for the dating and attribution of Later Jin and Qing helmets of the first half of the 17th century from museums and private collections in Russia and other countries.

Keywords: East Asia, Qing Empire, Later Jin, protective weapons, helmet.

1. Введение

Актуальным направлением современных оружиеведческих, археологических и исторических исследований является всестороннее изучение военно-культурного наследия маньчжурского, монгольского и китайского населения государства Хоу Цзинь (с 1636 г. — Цинской империи), которое на протяжении почти двух столетий оставалось ведущей военной и политической силой в континентальной Восточной Азии. Несмотря на обилие вещественных, изобразительных и письменных источников, данный вопрос изучен еще в недостаточной степени, что затрудняет датировку и атрибуцию образцов наступательного и защитного вооружения воинов «Восьмизнаменной армии», «Войск зеленого знамени», а также цинских вспомогательных подразделений, широко представленных, как в отечественных, так и в зарубежных музейных и частных собраниях.

Особый интерес в данной связи вызывают панцири, шлемы и дополнительные защитные детали цзяньчжоуского, хоу-цзиньского и цинского производства, датируемые концом XVI — первой половиной XVII в., то есть временем наивысшего расцвета позднечжурчжэньской (маньчжурской)¹ панцирной конницы, являвшейся главной ударной силой армий Нурхаца (1559–1626) и Хун Тайчжи/Хуантайцзи (1592–1643). Именно в этот период, в целом, сложился знаменитый «маньчжурский доспех», который послужил основой для создания унифицированной и регламентированной «панцирной униформы» Цинской империи (1636–1912), просуществовавшей (с некоторыми изменениями) вплоть до XIX в. включительно (Бобров, Худяков, 2003: 127–164, 267, 168, 197–201; Бобров, 2011: 37, 38, 44; Маньвэнь лао дан, 2013: 131, 138, 165). Подлинные образцы позднечжурчжэньского и раннеманьчжурского защитного вооружения, надежно датируемые первой половиной XVII в., крайне малочисленны и каждый из них представляет собой исключительную научную ценность.

В фондах Оружейной палаты Музеев Московского Кремля (ММК) хранится уникальный восточноазиатский шлем (инв. № ОР–2057), датируемый интересующим нас периодом (рис. 1). На протяжении последних двухсот лет изображения и краткие описания данного наголовья неоднократно воспроизводились в различных работах искусствоведческого, филологического и военно-исторического характера (см. ниже). Однако шлем еще не становился объектом самостоятельного научного оружиеведческого исследования.

Целью настоящей статьи является детальное описание конструкции и системы оформления шлема ОР–2057, а также уточнение его датировки и атрибуции.

¹ Хотя среди чжурчжэньских племен XVI — первой трети XVII в. существовало племя, называемое *маньчжоу* (滿洲), сам народ именовался чжурчжэнями (*чжусиэнь* 諸申). Только в конце ноября 1635 г. Хуантайцзи «... запретил своим подданным именоваться чжурчжэнями и предписал впредь именоваться только маньчжурами» (Кычанов, 1997: 211–212; датировка этого события уточнена нами по «Тайцзун Вэнь хуанди шилу» 太宗文皇帝實錄).

Рис. 1. Шлем ОР–2057. Общий вид. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

2. Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению защитного вооружения традиционно являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейно-исторических исследованиях традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных и изобразительных источников (Бобров, 2011: 6–8).

Все даты русских источников приводятся в статье по юлианскому календарю (старый стиль) до 31 января 1918 г. (включительно), после 31 января 1918 г. — по григорианскому (новый стиль). Таким образом, за 31 января 1918 г. (старого стиля) будет следовать 14 февраля 1918 г. (нового). Даты европейских и китайских источников, переведенные на европейское летосчисление, до 4 октября 1582 г. (включительно) приводятся по юлианскому календарю, после 4 октября 1582 г. — по григорианскому. Таким образом, за днем 4 октября 1582 г. (юлианского календаря) будет следовать день 15 октября 1582 г. (григорианского). В случае необходимости, исключения, не вписывающиеся в эту схему, оговариваются отдельно.

3. Обсуждения и результаты

3.1 История изучения шлема ОР–2057 (краткий историографический обзор)

Первым исследователем шлема ОР–2057 был, по-видимому, А.Н. Оленин (1763–1843), известный российский государственный деятель на поприще культуры и просвещения, художник и

исследователь — «единственный универсальный ученый в России» (как его охарактеризовал современник А. фон Гумбольдт)¹, получивший, согласно сохранившейся расписке, 12 января (января) 1810 г. для «рассмотрения [и] истолкования» принадлежащие Мастерской и Оружейной палате рогатину с серебряною оправой и три шишака (из коих один русский с наушниками и с золотой насечкой, и два китайские) (Файбисович, 2006: 274)². Если следовать хорошо известному сообщению Л.П. Яковлева³, основанному на внутренних документах Московской Оружейной палаты, А.Н. Оленин, занимавшийся по высочайшей воле составлением описания древних одежд и вооружения, получил под расписку в 1810 г. именно шлем ОР–2057 (Опись... 1884: 19, № 4407; 21, 36; Опись... 1885: 64), из чего следует, что на тот момент последний был атрибутирован как «китайский шишак». Сразу отметим, что возвращены в Оружейную палату взятые предметы вооружения были только 18 июня 1843 г. — после смерти А.Н. Оленина 17 апреля 1843 г. и последовавшего «открытия» его кабинета с целью разбора бумаг и вещей, где они и были найдены (Опись... 1884: 19, № 4407; 21, 36; Опись... 1885: 64).

Как показывает анализ архивных документов и опубликованных работ, исследования А.Н. Оленина носили не только оружейведческий, но и историко-филологический характер: санскритские надписи, нанесенные на тулью шлема, привлекали пытливым ум исследователя, пытавшегося докопаться до их сути. Среди бумаг и сочинений А.Н. Оленина, переданных в распоряжение Императорского Русского археологического общества Н.И. Стояновским в 1873 г. и его супругой А.Г. Стояновской (внучкой А.Н. Оленина) в 1898 г. (в настоящее время хранятся в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, далее — РО НА ИИМК РАН, фонд 7), находится любопытный документ «О мунгалском шишаке» или «Описание Азиатского Старинного Шишака необыкновенной формы и отделки, с некоторыми к тому особыми примечаниями», датируемый по филиграну бумаги 1815 г. и известный по его началу как черновик письма С.С. Уварову (1786–1855) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 7. Д. 6. Л. 14–39).

Документ представляет собой черновой сборник различных выписок, замечаний, примечаний и «эпиграфов» к мунгалскому шишаку, сделанных, по-видимому, в разное время и хорошо иллюстрирующих процесс изысканий А.Н. Оленина, в основном — в поиске разгадки надписей на шлеме. Именно эти материалы лягут в основу знаменитого письма Оленина о беспрестанной молитве ламаитов (см. ниже).

Среди листов этого документа находится и черновой карандашный рисунок, обведенный тушью (с небольшой акварельной раскраской драконов на полусфере подвершия). На нем показаны одна проекция шлема (вид сверху), деталь налобника (в двух масштабах) с изображением одного пятипалого дракона *лун* (ниже стоит подпись «Лонг или Китайский Змей принадлежащий к Императорскому гербу») и прорисовки надписей с тульи (для всех трех ярусов, но с одной стороны) (РО НА ИИМК РАН. Ф. 7. Д. 6. Л. 18). Над графемами карандашом подписаны их чтения, показывающие, что эта дешифровка — очень ранняя (практически все они неверны)⁴.

В 1824 г. в Санкт-Петербурге выходит в свет трехтомное сочинение дипломата Е.Ф. Тимковского (1790–1875) под названием «Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах», в третьем томе (части) которого приводятся некоторые сведения о священных книгах и молитвах монголов (Тимковский, 1824: 393–396). Поясняя молитву «Ом ма ни бат ме хом» (то есть мантру *om maṇi padme hūm*), автор дополнительно отсылает читателей к ученому мнению об этом предмете А.Н. Оленина, которое тот, «в довершение многих одолжений» по изданию сочинения Тимковского, изложил в особом письме (Тимковский, 1824: 395–396). Это любопытное и объемное письмо (38 страниц основного текста и 4 страницы «Объяснения» к специально выполненным и приложенным четырем гравированным доскам), озаглавленное «Ом. Мани. Падме. Аум. Беспрестанная молитва ламаитов. Письмо о сем предмете А.О. к Е.Ф. Тимковскому» и датированное 3-м января (января) 1824 г., было помещено Тимковским в конце третьего тома своего труда (Оленин, 1824а), а также вышло отдельным изданием (оттиском) (Оленин, 1824б)⁵.

¹ Голубева, 1988: 74.

² Обстоятельства, стоящие за этим, будут подробно рассмотрены нами в специальной работе.

³ Как известно, многотомная «Опись Московской Оружейной палаты» была опубликована без указания имен ее составителей. Как убедительно доказала Е.И. Смирнова, автором двух ее книг — книги II, части III, озаглавленной «Броня» (1884), и книги III, части IV, озаглавленной «Холодное оружие» (1885), и, следовательно, автором всех описаний и атрибуций в них, является Лукиан Павлович Яковлев (13 июня 1829 — 187?) (Смирнова, 1973).

⁴ Отметим, что в собрании графики Музеев Московского Кремля хранится несколько рисунков шлема, так же выполненных пером и тушью: вид с левой стороны (инв. № Гр-458/1), вид спереди с прорисовкой надписей на всех трех ярусах, но с одной стороны (инв. № Гр-458/3), черновые прорисовки надписей и мантр к гравюру с тремя проекциями (см. о ней ниже) (инв. № Гр-4014/2). См.: Богатская, 2014: 255–256, № 280–282. Судя по бумаге и исполнению, эти рисунки, по-видимому, составляли комплект (единое целое) с черновым рисунком из РО НА ИИМК РАН — вместе они дают три проекции, появляющиеся на гравюрах (см. ниже).

⁵ Отдельное издание, ставшее к концу XIX в. библиографической редкостью, сопровождает дополнительный титульный лист (основной для этого издания), озаглавленный «Письмо А.О. к Е.Ф. Тимковскому о беспрестанной молитве ламаитов, с четырьмя гравированными досками. Из третьей части Путешествия в Китай

Не обсуждая все достоинства и недостатки этой работы, отметим лишь важные для нашего исследования моменты. Во-первых, на титульном листе письма (2-я гравированная доска) впервые публикуется рисунок шлема ОР–2057 (вид с левой стороны, шлем изображен на приподнимающей его переднюю часть подставке и сопровождается прорисовкой надписи с его верхнего яруса) (см. рис. 2). Во-вторых, публикуется прорисовка всех трех мантр¹ шлема ОР–2057 (4-я гравированная доска, строки «А»; заметим, что графемы *dme* и *hrī* в мантре с верхнего яруса здесь ошибочно поменяны местами). В-третьих, приводятся результаты первой и, насколько нам известно, единственной попытки дешифровки надписей на шлеме, а именно одной из них — мантры с верхнего яруса, прочитанной неточно как «ом мани падме аум»². Здесь стоит сказать, что А.Н. Оленин абсолютно верно установил, что текст выполнен на санскрите, и также верно понял, что за мантра написана на верхнем ярусе, но, к сожалению, допустил некоторые неточности, на которые до сих пор не обратил внимания ни один исследователь, показавший свое знакомство с этой работой (необходимые пояснения мы дадим при описании надписей ниже). И, в-четвертых, предлагается атрибуция наголовья ОР–2057 как «монгольского шишака».³

Работа А.Н. Оленина удостоилась рецензии известного востоковеда Ю. Клапрота (1783–1835), одного из самых суровых и безжалостных критиков того времени, в которой он нейтрально представил новую публикацию публике, похвалил аккуратность печати текста и гравюр, и указал лишь на ошибки гравера при исполнении тибетской версии мантры (4-я гравированная доска, строка «F») (Klaproth, 1824). В рецензии Клапрот назвал шлем китайским — «un casque chinois en acier, damasquiné en or» (фр. «стальной китайский шлем с золотой насечкой») (Klaproth, 1824: 255).

Сочинение Е.Ф. Тимковского было переведено на немецкий (1825–1826), нидерландский (1826), французский (1827), английский (1827) и польский (1828) языки. Из них только немецкий перевод (а именно первое его издание в Лейпциге) содержит письмо А.Н. Оленина и все четыре оригинальные гравюры к нему, в другие издания оно не включалось.

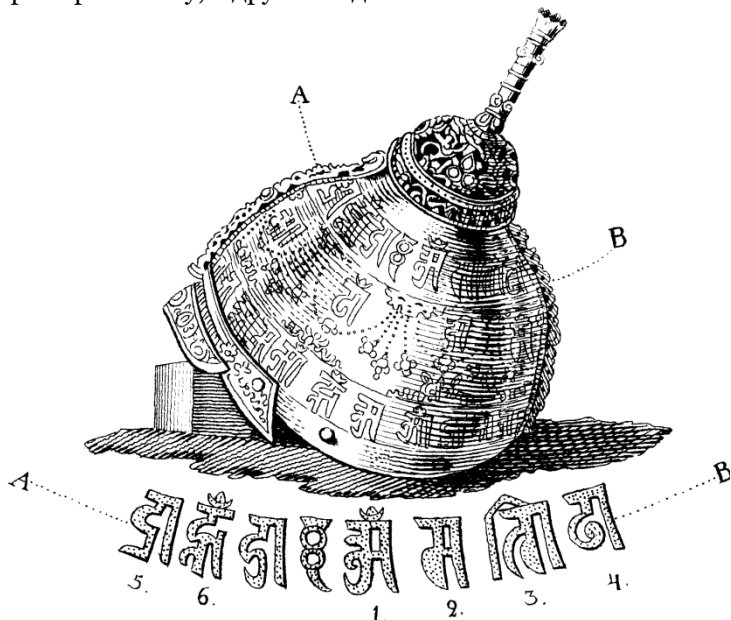

Рис. 2. Изображение шлема ОР–2057 и прорисовка надписи с верхнего яруса. Фрагмент гравюры А.Н. Оленина. Из «Путешествия в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах» Е.Ф. Тимковского, 1824 г.

чрез Монголию в 1820 и 1821 годах» с цензорским разрешением А. Красовского от 13 генваря (января) 1824 г. на его обороте (Оленин, 1824б).

¹ Очевидно, что А.Н. Олениным была выделена повторяющаяся на каждом ярусе последовательность графем, интерпретированная как законченный текст. Этим, по используемой нами терминологии, отличается прорисовка надписи (когда приводятся все графемы яруса с одной или обеих сторон шлема) и прорисовка мантры (когда приводится прорисовка законченного текста без учета его повторов).

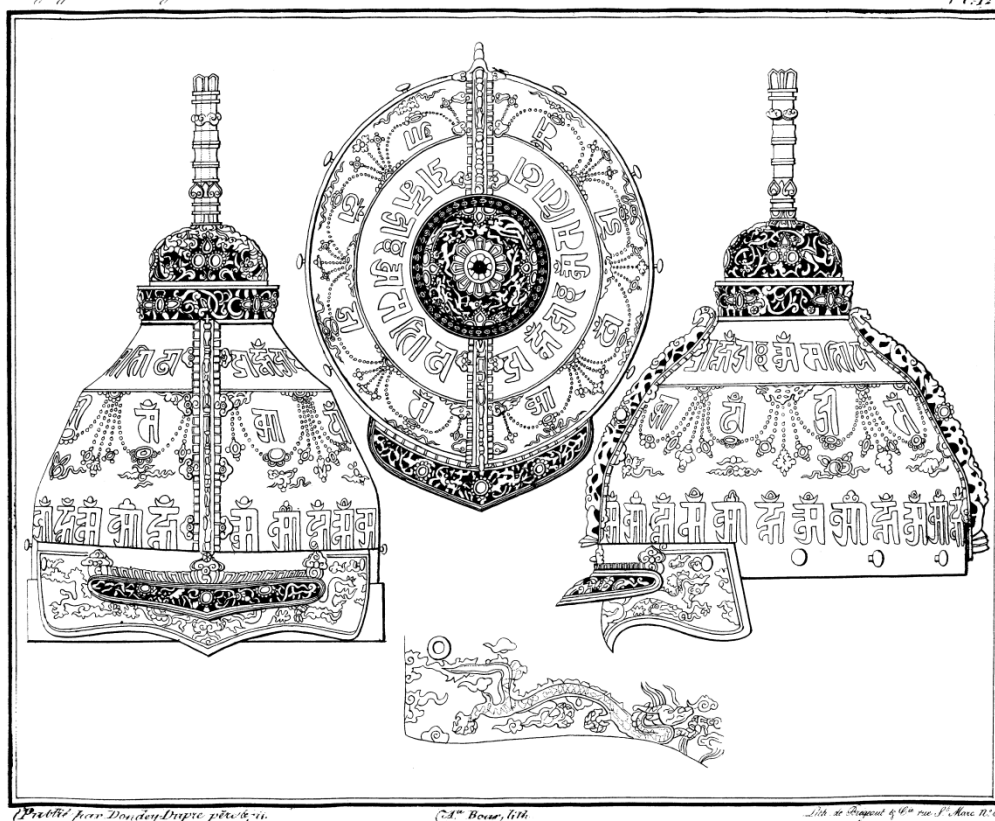
² Последующие исследователи лишь следовали данным А.Н. Оленина, меняя слог «аум» на «хум».

³ Эта атрибуция, по словам А.Н. Оленина, была основана на следующем: «Отыскивая здесь [в Санкт-Петербурге. — Авт.], по некоторому особому поручению, разное завезенное сюда из Москвы старинное оружие, я нашел между прочим пребогатый и необыкновенного вида железный или булатный шишак с золотою насечкою. Форма его и двух драконов, принадлежащих к Государственному Китайскому Гербу, принятому и подвластными Богдоханскому владению Монгольскими племенами, на передке его или на лбнице сего шишака золотою насечкою изображенныя, открыли мне, что сие оружие принадлежало какому либо Китайскому, а более того Монгольскому знаменитому воину, усердному поклоннику Будги [Будды. — Авт.] или Шака-муни [Шакьямуни. — Авт.], что доказывали неизвестныя мне до того времени буквы, которыми сей шишак был в три ряда украшен» (Оленин, 1824аб: 8–9).

Особо стоит отметить французское двухтомное издание, перевод для которого выполнил г-н N***** (имя переводчика нам раскрыть не удалось), отредактировал французский географ Ж.-Б. Эйриес (1767–1846) и опубликовал со своими исправлениями и комментариями Ю. Клапрот (Timkovski, 1827a). Хотя письмо А.Н. Оленина в это издание не было включено, однако к нему был приложен Атлас со всеми гравюрами и картами оригинального издания (как о том заявлено на титульном листе), дополненный статьей «Статистический обзор Китая» Ю. Клапрота (Timkovski, 1827b). Из четырех гравюр, сопровождавших письмо А.Н. Оленина, в этот Атлас, несмотря на заверения издателя, вошли лишь две (изображения Будды Шакьямуни, то есть 1-я и 3-я гравированные доски по нумерации Оленина), однако добавлена одна новая, которая не публиковалась в русском издании и, по-видимому, была предоставлена исключительно для французского (Timkovski, 1827b: pl. 11) (см. рис. 3). На этой гравюре (точнее литографии, выполненной с уже отпечатанной гравюры) представлены детализированные и весьма точные изображения трех проекций шлема ОР–2057 (вид спереди, сверху и с левой стороны) и деталь налобника с рисунком одного пятипалого дракона лун. Подпись под литографией, очевидно, ошибочно называет шлем индийским «Casque indien trouvé en Russie» (фр. «индийский шлем, найденный в России»), поскольку в тексте пояснения к ней Ю. Клапрот называет его всё же монгольским — «Casque mongol en acier» (фр. «стальной монгольский шлем») (Timkovski, 1827b: 28).

Voyage à Péking

Pl. 12

CASQUE INDIEN TROUVÉ EN RUSSIE.

Рис. 3. Изображение шлема ОР–2057 в трех проекциях. Литография с гравюры А.Н. Оленина. Из Атласа к французскому изданию «Путешествия в Китай через Монголию, в 1820 и 1821 годах» Е.Ф. Тимковского, 1827 г.

Нам не удалось найти других публикаций, в точности воспроизводящих подобные изображения шлема, поэтому, как было сказано, мы полагаем, что эта гравюра, была предоставлена А.Н. Олениным исключительно для французского издания. Учитывая, что Ю. Клапрот опубликовал рецензию на работу А.Н. Оленина, их та или иная связь между собой (возможно, непрямая) видится нам более чем вероятной. Кроме того, среди архивных материалов фонда А.Н. Оленина, хранящихся в РО НА ИИМК РАН, нам удалось найти другую типологически схожую гравюру (по-видимому, также не публиковавшуюся), которая и могла быть источником французского издания (литографирована с изменениями для него). Это гравюра, подписанная «Мунгальский шишак», находится в так называемой «Книге гравюр и рисунков к работам А. Оленина (рис. Ермолаева и Шустова, грав. Е. Скотников и М. Богучаров)» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 7. Д. 25. Л. 17). Любопытно, что в собрании графики Музеев Московского Кремля хранится черновой карандашный рисунок, легший в основу этой гравюры (инв. № Гр-458/2), а также два экземпляра этой же гравюры, раскрашенные поперх

акварелью (инв. № Гр-3488, Гр-3489)¹ (см. рис. 4). В Оружейную палату они поступили из Государственного Дрелехранилища в 1882 г.² Теперь они и упоминавшиеся выше рисунки тушью (вид шлема с левой стороны, спереди и прорисовки) могут быть надежно связаны с именем А.Н. Оленина (ср.: Богатская, 2014: 253–254, № 277), хотя кто, когда и с какой целью раскрасил две гравюры акварелью, пока выяснить не удалось. Возможно, это был Ф.Г. Солнцев (1801–1892) или сам А.Н. Оленин³. Дополнительно можно указать и на их возможное происхождение из так называемых «Оленинских портфелей», хранившихся в Дрелехранилище (по данным на 1875 г.) и содержащих бумаги А.Н. Оленина и рисунки Ф.Г. Солнцева.

Шлем ОР–2057 на этих гравюрах (черно-белой из «Книги гравюр» А.Н. Оленина и цветных из собрания ММК) изображен в тех же трех проекциях, что и во французском издании (вид спереди, с левой стороны и сверху). Однако первая и вторая проекции расположены не рядом, а одна над другой. Основной рисунок, как и в упомянутом ранее черновом карандашном рисунке, дополнен изображением пятипалого дракона с налобника шлема (с китайской подписью *лун* 龍 «дракон» выше его). Пустое пространство заполнено несколькими изображениями монограммы Калачакры (тиб. *ṃam bcu dbang ldan*) и другими надписями. Выше основного рисунка дана мантра *om taṇi radme hūm*, выполненная «почерком» со священных ламайских знамен (следуя пояснению А.Н. Оленина), а под ним — прорисовки всех трех мантр шлема ОР–2057 (здесь так же, как на 4-й гравированной доске письма, графемы *dme* и *hrī* в мантре с верхнего яруса ошибочно поменяны местами), мантры *om taṇi radme hūm*, выполненной разными «почерками», монограмма Калачакры и т.п. Отметим, что цветное изображение представляет для исследователя известный интерес, так как позволяет уточнить некоторые вопросы, связанные с комплектностью шлема по состоянию на первую половину XIX в.

Рис. 4. Изображение шлема ОР–2057. «Шлем маньчжурский XVII в. (в трех проекциях), надписи со шлема, фрагменты декора». Раскрашенная гравюра, акварель. Первая половина XIX в. Собрание графики ММК, инв. № Гр-3489.

¹См.: Богатская, 2014: 253–255, № 277–279.

² Мы благодарны старшему научному сотруднику Музеев Московского Кремля И.А. Богатской за консультацию по этому вопросу.

³ Как мы указывали выше, черновой рисунок А.Н. Оленина (с видом шлема сверху) так же имеет небольшую акварельную раскраску, однако цвета у него и на гравюре из ММК не совпадают: у Оленина драконы на подвешенной раскрашены оливково-серым цветом, на гравюрах из ММК — цветами желто-оранжевых оттенков, что более соответствует действительности.

В 1844 г. новая атрибуция шлема ОР–2057 была предложена А.Ф. Вельтманом. Он, в частности, впервые обратил внимание на сходство рассматриваемого образца защитного вооружения с наголовьями воинов не только Китая и Монголии, но и Маньчжурии. В результате, наголовье был атрибутировано А.Ф. Вельтманом как «Шлем мунгальской или маджурской формы» (Вельтман, 1844: 79; *вкл. между с. 78–79*). При этом исследователь ошибочно соотнес данное наголовье с «шапкой Кучюмовской» («Casque de Koutchoum»): «Сибирского царя Кучюма (1581 г.) ... Шлем мунгальской или маджурской формы, железный в три венца, с наверхьем и трубочкой для перьев или волос; вокруг венцов слова, составляющая надпись. В описи 1687 года, по сказке мастеров, в казне была шапка Кучюмовская; в той же описи название это приписано одному из шлемов, поднесенному государю Борисом Петровичем Шереметевым; настоящая же помещена в числе так названных шапок железных калмыцких (*опись 1687 г. лист 467*), без сомнения в тоже время доставленных от Ермака» (Вельтман, 1844: 79). В издании 1844 г. изображение шлема было помещено на литографии рядом с ерихонкой «боярина и князя Ф.И. Мстиславского» и «пишаком и железной маской» (Вельтман, 1844: *вкл. между с. 78–79*). «Шлем мунгальской или маджурской формы» был изображен повернутым в пол-оборота влево, при этом пропорции и некоторые детали тульи, налобника, козырька и наверхия были переданы художником не очень точно. Под рисунком помещены прорисовки надписей с тульи (для всех трех ярусов, но с одной стороны).

Во втором, вновь составленном, издании «Московской Оружейной палаты» 1860 г. А.Ф. Вельтман отказался от предложенной ранее интерпретации шлема как «мунгальского», обозначив его лишь как «шлем, маджурской формы» (Вельтман, 1860: 236). Отметим, что данный вариант атрибуции наголовья воспроизводился с некоторыми вариациями при публикации данного шлема вплоть до начала XXI в. (см. ниже). По сравнению с текстом издания 1844 г. добавилось также пояснение относительно надписей на тулье: «...начертания должны быть XIII века индо-тибетанския», хотя их прорисовки при этом из книги были убраны (Вельтман, 1860: 236). Рисунок шлема остался тем же, но воспроизведен непосредственно в тексте (в первом издании рисунки были литографированы и располагались на отдельных листах), отсюда заметны небольшие отличия в деталях, которые могут быть отнесены на счет другой техники печати. Ошибочное определение наголовья как шлема «Сибирского царя Кучюма (1581 г.)» в издании 1860 г. сохранилось (рис. 5).¹

Рис. 5. Изображение шлема ОР–2057. Из второго издания описания «Московской Оружейной палаты» А.Ф. Вельтмана, 1860 г.

¹ Это представляется тем более удивительным, поскольку интерпретация шлема ОР–2057 как «шапки Кучюмовской», как совершенно справедливо отметил И.А. Комаров (Государева Оружейная палата, 2002: 304), была пересмотрена А.Ф. Вельтманом еще в 1853 г., что следует из соответствующего отделения «Древностей Российского государства», где «Шапка ерихонская „Кучюмовская“» атрибутирована и показана верно (Древности Российского государства, 1853: 15–16; Рис. № 14).

Л.П. Яковлев систематизировал документы прошлых лет и предложил свою атрибуцию данного наголовья. Он определил шлем как «Шолом манджурский» и дал краткое описание его конструкции: «Шолом манджурский, царю Михаилу Федоровичу прислал дани Тунгусской земли Лаба-Ирдней-Даинмен-Герланзу 28 Октября 1638 года. Колпак в три венца, по венцам наведена золотом надпись, буквы которой имеют некоторое сходство с буквами теперешней китайской азбуки; между словами развод и узор, наведены золотом же; колпак составлен из двух половин, склепанных гвоздями; снаружи по швам колпака наложены железные резные гребешки; на гребешках по четыре гнезда для камней; подвешенье состоит из полушара и ободка железных, резаных на проем и вызолоченых, на них четыре красных и четыре зеленых камней, смазней и пятнадцать гнезд пустых; наверху, точеная вызолоченая трубка с гнездом для султана; полка железная золоченая, резана на проем, в ней три гнезда пустых. Весу в шоломе 3 фун<та> 15 золотн<иков> [около 1 кг 293 г. — Авт.]» (Опись..., 1884: 19). Текст был проиллюстрирован черно-белой фотографией трех шлемов в анфас, отпечатанной в технике фототипии (для определения размеров в кадре присутствует масштабная линейка). Компанию рассматриваемому наголовью составили клепаный монгольский цилиндрикоконический шлем конца XVI — середины 30-х гг. XVII в. (ОР-2058) и знаменитый цельнокованный западно- или среднеазиатский шлем с личиной XV — середины XVI в. (ОР-2056) (Рисунки..., 1884: табл. 342). Заметим, что шлем ОР-2058 назван в подписи к фотографии «Шапка булатная № 4418», а ОР-2056 и ОР-2057 — «Шоломы восточные №№ 4404, 4407» (Рисунки..., 1884: номера в подписях отсылают к описанию в основном тексте, см.: Опись... 1884).

В 1954 г. вышла в свет статья «Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении», подготовленная советским исследователем Ф.Я. Мишуковым (Мишуков, 1954). Основой эмпирической базы этой работы послужили предметы защитного вооружения периода позднего Средневековья и раннего Нового времени, хранящиеся в фондах Оружейной палаты Московского Кремля. В числе прочих боевых и парадных наголовий, Ф.Я. Мишуков рассмотрел и технологические особенности декоративного оформления шлема ОР-2057. По мнению исследователя: «Шлем своей формой, надписями и орнаментом деталей указывает на работу мастеров китайской провинции XVI–XVII веков» (Мишуков, 1954: 134). В подписи к фотографии (на которой наголовье показано с правой стороны) Ф.Я. Мишуков уточнил свою атрибуцию: «Шлем железный китайской (маньчжурской) работы. XVI–XVII века» (Мишуков, 1954: 134).

В 2002 г. в рамках каталога «Государева Оружейная палата» было опубликовано краткое описание шлема ОР-2057, а также его цветная фотография, где он изображен в пол-оборота вправо (Государева Оружейная палата, 2002: 54, 55, 304).¹ По данным И.А. Комарова, наголовье поступило в Москву в 1638 г. «...в качестве дани „из Тунгусской земли“» (Государева Оружейная палата, 2002: 54, 304). Шлем был атрибутирован как маньчжурский и датирован началом XVII в. (Государева Оружейная палата, 2002: 54, 304). Описание шлема было дополнено интересными сведениями, касающимися истории изучения наголовья в XIX в. (Государева Оружейная палата, 2002: 304).

В 2003 г. Л.А. Бобровым и Ю.С. Худяковым была опубликована статья, посвященная защитному вооружению чжурчженей и маньчжуров XI–XIX вв. (Бобров, Худяков, 2003). Среди прочих боевых наголовий авторами был изучен и шлем ОР-2057, а также приведены его изображения в двух проекциях (вид с правой стороны и спереди) (Бобров, Худяков, 2003: 157–159, 197, табл. 16, рис. 11; 198). На основании типологического анализа, наголовье было атрибутировано как маньчжурский (хоу-цзиньский) шлем конца XVI — первой трети XVII в. (Бобров, Худяков, 2003: 157–159, 197, 198). В историографической перспективе работа Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова стала первым исследованием, в котором шлем ОР-2057 был рассмотрен как оружейведческий феномен.

3.2 Обстоятельства поступления шлема в Оружейную палату Московского Кремля

Установить условия и время поступления наголовья в царскую казну представляется возможным на основании анализа русской служебной документации первой половины XVII в.

Первые упоминания интересующего нас шлема в письменных источниках связаны с российским посольством Степана Греченина и Бажена Карташева (Карташова) к хотогойтскому правителю Омбо-Эрдэни-хунтайджи (известному также как Бадма-Эрдэни-хунтайджи) и его духовному наставнику ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо (28 августа 1636 г. — 23 апреля 1637 г.).²

¹ Автором каталожного описания шлема ОР-2057 в этом и других подобных каталогах (см., например, каталог выставки: Treasures of the Moscow Kremlin, 1998: 50, № 31; 165–166, № 31) является И.А. Комаров (в 2002 г. — старший научный сотрудник сектора Оружия и конского убранства Музеев Московского Кремля, хранитель собрания доспеха). Поскольку мы не уверены, что смогли выявить все опубликованные каталоги с этим текстом и сопровождающими его фотографиями, то приводим в этом разделе данные только из самого позднего из них (как наиболее актуальные).

² Российская дипломатическая миссия 1636–1637 гг. была разделена на две группы. В задачи первой из них (руководители: Степан Греченин и Андрей Самсонов) входили переговоры с хотогойтским правителем Омбо-Эрдэни-хунтайджи. Лидеры второй группы (томский сын боярский Бажен Карташев, подьячий Герасим Тимофеев) были ориентированы на ведение переговоров с ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо. Однако в ходе реальной миссии подобная дипломатическая «специализация» соблюдалась лишь отчасти (РМО, 1974: 50, 51, 62, 72, 73).

Держава хотогойтов была основана в конце XVI в. отцом Омбо-Эрдэни — известным монгольским военачальником Шолой-Убаши (1567–1627), принявшим титул «хунтайджи».¹ В период расцвета своего государства хотогойтские правители контролировали северо-западную Монголию, а также значительную часть Южной Сибири, вели продолжительные (часто успешные) войны со своими ойратскими и халхаскими соседями. Шолой-Убаши-хунтайджи стал первым монгольским правителем, с которым русское правительство установило прямые дипломатические контакты (1616 г.). Отмечая военно-политическое могущество хотогойтского владыки, русские дипломаты (вслед за ойратами и енисейскими кыргызами) стали именовать Шолой-Убаши-хунтайджи и его потомков почетным титулом Алтын-хан (монг. *altan qayan*), то есть «Золотой хан» (Шастина, 1949: 385).

В начале XVII в. российские посланники регулярно посещали государство Алтын-ханов. В 1616 г. в ставку хунтайджи приезжал Василий Тюменец, в 1631 г. — Казый Карякин, в 1634–1635 гг. — Яков Тухачевский, Дружина Агарков и Лука Васильев, в 1636–1637 гг. — Степан Греченин и Бажен Карташев, в 1638 г. — Василий Старков и Степан Неверов. В ходе переговоров обсуждались вопросы политического, экономического и военного сотрудничества Русского государства и державы хотогойтов. При этом цели договаривающихся сторон различались весьма существенно. Московское правительство рассчитывало на то, что Алтын-ханы примут российское подданство и принесут соответствующую «шерть» (клятву). Хотогойтские хунтайджи, в свою очередь, воспринимали русских лишь как военных союзников, которых можно было использовать в борьбе со своими политическими противниками в Центральной Азии. Недопонимание и взаимные претензии привели к тому, что переговоры в 1638 г. зашли в тупик (Шастина, 1949: 384–387).

Важным элементом дипломатического этикета XVII в. был обмен дарами, в состав которых нередко включались предметы вооружения. Очередная партия таких подарков (которые московские дипломаты традиционно определяли как «дань») была передана российским посланникам в ходе переговоров в начале февраля 1637 г.

Так, в частности, Дайчин-нойон (брат Омбо-Эрдэни-хунтайджи) отправил царю Михаилу Федоровичу: «...куяк², наручи, шишак³ [здесь и далее курсив наш. — Авт.], ирбиз, барс, 2 розсомаки, рысь с коктями, 90 соболей, камка», а сыну московского правителя, царевичу Алексею Михайловичу — «пояс, серебром навожен» (РМО, 1974: 75, 86).

Другой брат хотогойтского правителя, Даян-нойон прислал в Москву «...куяк⁴, барс, 4 сажени камки, 108 корольков белых, 5 бобров...» (РМО, 1974: 73–75, 86).

Что касается интересующего нас шлема, то он был преподнесен русскому царю влиятельным хотогойтским ламой тибетского происхождения Эрдэни Дай мэргэн Нансо (духовным наставником Омбо-Эрдэни-хунтайджи). По всей видимости, шлем (вместе с другими предметами «дани») был передан Эрдэни Дай мэргэн Нансо российским послам во время аудиенции 4 февраля 1637 г., в ходе которой лама дал «шерть» русскому царю (РМО, 1974: 59).

¹ Монг. *qung tayiji, quwang tayizi* от кит. *хуан тайцзы* 皇太子 букв. «августейший наследный принц (старший сын императора; наследник императорского престола)». Наиболее точный смысловой перевод на русский язык — великий князь.

² Судя по данным приходно-расходной книги Казенного приказа 146 (1637/1638) года (запись от 28 октября 1637 г.), а также описи царской казны 1640 г., доспех («куяк железный»), присланный Дайчин-нойоном, имел пластинчато-нашивную структуру бронирования, был крыт черной тканью, на которой был вышит тонкий белый растительный орнамент. Корпусный панцирь дополнялся наплечниками (или нарукавниками) и набедренниками. Значительная стоимость подарка свидетельствует о том, что качество доспеха было достаточно высоким: «Куюк с рукавы и с полами покрыт черным, а по черному травки мелкия беляя. Цена двадцать рублей. Прислал государю дани Алтына царя брат Даинчи Наян во 146 (1637/1638) году» (Опись..., 1884: 39; Опись..., 2014: 105; Савваитов 1865: 61).

³ Шлем, присланный Дайчин-нойоном, относился к категории клепанных, его поверхность была украшена чеканенными (?) желобками, а к нижней части наголовья крепилась трехчастная пластинчато-нашивная бармица, крытая атласной тканью с растительным орнаментом, выполненным из разноцветных нитей. Уже к 1640 г. составляющие купол шлема пластины разошлись, что, вероятно, повлияло на невысокую стоимость его оценки: «...шапочка железная Калмышкая гладкая здолма наверху трубочка, у шапки наушки дощатые железные пробиваны гвоздем, подложены ирхою покрыты камкою, цена 25 алтын» (Опись..., 1884: 39); «Шелом желобчат распаялся, стороны и зад прикрыты доски отласом травы розных цветов. Цена двадцать пять алтын. Прислал ко государю дани Алтына царя брат Даинчи Наян во 146 (1637/1638) году» (Опись..., 2014: 105; Савваитов, 1865: 62).

⁴ Судя по данным, зафиксированным в описи царской казны 1640 г., указанный доспех представлял собой пластинчато-нашивной корпусный панцирь с парой наплечников и зеркал, крытый цветной шелковой тканью китайского производства. Последняя, в ходе ревизии 1640 г., была определена как «плохая», что может свидетельствовать как о повреждении атласной «покрышки», так и о низком качестве самой ткани. Согласно описи, данный доспех был также прислан Дайчин-нойоном: «Куюк без рукав, у него два наплечника да два щита, прикрыт китайскою камкою цветною плохою. Цена два рубли. Прислал ко государю дани Алтына царя брат Даинчи Наян во 146 (1637/1638) году» (Опись..., 2014: 105; Савваитов, 1865: 61), однако, первичная документация (перечень подношений) подсказывает, что отправителем подарка выступал все-таки Даян-нойон (см.: РМО, 1974: 73–75, 86).

Первое известное нам упоминание о шлеме содержится в письме («челобитной») Эрдэни Дай мэргэн Нансо царю Михаилу Федоровичу, которое было составлено до отъезда московских дипломатов из ставки ламы (т.е. не позднее 4 февраля 1637 г.). Так, в частности, представитель ламаистского духовенства сообщает, что он: «...послал к тебе, к государю, дани своей — *шишак золочен* (sic!), *наручи, куяк, ирбиз, ельбаз, барс, 100 соболей с хвостами и с пупки, 100 соболей без хвостов с пупки, шуба хвостовая соболя под камкою под червчатою*» (РМО, 1974: 76).¹

Российское посольство, к которому примкнули хотогойтские дипломаты, выехало из ставки Эрдэни Дай мэргэн Нансо предположительно 4 февраля 1637 г., в начале марта того же года посланники покинули пределы Монголии, 23 апреля прибыли в Томск, а в октябре 1637 г. — в Москву (РМО, 1974: 33–78).

В конце октября 1637 г. — середине февраля 1638 г. монгольские послы провели серию встреч с дьяками Посольской палаты и представителями московской аристократии, а также были приняты царем Михаилом Федоровичем. Во время одной из подобных встреч, дары хотогойтской знати (в том числе шлем) были переданы в казну российского самодержца. Запись в приходно-расходной книге Казенного приказа 146 (1637/1638) года о поступлении наголовья² в сокровищницу датируется 28 октября 146 [1637] г. В ней же содержится и первое подробное описание шлема: «Тунгузские земли Лаба Даинмен Гир-Ланзу Государю челом бьет дани куяк железный да наручи железные мугальские, да шапочка железная гладкая, по ней вчетырёх местех путики медные³, снаушками, и затылок доски железные подложены ирхою покрыты камкою калмыцкою, споталью, у шапки наверху трубочка, цена шапке три рубли» (Опись..., 1884: 39).

Второе известное нам описание шлема содержится в тексте статейного списка посольства С. Неверова к бывшему владельцу шлема — ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо.⁴ При встрече с ним 17 ноября 1638 г. С. Неверов, перечисляя подарки, отправленные буддийским священнослужителем московскому царю в 1637 г., помимо прочего отметил: «Да ты ж, лаба Даин Мерген-ланзу, прислал к великому государю с послы своими с Ламиеком с товарищи с себя дани — куяк, наручи мугальские, шапку железную, навожену золотом и серебром, 3 бобра, ирбиз, 200 соболей, шубу хвостовую соболю под камкою черчетою, 2 камки цветные» (РМО, 1974: 138).

Значительно более подробно шлем был охарактеризован в тексте описи Казенного двора 1640 г., в которой наголовье значилось под № 2: «Шелом, напереди мишень врезана золотом, напереди ж на низу резаны травы золотом и серебром, на нем же четыре дуги позолочены, зад и стороны прикрыты доски отласом по червчатой земле с поталею, подложено камочкою индейскою рудожелтою. Цена три рубля. Прислал к государю дани Тунгузские земли лаба Даин Менгер Лансу во 146 (1637/1638) году» (Опись..., 2014: 105; Савваитов 1865: 61–62; Опись..., 1884: 19, № 4407).

В том же документе была дана и характеристика корпусного панциря, присланного вместе со шлемом. Согласно данному описанию, доспех относился к категории пластинчато-нашивных и был покрыт «плохой» цветной атласной тканью. Корпусный панцирь был дополнен наплечниками или нарукавниками, усилен подвижными наплечными железными пластинками⁵ и пятью зеркалами (?), которые крепились к доспеху с помощью пуговиц и ремешков: «Куяк с рукавы у нево ж пять щитов с пугвицы с ременными, на плечах две дощечки долгие на вертлушках, прикрыт отласом цветным плохим. Цена десять рублей. Прислал ко государю дани Тунгузские земли лаба Даин Менгер Лансу во 146 (1637/1638) году» (Опись..., 2014: 105; Савваитов 1865: 61).⁶

¹ Предметы защитного вооружения были подарены ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо и другим представителям высшей московской политической элиты, а также членам посольства. Так, в частности, «наручи мугальские» были отправлены в дар наследнику московского престола «царевичу и великому князю» Алексею Михайловичу. Еще одну пару наручей получил российский посол Бажен Корташев (РМО, 1974: 76, 77, 138).

² А также панциря и наручей из того же комплекта, шлема и корпусного доспеха, присланного Дайчин-нойоном.

³ В данном случае автором записи в книге Казенного приказа была допущена ошибка. Накладки на шлеме были покрыты не медью, а позолотой, что подтверждается как другими письменными свидетельствами (письмо Эрдэни Дай мэргэн Нансо, статейный список С. Неверова, Опись царской казны 1640 г. и др.), так и анализом конструкции и системы оформления самого наголовья (см. ниже).

⁴ Дипломатическая миссия С. Неверова продолжалась с 5 сентября 1638 г. по 26 апреля 1639 г. (РМО, 1974: 103).

⁵ Подобная форма защиты плеч, представлявшая собой железные стреловидные «погончики», крепящиеся шарнирами к специальным железным фиксаторам у ворота доспеха, известна по подлинным образцам ойратских и монгольских пластинчато-нашивных панцирей XVII — первой половины XVIII вв. (Бобров, Ожередов, 2010: 20, 21; 35, рис. 1,2; 38; 43, рис. 11, 4).

⁶ Хотя Л.П. Яковлев считает, что в описи оружейной казны царя Михаила Федоровича 1642/1643 гг. (по мнению Ю.В. Арсеньева — 1646 или 1647 г.) рассматриваемое наголовье записано под № 6: «Шолом булатный надо лбом слова арапские, прислан Истунгузские земли скуяком что подцветным бархатом цена 5 рублей» (Опись..., 1884: 19, № 4407), это описание, по нашему мнению, относится, в действительности, к другому шлему, также подаренному ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо царю, но в 1635–1636 гг. Последний, по мнению Л.П. Яковлева, записан в описи 1642/1643 гг. под № 5 (Опись..., 1884: 35, № 4418). Если это не ошибка подсчета (в описи нет номеров), то не исключено, что запись № 5 относится тогда к шлему ОР–2057, однако сделать какие-либо выводы здесь затруднительно, поскольку она слишком краткая. Для справки приведем сразу несколько предыдущих записей из этой описи (возможно, запись, которую мы выделили как № 5, является не самостоятельной, а пояснением к № 2–4): «[2.] Шолом стальной граненой гладкой. || [3.] Шолом стальной круглой

К сожалению, приходные книги Оружейного приказа первой половины XVII в. не сохранились, поэтому установить точную дату поступления интересующего нас шлема в Оружейную палату не представляется возможным. По всей видимости, это произошло между 1640 и 1643 гг.¹

В период нахождения шлема в Оружейной палате его внешний вид претерпел известные изменения. Так, в частности, наголовье лишилось богато украшенной бармицы, подробно описанной в тексте 1640 г. В тексте описи 1884 г. она уже не фиксируется (Опись..., 1884: 19). Необходимо отметить, что некоторое время шлем хранился вне пределов Оружейной палаты (см. выше). Однако данный вопрос требует дополнительного изучения.

Определенные изменения в конструкции и систему оформления шлема ОР-2057 были внесены в ходе реставрационных работ в XIX–XX вв. Так, в частности, была заменена правая заклепка на налобнике шлема. Часть драгоценных (?) камней была извлечена из «гнезд», после чего в отверстия были помещены красные и зеленые камни, имитировавшие кораллы и малахит (Мишуков, 1954: 134). В данной связи интересно сопоставить инкрустацию на цветном изображении шлема (датировано первой половиной XIX в.) (рис. 4) с инкрустацией наголовья в его нынешнем состоянии (рис. 6–9). На момент составления описи 1884 г. из 24 *кастов* навершия инкрустация сохранялась в восьми, а 15 «гнезд» были лишены камней.² Все четыре «гнезда» на накладках-гребнях шлема, а также три «гнезда» на козырьке шлема к 1884 г. уже не имели инкрустации.

Подводя итог настоящего раздела, отметим, что анализ дипломатической документации по истории русско-монгольских отношений первой половины XVII в. позволяет с высокой степенью достоверности определить обстоятельства и время отправки рассматриваемого шлема в Русское государство, а также дату его поступления в царскую казну. Так, в частности, можно считать установленным, что шлем был передан в качестве дипломатического подарка царю Михаилу Федоровичу влиятельным хотогойтским ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо в начале февраля (предположительно 4 февраля) 1637 г. Более чем через восемь месяцев, 28 октября 1637 г. он поступил на хранение в сокровищницу Казенного двора, а впоследствии был передан в Оружейную палату Московского Кремля.

3.3. Описание конструкции и системы оформления шлема

По материалу изготовления рассматриваемый шлем относится к классу железных, по конструкции тульи — к отделу клепанных, по форме купола — к типу ступенчатых. Общая высота наголовья: 29,3–29,5 см, диаметр — 21,5 см (лобно-затылочный) и 19,8 см (височный) соответственно. Вес — 1,57 кг (рис. 1; 6–9).

Тулья шлема (высота: 14,7–15,0) склепана из двух железных пластин-секторов трапецевидной формы, соединенных на налобной и затылочной части наголовья соответственно. Два ярко выраженных горизонтальных ребра жесткости делят тулью на три яруса, которые придают шлему характерный «ступенчатый» силуэт (рис. 1; 6–9). Высота верхнего яруса — 5,2 см, среднего — 6,4 см, нижнего — 5,5 см.³ Все три яруса тульи покрыты надписями на санскрите (кит. *фаньвэнь* 梵文). Каждый знак вырезан из листового золота. Чтобы обеспечить максимально надежное соединение металлических элементов, мастер с помощью тонкого резца наносил на железную поверхность мелкую частую насечку, после чего накладывал на нее заранее вырезанную золотую пластинку. «После набивки золотом части шлема нагревались до красного каления, и мастер проходил узор по горячему железу туповатым зубильцем, украшая его рассечкой деталей и плотнее закрепляя этими углублениями положенное по насеченной поверхности золото» (Мишуков, 1954: 134).

На верхний ярус тульи нанесены 16 знаков, на центральный — 8, на нижний — 24. Высота знаков на нижнем ярусе около 3 см, на центральном и верхнем — 2,5–3,0 см.

На центральном ярусе знаки вплетены в характерный орнамент в форме так называемого «золотого ожерелья с подвесками» (кит. *цзинь инло* 金瓔珞) (рис. 1; 6–9). На данном наголовье он представляет собой серию замысловатых ажурных украшений в виде восьми горизонтально расположенных и чередующихся между собой «розеток» и ликов мифического существа *киртимукхи*⁴ (всево изображены четыре лика и четыре розетки, при этом два лика разделены

гладкой. || [4.] Шолом сталной гладкой кумышкой. || [5.] Три шолома наводных. || А по осмотру на две косые грани, а на третьем прямые наведено по травам золотом, да у одново ж наушко. По Офонасьевым книгам прислано с Казеннаго двора» (Арсеньев, 1902: 41; знаком || здесь и далее показано разбиение текста на абзацы в источнике).

¹ Для оружия и доспехов, поступавших в качестве дипломатических даров, «дани» или подношений иностранных купцов, Казенный двор играл роль промежуточного хранилища. Из Посольского приказа или других учреждений предметы передавались на Казенный двор, где вещи оценивались и снабжались ярлыками с указанием, кто именно и когда «челом ударил». Образцы защитного и наступательного вооружения могли накапливаться на Казенном дворе в течение нескольких лет, после чего пересылались «по принадлежности» в Оружейную палату.

² В настоящее время, камни помещены в 19 «гнезд» навершия, а пять *кастов* не имеют инкрустации.

³ Размеры ярусов даны по их плоскостям.

⁴ *Киртимукха* (санскр. *kīrtimukha* «лик славы», «лик величия») — мифическое существо, изображаемое обычно в виде демонического лица с рогами со спускающимися из его пасти гирляндами из различных драгоценностей

накладками на две равные части, начинающих и заканчивающих серию на каждой из сторон шлема). Попутно заметим, что на большинстве других маньчжурских шлемов (датируемых более поздним историческим периодом) представлены только восемь ликов без их чередования с «розетками». Из пасти *киртимукх* и с «розеток» свисают пять гирлянд (подвесок) из ниток жемчуга. На концах 2-й, 3-й и 4-й нитки помещены изображения различных драгоценностей (тиб. *nor bu*)¹. Первая нитка каждой «единицы» в серии соединяется с последней предыдущей «единицы», последняя — с первой последующей посредством драгоценной жемчужины, а именно *чинтамани* (драгоценности, исполняющей желания, изображенной здесь без пламенного ореола)², лежащей на пятилепестковом цветке лотоса (заметим, что этот элемент несколько отличен на различных маньчжурских шлемах). Эта жемчужина изображена под каждым из восьми санскритских знаков на центральном ярусе тульи шлема (рис.6-9). Ниже каждой жемчужины изображен либо один из двух предметов-символов (под слогами *ā* и *hrī*), либо чередующийся с ними облачный узор (под слогами *paṃ* и *taṃ*). К сожалению, однозначно идентифицировать этот узор и предметы несколько затруднительно — в орнаменте *цзинь инло* на известных нам маньчжурских шлемах их нет, а на шлеме ОР-2057 они изображены недостаточно четко. Узор (под слогами *paṃ* и *taṃ*) выглядит как облачный типа *сыхэ жуи юнь* (四合如意雲, букв. «облака [в форме] жезла исполнения желаний *жуи*, собирающиеся с четырех сторон»)³. Первый предмет-символ (под слогами *hrī*) выглядит как оплетенное лентами сдвоенное круглое украшение *юаньшэн* (圓勝) — одна из восьми драгоценностей *ба бао* (八寶) — китайский благопожелательный образ, пришедший также в тибетскую буддийскую иконографию для изображения круглых перекрещенных сережек царя (тиб. *rgyal po'i rna cha*) — одного из семи драгоценных знаков отличия «вселенского идеального монарха» *чакравартина*⁴. Второй предмет-символ (под слогами *ā*) выглядит как оплетенная лентами раковина (кит. 螺) или, возможно, благопожелательный жезл *жуи* (如意) с головкой в форме гриба бессмертия *линчжи* (苓芝, 靈芝), изображающий в тибетской иконографии заключенную в оправу в виде трилистника «драгоценность с тремя глазами» (тиб. *nor bu mig gsum pa*), символизирующую *триратну*⁵. Как и круглые серьги царя, последняя представляет собой один из семи драгоценных знаков отличия *чакравартина*⁶. Мы полагаем, что эти символы нуждаются в более надежной идентификации, однако если предложенная интерпретация верна, то данные изображения на шлеме лишней раз указывают на высокий статус его владельца (рис. 1; 6–9).

Несмотря на то, что мы не смогли выявить источников цинского времени или специальных работ, посвященных описанию и раскрытию символики орнамента *цзинь инло* на маньчжурских шлемах, мы всё же полагаем, что он тем или иным образом (не обязательно напрямую) восходит к тибетским ритуальным ваджра-колокольчикам (тиб. *dril bu, rdo rje dril bu*), сама форма которых (ср. купол шлема и купол колокола) и орнамент (как то: восемь ликов *киртимукх*, расположенных по кругу; свисающие из их пасти гирлянды; наличие биджа-мантр восьми бодхисаттв и их супруг, хотя и несколько отличающихся, но легко связываемых с биджа-мантрами шлема), слишком близки, чтобы быть простым совпадением.⁷ Если наше предположение верно, тогда известная богатая символика этих колокольчиков может послужить ключом к пониманию изначальной сути появления этого орнамента на маньчжурских шлемах и трактовки его элементов. Это, однако, ни в коей мере не означает, что в цинское время, когда данный узор продолжали наносить на наголовья, указанная глубокая символика была понятна, а не была, например, забыта, то есть восприниматься уже как простой орнамент «золотого ожерелья с подвесками» *цзинь инло*, что и нашло свое отражение в «Хуанчао лица туши» (об этом своде мы скажем ниже), где этот узор именован именно так. Полагаем, что этот вопрос нуждается в более глубоком и отдельном исследовании.

(подробнее см.: Beer, 2003: 78–79). В Тибете *киртимукха* известен под именами *tsi pa ta, dzig mgo pa tra, rtsi par, rdzi 'go pa thra* и *ci mi 'dra* (Clarke, 2011: 176; ill. 96–97).

¹ См. о них: Beer, 2003: 190–192.

² Идентифицируется нами по форме, представленной на изображении этого узора в тибетском источнике: Gega Lama, 1983: 224 (*nor phreng dang 'phur shams*). Добавим, что в рамках китайской изобразительной традиции, в том числе буддийской, жемчужина *чжу* (珠) той или иной формы и размера воспроизводится достаточно часто. Идентификация ее типа не так проста, как может показаться на первый взгляд, и зависит от мотива, сюжета или контекста, в котором она появляется (см.: Зайцев, Сизова, 2015: 105–107, особенно примеч. 38, 47, 52). Об изображении *чинтамани* в тибетской иконографии см. также: Beer, 2003: 192–193.

³ См.: Тянь Цзыбин и др., 2003: 336; 335, рис. 11–3.

⁴ О *чакравартине* см.: Beer, 2003: 36–37. О семи драгоценных знаках отличия *чакравартина* см.: Beer, 2003: 46–48; изображения: Gega Lama, 1983: 234 (*nor bu cha bdun*).

⁵ *Триратна* (санскр. *triratna*, кит. *саньбао* 三寶) — три драгоценности или прибежища буддийского учения: Будда, Дхарма и Сангха. Имеет множество форм символического представления в китайской и тибетской иконографии. См.: Beer, 2003: 49–50.

⁶ Beer, 2003: 46–48.

⁷ О тибетских ритуальных ваджра-колокольчиках и их символике см.: Gega Lama, 1983: 155–156, 161; Helffer, 1989: 34–42; Beer, 2003: 92–95.

Всего на шлем нанесены 48 знаков-графем. Надписи выполнены письмом ланьча (ранджана)¹ и читаются слева направо. Как было сказано выше, первые их прорисовки и исследование выполнил А.Н. Оленин, верно идентифицировавший язык надписей — санскрит и абсолютно верно указавший, что верхняя из них представляет собой мантру *om maṇi padme hūṃ*, которую он, однако, неточно прочел как «ом мани падме аум» (оставшиеся две графемы в надписи верхнего яруса, передающие совместно слог *hrīḥ*, были ошибочно интерпретированы как «утвердительный слог» «хра» и «знак препинания»², в силу чего не включены в состав мантры). Надписи на центральном и нижнем ярусе были оставлены Олениным без комментария. Последующие исследователи и публикаторы шлема следовали этой схеме, приводя без каких-либо деталей (например, на каком ярусе нужно искать эту мантру) данные только о мантре «ом мани падме хум», очевидно, автоматически меняя слог «аум» на более известный и привычный «хум», и обходя вниманием остальные надписи³. В настоящей работе вы впервые даем полную дешифровку всех надписей, нанесенных на шлем ОР–2057 (ее результаты представлены на схеме, см. рис. 10)⁴.

ЯРУС 1	№ графемы в ярусе	9	10	11	12	13	14	15	16	1	2	3	4	5	6	7	8								
	графема	𑖅	𑖆	𑖇	𑖈	𑖉	𑖊	𑖋	𑖌	𑖅	𑖆	𑖇	𑖈	𑖉	𑖊	𑖋	𑖌								
	транслитерация	dm[e]	hūṃ	hr[ī]	ḥ	om	ma	ṇi	pa	dm[e]	hūṃ	hr[ī]	ḥ	om	ma	ṇi	pa								
	№ графемы в мантре	5	6	7	8	1	2	3	4	5	6	7	8	1	2	3	4								
ЯРУС 2	№ графемы в ярусе	5	6	7	8	1	2	3	4																
	графема	𑖍	𑖎	𑖏	𑖐	𑖍	𑖎	𑖏	𑖐																
	транслитерация	ā	paṃ	hrī	maṃ	ā	paṃ	hrī	maṃ																
	№ графемы в мантре	1	2	3	4	1	2	3	4																
ЯРУС 3	№ графемы в ярусе	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	графема	𑖑	𑖒	𑖓	𑖔	𑖕	𑖖	𑖗	𑖘	𑖙	𑖚	𑖛	𑖜	𑖑	𑖒	𑖓	𑖔	𑖕	𑖖	𑖗	𑖘	𑖙	𑖚	𑖛	𑖜
	транслитерация	om	ā	hūṃ	om	ā	hūṃ	om	ā	hūṃ	om	ā	hūṃ	om	ā	hūṃ	om	ā	hūṃ	om	ā	hūṃ	om	ā	hūṃ
	№ графемы в мантре	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3

передняя сторона шлема

Рис. 10. Схема расположения и дешифровка надписей на шлеме ОР–2057. Выполнены В.П. Зайцевым.

Верхний (первый) ярус. Выписаны 16 графем, дважды передающих мантру *om maṇi padme hūṃ hrīḥ*. Последняя представляет собой шестисложную мантру бодхисаттвы сострадания Авалокитешвары с заключительной биджа-мантрой (семенным слогом) *hrīḥ*, что и является ее полной, хотя и менее известной, формой.

У графем верхнего яруса, которые мы читаем как *dme* (1.1 и 1.9)⁵, верхний левый угол заходит под верхний правый фестон накладки (жестко соединяющий посредством вбитой в него заклепки накладку-гребень с тульей шлема) и не поддается обследованию (рис. 1; 6). Поскольку именно в этом месте должен располагаться небольшой штрихообразный диакритический знак огласовки *e*, то сделать выводы о его наличии или отсутствии не представляется возможным. В случае его отсутствия графема будет читаться как *dma*, а всё слово как *padma* (санскр. «лотос»)⁶. Хотя подобные написания этой

¹ Письмо ранджана (*rañjanā*), известное в Тибете под именем ланьча, ланца, ландза и др. (тиб. *lanu+ts̄ha*, *lanu+dza*, *lan t̄sha*, *lan dza* и др.), используется для записи санскритских, тибетских и неварских текстов на территории от Непала до Тибета (памятники письменности известны примерно с XI в.). Употребляется также для орнаментально-декоративных целей.

² Оленин, 1824аб (раздел без пагинации «Объяснение гравированных досок к Письму о молитве ламаитов»): [3].

³ См., например: Klapproth, 1824; Timkovski, 1827b, Т. 2: 28; Treasures of the Moscow Kremlin, 1998: 50, № 31; 165–166, № 31; Государева Оружейная палата, 2002: 304, № 5; Бобров, Худяков, 2003: 158.

⁴ Для нашей схемы (рис. 10) мы использовали прорисовки графем А.Н. Оленина, несколько скорректировав их: для большей выраженности диакритического знака огласовки *ī* была изменена графика слога *hrī* в верхнем и центральном ярусе (что соответствует реальной надписи), а также был исправлен перепутанный порядок следования графем *dme* и *hrī* в верхнем ярусе (последнее можно наблюдать сейчас, например, на рис. 4; ср. с прорисовкой на рис. 2, где порядок показан верно).

⁵ Первая цифра указывает на номер яруса, вторая — на номер графемы в ярусе, согласно нумерации на схеме надписи (рис. 10).

⁶ См., например, прочтение у Ю. Клапрота, которое он приводит для этого шлема: *Om maṇi padma hōum* (Timkovski, 1827a: 353–354; Timkovski, 1827b: 28).

мантры встречаются на практике (в различных памятниках письменности), мы следуем правильному варианту *padme*, представленному, в том числе и в надписях на других маньчжурских шлемах.

У графем верхнего яруса, которые мы читаем как *hrī* (1.3 и 1.11), диакритический знак огласовки *ī* выписан слишком уплощенно, приближаясь по своей форме к знаку огласовки *ā* (графема с ним читалась бы как *hrā*). При изучении шлема *de visu* можно прийти к заключению, что необходимый подъем (отличающий *ī* от *ā*) мастер изобразить все-таки пытался, возможно, следуя образцу уже утратившему, например, в силу многократного копирования, необходимые для различения графем детали, что и обусловило такой их вид (ср. с графемами *hrī* 2.3 и 2.7, где знак огласовки *ī* более выражен).

Центральный (второй) ярус. Выписаны 8 графем, дважды передающих четыре биджа-мантры *ā paṃ hrī taṃ*. Эти биджа-мантры связаны с одной из центральных концепций буддизма ваджраяны, представляющей собой понятие о так называемых пяти семействах или пяти семьях будд (тиб. *rīgs lnga*), которые возглавляют будды (тиб. *rgyal ba rīgs lnga*, букв. «Победители пяти семейств») — Акшобхья, Вайрочана, Ратнасамбхавя, Ами табха и Амогхасиддхи. Их духовные супруги или *праджни* известны как пять матерей (тиб. *yum lnga*). Это — Лочана, Мамаки, Пандаравасини, Зелёная Тара и Ваджрадхатвишвари. Каждому из пяти будд и их супруг принадлежит свое направление (сторона света) на иконографической мандале, а также цвет, биджа-мантра и т.д.¹ Последние и представлены на центральном ярусе шлема, а именно следующие четыре из них: *ā* — биджа-мантра Будды Амогхасиддхи (север); *paṃ* — биджа-мантра Пандаравасини (северо-запад); *hrī* — биджа-мантра Будды Ами табхи (запад); *taṃ* — биджа-мантра Мамаки (юго-запад). Таким образом, на центральном ярусе шлема представлены биджа-мантры будд и их духовных супруг, соответствующие «сектору» направлений (сторон света на мандале) с севера до юго-запада (если двигаться против часовой стрелки)². Был ли этот выбор обусловлен чем-либо и значим, сказать затруднительно, хотя любопытно в этой связи отметить, что на шлемах раннего цинского времени состав этих биджа-мантр, а следовательно, «сектор» направлений несколько меняется.

Если предложенная нами выше связь между декорированием маньчжурских шлемов орнаментом *цзинь инло* и символикой тибетских ритуальных ваджра-колокольчиков имеет место быть, тогда биджа-мантры центрального яруса являются неотъемлемой частью этого орнамента, то есть узор и мантры взаимно обуславливают друг друга, а следовательно были нанесены на первый из подобных шлемов совместно. Конечно, и узор, и биджа-мантры были переосмыслены и изменены, но эта связь вполне видна. Интересно, что на более поздних маньчжурских шлемах эта взаимная обусловленность нарушается: биджа-мантры *этой типологии* могли находиться на верхнем ярусе, а в орнамент *цзинь инло* влетаются другие, а впоследствии (видимо, при Цяньлуне в 1756 г.) вообще были заменены и исчезают как минимум с императорских шлемов. Последний факт косвенно свидетельствует и в пользу нашего тезиса о том, что изначальный смысл орнамента мог быть забыт, а связь с его источником окончательно разорвана.

Нижний (третий) ярус. Выписаны 24 графемы, восемь раз передающих мантру *om ā hūṃ*. Последняя представляет собой трехсложную мантру, состоящую из трех биджа-мантр *om*, *ā* и *hūṃ*, символизирующих, согласно одной из интерпретаций (отнодь не единственной)³, тело, речь и разум (ум) Будды соответственно (Douglas, 1978: 34, 36, 196). Мантра известна также в форме *om āḥ hūṃ*.

Над графемами нижнего яруса, которые мы читаем как *ā* (3.2, 3.4, 3.6 и т.д.), изображены три шарика, сгруппированных в форме символа *триратны*. Мы полагаем, что этот элемент служит лишь для заполнения пустого пространства сверху графемы, то есть графического невыделения графем *ā* среди расположенных слева и справа от них графем *om* и *hūṃ* соответственно, над которыми, в свою очередь, выписан необходимый там диакритический знак *чандрабинду* (в форме дуги с каплевидной точкой-шариком над ней)⁴. Если все-таки интерпретировать этот элемент как необычную форму *чандрабинду* (что кажется нам маловероятным, поскольку в этом случае логичнее было бы использовать ту же форму), то графема будет читаться как *ām*, а вся мантра — *om ām hūṃ*. Поскольку реальных примеров, подтверждающих бытование этой мантры в таком написании нам неизвестно, мы следуем вполне ожидаемому здесь *ā*, представленному и в других памятниках письменности, в том числе в надписях на маньчжурских шлемах.

Некоторые графемы или их отдельные элементы в результате потери золотого покрытия в настоящий момент утрачены (представлены лишь контурами) (например, 3.6 и 3.7).

¹ На мандале пять будд занимают центральную точку (центр) и четыре главных направления (восток, юг, запад и север), а четверо из пяти матерей изображаются на располагающихся в четырех промежуточных направлениях (юго-восток, юго-запад, север-запад, северо-восток) лепестках лотоса центрального возвышения мандалы. Пятая мать обычно находится в центре мандалы. Подробнее об этом см.: Beer, 2003: 234–236.

² Если перечислять все биджа-мантры, двигаясь в таком направлении (из центра на северо-восток, затем против часовой стрелки до востока), то их порядок будет таким: *om taṃ ā paṃ hrī taṃ traṃ laṃ hūṃ*.

³ См., например: Wayman, 1973: 177–183.

⁴ Поскольку в текстах, представленных на шлеме, фиксируется употребление только диакритического знака *чандрабинду*, как то: *om* (1.5 и 1.13; 3.1, 3.4 и т.д.), *hūṃ* (1.2 и 1.10; 1.3, 1.6 и т.д.), *paṃ* (2.2 и 2.6) и *taṃ* (2.4 и 2.8), мы следуем упрощенной транслитерационной схеме и передаем его как *m*, а не *m̃*.

Таким образом, как было показано, все надписи, нанесенные на шлем представляют собой те или иные буддийские мантры, выполняющие дополнительную (в данном случае магическую) роль в защите своего обладателя. Все они, в отличие, например, от мантры Львиноголовой или Львиноликой дакини (Симхамукхи), которую мы находим на монгольском шлеме ОР–2058 из собрания ММК, достаточно популярны и часто используются для изобразительных целей в регионах распространения буддийской культуры. Заметим также, что мантры верхнего и нижнего яруса представлены в тех или иных формах исполнения и на других маньчжурских шлемах, однако наголовье ОР–2057 из собрания ММК является единственным известным нам образцом, на который нанесены биджа-мантры центрального яруса. При этом типологически последние всё же близки мантрам, представленным на таких шлемах, как так называемый «китайско-тибетский» из собрания Метрополитен-музея (Нью-Йорк) (инв. № 36.25.184) (LaRocca, 1996: 41, № 20; 42, fig. 5) и императора Канси (1654–1722) (инв. № СК-171130) из собрания Музея императорского дворца (Пекин) ([Запретный город, 2007: 66–67](#))¹.

Стыки пластин тульи шлема прикрыты двумя парами специальных накладок, симметрично расположенных на внешней и внутренней стороне купола наголовья соответственно (рис. 1; 6–9; 11).

Рис. 6. Шлем ОР–2057. Вид спереди. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Накладки с внешней стороны тульи представляют собой невысокие и рельефные гребни (кит. *梁*), изготовленные из железа согласно Ф.Я. Мишукову в технике литья (по способу потери восковой модели)² и покрытые сусальным золотом (рис. 1; 6–9). Край позолоченных накладок оформлен четырьмя парами фестонов, выполненных в виде трехлепестковых бутонов. В каждый фестон вбита заклепка, соединяющая гребень с тульей шлема. Минимальная ширина накладок: 1,4–1,6 см, максимальная ширина накладок (по фестонам) — 3,3 см, высота гребня: 1,4–1,7 см, толщина: 0,3–0,4 см. Позолоченные накладки были дополнительно украшены чеканкой, гравировкой и инкрустацией. Ажурный прорезной узор на гребнях складывается в фигуры «золотых возносящихся драконов» (кит. *цзинь шэнлун* 金升龍), обращенных головами к навершию шлема (рис. 7; 8). Уплотненные части накладки по бокам гребня («тяги») покрыты горизонтальными зубчиками, а трехлепестковые фестоны украшены гравированным растительным орнаментом (рис. 6; 9). Интересно, что для оформления гребня и боковых сторон накладки использовались золотые листы,

¹ По данным В.П. Зайцева, представленным впервые в докладе «Санскритские мантры и дхарани на маньчжурских шлемах эпохи Цин» на Третьих Петербургских тибетологических чтениях (Санкт-Петербург, Институт восточных рукописей РАН, 13–14 октября 2014 г.). Материал готовится к печати.

² В рамках подобной технологии восковая модель заливалась в формовочную массу, после чего форма сушилась и обжигалась, в результате чего восковая модель вытапливалась, а в образовавшуюся пустоту заливался расплавленный металл. Получившаяся металлическая отливка в точности повторяла восковую модель ([Мишуков, 1954: 134, 562](#)).

имевшие разный цветовой оттенок. Согласно исследованиям Ф.Я. Мишукова, предварительно насеченная поверхность гребня покрывалась «плотным листом червонного золота»¹, в то время, как поверх горизонтальных плоскостей фиксаторов размещались пластины «зеленого золота» (Мишуков, 1954: 134). Подобное сочетание «красиво оттеняло конструктивные границы частей [шлема]» (Мишуков, 1954: 134). Примерно по центру каждой из двух плоскостей налобного и затылочного гребня проделана пара симметрично расположенных округлых отверстий («гнезд») для драгоценных или полудрагоценных камней (не сохранились) (рис. 7; 8).

Рис. 7. Шлем ОР–2057. Вид справа. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Рис. 8. Шлем ОР–2057. Вид слева. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

¹ Высокопробный вид золота, отличающийся небольшим количеством примеси меди, который придавал металлу красноватый оттенок.

Рис. 9. Шлем ОР–2057. Вид сзади. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Богато оформленные рельефные гребни-накладки не только украшали и скрепляли купол наголовья, но и выполняли роль ребер жесткости, прикрывавших стыки пластин тульи шлема. Этому весьма способствовал тот факт, что под тонким слоем сусального золота скрывалась массивная основа накладки, выполненная из железа. Анализ конструкции данных деталей и системы их крепления показал, что монтаж гребней-накладок на купол наголовья начинался только по завершению работ над оформлением их декоративных элементов (Мишуков, 1954: 134).

Пара дублирующих накладок, прикрывающих стыки пластин тульи с внутренней стороны наголовья, представляют собой длинные железные полосы удлиненно-прямоугольной формы (ширина: 1,4–1,9 см). Многочисленные заклепки соединяют данные полосы с внешними позолоченными гребнями и пластинами тульи, обеспечивая всей конструкции необходимую жесткость (рис. 11).

Рис. 11. Шлем ОР–2057. Вид снизу. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Лицевая часть шлема снабжена налобником прямоугольной формы (кит. *хуэ* 護額) с парой надбровных вырезов (длина — 27,0 см; высота: 5,3–6,0 см) (рис. 12). Нижний край налобной пластины (согласно чжурчжэньской оружейной традиции) располагается значительно ниже кромки тульи шлема (Бобров, Пастухов, Белоусова, 2015: 96, 97). К последней он крепился с помощью двух заклепок с массивными позолоченными шляпками полусферической формы (диаметр — 0,9 см).¹ Соединительные заклепки вбиты в верхние углы налобной пластины. На поверхность налобника нанесены изображения сближающихся золотых пятипалых драконов (кит. *цзинь лун* 金龍)² и пламенеющей жемчужины (кит. *хочжу* 火珠) между ними (рис. 12). Фон основного рисунка дополнительно украшен облачным узором (кит. *юнь*). По краю пластины пропущен широкий золоченый кант. Изображения драконов, жемчужины и облаков выполнены в той же технике, что и надписи на тулье шлема (см. выше).

Рис. 12. Налобник и козырек шлема ОР–2057. Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

К верхней части налобника приклепан заостренный «коробчатый» козырек (кит. *уцин* 舞擎), состоящий из горизонтальной «полки», узкого вертикального «щитка» и вертикальной крепежной пластины-фиксатора (рис. 1; 12). Как и описанные выше гребни, козырек шлема изготовлен из железа, позолочен, а затем обработан чеканщиком. Горизонтальная «полка» козырька (длина — 15,5 см, ширина — 2,8 см) покрыта сусальным золотом, украшена глубоким прорезным цветочно-травяным узором с двумя драконами и снабжена тремя «гнездами» для драгоценных или полудрагоценных камней (инкрустация не сохранилась). Каждое «гнездо» выполнено в виде распутившегося цветка со множеством каплевидных лепестков (рис. 1; 6). Узкий вертикальный «щиток» козырька (ширина — 0,3 см) выгнут непосредственно из «полки», целиком покрыт листом «зеленого» золота и украшен продольными гравированными линиями (рис. 12).

Козырек крепится к тулье с помощью трех заклепок, вбитых в поверхность трехлепестковых фестонов крепежной пластины на внешней стороне купола шлема. Поверхность самой крепежной пластины козырька (высота — 1,6 см) покрыта позолотой и украшена рельефным узором в виде цепи сердцеобразных фигур, выполненных в технике чеканки и гравировки (рис. 12).

Венчает шлем навершие (общая высота — 14,0 см), состоящее из подвершия (пластины-основания) типа «шар в чаше» и трубки-втулки для плюмажа (рис. 1; 6–9; 13). Вся конструкция крепится к железным пластинам тульи с помощью четырех заклепок с позолоченными шляпками, вбитых вдоль нижнего края подвершия шлема (рис. 7; 8).

¹ До настоящего времени дошла лишь заклепка на левой стороне налобника, правая заклепка была добавлена в рамках работ по реставрации шлема.

² Дракон с пятью когтями (пятипалый) *лун* (龍) является одним из символов императора и императорской власти в Китае, поэтому его также называют императорским. Появление такого дракона на шлеме является важным признаком, указывающим на принадлежность к высшей элите империи, то есть на высокий ранг его обладателя (см. ниже). Данный факт был отмечен уже первым исследователем наголовья — А.Н. Олениным (Оленин, 1824аб: 8–9), а также подчеркнут Ю. Клапротом (Timkovski, 1827b: 28).

Железное подвешие (высота — 5,5 см) покрыто сусальным золотом и инкрустировано кораллами и малахитом.¹ Как и козырек, подвешие украшено сложным рельефным прорезным узором, который после отливки был дополнительно обработан чеканщиком (рис. 13).

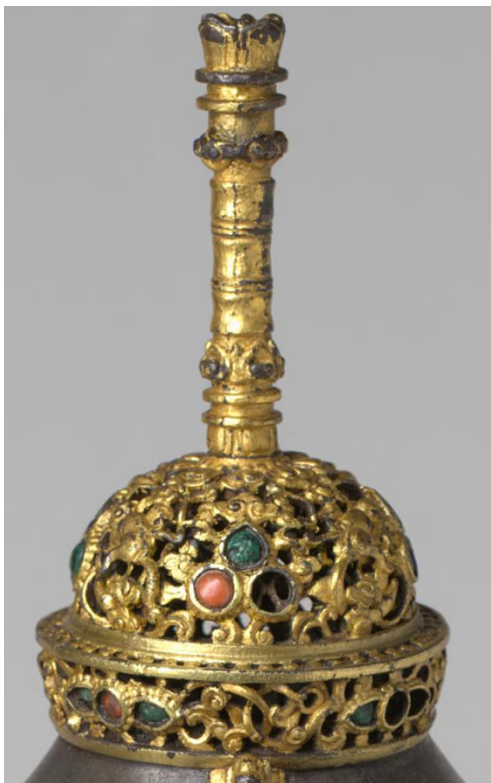

Рис. 13. Навершие (подвешие и трубка-втулка) шлема ОР–2057 (вид спереди).
Фото С.В. Баранова, В.Е. Оверченко

Конструктивно подвешие состоит из золотой полусферы, расположенной на подставке (визуально это напоминает шар, помещенный в плоскую чашу, отсюда наш термин «шар в чаше»). Последняя представляет собой невысокий, расширяющийся кверху венец с выпуклым бортиком по краю (высота — 2,0 см; диаметр: 7,6–8,0 см). Поверхность подставки украшена глубоким растительным орнаментом и 12-ю «гнездами», сгруппированными по три. В каждой тройке кастов в центре располагается «гнездо» круглой формы, которое по бокам обрамляют каплевидные отверстия. В округлые центральные углубления (диаметр — 0,8 см) помещены кусочки коралла, а в каплевидные (0,5 на 0,7 см) — малахита. Все касты снабжены выпуклым рельефным бортиком (рис. 13).

Полусфера (высота — 3,5 см; диаметр — 6,8 см) украшена глубоким цветочно-травяным прорезным узором с драконами, а также 12-ю «гнездами», сгруппированными по три. Однако, в отличие от подставки, «гнезда» на полусфере расположены в форме равнобедренного треугольника так, что инкрустированный кораллом каплевидный каст (0,7 на 0,9 см) размещен сверху (острием к трубке-втулке шлема), а два округлых каста (диаметр — 0,8 см) с малахитом подпирают его снизу (рис. 13). Мы полагаем, что расположенные таким образом трехкастные группы изображают здесь *трипратну*, что соответствует одной из традиционных форм ее символического представления.

В отверстие на подвешии вставлена позолоченная трубка-втулка для плюмажа (общая длина — 8,4 см, диаметр раструба — 1,44 см, диаметр в средней части — 1,1 см). Нижняя часть втулки украшена серией рельефных лепестков, парой выпуклых ободков и цепью сердцеобразных фигур, обращенных острием вверх. Центральная часть втулки имеет трубчатую форму, причем цилиндрические элементы перемежаются слабовыраженными парными валиками. Наконец, верхняя часть втулки украшена цепью соединенных сердец (остриями вниз) и парой ярко выраженных выпуклых ободков. Раструб трубки окружен заостренными лепестками-фестонами, благодаря которым расширяющаяся кверху втулка напоминает распускающийся цветочный бутон (рис. 13).

Вдоль нижнего края шлема пробиты шесть сквозных отверстий (по три отверстия на каждой пластине тульи), в которые вставлены специальные болты с позолоченными полусферическими

¹ По версии Ф.Я. Мишукова, шлем инкрустирован «вставками искусственных камней, выполненных в подражание кораллу и малахиту» (Мишуков, 1954: 134). Согласно данным сотрудников ММК, от изначальной инкрустации шлема сохранились лишь несколько кораллов, в то время, как остальные красные и зеленые камни представляют собой позднейшие реставрационные вставки.

шляпками (диаметр: 0,6–0,9 см), выступающие над поверхностью тульи на 2,5–3,0 см (рис. 1; 6–9; 11). Данные болты служили для подвешивания бармицы, защищавшей шею, щеки и уши воина.

Согласно описям царской казны Казенного двора 1637 и 1640 гг., шлем в это время был снабжен трехчастной пластинчато-нашивной бармицей, состоявшей из пары наушников («сторон») и назатыльника («зад»). Внешняя крышка бармицы была изготовлена из красной («червчатой») ткани, расшитой узорами.¹ Подкладка бармицы была выполнена из «ирхи»² или из «камочки индейской рудожелтой», то есть цветной ткани желтого или оранжевого цвета. Не исключено, что органическая основа бармицы имела характерную для Центральной и континентальной Восточной Азии трехслойную структуру: внешнее покрытие из шелковой узорчатой ткани (в данном случае красного цвета), плотный внутренний слой замши («ирхи») и шелковую подкладку (в данном случае желтого или оранжевого цвета). С внутренней стороны органической основы бармицы крепились «доски», то есть железные пластины (Опись..., 1884: 39; Опись..., 2014: 105).

3.4. Атрибуция и датировка

Как уже отмечалось выше, за последние два столетия исследователями были предложены различные варианты атрибуции шлема ОР–2057 из ММК. Так, в частности, его определяли как «китайский шишак»³, «мунгальский шишак» или «азиатский старинный шишак необыкновенной формы и отделки»⁴, «монгольский шишак»⁵, «un casque chinois en acier, damasquiné en or» (фр. «стальной китайский шлем с золотой насечкой»)⁶, «Casque mongol en acier» (фр. «стальной монгольский шлем») и тут же, видимо, ошибочно «Casque indien trouvé en Russie» (фр. «индийский шлем, найденный в России»)⁷, «Сибирского царя Кучюма (1581 г.) ... Шлем мунгальской или маджурской формы ...», «Casque de Koutchoum» и «Шапка Кучюмовская»⁸, «Сибирского царя Кучюма (1581 г.) ... шлем, маджурской формы ...»⁹, «шолом маджурский»¹⁰, шолом восточный¹¹, «шлем... мастеров китайской провинции XVI–XVII веков...» и «шлем железный китайской (маньчжурской) работы. XVI–XVII века»¹², маньчжурский шлем начала XVII в.¹³, маньчжурский (хоу-цзиньский) шлем конца XVI — первой трети XVII в.¹⁴ В настоящее время представляется возможным уточнить атрибуцию и датировку рассматриваемого наголовья.

В первую очередь необходимо исключить версии о «монгольском» или «китайском» (минском) происхождении шлема. Действительно, интересующий нас образец защитного вооружения имеет некоторые элементы конструкции и системы декоративного оформления, присутствующие на наголовьях центральноазиатского и минского производства XV–XVII вв. (Бобров, Худяков, 2003: 158, 159). Однако совокупность данных признаков¹⁵ встречается исключительно на шлемах, выполненных в рамках позднечжурчжэньской и маньчжурской оружейной традиции позднего Средневековья и раннего Нового времени (Лю Юнхуа, 2003: 155–194; Лю Юнхуа, 2013: 221–282; Бобров, Худяков, 2003: 157–164, 197–201; Бобров, Пастухов, Белоусова, 2015; Бобров, 2016). Сочетание указанных элементов в рамках одного наголовья является характерной чертой парадных и боевых шлемов высшей знати маньчжурских государств Хоу (Поздняя) Цзинь (1616–1636), Великая Цин в Маньчжурии (1636–1644) и Великая Цин в Китае (1644–1912).¹⁶

¹ В источниках в качестве крышки бармицы упомянуты соответственно «камка калмыцкая, споталю» и «отлас по червчатой земле с поталею». Камка — ткань (обычно шелковая) с рисунком, образованным блестящим атласным переплетением нитей, на матовом фоне полотняного плетения. В широком значении — шелковая цветная ткань с узорами. Под термином «поталь», в данном контексте, могли пониматься как золотые нити, так и золотые краски, или даже позолоченные головки заклепок, с помощью которых панцирные пластины подбоя крепились к органической основе бармицы.

² Ирха — замша, тонкая дубленая козья или овечья кожа.

³ В расписке А.Н. Оленина. См.: Файбисович, 2006: 274.

⁴ В бумагах А.Н. Оленина. См.: РО НА ИИМК РАН. Ф. 7. Д. 6. Л. 14–39; Д. 25. Л. 17.

⁵ См.: Оленин, 1824а: 10, 26 и далее в разделе без пагинации «Объяснение гравированных досок к Письму о молитве ламаитов»: [2], [3].

⁶ Klaproth, 1824: 255.

⁷ Timkovski, 1827b: 28; pl. 12.

⁸ Вельтман, 1844: 79; вкл. между с. 78–79.

⁹ Вельтман, 1860: 236.

¹⁰ Опись..., 1884: 19, № 4407.

¹¹ Как групповое название в подписи к фототипической таблице (Рисунки..., 1884: табл. 342).

¹² Мишуков, 1954: 134; 135, подпись к рис. 11; Файбисович, 2006: 321.

¹³ Treasures of the Moscow Kremlin, 1998: 50, № 31; 165–166, № 31; Государева Оружейная палата, 2002: 54, № 5; 304, № 5.

¹⁴ Бобров, Худяков, 2003: 157–159, 197, 198.

¹⁵ Двухпластинчатая тулья с горизонтальным ребром жесткости, узкие рельефные накладки с драконами на налобной и затылочной частях шлема, комбинированный с козырьком налобник с надбровными вырезами, подвершие типа «шар в чаше», надписи-мантры на санскрите, расположенные в три яруса на тулье шлема и сопровождающиеся узором *цзинь ило*, изображения пятипалых драконов *лун* и др.

¹⁶ При этом монгольские и корейские дериваты, выполненные в подражание маньчжурским образцам, имеют некоторые важные отличия от своих хоу-цзиньских и цинских прототипов (Бобров, 2011: 27, 39).

Таким образом, можно считать установленным, что шлем ОР–2057 изготовлен в рамках позднечжурчжэньской (раннеманьчжурской) оружейной традиции. При этом вопрос об этнической принадлежности мастеров, выковавших и украсивших шлем, остается открытым. В первой половине XVII в. над изготовлением защитного вооружения для войск Нурхаца и Хуантайцзи трудились как этнические китайцы, так и чжурчжэни (маньчжуры), причем наибольшей похвалы современников удостоились именно последние (Бобров, Худяков, 2002: 126–127).

Согласно данным письменных источников, чжурчжэньские мастера государства Нурхаца еще в 1599 г. «...начали плавить железо, открыли рудники по добыче золота и серебра»; «По серебру, железу, коже, дереву — по всему имеются свои мастера, а мастера по железу особенно искусны» (Кычанов, 1997: 209). Сам чжурчжэньский правитель в письме к халхаским нойонам в 1620 г. сообщал о подвластных ему владениях: «...золото, серебро и железо — всё [это] производится Землей. Всё это есть» (Маньвэнь лао дан, 2013: 93). По сведениям корейских посланников, в г. Фэйяла (費阿拉 от маньчж. *fe ala* букв. «старый холм»; столица Нурхаца до 1603 г.) имелись собственные оружейные мастерские, в которых работали местные ремесленники: «...16 мастеров по изготовлению доспехов, 50 с лишним мастеров по изготовлению стрел, 30 с лишним мастеров по изготовлению луков, 15 мастеров по плавке металлов — все они маньчжуры» (Кычанов, 1997: 209). Согласно сведениям, собранным минским чиновником: «В Хоу Цзинь доспех, который надевают воины, его лицевая сторона, защита плеч и рук — всё из первосортного железа, доспехи для коней точно такие же» (Кычанов, 1997: 209). Все эти данные позволяют предположить, что железные элементы купола шлема ОР–2057 могли быть выкованы чжурчжэньскими оружейниками. Что касается декоративного оформления наголовья, то профильные работы могли быть выполнены как чжурчжэньскими, так и китайскими мастерами на маньчжурской службе. Во всех предыдущих исследованиях атрибуция шлема ОР–2057 обычно ограничивалась лишь попыткой локализации места его изготовления. Однако сегодняшний уровень развития оружейведения позволяет предпринять попытку определения социально-политического статуса лица, для которого был заказан и изготовлен рассматриваемый шлем. Решение данной научной задачи возможно на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников.

Так, в частности, важную роль в атрибуции шлема ОР–2057 играют материалы знаменитого иллюстративного свода ритуальной утвари царствующей династии «Хуанчао лица туши» (皇朝禮器圖式), составленного при императоре Цяньлуэ (1711–1799)¹ (закончен в 1759 г.) и впервые отпечатанного ксилографическим способом в 1759 г. Среди прочего, этот свод содержит и подробные, сопровождающиеся изображениями, описания регламентированного защитного и наступательного вооружения, предназначенного для использования командным и рядовым составом войск Цинской империи. Несмотря на то, что работа над сводом была завершена к 1759 г., его данные содержат отсылки к более ранним установлениям маньчжурских правителей, что позволяет привлекать их для нашей работы (Бобров и др., 2015: 92, 98).²

Сопоставление шлема ОР–2057 с материалами «Хуанчао лица туши» дало весьма интересные результаты. Например, установлено, что привилегией ношения наголовья, снабженного надписями на санскрите (расположенных в три яруса на тулье шлема и сопровождающихся узором *цзинь инло*) и пятипальными (императорскими) драконами *лун*³, обладали лишь представители узкой прослойки высшей цинской аристократии. Помимо самого императора, такое право имели только «князья (принцы) крови» первой, второй, третьей и четвертой степени (то есть *цин-ваны*, *цзюнь-ваны*, *бэйлэ* и *бэйсэ* соответственно), а также «государственные зятья» (*гурунь-и эфу*) (Хуанчао лица туши, 2004: 612–613). Однако шлемы *бэйлэ*, *бэйсэ* и *гурунь-и эфу* не имели изображений драконов на подвершии купола (Хуанчао лица туши, 2004: 613), что позволяет предположить, что шлем ОР–2057 мог быть первоначально изготовлен для одного из представителей высшей знати чжурчжэньского (маньчжурского) государства, социальный статус которого был близок или эквивалентен статусу лиц, получавших титулы *цин-ван*⁴ или *цзюнь-ван*¹ в цинское время² (рис. 14).

¹ Годы правления: 1736–1795 гг.

² Описания отдельных предметов вооружения в тексте «Хуанчао лица туши» сопровождаются отсылкой к «установлениям ныне правящей династии» (*бэньчао динчжи* 本朝定制) (Бобров др., 2015: 92, 98), точная датировка которых, однако, не приводится ни в «Хуанчао лица туши», ни в сводах законов Цинской империи *Да Цин хуйдянь* (大清會典) (официально издававшихся пять раз). Поскольку конструкция и система оформления этих предметов (в частности, некоторых панцирей и шлемов) известны нам по подлинным образцам, датированным XVII — первой половиной XVIII вв. (Бобров, 2016: 164), то такие установления должны были быть введены ранее периода правления Цяньлуэ.

³ Текст «Хуанчао лица туши» не указывает прямо на количество когтей, которыми обладает тот или иной дракон. Однако, по нашим наблюдениям за текстами описаний и сопровождающих их иллюстраций в разделе «панцири и наголовья» (*цзюань* 13 卷十三: *убэй* и *武備*—: *цзя чжоу* 甲冑), пятипальные императорские драконы именуется в нем *лун* (龍; маньчж. *tuduri* «дракон»), четырехпальные — *ман* (蟒; маньчж. *jabjan* «большая змея, покрытая чешуей»).

⁴ *Цин-ван*, полностью *хошой цин-ван* (кит. *хэшо цин-ван* 和碩親王; маньчж. *hošoi cin wang*; монг. *qošui cin wang*) — князь (принц) крови первой степени. Второй по значимости (после императора) титул в Цинской

Рис. 14. Шлем *цзинь-вана* (*цзинь-ван чжоу* 親王胄).
Рисунок из «Хуанчао лица туши» (ксилограф, 1766 г.).

империи. Титул *цзинь-ван* мог носить только этнический маньчжур или монгол (Непомнин, 2005: 653). В отдельные периоды маньчжурской истории политические лидеры, имевшие титул *цзинь-ван*, становились фактическими правителями Цинской империи. К их числу можно отнести, например, знаменитого *цзинь-вана* (с 1636 г.) Доргоня (кит. *Доэргунь* 多爾袞; маньчж. *Dorgon*; 1612–1650), осуществившего завоевание большей части Северного и значительной части Восточного Китая и посмертно провозглашенного императором (Непомнин, 2005: 39–70; Бокщанин, Непомнин, 2002: 190–199).

¹ *Цзюнь-ван*, полностью *дорой цзюнь-ван* (кит. *доло цзюнь-ван* 多羅郡王; маньчж. *doroi giyün wang*; монг. *törü-yin giyü'n/giyün wang*) — князь (принц) крови второй степени. Третий по значимости (после императора и *цзинь-вана*) титул в Цинской империи. Титул *цзюнь-ван* мог носить только этнический маньчжур или монгол (Непомнин, 2005: 653).

² Система княжеских рангов (титулов) для ближней императорской родни (*цзунши фэнцзюэ* 宗室封爵) была введена Хуантайцзи в начале 4-й луны (мая) 1636 г. вслед за переименованием государства Поздняя Цзинь в Великая Цин, принятия императорского титула и установления девиза правления Чундэ (崇德). Тогда их было девять (далее мы приводим их в китайской транскрипции без маньчжурских эквивалентов): 1-й ранг: *хошо цзинь-ван* 和碩親王; 2-й ранг: *доло цзюнь-ван* 多羅郡王; 3-й ранг: *доло бэйлэ* 多羅貝勒; 4-й ранг: *гушань бэйцзы* 固山貝子; 5-й ранг: *чжэньго-гун* 鎮國公; 6-й ранг: *фуго-гун* 輔國公; 7-й ранг: *чжэньго цзянцзюнь* 鎮國將軍; 8-й ранг: *фуго цзянцзюнь* 輔國將軍; 9-й ранг: *фэнго цзянцзюнь* 奉國將軍 (Янь Цзыю, 1991: 68). Свою окончательную форму ранговая система получила при Цяньлуэ, когда в 1748 г. стала насчитывать 14 (или 12 — без *шицзы* 世子 и *чжанцзы* 長子) степеней с делением трех из нижайших на три подкласса (Янь Цзыю, 1991: 68; Rawski, 1998: 76). Относительно периода до 1636 г. известны лишь отдельные, разбросанные по источникам факты, свидетельствующие в пользу того, что подобной системы в то время, по всей видимости, еще не существовало. Известно, например, что в 1598 г., возможно, впервые Нурхацци пожаловал чжурчжэньский титул *бэйлэ* (ранее обозначавший вождя чжурчжэньского племени) своему старшему сыну Чуэню (кит. *Чуин* 褚英; маньчж. *Сиуеп*; 1580–1615), а в 1616 г., после провозглашения государства Поздняя Цзинь и принятия титула хан, — титул *хошой бэйлэ* (кит. *хэшо бэйлэ* 和碩貝勒; маньчж. *hošoi beile*) трем сыновьям и племяннику (Rawski, 1998: 76; более подробно см.: Янь Цзыю, 1991: 67–68).

Сравнительный анализ конструкции и системы оформления шлема ОР–2057 и шлемов *цинъ-ванов* и *цзюнь-ванов* по описанию «Хуанчао лица туши» можно представить в виде следующей таблицы.

Элементы конструкции и декоративного оформления	Шлем ОР–2057 (изготовлен до 1637 г.)	Шлем <i>цинъ-ванов</i> и <i>цзюнь-ванов</i> по описанию по «Хуанчао лица туши» (1759 г.)
Железная туля, украшенная золотой насечкой	Да	Да ¹
Надписи «золотом» на санскрите на поверхности тульи (количество знаков на трех ярусах тульи: верхний/средний/нижний)	Да 16/8/24	Да 8/7/20
Узор <i>цзинь инло</i> на втором ярусе тульи	Да	Да
Налобные и затылочные накладки, украшенные инкрустацией и изображениями драконов	Да	Да
Налобник с изображением золотых пятипалых драконов <i>лун</i>	Да	Да
Козырек, украшенный изображениями драконов и инкрустацией	Да	Да
Подвершие типа «шар в чаше» с изображениями драконов	Да	Да
Позолоченная трубка-втулка для плюмажа	Да	Да

Таким образом, сходство конструкции и системы оформления шлема ОР–2057 и шлемов *цинъ-ванов* и *цзюнь-ванов* по описанию в «Хуанчао лица туши» представляется вполне очевидным. Имеющиеся же незначительные отличия, возможно, объясняются тем, что шлем ОР–2057 относится к начальному этапу становления позднечжурчжэньских (маньчжурских) оружейных регламентов, то есть к тому периоду, когда не все профильные нормы были окончательно утверждены. Так, например, на шлеме ОР–2057 украшающий верхнюю часть подвершия «цветок» составляет с ним единое целое. Распустившийся цветочный бутон изображен на поверхности полусферы с помощью техники литья, чеканки и гравировки (рис. 3; 4; 6). В то время, как к середине XVIII в. (согласно изображению шлема *цинъ-вана* из «Хуанчао лица туши») его полагалось выполнять в виде отдельного коронообразного конструктивного элемента, который венчал полусферу (рис. 14). Что же касается количества знаков на санскрите (регламентированных «Хуанчао лица туши» и которому мы следуем по этой причине), то оно, в действительности, является количественной характеристикой объема текста — защитных мантр, выбранных для нанесения на шлем, то есть параметром, напрямую зависящим от них и вычисляемым уже после утверждения их набора и «конфигурации» (расположения на конкретном ярусе, числа повторений самих мантр и, возможно, сокращений отдельных их слогов). Поскольку мантры, которые мы находим на маньчжурских шлемах цинского времени² не совсем тождественны тем, что размещены на наголовье ОР–2057 (причина, по которой не совпадает и количество слогов), но типологически близки между собой³, мы полагаем, что их набор был изменен уже в цинскую эпоху, возможно, как было сказано, при кодификации вновь или первично устанавливаемых регламентов пришедшей к власти династии, когда предметы вооружения, создававшиеся в существовавшей к тому времени оружейной традиции, были взяты за образец и стандартизированы тем или иным способом. Окончательное оформление эти регламенты получили, по-видимому, уже

¹ Также туля могла быть изготовлена из двух пластин твердой лакированной кожи.

² По данным В.П. Зайцева.

³ Данный факт дополнительно подтверждает и принадлежность наголовья ОР–2057 маньчжурской оружейной традиции (учитывая ее преемственность позднечжурчжэньской), поскольку на известных нам монгольских шлемах набор мантр отличен именно в типологическом плане. См. например: LaRocca, 2006: 80–81.

при Цяньлуэ, когда отдельные положения, например, состав мантр, были снова изменены¹, а также появляются такие своды, как «Хуанчао лица туши».²

Бросаются в глаза отличия в оформлении бармицы шлема ОР–2057 (зафиксированной в описях XVII в.) и бармиц наголовий *цинь-ванов* и *цзюнь-ванов* из «Хуанчао лица туши» (Хуанчао лица туши, 2004: 612). Не исключено, что первоначальная пластинчато-нашивная бармица, крытая серой или синей парчей с узором типа *соцзы* (см. ниже), была заменена на свой аналог монгольского производства в период нахождения шлема у ламы Эрдэни Дай мэргэн Нансо. В противном случае можно предполагать, что изменения в систему декоративного оформления бармицы высшей маньчжурской и монгольской аристократии были внесены цинскими властями после 1637 г. Материалы письменных источников позволяют уточнить время изготовления шлема ОР–2057. Возвышение Нурхацы пришлось на вторую половину 80-х — 90-е гг. XVI в. В этот период он объявляет себя «ваном» (1589 г.), затем «ваном государства Цзяньчжоу и других местностей» (1594 г.), город Фэйала начинает именоваться «столицей», вводится особый «придворный церемониал», начинается постепенное изменение традиционной чжурчжэньской одежды и доспеха под влиянием нарождающегося «имперского» стиля (Кычанов, 1997: 213–214; Бобров, Худяков, 2003: 126, 127; Непомнин, 2005: 32). Параллельно происходит бурное развитие оружейных (в том числе доспешных) производств. К 1599 г. в землях Нурхацы уже активно плавил и обрабатывали железо, а также добывали золото (Кычанов, 1997: 209). В конце XVI — начале XVII в. Нурхацы и его сподвижники проводят серию военных реформ, положивших начало регламентации и унификации вооружения и снаряжения чжурчжэньских войск (Бобров, Худяков, 2003: 126–129). Несмотря на то, что отношения Нурхацы с китайскими властями в начале XVII в. постепенно ухудшались, правитель государства Цзяньчжоу, занятый подчинением чжурчжэньских племен, старался оттянуть возможный военный конфликт с Минской империей (Маньвэнь лао дан, 2013: 226–230). Учитывая данный факт, представляется маловероятным, что в подобных условиях оружейники Нурхацы рискнули бы разместить на шлеме одного из чжурчжэньских аристократов пятипалых драконов — символ императорской власти. Ситуация принципиально изменилась в 1616 г., когда Нурхацы принял ханский титул и провозгласил создание нового государства Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь или Позднее Золотое) или Да Цзинь (Великая Цзинь или Великое Золотое). Этот шаг стал прямым вызовом Минской империи. Из вассала Китая Нурхацы превратился в идеологического наследника чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234) и непосредственного политического соперника Минской династии. Высокие притязания Нурхацы были подкреплены рядом символических шагов, призванных подчеркнуть амбиции чжурчжэньского правителя. Описывая последствия провозглашения Хоу Цзинь, китайские пограничные чиновники докладывали в Пекин: «Правитель Ну узурпировал титул, назвался ханом государства Хоу Цзинь, объявил девиз царствования Тянь-мин [то есть «Получивший мандат Неба». — Авт.]. Китай называет Южной династией. Надел желтые одежды. О себе говорит: „Мы, государь“» (Кычанов, 1997: 219; Непомнин, 2005: 33, 648; Маньвэнь лао дан, 2013: 240, 241). Резкое обострение политического конфликта Хоу Цзинь и Минской империи привело к серии военных конфликтов (первый произошел уже в 1618 г.), которые, в конечном счете, привели к крушению Минской династии и подчинению Китая маньчжурами. В сфере материальной культуры провозглашение Хоу Цзинь и прямое противостояние с Китаем дали мощнейший толчок в процесс развития «имперского» чжурчжэньско-маньчжурского костюма. Власти Хоу Цзинь стремились как можно скорее обзавестись всеми необходимыми визуальными атрибутами своего нового положения, в том числе и в сфере внешнего вида вельмож, чиновников и военных (Непомнин, 2005: 32; Маньвэнь лао дан, 2013: 155, 230, 240, 249).³ В подобных условиях нанесение на шлем чжурчжэньского аристократа пятипалого императорского дракона выглядело вполне логичным жестом, призванным продемонстрировать величие и политические притязания новой дальневосточной державы. Учитывая данные факты, а также то обстоятельство, что конструкция и

¹ Например, до 1756 г. на императорский шлем должны были наноситься (снизу вверх) 8, 18, 24 знаков, а после постановления Цяньлуэ 1756 г. — 12, 8, 24 знаков соответственно (Бобров и др., 2015: 94, 95), что, как было указано выше, является прямым следствием изменения набора и «конфигурации» наносимых мантр.

² Дополнительно отметим, что о наборе и «конфигурации» мантр на цинских наголовьях мы можем судить только по сохранившимся образцам, поскольку кроме количества знаков (по сути, вторичной характеристики) «Хуанчао лица туши» и другие подобные тексты никакой информации не дают. На основании каких критериев происходил выбор мантр, и где выбранное фиксировалось (описывалось) нам, в настоящее время, выяснить не удалось. Учитывая, что набор мантр, наносимых на маньчжурские шлемы цинской эпохи, был, в основном, постоянен и изменялся крайне редко (данный факт прослеживается и по дошедшим до нас образцам — см. выше), можно сделать вывод о существовании других регламентирующих и более конкретных документов (возможно, даже технологического плана), описывающих изготовление того или иного шлема в деталях, но на основе общих правил «Хуанчао лица туши» или соответствующих «установлений ныне правящей династии».

³ К середине 30-х гг. XVII в. регламентация одежды у маньчжуров зашла уже настолько далеко, что в 1636 г. был создан специальный контрольный орган *дучаюань*, чиновники которого, помимо прочего, должны были выявлять «...нарушения в ношении предписанной формы одежды и головных уборов» (Маньвэнь лао дан, 2013: 249).

система оформления шлема ОР–2057 имеют весьма совершенный и законченный вид¹, нижней границей изготовления шлема следует считать 1616 г. — год провозглашения государства Хоу Цзинь. При этом верхняя граница надежно локализуется серединой 30-х гг. XVII в. Теоретически, последние изменения в конструкцию и оформление наголовья (например, замена бармицы) могли вноситься (уже монгольскими мастерами) до начала февраля 1637 г., когда шлем был передан российским посланникам. Как уже отмечалось выше, в Цинской империи шлемы подобной конструкции и системы оформления носили представители высшей маньчжурской и монгольской аристократии, имевшие титулы *цинъ-ван* и *цзюнь-ван* (соответственно, второй и третий по значимости титул в империи после самого императора). Это дает основание предположить, что и до 1636 г. подобными наголовьями могли пользоваться лица из ближайшего окружения чжурчжэньского (маньчжурского) правителя. В данной связи не исключено, что первым владельцем шлема ОР–2057 мог являться член совета *хошой бэйлэ*, состоявшего из родственников Нурхаца и командиров (*гусай-эчжэнь*; маньчж. *gūsa-i ejen*) одного из «знамен»-корпусов чжурчжэньской (маньчжурской) армии.² Первоначально совет *бэйлэ* состоял из четырех человек — самого правителя Нурхаца, его брата Шурхаца и сыновей Чуеня и Дайшаня. В более поздний период в четверку *хошой бэйлэ* входили сыновья Нурхаца — Дайшань, Мангултай, Хуантайцзи и племянник Аминь (*Маньвэнь лао дан*, 2013: 242, 248). В 1614 г. число корпусов чжурчжэньской армии удвоилось, а число *бэйлэ* увеличилось с четырех до восьми. При этом четыре действующих члена совета стали именоваться великие *бэйлэ*, а четверо вновь включенных — малые *бэйлэ* (*Маньвэнь лао дан*, 2013: 248, 242, 249). Если наша догадка верна, то со временем, возможно, получится определить не только социально-политический статус, но и имя первого владельца шлема ОР–2057. К сожалению, доступные письменные материалы не позволяют достоверно установить обстоятельства обретения шлема ламой Эрдэни Дай мэргэн Нансо. Наиболее вероятно, что наголовье попало к высокопоставленному буддийскому иерарху в качестве подношения во время его поездок по различным регионам Центральной и континентальной Восточной Азии.³ В завершение также отметим, что бытующее в литературе определение наголовья ОР–2057 как «маньчжурского» и, тем более, «цинского» шлема, представляется нам не совсем точным. Если в начале февраля (предположительно 4 февраля) 1637 г. шлем уже был передан российским посланникам, тогда к ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо он поступил не позднее января — первых дней февраля 1637 г. (а, скорее всего, за несколько месяцев или лет до этого). Официально запрет на именование чжурчжэни и предписание впредь именоваться только маньчжурами были даны в ноябре 1635 г., а название Цин для государства было установлено лишь в 1636 г. (см. выше). Таким образом, весьма вероятно, что наголовье было изготовлено еще до провозглашения Цинской империи и официального переименования чжурчжэней в маньчжуров. Учитывая данные факты, представляется возможным определить рассматриваемый образец защитного вооружения как поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) шлем второй половины 10-х — середины 30-х гг. XVII в. Также отметим, что рассматриваемый образец защитного вооружения из собрания ММК является одним из самых ранних известных на сегодняшний день наголовий позднечжурчжэньского (маньчжурского) производства, который может быть с высокой степенью надежности датирован и соотнесен с комплексом вооружения высшей знати государства Хоу Цзинь (1616–1636).

3.5. Реконструкция первоначального вида шлема ОР–2057

Как уже отмечалось выше, по своей конструкции и системе декоративного оформления тульи, налобника, козырька и наверхия шлем ОР–2057 очень близок боевым и парадным наголовьям цинских князей крови, носивших титул *цинъ-ван* или *цзюнь-ван*. Это позволяет предположить, что первоначальный вариант плюмажа, подшлемника и бармицы ОР–2057 мог так же напоминать соответствующие элементы наголовий *цинъ-ванов* и *цзюнь-ванов*, относительно детально описанные в «Хуанчао лица туши» и своде законов империи Цин. Согласно данным письменных источников, во втулку шлема *цинъ-вана* и *цзюнь-вана* вставлялся сложный комбинированный плюмаж (маньчж.

¹ Большинство конструктивных и оформительских приемов, фиксируемых на шлеме ОР–2057, будут с завидным постоянством воспроизводиться на наголовьях цинской аристократии вплоть до XIX в. включительно (*Хуанчао лица туши*, 2004: 612–615; *Бобров, Пастухов, Белоусова*, 2015; *Бобров*, 2016).

² В пользу нашей версии свидетельствует тот факт, что после административной реформы 1636 г. титулы *цинъ-ванов* получили именно члены совета *хошой бэйлэ*, в частности, упомянутый выше Доргонь — четырнадцатый сын Нурхаца и командир корпуса «Белого знамени» (*Бокцанин, Непомнин*, 2002: 190, 191).

³ По словам самого Эрдэни Дай мэргэн Нансо он «бывал ... в Китайской и в Тангцукской земли [то есть в Тибете. — Авт.] и в Черных Калмаках [то есть в Ойратии. — Авт.] и в-ыных во многих землях» (*РКО*, 1969: 109; *РМО*, 1974: 75). Практика поднесения предметов вооружения духовным лицам была широко распространена среди центральноазиатской и восточноазиатской знати рассматриваемого исторического периода (*Бобров, Худяков*, 2008: 48). При этом лама мог получить шлем как непосредственно от представителя чжурчжэньской аристократии, так и через посредничество монгольской знати, так как известно, что практика передачи панцирей, шлемов и дополнительных защитных деталей (в том числе элитных образцов) чжурчжэньского производства монгольским нойонам осуществлялась Нурхаца еще в первой четверти XVII в. (*Маньвэнь лао дан*, 2013: 34, 35, 138).

sonokton)¹, состоявший из длинного шпилья, увенчанного сложным ярусным навершием, к которому крепился султан из полос соболиного меха (маньчж. *sorson*). Шпильевое навершие/надвершие (маньчж. *halbaha*) представляло собой золотую пластину, вырезанную в форме языков пламени, в которую вставлялся драгоценный камень (разрешалось использовать рубин, сапфир, коралл или бирюзу, запрещалось — маньчжурский жемчуг). Отметим, что камень, охваченный пламенным ореолом, изображал, вероятно, *чинтамани* — драгоценность, исполняющую желания. Снизу пламя поддерживалось оправой в форме золотого облака. На шпилье под надвершием помещались два стоящих золотых дракона, украшенные рубином и сапфиром (рис. 14). Ниже располагался золотой «драгоценный зонтик» (маньчж. *bodohon*) с фестончатым краем в виде «золотых облаков». К «зонтику» по кругу крепились 18 полос соболиного меха на алой шелковой (атласной) подкладке (рис. 14).

Шлем *цинъ-вана* и *цзюнь-вана* снабжался трехчастной пластинчато-нашивной бармицей, состоявшей из пары наушников (маньчж. *šabtun*) и назатыльника (маньчж. *iberi*). К нижнему краю наушников крепились горизонтальные прямоугольные лопасти. В момент опасности они стягивались под подбородком и фиксировались шестью темными атласными завязками, образуя «нашейник» (маньчж. *tonggon hūsikū*), обеспечивавший защиту горла воина (рис. 14). Каждый наушник бронировался шестью железными пластинами, то же количество пластин шло и на подбой лопастей прикрывавших горло, в то время, как назатыльник полагалось подбивать девятью панцирными пластинами различных форм и размеров. Пластины подбоя крепились к органической основе бармицы с помощью заклепок с позолоченными полусферическими шляпками.

Внешняя крышка бармицы выполнялась из парчи с сетчатым узором *соцзы* (鑲子)² (рис. 14). Все элементы бармицы оторачивались темно-серым или черным японским шелком. В качестве подкладки использовался светло-голубой атлас (Хуанчао лица туши, 2004: 612).

В комплект со шлемом *цинъ-вана* и *цзюнь-вана* входил подшлемник (маньчж. *kamtu*), представлявший собой шапку, крытую темно-синим атласом на светло-голубой шелковой подкладке. К макушке подшлемника крепилась кисть из алых нитей. В месте соединения с подшлемником нити собирались в пучок, образовывавший своеобразное навершие (маньчж. *tonson*) (Хуанчао лица туши, 2004: 612).

В момент передачи наголовья российским посланникам шлем уже лишился плюмажа и подшлемника. Вероятно, были вынуты и большинство драгоценных камней (в российских описях XVII в. они не упомянуты). По всей видимости, была заменена и пластинчато-нашивная бармица. Крышка новой (?) бармицы была выполнена из красной шелковой узорчатой ткани, а подкладка — из оранжевого или желтого шелка (см. выше).

4. Заключение

Проведенный комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема ОР-2057, а также обстоятельства его поступления в Оружейную палату Московского Кремля.

Первые упоминания интересующего нас шлема в русской служебной документации связаны с российским посольством Степана Греченина и Бажена Карташева к правителю монголов-хотогойтов Омбо-Эрдэни-хунтайджи и его духовному наставнику ламе тибетского происхождения Эрдэни Дай мэргэн Нансо, продолжавшемуся с 28 августа 1636 г. по 23 апреля 1637 г. В ходе переговоров с российскими послами в начале февраля (предположительно 4 февраля) 1637 г. лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо преподнес рассматриваемый шлем (а также пластинчато-нашивной панцирь и наручи) в качестве дипломатического подарка (согласно русской документации, в качестве «дани») царю Михаилу Федоровичу Романову. 28 октября 1637 г. наголовье поступило на хранение в сокровищницу Казенного двора, а впоследствии было передано в Оружейную палату Московского Кремля.

¹ Маньчжурская оружейная терминология установлена В.П. Зайцевым путем сопоставления китайских и маньчжурских версий свода законов империи Цин (*Да Цин хуйдянь* 大清會典), составленном при императоре Цяньлуэ в 1747–1764 гг. и охватывающим законотворческий период 1729–1762 гг.: *Hesei toktobuha Daicing gurun-i uheri kooli bithe* = Циньдин Да Цин хуйдянь 欽定大清會典 «Высочайше утвержденный Свод законов империи Великая Цин» и дополнительно *Hesei toktobuha Daicing gurun-i uheri kooli-hacin bithe* = Циньдин Да Цин хуйдянь цзэли 欽定大清會典則例 «Высочайше утвержденное Собрание постановлений к Своду законов империи Великая Цин».

² В китайских источниках упоминается также в других иероглифических написаниях с тем же чтением: 鑲子, 鑲子, 瑣子. Данный «сетчатый» узор состоит из множества ячеек, каждая из которых напоминает по форме китайский иероглиф *жэнь* 人 «человек» (этим сравнением пользуются китайские авторы). По мнению составителей «Истории китайского орнамента», такой узор имитирует форму взаимного переплетения колец китайской кольчатой брони (*соцзы цзя* 鑲子甲) (Тянь Цзыбин и др., 2003: 281; 284, рис. 9–31), а потому может быть также назван по-русски кольчатым или кольчужным. Отметим, что подобная трактовка узора для представителя европейской или российской оружейведческой школы может показаться весьма оригинальной и неоднозначной. Визуально узор *соцзы* скорее напоминает не кольца кольчуги, а традиционный китайский доспех раннего и развитого Средневековья *шань вэнь цзя* (山文甲, букв. «доспех [с пластинками в форме] иероглифа *шань* 山 «гора»»), составленный из характерных трехлучевых пластинок.

Предложенная авторами XIX — середины XX в. атрибуция данного наголовья как монгольского или китайского (минского) шлема является ошибочной. Типологический анализ, а также изучение соответствующих письменных источников показали, что шлем изготовлен в рамках поздней чжурчжэньской (ранней маньчжурской) оружейной традиции во второй половине 10-х — середине 30-х гг. XVII в. в одной из мастерских государства Хоу Цзинь (1616–1636). При этом вероятность изготовления шлема в Цинской империи (государство Хоу Цзинь получило новое название Великая Цин в мае 1636 г.), учитывая дату его передачи российским послам (начало февраля 1637 г.), крайне мала. Таким образом, рассматриваемый образец защитного вооружения может быть атрибутирован как поздний чжурчжэньский или ранний маньчжурский (хоу-цзиньский) шлем времен Нурхади (1559–1626) и Хуантайцзи (1592–1643).¹

Сопоставление шлема ОР–2057 с материалами знаменитого иллюстративного свода ритуальной утвари цинской династии «Хуанчао лица туши» дало весьма интересные результаты. Так, например, установлено, что привилегией ношения наголовья с подобным декоративным оформлением во времена Цинской империи (1636–1912) обладали лишь представители узкой прослойки высшей маньчжурской и монгольской аристократии — «князья крови» первой и второй степени, то есть *цин-ваны* и *цзюнь-ваны* (носители второго и третьего по значимости титула в Цинской империи). Это, в свою очередь, позволяет предположить, что шлем ОР–2057 мог быть первоначально изготовлен для одного из представителей высшей знати чжурчжэньского (маньчжурского) государства, социальный статус которого был близок или эквивалентен статусу лиц, получавших титулы *цин-ван* или *цзюнь-ван* в цинский период. Не исключено, что рассматриваемый шлем мог принадлежать кому-то из восьми членов совета *бэйлэ*, то есть одному из ближайших родственников двух первых правителей маньчжурского государства — Нурхади и Хуантайцзи. В любом случае, шлем ОР–2057 является одним из самых ранних известных на сегодняшний день наголовий позднечжурчжэньского (маньчжурского) производства, которое может быть с высокой степенью надежности датировано и соотнесено с комплексом вооружения аристократии государства Хоу Цзинь (1616–1636). Последний факт предопределяет исключительную научную ценность рассматриваемого шлема в качестве эталона при датировке и атрибуции элитных хоу-цзиньских и цинских шлемов первой половины XVII в. из музейных и частных собраний России и других стран.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Литература

- Голубева, 1988 — Голубева О.Д. Хранители мудрости. М.: Книжная палата, 1988. 271, [1] с. (Деятели книги).
- Арсеньев, 1902 — К истории древностей Оружейной палаты / Сообщил член-соревнователь Ю.В. Арсеньев // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1902 год. Книга третья. (Двести вторая). М.: Университетская типография, 1902. [Отд.] IV: Смесь. С. 38–44.
- Бобров, 2011 — Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Средней, Центральной [и] континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX в.: Автореферат дис. ... доктора исторических наук: Специальность 07.00.06 — археология. Барнаул, 2011. 54 с.
- Бобров, 2016 — Бобров Л.А. Защитное вооружение цинского императора Сюаньэ (1661–1722) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 7: Археология и этнография. С. 158–168.
- Бобров, Ожередов, 2010 — Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста из Центральной Азии. (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования древней, средневековой и новой истории Северной и Центральной Азии. Вып. 1. Томск: Томский государственный университет, 2010. С. 7–64. (Труды музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета; Т. III).
- Бобров и др., 2015 — Бобров Л.А., Пастухов А.М., Белоусова Н.Е. Шлемы цинских императоров XVII — начала XIX вв. (по материалам Хуанчао лица туши) // Общество и государство в Китае: 45-я научная конференция. Т. XLV. Ч. 1. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2015. С. 90–101. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН; Вып. 17).

¹ Обстоятельства передачи шлема представителям буддийского духовенства в Монголии в настоящее время не установлены. Наиболее вероятно, что шлем был передан ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо в качестве подношения во время одной из его многочисленных поездок по различным регионам Центральной и континентальной Восточной Азии.

Бобров, Худяков, 2002 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья // Военное дело nomадов Северной и Центральной Азии: Сборник научных статей. Новосибирск: [Новосибирский государственный университет], 2002. С. 106–168.

Бобров, Худяков, 2003 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Эволюция защитного вооружения чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого, позднего средневековья и нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: Сборник научных статей. Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. С. 66–212.

Бобров, Худяков, 2008 — *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 774, [1] с., [8] с. вкл. (*Historia militaris*).

Богатская, 2014 — *Богатская И.А.* «Российские древности» в произведениях графики первой половины XIX века. Том 1. М.: [Миттель Пресс], 2014. 422, [2] с.

Бокщанин, Непомнин, 2002 — *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 430 с.

Вельтман, 1844 — [Вельтман А.Ф.] Московская Оружейная палата. М.: В Типографии И. Степанова, 1844. 171, [1], 74, [2], VIII с.

Вельтман, 1860 — [Вельтман А.Ф.] Московская Оружейная палата. Второе, вновь составленное, издание. [М.]: В Типографии Бахметева, 1860. [6], 288 с.

Государева Оружейная палата, 2002 — Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 407, [1] с. (Сто предметов из собрания российских императоров).

Древности Российского государства, 1853 — Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению государя императора Николая I. Отд. III: Броня, оружие, кареты и конская сбруя / Рис. ак. Ф. Солнцевым. М.: В типографии Александра Семена, 1853. [4], III, [1], XXIII, [1], [2], 152 с.

Зайцев, Сизова, 2015 — *Зайцев В.П., Сизова А.А.* Икона с изображением китайского буддийского пантеона из коллекции ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2015 (осень—зима). № 2(23). С. 96–115.

Запретный город, 2007 — Запретный город. Сокровища китайских императоров. М.: ИПЦ «Художник и книга», 2007. 179, [1] с.

Кычанов, 1997 — *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 317, [3] с.

Лю Юнхуа, 2003 — *Лю Юнхуа 刘永华.* Чжунго гудай цзюньжун фуши 中国古代军戎服饰 [Древнее военное обмундирование Китая]. Шанхай 上海: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 2003. [2], 5, [1], 211 с.

Лю Юнхуа, 2013 — *Лю Юнхуа 刘永华.* Чжунго гудай цзюньжун фуши 中国古代军戎服饰 [Древнее военное обмундирование Китая]. Пекин : Цинхуа дасюэ чубаньшэ 清华大学出版社, 2013. [2], xi, [1], 302 с.

Маньвэнь лао дан, 2013 — Маньвэнь лао дан: Старый архив на маньчжурском языке / Под ред. В.Е. Ларичева; Пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. 273, [3] с., [6] с. вкл. (История и культура востока Азии).

Мишуков, 1954 — *Мишуков Ф.Я.* Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты / Под ред. С.К. Богоявленского и Г.А. Новицкого. М.: Гос. изд-во «Искусство», 1954. С. 115–136, 561–562 (примеч.), [2] л. вкл.

Непомнин, 2005 — *Непомнин О.Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 712 с.

Оленин, 1824а — [Оленин А.Н.] Ом. Мани. Падме. Аум. Безпрестанная молитва ламаитов. Письмо о сем предмете А. О. к Е. Ф. Тимковскому // [Тимковский Е.Ф.] Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах. С картою, чертежами и рисунками. Печатано по Высочайшему повелению, иждивением казны. Часть третья: Возвращение в Россию и Взгляд на Монголию. Санктпетербург: В Типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. 38, [4] с., [4] л. ил. (отд. пагинация).

Оленин, 1824б — [Оленин А.Н.] Письмо А. О. к Е.Ф. Тимковскому о безпрестанной молитве ламаитов, с четырьмя гравированными досками : Из третьей части Путешествия в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах. Санктпетербург: В типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. [2], 38, [4] с., [4] л. ил.

Опись..., 1884 — Опись Московской Оружейной палаты. Часть третья. Книга вторая: Броня / [Сост. Л.П. Яковлевым]. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1884. 312, X с.

Опись..., 1885 — Опись Московской Оружейной палаты. Часть четвертая. Книга третья: Холодное оружие / [Сост. Л.П. Яковлевым]. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1885. 348, XXI с.

Опись..., 2014 — Опись царской казны на Казенном дворе 1640 года / Подготовка к публикации текста описи и составление указателей М.Ю. Горькова, С.П. Орленко; Научный консультант Т.С. Борисова. М.: [Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”»], 2014. 191, [1] с.

Рисунки..., 1884 — Рисунки к Описи Московской Оружейной палаты / Фототипии худож. [М.М.] Панова. [М.]: [б. и.], [1884]. 500 л.

РКО, 1969 — Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. В 2-х т. Т. 1: 1608–1683 / Составление и обработка текста Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Комментарии и историческое введение В.С. Мясников; Археографическое введение Н.Ф. Демидова; Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Ред. Л.И. Думан. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1969. 612, [4] с.

РМО, 1974 — Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. 468, [4] с. (Материалы по истории русско-монгольских отношений).

Савваитов, 1865 — [Савваитов П.И.] Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной палаты : С объяснительным указателем / [соч.] Павла Савваитова. Санктпетербург: В типографии Императорской Академии наук, 1865. [2], 350 с., 12 табл. рис.

Смирнова, 1973 — Смирнова Е.И. К вопросу об авторстве книг «Холодное оружие», «Броня» и «Огнестрельное оружие» Описи Московской Оружейной палаты // Материалы и исследования. [Вып.] I / Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1973. С. 34–40.

Тимковский, 1824 — [Тимковский Е.Ф.] Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах. С картою, чертежами и рисунками. Печатано по Высочайшему повелению, иждивением казны. Часть третья: Возвращение в Россию и Взгляд на Монголию. Санктпетербург: В Типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824. [10], 433, 38, [4] с., [4] л. ил. (отд. пагинация).

Тянь Цзыбин и др., 2003 — Тянь Цзыбин 田自秉, У Шушэн 吴淑生, Тянь Цин 田青. Чжунго вэньян ши 中国纹样史 [История китайского орнамента]. Пекин 北京: Гаодэн цзяюй чубаньшэ 高等教育出版社, 2003. [8], 5, [1], 9, [1], 435 с.

Файбисович, 2006 — Файбисович В. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб.: [Изд-во «Российская национальная библиотека»], 2006. 480 с., [32] с. вкл.

Хуанчао лица туши, 2004 — Хуанчао лица туши 皇朝礼器图式 [Иллюстрированный [свод] образцов (рисунки и образцы) ритуальной утвари царствующей династии] / (Цин) Юньлу дэн бьяньчжуань 清·允禄等 编撰 [Сост. цинский Юньлу (т.е. Иньлу) и др.]; Му Дун дьянь цзяо 牧东 点校 [Разметка и сличение текста Му Дуна]. Янчжоу 扬州: Гуанлин шушэ 广陵书社, 2004. [2], 3, [1], [2], 812 с.

Шастина, 1949 — Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. [Т.] VI. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 383–395.

Янь Цзыю, 1991 — Янь Цзыю 晏子有. Цинчао цзунши фэнцзюэ чжиду чутань 清朝宗室封爵制度初探 [Предварительное исследование системы рангов членов императорского рода династии Цин] // Хэбэй сюэкань 河北学刊. 1991. № 5. С. 67–74.

Beer, 2003 — The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols / Written and Illustrated by Robert Beer. Boston: Shambhala, 2003. xiv, [4], 262 p.

Clarke, 2011 — Clarke J. Non-Sculptural Metalworking in Eastern Tibet 1930–2003 // Art in Tibet: Issues in Traditional Tibetan Art from the Seventh to the Twentieth Century: PIATS 2003: Tibetan Studies: Proceedings of the Tenth Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Oxford, 2003. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 171–181. (Brill’s Tibetan Studies Library; Vol. 10/13).

Douglas, 1978 — Tibetan Tantric Charms and Amulets: 230 Examples Reproduced from Original Woodblocks / Selection and Text by Nik Douglas. New York: Dover Publications, Inc., 1978. xxxiii, [233] p.

Gega Lama, 1983 — Gega Lama. Principles of Tibetan Art: Illustrations and explanations of Buddhist iconography and iconometry according to the Karma Gardri School. Vol. II. Darjeeling, W.B.: Jamyang Singe, 1983. 243 p.

Helffer, 1989 — Helffer M. Organologie et symbolisme dans la tradition tibétaine. Le cas de la clochette *dril-bu* et du tambour *damaru/cang-te’u* // Cahiers de musiques traditionnelles. 2: Instrumental. Genève: Georg, 1989. P. 33–50.

Klaproth, 1824 — Klaproth. *Om mani padmê khoûm*, prière continuelle des Lamaïtes; lettre sur cet objet adressée à M. Iegor Timkowski, par S. E. Monsieur Alexis Olenin, secrétaire-d’état, président de l’Académie des Beaux-Arts, directeur de la Bibliothèque impériale, etc. — Saint-Pétersbourg, 1824. in-8° (en russe) avec quatre planches // Journal Asiatique. 1824, Octobre. Tome V. P. 254–255.

LaRocca, 1996 — LaRocca D.J. The Gods of War: Sacred Imagery and the Decoration of Arms and Armor. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1996. 47 p.

LaRocca, 2006 — *LaRocca D.J.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet / Donald J. LaRocca, with essays by John Clarke, Amy Heller, and Lozang Jamspal. New York: The Metropolitan Museum of Art ; New Haven; London: Yale University Press, 2006. xii, 307 p.

Rawski, 1998 — *Rawski E.S.* The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1998. xii, 481 p.

Timkovski, 1827a — Voyage à Péking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821, Par M. G. Timkovski; Traduit du Russe par M. N*****, revu par M. J.-B. Eyriès; Publié, avec des Corrections et des Notes, par M. J. Klaproth; Ouvrage accompagné d'un atlas qui contient toutes les planches de l'original, et plusieurs autres inédites. Tome premier; Tome second. Paris: Librairie Orientale de Dondey-Dupré père et fils, M DCCC XXVII [1827]. T. 1: [8], xij, 478, [2]; T. 2: [4], 459 p.

Timkovski, 1827b — Voyage à Péking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821, Par M. G. Timkovski, Traduit du Russe, par M. N*****, et revu par M. J.-B. Eyriès; Ouvrage publié, avec des Corrections et des Notes, par M. J. Klaproth. Atlas. Paris: À la Librairie Orientale de Dondey-Dupré père et fils, M DCCC XXVII [1827]. 32, [2] p., 12 pl.

Treasures of the Moscow Kremlin, 1998 — Treasures of the Moscow Kremlin: Arsenal of the Russian Tsars = Сокровища Московского Кремля: Арсенал русских царей : [A Royal Armouries exhibition, HM Tower of London, 13 June 1998 — 13 September 1998]. Leeds: Royal Armouries, 1998. 192 p.

Wayman, 1973 — *Wayman A.* The Buddhist Tantras: Light on Indo-Tibetan Esotericism. New York: Samuel Weiser, 1973.

References

Golubeva, 1988 — *Golubeva O.D.* (1988). Khraniteli mudrosti [The Keepers of wisdom]. Moscow: Knizhnaya palata. 271, [1] p. [in Russian]

Arseniyev, 1902 — *Arseniyev Yu.V.* (1902). K istorii drevnostej Oruzhejnoj palaty [To the history of antiquities of the Armoury chamber] // Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete [Papers read in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Book 3 (202). Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1902. [Dep.] IV: Mix. p. 38–44. [in Russian]

Bobrov, 2016 — *Bobrov L.A.* (2016). Zashchitnoe vooruzhenie cinskogo imperatora Syuan'e (1661–1722) [Armour of Qing Emperor Xuanye (1661–1722)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. Vol. 15. No. 7: Archaeology and Ethnography. p. 158–168. [in Russian]

Bobrov, Ozheredov, 2010 — *Bobrov L.A., Ozheredov Yu.I.* (2010). Pozdnesrednevekovyj pancir'–“halat” voina-buddista iz Central'noj Azii. (Iz istorii “oruzhejnogo” sobraniya MAES TGU) [Late medieval armour–“robe” of the warrior-Buddhist from Central Asia. (From the history of the TSU MAES's “armour” collection)]// Materials and researches of ancient, medieval and new history of North and Central Asia. Issue 1. Tomsk: Tomsk State University, 2010. p. 7–64. (Proceedings of Tomsk State University Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia; Vol. III). [in Russian]

Bobrov I dr., 2015 — *Bobrov L.A., Pastukhov A.M., Belousova N.E.* (2015). Shlemy cinskih imperatorov XVII — nachala XIX vv. (po materialam *Huanchao lici tushi*) [Helmets of Qing emperors of the 17th to the early 19th centuries (based on the materials of the *Huangchao liqi tushi*)] // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: 45-ya nauchnaya konferenciya [Society and State in China: the 45th scientific conference]. Vol. 45. Part 1. Moscow: Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences. p. 90–101. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2002 — *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2002). Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina perioda pozdnego srednevekov'ya [Protective armament of the Middle Asian warrior of the late Middle Ages]. *Voennoe delo nomadov Severnoj i Central'noj Azii: Sbornik nauchnykh statej*[Warfare of the nomads of the Northern and Central Asia: Collection of papers]. Novosibirsk: [Novosibirsk State University]. p. 106–168. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2003 — *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2003). Evolyuciya zashchitnogo vooruzheniya chzhurchzhenej i man'chzhurov v periody razvitogo, pozdnego srednevekov'ya i novogo vremeni [Evolution of protective armament of the Jurchen and Manchu people during the High, Late Medieval and Modern ages] // *Arkheologiya Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii pozdnego srednevekov'ya: Sbornik nauchnykh statej* [Archaeology of Southern Siberia and Central Asia of the late Middle Ages: Collection of papers]. Novosibirsk: OOO “RTF”. p. 66–212. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2008 — *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2008). Vooruzhenie i taktika kochevnikov Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV — pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern ages (15th — first half of the 18th century A.D.)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology. 774, [1] p., [8] p. of pl. (Historia militaris). [in Russian]

Bogatskaya, 2014 — *Bogatskaya I.A.* (2014). “Rossijskie drevnosti” v proizvedeniyakh grafiki pervoj poloviny XIX veka. Tom 1 [“The Russian antiquities” in graphic works of the first half of the 19th century. Vol. 1]. Moscow: [Mittel Press]. 422, [2] p.

Bokshchanin, Nepomnin, 2002 — *Bokshchanin A.A., Nepomnin O.E.* (2002). Liki Sredinnogo carstva: Zanimatel'nye i poznavatel'nye syuzhety srednevekovoj istorii Kitaya [Faces of the Middle Kingdom:

- Entertaining and informative stories of the medieval history of China]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN. 430 p. [in Russian]
- Veltman, 1844** — *Veltman A.F.* (1844). Moskovskaya Oruzhejnaya palata [Moscow Armoury chamber]. Moscow: V Tipografii I. Stepanova. 171, [1], 74, [2], VIII p. [in Russian]
- Veltman, 1860** — *Veltman A.F.* (1860). Moskovskaya Oruzhejnaya palata. Vtoroe, vnov' sostavlennoe, izdanie [Moscow Armoury chamber. Second, newly compiled edition]. [Moscow]: V Tipografii Bakhmeteva. [6], 288 p. [in Russian]
- Gosudareva Oruzhejnaya palata, 2002** — Gosudareva Oruzhejnaya palata [Armoury chamber of the Russian tsars]. St. Petersburg: Atlant, 2002. 407, [1] p. (Sto predmetov iz sobraniya rossijskikh imperatorov [One hundred items from the collection of the Russian emperors]). [in Russian]
- Drevnosti Rossijskogo gosudarstva, 1853** — Drevnosti Rossijskogo gosudarstva, izdannye po vysochajshemu poveleniyu gosudarya imperatora Nikolaya I. Otd. III: Bronya, oruzhie, karety i konskaya sbruya [Antiquities of the Russian state issued by imperial order of the Emperor Nicholas I. Division 3: Armour, weapons, carriages, and horse harness]. Moscow: V Tipografii Aleksandra Semena, 1853. [4], III, [1], XXIII, [1], [2], 152 p. [in Russian]
- Zaytsev, Sizova, 2015** — *Zaytsev V.P., Sizova A.A.* (2015). Ikona s izobrazheniem kitajskogo buddijskogo panteona iz kollekcii IVR RAN [Icon depicting the Chinese Buddhist pantheon from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences]// Pis'mennye pamyatniki Vostoka [Written Monuments of the Orient]. No. 2(23). p. 96–115. [in Russian]
- Forbidden city, 2007** — Zapretnyj gorod. Sokrovishcha kitajskikh imperatorov [The Forbidden city. Treasures of emperors of China]. Moscow: Publishing and Printing Center "Khudozhnik i kniga", 2007. 179, [1] p. [in Russian]
- Kychanov, 1997** — *Kychanov E.I.* (1997). Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov [Nomadic states from the Huns to the Manchu]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN. 317, [3] p. [in Russian]
- Liu Yonghua, 2003** — *Liu Yonghua*刘永华. (2003). Zhongguo gudai junrong fushi 中国古代军戎服饰 [Ancient Chinese armour]. Shanghai 上海: Shanghai guji chubanshe 上海古籍出版社, 2003. [2], 5, [1], 211 p. [in Chinese]
- Liu Yonghua, 2013** — *Liu Yonghua*刘永华. Zhongguo gudai junrong fushi 中国古代军戎服饰 [Ancient Chinese armour]. Beijing北京: Qinghua daxue chubanshe 清华大学出版社, 2013. [2], xi, [1], 302 p. [in Chinese]
- Man'ven' laodan, 2013** — Man'ven' lao dan: Staryj arkhiv na man'chzhurskom yazyke [Manwen Lao Dang: The Old archives in the Manchu language]. Edited by V.Ye. Larichev; Translated from the Manchu language by L.V. Turumina. Novosibirsk: The Institute of Archaeology and Ethnography Press, 2013. 273, [3] p., [6] p. incl. (History and culture of East Asia). [in Russian]
- Mishukov, 1954** — *Mishukov F.Ya.* (1954). Zolotaya nasechka i inkrustaciya na drevnem vooruzhenii [Gold damascening and inlay on antique weapons] // Gosudarstvennaya Oruzhejnaya palata Moskovskogo Kremlya: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Gosudarstvennoj Oruzhejnoj Palaty [The State Armoury Chamber of the Moscow Kremlin: Collection of scientific papers on the materials of the State Armoury Chamber]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Iskusstvo". p. 115–136, 561–562 (notes), [2] pl. [in Russian]
- Nepomnin, 2005** — *Nepomnin O.E.* (2005). Istoriya Kitaya: Epokha Cin. XVII — nachalo XX veka [A History of China: the Qing era: 17th to the beginning of the 20th century]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN. 712 p. [in Russian]
- Olenin, 1824a** — [Olenin A.N.] (1824). Om. Mani. Padme. Aum. Bezprestannaya molitva lamaitov. Pis'mo o sem predmete A.O. k E.F. Timkovskomu [Om. Mani. Padme. Aum. Lamaists' continual prayer. A Letter of A.O. to E.F. Timkovsky on this subject]// [Timkovsky E.F.]. Puteshestvie v Kitaj chrez Mongoliyu, v 1820 i 1821 godakh. S kartoyu, chertezhami i risunkami. Chast' tret'ya: Vozvrashchenie v Rossiyu i Vzglyad na Mongoliyu [A Journey to China through Mongolia in the years 1820 and 1821. With map, sketches and drawings. Part 3: Return to Russia and look at Mongolia]. St. Petersburg: V Tipografii Medicinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. 38, [4] p., [4] pl. (separate pagination). [in Russian]
- Olenin, 1824b** — [Olenin A.N.] (1824). Pis'mo A.O. k E.F. Timkovskomu o bezprestannoj molitve lamaitov, s chetyr'mya gravirovannymi doskami: Iz tret'ej chasti Puteshestviya v Kitaj chrez Mongoliyu v 1820 i 1821 godakh [A Letter of A.O. to E.F. Timkovsky onlamaists' continual prayer, with four engraved planks: From third part of A Journey to China through Mongolia in the years 1820 and 1821]. St. Petersburg: V Tipografii Medicinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. [2], 38, [4] p., [4] pl. [in Russian]
- Opis'..., 1884** — Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty [Inventory of the Moscow Armoury Chamber]. Chapter 3. Book 2: Bronya [Armour]. Moscow: Tipografiya obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1884. 312, X p. [in Russian]
- Opis'..., 1885** — Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty [Inventory of the Moscow Armoury Chamber]. Chapter 4. Book 3: Holodnoe oruzhie [Cold arms]. Moscow: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1885. 348, XXI p. [in Russian]

[Opis'..., 2014](#) — Opis' carskoj kazny na Kazennom dvore 1640 goda [Inventory of the Tsar's treasury at the Kazenny Dvor (Treasury Court) 1640]. Moscow: [The Moscow Kremlin State Historical and Cultural Museum and Heritage Site], 2014. 191, [1] p. [in Russian]

[Risunki..., 1884](#) — Risunki k Opisi Moskovskoj Oruzhejnoj palaty [Drawings to the Inventory of the Moscow Armoury Chamber]. [Moscow]: [s. n.], [1884]. 500 ff. [in Russian]

[RKO, 1969](#) — Russko-kitajskie otnosheniya v XVII veke. Materialy i dokumenty. V dvukh tomakh. Tom 1: 1608–1683 [Russian-Chinese relations in the 18th century. Materials and documents. In two volumes. Vol. 1: 1608–1683]. Moscow: Nauka, 1969. 612, [4] p. [in Russian]

[RMO, 1974](#) — Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian relations. 1636–1654. Collection of documents]. Moscow: Nauka, 1974. 468, [4] p. (Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnoshenij [Materials on the history of Russian-Mongolian relations]). [in Russian]

[Savvaitov, 1865](#) — [Savvaitov P.I.] (1865). Opisanie starinnyh carskih utvarej, odezhd, oruzhiya, ratnykh dospekhov i konskago pribora, izvlechennoe iz rukopisej Arkhiva Moskovskoj Oruzhejnoj palaty: S ob'yasnitel'nym ukazatelem. [Soch.] Pavla Savvaitova [Description of ancient Tsar's utensil, clothes, weapons, armours and horse caparison, extracted from manuscripts of the Archives of the Moscow Armoury Chamber: With an explanatory index. [Compiled] by Pavel Savvaitov]. St. Petersburg: V Tipografii Imperatorskoj Akademii nauk. [2], 350 p., 12 tabl. [in Russian]

[Smirnova, 1973](#) — Smirnova E.I. (1973). K voprosu ob avtorstve knig “Holodnoe oruzhie”, “Bronya” i “Ognestrel'noe oruzhie” Opisi Moskovskoj Oruzhejnoj palaty [Towards the question of the authorship of the books “Cold arms”, “Armour” and “Firearms” of the Inventory of the Moscow Armoury Chamber] // Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya [State Museums of the Moscow Kremlin: Materials and researches]. [Vol.] I. Moscow: Iskusstvo. p. 34–40. [in Russian]

[Timkovsky, 1824](#) — [Timkovsky E.F.] (1824). Puteshestvie v Kitaj chrez Mongoliyu, v 1820 i 1821 godakh. S kartoyu, chertezhami i risunkami. Chast' tret'ya: Vozvrashchenie v Rossiyu i Vzglyad na Mongoliyu [A Journey to China through Mongolia in the years 1820 and 1821. With map, sketches and drawings. Part 3: Return to Russia and look at Mongolia]. St. Petersburg: V Tipografii Medicinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del. [10], 433, 38, [4] p., [4] pl. (separate pagination). [in Russian]

[Tian Zibing et al., 2003](#) — Tian Zibing 田自秉(2003). Zhongguo wenyang shi 中国纹样史 [History of Chinese ornament]. Beijing 北京: Gaodeng jiaoyu chubanshe 高等教育出版社. [8], 5, [1], 9, [1], 435 p. [in Chinese]

[Faibisovich, 2006](#) — Faibisovich V. (2006). Aleksej Nikolaevich Olenin. Opyt nauchnoj biografii [Alexey Nikolayevich Olenin: Essay on an academic biography]. St. Petersburg: [Rossijskaya nacional'naya biblioteka]. 480 p. [in Russian]

[Huangchao liqi tushi, 2004](#) — Huangchao liqi tushi 皇朝礼器图式 [Illustrated regulations for ceremonial paraphernalia of the Qing dynasty] / (Qing) Yunlu deng bianzhan 清·允禄等编撰 [Comp. (Qing) Yunlu (i.e. Yinlu) et al.]; Mu Dong dianjiao 牧东点校 [Collation by Mu Dong]. Yangzhou 扬州: Guangling shushe 广陵书社, [2], 3, [1], [2], 812 p. [in Chinese]

[Shastina, 1949](#) — Shastina N.P. (1949). Altyn-hany Zapadnoj Mongolii v XVII v. [The Altyn-khans of Western Mongolia in the 17th century]. *Sovetskoe vostokovedenie*. [Vol.] 6. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, p. 383–395. [in Russian]

[Yan Ziyou, 1991](#) — Yan Ziyou 晏子有 (1991). Qingchao zongshi fengjue zhidu chutan 清朝宗室封爵制度初探 [A Preliminary discussion of the investiture system of the Qing main descent line] // Hebei xuekan 河北学刊. No. 5. p. 67–74. [in Chinese]

УДК 903.22

**Поздний чжурчжэньский (ранний маньчжурский) племя
второй половины 10-х—середины 30-х гг. XVII в.
из собрания Оружейной палаты Московского Кремля**

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Вячеслав Петрович Зайцев ^b, Сергей Павлович Орленко ^c,
Алексей Викторович Сальников ^d

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Институт восточных рукописей Российской академии наук, Российская Федерация

^c Музеи Московского Кремля, Оружейная палата, Российская Федерация

^d Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), sldr76@gmail.com (В.П. Зайцев), orlenko@kremlin.museum.ru (С.П. Орленко), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

Аннотация. Среди памятников оружейного мастерства в собрании Оружейной палаты Музеев Московского Кремля хранится уникальный восточноазиатский шлем, имеющий инвентарный номер ОР–2057. На протяжении последних двухсот лет изображения и краткие описания данного шлема неоднократно воспроизводились в различных работах — от военно-исторических до филологических, однако сам он еще не становился объектом специального научного оружиеведческого исследования.

Комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников, позволил уточнить датировку и атрибуцию шлема ОР–2057, а также обстоятельства его поступления в Оружейную палату Московского Кремля.

Первые упоминания о рассматриваемом наголовье в русской служебной документации связаны с посольством С. Греченина и Б. Карташева к правителю монголов-хотогойтов Омбо-Эрдэни-хунтайджи и ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо, продолжавшемуся с 28 августа 1636 г. по 23 апреля 1637 г. (по старому стилю). В ходе переговоров, в начале февраля (предположительно 4 февраля) 1637 г. лама Эрдэни Дай мэргэн Нансо преподнес шлем в качестве «дани» царю Михаилу Федоровичу. 28 октября 1637 г. наголовье поступило на хранение в сокровищницу Казенного двора, а затем в Оружейную палату Московского Кремля.

По результатам проведенного анализа установлено, что шлем изготовлен в рамках поздней чжурчжэньской (ранней маньчжурской) оружейной традиции во второй половине 10-х — середине 30-х гг. XVII в. в одной из мастерских государства Хоу Цзинь (1616–1636).¹ Таким образом, рассматриваемое наголовье может быть атрибутировано как поздний чжурчжэньский или ранний маньчжурский шлем времен Нурхаци (1559–1626) и Хуантайцзи (1592–1643).²

Привилегией ношения шлема с подобным декоративным оформлением во времена Цинской империи (1636–1912) обладали (согласно «Хуанчао лица туши») лишь представители узкой прослойки маньчжурской и монгольской аристократии — «князья крови» первой и второй степени, то есть *цин-ваны* и *цзюнь-ваны* (носители второго и третьего по значимости титула в Цинской империи). Это позволяет предположить, что шлем ОР–2057 мог быть первоначально изготовлен для одного из представителей высшей знати чжурчжэньского (маньчжурского) государства, социальный статус которого был близок или эквивалентен статусу лиц, получавших титулы *цин-ван* или *цзюнь-ван* в цинский период. Таким образом, шлем ОР–2057 является одним из самых ранних известных на сегодняшний день наголовий позднечжурчжэньского (маньчжурского) производства, которое может быть с высокой степенью надежности датировано и соотнесено с комплексом вооружения аристократии государства Хоу Цзинь. Последний факт предопределяет исключительную научную ценность рассматриваемого шлема в качестве эталона при датировке и атрибуции хоу-цзиньских и цинских шлемов первой половины XVII в. из музейных и частных собраний России и других стран.

Ключевые слова: Восточная Азия, Цинская империя, Хоу Цзинь, защитное вооружение, шлем.

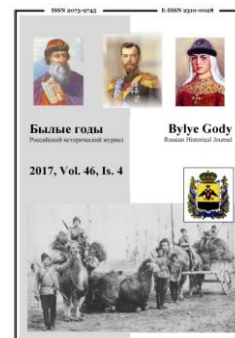
¹ С 1636 г. — Цинской империи.

² Обстоятельства передачи шлема представителям буддийского духовенства в Монголии в настоящее время не установлены. Наиболее вероятно, что шлем был передан ламе Эрдэни Дай мэргэн Нансо в качестве подношения во время одной из его многочисленных поездок по различным регионам Центральной и Восточной Азии.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1174-1183, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1174
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

The Formation of Entrepreneurship in Russia: Historical Background and Modernity

Mihail N. Dudin ^{a, *}, William V. Smirnov ^b, Ekaterina P. Rusakova ^c

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russian Federation

^b Institute of State and Law (ISLE) of the Russian Academy of Sciences (RAS), Russian Federation

^c Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

Within the framework of the presented article, the authors reviewed the prerequisites for the formation of national entrepreneurship during the reign of Peter I and Catherine II on the basis of a review of a wide range of Russian and foreign historical sources. The data obtained during the research made it possible to define the form of the national economy structure in the periods under review, as well as to structure the main negative (from the financial, economic and institutional point of view) moments of the results of the reign of two significant Russian reformers. On the basis of historical parallels, the authors convincingly substantiate that the management mistakes made in the economic and financial transformations initiated during the reign of Peter I and Catherine II tend to repeat, which greatly restricts the entrepreneurial initiative and economic activity in modern Russian society.

Keywords: entrepreneurship, society, economic reforms, Peter I, Catherine II, manufactory, industry, results of government, finance.

1. Введение

В настоящее время современная Россия проходит через этап кардинальных экономических трансформаций и преобразований, по силе и глубине сравнимых с эпохальными изменениями в общественно-экономическом укладе страны в период правления Петра I и Екатерины II. Начало их правления связано с развитием династии Романовых (впоследствии императорского дома Романовых). Приход к власти этих правителей совпал с хозяйственной разрухой и упадком страны, обусловленным влиянием внутривосточных (смута) и внешнеполитических причин (польско-шведская интервенция).

Сохранявшаяся феодальная раздробленность и разобщенность населения не позволяла формироваться новому классу буржуа, что обуславливало закрепление аграрной ориентации в экономике, экстенсивность экономического роста, который обеспечивался преимущественно за счет эксплуатации труда крепостных крестьян. Ремесленная и мануфактурная сфера были развиты относительно слабо, и одной из причин этого первый русский экономист И.Т. Посошков считал не столько сложившийся общественно-экономический уклад, сколько низкий уровень профессионального мастерства (Посошков, 1911).

"Феодальное наследие" Петра I помешало ему сразу же реализовать ряд амбициозных планов по общественному, политическому и экономико-техническому переустройству страны, т.к. (говоря современным языком) общество и экономика не обладали стратегическим потенциалом для перехода от экстенсивного и аграрного типа развития к интенсивному промышленному (индустриальному)

* Corresponding author

E-mail addresses: dudinmn@mail.ru (M.N. Dudin), igpran@igpran.ru (W.V. Smirnov), kafedra_gtp@mail.ru (E.P. Rusakova)

типу развития. Существующие на тот момент территориально-географические границы государства не позволяли вести внешнеэкономическую деятельность русским купцам. Россия преимущественно импортировала, а не экспортировала товары, так как выхода к торговым морским путям у страны не было (в Балтийском море пути выхода блокировала Швеция, в Черном море – Турция). Соответственно у Петра I имелось только два выхода для изменения существующего положения, преодоления общественной и экономической отсталости:

- сделать Русское государство сырьевым придатком Европы, обеспечив тем самым приток инвестиций в рентабельные отрасли, но и лишившись при этом самостоятельности в принятии решений, т.к. основные решения в таком случае принимались бы иностранными советниками, лоббирующими интересы европейских предпринимателей (торговцев, промышленников);

- осуществить социально-экономический прорыв за счет модернизации национального общества и экономики, значительного участия государства в экономических процессах, при этом неизбежными становятся геополитические конфликты (войны), так как русскому предпринимательству (купцам, владельцам мануфактур и промышленникам) необходим выход во внешнюю экономику.

Как мы теперь знаем, Петр I выбрал второй путь, который мы сейчас именуем как защиту отечественного производителя (государственный экономический протекционизм). Таким образом, в данной статье рассматриваются ключевые моменты правления двух личностей: Петра I и Екатерины II (как продолжательницы "славных петровских дел") в социально-экономическом контексте и дано общее описание предпосылок, которые привели к тому, что трехсотлетний период правления дома Романовых можно считать эпохой становления русского (российского) предпринимательства, поступательное развитие которого было прервано Октябрьской революцией в 1917 году.

2. Материалы и методы

Представленная статья является результатом аналитического исследования и систематизации исторических данных относительно развития предпринимательства в петровскую и екатерининскую эпоху правления дома Романовых. На основе проведенного анализа (в экономическом, социально-политическом, правовом и техническом контексте) описаны структурные и динамические изменения в предпринимательском секторе и влияние этих изменений на внешние конкурентные позиции национальной экономики рассматриваемых периодов (правления Петра I и правления Екатерины II).

В качестве источников использованы аналитические и исследовательские труды известных русских ученых и общественных деятелей: М.И. Туган-Барановского (Туган-Барановский, 1900), А.С. Лаппо-Данилевского (Лаппо-Данилевский, 1890), И.Т. Посошкова (Посошков, 1911), Ф.И. Михайлевского (Михайлевский, 1925), П.П. Мельгунова (Мельгунов, 1905) и других, а также ряда зарубежных исследователей, которые занимались сравнительным экономическим анализом развития стран Европы и Евразии: Я. Шмуклера (Schmookler, 1966), С. Кузнец (Kuznets, 1946; Kuznets, 1953), Дж. Мейвора (Mavor, 1925), О. Гюбнер (Гюбнер, 1869) и других.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный, статистический и типологический.

3. Обсуждение

Период правления Петра I и Екатерины II ознаменовались экономическими, политическими, социальными и территориальными трансформациями, которые поистине можно признать эпохальными, определившими физические и ментальные границы современного мира. Правление Петра I преимущественно было связано (говоря современным языком) с формированием институционально-делового пространства. В период правления Екатерины II была сформирована научно-технологическая база для опережающего развития, которая в том числе была использована для прорывной индустриализации в первой трети XX века. Однако стоит согласиться и с тем, что стратегический потенциал развития Российской империи и в петровской, и в екатерининской эпохе не был использован в полной мере.

В частности, к 1913 году (столь любимой дате, которая постоянно использовалась в качестве базы сравнения в российской статистике) Российская империя сохраняла в экономическом плане аграрно-ориентированный статус, а высокие темпы роста экономики этого периода можно связать с конъюнктурными факторами, обусловившими значительное увеличение спроса на энергоносители (уголь) и продукцию металлургического производства. В социальном плане Российская империя к 1913 году существенно отставала от Франции, Великобритании и США. В частности, средний годовой доход в императорской России был в 1,5–2,3 раза ниже, чем в указанных странах (Arcadius, 1967; Варга, 1973; North, Thomas, 1973; Dudin et al., 2016). Причин тому достаточно много:

• крепостное право, легитимизованное в середине XVII века, оказывало длительный негативный отложенный эффект на специфику и темпы социально-экономического развития Российской империи;

• долгое дискриминационное положение женщин, ограничивающее их участие в общественной, экономической и научной сфере;

• отсутствие нормальной доступности образования, а также недостаточная развитость сферы здравоохранения.

Последний фактор (здравоохранение и доступность медицинских услуг для широких слоев населения) был одним из самых значимых. Показательно, что проблема формирования системы регионального здравоохранения нашла отражение даже в художественной литературе. Например, в романе Л.Н. Толстого "Анна Каренина" отражено сопротивление помещиков установлению института земства и распространению земской врачебной практики.

Что касается научного управления производством, которое стало активно продвигаться в европейских странах и США с конца XIX века, то в России оно так и не было внедрено. Советский экономист Е.С. Варга (идеализируя социалистическое устройство в СССР) указывает, что механизация труда, а также энергетическое снабжение предприятий еще в XIX веке было редкостью (Варга, 1973), не говоря о более ранних периодах (это касается как России, так и других, наиболее развитых в экономическом отношении стран того периода).

Более того, в трудах Вольного экономического общества от 1860 года отмечалось, что, несмотря на достижения естественных наук и в России, и в Англии "практические хозяева" (т.е. землевладельцы и управляющие имениями) сопротивлялись к переходу научно организованного земледелия (Труды ВЭО, 1860: 6-10). В России это сопротивление было особенно выраженным, поскольку сохранялся патриархальный уклад жизни в сельских и весьма удаленных от экономического центра той эпохи провинциях. Вероятно, также именно поэтому сельское хозяйство России было убыточным и низко плодородным (Труды ВЭО, 1860: 19). И это также отражено в трудах Вольного экономического общества:

• в 1790 году всерьез обсуждалось введение в посеvy растения кырлык (гречихи татарской – сорняка яровых зерновых культур, не требующего хорошей обработки почв и не прихотливого к погодным условиям);

• в 1862 году аналитические данные по финансовому состоянию сельскохозяйственных поместий указывали на то, что практически половина из них состоит в залоге, при этом в большинстве таких поместий накопленные долги практически на четверть превышают первоначальную ссуду (Труды ВЭО, 1862: отд. 1: 15-18).

Промышленное производство XVIII–XIX веков (в силу того, что Россия сохраняла свой аграрный уклад и не стремилась развивать капиталистическое предпринимательство) было сконцентрировано в странах Западной Европы и США. Но одновременно с этим, несмотря на сохраняющееся отставание России в своем социально-экономическом развитии от западноевропейских стран, реформы Петра I и Екатерины II позволили стране увеличить темпы экономического роста в XIX веке даже за счет частичного использования потенциала, накопленного в XVIII веке.

Эти достижения безусловно связаны с теми мерами (добровольными, и вынужденными), которые появились и были реализованы в периоды правления первого российского императора и его не менее великой последовательницы (см. рис. 1).

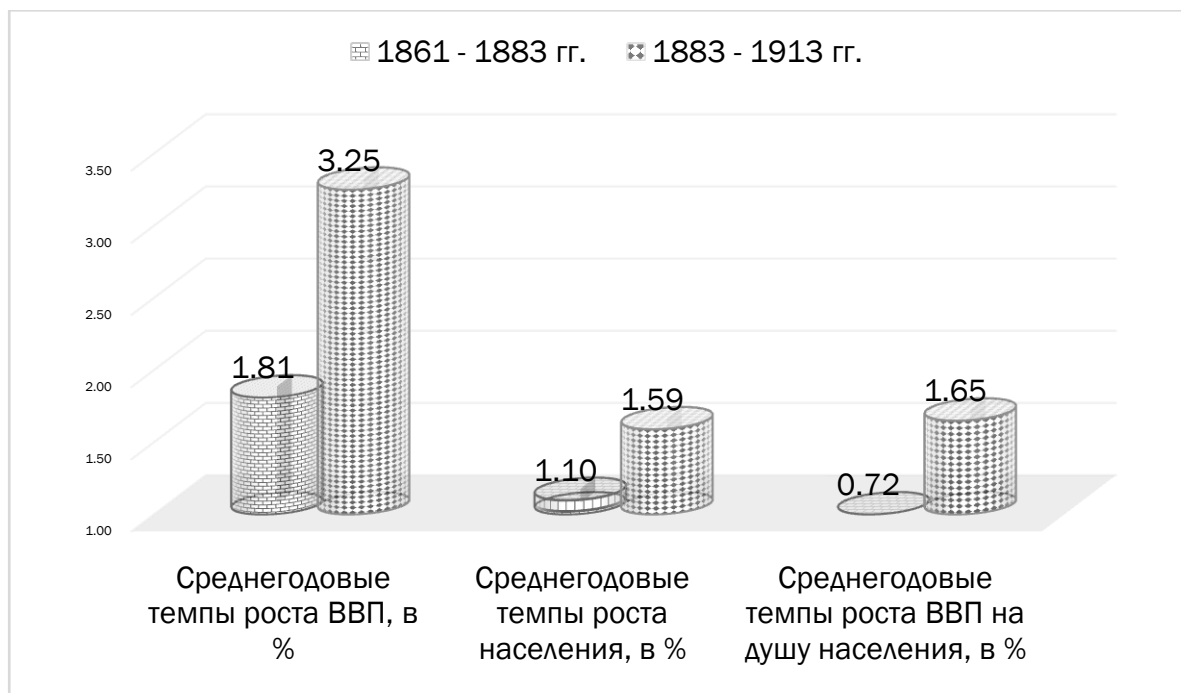

Рис. 1. Темпы экономического роста в Российской Империи (Gregory, 2014: 24-25)

Кроме этого, очевидно позитивное влияние политического фактора (отмена крепостного права в 1861 году), который в значительной степени стимулировал экономическую и деловую активность населения. Сохраняющаяся при этом экстенсивность и масштабирование протекционистских экономических мер, а также весьма часто непродуманная налоговая и тарифная политика привели к тому, что к концу XIX века чистые потери от протекционизма в промышленно-производственной сфере более чем в два раза превысили доходы правительства Российской империи от налогов и тарифов (рис. 2).

Рис. 2. Оценка влияния протекционистских мер на экономику Российской Империи к концу XIX века (Arcadius, 1967: 4)

Основная проблема заключалась в том, что экономический протекционизм государства по-прежнему не стимулировал внутреннюю инвестиционную активность в среде российских промышленников и предпринимателей. По мнению российских и зарубежных ученых, активно исследующих вопросы исторического контекста развития национальных экономик, наиболее поздняя отмена крепостного права и, напротив, наиболее раннее закрепление протекционистских мер

(инициация которых относится именно к периоду правления Петра I) привели к тому, что экономика России стала испытывать острую нехватку капитала для освоения того потенциала, который был накоплен в предыдущие периоды; институциональная и экономическая отсталость провинций (в первую очередь сельскохозяйственных) углубила экстенсивность и предельно закрепила аграрно-торговый тип российского предпринимательства; нерешенные вопросы в части земельного права привели к оттоку населения из сельской местности в города, что обусловило свертывание экономических связей между городами и деревней.

Безусловно, можно привести ещё множество причин того, что предпринимательский, промышленный, научно-технологический потенциал, созданный в эпоху правления Петра I и развитый в эпоху правления Екатерины II, не был использован в полной мере к 1913 году. Но с другой стороны, история, убедительно доказывает, что общей и вероятно фундаментальной проблемой как Российской империи, так и современной демократической России является чрезмерная централизация исполнительной власти и слабость законодательной власти. Это приводит к тому, что институциональная среда предпринимательской деятельности весьма существенно ограничивает экономическую (деловую) инициативность населения.

4. Результаты

Правление Петра I ознаменовалось значительным экономическим прорывом, достигнутым за счет модернизации предпринимательского (промышленного и торгового) сектора, обновления общественных устоев, создания нового государственного аппарата управления в том числе (Лаппо-Данилевский, 1890; Посошков 1911/2010; Kuznets, 1946; North, Thomas, 1973):

- доходы государственного бюджета выросли за период с 1680 по 1730 год включительно практически в 6 раз (с 1,5 до 8,5 млн. рублей). Возросшие доходы бюджета позволили провести модернизацию в регулярной армии и увеличить её численность более чем в 5 раз (с 40 до 210 тыс. человек);

- количество вновь созданных мануфактур увеличилось с двух-трех десятков до нескольких сотен (порядка 220 фабрик, из которых не менее 90 – крупные мануфактуры);

- создана горнорудная отрасль на основе "Берг-привилегии", а также открыты прииски драгоценных металлов, что позволило начать освоение удаленных от центра земель и провинций (например, на Среднем Урале);

- выстроена новая транспортная инфраструктура с водным и дорожным сообщением на северо-западном направлении (Петербург);

- введены защитные таможенные тарифы для поддержки российских промышленников и предпринимателей, которые осуществляли производство продукции, ранее закупаемой за рубежом.

Экономические и финансовые достижения в период правления Екатерины II не менее впечатляющи. Среди ключевых итогов её правления стоит особо отметить:

- увеличение государственных доходов более чем в 4 раза, а общее количество фабрик и заводов увеличилось также не менее чем в 4 раза (с 500 до 2000 единиц);

- значительно увеличились объемы промышленного производства, в частности в середине XVIII века в России выплавлялось порядка 110 тыс. тонн чугуна, а в Англии – немногим более 40 тыс. тонн ежегодно;

- выстроено более 140 новых городов, проведена модернизация практически 30 губерний, присоединены новые территории, что обусловило прирост населения на 7 млн. человек;

- внешнеторговый баланс стал положительным (экспорт превышал импорт, в среднем на 8–10 млн. рублей ежегодно);

- заложены основы институтов финансовой системы (открытие Государственного заемного банка) (Туган-Барановский, 1900; Мельгунов, 1905; Arcadius, 1967; Михайлевский, 1925; Gregory, 2014).

В кратком обзоре сложно представить полностью и последовательно все экономические и финансовые результаты правления Петра I и Екатерины II, поэтому выше мы ограничились перечислением наиболее значительных положительно оцениваемых достижений двух реформаторов. Но далее считаем целесообразным, рассмотреть не только достижения, но и явные деструктивные явления, которые имели место в период правления и Петра I, и Екатерины II.

Финансовые и экономические реформы, проведенные Петром I, безусловно, способствовали укреплению внутреннего рынка и расширению внешних позиций российского предпринимательства того периода. Этому также способствовала и нормотворческая активная деятельность царя (впоследствии императора), и регулярно возобновляемые длительные военные кампании. Принято считать, что экономические и финансовые реформы, реализованные Петром I, полностью базируются на системе меркантилистских доктрин, в том числе определяющих доминирующее положение протекционистских мер. С одной стороны, судя по царским указам петровской эпохи, это действительно так. Но с другой стороны стоит обратить внимание на такие факты:

а) принудительное привлечение к труду вольнонаемных мастеровых и рабочих;

б) дальнейшее закрепление крестьян не только за поместьями, но и за мануфактурами, заводами, фабриками;

в) создание системы жесткого контроля над промышленным производством и торговым делом.

Еще один примечательный факт состоит в том, что новаторское (для тогдашней России) решение Петра I передавать казенные предприятия в частную собственность или специально созданным для этого предпринимательским структурам является прообразом современной формы так называемого государственного предпринимательства путем создания и передачи в управление таких иерархически сложных и территориально распределенных холдингов, как государственные корпорации. В этом петровском начинании мы также видим и прообраз такой формы сотрудничества государства и предпринимательского сегмента как государственно-частное партнерство.

Иными словами, стремясь создать сильную экономику и эффективную финансовую систему, которые бы полностью обеспечивали все возрастающие военные нужды, Петр I реализовывал не столько политику меркантилизма, сколько политику экономической и институциональной автаркии. Петром I также было инициировано формирование значительного множества налогов, которые, давая преференции предпринимателям, жестко ограничивали минимальные свободы простых людей. Преобразования Петра I в сфере государственного управления (упорядочение системы и создание новой структуры властных органов) и образовательной сфере также можно считать новаторским для действительно отсталой на тот момент России. Но одновременно с этим финансово-экономические и институционально-правовые реформы Петра I: не позволили сформироваться классу буржуа и капиталистическому укладу хозяйствования; не были ориентированы даже на малое сокращение общественных диспропорций и создание минимально необходимой социальной инфраструктуры; многовариантные схемы налогообложения, а также закрепление крестьян и предельное сокращение свобод вольнонаемного люда стимулировали развитие коррупции, несмотря на декларативную жестокость возможных наказаний за эти деяния.

После себя Петр I оставил достаточно сильную экономику и функционирующий аппарат государственного управления – Россия была силой вытеснена из темноты средневековья, но одновременно с этим подлинных свобод для развития предпринимательской инициативы создано не было. Слова историка В. Ключевского (которого принято цитировать всякий раз, когда заходит речь об оценке результатов правления Петра I) о том, что "...он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе..." (Ключевский, 1990), достоверно описывают экономическую автаркию, государственный протекционизм и патернализм, абсолютизм монархической (императорской) власти и несостоятельность идеи принудительного и революционного слома устаревших, но не утративших своей силы общественных устоев. Стоит отметить, что практически аналогичные основные ошибки были допущены большевиками при строительстве "нового государства" – СССР.

Дочь Петра I Елизавета I, согласно историческим сведениям, предпринимала попытки продолжить политическую линию отца в экономике, но, вероятно, была вынуждена полностью передать управление этой сферой П.И. Шувалову, который провел ряд своевременных налоговых реформ (Mavor, 1925; Schmookler, 1966; Самохин, 2001). Но в период правления Елизаветы I дистанция между центром империи, и ее провинциями постоянно усиливалась, поэтому наряду с достижениями ее правления (поддержка развития системы науки и образования, расширение прав женщин и пр.) был зафиксирован и рост преступности, а также восстаний и волнений крестьян, национальных меньшинств.

Приход к власти Екатерины II в результате очередного дворцового переворота совпал с закреплением в европейских государствах капиталистического уклада хозяйствования (Англия, Германия, Франция, Голландия, Швеция). Период правления Екатерины был связан не только с развитием научно-образовательной сферы, но и с рядом административных реформ, а также расширением территории государства за счет присоединения южных земель. При этом если в Западной Европе демографический рост был напрямую связан с экономическим подъемом, что обусловило двукратный прирост населения, то в Российской империи прирост практически на 50 % был обусловлен не социально-экономическим прогрессом, а именно присоединением южных земель. Фактически же плотность населения в допетровскую, петровскую и екатерининскую эпоху оставалась примерно одинаковой (см. рис. 3). Демографический прирост, обусловленный внутренним воспроизводством населения в контексте социальной стабилизации, в Российской Империи наблюдался уже в XIX веке (Ситковский, Галиев, 2016).

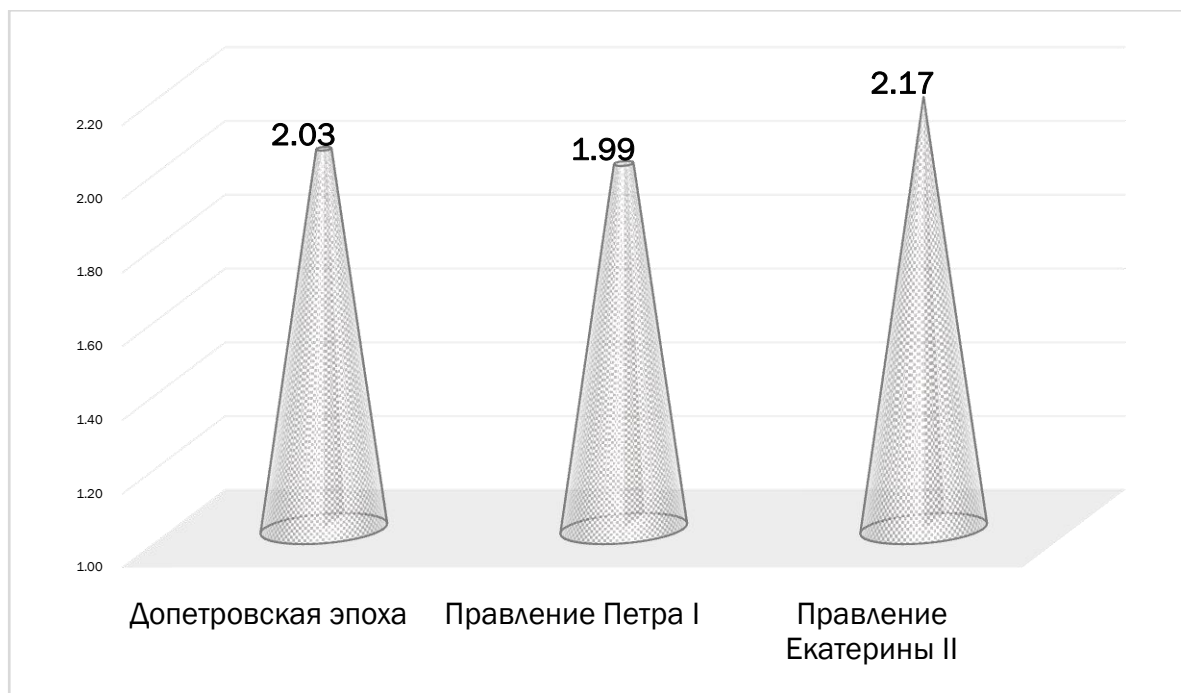

Рис. 3. Плотность населения России: человек на км² (Гюбнер, 1869; Kuznets, 1953; Самохин, 2001)

В отличие от Петра I, который не стремился развивать национальную систему образования, предпочитая отправлять подданных на обучение за границу, Екатерина II в достаточной степени активно проводила политику в области науки и образования, направленную на становление территориально распределенной системы образования.

Примечательно, что количество школ в этот период было практически равно количеству действующих заводов (производственных предприятий). И если Петр I стремился к экономической автаркии и так называемому государственному предпринимательству (в том числе с использованием прообраза государственно-частного партнерства), не поощряя при этом малое предпринимательство (ремесленничество и кустарей), то, напротив, Екатерина II содействовала малому предпринимательству (манифест 1775 года "О высочайше дарованных... милостях ..."). Но это во многом был вынужденный шаг, поскольку крестьянские бунты показали, что жестоко угнетенное положение простого люда может дать турбулентный и непредсказуемый по своей силе и последствиям социальный протест. Поэтому "дарованные милости" экономического характера позволили снизить общественно-политическую напряженность в стране и обеспечить для будущих поколений промышленников и предпринимателей новую институциональную и правовую базу.

Стоит также отметить, что аграрные успехи Российской империи в конце XVIII и в XIX веках, позволившие ей стать четвертой экономикой в мире, являются не только результатом вынужденного стимулирования малого предпринимательства, но и результатом развития научно-образовательной сферы. Созданное Вольное экономическое общество продвигало новаторские для своего времени инициативы и идеи по совершенствованию подходов к организации земледелия в дворянских поместьях и к ведению домостроительных работ.

Таким образом, с экономической точки зрения правление Екатерины II было вынужденно либеральным, ориентированным на создание условий для малой частнопредпринимательской деятельности, которая, безусловно, не могла конкурировать с крупными заводчиками и мануфактурами, поэтому не создавала угроз для этого сегмента. В этот период началось формирование научно-технической базы, послужившей, в том числе достижению целей ускоренной индустриализации в первой трети XX века. Однако Екатерина II не могла и не хотела решить проблемы, связанные с коррупционным наследием Петра I, несмотря на ее декларативные действия в этом направлении. И если мелкое предпринимательство коррупционерам того времени было не интересно, то средние и крупные деловые предприятия в полной мере ощущали на себе произвол государственных чиновников.

Итак, обобщая вышесказанное, мы можем отметить, что в период правления Петра I были заложены основы системных преобразований в экономике и обществе, что обеспечило кардинальную трансформацию привычного феодального уклада. В период правления Екатерины II получила развитие не только государственно-частная, но и малая частнопредпринимательская инициатива, в том числе поддерживаемая научно-образовательной средой, созданной при непосредственном участии императрицы.

5. Заключение

Рассмотрев основные тенденции становления и развития российского предпринимательства в период правления Петра I и Екатерины II, мы можем с уверенностью говорить о том, что реформы (политические, экономические и социальные), реализованные в тот период, во многом способствовали появлению самостоятельной деловой активности населения Российской империи. Сведения, полученные нами из исторических источников, позволяют говорить о том, что допетровская эпоха правления Романовых характеризовалась чрезмерной эксплуатацией природной (ресурсной) ренты. Иными словами, становление российской государственности и первый этап развития по всей фундаментальной специфике практически не отличается от этапа перехода России к рыночным отношениям конца прошлого – начала нынешнего века.

Российское предпринимательство за триста лет романовского правления сформировало особый класс и смогло создать инфраструктуру, которая обеспечила СССР ту необходимую базу и способствовала ускоренному прохождению через индустриализацию.

Также немаловажно, что российское предпринимательство в своем зрелом виде к трехсотлетию юбилею дома Романовых было в значительной мере более социально ответственным, нежели современная нам предпринимательская среда. От Гаврилы Солодовникова до Мамонтовых-Морозовых и Третьяковых российское предпринимательство весь XIX век и в самом начале XX века осуществляло значимые вложения в развитие социальной сферы. В первую очередь это было связано с тем, что на государственном уровне в тот период не реализовывалось сколько-нибудь системно выстроенной социальной политики, а проблематика общественного (социального) протеста, которая могла негативно сказаться на ведении предпринимательской деятельности, была весьма актуальной.

Литература

- Варга, 1973** – Варга Е.С. Капитализм после Второй мировой войны (избранные произведения). М.: Издательство "Наука", 1973. 553 с.
- Гюбнер, 1869** – Гюбнер О. Статистическая таблица всех государств света. Издание А. Маркса. С.-Петербург. 1869. 600 с.
- Ключевский, 1990** – Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Издательство "Правда", 1990. 624 с.
- Лаппо-Данилевский, 1890** – Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1890. 579 с.
- Михайлевский, 1925** – Михайлевский Ф.И. История денег и кредита. М.: Издание Коммунистического Университета им. Я. М. Свердлова, 1925. 298 с.
- Мельгунов, 1905** – Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII века. М.: Издание магазина "Сотрудник школ" А.К. Залеской, 1905. 285 с.
- Посошков, 2010** – Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве (репринт 1911 г.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 596 с.
- Самохин, 2001** – Самохин М.Ю. Экономическая история России. М.: Издательство Государственный Университет Высшая школа экономики, 2001. 405 с.
- Ситковский, Галиев, 2016** – Ситковский А.М., Галиев С.С. Демография в Российской Империи // *Научный интернет-журнал "Семья и демографические исследования"* (2016). URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/34490/> (20.07.2017)
- Туган-Барановский, 1997** – Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке (репринт 1900). М.: Издательство "Наука", 1997. 735 с.
- Труды ВЭО, 1860** – Труды Вольного Экономического Общества (Том I). СПб: Типография Торгового дома Струговщикова, Похитонова, Водова и К°, 1860. 463 с.
- Труды ВЭО, 1862** – Труды Вольного Экономического Общества (Том III). СПб: Типография Торгового дома Струговщикова, Похитонова, Водова и К°, 1862. 470 с.
- Arcadius, 1967** – Arcadius K. Governmental Policies and the Industrialization of Russia // *The Journal of Economic History*. 1967. No.27, P.4
- Gregory, 2014** – Gregory P.R. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year. Princeton University Press, 2014. 198 p.
- Dudin et al., 2016** – Dudin M.N., Frolova E.E., Kuznetsov M.N., et al. Russia in Global Economy and International Relations: Economic Aspect of Social and Economic History of the 2nd Half of the 19th Century // *International Journal of Economic Research*. 2016. 13(9): 3803-3813
- Kuznets, 1946** – Kuznets S. (assisted by L. Epstein and E. Jenks). National Product since 1869. New York, 1946. 207 p.
- Kuznets, 1953** – Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review*, 1953, v.45, no.1, p.1–28.
- Mavor, 1925** – Mavor J. An economic history of Russia. London: J.M. Dent & Sons Limited, 1925. 614 p.

North, Thomas, 1973 – North D.C., Thomas R.P. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge University Press, 1973. 170 p.

Schmookler, 1966 – Schmookler J. Invention and Economic Growth. Harvard University Press. 1966. 332 p.

References

Varga, 1973 – Varga Ye.S. (1973). Kapitalizm posle Vtoroy mirovoy voyny (izbrannyye proizvedeniya) [Capitalism after the Second World War (selected works)]. Moscow: Nauka Publishers. 553 p. (In Russian)

Gyubner, 1869 – Gyubner O. (1869). Statisticheskaya tablitsa vsekh gosudarstv sveta [Statistical table of all states of the world]. Edition of A. Marx S.-Petersburg. 600 p. (In Russian)

Klyuchevskiy, 1990 – Klyuchevskiy V.O. (1990). Istoricheskiye portrety [Historical portraits]. Moscow: Publishing house "Pravda". 624 p. (In Russian)

Lappo-Danilevsky, 1890 – Lappo-Danilevsky A.S. (1890). Organizatsiya pryamogo oblozheniya v moskovskom gosudarstve so vremen smuty do epokhi preobrazovaniy [Organization of direct taxation in the Moscow state from the time of distempers to the era of transformation]. St. Petersburg: Typography I.N. Skorokhodova. 579 p. (In Russian)

Mikhailevsky, 1925 – Mikhailevsky F.I. (1925). Istoriya deneg i kredita [The history of money and credit]. Moscow: Publication of the Communist University. Ya. M. Sverdlov. 298 p. (In Russian)

Melgunov, 1905 – Melgunov P.P. (1905). Ocherki po istorii russkoy torgovli IX–XVIII veka [Essays on the history of Russian trade IX–XVIII century]. Moscow: Publishing of the store "School Employee" A.K. Zaleskaya. 285 p. (In Russian)

Pososhkov, 1911 – Pososhkov I.T. (1911). Kniga o skudosti i bogatstve [The book is about poverty and wealth]. Moscow: The Russian Political Encyclopedia. 596 p. (In Russian)

Samokhin, 2001 – Samokhin M.Yu. (2001). Ekonomicheskaya istoriya Rossii [The economic history of Russia]. Moscow: Publishing House State University Higher School of Economics. 405 p. (In Russian)

Sitkovsky, Galiev, 2016 – Sitkovsky A.M., Galiev S.S. (2016). Demografiya v Rossiyskoy Imperii [Demography in the Russian Empire]. Scientific online journal "Family and Demographic Research" (2016). URL: [https://riss.ru/demography/demography-science-journal/34490/\(07/20/2017\)](https://riss.ru/demography/demography-science-journal/34490/(07/20/2017)) (In Russian)

Tugan-Baranovsky, 1900 – Tugan-Baranovsky M.I. (1900). Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoye razvitiye russkoy fabriki v XIX veke [Russian factory in the past and present. Historical development of the Russian factory in the XIX century]. Moscow: Nauka Publishers. 735 p. (In Russian)

Trudy Vol'nogo, 1860 – Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva (Tom I) [Proceedings of the Free Economic Society (Volume I)]. St.Petersburg: Printing house of Trading House Strugovshchikova, Pohitonova, Vodova and Co., 1860. 463 p. (In Russian)

Trudy Vol'nogo, 1862 – Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva (Tom III) [Proceedings of the Free Economic Society (Volume III)]. St. Petersburg: Printing house of the Trading House Strugovshchikova, Pohitonova, Vodova and Co., 1862. 470 p. (In Russian)

Arcadius, 1967 – Arcadius K. (1967). Governmental Policies and the Industrialization of Russia. *The Journal of Economic History*. No.27.

Gregory, 2014 – Gregory P.R. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-Year. Princeton University Press. 198 p.

Dudin et al., 2016 – Dudin M.N., Frolova E.E., Kuznetsov M.N. (2016). Russia in Global Economy and International Relations: Economic Aspect of Social and Economic History of the 2nd Half of the 19th Century. *International Journal of Economic Research*. 13(9): 3803-3813

Kuznets, 1946 – Kuznets S. (assisted by L. Epstein and E. Jenks). National Product since 1869. New York, 1946. 207 p.

Kuznets, 1953 – Kuznets S. (1953). Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review*, v.45, no.1, pp.1–28.

Mavor, 1925 – Mavor J. (1925). An economic history of Russia. London: J.M. Dent & Sons Limited. 614 p.

North, Thomas, 1973 – North D.C., Thomas R.P. (1973). The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge University Press. 170 p.

Schmookler, 1966 – Schmookler J. (1966). Invention and Economic Growth. Harvard University Press. 332 p.

УДК 94(47)

Становление предпринимательства в России: исторические предпосылки и современность

Михаил Николаевич Дудин ^{a, *}, Вильям Викторович Смирнов ^b, Екатерина Петровна Русакова ^c

^a Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

^b Институт государства и права РАН, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская Федерация

Аннотация. В рамках представленной статьи авторами проведен обзор предпосылок становления национального предпринимательства в период правления Петра I и Екатерины II на основе обзора широкого круга российских и зарубежных исторических источников. Полученные в ходе исследования данные позволили дать определение форме устройства национальной экономики в рассматриваемые периоды, а также структурировать основные негативные (с финансовой, экономической и институциональной точки зрения) моменты результатов правления двух значимых российских реформаторов. На основе исторических параллелей авторы убедительно обосновывают, что управленческие ошибки, допущенные в экономических и финансовых преобразованиях, инициированных в период правления Петра I и Екатерины II, имеют тенденцию к повторению, что весьма существенно ограничивает предпринимательскую инициативу и экономическую активность в современном российском обществе.

Ключевые слова: предпринимательство, общество, экономические реформы, Петр I, Екатерина II, мануфактура, промышленность, итоги правления, финансы.

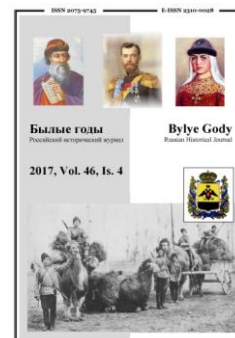
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudinmn@mail.ru (М.Н. Дудин), igpran@igpran.ru (В.В. Смирнов), kafedra_gtp@mail.ru (Е.П. Русакова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1184-1193, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1184
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(571.1/.5)

The Formation and Discharge service of the Cossacks of Siberia in the XVIII century

Vladimir D. Puzanov ^{a,*}

^a Shadrinsk state pedagogical University, Russian Federation

Abstract

As a result of reforms of Peter I, the Russian army became regular. However, in many provinces of the Russian Empire groups of experienced people in the old services were not disbanded. In the XVIII century, the number of militias grew, and in Siberia were formed whole regiments of peasant population, which had rarely been involved in military Affairs in the Russian state. The territory of formation of the first discharge units of Cossacks were two western districts in Siberia – Ishim and Yalutorovsk. By 1751 there were 1400 discharge of the Cossacks of the peasants and the commoners – 800 people in Yalutorovsk district and 600 people in Ishim district.

In 1744 the military forces of Siberia were subordinated to the chief commander of the Siberian corps, which was subordinated directly to the Military Board. The chief commander of the corps was appointed major-General Christians Kinderman. In 1751 the General Kinderman began the formation of the 10 regiments of Cossacks discharge each of 1000 men. 4 of them were formed in the East in the Kuznetsk, Tomsk, Krasnoyarsk and Yenisei districts and 6 in the West – in Tobolsk, Tyumen and Verkhoturys, Yalutorovsk, krasnoslobodska, Ishim districts. As a result, by 1752 Kindermann was able to form 10 regiments and 5 teams, numbering 9630 soldiers and 515 commanders, in total 10 145 discharge of the Cossacks. The Senate allowed the military authorities of Siberia to start discharge of the Cossacks, but proposed to send them from their villages on the line only in special cases. However, the military authorities tried to turn the discharge service of the Cossacks into the regular.

Keywords: Siberia, peasants, discharge the Cossacks, province, district, regiment, Dragoons, soldiers.

1. Введение

В последние десятилетия вырос интерес исследователей к проблемам военной истории России в целом, что проявилось и в изучении истории военного дела в провинциях страны. Исследование истории военных групп населения, отношений русского населения с кочевым миром имеет особенно важное значение при изучении истории южных провинций Российского государства и особенно Сибири. Однако многие вопросы военной и социальной истории Сибири остаются еще не вполне ясными, дискуссионными. В частности до сих пор нет ни одной специальной работы, посвященной выписным казакам, которые играли важную роль в защите границ Сибири от набегов кочевников в XVIII в.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали опубликованные и неопубликованные источники. Ряд важных документов по теме вошли в тома «Полного собрания законов Российской империи» и «Сенатского архива». Некоторые документы по теме были опубликованы известным исследователем края и общественным деятелем Г. Н. Потаниным. В работе использовались материалы Российского

* Corresponding author

E-mail addresses: alan1971@bk.ru (V.D. Puzanov)

государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), и Государственного архива Омской области (ГАОО), которые позволяют существенно углубить ряд вопросов исследования истории формирования и службы выписных казаков Сибири. Методологической основой исследования стали принципы исторической науки – историзм, научная объективность, системность. Применение принципа историзма потребовало исследования изучаемого явления формирования и службы выписных казаков Сибири в контексте исторической ситуации. Исследование опирается на описательный, проблемно-хронологический, структурный, количественный и сравнительно-исторический методы.

3. Обсуждение

Первым из российских историков, отметивший выписных казаков Сибири, был крупный государственный деятель первой половины XVIII в. В.Н. Татищев, который использовал крестьянские ополчения для практических целей в период деятельности на Урале для борьбы с башкирскими движениями (Татищев, 1950: 186). Позднее известный исследователь русского крестьянства В.И. Семевский отмечал выписных казаков как одну из групп крестьян России. По данным ученого, из крестьян Сибири, кроме рекрут, «набирались еще так называемые выписные казаки, учреждение которых, вызванное недостатком в этой местности регулярных и иррегулярных войск, относится к началу 1730-х годов». Историк сообщал, что «крестьяне эти набирались в разном количестве» и к началу 1750-х годов в Сибири служили более 9 тыс. выписных казаков. В отличие от других военных людей, выписные казаки служили без денежного жалования и должны были снабжать себя оружием и боевыми припасами (Семевский, 1901: 687). В. И. Семевский показал, что выписные казаки должны были сражаться с кочевниками, защищая линии Сибири и нести все обычные повинности крестьян – платить подушную подать, вносить оброк или работать на десятинной пашне, а также сдавать рекрут и возить казенные грузы (Семевский, 1901: 688).

В советской историографии Сибири выписные казаки отмечались при изучении строительства линий Сибири в XVIII в., в исследованиях подчеркивалась тяжесть работ на линиях и нежелание выписных казаков трудиться на них. Так Н.В. Горбань отмечал тяжелые работы выписных казаков на Ишимской линии с 1747 г. на казенной пашне. Строительство Новой Ишимской линии велось силами регулярных войск и выписных казаков, которых доставляли на работу под конвоем. Казаки бежали из укреплений линии и с 1755 г. линию строили только солдаты (Горбань, 1951: 210–213). М.М. Громыко полагала, что выписные казаки – группа населения, «сочетавшие частичное несение военной службы с крестьянскими повинностями» (Громыко, 1965: 207). В целом, советская и современная российская историография рассматривала выписных казаков в качестве одной из групп крестьянского населения Сибири. Так, по оценке Г.Ф. Быкони, выписные казаки, как и беломестные казаки по положению и службам были особой категорией крестьян (Быконя, 2007: 250).

4. Результаты

В первые десятилетия XVIII в. в результате преобразований Петра I русская армия стала регулярной, в Сибирской губернии были сформированы гарнизонные полки. В 1719 г. участник посольства Измайлова в Китай сообщал, что в Тобольске имеется около 5–6 тысяч «регулярных войск конных и пеших, а также некоторое количество нерегулярных» (Зиннер, 1968: 49). В 1719 г. губернатор Сибири князь М.П. Гагарин доносил в Сенат, что в губернии служат только 2300 регулярных людей. В эпоху Петра I в Сибирской губернии были сформированы 3 гарнизонных солдатских полка – Санкт-Петербургский, Московский и Тобольский, а также Сибирский гарнизонный драгунский полк. Полки служили в Западной Сибири, главным образом в Тобольске и на Иртышской линии (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 35). К 1726 г. в гарнизонных полках Сибири служили 4 991 чел. (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 29. Л. 273).

В Российской империи XVIII в. отряды служилых людей старых служб далеко не везде были расформированы (Пузанов, 2012: 78–85). Напротив, в некоторых провинциях в это время численность нерегулярных формирований даже увеличилась. В XVIII в. правительство изобретает здесь такие формы организации военной силы, которые были неизвестны Московской Руси. В частности в Сибири в XVIII в. создаются целые полки из крестьянского населения, которое раньше редко привлекалось к военному делу государством. Первый губернатор Сибири М.П. Гагарин отмечал, что «регулярных войск в Сибирской губернии немного держано», чтобы не расходовать крупные государственные средства на жалование. По данным губернатора, в Сибири привыкли использовать служилых людей старых служб – «в тех местах нерегулярные заобычайные» (Памятники сибирской истории, 1885: 138) Позднее В. Н. Татищев отмечал, что в 3 восточных губерниях России – Астраханской, Оренбургской и Сибирской имеется в каждой, кроме регулярных войск примерно по 3 000 казаков. При этом на востоке России в Оренбургской и Сибирской губерниях при необходимости собирается военное ополчение из «народов и мужиков (кои все люди оружейные и воинским порядком нарочно обучаются) весьма немалое число может быть собрано и часто против набегов» кочевников определяются (Татищев, 1950: 186).

В 1751 г. Сибирская губернская канцелярия сообщила в Правительствующий Сенат рапорт о военной службе крестьян Ялуторовского и Ишимского дистриктов «на каком довольствии

содержатся... и какие от них выписных казаков при том заслуги показаны... и впредь им коликому числу в казацкой службе и для чего быть надлежит ли...» (ПСЗ, 1830: 458). По данным губернской администрации, выписные казаки уже давно использовались при военных действиях в Сибири в качестве военной силы – «онь выписные из крестьян казаки напредь сего бывали многократно с Казачей ордой, а особливо во время Башкирского замешания во многих сражениях с прочими регулярными войсками, с драгунами и солдаты, и как во время тех замешаний от командующих по представлениям довольно значится, равную и ревностную с регулярными войсками показывали службу» (ПСЗ, 1830: 459). Территорией формирования первых полков выписных казаков стали два западных дистрикта Сибири – Ишимский и Ялуторовский. По данным первого командира Сибирского корпуса генерал – майора Киндермана, выписные казаки были «еще в башкирское замешание выбраны», т. е. появились в Сибири в период самого крупного башкирского восстания 1735–1741 гг. (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 16. Л. 9). Однако сами выписные казаки Ишимского и Ялуторовского дистриктов писали, что они были призваны на военную службу на южные форпосты еще за несколько лет до того, в 1732 г. (Потанин, 1867: 29).

В 20–40 гг. XVIII в. на юге Сибири обострились отношения между 3 могущественными кочевыми народами – ойратами, казаками и башкирами. В результате изгнания ойратами казахов из Средней Азии на север к окраине Сибири усилился натиск кочевников на русскую территорию. Обострились отношения России с ойратами по причине спора за территорию округа Колывано-Воскресенских заводов. В 1744 г. по данным администрации Тобольска, положение на юге Сибири было тревожным – ойраты собирались идти в большой поход на казахов в районе реки Иртыша «от чего имеется великая опасность, дабы онь... легкомысленные и необузданные люди не учинили нападение на русские жилища» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 5. Л. 7). В это время русские власти Сибири получили известия о намерении ойратов поздней осенью совершить внезапный набег на Кузнецкий уезд и Колывано-Воскресенские заводы. Подобная возможность вызвала серьезную озабоченность в Петербурге. Колывано-Воскресенские заводы стали в 1740–1750 гг. важным источником пополнения бюджета Российской империи и главным центром добычи золота и серебра, которые давали возможность государству чеканить монету из своих российских драгоценных металлов. После взятия в казну у Акинфия Демидова Колывано-Воскресенских заводов, с 1748 по 1759 г. заводы принесли металлов на 3. 313. 548 руб. (ПСЗ, 1830: 617).

Полковник Тимофей Зарин, командующий крепостями на р. Иртыш, просил увеличить военные силы на р. Иртыш – «а от меня уже от Сибирской губернии многократно требовано не токмо и поныне в присылке не имеется, а оной Сибирской губернии довольно известно, что в здешних крепостях людей малолюдство» (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 29. Л. 5).

Указом Елизаветы Петровны 25 октября 1744 г. на Иртышскую линию было командировано 3 полевых драгунских полка и 1000 яицких казаков из числа войск, находившихся в Оренбургской губернии. Позднее в Сибирь были отправлены также 2 полевых пехотных полка (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 26. Л. 5). Военные силы Сибири получили особое устройство. По указу Сената от 29 сентября 1744 г. все войска Сибири были подчинены главному командиру Сибирского корпуса, который подчинялся Военной коллегии. Главным командиром был назначен генерал – майор Христиан Киндерман. Генерал Христиан Киндерман был одним из многих европейцев, поступивших на службу России при Петре I и отдавших свои силы и знания новой родине. В 1715 г. Христиан Киндерман поступил в российскую службу, 11 сентября 1741 г. он получил чин генерал-майора (ПСЗ, 1830: 927). 24 сентября 1744 г. Христиан Киндерман был назначен командиром корпуса в Сибири (ПСЗ, 1830: 570). В 1745 г. 5 полевых полков были переведены в Сибирь. Это были 3 полевых драгунских полка – Олонецкий, Вологодский и Луцкий, а также Ширванский и Нашебургский пехотные полки. Полки имели опыт войны с кочевыми войсками (РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 138. Л. 3). В результате на востоке России возник особый Сибирский корпус из 5 полевых полков, командующему которого были подчинены также гарнизонные регулярные части и отряды казаков на линиях.

В это время командир Сибирского корпуса решил использовать для защиты южных границ края отряды выписных казаков из крестьян. Первое время выписные казаки набирались из крестьян только в Ишимском и Ялуторовском дистриктах. Можно считать, что администрация Сибири сочла удачным опыт привлечения крестьян на постоянную военную службу, в результате выписные казаки появились и в других восточных уездах Сибири. В частности, в 1739 г. выписными казаками стали крестьяне Татмыцкой слободы, которые с конца XVII в. уже имели определенный опыт военной службы в качестве беломестных казаков. В 1724 г. 200 беломестных казаков Татмыцкой слободы, были положены в подушный оклад, а через 15 лет они стали выписными казаками (Потанин, 1867: 14). 200 выписных казаков из крестьян имелись к 1744 г. в поселениях на реке Иртыш – 100 в Омской крепости и 100 в Чернолуцкой слободе (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 5. Л. 8). Однако больше всего выписных казаков и в это время состояло в западных дистриктах Сибири. К 1751 г. там имелось 1400 выписных казаков из крестьян и разночинцев – 800 чел. в Ялуторовском дистрикте и 600 чел. в Ишимском дистрикте. После подавления башкирского восстания власти использовали их для защиты южных уездов от набегов казахов. В частности, выписные казаки Ялуторовского уезда привлекались для несения службы на укреплениях Тобольской линии, а Ишимского уезда – на Ишимской линии, где они выполняли вспомогательные задачи, «в прибавку там находящейся регулярной команде».

Обычно для облегчения службы на линии постоянно стояла только часть казаков, в летнее время – 1/2 в форпостах, 1/2 у себя дома, а в зимнее время 1/3 в форпостах, а 2/3 дома «с переменою» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 5. Л. 8).

Значительно увеличилось число выписных казаков в результате реформы генерала Киндермана, который таким образом пытался восполнить недостаток регулярных сил Сибири. 23 ноября 1750 г. генерал Киндерман в доношении в Военную Коллегию представил, что примерно 10 тысяч человек регулярных и нерегулярных, которыми располагала русская власть в Сибири, крайне мало для защиты южных территорий, и составил план военной мобилизации 15 тысяч крестьян. По данным генерала, только наиболее опасная территория Сибири от Уйской линии, за которую отвечал Оренбург, до Кузнецка составляла 2728 верст, где кочевали народы, которые «по их легкомыслию могут многолюдством иногда нападение учинить» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 22. Л. 1). При этом по причине отдаленности Сибири от Европейской России в случае серьезного конфликта было невозможно быстро послать «сикурс». Киндерман считал, что на линии нужны в первую очередь «нерегулярные легкие люди», количество которых предполагалось увеличить за счет государственных крестьян. В это время, по данным ревизии, в Сибирской губернии имелось 151 805 чел., положенных в подушный оклад. Из них предполагалось выбрать 10 % от 20 до 50 лет «кои лошадьми и ружьем исправны». В результате Киндерман планировал взять в полки 15 000 «исправных конных и вооруженных казаков». Выписные казаки востока Сибири – Кузнецкого, Томского, Красноярского и Енисейского уездов по плану Киндермана должны были служить на ближайших к ним Кузнецких и Кольванских укреплениях, а выписные казаки Тарского, Тюменского, Тобольского, Ялуторовского, Ишимского и Краснослободского уездов в крепостях и форпостах на юге своих уездов от р. Тобола до р. Иртыша. Киндерман считал, что выписные казаки обязаны государству нести при необходимости военную службу, «оние и так долженствуют» защищать свои уезды и юг Сибири. Важно отметить, что в этом случае проявилось отношение военных властей к местному населению, которое считалось в Сибири обязанным, в том числе и военной службой. По мнению Киндермана, «оним людям никакого от того отягощения быть не может, ибо они будут жить в своих домах и на платеж подушных денег собственное свое хлебопашество... без всякой нужды исправлять имеют» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 22. Л. 2).

14 декабря 1750 г. Военная коллегия согласилась с проектом Киндермана и представила его в Сенат, требуя издать указ. 4 декабря 1750 г. Киндерман послал свой проект в Сенат. Сенат приказал генералу составить расписание выписных казаков по полкам, считая их главной задачей временную защиту линий на востоке Российской империи до подхода регулярных сил. В 1751 г. Киндерман начал формирование 10 полков выписных казаков по 1000 человек в каждом. 4 полка формировались на востоке в Кузнецком, Томском, Красноярском и Енисейском уездах и 6 полков на западе – в Тобольском, Тюменском, Верхотурском, Ялуторовском, Краснослободском, Ишимском уездах. В Ишимском и Ялуторовском уездах планировалось прибавить к старым выписные казаки новых, соответственно 286 и 647. При северных городах – Сургуте, Березове, Нарыме, Кетске и Мангазее в связи с малочисленностью русского населения и «для живущих близ тех городов иноверцев» формировались не полки, а команды (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 22. Л. 4).

Полк выписных казаков должен был состоять из 950 рядовых и 50 начальных людей, которых назначали из старых служилых людей Сибири – дворян, казаков и других чинов, неположенных в подушный оклад (Путинцев, 1895: 31). Они должны были научить крестьян основам военного порядка. На первое время выписные казаки должны были вооружаться копьями, а затем Киндерман хотел вооружить их из казны ружьями, которые, по его данным, продавались в Сибири по 2,5 рубля. Полки должны были собираться раз в год в своих уездах для военной учебы в октябре на 1 неделю. В города Сибирской губернии Киндерман послал нарочных обер–офицеров, которые собирали людей в полки. К 11 июля 1751 г., по данным Киндермана, 6 полков выписных казаков в западных уездах Сибири были уже сформированы, а из 4 восточных уездов еще не были получены донесения. В результате, по данным Военной коллегии, в Сибири Киндерману удалось набрать полностью 10 полков и 5 команд. По данным Сената в 1752 г. Киндерман набрал 9630 рядовых и 515 командиров из дворян, детей боярских, отставных солдат, драгун и казаков, всего 10 145 чел. По расписанию Киндермана, к 1754 г. в Сибири, кроме Ишимского и Ялуторовского дистриктов, было зачислено в выписные казаки 7 702 человека. В Ишимском дистрикте в это время служило 779 выписных казаков, а в Ялуторовском дистрикте 1464 выписных казаков (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). Позднее количество выписных казаков Сибири уменьшилось. В 1759 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны Томский и Кузнецкий уезды были приписаны к Кольвано–Воскресенским заводам, в результате 2 002 чел. выписных казаков этих уездов были записаны в заводские работы и таким образом вышли из состава военного населения. В результате к 1760 г. в Сибири осталось только 8 143 выписных казаков (Сенатский архив, 1904: 439). Однако позднее 25 сентября 1760 г. Сенат по доношению коллегии иностранных дел о возможности нападения войск Китая на юг Сибири разрешил губернатору Сибири Ф. И. Соимонову и генерал-майору Веймарну при необходимости взять с Кольвано–Воскресенских заводов выписных казаков из крестьян и отправить на линии «сколько их потребуются» (Сенатский архив, 1904: 450).

Военные и гражданские власти Сибири по-разному смотрели на проблему использования военного потенциала выписных казаков. Военные командиры Сибири видели в казаках из крестьян военную силу, которая могла оказывать серьезную помощь регулярным войскам, заменять их при необходимости, нести постоянную службу на линиях. В этом военные находили поддержку губернатора Оренбургской губернии, который считал, что выписных казаков можно было использовать для поддержки регулярных и нерегулярных команд на линиях, которые располагались около уездов их проживания (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). Напротив гражданские власти Сибири рассматривали выписных казаков в качестве крестьян, главной задачей которых является своевременные выплаты налогов и которых можно использовать для обороны только в самых крайних случаях и на короткое время. Военные власти получали в этом споре поддержку Военной коллегии, а гражданские власти опирались на помощь Сената. Так, 14 января 1744 г. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев потребовал от властей Тобольска направить в помощь регулярным войскам на сибирские линии всех имевшихся тогда в наличии 1600 чел. выписных казаков Ишимского и Ялуторовского уездов, а также 85 ясачных татар Сибири. Кроме того, И. И. Неплюев предложил увеличить количество выписных казаков на р. Иртыш – в Омской крепости и Чернолуцкой слободе (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 5. Л. 4). Эти планы вызвали сопротивление властей Тобольска, по мнению которых, отправлять выписных казаков на южные линии было возможно только в самых крайних обстоятельствах и при указе из Сената о походе на улусы казахов «можно употребить мужиков, сколько будет потребно, усматривая по тамошним обращениям» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 5. Л. 7).

Позднее вопрос о службе выписных казаков Сибири был перенесен в Сенат и Военную коллегию. В 1750 г. Военная коллегия, поддерживая планы генерала Киндермана, доносила в Сенат, что выписным казакам от военной службы не будет никакого «народного отягощения» (Сенатский архив, 1897: 264). Сенат, разрешая Киндерману набор выписных казаков из крестьян Сибири, предложил отправлять их из своих деревень на линии только при «крайней нужде». Однако, скоро военные власти Сибири попытались превратить службу выписных казаков в постоянную. В июне 1753 г. из Сибири в Казань было приказано вывести 2 полевых пехотных полка – Ширванский и Нашебургский, после чего там остались только 3 драгунских полевых полка и части гарнизона. Военная коллегия решила заменить эти полки «обретающимися в Сибири казацкими новоучрежденными генерал-майором Киндерманом полками» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 22. Л. 4). Это решение Военной коллегии вызвало протест сибирских властей, доносивших в Сенат «о невозможностях к платежу податей и тягостях от того крестьянству». По мнению губернатора Сибири, с крестьян в таком случае невозможно будет собрать подушную подать. Также выяснилось, что за все это время выписных казаков Сибири военные власти так и не вооружили. По данным администрации Тобольска, полки выписных казаков на форпосты «выслать не мочно и не надлежит, оные не только ничем не вооружены, но и никакой аммуницией не снабжены». Особо отмечалось, что выписные казаки не могут считаться военными, так как платят налоги и не получают денег за службу (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 22. Л. 7).

Сенат прислушался к мнению губернатора, и предложил заменить 2 полевых полка, отозванных из Сибири, регулярными частями, служившими в Оренбургской губернии. Сенат отмечал при этом, что выписные казаки были сформированы на самый крайний случай, для отражения крупных единовременных нападений кочевников, чтобы затем крестьяне сразу могли вернуться к своим обычным занятиям. 28 июня 1754 г. Сенат запретил «чинить помешательства» в крестьянских работах выписных казаков, посылая их на линии Сибири (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). Сенат обосновал невозможность постоянного использования выписных казаков на линиях тем, что они платят подушные деньги, и не получают от казны оружия и жалования (Сенатский архив, 1904: 439). В результате Военная коллегия вынуждена была согласиться с решением Сената и 30 июня 1754 г. новый командир Сибирского корпуса бригадир Крафт получил указ использовать выписных казаков для военных целей только в самом крайнем случае, а не на постоянной основе. Власти Сибири были обязаны снабдить всех выписных казаков оружием, и проводить обучение военному делу (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 28. Л. 1). Губернские власти Сибири и позднее продолжали защищать крестьян от требований военных начальников. В декабре 1754 г. бригадир Крафт потребовал от воеводы Тары подготовить к походу на Иртышскую линию 400 выписных казаков с лошадьми и ружьями. Новый губернатор Сибири В.А. Мятлев предложил Крафту снизить количество выписных казаков для похода и набрать их в Томском и Кузнецком уездах, которые находились ближе Тарского уезда к Иртышским крепостям. В.А. Мятлев отмечал, что эта командировка будет особенно тяжелой для выписных казаков Тарского уезда, так как среди них много одиноких крестьян и крестьян с большими семьями до 5 мужчин, за которых приходится платить подушную подать, а часть казаков еще работают на «десятинной» пашне (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 33. Л. 1). Губернатор Сибири предложил направить при необходимости выписных казаков Ишимского и Ялуторовского дистриктов на Новую Ишимскую линию «понеже в близости оной Ишимские и Ялуторовские своими домами и жительство имеют» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 33. Л. 3).

В.А. Мятлев предложил при конфликте с казаками на Иртышской линии командировать туда регулярные команды с Новой Ишимской линии, а последнюю временно прикрыть выписными казаками Тюменского уезда, Ишимского, Ялуторовского и Краснослободского дистриктов, чтобы не

разорить крестьян дальним походом и кроме того «в употреблении военного действия против регулярного по незаобыкновенности их к тому еще и обнадеться невозможно». Однако военные власти придерживались другого мнения и считали возможным командировать отряды выписных казаков на значительные расстояния. 3 апреля 1755 г. обер-комендант Тобольска бригадир Павлуцкий сообщал, что выписные казаки «к походу во всем в готовности находились» (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 29. Л. 1). В сентябре 1755 г. губернатору Сибири В.А. Мятлеву было приказано выслать выписных казаков на линию и заводы Урала по требованиям Крафта и главного командира Екатеринбургa Щербинина, снабдив оружием и провиантом (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 24. Л. 2). В частности только Щербинин требовал отправки на заводы 1 000 выписных казаков, для защиты от набегов (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 28. Л. 5). 25 сентября 1755 г. Военная коллегия приказала использовать для борьбы с башкирами и защиты заводов все 10 полков и 5 команд выписных казаков, назначив в полки офицеров Сибирского гарнизона. 24 сентября 1755 г. И.И. Неплюев сообщил в Военную коллегия о своем предписании в Тобольск подготовить выписных казаков к походу, чтобы при необходимости их можно было направить на линии юга Сибири в 24 часа. Из Ишимского дистрикта отряды выписных казаков направлялись в Петропавловскую крепость (в 156 верстах от Коркиной слободы), из Ялуторовского дистрикта в Лебяжью крепость, из Тарского уезда в Покровскую крепость (439 верст), из Томского уезда на Кузнецкую и Кольванскую линии (746 верст).

В 1758 г. после военного разгрома Джунгарии возник конфликт с Китаем за земли южной Сибири. Военная коллегия командировала в Сибирь дополнительные нерегулярные силы, а также приказала мобилизовать ближайших к спорным землям выписных казаков Томского и Кузнецкого уездов (ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 97. Л. 4). В сентябре 1758 г. новый губернатор Сибири Ф. И. Соимонов сообщил в Сенат, что монгольское войско из китайской армии, разгромив ойрат Джунгарии, прошло «по здешней стороне» Телеутского озера, захватывая местное население. Бригадир Фрауендорф приказал воеводам Кузнецка и Томска, чтобы выписные казаки из крестьян и разночинцев этих уездов «состояли в ежечасной исправной готовности» и при необходимости могли выступить через 24 часа для подкрепления малочисленных регулярных команд (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 868. Л. 2). Сенат по рапорту Ф. И. Соимонова подтвердил указ собрать выписных казаков, однако губернатору было предписано выписных казаков послать только в самом последнем случае, «без крайней надобности на форпосты не высылать». При высылке «их безвременно не удерживать, но как скоро опасность минет, отпустить в дома» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 868. Л. 3). Ф.И. Соимонов позднее доносил, что выписных казаков будет призывать при «крайней на линиях опасности» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 868. Л. 5).

Выписные казаки служили летом и зимой, служба заключалась в содержании караулов и разъездов, походах в партиях с отрядами служилых людей за кочевниками. Выписные казаки не получали жалования от казны, и платили подушную подать, кроме того, лошади и ружья покупались ими на свои деньги. Выписные казаки Татмыцкой слободы участвовали в походах тарских служилых людей, содержали конвои до Омской крепости. 29 мая 1745 г. 45 выписных казаков Татмыцкой слободы обратились к генерал-майору Киндерману с просьбой освободить их от дальних походов и конвоев «дабы нам не прийти в крайнее разорение» (Потанин, 1867: 14). В январе 1747 г. выборные челобитчики от выписные казаки Ишимского и Ялуторовского уездов подали жалобу в Сенат, в которой сообщали, что они служат военную службу, не получая жалования от казны, платят подушную подать, кроме того, часть казаков работали на десятинной пашне и «пришли во всеконечное разорение и нищету» (Потанин, 1867: 29) 13 июня 1748 г. Сенат запросил Киндермана зачем нужны в Сибири выписные казаки, каковы условия их содержания и приказал временно до рассмотрения дела не брать с выписных казаков государственных сборов, кроме подушных денег. 20 июля 1751 г. Сенат приказал 1400 чел. выписным казакам из крестьян Ялуторовского и Ишимского дистриктов «по пограничной надобности и собственного их охранения и защищения быть в казаках и отправлять положенную на них службу по прежнему» по представлению Сибирской губернской канцелярии и генерал-майора Киндермана. За службу выписные казаки освобождались «от десятинной и оброчной пашни и от всех прочих податей и тягостей», кроме подушной подати. Казаки должны были получать боеприпасы из казны и в дальних посылках получать казенный провиант, а на службе на линии, недалеко от домов должны были обеспечивать себя. Выписным казакам было отказано в жаловании за службу и сложении с них подушной подати, так как они «к той казацкой службе для собственного их охранения и защищения выбраны из семейных, а не одинокие, и находятся в ближних от жилищ своих форпостах, и сменяются всякой месяц, и по смене, будучи в домах своих, исправляют свои домашние нужды» (ПСЗ, 1830: 462).

Киндерман назначил 900 выписных казаков Ишимского дистрикта, «чтоб они были всегда готовы в 24 часа к выступлению на добрых лошадях, с ружьем, порохом и свинцом». По данным администрации Тобольска в 1752–1754 гг. выписные казаки посылались на постройку Новой Ишимской линии, получая там только солдатскую дачу провианта, в результате к 1754 г., когда крестьян сменили солдаты, «они совсем разорились» (Потанин, 1867: 30). В 1757 году на Кольваново-Воскресенской линии служили 221 выписных казаков Кузнецкого уезда. В 1757 г. на Тобольскую и Новую Ишимскую линии были высланы 25 городовых казаков Тюмени, Туринска и Верхотурья и 289 выписных казаков – 139 чел. Ишимского дистрикта и 150 чел. Ялуторовского дистрикта. В 1757 г.

служащим на линии выписным казакам заплатили небольшую сумму на овес для лошадей, на месяц сотнику – 75 коп., пятидесятнику – 60 коп., рядовому – 44 коп. Выписные казаки бежали из крепостей домой, в июне 1757 из крепостей Новой Ишимской линии бежали 44 выписных казаков. Власти отправляли команды для поимки беглецов, секли плетьюми и отправляли их на линию. В 1757 г. выписные казаки слободы Орлово городище отказались идти на Новую Ишимскую линию. В слободу была послана регулярная команда, чтобы арестовать старшин выписных казаков и доставить их в кандалах в Тобольск. В Ишимском уезде было приказано выбрать новых старшин, но это не помогло – казаки продолжали массовые побег со службы. В результате военные предложили управлению Ишимского уезда набрать новых выписных казаков 188 чел. и выслать их на линию в течение 24 часов.

13 мая 1757 г. член Военной Коллегии генерал-майор В. И. Суворов представил доношение, по которому требовалось брать для разъездов на Иртышскую и Новую Ишимскую линии Сибири 900 человек из городских казаков и выписных казаков на одно только зимнее время с переменою ([Сенатский архив, 1903: 52](#)). 27 января 1758 г. Сенат согласился на использование «находящихся на линиях из крестьян выписных казаков на одно только зимнее время куда надлежит» ([Сенатский архив, 1903: 413](#)). Положение выписных казаков Ишимского и Ялуторовского дистриктов было более хорошим, другие группы выписных казаков должны были кроме службы, выполнять все крестьянские повинности. В апреле 1760 г. 105 выписных казаков Омской крепости просили генерал-майора Веймарна освободить их от работы на десятинной пашне, которую им приходилось обрабатывать с крестьянами и разночинцами Тарского уезда, отмечая, что «нынешнею весною Омская управительская канцелярия всех выписных казаков без остатку выслала на службу... а ежели иногда куда востребуемься к внезапному походу, то уже и для себя и пропитания жен и малолетних детей, за отлучкою от домов своих и собственной своей пашни принуждены будем отстать, а в казну Ее Императорского Величества подушные деньги и прочие казенные подати неминуемо должны платить, от чего уже можем придти во всеконечное разорение и нищету, да и впредь на службе Ее Императорского Величества неисправными быть» ([Потанин, 1867: 31](#)). Выписные казаки писали, что весной 1760 г. состоят в ежечасной готовности к походу по указу из Тобольска, отмечая, по указу из Сибирской губернской канцелярии «...для чего у которых за упадком лошадей не было, то займывая у прочих, а некоторые и рогатого скота продавали и для того внезапного походу покупали лошадей и исправляли конской убор». Омские выписные казаки сообщали о своих службах в качестве конвоя ушедших в Россию ойратов и содержания караулов – «да служили еще из нас в верхиртышских крепостях для конвоя выписных в подданство Ее Императорского Величества зенгорских калмыков между Омской и Святого Петра крепостью. Да через все лето находились для смотра и караулу, дабы потаенного провоза соли не было на вновь отысканных ишимских озерах» ([Потанин, 1867: 31](#)).

В 1770-е гг. выписные казаки были мобилизованы для решения новых важных задач. В 1771 г. в связи с уходом калмыков с Волги на восток губернатор Сибири Д.И. Чичерин приказал привести в боевую готовность выписных казаков и раздать боеприпасы населению на линиях ([Рафиенко, 1973: 371](#)). Власти Сибири мобилизовали выписных казаков для борьбы с движением Пугачева. В октябре 1773 г. губернатор Сибири Д.И. Чичерин приказал собрать выписных казаков Тюменского, Туринского и Ялуторовского уездов и направить их на запад к Оренбургской губернии под команду командира Сибирского корпуса генерала де Колонга. Выписные казаки Тарского и Ишимского уезда были направлены на Новую линию против кочевников. Д.И. Чичерин предложил не брать с выписных казаков, собранных для борьбы с восставшими, подушных денег на 1774 г. Генерал Петр Панин 13 марта 1774 г. согласился с этим предложением и предложил Д.И. Чичерину издать обещание о других будущих льготах для выписных казаков, если они «своею службою и верностию докажут истинное усердие». Однако часть выписных казаков вообще не явилась на линию, а из мобилизованных в ополчение крестьян одни сами приняли участие в движении, а другие бежали. По данным А.И. Андрущенко, всего в Ялуторовском уезде в правительственные отряды добровольно вступили 1900 крестьян, которых вооружили копьями и палашами, присланными из Тобольска и обещали платить казацкое жалованье. В то же время Д.И. Чичерин 19 февраля 1774 писал руководителю военных операций против восставших генералу А.И. Бибикову, что на выписных казаков он имеет «слабую надежду» ([Андрущенко, 1969: 219](#)). В феврале 1774 г. когда в слободы по р. Тобол пришли восставшие, выписные казаки перешли к ним, разоружив регулярную роту в Иковской слободе. Восстание в Сибири было подавлено регулярными войсками. Таким образом, расчет властей на выписных казаков из крестьян в деле подавления восстания себя совершенно не оправдал. В то же время ямщики и посадские люди сибирских городов – Тобольска, Тюмени, и ряда крупных слобод – Ялуторовской и Ирбитской поддержали правительство и оказали регулярным частям помощь в подавлении восстания в Сибири ([Андрущенко, 1969: 233](#)).

5. Заключение

В Московской Руси группы населения были обязаны служить или платить налоги, однако между сословиями имелось четкое разделение. Одни сословия служили, а другие платили налоги. Выписные казаки Сибири несли военную службу, но одновременно должны были платить и

подушную подать. Выписные казаки служили разные службы в Сибири от содержания караулов и разъездов до походов в партиях с отрядами служилых людей за кочевниками. В отличие от служилых людей Сибири, выписные казаки не получали жалования от казны, и платили подушную подать, кроме того, лошади и ружья покупались ими на свои деньги. В Российской империи XVIII в. отряды служилых людей старых служб продолжали свою деятельность. В Сибири происходит рост нерегулярных формирований. В XVIII в., стремясь защитить южные земли края от набегов без новых финансовых затрат, правительство Российской империи формировало в Сибири новые военные группы населения. Генерал Киндерман считал, что выписные казаки обязаны государству нести военную службу, «они же так должныствуют» защищать свои уезды и юг Сибири. Важно отметить, что в этом случае проявилось отношение военных властей к местному населению, которое считалось в Сибири обязанным, в том числе и военной службой. Выписные казаки служили с 1732 г., достаточно успешно участвуя в защите границы Сибири от кочевников. Восстание Пугачева стало для этой категории военного населения края испытанием, которое окончательно показало правительству ненадежность выписных казаков в качестве военной силы.

Литература

- Андрущенко, 1969 – Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773–1775 гг. М., 1969. 360 с.
- Быконя, 2007 – Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII–XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. 416 с.
- ГАОО – Государственный архив Омской области.
- Горбань, 1953 – Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // *Вопросы географии*. М., 1953. Вып. 31. С. 206–227.
- Громыко, 1965 – Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965. 265 с.
- Зиннер, 1968 – Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск, 1968. 248 с.
- Никитин, 1988 – Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. 256 с.
- Памятники, 1885 – Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885.
- Потанин, 1867 – Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири. М., 1867. 324 с.
- ПСЗ, 11 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 11. СПб., 1830.
- ПСЗ, 13 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 13. СПб., 1830.
- ПСЗ, 15 – ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 15. СПб., 1830.
- Пузанов, 2012 – Пузанов В.Д. Беломестные казаки в Сибири XVII – первой трети XVIII в. // *Вопросы истории*. 2012. № 10. С. 71–86.
- Путинцев, 1891 – Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891. 256 с.
- Рафиенко, 1973 – Рафиенко Л.С. Компетенция сибирского губернатора в XVIII в. // *Русское население Поморья и Сибири*. М., 1973. С. 364–380.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Словцов, 1837 – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. М., 1837. 589 с.
- Семевский, 1901 – Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. 2. СПб., 1901. 687 с.
- Сенатский архив, 8 – Сенатский архив. Т. 8. Протоколы Правительствующего Сената 1750, 1751 и 1752 гг. СПб., 1897. 746 с.
- Сенатский архив, 10 – Сенатский архив. Т. 10. Протоколы Правительствующего Сената 1757 и 1758 гг. СПб., 1903. 612 с.
- Сенатский архив, 11 – Сенатский архив. Т. 11. Протоколы Правительствующего Сената 1759 и 1760 гг. СПб., 1904. 483 с.
- Татищев, 1950 – Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. 247 с.

References

- Andrushchenko, 1969 – Andrushchenko A.I. (1969). Krestyanskaya vojna 1773–1775 gg. [Peasant War]. M. 360 p. [in Russian].
- Bykonya, 2007 – Bykonya G.F. (2007). Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoj Sibiri v XVIII – XIX v. (demografo-soslovnyj aspekt). [Cossacks and other service population of Eastern Siberia in the XVIII – XIX century. (demographic and social aspect)]. Krasnoyarsk. 416 p.
- GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Omskoj oblasti [State Archives of the Omsk Region]
- Gorban', 1953 – Gorban' N.V. (1953). Iz istorii stroitel'stva krepostej na yuge Zapadnoj Sibiri [From the history of the construction of fortresses in the south of Western Siberia]. *Questions of geography*. M. Vyp. 31. pp. 206–227 [in Russian].
- Gromyko, 1965 – Gromyko M.M. (1965). Zapadnaya Sibir' v XVIII v. [Western Siberia in the XVIII century]. Novosibirsk. 265 p. [in Russian].

- Zinner, 1968 – *Zinner Eh.P.* (1968). Sibir' v izvestiyah zapadnoevropejskih puteshestvennikov i uchenyh XVIII v. [Siberia in the news of West European travelers and scholars of the 18th century]. Irkutsk. 248 p. [in Russian].
- Nikitin, 1988 – *Nikitin N.I.* (1988). Sluzhilye lyudi v Zapadnoj Sibiri. [Servants in Western Siberia]. Novosibirsk. 256 p. [in Russian].
- Pamyatniki sibirskoj, 1885 – Pamyatniki sibirskoj istorii XVIII v. Kn. 2. Spb. 1885. [Monuments of Siberian history of the XVIII century. Book 2]. St. Petersburg. 1885.
- Potanin, 1867 – *Potanin G.N.* (1867). Materialy dlya istorii Sibiri [Potanin, G.N. Materials for the History of Siberia]. M. 324 p. [in Russian].
- PSZ, 11 – PSZ (Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). [PSZ (Complete Collection of Laws of the Russian Empire), Vol. 11]. St. Petersburg, 1830. [in Russian].
- PSZ, 13 – PSZ (Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). [PSZ (Complete Collection of Laws of the Russian Empire). T. 13]. St. Petersburg. 1830 [in Russian].
- PSZ, 15 – PSZ (Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). [PSZ (Complete Collection of Laws of the Russian Empire), T. 15, St. Petersburg, 1830 [in Russian].
- Puzanov, 2012 – *Puzanov V.D.* (2012). Belomestnye kazaki v Sibiri XVII – pervoj treti XVIII v. [White Cossacks in Siberia XVII – the first third of the XVIII century]. *Voprosy istorii*. No. 10. pp. 71–86. [in Russian].
- Putincev, 1891 – *Putincev N.G.* (1891). Hronologicheskij perechen' sobytij iz istorii Sibirskogo kazach'ego vojska [Chronological list of events from the history of the Siberian Cossack army]. Omsk. 256 p. [in Russian].
- Rafienko, 1973 – *Rafienko L.S.* (1973). Kompetenciya sibirskogo gubernatora v XVIII v./ Russkoe naselenie Pomor'ya i Sibiri [The competence of the Siberian Governor in the XVIII century. /Russian population of Pomorze and Siberia]. M. pp. 364–380 [in Russian].
- RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]
- RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive] [in Russian].
- Slovcov, 1837 – *Slovcov P.A.* (1837). Istoricheskoe obozrenie Sibiri [Historical review of Siberia. Book 1. M. 589 p. [in Russian].
- Semevskij, 1901 – *Semevskij V.I.* (1901). Krest'yane v carstvovanie Ekateriny II [Peasants in the reign of Catherine II]. St. Petersburg. T. 2. 687 p. [in Russian].
- Senatskij arhiv, 8 – Senatskij arhiv. T. 8. Protokoly Pravitel'stvuyushchego Senata 1750, 1751 i 1752 gg. [The Senate Archive. T. 8. Protocols of the Governing Senate of 1750, 1751 and 1752]. St. Petersburg, 1897. 746 p. [in Russian].
- Senatskij arhiv, 10 – Senatskij arhiv. T. 10. Protokoly Pravitel'stvuyushchego Senata 1757, i 1758 gg. [The Senate Archive. T. 10. Protocols of the Governing Senate of 1757, and 1758 gg.]. St. Petersburg, 1903. 612 p. [in Russian].
- Senatskij arhiv, 11 – Senatskij arhiv. T. 11. Protokoly Pravitel'stvuyushchego Senata 1759, i 1760 gg. [The Senate Archive. T. 11. Protocols of the Governing Senate of 1759, and 1760 gg.]. St. Petersburg., 1904. 483 p. [in Russian].
- Tatishchev, 1950 – *Tatishchev V.N.* (1950). Izbrannye trudy po geografii Rossii [Selected works on the geography of Russia]. M. 247 p. [in Russian].

УДК 94(571)

Формирование и службы выписных казаков Сибири в XVIII в.

Владимир Дмитриевич Пузанов^{а, *}

^а Шадринский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В результате реформ Петра I русская армия стала регулярной. Однако во многих провинциях Российской империи отряды служилых людей старых служб не были распущены. В XVIII в. численность нерегулярных формирований выросла, а в Сибири были сформированы целые полки из крестьянского населения, которое редко привлекалось к военному делу Русским государством. Территорией формирования первых отрядов выписных казаков стали два западных дистрикта Сибири – Ишимский и Ялуторовский. К 1751 г. там имелось 1400 выписных казаков из крестьян и разночинцев – 800 чел. в Ялуторовском уезде и 600 чел. в Ишимском уезде.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: alan1971@bk.ru (В.Д. Пузанов)

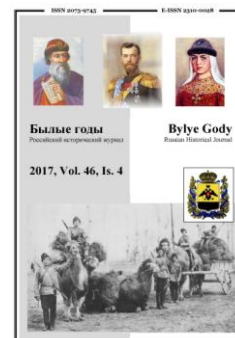
В 1744 г. военные силы Сибири были подчинены главному командиру Сибирского корпуса, который подчинялся непосредственно Военной коллегии. Главным командиром корпуса был назначен генерал – майор Христиан Киндерман. В 1751 г. генерал Киндерман начал формирование 10 полков выписных казаков по 1000 человек в каждом. 4 из них формировались на востоке в Кузнецком, Томском, Красноярском и Енисейском уездах и 6 на западе – в Тобольском, Тюменском, Верхотурском, Ялуторовском, Краснослободском, Ишимском уездах. В результате к 1752 г. Киндерману удалось набрать полностью 10 полков и 5 команд, численностью 9630 рядовых и 515 командиров, всего 10 145 выписных казаков. Сенат разрешил военным властям Сибири набор выписных казаков, но предложил отправлять их из своих деревень на линии только в особых случаях. Однако военные власти края попытались превратить службу выписных казаков в постоянную.

Ключевые слова: Сибирь, крестьяне, выписные казаки, губерния, уезд, полк, драгуны, солдаты.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1194-1206, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1194
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) (470.56)

Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity

Stepan V. Dzhundzhuzov ^{a, *}, Sergey V. Lyubichankovskiy ^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article examines the processes of interethnic interaction of Kalmyks, who inhabited Southern Ural in the XVIII – early XX century with a predominant Russian-speaking and Turkic-speaking ethnic communities. On the example of Kalmyks' small groups living in isolation from one another, the mechanisms of acculturation influence upon them are analyzed, common patterns that cause loss or preservation of their ethnic identity are discovered.

The sources for the present study were the materials from the Archive of Orientalists of Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), the State Archive of Orenburg Region (Orenburg). Archival surveys in combination with published materials of official statistics, diaries and memoir literature provided the information base for conducting a summarizing study.

The comparative (comparative-historical) method was used to identify patterns and characteristics of influence of society with foreign culture and foreign religion upon Kalmyks. Through the method of critical analysis of historical sources, the degree of reliability and representativeness of the documentary material was determined.

Studying the history of Ural and Orenburg baptized Kalmyks, Nagaibaks and Ayuk Kalmyks accepted Islam enabled the authors to conclude that the main factor which ensures the preservation of group identity by Kalmyks was their commitment to Tibetan Buddhism (Lamaism), which new generation of Kalmyk settlers believed to be the religion of Ancestors. Loss of identity occurred regardless of the transition to Islam or Christianity, as long as followers treated the new religion deliberately, not as a spiritual duties that were imposed. Long-term maintenance of originality of individual groups of Kalmyks, who lost their religious identity, was facilitated by their grouped way of life in a separate territory and the existence of special class rights.

Keywords: acculturation, assimilation, identity, Kalmyks, religion, ethnic group, Southern Ural.

1. Введение

В 2015 г., в отзыве на автореферат докторской диссертации, посвященной истории крещеных калмыков Средневожско-уральского региона (Джунджузов, 2015), специалистом по истории башкирского народа Б.А. Азнабаевым был поставлен вопрос о причинах, обусловивших сохранение идентичности этой группой калмыков и полной ассимиляции калмыков, поселившихся на башкирских землях. В процессе обсуждения обозначилась необходимость проведения обобщающего исследования проблем ассимиляции и сохранения идентичности групп калмыков, подвергшихся аккультурационному воздействию со стороны русскоязычных (казаков) и тюркоязычных этнических сообществ в полиэтническом Южно-Уральском регионе (Lyubichankovskiy, 2015b). Данная статья призвана подвести определенный итог научной полемике об этнических судьбах южноуральских калмыков, их участии в этногенезе народов Южного Урала (башкир, казаков, нагайбаков), а также

* Corresponding author

E-mail addresses: djund@yandex.ru (S. Dzhundzhuzov)

роли религиозного фактора в сохранении или потере идентичности, происходившей в процессе внешнего аккумуляционного воздействия.

2. Материалы и методы

Источниками для проведения представленного исследования послужили материалы из фондов Российского государственного архива Древних актов (Москва, Российская Федерация), Архива востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Архивные изыскания в сочетании с опубликованными материалами официальной статистики, дневниковой и мемуарной литературы обеспечили информационную базу для проведения обобщающего исследования, охватывающего разные этнические группы калмыков, имевших поселения на Южном Урале.

Для выявления закономерностей или, напротив, особенностей воздействия инокультурного и инорелигиозного социума на изолированные малочисленные калмыцкие сообщества использовался компаративный (историко-сравнительный) метод. Метод критического анализа исторических источников применялся для определения степени достоверности и репрезентативности документального материала, с учетом времени и обстоятельств появления источника. Используемые источники содержат множество фактов. Через их сопоставление, выстраивание в логическую цепь происходит реконструкция событий, актором которых выступали калмыки.

3. Обсуждение

Исследование истории калмыков Южного Урала представлено рядом работ посвященных отдельным этноконфессиональным группам местных калмыков или народов их ассимилировавших. Процессы оседания калмыков на башкирских землях, их исламизация и последующее растворение в доминирующем башкирском этносе нашли отражение в трудах Б.А. Азнабаева (Азнабаев, 2017), Р.Г. Кузеева (Кузеев, 1974), Г.Х. Самигулова (Самигулов, 2015), С.У. Таймасова (Таймасов, 2009). Проблеме христианизации калмыков и включения их в Оренбургское казачье войско, а также сохранение оренбургскими калмыками своей этнической обособленности посвящены исследования К.В. Орловой (Орлова, 1996), С.В. Джунджузова (Джунджузов, 2014а), К.П. Шовунова (Шовунов, 1992). Малоизученным до последнего времени оставался религиозный быт калмыков-казаков Уральского войска.

4. Результаты

В процессе русской колонизации Южного Урала уже к середине XVIII века вся его территория оказалась в составе обширной Оренбургской губернии (территории современных Оренбургской, Челябинской областей и большей части Республики Башкортостан – С.Д., С.Л.) и Уральского (Яицкого до 1775 г.) казачьего войска (ныне территория Казахстана – С.Д., С.Л.). Появлению в здешнем краю калмыков предшествовало постепенное продвижение их кочевий вдоль юго-восточного приграничья Российского государства и прилегающих к нему сопредельных степных районов.

Начальной датой добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства по праву считается 1609 г., когда в крепостном сибирском городке Таре 50-тысячная группировка торгоутских калмыков во главе с тайшей Хо-Урлюком принесла присягу на подданство России. Позднее их примеру последовали представители других калмыцких сообществ: дербетов, хошоутов и тех же торгоутов. Будущие соседи впервые встретились в степи у реки Сыр-Дарьи, во время похода на Хиву 300 яицких казаков под предводительством атамана Шемая. Сказание об этом походе в 1748 г. в Яицком городке записал П.И. Рычков и в 1762 г. включил в «Топографию Оренбургской губернии». В нем рассказывается, как казаки захватили в плен двух калмыков-охотников, чтобы использовать их в качестве «вожжей» – проводников в полупустынном Приаралье. Историк уральского казачества Б.А. Карпов посчитал, что поход Шемая мог состояться в промежутке между 1620 и 1625 гг. Если бы это событие произошло позже, то заполонившие степь калмыки едва бы дали ему возможность пройти к Хиве; если бы поход состоялся ранее 1620 г., то не застал бы их вовсе. В походе казаки встретили лишь передовые части калмыков, которые даже не решились напасть на них, чтобы отбить своих пленных, а вступили в переговоры (Карпов, 1911: 128).

Регулярные сношения между уральскими казаками и калмыками начинаются с 1629 г. В приложении к 1 тому своего фундаментального исследования истории уральских казаков А.Б. Карпов поместил текст донесения самарского воеводы Бориса Салтыкова. В нем говорилось, что прибывшая в Самару 17 мая 1630 г. станица яицких казаков во главе с Прошкой Филиппевым привезла известие о появлении еще до наступления зимы вблизи Яицкого городка первой партии калмыков. Тогда же казакам пришлось отбить и первую атаку воинственных кочевников. Взятые в плен раненые калмыки показали, что идут на них войной большие калмыки и собираются они кочевать по Яику и по обоим берегам Волги и идти войной на ногайских татар. Калмыки, названные «большими», появились на Яике в апреле 1630 г. Казаки встретили пришельцев у находившегося в устье Яика Соляного городка, известного также под названиями Голубое городище и Кош-Яик.

Поле боя осталось за казаками и в качестве доказательства они отправили в Самару взятого в плен неприятеля (Карпов, 1911: 865-866).

На рубеже 20-30-х гг. XVII века степи в низовьях Яика были заняты калмыками торгоутами, а проживавшие в тех местах ногаи стали их подданными или союзниками. Под ногайцами понимались этнически близкие тюркоязычные племена во главе с биями и мурзами. По подсчетам А.А.Новосельского, в 1646 г. вместе с калмыками кочевало в общей сложности 1700 ногайских, алтыульских и едисанских дворов (Новосельский, 1948: 359).

В тридцатых годах XVII века калмыки окончательно утвердились между реками Яик и Волга. Они заняли также ясачные земли башкир по Яику и его притокам, в верховьях рек Сакмары, Большой и Малой Узени. Прикочевка калмыков в Заволжье затронула политические, экономические и торговые интересы России. Ими были захвачены не только исконные территории находившихся под протекторатом России ногаев, но и ясачные и промысловые угодья башкир, подданных Российского государства (История башкирского народа, 2011: 83).

Юго-восточные рубежи России продолжали подвергаться нападениям калмыков на протяжении всего XVII столетия. В полном окружении воинственных калмыков и подчинявшихся им ногайских татар оказался Яицкий городок. Путь от него к ближайшим торгово-административным центрам – Самаре, Сызрани и Уфе – был если не отрезан, то весьма сильно затруднен. В то же время в этот период происходит процесс встраивания калмыков в геополитическое структурирование Южного Поволжья и Урала, что находило выражение в договорах, заключенных российскими дипломатами с калмыцкими ханами, совместном участии калмыков, башкир и казаков в войнах на стороне России, «народной (межэтнической) дипломатии». Результатом последней стало формирование этнических групп калмыков, поселившихся на Южном Урале и влившихся в состав местных этнических сообществ.

В данном контексте под этнической группой понимается диаспоральное сообщество калмыков, зафиксированное в статистических материалах Оренбургской губернии со времени ее основания в 1744 г. Нами выявлены три этнических группы калмыков, которые сформировались в конце XVII – первой половине XVIII века. Их составили поселившиеся на башкирских землях аюкинские калмыки; калмыки, включенные в состав Оренбургского казачьего войска и калмыки-казаки Уральского казачьего войска. Социализация калмыков, оказавшихся в инородном окружении, обеспечивалась посредством восприятия хозяйственных, культурно-бытовых, религиозно-нравственных особенностей, языка превосходящего их по численности титульного этноса. Судьба этнических групп калмыков, обосновавшихся на Южном Урале, сложилась по-разному. Уже в первой половине XIX века потеряли идентичность калмыки, осевшие на башкирских землях. Большая часть оренбургских и уральских калмыков, влившихся в казачье сословие, напротив, сохранили свою языковую и культурно-религиозную сущность. Свою групповую идентичность они утратили уже при Советской власти, после переселения в Калмыцкую автономную область.

Отсутствие обобщающих работ и возросший интерес исследователей истории казачества и народов Южного Урала к отдельным этническим группам калмыков в контексте изучаемых ими этнических сообществ, в частности, причины ассимиляции аюкинских калмыков в связи с этногенезом башкирского народа, нашли отражение в научной полемике Б.А. Азнабаева и Г.Х. Самигулова (Азнабаев, 2017: 45-50). Ценность подобных дискуссий заключается во введении в научный оборот новых источников и аргументов для последующих обобщений. Однако без компаративного подхода – привлечения материалов, содержащих сведения о других этнических группах калмыков, сложно убедительно говорить о доминирующих причинах потери идентичности аюкинскими калмыками.

Изучение истории уральских и оренбургских крещеных калмыков, а также знакомство с исследованиями, посвященными истории аюкинских калмыков, позволяет сделать вывод, что главным фактором, обеспечивавшим сохранение калмыками групповой идентичности, являлась их приверженность тибетскому буддизму (ламаизму), который новые поколения калмыцких поселенцев считали религией предков. Заметим, потеря идентичности наступала вне зависимости от того, переходили калмыки в ислам или христианство, главное, чтобы к исповеданию новой религии они относились осознанно, а не как к навязанной духовной повинности. Убедиться в достоверности данного утверждения призвано помочь обращение к этногенезу и истории имевших поселения на Южном Урале калмыцких сообществ.

Аюкинские калмыки. Нет единого мнения о времени оседания на башкирских землях калмыков, принявших ислам и продолжавших на протяжении нескольких поколений сохранять свою калмыцкую идентичность. И.Г. Георги, посетивший Южный Урал в составе экспедиции П.С. Палласа на рубеже 70–80-х гг. XVIII века, оставил о них следующую запись: «В Уфимском наместничестве, в Челябинском округе, на восточной стороне Уральских гор, населены три деревни калмыками мугамеданского закона» (Георги, 1799: 23). В официальных документах, в частности, окладных книгах, они именовались «аюкинскими». Исповедание аюкинскими калмыками ислама Георги объясняет пребыванием их предков в казахском плену. По его расчетам, калмыки-мусульмане поселились в Башкирии в конце 1710-х гг. Башкиры их встретили радушно. Отвели им земельные

угодья. Заключение межэтнических браков ускорило процесс «обашкирования» аюкинских калмыков. Уже в конце XVIII века их причисляют к башкирам «из сарт и аюкинских калмык».

Современная историография связывает миграцию калмыков в Башкирию с политическими процессами 1680-1690-х гг. С.У. Таймасов считает, что этому способствовали события башкирского восстания 1682-1684 гг. Хан Аюка со своим войском вторгся в Уфимский уезд и поддержал восставших. Калмыки участвовали в осаде Уфы и Мензелинска, совершали набеги на соседний Казанский уезд. В 1684 г. Аюка пошел на примирение с Россией и при встрече с астраханским воеводой А.И. Голицыным подписал шертъ (договор): «Впредь Великим Государям служить верно, а на российские города, села и деревни не нападать и башкирцев, ежели они, учиня измену, бегать будут в улусы калмыцкие, не принимать, а выдавать возвратно» (Бакунин, 1995: 26). По мнению С.У. Таймасова, значительная часть калмыков не пожелала возвращаться в приволжские степи и именно от них на Сибирской дороге возникла этническая группа «аюкинских калмыков» (Таймасов, 2009: 38).

Однако весьма сомнительно, чтобы правитель Калмыцкого ханства позволил значительной части своих воинов выйти из его подчинения и осесть в Башкирии. К башкирам, так же, как и в русские города для принятия крещения, могли уходить калмыки, бежавшие от своих владельцев либо знатные калмыки, недовольные правлением хана Аюки. Последние уводили с собой сотни и даже тысячи подвластных калмыков. В пользу этой версии свидетельствует создание поселения крещеных калмыков вблизи Саратова на реке Терешке и прием на Дону в казачье сословие до 800 калмыков во главе с зайсангами Четерем, Батыром и Тайдзой.

Не отрицая значимости в правящем клане Аюки вражды как фактора, побудившего часть населения откочевать за пределы Калмыцкого ханства, Б.А. Азнабаев все же в качестве ведущего источника притока калмыцких поселенцев в Башкирию называет плен (Азнабаев, 2017: 83). Следовательно, инкорпорация калмыков в башкирское сообщество началась задолго до правления хана Аюки.

В научном дискурсе последних лет активизировалось обсуждение причин этнического сближения башкир и калмыков, а также численности этнической группы аюкинских калмыков и закрепления их земельных прав. Р.Г. Кузеев в процессе анализа этногенеза башкирских племен бурзян, усерган и тангауров отметил, что этноним калмак закрепился за потомством некоторых калмыцких семей, перешедших от ламаизма в ислам и оставшихся среди башкир (Кузеев, 1974: 164). Б.А. Азнабаев не считает религиозный фактор достаточным для объяснения инкорпорации калмыков в башкирский социум. В XVII-XVIII веках исламизации подвергались черемисы, чувашаи, вотяки, представители других проживавших в Башкирии народностей, но они не образовывали новых волостей. По мнению исследователя, основой этнического сближения башкир и калмыков выступала хозяйственная (кочевая) однотипность и военизированная структура этих обществ (Азнабаев, 2017: 84).

Крайне противоречиво подходят историки к вопросу численности аюкинских калмыков. Тон современной дискуссии задавала изданная в 1968 г. работа Р.Г. Кузеева «Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв.». Автор не привел данных конкретно по аюкинским калмыкам, а подсчитал их вместе с семьями, совместно с тарханами (служилыми башкирами) и сартами. В итоге их общее число составило, примерно 30-40 тыс. человек (Кузеев, 1968: 344). Б.А. Азнабаев опрометчиво подвел под этот показатель исключительно ассимилированных башкирами аюкинских калмыков (Азнабаев, 2014: 1613-1615). Г.Х. Самигулов счел приведенные данные необоснованно завышенными как минимум в пять раз. По его оценкам, базирующийся на приведенной В.Э. Деном дереволуционной статистике, численность калмыков в Калмыцкой (Калмацкой) волости в конце XVIII века не превышала 500 или даже 800 человек (Самигулов, 2015: 46). Согласно отчету о народонаселении в Оренбургской губернии за 1821 г., в Челябинском уезде проживало 325 аюкинских калмыков (ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 7506. Л. 17). Сведения об этой этнической группе в более поздней статистике уже не встречаются.

По-разному объясняют историки правовую природу образования Калмацкой волости на башкирских землях. Б.А. Азнабаев полагает, что между башкирами и освобожденными ими из плена калмыками складывались отношения, соответствующие формуле «патронат – клиента». Башкиры в качестве «патронов-покровителей» добивались от российских властей включения калмыков в башкирский ясашный оклад, взамен калмыки обязались в качестве тарханов нести военную службу (Азнабаев, 2017: 85). Более обоснованной представляется версия Г.Х. Самигулова. До середины XVIII века калмыки, попадавшие разными путями в Башкирию и оседавшие среди башкир, проживали в разных деревнях и даже в разных волостях башкирского Зауралья. Что важно подчеркнуть: сохранившиеся в документах имена и фамилии аюкинских калмыков свидетельствуют об их мусульманском вероисповедании. В период башкирских восстаний 1735–1740 гг. они вместе с сартами и мещеряками выступили на стороне правительства. Былые заслуги позволили представителям указанных этносословных групп обратиться к русским властям за содействием в наделении земель. От имени шести калмыцких семей такое прошение подал в июле 1737 г. Буран Ягораков. Земли аюкинским калмыкам были выделены вблизи Миасской крепости, на правом берегу реки Чумляк, где и образовалась Калмацкая волость (Самигулов, 2015: 47-48).

Итак, этносословная и, заметим, территориально консолидированная группа аюкинских калмыков сложилась к 50-м гг. XVIII века и сохраняла свой этнический статус по крайней мере до 20-х гг. XIX века. Входящие в нее приняли ислам за полвека до того, как были наделены землей. Источников, свидетельствующих об их формальном восприятии мусульманского вероисповедания, не обнаружено. Не заметил склонности аюкинских калмыков к «идолопоклонству» ученый путешественник И.Г. Георги. В то время, как приверженность к язычеству другой этнической группы - проживавших на Средней Волге ставропольских крещеных калмыков, - не ускользнула от внимания этнографа (Георги, 1799: 21-22). Относительно длительному сохранению самобытности аюкинских калмыков могло способствовать их консолидированное проживание на закрепленной за ними территории. Но смешанные браки и постепенная утрата калмыцкого языка привели к тому, что уже в последней четверти XVIII века, наряду с «аюкинскими», представителей этой этнической группы стали называть «башкирами калмыцкой породы».

Нагайбаки. Еще одним небольшим тюркоязычным этносом на Южном Урале, в этногенезе которого участвовали калмыки, были нагайбаки. В.Н. Витевский считал, что основу нагайбацкого этноса заложили казанские татары, принявшие крещение после присоединения Казанского ханства. Часть этих татар во главе с мурзами перешла на жительство в Башкирию. Не случайно одна из нагайбацких деревень получила название Казанчи. Позднее, в первой половине XVIII века, к осевшим здесь крещеным татарам стали подселять представителей разных среднеазиатских народов, вышедших из казахского плена и принимавших крещение. В их числе В.Н. Витевский, вслед за П.И. Рычковым, называет 70 крещеных калмыков, которые достаточно быстро должны были раствориться в преобладающей тюркоязычной массе.

Свое название нагайбаки получили от ногаев, кочевавших прежде в отведенной им местности. Согласно преданию, на берегу реки Ик, где в 1736 г. была основана Нагайбацкая крепость, после откочевки ногайцев на Кубань кочевал башкир Нагайбак, по имени которого и сам юрт назывался деревней Нагайбаковской.

До 1736 г. нагайбаки платили положенный на них ясак в казну и особый оброк башкирам за земли, которыми они пользовались. С устройством крепости ясак был с них снят, и земли были отданы в их собственное безоборочное владение «на 50 верст в окружности». Такая монаршая милость была результатом верной службы нагайбаков Русскому государству и разорения их башкирами. Взамен нагайбаки обязались отправлять военную службу наравне с оренбургскими казаками и ставропольскими крещеными калмыками. При первом оренбургском губернаторе И.И. Неплюеве (1744-1758 гг.) был учрежден штат Нагайбацкой крепости из 600 человек, а именно 586 рядовых, 6 писарей, 6 сотников, одного есаула и атамана. Атаманом нагайбацких казаков с 1745 г. состоял калмык Андрей Еремкин. О его калмыцком происхождении свидетельствует указ из Уфимской провинциальной канцелярии от 8 марта 1751 г., адресованный «на имя атамана Нагайбацкой крепости новокрещеных калмыков Андрея Еремкина с товарищами» (Материалы по историко-статистическому описанию, 1910: 344-345). В указе перечислялись дарованные нагайбакам права на земли и промыслы. К 1760 г. численность нагайбаков составила 1359 человек (Витевский, 1878). Их поселение состояло из одного села и десяти деревень. Рост нагайбацкого населения продолжался и в дальнейшем. В 1842 г. нагайбацкие казаки были переселены в Новолинейный район Оренбургского казачьего войска (часть территории современных Челябинской, восточных районов Оренбургской областей и Республики Башкортостан). В Верхнеуральском уезде они основали пять поселков: Париж, Фаршампенуаз, Кассель, Остроленский и Требинский. По данным однодневной переписи 31 декабря 1889 г., в Оренбургском казачьем войске состояло 8709 казаков-нагайбаков (3 % войскового населения) (Стариков, 1891: 155).

Принимавшие крещение нагайбаки оставались без миссионерского попечения и должного контроля за исполнением церковных обрядов со стороны православных священнослужителей. По свидетельству этнографа и историка оренбургского казачества Ф. Старикова, к концу XIX века нагайбаки не стали ревностными христианами и в их религиозном быту сохранились некоторые обычаи, унаследованные от исповеданий их предков. Как и все православные христиане, они носили нательные кресты, исполняли многие христианские обряды, соблюдали воскресные и праздничные дни. В то же время за обеденный стол садились не молясь, постов не соблюдали, редко ходили в церковь. Из обычаев нагайбаков, которые Православная церковь относит к язычеству, Стариков называет праздник «жертвоприношения», отмечаемый после окончания посевных работ (Стариков, 1891: 218).

Поверхностная религиозность нагайбаков не противоречит утверждению, что именно крещение, а затем подселение к нагайбакам способствовали утрате калмыками осознания этнической обособленности. В отличие от аюкинских калмыков, калмыки, влившиеся в нагайбацкое сообщество, были разобщены, не имели обособленных поселений. Факторами ассимиляционного воздействия для этой группы калмыков также служили переход на нагайбацкий диалект татарского языка и причисление к казачьему сословию.

Оренбургские калмыки. В окрестностях Оренбурга калмыки начали добровольно селиться со времени образования Оренбургской губернии. Причем инициатива исходила от самих калмыков. В начале 1745 г. к губернатору И.И. Неплюеву за разрешением на поселение в районе Верхнеяицкой

укрепленной линии обратились зайсанги Цой-Берда и Лорой-Гецель. Данные о численности приведенных ими кибиток рознятся от 59 до 70 (Авдеев, 1904: 25; Витевский, 1897: 596). К выгоде казны и к пользе в обустройстве Оренбургского края, калмыки обязались «службу и подводную повинность отправлять без жалования и провианта». В качестве компенсации калмыцким поселенцам разрешалось беспошлинно «торговать, производить звериную и рыбную ловлю» (Джунджузов, 2014b: 276).

До 1749 г. в Оренбурге разрешалось селиться только калмыкам, продолжавшим исповедовать буддизм. Российские власти считали их язычниками и идолопоклонниками. Калмыки, менявшие вероисповедание и проходившие обряд крещения, отправлялись на жительство в Ставропольское калмыцкое войско. По собранным сведениям, за три с половиной года (с 1745 г. по 1749 г.) обряд крещения в Оренбурге прошли 52 калмыка – 29 лиц мужского пола и 23 – женского. Всем им за единственным исключением предписывалось «по восприятию жительство иметь в Ставрополе» или «по крещении в Ставрополь к прочим таковым же калмыкам прислать» (ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 977. Л. 1; Д. 981. Л. 1).

Избранная оренбургскими властями в отношении калмыков линия поведения полностью себя оправдала. По свидетельству П.И. Рычкова, перекочевавшие к Оренбургу калмыки прозябали в совершенной бедности, но «от оренбургского торгу, а паче скорняжным их мастерством (в чем они имеют особенное искусство) вскоре исправились как лошадыми, так и скотом» (Рычков, 1887: 86). Высокой оценки оренбургского губернатора И.И. Неплюева заслужили военные навыки калмыков, самим кочевым образом жизни многих поколений превосходно подготовленных к службе в условиях степного пограничья. Неплюев даже обратился в Сенат с предложением воспользоваться некрещеными калмыками для колонизации Оренбургского края (Витевский, 1897: 594). Но честолюбивые планы оренбургского губернатора не нашли поддержки в Петербурге, так как некрещенные калмыки, где бы они ни находились, оставались подданными своих бывших владельцев. Российское государство брало на себя обязательство «калмык и их подданных татар, в российские города уходящих, возвратно им выдавать некрещенных» (Бакунин, 1995: 25).

В 1749 г. наместник Калмыцкого ханства Дондук-Даши через своего нарочного зайсанга Ноувата потребовал от И.И. Неплюева возвращения некрещенных калмыков в их прежние улусы. Единственным законным способом избежать депортации для этих калмыков оставался переход в православие. Этим правом воспользовались 84 человека. Всего же, с учетом крестившихся ранее 28 калмыков, общая численность оренбургских крещенных калмыков составила 112 человек. В Калмыцкое ханство откочевали 122 человека (Витевский, 1897: 596). С этого времени к поселению в Оренбургской губернии допускались только калмыки, принимавшие крещение.

Исследование, проведенное методом сплошной выборки архивных документов из фонда Оренбургской консистории, позволило установить, что с 1746 по 1758 г. в Оренбурге было крещено 256 калмыков (134 женщины и 122 мужчины). В последующие годы принятие христианства калмыками носило единичный характер. Из содержания отдельных дел можно также судить об обстоятельствах, подвигших калмыков на смену вероисповедания. Условно их можно разделить по следующим группам:

- 1) Выходцы из калмыцкого ханства.
- 2) Калмыки, приезжавшие в Оренбург на поселение или по торговым делам из Яицкого городка. Среди них встречались и калмыки, уже состоявшие казаками Яицкого казачьего войска, для которых смена вероисповедания предполагала и смену места жительства.
- 3) Калмыки, бежавшие из киргиз-кайсацкого (казахского) плена, задержанные как нарушители границы. В производившихся по их делам дознаниях обязательно присутствовала формулировка: «в Оренбургской губернской канцелярии в допросе объявили желание воспринять святое крещение» или «православную христианскую веру греческого исповедания».
- 4) Калмыки, как правило, женщины или малолетние дети, выкупленные частными лицами у казахов.
- 5) Калмыки, состоявшие под следствием и заключенные под стражу за совершение противоправных деяний.
- 6) Калмычки, жены кундуrowsких татар (переселенцев из Астраханской губернии), стремившиеся посредством крещения освободиться от власти мужей (Джунджузов, 2014a: 112).

С появлением в Оренбургском ведомстве большой группы крещенных калмыков перед военной администрацией встал вопрос об организации управления ими. Губернатор И.И. Неплюев распорядился зачислить калмыков в созданный в 1748 г. нерегулярный казачий корпус. Каждое лето часть из них призывалась на пограничную службу, несение которой на них возлагалось наравне с другими оренбургскими казаками. В декабре 1753 г. из оренбургских калмыков была сформирована отдельная рота со штатным расписанием и установленными окладами. Рядовыми оренбургскими калмыками командовали один зайсанг и два старшины, которые, в свою очередь, подчинялись возведенному в полковничий чин владельцу Семену Хошоуту, до крещения звавшемуся Сербетом (Рычков, 1887: 87). К середине 60-х гг. XVIII века в Оренбургском корпусе несли службу 200 калмыков, что составляло пятую часть его рядового состава. К концу столетия в штатном расписании корпуса числились уже две калмыцкие роты (Шовунов, 1992: 152).

До 1757 г. калмыки проживали в примыкавшей к Оренбургу казачьей слободе Форштадт. Из-за наплыва калмыков Форштадт еще называли калмыцкой слободой. После того, как решением Войсковой канцелярии от 12 декабря 1757 г. была выделена определенная территория, оренбургские калмыки стали селиться в Бузулукском уезде, недалеко от Новосергиевской и Сорочинской крепостей, по рекам Гусихе, Верхнему и Нижнему Уранам, Красной и Самаре. В 1765 г. им была произведена нарезка земли по казачьим нормам, а в 1798 г., после генерального межевания, калмыки получили планы и межевые книги на все закрепленные за ними угодья. По аналогии с названием уезда эта группа калмыков стала называться бузулукской. В ведомственных документах бузулукские калмыки именовались калмыцкой командой (Джунджужов, 2014b: 286).

В результате межевания бузулукские калмыки превратились в крупных землевладельцев. Принадлежавшая им дача простиралась на площади в 196758 десятин и 2363 сажень, из которых всего немногим более 5000 десятин были неудобными, или, иначе говоря, непригодными к хлебопашеству. При этом численность бузулукских калмыков имела необратимую тенденцию к сокращению. Так, если в 1819 г. мужское население казаков-калмыков составляло 483 человека, то к 1836 г. число их уменьшилось до 426. При среднедушевом раскладе на каждого калмыка приходилось почти по 46,2 десятины земли (ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 60-62).

Калмыцкая команда подразделялась на 11 улусов, за каждым из которых закреплялась определенная территория. Земельное изобилие позволяло калмыкам сохранять полукочевой образ жизни. Кочевать зимой мешали холода. Основным их занятием по-прежнему оставалось скотоводство.

Принятие христианства слабо отразилось на религиозном быте оренбургских калмыков. По свидетельствам контактировавших с калмыками приходских священников, в большинстве калмыцких жилищ не было икон. 4 февраля 1767 г. священник Новосергиевской крепости Лаврентий Данилов уведомил Оренбургское духовное правление, что «в прошлом 1766 году в состоявшем близ Новосергиевской крепости по реке Гусихе улусе из калмык как крещений, так и погребений умерших не было и где те требы совершены, и кем, мне не известно» (Джунджужов, 2014a: 112).

Официально числясь христианами, оренбургские калмыки продолжали исповедовать буддизм. Их духовными лидерами выступали буддистские священнослужители, которые принимали крещение наравне с прочими калмыками. Основы буддистского вероучения и богослужбной практики через учеников они передавали новым поколениям местного калмыцкого духовенства. Имена некоторых из них сохранились в народной памяти. Так, в 1911 г. востоковед А.М. Позднеев со слов оренбургских калмыков сделал запись о выходе из Сорочинской станицы Бузулукского уезда, получившего при посвящении в гелюнга имя Эмчи-гелюнга, то есть гелюнга врача. О его глубоких медицинских познаниях и успешном врачевании среди калмыков ходило немало легенд (АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д.60. Л. 68-69).

Условия, благоприятствовавшие сохранению идентичности калмыков, поддерживались в Оренбургской губернии до 1840-х гг. Смена вероисповедания для них носила формальный характер. Проживали калмыки обособленно на закрепленной за ними территории. С весны до осени продолжали вести кочевой образ жизни. Основным их занятием оставалось скотоводство и связанный с ним скорняжный промысел. Аккультурационное воздействие на оренбургских калмыков со стороны имперской администрации проявилось в инкорпорации их в казачье сословие, со свойственными последнему социальным равенством и обязанностью несения военной службы. Холодный климат способствовал изменению хозяйственного быта оренбургских калмыков. У соседних поселян они перенимали опыт строительства отапливаемых домов, устройства загонов для скота, заготовки сена и дров.

Второй, более глубокий этап аккультурации оренбургских калмыков начался в 1840-е гг. в связи с принятием решения об упразднении в Оренбургском казачьем войске кантонной системы и переселении казаков из внутренних кантонов на Новую линию. Наряду с оренбургскими калмыками, состав новолинейных жителей пополнили крещенные калмыки бывшего Ставропольского калмыцкого войска, которые, согласно именному указу Николая I от 24 мая 1842 г., присоединялись к оренбургскому казачеству. Одна из целей этого Указа заключалась в последовательной русификации крещенных калмыков и их растворении в русскоязычной казачьей массе. В Новолинейном районе они были распределены по 32 поселкам совместно с русскими казаками, причем неукоснительно выполнялось требование численного преобладания последних. О недопустимости предоставления каких-либо особых привилегий калмыкам предупреждал оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский: «при переселении калмыков в состав Оренбургского казачьего войска, с переводом их из Ставрополя на вновь прирезанные земли, имелось в виду уничтожение самобытности ставропольских калмыков и постепенное их слияние с оренбургскими казаками». Перовский требовал от войскового начальства, чтобы оно не только подсеяло к калмыкам православных русских казаков, но и при всяком удобном случае изыскивало меры к выселению калмыков в христианские казачьи станицы, и особенно тех из них, «которые более склонны к язычеству и действиями своими поддерживают ложные верования» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 12. Д. 704. Л. 22).

С поселением на Новой линии радикально изменился быт оренбургских калмыков. Недостаток земельных угодий и строгий надзор за соблюдением административных предписаний принуждали

калмыков к оседлости и занятию земледелием. Трудности переходного периода усугублялись неурожаем, выпавшими на первое десятилетие после переселения, и падежом пригнанного скота, не выдержавшего смены климата и корма.

Некачественное питание, стесненные бытовые условия и изменения в трудовой деятельности влекли за собой сокращение рождаемости. За семьдесят лет численность оренбургских калмыков сократилась на две трети – с 3336 человек в 1844 г. (100 %) до 1204 в 1897 г. (36,07 %) и до 978 в 1915 г. (29,32 %) ([Первая всеобщая перепись населения, 1904; ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 243. Л. 7](#)).

Разбросанность калмыцких семейств по казачьим поселкам тем не менее не помешала калмыкам сохранить национальное и духовное единство, находившее как внешнее, так и внутреннее проявление. Они продолжали считать себя частью калмыцкого народа, общались на родном языке, редко вступали в межэтнические браки и почитали тибетский буддизм (ламаизм) в качестве своей национальной религии. На протяжении всего периода пребывания оренбургских калмыков на Южном Урале у них сохранялась тщательно скрываема от начальства и русских соседей религиозная организация. Общины формировались вокруг буддистских священников – гелюнгов и гецюлей ([Lyubichankovskiy, 2015a](#)). Их представления о буддийском вероучении строились на сведениях, вызубренных со слов учителей-наставников, таких же, как и их ученики, доморожденных служителей культа Будды. Сказывалась полная изоляция оренбургских калмыков от буддийских религиозных центров. Однако авторитет местных священнослужителей был настолько велик, что не обладавшие религиозными знаниями калмыки готовы были следовать любым их указаниям. К ним обращались с просьбами об отправлении ритуальных обрядов, шли за советом, медицинской помощью, отдавали им на обучение своих детей.

Указ о веротерпимости, изданный 17 апреля 1905 г., лишил Русскую православную церковь государственного покровительства в деле подавления религиозного инакомыслия ([Lyubichankovskiy, 2012](#)). Духовные и общественные лидеры оренбургских калмыков развернули активную деятельность, направленную на признание за ламаистскими общинами статуса религиозных организаций. К середине второго десятилетия XX века правом на смену вероисповедания воспользовалась четвертая часть калмыцкого населения Оренбургского войска – 254 человека. К ним следует прибавить ещё 211 человек, которых Оренбургская духовная консистория причисляла «к склонным к отпадению от православия», т. е. не получивших официального разрешения на смену вероисповедания ([ГАОО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 171. Л. 22](#)). В прошениях на смену вероисповедания калмыки неизменно указывали, что они, как и их предки, несмотря на принятие в 1737 г. православного христианства, всегда оставались приверженцами ламаизма, а проповедуемое православными священниками христианское вероучение «к совести не принимали» ([ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1102. Л. 17-18](#)).

Калмыками-буддистами было образовано четыре общины, в поселках: Варшавском, Измаильском, Кулевчинском и Толстинском. Им больше не приходилось скрывать свое истинное вероисповедание. Они получили возможность общаться со своими единоверцами и даже наладили контакты с духовными руководителями российских буддистов. Противостоять этому национально-конфессиональному движению Русская православная церковь пыталась путем создания в 1914 г. в Оренбургской епархии антиламаистской миссии. Однако увещевания православного окружного миссионера И. Харитонова действовали вхолостую. Обращения к разуму были неспособны поколебать этническое и религиозное самосознание ([Джунджузов, 2013: 58-63](#)). Проявленные оренбургскими калмыками решимость и упорство в период «заката» Российской империи позволили им добиться не только разрешения на смену вероисповедания, но и права на компактное проживание. Реализации проекта создания калмыцкого национального поселка помешала Гражданская война.

В 1920-е годы большинство оренбургских калмыков переселились в образовавшуюся в низовьях Волги Калмыцкую автономную область. Молодая калмыцкая автономия в их лице получила грамотных граждан, привыкших к оседлости и земледельческому труду. В то же время последствием переселения стала ликвидация инокультурной среды, выделявшей оренбургских калмыков из русскоязычного казачьего окружения и служившей фоном для проявления их групповой идентичности.

Уральские калмыки. Уральские калмыки, как и их оренбургские соседи, принадлежали к казачьему сословию. Но, в отличие от оренбуржцев, им не вменялась в обязанность смена исповедания, и их хозяйственная аккультурация носила органичный характер без внешнего административного нажима. Вхождение калмыков в состав Уральского казачьего войска проходило в процессе их длительного взаимодействия с уральскими казаками. Характеризуя развитие калмыцко-казацких отношений к 1710–1720-м гг., А.Б. Карпов подчеркивал, что за семьдесят лет совместной жизни калмыки и уральские казаки «уже успели сжиться, и долгая вражда их чередовалась с миром – «размиренье» чередовалось с «замиреньем» ([Карпов, 1911: 406](#)).

До начала XVIII века переход калмыков в яицкое казачество носил единичный характер. Ситуация изменилась в первой половине XVIII века, когда правительство Войска запретило Яицкому войску допускать в свои ряды беглых крестьян. При этом обязательства Войска по несению пограничной службы и участию в войнах только усиливались. Численность войскового населения в этот период

обеспечивалась за счет записи в казаки представителей соседних кочевых народов: татар, туркмен, башкир, калмыков и др. Результат не замедлил сказаться – в 1725 г. в Яицкое войско зачислили 110 калмыков, а в 1748 г. на войсковой территории кочевало уже 620 калмыков. Из них, как говорилось в донесении Яицкой канцелярии, 470 «в казаки не записаны, но служат по воле своей», остальные 150 калмыков кочуют «по воле своей» (Джунджузов, 2016: 42).

Рост численности калмыцкого населения продолжался до 60-ых годов XIX века и к 1865 г. достиг 1280 человек. Затем, в 70-80-е годы, наблюдалась обратная тенденция. В 1885 г. в Уральском войске состояло всего 934 казака-калмыка, что на 17,1% меньше предыдущего показателя. Современники, обращавшиеся к анализу демографической ситуации, приходили к пессимистическому выводу о скором вымирании уральских калмыков (Бородин, 1891: 139). Прогноз однако не оправдался. Демографический спад прекратился. В 1904 г., согласно ведомости о вероисповедальном распределении казаков, в Войске насчитывалось 936 язычников (калмыков-буддистов. – С.Д., С.Л.), а еще через пять лет, в 1909 г. – 948. Расселение калмыков на войсковой территории не было ограничено определенными местностями. В XIX веке в разном количестве – от десятка до нескольких сотен человек – они проживали в восьми из десяти войсковых отделов (Шовунов, 1992: 160).

Войсковая статистика учитывала только вероисповедальную принадлежность. Следовательно, в графе «язычники» фиксировались только калмыки, исповедовавшие буддизм. Между тем еще в XVIII веке встречались калмыки, которые в казахском плену или в Яицком городке под влиянием татарских мулл принимали ислам. На протяжении всего периода пребывания калмыков в составе Уральского войска имели место случаи восприятия ими православного христианства. Упоминания о крещеных уральских калмыках встречаются в исторической публицистике XIX века. По наблюдениям А. Рябинина, калмыки, «прадеды и деды которых принимали крещение, отделились совершенно от своих прежних соплеменников, женились на русских и вообще старались слиться с главным племенем» (Рябинин, 1866: 367). Однако, как прозорливо отмечает тот же автор: «Несмотря на свою малочисленность, они (калмыки) твердо сохраняют свою религию, обычаи и образ жизни, так что слияние их с главным племенем произойдет, по всей вероятности, еще не скоро» (Рябинин, 1866: 328).

Как и у оренбургских калмыков, сохранение этнического и религиозного единства уральских калмыков обеспечивалось наличием влиятельного буддистского духовенства. В отличие от астраханских и донских калмыков, конфессиональная организация уральских калмыков не имела централизованного и единовластного управления в лице верховного ламы калмыцкого народа. Каждая община сама избирала из числа казаков, посвященных в духовное звание, священнослужителя, которого затем утверждал в должности оренбургский генерал-губернатор, а после административного обособления в 1868 г. Уральской области – Уральское областное правление. К компетенции областной администрации также относилось определение штатов буддистского духовенства, выдача разрешений на открытие молитвенных домов и контроль за их деятельностью. В начале XX века у уральских калмыков-буддистов имелась одна кумирня и шесть молитвенных домов, управляемых гелюнгами и гецолями (АВ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 60. Л. 58об). При молитвенных домах открывались конфессиональные школы, занятия в которых вели местные священнослужители. Штатному духовенству вменялось в обязанность ведение метрических книг и пропаганда верноподданнической идеологии.

В XIX веке калмыки уже достаточно глубоко адаптировались к хозяйственному и общественному укладу казачьей жизни. В справке «по учету язычников» за 1866 г. отмечалось, что «промывсы и занятия у язычников такие же, что и вообще у казаков. Как и казаки, занимаются скотоводством, хлебопашеством, рыболовством, служат на внешней и внутренней службе». В Уральском войске о калмыках сложилось мнение как о казаках законопослушных, исполнительных и верных воинскому долгу (Джунджузов, 2016: 43).

После установления Советской власти, уральские калмыки, пережившие Гражданскую войну и голод 1921–1922 гг., совместно с оренбургскими калмыками переселились в Калмыцкую автономную область.

5. Заключение

Изучение этнических судеб калмыков, в силу разных обстоятельств оседавших на Южном Урале, позволяет выявить некоторые закономерности, обеспечивавшие сохранение этнической идентичности или, напротив, приводившие к ее утрате. Определяющее значение имел религиозный фактор. Для калмыков это приверженность к буддизму – религии, которую они восприняли задолго до поселения на Урале. При этом, как показывает опыт оренбургских и уральских калмыков, хранителями буддистской сакральности выступало духовенство, под влиянием которого формировалось не только конфессиональное, но и народное самосознание калмыков. Следующими по значимости факторами выступали компактное проживание на обособленной территории и наличие особых сословных прав. Перешедшие в ислам аюкинские калмыки, утратив родной язык и смешиваясь (благодаря заключению браков) с башкирами, продолжали сохранять идентичность как вотчинники, наделенные правами военного сословия. Однако с введением кантонной системы и распространением на башкир военно-сословных прав и обязанностей, аюкинские калмыки как

обособленная общность перестали существовать. Те же калмыки, которые поодиночке или отдельными семьями присоединялись к местным этническим или сословным сообществам и воспринимали исповедуемую ими религию, подвергались неизбежной ассимиляции уже в первом или втором поколении.

В отличие от религиозной аккультурации, удовлетворительным результатом которой является восприятие религии доминирующего этноса, калмыки-буддисты усваивали быт и культуру казачьего сообщества. Они перешли к оседлости и земледелию, получали образование в станичных школах и воспитывались в традициях российского казачества, участвовали в общественной жизни казачьих станиц, избирались и назначались на руководящие должности.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008)

Литература

- АВ ИВР РАН** – Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук.
- Авдеев, 1904** – Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904.
- Азнабаев, 2014** – Азнабаев Б.А. Интеграция аюкинских калмыков в башкирский народ // *Вестник Башкирского университета*. 2014. Т. 19, №4. С. 1613-1615.
- Азнабаев, 2017** – Азнабаев Б.А. Формирование родоплеменной структуры «Калмак» в башкирском этносе // *Уральский исторический вестник*. 2017. №2(55). С. 78-87.
- Бакунин, 1995** – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.
- Бородин, 1891** – Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание в двух томах. Уральск, 1891.
- Витевский, 1878** – Витевский В.Н. Нагайбаки, их песни, сказки и загадки // *Оренбургский листок*. 1878. №24. 2 апреля.
- Витевский, 1897** – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Георги, 1799** – Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов : их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 4. СПб., 1799.
- Джунджужов, 2013** – Джунджужов С.В. Миссионерское служение священника Иоанна Харитоновна среди калмыков Оренбургской епархии (1914-1916 гг.) // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. №5. С. 58-63.
- Джунджужов, 2014а** – Джунджужов С.В. «Они люди степные и в вере еще не совершенные...». Оренбургский след в крещении калмыков // *Родина*. 2014. № 10. С. 110-112.
- Джунджужов, 2014б** – Джунджужов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Оренбург, 2014.
- Джунджужов, 2015** – Джунджужов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперская политика аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века). Автореф. дис. доктора ист. наук. Оренбург, 2015.
- Джунджужов, 2016** – Джунджужов С.В. Правовая регламентация назначения священнослужителей в буддистские общины Уральского казачьего войска в середине и второй половине XIX века // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2016. №3. С. 46-50.
- История башкирского народа, 2011** – История башкирского народа в семи томах. Т. III. Уфа, 2011.
- Карпов, 2011** – Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть 1-я. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). Уральск, 1911.
- Кузеев, 1968** – Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. // *Археология и этнография Башкирии*. Т. III. Уфа, 1968.
- Кузеев, 1974** – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Материалы по историко-статистическому описанию, 1910** – Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. X. Оренбург, 1910.
- Новосельский, 1948** – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.,-Л., 1948.
- Орлова, 2006** – Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006.
- Первая всеобщая перепись населения, 1904** – Первая всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 г. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. Оренбург, 1904.

Рычков, 1887 – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Рябинин, 1866 – Рябинин А. Уральское казачье войско. Ч. I. СПб., 1866.

Самигулов, 2015 – Самигулов Г.Х. Аюкинские калмыки: к истории этнической группы // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия История*. Вып. 64. 2015. №14 (369). С. 45–50.

Стариков, 1891 – Стариков Ф. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891.

Таймасов, 2009 – Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М., 2009.

Шовунов, 1992 – Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992.

Lyubichankovskiy, 2012 – Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol.13, № 4 (Fall 2012). pp. 861-875.

Lyubichankovskiy, 2015a – Lyubichankovskiy S. Buddhism in the Orenburg Cossack Troops in the Period Between Two Russian Revolutions (the Beginning of the XXth Century) // International Conference on Studies in Humanities and Social Sciences (SHSS-2015). Nov. 25-26, 2015 Paris – France. Editors Prof. Dr. Michel Plaisent, Dr. Lili Zheng. Paris: ICEHM, 2015. pp. 146-151.

Lyubichankovskiy, 2015b – Lyubichankovskiy S., Tropov I. Russia's Regional Governance at the Change of Epochs: Administrative Reform Drafts in the Late 19th-Early 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 36. Is. 2. pp. 309-318.

References

AV IVR RAN – Arhiv vostokovedov Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj akademii nauk [Archive of Orientalists of Institute of Oriental Manuscripts of Russian Academy of Sciences].

Avdeev, 1904 – Avdeev P.I. (1904). Istoricheskaja zapiska ob Orenburgskom kazach'em vojske [Historical note on the Orenburg Cossack Host] Orenburg [in Russian].

Aznabaev, 2014 – Aznabaev B.A. (2014). Integracija ajukinskih kalmykov v bashkirskij narod [Integration of Ayuk Kalmyks into Bashkir people]. *Bulletin of Bashkir University*. Vol. 19, № 4, pp. 1613-1615. [in Russian].

Aznabaev, 2017 – Aznabaev B.A. (2017). Formirovanie rodoplemennoj struktury «Kalmak» v bashkirskom jetnose [Formation of the tribal structure «Kalmak» in the Bashkir ethnos]. *Ural historical journal*. № 2(55). pp. 78-87. [in Russian].

Bakunin, 1995 – Bakunin V.M. (1995). Opisanie kalmyckih narodov, a osoblivo iz nih torgoutskogo, i postupkov ih hanov i vladel'cev. Sochinenie 1761 goda. [Description of Kalmyk peoples, and especially of Torgout, and the deeds of their khans and owners. The composition of 1761]. Elista. [in Russian].

Borodin, 1891 – Borodin N. (1891). Ural'skoe kazach'e vojsko. Statisticheskoe opisanie v dvuh tomah [The Ural Cossack Host. Statistical description in two volumes]. Uralsk. [in Russian].

Vitevskij, 1878 – Vitevskij V.N. (1878). Nagajbaki, ih pesni, skazki i zagadki [Nagaibaks, their songs, tales and riddles]. *Orenburg leaf*. № 24. April, 2 [in Russian].

Vitevskij, 1897 – Vitevskij V.N. (1897). I.I. Nepljuev i Orenburgskij kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g. [I.I. Nepluev and Orenburg region in its former composition up to 1758]. Kazan. [in Russian].

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archive of Orenburg Region].

Georgi, 1799 – Georgi I.G. (1799). Opisanie vseh obitajushih v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskih obrjadov, obyknovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamjatnostej [Description of all peoples inhabiting the Russian State: their everyday rituals, habits, clothes, dwellings, exercises, amusements, creeds and other memorabilia]. Part 4. SPb. [in Russian].

Dzhundzhuzov, 2013 – Dzhundzhuzov S.V. (2013). Missionerskoe sluzhenie svjashhennika Ioanna Haritonova sredi kalmykov Orenburgskoj eparhii (1914-1916 gg.) [Missionary service of priest Joahnn Kharitonov among Kalmyks of the Orenburg diocese (1914-1916)]. *Proceedings of the Samara Scientific Center of Russian Academy of Sciences*. №5. pp. 58-63. [in Russian].

Dzhundzhuzov, 2014a – Dzhundzhuzov S.V. (2014). «Oni ljudi stepnye i v vere eshhe ne sovershennye...». Orenburgskij sled v kreshhenii kalmykov [«They are steppe people and in the faith they are not yet perfect...». Orenburg trace in the baptism of Kalmyks]. *Home land*. № 10. pp. 110-112 [in Russian].

Dzhundzhuzov, 2014b – Dzhundzhuzov S.V. (2014). Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Juzhnom Urале: imperskie mehanizmy akkul'turacii i problema sohraneniya jetnicheskoi identichnosti (seredina 30-h godov XVIII - pervaja chetvert' XX veka) [Kalmyks in Middle Volga region and Southern Ural: the imperial mechanisms of acculturation and the problem of preserving ethnic identity (mid-30s of the XVIII – the first quarter of the XX century)]. Orenburg. [in Russian].

Dzhundzhuzov, 2015 – Dzhundzhuzov S.V. (2015). Kalmyki v Srednem Povolzh'e i na Juzhnom Urале: imperskaja politika akkul'turacii i problema sohraneniya jetnicheskoi identichnosti (seredina 30-h godov XVIII – pervaja chetvert' XX veka) [Kalmyks in the Middle Volga and Southern Ural: the imperial policy of acculturation and the problem of preserving ethnic identity (mid-30s of the XVIII - the first quarter of the XX century)]. Abstract of dis. Doctor of Historical Sciences. Orenburg. [in Russian].

- [Dzhundzhuzov, 2016](#) – *Dzhundzhuzov S.V.* (2016). Pravovaja reglamentacija naznachenija svjashhennosluzhitelej v buddistskie obshhiny Ural'skogo kazach'ego vojska v seredine i vtoroj polovine XIX veka [Legal regulation of clergymen appointment in the Buddhist communities of the Urals Cossack Host in the middle and second half of the XIX century]. *Proceedings of the Samara Scientific Center of Russian Academy of Sciences*. №3. pp. 46-50. [in Russian].
- [Istorija bashkirskogo naroda, 2011](#) – Istorija bashkirskogo naroda v semi tomah [History of Bashkir people in seven volumes]. Vol. III. Ufa. 2011 [in Russian].
- [Karpov, 2011](#) – *Karpov A.B.* (2011). Ural'cy. Istoricheskiy ocherk. Chast' 1-ja. Jaickoe vojsko ot obrazovaniya vojska do perepisi polkovnika Zaharova (1550-1725 gg.) [Ural people. A historical essay. Part 1. The Yaik host from the formation of the host to the census of Colonel Zakharov (1550-1725)]. Uralsk. [in Russian].
- [Kuzeev, 1968](#) – *Kuzeev R.G.* (1968). Chislennost' bashkir i nekotorye jetnicheskie processy v Bashkirii v XVI–XX vv. [The number of Bashkirs and some ethnic processes in Bashkiria in the XVI-XX centuries]. *Archeology and ethnography of Bashkortostan*. Vol. III. Ufa. [in Russian].
- [Kuzeev, 1974](#) – *Kuzeev R.G.* (1974). Proishozhdenie bashkirskogo naroda. Jetnicheskiy sostav, istorija rasseleniya [The origin of Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement]. Moscow. [in Russian].
- [Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniju, 1910](#) – Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniju Orenburgskogo kazach'ego vojska [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack Host]. Issue X. Orenburg. 1910 [in Russian].
- [Novosel'skiy, 1948](#) – *Novosel'skiy A.A.* (1948). Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoj polovine XVII veka [The struggle between the Moscow State and Tatars in the first half of the XVII century]. M.,- L. [in Russian].
- [Orlova, 2006](#) – *Orlova K.V.* (2006). Istorija hristianizacii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v. Moscow [The history of Kalmyks' Christianization: the middle of the XVII - the beginning of the XX century]. Moscow. [in Russian].
- [Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya, 1904](#) – Pervaja vseobshhaja perepis' naseleniya Rossijskoj imperii za 1897 g. T. XXVIII: Orenburgskaja gubernija [First general census of the Russian Empire for 1897. Vol. XXVIII: Orenburg province]. Orenburg/ 1904 [in Russian].
- [Rychkov, 1887](#) – *Rychkov P.I.* (1887). Topografija Orenburgskoj gubernii [Topography of Orenburg province]. Orenburg. [in Russian].
- [Rjabinin, 1866](#) – *Rjabinin A.* (1866). Ural'skoe kazach'e vojsko [The Ural Cossack Host]. Part I. SPb. [in Russian].
- [Samigulov, 2015](#) – *Samigulov G.H.* (2015). Ajukinskie kalmyki: k istorii jetnicheskoy gruppy [Ayuk Kalmyks: to the history of the ethnic group]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. History*. Issue 64. № 14 (369). pp. 45–50. [in Russian].
- [Starikov, 1891](#) – *Starikov F.* (1891). Istoriko-statisticheskiy ocherk Orenburgskogo kazach'ego vojska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskih kazakov, risunkov so znamjon i karty [Historical and statistical essay of the Orenburg Cossack Host with an article about the domestic life of Orenburg Cossacks, drawings of standards and maps]. Orenburg. [in Russian].
- [Tajmasov, 2009](#) – *Tajmasov S.U.* (2009). Bashkirsko-kazahskie otnoshenija v XVIII v. [Relations between Bashkirs and Cossacks in the XVIII century]. Moscow. [in Russian].
- [Shovunov, 1992](#) – *Shovunov K.P.* (1992). Kalmyki v sostave rossijskogo kazachestva [Kalmyks among Russian Cossacks]. Elista. [in Russian].
- [Lyubichankovskiy, 2012](#) – *Lyubichankovskiy S.* (2012). Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol.13, № 4 (Fall 2012). pp. 861-875.
- [Lyubichankovskiy, 2015a](#) – *Lyubichankovskiy S.* (2015). Buddhism in the Orenburg Cossack Troops in the Period Between Two Russian Revolutions (the Beginning of the XXth Century) // International Conference on Studies in Humanities and Social Sciences (SHSS-2015). Nov. 25-26, 2015 Paris – France. Editors Prof. Dr. Michel Plaisent, Dr. Lili Zheng. Paris: ICEHM. pp. 146-151.
- [Lyubichankovskiy, 2015b](#) – *Lyubichankovskiy S., Tropov I.* (2015). Russia's Regional Governance at the Change of Epochs: Administrative Reform Drafts in the Late 19th-Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. Vol. 36. Is. 2. pp. 309-318.

УДК 94(47) (470.56)

**Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX века:
проблемы ассимиляции, аккультурации и сохранения этнической идентичности**Степан Викторович Джунджузов^{a, *}, Сергей Валентинович Любичанковский^a^aОренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются процессы межэтнического взаимодействия калмыков, населявших Южный Урал в XVIII – начале XX века, с преобладающим русскоязычными и тюркоязычными этническими сообществами. На примере малочисленных, проживавших изолированно друг от друга этнических групп калмыков анализируются механизмы оказываемого на них аккультурационного воздействия, выявляются общие закономерности, влиявшие на потерю или сохранение ими этнической идентичности.

Источниками для проведения представленного исследования послужили материалы из фондов Архива востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук (Санкт-Петербург), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург). Архивные изыскания в сочетании с опубликованными материалами официальной статистики, дневниковой и мемуарной литературы обеспечили информационную базу для проведения обобщающего исследования.

Для выявления закономерностей и особенностей воздействия на калмыков инокультурного и инорелигиозного социума использовался компаративный (историко-сравнительный) метод. Посредством метода критического анализа исторических источников определялась степень достоверности и репрезентативности документального материала.

Изучение истории уральских и оренбургских крещеных калмыков, нагайбаков, а также, воспринявших ислам аюкинских калмыков, позволило авторам прийти к выводу, что главным фактором, обеспечивавшим сохранение калмыками групповой идентичности, являлась их приверженность тибетскому буддизму (ламаизму), который новые поколения калмыцких поселенцев считали религией предков. Потеря идентичности наступала вне зависимости от перехода ислам или христианство, главное, чтобы к исповеданию новой религии ее адепты относились осознанно, а не как к навязанной духовной повинности. Длительному поддержанию самобытности отдельных групп калмыков, утративших религиозную идентичность, способствовало их компактное проживание на обособленной территории и наличие особых сословных прав.

Ключевые слова: аккультурация, ассимиляция, идентичность, калмыки, религия, этническая группа, Южный Урал.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: djund@yandex.ru (С.В. Джунджузов), svlubich@yandex.ru (С.В. Любичанковский)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1207-1218, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1207
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 940

On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century)

Vladimir N. Shaidurov ^{a, b, *}

^a Saint-Petersburg Mining University (Mining University), Russian Federation

^b East European Historical Society, Russian Federation

Abstract

Romani Studies in Russia in the second half of the 19th and early 21st century achieved impressive results in scrutinizing various aspects of language, culture, ethnography, anthropology and customary law of the Roma. However, their history in the Russian Empire has attracted only cursory attention of scholars so far. This was resulted from the unawareness of researchers of the documents which have been preserved in archival collections. Despite the relatively small size of the Roma population, it was present in all Russian regions. In this paper, we examined the key measures taken by the government, which were aimed to shape a new (sedentary) lifestyle for the Roma and were implemented in the second half of the 18th – first quarter of the 19th century. Legal acts were used as sources of research material. The region-specific features of the campaigns intended to stop vagrancy among the Roma are analyzed on the basis of narrative sources from the central and regional archives of the Russian Federation, which were uncovered by the author, and are introduced into scientific research for the first time. The integrated use of various research methods enabled for a reconstruction of previously unknown pages in the history of the Roma in Russia.

Keywords: Roma/Gypsies, Roma of Russia, migration of the Roma, integration of the Roma, state policy, Roma issue, Russian Empire.

1. Introduction

The Roma belong to the few ethnic groups which have led a nomadic way of life and were scattered around the world over centuries. In the Russian Empire, the Roma population was originated from multiple sources over the 18-19 century. On the one hand, some of them descended from the Roma who turned up in Western and Northern Europe in the early Middle Ages. The anti-Roma legislation of the 16th – early 18th century was adopted on the territory from Spain to Poland. In some cases (Sweden, England, Prussia), it was about genocidal policies against the Roma, which forced them to move further to the East. First mentions of the Roma in the territory of the Muscovite state date back to the late 17th century. Following the Partitions of Poland in the second half of the 18th century, Russia added to its territory the lands that were home to the Roma. On the other hand, there were descendants of the Byzantine Roma who lived in South-Eastern Europe (the territory of the Ottoman Empire). The accession of Moldavia and Wallachia in 1829 contributed to the emergence of a large group of the Moldovan Roma. Living nomadic lives, the Roma founded local groups in Novorossia, Siberia, the Volga region, North-West Russia and the North Caucasus.

Over the second half of the 18th and first quarter of the 19th century, a state policy regarding the Roma crystallized in the Russian Empire. It was already in the last quarter of the 18th century when it formed its basic features which include the absence of discriminatory legislation (which, for example, was the case regarding Jews), and the government's commitment to stop vagrancy among the Roma population and guide it on the road to sedentary lifestyles (the 1780s – 1790s and the 1810s).

* Corresponding author

E-mail addresses: s-w-n@mail.ru (V.N. Shaidurov)

2. Material and Methods

The paper will review the history of the Roma in the Russian Empire in the second half of the 18th – first quarter of the 19th century. The paper will primarily focus on the efforts made by central and regional authorities to create a «modernized» model of the Roma community which would be seamlessly integrated in the structure of the Russian state.

One of the key issues faced by a researcher of the history of the Roma people is the lack of narrative sources. All this enhances the value of the documents uncovered, which make it possible to restore various aspects of the past of the Roma in Russia and specific Russian regions.

In the course of our research, a range of published and archival written sources became available to us. The former ones comprise the legal acts adopted in the 1730s-1820s, included in the first and second editions of the Complete Code of Laws of the Russian Empire and the Code of Laws of the Russian Empire. They help identify main trends in the attitudes of the ruling monarchs towards the Roma.

Significant importance for studying the history of the Roma can be attached to documents stored in central and regional archives. They allow for a general reconstruction of the history of the Roma in the Russian Empire and are instrumental in determining its regional characteristics.

Additionally, the index of legal acts, compiled by Academician P.I. Keppen (Keppen, 1861), can have a complimentary role in the study of the history of ethnic minorities, including the Russian Roma, until the mid-19th century. The collection consists of the titles of regulatory legal acts, chronologically organized in the Complete Code of Laws of the Russian Empire (Collection I and II), with their summary, date of publication and serial number. Typing errors made in the academic edition create some difficulties identifying the original source (Keppen, 1861: 483).

Regarding published sources, mention should be made of the «Military and Statistical Review of the Russian Empire» (Voyenno-statisticheskoye obozreniye Rossiyskoy imperii), prepared by the General Staff (1837-1854), and «Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff» (Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sostavlennyye ofitserami Generalnogo Shtaba) (1859-1868). Some of the books devoted to individual governorates contain information on the Roma population. Part of them provides statistical data (Shmidt, 1863: 463). The data spotlighted by them on the number of the Roma can be trusted as credible because they resulted from an analysis of various sources.

The methodological foundation for the study was provided through the integrated approach. We can explore the history of the Roma using several theoretical approaches. For example, the theory of modernization can assist in analyzing the process of «modernizing» the Roma over the first half of the 19th century. The theory of adaptation delivers tools to determine the ability of the Roma people to adapt to new environmental, climatic, social and economic conditions while preserving or losing their own identity.

Our study makes use of a variety of methods. The comparative method was utilized as a tool to find out about general regularities and distinctive features of the community's social and economic evolution. The chronological technique is instrumental in breaking down the subject into a number of specific issues to be dealt with in chronological order. The statistical analysis makes it possible to locate required information and generalize data from statistical sources on the community's economic development. Methods of historical geography help link historical, economic and demographic phenomena with a specific area.

3. Discussion

A specific feature characterizing historiography is the fact that it lacks consistency in the study of the Roma population in Russia. A review of the few bibliographic indexes (German, 1930) shows that pre-revolutionary Roma Studies prioritized ethnographic, linguistic and cultural aspects. As for works on historical subjects, they were like gold dust.

Regarding the Russian pre-revolutionary historiography, a reference should be made to the article by a prominent lawyer, I.N. Danilovich¹, entitled «Historical and ethnographic newsletter on the gypsies» (Istoricheskoye i etnograficheskoye izvestiye o tsyganakh) published by the Severny Arkhiv journal in a series of issues for 1826 (Danilovich, 1826). After delivering an overview of the history of the Roma in Europe, Danilovich dedicated one of the sections in his article to a brief review of the Russian laws on the Roma (from 1784 to 1811). According to Danilovich, «the Russian legislation will forever leave a mark in the history because it never oppressed the Roma by persecution, but from the very beginning it was committed to making them useful citizens of the state» (Danilovich, 1826: 184). Fragmentary historical references to the Roma can be found in the works on the history of Novorossia and Bessarabia, written in the period between the 19th and early 20th century (Skalkovsky, 1850).

A historical and ethnographic essay on the Roma in Ukraine is presented in the monograph by M.M. Plokhinsky «Foreigners in Old Little Russia» (1905). The author can be praised for the wide use of materials from the Kharkov Historical Archive of the Collegium of Little Russia. Comparing the situation of the Roma in Western Europe and Russia, Plokhinsky, along with his predecessors, stressed to the absence of

¹ Danilovich Ignaty (Polish Ignacy Daniłowicz) (1788–1843), a jurist and historian, Professor at the Vilnius (1822-1824), Kharkov (1825-1830) and Moscow (1839-1842) Universities, Professor and Dean of the Law Department at the Imperial University of St. Vladimir in Kiev (1835-1839), one of the first researchers of historical landmarks in legislation and chronicle writing of the Grand Duchy of Lithuania.

discriminatory regulations in the Russian laws and the government's failure to «merge them with other inhabitants and turn them into farmers» (Plokhinsky, 1905: 202-203).

The Soviet period actually demonstrates the persisting trend of the science to ignore the history of the Roma in the Russian Empire. At the same time, disconnected references to the Roma can be revealed in monographs on the history of specific regions where the Roma lived traditionally (Grosul, Budak, 1967; Kabuzan, 1974, 1976), or individual events, for example, abolition of serfdom in 1861 (Grosul, Budak, 1956).

On the other hand, there are papers by V.I. Sanarov, published in Soviet and foreign journals, which featured the Siberian Roma. Viewing from the source study aspect, the greatest value should be attached to his article «The Siberian Gypsies» (1970), in which the author introduced into the scientific use several documents from the Tobolsk archives and brief accounts of foreign travelers. Using them as a basis, the author identified the date of the first mention of the Siberian Roma – 1721 (Sanarov, 1970: 126).

The end of the 20th and beginning of the 21st century is characterized in Russian historiography by a large number of new studies on the history of individuals living in the Russian Empire (Ukrainians, Jews, Germans, Poles, Finns, Estonians, etc.) both at the national and regional levels (Gorizontov, 1999; Vibe, 2007; Engman 2008; Shaidurov, 2016).

It may seem that a major advancement in historiography was to be achieved by a collective monograph «History of the Gypsies: a New Look» (Bessonov et al., 2000), which devotes one of the chapters to Russia in the 17th and 20th century. However, it practically contains no history, but mainly presents ethnographic sketches and the history of the Roma culture. It is very surprising how it directs negative criticism against published sources of the 19th century, whose authors, as indicated by the study, were extremely biased and only dimly aware of the real situation and could not separate the seeming things from the real ones (Bessonov et al., 2000). However, the overwhelming number of sources, which were employed by the authors, are journalistic materials from the pre-revolutionary press.

For ethnographers who turn to history, the major information resource is published and field materials. At the same time, they ignore narrative archival historical sources. This is more than once confirmed by some of the papers by M.V. Smirnova-Seslavinskaya (Smirnova-Seslavinskaya, 2013, 2014, 2016, 2017). Neglecting archival sources prevents the author from fully elaborating on the subject. Thus, a researcher, who turned to the analysis of Russian lawmaking practices in the Roma issue, examines only the texts of decrees taken from the Complete Code of Laws of the Russian Empire (Smirnova-Seslavinskaya, 2017: 1-21). But their study only allows us to reconstruct a vision of the problem and ways to deal with put on paper. Without resorting to the documents stored in central and regional archives, it is impossible to develop an understanding of the procedure for implementing a particular legal regulation.

One of the few publications specifically focusing on the economic history of the Roma was a paper by V.N. Shkunov – «The Roma and trade in the Russian Empire» (Shkunov, 2010). By establishing his analysis on the published sources (travel, social and political essays), the author uses the most general terms to introduce the issue of the migration of the Roma across the Russian Empire and links it with their economic activities of which trade and craft are ranked as the most common areas.

A valuable scientific meaning can be attached to the paper by D.N. Denisov – «Orenburg gypsies in the 60s of the 18th – early 20th century» (Denisov, 2013) – which delivers a historic description of the Roma society, primarily through analysis of legislative sources and local archival documents.

In the early 21st century, the history of the Roma in pre-revolutionary Russia is often viewed in the context of the history of the regions which were inhabited by numerous Roma communities (Kushko, Taki, 2012).

Similarly, the English-language historiography mainly features works with linguistic and ethnographic content. For example, the paper «The Gypsies of Central Russia» (de l'Hoste Ranking, 1911) was published in the Journal of the Gypsy Lore Society, where the author introduced some aspects of the everyday life of the Roma near Smolensk. Very limited information on the Roma is given in the monograph Peoples of Asiatic Russia by W. Jochelson (1928). The Roma are mentioned by the author only with reference to Central Asia (Jochelson, 1928: 114) and the Caucasus (Jochelson, 1928: 151), indicating their approximate number (600 and 2,500).

These works, as well as several other publications, can be regarded as an attempt to stir up the interest of the scientific community in the Roma history in Russia. We should agree with the opinion of V.I. Sanarov, which was expressed back in 1971, that «the study of the Roma is interesting not only in the terms of the discovery of the ethnic history of the people but also from the point of view of the general problem of relations built and influences caused by vagrant foreign groups and local settled population» (Sanarov, 1971: 67). The few studies introduced above made it possible to identify the range of sources that have already been reviewed by scholars and the topics which were highlighted by authors. The existing gaps in historiography create a range of promising research topics, such as the evolution of legislation on the Roma population in the Russian Empire in the 18th and early 20th century; the dynamics of Roma migrations and the position of central and local authorities regarding the process, with confirmations from official statistics; government policies to encourage the Roma to adopt sedentary lifestyles; the place and role of the Roma in the economic life of Russian regions.

4. Results

First references to the Roma in the legal acts of the Russian Empire date back to the reign of Empress Anna Ioannovna (1730–1740) in connection with the collection of money to pay certain regiments. For example, a decree dated June 7, 1733, mentioned the Roma who lived in Little Russia (Hetmanate territory) and Sloboda Ukraine (PSZ RI-I. Vol. 9. No. 6430). It also speaks of both the registered and unregistered (stray) Roma. The challenging task of collecting taxes from the Roma was mentioned by Prince Shakhovskiy in his report to Empress Anna Ioannovna, pointing out that «gypsies are not recorded in the census, and it is impossible to record them as they do not live in households» (PSZ RI-I. Vol. 9. No. 6454). In the same year 1733, the personal free status of the Roma in Russia was actually acknowledged. The Senate decree dated September 13 stipulated that they should be included in the head tax in the next census, but «in the places in which they want to live» (PSZ RI-I. Vol. 9. No. 6481).

The reign of Empress Elizabeth Petrovna (1741–1761) continued to demonstrate a neutral approach to the Roma population. The only exception happened in 1759, when the Roma were forbidden not only to live in St. Petersburg and its suburbs, but also to stay here temporarily. Violation of the ban was regarded as an administrative offense which entailed the «irrevocable fine» (PSZ RI-I. Vol. 15. No. 10981).

Thus, in the mid-18th century, the authorities paid little attention to the Roma because of their small number. But their nomadic and semi-nomadic way of life made the government adopt various regulations. It is the mandatory registration of the Roma in the census list, introduced in 1733, was the first step to shape the Romani policy of the Russian government.

In the reign of Empress Catherine II (1762–1796), the Roma question first was voiced during the work of the Ulozheniye Commission (a commission to systematize the Sobornoye Ulozheniye (Council Code)). For example, the address of Orenburg Governor Prince A. Putyatin dated December 10, 1767, expressed a request to pass appropriate laws according to which «they would live in one and the same place and moving from place to place was not allowed both with their families and alone» (Putyatin, 1871: 431). At the same time, the address also put forward a proposal to restrict their economic activities by denying them access to fairs and auctions. However, these suggestions were not taken into account by the Empress and senior officials in the 1760s – 1770s.

In the mid-1780s, legislative bodies intensified their regulatory actions regarding the situation of minor ethnic groups in Russia (Germans, Jews, Roma, etc.). Against this background, a campaign was launched to combat the Roma's vagrancy in 1783. Its start was marked by the issue of the Senate's decree addressed to the Voronezh Treasury Chamber dated December 31, which stipulated that the Roma should be endowed with land and «did not loiter idly» (PSZ RI-I. Vol. 21. No. 15898). By the same act, legislators equalized the Roma in fiscal rights with state peasants, entrusting the decision of all related issues to the director of household management in the provincial Treasury Chamber. Thus, the legal regulations determined the legal status of the majority of the Roma in the Russian Empire by recognizing them as personally free subjects, on whom the corresponding duties were imposed.

The consistency in the implementation of the policy adopted by the Senate to bind the Roma to the land was embodied in a decree «On the expulsion of the Roma from Livonia» dated January 24, 1784 (PSZ RI-I. Vol. 22. No. 15912). The pretext for its issue was constituted by complaints to the Senate from the local governor-general, Count Yu.Yu. Browne, on the influx of the Roma from neighboring provinces. The Senate ordered to treat them according to the law, which meant to deliver the Roma, found in Livonia, under police escort to the provinces where they were registered for taxation and transfer them to the care of local authorities. Whether the execution of this decree by Browne was successful is unknown.

In November 1784, one of the first attempts was made to end the semi-nomadic lifestyle of the Roma in Russia. It was initiated by Moscow Governor-General Count James Bruce (1732–1791). On his order, which was confirmed by a Senate decree, all the Roma, who stayed in Moscow and Moscow governorate, should be slipped of their passports and evicted to the places where they were registered in the last census (PSZ RI-I. Vol. 22. No. 16088). Further control over the residence of the Roma in the places of registration was assigned to town governors and zemstvo police chiefs throughout the country.

However, the measures taken failed to put an end to the Roma migrations around the country. For example, in 1792, in the Tobolsk governorate, local authorities found a gypsy 113-strong camp, led by elder Yevstafiy Martynov, aged 84 (GUTO GAT. F. 1341. Op. 1. D. 145. L. 8-9 ob.). Based on the investigation's findings, it became clear that these families of «Belarus Gypsies» were registered for the Colonel of the Ingermanland Regiment, Aleksey Melgunov (GUTO GAT. F. 1341. Op. 1. D. 145. L. 20). Over many years, they roamed across the Novgorod governorate, engaged in the exchange of horses and other small goods (GUTO GAT. F. 1341. Op. 1. D. 145. L. 27 ob.). It was also found out that as they had no permanent place of residence, they were not included in the census list and therefore paid no taxes and duties. Initially, it was planned to deport the Gypsies to the Kostroma governorate. The reason for this was the initiative of the Kostroma Treasury Chamber to trace down fugitive Roma. However, Martynov managed to prove that they were not runaways. The Tobolsk authorities decided to settle the Roma in the Tarski okrug, which was enacted through the appropriate order to the Turin lower zemstvo court. The entire procedure was carried out in accordance with the provisions of the decree dated November 4, 1784.

As we can see, the prohibitive regulations against the Roma vagrant practices failed to lead to the desired result. The Roma could easily travel from the Novgorod governorate to Siberian, never having any

documents on them. A small cash bribe to the local manager allowed them to move on. Similar cases were not probably uncommon. This suggestion is offered by the content of the decree issued by the Senate on July 16, 1800, which summed up a kind of disappointing results of the years-long campaign to bind the Roma to the land. The text, in particular, points out that «many of the Gypsies... have not come to their governorates, and those who came to the places, assigned to them, have not accepted the land for further cultivation due to the lack of knowledge and habit, and soon they again left for unknown places» (PSZ RI-I. Vol. 26. No. 19484), but most of the Roma «are idly loitering everywhere, and according to the checks done, turned out to have been registered nowhere» (PSZ RI-I. Vol. 26. No. 19484). The main culprits of the failure in the action undertaken were announced the landlords who sold the Roma temporary tickets which enabled them to move within the borders of the uezd or governorate for a year. In the context of military and police absolutism in the reign of Emperor Paul I, this situation was tolerated. As a result, it was prescribed that the identified idle Roam should be immediately registered for the head tax and allocated land in the governorate in which they would be caught without documents.

Considering the dreadful financial hardships of the most Roma, the many thousands of debts for the payment of the head tax and other levies and future expenses required to settle in a new place of residence, the authorities decided to write off the arrears of cash taxes for them. It should be stressed that such a step was a novelty in the government's activity. For example, since the second half of the 1760s, foreign colonists already received various tax preferences from the authorities, including the exemption from conscription «in perpetuity,» when settling in rural areas.

At the turn of the 19th century, the Roma question attracted the attention of not only Russian officials. Private individuals also expressed their proposals. For example, on February 9, 1801, the Senate Prosecutor General Petr Obolyaninov, a favorite of Emperor Paul I, was approached by Count von der Pahlen, who proposed a radical project to address the Roma question. According to him, the Roma of the male gender, fit for military service, should be «taken to soldiers, assigned to regiments located in remote areas and others should be sent to the south of Siberia to settle there on available empty land, which is in abundance there, where it could be possible by holding them under supervision to set them to work and payment of taxes to the treasury» (RGIA. F. 1347. Op. 4. L. 58. L. 2). The practical implementation of such a project in the conditions of that time was only viable in its first part (the military service of the Roma), while the resettlement of several thousand Roma in Siberia was unrealistic for a number of reasons. First, to fulfill this, it was necessary to allocate travel and meal allowances from the Treasury and provide police escort (deportation) of the Roma. At the place of new residence, the settlers were to be provided with working livestock, implements, seeds, timber to construct housing and farm buildings, and to ensure that they did not scatter throughout the steppe, it was necessary to arrange for the local police to provide continuous control over the settlers. The Treasury had no available money for this, and local authorities had no this large police force. Realization of the first quite realistic part of Pahlen's proposal was impeded by the coup d'état of March 1801 and the elimination of the political elite of Paul I's era.

There were no general information on the number and location of the Roma in the Russian Empire until the early 19th century. In the summer of 1803, civil governors received a Senate decree that ordered «to immediately submit the information to the Senate on how many [gypsies] are registered, with which landowners or in which state-owned settlements they are registered, whether they carry on any economic activities» (PSZ RI-I. Vol. 27. No. 20802). In the late summer of 1803 and spring of 1805, this data was sent to the Senate. It is helpful in reconstructing the geography of the Roma resettlement and their numbers in the early the 19th century (See table 1).

Table 1. The Roma in the Russian Empire, 1803–1805 (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41)

Region	Governorate	Number of the Roma of both sexes
Center	Voronezh	833
	Kaluga	19
	Kostroma	65
	Moscow	218
	Ryazan	69
	Smolensk	248
	Tambov	86
	Tula	100
North-West	Vologda	196
	Courland	173
	Livonia	66
	St. Petersburg	72
	Finland	82

Belarus and Lithuania	Vitebsk	421
	Lithuania-Grodno	215
	Mogilev	257
Right-Bank Ukraine	Volyn	309
	Podolsk	2,482
	Kiev	1,372
Left-Bank Ukraine	Poltava	3,146
Novorossia	Ekaterinoslav	800
	Taurida	788
	Kherson	1,762
Volga Region	Saratov	198
	Simbirsk	17
North Caucasus	Caucasus	173
Siberia	Tobolsk	81
TOTAL		14,248

Unfortunately, the documents have no information on the Pskov, Novgorod, Irkutsk and other governorates in which the Roma also lived. Based on the above data, we can determine that the approximate size of the Roma population in the Russian Empire at the beginning of Alexander I's reign amounted to 14.5 thousand people. Importantly, we speak only of those Roma who were already registered in state-owned settlements or with landlords.

We can identify several centers where the Roma lived in the Russian Empire in the early 19th century. Almost half of all registered Roma lived in the Ukrainian governorates. The highest concentration was recorded in the Poltava (3,146 people) and Podolsk (2,482 people) governorates – they accounted for almost 40% of the entire Roma population. A large Roma community lived in Novorossia (3,350 people). The abundance of the Roma in these regions is explained by the history of their settlement in Eastern Europe and in the Black Sea region. For example, the Left-Bank Ukraine turned out to become home to the Roma who fled from persecutions in the Polish-Lithuanian Commonwealth. The Northern Black Sea region was inhabited by the Roma who moved here in the 15th century from the territory of the former Byzantine Empire. Internal migrations led to the fact that in the reign of Catherine II, Roma communities were founded in most governorates, numbering from 10 to 250 people.

The information collected by civil governors provides a basis to define the social composition of the Russian Roma in the early 19th century. For example, out of 69 Roma in the Ryazan governorate, 13 were registered as merchants, 6 – lower middle class and 50 – peasants (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41. L. 17 ob.). According to information provided by the Moscow civil governor dated August 10, 1803, in Moscow 208 Roma with family members were registered in merchant guilds, and only 10 were recorded as belonging to the lower middle class (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41. L. 26-26 ob.). We should say that the registration in the merchant class (as a rule, in the third guild) was a common practice for the Roma. The existing legislation continued to specify a simplified registration procedure for the merchant class, and the guild documents gave their owners greater freedom in moving around the country. The Roma merchants were in the Tambov (Lebedyan), Voronezh (Boguchar), Vitebsk (Gorodets) governorates and other provinces. Most of the Roma population was recorded as state peasants or was attached to landowners. For example, all Roma of the Saratov governorate «pay taxes as state peasants,» the local governor reported (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41. L. 39), while in the Poltava governorate, 2,559 Roma (more than 80% of the Roma in the governorate or almost 18% of the registered Roma of the Empire) lived in landowner estates (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41. L. 80-85 ob.). There were also cases of registering the Roma as Cossacks. For example, 354 Roma were recorded in the Cossack rank in the Poltava governorate.

The Roma carried on traditional economic activities for the time. Roma merchants were able to carry out trade operations within the framework of the effective laws. As a rule, these referred to petty trade and trade in livestock, where the most common was horse trade. In rural areas, the Roma were engaged in various non-agricultural crafts. For example, the Roma from state peasants in the Chernigov okrug, Poltava governorate, were mainly engaged in the blacksmithing business which provided them with earnings to

support their families. As for small land plots received from the state, they only used them as hayfields to harvest hay for their horses, and rented plowed fields out to other peasants (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41. L. 86). The Roma in the Kherson governorate predominantly worked as musicians, shoemakers and blacksmiths (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41. L. 92-94). In some governorates, personal service to local aristocrats was widespread. According to the documents of the early 19th century, such Roma families were registered in a number of myzas (manors) in the Dorpat, Pernov, Venden uyezds in the governorate of Livonia (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41. L. 132-133).

Thus, the Russian Empire in the early 19th century did not have a large Roma population with its size amounting to approx. 0.4 %. It was unevenly distributed in the governorates, and the fact resulted from the history of the Roma resettlement in Eastern Europe, but still the Roma lived almost everywhere. Personal freedom and the liberal laws of Catherine II, which were in force at the time, allowed the Roma to be included in the unprivileged (lower middle class, state peasants) and semi-privileged estates (merchants, Cossacks). Regarding the early period of the 19th century, we can speak about the integration of the Roma into the economic life of the Russian Empire, where they occupied traditional professional niches (metal processing, footwear manufacture, trade).

However, the integration of the Roma was intended to put an end to their nomadic lifestyles which were defined as «vagrancy» from a legal point of view. Actually, the above Senate decree imposed a ban on issuing passports from state-owned settlements and landlords, against which they were registered. Control over the decree's enforcement was assigned to local police authorities (zemstvo and city police) (PSZ RI-I. Vol. 27. No. 20802).

The fact that the position of the Roma in Russia became the subject of interest of Emperor Alexander I is evidenced by the fact that the topic of «turning the Roma away from vagrancy» was discussed at the meetings of the Binding (State) Council on May 4, 1808 (RGIA. F. 1147. Op. 1. D. 575). Relevant information was requested for the discussion from I Department of the Senate, which was submitted in the form of a report (RGIA. F. 1147. Op. 1. D. 575. L. 3).

A year later, the edict of His Imperial Majesty Emperor Alexander I dated April 20, 1809 was released, which became a new step in the process to tackle the Roma issue in Russia (PSZ RI-I. Vol. 30. No. 23597). Until 1809, the authorities struggled to turn the Roma into an agricultural population by giving them land. But these actions failed to bring the desired result, and the fact was indicated in Paul I's edict dated July 16, 1800 (PSZ RI-I. Vol. 26. No. 19484). The 1809 decree formulated a new vision of the place of the Roma in Russia, and the vision became the corporate opinion of the Senate and the Ministry of the Interior (RGIA. F. 1146. Op. 1. D. 29. L. 114). On the one hand, it confirmed the government's commitment to convert the Roma into a sedentary population. It was the first time when specific penalties were imposed on landowners and town and rural communities which could provide the Roma with passports: for each Roma man or woman who was away from their family, it was specified to collect one ruble from the persons who issued the tickets and hand the money to local Orders for Public Charity (governorate institutions responsible for public schools, hospitals, shelters, orphanages), and it was at the expense of the same landlords and communities that the Roma were returned to their initial place of residence.

The decree was also first to demonstrate a liberal approach. For example, those of the Roma, who were not yet registered in the census and had no passports, were given the opportunity «to be assigned at the appointed time to where they wish» (PSZ RI-I. Vol. 30. No. 23597), which became a manifestation of liberalism as compared to the police measures that were in place since the mid-1780s.

Understanding the futility of engaging the Roma in agricultural production, the government made an attempt to resettle all personally free Roma from state-owned settlements (state villages) to towns and include them in the ranks of the lower middle class population (craftsmen and workers). In towns, they had to carry on «legitimate business», which meant trade, crafts and other economic activities. All measures were to be implemented in the next year.

Another liberal «declaration» was represented in paragraph 5 of this decree, which directly spoke of Roma serfs for the first time. Here, the authorities proposed landowners «to return freedom to all the Roma registered against them, whom they wished,» or «alternatively assign them... to towns (PSZ RI-I. Vol. 30. No. 23597). This approach to the issue was explained by the fact that landlords, according to the authorities, not only benefited from the Roma, but were also burdened with state taxes that they had to pay to the state. It is unlikely to have been the case. Landlords had an unstable, but still a source of income in the Roma. For example, the Roma paid for passports needed to go off in search of work and paid their landlords a quitrent.

It should be noted that the final version of the decree was somewhat different from the draft submitted by the Senate and the Ministry of Interior to the Binding (State) Council for consideration. It, in particular, reflected the above proposal of von der Pahlen. For example, the Senate offered to take into custody and deport the Roma if «they will live in vagrancy...» for a certain period of time: those who were healthy and fit for service should be conscripted with entrance trials, those who were physically unfit for military service should be sent to mining plants; women, widows and girls should be sent to Siberia for resettlement, and the cripples, elderly and children should be provided with shelter at institutions of the Chambers of Public Charity» (RGIA. F. 1146. Op. 1. D. 29. L. 115). It prescribed to send those Roma to Siberia for settlement, who would be deemed «unfit for» cities and towns (RGIA. F. 1146. Op. 1. D. 29. L. 115 ob.). However, these

measures were not included in the final version. But the punishment for violating the decree was to proceed «according to general state laws» (PSZ RI-I. Vol. 30. No. 23597).

Hence, in 1809, the government endeavored to put a new approach to the Roma issue in place, by focusing on their resettlement in cities and engaging the Roma in more familiar economic activities: crafts and trade. However, as the history of the early 19th century shows, this step could lead to an even greater impoverishment of Roma families. A sufficient reminder is a campaign to relocate Jews from towns to cities in the Pale of Settlement, and in the end it brought about the oversupply of offers in the economic spheres traditional for Jews in Belarus and Lithuanian cities, which led to further ruin of Jews (Shaidurov, 2014: 241).

Before the Patriotic War of 1812, the government again returned to the Roma issue. For example, on September 28, 1811, His Imperial Majesty's edict was issued to once again register the Roma in towns and villages (PSZ RI-I. Vol. 31. No. 24795). The preamble acknowledges the fact that previous regulatory acts were implemented without due efficiency, which was confirmed by reports from governors. The key difference of this document is a more thorough development of the mechanism for its implementation. Earlier documents primarily made the Roma themselves responsible for putting the newly introduced regulations in practice. In rare cases, they determined zemstvo and city police as controlling authorities. Now legislators placed the direct responsibility for enforcing the edict on the Minister of Police in the Empire and on governors in governorates entrusted to them (PSZ RI-I. Vol. 31. No. 24795).

In 1811, the government again reviewed its position regarding the areas where the Roma should be settled. According to the decree, the Roma, who were not attached to any community, should be sent to live in towns and cities. Interestingly, their inclusion in city communities was carried out by the decision of the governor and took place without the consent of the city community (PSZ RI-I. Vol. 31. No. 24795). At the same time, they were recognized as having the right to live in state-owned settlements. But this only applied to those Gypsies «who, according to the last census, were attached to state-owned settlements and had a farming business» (PSZ RI-I. Vol. 31. No. 24795).

The challenging assignment to implement the next campaign to end vagrancy was given by Alexander I to the Minister of Police to be carried out in the shortest possible term – in the European part of the Empire by January 1, 1812 and in Siberia by July 1, 1812 (PSZ RI-I. Vol. 31. No. 24795). However, the completion of the campaign activities took several years. The way that the fulfillment of the 1811 decree progressed can be illustrated by the example of the Simbirsk governorate.

The fourth census (1781-1782) «showed the Roma on the same list together with the newly baptized inhabitants of the Yeremkina village from the Mordvinian descent,» who lived in the Stavropol uezd, Simbirsk governorate (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1812. D. 241. L. 1). Their presence was confirmed by subsequent censuses, which was noted by the report of the Simbirsk Civil Governor, A.A. Dolgorukov, dated July 23, 1812, addressed to Minister of Police A.D. Balashov. For example, according to the 6th census (1811), 23 Roma were registered in the Yeremkina village (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1812. D. 241. L. 2).

In his report, Dolgorukov provided an impartial description of the local Roma. For example, between the 4th and 5th censuses, nine gypsies were sentenced to penal labor in exile «for their various crimes and robbery». The rest set up houses, but «both males and females led a very vile life following their inherent habit» (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1812. D. 241. L. 2 ob.), by engaging themselves in fortune telling, deceptions and horse trade. This collective portrait was drawn up on the basis of applications filed by local peasants, who, according to the document, asked to evict the Roma from the area.

One of the provisions in the 1811 decree stipulated the terms and conditions for the Roma's living in state-owned settlements, which among other things included the consent of the rural community. Dolgorukov decided to put the item in practice, aiming to achieve several goals: «to ensure peace of mind for the newly baptized and to relocate the Roma so that they can not have a close relationship with each other» (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1812. D. 241. L. 3 ob.). To this end, he took a decision to settle the Roma in the cities of the Simbirsk governorate and reported the decision to St. Petersburg. The outbreak of war with Napoleon delayed the approval of Governor Dolgorukov's decision on the resettlement of Roma in the cities of the Simbirsk governorate. It was not until April 1814 that the Committee of Ministers considered this issue during the presentation by Minister of Police S.K. Vyazmitinov and approved it (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1812. D. 241. L. 10). As a result, 12 Roma families were attached to 11 local cities (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1812. D. 241. L. 5-7).

The performance of the campaign to implement the decrees of 1809 and 1811 can be shown on the example of the Roma population in the Crimea. For example, in Feodosia, the enforcement process was started already in 1810 with the allocation of land in the suburbs for the Roma to settle down. Some of them, as it was later pointed out by the local mayor, F.I. Engel, «began to form settled ways, but after that they did with these and went to different villages» (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1819. D. 198. L. 2). The return to the campaign to resettle the Roma in towns and cities was initiated by the Ministry of Police on February 4, 1819. According to Engel's report, there were 246 Roma craftsmen of the Magomedan confession registered in the lower middle class in the city at that time, of whom the vast majority «went with their families to various villages in the Feodosia uyezd without written permissions, gaining a living more from alms than from works» (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1819. D. 198. L. 1-1 ob.). The mayor considered that the Roma were of no use to the city, and therefore suggested that the Ministry of Police expel them from Feodosia's lower middle class and install them at places where they would be found. However, this measure was a violation of the laws, and

this was indicated in the response that Engel received from St. Petersburg. The Ministry of Police required that he should act in strict accordance with the applicable regulations. In addition, the state authorities ordered «to subject the local police to lawful punishment for its improper monitoring of this case, as well as those who gave shelter to the gypsies or harbor them» (RGIA. F. 1286. Op. 2. 1819. D. 198. L. 5 ob.).

Thus, the implementation of the edicts and decrees on the resettlement of Roma in towns and cities stretched over time, and this was caused by the war events of 1812-1814. The actual enforcement of the provisions detailed in them, as we see, largely depended on the local authorities.

The documents created in the first third of the 19th century often refer to Roma merchants assigned to the 3rd guild. In this regard, we should have a closer look at the supplementary resolution «On the organization of guilds and the trade of other estates» dated November 14, 1824, which as per its § 203 stipulated that all its provisions were also applicable without limitation to the Roma from merchants and the lower middle class, who carried on trade in Russia (PSZ RI-I. Vol. 39. No. 30115). Some of its provisions allow for an understanding of the Roma's desire to live as multi-generational families. This lifestyle contained not only an element of tradition but it also had some economic feasibility. The point is that according to § 43, «a merchant family trading one hereditary capital shall not be required to take more than one certificate for trade or business if it only consists of the following persons: 1) the father with sons and unmarried daughters, or grandchildren, sons' children, unless they are separated» (PSZ RI-I. Vol. 39. No. 30115). Only in this case it was possible to buy a general certificate of the 3rd guild for 220 rubles. (§ 37). They also could enjoy civil rights this way, which were granted through membership in the merchant class (§ 48).

5. Conclusion

Thus, since the 18th century, the Russian Empire's government bodies faced the need to adopt an approach to the Roma population which grew in the second half of the 18th century – first quarter of the 19th century following the accession of new territories (Crimea, Bessarabia, former territories of the Polish-Lithuanian Commonwealth). By the early 19th century, almost 15 thousand Roma who lived in all regions were registered in Russia. Unlike other European countries, Russia rejected the path of enacting discriminatory laws against the Roma. One of the objectives, pursued by the government since the 1780s, was their integration through resettlement based on sedentary lifestyles. To achieve this, there were repeated efforts made in the 1780s and 1810s to encourage the Roma to engage in farming, handicrafts and trade, by settling them in cities and state-owned settlements and providing tax preferences. There were also severe punishments imposed for vagrancy the harshest of which might as well send you to exile to Siberia. The law stipulated penalties for officials and individuals who would contribute to this perpetration. However, these actions were not successful, and the Roma, even those who were attached to cities or rural communities, continued to live their nomadic existence across the entire Russian Empire.

Литература

- de l'Hoste Rankikg, 1911 – de l'Hoste Rankikg D. F. The Gypsies of Central Russia // *Journal of the Gypsy Lore Society*. New Series. 1911. 4 (3): 195-216; 4 (4): 244-258.
- Jochelson, 1928 – Jochelson W. I. Peoples of Asiatic Russia. - S. l. : The American museum of natural history, 1928.
- Sanarov, 1970 – Sanarov V. The Siberian Gypsies // *Journal of the Gypsy Lore Society*. 3-th Series. 1970, XLIX: 126–136.
- Shaidurov, 2014 – Shaidurov V.N. Jews and Their Place in the Social Structure of 19th Century Siberian Society. // *Bylye Gody*. 2014. 32 (2): 239-244.
- Shaidurov, 2016 – Shaidurov V. Ukrainians in Western Siberia in the second half of the 19th - Early 20th century: Specific features characterizing their resettlement and economic adaptation // *Acta Histriae*. 2016. 24 (2): 313–336.
- Бессонов и др., 2000 – Бессонов Н., Деметер Н., Кутенков В. История цыган. Новый взгляд. Воронеж, 2000.
- Бугай, 2012 – Бугай Н.Ф. Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М., 2012.
- Герман, 1930 – Герман А.В. Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 до 1930 гг. М., 1930.
- Горизонтов, 1999 – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.
- Гросул и др., 1956 – Гросул Я., Будаки И. Крестьянская реформа 60 – 70-х гг. 19 в. в Бессарабии. Кишинев, 1956.
- Гросул и др., 1967 – Гросул Я., Будаки И. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии (1812–1861). Кишинев, 1967.
- ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.
- Данилович, 1826 – Данилович И. Историческое и этнографическое исследование о цыганах // *Северный архив*. 1826. Т. 20. Ч. 6. С. 184–208.
- Денисов, 2013 – Денисов Д.Н. Оренбургские цыгане в 60-е гг. 18 – начале 20 в. // *Цыгане в оренбургском социуме*. Оренбург, 2013. С. 44 – 49.

- Кабузан, 1976** – Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в 18 - первой половине 19 в. (1719–1858). М., 1976.
- Кабузан, 1974** – Кабузан В.М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья. (Конец XVIII - первая половина XIX века). Кишинев, 1974.
- Кеппен, 1861** – Кеппен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.
- Кушко и др., 2012** – Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812 – 1917). М., 2012.
- Плохинский, 1905** – Плохинский М.М. Иноземцы в Старой Малороссии. Часть 1. Греки, цыгане, грузины. М., 1905.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830.
- Путятин, 1871** – Путятин А. В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения оренбургского губернатора представление // *Исторические сведения о Екатерининской Комиссии для создания проекта Нового Уложения. Ч. II. Сборник Русского исторического общества*. Т. 8. СПб., 1871. С. 419 – 431.
- Санаров, 1971** – Санаров В.И. Проблемы историко-этнографического изучения цыган // *Советская этнография*. 1971. 3. С. 59–67.
- Скальковский, 1850** – Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Часть I. География, этнография и народосчисление Новороссийского края. Одесса, 1850.
- Смирнова–Сеславинская, 2017** – Смирнова–Сеславинская М.В. Законодательство и государственная политика Российской империи в отношении цыганского населения // *Genesis: Исторические исследования*. 2017. № 8. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_22213.html.
- Смирнова–Сеславинская, 2014** – Смирнова–Сеславинская М.В. К истории цыган-лингваров и кишиневцев в России // *Romii/Țiganiii din Republica Moldova: Comunitate etnosocială, multiculturală, istorico-tradițională (1414 – 2014)*. Chișinău, 2014. – С. 141-164.
- Смирнова–Сеславинская, 2016** – Смирнова–Сеславинская М.В. Миграции цыган в южные регионы Российской империи и Крым, формирование общности крымских цыган // *Таверический научный обозреватель*. 2016. № 11 (16). С. 5–41.
- Смирнова–Сеславинская, 2015** – Смирнова–Сеславинская М.В. Формирование цыганского населения России: ранние миграции // *Обсерватория культуры*. 2015. № 1. С. 134–141.
- Смирнова–Сеславинская, 2013** – Смирнова–Сеславинская М.В. Цыгане Западной Сибири и Урала в историко-этнографических источниках и исследованиях 18 - начала 21 в. // *Цыгане в оренбургском социуме*. Оренбург, 2013. С. 22 – 43.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Шкунов, 2010** – Шкунов В.Н. Цыгане и торговля в Российской империи // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2010. № 10 (6-1). С. 11 – 18.
- Шмидт, 1863** – Шмидт А. Материалы для географии и статистики России, составленные офицерами Генерального Штаба. Херсонская губерния. Часть 1. СПб., 1863.
- Щукина и др., 2017** – Щукина Д.А., Егоренкова Н.А. "Опыт риторики" И.С. Рижского (1796 г.) в горном университете: история и современность // *Записки Горного института*. 2017. Т. 225. С. 376–384.
- Энгман, 2008** – Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2008.

References:

- Bessonov et al., 2000** – Bessonov N., Demeter N., Kutenkov V. (2000). Istoriya tsygan. Noviy vzglyad [History of the Gypsies. A New Look]. Voronezh. [In Russian].
- Bugay, 2012** – Bugay N.F. (2012). Tsygane Rossii: obshchestvo, adaptatsiya, konsensus (1900–2010) [Gypsies of Russia: society, adaptation, consensus (1900–2010)]. Moscow [In Russian].
- Danilovich, 1826** – Danilovich I. (1826). Istoricheskoye i etnograficheskoye issledovaniye o tsyganakh [Historical and Ethnographic Study of the Roma]. *Severnyy Arkhiv*. 1826. Vol. 20. Part. 6: 184-208. [In Russian].
- de l'Hoste Rankikg, 1911** – de l'Hoste Rankikg D. F. (1911). The Gypsies of Central Russia. *Journal of the Gypsy Lore Society*. New Series. 4 (3): 195-216; 4 (4): 244-258.
- Denisov, 2013** – Denisov D.N. (2013). Orenburgskiy tsygane v 60-ye gg. 18 – nachale 20 v. [Orenburg Gypsies in the 60s of the 18th – early 20th century]. *Gypsies in Orenburg society*. Orenburg: 44–49. [In Russian].
- Engman, 2008** – Engman M. (2008). Finlyandtsy v Peterburge [The Finns in Petersburg]. St. Petersburg. [In Russian].
- German, 1930** – German A.V. (1930). Bibliografiya o tsyganakh Ukazatel knig i statey s 1780 do 1930 gg. [A Bibliography on the Gypsies. Index of Books and Articles from 1780 to 1930]. Moscow. [In Russian].
- Gorizontov, 1999** – Gorizontov L.Ye. (1999). Paradoksy imperskoy politiki: polyaki v Rossii i ruskiye v Polshe [Paradoxes of the Imperial policy: Poles in Russia and Russians in Poland]. Moscow. [In Russian].
- Grosul et al., 1956** – Grosul Ya., Budak I. (1956). Krestyanskaya reforma 60–70-kh gg. 19 v. v Bessarabii [The Peasant Reform of the 60's and 70's of 19th Century in Bessarabia]. Kishinev. [In Russian].

Grosul et al., 1967 – Grosul Ya., Budak I. (1967). Ocherki istorii narodnogo khozyaystva Bessarabii (1812–1861) [Essays on the history of the national economy of Bessarabia (1812–1861)]. Kishinev [In Russian].

GAT – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State archive in Tobolsk].

Jochelson, 1928 – Jochelson W. I. (1928). Peoples of Asiatic Russia. S. 1. : The American museum of natural history.

Kabuzan, 1974 – Kabuzan V.M. (1974). Narodonaseleniye Bessarabskoy oblasti i levoberezhnykh rayonov Pridnestroviya (Konets XVIII – pervaya polovina XIX veka) [Population of the Bessarabian Region and Left-Bank Regions of Transnistria (The End of the 18th – First Half of the 19th Century)]. Kishinev. [In Russian].

Kabuzan, 1976 – Kabuzan V.M. (1976). Zaseleniye Novorossii (Yekaterinoslavskoy i Khersonskoy guberniy) v 18 - pervoy polovine 19 v. (1719–1858) [The Colonization of Novorossia (Ekaterinoslav and Kherson Governorates) in the 18th – first half of the 19th century (1719–1858)]. Moscow. [In Russian]

Keppen, 1861 – Keppen P.I. (1861). Khronologicheskiy ukazatel materialov dlya istorii inorodtsev Yevropeyskoy Rossii [A Chronological Index of Materials for the History of Foreigners in European Russia]. St. Petersburg. [In Russian].

Kushko et al., 2012 – Kushko A., Taki V. (2012). Bessarabiya v sostave Rossiyskoy imperii (1812 – 1917) [Bessarabia as part of the Russian Empire (1812-1917)]. Moscow. [In Russian].

Plokhinsky, 1905 – Plokhinsky M.M. (1905). Inozemtsy v Staroy Malorossii. Tchast 1. Greki, tsygane, gruziny [Foreigners in Old Little Russia. Part 1. Greeks, Gypsies, Georgians]. Moscow. [In Russian].

PSZRI – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Code of Laws of the Russian empire]. Code I. St. Petersburg, 1830. [In Russian].

Putyatin, 1871 – Putyatin A. (1871). V Komissiyu o sochinenii proyekta Novogo Ulozheniya orenburgskogo gubernatora predstavleniye [A Report to the Commission on the Draft Project of the New Code from the Orenburg Governor]. *Istoricheskiye svedeniya o Yekaterininskoy Komissii dlya sozdaniya proyekta Novogo Ulozheniya. Part. II. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 8. St. Petersburg, 1871: 419-431. [In Russian].

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Sanarov, 1970 – Sanarov V. (1970). The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society*. 3-th Series. Vol. XLIX: 126-136.

Sanarov, 1971 – Sanarov V.I. (1971). Problemy istoriko-etnograficheskogo izucheniya tsygan [Issues in Historical and Ethnographic study of the Roma]. *Sovetskaya etnografiya*. 3: 59-67. [In Russian].

Shchukina et al., 2017 – Shchukina D., Egorenkova N. (2017). «Opyt ritoriki» I.S. Rizhskogo (1796 g.) v gornom universitete: istoriya i sovremennost' [«Rhetoric practice» by I.S. Rizhsky (1796) at the mining university: history and contemporaneity]. *Journal of Mining Institute*. 225: 376–384.

Shmidt, 1863 – Schmidt A. (1863). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sostavlenyye ofitserami General'nogo Shtaba. Khersonskaya guberniya [Materials for Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. Kherson Governorate]. Part 1. St. Petersburg [In Russian].

Shaidurov, 2014 – Shaidurov V.N. (2014). Jews and Their Place in the Social Structure of 19th Century Siberian Society. *Bylye Gody*. 32 (2): 239-244.

Shaidurov, 2016 – Shaidurov V. (2016). Ukrainians in Western Siberia in the second half of the 19th - Early 20th century: Specific features characterizing their resettlement and economic adaptation. *Acta Histriae*. 24 (2): 313–336.

Shkunov, 2010 – Shkunov V.N. (2010). Tsygane i trgovlya v Rossiyskoy imperii [The Roma and Trade in the Russian Empire]. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 10 (6-1): 11–18. [In Russian].

Skalkovsky, 1850 – Skalkovsky A. (1850). Opyt statisticheskogo opisaniya Novorossiyskogo kraya. Tchast I. Geografiya, etnografiya i narodoschisleniye Novorossiyskogo kraya [Experience in the Statistical Description of the Novorossiysk Region. Part 1. Geography, Ethnography and Census of the Novorossiysk Region]. Odessa. [In Russian].

Smirnova-Seslavinskaya, 2013 – Smirnova-Seslavinskaya M.V. (2013). Tsygane Zapadnoy Sibiri i Urala v istoriko-etnograficheskikh istochnikakh i issledovaniyakh 18 - nachala 21 v. [The Roma of Western Siberia and the Urals in Historical and Ethnographic Sources and Studies in the 18th – Early 21st Century]. *Gypsies in Orenburg society*. Orenburg: 22 – 43. [In Russian].

Smirnova-Seslavinskaya, 2014 – Smirnova-Seslavinskaya M.V. (2014). K istorii tsygan-lingurarov i kishinevtsev v Rossii [To the History of Gypsies-Lingurary and Kishinyovtsy in Russia]. *Romii/Țiganiii din Republica Moldova: Comunitate etnosocială, multiculturală, istorico-tradițională (1414 – 2014)*. Chișinău: 141-164. [In Russian].

Smirnova-Seslavinskaya, 2015 – Smirnova-Seslavinskaya M.V. (2015). Formirovaniye tsyganskogo naseleniya Rossii: ranniye migratsii [Formation of the Roma Population in Russia: Early Migrations]. *Observatory of Culture*. 1: 134-141. [In Russian].

Smirnova-Seslavinskaya, 2016 – Smirnova-Seslavinskaya M.V. (2016). Migratsii tsygan v yuzhnyye regiony Rossiyskoy imperii i Krym, formirovaniye obshchnosti krymskikh tsygan [Roma Migration in the

Southern Regions of the Russian Empire and Crimea, Formation of the Crimean Roma Community]. *Tauricheskiy nauchnyy obozrevatel*. 11 (16): 5-41. [In Russian].

Smirnova-Seslavinskaya, 2017 – Smirnova-Seslavinskaya M.V. (2017). Zakonodatelstvo i gosudarstvennaya politika Rossiyskoy imperii v otnoshenii tsyganskogo naseleniya [Legislation and state policy of the Russian Empire with regard to the Romani population]. *Genesis: Historical Research*. No. 8. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_22213.html. [In Russian].

UDC 940

К вопросу об истории цыган в Российской империи (вторая половина XVIII – первая четверть XIX в.)

Владимир Шайдуров ^{a, b, *}

^a Санкт-Петербургский горный университет (Горный университет), Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Российское цыгановедение на протяжении второй половины XIX – начала XXI в. достигло больших успехов в изучении различных аспектов языка, культуры, этнографии, антропологии, обычного права цыган. Однако их история в Российской империи на сегодняшний день изучена слабо и фрагментарно. К этому привело незнание исследователями документов, которые сохранились в архивных фондах. Несмотря на относительную немногочисленность цыганское население присутствовало во всех регионах России. В данной статье мы рассмотрели основные мероприятия органов власти, которые были нацелены на формирование нового (оседлого) образа жизни цыган и реализовывались во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. В качестве источников были использованы законодательные акты. Региональная специфика реализации кампаний по пресечению бродяжничества среди цыган представлена на основе нарративных источников из центральных и региональных архивов Российской Федерации, которые были выявлены автором, и впервые вводятся в научный оборот. Использование различных исследовательских методов позволило нам реконструировать ранее неизвестные страницы истории цыган России.

Ключевые слова: цыгане России, миграции цыган, интеграция цыган, государственная политика, цыганский вопрос, Российская империя.

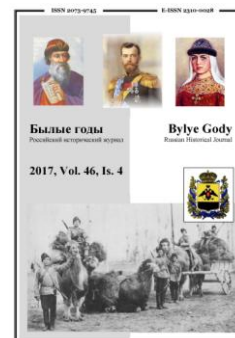
* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: s-w-n@mail.ru (В. Шайдуров)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1219-1228, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1219
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.2

The Military Factor and the Mobilization Wave Mechanism as the Main Features of Modernization in Russia during the Imperial Period

Konstantin V. Samokhin ^{a,*}, Lyudmila Yu. Korolyova ^a

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

Modernization theory is the discourse which is currently being discussed in social and humanitarian studies. However, its categorical apparatus is not sufficiently developed. For instance, such terms as “the modernization mechanism” and “the factor of modernization” are not clearly defined.

The article is aimed at the consideration of modern interpretations given to the above mentioned terms and development of ideas about their nature and main features in order to analyze modernization processes in Russia during the 18th – the beginning of the 20th centuries. The paper is focused on modernization theory as the main approach to the problem. Despite many ideas about its nature, the authors agree with the classical interpretation of modernization as the transition from the traditional (agrarian) society to the modern (industrial) one giving arguments in favour of such an approach to the history of the Russian state during the Imperial period.

Like many other researchers the authors believe that modernization in Russia was characterized by the process of catching up with other countries. A detailed consideration of this process resulted in the interpretation of its mechanism as a mobilization wave mechanism. It is proved that in the 18th – the beginning of the 20th centuries modernization processes in the Russian state were caused by war conflicts started by the Western civilization. The consequences of the Great Northern war, the Napoleonic wars, the Crimean war, the Russo-Japanese war and World War I and their effect on the development of the Russian Empire were analyzed. It was concluded that the main feature of modernization processes in Russia was asynchrony. At the same time their development tended to transfer from the economic-technological area to the spiritual area through the socio-political one. This fact explained why Russian modernization was challenging and continued for a long time.

Keywords: Russian empire, ‘catching up’ modernization, factor of modernization, modernization mechanism, war, mobilization, wave mechanism, asynchrony.

1. Introduction

The conditions under which modernization theory appeared and its factors of development give reasons to doubt its scientific validity. It was developed in the 1950s – 1960s at the time when the world was divided into two parts as a result of the Cold War. Leading states involved into the division tried to extend their power through various ideological tools. At that moment modernization was interpreted as a strategy for the “third world” countries the realization of which was based on the only example and the development result – the Western civilization as an orienting point (Kalkhun, 2006). But the strategy never succeeded in the above mentioned countries and resulted in strong criticism of this ideological construct in the 1970s (Poberezhnikov, 2014: 138-139).

The revival of modernization theory was in the 1980s – 1990s when its essential points were changed: modernization was not interpreted as the transition from the traditional (agrarian) society to the modern

* Corresponding author

E-mail addresses: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin), lyu-korolyova@yandex.ru (L.Yu. Korolyova)

(industrial) one but as a number of different ways of development among which the West was one of feasible alternatives (Eisenstadt, 2000; Fourie, 2012; Huntington, 2016: 100-101; Sztompka, 2015: 26-27). This did not fulfill its ideological political commitment and gave a new impulse for the realization of the theory thus helping to consider modernization as a theoretical construct with all consequences.

Russian scientists in the Humanities made the same conclusion in the 1980s – 1990s when modernization was commonly discussed. These processes were caused by a new historical paradigm which made Russian researchers change a formation approach. Moreover, a new development strategy of the Russian Federation was elaborated at the beginning of the 21st century. So in this case we can also notice ideological factors that proved the increasing popularity of modernization theory given that the transition concept itself (the transition from the traditional society to the modern one was similar to the transition from the Soviet period of Russia to the new stage of its development) needed a theoretical grounding at that moment as never before. Thus modernization theory was relevant for the Russian academic paradigm but later its popularity decreased and it was strongly criticized in the Russian Humanities. Such an approach to modernization theory was explained by the fact that it had gone out of date and was considered to be artificial what did not allow to realize it in practice (Kapustin, 2001).

However, every historian must follow the principle of objectiveness in his studies first and foremost, so in this case we must agree with V.G. Fedotova who defended modernization theory in the following way: “Admitting that classical modernization theory like any other classical theory comes across such circumstances during its development which it cannot explain or foresee and therefore turn into facts within its theoretical framework, we will object to the opposing arguments which have three drawbacks, in our opinion, ontologization of theoretical constructs, unhistoricalness and presentism as a part of the latter.

The matter is that modernization theory is a theory but not ideology or a paradigm or a research programme closely connected with extrascientific knowledge. It is not clear for non-specialists and it is based on ideal types (M. Veber) or theoretical constructs as they are called by modern methodologists” (Fedotova, 2016: 118).

Taking into consideration this point of view it should be noted that at the modern stage of historical studies popularity of modernization has really decreased but that allows to develop a more objective approach to the theory which will not be affected by any ideology. It is possible to outline ways of developing and using this discourse in specific historical studies through the thorough consideration of the discourse basics.

Despite a long history of modernization theory which is more than 50 years, its categorical apparatus is not fully developed, in our opinion. It can be proved by the fact that the definitions of two main concepts of classical modernization theory – a traditional society and an industrial one – are not generally accepted. The same tendency can be traced in the interpretation of other terms of modernization discourse such as “the modernization mechanism” and “the factor of modernization”. If the former is commonly discussed but is not the subject of specific studies, the latter is sometimes mentioned without any particular meaning.

The present paper is aimed at the analysis of the terms “the modernization mechanism” and “the factor of modernization” in order to focus on their significance for the methodology of historical knowledge in general and modernization theory in particular.

2. Materials and methods

Modernization theory is the main methodological basis of the paper. As it was mentioned above, it is interpreted in two ways:

- A classical interpretation states that modernization is the transition from the traditional (agrarian) society to the modern (industrial) one. This approach is called a linear one.
- A modern interpretation states that modernization is a way of development peculiar for many contemporary countries among which the Western civilization is considered to be one of feasible models for them which also faces great changes at the present moment. This approach is known as a multilinear one.

We believe that the classical interpretation of modernization theory is more useful for historical studies covering the period before the beginning of the 20th century when the West had all the features typical for the industrial society. As for the modern interpretation it must be used for the explanation of different processes related to the period beginning with the 20th century. The further considerations prove that. World War I outlined the crisis of the Western civilization that resulted in the decrease of opportunities for the industrial society development and accelerated the formation of the postindustrial society.

The chronological framework of the paper is stipulated by this idea covering the period from the 17th century when Russia had all typical features of the traditional (agrarian) society (vide infra) to the 20th century. In our opinion, the 17th century was characterized by significant changes towards the formation of the industrial society due to the reforms of Peter I. As for the 20th century, it was discussed above.

3. Discussion

It was I.V. Poberezhnikov who paid special attention to the term “the modernization mechanism”. Conceptualizing theories of modernization in the multi-authored book devoted to the theory and

methodology of history, the Ural scientist highlighted this term as a specific subject of research in his chapter (Poberezhnikov, 2014: 143-145).

I.V. Poberezhnikov compared opinions of two foreign scientists pointing at unique approaches to this problem which each of them had. For instance, W. Rostow focused on “the accumulation standard growth” as a specific order of modernization processes development (Poberezhnikov, 2014: 143). We cannot but agree with the validity of such an interpretation taking into account the general tendency of the theory describing “economic growth stages” developed by the American sociologist and economist.

If W. Rostow used an economic approach to the problem concerning the nature of modernization mechanisms, another interpretation chosen by I.V. Poberezhnikov was a sociological one. The latter is referred to the scientist N. Smelzer. The analysis of the American sociologist’s ideas allowed I.V. Poberezhnikov to pay attention to the structural differentiation as a mechanism of the transition from the traditional society to the modern one when “complex structures which performed a lot of functions before are divided into specialized structures every of which can be responsible for one function in the process of modernization; in general, new specialized structures perform the same functions as former structures but more effectively” (Poberezhnikov, 2014: 144).

Given the facts presented above, we can state that at the initial stages of modernization theory development the transition from the traditional society to the modern one in general and its mechanism in particular had a one-sided interpretation. Despite the fact that W. Rostow tried to overcome drawbacks of Marxist theory, he did not succeed in avoiding economic determinism. N. Smelzer’s ideas can be evaluated in the same way as he revealed only the social aspects of the problem.

It would be fair to note that I.V. Poberezhnikov paid attention to the views of the supporters of the classical interpretation of modernization theory. As we know such an interpretation is used only for the explanation of processes which took place in the countries of Western and Northern Europe during the modern period. However, the term “catching up modernization” is used to characterize Russian history during the 18th – the beginning of the 20th centuries. So the interpretation of the mechanism in this paper will be logical.

For instance, Russian scientists who dealt with this problem connect it directly to the ‘catching up’ model of Russian modernization processes because the latter implied a certain degree of violence and consequently the resistance of the Russian civilization. Therefore the most popular approach to the interpretation of the Russian modernization mechanism has a wave type. It is quite evident in S.N. Gavrov’s monograph “Modernization for the sake of the Empire. Socio-cultural aspects of modernization processes in Russia” which highlights the change of two models of Russian modernization – imperial and liberal ones. Each of them prevails, to the scientist’s mind, at the certain stage of Russian history that depends on the extent of the Russian civilization resistance to modernization processes (Gavrov, 2004: 38-72).

The same wave mechanism is described in the article of A.A. Kononov, M.S. Tomazov and Yu.V. Bun’kova “The concept of national identity and the political culture of imperial Russia at the turn of XVIII–XIX centuries” (Kononov et al., 2004: 97-103). The authors of the paper discuss the pendular movement of Russian modernization as an inconsistency of its liberal and imperial types (Kononov et al., 2004: 102). Nevertheless, they also focus on another feature of the mechanism which determined Russian modernization processes: “If Western European countries changed an evolutionary way of development into an innovation one in XVII–XVIII centuries, Russia transited from an evolutionary way to a mobilization one. It was realized in the form of conscious and violent interference of the state authorities into the mechanisms of the society with its functions” (Kononov et al., 2004: 97). In other words, such a feature as the active participation of the state in Russian modernization processes which often involved violence is highlighted and referred to the term “mobilization”. However, we must note that the term “the modernization mechanism” is not used in this paper although it is correlated with the wide notion – “mechanisms of the society with its functions” that allowed to include the analysis of the mentioned authors’ concept into our paper.

V.G. Fedotova solved this problem giving a sound theoretical grounding and specificity. She suggested her own typology of civilizations from the point of view of modernization and outlined “a development mechanism” as one of the criteria (Fedotova, 2016: 79). The latter, to her mind, can be an innovative mechanism, a mobilization mechanism based on the combination of innovations and mobilizations or state mechanisms or dictatorship (Fedotova, 2016: 79-80). But the main mechanism for western countries which were the first to experience modernization is considered to be the change of the tradition into the innovation, in V.G. Fedotova’s opinion. It should be noticed that the scientist does not contradict these terms pointing out that the borderline between them is blurred: “The difference of the tradition from the innovation is also a problem. There are innovations in the traditional society developing on the base of traditions but they exist only until they break traditions. This development is cyclic as the society begins to consider innovations to be dangerous for traditions sooner or later and rejects them in favour of the latter. History always takes its course in this society without any extreme deviations. Innovations play a significant role in the modern society cooperating with traditions until they come into conflict with innovations” (Fedotova, 2016: 86).

The given quotation also explains a wave type of the modernization mechanism – “the development is cyclic” – and mentions the resistance of countries belonging to the traditional society to modernization processes that indirectly proves the necessity of “people’s extra efforts” during the transition from the traditional society to the modern one, i.e. “a mobilization type of development” peculiar for the states of

“different” America and “different” Europe, in V.G. Fedotova’s opinion, which “civilizations of ‘the second echelon’ of development” refer to (Fedotova, 2016: 79-80).

To give a full description of modernization processes we must add that the change of traditions into innovations can also imply the third element and the structure of the modernization mechanism will be more complex: “antiquity – traditions – innovations (modernization)”. At the same time traditions being an intermediary link will be affected by both antiquity and innovations (modernization). Such ideas are expressed by V.G. Fedotova (Fedotova, 2016: 90-101), A.M. Buranchin (Buranchin, 2011) and K.N. Kostyuk (Kostyuk).

As for the term “the factor of modernization” A.J. Toynbee’s interpretation focuses on “challenges” as factors of the further development of civilizations. The English researcher classified current challenges as follows:

- 1) the Stimulus of Hard Countries;
- 2) the Stimulus of New Ground;
- 3) the Stimulus of Blows;
- 4) the Stimulus of Pressure;
- 5) the Stimulus of Penalizations.

For the ‘catching up’ type of modernization which was peculiar for the history of imperial Russia a leading role was played by “the Stimulus of Blows”. One of such incentives was wars but only in case when “the unexpected crushing defeat could stimulate a defeated side to bring everything in order and prepare a victorious counterattack” (Toynbee, 2006: 398). American researchers A. Toffler and H. Toffler agree with A.J Toynbee’s conclusion stating that: “Past wars reach across time to affect our lives today. The torrents of blood spilled centuries ago over issues now forgotten, the bodies charred, impaled, broken or blown into nothingness, the children reduced to swollen bellies and stick-limbs – all shaped the world we inhabit today” (Toffler, Toffler, 1995: 2).

To prove his concept “challenge – response” the English scientist answered the question “Why did Russia have to consider “challenges” of the Western civilization to be a fundamental basis for its further development?” in the following way: “From the failure of the Second Ottoman assault on Vienna in A.D. 1683 down to the defeat of Germany in the General War of A.D. 1939-1945, the West as a whole had been so overwhelmingly superior in power to the rest of the World that the Western Powers had virtually nobody to reckon with outside their own circle” (Toynbee, 1987: 148).

It should be noted that Toynbee found out three “responses” of the Russian civilization to the Western “challenge” concerning primarily technological achievements of the latter:

A serious counteract of Russia expressed in the form of “the fanatical sect of Old Believers”.

“...the thorough-going ‘Herodianism’ which found an exponent of genius in Peter the Great”.

“The ignominious collapse of Russia’s military effort during the General War of A.D. 1914-18 offered lurid evidence that, after having been trying for more than two hundred years, the Petrine policy of Westernization had not only been un-Russian but had also been unsuccessful; it had not ‘delivered the goods’, and in these circumstances a long-suppressed insistence on the uniqueness of Russia’s destiny reasserted itself through the Communist revolution” (Toynbee, 1987: 152-153).

As we can see two of these “responses” were directly connected with the wars which led to further great changes in Russian people’s lives – The Great Northern War and World War I.

V.G. Fedotova also agrees with these ideas. She explained the thesis statement about the Western influence on modernization processes in the countries of “different” Europe and “different” America as follows: “One question is logic: did the West make the rest of the world catch up with it breaking the ordinary course of history, problematically accelerating the progress and breaking traditions to do this, defying national paradigms of mentality? In most cases the West did it and used strong violence, for instance, when colonizers’ armies conquered Incan and Asian Indian capital cities. But in other cases – in Beijing, Istanbul – the state was powerful enough to prevent any military violence. Nevertheless, these countries resisted to the decrease of their influence in the world and they could do it only by accelerating their development facing such an opponent as the West” (Fedotova, 2016: 38). This quotation also refers to war as a factor of ‘catching up’ modernization.

A.V. Alekseeva shares the same point of view. She pays attention to external factors first of all as they affected the Russian civilization development: “Among external factors which had a great impact on the image of the Russian civilization at the modern time the following ones can be singled out: a trend peculiar for the whole civilization (the world modernization process, globalization, informatization); the world technological revolutions (industrial, agrarian, information revolutions); the international policy of states and wars as its instrument and the mechanism of the society expansion having technological advantages; ideological movements (Enlightenment, Marxism, socialism, liberalism etc.); the economic situation; the activity of transnational organizations; at last, fashion for foreign ideas, cultural and material phenomena (including romanticism, classicism, eclecticism, modernism, constructivism, technicism and such like things in all spiritual and material aspects)” (Alekseeva, 2012: 16-17). And in this quotation we notice the interpretation of wars as a means to affect the further way of Russian development on the part of modernized countries.

The given short review of different points of view on the terms “the modernization mechanism” and “the factor of modernization” shows that researchers highlight the ‘catching up’ type of development and the mobilization wave mechanism as a peculiar feature of modernization processes in Russia. As for wars they are regarded as a factor of the Russian civilization development at the stage of modernization efforts which was typical for the Imperial period in Russia when wars took one of the most important places if not the main one, in their opinion. Let us prove this thesis statement.

4. Results

Due to the use of the term “mechanism”, we can be reproached for applying the mechanistic approach which was typical for science in XVII–XVIII centuries when mechanics became one of the main branches of scientific knowledge. However, we did not connect this term to I. Newton’s laws and G. Galilei’s discoveries thus excluding any opportunity of its reduction and implying its profound meaning that may result in the use of this term in the Humanities research.

First and foremost, the definition of the analyzed term must be made clear. “The definition dictionary of the Russian language” written by B.M. Volin and D.N. Ushakov gives two main interpretations of the term “mechanism”:

1. “The internal structure of a machine or a device which makes it work” (mech.).
2. “The internal structure, the system of functioning peculiar for smth., the system of some type of activity” (bookish) ([The definition dictionary, 1938: 203-204](#)).

Taking into account notes in brackets we can conclude that the term “mechanism” can be used in the humanities and social sciences with the second interpretation. This definition is close to the philosophical interpretation. Explaining the term for modernization theory we suggest the following definition: “the system of modernization processes which function following the logic of development from the traditional society to the modern one and depending on the conditions under which the given processes occur”. In our opinion, this definition overcomes the reduction of the mechanistic approach and interprets the term “mechanism” in such a way that it can be applied in the humanities and social sciences.

Turning to the Imperial period in the history of Russia we must outline a dichotomous typology of modernization processes including classical and ‘catching up’ modernization. We believe that this typology will be the best because the problem of a variety of ways characteristic for modernization and differentiation of its results for the period covering the 18th – the beginning of the 20th centuries has not been raised yet. The main features of the given typology as well as its explanation have already been focused on ([Samokhin, 2017: 14-16](#)) so in this case we will pay attention only to one criterion – “a development mechanism”. It was defined as “an innovative, internal, linear mechanism” for the classical type and “a mobilization mechanism stipulated by the Western “challenges” therefore a wave mechanism” for the ‘catching up’ type ([Samokhin, 2017: 14-15](#)).

As it can be seen the given formulations highlight three pairs of characteristic features of the modernization mechanism:

“The innovative – mobilization mechanism”. In those countries which were the first to experience modernization – Western and Northern Europe – innovations as changes bringing some renovations were prioritized. At the same time they took place not only in the economic and technological spheres but also in the social, political and spiritual spheres of people’s lives. Moreover, they determined modernization development in these countries. Mobilization was typical for the states of “the second echelon”, characterized by a ‘catching up’ type of modernization. We have found three main definitions of this term in “The definition dictionary of the Russian language” by B.M. Volin and D.N. Ushakov:

- a. “the process by which the armed forces are brought to a state of readiness for participation in military acts (military)”;
- b. “the process by which something (some valuable thing) is made active for its broader use (economic)”;
- c. “the process by which somebody or something is made active in order to accomplish some task successfully (bookish)” ([The definition dictionary, 1938: 239](#)).

The third definition is more philosophical so it is more appropriate for our paper and its objectives. It clearly outlines the participation of some subject and does not imply the internal independent development of the system. Political elites more often play a role of such a subject (actor) in ‘catching up’ modernization processes. It is they who set objectives for the development of the society (state): for instance, the necessity to catch up with the Western countries which have gone far away thanks to modernization processes thus it is important to reach their level to oppose these states successfully (if necessary). It is evident that “the necessity to catch up” supposes those “extra efforts” which were mentioned by V.G. Fedotova. So mobilization means “extra efforts of the ‘catching up’ society stipulated by the activity of governing elites in order to achieve the level of modernized countries”.

“The internal mechanism caused by the “challenges” of the West”. The word “internal” in this case implies the independent way of development chosen by countries which has its own logic connected with the transition from the traditional society to the modern one. Nobody and nothing made the Western states follow this way, it was quite natural for them. Using V.G. Fedotova’s terminology we must outline the fact that “different” Europe and “different” America had to solve the problem of falling behind modernized

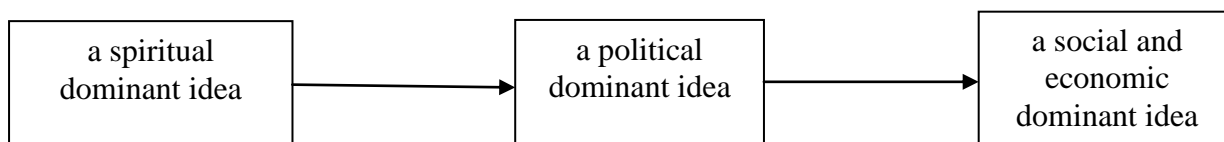
countries to successfully deal with “challenges” of the West. Thus they needed the Western “challenges” to take the way of modernization.

As the concept “challenge – response” is described in detail in A.J. Toynbee’s book “A study of history” it is necessary to consider its basic notions in the original interpretation. The English scientist interpreted “challenges” as “a situation of unique complexity which made him [a man – K.S., L.K.] make an unprecedented effort” (Toynbee, 2006: 395). This “effort”, i.e. “a response” brings a man to the new stage of his development – civilization (Toynbee, 2006: 143-157). In other words, the countries of Western Europe having begun to follow a natural way of modernization since XV–XVI centuries succeeded in their development so much that they could allow themselves to take a messianic role in some sense promoting their model of the further way of development to an enlarged circle of traditional civilizations. And the “challenges” of the West could be connected to different factors which will be discussed later on.

“The linear – wave mechanism”. This pair is a logic result of the characteristic features of the modernization mechanism analyzed above. “The linear” way means a clear progressive advance of the countries of Western Europe and Northern Europe to the acme of modernization development – the modern/industrial society – without any throwback and zigzagging. Resistance was typical for “the second echelon” countries as the way they had to follow was not natural for them and implied the reconstruction and change of essential features and what is more the system of values peculiar for their traditional type. These events were not caused by processes which appeared during their development but by the Western civilization pressure. The resistance stipulated the presence of periods with the relatively quick pace of modernization processes as well as stages with the significant slowdown that is the definition of the wave type of modernization in fact. The latter could be expressed in different ways that led to a variety of interpretations given by Russian scientists regarding the nature of the wave transition from the traditional society to the modern one.

Now we will focus on the meaning of the term “the factor of modernization”. There is only one definition of the term “factor” suitable for the aim of our paper in “The definition dictionary of the Russian language” by B.M. Volin and D.N. Ushakov: “A driving force, a cause of some process stipulating its type (bookish)” (The definition dictionary, 1940: 1052). In our opinion, we do not have to interpret this definition regarding modernization: “some process” means that very transition from the traditional society to the modern one.

For the West such factors of modernization processes were Renaissance, Reformation and Enlightenment which caused changes in the spiritual sphere; revolutions or civil wars which resulted in the renovation of the political system; the industrial revolution which led to economic and social transformations. Moreover, the sequence of these processes was as follows:

However, it should be noticed that these processes were not strongly separated chronologically, they correlated with each other and were quite natural when the political elite was not their essential factor. This is the basis of harmony of the Western type of modernization.

Let us analyze war as a factor of modernization processes in Russia. In modern encyclopaedic dictionaries the term “war” is defined as “a social and political phenomenon representing the extreme form of solving socio-political, economical, ideological, national, religious, territorial and other conflicts between states, nations, peoples, classes and social groups by means of military violence” (The military encyclopaedic dictionary, 2001: 337). Nevertheless, the given definition interprets only the nature of such a phenomenon as war; the estimation of war impacts on the development of the human society history is not highlighted.

Wars have always taken place in the history of separate nations and the humanity in general. However, the nature of any war conflict could change depending on time and its origin. At the initial stage of the humanity development numerous conflicts between tribes were caused by material factors: a struggle for food, the territory etc. The more developed the society became the more social the essence of wars was as a consequence of increasing social differentiation and labour division. Later on, when states appeared war conflicts became political. And at last, at the modern stage of the humanity development a spiritual aspect as the main factor of war conflicts can be distinguished.

The statement about ideas (“the conquest of the whole world”, “the establishment of large empires” etc.) that more often became causes of wars can serve as an argument in favour of the fact that wars of relatively late periods and modernity have spiritual reasons rather than economic and social ones. Propaganda was widespread at that time especially during wars of XIX–XXI centuries when mass media played an important role and are used now to create a necessary image of wars, explain purposes of war actions, motivate people for struggling with enemies despite the fact that the former have to deal with problems such as discomfort, insufficiency of means for living, stresses due to the death of close relatives.

In this case so-called information wars are meant, their features had been formed by the 19th century. N.L. Volkovsky, a famous researcher of such wars, defines them as follows:

1. Statements about unity in your own camp and disunity in opponents' camp.
2. A differentiated approach to different groups.
3. 'A code of silence' over negative news and the immediate act of making positive news public even if it is insignificant.
4. Various methods which are used for presenting fake historical facts.
5. Catchy slogans.
6. The constant repetition of useful thesis statements including evident fake facts.
7. The distortion of information and arguments given by opponents' press.
8. Persistent efforts to mock at opponents.
9. Accusations of crimes or acts committed by your camp or activities which both sides can be responsible for" (Volkovsky, 2003: 170).

The majority of the given factors are specific, for sure. They are aimed first of all at the explanation of local military actions but practically the same methods were used for more global purposes whether it is the interpretation of the war course in general or the presentation of own ideas etc.

At the time when the influence on consciousness and its manipulation were not greatly developed, war was directed at the destruction of people. "To win" meant "to destroy" (or "to take prisoners") as it seemed to be impossible to change a person's consciousness in a different way. At the modern time when public consciousness manipulation is widely used and has a scientific basis the following thesis can be considered to be the objective of war: "to win" means "to change opponents' consciousness" and the physical destruction is not relevant any more. "The Cold War" in this case became a herald of the new epoch when nuclear weapons predominantly was a way to frighten but not destroy opponents. It is the understanding of risks related to impossibility of nuclear weapons use that came into people's consciousness, the absence of large-scale military actions (it is known that during the "Cold War" only local attacks, the so-called "flashpoint areas", took place) that prove this fact.

Thus, the larger man's social dimension is in contrast to the biological one, the less destructive wars are as they transform into wars of a new type. They are targeted at basic values of the modern civilization representatives and grow into information, ecological, competitive, financial and other conflicts. Mass destruction of people is out of the question in this case but "the struggle of ideas" is underway.

Having focused on the history of nature of war and its development, let us consider a war phenomenon regarding modernization development of Russia as 'a catching up' country. The logic of processes concerning the transition of the Russian state from the traditional society to the modern one resembled the logic of war in many ways during the history of mankind. The degree and direction of war impacts on modernization of the Russian society depended on two parameters – scale and results. Modernization processes in Russia began or continued in case a war conflict had a continental or global scale and resulted in the serious defeat of the Russian Empire. However, in case of local wars in which the Russian state participated, and/or the victory of the Russian army in them was no impulse for modernization in Russia.

We believe that modernization processes in the Russian state began in the first quarter of the 18th century because the society had all the typical features of the traditional society in the previous century. There were rudiments of the industrial development only in economy. The formation of manufacturing, the initial stage of Russian market, protectionistic and mercantilistic measures taken in the 1640s – 1650s prove that. However, these efforts failed due to strong autocracy in the political sphere and serfdom in the social area. The spiritual sphere of the Russian society had the following features: patriarchal relations (or paternalism), religiousness, monarchism, balanced land tenure principles (or social justice), communal collectivism combined with individual rights (Kozhevnikova, 2011; Porshneva, 2000: 91-102). These peculiarities were typical mostly for the peasantry and peasants comprised a major part of the Russian society in the 17th century.

Everything began changing when Peter the Great came to power. The main stimulating factor for modernization in Russia at that period was the Great Northern War. It should be noted that researchers often consider the first Russian emperor's reforms to be westernization, i.e. a predominantly external borrowing of western models and their violent introduction into the life of the Russian society without taking into account the specific nature of the latter. There are sound reasons for that.

The Great Northern War was actually a local conflict which resulted in one of the greatest victories in the history of the Russian state. Therefore it could not have a serious impact on the processes of Russian modernization. In fact, only high society was modernized. As for other classes of the Russian society, modernization did not influence them at all or it was a partial impact.

From the very beginning Russian modernization was not harmonic, its processes were asynchronous (Krasil'shchikov, 1993: 46), i.e. they did not coincide in time. Firstly there were changes in the economic and technological sphere which was the most prepared area for modernization. The increase of social mobility and urbanization were strongly restricted by serfdom. In the political sphere the result of the reforms of Peter I was the formation of the absolutist state or the police state as most scientists think. The spiritual sphere of the peasantry and most classes of the Russian society was not changed.

Thus, this example shows all the features of ‘catching up’ modernization mentioned above: mobilization which was strongly marked and represented in different ways due to extra efforts of Peter the Great and a large-scale resistance of the Russian society; “the challenge” of the West due to the Great Northern War; a wave type as transformation vectors proposed by the first Russian emperor were used by his successors but were slowed down. So the development of the Russian society in the 18th century after the rule of Peter the Great was based on modernization impulse of the Great Northern War. Russia did not have any large-scale conflicts with western states at that stage especially those which resulted in the defeat of the country.

The Napoleonic wars in general and the Patriotic war of 1812 in particular had to lead to some rise of modernization processes. This conflict was continental, in fact, i.e. its scale was significantly larger in comparison with the Great Northern War but the final victory of the Russian empire still did not encourage modernization processes in a full way. The analogy of the Patriotic war of 1812 with the Great Northern War is appropriate here because both of these war conflicts had the same scenario: defeats of the Russian army at the initial stage and its great victories at the final stage. It must be noted that Russia had had a vast experience of modernization efforts by that time that is why they were not as radical and violent in the first quarter of the 19th century as they were in the first quarter of the previous century. Nevertheless, the features of the mechanism typical for ‘catching up’ modernization could be also traced at the time. There was some rise of modernization efforts under the influence of the Napoleonic wars but it was not large due to the positive result of the Patriotic war of 1812 and the Foreign campaign of 1813–1814 as far as Russia was concerned.

The situation significantly changed in the middle of the 19th century when the Russian empire suffered a serious defeat in the regional conflict, the Crimean war. Despite the fact that Russia’s main opponent in that military conflict was Turkey – an eastern traditional country – its participation in the war was formal, in fact. The main opponents of the Russian empire were Great Britain and France; their successful efforts in modernization processes at the given period did not cause any doubt.

Social modernization associated firstly with the abolition of serfdom prevailed in Russia. This resulted in the further active economic development and the initial stage of religious transformations in the peasantry’s mentality. However, political changes at the time were slowed down by the reforms of Alexander III.

So, the mobilization type of modernization processes, a wave rise of efforts on the way of transition from the traditional society to the modern one can be traced once again; as for the impact of the Crimean war as a stimulating factor for the abolition of serfdom, it is not rejected by historians, as a rule.

The next wave of modernization in Russia was encouraged by the Russo-Japanese war. The conflict was mainly local but the defeat of Russia played a big role in that case. By that moment Japan had implemented a national model of modernization following “the Meiji restoration” therefore a conflict with that country can be considered to be an actual “challenge” of the Western civilization. As it is known, the defeat in the war with Japan was one of the causes of the First Russian revolution which resulted in political modernization and the Russian empire transformed into a dual monarchy. Partial modernization was explained by the fact that military acts were local.

World War I gave the greatest impulse to Russian modernization. Even the name of this conflict reflects its geographic scale and conditions of the Treaty of Brest-Litovsk can be regarded as a defeat of Russia. Bolsheviks’ efforts to establish an ideocratic state were of a true mobilization type; a practically 70-year wave of modernization processes began in the Russian state. Industrialization was carried out, social mobility and urbanization reached a high level. However, social mobility was mostly inductive due to general political and ideological directives typical for the USSR. The kleptocratic political system itself and Marxist ideology of different types did not coincide with the industrial/modern society model that is why Soviet modernization can be considered to be divergent.

5. Conclusion

So, the terms “the modernization mechanism’ and “the factor of modernization” must be taken into account when modernization processes are analyzed. The terms are especially relevant for studying a ‘catching up’ type of modernization. The history of Imperial Russia, which developed according to this type, is characterized by a military factor as an initiating element of modernization processes. Wars in this case are “challenges” of the West to the Russian (Slavonic) civilization and responses are modernization efforts of the Russian state. All these factors stipulated the Russian modernization mechanism, i.e. the mobilization mechanism encouraged by “challenges” of the West which consequently had a wave type.

References

[Aleksееva, 2012](#) – *Alekseeva E. V. (2012). Vneshnie faktory rossiiskikh modernizatsii: istoriya i sovremennost' [External factors of Russian modernization processes: history and modernity] // Istoricheskii opyt rossiiskikh modernizatsii XIX–XXI vekov: spetsifika regional'nogo razvitiya: sb. statei [The historical experience of Russian modernization processes during XIX-XXI centuries: peculiarities of regional development: collected works] / edited by A.S. Bushuev. Kazan. pp. 14-27. [in Russian].*

[Buranchin, 2011](#) – *Buranchin A. M. (2011). Traditsionnoe obshchestvo i modernizatsiya: teoretiko-metodologicheskii aspekt [The traditional society and modernization: a theoretical and methodological*

- aspect], available at: <http://against-postmodern.org/buranchin-traditsionnoe-obshchestvo-i-modernizatsiya-teoretiko-metodologicheskii-aspekt> (accessed 25.09.2017). [in Russian].
- Eisenstadt, 2001** – Eisenstadt S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus: Winter*. Vol. 129. No. 1. pp. 1–29.
- Fedotova, 2016** – Fedotova V. G. (2016). Modernizatsiya i kul'tura [Modernization and culture]. M.: Progress-Traditsiya. 336 p. [in Russian].
- Fourie, 2012** – Fourie E. (2012). A Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory. *Social Science Information*. No. 51 (1). pp. 52-69. DOI: 10.1177/0539018411425850.
- Gavrov, 2004** – Gavrov S. N. (2004). Modernizatsiya vo imya imperii: Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii [Modernization in the name of the empire: socio-cultural aspects of modernization processes in Russia]. M.: Editorial URSS. 352 p. [in Russian].
- Huntington, 2016** – Huntington S.P. (2016). The clash of civilizations? *Culture and Politics: A Reader*. Edited by Lane Crovers and Charles Lockhart. NY: St. Martin's Press. pp. 99-118.
- Kalkhun, 2006** – Kalkhun K. (2006). Teorii modernizatsii i globalizatsii: kto i zhem ikh pridumyval: lektsiya, pročitannaya 17.01.2006 g. v ramkakh proekta «Russkie chteniya» [Theories of modernization and globalization: who established them and why: a lecture given on January 17, 2006 as a part of the project “Russian readings”], available at: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc> (accessed 25.09.2017). [in Russian].
- Kapustin, 2001** – Kapustin B. G. (2001). Konets «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletija) [Is it the end of “transitology”? (About the theoretical interpretation of the first Postcommunist decade)]. *Polis*. No. 4. pp. 6-26 [in Russian].
- Kononov i dr., 2014** – Kononov A. A., Tomazov M. S., Bun'kova Yu. V. (2014). Kontsept gosudarstvennosti i politicheskaya kul'tura imperskoi Rossii na rubezhe XVIII-XIX vv. [The concept of state system and political culture of Imperial Russia at the end of the 18th the beginning of the 19th centuries]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No 1. Part 2. pp. 97-103 [in Russian].
- Kostyuk** – Kostyuk K. N. Arkhaika i modernizm v rossiiskoi kul'ture [Antiquity and modernity in Russian culture], available at: <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99kost.html> (accessed 25.09.2017). [in Russian].
- Kozhevnikova, 2011** – Kozhevnikova L. M. (2011). Rol' krest'yanskoi obshchiny v agrarnoi istorii i sud'be Rossii [The role of peasants' community in the history and destiny of Russia]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No 7 (13). Part 3. pp. 85-90 [in Russian].
- Krasil'shchikov, 1993** – Krasil'shchikov V. A. (1993). Modernizatsiya i Rossiya na poroge XXI veka [Modernization in Russia at the turn of the 21st century]. *Issues of Philosophy*. No 7. pp. 40-56 [in Russian].
- Poberezhnikov, 2014** – Poberezhnikov I. V. (2014). Teorii modernizatsii [Theories of modernization] / Teorija i metodologija istorii [Theory and methodology of history] / edited by V. V. Alekseev, N. N. Kradin, A.V. Korotaev, L. E. Grinin. Volgograd: Uchitel'. pp. 133-152 [in Russian].
- Porshneva, 2000** – Porshneva O. S. (2000). Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoi mirovoi voiny (1914 – mart 1918) [Mentality and social behaviour of workers, peasants and soldiers of Russia during World War I (1914-March of 1918)]. Ekaterinburg: ROSSPAN. 416 p. [in Russian].
- Samokhin, 2017** – Samokhin K. V. (2017). «Takaya raznaya modernizatsiya!»: tipologii modernizatsionnogo razvitiya v sovremennykh rossiiskikh issledovaniyakh [“What a different type of modernization!”: typology of modernization development in modern Russian studies]. *Tambov University Review. Series: Social Sciences*. Vol. 3. Issue 3 (11). pp. 11-17 [in Russian].
- Sztompka, 2015** – Sztompka P. (2015). Modernization as social becoming: 10 theses on modernization. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited* / edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co. pp. 25-31. DOI: 10.1142/9789814616072_0003.
- Toynbee, 2006** – Toynbee A. J. (2006). Issledovanie istorii [A study of history]. In 3 volumes / Translated from English, foreword and comments by K. Ya. Kozhurin. Spb. Vol. 1. 408 p. [in Russian].
- Toynbee, 1985** – Toynbee A. J. (1987). A study of history. Abridgement of volumes VII-X by D.C. Somervell. V. 2. NY, Oxford: Oxford University Press. 414 p.
- Toffler, Toffler, 1995** – Toffler A., Toffler H. (1995). War and Anti-War: Making Sense of Today's Global Chaos. NY: A Time Warner Company. 370 p.
- Tolkovyi slovar', 1938** – Tolkovyi slovar' russkogoazyka (1938). [The definition dictionary of the Russian language] / edited by B. M. Volin and D. N. Ushakov. In 4 volumes. Vol. II. M. 1040 p. [in Russian].
- Tolkovyi slovar', 1940** – Tolkovyi slovar' russkogoazyka (1940). [The definition dictionary of the Russian language] / edited by B. M. Volin and D. N. Ushakov. In 4 volumes. Vol. IV. M. 1472 p. [in Russian].
- Voennyi entsiklopedicheskii slovar', 2001** – Voennyi entsiklopedicheskii slovar' (2001). [The military encyclopaedic dictionary]. Vol. 1. M.: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya. 848 p. [in Russian].
- Volkovsky, 2003** – Volkovsky N. L. (2003). Istoriya informatsionnykh voyn [The history of information wars]. In 2 parts. Part 1. Spb.: Polygon. 736 p. [in Russian].

УДК 930.2

Военный фактор и мобилизационно-волновой механизм как главные характеристики модернизации России имперского периодаКонстантин Владимирович Самохин^{a, *}, Людмила Юрьевна Королева^a^a Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Теория модернизации является активно обсуждаемым дискурсом в социально-гуманитарных исследованиях на современном этапе. Однако ее категоричный аппарат разработан недостаточно. В частности, нет четко определенных значений для таких понятий, как «механизм модернизации» и «фактор модернизации».

Цель статьи состоит в том, чтобы через рассмотрение современных трактовок выше названных терминов выработать авторский взгляд на их сущность, а также выявить главные характеристики данных понятий для анализа модернизационных процессов в России XVIII – начала XX века. В основе методологии работы лежит теория модернизации. Несмотря на существующий плюрализм мнений по поводу ее сути авторы придерживаются классического понимания модернизации как перехода от традиционного (аграрного) общества к современному (индустриальному) и приводят аргументы в пользу именно такого подхода при рассмотрении истории Российского государства в имперский период.

Авторы соглашаются с большинством исследователей в том, что модернизация в России имела догоняющий характер. При детальном рассмотрении механизм этого процесса определяется как мобилизационно-волновой. В статье доказывается, что в XVIII – начале XX века модернизационные процессы в Российском государстве вызывались Западной цивилизацией при помощи военных конфликтов. При этом анализу были подвергнуты последствия Северной, Наполеоновских, Крымской, Русско-японской и Первой мировой войн для развития Российской империи. Сделан вывод о том, что модернизационные процессы в России имели в качестве главной особенности асинхронность. При этом тренд их развития смещался от экономико-технологической сферы через социально-политическую к духовной. Это обусловило длительный и проблематичный характер российской модернизации.

Ключевые слова: Российская империя, догоняющая модернизация, фактор модернизации, механизм модернизации, война, мобилизация, волновой механизм, асинхронность.

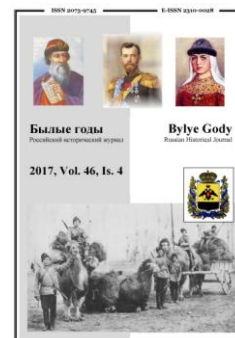
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin), lyu-korolyova@yandex.ru (L.Yu. Korolyova)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1229-1236, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1229
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470.6)18”

The Development of Russia-Mountain People Interaction in the last quarter of XVIII century in the Context of Factors, Prospective and Problems of Integrating of Mountain People into Imperial State System

Boris V. Vinogradov ^{a, *}

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the factors and circumstances of the development of Russia-mountain people interaction in the last quarter of XVIII century in the context of the necessity for the Russian part of gradual integrating of mountain people communities into imperial state system. These perspectives were connected with the transforming of Russia into a powerful rival in struggle of foreign policy against the Ottoman Empire and Iran for the Caucasus in which the important role is given to the liquidation of the Crimean Khanate in 1783. It is precisely this factor that to a large extent caused the efforts of the Russian administration shortly thereafter to fill the issue of mountain people citizenship with concrete content which was manifested in “integration projects”. Despite the problems with their fulfillment they indicate the constant search of optimal models of interaction with mountain people form the part of Russia in the process of forming the Russian North Caucasus.

Keywords: Russia- mountain people interaction, separation of the Crimean Khanate, citizenship oath, socio-cultural development of the mountain peoples, the process of Islamization of mountain people, integrating of mountain people into Russian state system, Russian North Caucasus.

1. Введение

Актуальность исследования определяется тем, что деятельность России на Северном Кавказе, возможности, перспективы и проблемы которой обуславливались комплексом внешнеполитических и региональных факторов и обстоятельств, по-прежнему находится в процессе пристального историографического анализа. Органично и неразрывно связанная с процессом российско-горского взаимодействия, политика российского государства в регионе имела в своем развитии динамику, опять-таки, предопределяемую совокупностью обстановки на Кавказе и вокруг него. Объект исследования – процесс российско-горского взаимодействия в последней четверти XVIII в. Предмет исследования – российское видение методов и перспектив интегрирования горских сообществ в имперскую государственную систему в исследуемый период.

2. Материалы и методы

Исследование предусматривало обращение к документам Российского Государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи, ряду сборников документов и материалов: Актам Кавказской археографической комиссии (*Акты...*, 1866), «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» (*Кабардино-русские...*, 1957), «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.» (*Русско-дагестанские...*, 1988).

Проблема исследования сформулирована и анализируется в рамках принципов историзма и объективности, как основополагающих в современной отечественной исторической науке.

* Corresponding author

E-mail addresses: vinogradov.b@mail.ru (B.V. Vinogradov)

Комплексно применялись историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный методы, одни из наиболее используемых из специальных исторических методов, что позволило стремиться к всестороннему анализу заявленной проблематики.

3. Обсуждение

Различные аспекты российской политики на Северном Кавказе во второй половине XVIII в., российско-горских взаимоотношений и «стадиальных» реалий горских сообществ освещались в трудах как дореволюционных (Броневский, 1823; Фадеев, 1860; Бутков, 1869; Дубровин, 1886), так и советских. Для первых было характерно приоритетное внимание к военно-политической составляющей российско-горского взаимодействия, в том числе – в контексте внешних войн, обусловленных противоборством за Кавказ России, Османской империи и Ирана. Вместе с тем, для представителей дворянского кавказоведения (многие из которых являлись генералами российской армии, служившими на Кавказе) был свойственен интерес и к социокультурным реалиям северокавказских горских сообществ, оказывавшим влияние на возможности и проблемы осуществления российской политики в регионе. Анализируя тенденции, присущие советскому кавказоведению, необходимо отметить, что оно в период своего становления рассматривало специфику российско-северокавказских взаимоотношений сквозь призму политизированных и догматизированных суждений о колониальной сущности политики царской России на Кавказе (как, впрочем, и на всех «иноэтнических» территориях, включаемых в состав российского государства), что породило соответствующую историографическую традицию, распространившуюся в части оценочного понятийно-терминологического аппарата на последующие десятилетия его развития. В данном контексте проекты российских властей по мирному интегрированию горцев в имперскую государственно-правовую систему довольно долго оставались большей частью «за кадром» исследовательского внимания, несмотря на то, что отказ от концепции «абсолютного зла» в оценке включения нерусских народов в состав России обусловил анализ прогрессивных последствий присоединения Северного Кавказа к России и изучение фактора добровольности в данном процессе.

Необходимо отметить, что углубленное внимание советской исторической науки к социально-экономической проблематике вообще, и применительно к горским позднесредневековым сообществам – в частности, привело к не нашедшей свое завершение историографической дискуссии об отличиях «горского феодализма» от западноевропейских и русско-российских образцов (Анчабадзе, Робакидзе, 1971; Виноградов, 1981).

Процесс развала Советского Союза обусловил для немалой части историков-кавказоведов фактический возврат к постулатам концепции «абсолютного зла», обличениям «колониальной политики России» и апологетике «народно-освободительного движения горцев». При наличии различных оценок политики России на Северном Кавказе и региональной этносоциальной специфики развернулась «Кавказская война историографий», некоторые тенденции к преодолению которой проявляются в научном кавказоведении последних лет.

Современные российские кавказоведы, в частности, обращают внимание на роль академической науки XVIII–XIX вв. в складывании российского Северного Кавказа (Колесникова, 2016). В данном смысле дополнительного исследовательского анализа требует достаточно дискуссионное причисление таких представителей дворянского кавказоведения как С.М. Броневский, П.Г. Бутков, И.Ф. Бларамберг, Д.И. Романовский, генералов российской армии, к либеральному направлению в отечественной историографии (Zhurtova et al., 2017). Значимым сюжетом является анализ общего понимания высшей российской властью целей кавказской политики (Великая, 2016). В контексте по-прежнему имеющего место в историографии интерпретирования времени и событийной составляющей начала «Кавказской войны» видится важным исследование российско-турецких взаимоотношений в конце XVIII – начале XIX в. применительно к проблеме набегов западных адыгов в российские пределы (Rajović et al., 2017). Широкий спектр проблем российско-горского взаимодействия в XVIII в. был проанализирован в публикациях автора данной статьи (Виноградов, 2005; Виноградов, 2009; Виноградов, 2012). В некоторых из них нашел свое отражение и фактор Крымского ханства в развитии региональной обстановки (Виноградов, Приймак, 2016).

В разрезе сопоставления поведенческих норм, принятых в горских позднесредневековых этносоциальных сообществах с соответствующими правовыми и социокультурными представлениями, распространенными в обществе государственного уровня развития, интересным видится анализ составляющих «опасного состояния личности» (Safronova, Loba, 2014).

Как и ранее, в целом негативные оценки по отношению к методам российской политики на Кавказе преобладают в работах зарубежных («западных») историков (Баддели, 2011; Ходарковский, 2016).

4. Результаты

Вторая половина XVIII в., в силу обозначившегося положения Российской империи в качестве сильнейшей стороны во внешнеполитической борьбе за регион с Османской империей и Ираном, ознаменовалась для нее необходимостью укрепления своих позиций во взаимоотношениях с горскими народами Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Довольно многие из них в это время

в результате принимаемых присяг уже состояли в российском подданстве, причем – как с «международным признанием» последнего (как то в случае с Кабардой, по обстоятельствам договоров 1772 и 1774 гг. с Крымским ханством и Османской империей соответственно), так и без оно – в контексте продолжавшегося внешнеполитического противоборства.

Особое, «факторное» значение для усиления позиций России на Кавказе имел 1783 г., ознаменовавшийся разделом Крымского ханства между Россией и Османской империей и российским протекторатом над Восточной Грузией (Виноградов, Приймак, 2016: 68–69). Именно он определил Россию в качестве сильнейшей стороны в противоборстве за Кавказ и Турцией и Ираном и обусловил для российских властей необходимость придания подданству северокавказских горцев по возможности конкретного содержания, которое бы способствовало процессу их интегрирования в имперскую государственную систему.

Как известно, российское «подданство» горских народов, объективно будучи результатом взаимной заинтересованности, «взаимного притяжения», существеннейшим образом отличалось от общероссийского «подданнического стандарта», существовавшего в условиях функционирования управленческих механизмов феодально-абсолютистской монархии. Значительная «стадиальная» (если использовать понятийно-терминологический аппарат унитарно-стадиального подхода к историческому развитию) разница между субъектами российско-горского взаимодействия в принципе не позволяла российским властям распространять на них общеимперские «подданнические конструкции». Тем более, что горский традиционализм, сложно совместимый с привнесением в него «внешних» социокультурных и правовых элементов, обладал известной «иммунностью» к ним, немалой самодостаточностью.

Тем не менее, в сложившихся в результате характера итогов осmano-российской войны 1768–1774 гг., фактора раздела в 1783 г. Крымского ханства и присоединения большей его части к России и начала проникновения ее в Закавказье (установление протектората над Восточной Грузией в том же 1783 г.), в новых региональных реалиях российские власти были явно заинтересованы в придании горскому подданству того конкретного содержания и «наполнения», которое бы, при продолжении политики «ласканий», стабилизировало бы и местную обстановку в части преодоления междоусобиц, набеговой экспансии (в том числе – в российские же пределы) и обеспечения стабильной российской внешнеполитической ориентации. Решение данной задачи наталкивалось на целый ряд региональных особенностей, ему не способствовавших. Так, наличие и расширение на Северном Кавказе системы российских укреплений, коммуникаций и поселений в рамках возводимой Кавказской линии, являясь нередко фактором позитивного притяжения для некоторых горских народов, стало, одновременно весьма «материально» притягательным объектом для набеговых предприятий горцев. Тем более что завершение процесса исламизации у предгорно-плоскостных чеченцев и в Кабарде стало придавать набеговой практике, и в предшествующее время – социально престижной и прибыльной, черты идейной освященности в контексте борьбы с «неверными».

Преодоление же горских усобиц (вполне закономерных в условиях преобладания в регионе маскулинных ценностей) как важный аспект обозначенной широкомасштабной задачи был сопряжен с такими объективными трудностями «факторного» значения, как то и уже упомянутое завершение процесса исламизации у ряда горских сообществ, и сложность для российских властей выступать «стороной» или даже посредником в горских усобицах. Традиционная «подвижность» и ситуативность внешнеполитической ориентации горских сообществ «в разрезе» фактора усобиц приобретала довольно устойчивую тенденцию: если одна сторона конфликта апеллировала к России и находила ту или иную поддержку, то другая – искала и находила иных покровителей, то есть Османскую империю или Иран. Не отрицая положительные примеры посредничества российских властей в преодолении горских усобиц, следует, все же, отметить, что возможность достижения «прорывных» результатов в данном направлении ограничивалась тем, что в горской среде любые договоренности выполнялись лишь до того момента, когда стороны переставали видеть в них целесообразность в собственном понимании.

Был важен и иной специфический фактор: ослабление для народов региона турецко-крымской угрозы, последовавшая ликвидация Крымского ханства способствовали меньшей их нуждаемости в российской военной помощи и политической опеке. Прежде всего, данная констатация относилась к «нейтральной» с 1739 по 1772–1774 гг. Кабарде.

Вскоре после раздела Крымского ханства Россия последовательно, на протяжении последующих лет XVIII в. инициировала и пыталась апробировать те проекты, которые призваны были интегрировать горских российских «подданных» в имперскую государственную систему, с максимальным для своего понимания учетом их социокультурных реалий. Данное понимание, не будучи, естественно, сколь-нибудь абсолютным, опиралось не только на опыт службы в регионе российских военных администраторов, но и на состояние отечественной академической гуманитарной науки на этапе становления кавказоведения как ее направления (Колесникова, 2016: 109–111). Впоследствии и представителями сложившегося «дворянского кавказоведения» (Броневский, 1823; Бутков, 1869; Фадеев, 1860; Дубровин, 1886), и советской исторической науке было совсем не просто разобраться с оценкой социально-экономической и культурной специфики народов Северного

Кавказа в широком хронологическом диапазоне, как при условии постановки данной исследовательской задачи, так и без подобного целеполагания.

Часто считается, что согласно следованию формационной теории как историософской и методологической основе для советской исторической науки, именно представители советского кавказоведения стали рассматривать горские средневековые сообщества в качестве феодализирующихся или даже феодальных, во многом – за неимением возможности «определить» их в иную стадию марксистской «пятичленки». Однако распространение на уклад горцев элементов «феодального» понятийно-терминологического аппарата прослеживалось еще в трудах дворянских кавказоведов (См. об этом: [Виноградов, 2012: 29–30](#)), взгляды и опыт которых были наиболее хронологически близки к исследуемому нами периоду в российско-горском взаимодействии в процессе складывания российского Северного Кавказа.

В процессе развития советского кавказоведения был поставлен не нашедший окончательных ответов вопрос о существовании «кавказского горского феодализма» ([Анчабадзе и др., 1971: 56–59](#); [Виноградов, 1981: 35, 48](#)), что предполагало его значительные несовпадения с соответствующей европейской и российской классикой. Между тем, закрепившееся в советской историографии наречение горской знати феодалами не может не вызывать вопросы в контексте недостаточной сформированности собственно феодальной собственности на землю и количественного соотношения свободного и зависимого населения в горских позднесредневековых сообществах. В данном смысле весьма спорным представляется и именованье рядовых горцев крестьянством, так как крестьянство – земледельческое феодально зависимое население с набором поведенческих и мировоззренческих характеристик, достаточно далеких от соответствующих горских традиций и ценностей.

Утвердившийся на постсоветском историографическом пространстве «исторический плюрализм» (в историософском и методологическом его понимании) привел к не всегда мирному сосуществованию различных подходов и оценок характера социокультурного бытия горских позднесредневековых сообществ.

Совершенно естественно, что накопленный за последующие два с лишним столетия опыт кавказоведческих изысканий был недоступен для российских администраторов последней четверти XVIII в.

К обусловленным «фактором 1783 года» российским проектам по интегрированию горских сообществ имперскую государственную систему, приданию их «подданству» по возможности конкретного содержания необходимо отнести, прежде всего, относящуюся к 1784 г. попытку причисления горской знати к российскому дворянству ([РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. IX. Л. 370–371; Документы и материалы..., 1957: 365–367](#)), екатерининский рескрипт 1786 г. «об учреждении войска из горских народов» ([Русско-дагестанские..., 1988: 198–200](#); [Кабардино-русские..., 1957: 364–365](#)), введение элементов российской судебной системы в Кабарде ([РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. IX. Л. 40–42](#)), планы по «федерализации» владетелей Восточного Кавказа ([Дубровин, 1886: 199–200](#); [Бутков, 1869: 298](#)) и частичной апробации в среде горского населения российского гражданского управления, разрабатывавшиеся в правление Павла I ([АВПРИ. Ф. 118. Оп. 118/1. Д. 19. Л. 2; Акты..., 1866: 727–731; Дубровин, 1886: 203](#)).

Все перечисленные проекты и планы российской стороны были объединены одной целью – установлением «тишины и покоя» в регионе при условии службы и повиновения местных горских подданных императорам и государству ([Великая, 2016: 24](#)). Степень учета в них специфических горских социокультурных реалий, проблем и перспектив воплощения в конкретных исторических условиях были проанализированы в некоторых наших работах ([Виноградов, 2005: 115–117, 144–148, 165–173, 189–249](#); [Виноградов, 2009: 56–88](#); [Виноградов и др., 2016: 87–89, 97–101, 118–125, 142–158](#)) но требуют дальнейшего осмысления.

В данном смысле необходимо отметить, что, несмотря на некоторые нюансы, подходы Екатерины II и Павла I к приданию горскому «подданству» конкретного, и одновременно, адаптированного к местным реалиям содержания, стабилизации обстановки в регионе, имели много черт последовательности в рамках продолжавшейся политики «ласканий» горцев. Тем не менее, все «интегративные проекты», в степени большей или меньшей, наталкивались на те факторы социального уровня позднесредневековых горских сообществ, которые были недостаточно осознаваемы российскими властями. Это имело место в случае с попыткой причисления горской знати к российскому дворянству в 1784 г. и с планом «федерализации» владетелей Восточного Кавказа, инициированным Павлом I в 1797 г.). Первый из обозначенных «интегративных проектов» предполагал наличие в среде горской знати того социального слоя (собственно дворянства), которого не могло быть в условиях раннефеодальных отношений, сосуществовавших со значительным сегментом патриархального уклада, в контексте преобладания норм обычного права (адатов) в горских этносоциальных сообществах. Представляется, что не выдерживает критики именованье социально-политического бытия последних феодальной раздробленностью (что равнозначно сложившимся феодальным отношениям), несмотря на довольно обширную историографическую традицию на сей счет, так как большая часть «квалификационных признаков» развитого феодализма не выдерживают сопоставлений с местной социокультурной реальностью. Обращает на себя внимание и то, что дворянство как сформировавшийся и социально значимый слой населения – есть

своеобразный атрибут движения к централизованному государству, или уже «жизни» централизованного государства. По крайней мере, европейский и русско-российский исторический опыт свидетельствуют в пользу подобной трактовки. Вместе с тем, найти в северокавказской горской среде хоть какие-то признаки движения к централизованному государству в условиях до- или полугосударственной обстановки невозможно.

Кроме прочего, проект 1784 года предусматривал письменное подтверждение владельческих прав горской знати, с чем, естественно возникали недвусмысленные проблемы. Существовал и еще один значимый нюанс: среди социальных элит горских этнических сообществ наблюдались собственные иерархические соотношения, а постановка их под единый «русский знаменатель» эти соотношения бы нарушало. Прежде всего это было невыгодно кабардинским князьям, и без того к этому времени регулярно конфликтовавшим с российскими властями, так как кабардинская знать была не заинтересована в распространении российского влияния на зоны собственного доминирования на Центральном Кавказе.

Высокая степень децентрализованности горских раннефеодальных образований (что отнюдь не равнозначно феодальной раздробленности) в совокупности с надвигающимся движением под предводительством шейха Мансура объективно не оставляли шансов на воплощение анализируемого проекта.

Инициированный в 1797 г. Павлом I проект создания пророссийской «федерации» владетелей Восточного Кавказа сам по себе свидетельствовал в пользу того, что высшая российская власть стремилась стабилизировать местную обстановку посредством прекращения «усобиц» при максимально возможном военном невмешательстве России в дела замышляемой федерации, в том числе – в деле отражения внешней угрозы со стороны Ирана. Однако вариант вовлечения в «федеративную структуру» и владетелей Дагестана, и ханов Северного Азербайджана (а в изначальном виде проекта – и Картли-Кახетинского царства) не мог не обуславливать существование проблем специфического свойства, а то различный уровень социально-политического развития субъектов федерализации, конфессиональные противоречия между суннитами и шиитами, трудность обеспечения прекращения «усобиц». Не менее сложно было добиться и прекращения систематических грабительских нападений на Восточную Грузию (Картли-Кახетию) со стороны Дагестана. Приведенный комплекс факторов и обстоятельств приведет, в конечном итоге, к довольно формальной реализации «федеративного проекта» уже при Александре I в 1802 г. в тех условиях, когда Восточная Грузия уже будет находиться в составе России, а характерная для русских властей на протяжении ряда десятилетий политика «ласканий» горцев начнет заходить в тупик – уже в контексте того, что российские границы будут находиться на Южном Кавказе.

Видимые элементы пассивного сопротивления попыткам России придать горскому подданству конкретное содержание прослеживаются в отношении кабардинской знати к плану Екатерины II «учредить войско из горских народов» (1786 г.), то есть привлечь горские ополчения к охране отведенных им «дистанций» Кавказской линии (заметим, что на весьма возмездной основе). Кабардинцы не желали вставать на охрану положенных им «дистанций», и выдвигали собственные контрпредложения, которые во многом сводили на нет цели и смысл соответствующего екатерининского рескрипта. Кроме того, сбор кабардинского ополчения всячески затягивался под любыми предлогами. Касательно осетин и ингушей, которых российские власти тоже планировали вовлечь в «войско», то они, видимо, опасались варианта обострения отношений с чеченцами, набеги которых они должны были отражать в рамках воплощения проекта.

Наиболее объемно и рельефно сопротивление исходящим от российской стороны нововведениям проявилось в случае с введением элементов российского судопроизводства в Кабарде (1793 г.), повлекшим за собой «шариатское движение», объективно направленное на общий подрыв позиций России в регионе. Контекстом последнего обострения обстановки было то, что кабардинская знать, избавленная силой российского оружия и дипломатии от ранее существовавших опасных «внешних вызовов» со стороны Крымского ханства и Османской империи, при условии окончательной исламизации Кабарды и присутствия опыта антироссийских выступлений под исламскими лозунгами (участие в движении шейха Мансура в 1785–1786 гг.) все более становилась незаинтересованной и в собственном, фактически ею не воспринимаемом, российском подданстве, и в самом масштабном военно-политическом присутствии России в регионе.

Несколько особняком в плане оценивания стоит попытка введения элементов гражданского управления горскими народами: она, судя по архивным документам, не вызвала видимого сопротивления горцев и предполагала значительную адаптированность к их социально-правовым традициям в части предлагаемой модели судопроизводства. Однако представляется, что на ее реализацию объективно было отпущено мало времени в условиях последующей динамики русско-горского взаимодействия, постепенного исчерпывания в начале XIX в. ресурсов и эффективности политики «ласканий» горцев в новых реалиях овладения Россией значительными территориями в Закавказье.

5. Заключение

Имевшая место на протяжении первой половины – середины XVIII в. и предшествующих полутора веков, обусловленная внешнеполитическими и региональными факторами и обстоятельствами, динамика российско-горского взаимодействия потребовала от российских властей в последней трети XVIII в. мер по приданию подданству горских народов того содержания, которое способствовало бы их постепенному интегрированию в российскую государственную систему и стабилизации региональной обстановки. Для России «магистральным» побудительным мотивом к этому выступил фактор значительного ее усиления на Кавказе в 1783 г. вследствие раздела Крымского ханства и установления протектората над Восточной Грузией, и можно считать, что последовавшие вскоре «интегративные проекты» были во многом данным фактором обусловлены. Однако все они, основанные на приоритете мирных методов «привлечения» горских подданных в рамках политики «ласканий», были, в большей или меньшей мере, отмечены неизбежно неполным знанием российскими администраторами тех горских социокультурных реалий, которые не способствовали или даже противодействовали воплощению соответствующих интегративных планов, в частности – в новой обстановке на Северном Кавказе и вокруг него. Горские этносоциальные сообщества, в принципе довольно «иммунные» к привнесению в свою среду внешних социально-политических конструкций и ценностей, в условиях ослабления внешней угрозы, в ряде случаев – удовлетворившись выгодами, последовавшими от принятия формального подданства российской империи, становились менее заинтересованными в российской опеке или даже в самом масштабном присутствии России на Северном Кавказе. В данном контексте и в свете завершения процесса исламизации у ряда горских народов возникает собственное видение сценария развития местной обстановки.

Тем не менее, исходившие от российской стороны в последней четверти XVIII в. «интегративные проекты» – свидетельство постоянного поиска российскими властями оптимальных моделей взаимоотношений с горцами, несводимости политики России на Кавказе к завоеванию последнего в рамках колониальной экспансии.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 17-11-23007 а(р) «Политические и социокультурные процессы формирования северокавказской и причерноморской окраин России (конец XVII в. – 1783 г.)».

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Акты..., 1866** – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866. Т. 1. 816 с.
- Анчабадзе, Робакидзе, 1971** – Анчабадзе З.В., Робакидзе А.И. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // *Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам исследований в 1970 г.* Тбилиси, 1971. С. 56–59.
- Баддели, 2011** – Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. М., 2011. 351 с.
- Броневский, 1823** – Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. 465 с.
- Бутков, 1869** – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Т. 1–3.
- Великая, 2016** – Великая Н.Н. Об особенностях политического взаимодействия российского государства с горцами Северного Кавказа в XVIII веке // *Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона.* Армавир; Ставрополь, 2016. С. 22–30.
- Виноградов, 1981** – Виноградов В.Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // *Вопросы истории.* 1981. № 1. С. 35–50.
- Виноградов, 2005** – Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005. 384 с.
- Виноградов, 2009** – Виноградов Б.В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII–XIX в. Славянск-на-Кубани, 2009. 138 с.
- Виноградов, 2012** – Виноградов Б.В. К проблеме стадийного уровня развития и наличия государства у позднесредневековых адыгов в современных исследованиях // *Вестник МГОУ.* № 3 (49). М., 2012. С. 29–37.
- Виноградов, Приймак, 2016** – Виноградов Б.В., Приймак Ю.В. Энополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.). Армавир, 2016. 186 с.
- Дубровин, 1886** – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В VI т. СПб., 1886.

Кабардино-русские..., 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957. Том II. XVIII в. 423 с.

Колесникова, 2016 – Колесникова М.Е. Изучение Северного Кавказа как фактор включения его в интеллектуальное пространство России в XVIII – XIX вв. // *Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24–25 ноября 2016 г.* Пятигорск, 2016. С. 109–111.

РГАДА: Российский государственный архив древних актов.

Русско-дагестанские..., 1988 – Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. М., 1988. 357 с.

Сафронова, Лоба, 2014 – Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права.* 2014. № 3. С. 10–17.

Фадеев, 1860 – Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 623 с.

Ходарковский, 2016 – Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М., 2016. 232 с.

Zhurtova et al., 2017 – Zhurtova A.A., Kuzminov P.A., Konovalov A.A., Muratova E.G. The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII – XIX centuries // *Bylye Gody.* №45(3). pp. 776–784.

Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. Circassia in the Russian-Turkish Relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries // *Bylye Gody.* №45(3). pp. 803–810.

References

AVPRI – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii. [Foreign Policy Archive of the Russian Empire] [in Russian].

Acts..., 1866 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej. [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Tiflis, 1866. Vol. 1. 816 p. [in Russian].

Anchabadze, Robakidze, 1971 – Anchabadze Z.V., Robakidze A.I. (1971). K voprosu o prirode kavkazskogo gorskogo feodalizma. [To the issue of the nature of the Caucasian mountain feudalism]. *Handout of the reports of the All-Union session devoted to the results of the research in 1970.* Tbilisi, 1971. pp. 56-59 [in Russian].

Baddeli, 2011 – Baddeli D. (2011). Zavoevanie Kavkaza russkimi. [Conquest of the Caucasus by the Russians]. Moscow, 2011. 351 p. [in Russian].

Bronevski, 1823 – Bronevski S. (1823). Novejšie geograficheskie i istoricheskie svedeniya o Kavkaze. [The latest geographic and historical information about the Caucasus]. Moscow, 1823. 465 p. [in Russian].

Butkov, 1869 – Butkov P.G. (1869). Materialy dlja novej istorii Kavkaza s 1722 po 1803 g. [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803]. St. Petersburg, 1869. Vol. 1-3. [in Russian].

Velikaya, 2016 – Velikaya N.N. (2016). Ob osobennostjah politicheskogo vzaimodejstvija rossijskogo gosudarstva s gorcami Severnogo Kavkaza v XVIII veke. [On the peculiarities of the political interaction of the Russian state with the North Caucasus mountain people in XVIII century]. *The Russian North Caucasus: the problems of formation, materials for the historical and archaeological study of the region.* Armavir; Stavropol, 2016. pp. 22-30 [in Russian].

Vinogradov, 1981 – Vinogradov V.B. (1981). Genezis feodalizma na Central'nom Kavkaze. [Genesis of feudalism in the Central Caucasus]. *Questions of history.* 1981. № 1. pp. 35-50 [in Russian].

Vinogradov, 2005 – Vinogradov B.V. (2005). Specifika rossijskoj politiki na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg. [Specificity of Russian policy in the North Caucasus in 1783-1816]. Slavyansk-on-Kuban, 2005. 384 p. [in Russian].

Vinogradov, 2009 – Vinogradov B.V. (2009). Integrativnye proekty i dezintegrirujushhie faktory v rossijsko-severokavkazskih vzaimootnoshenijah konca XVIII–XIX v. [Integration projects and disintegrating factors in the Russian-North Caucasian relations of the late XVIIIth – XIXth centuries]. Slavyansk-on-Kuban, 2009. 138 p. [in Russian].

Vinogradov, 2012 – Vinogradov B.V. (2012). K probleme stadial'nogo urovnja razvitija i nalichija gosudarstva u pozdnesrednevekovyh adygov v sovremennyh issledovanijah. [To the problem of the stage development level and the presence of the state in late medieval Adyghe in modern studies]. *Vestnik of MSRU.* №3 (49). М., 2012. pp. 29-37 [in Russian].

Vinogradov, Priymak, 2016 – Vinogradov B.V., Priymak Yu.V. (2016). Jenopoliticheskaja situacija na Severnom Kavkaze v kontekste prisoedinenija k Rossii Krymskogo hanstva (1772–1829 gg.). [The ethnopolitical situation in the North Caucasus in the context of the annexation of the Crimean Khanate to Russia (1772-1829)]. Armavir, 2016. 186 p. [in Russian].

Dubrovin, 1886 – Dubrovin N.F. (1886). Istorija vojny i vladychestva russkih na Kavkaz v VI tomah. [The history of the war and domination of Russians in the Caucasus in VI volume.]. St. Petersburg, 1886. [in Russian].

Zhurtova et al., 2017 – Zhurtova A.A., Kuz'minov P.A., Konovalov A.A., Muratova E.G. (2017). Problema rossijsko-kavkazskogo istoricheskogo vzaimodejstvija v otechestvennoj liberal'noj istoriografii

konca XVIII–XIX vv. [The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries]. *Bylye Gody*. № 45(3). pp. 776 – 784.

Kabardian-Russian..., 1957 – Kabardino-russkie otnoshenija v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. [Kabardian-Russian relations in the XVI-XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes]. Moscow, 1957. Volume II. XVIII century. 423 p. [in Russian].

Kolesnikova, 2016 – *Kolesnikova M.E.* (2016). Izuchenie Severnogo Kavkaza kak faktor vključenija ego v intellektual'noe prostranstvo Rossii v XVIII – XIX vv. [The study of the North Caucasus as a factor of its inclusion in the intellectual space of Russia in the XVIII-XIX centuries] // *Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus – IX proceedings of the regional scientific-practical conference*. Pyatigorsk, 24-25 November 2016. Pyatigorsk, 2016. pp. 109-111 [in Russian].

Rajović et al., 2017 – *Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.* (2017). Cherkesija v russko-tureckih vzaimootnoshenijah konca XVIII – nachala XIX vv. [Circassia in the Russian-Turkish Relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries]. *Bylye Gody*. №45(3). pp. 803–810.

RGADA – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] [in Russian].

Russia-Dagestan..., 1988 – Russko-dagestanskije otnoshenija v XVIII – nachale XIX v.: Sbornik dokumentov. [Russia-Dagestan relations in the XVIII-early XIX century: Collection of papers]. Moscow, 1988. 357 p. [in Russian].

Safronova, Loba, 2014 – *Safronova, E.V., Loba, V.E.* (2014). «Opasnoe sostojanie lichnosti» kak kriminologičeskaja kategorija. [Dangerous condition of person as criminal term] // *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 3: 10–17 [in Russian].

Fadejev, 1860 – *Fadeev R.A.* (1860). Šest'desjat let Kavkazskoj vojny. [Sixty years of the Caucasian war]. Tiflis, 1860. 623 p. [in Russian].

Khodarkovsky, 2016 – *Khodarkovsky M.* (2016). Gor'kij vybor: vernost' i predatel'stvo v jepohu rossijskogo zavoevanija Severnogo Kavkaza. [Bitter choice: loyalty and betrayal in the era of the Russian conquest of the North Caucasus]. Moscow, 2016. 232 p. [in Russian].

УДК 94(470.6)“18”

Развитие российско-горского взаимодействия в последней четверти XVIII в. в контексте факторов, перспектив и проблем интегрирования горских сообществ в имперскую государственную систему

Борис Витальевич Виноградов ^{а, *}

^а Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье подвергаются анализу факторы и обстоятельства развития российско-горского взаимодействия последней четверти XVIII в. в контексте необходимости для российской стороны постепенного интегрирования горских сообществ в имперскую государственную систему. Перспективы этого были связаны с превращением России в сильнейшую сторону во внешнеполитическом противоборстве за Кавказ с Османской империей и Ираном, в чем важную роль имела ликвидация Крымского ханства в 1783 г. В значительной мере именно данный фактор обусловил вскоре последовавшие попытки российской администрации придать подданству горцев конкретное содержание, выразившиеся в соответствующих «интегративных проектах». Несмотря на проблематичность их воплощения, они свидетельствуют о постоянном поиске российской стороной оптимальных моделей взаимодействия с горцами в процессе складывания российского Северного Кавказа.

Ключевые слова: российско-горское взаимодействие, раздел Крымского ханства, подданнические присяги, социокультурное развитие горских народов, процесс исламизации горцев, интегрирование горцев в российскую государственную систему, российский Северный Кавказ.

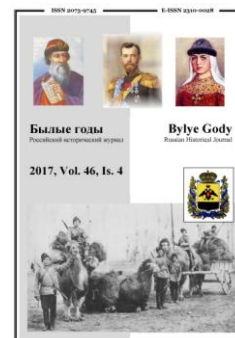
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vinogradov.b@mail.ru (Б.В. Виноградов)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1237-1243, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1237
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century

Aleksandr A. Chursin ^{a,*}, Aleksandr S. Semenov ^a, Tatyana V. Kokuitseva ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The article examines the combat use of missiles in the Caucasus in the XIX century. The attention is paid to the history of rocket weapons, its evolution and adaptation to the regional terms of warfare.

As materials there were used the special literature, scientific publications, dissertations as well as memoirs and works of combatants – the participants of military operations in the Caucasus.

Traditional for research of this kind, the principles of historicism, objectivity, and chronological, probabilistic-statistical and comparative methods are the methodological basis of the article. The chronological method allowed authors to consider the history of the formation and development of rocket weapons in retrospect. The comparative method was used to study the effectiveness of volley fire.

In conclusion, the authors state that the missile has undergone a complex process of its formation and development in the XIX century. The missile systems and the tactics of the use of missile weapons were modified; the improvements were made in various types of missiles. The running of military developments was carried out on the theaters of military operations, and the Caucasus was remained the main of which in the first half of the XIX century.

Keywords: missile weapon, combat application, the Caucasus, the russian army, XIX century.

1. Введение

Использование русской армией ракетного оружия в середине XIX в. не получило широкого освещения ни в мемуарной, ни в научной литературе дореволюционной России. Ракетное вооружение относилось к новейшим военным стратегическим разработкам Российской империи. Обкатка разработок активно производилась в зонах боевых действий, в частности на Кавказе. Так, на Кавказе впервые были апробированы мины и фугасы на гальванических элементах, управление которыми осуществлялось по проводам (Cherkasov et al., 2013: 5-15), в пехотных подразделениях применялись штучеры¹ (Цезарский, 1881), делались попытки размещения на линейных судах Черноморского флота 68-ми фунтовых бомбических орудий, разумеется, применялись и другие научно-технические новации.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве материалов была использована специальная литература, научные публикации, диссертации, а также мемуарные произведения комбатантов – участников боевых действий на Кавказе.

2.2. Методологическую основу статьи составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, а также хронологический, вероятностно-статистический и сравнительный методы. Хронологический метод позволил рассмотреть в ретроспективе историю

* Corresponding author

E-mail addresses: chursin_aa@pfur.ru (A.A. Chursin), semyonov1980@mail.ru (A.S. Semenov)

¹ Нарезное дульнозарядное стрелковое оружие.

становления и развития ракетного оружия. Сравнительный метод бы применен при изучении эффективности залпового огня.

3. Обсуждение

Тема применения ракетного оружия в войнах Российской империи уже имеет значительную историографию. Гораздо скромнее освещена в историографии тема применения ракетного вооружения на Кавказе и это притом, что обкатка новых видов вооружений производилась именно здесь. В связи с этим мы хотели бы разделить историографию проблемы на две части: 1) литературе, которая посвящена становлению и развитию боевых ракет и 2) литературе, в которой находит отражение боевое применение ракетного оружия.

К работам, в которых рассматривается процесс становления и развития ракетного оружия можно отнести труды С.Ш. Михтеева, П.В. Гуменюка и Б.Г. Попова «Краткий исторический очерк развития ракетного оружия» (Михтеев и др., 2006). Тему зарождения российского ракетного оружия затрагивали в своих исследованиях В.Н. Крамаренко и О.В. Тиханычев (Крамаренко, 2008; Тиханычев, 2017). Следует отметить биографический труд П.И. Качура, посвященный одному из наиболее заметных изобретателей ракетного оружия А.Д. Засядко (Качура, 1993). П.И. Качура в своем исследовании рассмотрел в хронологическом порядке различные модификации и апробации ракетного оружия, сконструированные А.Д. Засядко. В 1953 году в ходе диссертационного исследования к вопросам зарождения ракетного оружия в Российской империи обращался М.И. Науменко (Науменко, 1953).

Что касается работ, в которых нашла отражение тема применения ракетного оружия, то практически все работы были подготовлены очевидцами данных событий. Здесь необходимо перечислить такие труды как: «Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 г. в Азиатскую Турцию» (Блокада Карса, 1856), «Военная история грузинского гренадерского полка» (Военная история, 1865), работу А. В-ий «Воспоминания о былом» (В-ий, 1872), труд П. Краснова «История войска Донского. Картины былого Тихого Дона» (Краснов, 2007), а также работу А.С. Цезарского «Описание боевой жизни 3-го Кавказского стрелкового батальона» (Цезарский, 1881).

Важное значение имеют работы, регламентирующие применение боевых ракет. Так, например, 1849 году в «Артиллерийском журнале» были опубликованы правила для употребления боевых ракет (Правила, 1849). Спустя 6 лет в том же издании была опубликована статья «Об употреблении боевых ракет под Силистриею и при городе Бабадаг» (Об употреблении, 1855).

Помимо этого использовалась и справочная литература, а именно «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг.» (Сборник сведений о потерях, 1901).

4. Результаты

4.1. Эволюция ракетного оружия в первой половине XIX в.

Становление ракетного боевого оружия, как в мире, так и в Российской империи началось в начале XIX в.

Но практические работы по созданию реальных боевых ракет начались в 1810 году. Уже в 1814–1817 годах член Военно-ученого комитета чиновник 5 класса провиантского штата Алексей Иванович Картмазов сконструировал и провел испытания впервые в истории Российской империи 2-, 2,5- и 3,6-х дюймовые боевые зажигательные и фугасные пороховые ракеты с боковым стабилизатором (Тиханычев, 2017: 16). Ракеты имели максимальную дальность полета от 1,5 до 3 км. Тем не менее, эти ракеты на вооружение не принимались в связи с их техническим несовершенством, в первую очередь, – низкой точностью стрельбы.

В 1815–1817 годах полковник Александр Дмитриевич Засядко на собственные средства создал 2-, 2,5- и 4-х дюймовые зажигательные и гранатные ракеты с боковым стабилизатором и пусковые станки к ним. А.Д. Засядко указывал на легкость, дешевизну и удобство в перевозке ракет, давал рекомендации по применению ракетного оружия при обороне крепостей и прибрежных зон. Для пуска ракет конструктором специально был разработан станок (Качура, 1993). Ракеты прошли войсковые испытания, однако на вооружение приняты не были.

А уже в 1823–1825 годах были сконструированы и прошли лабораторные испытания 2-, 2,5-, 3- и 4-х дюймовые ракеты с центральным стабилизатором и дальностью полета 1; 1,7; 2,2 и 2,7 км соответственно и 1, 4 и 8-зарядные пусковые станки (рис. 1) (Тиханычев, 2017: 16).

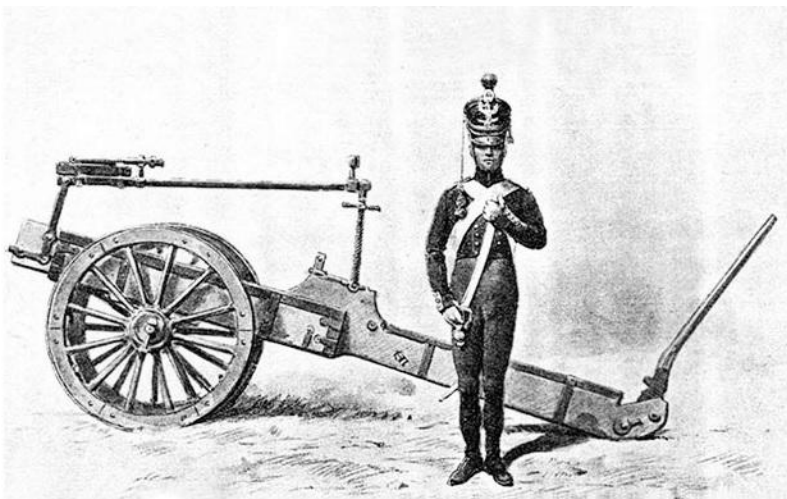

Рис. 1. Пусковой станок образца 1825 года

В качестве основы для средств передвижения для ракетных установок использовались артиллерийские лафеты (рис. 1). Это было связано с недавним опытом периода Отечественной войны, где главные задачи возлагались на артиллерию и применяемые ею тактические приемы. В 1826–1827 годах были разработаны усовершенствованные 6-ствольные пусковые установки (рис. 2). После принятия на вооружение началось производство боевых ракет с центральным стабилизатором, 1- и 6-зарядных пусковых станков. В 1817 году были проведены удачные испытания в Санкт-Петербурге и полковник Засядко добился того, чтобы его отправили в Могилев, в ставку командующего 1-й армией фельдмаршала Михаила Барклая де Толли. Фельдмаршал был настолько впечатлен возможностями применения ракет, что по результатам пребывания полковника Засядко в Могилеве написал ему такие строки: «В продолжение нахождения Вашего при Главной моей квартире для показания опытов, составления и употребления в армии... ракет я с удовольствием видел особенные труды и усердие Ваше в открытии сего нового и столь полезного орудия, кои поставляют меня в приятный долг изъявить Вам за то истинную мою признательность...» (Тиханычев, 2017: 17).

В 1818 году А.Д. Засядко было присвоено звание генерал-майора, через два года он был назначен управляющим Михайловского артиллерийского училища и Санкт-Петербургской пиротехнической лаборатории, после этого последовало назначение на должность начальника Охтинского порохового завода и Санкт-Петербургского арсенала.

Спустя несколько лет, 30 марта 1826 года по инициативе генерал-майора А.Д. Засядко при Охтинском пороховом заводе, на Волковом поле, которое использовалось как испытательный полигон, открылось первое ракетное заведение — первая ракетная фабрика в Российской империи. Первым оборонным заказом стало изготовление 3 тыс. боевых ракет для нужд Отдельного Кавказского корпуса. В 1832 году все созданные в Российской империи ракетные заведения вошли в состав Петербургского.

В период 1840–1860-х годов существенный вклад в развитие ракетных вооружений, а также в изучение теории их боевого применения внес представитель русской артиллерийской школы, ученый и изобретатель генерал-лейтенант К.И. Константинов. В 1850 году генерал Константинов возглавил Санкт-Петербургское ракетное заведение, а с 1859 года исполнял должность заведующего производством и испытаний ракет.

Благодаря личным качествам генерал-лейтенанта Константинова русское ракетостроение получило динамическое развитие. Так, например, под его руководством были созданы 2-х, 2,5-х и 4-х дюймовые ракеты и усовершенствованы пусковые станки к ним. К очевидным плюсам ракет Константинова необходимо отнести: увеличенную дальность полета, более высокую точность стрельбы, а также надежность, так как они могли выдерживать более длительные сроки хранения. Максимальная дальность полета 2-х дюймовых ракет составляла 2,6 км, а 4-х дюймовых — 5,3 км. Помимо этого ракеты Константинова имели большую дальность стрельбы, чем соответствующие им по калибру первые образцы полевых артиллерийских орудий. Это было немаловажным обстоятельством для принятия ракет на вооружение русской армии (Тиханычев, 2017: 17).

Развивая тему применения ракетного оружия, генерал К.И. Константинов предлагал использовать ракетные подразделения как мощное огневое средство и «при употреблении ракет против неприятеля, должно преимущественно действовать несколькими ракетами вдруг, беглым огнем или залпом. Таким образом, если не меткостью удара каждой отдельной ракеты, то совокупным действием большего их числа, можно достигнуть желаемой цели» (Правила, 1849: 116).

Пусковые станки генерала Константинова не являлись принципиально новыми образцами для запуска ракет, по сравнению со станками 1820–1830-х годов (рис. 2). Но при этом, они являлись более совершенными, портативными и, самое главное, удобными в переноске и перевозке, обеспечивали более высокую скорострельность и точность прицеливания.

Рис. 2. Пусковой станок Константинова

В 1856 году при активном участии К.И. Константинова был разработан проект нового ракетного заведения, специально для него Константиновым было сконструировано машинное оборудование. В начале 1870-х гг. в городе Николаеве по этому проекту был построен ракетный завод.

4.2. Применение ракетного оружия на Кавказе

Уже в начальный период применения ракетного оружия на Кавказе было замечено, что эффект поражения и скорость применения ракетного оружия зависит от масштабов разового применения, то есть от массированного применения ракетного оружия. Уже с этого времени начинает применяться стрельба по площадям. Для такой стрельбы на Кавказе применялись ракетные команды, которые имели в своем составе от 18 до 24 станков ([Об употреблении, 1855: 131](#)).

8 августа 1850 г. при прокладке дороги на русское боевое охранение напали чеченцы. Для боевого охранения ситуация начала приобретать критическое положение. Ситуацию выправил полковник Бакланов командир Кабардинского полка, который прибыл на место боя с ракетной командой. Команда установила ракетные станки. И по команде «Батарея пли» 18 огненных змей с шумом и треском влетели в ряды неприятеля ([Краснов, 2007](#)).

Необходимо отметить, что бывали случаи захвата ракетного оружия горцами, и применения его в войне против русской армии. Именно такой случай был описан одним из участников военного конфликта: «В ночь с 6-го на 7 февраля 1851 г. горцы придумали новую потеху. Подойдя к ручью Шевдон, насупротив расположения куринцев, они начали спускать боевые ракеты (ракеты эти были отбиты у нашей казачьей ракетной команды в деле, где убит наказной атаман линейного войска генерал Круковской. Дело это, если не ошибаюсь, было на р. Гехе, в 1851 году)¹. Затея эта оказалась неудачнее дневной стрельбы из орудий. Испорченные и дурно направленные ракеты (горцы спускали их с ветки ближайшего дерева) подымались сажен на пять, и с этой высоты или обратно спускались к горцам, или разрывались, освещая на мгновение лагерь. Сделав пять-шесть попыток и получив в

¹ Генерал-майор Круковский погиб 18 января 1852 г. в деле на реке Рошни ([Сборник сведений о потерях, 1901: 99](#)), 10 декабря 1851 г. на реке Гехе погиб генерал-майор Слепцов ([Сборник сведений о потерях, 1901: 97](#)). Из двух этих столкновений наиболее сильным по потерям было дело на реке Рошни (47 убитых и 182 раненных). В то время как в деле на реке Гехе погибло всего 7 человек (генерал и 6 нижних чинов), а количество раненных составило 65 человек (6 офицеров и 59 нижних чинов). Таким образом наиболее вероятным местом для потери ракетной вооружения должна была стать стычка у р. Рошни.

возмездие за нарушение нашего сна, один картечный выстрел, горцы разбрелись по домам, оставив в покое нас до зари» (В-ий, 1872: 345).

В условиях проведения боевых действий, потребность в снабжении армейских и иррегулярных частей ракетами возрастала. Так, в феврале 1854 г. в район дислокации Бугского уланского полка, который противостоял турецкой кавалерии, было отправлено около 2 тыс. ракет созданных Константиновым. С целью их боевого применения в спешном порядке были созданы 24 конные команды с пусковыми станками. В результате это способствовало к полному разгрому втрое превышающего по своей численности неприятеля. В 1850-е гг. в состав частей Черноморского казачьего войска были включены шесть конных и столько же пеших ракетных команд. Необходимо отметить, что такие команды имелись при знаменитом Кавказском и Тенгинском полках, несших службу на Кавказе. Однако ракеты генерала Константинова применялись не только на Кавказе, но и в ряде других мест: от Ревеля до Плевны и Карса, от Бухары (1868 г.) до Хивы (1871–1881 гг.), от Бухареста до Туркестана, куда в 1871 г. было отправлено 1,5 тыс. ракет, а в 1873 году – еще более 6 тысяч.

Ракеты Константинова успешно применялись во время войны 1853–1856 годов на Дунае, на Кавказе и в Севастополе. Ракеты демонстрировали высокие боевые качества как против пехоты и кавалерии, так и при осаде крепостей, особенно в 1853 году при взятии сильно укрепленной крепости Акмечеть, а в 1854 году при осаде Силистрии.

Важной особенностью было то, что ракеты можно было запускать прямо с земли. Такой способ запуска назывался ползунами, когда ракеты клали на камни, бревна и кочки и запускали по неприятелю. Этот способ также применялся военными русской армии, в частности, и в Крымскую войну 1853–1856 гг. во время осады Силистрии в 1854 году. Об успешном применении боевых ракет 17 и 22 мая 1854 года командующий Русской армией генерал Горчаков донес военному министру в своем рапорте за № 1671 от 23 мая 1854 года: «...ракетная команда в этих боях успешно применила залповый огонь: залпами по 4 и 8 ракет, пущенных непосредственно с гребня бруствера траншеи, турецкая кавалерия была рассеяна и обратилась в бегство...» (Науменко, 1953: 147). Из 639 примененных ракет 134 были спущены со станков, предложенных полковником Константиновым, а 505 ракет были спущены с земли или с гребня бруствера траншеи. Необходимый угол возвышения придавался подкладыванием фашин (Об употреблении, 1855).

В качестве примера успешного применения ракет можно привести сражение под Кюрюк-Дара (Кавказская кампания 1854 года). Отряд князя Василия Осиповича Бебутова в составе 18 тысяч штыков и сабель атаковал 60-тысячную турецкую армию. Артиллерия русских состояла из 44 пеших и 20 конных пушек и 16 ракетных станков, состоявших на вооружении конно-ракетной команды. В рапорте начальника артиллерии Отдельного Кавказского корпуса от 7 августа 1854 года говорилось: «Приведя в страх неприятеля, ракеты неожиданностью и новизной своего употребления не только произвели сильное нравственное впечатление на его пехоту и кавалерию, но, будучи метко направлены, наносили и действительный вред массам, особенно во время преследования» (Соколов, 1996).

Применялись казачьи конно-ракетные команды и при осаде крепости Карс в 1855 г. Так, 9 июня конно-ракетная команда смогла заблокировать турецкие пехотные подкрепления, которые должны были усилить истребляемую казаками турецкую кавалерию (Блокада Карса, 1856: 18-19).

О конно-ракетных командах есть упоминания и в работе «Военная история грузинского гренадерского полка» (Военная история, 1865: 268). Летом 1860 г. в группе войск генерала Бабыча была группировка в составе 10 батальонов, на вооружении которых помимо 14 орудий находилось 16 ракетных станков (Военная история, 1865: 270).

Ракетное оружие получило сравнительно широкое боевое применение во время Крымской войны 1853–1856 годах, когда ракеты Константинова использовались в полевых сражениях, при осаде и штурме крепостей, обороне Севастополя (Тиханьчев, 2017: 18).

Боевые ракеты применялись и как психологическое оружие. Необходимо понимать, что в Азии и на Кавказе, применение новаций против воинственных горных и степных племен приводило к психологическому подавлению противника. Так, например, уже упоминаемые мины и фугасы на гальванических элементах на протяжении 3 лет не позволяли мирным горцам подойти к форту Навагинскому на территории Черноморской береговой линии (Cherkasov et al., 2013: 5-15). Но это уже относится к другой теме исследования.

5. Заключение

Подводя итоги необходимо констатировать, что в XIX веке ракетное оружие прошло сложный процесс своего становления и развития. Видоизменялись ракетные установки (станки), изменялась тактика применения ракетного оружия, велись работы по усовершенствованию разнообразных видов ракет. Обкатка военных разработок осуществлялась на театрах военных действий, главных из которых в первой половине XIX века оставался Кавказ.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта No.26.1146.2017/4.6 «Разработка математических методов прогнозирования эффективности применения космических услуг в народном хозяйстве».

Литература

- Блокада Карса, 1856** – Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 г. в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856.
- Военная история, 1865** – Военная история грузинского гренадерского полка. / Сост. Г. Казбек. Тифлис, 1865.
- В-ий, 1872** – В-ий А. Воспоминания о былом // *Военный сборник*. 1872. № 2. С. 314-359.
- Михтеев и др., 2006** – *Михтеев С.Ш., Гуменюк П.В., Попов Б.Г.* Краткий исторический очерк развития ракетного оружия // *Труды Дальневосточного государственного технического университета*. 2006. № 142. С. 3-7.
- Качура, 1993** – *Качура П.И.* Александр Дмитриевич Засядько // *Земля и Вселенная*. 1993. № 4.
- Крамаренко, 2008** – *Крамаренко В.Н.* Зарождение отечественного ракетного оружия и ракетных войск стратегического назначения // *Гуманитарные исследования*. 2008. № 1. С. 90-96.
- Краснов, 2007** – *Краснов П.* История войска Донского. Картины былого Тихого Дона. М., 2007. 680 с.
- Науменко, 1953** – *Науменко М.И.* Военные ракеты в России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Москва, 1953.
- Об употреблении, 1855** – Об употреблении боевых ракет под Силистриею и при городе Бабадаг // *Артиллерийский журнал*. 1855. №2. С. 130-132.
- Правила, 1849** – Правила для употребления 2-х дюймовых боевых ракет, с показанием предосторожностей какия должны наблюдать при действовании ракетами, а равно при перевозке и хранении их в запасе // *Артиллерийский журнал*. 1849. № 2. С. 116-117.
- Сборник сведений о потерях, 1901, 1901** – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Тиханьчев, 2017** – *Тиханьчев О.В.* К 190-летию создания в нашей стране ракетных частей // *Гуманитарные научные исследования*. 2017. № 3 (67). С. 15-20.
- Цезарский, 1881** – *Цезарский А.С.* Описание боевой жизни 3-го Кавказского стрелкового батальона. Тифлис, 1881. 148 с.
- Cherkasov et al., 2013** – *Cherkasov, A.A., Ryabtsev, A.A., Menkovsky, V.I., Tarakanov, V.V., Navrotsky, A.V.* By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851) // *Bylye Gody*, 2013, 27 (1), pp. 5-15.

References

- Blokada Karsa, 1856** – Blokada Karsa. Pis'ma ochevidtsev o pokhode 1855 g. v Aziatskuyu Turtsiyu [The Blockade of Kars. The letters of eyewitnesses of the campaign of 1855 in Asian Turkey]. Tiflis, 1856.
- Voennaya istoriya, 1865** – Voennaya istoriya gruzinskogo grenaderskogo polka [The military history of the georgian grenadier regiment]. / Sost. G. Kazbek. Tiflis, 1865.
- V-ii, 1872** – V-ii A. (1872). Vospominaniya o bylom [The memories of the past]. *Voennyyi sbornik*. № 2. pp. 314-359.
- Mikhteev i dr., 2006** – *Mikhteev S.Sh., Gumenyuk P.V., Popov B.G.* (2006). Kratkii istoricheskii ocherk razvitiya raketnogo oruzhiya [A brief historical outline of the development of missile weapons]. *Trudy Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. № 142. pp. 3-7.
- Kachura, 1993** – *Kachura P.I.* (1993). Aleksandr Dmitrievich Zasyad'ko [Aleksandr Dmitrievich Zasyad'ko]. *Zemlya i Vseennaya*. № 4.
- Kramarenko, 2008** – *Kramarenko V.N.* (2008). Zarozhdenie otechestvennogo raketnogo oruzhiya i raketnykh voisk strategicheskogo naznacheniya [The origin of the national missile and the strategic missile forces]. *Gumanitarnye issledovaniya*. № 1. pp. 90-96.
- Krasnov, 2007** – *Krasnov P.* (2007). Istoriya voiska Donskogo. Kartiny bylogo Tikhogo Dona [The history of the Don army. The pictures of the former Tihij Don]. M., 2007. 680 p.
- Naumenko, 1953** – *Naumenko M.I.* (1953). Voennye rakety v Rossii [The military missiles in Russia]. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata nauk. Moskva.
- Ob upotreblenii, 1855** – Ob upotreblenii boevykh raket pod Silistrieyu i pri gorode Babadag [On the use of military missiles near Silistria and in the city of Babadag]. *Artilleriiskii zhurnal*. 1855. №2. pp. 130-132.
- Pravila, 1849** – Pravila dlya upotrebleniya 2-kh dyuimovykh boevykh raket, s pokazaniem predostorozhnostei kakiya dolzhny nablyudat' pri deistvovanii raketami, a ravno pri perezovke i khraneni i kh v zapase [The rules for the use of 2-inch missiles, with an indication of what precautions should be observed in the deed missiles, as well as during transportation and storage in stock]. *Artilleriiskii zhurnal*. 1849. № 2. pp. 116-117.
- Sbornik svedenii o poteryakh, 1901** – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspiian region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p.

Tikhanychev, 2017 – *Tikhanychev O.V.* (2017). К 190-летию создания в нашей стране ракетных частей [To the 190th anniversary of the creation of missile units in our country]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. № 3 (67). pp. 15-20.

Tsezarskii, 1881 – *Tsezarskii A.S.* (1881). Описание боевой жизни 3-го Кавказского стрелкового батальона [The description of the combat life of the 3rd Caucasian rifle battalion]. Tiflis. 148 p.

Cherkasov et al., 2013 – *Cherkasov, A.A., Ryabtsev, A.A., Menkovsky, V.I., Tarakanov, V.V., Navrotsky, A.V.* (2013). By royal authority (Investigation data, concerning mines theft in fort navaginsky of the black sea coastal frontier. 1851). *Bylye Gody*, 27 (1), pp. 5-15.

УДК 93/94

К вопросу о боевом применении ракетного оружия на Кавказе в XIX в.

Александр Александрович Чурсин ^{a,*}, Александр Сергеевич Семенов ^a,
Татьяна Владимировна Кокуйцева ^a

^a Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается боевое применение ракетного оружия на Кавказе в XIX веке. Уделено внимание истории создания ракетного оружия, его эволюции и адаптации к региональным условиям ведения боевых действий.

В качестве материалов была использована специальная литература, научные публикации, диссертации, а также мемуарные произведения комбатантов – участников боевых действий на Кавказе.

Методологическую основу статьи составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, а также хронологический, вероятностно-статистический и сравнительный методы. Хронологический метод позволил рассмотреть в ретроспективе историю становления и развития ракетного оружия. Сравнительный метод был применен при изучении эффективности залпового огня.

В заключении авторы отмечают, что в XIX веке ракетное оружие прошло сложный процесс своего становления и развития. Видоизменялись ракетные установки, изменялась тактика применения ракетного оружия, велись усовершенствования разнообразных видов ракет. Обкатка военных разработок осуществлялась на театрах военных действий, главных из которых в первой половине XIX века оставался Кавказ.

Ключевые слова: ракетное оружие, боевой применение, Кавказ, русская армия, XIX век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: chursin_aa@pfur.ru (А.А. Чурсин), semyonov1980@mail.ru (А.С. Семенов)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1244-1251, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1244
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908

At the Origins of the Formation of the Entrepreneurial Layer Among the Handicraftsmen in the Central Chernozem Region

Natalia A. Dushkova ^a, Victoria A. Grigorova ^a

^a Voronezh State Technical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the complex process of formation and development of the entrepreneurial layer among the former handicraftsmen from the sources of entrepreneurial activity to the end of the XIX century. Disclosing its content, the authors proved the active participation of handicraftsmen in the formation of entrepreneurship in the territory of the Central Chernozem Region. By creating small and medium-sized enterprises for the production of goods to be sold on the market in order to make a profit, they gradually turned from peasants into entrepreneurs, who broke ties with agriculture, and sometimes with production, dealing exclusively with marketing issues. Thus, peasants from the handicraftsmen expanded the social base of the entrepreneurial stratum, developing and strengthening this sphere.

Analyzing previously unpublished materials, the authors identified the social base of the entrepreneurial stratum, the pace of expansion of the entrepreneurial stratum among peasants, specific features of the entrepreneurial initiative of former handicraftsmen and their production activities.

Keywords: handicraft industry, handicraftsmen, peasants, Central Chernozemye, industrial peasant enterprises, entrepreneurial layer.

1. Введение

На современном этапе развития, в условиях рыночных отношений особую актуальность приобретает история зарождения и укрепления предпринимательского слоя, способного обеспечить устойчивый экономический рост государства, самоорганизацию и самозанятость населения страны. Важна благотворительная и общественная деятельность предпринимателей, участвующих в создании инфраструктуры и технологическом совершенствовании различных видов производств. Не менее значимым является возможность предоставления вакантных рабочих мест, а также достойных зарплат для населения страны.

Однако несмотря на значимость предпринимательства в создании мощной конкурентоспособной экономики государства, данная проблематика характеризуется недостаточной изученностью. До сих пор отечественная историография в этом направлении отличается фрагментарным изложением. Несмотря на наличие комплексных работ по социально-экономической тематике, многие вопросы, связанные с формированием предпринимательского слоя в прошлом, по-прежнему остаются недостаточно исследованными. Ярким примером можно считать отсутствие исследования процесса формирования предпринимательского слоя из числа бывших кустарей.

2. Материалы и методы

Основную источниковую базу исследования составили неопубликованные материалы центральных и местных архивов. К первой группе относятся документы РГАДА и ЦГА, ко второй – ГАТО, ГАВО, ГАБО, ГАКО. Они представлены рапортами и перепиской органов местного самоуправления Центрального Черноземья. Опубликованные источники включали делопроизводственные документы, статистические материалы.

В достижении цели исследования использовались три метода: сравнительно-исторический, статистический и логический. Применение сравнительно-исторического метода позволило сопоставить факты, проанализировать тексты, документы, данные о развитии предпринимательства в различные хронологические периоды. С помощью статистического метода вычислялись количественные показатели, которые позволили проследить динамику развития и укрепления предпринимательства на различных этапах исторического развития. Логический метод способствовал выявлению основных особенностей процесса формирования и развития предпринимательства из числа бывших кустарей.

3. Обсуждение

Процесс формирования и укрепления предпринимательства Центрального Черноземья включает в себя ряд малоизученных вопросов, которые до сих пор являются предметом исследований ученых современности. Перепелицын А.В., Тонких В.А., Морозан В.В. и другие в своих трудах затрагивали отдельные вопросы становления и развития предпринимательского слоя в регионе. Исследуя исторические аспекты заявленной тематики, они указывали на определенную роль кустарного мелкотоварного производства в процессе формирования предпринимательского слоя. Так, А.В. Перепелицын в своей работе «Крестьянские промыслы в Центрально-Черноземных губерниях России в пореформенный период» анализировал уровень развития местных сельскохозяйственных и отхожих промыслов (Перепелицын, 2005). В.А. Тонких (Тонких, 2012) в соавторстве с С.В. Семененко и О.Е. Фарберовой исследовал право, теорию и практику предпринимательства от истоков до наших дней. А В.В. Морозан (Морозан, 2014) изучил бытовые проблемы жизни предпринимателей юга России в период XIX – начале XX века. Отдельные аспекты развития кустарного производства нашли свое отражение и в трудах иностранных исследователей, таких как Леон Вальрас, Джакомо Бекаттини. (Hebert, 1988; Becattini, 1990; Becattini, 2007). Предметом их особого интереса стали вопросы кооперации как отдельного типа производственных и общественных отношений. Они рассматривали, как мелкотоварные производители объединялись в артели, поднимая тем самым производительность своего труда.

4. Результаты

Формирование предпринимательского слоя, состоящего из предпринимателей – людей, занимающихся предпринимательской деятельностью с целью получения прибыли, в России осуществлялось в условиях развития рыночных отношений. Повсеместно российское предпринимательство зарождалось на основе торговой деятельности и мелкотоварного производства.

Центральное Черноземье не являлось исключением. Здесь, начиная с XVII века элементы предпринимательства, сопровождавшиеся процессом накопления первоначального капитала, прежде всего, стали появляться в торговле и ремесле. Изначально основную социальную базу предпринимательского слоя составляли представители посадского населения и купечества. Первые из них в большей степени занимались ремеслом и торговлей. Подтверждением могут служить документы, которые указывают на приоритет посада по количеству торговых точек. Например, в Воронеже, в начале XVII века за посадскими жителями числилось 29 торговых лавок из 63. Остальные распределялись между служилым населением, крестьянами и священнослужителем, равняясь соответственно 24, 8 и 1 (Воронежские писцовые книги, 1891). Помимо торговой деятельности, посадские люди занимались отхожими промыслами на стороне. Такие специалисты как портные, сапожные мастера, хлебопёки, кузнецы и другие выезжали в места спроса на определенную работу. Так, например, в 1673 году в связи со строительством церквей, на Дон прибыли воронежские плотники (ГАВО. Ф.И-182. Оп. 3. Д. 252. Л. 7).

С меньшей активностью торгово-ремесленной деятельностью занималось служилое население. Однако среди них стабильно сохранялось стремление к увеличению своего дохода за счет торговли. Они строили торговые лавки и занимались донской торговлей. Кроме того, служилые люди участвовали в покупке соли и занятиях рыбным промыслом на Дону (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 295. Л. 6-7; Оп. 5. Д. 85. Л. 1-4).

Помимо выше обозначенных категорий населения в формировании предпринимательского слоя, в Центральном Черноземье определённую роль играли крестьяне. Они, как и служилые люди, участвовали в донской торговле, занятиях рыбной ловлей и в покупке соли. Например, в источниках упоминаются челобитные с просьбой отпуска в Царицын для покупки соли крестьян Борщевского, Усманского, Благовещенского и Троицкого монастырей в Воронежской губернии (ГАВО. И-182. Оп. 4. Д. 37. Л. 1; Оп. 3. Д. 421. Л. 8-10; Д. 475. Л. 1-5; Д. 370. Л. 1).

Количество крестьян среди предпринимателей стало увеличиваться в период Петровских преобразований. Данный рост являлся результатом государственной политики, связанной с поощрением предпринимательства. Петр I официально разрешил заниматься торговлей людям всех сословий при условии уплаты определенных торговых сборов (Полное собрание законов, 1830). В результате постепенно формировалась сословно-податная группа торгующих крестьян, одним из важнейших направлений деятельности которой, стало производство промышленной продукции с целью реализации ее на рынках.

Подобным образом, в Центральном Черноземье появились крестьяне-кустари, которые, торгуя на рынке и занимаясь ростовщичеством, накапливали определенные капиталы. Стремясь к расширению своего производства, они вкладывали прибыль в дальнейшее развитие своего дела. Большая часть из них ограничивалась лишь совершенствованием производственного и технического уровней. Некоторые из кустарей создавали мелкие и средние промышленные предприятия. В качестве примера можно указать воронежских кустарей, которые в 1723 году создали в Краснослободском уезде Воронежской губернии металлургический завод на собственные деньги. Помимо заводов братьев Миляковых, в Воронежской губернии действовал частный завод Василия Озерова, который был построен у села Дубово, расположенного в Воронежском уезде. Также в 30-е годы XVIII века было одобрено прошение ельчанина Кривородова на постройку железного молотового завода. А в 1740-е годы – воронежских купцов Викулина с товарищем (ГАВО. Ф. И-171. Оп. 3. Д. 55а. Л. 1, 3; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 20. Л. 4-8 об., 17-19).

Практика создания крестьянами подобных мелких и средних предприятий в Центральном Черноземье не имела широких масштабов в XVIII веке. В регионе существовала крепостная зависимость крестьян от помещиков, наличие сословных ограничений, тесная связь с сельским хозяйством, что в совокупности задерживало переход крестьян в категорию владельцев предприятий. Тем не менее предпринимательство в сфере производства промышленных товаров развивалось, хотя и очень медленно.

На протяжении первой половины XIX века в среде крестьян наблюдалось расширение предпринимательского слоя. Некоторые из них даже отделили свою производственную деятельность от сельского хозяйства. Однако крупных масштабов данный процесс не имел, так как в деревне действовало крепостное право, которое сдерживало предпринимательскую инициативу, не позволяя многим кустарям разорвать связь с землей и окончательно превратиться, в мелких товаропроизводителей промышленной продукции.

Независимо от связи с землей, наиболее предприимчивые крестьяне стремились расширять свое производство. Они постепенно создавали мелкие и средние предприятия. В первой половине XIX века на территории Центрального Черноземья России действовали суконные, салотопенные, мыловаренные, кожевенные и маслостойные предприятия, собственниками которых наряду с купечеством были и кустари. К сожалению, мы не располагаем большим объемом данных на этот счет, так как свое преимущественное развитие, процесс укрепления предпринимательства из числа кустарей получил лишь во второй половине XIX века. Но некоторые свидетельства все же сохранились. Например, согласно сведениям податного инспектора Белгородского уезда Курской Казенной палаты в сл. Томаровка действовали лавки с кожевенным товаром, владельцами которых являлись крестьяне из числа бывших кустарей. Среди них отмечались достаточно крупные, с товарным годовым оборотом до 20 тыс. рублей (ГАВО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-3 об.). Кроме них, в Белгородском уезде, по сведениям уездных исправников, в первой половине XIX века существовали сельскохозяйственные технические заведения. К их числу можно отнести кожевенный завод Ивана Филипповича Краснопольского в сл. Терновке (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 13).

В Курской губернии также работал чугунно-литейный завод крестьянина Григория Никифоровича Бойцова. Он был расположен в пригородной слободе Жилой в г. Белгород (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 11).

Во второй половине XIX века процесс формирования предпринимательского слоя из числа кустарей проходил более высокими темпами. В это время в Центральном Черноземье активно формировались мелкие предприятия кустарного типа. Они возникали в результате накопления непосредственными товаропроизводителями необходимых капиталов, а также при поддержке со стороны центральных органов власти и органов местного самоуправления. В регионе создавались крупорушки, мельницы, кузницы, слесарные, столярные, сапожные и портновские мастерские, мелкие хлебопекарни, артели строительных специальностей. Основной производственной направленностью являлась переработка сельскохозяйственных продуктов: зерна, шерсти, кожи. Были и такие мелкие промышленные предприятия кустарей, на которых занимались обработкой древесины, минерального сырья.

Процесс формирования кустарных предприятий имел сложный и противоречивый характер, выражавшийся в одновременной экспроприации мелких товаропроизводителей и в усилении темпов развития мелкотоварного производства даже в условиях роста крупной технически перевооруженной промышленности.

Мелкие промышленные предприятия создавались в разных районах Центрального Черноземья. Их количественный состав определяется как среднестатистический. Проблемы при подсчетах были связаны с отсутствием учета и с практикой сочетания различных производств в одном крестьянском хозяйстве. Зачастую бывшие государственные крестьяне, владевшие ветряными мельницами, создавали дополнительно просорушки. Например, Е.В. Чеботарев из с. Двуречки Липецкого уезда Тамбовской губернии владел двумя ветрянками и одной просорушкой. Их стоимость в 1884 году равнялась 1 тыс. рублей (ГАТО. Ф. 143. Оп. 3. Д. 33. Л. 17-17 об.).

В регионе среди мелких крестьянских предприятий наиболее развитыми были мельницы и маслостойни, продукция которых имела высокий спрос среди местного населения и налаженный сбыт.

Мукомольное и маслобойное производства в Центральном Черноземье всегда занимали важное место в экономическом развитии региона. Эти отрасли промышленности обеспечивали примерно 2/4 всех перевозок, осуществлявшихся по линиям железнодорожного полотна региона (Dushkova N.A., 2017).

В соответствии с архивными документами на территории Центрального Черноземья России были развиты ветряные и водяные мельницы простого устройства (ЦГАМ. Ф.278. Оп. 4. Д. 74. Л. 1). География их распределения в регионе отличалась крайней неравномерностью. В зависимости от сочетания природно-климатических и географических условий она прослеживалась даже в пределах отдельных губерний. В качестве примера можно указать Тамбовскую губернию, в которой ветряные и водяные мельницы концентрировались в Усманском, Спасском и Шацком уездах. Причем в Усманском уезде регистрировалось 23 % всех ветрянок губернии. В Спасском уезде было 1,4 %, а в Шацком уезде при отсутствии ветряных мельниц, процент водяных составлял 1,2 %.

Помимо неравномерной географии распределения мельниц, в Центральном Черноземье существовала взаимозаменяемость различных видов заведений по переработке зерна. Зачастую отсутствие ветряных мельниц заменялось наличием водяных и наоборот. В случае их отсутствия регистрировались крупорушки. Так, например, в Воронежской губернии, в Богучарском уезде было 23 водяных, 3 594 ветряных и 30 прочих мельниц, а также 91 рушка. В Коротоякском уезде – 59 водяных мельниц и 120 рушек, 1 005 ветрянок (Перепелицын, 2005). В Новопокровской волости Бобровского уезда Воронежской губернии насчитывалось 8 мельниц и 6 крупорушек (ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1146. Л. 10). Всего количество ветряных мельниц в губернии составляло более 65 % от общей численности всех крестьянских заведений (Сборник статистических сведений, 1884).

Противоположно мельницам маслобойни располагались в основном вдоль линий железных дорог. Их владельцами были крестьяне и купцы. Изначально, одними из первых кустари Острогожского уезда становились хозяевами маслобоен, производственный процесс которых был хорошо отлаженным. Сырье было как собственное, так и привозное. Иногда работали на сырье заказчика. В этом случае устанавливалась плата за пробойку масла, равнявшаяся 40–60 копейкам с пуда. Причем жмых, использовавшийся в качестве корма для скота, отдавался заказчику, а лузга, необходимая для отопления помещений, оставалась в пользу владельца маслобойни.

Впоследствии производство масла кустарным способом распространилось и в других губерниях Центрального Черноземья. Например, в Тамбовской губернии, по свидетельствам рапортов уездных исправников, регистрировались отдельные заводы Ефима Иванова Голосовского и Филиппа Федорова Добрунова (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 104. Л. 14).

Помимо маслобойных и мукомольных предприятий крестьяне-кустари, которые формировали предпринимательский слой Центрального Черноземья наряду с купцами, владели заведениями по изготовлению одежды и обуви. В основном они специализировались на выделке кожи, овчины, на производстве из них обуви и полушубков. Ярким примером являлась Курская губерния, в которой в 1888 году действовало 70 заводов и мастерских крестьян с приспособлениями на дому. Здесь происходило систематическое увеличение показателей занятости и производительности. Так, если в 1888 году, в изготовлении обуви и полушубков было задействовано 2 772 человека, которые изготавливали товар на 218 805 тыс. рублей в год, то уже в 1892 году данные показатели равнялись 3 938 человекам и 503 115 рублям соответственно (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 111. Л. 2).

Кустарные предприятия по производству одежды и обуви были и в других губерниях Центрального Черноземья. Например, в Тамбовском уезде Тамбовской губернии действовали суконная кустарная фабрика в имении Мениных, чулочно-вязальные предприятия Андрея Устинова и Герасима Липилина (ЦГАМ. Ф. 278. Оп. 4. Д. 88. Л. 1).

В Центральном Черноземье кустари, владевшие собственными мастерскими, концентрировались в отдельных центрах, в которых производимой промышленной продукцией обеспечивались все окрестные местности. Яркими примерами можно считать отдельные слободы Курской губернии, такие как Борисовка Грайворонского уезда, Мирополье, Велико-Михайловка. В Воронежской губернии подобным центром являлся Острогожский уезд, в котором регистрировались веревочники, шапочники, чулочницы, горшечники, трубочники, ведерники и гребенщики (ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 722. Л. 109).

Отличительной чертой указанных центров являлась слабая связь мелких товаропроизводителей с сельским хозяйством и низкая капитализация хозяйств кустарей. Доходность промышленных предприятий, действовавших в них различалась по всему региону. Например, в слободе Борисовка Грайворонского уезда Курской губернии с преимущественным развитием сапожной, столярной и иконописной деятельности, доход варьировался в пределах от 15 рублей в год до 108 рублей. Наивысшие показатели доходности демонстрировали иконописцы, столяры, резчики. Их годовой заработок в среднем составлял 100 рублей. Несколько меньше зарабатывали портные, позолотчики, ткачи, сапожники, кузнецы, бондари и шапочники. Они получали от 80 до 60 рублей. Самый низкий уровень доходности был зарегистрирован у овчинников, которые зарабатывали всего лишь 15 рублей в год (Труды местных комитетов, 1903).

Помимо слабой связи мелких товаропроизводителей с сельским хозяйством и низкой капитализации хозяйств кустарей, центры кустарной промышленности отличались особенностями производственного и сбытового процессов. При одинаковой техники производства, отсутствовало

какое-либо разделение труда. Весь технологический процесс выполняли сами владельцы мастерских. Например, в процессе гончарной промысловой деятельности, кустарь самостоятельно производил работы по обработке глины. В течении 12 часов в сутки, а иногда и больше, он находился у горна для обжига горшков. Условия их работы были крайне тяжелыми, оказывающими пагубное влияние на жизнь и здоровье мастеров. В большинстве случаев гончары страдали от легочных заболеваний. Несмотря на все трудности, кустари старались обойтись собственными силами. Наемных рабочих нанимали, но крайне редко. В слободе Гончарной Суджанского уезда по результатам подсчетов земских специалистов насчитывалось только 3 крестьянских двора из существующих 38, в которых нанимали рабочих (*Очерк деятельности, 1902*).

Особенности сбытового процесса, свойственные центрам кустарной промышленности Черноземного центра выражались в изменении роли скупщика. В конце XIX века скупщиками являлись обедневшие крестьяне, которые получали товар от кустаря в кредит с обязательством полной оплаты его стоимости после продажи. Они не навязывали каких-либо обременительных условий для мелких товаропроизводителей, как это было прежде, когда скупщик являлся «хозяином положения», владевшим большими капиталами, позволяющими держать кустаря в кабальной зависимости. В это время за подобную работу принимались в последнюю очередь. Например, в Гончарной слободе Суджанского уезда скупщиками работали только в двух крестьянских дворах. Они не имели отношения к промысловой деятельности, а принимались за продажу товара по близлежащим базарам и ярмаркам только с целью получения дохода.

Возможность перехода промысловой деятельности кустарей Центрального Черноземья к промышленному производству была обусловлена направленностью государственной политики, связанной с поощрением развития мелкотоварного производства в целом. В регионе ее реализация объяснялась стремлением центральных органов власти смягчить социальные последствия буржуазных реформ 60-х годов XIX века и повысить доходность крестьянских хозяйств, в первую очередь для снижения недоимок по государственным налогам.

Основным направлением государственной политики в сфере мелкотоварного производства являлось его законодательное регулирование через создание системы центральных органов власти координирующих развитие кустарных промыслов. В 1872 году была учреждена особая комиссия при Министерстве финансов, состоящая из представителей различных ведомств и обществ. Она создавалась с целью исследования состояния развития кустарных промыслов по всей России. В результате ее работы активизировалась практическая деятельность государственной власти и усилилось общественное внимание к вопросам кустарной промышленности. Прежде всего было регламентировано управление кустарно-промысловой деятельности по всей России. Например, 19 февраля 1887 года открылось V отделение по кустарной и ремесленной промышленности в обществе содействия русской промышленности и торговли. Позже создали Министерство земледелия и государственных имуществ, одним из направлений работы которого было поощрение и усовершенствование кустарных промыслов. Оно осуществляло материальную поддержку в виде кредитных средств, пособий на открытие, содержание учебных заведений для крестьян, в том числе и для кустарей, и на организацию кустарных музеев. Министерство помогало в обеспечении мелких товаропроизводителей заказами на производство кустарных изделий для различных казенных ведомств. В качестве примера можно указать производство сапог для военного ведомства первой артели кустарей-сапожников Бобровского уезда Воронежской губернии. (*ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9588. Л. 7*).

С 1894 года руководство кустарной промышленностью России осуществлялось в отделе сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, при котором был организован особый Кустарный комитет. Он был представлен специалистами разных ведомств и частных лиц, имеющих отношений к промысловой деятельности.

Отдельными направлениями работы обозначенных органов управления, координирующих развитие кустарных промыслов, являлись совершенствование системы налогообложения кустарей, регулирование их торговой деятельности и формирование системы обучения мелких товаропроизводителей.

Кустарно-промысловая политика выражалась в реформировании прямых и косвенных налогов, в создании дополнительного промыслового обложения торговых и промышленных предприятий, отличающееся дифференциацией в зависимости от вида промысла и занятости кустарей в нем. Важно заметить, что на территории Центрального Черноземья контроль в решении вопросов налогообложения мелких товаропроизводителей сопровождался возможностью освобождения от уплаты налогов и пересмотра их размера в случае несправедливого налогообложения мастерских и предприятий кустарей.

Регулирование торговой деятельности мелких товаропроизводителей предполагало изменение сроков ярмарочной торговли с целью повышения покупательской способности, сохранение доходных мест для продажи за кустарями, а также предоставление рассрочек в случае недоимок за аренду торговых мест.

Формирование системы обучения непосредственных товаропроизводителей осуществлялось в рамках профессионально-технического образования. Во второй половине XIX века создавались новые

учебные заведения, в которых обучались крестьяне-кустари. В открывающихся ремесленных школах, ремесленных учебных мастерских с сельскохозяйственным уклоном, ремесленных отделениях, классах ручного труда при начальных школах ведущее место занимала практическая работа в мастерских, в которых тренировались в производстве кустарных изделий под руководством мастера.

Важно заметить, что обозначенная направленность государственной политики в сфере регулирования развития кустарно-промышленной деятельности имела значительные практические результаты, связанные, прежде всего, с созданием условий для перехода мастерских кустарей в средние и крупные предприятия.

Однако, кустари Центрального Черноземья, которые формировали в регионе предпринимательский слой, являлись не только владельцами мелких промышленных предприятий. Они, в свободное от полевых работ время занимались извозом, обеспечивавшим крестьян дополнительной прибылью. Особенно он был развит между крестьянами южных уездов Воронежской губернии. Помимо извоза в черте города, практиковалась перевозка за его пределами. Имея по несколько пар волов, крестьяне нанимались в извоз, путешествуя с лета до глубокой осени по всей России. Возвращаясь с берегов Азовского, Каспийского и Черного морей, они привозили с собой рыбу и соль, которые продавали местным жителям с наценкой, зарабатывая тем самым себе второстепенный заработок.

В пореформенный период извоз имел важное значение в жизни местного населения региона. Обеспечивая крестьянам дополнительную прибыль, его развитие контролировалось со стороны местных органов власти путем установления строгой регламентации городских пассажирских перевозок. Например, в Воронежской губернии действовало «Постановление об обязанностях при легкой езде». В соответствии с ним предусматривалось наличие печатного варианта данных правил у всех перевозчиков при себе. Каждый извозчик обязывался: (ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 89. Л. 5-6)

1. Получить в Городской Управе годовой билет на право осуществления перевозок, с которым выдавались два жестяных знака отличия. Один из них крепился на верхнюю одежду со стороны спины извозчика, а другой прибывался к экипажу.

2. Уплачивать сбор, который рассчитывался исходя из количества лошадей, участвовавших в пассажирских перевозках (ГАВО. Ф. И-21, Оп. 1. Д. 1295. Л. 1-2). С 1858 года с легковых извозчиков взимался налог в размере 1 рубля 50 копеек с лошади. В 90-е годы XIX века произошло его двукратное увеличение. Так, в г. Острогжске после введения в действия участка железной дороги Балашево-Харьков вводился налог в пользу города в сумме трех рублей (ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 805. Л. 1, 6). Также налог в пользу города в размере трех рублей с лошади устанавливался в 1899 году в г. Валуйки Воронежской губернии (ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1038. Л. 6).

3. Соответствовать определенным требованиям, установленным Городской Управой. Например, извозчик должен был быть прилично одетым и не позволять себе грубого обращения или неприличных высказываний. Также устанавливался возрастной ценз. Человек до 21 года и люди «дряхлые», т.е. больные физически, не имели права заниматься извозным промыслом.

4. Соблюдать строгий порядок при организации перевозок по городу, принимать все возможные меры предосторожности для предупреждения несчастных случаев. Существовал регламент перевозок, который объявлял день перевозок до 12 часов ночи и обязанность каждого извозчика возить людей по требованию полиции.

5. Заключение

Таким образом, кустари Центрального Черноземья приняли деятельное участие в формировании предпринимательского слоя. Начиная с XVII века и до конца XIX века, они расширяли его социальную базу, тем самым развивая и укрепляя предпринимательство.

Мелкие товаропроизводители производили товары, которые затем подлежали продаже на рынках. Наиболее успешные из них накапливали капиталы, необходимые для создания мелких и средних предприятий. Самые предприимчивые становились успешными коммерсантами. Активное распространение кустарных промыслов способствовало развитию товарно-денежных отношений и вовлечению большого количества людей в коммерческую деятельность. В результате производство товаров для продажи на рынках постепенно стало выделяться в отдельный сегмент предпринимательства.

Сегодня прошлый опыт укрепления и развития предпринимательского слоя крестьянами из числа кустарей является достаточно ценным. Его учет становится все более востребованным в свете необходимости решения приоритетных задач социально-экономического развития России. Он позволит разработать более гибкую государственную политику по отношению к предпринимателям, готовых создавать и развивать собственные заводы. В настоящее время большое значение для воронежской экономики будут иметь предприятия современных предпринимателей. Они создадут импульс для развития сельского хозяйства, а также решат проблему безработицы.

Литература

Воронежские писцовые книги, 1891 – Воронежские писцовые книги: Материалы для истории Воронежской и соседних губерний / сост. Л.Б. Вейнберг, А. Полторацкая. Воронеж: Воронеж. губерн. стат. Ком., 1891. Т. 2.

ГАБО – Государственный архив Белгородской области.

ГАВО – Государственный архив Воронежской области.

ГАКО – Государственный архив Курской области.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

Морозан, В.В. – *Морозан В.В.* Деловая жизнь на юге России в XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 616 с.

Очерк деятельности, 1902 – Очерк деятельности Суджанского уездного земства по развитию кустарных промыслов и описание некоторых из них. Курск, 1902.

Перепелицын, 2005 – *Перепелицын А.В.* Крестьянские промыслы в Центрально-Чернозёмных губерниях России в пореформенный период. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2005. 170 с.

Перепелицын, 2005 – *Перепелицын А.В., Фурсов В.Н.* Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний России в пореформенный период. Воронеж: ВГПУ, 2005.

Полное собрание законов, 1830 – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. // Под редакцией М.М. Сперанского. В 45 т. Т. 4. №2327. СПб., 1830.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Семененко, 2012 – *Семененко С.В., Тонких В.А., Фарберова О.Е.* Российское предпринимательство в XX – начале XXI века: история, право, теория и практика. Воронеж: Научная книга, 2012. 207 с.

Тонких, 2014 – *Тонких, В.А., Фарберова, О.Е.* История российского предпринимательства от истоков до наших дней / *В.А. Тонких, О.Е. Фарберова* // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. Воронеж, 2014. № 1 (3). С. 42-47.

Сборник статистических сведений, 1884 – Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Т. 1.: Воронежский уезд. Воронеж: Воронеж. Губ. земство, 1884.

Труды местных комитетов, 1903 – Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XIX. Курская губерния. СПб., 1903.

ЦГАМ – Центральный государственный архив г. Москвы.

Dushkova, Grigorova, 2017 – *Dushkova N.A., Grigorova V.A.* From the History of the Development of Artisanal Industrial Enterprises in the Central Chernozem Region since the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 3. pp. 894-902.

Hebert, 1988 – *Hebert Claude Leon Walras* et les associations populaires cooperatives // *Revue d'economie politique*. 1988. Vol. 98 (№ 2). 252 p.

Becattini, 1990 – *Becattini G.* The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // *Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy* / F. Pyke, G. Becattini, W. Sengenberger (eds.). Geneva: International Institute for Labour Studies, 1990. pp. 37–51.

Becattini, 2007 – *Becattini G.* Il calabrone Italia. Bologna: Mulino, 2007. 107 p.

References

Voronezhskie piscovye knigi, 1891 – Voronezhskie piscovye knigi. (1891) [Voronezh scribe books: Materials for the history of Voronezh and neighboring provinces]. Voronezh. [in Russian]

GABO – Gosudarstvennyj arhiv Belgorodskoj oblasti. [State Archives of the Belgorod Region]. [in Russian]

GAVO – Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti. [State Archives of the Voronezh Region]. [in Russian]

GAKO – Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. [State Archives of the Kursk Region]. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti. [State Archives of the Tambov Region]. [in Russian]

Morozan, 2014 – *Morozan V.V.* (2014). Delovaja zhizn' na juge Rossii v XIX – nachale XX veka [Business life in the south of Russia in the XIX – early XX century]. SPb. [in Russian]

Ocherk dejatel'nosti, 1902 – Ocherk dejatel'nosti Sudzhanskogo uездного zemstva po razvitiju kustarnyh promyslov i opisaniye nekotoryh iz nih (1902). [Essay on the activities of the Sudan Uyezd Zemstvo on the development of handicrafts and a description of some of them]. Kursk [in Russian]

Perepelicyн, 2005 – *Perepelicyн, A.V.* (2005). Krest'janskije promysly v Central'no-Chernozjomnyh gubernijah Rossii v poreformennyj period [Peasant trades in the Central Black Earth provinces of Russia in the post-reform period]. Voronezh [in Russian]

Perepelicyн, Fursov, 2005 – *Perepelicyн A.V., Fursov V.N.* (2005). Krest'janskoe hozjajstvo central'no-chernozemnyh gubernij Rossii v poreformennyj period [Peasant trades in the Central Black Earth provinces of Russia in the post-reform period]. Voronezh [in Russian]

[Polnoe sobranie zakonov, 1830](#) - Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. 1649–1825 gg. (1830) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting the First. 1649-1825]. SPb. [in Russian].

[RGADA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. [State Archives of the Moscow Region]. [in Russian]

[Semenenko, 2012](#) – *Semenenko S.V., Tonkih V.A., Farberova O.E.* (2012). Rossijskoe predprinimatel'stvo v XX – nachale XXI veka: istorija, pravo, teorija i praktika [Russian Entrepreneurship in the XX - Early XXI Century: History, Law, Theory and Practice]. Voronezh. [in Russian]

[Tonkih, 2014](#) - Tonkih, V.A., Farberova, O.E. (2014). Istorija rossijskogo predprinimatel'stva ot istokov do nashih dnei [The history of Russian entrepreneurship from the source to the present day]. Voronezh [in Russian]

[Sbornik statisticheskikh svedenij, 1884](#) – Sbornik statisticheskikh svedenij po Voronezhskoj gubernii (1884). [Collection of statistical information on the Voronezh province. T. 1: Voronezh district. T. 1: Voronezhskij uezd] Voronezh [in Russian]

[Trudy mestnyh komitetov, 1903](#) – Trudy mestnyh komitetov o nuzhdah sel'skoho-zajstvennoj promyshlennosti (1903). [Works of local committees on the needs of the agricultural industry. T. XIX. Kursk province] SPb. [in Russian]

[TsGAM](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv g. Moskvy. [State Archives of the Moscow Region]. [in Russian].

[Dushkova, Grigorova, 2017](#) – *Dushkova N.A., Grigorova V.A.* (2017). Iz istorii stanovleniya kustarnykh predpriyatij v Tsentral'nom Chernozem'e (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [From the History of the Development of Artisanal Industrial Enterprises in the Central Chernozem Region since the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries] [in Russian].

[Hebert, 1988](#) – *Khebert* (1988). *Khebert Klod Leon Val'ras i assotsiatsii narodnykh kooperativov* [*Hebert Claude Leon Walras et les associations populaires cooperatives*] [in France].

[Becattini, 1990](#) – *Becattini G.* (1990). Marshalskii promyshlennyi raion kak sotsial'no-ekonomicheskoe ponyatie [The Marshallian industrial district as a socio-economic notion // Industrial districts and inter-firm cooperation in Italy] Geneva [in Italiya].

[Becattini, 2007](#) – *Becattini G.* (2007). Il calabrone Italia. [Il calabrone Italia.] Bolon'ya: Mulino [in Italiya]

УДК 908

У истоков формирования предпринимательского слоя из числа кустарей в Центральном Черноземье

Наталья Александровна Душкова ^а, Виктория Александровна Григорова ^а

^а Воронежский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется сложный процесс становления и развития предпринимательского слоя из числа бывших кустарей от истоков предпринимательской деятельности до конца XIX века. Раскрывая его содержание, авторы доказали деятельное участие кустарей в формировании предпринимательства на территории Центрального Черноземья. Создавая мелкие и средние предприятия для производства товаров, подлежащих продаже на рынке с целью получения прибыли, они постепенно из крестьян превращались в предпринимателей, которые разрывали связь с сельским хозяйством, а иногда и с производством, занимаясь исключительно бытовыми вопросами. Тем самым крестьяне из числа кустарей расширяли социальную базу предпринимательского слоя, развивая и укрепляя данную сферу.

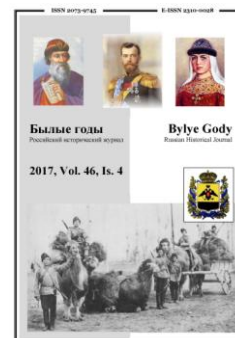
Анализируя ранее неопубликованные материалы, авторами были выявлены социальная база предпринимательского слоя, темпы расширения предпринимательского слоя среди крестьян, специфические особенности предпринимательской инициативы бывших кустарей и их производственной деятельности.

Ключевые слова: кустарная промышленность, кустари, крестьяне, Центральное Черноземье, промышленные крестьянские предприятия, предпринимательский слой.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1252-1260, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1252
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities

Ivan A. Ermachkov ^{a,*}, Larisa A. Koroleva ^b, Natalia V. Svechnikova ^c, Jasmin Gut ^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Penza State University of Architecture and Construction, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^d University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article considers the military-sanitary affairs in the Caucasus in 1803-1808 years, during the clashes with Turkey, Persia, the lezgins. It focuses on regional characteristics of combat operations, as well as the ratio of the number of wounded to the number of sick soldiers.

The sources for the preparation of manuscript are the archive documents of the Central state historical archive of Georgia (Tbilisi, Georgia). Besides, there were used the scientific publications on the topic of the study, published in pre-revolutionary and modern periods.

There were applied the traditional scientific methods of analysis, synthesis, concretization, generalization in solving the research problems. The specification of the particular aspects, which at first glance may seem insignificant, sometimes allows to model a holistic picture of the events. The statistical method was also used. The detalization of sanitary losses of wounded and sick in different collisions allowed authors to derive the average ratio between the first and second categories.

In conclusion, the authors stated that the military medical service in the Caucasus in the specified time had numerous problems. The reasons for this were the continuous military clashes with the enemy (turkish and persian wars, rebellions), the lack of military medical personnel and medicines. Due to the fact that the military actions by russian forces were carried out according to the principle of "fire brigade" (it was necessary to act against the enemy hastily), the climatic terms of the zones of combat operations were not taken into account. Such planning of hostilities resulted in considerable losses of personnel of the russian army from diseases.

Keywords: military-sanitary activity, Caucasus, russian army, wounded, sick, 1803–1808.

1. Введение

Организация военно-санитарной службы является важным делом для подготовки к ведению боевых действий, а также к закреплению войсковых подразделений на новоприобретенных (захваченных) территориях. Очевидно, что создание военно-санитарной инфраструктуры требует значительного количества времени и относительно стабильных коммуникаций для переброски не только медицинского персонала, но и соответствующих грузов. После присоединения Грузии к Российской империи никакого времени на обустройство военно-санитарного дела на Кавказе у русской администрации не было, так как пришлось сразу вступить в военную противоборство, едва ли не в условиях полной блокады.

* Corresponding author

E-mail addresses: eiao7sochi@yandex.ru (I.A. Ermachkov), la-koro@yandex.ru (L.A. Koroleva), Svechnikova.NV@rea.ru (N.V. Svechnikova), jasmin.gut@etu.unige.ch (J. Gut)

2. Материалы и методы

Источниками для подготовки статьи стали архивные документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Помимо этого были использованы научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

При решении исследовательских задач были применены общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Конкретизация частных аспектов, которые на первый взгляд могут показаться малозначимыми, порой позволяет смоделировать целостную картину происходящих событий. Помимо этого применялся и статистический метод. Детализация санитарных потерь ранеными и заболевшими в разных столкновениях позволила нам вывести среднее соотношение между первой и второй категориями.

3. Обсуждение

Тема военно-медицинской службы периода Российской империи изучалась в историографии довольно активно. Однако в большей степени затрагивалась военно-медицинская служба периода Первой мировой войны и лишь эпизодично другие военные конфликты. Так, например, военно-медицинской службой периода Первой мировой занимались такие авторы как: А.А. Черкасов, А.П. Ерошенко (Ерошенко, Черкасов, 2010), О.В. Чудаков (Чудаков, 2012), А.А. Будко, Н.Ю. Бринюк, Д.А. Журавлев (Будко и др., 2014), А.А. Будко, Н.Ю. Бринюк (Будко, Бринюк, 2017), К.А. Пахалюк (Пахалюк, 2015), И.М. Чиж, И.В. Карпенко (Chizh, Karpenko, 2017). В данных работах находила отражение история деятельности российского общества Красного креста, общественных организаций и земского самоуправления в разных регионах Российской империи и на фронтах Первой мировой войны.

Значительно меньше разрабатывались вопросы медицинской службы периода русско-японской войны. Так, например, к теме изучения медицины в Енисейской губернии в годы русско-японской войны обращалась Т.С. Комарова (Комарова, 2013). В то же время к деятельности Российского общества Красного креста обратился Н.А. Рудой (Rudoiy, 2012).

Отражались в историографии и вопросы становления санитарной службы в России. Так, например, к этой теме обратились Е.Н. Беляев, Л.Г. Подунова, И.Б. Коростелев (Беляев и др., 2007). Вопросами создания российских военно-морских госпиталей в XVIII века занимался А.В. Костюков (Kostiukov, 2011). Помимо этого необходимо отметить несколько современных работ по разным периодам становления и развития санитарной службы на Кавказе, которые были подготовлены Т.Е. Гварлиани, И.А. Ермачковым, Л.А. Королевой, Н.В. Свечниковой и Я. Гут (Gvarliani et al., 2017; Ermachkov et al., 2017; Ermachkov et al., 2017a).

4. Результаты

Р 1803 г. русский воинский контингент несколько увеличился за счет подразделений прибывших из внутренних областей Российской империи, не успели войска осмотреться в Закавказье, не успели обзавестись жилищами, как началась боевая жизнь, заставившая отложить заботы об удобном размещении по квартирам. Князь Цицианов, придавая большое значение постройке казарм, как надежному фактору в деле уменьшения заболеваемости среди нижних чинов, приказал было в 1803 году приступить к возведению их, но пока собирались приняться за это дело, настала холодная и дождливая осень с короткими днями. Чтобы не морозить и не изнурять людей,¹ постройку казарм отложили, а солдаты построили теплые землянки и собирались в них перезимовать.

Не удалось, однако, воспользоваться им и таким зимним отдыхом. В октябре пришлось двинуться в Алазанскую долину для отражения Хамбугайского владельца Сурхай-хана и Аварского старшины Алесканта, напавших на Кахетию с 10-тысячным отрядом лезгин. Этот небольшой поход имел характер военной прогулки, и никаких санитарных приготовлений к нему не было сделано. В отряде ген.-м. Гулякова было около 1,5 тыс. человек. У большинства солдат здоровье было подорвано настолько, что в конце октября в вагенбурге² отряда состояло 134 больных, из которых 6 офицеров. При этом отряд не имел серьезных боевых столкновений с неприятелем, и в происшедшем в ночь на 23 октября 1803 года деле при уроч. Пейкаро у Алазани потерял только 1 убитого и 10 человек ранеными (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 39-39об.).

В ноябре 1803 года князь Цицианов предпринял поход на Ганжинское ханство. В смысле влияния на здоровье отряда зимнее время было выбрано не вполне удачно. Зимой малярия, правда, резко ослабевала, но значительно увеличивалась заболеваемость простудными формами. Это знал, конечно, главнокомандующий и в приказе от 24 ноября 1803 года отдал такое распоряжение: «однажды навсегда предписываю ни в каком случае рек бродоходных не переходить в обуви на переходах, а всегда сапоги и чулки снимать и перешед обтереть ноги, и обувь сухую надевать» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 39об.). За полками следовали полковые лазареты, и до Ганжи

¹ По отсутствию вольных рабочих пользовались солдатами.

² Вагенбург (нем. *Wagenburg*), вагонфорт (англ. *Wagon fort*) — передвижное полевое укрепление из повозок в XV—XVIII веках.

дошли благополучно. Во главе военно-санитарной части отряда стоял член-акушер Грузинской врачебной управы штаб-лекарь Фалькенштейн, который во все время экспедиции был при кн. Цицианове. 2 декабря началась блокада Ганжинской крепости, и почти одновременно в осаждавших войсках появилась усиленная заболеваемость. Будучи всецело обязанной недоброкачественной питьевой воде и позднему зимнему времени, она являлась таким образом неустранимой. Постепенно усиливаясь, заболеваемость приняла, наконец, такие размеры, что послужила одним из немаловажных мотивов к предпринятому на рассвете 3 января 1804 года штурму крепости. В течение полтора часового штурма, в котором с русской стороны участвовало 2242 нижних чина, выбыло убитыми 3 офицера и 35 нижних чинов и ранеными 14 офицеров и 192 нижних чина (*Сборник сведений о потерях, 1901: 133*). У неприятеля было убито 1,5 тыс., число же раненых осталось неизвестным (*ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 390б.-40*).

Таким образом, в этой первой большой битве в Закавказье в русских войсках выбыло из строя лишь 10 % сражавшихся, а отношение убитых к раненым было 1:5,5. Тяжелораненых было немного более 1/3 общего числа их, а именно 5 офицеров и 70 нижних чинов. О характере ранений не дошли подробные сведения, но нужно полагать, что значительно превалировали огнестрельные раны. По странному стечению обстоятельств акушеру Фалькенштейну пришлось особенно отличиться на поприще военно-полевой хирургии во время штурма Ганжи. За это он был представлен к награждению чином Коллежского асессора. «Не могу также не засвидетельствовать – доносил императору князь Цицианов, перечисляя заслуги каждого из отличившихся при взятии Ганжинской крепости об отличном и деятельном усердии акушера здешней управы штаб-лекаря Фалькенштейна, со мною во всей экспедиции бывшего, который с неутомимым старанием перевязывал, пользовал и пекся о раненых, так что большая часть спасена его искусством» (*ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 40*). Нужно полагать, что заслуги Фалькенштейна были преувеличены Цициановым, и едва ли он мог проявить особое искусство не в сфере своей специальности. Вероятно, Фалькенштейну помогла отличиться его близость к главнокомандующему, хотя, как штаб-лекарь, он, несомненно, был опытнее войсковых лекарей отряда.

Ганжа была взята и переименована в Елисаветполь. Там остался гарнизоном 17-й егерский полк, прочие же войска получили приказание возвратиться в Тифлис. Увозить с собой раненых и больных было нецелесообразно. Наскоро устроили в крепости особый лазарет и поместили в него всех больных и раненых, при которых остались надзиратели и по офицеру от каждого полка.

За покорением Ганжинского ханства следовал поход князя Цицианова на Эривань летом 1804 года. В состав действовавшего корпуса вошли 9 батальонов пехоты, 3 эскадрона драгун и 20 орудий; кроме того, было 317 линейных казаков разных команд и 300 грузинских князей с их дворянами и людьми. Сборным местом служил Саганлуг, в 8 верстах от Тифлиса. Далеко не в блестящем виде собрались туда войска. Главнокомандующий князь Цицианов, наблюдая проходивший через Тифлис Кавказский гренадерский полк, заметил, что полковой обоз находился «в постыдном для полку состоянии, крыши на палаточных ящиках с превеличайшими дырами, от чего и палатки должны сгнить преждевременно. Солдаты для помощи при обозах переходили рассеянными и в развратном от пьянства виде» (*ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 40-400б.*).

Выступавшим полкам необходимо было сдать куда-нибудь своих больных. Госпиталей в Закавказье в то время еще не было, а потому оставили их в местах квартирования войсковых частей. Кавказский гренадерский полк оставил своих больных при небольшой команде с офицером в устроенных на Дигомском поле близ Тифлиса балаганах, а 9-й егерский полк оставил их в Мцхете. Предстоял длительный марш к Эривани с переходом двух горных хребтов, и в перспективе, конечно, рисовалась возможность сильного обременения вагенбурга больными и ранеными. Это уже предreshало необходимость иметь довольно большой обоз, который неминуемо сильно затруднил бы движение войск по плохим горным дорогам, особенно на перевалах. Пришлось подумать об иной организации военно-санитарного дела в действующем корпусе, и, как и следовало ожидать, остановились на мысли открыть временное лечебное заведение в тылу и эвакуировать в него время от времени больных и раненых. Ближайшей пограничной в сторону Персии была у русских Караклисская крепость в Бамбакской провинции. Там на время войны с персами и устроили временный лазарет, который был передан в ведение лекаря Тифлисского мушкетерского полка Федюшина. В походе же Нарвский драгунский полк имел на 3 эскадрона две лазаретных повозки, пехотные полки по одной на батальон, и только Саратовскому мушкетерскому полку разрешено было иметь три повозки при двух батальонах по той причине, что эти два батальона составляли весь полк. Таким образом, весь корпус, выступивший против персов, имел 12 лазаретных повозок, с помощью которых должна была производиться эвакуация больных и раненых в Караклиссский лазарет. Первый эвакуационный транспорт был отправлен уже во время дневки 14 июня 1804 года (*ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 41*).

Подойдя к Эчмиадзину,¹ Цицианов получил от оставшегося в Караклисской крепости за начальника гарнизона майора Саратовского мушкетерского полка Ходжаева секретное донесение, что

¹ Чихирь – местное виноградное вино.

в монастыре и окрестных садах зарыты 700 больших кувшинов чихиря,¹ из которых в 400 всыпан яд, и что это вино приготовлено для угощения русского войска.² Поверил или нет этому Цицианов, но он воспользовался сообщением Ходжаева, как удобным средством предотвратить весьма возможные в будущем и крайне нежелательные последствия от злоупотребления вином. Войска шли в страну, которая была колыбелью виноделия. Об обилии там вина солдаты, конечно, знали, и полагаться на их воздержанность было трудно. Поэтому приказом по отряду тотчас же были уведомлены об этих слухах все войска. Вменялось в обязанность «в случае если найдется где-нибудь кувшин с чихирем, чтобы никто из него не пил, а сейчас же его разбивали бы, а который нельзя разбить, то наполняли бы камнями и грязью, чтобы другим он не мог вредить» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 410б.). Без всякого сомнения, слух был вымышленный. Если допустить, что он действительно вышел из монастыря, то, вероятно, с целью напугать русских и избавиться таким путем от их посещения. Хорошо знакомые с грабительскими наклонностями персов и турок, эчмиадзинские монахи в первый раз встречались с русскими войсками и бескорыстия их не верили. С другой стороны возможно и то, что автором его был сам Ходжаев. Человек малообразованный,³ он был не из расторопных и распорядительных офицеров, и князь Цицианов имел много причин быть им недовольным. А тут как раз с ним случилась довольно крупные неприятности. У него из Караклиса убежали два Бамбакских агалара Рахим-бек и Сеид-бек, державшиеся под караулом по подозрению в сношении с сыном Бабаханом и беглым грузинским царевичем Александром. Естественно, что Ходжаев искал случая загладить свою вину.

Но как бы то ни было, а слух об отравленном вине оказался весьма кстати для русских войск. Напуганные солдаты дружно разбивали кувшины с вином.

Летняя осада Эриванской крепости в санитарном отношении была также неблагоприятна, как и зимняя блокада Ганжи. Почти тропические жары, мутная или даже грязная питьевая вода из оросительных канав, отведенных от реки Занги, и обильный урожай в окрестных садах фруктов, которые солдаты поедали полусозревшими, не замедлили обнаружить свое влияние. Число заболеваний стало возрастать, появилась дизентерия. Строжайший приказ всем шефам и командирам полков и батальонов смотреть, чтобы люди не ели много фруктов и не пили воды со льдом, и постройка балаганов на открытых постах для защиты от солнца мало помогли делу. Общего санитарного начальника для всего корпуса не было, и санитарные мероприятия, исходившие от главнокомандующего, применялись не везде с одинаковой точностью и не всегда достаточно энергично, да и контролировать применение их было некому. Ясно сознавал эту слабую сторону военно-санитарного дела князь Цицианов, который подчинил всех полковых и батальонных врачей корпуса штаб-лекаря Ильинскому. Штаб-лекарь был уполномочен наблюдать за всеми войсковыми лазаретами и принимать все нужные профилактические мероприятия против возраставшей болезненности (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 42).

О деятельности штаб-лекаря Ильинского известно не очень много, но несомненно, что результаты этой деятельности были положительные, так как болезненность, несмотря на все благоприятные для ее дальнейшего развития условия, она была сдержана и не достигла уровня эпидемии, а это, в свою очередь, дало возможность продолжить осаду Эривани до осени.

Тем не менее, поход кончился ничем. В сентябре осада Эривани была снята. Русские войска направились обратно в Грузию. Пришлось забирать с собой всех больных и раненых, число которых дошло до 800 человек, а так как перевозочных средств было крайне мало, то за каждым полком, в арьергарде потянулись те из них, которые могли идти пешком. Особый офицер наблюдал, чтобы они шли вместе и ни под каким видом не выходили за пределы цепи того каре, в котором находился их полк. Эта предосторожность была не лишней, так как за отрядом шли персы и у всех отстававших от слабости отрубали головы (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 420б.).

Удрученные неудачей, измученные летней жарой и душными ночами с москитами, солдаты возвращались в свои землянки, но еще хуже было положение тех, кто едва шел в арьергарде колонны. Дойдя до ночлега, некоторые оставались там навсегда. Их поспешно хоронили и шли дальше. Налетавшие передовые персидские отряды разрывали свежие могилы, отрезали у покойников головы и выставляли их победными трофеями, как будто они были сняты с живых. Когда об этом поступке узнал Цицианов, он приказал зарывать умерших как можно глубже и не оставлять никаких следов, что на том месте хоронили. Переходы делались очень небольшие, по 8, 12 и не более 15 километров, тем не менее, число больных увеличивалось. При самых неблагоприятных условиях

¹ Известие это до майора Ходжаева дошло таким путем. Бежавший из Эчмиадзинского монастыря от патриарха Давида архимандрит Аарон под секретом сказал об этом в дороге своему проводнику, который передал секрет бамбакскому жителю Семену Красильщикову, тот в свою очередь поделился секретом с никчерванским жителем армянином Аршаковым, а последний донес уже Ходжаеву.

² Монастырь Эчмиадзин (Сожество Единородного) находится в 18 км от Эривани. Основан в IV в. епископом Григорием-просветителем в царствование Тиридата, когда христианская вера повсеместно распространялась в Армении.

³ В 1798 году Ходжаев был принят из капитанов артиллерии грузинской службы тем же чином в русскую, но так как оказалось, что он не только артиллерийской науки, а даже и арифметики не знал, то его зачислили в гарнизон.

блокады Эриванской крепости никогда в один день не заболело столько, сколько при этом отступлении, а общее число умерших князь Цицианов определил так: «утвердительно можно сказать, что число убитых на штурме не могло бы превзойти оное» (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 420б.).

Наконец во второй половине сентября войска дошли до Караклиса. В лазарете не хватило мест для всех больных, раненых и слабых. Тяжелобольных поместили в крепости, а легкораненых и слабых, которые были на ногах, разместили в саклях предместья. Большинство больных поступили в лазарет в таком тяжелом состоянии, что их не могло поправить никакое лечение. В течение 20 дней, с 17 сентября по 6 октября, из них умерло 205 (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 43).

Караклиссский временный лазарет, функционировавший летом и осенью 1804 года, был таким образом первым военно-врачебным заведением в Закавказье, открытым на военное время. До 29 сентября он принял 567 больных нижних чинов. В устройстве его, конечно, было много недочетов, были проблемы и с эвакуационной частью, но это были только первые шаги на пути постановки военно-санитарного дела на театре военных действий.

Беглый грузинский царевич Александр не мог не знать, что Караклисская крепость служила складочным местом для больных и раненых, которых охранял гарнизон из 8 офицеров и 400 нижних чинов под командой майора Ходжаева. Тем не менее, царевич Александр в августе провел к Караклису персидский отряд, который 25 августа и штурмовал крепость, когда в лазарете лежали 2 офицера и 116 нижних чинов. Штурм был отражен, но во время этого дела гарнизон расстрелял все патроны. В ожидании повторения штурма нужно было во что бы то ни стало запастись новыми патронами, и майор Ходжаев стал собирать материал для них, где что можно было достать. Здесь пригодился лазаретный запас бумаги, который и был позаимствован Ходжаевым у лекаря Федюшина.

В персидскую кампанию 1804 года у русских было убито 2 офицера и 62 нижних чина. Характер ранений виден из следующих данных. В деле 15 июля – самом кровавом под Эриванью – при отражении вылазки персиян из Эриванской крепости 9-й егерский полк имел 21 раненого. Из них 20 были ранены ружейными пулями и только один пикой. Из 22 огнестрельных ран (у 20 раненых) приходилось: 10 на верхние конечности, 6 на нижние, 4 на туловище, 1 на шею и 1 на голову. 16 ран были сквозные (на вылет) (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 430б.). Общие же потери под Эриванью составили убитыми: 4 офицеров и 84 нижних чина, а ранеными: 25 офицеров и 245 нижних чинов (Сборник сведений о потерях, 1901: 134-135).

Поход графа Гудовича на Эривань в 1808 году в военно-медицинском отношении был повторением похода князя Цицианова. Пользуясь, однако, опытом своего предшественника, граф Гудович выбрал более подходящее осеннее время и сформировал более сильный отряд из 5 пехотных, 5 кавалерийских полков и артиллерии. Путь для наступления был прежний, а именно от Тифлиса через Безобдальский перевал к Караклису, оттуда по долине Бамбака до Амамлов и затем от последних через перевал на Баш-абаран, Аштрак и Эчмиадзин. Дорога, особенно на перевалах и у подножия Алагеза, оставалась неразработанной и сильнокаменистой. Организация военно-санитарного дела в отряде была почти такова, как и при Цицианове. В Караклиссской крепости открыли временный лазарет, куда эвакуировались больные и раненые из отряда, двигавшегося в сентябре месяце к Эривани. Во время же осады Эриванской крепости, продолжавшейся 2 месяца – октябрь и ноябрь, – подобный временный лазарет был устроен в Эчмиадзине.

Осень в долине Аракса самое лучшее время года, и благодаря этому санитарное состояние осаждавшего отряда было вполне удовлетворительным, но неудачный штурм Эриванской крепости 17 ноября 1808 года дал русским, кроме 287 убитых, 893 раненых, из которых 597 тяжело и 296 легкораненых (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 44). К такой неожиданности санитарная служба отряда была практически не подготовлена, и положение раненых оказалось тяжелым, как со стороны подачи им первой медицинской помощи, так и со стороны последующего за ними ухода. А когда через 13 дней после штурма – 30 ноября – осада была прекращена, за отступавшими войсками потянулся целый полк раненых и больных. Кто держался на ногах, вновь шел пешком, остальных везли, на чем только можно было, по сильно каменистой и мало пригодной для транспортировки раненых дороге. У Алагеза и на перевале в долину Бамбака к этой невзгоде присоединился еще сильный холод, когда на протяжении 65 верст пришлось двигаться по глубокому снегу.

Потери людьми за этот поход были высоки. В войсках имелось 343 убитых и 1051 раненых. В числе последних было значительное количество раненых камнями, хотя все же превалировали огнестрельные ранения. Своеобразно тут отношение тяжелораненых к легкораненым. Оно равно 1 : 0,5 или, говоря другими словами, первых было вдвое больше, чем последних, что всецело следует поставить в зависимость от упорства боя с той и другой стороны при штурме крепости. Из 39 раненых офицеров только один имел сабельную рану, остальные же получили огнестрельные ранения ружейными пулями и 6 человек вдобавок имели раны от камней, которые сбрасывали осажденные со стены крепости. 50 огнестрельных ран (у 38 раненых) распределялись по областям тела так: на верхних конечностях 16, на нижних конечностях 16, на туловище 8, на шее 1 и на голове 9 (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 44-440б.).

Война с Турцией 1807 года в санитарном отношении была не лучше персидских кампаний, хотя район военных действий на Черноморском побережье, который известен был по всему Кавказу

особенно нездоровым климатом, должен был бы обратить на себя внимание графа Гудовича. Как известно, войну начали турки 8 февраля 1807 года в три часа по полуночи, напав на русское укрепление Редут-кале, где находились три некомплектных роты Белевского мушкетерского полка, они сожгли находившийся вне укрытия войсковой лазарет со всеми бывшими там больными, а лазаретного лекаря Данилова взяли военнопленным. Слабый гарнизон укрепления потерял 146 человек – 61 убитыми и 85 ранеными (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 44об.). По другим данным гарнизон потерял убитыми 70 человек, ранеными – 101, а пленными – 18 (Сборник сведений о потерях, 1901: 1375). Ответом с русской стороны была блокада турецкой крепости Потти отрядом генерал-майора Рыкгофа, предпринятая без необходимых санитарных предосторожностей.

Устье р. Риона по местоположению было самым низким местом всего морского побережья между Сухумом и Батумом. Начиная от Самтредии до самого моря, Рион с обеих сторон принимал значительное число маленьких речек, которые вытекают из лесистых болот, тянущихся вплоть до Потти, благодаря этому вода Риона, несмотря на многоводье этой реки, была богата содержанием органических веществ, и как питьевая имела поэтому нездоровые свойства. С другой стороны болотистые испарения, особенно во время сильных летних жаров, когда часть болот до некоторой степени даже высыхала, обуславливала вредное качество воздуха. Большое количество атмосферных осадков постоянно поддерживало в этой местности обилие влаги. Все эти неблагоприятные климатические условия Черноморского побережья не были приняты во внимание при блокаде Поттинской крепости, которая была начата так, как будто бы Потти находился в зоне со здоровым климатом. Поэтому предпринятая весной 1807 года блокада не могла продолжаться долго. «Вредный воздух низменности и болотистое место многих повергли в болезни», что и послужило поводом к отступлению в Редут-кале.

Пренебрежение санитарными мерами было причиной другой неудачи, постигшей графа Гудовича. Штурм турецкой крепости Ахалкалаки 9 мая 1807 года был отбит с большим для русских уроном в 267 убитых и 613 раненых (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 45). Отряд Гудовича был сильно ослаблен вследствие значительного количества больных «от вредного и непостоянного климата», как доносилось во всеподданнейшем рапорте, так что для штурма у него под ружьем набралось всего только 2900 человек (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 45).

Очевидно, ссылка графа Гудовича на вредный климат сделана по привычке ссылаться на него при объяснении причин усиленной заболеваемости и относится скорее к русским владениям в Закавказье того времени, чем к армянской возвышенности, где расположены Ахалкалаки, которое и в то время пользовалось репутацией одной из самых здоровых местностей Кавказа. Гудович, по всей вероятности, хотел сказать, что в состав его отряда вошли войска, здоровье которых уже раньше было подорвано стоянками в неблагоприятных по климатическим условиям пунктах при неудовлетворительном квартирном расположении, благодаря чему и получился в отряде большой процент больных. И вот достигнутый таким способом формирования отряда выигрыш в численном составе резко сказался на его выносливости и работоспособности. Процент же выбывавших из строя по болезни был велик в Закавказье и в мирное время. Так, например, летом 1806 года два батальона Кавказского гренадерского полка, содержавшие в Тифлисе караулы, имели более 400 больных, что даже при комплектном численном составе их составляло около 30 % (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 45об.). «Необыкновенное в Грузии всегда число больных, особливо же в рекрутах по новому для них жаркому и непостоянному климату» служило, между прочим, основанием графу Гудовичу ходатайствовать в том же 1807 году перед министром внутренних дел графом Кочубеем о скорейшем пополнении числа врачей в Грузии и на Кавказской линии.

Почти одинаково и от той же причины сокращалась численность отряда генерал-майора Несветаева, оперировавшего на Арпачае около сел. Гумри.¹ В марте 1807 года при вступлении в Карсский пашалык в нем числилось 2491 человека, а в мае, после того как отряд, дойдя до Карса и выдержав там бой, вернулся на Арпачай, в нем осталось только 1200 человек. Между тем потери убитыми и ранеными за все это время были невелики и не превышали 300 человек. Следовательно, отряд сокращался главным образом не вследствие потерь в боях, а по причине убыли людей от болезней. И эта убыль в два месяца достигла 50 % (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 46).

На другой день после неудачного штурма Ахалкалакской крепости обоз с больными и ранеными потянулся на границу Ахалцихского пашалыка за 55 км от Ахалкалак, в оттуда тяжелораненые были отправлены в Тифлис по кратчайшей грунтовой дороге в 93 км. Отряд же Гудовича направился к сел. Гумри, где соединился с отрядом Несветаева. Стоявшие за Арпачаем турки под предводительством эрзерумского сераскира Юсуф-паши 18 июня на рассвете были разбиты наголову. С русской стороны в сражении принимало участие 6 тыс. человек, а потери составили 14 убитых и 69 раненых, то есть, едва достигли 1,4 % числа участвовавших в бою войск (ЦГИАГ. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 987. Л. 46).

Каково же примерное соотношение раненых и заболевших на Кавказе. Имеющиеся данные были нами сведены в таблицу 1.

¹ Ныне город Александрополь.

Таблица 1. Сводные потери в военных операциях ранеными и заболевшими в 1803–1807 гг.

		раненые	заболевшие	Соотношение боевых потерь к заболевшим
1	Октябрь 1803 г. поход отряда ген.-м. Гулякова против лезгин. численность отряда – 1,5 тыс. чел.	10	124	1: 12
2	2 декабря 1803 г. одной из причин штурма крепости Ганжа стала высокая заболеваемость личного состава осаждающих.	данных нет	данных нет	-
3	Сентябрь 1804 снятие осады Эривани, 800 больных и раненых	319	около 500 больных	1: 1,6
4	Март 1807 г. отряд ген.-м. Несветаева у селения Гумры имел 2491 чел. В мае осталось 1200 чел.	не более 300 чел.	900 человек	1: 3
Итого		629	1524	1: 2,4

Таблица 1 наглядно демонстрирует, что в военное время соотношение раненых к заболевшим было 1 к 2,4. Помимо этого, как мы уже отмечали, и в мирное время количество заболевших могло достигать 30 % личного состава.

Таким образом, боевые действия из-за закавказских владений выдвинули сразу два весьма существенных с военно-санитарной точки зрения вопроса. Во-первых, об устройстве в Закавказье постоянного военно-врачебного заведения, а во-вторых, о запасе необходимых врачебных средств и перевязочных материалов. Первое являлось необходимым, потому что войсковым лазаретам, которые во время походов или за своими частями, некуда было сдавать больных, второе же подсказывалось тем, что снабжение медикаментами из ближайшей к Закавказью Кавказской полевой аптеки, находившейся в Георгиевске, по отсутствию постоянного сообщения и трудности и небезопасности проезда по перевальной дороге через Главный Кавказский хребет, встречало много проблем.

5. Заключение

Завершая, мы хотели бы отметить, что военно-медицинская служба на Кавказе в указанное время имела многочисленные проблемы. Причинами этому являлись бесперывные военные столкновения с противником (турецкие и персидские войны), нехватка военно-медицинского персонала, а также медикаментов. Ввиду того, что военные действия русскими войсками осуществлялись по принципу «пожарных команд» (необходимо было спешно осуществлять противодействие неприятелю), климатические условия в зонах проведения боевых действий не учитывались. Такое планирование боевых действий приводило к значительным потерям личного состава русской армии от болезней.

Литература

Беляев и др., 2007 – Беляев Е.Н., Подунова Л.Г., Коростелев И.Б. Истоки санитарного дела в России // *Здоровье населения и среда обитания*. 2007. № 8. С. 7-11.

Будко и др., 2014 – Будко А.А., Бринюк Н.Ю., Журавлев Д.А. Воспоминания тайного советника Н.А. Вельяминова как исторический источник при изучении боевых действий на Северо-западном фронте в январе 1915 г. // *Вестник архивиста*. 2014. № 4. С. 252-273.

Будко, Бринюк, 2017 – Будко А.А., Бринюк Н.Ю. Уникальное свидетельство об организации медицинского обеспечения русской армии в Первой мировой войне // *Вестник Российской военно-медицинской академии*. 2017. № 1 (57). С. 260-264.

Ерошенко, Черкасов, 2010 – Ерошенко А.П., Черкасов А.А. Россия в Первой мировой войне (1914-1918 гг.): военно-санитарная деятельность российского общества Красного креста // *История и историки в контексте времени*. 2010. № 7. С. 60-72.

Комарова, 2013 – Комарова Т.С. Медицина в Енисейской губернии в годы русско-японской войны // *Российская история*. 2013. № 3. С. 100-113.

Пахалюк, 2015 – Пахалюк К.А. "Было чувство, будто мы оставлены на произвол судьбы": учреждения российского общества Красного креста при 1-й армии в августе 1914 г. // *Калининградские архивы*. 2015. № 12. С. 117-132.

Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.

ЦГИАГ – Центральный государственный исторический архив Грузии.

Чудаков, 2012 – Чудаков О.В. Медико-санитарная деятельность органов городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 – начало 1918 гг.) // *Омский научный вестник*. 2012. № 2 (106). С. 17-20.

Chizh, Karpenko, 2017 – Chizh I.M., Karpenko I.V. Military medicine in the Russian army during World War I // *History of Medicine*. 2017. 4(2), pp. 184-191.

Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Demographic the Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 // *Bylye Gody*. 2017. 43(1), pp. 39-47.

Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. The Sanitaryepidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801 // *Bylye Gody*. 2017. 44(2), pp. 428-437.

Ermachkov et al., 2017a – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years) // *Bylye Gody*. 2017. 45(3), pp. 836-846.

Kostiukov, 2011 – Kostiukov A.V. Establishment of national naval hospitals in the XVIII century // *Voенно-meditsinskii zhurnal*. 2011, 332(11), pp. 84-89.

Rudoiy, 2012 – Rudoiy N.A. [The activities of the Red Cross Society during the Russia Japan war 1904-1905]. // *Problemy sot{combining double inverted breve}sial'noĭ gigieny, zdravookhraneniia i istorii*. 2012, (6), pp. 59-61.

References

Belyaev i dr., 2007 – Belyaev E.N., Podunova L.G., Korostelev I.B. (2007). Istoki sanitarnogo dela v Rossii [The origins of sanitary affairs in Russia]. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya*. № 8. pp. 7-11. [in Russian]

Budko i dr., 2014 – Budko A.A., Brinyuk N.Yu., Zhuravlev D.A. (2014). Vospominaniya tainogo sovetnika N.A. Vel'yaminova kak istoricheskii istochnik pri izuchenii boevykh deistvii na Severo-zapadnom fronte v yanvare 1915 g. *Vestnik arkhivista*. № 4. pp. 252-273.

Budko, Brinyuk, 2017 – Budko A.A., Brinyuk N.Yu. (2017). Unikal'noe svidetel'stvo ob organizatsii meditsinskogo obespecheniya russkoi armii v Pervoi mirovoi voine. *Vestnik Rossiiskoi voенно-meditsinskoi akademii*. № 1 (57). pp. 260-264.

Eroshenko, Cherkasov, 2010 – Eroshenko A.P., Cherkasov A.A. (2010). Rossiya v Pervoi mirovoi voine (1914-1918 gg.): voенно-sanitarnaya deyatel'nost' rossiiskogo obshchestva Krasnogo kresta. *Istoriya i istoriki v kontekste vremeni*. № 7. pp. 60-72.

Komarova, 2013 – Komarova T.S. (2013). Meditsina v Eniseiskoi gubernii v gody russko-yaponskoi voiny. *Rossiiskaya istoriya*. № 3. pp. 100-113.

Pakhalyuk, 2015 – Pakhalyuk K.A. (2015). "Bylo chuvstvo, budto my ostavleny na proizvol sud'by": uchrezhdeniya rossiiskogo obshchestva Krasnogo kresta pri 1-i armii v avguste 1914 g. *Kaliningradskie arkhivy*. № 12. pp. 117-132.

Sbornik svedenii o poteryakh, 1901 – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voин Kavkazsko-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspiian region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].

Chudakov, 2012 – Chudakov O.V. (2012). Mediko-sanitarnaya deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny i period sotsial'nykh kataklizmov (1914 – nachalo 1918 gg.). *Omskii nauchnyi vestnik*. № 2 (106). pp. 17-20.

Chizh, Karpenko, 2017 – Chizh I.M., Karpenko I.V. (2017). Military medicine in the Russian army during World War I. *History of Medicine*. 4(2), pp. 184-191.

Ermachkov et al., 2017 – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Sanitaryepidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801. *Bylye Gody*. 44(2), pp. 428-437.

Ermachkov et al., 2017a – Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J. (2017). The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years). *Bylye Gody*. 45(3), pp. 836-846.

Gvarliani et al., 2017 – Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V. (2017). The Demographic the Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799. *Bylye Gody*. 43(1): 39-47.

Kostiukov, 2011 – Kostiukov A.V. (2011). Establishment of national naval hospitals in the XVIII century. *Voенно-meditsinskii zhurnal*. 332(11), pp. 84-89.

Rudoiy, 2012 – Rudoiy N.A. (2012). [The activities of the Red Cross Society during the Russia Japan war 1904-1905]. *Problemy sot{combining double inverted breve}sial'noi gigieny, zdravookhraneniï {combining double inverted breve}a i istorii*. (6), pp. 59-61.

УДК 94

Военно-санитарное дело на Кавказе в 1803–1808 гг.: характерные особенности

Иван Анатольевич Ермачков ^{a, *}, Лариса Александровна Королева ^b,
Наталья Викторовна Свечникова ^c, Ясмин Гут ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается военно-санитарное дело на Кавказе в 1803–1808 гг., в период столкновений с Турцией, Персией, лезгинами. Уделяется внимание региональным особенностям ведения боевых действий, а также соотношению количества раненых к количеству заболевших военнослужащих.

Источниками для подготовки статьи стали архивные документы Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия). Помимо этого были использованы научные публикации по теме исследования, опубликованные в дореволюционный и современный периоды.

При решении исследовательских задач были применены общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Конкретизация частных аспектов, которые на первый взгляд могут показаться малозначимыми, порой позволяет смоделировать целостную картину происходящих событий. Также применялся и статистический метод. Детализация санитарных потерь ранеными и заболевшими в разных столкновениях позволила вывести среднее соотношения между первой и второй категориями.

В заключении авторы отмечают, что военно-медицинская служба на Кавказе в указанное время имела многочисленные проблемы. Причинами этому являлись беспрерывные военные столкновения с противником (турецкие и персидские войны, восстания), нехватка военно-медицинского персонала, а также медикаментов. Ввиду того, что военные действия русскими войсками осуществлялись по принципу «пожарных команд» (необходимо было спешно осуществлять противодействие неприятелю), климатические условия зон проведения боевых действий не учитывались. Такое планирование боевых действий приводило к значительным потерям личного состава русской армии от болезней.

Ключевые слова: военно-санитарная деятельность, Кавказ, русская армия, раненые, заболевшие, 1803–1808 гг.

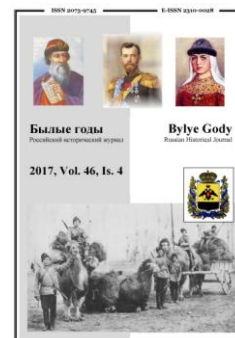
* Корреспондирующий автор

E-mail: eiao7sochi@yandex.ru (И.А. Ермачков), la-koro@yandex.ru (Л.А. Королева), Svetchnikova.NV@rea.ru (Н.В. Свечникова), jasmin.gut@etu.unige.ch (Я. Гут)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1261-1274, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1261
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I

Goran Rajović^{a, *}, Dmitry O. Ezhevski^b, Alla G. Vazeroва^c, Milica Trailovic^d

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^c Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

^d University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the exchange of prisoners as a form of russian-circassian dialogue that allowed to return the 160 russian prisoners to their homeland in 1803–1804. The attention is paid to the social, gender composition of the russian prisoners, the characteristics of the persons who acted as the exchangers are given. The materials of the prisoner exchange organization are analyzed.

As materials there are used the unpublished documents of state archive of the Krasnodar Krai (Krasnodar, Russian Federation). The specialized and memoir literature is also attracted to the study.

In the solution of research tasks there were used the traditional scientific methods of analysis, synthesis, concretization, generalization. The statistical method is of great importance, which was calculated for gender, ethnic and social compositions of exchanged prisoners. There were calculated also the duration of stay in captivity. The attention is given to the national and social composition of the publicans.

The authors concluded that the exchange of prisoners in 1803–1804 was one of the most effective measures for the return of russian citizens in Russia. In the course of the exchange, the russian side often advanced the publicans on the territory of Circassia, which led to the loss of 189 circassians for 160 russian captives. The issues of the exchange were dealt by the trans-kuban armenians, as well as circassians, who had relatives among the captives. During the exchange of prisoners the gender imbalance was discovered – 153 men and 7 women. The reasons for this imbalance was the desire of the owners to keep the russian women for economic purposes or for further sale them in Turkey.

Keywords: exchange of prisoners, Caucasian war, circassians, russian army, gender imbalance, social situation of prisoners.

1. Введение

К концу 1790-х гг. диалог между Россией и находящимися под турецким влиянием черкесами зашел в тупик. Разбои на русских территориях стали обычным делом, не менее обычным явлением стали русские пленники, находящиеся в рабстве у черкесов. О ситуации в Черкесии было доложено императору Павлу I, который и распорядился провести показательные репрессии против немирных аулов. В планах показательных репрессий важная роль отводилась быстроте вторжения с целью не только освобождения русских пленников, но и захвата значительного количества пленников из числа черкесов. Ранее мы уже рассматривали российско-турецкий диалог по черкесским вопросам в конце XVIII в. (Rajović et al., 2017). Как уже отмечалось, главной целью репрессии было взятие в плен черкесов из враждебных аулов.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), Dimao4o4@mail.ru (D.O. Ezhevski), history@pguas.ru (A.G. Vazeroва)

30 мая 1802 г. репрессаль была проведена. Согласно имеющимся данным русскими войсками было захвачено в плен 532 черкеса (Черноморские, 2014: 326-327). Взятых в плен черкесов русский император приказал не отпускать, пока не будут возвращены все русские пленники. Как и ожидалось, это спровоцировало черкесскую активность в вопросах обмена пленниками. Без всякого преувеличения начался самый масштабный обмен пленниками в истории русско-черкесских отношений. Этот обмен продолжался до 1809 г., тем не менее, большинство черкесов так и не было обменены и были причислены к Черноморскому казачьему войску. В данной статье мы хотели бы рассмотреть начальный процесс обмена пленными в период с января 1803 г. до июня 1804 г.

2. Материалы и методы

В качестве материалов использованы неопубликованные документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Привлечены к исследованию также специализированная и мемуарная литература.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Важное значение в исследовании имеет статистический метод, благодаря которому были вычислены гендерный, национальный и социальный составы обмененных пленников. Вычислены также сроки пребывания людей в плену. Внимание уделено также национальному и социальному составу откупщиков.

3. Обсуждение

Историография по вопросу обмена пленными не отличается своей многочисленностью. Известно, что обмен пленными имел место еще в период русско-византийских отношений (Филипчук, 2013). Пожалуй, одной из наиболее близких к нашей теме работ является труд Б.А. Азнабаева «Статус пленных в башкирских общинах XVII в.» (Азнабаев, 2012). В своей работе автор пытался доказать, что военнопленные либо инкорпорировались в структуру башкирских родов, либо использовались башкирами для обмена родственниками. Необходимо пояснить, что в заявленный период территории Черкесии и Башкирии были близки по социально-экономическому развитию.

Вопросом обмена пленными солдатами и офицерами между русскими и шведами в 1710 г., после Нарвского сражения занималась Т.А. Базарова (Базарова, 2017). Автор отмечает, что осенью 1710 г. русскому и шведскому правительству не удалось договориться об условиях размена захваченных под Нарвой генералов. Однако состоялся обмен только пленных солдат и офицеров по принципу «чин на чин».

С древних времен для обмена на пленных использовали захваченных заложников. Историческим предпосылкам заложничества посвятил свою работу А.М. Арипшев (Арипшев, 2015). Как правило, такие обмены заложников на пленных осуществлялись в условиях гражданского противостояния или локальных конфликтов. Так, например, такие обмены осуществлялись большевиками в период гражданской войны в России (Черкасов, 2004).

Вопросы обмена пленными активно изучаются и применимо к Первой мировой войне. Так темой русско-турецкого взаимодействия в деле защиты гуманитарных прав военнопленных занимался В.В. Познахирев (Познахирев, 2014), тема сотрудничества лиги наций и международного комитета Красного креста в деле репатриации военнопленных нашла отражение в труде Ю.С. Сильченко (Сильченко, 2011). Судьбе русских военнопленных после Февральской революции уделил внимание С.И. Чернявский (Чернявский, 2016). Проблемами обеспечения румынских военнопленных на территории Турции занимался Tunali Türkkkan (Türkkkan, 2017).

4. Результаты

Необходимо отметить, что вопросами освобождения пленников занимались не только члены семей пленников, но и купцы, получающие свои проценты за посреднические услуги, а также знать, хозяева крепостных, минимум один случай был зафиксирован о выкупе русским откупщиком. В Россию были возвращены беглые солдаты, захваченные в налетах казаки и военнослужащие регулярной армии, пленники из населения Кавказа, русское гражданское население, возвращались даже бывшие в Турции запорожские казаки. Обмен пленниками продолжался с января 1803 до июня 1804 года. Обменивали в пропорции одного человека на одного. Процедура обмена была не быстра, сперва заинтересованные лица предоставляли русских пленников, которые поступали на карантин, русская администрация выдавала документ о принятии людей и назначала время, когда обмен состоится. В связи с этим бывало, что по поручению лиц доставивших пленников, обмен получали их доверенные люди. Обмен происходил после накопления значительного количества пленников путем составления договора (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 448. Л. 126об.)

Таблица 1. Списки пленных (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 448. Л. 5, 12-120б., 20, 26, 31, 310б., 33, 330б., 57, 570б., 65, 71, 77, 87, 870б., 88, 97, 104, 118, 1180б., 126, 1260б., 143 об., 144, 1490б., 150, 155, 1550б., 156, 1600б., 1660б., 167, 1710б., 172; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 464. Л. 10б., 60б., 7, 120б.)

№ пп	Фамилия, имя	Сословие	С какого года в плену	Обмененные черкесы	Когда представлены на обмен
Предоставил на обмен армянин Темеруканов					
1	Прудкий	Казак ЧКВ ¹	-	3 мужчины и 2 женщины	12 января 1803 г.
2	Рыбаченко	Казак ЧКВ	-		
3	Журба	Казак ЧКВ	-		
4	Верещако	Казак ЧКВ	-		
5	Рыбалченко	Казак ЧКВ	-		
6	Склярченко	Казак ЧКВ	-	15 черкесов (6 мужчин и 9 женщин)	26 января 1803 г.
7	Хоменко	Казак ЧКВ	-		
8	Чубенко	Казак ЧКВ	-		
9	Чибан	Казак ЧКВ	-		
10	Виноград	Казак ЧКВ	-		
11	Соколов	Казак ЧКВ	-		
12	Шашикин	Казак ДКВ ²	-		
13	Иванов	Егерь 14-го полка	-		
14	Иванов	Крестьянин	-		
15	Лаврентьев	Крестьянин	-		
16	Хохлов	Житель Киевской губернии местечка Чернобыльского	-		26 января 1803 г.
17	Петр Рыбалченко	Казак ЧКВ	Захвачен в 1802 г.		
18	Захарий Кошман	Казак ЧКВ	Захвачен в 1802 г.		
19	Никита Шаповаленко	Егерь 14-го полка	Захвачен в 1802 г.		
20	Степан Куличенко	Житель Екатеринославской губернии Александрийского уезда села Скуколевки	Захвачен в 1801 г.		
21	Бакирка	Вдова казака ЧКВ	Захвачена 16 февраля 1803 г.		25 марта 1803 г.
22	Остап Буланый	Казак ЧКВ	20 января 1803 г.		25 марта 1803 г.
23	Григорий Лазарев	Рядовой Витебского мушкетерского полка	1799 г.		25 марта 1803 г.
24	Трофим Таран	Казенный поселянин Екатеринославской губернии	1799 г.		25 марта 1803 г.
25	Иван Казак	Казенный поселянин Екатеринославской губернии	1799 г.		25 марта 1803 г.
26	Нестор Щербина	Казак ЧКВ	Январь 1803 г.		4 апреля 1803 г.
Итого		26 русских обменены на 20 черкесов			

¹ ЧКВ – Черноморское казачье войско.

² ДКВ – Донское казачье войско.

Предоставил на обмен армянин Шумаф					
27	Николай Золотаренко	Из солдатских детей 1-го егерского полка	Захвачен в плен на Маздокской линии в 1783 г.	5 мужчин и 8 женщин, в том числе престарелые и малолетние	16 февраля 1803 г.
28	Николай Бирюков	Рядовой Саратовского мушкетерского полка	-		до 30 мая 1803 г.
29	Иван Ерест	Рядовой Суздальского мушкетерского полка	Бежал из полка в январе 1802 г.		Привел его дворянин Ислям, обмен был дан армянину Шумафу 9 марта 1803 г.
30	Матвей Светченко	Казак	-		до 30 мая 1803 г.
31	Марья Коротникова	Девица	-	В ноябре получил 3 мужчин	до 30 мая 1803 г.
32	Степан Пичка	Казак ЧКВ	-		около 30 мая 1803 г.
33	Александр Митреев	Рядовой Воронежского мушкетерского полка	-		
Итого		7 русских обменены на 16 черкесов			
Предоставил на обмен армянин Данила					
34	Яков Белый	Казак ЧКВ	-	В ноябре 1803 г. отдано 4 мужчины и 4 женщины	около 30 мая 1803 г.
35	Степан Соколенко	Рядовой Витебского мушкетерского полка	-		
36	Иван Дубина	Рядовой Витебского мушкетерского полка	-		
37	Иван Логвиненко	Рядовой Витебского мушкетерского полка	-		
38	Никита Черков	Рядовой Суздальского мушкетерского полка	-		
Итого		5 русских обменены на 8 черкесов			
Предоставил на обмен черкес Футуфаз					
39	Евдоким Гайдадим	Казак	-	1 женщина	до 30 мая 1803 г.
Итого		1 русский обменен на 1 черкеса			
Предоставил на обмен Осман					
40	Остап Буланый	Казак	-	2 мужчины и 2 женщины	до 30 мая 1803 г.
41	Федор Мищенко	Казак	-		до 30 мая 1803 г.
42	Григорий Лазарев	Рядовой Витебского мушкетерского полка	-		до 30 мая 1803 г.
43	Иван Яровенко	Крестьянин	-		до 30 мая 1803 г.

44	Филипп Мироненко	Казак ЧКВ	-	До 14 июня 1804 г. отданы 1 мужчина и 3 женщины	до 14 июня 1804 г.
45	Иван Петренко	Казак ЧКВ	Захвачен с Староредутского кордона в ноябре 1803 г.		
46	Спиридон Лукьянченко	Казак ЧКВ	-		
Итого		7 русских обменены на 8 черкесов			
Предоставил на обмен черкес Тлунстанкул					
47	Нестор Щербина	Казак	-	1 женщина малолетняя	до 30 мая 1803 г.
Итого		1 русский обменен на 1 черкеса			
Предоставил на обмен армянин Шаруп Барин					
48	Никита Черков	Рядовой Суздальского мушкетерского полка	Захвачен около Екатеринодара в 1800 г.		20 июня 1803 г.
Итого		Представлен на обмен 1 русский. Информация о цене обмена не обнаружена			
Предоставил на обмен откупщик Николаев					
49	Владимир Вареников	Казак ДКВ	Захвачен черкесами под Ейской крепостью в 1785 г.		20 июня 1803 г.
Итого		Представлен на обмен 1 русский. Информация о цене обмена не обнаружена			
Предоставил на обмен дворянин Ислям					
50	Иван Андреев	Экономический крестьянин Казанской губернии Мамадишевского округа села Омары	Примерно в 1800 г.		9 марта 1803 г.
51	Ефим Семенченко	Казак ЧКВ	В 1801 г.		9 марта 1803 г.
52	Данило Матекин	Рядовой Смоленского драгунского полка	Захвачен черкесами в 1777 г. близ Калауса		9 мая 1803 г.
53	Иван Соловьев	Житель Хорольского уезда села Марковки	Был нанят купцом матросом и продан в Анапе		9 мая 1803 г.
54	Прокофий Федоров (Он же Яков Кондратенко)	Житель Хорольского уезда села Марковки	Был нанят матросом и продан в Анапе		9 мая 1803 г.
55	Филипп Мироненко	Казак ЧКВ	В январе 1803 г.		9 мая 1803 г.
56	Фома Шамрай	Казак ЧКВ	В январе 1803 г.		9 мая 1803 г.
57	Трофим Игнатовский	Казак ЧКВ	-	Отданы 3 мужчин и 9 женщин	до 30 мая 1803 г.
58	Алексей Вовченко	Казак ЧКВ	-		до 30 мая 1803 г.
59	Ефим Семенченко	Казак ЧКВ	-		до 30 мая 1803 г.

60	Иван Кишинский	Казак ЧКВ	-		до 30 мая 1803 г.
61	Иван Андреев	Крестьянин	-		до 30 мая 1803 г.
62	Сазон Корнеев	Крестьянин	-		до 30 мая 1803 г.
63	Кондрат Ешков	Рядовой Бутырского мушкетерского полка	-		до 30 мая 1803 г.
64	Иван Хрольев	Рядовой Кабардинского мушкетерского полка	-		около 30 мая 1803 г.
65	Павло Кушнеренко	Казак ЧКВ	-	Отдано 5 мужчин из женщины	до ноября 1803 г.
66	Иван Фролов	Рядовой Кабардинского мушкетерского полка	-		до ноября 1803 г.
67	Остап Дяченко	Казак ЧКВ	-		до ноября 1803 г.
68	Захарий Неживенко	Казак ЧКВ	-		до ноября 1803 г.
69	Федор Соколов	Казак ЧКВ	-		до ноября 1803 г.
70	Ларион Смедтин	Житель Астраханской губернии уезда Ставропольского села Новотроецкого	Захвачен близ станицы Григорополисской в 1801 г.	До 14 июня отдано 5 женщин	19 июля 1803 г.
71	Кирида Ниньев	Грузин, житель города Тифлиса	Захвачен близ Моздокской крепости в 1794 г.		19 июля 1803 г.
72	Василий Иванов	Малороссиянин, турецкий запорожец	Зашел для заработка на судне в город Анапу, и близ города черкесами при нападении на Анапу был захвачен в марте 1803 г.		29 июля 1803 г. (Л. 126об.)
Итого		23 русских обменены на 22 черкеса			
Предоставил на обмен Чикис					
73	Филипп Лебедь	Казак		1 мужчина	до 30 мая 1803 г.
Итого		1 русский обменен на 1 черкеса			
Предоставил на обмен князь Абат Крымгерей					
74	Фома Шамрай	Казак ЧКВ	-	В ноябре получена 1 женщина	около 30 мая 1803 г.
Итого		1 русский обменен на 1 черкеса			
Предоставил на обмен армянин Темержан (Мануил Мержанов)					
75	Федор Лебедь (Лебедев)	Рядовой Суздальского мушкетерского полка	Захвачен в 1801 г.		18 мая 1803 г.
76	Иван Коновалов	Казак ЧКВ	Захвачен в 1801 г.		18 мая 1803 г.

77	Иван Даценко	Казак ЧКВ	Захвачен в 1802 г.		18 мая 1803 г.
78	Данила Кочерга	Казак ЧКВ	Захвачен в 1802 г.		18 мая 1803 г.
79	Семен Чернявский	Рядовой	Захвачен во время репрезали в 1802 г.		18 мая 1803 г.
80	Николай Беляев	Рядовой	Бежал к черкесам в 1800 г.		18 мая 1803 г.
81	Медтин Сараев	Рядовой 14-го егерского полка	-	2 мужчины	до 30 мая 1803 г.
82	Иван Лях	Казак ЧКВ	-	4 мужчин и 6 женщин	до 30 мая 1803 г.
83	Григорий Чорный	Казак ЧКВ	-		
84	Филип Руденко	Казак ЧКВ	-		
85	Григорий Дрига	Казак ЧКВ	-		
86	Тарас Костенко	Казак ЧКВ	-		
87	Михайло Белоус	Казак ЧКВ	-		
88	Василий Иванов	Крестьянин	-		до 30 мая 1803 г.
89	Вакула Безкровный	Казак	-	5 мужчин и 8 женщин	до 30 мая 1803 г.
90	Иван Иванченко	Казак	-		
91	Яков Дяченко	Казак	-		
92	Григорий Бакаленко	Казак	-		
93	Настасья Коротникова	Полкового хорунжего Коротникова жена	-		
94	Поручица Бакирева	Казачка	-		
95	Елена Бакиреева	Дочь поручицы Бакиреевой	-		до 30 мая 1803 г.
96	Яков Кудинец	Казак	-		до 30 мая 1803 г.
97	Иван Казак	Крестьянин	-	6 мужчин и 3 женщины, из которых 2 престарелых и два младенца	до 30 мая 1803 г.
98	Трофим Таран	Крестьянин	-		до 30 мая 1803 г.
99	Петр Буличев	Крестьянин	-		до 30 мая 1803 г.
100	Герасим Летячий	Казак ЧКВ	-	В ноябре получено 17 мужчин и 8 женщин	около 30 мая 1803 г.
101	Никита Сугаченко	Казак ЧКВ	-		до 30 мая 1803 г.
102	Федор Семенов	Казак ЧКВ	-		до 30 мая 1803 г.
103	Харитон Герасименко	Крестьянин	-		около 30 мая 1803 г.
104	Гаврило Цыбенко	Казак ЧКВ	-		19 июля 1803 г.
105	Иван Сулима	Казак ЧКВ	-		19 июля 1803 г.
106	Степан Зенович	Рядовой 14-го Егерского полка	-		9 августа 1803 г.
107	Антон Бровашенко	Подданный Войска Донского генерала Мартинова	Захвачен черкесами близ Усть-Лабы в 1800 г.		22 августа 1803 г.

108	Игнат Филатов	Рядовой Кавказского егерского корпуса	-		до ноября 1803 г.
109	Николай Федотьев	Житель города Кузнецка	-		до ноября 1803 г.
110	Семен Деркаченко	Житель села Смоши Черниговской губернии	Захвачен близ крепости Егорьевской в 1801 г.		до ноября 1803 г.
111	Филип Смайлов	Рядовой Суздальского мушкетерского полка	-	До 14 июня отданы 3 женщины	до 14 июня 1804 г.
112	Яков Брезгалов	Рядовой Кавказского егерского корпуса	-		
Итого		38 русских обменены на 62 черкеса			
Предоставил на обмен армянин Испир					
113	Антон Сом	Мещанин города Еникаля	-	В ноябре 1803 г. отдано 6 мужчин и 4 женщины	до ноября 1803 г.
114	Гаврило Беляев	Казак Донского войска	захвачен в плен в 1784 г.		29 июля 1803 г.
115	Алексей Сидоренко	Житель города Белая Церковь	В июне 1803 г. был в Еникале на рыбной ловле и непогодой прибит к черкесскому берегу		19 июля 1803 г.
116	Тихон Пиденко	Житель города Белая Церковь	В июне 1803 г. был в Еникале на рыбной ловле и непогодой прибит к черкесскому берегу		
117	Нестор (Васпер) Венкович	Рядовой Суздальского мушкетерского полка	Захвачен из Усть-Лабинской крепости в 1796 г.		18 августа 1803 г.
118	Иван Ляшенко	Казак ЧКВ	Захвачен с Марьинского кордона в августе 1803 г.		
119	Гаврило Швидкий	Казак ЧКВ	Захвачен с Марьинского кордона в августе 1803 г.		
120	Иван Гриценко	Казак ЧКВ	Захвачен с Марьинского кордона в августе 1803 г.		
Итого		8 русских обменены на 10 черкесов			
Предоставил на обмен закубанский владелец Магметом Калабатом Оглы					
121	Афанасий Курчанский	Житель города Чернигова	Захвачен в 1798 г.	2 мужчины и 5 женщин	31 мая 1803 г.
122	Захарий Неспивой	Казак ЧКВ	Захвачен в 1799 г.		31 мая 1803 г.
123	Тарас Костенко	Казак ЧКВ	Захвачен в январе 1803 г.		31 мая 1803 г.

124	Иван Плохий	Казак ЧКВ	Захвачен в апреле 1803 г.		31 мая 1803 г.
125	Павло Кушнеренко	Казак ЧКВ	Захвачен в апреле 1803 г.		31 мая 1803 г.
126	Иван Шамкий	Казак ЧКВ	-		до 30 мая 1803 г.
127	Игнат Булка	Казак ЧКВ	-		до 30 мая 1803 г.
128	Иван Коломийченко	Крестьянин	-	Отдано в ноябре 4 мужчин и 3 женщины	около 30 мая 1803 г.
129	Иван Подгородний (Подгорный)	Крестьянин	-		
130	Езоф (Иозеф) Кочинский	Крестьянин	-		
131	Остап Дяченко	Казак ЧКВ	-		
132	Федор Кузь	Рядовой 14-го егерского полка	Бежал к черкесам в мае 1803 г.		
133	Матвей Мансуров (Макаров)	Фурлет артиллерийской команды	Захвачен в плен 1788 г.		15 июня 1803 г.
Итого		13 русских обменено на 14 черкесов			
Предоставил на обмен князь Алкас					
134	Иван Кравченко	Казак ЧКВ	-	1 женщина	до 30 мая 1803 г.
135	Илим Стрига	Казак ЧКВ	-	В ноябре отданы 3 женщины	29 июля 1803 г.
136	Антон Михеев	Казак ДКВ	захвачен в плен в 1802 г.		
137	Прокофий Судиченко	Казак ЧКВ	-		
Итого		4 русских обменено на 4 черкеса			
Предоставил на обмен армянин Данила Самойлов					
138	Яким Поспелов	Житель Астраханской губернии г. Ставрополя	Захвачен в 1803 г.	Отданы в ноябре 1803 г. 1 мужчина и 2 женщины	12 августа 1803 г.
139	Прокофий Дорошенко	Рядовой 14-го егерского полка	Бежал к черкесам в июне 1803 г.		19 июля 1803 г.
Итого		2 русских обменены на 3 черкеса			
Предоставил на обмен Данила Григорьев					
140	Клим Егупов	Рядовой Суздальского мушкетерского полка	Захвачен черкесами у Кавказской станицы в 1800 г.	Отданы в ноябре 2 мужчины и 2 женщины	19 июля 1803 г.
141	Ермолай Васильев	Рядовой 15-го Егерского полка	Захвачен в 1803 г.		19 июля 1803 г.
142	Андрей Цыбриченко	Казак ЧКВ	Захвачен с Журавлевого кордона в августе 1803 г.		18 августа 1803 г.
143	Федор Шатило	Казак ЧКВ	Захвачен близ селения Тимошевского в августе 1803 г.		18 августа 1803 г.

144	Татьяна	Девица ЧКВ	-	До 14 июня 1804 г. отданы 1 мужчина и 2 женщины	До 14 июня 1804 г.
Итого		5 русских обменены на 8 черкесов			
Предоставил на обмен черкес Гапач					
145	Мирон Бедный	Казак ЧКВ	Захвачен близ Калаусского кордона в августе 1803 г.	До 14 июня отдано 3 мужчины и 5 женщин	8 ноября 1803 г.
146	Федор Хиленко (Хизенко)	Казак ЧКВ	Захвачен близ Калаусского кордона в августе 1803 г.		8 ноября 1803 г.
147	Алампей (Климент) Круглеченко	Казак ЧКВ	Захвачен близ Калаусского кордона в августе 1803 г.		8 ноября 1803 г.
148	Иван Ярмоленко	Казак ЧКВ	-		
149	Степан Беземный	Бродяга	-		
Итого		5 русских обменены на 8 черкесов			
Предоставил на обмен Хамбулет					
150	Андрей Заброды	Казак ЧКВ	-	Отданы до 14 июня 1804 г. 2 женщины	до 14 июня 1804 г.
Итого		1 русский обменен на 2 черкесов			
Предоставили на обмен закубанцы (имена, которых не уточняются)					
151	Степан Бычок	Крестьянин	Захвачен в 1802 г. близ селения Видная		19 июля 1803 г.
152	Иван Бахмут	Крестьянин	Захвачен в 1802 г. близ селения Видная		19 июля 1803 г.
153	Филипп (фамилия неразборчива)	Рядовой Астраханского драгунского полка	Захвачен в плен близ Большой Кабарды в 1788 г.		19 июля 1803 г.
154	Харитон Недвига	Житель города Белой Церкви	Захвачен близ Георгиевской крепости в 1789 г.		29 июля 1803 г.
155	Иван Степанов	Рядовой Владимирского драгунского полка	-		6 августа 1803 г.
156	Захарий Харитонов	Рядовой Ладожского пехотного полка	Захвачен на реке Терек в 1785 г.		9 октября 1803 г.
157	Татьяна Седельникова	Дочь казака ЧКВ	Захвачена близ селения Роговского в августе 1803 г.		9 октября 1803 г.
158	Свирид Лунеченко	Казак ЧКВ	Захвачен с Староредутского кордона в ноябре 1803 г.		23 января 1804 г.
159	Алексей Смольянинов	Рядовой 12-го егерского полка	Бежал к черкесам в ноябре 1803 г.		9 февраля 1804 г.

160	Григорий Волошин	Казак ЧКВ	Бежал к черкесам в 1803 г.	12 марта 1804 г.
Итого		Представлены на обмен 10 русских. Информация о цене обмена не обнаружена		
Всего		160 русских были обменены на 189 черкесов		

153 человека были предоставлены откупщиками в 1803 году и 7 – в первую половину 1804 г.

Несмотря на то, что в [таблице 1](#) имеются пробелы в обмене за русских пленников черкесов, сводные данные позволяют нам утверждать, что за 160 русских было выплачено 189 черкесов, то есть за одного российско-подданного отдали больше чем полагалось черкесов. Причиной переплаты на наш взгляд, было желание как можно больше вернуть из Закубанья русских людей, в результате этого имела место практика авансирования откупщиков.

В гендерном отношении из 160 пленников, 153 чел. составляли мужчины и только 7 чел. женщины. Причинами такого дисбаланса было желание придержать русских женщин для работы в собственных хозяйствах или для продажи в Турцию.

По социальному положению 3 женщины были женами или детьми русских офицеров, все остальные 157 пленников относились к казакам, рядовым армейских полков, жителям населенных пунктов и крестьянам, то есть к простолюдинам. Среди пленников был даже 1 бродяга. Большинство пленников составляли казаки и казачки Черноморского казачьего войска – 71 человек, 4 казака Донского казачьего войска, 13 казаков, принадлежность к конкретному войску у которых была не указана. 35 человек относились к рядовому составу армейских пехотных полков, среди них был один артиллерист. 15 человек были записаны как крестьяне, 14 – жителями различных городов и местечек. Таким образом, более половины всех пленников (88 человек) составляли казаки, следующими по количеству пленников были рядовые армейских полков, за ними крестьяне и жители.

Анализируя данные [таблицы 1](#) необходимо отметить, что за указанное время, то есть за 1,5 года от закубанцев самостоятельно бежали только 6 российско-подданных пленников, из них 4 русских, черкес и ногаец. Среди русских пленников был Семен Васильев, который в 1803 г. бежал из полка к закубанцам, а в марте 1804 г. сделал такой же побег обратно ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 464. Л. 120б.](#)). Причиной успешного побега, на наш взгляд, стал не строгий надзор за беглецом, который добровольно пришел в Закубанье. Как правило, надзор за пленными был силен и их сразу отправляли в горы и первые несколько лет, в буквальном смысле слова, с них не спускали глаз.

Из 160 возвращенных в Россию пленников 158 были русскими, 1 грузином и 1 турецкоподданным запорожским казаком. Интересно отметить, что запорожский казак Василий Иванов прибыл из Турции на заработки в Анапу и близ крепости, при нападении черкесов на Анапу, был захвачен в марте 1803 г. ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 448. Л. 126об.](#)) Вероятно, несмотря на протесты запорожского казака, черкесы не вдаваясь в подробности, выдали его русской стороне.

[Таблица 1](#) содержит сведения о времени нахождения в плену 65 человек. Так, из 65 человек, шестеро сами бежали к черкесам и были выданы на обмен (то есть почти каждый 10-й), 1 человек, уже упоминавшийся турецкий запорожец Василий Иванов, был захвачен черкесами у турок, а остальные захвачены на русской территории. Из 65 пленников менее года в рабстве провели 29 человек, от 1 года до 3 лет – 21 человек, от 4 до 9 лет – 7 человек, более 10 лет в рабстве провели 8 человек, из них 1 человек провел в плену 26 лет. Максимальное количество лет в рабстве принадлежит Данило Матекину, бывшему рядовому Смоленского драгунского полка, захваченному в плен черкесами близ Калауса в 1777 году!!! Этот факт является одним из самых ранних документально зафиксированных случаев захвата русских черкесами.

Наличие значительного количества недавно захваченных в плен российско-подданных свидетельствует о продолжении набегов на русскую территорию. В результате в начале декабря 1804 года была проведена еще одна репрессаль против отличившихся в набеге черкесов, в этот раз против нескольких шапсугских селений. Эта операция, проводившаяся 4 декабря 1804 г. осталась не вписанной в историю Кавказской войны. В «Сборнике сведений о потерях кавказских войск» ([Сборник сведений о потерях, 1901](#)) экспедиция не отражена. Экспедиционный отряд в несколько тысяч человек ночью пересек реку Кубань и в течение дня действовал тремя колоннами. Согласно секретного рапорта войскового атамана Черноморского казачьего войска полковника Бурсака на имя военного губернатора Херсона генерала от инфантерии Розенберга в ходе столкновений черкесы потеряли 400 человек убитыми. В экспедиционных войсках были следующие потери: в колонне подполковника Еремеева убиты полковой хорунжий Недужко, сотенный есаул Борознин, казаков убито – 23, ранено 4, в колонне подполковников Бурноса казаков убито – 8, ранено – 12, в колонне Малова убито – 6, ранено – 10. Таким образом, в ходе операции было убито 39 человек и 26 ранено ([ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 485. Л. 64об.](#)). О количестве пленных с обеих сторон в источнике не сообщалось.

Вопросами обмена пленниками занимались разные люди черкесы, армяне и русские. Из 160 пленников, 150 были представлены на обмен конкретными лицами и только в 10 случаях, лиц

представивших пленников на обмен восстановить не удалось. В [таблице 2](#) представлены откупщики и количество пленников, которое ими было представлено.

Таблица 2. Список откупщиков и количество пленников, которые ими были предоставлены

№ пп	Имя откупщика	Национальность	Количество пленных	%
1	Темеруканов	армянин	26	17,4
2	Шумаф	армянин	7	4,65
3	Данила	армянин	5	3,3
4	Футуфаз	черкес	1	0,67
5	Осман	вероятно черкес	7	4,65
6	Тлунстанкул	черкес	1	0,67
7	Шаруп Барин	армянин	1	0,67
8	Николаев	русский	1	0,67
9	Ислям, дворянин	черкес (бжедех)	23	15,4
10	Чикис	вероятно черкес	1	0,67
11	Абат Крымгерей, князь	черкес	1	0,67
12	Темержан (Мануил Мержанов)	армянин	38	25,4
13	Испир	армянин	8	5,35
14	Магмет Калабат Оглы	черкес (натухаец)	13	8,65
15	Алкас, князь	черкес (бжедех)	4	2,6
16	Данила Самойлов	армянин	2	1,3
17	Данила Григорьев	вероятно армянин	5	3,3
18	Гапач	черкес	5	3,3
19	Хамбулет	вероятно черкес	1	0,68
Итого			150	100

Из 19 откупщиков 10 были черкесами, 8 армянами и 1 русским. На долю армян приходилось 92 пленников, что составляет более 61 % от общего количества пленников. Черкесы представили на обмен 57 пленников или 38 %. Оставшийся 1 пленник приходился на долю русского откупщика. В целом необходимо отметить, что обмен пленниками для черкесов не являлся перспективным занятием, к этим вопросам большее тяготение проявляли армяне. Если черкесы и занимались обменом пленных, то только с целью вызволить из русского плена своих родственников. Так, закубанский владелец Магмет Калабат Оглы, представивший на обмен 13 пленников, преследовал цель вызволить своих родственников, в том числе племянника по имени Таз Гусие (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 476. Л. 2). 4 февраля 1804 г. натухаец Магмет Калабат Оглы обратился к войсковому атаману Ф.Я. Бурсаку с письмом, письмо приведем полностью: «Дружелюбный сосед мой¹, Федор Яковлевич! Всепокорнейше прошу вас, что и вас просил и прежде сего, которые есть у вас две заниньские² девки, то всепокорнейше прошу оных как можно постараться, чтобы оных ко мне выдать, хотя за цену, то все покорнейше прошу, ибо я приеду в Каракубань сего месяца февраля 15-го дня. 1 девка именем Хан, 2-я – Зимха. В прочим, остаюсь милостивый государь, слуга Магомет Колубат Углу» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 482. Л. 3).

5. Заключение

Обмен пленными в 1803–1804 гг. стал одним из наиболее результативных мероприятий по возвращению российско-подданных граждан в Россию. В ходе обмена русская сторона часто авансировала откупщиков на территории Черкесии, что привело к тому, что за 160 русских пленников было отдано 189 черкесов. Вопросами обмена занимались закубанские армяне, а также черкесы, которые имели среди пленников родственников. В ходе обмена пленными был обнаружен гендерный дисбаланс 153 чел. мужчины и 7 чел. женщин. Причинами такого дисбаланса было желание хозяев сохранить русских женщин для хозяйственных целей или для дальнейшей продажи их в Турцию.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения квалификации РУДН «5–100» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2016–2020 гг.

¹ Магмет Калабат Оглы проживал близ Анапы, то есть в непосредственной близости к войсковой земле.

² Речь идет о женщинах принадлежащих фамилии владельца.

Литература

- Азнабаев, 2012** – Азнабаев Б.А. Статус пленных в башкирских общинах XVII в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2012. № 4-1 (76). С. 12-16.
- Арипшев, 2015** – Арипшев А.М. Исторические предпосылки заложничества // *Актуальные направления научных исследований: от теории к практике*. 2015. № 3 (5). С. 469.
- Базарова, 2017** – Базарова Т.А. «Долгая дорога домой»: возвращение русских военнопленных в 1710 г. // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2017. № 18 (1-2). С. 66-73.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- Познахирев, 2014** – Познахирев В.В. Русско-турецкое взаимодействие в деле защиты гуманитарных прав военнопленных в годы Первой мировой войны // *Клио*. 2014. № 10 (94). С. 99-101.
- Сборник сведений о потерях, 1901** – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.
- Сильченко, 2011** – Сильченко Ю.С. Сотрудничество лиги наций и международного комитета Красного креста в деле репатриации военнопленных // *Экономика. Управление. Право*. 2011. № 8. С. 63-66.
- Филипчук, 2013** – Филипчук А.М. Пленные русы в русско-византийских договорах: цена и обмен // *Восточная Европа в древности и средневековье*. 2013. Т. 25. С. 259-263.
- Черкасов, 2004** – Черкасов А.А. Институт заложничества на Кубани и Черноморье в 1920–1922 гг. // *Вопросы истории*. 2004. № 10. С. 106-113.
- Черноморские, 2014** – Черноморские казаки. / И.Д. Попко, П.П. Короленко. М., 2014.
- Чернявский, 2016** – Чернявский С.И. Февральская революция 1917 года и судьба военнопленных // *Международная аналитика*. 2016. № 4 (18). С. 71-83.
- Rajović et al., 2017** – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. Circassia in the Russian-Turkish relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries // *Bylye Gody*. 2017. 45(3). pp. 803-810.
- Türkkan, 2017** – Türkkan Tunali Y. Romanian prisoners of war in the Ottoman territories during the first world war | [I. dünya savaşı'nda Osmanlı topraklarındaki Romen esirler]. // *Journal of Modern Turkish History*. 2017. 13(25), pp. 80-116
- Ulianova, 2014** – Ulianova O. Corvalán for Bukovsky: A real exchange of prisoners during an imaginary war. the Chilean dictatorship, the Soviet Union, and US mediation, 1973–1976. // *Cold War History*. 2014. 14(3), pp. 315-336.

References

- Aznabaev, 2012** – Aznabaev B.A. (2012). Status plennykh v bashkirskikh obshchinakh XVII v. [The status of prisoners in the bashkir communities of the XVII century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-1 (76). pp. 12-16. [in Russian]
- Aripshv, 2015** – Aripshv A.M. (2015). Istoricheskie predposylki zalozhnichestva [The historical prerequisites for hostage-taking]. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike*. № 3 (5). pp. 469. [in Russian]
- Bazarova, 2017** – Bazarova T.A. (2017). «Dolgaya doroga domoi»: vozvrashchenie russkikh voennoplennykh v 1710 g. [“The long road home”: the return of russian war prisoners of war in 1710]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*. № 18 (1-2). pp. 66-73. [in Russian]
- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [The state archives of the Krasnodar territory].
- Poznakhirev, 2014** – Poznakhirev V.V. (2014). Russko-turetskoe vzaimodeistvie v dele zashchity gumanitarnykh prav voennoplennykh v gody Pervoi mirovoi voiny [The russian-turkish cooperation in the protection of humanitarian rights of war prisoners during the First world war]. *Klio*. № 10 (94). pp. 99-101. [in Russian]
- Sbornik svedenii o poteryakh, 1901** – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoj, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspian region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]
- Sil'chenko, 2011** – Sil'chenko Yu.S. (2011). Sotrudnichestvo ligi natsii i mezhdunarodnogo komiteta Krasnogo kresta v dele repatriatsii voennoplennykh [The cooperation between the league of nations and the international committee of the Red Cross in the field of the repatriation of war prisoners]. *Ekonomika. Upravlenie. Pravo*. № 8. pp. 63-66. [in Russian]
- Filipchuk, 2013** – Filipchuk A.M. (2013). Plennye rusy v russko-vizantiiskikh dogovorakh: tsena i obmen [The captured russes in the russo-byzantine treaties: price and exchange]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. Т. 25. pp. 259-263. [in Russian]
- Cherkasov, 2004** – Cherkasov A.A. (2004). Institut zalozhnichestva na Kubani i Chernomor'e v 1920–1922 gg. [The institute of hostage at the Kban and Black Sea region, 1920-1922.]. *Voprosy istorii*. № 10. pp. 106-113. [in Russian]
- Chernomorskie, 2014** – Chernomorskie kazaki [Black sea cossacks]. I.D. Popko, P.P. Korolenko. М., 2014.

Chernyavskii, 2016 – Chernyavskii S.I. (2016). Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda i sud'ba voennoplennykh [The February revolution of 1917 and the fate of war prisoners]. *Mezhdunarodnaya analitika*. № 4 (18). pp. 71-83. [in Russian]

Rajović et al., 2017 – Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M. (2017). Circassia in the Russian-Turkish relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries. *Bylye Gody*. 45(3). pp. 803-810.

Türkkan, 2017 – Türkkan Tunali Y. (2017). Romanian prisoners of war in the Ottoman territories during the first world war | [I. dünya savaşı'nda Osmanlı topraklarındaki Romen esirler]. *Journal of Modern Turkish History*. 13(25), pp. 80-116

Ulianova, 2014 – Ulianova O. (2014). Corvalán for Bukovsky: A real exchange of prisoners during an imaginary war. the Chilean dictatorship, the Soviet Union, and US mediation, 1973–1976. *Cold War History*. 14(3), pp. 315-336.

УДК 93/94

Обмен пленными как новая форма русско-черкесского диалога в начале XIX века: часть 1

Горан Райович ^{a,*}, Дмитрий Олегович Ежеский ^b, Алла Геннадьевна Вазерова ^c, Милица Трайлович ^d

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^d Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматривается обмен пленными как форма русско-черкесского диалога, которая позволила в 1803–1804 гг. вернуть на родину 160 русских пленников. Уделено внимание социальному, гендерному составу русских пленников, даны характеристики лицам, которые выступали в роли обменщиков. Проанализированы материалы организации обмена пленными.

В качестве материалов использованы неопубликованные документы государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Привлечена к исследованию также специализированная и мемуарная литература.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Важное значение в исследовании имеет статистический метод, благодаря которому были вычислены гендерный, национальный и социальный составы обмененных пленников. Вычислены также сроки пребывания в плену. Внимание уделено национальному и социальному составу откупщиков.

В заключении авторы отмечают, что обмен пленными в 1803–1804 гг. стал одним из наиболее результативных мероприятий по возвращению российско-подданных граждан в Россию. В ходе обмена русская сторона часто авансировала откупщиков на территории Черкесии, что привело к тому, что за 160 русских пленников было отдано 189 черкесов. Вопросами обмена занимались закубанские армяне, а также черкесы, которые имели среди пленников родственников. В ходе обмена пленными был обнаружен гендерный дисбаланс – 153 мужчины и 7 женщин. Причинами такого дисбаланса было желание хозяев сохранить русских женщин для хозяйственных целей или для дальнейшей продажи их в Турцию.

Ключевые слова: обмен пленными, Кавказская война, черкесы, русская армия, гендерный дисбаланс, социальное положение пленников.

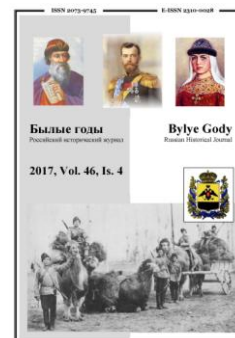
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), Dima0404@mail.ru (Д.О. Ежеский), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1275-1282, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1275
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Estimates of the Colonial Policy of Great Britain in Malaya and Singapore

Sergey O. Buranok^{a,*}, Stanislav G. Malkin^a, Yaroslav A. Levin^a

^a Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation

Abstract

Questions about the evolution of the colonial system, its forms and methods of administration, the possibility of applying the experience of colonial empires were one of the most popular and very debatable in the world, including the Russian public during the new history, especially the 19th century. A study of the assessments of the state of the British colonial system will make it possible to determine a broader set of models for solving the colonial issue than an analysis of only the opinion of the expert community and the diplomatic corps, and, most importantly, will provide an opportunity to deeper and more specifically the notions of practical approaches in international relations in the context of the transformation of the world order in the nineteenth century. Russian documents and materials devoted to the search for the most effective and optimal strategy for building relations with both colonial empires and dependent territories show, among other things, the steady interest of Russian society in the negative and positive experience of colonial policy. Moreover, this experience in the press (as well as diplomatic documents), voluntarily or unwittingly, was constantly compared with Russian approaches and principles, creating a stable public discourse that encompassed not only the "cornerstones" of international relations of the nineteenth century but also actualized new for Russian diplomacy Malay problem, the Indian question, the Indochinese problem. Analyzing the documents from this angle, it is important to determine the specific content of each of the "colonial themes", and the overall attitude of diplomats, military, editors and journalists, as applied to the prospects of the colonial system in the 19th century and the practical experience that colonial empires can provide new historical conditions. We emphasize that it is not just an analysis of the opinions of the press and the positions of experts and diplomats, but also an attempt to look at the colonial issue as a special phenomenon of intellectual history directly related to the process of making decisions on Russia's foreign policy.

Keywords: Colonialism, the Russian press, the British Empire, Singapore, Southeast Asia, colonial experience, international relations.

1. Введение

В изучении истории международных отношений и отдельных ведущих держав проблематика колониального знания играет всё более заметную роль с наступлением эпохи деколонизации и постколониальных исследований (*Engaging Colonial*, 2012: 7–11). Во многом это обстоятельство связано с тем, что затрагиваемые в её рамках сюжеты находятся на перекрестке не только различных направлений исторических исследований, но и актуальных политических дискуссий.

При этом особая роль, которую информация о колониях и других зависимых территориях играла в сохранении и укреплении власти метрополий, создаёт постоянную угрозу стремительного перерождения академического спора об особенностях колониальной политики в прошлом в публичную и весьма ангажированную полемику по поводу наследия империй в наши дни. В этом плане, русские документы о колониальной политике Великобритании в Сингапуре и Юго-Восточной Азии представляют собой

* Corresponding author

E-mail addresses: witch-king-1@mail.ru (S.O. Buranok)

интересный комплекс источников, посвящённый анализу колониального опыта, с точки зрения и «непредвзятого наблюдателя/пратнёра» и, одновременно, заинтересованного соперника.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование базируется не столько на методах популярного направления историческая имагология (в задачи авторов статьи не входит анализ формирования образа Британской империи), сколько на методологическом синтезе – как на историографическом, так и на междисциплинарном уровнях современного гуманитарного знания. Такой методологический подход к изучению заявленной темы позволяет скорректировать выводы исследований о преимущественно силовом характере европейской имперской экспансии, а также поставить вопрос о том, как колониальный опыт Великобритании изучался, анализировался и воспринимался другими державами, в частности, Россией.

При этом созданные зарубежными коллегами труды в последнее время, как правило, отражают тесную связь между властью метрополии и колониальным знанием через особую аналитическую призму – роль армии, полиции и разведывательных служб как колониальных институтов Британской империи в умиротворении и социально-экономической модернизации и политической трансформации её мятежных владений (Cooper, 2002: 7–43; Cox, 2004: 588–592. Marten, 2004; Parchami, 2009; Immerman, 2010; Morefield, 2014).

Выводя исследования за традиционные рамки изучения роли армии как инструмента экспансии и социального лифта для подданных империи, они расширяют пространство историографических дискуссий за счёт более пристального внимания к феноменам социальной инженерии, колониального знания и контрпартизанской борьбы в изучении военного присутствия в колониях и на окраинах империи (Guardians of Empire, 1999). Русские документы XIX в. о Сингапуре позволяют увидеть истоки такого подхода, понять информационную базу, положившую начало многим современным политическим и методологическим подходам в изучении колониализма.

3. Обсуждение

Эволюция форм, методов и способов обращения с колониальным знанием с целью предотвращения мятежей и восстаний в империях в XIX – начале XX вв., укрепления их геополитического положения раскрывается в аналитически выверенной работе американского историка Джеймса Хевиа на примере Британской империи: «Государство имперской безопасности. Британское колониальное знание и строительство империи в Азии», посвящённой малоизученным аспектам этого поворотного периода в истории и переходом «от Больших игр к имперской безопасности» (Hevia, 2012).

Именно в американской исторической науке поворот к истории империй (в том числе в рамках «новой имперской истории») заметен особенно, являясь не только реакцией на актуальные политические реалии, но и попыткой преодолеть институциональный кризис и избежать маргинализации британских исследований (Хоу, 2011: 21; Байлу, 1996). Взгляд русских современников на эти процессы XIX – начала XX вв. почти не рассматривался или изучался в контексте исторической имагологии, истории внешней политики и международных отношений или истории колониализма (Козлова, 2008: 31; Райков, 1964; Айзенштат, 2008: 212; Ведерников, 1997; Итенберг, 1999; Колмаков, 1985; Парфенов, 1978; Минаев, 2014а; Минаев, 2012b).

4. Результаты.

Политика Великобритании в Малайе, как и в целом в Юго-Восточной Азии всегда вызывала внимательный интерес со стороны как других великих держав, так и со стороны новых, молодых «игроков» на международной арене. В XIX в. выделяются две державы – США и Российская империя, чей анализ форм и методов британского колониального правления создаёт специфический общественно-политический дискурс, оказывающий влияние и на формирование образа Британской империи в данных странах, и на конкретные внешнеполитические действия в Юго-Восточной Азии.

Важной частью этого дискурса стало осмысление российскими и американскими политиками, военными и экспертами значения колониального опыта Великобритании, в контексте выработки собственной политики по отношению к Малайе, Индонезии, Сингапуру. Сравнение американского и российского восприятия колониального опыта Великобритании в Юго-Восточной Азии позволит определить информационную базу, на которой строились международные отношения в этом сложном регионе.

Первая информация в XIX в. о деятельности Великобритании в Юго-Восточной Азии публиковалась на страницах «Вестника Европы» в 1804 г. Это были очень краткие заметки из рубрики «Перечень известий из Лондона...», где приводились цитаты о событиях в Юго-Восточной Азии (Перечень известий, 1804а; Перечень известий, 1804b). Подборка новостей была сделана П.П. Сумароковым и не содержала оценочных характеристик, а там более, анализа особенностей колониальной политики Великобритании. Однако, тематическое распределение П.П. Сумароковым новостей определило первые направления российского интереса к Индонезии и Малайе: это информация о конфликтах, столкновениях и войнах, в которых участвуют британские войска, а также

о вывозимых с данных территорий ресурсах. Почти сразу появляется и другой интерес: этнографический (Смесь, 1807).

На протяжении всей первой половины XIX в. главный интерес русских дипломатов и журналистов концентрировался вокруг ситуации в Индонезии и англо-голландского (а так же англо-французского) соперничества в регионе. В рамках распространения информации о деталях этого соперничества в 1824 г. появляются первые сведения в русской печати о Сингапуре: «Король Великобританский уступает притязания свои на занятие Нидерландцами острова Биллетона, а Король Нидерландский отказывается от таковых же притязаний на острове Синкапор» (Политические, 1824). С этого времени новый порт и колония Великобритании всё чаще попадают на страницы русской печати и в донесения дипломатов, что помогает осмыслить начальный процесс понимания и анализа британского колониального опыта.

«Московский телеграф» в 1826 г. опубликовал одно из наиболее полных описаний (для прессы) географии, населения, политического устройства Индокитая и Малайи (Состояние, 1826). О Сингапуре в этом очерке упоминаний нет, но охарактеризованы Британские владения в Малайе в целом. Отмечены заслуги Великобритании в распространении знаний об этом удалённом регионе и налаживании торговли с ним.

Важным событием в формировании русских знаний о Сингапуре и непосредственной предпосылкой к анализу колониального опыта стала публикация книги русско-американского путешественника П.В. Добеля «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге» (1833). В записках П.В. Добель указывает: «Учреждение Синкапорского поселения есть одно из выгоднейших и самых политических предприятий, когда-либо исполненных для увеличения британской торговли и, я могу смело прибавить, для доставления в руки англичан почти всей малайской торговли и для уничтожения голландского влияния в Суматре. Г-н Рафлс, виновник сего удачного предприятия в Синкапоре, имел удовольствие перед кончиной своею видеть, как колония сия процветала. Теперь же она сделалась складочным местом всей малайской торговли. Туда стекаются суда и ионки со всего Востока для покупки и промена своих произведений на европейские» (Добель, 2002: 202).

П.В. Добель как опытный путешественник, много лет проживший в Китае, Индонезии и на Филиппинах, одним из первых в российском обществе отметил значение колониального опыта Великобритании на примере Сингапура, причём охарактеризовал его в исключительно положительном контексте. Кроме того, П.В. Добель указал на будущее Сингапура в долгосрочной перспективе, что является немаловажным фактором при оценке восприятия «заморского опыта» другой империи.

Другим, не менее значимым фактором является распространение суждений П.В. Добеля в российском обществе: ещё до публикации его записок в виде отдельной книги её основные положения, равно как и наблюдения автора, обсуждались с братьями Брюлловыми, А.С. Джунковским, Н.И. Гречем, И.Ф. Крузенштерном, Н.С. Мордвиным (Добель, 2002: 16).

Таким образом, можно говорить, что к книге П.В. Добеля и его взглядам внимательно отнеслись представители русского общества, и проблема осмысления британского опыта управления Юго-Восточной Азией стала пусть и не слишком значимым, но элементом внешней политики России. Об этом свидетельствуют более поздние документы министерства иностранных дел.

В 1846 г. русский посланник в Нидерландах Ф.П. Мальтиц писал канцлеру К.В. Нессельроде по поводу состояния дел в Сингапуре: «Здесь [имеются в виду Нидерланды. – С.Б.] с нетерпением ожидают сведений о результатах экспедиции, которую генерал-губернатор Восточной Индии должен был направить на северный берег острова Бали. Туземные султаны, которым, по имеющимся сведениям, удалось собрать 30 000 человек и совершить большие закупки оружия в Сингапуре, готовились оказать решительное сопротивление экспедиционной армии, насчитывающей 3000 человек, из которых лишь 400 солдат – европейцы» (Из истории, 1958: 108).

Из донесения видно, что МИД России в середине XIX в. оценивал Сингапур уже не только как важнейший порт Британской империи в Юго-Восточной Азии, но и как базу для подрывной деятельности англичан против другой колониальной империи – Голландской. Вывод Ф.П. Мальтица о роли Сингапура в экономических и военно-политических процессах региона подкрепляется в его донесении цитатами голландских военных, которые считают, что эффективное сопротивление британской политике уже невозможно, т.к. «победа над туземцами не прибавит нам [голландцам] большой славы, но поражение или полусуспех привели бы к самым неприятным для нас последствиям. Власть, которую мы осуществляем на Индонезийском архипелаге над местным населением, насчитывающим 12 миллионов душ, является лишь моральной властью. Султаны Явы терпят иго Европы лишь из страха перед ней, и малейшая победа над нами со стороны повстанцев на острове Бали могла бы уничтожить наш престиж в глазах яванцев и возродила бы надежды, с трудом скрываемые туземными вождями этого народа» (Из истории, 1958: 108).

Если рассматривать данное донесение в контексте восприятия европейского и, в том числе, британского колониального опыта, то можно сделать вывод, что чисто военные методы Нидерландов расценивались как бесперспективные и в российском МИДе, и самими военно-политическими деятелями Нидерландов. Тогда как политика Великобритании по использованию местных элит, их

вооружению и столкновению с другими как локальными, так и глобальными лидерами – вызывала у русских дипломатов самый пристальный интерес. И Сингапур как центр такой политики всё чаще стал попадать в доклады МИДа и русскую прессу.

Однако, в период между 1846 и 1873 гг. подход к оценке Сингапура в России не претерпел каких-либо значительных изменений: так, в 1873 г. Н.А. Столыпин по-прежнему писал А.М. Горчакову о закупах «туземными султанами» в Сингапуре оружия и его использовании против голландских властей (*Из истории, 1958: 117*). Единственным новым значимым элементом в данных оценках стало напряженное внимание к появлению в Сингапуре новых держав: Италии и США, чьи дипломаты стремятся использовать туземные элиты для противостояния с Нидерландами, чьи колониальные методы и администрация уже «скомпрометировали престиж своей колониальной мощи перед великими державами, заинтересованными в ограничении оборонительной силы Голландии» (*Из истории, 1958: 118*).

Следовательно, получается, что в США так же внимательно относились к колониальному опыту Великобритании, и американские (и, отчасти, итальянские) дипломаты пытались действовать таким же образом в своей азиатской политике. Для российского МИДа такое подражание британским методам было ещё одним доказательством более эффективной политики, реализуемой Великобританией в Юго-Восточной Азии.

Поэтому, когда начались регулярные сбои обозначенной британской политики, русские эксперты отнеслись к ним с большим интересом и попытались дать им первоначальный анализ. 29 ноября 1875 г. русский военный агент в Лондоне А. П. Горлов направил рапорт начальнику Главного штаба Ф.Л. Гейдену о восстании в Пераке. Начинается данный документ весьма любопытно: «Вашему сиятельству известно о вооружённом восстании против англичан, вспыхнувшем подле английских колоний, расположенных у Малаккского пролива. Причины, давшие начало этому восстанию, во всём подобным тем, которые произвели у них недавно затруднения с Бурмой (так во второй половине XIX в. иногда называли в России Бирму – С.Б.) – в Карении; в Ассаме – в стране Нага и т.п. и сходны с теми, которые производят восстания близ наших владений в Азии. Они неизбежно проявляются при близкой географической встрече больших владений образованной нации с варварскими» (*Политика, 1965: 212*).

Подобное объяснение причин восстаний имеет несколько особенностей.

Во-первых, сравнение истоков мятежей во владениях Великобритании и России. Это показывает, что подход офицеров Генерального штаба России к колониальному опыту Великобритании был весьма практичным, т.е. иными словами – политика Британской империи в Юго-Восточной Азии изучалась русскими экспертами не только для понимания общих процессов в регионе, для анализа перспектив развития империи, для определения специфики управления в великих империях, но и для поиска универсальных «рецептов» урегулирования мятежных ситуаций на собственных окраинах. Такой подход к сравнительной характеристике окраин империй был характерен и для начала XIX в. (*Буранок, 2016: 23–28*).

Это подкрепляется последней фразой из предисловия к рапорту, где военный агент подчёркивает глобальный и закономерный характер причин восстаний, вытекающий, по его мнению, из противопоставления цивилизованных и варварских народов, а также из-за географического положения держав. Следовательно, раз причины восстаний имеют универсальный характер, то и «модель умиротворения» тоже может быть универсальной. А чтобы данную модель наилучшим образом сформировать (например, в рамках Генерального штаба), необходимо изучение опыта Великобритании. Именно в этом контексте военный агент в Лондоне А.П. Горлов представляет начальству свой отчёт.

Далее в рапорте военный агент кратко указывает важнейшие причины беспорядков, определяя их начало как 1871 г. – вмешательство английского губернатора (сэр Вильям Джервис) в выбор нового султана княжества Перак (Абдула и Измаил). Причём, это вмешательство А.П. Горлов характеризует как «успешный и спокойный ход», а именно губернатор предложил собранию раджей и правителей «принять от английского правительства резидентов в расположенные по западному берегу Малаккского полуострова поселения: Перах, Ларут и Салангор» (*Политика, 1965: 212*).

Русский военный агент подчёркивает, что Вильям Джервис действовал планомерно и осторожно: усиление власти английских резидентов проводил с согласия представителей местной элиты и даже при непосредственном участии последней. Это привело к закономерному шагу – переходу управления в указанных княжествах к Англии. Но и здесь, по словам А.П. Горлова, англичанам удалось соблюсти видимый баланс: в Правительственном совете двум англичанам помогал один из высокопоставленных раджей (*Политика, 1965: 213*).

Первые две недели существования такого правления прошли спокойно, но 1 ноября 1875 г. население малайских княжеств поднимает восстание (*Swettenham, 1929: 207*), в чём русский военный агент видит прямое влияние не победившего кандидата в султаны Измаила (*Barlow, 1995: 63*). Общий вывод агента: «Не может быть никакого сомнения в том, что война эта кончится скоро и что англичане останутся победителями. Она, кажется, не принимает грозных размеров; Салангор и Ларут остаются спокойными; другие Малайские владения намерены, кажется, тоже соблюдать нейтралитет. Война эта для англичан тем ещё легче, что климат страны самый умеренный и здоровый и география

всей местности им хорошо известна. Флот содействует сухопутным силам, и его содействие совершенно необходимо для овладения малайскими палисадными укреплениями по берегам рек. Содействию этому, однако, представляют большое препятствие отмели у устьев рек, так как суда небольшой даже осадки не могут пройти через бар из моря в реку» (*Политика, 1965: 213–214*).

Видно, что А.П. Горлов в прогнозировании развития ситуации с мятежом опирался на многофакторный подход, учитывая не только военный опыт англичан и слабость туземных войск, но и природно-климатические особенности театра военных действий, которыми, согласно его сведениям, англичане с успехом пользовались. Ожидаемое скорое завершение восстания, скорее всего, базируется на опыте предыдущих военных кампаний Великобритании в Азии.

5. Заключение

Рапорт русского военного агента в Лондоне 1875 г. даёт рельефные представления об отношении к колониальному опыту Великобритании в России. Во-первых, русские аналитики периода 1824–1875 гг. изучали данный опыт, основываясь исключительно на европейских материалах (главным образом, британских). Эта особенность информационной базы повлияла на важнейшие оценочные характеристики: действия англичан в Сингапуре и Юго-Восточной Азии в целом неизменно расценивались как успешные, наиболее оптимальные, выгодные и талантливые. А факт подражания других наций английским методам создавал уверенность в их эффективности. Во-вторых, с середины XIX в. появляется тенденция не к простой фиксации событий в далёкой Азии, а к анализу колониальной политики для возможного будущего применения как в пределах Российской империи, так и в Азии, но уже русской дипломатией. Военные в России задумываются о поиске универсальной модели управления «варварскими нациями», т.е. колониальный опыт англичан пытались обобщить и применить для прогнозирования и предотвращения конфликтов на собственных окраинах, в том числе в Средней Азии. И это прослеживается не только на примере рапорта А.П. Горлова, но и в рапорте капитана А.А. Попова (*Известия, 1859*), путевых заметках И.А. Гончарова (*От мыса, 1855*), дневниках И.П. Минаева (*Минаев, 1955*). Как одна из господствующих тенденций русской дипломатии в Сингапуре это проявится на более позднем этапе – в донесениях А.М. Выводцева Д.А. Капнисту (*Козлова, 2008: 31–42*).

Следовательно, можно сделать вывод, что для изучения русских оценок состояния и перспектив Британской колониальной империи в XIX веке совершенно не достаточно опираться лишь на традиционные подходы, характерные для истории внешней политики и международных отношений, при которых обе империи (Российская и Британская) предстают извечными соперниками, особенно в Азии. Так же нельзя ограничиваться методологией исторической имагологии, т.к. это даёт несколько односторонний взгляд на предмет исследования, фокусируя внимания исследователя лишь на эмоционально окрашенных образах и стереотипах. Тогда как анализ колониального опыта Британской империи, практик и методов управления (в представлении русских дипломатов и военных) позволяет исследователю избежать «слепого следования» за государственной пропагандой и стереотипами.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект N17-78-20029).

Литература

Айзенштат, 2008 – *Айзенштат М.П.* Новая история Британии глазами Максима Ковалевского / *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 312–321.

Ведерников и др., 1997 – *Ведерников В.В., Китаев В.А., Лупочкин А.В.* Конституционный вопрос в русской либеральной публицистике 60–80-х гг. XIX века / Ин-т Открытое об-во. М.: Магистр, 1997.

Добель, 2002 – *Добель П.В.* Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге. М.: Восточный дом, 2002.

Из истории, 1958 – Из истории национально-освободительной борьбы индонезийского народа (20-е - 70-е годы XIX в.) // *Исторический архив, 1958.* № 2. С. 118.

Известия, 1859 – Известия о плавании наших военных судов за границей: Рапорт начальник Амурского отряда судов, капитана 1-го ранга Попова // *Морской сборник, 1859.* № 9.

Итенберг, 1999 – *Итенберг Б.С.* Российская интеллигенция и Запад: Век XIX: Очерки / РАН. Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1999.

Козлова, 2008 – *Козлова М.Г.* Русское консульство в Сингапуре (конец XIX – начало XX века) // *Восток.* 2008. № 5. С. 31–42.

Колмаков, 1985 – *Колмаков С.А.* Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX века. М.: Наука, 1985.

Минаев, 2014а – *Минаев И.А.* Британский опыт и государственная модернизация России во второй половине XIX – начала XX вв. // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность Международная научная конференция.

Межпарламентская ассамблея государств-участников содружества независимых государств; Центр истории парламентаризма. 2014. С. 98–101.

Минаев, 2012b – Минаев И.А. Восприятие британской политической культуры в России первой четверти XIX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 7-2. С. 119–121.

Минаев, 1955 – Минаев И.П. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885–1886 гг. М. АН СССР. 1955.

От мыса, 1855 – От мыса Доброй надежды до Явы. (Из путевых записок) // *Современник*, 1855. № 10.

Парфенов, 1978 – Парфенов И.Д. Англия и раздел мира в последней трети XIX века. Проблемы историографии. Саратов, 1978.

Перечень известий, 1804 – Перечень известий из Лондона с 19-го Июня по 7-е Июля // *Вестник Европы*, Часть 16. № 13. 1804.

Перечень известий, 1804a – Перечень известий из Лондона с 3-го по 10-е Августа // *Вестник Европы*, Часть 16. № 16. 1804.

Политика, 1965 – Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871–1917). Документы и материалы, Часть I. М. Наука. 1965. С. 213–214.

Политические, 1824 – Политические и другие происшествия // *Вестник Европы*, 1824. Часть 136. № 11.

Райков, 1964 – Райков А.В. Антиколониальные восстания в Сингапуре и на Цейлоне (по данным донесений русских дипломатов) // *Краткие сообщения Института народов Азии*. 1964. № 75.

Смесь, 1807 – Смесь // *Вестник Европы*, 1807. Часть 36. № 21.

Состояние, 1826 – Состояние Восточного Индийского полуострова // *Московский телеграф*, 1826. № 23.

Хоу, 2011 – Хоу С. Запад и все остальные // *Ab Imperio*, 2011, № 1. С. 21.

Barlow, 1995 – Barlow H.S. Kuala Lumpur: Southdene, 1995.

Bayly, 1996 – Bayly C.A. Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge, 1996.

Buranok, 2016 – Buranok O.M., Buranok S.O. "Day notes of Peter Oznobishin from 1796 September" as a historical source on the history of the everyday life of the Russian nobility. // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1. pp. 23–28.

Cooper, 2002 – Cooper R. The Post-modern State and the world order // *Demos*. 2002, p. 7–43;

Cox, 2004 – Cox M. Empire, Imperialism and the Bush Doctrine // *Review of International Studies*, 30 (2004), p. 588–592.

Engaging Colonial, 2012 – Engaging Colonial Knowledge. Reading European Archives in World History. Cambridge, 2012.

Guardians of Empire, 1999 – Guardians of Empire: the Armed Forces of the Colonial Powers, 1700–1964 / Ed. by D. Killingray, D. Omissi Manchester, 1999.

Hevia, 2012 – Hevia J. The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge, 2012.

Immerman, 2010 – Immerman R. Empire for Liberty: A History Of American Imperialism from Benjamin Franklin to Paul Wolfowitz. Princeton, 2010.

Marten, 2004 – Marten K.Z. Enforcing the Peace: Learning from the Imperial Past. New York, 2004.

Morefield, 2014 – Morefield J. Empires Without Imperialism: Anglo-American Decline and the Politics of Deflection. Oxford, 2014.

Parchami, 2009 – Parchami A. Hegemonic Peace and Empire: The Pax Romana, Britannica and Americana. London, 2009.

Swettenham, 1929 – Swettenham F. British Malaya, London, 1929.

References

Ajzenshtat, 2008 – Ajzenshtat M.P. (2008). Novaya istoriya Britanii glazami Maksima Kovalevskogo [The new history of Britain through the eyes of Maxim Kovalevsky]. *Imagines mundi: an almanac of general history research of the 16th and 20th centuries*. № 6. Ser. Albionica. Issue. 3. Ekaterinburg. pp. 312–321. [in Russian].

Buranok, 2016 – Buranok O.M., Buranok S.O. (2016). "Day notes of Peter Oznobishin from 1796 September" as a historical source on the history of the everyday life of the Russian nobility. *Bylye Gody*, Vol. 39, Is. 1. pp. 23–28.

Vedernikov et al., 1997 – Vedernikov V.V., Kitaev V.A., Lupochkin A.V. (1997). Konstitucionnyj vopros v russkoj liberal'noj publicistike 60-80-h gg. XIX veka [The constitutional question in the Russian liberal journalism of the 60-80s. XIX century]. Institute Open Society. M.: Master. [in Russian].

Dobel', 2002 – Dobel' P.V. (2002). Puteshestviya i novejschie nablyudeniya v Kitae, Manile i Indo-Kitajskom arhipelage. [Travel and the latest observations in China, Manila and the Indo-Chinese archipelago]. M.: The Oriental House. [in Russian].

- Iz istorii, 1958** – Iz istorii nacional'no-osvoboditel'noj bor'by indonezijskogo naroda (20-e - 70-e gody XIX v.) [From the history of the national liberation struggle of the Indonesian people (20th – 70th years of XIX century)]. *Historical archive*, 1958. No. 2. [in Russian].
- Izvestiya, 1859** – Izvestiya o plavanii nashih voennyh sudov za granicej: Raport nachal'nik Amurskogo otryada sudov, kapitana 1-go ranga Popova [News of the sailing of our military vessels abroad: Report of the chief of the Amursky detachment of ships, captain of the 1st rank of Popov]. *Marine collection*, 1859. No. 9. [in Russian].
- Itenberg, 1999** – *Itenberg B.S.* (1999). Rossijskaya intelligenciya i Zapad: Vek XIX: Oчерki [The Russian intelligentsia and the West: Century XIX: Essays / RAS. In-t grow. stories]. Moscow: Nauka. [in Russian].
- Kozlova, 2008** – *Kozlova M.G.* (2008). Russkoe konsul'stvo v Singapore (konec XIX – nachalo XX veka). [Russian consulate in Singapore (late XIX - early XX century)]. № 5. pp. 31–42. [in Russian].
- Kolmakov, 1985** – *Kolmakov S.A.* (1985). Ideologiya i politika liberal'noj partii Velikobritanii v 80-e gody XIX veka. [Ideology and politics of the liberal party of Great Britain in the 80s of the XIX century]. M. [in Russian].
- Minaev, 2014** – *Minaev I.A.* (2014). Britanskij opyt i gosudarstvennaya modernizaciya Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachala XX vv. [British experience and state modernization of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Tavrichesky readings 2013. Actual problems of parliamentarism: history and the present International scientific conference. Interparliamentary Assembly of the states-participants of the Commonwealth of Independent States; Center for the History of Parliamentarism. pp. 98–101. [in Russian].
- Minaev, 2012** – *Minaev I.A.* (2012). Vospriyatie britanskoj politicheskoj kul'tury v Rossii pervoj chetverti XIX v. [Perception of the British political culture in Russia in the first quarter of the 19th century]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice*. No. 7–2. pp. 119–121. [in Russian].
- Minaev, 1955** – *Minaev I.P.* (1955). Dnevnik puteshestvij v Indiyu i Birmu 1880 i 1885–1886 gg. [Journals to India and Burma in 1880 and 1885–1886]. M. AN of the USSR. [in Russian].
- Ot mysa, 1855** – Ot mysa Dobroj nadezhdy do Yavy. (Iz putevyh zapisok) [From the Cape of Good Hope to Java. (From travel notes)]. *Sovremennik*, No. 10. [in Russian].
- Parfenov, 1978** – *Parfenov I.D.* (1978). Angliya i razdel mira v poslednej treti XIX veka. Problemy istoriografii. [England and the division of the world in the last third of the XIX century. Problems of historiography]. Saratov. [in Russian].
- Perechen' izvestij, 1804** – Perechen' izvestij iz Londona s 19-go Iyunya po 7-e Iyulya [List of news from London from the 19th of June to the 7th of July]. *Bulletin of Europe*, Part 16. No. 13. 1804. [in Russian].
- Perechen' izvestij, 1804a** – Perechen' izvestij iz Londona s 3-go po 10-e Avgusta. [List of news from London from the 3rd to the 10th of August]. *Herald of Europe*, Part 16. № 16. 1804. [in Russian].
- Politika, 1965** – Politika kapitalisticheskikh derzhav i nacional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v YUgo-Vostochnoj Azii (1871–1917). Dokumenty i materialy, CHast' I. [The policy of the capitalist powers and the national liberation movement in Southeast Asia (1871-1917). Documents and Materials, Part I]. M. Nauka. 1965. [in Russian].
- Politicheskije, 1824** – Politicheskije i drugie proisshestviya [Political and other incidents]. *Bulletin of Europe*, Part 136. No. 11. 1824. [in Russian].
- Rajkov, 1964** – *Rajkov A.V.* (1964). Antikolonial'nye vosstaniya v Singapore i na Cejlone (po dannym donesenij russkih diplomatov) [Anti-colonial uprisings in Singapore and Ceylon (according to the reports of Russian diplomats)]. Brief communications of the Institute of the Peoples of Asia. 1964. № 75. [in Russian].
- Smes', 1807** – Smes' [Smes]. *Herald of Europe*, Part 36. № 21. 1807. [in Russian].
- Soctoyanie, 1826** – Soctoyanie Vostochnogo Indijskogo poluostrova [The state of the East Indian Peninsula]. *Moscow Telegraph*, No. 23. 1826. [in Russian].
- Hou, 2011** – *Hou S.* (2011). Zapad i vse ostal'nye [West and all the rest]. *Ab Imperio*, 2011, No. 1. pp. 21. [in Russian].
- Barlow, 1995** – *Barlow H.S.* (1995). Kuala Lumpur: Southdene, 1995.
- Bayly, 1996** – *Bayly C.A.* (1996). Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. Cambridge.
- Cooper, 2002** – *Cooper R.* (2002). The Post-modern State and the world order // *Demos*. 2002, pp. 7–43.
- Cox, 2004** – *Cox M.* (2004). Empire, Imperialism and the Bush Doctrine // *Review of International Studies*, 30, p. 588–592.
- Engaging Colonial, 2012** – Engaging Colonial Knowledge. Reading European Archives in World History. Cambridge, 2012.
- Guardians of Empire, 1999** – Guardians of Empire: the Armed Forces of the Colonial Powers, 1700–1964 / Ed. by D. Killingray, D. Omissi Manchester, 1999.
- Hevia, 2012** – *Hevia J.* (2012). The Imperial Security State. British Colonial Knowledge and Empire-Building in Asia. Cambridge.
- Immerman, 2010** – *Immerman R.* (2010). Empire for Liberty: A History of American Imperialism from Benjamin Franklin to Paul Wolfowitz. Princeton.

Marten, 2004 – *Marten K.Z.* (2004). *Enforcing the Peace: Learning from the Imperial Past*. New York.
Morefield, 2014 – *Morefield J.* (2014). *Empires Without Imperialism: Anglo-American Decline and the Politics of Deflection*. Oxford.

Parchami, 2009 – *Parchami A.* (2009). *Hegemonic Peace and Empire: The Pax Romana, Britannica and Americana*. London.

Swettenham, 1929 – *Swettenham F.* (1929). *British Malaya*, London.

УДК 93/94

Оценки колониальной политики Великобритании в Малайе и Сингапуре

Сергей Олегович Буранок ^{а, *}, Станислав Геннадьевич Малкин ^а, Ярослав Александрович Левин ^а

^а Самарский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Вопросы об эволюции колониальной системы, о её формах и методах управления, о возможности применения опыта колониальных империй были одними из наиболее популярных и весьма дискуссионных в мировой, в том числе и российской общественности на протяжении новой истории, особенно XIX в. Изучение оценок состояния британской колониальной системы позволит определить более широкий набор моделей решения колониального вопроса, чем анализ только мнения экспертного сообщества и дипломатического корпуса, а главное, даст возможность более глубоко и конкретно осветить представления о практических подходах в международных отношениях в условиях трансформации миропорядка в XIX в.

Русские документы и материалы, посвящённые поиску наиболее эффективной и оптимальной стратегии построения отношений как с колониальными империями, так и с зависимыми территориями, показывают, помимо прочего, устойчивый интерес русского общества к негативному и позитивному опыту колониальной политики. Причём, данный опыт в печати (а так же дипломатических документах), вольно или невольно, но постоянно сравнивался с российскими подходами и принципами, создавая устойчивый общественный дискурс, который охватывал не только «краеугольные камни» международных отношений XIX в., но и актуализировал совершенно новые для русской дипломатии малайскую проблему, индийский вопрос, индокитайскую проблему.

Анализируя документы под этим углом, важно определить и конкретное содержание каждой из «колониальных тем», и общий настрой дипломатов, военных, редакторов и журналистов, применительно к перспективам колониальной системы в XIX в. и тому практическому опыту, который могут предоставить колониальные империи в новых исторических условиях.

Подчеркнём, что речь идет не только об анализе мнений прессы и позиций экспертов, дипломатов, но и о попытке взглянуть на колониальный вопрос как особый феномен интеллектуальной истории, непосредственно связанный с процессом принятия решений по внешней политике России.

Ключевые слова: колониализм, русская пресса, Британская империя, Сингапур, Юго-Восточная Азия, колониальный опыт, международные отношения.

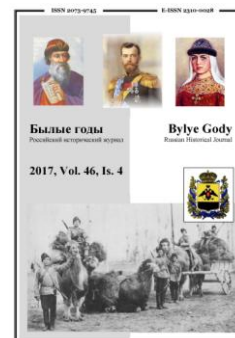
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: witch-king-1@mail.ru (С.О. Буранок)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1283-1290, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1283
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.1:392:393.05

The Natural Environment in the Daily Life of Disabled People in the Volga region (XIX century)

Oxana G. Nurova^{a,*}

^a Volga region state university of service, Russian Federation

Abstract

The paper deals with historical and cultural characteristics of the interaction of disabled people with the natural environment and analyzes the influence of natural factors on the healing rituals of the peoples of the Volga region. Ethnic and religious prejudices are showed that relate to the healing of people with disabilities, with the use of natural components. The customs that are illustrative of the attitude of the peoples of the Volga region to disabled people are described. It is based on the use of natural resources: water, trees, land, animals and birds. The perception of the health of the Volga peoples and the role of natural objects in conservation of national health are studied. The relevance of historical studying of the relationship of disabled people with the natural environment is caused by the need of formation of modern ecological culture based on the traditional belief of the peoples of the Volga region. The analysis of historical sources of XIX century allows to systematize information about the experience of communication of disabled people with the nature that can successfully be used in the construction of the modern concept of ecological culture of the Volga region. The problem of the study is that a holistic view about the place of the nature in the structure of life of invalids in the traditional culture of the Volga region had not been provided. The empirical base of the research are the historical sources from regional archives, the published writings of local historians and ethnographers of XIX century. The study is based on the principle of sociocultural conditionality of any human practice. Emphasis is placed on ethical, moral, religious, material motifs and traditions in the system of relations “a disabled person – the nature” in the region. The scientific novelty of the study is that the phenomenon of disability in the Volga region is considered as a system factor in which an important part of livelihoods was the natural environment. The theoretical significance of this study is to identify ethnic characteristics of the interaction of disabled people with natural objects. From a practical point of view, the results of the research can be used in the formation of a new concept of ecological and legal culture in the Volga region, and in educational work.

Keywords: persons with disabilities, nature, health, traditional culture, the peoples of the Volga region, rituals, incantations, vows, ecological culture.

1. Введение

XXI век ознаменовался тем, что человечество вступило в новую фазу своего развития. Основным фактором значимости изучения исторического опыта взаимодействия с природной средой является ряд экологических проблем в современном мире и, в частности, в России. Причинами экологических проблем стали непомерное загрязнение природной среды, сверхактивное, разрушительное вторжение человеческой деятельности в природный миропорядок, расширяемая и нарастающая десятилетиями индустриализация производства и вызванное этим истощение природных ресурсов.

* Corresponding author

E-mail addresses: oksana-laroshina@yandex.ru (O.G. Nurova)

Взаимодействие человека и природы – это пространство остро актуальных смыслов. Они связаны с усилением в начале III тысячелетия экологических проблем, с кризисным состоянием взаимодействия человека и природы, с нарастающим и ждущим решения противоречием в самом сознании человека при природопользовании, в проявлении у него стремлений к пониманию культурных основ нарастающего экологического кризиса.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью формирования региональной эколого-правовой культуры современного общества на основе традиционных духовных ценностей народов Поволжья. Исторически сложившиеся взаимоотношения инвалидов с природной средой в XIX веке были основаны на необходимости адаптации к среде обитания.

Ключевыми признаками окружающей среды, влияющими на формирование традиций в экосистеме народов, являлись климат и ландшафт с его естественными ресурсами. Это во многом определяет особенности культуры, ментальности и повседневных практик различных народов (Цветкова, 2010). Замечено, что в процессе социокультурной эволюции этнос приспосабливается к окружающему ландшафту. Если же в силу различных обстоятельств ландшафт изменяется радикально, то меняется и этнос. Такие процессы (транскультурации) протекают далеко не безболезненно. Этнокультурная общность, оказавшись в другом ландшафте, может погибнуть или заметно измениться, приспосабливаясь к новым обстоятельствам (Овсянников, 2015: 20).

Объектом данного исследования является Поволжский регион, в котором традиционно уживались различные этносы со своими специфическими элементами культуры. Предметом анализа выступает природа в структуре жизнеобеспечения инвалидов в XIX веке.

Обозначенный период исследования выбран потому, что в это время наиболее отчетливо проявились уникальные традиционные формы взаимодействия человека и природы. Природа являлась неотъемлемой частью обрядовой жизни поволжских народов. Целью статьи является выявление роли природной среды в повседневной жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями здоровья. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается попытка систематизировать исторический опыт взаимодействия инвалидов с природной средой.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены дореволюционные архивные данные по истории материальной культуры народов Поволжья, а также научные публикации о традиционных способах сохранения здоровья. Материалами для статьи стали записки региональных краеведов и этнографов, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург), Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ, г. Казань), Научно-исследовательском институте гуманитарных наук (РФ НИИГН, г. Саранск). Особую ценность представляют фундаментальные работы по данной проблеме: Д. К. Зеленина, Н. Калачова, А. Н. Минха, А. Ф. Риттих, А. П. Шапова. Важным источником стали работы, находящиеся в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург), которые являются библиографической редкостью.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма, который позволяет изучить генезис взаимодействия инвалидов с природной средой. В качестве методологической основы исследования положен принцип социокультурной обусловленности любых видов человеческой практики. В силу того, что предметом исследования выступает взаимодействие людей с ограниченными возможностями здоровья с природной средой Поволжья, акцент сделан на этических, нравственно-конфессиональных, материальных мотивах и традициях в отношении к природе. Эмпирические исследования в работе основаны на вторичном анализе результатов, проведенных другими авторами и опубликованные в литературе, а также изучении архивных материалов для выявления необходимых в исследовании исторических фактов. Основными методами исследования являются: контент-анализ; метод системного анализа; сопоставительный метод и методы исторических исследований научной литературы. В работе также используются методы обобщений, эмпирический и описательный анализы, которые, в свою очередь, позволяют выявить характерные особенности исследуемого предмета.

3. Обсуждение

Сведения общего характера о взаимодействии человека с ограниченными возможностями здоровья и природы содержатся в классических работах об обрядах и обычаях русского народа Ю.В. Бромлея, В. С. Бузина, Н. И. Воробьева, М. Т. Маркелова, И. Н. Смирнова.

В этнографической работе А. А. Шахматова (Шахматов, 1910) концентрируется внимание на влиянии традиционного уклада жизни на здоровье мордовского этноса. Постоянное общение с природой являлось необходимым условием интеграции инвалидов в жизнь общины. Описывая предметную культуру в хозяйстве, автор подчеркивает ее зависимость от природных условий, в которых проживает этнос.

В.А. Ауновский в своей работе раскрывает организацию взаимоотношений мордовской общины с миром природы, основой которых являлись наследуемые формы человеческой деятельности (Ауновский, 1869). Действия, направленные на элементы мира природы, являлись синтезом

созданных человеком материальных и духовных ценностей. Повседневные действия инвалидов были направлены на адаптацию к изменившимся реалиям жизни в силу наступления инвалидности.

В своем исследовании А.Ф. Риттих обращается к рассказу об использовании объектов природы в повседневной жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями здоровья (Риттих, 1870). Автор выявляет региональные особенности восприятия природной среды на основе укоренившихся человеческих практик. Культура общества, при участии которой формировалась личность, являлась одним из серьезнейших факторов развития биосферы.

А.Н. Минх уделил пристальное внимание использованию природных компонентов в обрядовой практике по сохранению и предупреждению болезней (Минх, 1890). Автор особо подчеркнул значение природных явлений в формировании суеверий и предрассудков народов Поволжья. Продукты живой природы, по замечаниям автора, являлись неотъемлемой частью жизнеобеспечения проживающих в регионе общин.

Фундаментальные основы осмысления экологических воззрений народов Поволжья в сельской культуре раскрывают в своих трудах дореволюционные и советские авторы М.Е. Евсевьев, М. Забылин, В.И. Козлова, В.Н. Майнов, Р.Г. Мухамедова, Н.Я. Назаркин, К. Насыров, П.С. Паллас, а также современные российские исследователи – И.А. Панкеев, А.В. Сергеева, А.К. Салмин.

Одним из представителей изучения этноэкологии конца XX века является Г.А. Корнишина (Корнишина, 2008). Исследователь занималась изучением культуры мордовского народа, рассматривала основные аспекты обрядовой культуры мордовского этноса: структуру, субъекты и важнейшие составные природные компоненты. Проведенный анализ позволил воссоздать более полное представление об истоках, историческом развитии и современном состоянии взаимоотношений инвалидов с природной средой.

Особый интерес представляет работа Л.И. Никоновой, в которой автор определяет экологические факторы, оказывающие влияние на развитие этномедицины (Никонова, 1993). Особое внимание уделено методам и средствам лечения (травы, средства животного и минерального происхождения). По мнению автора, народная медицина представляла собой один из важнейших компонентов народных знаний, к числу которых относились, прежде всего, навыки трудовой деятельности и тесно связанные с ней знания по ботанике и зоологии, по метеорологии и почвоведению и другие, обычно фиксируемые в этнографических наблюдениях.

Упомянутые труды содержат фрагментарные сведения о взаимодействии инвалидов с природной средой, что требует их систематизации для восстановления полной картины жизнеобеспечения инвалидов в XIX веке.

4. Результаты

С осознанием своих физических и психических ограничений человек начал борьбу не только за свое существование и выживание, но и сохранение здоровья. Поиск средств предупреждения различных недугов и избавления от них стали важной составляющей социально-культурной жизни, в первую очередь, у инвалидов. Значительное место в лечении недугов занимали природные средства, выполняющие разнообразные функции.

Естественно, что в историко-культурном процессе часть ландшафтов приобрела сакральное значение, которые наделялись духовной функцией. Это были природные или природно-антропогенные геосистемы, связанные с религиозными запросами человека. Они часто становились объектами паломничества и вызывали у людей с ограниченными возможностями стремление к общению с ними.

Ресурсы местной экосистемы определяли возможности культуры врачевания с использованием природных средств. Так, например, территория расселения татарского этноса являлась благоприятной с точки зрения природных условий. Относительно ровный рельеф, умеренно-континентальный климат, плодородные почвы, разнообразный растительный и животный мир способствовали развитию различных социокультурных практик, что предопределило широкое использование природных ресурсов в традиционной повседневности. Например, татары также, как и чуваша, широко использовали втирание сала барсука при нервных болезнях (Никонова, 1993).

Особенности взаимодействия инвалидов с природной средой в мордовской общине были связаны с проживанием в лесной и лесостепной зоне с разнообразной растительностью. Отсюда и богатый опыт в познании целебных свойств трав. Это давало им возможности использования природных компонентов и растений в качестве лекарственных средств при различных нарушениях здоровья. Знания народной медицины передавались мордвой из поколения в поколение, от одного дома к другому, от места первоначального поселения к новому (Овсянникова, 2015: 270).

Проживание в Среднем Поволжье предопределяло положение воды, как главного источника поддержания здоровья у большинства народов, проживающих на этой территории. Так, русские верили, что вода может излечивать, и если попросить у нее прощения за грехи, то больной может исцелиться. Поэтому в регионе существовало большое количество почитаемых водных источников (прощей), которые притягивали к себе страждущих, включая людей с ограниченными возможностями здоровья. По поверьям, целебной для людей с ограничениями по зрению считалась вода в месте слияния двух рек, где они стремились как можно чаще умыться (Русские, 1999: 766).

У марийцев, мордвы и башкир при лечебных обрядах в отношении инвалидов по зрению использовалась родниковая вода. Вода сопровождала большинство традиционных обычаев у чувашского народа.

Манипуляции с водой являлись наиболее старинным и типичным способом по устранению слеза, который считали основной причиной инвалидности. Обряд был прост и заключался в погружении инвалида в кипяченую воду. Ее наливали в емкость для мытья, туда же клали щетку для чесания кудели, каленую подкову, монету, вино и имбирь. Данный обряд распространялся и на детей. Другой детский вариант использования воды в обряде предполагал ее испитие, после обмытия ей ручки двери и ворота потной рубашки. В первом случае использовались вещи, наделенные способностью изгнать дурные воздействия, а во втором – применялся прием «клин клином, зло злом», то есть нечисть вытравливалась нечистью. Кроме того, во втором варианте водой из кружки опрыскивали ребенка сквозь метлу или решето. Оставшуюся воду выливали к двери с петельной стороны или во двор, говоря: «Выйди, слез». Упрощенным вариантом является плевание на больного ребенка сквозь метлу (Салмин, 2007: 163-165).

В Саратовской губернии вода также являлась обязательным элементом лечебной обрядности. Например, существовал обычай, при котором инвалид брал кусок хлеба, сильно его солил, а затем бросал в воду. Ритуал сопровождался магическими заклинаниями с просьбой к воде дать доброе здоровье (Русские, 1999: 766).

Знахари и знахарки часто пользовались в своих ритуалах водой. Причем они умело манипулировали больными, пользуясь их легковерием и народными предрассудками. Например, знахари шептали над водой, давали выпить и, если больному не становилось легче, то объявляли, что «испортивший» сильнее их, и несчастный долго без пользы скитался по колдунам и ворожеям, отыскивая сильнейшего (Минх, 1890: 20-49).

В традиционной культуре, с одной стороны, вода наделялась лечебными функциями, с другой – в ней видели саму причину наступления инвалидности. В Саратовской губернии народ верил, что колдун может портить людей, наговорив на воду, на хлеб, пустив по ветру или вынув след. Для избавления от разных болезней прибегали к помощи знахаря или знахарки (местами называли бабушкой), которые снимали порчу (Минх, 1890: 14-15).

Часто в обрядовой практике воду сочетали с другими средствами: «огонь + хлеб», а также «огонь + хлеб + вода», «огонь + соль». Вместе с действиями по устранению причин, повлекших инвалидность, обязательно проговаривали текст, который можно назвать заговором или заклинанием, где также широко применялась вода.

Социокультурные установки, направленные на сохранение здоровья, в исследованный период в регионе были полны всевозможных предрассудков. Так, например, болезни у русских представлялись живыми существами, которые способны проникнуть в человека или переходить от одного к другому. Традиционным местопребыванием духов болезней считались болота, леса, горы, реки и моря. Инвалиды верили, что духи болезней парят в окружающем мире, и могли приблизиться к человеку ночью. Для защиты от них люди с ограниченными возможностями использовали предохранительные обряды. Чаще всего прибегали к молитве или крестному знаменю перед сном. Когда наступала инвалидность, ее старались вылечить, прибегая к разнообразным обычаям. Наиболее распространенным традиционным способом являлось использование различных очистительных средств. Например, принятие внутрь горьких, зачастую отвратительных на вкус напитков (Русские, 1999: 766).

«Исторически в Среднем Поволжье многие селения имели смешанный, многонациональный состав населения, где каждый народ имел свои особенности в материальной и духовной культуре» (Алехина, 2011: 13). Сохранились многочисленные предания о магических травах, в которых признавались целебные свойства растений, обладающих волшебной силой (у мордвы – орешник; у мордвы и удмуртов – папоротник и др.). На протяжении столетий существовали традиции, которые формировали важные навыки при сборе и сушке растений. Общим для всех проживающих в Среднем Поволжье народов было сбор травы на Ивану Купалу, когда приходился наибольший расцвет трав. Существовала традиция запаса корней осенью до заморозков, почек в момент набухания и пр. Важным было хранение сухих трав в местах, позволяющих сохранить целебные свойства растений (в пучках, мешочках, бумажных коробках и т.п.). Были свои правила и при сборе растений (у мордвы нужно встать так, чтобы не видеть своей тени; у мордвы и удмуртов – не слышать пения петуха и др.) (Никонова, 1993).

Обычай сбора трав являлся одной из форм коммуникаций инвалидов с окружающей средой. При сборе трав повсеместно читали заговоры, соблюдали этикет, то есть были сдержанными, не злословили, не принимали алкоголь (Никонова, 1993: 15).

Формирование социокультурной практики было связано не только с природно-географической средой, но и с этническими традициями. Существовавшая традиционная модель инвалидности в начале XIX века объясняла «калечество» присутствием враждебной силы и способствовала развитию заговорной обрядности. С появлением заговоров от слепого знахаря, слово убогий было перенесено на дьявола (Калачов, 1885: 1-7). Прежние слепцы с их вещим значением обратились в «привидош».

Отсюда пошло, что люди с ограниченными возможностями здоровья имели способности отыскивать некоторые травы, например, траву нечуй-ветер (Риттих, 1870).

Состав традиционных лекарственных средств в народной медицине складывался в ходе освоения этносом определенной территории, создания своей экологической ниши. Так, например, при слепоте часто применяли сулему, что встречалось как у русских, так и мордвы в регионе (Минх, 1890: 20).

Надо отметить, что иногда взаимодействие с природными средствами лечения носило ярко выраженный негативный характер. Так, например, был зафиксирован случай наступления инвалидности в ходе лечения бабкой-знахаркой простого воспаления глаз смесью трав, что в итоге привело к полной потере зрения одного глаза (АНИИГН. Ф. Ш-31. Л. 705). Такие случаи в регионе были типичными. При многих болезнях, имея под руками докторов, население Среднего Поволжья прибегало нередко к сомнительным народным средствам.

Исследования этнографов (Никонова, 1993) показали, что народы региона использовали более 250 трав в повседневной жизнедеятельности. Причем 100 видов применялись повсеместно. При приеме снадобий существовал определенной порядок. Однако одно и то же растение могло применяться при разных обрядах лечения, могли различаться способы, а также методы его использования и дозировка.

Экологические региональные особенности оказывали немалое влияние на возникновение и распространение болезней. Их проявления во многом предопределяли специфику лечебных средств. Одним из таких средств была «магическая передача болезней». Выполняя лечебный обряд, болезнь старались передать людям, животным, растениям, земле, различным предметам (Русские, 1999: 766).

Культурно-исторические и социально-экономические условия способствовали развитию соответствующего экологического мировоззрения народов Поволжья. Так, например, мордовский народ почитал некоторые деревья, особенно березу. Деревья у них присутствовали во время молений, различных праздников и обрядов. Эти факторы оказывали существенное влияние на виды лечебной практики. Нередко болезнь передавали дереву. В случае неизлечимой болезни ребенка протаскивали через предварительно сделанный в дереве расщеп. При этом для мальчика выбирали дуб, для девочки – березу. У мордвы существовали особо почитаемые деревья и даже рощи. Часто поклонение деревьям и воде совмещалось: около почитаемых водных источников можно было увидеть деревья и кусты, обвешанные дарами – полотенцами, цветными лоскутками (Зеленин, 1937).

Марийцы (ранее: черемисы) особо почитали рябину, поэтому использовали ее в главных обрядах по сохранению здоровья. Так, инвалиды-черемисы совершали «обряд над солью», которая служила целебным средством во время болезни. Соль клали кучкою, потом сквозь щель рябинового прута дули и плевали в нее и, наконец, пускали в эту кучку нож таким образом, чтобы он воткнулся в нее (Риттих, 1870: 179).

Детская инвалидность занимала особое место в предохранительной обрядовой практике. Так как основной причиной считали сглаз, то для ее устранения приглашали обычно знахарей и ворожей. Одним из эффективных средств от такого недуга считалось окуривание. Согласно рассказу опытной практикующей знахарки, того времени, больного сажали под матицу на стыке половиц. Для окуривания в основном использовали трутовик (нарост на дубе), зажигая его горячим углем. В особых случаях перед зажиганием на трутовик знахари клали паутину. Дым для окуривания изредка мог создаваться при сжигании гнилой веревки. Наиболее редким случаем было использование неизвестного растения с иголками на стебле. При проведении ритуала ребенок почти задышался в дыму, считалось, что так происходила инициация и «перерождение» (Салмин, 2007: 163-165).

Считалось, что причиной инвалидности ребенка может быть Ийе – банный дух. Для исцеления от болезни родители обращались к ворожее, она прибегала к обряду заговаривания от банного духа, используя следующую речь: «Серебряное море, в серебряном море дуб с корнями вверх; у дуба сучья (растущие) обратно; у сучьев листья (растущие) обратно. Когда к этому обратно растущему листку пристанет банный дух, пусть тогда к этому ребенку пристанет банный дух. Золотое море, в золотом море дуб с корнями вверх; у дуба сучья (растущие) обратно; у сучьев листья (растущие) обратно. Когда к этому обратно растущему листку пристанет банный дух, пусть тогда к этому ребенку пристанет банный дух. Медное море, в медном море дуб с корнями вверх, у дуба сучья (растущие) обратно; у сучьев листья (растущие) обратно. Когда к этому обратно растущему листку пристанет банный дух, пусть тогда к этому ребенку пристанет банный дух» (Никонова, 2000: 129).

Если в семье обнаруживали, что ребёнок физически или умственно неполноценный, чувашки считали причиной этого сглаз. Чтобы предотвратить сглаз, чувашки произносили особый заговор: «Когда на глаза черной змеи упадет роса, пусть тогда, тебя сглазят; когда на глаза черной ящерицы упадет роса, тогда пусть сглазят тебя; когда на глаза чёрного ворона упадет роса, пусть тогда сглазят тебя» (Никонова, 2000: 129).

Кроме этого заговора, существовало еще 6 способов, как считали чувашки, избавить детей от сглаза: 1) на шею ребенка надевали красные или жёлтые бусы; 2) рубашку надевали красного или какого-либо другого яркого цвета. Это делалось в том убеждении, что глаз постороннего человека в первую очередь упадет на предмет яркого цвета, ослабитесь и уничтожится; 3) в малый котёл наливали воду, клали рябиновые прутики и траву, все это кипятилось некоторое время, потом

охлаждалось; далее в этой воде купали ребенка и таким образом обезвреживали силу сглаза; 4) на ребенка брызгали водой сквозь веник; 5) окуривали ребенка льняными зернами; 6) бросали в огонь соль; во время потрескивания соли ребенка держали перед огнём, т.к. было поверье, что треск соли изгоняет из ребенка все нечистое (Никонова, 2000).

Иногда больные давали обеты: принести в жертву лошадь, не жениться, не пить водки, идти в монахи. Существовали меры предохранительные от болезней. Например, широкое распространение получило ношение на теле талисмана: в форме креста, сделанное из дерева; рябины. Также чувашки носили: «богородичную траву» и «богородичную вату». Обращались к святым-целителям Николаю Чудотворцу, ходили в село Ишаки, к Великомуученику Пантелеймону – в черемисский мужской монастырь и к другим местно-чтимым святым (РГИА. Ф. 764. Оп. 1. Д. 111. Л. 73).

При наступившей инвалидности служитель традиционного культа юмзи (или другое сакральное лицо) силой слова и с помощью соответствующих ритуалу и обряду предметов пытался восстановить нарушенный болезнью мир больного. Подобными действиями он имитировал акт сотворения мира Творцом. Постоянные и обязательные атрибуты юмзи – зажженный трут, вода, горсть земли, кусочек хлеба, зола, ножницы, веник и пр. Указанные предметы символизировали созданные из Хаоса первоэлементы Космоса – Огонь, Воду, Сушу (три космические сферы) и Мировое дерево/древо (вертикальная космическая опора) (НАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 201. Л. 87).

Верующие инвалиды считали, что надо обязательно проводить Учук, ибо это поможет избавиться от болезни. Места совершения ритуалов считаются священными. В день Учюка все моются в бане и надевают чистые рубашки. Во время моления все огни в деревне гасились, от жары, считали, может пострадать растущий хлеб.

5. Заключение

Таким образом, можно констатировать, что взаимодействие с природой являлось частью системы традиционной культуры народов Поволжья, которое в XIX веке на индивидуальном и этническом уровнях стало важным фактором адаптации к среде обитания. Природа в структуре жизнеобеспечения инвалидов выступала в качестве основного способа их борьбы за здоровье.

Анализ этнографических материалов позволил выявить особенности восприятия здоровья в волжской культуре, которое в XIX веке было основано на этноконфессиональных предрассудках. Природные компоненты являлись неотъемлемой частью повседневной жизнедеятельности инвалидов. Особую значимость в экологическом мировоззрении волжских народов обретала вода, которая повсеместно использовалась в обрядовой жизни общин.

Традиционная духовная культура Поволжья заключала в себе идеи, которые являлись основополагающими во взаимоотношениях природы и инвалида. Это любовь к родному краю, находящая выражение в эстетизации ландшафта, вера в спасительные и целительные силы природы, полное почтение и внимание к уникальным природным объектам. Это гуманное, паритетное, уважительное отношение ко всему живому, имеющее в основе признание права на существование каждой формы жизни. Это понимание универсальной ценности природы – ресурсной, эстетической, рекреационной, информационной. Это осознание глубочайшей системности, которой проникнута вся природная среда. Системность предполагает невмешательство в жизнь природы, поскольку, потревожив один ее элемент, можно нанести ущерб другому, связанному с ним неизвестными человеку отношениями взаимозависимости. Наконец, это мысль о непрерывной ответственности человека за проступки, совершенные против природы, за нарушение установленных обществом исходя из тысячелетнего опыта запретов.

6. Благодарности

Исследование выполнено на средства гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых в рамках научно-исследовательского проекта № МК-3253.2017.6 «Эколого-правовая культура Поволжья: прошлое и настоящее».

Литература

Алехина, 2011 – Алехина Н.В. Культурная динамика костюма народов Среднего Поволжья: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратовский государственный технический университет. Тольятти, 2011. 22 с.

АНИИГН – Архив Научно-исследовательского институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Ауновский В. А. – Ауновский В.А. Этнографический очерк мордвы-мокши// Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869. С. 85-108.

Зеленин, 1937 – Зеленин Д.К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л., 1937. 78 с.

Калачов, 1855 - Калачов Н. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Книга II. М., 1855. 517 с.

Корнишина, 2008 – Корнишина Г.А. Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 156 с.

- Минх, 1890** – *Минх А. Н.* Обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. С.-Петербург. 1890. 152 с.
- НАРТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Никонова, 1993** – *Никонова Л. И.* Традиционные способы сохранения здоровья морды: автореферат дис.... канд. ист. наук. Саранск, 1993. 25 с.
- Никонова, 2000** – *Никонова Л. И.* Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка, 2000. 160 с. URL: <http://tatar.yuldash.com/TradMedTurk.ZIP> (дата обращения: 09.03.2016).
- Овсянникова, 2015** – *Овсянникова Н.В.* Общественные представления о старости в традиционной повседневной культуре Среднего Поволжья // Особенности повседневной культуры Средневожского региона: моногр. Рязань: Изд-во «Концепция», 2015. С. 185-316.
- Овсянников, 2013** – *Овсянников В. П.* Некоторые направления культурологических исследований региональной культуры с использованием постнеклассических методов // Этносоциум и межнациональная культура. № 3 (57). 2013. С. 12-37.
- Риттих, 1870** – *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870. 224 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Русские, 1999** – Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власов, Н.С. Полищук. М., 1999. 824 с.
- Салмин, 2007** – *Салмин А. К.* Система фольк-религии чувашей / А.К. Салмин; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург: Наука, 2007. 653 с.
- Щапов, 1859** – *Щапов А. П.* Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII в. Казань, 1859. 750 с.
- Цветкова, 2010** – *Цветкова И. В.* Образ «своего» в сознании русского населения Тольятти // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 89-93.
- Шахматов, 1910** – *Шахматов А. А.* Мордовский этнографический сборник: в приложении: Описание села Оркина Сарат. уезда А. Н. Минха. С.-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 848 с.

References

- Alekhina, 2011** – *Alekhina N. V.* (2011). Kul'turnaya dinamika kostyuma narodov Srednego Povolzh'ya avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Saratovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskoy universitet [Cultural dynamics of costume of the peoples of the Middle Volga region: abstract of thesis on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. Saratov state technical University]. Tol'yatti. 22 p. [in Russian].
- ANIIGN** – Arkhiv Nauchno-issledovatel'skiy institut gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Archive of Scientific-research Institute of humanitarian science under the Government of the Republic of Mordovia].
- Aunovskiy, 1869** – *Aunovskiy V. A.* (1869). Etnograficheskiy ocherk mordvy-mokshi [Ethnographic study of the Mordva-Moksha]. *The memorable book of Simbirsk in 1869*. Simbirsk. pp. 85-108 [in Russian].
- Zelenin, 1937** – *Zelenin D. K.* (1937). Totemy-derev'ya v skazaniyakh i obryadakh yevropeyskikh narodov [Totems-trees in legends and rites of European peoples]. М.; L. 78 p. [in Russian].
- Kalachov, 1855** – *Kalachov N.* (1855) Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, odnosyashchikhsya do Rossii. Kniga II [Archive legal and historical information related to Russia. Book II]. М. 517 p. [in Russian].
- Kornishina, 2008** – *Kornishina G.A.* (2008). Ekologicheskoe vozzrenie mordvy (religiozno-obryadovyy aspekt): monografiya [Ecological view of the Mordva (religious and ceremonial aspect): monograph]. Saransk: Mordovia University Publ. 156 p. [in Russian].
- Minkh, 1890** – *Minkh A. N.* (1890). Obychai, suyeveriya, predrassudki i obryady krest'yan Saratovskoy gubernii [Customs, superstitions, prejudices and rituals of the peasants Saratov province]. S.-Peterburg. 152 p. [in Russian].
- NART** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National archive of the Republic of Tatarstan].
- Nikonova, 1993** – *Nikonova, L. I.* (1993). Traditsionnyye sposoby sokhraneniya zdorov'ya mordy: avtoreferat dis.... kand. ist. Nauk [Traditional methods of preservation of health of the muzzle: the author's abstract dis.... Cand. ist. Sciences]. Saransk, 1993. 25 p. [in Russian].
- Nikonova, 2000** – *Nikonova L. I.* (2000). Traditsionnaya meditsina tyurkskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya kak chast' sistemy ikh zhizneobespecheniya [Traditional medicine of the Turkic peoples of the Volga region and the Urals as part of the system of their livelihoods]. Ruzayevka, 2000. 160 p. URL: <http://tatar.yuldash.com/TradMedTurk.ZIP> (data obrashcheniya: 09.03.2016). [in Russian].
- Ovsyannikova, 2015** – *Ovsyannikova N. V.* (2015). Obshchestvennyye predstavleniya o starosti v traditsionnoy povsednevnoy kul'ture Srednego Povolzh'ya [Public perceptions of old age in the traditional everyday culture of the Middle Volga region]. *Features of everyday culture of the Middle Volga region: monograph* / N. V. Alekhina i dr. Ryazan': Izd-vo «Kontseptsiya», 2015. pp. 185 - 316 [in Russian].
- Ovsyannikov, 2013** – *Ovsyannikov V. P.* (2013). Nekotoryye napravleniya kul'turologicheskikh issledovaniy regional'noy kul'tury s ispol'zovaniyem postneklassicheskikh metodov [Some areas of cultural

studies, regional culture, using post-non-classical methods]. *Ethnosocial and ethnic culture*. № 3 (57). pp. 12-37. [in Russian].

Rittikh, 1870 – *Rittikh A. F.* (1870). Materialy dlya etnografii Rossii. Kazanskaya guberniya [Materials for the Ethnography of Russia. Kazan province]. Kazan', 224 p. [in Russian].

RGIA – The Russian state historical archive [Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv].

Russkiye, 1999 – *Russkiye* (1999). Otv. red. V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasov, N.S. Polishchuk [Russian. Ed. edited by V. A. Aleksandrov, I. V. Vlasov, N. With. Polishchuk]. M. 824 p. [in Russian].

Salmin, 2007 – *Salmin A. K.* (2007). Sistema fol'k-religii chuvashy [The system of folk-religion of the Chuvash] / A.K. Salmin; Ros. akad. nauk, Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera). Sankt-Peterburg: Nauka. 653 p. [in Russian].

Shchapov, 1859 – *Shchapov A. P.* (1859). Russkiy raskol staroobryadstva, rassmatrivayemy v svyazi s vnutrennim sostoyaniyem russkoy tserkvi i grazhdanstvennosti v XVII veke i v pervoy polovine XVIII v. [Russian split staroobriady, considered in connection with the internal condition of the Russian Church and civic consciousness in the XVII century and the first half of the XVIII century]. Kazan'. 750 p. [in Russian].

Tsvetkova, 2010 – *Tsvetkova, I. V.* (2010). Obraz «svoyego» v soznanii russkogo naseleniya Tol'yatti [The image of "your" in the minds of the Russian population of Togliatti]. *Sociological research*. № 8. pp. 89-93 [in Russian].

Shakhmatov, 1910 – *Shakhmatov A. A.* (1910). Mordovskiy etnograficheskiy sbornik: v prilozhenii: Opisanie sela Orkina Sarat. uyezda A. N. Minkh [Mordovian ethnographic collection: application: Description of the village Orkina Sarat. County A. N. Minch]. S.-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk. 848 p. [in Russian].

УДК 930.1:392:393.05

Природная среда в повседневной жизни инвалидов в Поволжье (XIX век)

Оксана Геннадьевна Нурова ^{a, *}

^a Поволжский государственный университет сервиса, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается историко-культурная характеристика взаимодействия инвалидов с природной средой, анализируется влияние природных факторов на лечебную обрядность народов Поволжья. Показываются этно-конфессиональные предрассудки, связанные с исцелением людей с ограниченными возможностями, с использованием природных компонентов. Описываются обычаи отношения к инвалидам у народов Поволжья, основанные на использовании природных средств: воды, деревьев, земли, животных и птиц. Исследуются восприятие здоровья поволжскими народами и роль природных объектов в сохранении национального здоровья. Актуальность изучения истории взаимоотношения инвалидов с природной средой обусловлена необходимостью формирования современной экологической культуры на основе традиционных взглядов народов Поволжья. Анализ исторических источников XIX века позволит систематизировать сведения об опыте общения инвалидов с природой, что может успешно использоваться при построении современной концепции экологической культуры Поволжья. Проблема исследования заключается в том, что целостного представления о месте природы в структуре жизнеобеспечения инвалидов в традиционной культуре Поволжья создано не было. Эмпирической базой исследования стали исторические источники из региональных архивов, изданные труды краеведов и этнографов XIX века. Исследование опирается на принцип социокультурной обусловленности любых видов человеческой практики. Акцент сделан на этических, нравственно-конфессиональных, материальных мотивах и традициях в системе отношений «инвалид - природа» в регионе. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем феномен инвалидности Поволжья изучен как системный фактор, при котором важной составляющей частью жизнеобеспечения людей с ограниченными возможностями являлась природная среда. Теоретическая значимость статьи состоит в определении этнических особенностей взаимодействия инвалидов с природными объектами. С практической точки зрения результаты работы могут быть использованы при формировании новой концепции эколого-правовой культуры Поволжья, а также в учебно-методической работе.

Ключевые слова: инвалиды, природа, здоровье, традиционная культура, народы Поволжья, обряды, заговоры, обеты, экологическая культура.

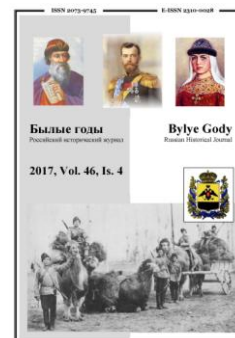
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: oksana-larioshina@yandex.ru (О.Г. Нурова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1291-1296, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1291
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Sports Training in Parts of the Active Army in the Period of the Caucasian War

Olga V. Natolochnaya ^{a, b, *}, Levan T. Chikhladze ^{c, d}, Irina V. Yablochkina ^e, Igor A. Gordeev ^f

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^d Moscow Region State University, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^f Southwestern state University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the sports training in units of the Russian army during the Caucasian war. The attention is paid to the specifics of military operations in the coastal, flatland, foothill and mountain areas.

The materials included the documents from the archival department of the Sochi city administration (Sochi, Russian Federation), scientific publications, as well as orders of the military department, which reflected the studying issues.

The methodology of the article is based on the traditional principles of historicism, objectivity, analytical, probabilistic and statistical, typological and comparative methods. The method of historicism made it possible to see, on the basis of dissimilar facts, obtained in the course of practical work with the documents, the important phenomena and processes related to the organization of sports training in the Russian army and in particular among the troops in the Caucasus.

In conclusion, the authors stated that the system of sports exercises covered all muscle groups and developed skills of the combatant in the Caucasus to overcome any difficulties in the implementation of combat missions. The system of sports training for all units was not the same and could be different. So, for example, the teams of the Azov barges were less trained on sports equipment, and paid more attention to the exercises on the development of the arms and shoulder girdle. The reasons for this were the impossibility of using barges in other climatic zones, except for the coastal.

Keywords: sport training, the Separate Caucasian corps, the Caucasian war, physical exercises.

1. Введение

В последние годы у исследователей проявился значительный интерес к изучению спортивной подготовки частей армии и флота периода дореволюционной России. В середине XIX века военное ведомство предприняло ряд шагов для организации государственной системы физического воспитания солдат и офицеров, а также был заложен фундамент для совершенствования профессионально-прикладной подготовки.

2. Материалы и методы

В качестве материалов были привлечены документы архивного отдела администрации города Сочи (г. Сочи, Российская Федерация), научные публикации, а также приказы по военному ведомству, в которых нашли отражение изучаемые нами вопросы.

* Corresponding author

E-mail addresses: natolochnaia@yandex.ru (O.V. Natolochnaya), YAblochkina.IV@rea.ru (I.V. Yablochkina), gordeev_ia@mail.ru (I.A. Gordeev)

Методологическую основу настоящей статьи составляют традиционные для исследований подобного рода принципы историзма, объективности, аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный методы. Метод историзма позволил увидеть на основе разнородных фактов, полученных в ходе практической работы с документами, важные явления и процессы, связанные с организацией спортивной подготовки в русской армии и в частности в войсках на Кавказе.

3. Обсуждение

Вопросы спортивной подготовки в русской армии начали активно рассматриваться на страницах научных и научно-периодических изданий с 1850-х гг. Одной из первых таких публикаций были приказы по войскам Кавказской армии (*Приказания, 1859*). Специально для войск на Кавказе были разработаны инструкции по организации спортивной подготовки.

Истории развития спортивно-массовой работы в армии и на флоте уделит внимание генерал-лейтенант А.Д. Бутовский (*Бутовский, 1897*). Генерал Бутовский был одним из первых в России, кто занялся исследованием проблемы спортивно-массовой работы в армии и в военно-учебных заведениях.

Вопросами физического воспитания матросов в своих трудах занимался вице-адмирал С.О. Макаров (*Макаров, 1943*). В обобщениях адмирала встречаются ценные мысли, которые и поныне находят применение в практике обучения и воспитания военнослужащих.

И.П. Старков в своем труде рассматривал вопросы спортивно-массовой работы в военно-учебных заведениях как одни из важных аспектов физического воспитания воспитанников кадетских корпусов (*Старков, 1897*). Автором анализировался процесс формирования физических качеств воспитанников кадетских корпусов.

Генерал от инфантерии А.П. Скугаревский, признавая в ходе боевых действий значение личности солдата, рассматривал моральный фактор как совокупность личностных качеств воина, к которым он относил и физическую подготовленность. На основе богатого командного и военно-административного опыта организации спортивно-массовой работы в войсках генерал высказал интересные советы (*Скугаревский, 1912*).

Рекомендации по совершенствованию боевой подготовки в русской армии в ходе военных реформ 1905-1912 гг. в своих трудах предложил генерал-лейтенант Д.П. Парский (*Парский, 1906*). При подготовке солдат и унтер-офицеров он рекомендовал уделять больше внимания их физической подготовленности.

Подполковник Ф.А. Годлевский выпустил сборник спортивных игр в помощь ротным командирам, желавшим подробнее познакомиться со спортивными играми и активно использовать их в спортивно-массовой работе (*Годлевский, 1911*). Характеризуя контингент новобранцев, С.К. Архангельский высказывался за активизацию физической культуры и спорта в России (*Архангельский, 1910*). Вопросы создания «потешных полков» – военных школ для молодых людей рассматривались в статье В.С. Молчановой и др. (*Molchanova et al., 2013*).

4. Результаты

Важное внимание уделялось спортивной подготовке военнослужащих в действующих войсках на Кавказе. Объяснялось это сложностями ведения боевых действий в приморской, равнинной, предгорной и горной зонах. Ведение боевых действий в этих условиях требовало известной сноровки, а как следствие специальной подготовки. Помимо сугубо оздоровительного эффекта, укрепления групп мышц, спортивная подготовка достигала и психологического эффекта. Создавалось ощущение коллективизма, а ведь на Кавказ долгое время отправляли не лучших рекрутов. Напомним, что до 25 % личного состава в подразделениях были сосланные (например, участники польского восстания), государственные преступники и т.д. (*Karataev et al., 2016: 653*). Следовательно, на офицеров возлагалась задача переплавить всю эту массу людей в нечто сплоченное одной целью – воинское подразделение. Так, важное значение во время спортивной подготовки уделялось созданию положительного микроклимата в воинском подразделении. Спортивная подготовка на Кавказе имела свои отличия от такой же подготовки в войсках внутренних регионов страны. В правилах для офицеров, обучающих нижних чинов гимнастике, отмечалось, что обучая стрелков гимнастике, должно постоянно иметь в виду: 1) не доводить их до утомления продолжительностью упражнений (час или 1 ½ часа времени довольно для гимнастики); 2) в одно ученье чаще переводить с одной машины на другую, и в таком порядке, чтобы сначала работали руки, потом ноги, наконец, грудь; или в обратном порядке; 3) никогда не требовать выполнения таких движений, которые превышают силы солдата, или исполнение которых ему не удастся от страха или неуверенности; 4) особенно постоянными повторениями все тех же подготовительных телодвижений, которые при некотором невнимании офицера могут быть доводимы до точности ружейных приемов, не отбивать охоту к гимнастике. Эти телодвижения весьма полезны изредка, в промежутках упражнений на машинах, особенно же упражнения рук, которые у солдат сравнительно слабее ног; 5) после этих телодвижений, кстати, иногда поверять фронтную стойку людей, с ружьями или без ружей, смотря потому как исполнялись подготовительные телодвижения. 6) Самый размер продолжительность движений не

могут быть всегда одинаковы; так движения туловищем исполняются в начале обучения довольно скоро, но без всякого напряжения, впоследствии медленнее, но полнее, а, во всяком случае, не более четырех или пяти раз по одному направлению. Движения рук и ног, за исключением приседания, исполняются тем скорее и тем большее число раз, чем более успехов сделали учащиеся. 7) Лучше всего в одно ученье заниматься и гимнастикой и Фехтованием, оканчивая занятия непременно бегом или гимнастическим шагом (Приказания, 1859: 20).

В зависимости от зоны боевых действий в подразделениях велись тренировки наиболее близко подходящие для местных условий. Так, например, в прибрежной зоне в хорошую погоду устраивались соревнования по плаванию на азовских баркасах (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. Л. 42). Азовские баркасы активно использовались в борьбе с контрабандистами и в десантных операциях. Нередко экипажам азовских баркасов ставились ответственные поручения. В качестве иллюстрационного примера можно отметить события во время высадки русского десанта в устье реки Псезуапсе в 1839 году, где азовские баркасы прикрывали десант огнем из орудий. В результате слаженных действий азовских казаков и регулярных частей русской армии данная десантная операция стала самой бескровной операцией на территории Черноморской береговой линии (Karataev et al., 2016a: 395).

В предгорных зонах требовалась сноровка по быстрому преодолению пересеченной местности. В качестве примера можно представить события 1838 г., когда горцы начали ежедневный методический обстрел русского укрепления Навагинского из артиллерийского орудия. Использование горцами артиллерии было, в то время делом уникальным. Тактика горцев была следующей после одного – двух выстрелов они отводили орудие на другой замаскированный огневой рубеж, тем самым, не позволяя форту вести прицельный огонь. Для захвата орудия была создана специальная команда из нескольких подразделений общей численностью около 500 человек при 2 орудиях (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 4. Л. 51–52). На следующий день, заметив еще один выстрел из орудия, готовая к бою группа перешла в неожиданную для горцев атаку. В ходе столкновения орудие у горцев было захвачено (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 4. Л. 55). При решении этой задачи ставка делалась на скорость атаки, войска практически бегом забежали на гору Батарейку, с которой горцы вели обстрел форта.

Обучение бегу требовало со стороны обучающего строгой последовательности и внимания. Продолжительность и скорость бега должны были возрастать постепенно. Сначала пробегать не более 2-х минут и небольшим шагом, приучая считать вслух в размер бега, для уменьшения количества вдыхаемого воздуха. Тотчас после остановки люди должны, для успокоения легких, разводить руками и перегибаясь назад, громко и протяжно кричать ура и потом идти некоторое время обыкновенным шагом.

Когда стрелки привыкнут без особенной усталости пробегать до 7-ми минут, вместо бега на ровном месте начать всходить на гору, сначала обыкновенным, потом гимнастическим шагом и наконец, бегом, постепенно увеличивая проходимое пространство, но никогда не доводя учащихся до одышки. Каждому чувствующему одышку, должно быть разрешено остановиться и выйти из строя (Приказания, 1859: 22).

Вскоре после начала Кавказской войны стало понятно, что противник будет использовать против русских войск тактику партизанской войны, широко применяя завалы для нападения и обороны. Завалы горцами делались из деревьев и камней в хаотическом порядке. Стандартная артиллерийская бомбардировка таких завалов длилась 15 минут, после чего артиллерия прекращала огонь, чтобы под нее не попали собственные атакующие войска (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 11). Штурмы укрепленных аулов и завалов в предгорной и горной зонах требовали несколько других навыков, а именно упражнений на спортивных снарядах. Команда, для упражнений на спортивных снарядах, рассчитывалась по числу последних на отделения, так чтоб в каждом было от 6 до 12 человек. Впрочем, при недостатке спортивного инвентаря сравнительно с числом людей в команде, отделения могли быть и многочисленнее.

Отделения распределялись по спортивным снарядам, например в следующем порядке:

1-е отделение к ступенчатому столбу; 2-е к длинному бревну, переброшенному через ров; 3-е к горке, 4-е к изрытой стене; 5-е к деревянной лошади; 6-е к наклонному канату; 7-е прыганье через веревочку в ширину; 8-е на канаты; 9-е к толстому горизонтальному бревну; 10-е к гладкой стене для взлезания помощью лестницы из людей и ружей; 11-е к наклонной лестнице; 12-е к великанским шагам; 13-е к параллельным брусам; 14-е прыганье с помощью шестов; 15-е к горизонтальному брусу; 16-е к наклонной доске, 17-е к вертикальным шестам и проч.

Минут через 5 или больше, смотря по числу людей в отделениях, по знаку, свисту или команде обучающего, первое отделение переходило к спортивному снаряду последнего отделения, второе на место первого, третье на место второго и т. д. Впрочем, весь этот порядок мог быть и изменяем, в зависимости от обстоятельств и числа обучаемых людей.

Приложенная в конце программа гимнастических упражнений может служить указанием, какие движения следует исполнять на различных машинах и чем ограничивать приготовительные телодвижения. Самые названия различных телодвижений и упражнений на машинах, указывают на способ их выполнения. Но между тем необходимо заметить:

1) При взбегании на горку, тот, кто не добежал доверху, не должен поворачиваться круто назад, а при повороте на горке описывать некоторую дугу, чтоб не потерять равновесия.

2) Прыгать в глубину лучше всего с лестницы, ведущей с вершины горки, но начинать непременно с низших ступеней и наблюдать, чтоб приходилось прыгать на мягкий, ровный грунт.

3) Для прыгания в вышину (через веревку), также в ширину, особенно в начале обучения, заставлять прыгать на кожаные подушки, около 5-ти четвертей в квадрате, укрепленные на плоских деревянных рамах. Обе подушки кладутся на землю так, чтоб расстояние между ними представляло ширину рва, а веревочка на деревянных шестах навешивается над промежутком между подушками, так, чтоб стрелку приходилось перепрыгивать с одной на другую. Такое устройство весьма привлекает людей к прыганью и избавляет от ушибов, только бы подушки были требуемых размеров.

Впоследствии, однако, непременно должно приучать прыгать через ров и плетень, иногда с помощью ружья вместо шеста. Вообще при всех прыжках, даже во время игры в чехарду, требовать неуклонно, чтоб стрелок прыгал всегда на носки, приседая на них как можно ниже.

4) Тоже самое можно сказать об упражнении на длинном бревне. Сначала бревно это кладется несколько наклонно на подставках не выше полуаршина над землей. Потом бревно следует перебросить через глубокий ров и все движения на нем исполнять с ружьем (без штыка). Полезно через ров перебросить несколько бревен различной толщины, формы и длины, и заставлять людей переходить по всем этим бревнам, начиная с первого и оканчивая последним.

5) Упражнения на горизонтальном бруске одни из труднейших и менее других нравятся людям. Должно по возможности избегать акробатических фокусов, а в упражнениях на этом бруске объяснить настоящую цель их – развитие мускулов, рук, плеч и груди.

6) На наклонной лестнице должно добиться, чтоб стрелок привык смело всходить на нее спереди, без ружья или с ружьем на перевес. В этом упражнении он должен преодолеть, кроме неловкости, еще и некоторую робость, поэтому не следует требовать слишком быстрых успехов. К лазанью на лестницу сзади – приступать только по достижении удовлетворительных результатов в вышеизложенном упражнении.

7. Большая часть солдат потому лезают неудовлетворительно на шестах и канатах, что не умеют держаться ногами, а мускулы рук не довольно сильны, чтоб все тело поднимать одними руками.

8. Лазанье на изрытую стену, а также на гладкую с помощью лестницы из ружей, и на наклонную доску представляет затруднение только для солдата несколько робкого.

9. Полезнейшие машины для развития ловкости и смелости стрелка, бесспорно деревянная лошадь и толстое горизонтальное бревно. К этому надо прибавить, что прыганье на лошадь есть любимая забава солдат. При упражнениях на лошади, все внимание обучающего должно быть обращено на то, чтоб стрелок, вспрыгивая и садясь на лошадь, держал туловище назад, опускаясь на самые ягодицы, а руки как можно быстрее отнимал от седла, отнюдь не оставляя их перед собой. Сначала позволять вспрыгивать только на круп лошади, а уже после нескольких уроков в седло (Приказания, 1859: 24-25).

Важное внимание уделялось системе безопасности во время спортивных тренировок. При всех упражнениях с прыжками, также на деревянной лошади и толстом бревне, один из стрелков или унтер-офицеров, всегда должен был быть готов поддержать падающего. Соблюдением этих простых правил устранялись ушибы, и особенно более важное, иногда отбивающее охоту к гимнастическим упражнениям.

Уделялось внимание и соревнованиям между военнослужащими. Так, например, в форте Навагинском в 1838 году устраивались спортивные соревнования по борьбе, прыжкам, игре в мяч и т.д. (АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. Л. 42).

Специально для подразделений Кавказской армии была утверждена программа гимнастических упражнений, которая состояла из двух отделов.

В первый отдел были включены две группы упражнений. Первая группа разминочные упражнения без ружья, такие как: гимнастический шаг (примечание 1. По команде – марш, люди идут вперед вольным шагом, несколько сгибая колено передней ноги и постепенно увеличивают и учащают размер шага; примечание 2. Все названия упражнений, указанных здесь, служат предварительной командой, а исполнительную команду обучающего составляют слова: марш или начинай. Чтоб прекратить движение, он командует стой), нагибанье туловища: сначала вперед и назад, потом в стороны, покачивание руками: сначала вперед и назад, потом в стороны, беглый шаг: обыкновенный бег, или бег ноги прямо вперед, или бег колена вверх или колена вниз, повороты туловища, кругообразное маханье руками: сначала вперед, потом назад, приседанье на носках: сначала медленное, потом частое, и вновь повороты туловища (примечание. Все эти движения кроме гимнастического шага исполняются имея руки на бедрах), бег на перегонки, игра в чехарду.

Во вторую группу входили разминочные упражнения с ружьем (примечание. Для большей безопасности, все упражнения второй группы следовало исполнять с ружьями без штыков. Люди держат ружья у ноги): бег на месте со сгибанием колен: вверх, а потом вниз, качанье или нагибанье туловища: сначала вперед и назад, потом в стороны, отталкивание рук: сначала вперед, потом в стороны, качанье ногой вперед и назад, после в сторону, сперва левой ногой, а потом правой, поворачиванье туловища руки в стороны, приседание на носках: сначала медленное, потом частое.

Движение всегда начинается приподниманием на носки, кругообразное маханье руками; руки в стороны, повороты туловища, качанье рук вперед и назад, прыжки на месте с приседанием. Движение начинается всегда приподниманием на носки, подготовительные прыжки через один, два и три шага.

Во второй отдел включались практические упражнения на спортивных снарядах. Здесь необходимо отметить упражнения на горке: взбегание на горку, прыжки в глубину, прыжки в глубину из сидячего положения. Упражнение прыжки: в высоту через веревку; в ширину через ров; в ширину или высоту с помощью шеста, а также соединение различных видов прыжков. Упражнения на толстом бревне, через ров: сидя на бревне верхом, проезжать по нему вперед или назад; сидя на бревне верхом, встать на ноги и обратно; стоя на бревне, ходить по нему вперед, назад, боком; двум человекам, при встрече на бревне, разойтись между собою поворотом; при встрече двух человек на бревне, одному перешагнуть через другого; двум человекам, стоя на бревне, сбивать друг друга; ходить по бревну неся на себе человека. Упражнения на горизонтальном бруске: подтягиваться и опускаться на руках; висеть на одной руке; виса на руках, двигаться вдоль бруса боком; перелезть на горизонтальном бруске снизу вверх: (переход от висящего положения под брусом к положению равновесия на бруске); спуститься на бруске сверху вниз. Упражнения на наклонной лестнице: лазанье на лестницу спереди посредством рук и ног, на одних ногах, упираясь на руки; с передней стороны лестницы перелезть на заднюю и наоборот; лазанье на лестницу сзади посредством рук и ног, виса на руках, виса на руках скачками. Упражнение на ступенчатом столбе: лазанье на ступенчатый столб посредством рук и ног, виса на руках. Упражнения на шестах вертикальных и наклонных: лазанье на шест посредством рук и ног; взлезши на вертикальный шест одними руками, перелезть на другой шест и спуститься по нему на одних ногах; лазанье по двум шестам. Упражнение на канатах вертикальных и наклонных: лазанье по гладкому канату посредством рук и ног, на одних руках, по двум канатам на одних руках, по канату висящему у стены. Упражнение на изрытой стене: лазанье посредством рук и ног. Упражнение по наклонной доске: лазанье посредством рук и ног. Упражнение взлезанье на стену посредством лестницы из ружей: малая лестница из ружей, средняя и большая лестницы. Упражнения на горизонтальном бревне: спрыгивания на руки; сесть на бревно верхом и спрыгнуть с него на землю; прыганье через бревно. Упражнения на параллельных брусьях: опускание и поднимание тела на руках; стоя на руках, перебрасывать ноги через брус и выпрыгнуть из брусьев вперед; качанье между брусьями и выныриванье из них назад; проезжанье по брусьям вперед и назад, ходьба на руках вперед и назад. Упражнения на деревянной лошади: прыгнув через круп, сесть на лошадь верхом; вспрыгнуть на круп лошади на колени; вспрыгнуть на круп лошади на ноги; вспрыгнув на лошадь с боку, сесть на нее верхом; прыгнуть через лошадь с боку; прыгнув на лошадь сзади, соскочить с нее в бок; перепрыгнуть вдоль через всю лошадь (Приказания, 1859: 25-26).

5. Заключение

Таким образом, система спортивных упражнений охватывала все группы мышц и развивала у комбатанта на Кавказе навыки для преодоления любых сложностей при реализации боевых задач. Необходимо понимать, что система спортивной подготовки у всех подразделений была не одинаковой и могла отличаться. Так, например, команды азовских баркасов меньше тренировались на спортивных снарядах, а больше уделяли внимание упражнениям на развитие рук и плечевого пояса. Причинами этому была невозможность использования баркасов в других климатических зонах, кроме прибрежной.

Литература

- АОАГС – Архивный отдел администрации города Сочи.
 Архангельский, 1910 – Архангельский С.К. Народные школы строя и гимнастики // *Физкультура и спорт*. 1910. № 1. С. 2-8.
 Бутовский, 1897 – Бутовский А.Д. Заметки о военной гимнастике. СПб., 1897.
 Годлевский, 1911 – Годлевский Ф.А. Подвижные игры для войск и школ. Симферополь, 1911.
 Макаров, 1943 – Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943.
 Парский, 1906 – Парский Д.П. Причина наших неудач в войне с Японией: Необходимые реформы в армии. СПб., 1906.
 Приказания, 1859 – Приказания по войскам Кавказской армии // *Военный сборник*. 1859. № 5. С. 20-26.
 Скугаревский, 1912 – Скугаревский А.П. Бородино. СПб., 1912.
 Старков, 1897 – Старков И.П. Физическое развитие воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1897.
 Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Ostrovskaia A.A., Kokuytseva T.V., Semenov A.S. The personnel of the Russian army in the caucasus in 1830-1840-ies // *Bylye Gody*, 2016, 41(3), pp. 650-657.
 Karataev et al., 2016a – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. Azov cossack host on the territory of the black sea coastline // *Bylye Gody*, 2016, 40(2), pp. 392-397.
 Molchanova et al., 2013 – Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M. Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II // *Bylye Gody*, 2013, 30(4), pp. 88-93.

References

- AOAGS** – Arkhivnyi otdel administratsii goroda Sochi [The archival department of the administration of Sochi city].
- Arkhangel'skii, 1910** – *Arkhangel'skii S.K.* (1910). Narodnye shkoly stroya i gimnastiki [Schools of military system and gymnastics]. *Fizkul'tura i sport*. № 1. pp. 2-8. [in Russian]
- Butovskii, 1897** – *Butovskii A.D.* (1897). Zametki o voennoi gimnastike [Notes on the military gymnastics]. SPb. [in Russian]
- Godlevskii, 1911** – *Godlevskii F.A.* (1911). Podvizhnye igry dlya voisk i shkol [Outdoor games for the troops and schools]. Simferopol'. [in Russian]
- Makarov, 1943** – *Makarov S.O.* (1943). Rassuzhdeniya po voprosam morskoi taktiki [Discourse on maritime tactics]. M. [in Russian]
- Parskii, 1906** – *Parskii D.P.* (1906). Prichina nashikh neudach v voine s Yaponiei: Neobkhodimye reformy v armii [The reason for our failures in the war with Japan: the necessary reforms in the army]. SPb. [in Russian]
- Prikazaniya, 1859** – *Prikazaniya po voiskam Kavkazskoi armii* [Orders to the troops of the Caucasian army]. *Voennyi sbornik*. 1859. № 5. pp. 20-26. [in Russian]
- Skugarevskii, 1912** – *Skugarevskii A.P.* (1912). Borodino [Borodino]. SPb. [in Russian]
- Starkov, 1897** – *Starkov I.P.* (1897). Fizicheskoe razvitie vospitannikov voenno-uchebnykh zavedenii [The physical development of pupils of military-educational institutions]. SPb. [in Russian]
- Karataev et al., 2016** – *Karataev V.B., Ostrovskaya A.A., Kokuytseva T.V., Semenov A.S.* (2016). The personnel of the Russian army in the caucasus in 1830-1840-ies. *Bylye Gody*. 41(3), pp. 650-657.
- Karataev et al., 2016a** – *Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G.* (2013). Azov cossack host on the territory of the black sea coastline. *Bylye Gody*. 40(2), pp. 392-397.
- Molchanova et al., 2013** – *Molchanova V.S., Cherkasov A.A., Šmigel' M.* (2013). Youth and patriotic sentiments during the reign of Emperor Nicholas II. *Bylye Gody*, 30(4), pp. 88-93.

УДК 94

Спортивная подготовка в частях действующей армии в период Кавказской войны

Ольга Васильевна Натолочная ^{a, b, *}, Леван Теймуразович Чихладзе ^{c, d}, Ирина Валерьевна Яблочкина ^e, Игорь Анатольевич Гордеев ^f

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

^d Московский государственный областной университет, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Российская Федерация

^f Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается спортивная подготовка в подразделениях русской армии в период Кавказской войны. Уделено внимание специфике проведения боевых действий в приморской, равнинной, предгорной и горной зонах. В качестве материалов были привлечены документы архивного отдела администрации города Сочи (г. Сочи, Российская Федерация), научные публикации, а также приказы по военному ведомству, в которых нашли отражение изучаемые нами вопросы. Методологическую основу статьи составляют традиционные принципы историзма, объективности, аналитический, вероятностно-статистический, типологический и сравнительный методы. Метод историзма позволил увидеть на основе разнородных фактов, полученных в ходе практической работы с документами, важные явления и процессы, связанные с организацией спортивной подготовки в русской армии и в частности в войсках на Кавказе.

В заключении авторы отмечают, что система спортивных упражнений охватывала все группы мышц и развивала у комбатанта на Кавказе навыки для преодоления любых сложностей при реализации боевых задач. Система спортивной подготовки у всех подразделений была не одинаковой и могла отличаться. Так, например, команды азовских баркасов меньше тренировались на спортивных снарядах, а больше уделяли внимание упражнениям на развитие рук и плечевого пояса. Причиной этому была невозможность использования баркасов в других климатических зонах, кроме прибрежной.

Ключевые слова: спортивная подготовка, Отдельный Кавказский корпус, Кавказская война, физические упражнения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: natolochnaia@yandex.ru (О.В. Натолочная), YAblochkina.IV@rea.ru (И.В. Яблочкина), gordeev_ia@mail.ru (И.А. Гордеев)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1297-1304, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1297
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:39 (571.6)

Transformation of Legal Status and its Influence on the Culture of Native Minorities of the Far East in XIX – Early XX centuries

Anna V. Akhmetova ^{a,*}, Viktoria V. Dementeva ^a, Yana S. Ivaschenko ^b

^a Komsomolsk-on-Amur State Technical University, Russian Federation

^b Novosibirsk State Technical University, Russian Federation

Abstract

The process of transformation of legal status of native minorities of the Far East is regarded in the given article on the base of regulatory documents in XIX-early XX centuries. Special attention is paid to two all-Russian regulatory acts: the Statute of governing members of national minority dated 1822 and the Regulation on members of national minority dated 1892 that regulated till the Great October Revolution of 1917. Considerations of production these documents are presented. The contents of the Statute and the Regulation are described in detail, and changes introduced by the government in the relations of native minorities are regarded. The changes in policy and legal status of native minorities of the Far East are shown. Pros and Cons of the Statute and the Regulation are disclosed in the article. The conclusions on effects suffered traditional culture of native minorities were made on the analyses of the two documents. The traditional mode of life of native minorities was analyzed under the influence of economic and social transformations of the state. The consequences of decline in traditional state of life and regular interrelation with Russian population are shown. The conclusions are made about the changes in traditional culture of native minorities under the influence of the state policy in pre-revolutionary period. It was explored how negative sides of the state policy concerning native minorities influence the native minorities' life till present time. The result of research is summarized in the fact that we as aliens should apply efforts for reservation of traditional culture of native minorities in the Far East.

Keywords: state policy, native minorities, the Far East, legal status, the Russian Empire.

1. Введение.

Рассмотрение хода развития культуры коренных малочисленных этносов на Дальнем Востоке в историческом аспекте является очень актуальным на современном этапе, потому что это поможет решить многочисленные проблемы межэтнических барьеров, возникшие до настоящего времени, и развить в разноэтнической среде взаимопонимание и взаимопомощь. Это будет содействовать формированию сознательной гражданской позиции среди российского населения, а также возможности обеспечить сохранение и увеличение культурных ценностей многонационального народа Российской Федерации на трех постулатах: российский патриотизм, единство и дружба народов. Государственная политика дореволюционного периода очень сильно повлияла на дальнейшее развитие аборигенного населения на Дальнем Востоке (Пикалов, Асеев, 2012: 8). По мнению иностранных ученых, у аборигенов сохранилась историческая связь между ступенями развития еще с доколониальных времен. Несмотря на напряженную обстановку, они прилагают все усилия, чтобы сохранить, развивать и передавать будущим поколениям свои исконные территории и национальную идентичность, в качестве основы своего существования как народов со своими культурными особенностями, социальными институтами и правовыми системами (Ivan, Nut, 2015: 29).

* Corresponding author

E-mail addresses: wyrds@rambler.ru (A.V. Akhmetova)

В связи с этим является важным провести комплексный анализ правового статуса малочисленных этносов в дореволюционный период истоков взаимодействия аборигенов Дальнего Востока России и государственной власти.

2. Материалы и методы

Единственные нормативно-правовые акты дореволюционного периода Устав и Положение об инородцах являются важнейшими опубликованными источниками для данного исследования. Эти документы помогли всесторонне рассмотреть социально-правовое положение в обществе коренных малочисленных народов Дальнего Востока в дореволюционный период. Основой для написания работы явились неопубликованные архивные документы следующих архивных учреждений: Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив. Так, материалы из доклада Сибплана об «Инородцах Крайнего Севера Сибири, их быте и управлении» из фонда 3977 Комитета Севера (ГАРФ) помогли полнее раскрыть особенности правового статуса коренных этносов. Выписки из журналов Комитета Министров, хранящиеся в фонде 702 «Канцелярия приамурского генерал-губернатора» (РГИА), помогли узнать особенности жизнедеятельности различных разрядов инородцев. В РГИА ДВ (фонд 1263 «Комитет министров (1802-1906)») были выявлены документы, которые помогли раскрыть социально-экономические проблемы в дальневосточном регионе в изучаемый период.

В данном исследовании проблемы первостепенной важности изучены с учетом факторов, изложенных в теории модернизации. Модернизационный подход применялся в исследовании в сочетании с цивилизационным и формационным подходами. Только вместе взятые вышеперечисленные теории могут быть применены наиболее адекватно и продуктивно, в соответствии с принципом дополнительности. Для того, чтобы решить поставленные в данной статье задачи, был использован разнообразный методологический инструментарий. Герменевтический метод помог интерпретировать выявленные нормативно-правовые акты XIX – начала XX вв. Структурно-функциональный метод использован для выявления трансформации юридического статуса коренных малочисленных народов Дальнего Востока в дореволюционный период.

3. Обсуждение

В результате анализа историографии выявленной проблемы было применено множество подходов к изучению этнокультурных процессов. Предварительно изучив возникшие в ходе сбора материала вопросы было выяснено, что уже существуют труды, посвященные трансформации юридического статуса коренных малочисленных народов в дальневосточном регионе, но они выполнены исключительно с экономической стороны и не затрагивают последствия для развития культуры аборигенов в целом. Современные исследования в исторической области посвященные трансформации истории коренных малочисленных народов широки. Это связано прежде всего с изменениями в общественно-политической ситуации страны в результате появились принципиально новые идеи для обсуждения и анализа. Значимой на тот момент проблемой стало правовое развитие коренных малочисленных народов Севера, что особенно актуально, если принять во внимание тот факт, что правовой статус аборигенов до настоящего времени находится в стадии разработки. На современном этапе исследованиями по трансформации юридического статуса коренных малочисленных народов занимаются В.А. Кряжков, И.Ю. Антонов, Ф.С. Донской, С.Н. Харючи, И.А. Гореликов, С.Н. Виноградова и др. Немалый опыт в данной проблеме имеет специалист в области конституционного права В.А. Кряжков. В своей научной работе «Коренные малочисленные народы Севера в российском праве» (Кряжков, 2010) он рассматривает и анализирует правовые проблемы коренных малочисленных этносов как исторически сложившихся на территории Дальнего Востока с традиционной материальной и духовной культурой.

4. Результаты

В XIX – начале XX вв. проведение государственной политики царской России в отношении коренных малочисленных народов, проживавших на территории Дальнего Востока, определялось тем, что, во-первых, эти земли были недавно присоединены к Российского государству. Во-вторых, освоение происходило очень медленно по причине далекого местонахождения от центральных регионов Российской Империи. В результате царская власть решила проводить колониальную политику, которая представляла собой систематическое вовлечение дальневосточных общин в социальные отношения Российской Империи.

Поэтому коренные малочисленные народы Дальнего Востока вплоть до Октябрьской революции 1917 г. находились на стадии родовой общины, подвергшейся достаточно сильному разложению. Эти значительные изменения повлияли на то, что стали заметны характерные черты, такие как имущественное неравенство и эксплуатация бедняков. Это выразилось в том, что крупные собственники эксплуатировали своих сородичей, а лучшие пастбища, охотничьи и рыболовные угодья предоставлялась богатым людям.

До 1822 г. четкой нормативно-правовой регламентации статуса коренных малочисленных этносов, проживающих на Дальнем Востоке, не было. Но в 1822 г. был разработан Устав об управлении инородцев, а позднее в 1892 г. Положение об инородцах, благодаря которым коренным малочисленным этносам придавался специальный статус (Кряжков, 2013: 75).

История принятия Устава связана с ревизией земель Сибири, которую приказал провести Александр I Сперанскому М. М. и Батенкову Г. С. Для того, чтобы рассматривать ревизии и проекты планируемых преобразований 28 июня 1821 г., был сформирован Сибирский комитет (Гореликов, 2010:77). Александр I, опираясь на уже имеющиеся разработки комитета, утвердил «Учреждение для управления сибирских губерний», а также девять Положений и Уставов по различным вопросам государственно-правового регулирования. В результате реформ было положено начало законодательным основам правового регулирования развития коренных малочисленных народов Дальнего Востока. При этом в намерения М. М. Сперанского входило составить для аборигенов собственный правовой Устав, в котором были бы четко оговорены их права и обязанности, учитывая при этом традиционный образ жизни и культуру (ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 45. Л. 15). Такие решительные шаги были связаны с изменениями, произошедшими с момента присоединения коренных этносов к Российской империи в земледельческих обществах Сибири. Эти объединения распались, как самостоятельные культурно-языковые организмы, и в результате сформировалось множество крестьянских общин. Впоследствии люди, которые жили ранее в составе земледельческих обществ и были обязаны подчиняться российским законам через собственные органы управления, теперь вошли в состав российского общества (Ахметова, Наследов, 2013: 47).

В связи со сложившейся на тот момент времени ситуацией, возникла необходимость в формировании совершенно иной государственной политики в отношении северных народов. В течение четырех лет генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанский проводил анализ положения дел и в результате предоставил на рассмотрение проект общероссийского правового акта Устав об управлении инородцами, который является разработкой механизма правового регулирования управления аборигенами (Об управлении инородцев, 1830: 394-417). В этом документе регламентировались все стороны жизни: экономическая, административная и культурно-бытовая. Необходимо упомянуть о том, что правовые механизмы его статей преимущественно во всех отношениях отражали принципы хозяйственного развития коренных малочисленных этносов, их гражданского состояния (Гореликов, 2016: 72, 73).

Когда территории Дальнего Востока вошли в состав России, местные народы официально стали иметь статус «инородцев». В литературе аборигены упоминали по-разному, например, «туземцы», «туземные народы», «аборигены». Термин «инородцы» очень часто употребляли в период царской России, который впервые был закреплен в Уставе. Политико-правовое положение коренного населения совершенно иной статус в отличии от государственных подданных, потому как Российская Империя занимала по отношению к ним особую позицию невмешательства. Вследствие этого инородцы – это все «инородные племена», населявшие Сибирь, обязанные выплачивать ясак царскому правительству.

Коренные малочисленные народы «по степени их гражданского образования и образу жизни, а именно, по качеству их промысла, составляющего главный предмет их пропитания, разделяются на три разряда: оседлые, кочевые, бродячие.

К первому разряду принадлежат те инородцы, которые имеют постоянную оседлость, хлебопашество и живут деревнями или в городах, а также занимаются торговлей и промыслом городских обывателей. Ко второму разряду принадлежат те, которые имеют постоянную оседлость в зависимости от времени года, но они не живут деревнями. К третьему разряду принадлежат те инородцы, которые перемещаются с одного места на другие по лесам и рекам, или с целью звероловного или рыболовного промысла, но живут они отдельными родами или семействами».

Согласно Уставу, оседлые инородцы стали входить в состав волостного или городского управления. «Управление кочевых инородцев есть частное по каждому стойбищу, улусу или роду, и общее по стойбищам, улусам, наслегам, волостям и родам соединенным. Сверх того, для многих родов, соединенных в одну зависимость, учреждаются Степные Думы. Частное управление кочевых инородцев составляют староста и один или два его помощника. Сия степень именуется Родовым Управлением. Хотя бродячие инородцы по образу их жизни не имеют собственно никакого внутреннего управления, кроме семейного, но когда они соединяются старостами, коим предоставляются права и власть Родового Управления или Инородной Управы» (Ахметова, 2012: 8).

Основными занятиями оседлых инородцев являлись земледелие, ремесло и торговля. Среди коренного и пришлого населения было равноправие и на них распространялись все законы Российской империи. Те, кто занимался земледелием, получали статус государственных крестьян, в обязанности которых включалось нести все подати и повинности, кроме рекрутской.

Кочевые инородцы жили скотоводством, охотой и рыболовством. Они продолжали сохраняться как особое сословие. Это было отмечено законодателями и отражено в созданном законе. Кочевые инородцы были наравне с крестьянским сословием, но отличались формой управления. Оно состояло в следующем: разряд кочевых управлялись по собственным законам и обычаям индивидуальными родоначальниками и почетными людьми. Так, например, некоторых кочевых чукчей исключали со

счетов Окружного казначейства, потому что не было возможности произвести переписи, так как они разбросаны по всему протяжению Округа и Чукотской земли, а также кочуют в безвестных местах небольшими семьями, а многие из них, с незапамятных времен не платят ясака (РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 48. Л. 1).

О третьем разряде в Уставе было установлено, что бродячие инородцы, которые живут в рассеянии, имеют право вообще состоять в применении правил, для кочующих постановленных (ПСЗ, 1830). В разделе «О правах бродячих инородцев» сказано, что закон, который касается назначения земель, относится к ним по причине нахождения в собственности государства. Им выделяются целые полосы земли и определяются только лишь границы земель оседлых и кочующих жителей. Третий разряд инородцев не принимали участия в денежных земских повинностях и не вносили свои средства в покрытие расходов на содержание степного управления. На полосе отведенной им разрешается переходить с целью промысла из уезда в уезд и из губернии в губернию (Ахметова, 2012: 12, 13).

Помимо вышеупомянутых разрядов, в Уставе были выделены и охарактеризованы ещё два дополнительных. Например, к ним относились такие инородцы как зюнгорские и двоedanцы чукчи, «несовершенно зависящие от правительства. Согласно Представлению Министра Государственного имущества от 31 мая 1867 г. «чукчи принадлежат к разряду тех бродячих инородцев, которые в полной нашей зависимости и подданстве не состоят и платят ясак по их усмотрению, для чего один раз в году их начальство пребывает в Аннойскую крепость на р. Колыми, где производится и меновая между Русскими и Чукчами торговля» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 3. Д. 142. Л. 3). Ещё один разряд представляли аборигены Курильских и Алеутских островов и прибрежные жители Северной Америки. Инородцы, проживающие на территории Русской Америки, были выделены в отдельную категорию, потому что они отличались вышеназванными особенностями, к примеру, их зависимость от Российско-американской компании. Они сделали невозможным причисление инородцев ни к какому из вышеупомянутых разрядов, так и какой-либо другой направленностью экономической политики государства в отношении этого региона. На Дальнем Востоке охота на зверей с ценными шкурами являлась важной статьёй государственных доходов, но во многом исчерпал себя к XIX в. Это связано с тем, что произошло резкое падение в добыче пушного зверя, которое вызвано его хищническим отловом в течение нескольких столетий.

В Уставе впервые проблемы выживания аборигенов были сопоставлены с затруднительным положением касательно сохранения их среды обитания. На государственном уровне коренному населению предоставлялись территории их расселения, а также фиксировались их традиционные формы самоуправления. Пришлому населению не позволялось селиться на территориях, где проживали аборигены и заниматься там такими же промыслами, которыми обеспечивают себя коренные этносы. В документе впервые был обозначен принцип дифференцированного подхода к правам и обязанностям коренных народов независимо от социально-экономического развития. С аборигенов снимали обязанность проходить воинскую службу и платить большинство налогов, а также им предоставлялось право исповедовать свою религию, предусматривались меры, которые устраняли возникновение долговой зависимости аборигенов от пришлых народов (Виноградова, 2010: 128).

Для российского законодательства было присуще только в особых случаях вмешиваться в систему управления коренными народами, регламентированную нормами права, установленных в стране, и сохранение территории проживания. Правовые меры, которые были сформированы с целью организовать систему управления территориями проживания коренных малочисленных народов, относились главным образом всего лишь к уровню не выше волостного управления. Для того времени они были наиболее развитыми и из гуманных соображений. Кроме России такого законодательства в начале XIX в. ни у одной страны не было. В отличие от многих коренных этносов других территорий аборигены России не прошли через путь крепостничества и рабства. Это преимущественное положение способствовало развитию у них таких проявлений как самосознание и свободолюбие (Ахметова, 2013: 17, 18).

По поручению генерал-губернатора края Н.Л. Гондатти в 1916 г. был представлен на рассмотрение проект «Положения об управлении инородцами Приамурского края». За основу Положения взяли «Устав об управлении инородцами». Конечно, нормативно-правовой акт 1892 г. был изменен и дополнен, вследствие интенсивного развития рынка в общественной, экономической и культурной жизни этнических обществ.

Положение об инородцах представляло собой кодификационный акт, который включает в себя 588 статей и приложения к ним. Этот документ повторял многие параграфы Устава, но с учетом произошедших изменений за 70 лет. В нём содержались общие нормы регулирования взаимоотношений органов государственной власти и коренных малочисленных народов. Положение устанавливало права коренного населения, регламентировало систему формирования и функционирования органов самоуправления, устанавливало определенные государством обязанности родовых управлений и процесс разбирательства возбужденных дел, также в нем предусматривалась определенная последовательность сбора податей и повинностей (Положение об инородцах, 1903: 1-44).

Согласно Положению, инородцами считались подданные Российской империи, в отношении которых был установлен индивидуальный порядок управления, и на которых, в соответствии с их начальными корнями, не распространялось во всех отношениях действие общих для всех законов.

При подготовке проекта Положения об инородцах опирались на следующий принцип: «инородческое население может жить только на таком праве, которое оно осознает и понимает. Ввиду этого право для инородцев должно быть проникнуто уважением к особенностям инородческого быта». Согласно положению Проекта, среди инородцев и сельских обывателей в правовом смысле равенство. Оседлым народностям впервые возможность поступить на государственную службу. Было установлено следующее: инородцы, которые перешли в другие сословия, могут пользоваться правами состояния по этим сословиям (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1401. Л. 7).

В связи со сложной экономической ситуацией на тот момент времени необходимо отметить, что согласно проекту Положения, инородцы имели право пожизненно пользоваться всеми землями, на которых изначально проживали аборигены (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 882. Л. 80). Этот нормативный акт служил доказательством того, что аборигены имеют право бесплатно ловить рыбу в реках, расположенных на территории проживания аборигенного населения. Разрешалось бесплатное занятие аборигенов охотничьими промыслами. Существенные преобразования были оговорены в правилах о повинностях. В связи с установлением равноправия коренных этносов в правовом отношении с сельскими жителями упразднился ясачный сбор.

В отношении торговли и промыслов действовали определенные нормы, которые оговаривали определенную сумму налога и определенные правила их сбора, простоту сделок и исключая по возможности задержки и убытки. Инородцам не препятствовали заниматься свободной торговлей предметами своих промыслов, им могли продать любые припасы и изделия. Исключение составляла продажа алкогольных напитков в стойбищах и на ярмарках кочевых инородцев. Но в торговле не могли участвовать состоящие на службе чиновники.

Из вышесказанного следует, что правовые нормы Положения об инородцах на государственном уровне закрепляли правовой статус аборигенов, предоставив возможность включить коренное население, их традиционное хозяйство в рыночные сферы. Произведенные перемены в хозяйственной деятельности привели к тому, что коренных этносов принудительно втягивали в товарно-денежные отношения. Данное положение заслуживает внимание не только со стороны права, но и с исторической точки зрения, как нормативный акт, который отражает права общества и в то же время права человека, которые положили начало идеи разработать региональное национальное законодательства (Akhmetova, 2016: 621).

Итак, М.М. Сперанским была сформирована своевременная система взаимоотношений государственной власти и коренных этносов, принимая во внимание их особенности таких аспектов как этническое, историческое, экономическое и правовое развитие, а также специфических взаимоотношений с окружающей средой, в отличии остальных российских граждан. Большинство положений данного нормативно-правового акта совпадают с современными международными принципами, сформированные в мировой практике значительно позже.

5. Заключение

На основе исследования обширного количества источников и научной литературы мы пришли к следующим выводам. В результате проведения колониальной политики произошли коренные изменения в истории развития и культуре аборигенного населения Дальнего Востока. Очень важным моментом в истории развития коренных этносов стало присоединение аборигенов Дальнего Востока к Российскому государству. Регулярное взаимодействие с русским населением привело к коренным изменениям в жизни туземцев. Происходивший в то время процесс был достаточно развивающимся, но очень сложным. Это связано с многими возникшими обстоятельствами. Во-первых, постепенное внедрение полунатурального хозяйства аборигенов во всероссийскую экономику исключило первобытную замкнутость и изолированность дальневосточных народов. Во-вторых, под воздействием русских людей у некоторых групп коренных малочисленных народов появились новые виды земледелия, такие как огородничество, домашнее животноводство. Эти разновидности хозяйства имели в основном натуральный характер, к чему не было привычно коренным народам. В-третьих, многие группы коренных малочисленных этносов с течением времени сменили привычные традиционные для них занятия, такие как оленеводство, охота и рыболовство на охоту на пушного зверя и прибегали к обмену на промышленные товары и европейские продукты в обмен на добытую пушину. Также изменили характер оленеводства, на смену мелкотабунного перешли к крупнотабунному.

К началу XX в. коренные малочисленные народы стали разделяться по признаку социального положения в обществе: на бедных и богатых. Богатое население стало переезжать в города, разрывая при этом все связи со своей национальной средой. Очень резко в этот период времени стало заметным процесс вытеснения древних обычаев, норм обычного права, традиций из традиционной жизни аборигенов. Вместе с тем, этот процесс у разных народов имел свои характерные стороны. К середине XIX в. у нанайцев, ульчей родовая организация раскололась. У нивхов этот процесс шёл немного медленнее. В меньшей степени и гораздо позже эти перемены коснулись коренного

населения северных территорий, например, коряков, чукчей, эвенков. Процесс социальных изменений в их среде ограничивался в связи с сохранявшейся отчужденности от остального мира, очень редкой коммуникацией с промышленниками, а также русскими, японскими и американскими купцами. В XVII-XVIII вв. повысилось перемещение населения в другие регионы страны, внутригрупповая интеграция, так и между разными малочисленными народами. В итоге, в период с XVII до начала XX в. в значительной степени реформировалась и усложнилась этническая карта дальневосточного региона: произошло уменьшение территорий коряков, эскимосов, ительменов, а существенно увеличили свои территории эвены и эвенки.

Огромное значение для исторического развития коренных малочисленных этносов стало включение их в состав Российского государства. Государство пыталось законодательно закрепить юридический статус коренных малочисленных этносов посредством созданного Устава и Положения об инородцах, которые были первыми и единственными до 1917 г. Правительство прилагало все усилия, чтобы и поддерживать экономическое положение, и сохранить самобытный строй жизни аборигенов. Но, к сожалению, не получилось осуществить планы, т.к. предпринимая меры в отношении коренных народов, государство так или иначе вторгалось вглубь земель и нарушало оговоренные права инородцев. Соответственно те изменения, которые применяли к малочисленным этносам, очень губительно отражались и влияют по настоящее время на их традиционной культуре. Поэтому мы должны с уважением относиться культуры коренных малочисленных народов и содействовать в ее развитии.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки РФ, договор № 14.Z56.16.5304-МК (Грант Президента РФ).

Литература

[Ахметова, 2012](#) – *Ахметова А. В.* Социально-экономическая политика и законодательное оформление царской властью жизни аборигенного населения Дальнего Востока в XIX – начале XX вв. // *Современные исследования социальных проблем.* 2012. № 11. С. 5-18.

[Ахметова, 2013](#) – *Ахметова, А.В.* Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925-1985 гг.). Владивосток, 2013. 169 с.

[Ахметова, Наследов, 2013](#) – *Ахметова А.В., Наследов В.Г.* Эволюция взаимоотношений Российского государства с коренным населением Сибири, Дальнего Востока и русской Америки в XVII-XIX вв. // *Современные исследования социальных проблем.* 2013. № 9. С. 37-51.

[Ахметова, Дементьева, 2017](#) – *Ахметова А.В., Дементьева В.В.* Октябрьская революция 1917 г. и коренные малочисленные народы Дальнего Востока // *Россия на переломе эпох: к 100-летию российской революции 1917 г.* Сборник статей Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Стерлитамак. 2017. 237 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

[Виноградова, 2010](#) – *Виноградова С.Н.* Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // *Труды Кольского научного центра.* 2010. № 2. С.127-139.

[Гореликов, 2010](#) – *Гореликов А.И.* Развитие коренных народов Дальнего Востока в начале XX века: опыт правового регулирования // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2010. № 18. С. 77-80.

[Гореликов, 2016](#) – *Гореликов А.И.* Имперский механизм законодательства в отношении коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока // *Ученые записки КнАГТУ.* 2016. № 11-2. С. 72-75.

[Кряжков, 2010](#) – *Кряжков В. А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.

[Кряжков, 2013](#) – *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера как субъекты традиционного природопользования и природоохранных отношений // *Сравнительно-правовые исследования в области особо охраняемых природных территорий и лесов Фенноскандии.* Сборник статей международной научно-практической конференции. Петрозаводск. 2013. С. 74-89.

[Об управлении инородцев, 1830](#) – Об управлении инородцев: Высочайше утвержденный Устав июля 22 (1822 г.) № 29126 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 38. С. 394-417.

[Пикалов, Асеев, 2012](#) – *Пикалов Ю.В., Асеев А.А.* Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922-1941 гг. Социальное развитие. Хабаровск, 2012. 211 с.

[ПСЗ, 1830](#) – Полное собрание Законов Российской империи. Собрание первое. В 50 т. Т. 38. 1822–1823. СПб. : II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1354 с.

[Положение об инородцах, 1903](#) – Положение об инородцах 1892 г. // *Свод законов Российской империи.* СПб. 1903. Т. 2. Ч. 1. С. 1-44.

Постановление Правительства, 2013 – Постановление Правительства РФ от 20.08.2013 № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014-2020 годы)» // Собрание законодательства РФ. 02.09.2013 № 35, ст. 4509.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

Хахалкина, 2009 – Хахалкина И. В. Проблемы и особенности занятости коренных малочисленных народов // *Актуальные вопросы экономических наук*. 2009. № 4-2. С. 14-17

Akhmetova, 2016 – Akhmetova A.V. Cultural Transformation of the Aboriginal Population of the North and the Far Eastern Policy of the Russian Autocracy in XIX – Early XX Centuries // *Bylye Gody*, 2016, Nr. 41 (3), pp. 620-629

Ivan, Nut, 2015 – Ivan A.L., Nut R.E. Sami People and the Right to Self-Determination // *Society and Politics*. 2015, № 2(18), pp. 28-34.

References

Akhmetova, 2012 - Akhmetova A.V. (2012). Social'no-jekonomicheskaja politika i zakonodatel'noe oformlenie carskoj vlast'ju zhizni aborigennogo naselenija Dal'nego Vostoka v XIX – nachale XX vv. [Social and economic policy and regulatory formulated by tsar power concerning the life of Aborigines of the Far East in XIX-early XX cc.]. *Modern researches of social problems*. № 11. pp. 5-18. [in Russian].

Akhmetova, 2013 – Akhmetova A.V. (2013). Vlast' i jetnos: social'naja politika sovetskogo gosudarstva v otnoshenii korenyh malochislennyh narodov Dal'nego Vostoka (1925-1985 gg.). [Power and ethnos: social policy of the Soviet state concerning native minorities of the Far East (1925-1985)]. Vladivostok. 169 p. [in Russian].

Akhmetova, Nasledov, 2013 – Akhmetova A.V., Nasledov V.G. (2013). [The evolution of relations of the Russian state with the native minorities of Siberia, the Far East and Russian America in XVII-XIX cc.]. *Modern research of social problems*. Nr. 9. pp. 37-51 [in Russian].

Akhmetova, 2016 – Akhmetova A.V. (2016). [Cultural Transformation of the Aboriginal Population of the North and the Far Eastern Policy of the Russian Autocracy in XIX – Early XX centuries]. *Bylye Gody*, Nr. 41 (3), pp. 620-629.

Akhmetova, Dementeva, 2017 – Akhmetova A.V., Dementeva V.V. (2017). Oktjabr'skaja revoljucija 1917 g. i korenyje malochislennye narody Dal'nego Vostoka [The October Revolution of 1917 and the native minorities of the Far East]. Russian at tipping epochs: to 100-anniversary of Russian revolution of 1917. Collected works of all-Russian students' scientific-practical conference. Sterlitamak. 237 p. [in Russian].

CCL, 1830 – Polnoe sobranie Zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe [Complete collection of laws of the Russian Empire. The First Collection]. In 50 vs. V. 38. 1822–1823. SPb.: II Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 1354 p.

Ivan, Nut, 2015 – Ivan A.L., Nut R.E. (2015). Sami People and the Right to Self-Determination. *Society and Politics*. Nr 2(18), pp. 28-34.

SARF – State Archive of the Russian Federation [in Russian].

Gorelikov, 2010 - Gorelikov A.I. (2010). Razvitie korenyh narodov Dal'nego Vostoka v nachale XX veka: opyt pravovogo regulirovanija [The development of native people of the Far East in the beginning of XX c.: the experience of legal regulation]. *The Bulletin of Chelyabinsk State University*. № 18. pp. 77-80. [in Russian].

Gorelikov, 2016 – Gorelikov A.I. (2016). Imperskij mehanizm zakonodatel'stva v otnoshenii korenyh malochislennyh narodov severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [The Imperial scheme of legal system concerning native minorities of the North, Siberia and the Far East]. *Scientific Notes of KnASTU*. № 11-2. pp. 72-75. [in Russian].

Government Decree, 2013 – Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.08.2013 № 718 «O federal'noj celevoj programme «Ukreplenie edinstva rossijskoj nacii i jetnokul'turnoe razvitie narodov Rossii» (2014-2020 gody)» [Decree of the Government of the Russian Federation of August 20, 2013 № 718 "On the Federal Target Program" Strengthening the Unity of the Russian Nation and the Ethno-Cultural Development of the Peoples of Russia "(2014-2020)". Collection of Legislation of the Russian Federation. 09/02/2013 No. 35, art. 4509 [in Russian].

Khakhalkina, 2009 – Khakhalkina I.V. (2009). Problemy i osobennosti zanjatosti korenyh malochislennyh narodov [Employment problems and peculiarities of native minorities]. *Actual problems of economic sciences*. № 4-2. pp. 14-17. [in Russian].

Kryazhkov, 2010 – Kryazhkov V.A. (2010). Korenyje malochislennye narody Severa v rossijskom prave [Native minorities of the North in Russian legal system]. M.: Norma. 560 p. [in Russian].

Kryazhkov, 2013 – Kryazhkov V.A. (2013). Korenyje malochislennye narody Severa kak subekty tradicionnogo prirodopol'zovanija i prirodohrannyh otnoshenij [Native minorities of the North as the subjects of traditional ecosystem exploitation and nature oriented relations]. Comparative legal studies in the area of specially protected natural areas and forests of Fennoscandia. Collection of articles of the international scientific and practical conference. Petrozavodsk. pp. 74-89 [in Russian].

[On governing members of national minority, 1830](#) – Ob upravlenii inorodcev : Vysochajshe utverzhdenyj Ustav ijulja 22 (1822 g.) № 29126 [On governing members of national minority: The Statute consolidated by the Imperial Court, July 22, (1822 г.) № 29126], Complete collection of laws of the Russian Empire. SPb., V. 38. pp. 394-417. [in Russian].

[Pikalov, Aseev, 2012](#) – *Pikalov Yu.V., Aseev A.A.* (2012). Korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka SSSR v 1922-1941 gg. Social'noe razvitie [Native minorities of the Far East of the USSR in 1922-1941. Social Development]. Khabarovsk. 211 p. [in Russian].

[The Regulation on members of national minority, 1903](#) – Polozhenie ob inorodcah 1892 g. [The Regulation on members of national minority dated 1892], The Code of Laws of the Russian Empire. SPb. 1903. V. 2. Part 1. pp. 1-44. [in Russian].

[RSHA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historic Archive] [In Russian].

[RSHA FE](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Dal'nego Vostoka [Russian State Historic Archive of the Far East] [in Russian].

[Vinogradova, 2010](#) – *Vinogradova S.N.* (2010). Formirovanie gosudarstvennoj politiki v otnoshenii korennyh malochislennyh narodov Severa. Sibiri i Dal'nego Vostoka: retrospektivnyj analiz [The formation of state policy concerning native minorities of the North, Siberia and the Far East: retrospective analysis]. *The works of Kolsk scientific center.* № 2. pp. 127-139. [in Russian].

УДК 94:39 (571:6)

Трансформация юридического статуса и её влияние на культуру коренных малочисленных народов Дальнего Востока в XIX – начале XX вв.

Анна Валинуровна Ахметова ^{a,*}, Виктория Владимировна Дементьева ^a, Яна Сергеевна Иващенко ^b

^a Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Российская Федерация

^b Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье на основе нормативно-правовых документов XIX – начала XX вв. рассматривается процесс трансформации юридического статуса коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Особое внимание уделяется двум общероссийским нормативным актам: Уставу об управлении инородцами 1822 г. и Положению об инородцах 1892 г., которые действовали до Великой Октябрьской революции 1917 г. Приводятся причины создания этих документов. Подробно описывается содержание Устава и Положения, а также рассматривается, какие изменения принесло государство в отношении коренных малочисленных народов. Показано, как изменилось политико-правовое положение коренных малочисленных этносов Дальнего Востока. В статье раскрываются положительные и отрицательные стороны Устава и Положения. На основе анализа этих документов сделаны выводы о том, какие последствия за собой понесла традиционная культура коренных малочисленных народов. Проанализировано как со стороны государства экономические и социальные преобразования повлияли на традиционный образ жизни коренных этносов. Показано, к каким последствиям привел упадок традиционного хозяйства и регулярное взаимодействие с русским населением. Делаются выводы о том, что государственная политика в дореволюционный период коренным образом изменила традиционную культуру коренных малочисленных этносов. Было выяснено, как отрицательные стороны государственной политики в отношении аборигенного населения влияют на жизнь коренных малочисленных этносов по настоящее время. Подведен итог исследования к тому, что нам как пришлому населению, необходимо прилагать усилия в сохранении традиционной культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Ключевые слова: государственная политика, коренные малочисленные народы, Дальний Восток, юридический статус, Российская империя.

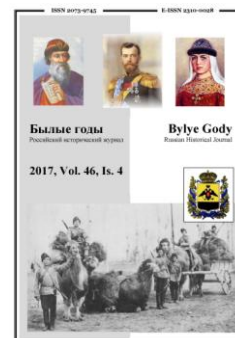
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: wyrds@rambler.ru (А.В. Ахметова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1305-1314, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1305
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 34(091)

Features of Regional Management in Russia: Historical and Legal Aspects (on the Example of Kalmykia)

Irina K. Ochir-Garyeva^{a, *}, Evgeni A. Komandzhaev^a

^a Kalmyk State University Named after B. Gorodovikov, Russian Federation

Abstract

An important task of government in the Russian Federation were the issues of development of Russian federalism and relations between centre and regions, based on the constitutional law of the country. In this regard, of particular urgency is the study of the history of management of the Russian regions. Modern problems of state-building in the Russian Federation are largely the result of processes that have evolved in the times of the Russian Empire.

In article on the basis of extensive archival material and other published sources, discusses the introduction of the national regions, such as Kalmykia Republic in the national control system, determining the legal status of the non-indigenous population in the period, analysis of the activities of agencies specializing in the management of the Kalmyk nomads.

Keywords: regional governance, federalism, national regions, local government, legal system, unification management, the administrative units, ethnic and economic factors, traditional governance, customary law.

1. Введение

Один из основополагающих вопросов, связанных с государственным управлением в Российской Федерации, начался с процесса эволюции российского федерализма, отношений центра и субъектов, державшийся на конституционных законах страны. В связи с этим особое значение приобретает изучение истории управления регионами России. Современные проблемы государственного строительства в Российской Федерации во многом являются результатом процессов, которые сложились в постимперский период.

Более точное представление о специфике регионального управления в условиях империи можно составить лишь после понимания правового положения некоренного населения в структуре государства. Расчетливость российских властей выражалась в том, что находящимся на более заметном уровне культурного развития народностям, пытались сохранить свои законы, а в некоторых случаях и государственную систему, в то время как нормотворчество для других было в максимальной степени использовано их обычным правом, другими словами, продолжалось таким же образом – оставлялась их обычная правовая система. Наряду с этим критерием «развития» стало соответствие политических форм, объединенных народами в западные модели.

Противоречие заключалось в том, что, как утверждает Л.Е. Лаптева, «государственно-правовые формы Запада (особенно в середине XIX века) пытались использовать «только для поверхностного совершенствования: «свобода договора, публичный характер работы государственных учреждений, независимый, равный, местный суд и самоуправление, введенные в стране, где существовали до этого феодальная система и «полицейский режим», не было равенства свободных граждан» (Лаптева, 1998: 4-5).

* Corresponding author

E-mail addresses: ppa@kalmsu.ru (I.K. Ochir-Garyeva)

Установившаяся особенность политики Российской империи, которая касается нерусских народов, выражается точнее в небольшом стремлении к их этническому слиянию. По-видимому, на него частично повлияло преимущество политических причин в отношении экономики в процессе увеличения территории государства.

Необходимо также отметить, что небезызвестный патернализм часто признается, по мнению А.Ю. Волчкова, «особенностью российской внутренней политики, присущей» самодержавию и «воспринятой Советским Союзом». Но если патернализм в империи ограничивался рамками полицейского режима, в котором «обывателю была обещана спокойная и безопасная жизнь в обмен на лояльное отношение к власти», то есть, говоря юридическим языком, ограничивался сферой преимущественно публичной, то советский «патернализм охватывал значительно более широкую сферу отношений, вторгаясь во все области жизни народа, в том числе и населения окраин» (Волчков, 2012: 183).

По этой причине нуждается, пожалуй, в уточнении и распространенное определение России как «тюрьма народов». Но, как и любой идеологический лозунг, оно не может претендовать на точное отражение действительности. Так как в условиях православного самодержавного государства удивительным образом сохранили свои национальные религии, обычаи и культуру десятки народов.

В истории России конечно известны периоды, когда лояльная политика веротерпимости и покровительства малочисленным народностям сменялась попытками «насилованной русификации».

Так, в Советской республике, с самого начала считавшейся федерацией, основные параметры системы права и управления задавались центральной властью, для национальных особенностей и самостоятельности отводилось мало пространства. Хотя, другого ожидать и не следовало: отрицая право частной собственности, рыночную экономику, договор, марксистско-ленинская доктрина, а затем и практика социализма неизбежно приходили к отрицанию права как средства социальной регуляции (Нерсисянц, 1992: 214). Вместо этого пришло администрирование во всех областях жизни общества. С другой стороны, «унитарный характер Российской империи в ситуации, когда право все же считалось важным средством регулирования общественной жизни, не мешал сохранять плюрализм источников права» (Лаптева, 1998: 7).

Вплоть до начала XVIII в. не только местные законы были сохранены, но и системы управления прилегающими землями. Как правило, аффилированные или включенные в этот период территории, получали достаточную самостоятельность, хотя региональная однородность областей нечасто выделялась исходя из управленческих приоритетов. Эта тенденция была в значительной мере преодолена к началу XVIII в.

Особо следует отметить, что при разделе территории на административные единицы национальный и экономический факторы учитывались редко, а подчас вовсе не брались в расчет. В основном при административных преобразованиях на российскую почву зачастую переносились заимствованные модели, обязательно с ожиданием немедленных положительных результатов, при этом отвергались предшествующий опыт, сложившиеся культурно-экономические связи.

Таким образом, все более отчетливо стала выражаться тенденция к единообразию управления, что не исключало возможности сохранять специфику правовых, но никак не управленческих систем входящих в состав государства народов. Вновь присоединенные регионы какое-то время имели прежние институты, но, впоследствии, они почти всегда заменялись общеимперскими.

Стремление к унификации управления отражало общую тенденцию к бюрократической концентрации управления в империи. Вместе с тем реальной централизации добиться не удалось. Уже в конце XVIII в. российские власти осознали, что в таком большом государстве центр тяжести в управлении необходимо сместить в регионы. С этого периода местное управление, сосредоточенное преимущественно в полицейских органах, постоянно находилось в поле зрения законодателей.

Хотя правительство и подготовило некоторую правовую базу для деятельности полиции, в пределах которой та должна была выполнять свои функции в интересах государства и подданных, механизм принятия и исполнения решений полицейскими учреждениями местного значения был отработан крайне слабо, не существовало судебной ответственности полицейских чинов. Все это влекло к тому, что произвол полиции становился распространенным явлением. Постепенно в политике центра, по мнению Л.Е. Лаптевой, «более четко прослеживалась готовность предоставить местному населению реальную возможность участия в управлении» (Лаптева, 1998: 9). Прежде всего, имелись в виду лишь привилегированные сословия, которым было предоставлено право выбирать ряд местных полицейских чиновников.

С середины XIX в. в местное управление стали привлекаться все сословия без исключения. Центральная власть училась более тонко, государственно-правовыми средствами влиять на местном уровне. Это означало, что прямое управление центра постепенно уходило в прошлое, а вместе с ним видоизменялось в направлении либеральных признаков полицейское государство. Однако следует заметить, процесс этот был длительным, и в конце XIX в. он далеко еще не завершился.

Реформы второй половины XIX в. послужили толчком к формированию в России элементов гражданского общества. Важное значение здесь имело то, что в обществе сложилось представление о равенстве всех перед законом и судом.

Являясь многонациональным и многоконфессиональным государством, Россия, объединяла народы, находившиеся в свое время на различных уровнях культурного развития. Взаимоотношения со многими из них складывались сложно, а порой и драматично. Как считает И.К. Очир-Гаряева, «осмыслить, на каких государственно-правовых основаниях внедрялась российская система государственного управления в регионе, населенном в частности калмыками, представляет не только исторический, но и современный практический интерес» (Очир-Гаряева, 2012: 4).

Особый интерес представляет процесс формирования и развития политической организации калмыцкого народа, развивавшейся, с одной стороны, на основе институтов Калмыцкого ханства, а, с другой стороны, испытывавшей существенное влияние со стороны государственного аппарата России. По мнению И.К. Очир-Гаряевой, «именно в этом проявилось своеобразие развития государственности у калмыков» (Очир-Гаряева, 2014: 9).

Система общественной организации кочевого народа в состоянии политического подданства от России постепенно изменялась. Российские власти постоянно пытались ограничить полномочия калмыцких правителей. С этой целью был создан институт губернаторства. Рассмотренный период внутривластного курса России и его политико-юридические явления, безусловно, содержат значительный опыт для государственного строительства современной России и, конечно, требуют специального исследования.

Формирование системы государственного управления в Калмыцкой Степи имело место в условиях употребления имперских принципов на основе гибкого использования национальных подходов и политико-правовых институтов в сочетании с национальными особенностями кочевого сообщества, с учетом сложившегося порядка традиционного управления и обычного права калмыков.

Таким образом, как пишет И.К. Очир-Гаряева: «Основными тенденциями в развитии государственного управления в Калмыкии являются локализация власти в регионе в сочетании с централизацией, когда в системе отношений «центр – регион», центральной властью выступает правительство, а его местным уровнем и представителем на территории Калмыкии – астраханский губернатор и специальное подразделение по калмыцким делам (экспедиция, канцелярия, управление)» (Очир-Гаряева, 2014: 10).

Система органов государственного управления в калмыцких кочевьях строилась на основе опыта деятельности подобных учреждений, подтвердивших жизнеспособность в других областях страны, но с учетом специфики данной национальной окраины.

В данной работе предпринимается попытка обобщить накопленный к настоящему времени теоретический материал, осознать преимущества и недостатки региональной политики царской администрации, оценить значение для современности отечественного опыта управления, в том числе и негативного. Рассматриваются общероссийские институты управления, уделено внимание специфике управления национальными регионами, традиционным формам самоуправления инородцев.

2. Материалы и методы

Источниковой основой исследования являются опубликованные и, прежде всего, неопубликованные архивные документальные материалы.

Весомую по объему группу опубликованных материалов представляют собой российские законодательные акты. В этой связи значительный интерес представляет «Полное собрание законов Российской империи».

Несомненно ценным источником для исследования общественного и административного строя Калмыкии являются Монголо-ойратские законы «Их цааз» (Великое уложение) (Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVII в., 1981). Эти законы, принятые в 1640 году на съезде монгольских, ойратских и калмыцких правителей отражают период крайне сложных и весьма противоречивых взаимоотношений в кочевом обществе.

Разнообразный и фактически не включенный в научный оборот материал хранится в архивах. На данный момент в этом отношении самыми большими хранилищами остаются Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК) и Архив внешней политики российской империи министерства иностранных дел Российской Федерации (АВПРИ).

Эти архивы являются на сегодняшний день совершенно достаточным и надежным источником для исследования ключевых проблем политико-правовой истории национальных регионов в составе России, в частности, Калмыкии и развития русско-калмыцких отношений в XIX в.

В процессе исследования авторы руководствовались диалектическим методом научного познания, подразумевающим изучение всех процессов и явлений в эволюции. Были использованы также системный, сравнительно-правовой, исторический, структурно-функциональный и другие методы познания, а также принципы единства исторического и логического, абстрактного и конкретного. Данные методы сделали возможным рассмотрение проблемы введения кочевий в систему общегосударственного управления с учетом особенностей социальной организации калмыков, а также с развитием российской государственности и права.

3. Обсуждение

Исследователями проделана большая работа по изучению разнообразных политико-правовых вопросов развития Калмыкии. Данные исследования не равноценны как по предмету рассматриваемых проблем, так и по своей значимости (Кичиков, 1966).

В первую очередь, ученые пытались решить вопрос о том, какие цели преследовало царское правительство, принимая калмыков в состав России, и почему оно на первоначальном этапе допускало определенную политическую, правовую и экономическую самостоятельность Калмыцкого ханства в составе российского государства.

Более полутора веков назад И.Я. Бичурин (Иакинф) писал: «Российский двор, приняв в подданство калмыков, имел в виду найти в них сильную помощь против врагов своих на юго-востоке...» (Бичурин, 1833: 299). В последующем его мнение разделяли и другие исследователи (Бюллер, 1846: 176).

Некоторые исследователи акцентировали внимание и на экономической заинтересованности российских властей в калмыках. Так, например, Н.И. Страхов вполне обоснованно писал о миллионах десятин «бесплодной и иссушенной солнечным зноем земли», превращенных калмыками в «миллионные табуны и стада, ... в надежный и богатый конный и скотный двор для целой России» (Страхов, 1810: 97).

Следующий вопрос – начало политики правового ограничения данных инородцев. Н.А. Нефедьев и М.Г. Новолетов истоки правительственного надзора в калмыцких кочевьях относили к началу XVIII века (Нефедьев, 1834: 286; Новолетов, 1884: 77), но их мнение не нашло поддержки. Из чего следует, что в исследованиях дореволюционных ученых эта проблема фактически не была решена.

Положения же правового регулирования отношений в кочевом обществе, оформление общегосударственного порядка управления получили отражение, как в дореволюционной, так и в современной литературе. Но следует отметить, что во многих работах рассматриваются большей частью этнографические и исторические аспекты данных явлений. Более глубокое и полное изучение вопросов введения национальных регионов, в частности Калмыкии, в общегосударственную систему управления России является одной из целей современной историко-правовой науки.

4. Результаты

Происходившие в российском государстве в первой четверти XIX в. реформы побудили царское правительство с целью всеобъемлющего экономического и политического контроля населения окраин выработать систему управления, основной задачей которой должно было стать приведение их социально-экономического и политического строя к единым образцам.

Необходимо отметить, что в калмыцких кочевьях процесс введения единой системы управления протекал постепенно. Российское правительство планировало создать такую систему управления инородцами, содержание которой сводилось бы к последующему ограничению политической самостоятельности калмыцкой знати и подчинению ее деятельности непрерывному надзору царской администрации. Позже это было отражено в законодательных актах. Одним из таких актов явился Указ Александра I от 10 марта 1825 г., утвердивший «Правила для управления калмыцкого народа» (далее – Правила 1825 г.) (ПСЗ Российской империи. Т. 40. № 30290).

Царское правительство, разрабатывая реформу управления в Калмыкии, накопило уже определенный опыт и подготовленные программы организации управления в национальных регионах и поэтому «Правила» 1825 года не явились для правительства чем-то новым в порядке проводимых в 20-х годах XIX в. административных реформ.

По этим Правилам Калмыкия была отнесена к области – административно-территориальной единице, учрежденной в России по реформе 1822 года и равноценной по правовому положению внутренней губернии. Но Калмыкия со структурой четырехстепенного управления (главное, областное, окружное, улусное) имела свою специфику, связанную с калмыцким общественным устройством, традициями в правлении, а также с установлением контроля со стороны местных гражданских и военных властей (Астраханской губернии и Кавказским краем) (Максимов, 2000: 54).

Согласно Правилам Калмыцкая степь в высшем административном отношении подчинялась уже Министерству внутренних дел Российской империи. К ведению министерства были отнесены наиболее важные вопросы по калмыцким делам: установление или внесение изменений в порядок организации управления; территориальный раздел улусов; разрешение споров между владельцами; выделение финансов для расходов на содержание аппарата управления; кадровые назначения, например, главного Пристава по представлению Главноуправляющего Кавказским краем (ПСЗ Российской империи. Т. 40. № 30290: 155-156).

Должность Главного пристава в Калмыкии была учреждена еще именным указом от 26 октября 1801 г. Согласно документа, чиновнику вменялось в обязанность «представление интересов кочевого народа», а, в реальности, осуществление административного надзора за деятельностью местных властей – калмыцкого наместника и Главного Зарго (Очир-Гаряева, 2012: 62).

С ликвидацией института наместничества российские власти не только не отменили систему административно-полицейского надзора, но больше того, взяли курс на ее усиление. В этой связи вся

жизнь кочевого народа, деятельность таких национальных органов управления, как Зарго (Суд), попали под строгий контроль главного и частных (улусных) приставов (ПСЗ Российской империи. Т.26. №20037).

Будучи единственными представителями официальной власти в кочевьях, приставы злоупотребляли своим положением с целью личного обогащения. Произвол и насилие, совершаемые этими должностными лицами, иногда оканчивались разбирательством в судебном порядке и последующим отстранением (НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 24. л. 1-5; Д. 31. Л. 1-4). Подобные незаконные действия чиновников вызывали у местного населения неприязненное отношение к власти, что, безусловно, вызывало беспокойство в правящих кругах.

Уже в период наместничества жесткий контроль со стороны главного пристава (Н.И. Страхов был назначен первым главным приставом) за деятельностью наместника ханства Чучея Тундутова и Суда Зарго порождал у представителей национальной власти недовольство и раздражение. В итоге взаимного недоверия в вышестоящие центральные органы и поступали жалобы с обеих сторон. Так, например, Страхов вносил предложения об отмене должности наместника и изменении Зарго, о выработке нового законодательства (Максимов, 2000: 53).

Прямым представителем министерства являлся Главный пристав с двумя помощниками, он фактически полностью отвечал за порядок дел.

По Правилам 1825 года по вопросам гарантий общественного порядка, соблюдения законодательства, судебным, военным делам на местном уровне Главный пристав подчинялся Главноуправляющему, а по всем другим делам гражданского характера – астраханскому губернатору.

В обязанности Главного пристава входил ежемесячный отчет перед министерством о положении дел в Калмыкии, о своей деятельности, об особенностях разрешения трудных и спорных вопросов в Комиссии калмыцких дел, местном коллегиальном органе управления, руководимом астраханским губернатором (Команджаев, 2005: 30-31). Кроме того, он обязательно должен был не реже одного раза в год лично инспектировать калмыцкие кочевья и на месте разрешать вопросы, а затем информировать Комиссию о результатах работы (НАРК. Ф. 34. Оп. 1. Д. 15. Л. 21-25).

На заседании Правительствующего Сената в 1825 году, в связи с принятием «Правил для управления калмыцкого народа», был представлен отчет Главноуправляющего на Кавказе генерала Ермолова «о неудобствах настоящего управления» калмыцким народом. По предложению генерала было создано новое «калмыцкое управление» – Комиссия Калмыцких дел (ПСЗ. Российской империи. Т. 40. № 30290).

По указу Александра I Комиссии калмыцких дел поручалось: а) «рассмотреть и исправить древнее законоположение калмыков, и на предварительном совещании владельцев с лучшим духовенством, приспособить оное, поскольку возможность дозволит к общим правам, дополняя недостаток или неудобство из Законов Российских...» (ПСЗ. Российской империи. Т. 40. № 30290). И.К. Очир-Гаряева пишет, что «помимо изучения имеющегося калмыцкого законодательства предлагалось составить родословные книги национальной знати (нойонов, зайсангов), провести предварительную перепись кибиток по улусам. Комиссии ставилась также задача – изучить вопросы взаимоотношений светской и духовной знати калмыков, степень зависимости простолюдинов от своих владельцев и их взаимоотношения» (Очир-Гаряева, 2012: 69).

Правила 1825 г. регулировали порядок работы, прохождения и обсуждения дел, документирование деятельности Комиссии, устанавливали весьма обширные ее права. Состав Комиссии калмыцких дел включал в себя вице-губернатора, Главного пристава, губернского прокурора, а также представителей от улусовладельцев и от калмыцкого духовенства, делегированных путем выборов.

По характеру осуществляемых полномочий Комиссию следует отнести к исполнительно-распорядительному органу, осуществляющему также функции суда высшей инстанции по гражданским делам на местном уровне. Разрешая административные, финансовые, хозяйственные, налоговые вопросы, она осуществляла надзор за точным прохождением дел в Суде Зарго, разбирала кассационные жалобы на приговоры Зарго по делам на сумму свыше 400 рублей, а также иски, связанные с управлением аймаками и по разделу владений (ПСЗ. Российской империи. Т. 40. № 30290: 155-156). Учитывая состав Комиссии и порядок ее формирования, следует прийти к выводу, что она имела определенные черты национального представительного органа.

Правила 1825 г. подробно регламентировали взаимоотношения Комиссии с Главным приставом, который в обязательном порядке вносил на обсуждение Комиссии дела, требовавшие принятия решений. В ходе переписки по этим делам чиновник должен был ссылаться на заключения Комиссии, имевшей право проверить деятельность Главного пристава, заслушать его и вынести свое решение, доложить о нем Министерству внутренних дел и Главноуправляющему краем (ПСЗ. Российской империи. Т. 40. № 30290: 157).

Функции окружного органа управления, согласно Правил 1825 года, были поручены Суду Зарго в составе восьми человек (два от духовенства, шесть от владельцев и зайсангов), избранных в улусах сроком на три года и утвержденных Комиссией. Кроме того, в состав Зарго входили также: «... для наблюдения за успешным и порядочным отправлением дел, решаемых по законам и обычаям, племени их свойственным, полагается одному из помощников Главного пристава; для ведения же записи

журнальной сим делам и последовавшим решениям назначается... один из переводчиков с учеником калмыцкого языка из штата Главного пристава» (ПСЗ. Российской империи. Т. 40. № 30290: 158). Суд Зарго рассматривал гражданские дела на сумму не свыше 400 рублей. В большинстве своем это были преступления, связанные с угоном скота, кражей чужого имущества, отлучками и незаконными переходами от одного владельца к другому и др. (Команджаев, 2003: 54-55).

В этом правовом документе определялись также такие группы уголовных преступлений: измена (не ясно только – какая); неповиновение властям; возмущение (Очир-Гаряева, 2014: 72); злоумышленный побег за границу; убийство, грабеж, фальшивомонетничество; воровство свыше трех раз.

Более того, в Правилах суды впервые разделены на гражданский и духовный, специализировавшиеся на делах, касавшихся религии, духовных лиц, семейных вопросов.

По отношению к улусным судам Зарго выступал высшей апелляционной инстанцией и рассматривал дела на сумму свыше 200 рублей, а также спорные по имениям и управлению аймаками (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 37).

Улусные управления, возглавляемые во владельческих улусах – владельцами; в казенных – правителями, согласно Правил 1825 года, составляли низовое звено в системе управления Калмыкии. В состав улусных управлений входили частные приставы, осуществляющие не только функции административного и полицейского надзора, но и судебные.

Из регулярных отчетов и переписки частного пристава с Комиссией калмыцких дел, следует вывод, что он «не вмешивался в повседневную текущую работу улусного управления и улусного суда» (Очир-Гаряева, 2014: 72). Основными его обязанностями были: гарантия общественного порядка и спокойствия в улусе; надзор за деятельностью всех улусных учреждений; за выполнением повинностей, наряда на кордонную службу. Помимо прочего, он занимался разбором мелких судебных дел гражданского характера на сумму до 20 рублей (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182. Л. 49-51). Дела же, связанные с правонарушениями против личности, разбирались в улусных судах, состав которых избирался на один год от представителей зайсангов и почетных лиц. Судопроизводство осуществлялось в строгом соответствии с древним законодательством калмыков (Степным Уложением 1640 года, законом Дондук-Даши 1758 года и др.), правовыми обычаями, а также новыми положениями российского гражданского и уголовного права (НАРК. Ф.1. Оп.1. Д.182. Л.57, 59-61).

Итак, после непродолжительного восстановления наместничества калмыцкие кочевья претерпели переустройство, в результате чего Калмыцкая степь волилась в единый централизованный порядок административно-территориального устройства страны на положении особой области. Правила 1825 года определили правовое положение Калмыкии, установили основы взаимоотношений данной национальной территории с органами государственного управления России, наметили основы новой правовой системы региона, а также оформили систему судебных органов.

5. Заключение

Вопросы управления территориями, оптимального сочетания основ централизации и децентрализации, бюрократического управления и самоуправления продолжают оставаться напряженными всегда, особенно в многонациональной стране. В таком государстве автономия регионов зачастую приводит к ситуации сохранения его целостности. Дело обстоит не только в уровне экономического развития страны в целом и ее регионов. История нашей страны, как, впрочем, и мировой опыт, доказывает, что дальновидность властей заключается, в первую очередь, в уважении национального достоинства всех народов, их культуры и истории.

Исходя из вышеизложенного следует, что не всегда принятые на высшем уровне решения о децентрализации в форме самоуправления могли быть беспрепятственно приведены в действие. Для того чтобы соответствующие нормы стали функционировать, необходимо было создать в государстве и обществе достойные условия. В противном случае, органы самоуправления станут не более чем дополнением системы государственного управления.

Как ни парадоксально, но в царской России условия развития самоуправления оказались более подходящими, чем в современной России. Прежде всего, потому, что существование традиционных общинных моделей самоуправления, корпоративного самоуправления указывало, что у населения имеются определенные навыки совместного решения коллективных проблем; во-вторых, в сочетании с системой территориального самоуправления это давало сильный толчок развитию гражданского общества. Знаменательный рубеж в развитии последнего был пройден в 1905 г. с провозглашением свободы собраний и разрешением политических объединений.

Л.Е. Лаптева отмечала: «Российский опыт пореформенного государственного развития дает основание говорить и о том, насколько важно в большом многонациональном государстве сочетать государственное управление с элементами самоуправления, внимательнее относиться к существовавшим в стране испокон веков традиционным формам политического участия, представительству, самоуправления, а также создавать новые формы, не противоречащие традициям» (Лаптева, 1998: 149). Никто, конечно, не призывает возрождать родовые формы управления. Но необходимо учитывать специфику социальной и правовой психологии самостоятельных социальных групп и этносов. На современном этапе важным условием преодоления

отстраненности между государством и обществом можно увидеть широкое развитие системы регионального и местного общественного самоуправления.

Данные обстоятельства положительно скажутся не только на процесс приведения системы государственного управления в оптимальное состояние, но и будут способствовать консолидации единой многонациональной России, ослаблению межнациональных противоречий, ускорению процесса образования в России гражданского общества.

На протяжении почти столетия (с момента вступления калмыков в состав России в начале XVII века) политика царского правительства по отношению к кочевому народу была для него в целом благоприятной. Она пожаловала обширные земли для кочевания в Нижнем Поволжье. Кочевники получили, можно сказать, широкие возможности для обмена продукции своего производства на товары народного хозяйства России. Калмыкам обеспечивалась защита от внешней угрозы и полное сохранение во внутренней жизнедеятельности правил и традиций кочевого общества.

Вхождение Калмыкии в состав российского государства отвечало интересам калмыков, предоставляло возможность более или менее поддерживать устойчивые условия для жизни и хозяйственной деятельности. По высказыванию И.Я. Златкина «такая политика российских властей способствовала развитию доверия калмыков к России и вызывала противодействие к попыткам ханов Джунгарии склонить кочевую знать вернуться на территорию Джунгарии, оставленную ими в конце XVI – начале XVII вв.» (Златкин, 1983: 320).

На российской территории калмыки сохранили свою государственность, которая оказалась к середине XVIII века в кризисном положении. Царское правительство стремилось всячески ослабить систему национальной власти в ханстве. Поводом для возникновения некоторого обострения отношений между степной знатью и царской администрацией стало учреждение в 1741 г. института царского наместника ханства. Возвращение в 1758 г. института ханской власти не способствовало политической стабилизации в степном регионе (АВПРИ. Оп. 2. Д. 3).

Войдя к началу 60-х годов XVIII в. в единую систему общеимперского управления Калмыцкое ханство, тем не менее, поддерживало определенное правовое положение и самостоятельность. XVIII в. знаменуется, заметным усилением централизации всех институтов государственного аппарата Российской империи. Становление многонационального Российского государства влекло за собой постепенное оформление местного чиновничества. При главенствующем положении в региональном управлении царской администрации необходимость в тесном сотрудничестве с коренным населением обуславливала вовлечение к управлению калмыцкой знати.

Российское правительство проявляло достаточную гибкость в своей региональной политике в национальных окраинах страны. При этом ставку делали не столько на военную мощь, а сколько преимущественно на нормативное регулирование местной системы управления. Важное значение это имело в областях с многонациональным составом населения.

Традиционно самодержавие не очень заботилось о соответствии административно-территориального устройства окраин с действительным режимом расселения коренных народов. Как замечает И.К. Очир-Гаряева «...нередко части одного и того же этноса оказывались в разных губерниях, уездах, волостях. Несоответствие между национальным и территориальным строем объективно укрепляло государственное единство, но создавало и определенную почву для недовольства местных народов. Эта политика и изменения в соответствии с ней коснулись и Калмыкии» (Очир-Гаряева, 2014: 105).

Управление Калмыцким ханством оказывалось под воздействием все более жесткого надзора российских властей. Реформирование Суда Зарго, поощрения перехода кочевников в православие, вмешательство царского правительства в выборы ханов и наместников – все это доказывало стремление самодержавия уменьшить значение степной знати, превратить ее в государственных чиновников. В этой ситуации в среде калмыцкой знати зародилась идея об откочевке из пределов России.

Для царского правительства уход значительной части калмыцкого народа в 1771 г. из состава государства был неожиданным и неприятным событием. Губернская астраханская администрация не была готова к такому повороту событий. Российские власти, сознавая необходимость принятия оперативных мер против дальнейшей откочевки калмыцкого народа, ввели на территории Калмыцкой степи прямое губернское правление. Астраханский губернатор оказывался не просто посредником в отношениях российских властей с кочевым народом, а непосредственно ответственным лицом по контролю и управлению этими инородцами.

По мнению И.К. Очир-Гаряевой «имевшее место, некоторое промедление царского правительства в вопросе определения статуса оставшихся калмыков в составе России объяснимо тем, что власти еще имели надежды на возвращение калмыков на территорию России. Но им не дано было свершиться» (Очир-Гаряева, 2014: 105).

Об изменении правовой политики самодержавия по отношению к калмыцкому народу свидетельствовал рескрипт Екатерины II от 19 октября 1771 г. Цель такого курса состояла в обращении кочевников «... в несомненное для России и полезное ей состояние », другими словами, определенный в нормативном отношении, статус калмыцких кочевий во избежание любых сепаратистских проявлений (АВПРИ. Оп. 2. Д. 37). Преобразовалось правовое положение Астраханского губернатора: отныне он становится доверенным лицом монаршей власти и верным

защитником государственных интересов на территории Калмыцкой степи. В обход многих центральных органов управления, императрица Екатерина II напрямую станет обращаться с рескриптами к губернатору. Это – свидетельство зарождения принципа единоличного управления отдельными отраслями деятельности Российского государства.

Н.Н.Пальмов, известный российский ученый, считал, что «основной целью российского правительства после ухода части калмыков стало овладение ситуацией в кочевьях, которое стало осуществляться Астраханским губернатором и Экспедицией калмыцких дел. Созданная специальная часть канцелярии Астраханского губернатора – Экспедиция калмыцких дел и учрежденный 1772 г. при ней Суд Зарго не были самостоятельными структурами ни центрального, ни губернского аппарата. Изначально подведомственная губернатору «Экспедиция» должна была принять срочные меры к успокоению и возможно приемлемому калмыками устройству оставшихся калмыков» (Пальмов, 1932: 91-93). И с этими задачами она справилась. Прежде всего, «Экспедиция», возглавляемая губернатором, с задействованными ведомствами, в частности и воинскими подразделениями, предотвратили вероятные попытки оставшихся калмыков уйти за наместником. Во-вторых, были приняты меры для проведения переписи населения кочевий. В-третьих, сохранившиеся подвластные были перераспределены между калмыцкими тайшами, понесшими определенный ущерб из-за откочевки. К тому же не остались без внимания владельцы, проявившие себя в ходе событий 1771 г. как благожелательно настроенная к российским властям аристократия

Учреждение Кавказского наместничества и введение в его состав Астраханской губернии повлекло к изменениям в порядке управления кочующими тут калмыками. В 1786 г. взамен прежней «Экспедиции» была образована войсковая канцелярия (ПСЗ Российской империи. Т. 26. №19511: 259), призванная проводить управление, а вернее, командование инородцами как иррегулярным войском. Однако подобное направление в воинском деле не укоренилось и в 1788 г. канцелярию преобразовали в Калмыцкую канцелярию, изменив, таким образом, внешне цели и функции ведомства (НАРК. Ф.33. Оп. 1. Д. 59. л. 2).

Калмыцкая канцелярия оказалась более самостоятельным учреждением, нежели ее предшественница. Осуществляя административный контроль над калмыцким народом, канцелярия не просто исполняла распоряжения губернатора, а рассматривала «предложения» вышестоящих ведомств с целью принятия более подходящих для подведомственного ей народа заключений. В общем же, перед калмыцкой канцелярией были поставлены те же цели, что и перед Экспедицией. Во-первых, совершались попытки проведения переписи кочевого населения. По причине постоянных перемещений калмыков, канцелярия не смогла завершить перепись даже по улусам. Она произвела, связанный с этим контроль за маршрутом кочевков.

Калмыцкое правление, сменившее в 1797 г. канцелярию, также являлось временным учреждением. Однако оно, как самостоятельное ведомство, смогло требовательно отнестись к комплектованию национальных кадров, к делопроизводству и к порядку прохождения службы своих чиновников. Правлению, в известной степени, удалось сформировать поулусные описи калмыков (НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 13. л. 110б.). По высказыванию И.К. Очир-Гаряевой «это было одним из самых серьезных подступов к решению общей задачи не только по овладению ситуацией в кочевьях, а и по установлению всеобъемлющего контроля над ними» (Очир-Гаряева, 2012: 58).

На рубеже XVIII–XIX вв. царское правительство, ввиду неудачной попытки по скорейшему введению калмыков в общегосударственную систему управления и сопутствующих с этим антироссийских настроений в кочевом обществе, было вынуждено вновь обратиться к институту наместничества. Полномочия наместника Тундутова (1800–1803 гг.) заметно ограничились в сопоставлении с его предшественниками – калмыцкими ханами и наместниками ханства. Ни одного серьезного и ответственного шага он не мог совершить без участия и одобрения российской администрации (ПСЗ. Российской империи. Т.26. №19599: 540).

Это назначение не дало ожидаемых самодержавием результатов. Причины неудачной реставрации наместничества следует, по нашему мнению, необходимо пытаться обнаружить не только во взаимоотношениях имперских властей с кочевым народом, но и в положении, сложившемся внутри самого калмыцкого общества. Одна группа причин, думается, представлена тем, что стараясь, во что бы-то ни стало включить калмыцкий народ в систему государственного управления, царское правительство не имело определенной национальной политики по отношению к калмыкам. Из этого становятся понятными как ограничения, так и продуманные уступки национальной власти, которую представляли, прежде всего, наместник и Суд Зарго. Кстати, данное обстоятельство серьезно дезориентировало политические группировки калмыцкой знати.

Другая группа причин заключается в противоречивом состоянии калмыцкого общества: накалившихся взаимоотношений из-за политического противостояния, отсутствия единства. Кроме того, часто важнейшую роль играла личность наместника, который, в свою очередь, не пользовался достаточным авторитетом у калмыцких владельцев. Нойоны не принимали его власти над собой, не повиновались его распоряжениям. Сам российский ставленник за годы наместничества не смог расположить к себе не только представителей калмыцкой знати, но даже оформить отношения доверия и сотрудничества с главным приставом Н.И. Страховым (Пальмов, 1932: 100).

В обстановке сложившейся взаимной враждебности в вышестоящие инстанции неоднократно направлялись жалобы как с одной стороны, так и с другой. В таких условиях, наместник не мог плодотворно проводить политику России в кочевьях. Все эти обстоятельства явились причиной ликвидации наместнической формы правления в Калмыкии.

В соответствии с основными положениями реформы управления народами Сибири и инородцами 1822 г. после временного восстановления наместничества калмыцкие улусы подверглись переустройству. В ходе которого Калмыкия вошла в единую систему административно-территориального устройства государства на правах особой области. Принимая во внимание национальные особенности Калмыкии и единые задачи российской реформы (централизация управления), Правила 1825 года определили правовое положение региона, заложили основы взаимоотношений Калмыкии с центральными и местными органами управления (России, Астраханской губернии и Кавказской области).

К.Н. Максимов, видный ученый и общественный деятель Калмыкии, справедливо отмечал: «Правила 1825 года заложили наряду с обычно действовавшим законодательством основы новой правовой системы Калмыкии – гражданское право, уголовное право и процесс, а также установили систему судебных органов» (Максимов, 2000: 58).

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Бичурин, 1833** – Бичурин Н.Я. Историческое обозрение волжских калмыков. // *Журнал Министерства внутренних дел*. 1833. ч. 8. кн. 3. С.299.
- Бюллер, 1846** – Бюллер Ф.А. Инородцы в Астраханской губернии // *Отечественные записки*. 1846. Т. 47, № 7; Т. 47, № 8, отд. 2; Т. 48, № 10; Т. 49, № 11. С.176.
- Волчков, 2012** – Волчков А.Ю. Политические особенности местного самоуправления в регионах Российской Федерации: Компаративный анализ; на примере Северо-Востока России. М., 2012. 165 с.
- Златкин, 1983** – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758. Москва, 1983. 333 с.
- Их цааз, 1981** – Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права 17 в. 1981. 148 с.
- Кичиков, 1966** – Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966. 152 с.
- Команджаев, 2003** – Команджаев Е.А. Органы управления и суда в Калмыкии XVIII–XIX вв. Элиста: АПП "Джангар", 2003. 79 с.
- Максимов, 2000** – Максимов К.Н. История национальной государственности Калмыкии. Москва, 2000. 311 с.
- НАРК** – Национальный архив Республики Калмыкия.
- Нерсесянц, 1992** – Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: От социализма к цивилизму. Москва, 1992. 349 с.
- Нефедьев, 1834** – Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. Санкт-Петербург, 1834. 290 с.
- Новолетов, 1884** – Новолетов М.Г. Калмыки. Исторический очерк. Санкт-Петербург, 1884. 78 с.
- Очир-Гаряева, 2012** – Очир-Гаряева И.К. Система управления в Калмыкии в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. Элиста, 2012. 87 с.
- Очир-Гаряева, 2014** – Очир-Гаряева И.К. Региональное управление в России: историко-правовой анализ. Элиста, 2014. 127 с.
- Пальмов, 1932** – Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1932. 137 с.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Страхов, 1810** – Страхов Н.И. Нынешнее состояние калмыцкого народа. СПб., 1810. 97 с.

References

- AVPRI** – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Arkhiv foreign policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- Bichurin, 1833** – Bichurin N.Ya. (1833). Istoricheskoe obozrenie volzhskikh kalmykov [Historical review of the Volga Kalmyks]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. ch. 8. kn. 3. [in Russian]
- Byuller, 1846** – Byuller F.A. (1846). Inorodtsy v Astrakhanskoi gubernii [Foreigners in Astrakhan province]. *Otechestvennyye zapiski*. 1846. T. 47, № 7; T. 47, № 8, otd. 2; T. 48, № 10; T. 49, № 11. [in Russian]
- Volchkov, 2012** – Volchkov A.Yu. (2012). Politicheskie osobennosti mestnogo samoupravleniya v regionakh Rossiiskoi Federatsii: Komparativnyi analiz; na primere Severo-Vostoka Rossii [Political characteristics of local self-government in Russian regions: comparative analysis; for example, the North-East of Russia]. Moskva. 165 p. [in Russian]
- Zlatkin, 1983** – Zlatkin I.Ya. (1983). Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635–1758 [The history of the Dzungar khanate]. Moskva. 333 p. [in Russian]
- Ikh tsaaz, 1981** – Ikh tsaaz (Velikoe ulozhenie). Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava 17 v. [Their tsaaz (Great Code). Monument of the Mongolian feudal law of the 17th century]. 1981. 148 p. [in Russian]

- Kichikov, 1966** – *Kichikov M.L.* (1966). Istoricheskie korni druzhby russkogo i kalmytskogo narodov. Obrazovanie Kalmytskogo gosudarstva v sostave Rossii [Historical roots of friendship of the Russian and Kalmyk peoples. The formation of the Kalmyk state as part of Russia]. Elista. 152 p. [in Russian]
- Komandzhaev, 2003** – *Komandzhaev E.A.* (2003). Organy upravleniya i suda v Kalmykii XVIII–XIX vv. [Governing bodies and courts in Kalmykia of the XVIII-XIX centuries]. Elista: APP "Dzhangar". 79 p. [in Russian]
- Maksimov, 2000** – *Maksimov K.N.* (2000). Istoriya natsional'noi gosudarstvennosti Kalmykii [The history of national statehood of the republic of Kalmykia]. Moskva. 311 p. [in Russian]
- NARK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The national archive of the Republic of Kalmykia]. [in Russian]
- Nersesyants, 1992** – *Nersesyants V.S.* (1992). Nash put' k pravu: Ot sotsializma k tsivilizmu [Our way to the right: from socialism to civilism]. Moskva. 349 p. [in Russian]
- Nefed'ev, 1834** – *Nefed'ev N.A.* (1834). Podrobnyye svedeniya o volzhskikh kalmykakh, sobrannye na meste [The detailed information about Volga Kalmyks, collected on the spot]. Sankt-Peterburg. 290 p. [in Russian]
- Novoletov, 1884** – *Novoletov M.G.* (1884). Kalmyki. Istoricheskii ocherk [The kalmyks. Historical sketch]. Sankt-Peterburg. 78 p. [in Russian]
- Ochir-Garyaeva, 2012** – *Ochir-Garyaeva I.K.* (2012). Sistema upravleniya v Kalmykii v poslednei treti XVIII – pervoi chetverti XIX vv. [The control system in Kalmykia in the last third of XVIII – first quarter of XIX centuries]. Elista. 87 p. [in Russian]
- Ochir-Garyaeva, 2014** – *Ochir-Garyaeva I.K.* (2014). Regional'noe upravlenie v Rossii: istoriko-pravovoi analiz [The regional governance in Russia: historical and legal analysis]. Elista. 127 p. [in Russian]
- Pal'mov, 1932** – *Pal'mov N.N.* (1932). Ocherk istorii kalmytskogo naroda za vremya ego prebyvaniya v predelakh Rossii [Essay on the history of the kalmyk people during his stay in Russia]. Astrakhan'. 137 p. [in Russian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. [in Russian]
- Strakhov, 1810** – *Strakhov N.I.* (1810). Nyneshnee sostoyanie kalmytskogo naroda [The current state of the Kalmyk people]. Sankt-Peterburg. 97 p. [in Russian]

УДК 34(091)

Особенности регионального управления в России: историко-правовые аспекты (на примере Калмыкии)

Ирина Калиновна Очир-Гаряева^{a, *}, Евгений Александрович Команджаев^a^a Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Российская Федерация

Аннотация. Важной задачей государственного управления в Российской Федерации стали вопросы развития российского федерализма, отношений центра и субъектов, базирующихся на конституционном законодательстве страны. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение истории управления регионами России. Современные проблемы государственного строительства в Российской Федерации во многом являются следствием процессов, которые развивались еще во времена Российской империи. В статье на основе обширного архивного материала и других опубликованных источников рассматриваются вопросы введения национальных регионов, в частности Калмыкии в общегосударственную систему управления, определения правового статуса некоренного населения в указанный период, дан анализ деятельности ведомств, специализирующихся по управлению калмыцкими кочевьями.

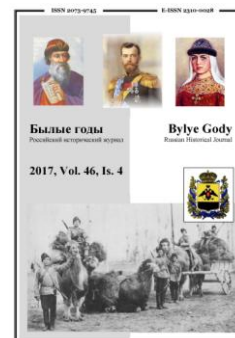
Ключевые слова: региональное управление, федерализм, национальные регионы, местное самоуправление, правовая система, унификация управления, административные единицы, этнический и экономический факторы, традиционное управление, обычное право.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ppa@kalmsu.ru (И.К. Очир-Гаряева)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1315-1321, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1315
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Losses of the Russian army during the Russian-Persian War of 1826–1828: the Historical-Statistical Study

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, *}, Michal Smigel ^{c, d}, Sergei Bratanovskii ^e, Annick Valleau ^f

^a Volgograd state university, Russian Federation

^b American Historical Association, USA

^c Matej Bel University, Slovakia

^d International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation

^f University of Geneva, Switzerland

Abstract

The article discusses the losses of the Russian army during the Russian-Persian war of 1826-1828. The war was a real test for units of the Russian army. The surprise of the invasion of the enemy, the limited military contingent, the presence of the "fifth column", and the uprising of a part of the local population made the conduct of hostilities more complicated.

As materials, there were involved the work "Collection of information on the losses of the Caucasian troops", documents of the ACAK, sources of personal origin, as well as pre-revolutionary literature. In addition, the foreign and Russian scientific publications on the topic of research published in recent years were used too.

In the solution of research tasks there were used the traditional scientific methods of analysis, synthesis, concretization, generalization. The statistical method was of great importance in the article. With the help of it there were calculated the ratio of killed to wounded and average daily losses of Russian troops during the Russian-Persian war. There was also applied the historical-comparative method, which allowed authors to compare the losses with other military conflicts of this time, for example, with the Russian-Turkish and Caucasian wars.

In conclusion, the authors stated that the Russian-Persian war by the ratio of casualties (killed, wounded, prisoners) is one of the most severe wars of the Russian Empire in the XIX century. During the conflict in 8 of the 18 clashes, the Russian army suffered losses of prisoners.

The duration of the conflict was 604 days, and the losses of killed, wounded and prisoners – 3967 people. The average daily losses on the Caucasian theater of operations were as follows: 2,5 persons killed, 1,8 persons wounded and 2,2 prisoners. The total loss was 6,5 people per day. However, these losses do not reflect the losses from epidemics and disease.

Keywords: Russian-Persian war, the losses, the Russian army, Persian army, killed, wounded.

1. Введение

Русско-персидская война 1826–1828 гг. была одной из самых тяжелых войн на Закавказском ТВД для русской армии. Причин этому несколько: 1. Неожиданность вторжения персов; 2. Ограниченность сил русского военного контингента; 3. Восстания туземного населения; 4. Использование персами «пятой колонны», а именно русских пленников и дезертиров в вооруженных силах. Нельзя не отметить и недостаточность санитарного обеспечения, ввиду чего в

* Corresponding author

E-mail addresses: sochio03@rambler.ru (A.A. Cherkasov), michal.smigel@umb.sk (M. Smigel), bratfoot@mail.ru (S. Bratanovskii), Annick.Valleau@unige.ch (A. Valleau)

войсках, в особенности в 1827 г., наблюдалась повышенная заболеваемость. В связи с этим во время боевых действий постоянно возникали чрезвычайные ситуации.

2. Материалы и методы

В качестве материалов привлечены «Сборник сведений о потерях Кавказских войск» ([Сборник сведений о потерях, 1901](#)), документы АКАК, источники личного происхождения, а также дореволюционная литература. Помимо этого были использованы зарубежные и российские научные публикации по теме исследования, опубликованные в новейшее время.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Важное значение в статье имеет статистический метод, благодаря которому были вычислены соотношения числа убитых к раненым, а также среднесуточные потери русских войск в период русско-персидской войны. Применялся и историко-сравнительный метод, который позволил сравнить потери с другими военными конфликтами этого времени. Например, с русско-турецкой и Кавказской войной.

3. Обсуждение

Тема русско-персидской войны 1826–1828 гг. активно изучалась как в XIX веке, так и сегодня. В начале XIX века благодаря соперничеству России и Британии за Закавказье, в Персии начинают появляться представители английских дипломатических миссий, путешественники, а также военные специалисты. Этими людьми и были сделаны описания Персии накануне русско-персидской войны. Мы можем назвать работы Ж. Морьер ([Morier, 1818](#)), Ж. Кеппел ([Keppel, 1827](#)). Тема боевых действий нашла свое отражение в трудах дореволюционных военных историков В.А. Потто ([Потто, 2015](#)), А.П. Щербатова ([Щербатов, 1890](#)). Неоднократно это обсуждалось в фундаментальных трудах по истории русской армии и флота ([История, 1911](#); [Хронологический указатель, 1911](#)), а также в других работах, например М. Адигезаль-бека ([Адигезаль-бек, 1950](#); [Описание, 1901](#)).

Важные сведения о потерях периода войны представлены в Актах собранных Кавказской археографической комиссией (АКАК), а также в работе «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг.» ([Сборник сведений о потерях, 1901](#)). Тем не менее, в вопросе о потерях остаются спорные моменты, уточнение и новая трактовка которых является целью данного исследования.

4. Результаты

Накануне персидского вторжения в Персии были проведены военные реформы, которые были направлены на перевооружение армии и на создание регулярных подразделений. Согласно данным генерала Ермолова персидская армия располагала 30 батальонами по 1 тыс. человек каждый, артиллерия насчитывала до 100 орудий. Специально для обеспечения армии были построены собственный литейный завод и оружейная фабрика ([Щербатов, 1890: 16](#)). Уделялось внимание и созданию регулярных подразделений из числа русских пленников. Важно отметить, что с самого начала XIX века русских в составе военных команд персидской армии иностранцы видели постоянно. Большинство из таких людей попадали в Персию, как военнопленные захваченные персами в ходе боевых действий ([Morier, 1818: 40](#); [Keppel, 1827: 178](#)), однако было немало и тех, кто был куплен в Черкесии на невольничьих рынках ([Cherkasov et al., 2017](#)).

Соотношение сторон накануне конфликта было следующим: 8 тыс. человек в составе русской армии и 35 тыс. – в Персидской. Командование русскими войсками осуществлял генерал Паскевич, а персидскими – наследный принц Персии Аббас-Мирза.

Рис. 1. Генерал Паскевич

Рис. 2. Аббас-Мирза

Согласно планам Аббаса-Мирзы вторжение персов должно было вызвать восстания против русских по всему Кавказу, то есть стать детонатором к социальному взрыву. При этом предполагалось, что Персию с оружием в руках поддержит не менее 100 тыс. восставших. Необходимо отметить, что ставка на мусульманский фактор делалась и позднее. Так, например, во время Крымской кампании Турция делала ставку на черкесский корпус, который должен был быть сформирован из восставших и принять участие в войне на стороне союзников (Осиповский, 2016).

Война началась 16 июня 1826 г. с неожиданного вторжения персидских войск, а завершилась 10 февраля 1828 г. поражением персов. В период войны произошло не менее 18 боевых столкновений.

Таблица 1. Потери русской армии в русско-персидскую войну 1826–1828 гг. (Сборник сведений о потерях, 1901: 143-146)

№	Столкновения	Офицеры			Нижние чины		
		убитых	раненых	пленных	убитых	раненых	пленных
1826 г.							
1	При нападении у сел. Герюнзуры на отряд 42-го Егерского полка подполковника Назимок, следовавшего из села Герюсы в кр. Шушу и при взятии этого отряда в плен, 21-го июня	-	-	18	306	-	682
2	Во время вторжения персиян в Талышинское ханство, с 4-го июля по 2-е августа	1	1	2	11	29	170
3	Во время восстания в гор. Елизаветполе, 27-го июля	10	1	5	37	-	249
4	Во время осады Аббас-Мирзою крепости Шуши, с 27-го июля по 4-е сентября	-	2	3	9	18	25
5	В сражении при сел. Шамхор, 7-го сентября	-	-	-	7	24	-
6	В сражении при гор. Елизаветполе, 13-го сентября	4	10	-	43	240	-
7	Во время восстаний в Ширванской и Кубинской провинциях, с 25-го июля по 28-е ноября	1	4	-	41	86	-
8	Во время блокады креп. Баку Гусейн-Кулиханом, с 3-го по 7-е сентября	-	1	-	4	25	-
9	При вторжении персидских войск под начальством эриванского хана в Бомбаки и Шурагель, с 16-го июня по 21-е сентября	-	2	2	92	37	25
10	При нападении персидской конницы на команду Тифлисского пехотного полка, следовавшей из сел. Караклиса на Балыкчайский пост, 27 июля	2	-	1	103	-	17
Всего за 1826 г.		18	21	31	653	459	1168
1827 г.							
11	Во время действий авангардного отряда под начальством генерал-адъютанта графа Бенкендорфа у креп. Эривани и в окрестностях его, с 14-го апреля по 5-е июня	2	2	-	10	53	-
12	В кавалерийском деле при сел. Касим-Джан, 26-го мая	2	-	-	102	14	-
13	В деле при сел. Джеван-Булах, 5-го июля	2	2	-	7	28	3
14	Во время осады креп. Абас-Абада, с 1-го по 7-е августа	-	1	-	1	3	-
15	В сражении при сел. Ушаган, близ Эчмиадзина, 17-го августа	6	23	-	679	324	134
16	В деле при сел. Вананде, 7-го августа	2	4	-	18	37	-
17	Во время осады креп. Сардар-Абада, с 15-го по 20-е сентября	-	3	-	8	15	-
18	Во время осады креп. Эривани, с 27-го сентября по 1-е октября	1	2	-	8	44	-

19	В разных стычках и незначительных делах	2	6	-	9	45	15
Всего за 1827 г.		17	43	-	842	563	152
В 1828 г. боевых действий не было							
Всего за войну 1826–1828 гг.		35	64	31	1495	1022	1320

Длительность конфликта составляла 604 дня, а потери убитыми ранеными и пленными – 3967 человек. Среднесуточные потери на Кавказском ТВД составили: 2,5 чел. убитыми, 1,8 чел. раненых и 2,2 человека пленными. Общие потери 6,5 человек в сутки. Обращает на себя внимание превалирование количества убитых над количеством раненых, что весьма не характерно для боевых действий¹. Объясняется это спецификой войны персидской кавалерии, значительное количество которой составляли курды, а именно убийством раненых. В качестве доказательства победы требовалось предоставить голову поверженного противника. В результате как минимум в трех делах раненых нижних чинов не было, все эти случаи приходится на начало войны июнь-июль 1826 г., а именно: в деле 21 июня у сел. Герюнзуры, 27-го июля во время восстания в гор. Елизаветполе и в тот же день при нападении персидской конницы на команду Тифлисского пехотного полка.

Анализируя [таблицу 1](#) необходимо пояснить, что из 18 столкновений этой войны 10 пришлось на 1826 г., из них 6 сопровождалось захватом в плен русских военнослужащих. Самые значительные потери русская армия понесла в самом начале кампании – 21 июня, при нападении персов у сел. Герюнзуры на отряд 42-го егерского полка. В «сборнике сведений о потерях» отмечается, что в ходе столкновения в плен попало 18 офицеров и 682 нижних чина. В тоже время потери убитыми составили 306 нижних чинов. Как минимум вызывает удивление пленение всех 18 офицеров. Смоделировать такую ситуацию, что солдаты сражаясь потеряли 30 % личного состава, а офицеры потерь не имели, практически невозможно. Необходимо понимать, что офицеры почти всегда находились в первых рядах пехоты для воодушевления нижних чинов. Попытаемся разобраться в данном деле. Начнем с численности русского отряда. В составе группы войск, которая 20 июня 1826 г. вышла из селения Гюрюс и 21 числа была окружена у селения Гюрюнзура, насчитывалось: 42-го егерского полка (18 офицеров и 874 нижних чина), а также одна сотня донского казачьего Молчанова полка (3 офицера и 94 нижних чина) ([Хронологический указатель, 1911: 49](#)). На вооружении группы войск находилось и два легких орудия с 20 артиллеристами ([Потто, 2015: 63](#)). Таким образом, в составе отряда было – 21 офицер и 988 нижних чинов. Согласно данным «Сборника сведений о потерях» в плен попало 18 офицеров, а убитых и раненых офицеров не было. В тоже время количество убитых и пленных нижних чинов составило 988 человек ([Сборник сведений о потерях, 1901: 143](#)).

Вот как описывает ситуацию, которая привела к одной из наиболее тяжелых катастроф русской армии, М.Е. Коцебу: «20-го числа на ночь подполковник Назимка решился, наконец, выступить из с. Герюсы с находившимися при ротах его двумя орудиями, всеми тяжестями и артельными повозками, по дороге слишком известной, как совершенно непроходимой с тяжестями. В продолжение всей ночи приходилось всех людей употребить на работу, дабы поднять орудия и тяжести на первую гору, в 3-х верстах только от Герюсы находящуюся; с рассветом все тяжести находились на вершине горы, но люди были очень уставшие. Несмотря на чрезвычайный жар и усталость людей, отряд следовал в продолжение всего дня по довольно трудной и почти безводной дороге до крутого и каменистого спуска к реке Ахкоре (Ахкара-чай), за которую дальнейшее следование с тяжестями становилось уже невозможным. От с. Герюсы до реки Ахкоры считают 25 верст. На 12-й версте от Герюсы отряд подполковника Назимки был уже окружен бунтовщиками карабагскими, под предводительством капитана Гаджи-Агалар-бека, а вскоре за сим присоединилась к оным персидская кавалерия, привезшая с собою и пехоту. До реки Ахкоры оставалось еще 13 верст и в продолжение всего времени следования по сему пространству отряд непрерывно был атакован со всех сторон всечасно возрастающим числом неприятеля, но храбрые воины наши, не взирая на палящий зной солнечный, на недостаток воды и отвращение от строя значительной части солдат, принужденных помогать повозкам и артиллерии, всюду отражали неприятеля. Отряд, пришел к крутому спуску р. Ахкоры, увидел себя от оной уже отрезанным, прибывшим туда по другой дороге батальоном сарбазов. Большая часть солдат, утомленных до крайности и мучившихся жаждою, оставили ряды и в беспорядке бросились к воде; неприятель воспользовался сим смятением, быстро напал со всех сторон на обозы, равно как и на неосторожных бросившихся для утоления жажды, и весь отряд захвачен был в плен» ([Описание, 1901: 136-137](#)).

О жажде, которая мучила русские войска, имеются многочисленные повествования. Так, например, Мирза Адигезаль-бек отмечал: «От чрезмерного солнечного жара русское войско томила жажда. Они (русские войска) усиленно старались достичь реки Акеры. Капитан Гаджи-Агалар-бек, узнав (об этом), с несколькими бекзаде² собрал пеших и конных курдов, пришел и отрезал путь к реке. С обеих сторон солдатам не давали возможности продвигаться, некоторых из них

¹ Так, например, соотношение убитых к раненым в Кавказскую войну (1801–1864 гг.) было 1 к 3 ([Cherkasov et al., 2017a](#)), в русско-турецкую войну (1828–1829 гг.) 1 к 3,2 ([Cherkasov et al., 2017b](#)).

² Бекзаде — рожденный от бека, сын или потомок бека.

порубили острыми саблями, а иных взяли в аркан плена. Никто не спасся и не сумел бежать и выбраться (отсюда). Забрав оттуда пленных, (кызылбаши) направились в гости к Гаджи-Агалар-беку в Корунзор. И оттуда (из Корунзора) полковника Назимка и майора Коваленского вместе с захваченными (в плен) солдатами и другими офицерами с фетх-намэ¹ отослали к Фетх-Али-шаху, находившемуся тогда со своими войсками в Ардебиле» (*Адигезаль-бек, 1950: 117-118*).

Важно отметить и результаты этого сражения, представленные персидскими источниками. Так, 25 июля наследник шахского престола Аббас-мирза² сообщал подробности о сражении в Тавриз, что сражение длилось 4 часа. Было пленено около 1 тыс. человек. Помимо этого привезено, в качестве доказательств битвы, 200–300 отрубленных голов и 4 орудия. При этом упоминалось, что «в числе живых находились один полковник и один майор, а между убитыми многие офицеры» (*АКАК, 6: 357*). Таким образом, в источнике упоминается, что многие офицеры отряда находились в числе убитых.

Значительная часть боевых действий русско-персидской войны происходила в районах населенных мусульманами, в результате в зонах боевых действий неоднократно происходили мятежи и проводилась повстанческая деятельность. Противодействие местного населения сказалось и в поражении отряда подполковника Назимка. Так, например, генерал Ермолов отмечал, анализируя причины поражения, что «неприятель (имеются ввиду персы – Авт.) с большой конницей атаковал отряд..., который в продолжение почти целого дня защищаясь упорно, наконец взят в плен и 2 орудия потеряны. Не могла бы одна конница произвести сего, не смел бы неприятель вдаться в землю гористую, если бы не изменили жители Карабага мусульмане и не преграждали на каждом шагу отступления, захватывая трудные между гор проходы» (*АКАК, 6: 357*).

Минимальные потери в 1826 г. были понесены 7-го сентября в сражении при сел. Шамхор, а также с 3-го по 7-е сентября во время блокады креп. Баку Гусейн-Кули-ханом. Общие потери убитыми и ранеными составили соответственно 31 и 30 человек.

В 1827 г. самым кровопролитным делом стало сражение у сел. Ушаган, близ Эчмиадзина, которое произошло 17-го августа и обошлось русской армии в 685 убитых, 347 раненых и 134 пленных. В то же время самые минимальные потери в 1827 г. были понесены во время осады крепости Сардар-Абада, в период с 15-го по 20-е сентября. Русская армия потеряла 26 человек (8 убитыми и 18 ранеными).

С лета 1827 г. в связи с переносом боевых действий в Нахичевань в русских войсках резко увеличились случаи заболевания личного состава. По этой причине боевые действия генералом Пасквичем были приостановлены до осени, а войска переведены в более высокогорные зоны. Однако заболеваемость, и там, к сожалению не снизилась. Аналогично обстояли дела и в подразделениях 20-й пехотной дивизии под командованием Красовского, которая блокировала Эривань (*История, 1911: 66*). Но, данными о числе заболевших, а также умерших мы не располагаем.

5. Заключение

Подводя итоги, мы хотели бы констатировать, что русско-персидская война по соотношению потерь (убитые, раненые, пленные) является одной из наиболее тяжелых войн Российской империи в XIX веке. В ходе конфликта в 8 из 18 столкновений русская армия несла потери пленными.

Длительность конфликта составляла 604 дня, а потери убитыми ранеными и пленными – 3967 человек. Среднесуточные потери на Кавказском ТВД составили: 2,5 чел. убитыми, 1,8 чел. раненых и 2,2 человека пленными. Общие потери 6,5 человек в сутки. Однако эти потери совершенно не отражают потерь от эпидемий и болезней.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Сроки выполнения 2016–2018 гг. Шифр: 100.01.

Литература

- Адигезаль-бек, 1950* – Адигезаль-бек М. Карабаг-наме. Баку, 1950.
АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Тифлис, 1866–1904.
АКАК, 6 – Акты Кавказской археографической комиссии. В 12 т. Т. 6. Тифлис, 1875.
История, 1911 – История русской армии и флота. В 15 т. Т. 6. М., 1911.
Описание, 1901 – Описание вторжения персиян в Грузию в 1826 году. Записки М.Е. Коцебу // Кавказский сборник, Том 22. 1901. С. 132-182.
Осиповский, 2016 – Осиповский С.Н. Вооруженные силы Османской империи в Крымской войне: оценки в прошлом и настоящем // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2016. № 6 (21). С. 7-11.
Потто, 2015 – Потто В.А. Кавказская война. Т. 3. Персидская война 1826–1828 гг. М., 2015.

¹ Фетх-намэ – донесение о победе.

² Аббас-мирза руководил вторжением персидских войск в Закавказье.

Сборник сведений о потерях, 1901 – Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Составлен А.Л. Гизетти. Тифлис, 1901. 222 с.

Хронологический указатель, 1911 – Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. В 5 т. Т. 3. (1826–1854 гг.). СПб., 1911.

Черкасов и др., 2017 – Черкасов А.А. Братановский С.Н., Валлоу А. Потери русской армии в Закавказье в русско-турецкую войну (1828–1829 гг.): историко-статистическое исследование // *Русин*. 2017. № 4 (50).

Щербатов, 1890 – Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич его жизнь и деятельность. В 9 т. Т. 2. СПб., 1890.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research // *Bylye Gody*. 2017. № 1 (43). pp. 68-85.

Keppel, 1827 – Keppel G. Personal Narrative of a Journey from India to England. Vol. 2. L., 1827.

Morier, 1818 – Morier J. A Journey through Persia, Armenia and Asia Minor. L., 1818.

References

Adigezal'-bek, 1950 – Adigezal'-bek M. (1950). Karabag-name [Karabag-name]. Baku.

АКАК – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. Tiflis, 1866–1904. [in Russian]

АКАК, 6 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. Т. 6. Tiflis, 1875. [in Russian]

Istoriya, 1911 – Istoriya russkoi armii i flota [The history of the Russian army and navy]. V 15 t. Т. 6. М., 1911.

Osipovskii, 2016 – Osipovskii S.N. (2016). Vooruzhennye sily Osmanskoi imperii v Krymskoi voine: otsenki v proshlom i nastoyashchem [The Armed Forces of the Ottoman Empire in the Crimean War: Evaluating in the Past and in the Present]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. № 6 (21). pp. 7-11.

Opisanie, 1901 – Opisanie vtorzheniya persiyan v Gruziiyu v 1826 godu. Zapiski M.E. Kotsebu [Description the invasion of the Persians in Georgia in 1826. Notes of M.E. Kotzebue] // *Kavkazskii sbornik*, Tom 22. 1901. S. 132-182.

Potto, 2015 – Potto V.A. (2015). Kavkazskaya voina. Т. 3. Persidskaya voina 1826–1828 gg. [The Caucasian War. The Persian War of 1826-1828]. М.

Sbornik svedenii o poteryakh, 1901 – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya vojn Kavkazsko-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaucasian region 1801–1885 years] / Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]

Khronologicheskii ukazatel', 1911 – Khronologicheskii ukazatel' voennykh deistvii russkoi armii i flota [Chronological index of military operations of the Russian army and navy]. V 5 t. Т. 3. (1826–1854 гг.). СПб., 1911.

Cherkasov i dr., 2017 – Cherkasov A.A. Bratanovskii S.N., Vallou A. (2017). Poteri russkoi armii v Zakavkaz'e v russko-turetskuyu voinu (1828–1829 gg.): istoriko-statisticheskoe issledovanie [The losses of the Russian army in Transcaucasia during the Russian-Turkish war (1828–1829): the historical-statistical study]. *Rusin*. 2017. № 4 (50).

Shcherbatov, 1890 – Shcherbatov A.P. (1890). General-fel'dmarshal knyaz' Paskevich ego zhizn' i deyatel'nost' [General-Field Marshal Prince Paskevich his life and activities]. V 9 t. Т. 2. СПб., 1890.

Cherkasov et al., 2017a – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S. (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. № 1 (43). pp. 68-85.

Keppel, 1827 – Keppel G. (1827). Personal Narrative of a Journey from India to England. Vol. 2. L.

Morier, 1818 – Morier J. (1818). A Journey through Persia, Armenia and Asia Minor. L.

УДК 93/94

Потери Русской армии во время русско-персидской войны 1826–1828 гг.: историко-статистическое исследованиеАлександр Черкасов ^{a, b*}, Михал Шмигель ^{c, d}, Сергей Братановский ^e, Анник Валлоу ^f^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация^d Американская ассоциация историков, США^c Университет Матея Бела, Словакия^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация^e Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Российская Федерация^f Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В статье рассматриваются потери русской армии в период русско-персидской войны 1826–1828 гг. Данная война явилась настоящим испытанием для подразделений русской армии. Усложняло ведение боевых действий и внезапность вторжения неприятеля, и ограниченность военного контингента, и наличие «пятой колонны», и восстания части местного населения.

В качестве материалов привлечены «Сборник сведений о потерях Кавказских войск», документы АКАК, источники личного происхождения, а также дореволюционная литература. Помимо этого были использованы зарубежные и российские научные публикации по теме исследования, опубликованные в новейшее время.

При решении исследовательских задач применялись общенаучные традиционные методы анализа, синтеза, конкретизации, обобщения. Важное значение в статье имеет статистический метод, благодаря которому были вычислены соотношения убитых к раненым, а также среднесуточные потери русских войск в период русско-персидской войны. Применялся и историко-сравнительный метод, который позволил сравнить потери с другими военными конфликтами этого времени. Например, с русско-турецкой и Кавказской войной.

В заключении авторы отмечают, что русско-персидская война по соотношению потерь (убитые, раненые, пленные) является одной из наиболее тяжелых войн Российской империи в XIX веке. В ходе конфликта в 8 из 18 столкновений русская армия несла потери пленными.

Длительность конфликта составляла 604 дня, а потери убитыми, ранеными и пленными – 3967 человек. Среднесуточные потери на Кавказском ТВД составили: 2,5 чел. убитыми, 1,8 чел. раненых и 2,2 человека пленными. Общие потери 6,5 человек в сутки. Однако эти потери совершенно не отражают потерь от эпидемий и болезней.

Ключевые слова: русско-персидская война, потери, русская армия, персидская армия, убитые, раненые.

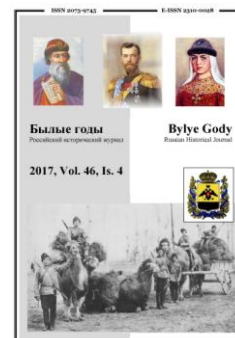
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sochio03@rambler.ru (А. Черкасов), michal.smigel@umb.sk (М. Шмигель), bratfoot@mail.ru (С. Братановский), Annick.Valleau@unige.ch (А. Валлоу)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1322-1332, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1322
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94:323.37(47)(574) "1822/1901"

Understanding of Kazakh Volost by Russian Officials of the XIX century

Gulmira S. Sultangalieva ^{a, *}, Tenlik T. Dalayeva ^b, Bakhytzhан U. Malikov ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan

Abstract

The priority task of the Russian government during construction of the Empire was the administrative and territorial regulation of new spaces through the incorporation of traditional institutions of governance into the unified political system of the state. The article examines the views of Russian officials (M. Speransky, S. Bronevsky, P. Gorchakov, K. Gutkovsky and others) on the process of establishing the institute of the volost management system in the Kazakh steppe during the 19th century. Socio-political processes of integration of Steppe required from regional authorities to take into account the peculiarities of lifestyle, and culture of local people.

Russian officials used the features of the nomadic cattle breeding during creation of principles for the regulation of volosts as an administrative and territorial structure. They determined the mechanism of elections and the appointment of volost governors. Authors in article explored the reasons for the changes in the tactics of the regional administration upon introduction of a lower territorial unit, the mechanism for their transformation, various approaches in the process of volost division in the Steppe, and the election of volost governors.

At the first stage under the formation of volosts, they used the principle of combining of close Kazakh families, neighboring nomads and having adjacent winter pastures, instead of direct territorial distribution of pastures.

During the XIX century the views of Russian officials on volost governors also was changed. By the 60s of the XIX century they realized that belonging of volost governor to the privileged estate (sultans) does not give him the opportunity to become an influential figure in the Steppe and guide the policy of the Russian government. This was the impetus for new initiatives to admit honorable Kazakhs to the posts of volosts governors.

Keywords: Kazakh steppe, volost', Russian Empire, Russian officials, volost's ruler, administrative reforms, Kazakh sultans, Russian ranks.

1. Введение

Исследования в гуманитарной науке, посвященные истории Российской империи, долгое время фокусировались на политических аспектах, среди которых важное место занимали такие вопросы как взаимодействие центра и региона (Ремнев, 2000), функционирование высших органов власти, разноплановая деятельность генерал-губернаторов на национальных окраинах Империи (Любичанковский, 2003; Мацузато, 2004). Все исследования в основном были направлены на изучение процесса сверху вниз, а на деле низовые системы управления (волость в дореволюционное время или сельские советы в советское время, сельские округа сегодня) представляют важный пласт, так как охватывает практически все проявления жизни общества, а именно: хозяйство, культуру,

* Corresponding author

E-mail addresses: sultangalievagulmira@gmail.com (G.S. Sultangalieva), tenlik95@gmail.com (T.T. Dalayeva), malikov_bakytjan@mail.ru (B.U. Malikov)

образ жизни. Изучение низшего звена в системе управления российской власти в Казахской степи, представляет особый интерес, так как помогает увидеть не только внедрение термина гражданского и административного права Российской империи XVIII века как «волость» на территорию казахского кочевого общества, но и понять процесс адаптации казахского населения к нововведениям в Степи. Согласно Уставу о сибирских казаках М. Сперанского, волость, как административная структура Российской империи, впервые была введена в 1822 году в кочевьях казахов Среднего жуза, а в конце 60-х годов XIX в. на остальной территории Степи и просуществовала до 20-х годов XX в. Естественно, что волость в Казахской степи имела свои отличия от русской волости, несмотря на то, что в казахских кочевьях был введен такой же принцип административно-территориальной организации волости, как и во внутренних губерниях Российской империи. «Временное положение об управлении степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» от 21 октября 1868 г. рассматривало «кибитку» как отдельную хозяйственную единицу, принятую в оседло-земледельческих регионах Империи. Вместе с тем, система кочевого хозяйства у казахов указывала на то, что «кибитка» не представляла собой отдельного хозяйства, и каждый кибитковладелец не был «хозяином» в том смысле, каким был русский крестьянин, хозяин двора, собственного земельного участка. Отдельными хозяйствами у казахов являлись группы казахских семейств (5-6 «кибиток»), связанных родственными хозяйственными отношениями и пользующимися общинными зимовьями и летовочными пастбищами. Эти семейные группы именовались как кочевая община (аул), и число «кибиток» зависело от сезона кочевания, от природно-климатических условий, количества скота, пространства зимовочных и летовочных земель, и могло быть неодинаковым. Но в основной документ, регламентирующий жизнь Степи, «Временное положение...» был заложен один критерий формирования волости - равная численность аулов, что создавало определенные удобства для административного управления и назначения должностных лиц, но не для кочевого хозяйства. Законодательные документы российского правительства показывают нам разные подходы в восприятии территории российской властью и кочевым населением. Но как смогли русские чиновники, работавшие в региональной администрации, урегулировать эти противоречия и внедрить волостную систему управления в Степи на протяжении XIX в.? Такая постановка проблемы обращает внимание на то, что в исторической литературе не исследовались взгляды русских чиновников на механизм и подходы в процессе создания волостной системы управления.

2. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили принцип историзма и принцип объективности. Для анализа механизма формирования волостей принцип историзма очень важен, так как позволяет нам проследить их территориальную структуру, их изменения, развитие и переход в новое состояние в процессе административно-территориальных преобразований имперской властью. Принцип объективности, ориентированный на объективный анализ и оценку фактов, относящихся к данной теме обеспечил достижение истинного знания, что является важнейшим требованием науки.

При воссоздании целостной картины исследования мы опирались на целостный массив источниковедческой базы: законодательные документы Российской империи, позволившие внедрить волостную систему управления в Казахской степи, а именно Устав о сибирских казаках (1822), (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830: 417-433) Положение об управлении Семипалатинской области (ПСЗРИ-2. Т. XXIX, 1854: 492-506), Положение Сибирского комитета об изменении порядка выборов волостных управителей в Казахской степи и в Семипалатинской области (4 апреля, 1861) (ПСЗРИ-2. Т. XXXVI, 1861: 557-558), Мнение Государственного совета о сроках, правах и преимуществах службы волостных управителей в областях Сибирских казахов и Семипалатинской (16 мая, 1866). (ПСЗРИ-2. Т. XLI, 1866: 554), «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г. (Масевич, 1960: 323-340), Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» от 25 марта 1891 г. (ПСЗРИ-3. Т. XI, 1891: 133-147), где отражены законодательные принципы формирования волости, условия служебной деятельности волостного управителя и т.д.

Документы центральных архивов Казахстана позволили выявить основные принципы организации волостей, их родо-племенной состав, динамику изменения территории волости, какие влиятельные группы казахских султанов, биев, старшин смогли закрепиться на уровне местной исполнительной власти.

Взгляды русских чиновников, работавших в органах управления Казахской Степью, и внедрявших российскую систему управления дают возможность сравнивать процесс организации волостной системы поэтапно по регионам Казахстана.

В качестве основных методов исследования были использованы историко-сравнительный, историко-системный, а также междисциплинарные методы. Все перечисленные методы применялись в комплексе.

3. Обсуждение

Одним из приоритетных направлений в мировой истории является социальная история, позволяющая переосмыслить с новых методологических позиций исторические источники и литературу, разнообразные по своему содержанию и значимости для изучения социокультурных тенденций различных обществ. Изучение такого феномена в новой истории Казахстана, как институт волостных управителей, представлявшее низшее звено в системе управления российской власти в Степи, является необходимым, так как позволяет понять изменения в структуре управления Степью, степень трансформации традиционного образа жизни казахов, серьезных сдвигов в кочевом хозяйстве, появлении новых социо-культурных явлений. По сути своей на протяжении XIX в. формировался новый тип управленца в Степи – волостной управитель.

В современной историографии институт волостных управителей XIX – начало XX вв., практически не изучен. В исторической науке преобладают пока работы по изучению процесса внедрения российской властью административных реформ в Степи и его последствия по разрушению традиционной системы управления, в частности казахстанские историки С. Зиманов (Зиманов, 1958, 1960; Зиманов, 2009), Б. Абдрахманова (Абдрахманова, 2010), К. Жиренчин (Жиренчин, 1996), Ж. Джампеисова (Джампеисова, 2006), А. Рахимбекова (Рахимбекова, 2004), зарубежные исследователи А. Быков (Быков, 2006), С. Величенко (Velychenko, 1995), Дж. Бёрбанк и Ф. Купер (Burbank, Cooper, 2010) и др.

В этих исследованиях дана только фрагментарная информация о складывании волостной системы управления в контексте политики царского правительства, отсутствует информация о механизме определения территории волостей, принципах выборов волостных и т.д. В историографии присуща тенденция изучения деятельности центральных правительственных учреждений XIX – начало XX вв. Российской империи (Ерошкин, 1968; Зайончковский, 1978), ханской власти в Степи, ее эволюции (Ерофеева, 2001; Ерофеева, 2003; Касымбаев, 1995; Касымбаев, 2000; Martin, 2010), но не низшего звена управления в казахском кочевом обществе.

Эта тенденция объясняется как объективно высоким значением высших органов управления в такой централизованной системе управления, какой была Российская империя, так и субъективными причинами – интересом историков к первым лицам управления, которые решали вопросы государственной важности, принимали законы, разрабатывали концепции или модели развития страны и т.п. Однако не менее актуальным является изучение местной администрации, осуществляющей непосредственное управление населением и являющейся посредником между представителями различных органов управления и центра. Именно волость как основная территориально-административная структура даст возможность разглядеть изменения взглядов русских чиновников, понять эволюцию их подходов в процессе адаптации казахского населения к нововведениям. Необходимость нового обращения к феномену волостных вызвана также обогащением наших представлений о социальной стратификации. В советской историографии традиционно рассматривались социо-культурные изменения с точки зрения классовой теории социальной стратификации. Для глубокого понимания социо-культурной жизни казахского общества назрела необходимость исследования взглядов и деятельности русских чиновников по внедрению волостной системы управления и раскрытие особенностей, способов и моделей управления и властвования. Фронтальная проработка источников, несущих в себе разностороннюю информацию и об экономических, демографических, социальных структурах и процессах в рамках волости приведет к расширению проблематики исследований.

4. Результаты

Известный общественный деятель и реформатор Российской Империи первой половины XIX в. Михаил Сперанский (1779–1839) понимал, что административное оформление территории имело приоритетное значение и являлось важным актом российского правительства включения ее в состав Империи. Именно он воплотил свое видение системы государственного управления и в Казахской степи (Почекаев, 2017: 138). М. Сперанский предложил вертикальную модель управления: аул-волость-округ-область-генерал-губернаторство. Он отмечал, что «начальник волостного управления будет отвечать один начальнику окружному, сей губернскому, а он министерству. Таким образом, все части управления придут в надлежащее единообразие и от министра до последнего волостного начальника дела пойдут, так сказать, прямою линией, не кружась, как ныне, во множестве изворотов, где не можно найти ни конца, ни следов разным злоупотреблениям» (Сперанский, 1905: 112). Этот принцип единообразия был положен в основу административных изменений 1822 г. и на территории Сибири и в казахских кочевьях Среднего жуза. Казахи Среднего жуза согласно «Уставу об управлении инородцев» были причислены к кочевым «инородцам» и «управлялись по особому о них Уставу» (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830 а: 394). М. Сперанский, как представитель сословной Империи, считал, что султаны, являвшиеся на протяжении столетий «высшим наследственным сословием» в казахском кочевом обществе, должны стать опорой в процессе административных преобразований в системе местного управления. Согласно его видению, султан мог быть избран не только на должность «старшего султана» в окружном приказе, но и волость должна управляться султанами (§ 16, Устава о сибирских казахах). М. Сперанский считал, что власть султана в волости наследственная и должна

переходить по прямой нисходящей линии (§§ 30-31, Устава о сибирских казахах). Более того, М. Сперанский включил в статьи Устава о сибирских казахах принцип ранжированности классовых чинов казахами, находившимися на должности. Согласно § 54, султаны, управляющие волостями, становились чиновниками 12-го класса. Этим самым Михаил Сперанский заложил законодательную основу и критерии формирования казахского чиновничества в Степи.

Согласно Уставу о сибирских казахах территория казахов Среднего жуза в административном отношении входила в состав создаваемой Омской области и делилась на округа, которые должны были включать от 15 до 20 волостей, а волости в свою очередь от 10-12 аулов (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830b: 417). Заслуга М. Сперанского состояла и в том, что им был заложен и принцип создания волостей на основе объединения казахских родов и соседнего расположения: «§ 8. Округи преимущественно составляются из тех волостей, кои считаются в одном роде или поколении, обыкли уже быть совокупно, и из волостей, им соседственных» (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830b: 417). Однако это было теоретический проект, который нужно было реализовать на практике. Первые шаги по построению административной вертикали, доходящей до волости и аула, и формирования нового пространства, и в дальнейшем повышение управляемости Степью легли на плечи первого начальника Омской области, полковника Семен Богдановича Броневского (1823-1827). Он имел опыт военных действий на Северном Кавказе (участвовал в операциях в Кабарде) и Персии, но впервые столкнулся с сложным вопросом создания низовой административной структуры в кочевом обществе, что требовало от него не только управленческие способности, но и знания кочевой культуры, хозяйства. Нужно отдать должное, что С.Б. Броневский в первую очередь предложил обратить внимание на уже сложившиеся объединения казахских родов в кочевую общину. При этом он понимал, что на первом этапе создания волостей важно придерживаться не административно-территориального принципа создания волостей, а принципа объединения казахских родов под управлением отдельного родоправителя. На самом деле, используя систему разделения казахского кочевого общества на роды и подроды, придать низовой системе управления казахами административный смысл. Более того, начальником Омской области был предложен принцип постепенности и добровольности создания волостей. В своем предписании Каркаралинскому окружному приказу от 11 апреля 1824 г. С.Б.Броневский писал, что в процессе создания волостей, не желательно разделять казахские роды «пока не представится к тому удобного времени и побудительных причин». При этом он сделал акцент на возможность «ускорить разделение» только в том случае, если «на сие изъявят желание сами казахи». С.Б. Броневский подчеркивал, что создаваемые волости Каркаралинского внешнего округа состояли под управлением покойного хана Букея (Масевич, 1960: 113), но как формировать территориальные очертания каждой волости, включающей родовые объединения казахов, С.Броневский видел этот процесс в изучении кочевых маршрутов казахских родов и определения стационарных пунктов в местах их зимних кочевков. Не случайно, С.Б. Броневский в своем письме старшине Баимбету Кунаеву от 22 июня 1824 г. подчеркнул, что казахам, намеревающимся кочевать далее в степь, «никакого запрещенья ныне и в летнее время куда им угодно, но к зиме должны же возвратиться на прежние места» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 337. Л. 6-6 об.). Сбор информации о зимних кочевках казахских родов и контроль за кочевыми маршрутами приобретают важное значение для успеха административного оформления волостей в процессе реализации основных положений Устава 1822 г.

В июне 1824 г С. Броневский рекомендовал заседателю Каркаралинского внешнего окружного приказа А.Л. Бубеннову: «...начать образование волостей с немногих так, чтобы первые волости, в которых порядок учредится, послужили примером и для других» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 348. Л. 12-120б.). На протяжении июля-августа 1824 года были созданы первые две волости: Сырым-Каракисекская и Чур-Каракисекская. Название волостей соответствовало наименованию родов, вошедших в состав этой административной структуры. 13 июля 1824 г. состоялись первые выборы волостного управителя в Сырым-Каракисекской волости Каркаралинского внешнего округа на летних кочевьях казахов, при реке Нур. Волостным был избран султан, майор Газы Букейханов, а 1 августа 1824 года был избран султан Батыр Букейханов управителем Чур-Каракисекской волости (Масевич, 1960: 119). С. Броневский считал важным использовать и тот факт, что избранные волостные султаны будут получать жалование и это станет стимулом для других султанов, которые поймут, что «жалованье не иначе должно производится им, как по устройству волостей, будут сами домогаться у народа о разделении волостей и о выборе управляющих...» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 348. Л. 12-120б.).

Через два года после создания волостей, в мае 1826 г., начальник Омской области решил проверить реалии проведенной им административной реформы на территории Каркаралинского внешнего округа. Результаты оказались плачевными. С.Б. Броневский пришел к мнению, что созданные волости «не получив надлежащего разделения, определенного Уставом, не имеют до сего времени никакого образования», и волостные султаны, несмотря на то, что избраны и утверждены Каркаралинским окружным приказом, не знали своих функциональных обязанностей и были «известны только по одному названию волостных правителей и то в порядке письменных дел, а в самом существе звание сие остается без смысла, без значения в одном произвольном признании или не признании онога казахами» ...» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 443. Л. 22).

С. Броневский осознал, что созданные ими волости оказались аморфными, не имели определенных границ и не включали в свой состав аулы. Волостной султан оказался номинальной фигурой, который выполнял функции родоправителя, но не волостного и не имел над подведомственными ему казаками той власти, которая понималась русскими чиновниками. И начальник Омской области приступил к разработке новой стратегий действий для реализации Устава 1822 г. Во-первых, он посчитал важным создание волостей в кочевьях старшего султана Каркаралинского внешнего округа Турсуна Чингисова, который находясь на должности «вероятно будет содействовать» этому процессу сам и заложит пример оформления волости для остальных казахских родов. Во-вторых, С. Броневский впервые поставил вопрос о создании волости как административной структуры, которая бы включила такие административные единицы в своем составе, как аулы в соответствии с § 5 Устава о сибирских казаках. Аулы возглавлялись бы старшинами, которые должны были быть подотчетны волостному управителю. Этим самым фигура волостного султана становилась бы более значимой и весомой в казахском кочевом обществе и представляла бы часть вертикальной структуры власти. И более того, начальник Омской области понимал, что ключевой фигурой в казахском кочевье должен стать волостной султан, и чтобы придать ему «более силы и весу в народе» посчитал нужным определить из стражи, состоящей при окружном приказе к каждому волостному султану по 10 казаков с «благонадежным урядником», которые постоянно находились бы при управителе (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 443. Л. 21-22об.).

Эти же предложения по организации волостей были направлены и в Кокчетавский внешний окружной приказ (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 443. Л. 23об.). С. Броневский понимал, что граница созданных волостей была изменчива и зависела от сезона кочевания. Он подчеркивал, что волости Кокчетавского внешнего округа летом разделялись на три части: к реке Ишиму, Нуре, и к линии Петропавловского округа, а Каркаралинского округа «все вместе» следовали до реки Большой Нур (Броневский, 1830: 78-80). Одновременно он обратил внимание на то, что «всякая волость и аул зимуют на одних и тех же местах, что и называют своим домом» (Броневский, 1830: 72). На самом деле, Семен Броневский, имевший почти двадцатилетний опыт работы в полиетничном сибирском регионе, вникнул в особенности развития казахского кочевого хозяйства, свидетельством этому стала его работа «Записка о киргиз-кайсаках Средней орды», где С.Б. Броневский обобщил свои наблюдения и опыт по внедрению административной реформы на территории Среднего жуза.

С 1827 года начался новый этап формирования волостей и связан с новыми назначениями должностных лиц в этот регион. Генерал-майор Василий Иванович де Сет-Лоран был назначен начальником Омской области, а через полгода, с лета 1827 года к своим обязанностям приступил новый генерал-губернатор Западно-Сибирского генерал-губернаторства, генерал-лейтенант Иван Александрович Вельяминов (1827-1836). Естественно начался сбор статистических сведений и сбор материала по подведомственному им региону. В первую очередь важно было узнать систему формирования волостей, которая могла отразить реальное состояние хозяйства, образа жизни и культуры местного населения. Новоиспеченный начальник Омской области В.И. де Сет-Лоран поручил Каркаралинскому и Кокчетавскому внешним окружным приказам доставить «самовернейшие сведения о всех волостях, вошедших в управление округа, с означением их родов и родоначальников, и также и того, когда они именно поступили в состав округа, на какое расстояние кочуют от Приказа; в каких именно местах занимают кочевки, как они обширны, сколько какой родоначальник имеет под своим управлением кибиток и нельзя ли приложить карту кочевым местам» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 473. Л. 2-2об.). Сибирскую региональную администрацию интересовали вопросы территории казахских кочевий и «какой султан кибитками управляет», и желательным было для них иметь именные списки всех султанов (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 473. Л. 1).

В результате требований региональных властей к 1831 году внешние окружные приказы Омской области ввели такой важный документ в делопроизводственной документации как ведомости «о всех волостях, состоящих в ведении приказа». Ведомость стала информативным источником для региональных властей, ибо включала не только имена волостных управителей, аульных старшин, биев, но где именно «онные волости» имели зимние кочевья, и насколько далеко откочевывали в летнее время. При этом подробно должны были описываться названия всех урочищ, «по коим онные кочевали» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 539. Л. 1). Этот же принцип накопления данных о местах расположения кочевий казахских родов продолжался при генерал-губернаторе Западной Сибири, князе Петр Дмитриевиче Горчакове. Он поручил пограничному начальнику сибирских казаков Н.Ф. Вишневному «...немедленно озаботиться сим предметом с тем: ...с) волости росписаны к прилегающим округам по смежности их кочевок, родоприсхождению и сколько возможно по их желанию» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 806. Л. 1). Как мы видим из этого документа, в конце 30-х годов XIX в. сохранялся принцип «соседственного» расположения волостей, объединения казахских родов и в одну административную структуру. Даже существовала практика создания волостей на основании объединения отдельных подгрупп, в частности казахских родов аргын, уак и др. Свидетельством этому явились названия волостей Кушмурунского внешнего округа Бейдалы-Уваковская и Янсары-Уваковская, Актачи-Аргыновская, Курлеут-Кипчаковская и др. (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4198. Л. 18). Принцип сохранения за казахскими родами места зимних кочеваний соблюдался и в 50-х годах, независимо от создания новых административных единиц, в частности, как Семипалатинская область

и Область сибирских казахов (май, 1854 год). Предстояло разграничить их территории, особенно пограничные между ними волости. Военный губернатор Семипалатинской области, полковник П.М. Спиридонов подчеркнул, что «первым и главным соображением остается бесспорное разделение пастбищ по правам прежнего владения и избежания всякой чрезполосности» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 235. Л. 5-5 об.).

Критерием образования волости по Временному Положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств от 21 октября 1868 года остался подход «соседственности аулов по земельному пользованию зимними пастбищами» (Масевич, 1960: 327). Этот же принцип был сохранен и в Положении об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 года (ПСЗРИ-3. Т.ХІ, 1891: 139).

Если российская власть почти на протяжении полувека практически не изменила подходы к созданию волостной территориально-административной структуры в Степи, то регламентация должностных полномочий волостного управителя постепенно конкретизировалась. Согласно статьям Устава о сибирских казахах волостным управителем мог быть только султан, имел право передать власть по наследству и исполнять свои обязанности неограниченное время. И только спустя сорок лет, Сибирский комитет 4 апреля 1861 г. утвердил Положение о порядке выборов волостных управителей в Казахской степи и в Семипалатинской области (ПСЗРИ-2. Т.XXXVI, 1861: 557-558). Этот законопроект зафиксировал факт, что идея российского правительства опираться только на султанское сословие не была реализована в действительности. Так, в 1839 г. из 16 волостных управителей Акмолинского внешнего округа было только 4 султана, а в Кокчетавском округе из 9 управителей только трое относились к султанскому сословию (Зиманов, 2009: 196). К 1860 годам, по данным Совета областного управления сибирскими казахами, из 77 волостных управителей только 11 были султанами (ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 707. Л. 5-8). Поэтому Положение от 4 апреля 1861 года внесло существенные поправки о порядке выбора волостных управителей. Согласно данному закону к управлению волостями допускались лица не султанского происхождения, а именно казахи, имевшие офицерские чины, военные ордена, медали или «почетные кафтаны», пожалованные генерал-губернаторами. В случае же избрания на должность управителя влиятельного и уважаемого казаха, не имевшего ни одно из перечисленных «отличий», то он определялся как исполняющий должность, до получения по службе чина или медали. Нововведения стали отражением смещения акцентов российского правительства при назначении на должности в Степи. С одной стороны, «при помощи Табели о рангах производился как бы, постоянный отбор лучших элементов», а с другой стороны указанные посты стали занимать выходцы из степной элиты (бии, старшины) (Султангалиева, 2015: 666).

В феврале 1862 г. председатель областного правления сибирских казахов, полковник, Карл Казимирович Гутковский внес два существенных предложения: 1. об определении 3-х летнего срока службы волостных управителей; 2. за три трехлетия службы награждать волостных управителей офицерским чином сотника (Масевич, 1960: 193). Он считал, что на первом этапе (20–50-е годы XIX в.) принцип сохранения за волостными султанами наследственного права управления имело свои основания, но постепенно изменилось положение султанов и отношение населения к ним. Свое предложение он основывал на «Положении» от 4 апреля 1861 о допуске к управлению волостями казахов не султанского происхождения, имеющих чины, медали и другие знаки отличия. И наконец, он отметил, что «бессрочная служба волостных управителей, когда для всех других должностей определены сроки, не совместна с общею системою службы по выборам и устраняет многих достойных и способных ордынцев от полезной деятельности на поприще общественной службы». (Масевич, 1960: 193). По сути своей, Карл Гутковский поднял очень важный вопрос: как могли российские власти регулировать взаимодействие с волостным, оказывать влияние или давление, если срок службы волостного управителя не зависел от региональной администрации, в отличие от старших султанов внешнего округа или заседателей окружного приказа, срок службы которых определялся трехлетним периодом. В мае 1866 г. предложения полковника К.К. Гутковского были утверждены Государственным советом и внесены в соответствующий пункт Устава по службе по выборам сибирских инородцев (Масевич, 1960: 200). Норма о трехлетнем сроке службы в должности волостного управителя будет затем введена в Проект положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей (от 11 июля 1867 г.) и по Временному Положению об управлении степных областей Оренбургского и Степного генерал-губернаторств (от 21 октября 1868 г.)

Интересным для понимания роли волостного управителя в Степи стал и тот факт, что российские чиновники подняли вопрос о том, что нужно ли оставлять волостных, как представителей местного управления, подсудными обычаям казахского народного суда. И насколько правомочен народный суд рассматривать дела об ослушании и оскорблении казахами волостных управителей, если они являются представителями русской власти на местах? На самом деле волостной управитель мог быть утвержден на должность только военным губернатором области. И как могут российские власти защитить достоинство и статус должностного лица, в данном случае волостного. При обсуждении данного вопроса, региональная администрация, в частности Тургайское областное правление обратило внимание на то, что десятилетний опыт управления казахами по «Временному положению» весьма ясно показал «все невыгоды для русской власти» от того, что все дела против порядка управления рассматривались по обычаям казахов и в результате наблюдалось

«прогрессивное увеличение этого рода проступков». В виду таких неблагоприятных последствий областное правление ходатайствовало в 1881 году все дела казахов по преступлениям и проступкам против порядка управления (указанные в IV разделе Уложения о наказаниях изд. 1866 г. и в 29-34 ст. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) подчинить ведомству русского суда по общим уголовным законам Империи» (Масевич, 1960: 341-342). В результате 9 июля 1881 года оренбургский генерал-губернатор разрешил подчинить подобного рода дела ведомству уездных судей или областному правлению по принадлежности вместо народных судов. Такое же разрешение дано и военному губернатору Уральской области. Знаменательно, что только спустя почти шестьдесят лет (1881-1882), после образования волостей стал разрабатываться вопрос о создании единых правовых норм относительно должностных лиц волостного управления, а именно: «...необходимо принять за правило: ко всем поступкам должностных лиц и случаям, сопрягающимся с выборами, как не значительными и маловажными они не казались бы, относиться весьма строго и соблюдать по возможности общие законоположения, относящиеся к этого рода делам». Одновременно прорабатывался вопрос создания единой делопроизводственной документации в ходе выборов волостных. Областное правление предлагало изменить существующий порядок подшивки документов по выборам и формированию волостей в одно дело по всему уезду. При этом они отмечали, что в этот перечень документов должны входить избирательные списки должностных лиц, все сведения по этим лицам, прошения, заявления по поводу нарушения процедуры выборов и «другие жалобы, имеющие какие-либо соприкосновение к ним...» (Масевич, 1960: 345-346). Строгое соблюдение норм российского законодательства послужило бы, по мнению комиссии, ревизовавшей уездные управления Степного генерал-губернаторства в 1882 г., основанием для управления волостями и сохранения порядка в них, тогда как «...какой-либо несоответственный шаг в этих отношениях производит беспорядки в волости на много лет» (Масевич, 1960: 343).

Следующий фактор, который оказывал влияние на деятельность волостного управителя, явился, по мнению региональной администрации, степень овладения волостными управителями русской грамотности и языка. 17 января 1897 г. военный губернатор Тургайской области Я. Барабаш издал циркуляр о необходимости знания русского языка волостным, аульным старшинам, ибо «как должностные лица, они обязаны не только знать законы и распоряжения начальства, но и блюсти за точным их исполнением». Волостные, по мнению военного губернатора должны были отличаться «преданностью Правительству и особо полезным влиянием на население». Исходя из этого, знание государственного языка, на котором ведется делопроизводство, явилось «безусловно необходимым», ибо способствовало зависимости волостного от письмоводителя, а при отсутствии последнего «важные административные распоряжения подолгу оставались без исполнения» и деятельности волостных управителей наносился «существенный ущерб» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1613. Л. 13). Вместе с тем, учитывая, что многие «из числа лучших и почетнейших» казахов не имели возможности получить русское образование и для избежания «устранения их от должностей», Я. Барабаш предложил 12-летний период (4-трехлетие, что соответствовало выборам в общественное управление) на постепенную замену волостных лицами, получившими русское образование. При этом им был выделен 1899 г. - как переходный этап, когда при назначении на должность волостных, предпочтение будет отдаваться лицам, знающим русский язык, если баллотирующий будет обладать одинаковыми личными достоинствами и получит одинаковое число избирательных голосов. На следующее трехлетие (1902) предпочтение будет отдаваться лицам, получившим русское образование, даже при условии меньшего числа голосов в сравнении с их конкурентами. И, наконец, на четвертое трехлетие, казахи, не получившие русского образования, должны были «не допускаться на должность волостных». Я. Барабаш считал, что за десятилетний период казахи, желающие сделать своих сыновей правоспособными занять должность волостного, имеют возможность заблаговременно отдать их в русские школы (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1613. Л. 13-13об.). Анализ послужных списков волостных Тургайской области показал, что к началу XX в. действительно среди волостных уже не было лиц, не знающих русский язык. Все они были, по крайней мере, выпускниками 2-х классов русско-казахских училищ. Такие же тенденции происходили в Семипалатинской области. Так, и.д. военного губернатора Семипалатинской области, статский советник А.Н. Тройницкий писал в своем отчете за 1910 г. о мерах, предпринимаемых им для улучшения системы волостного управления, а именно впервые им было предъявлено требование, чтобы лица, баллотирующиеся на должности волостных управителей и кандидатов к ним, знали русский разговорный язык. В противном случае, лиц, не знающих русского языка, военный губернатор не собирался утверждать в этих должностях. При этом, он подчеркивал в своем отчете, что стремление казахов занять должность и стать волостным управителем мотивировало их изучать русский язык, тратя значительные средства на наем учителей» (Масевич, 1960: 422-423).

5. Заключение

На протяжении XIX в. менялись взгляды российских чиновников на принципы и методы организации волостей как низовой структуры управления Степи, назначения волостных управителей как представителей русской власти на местах. Их взгляды на волость, как административную структуру, зависели от степени социально-политического интегрирования разных территорий

Казахской Степи и требовали учета особенностей образа жизни, быта, культуры казахского народа. Сложность действий российских чиновников в регионе определялась и тем, что на ее территории проживало население, которое отличалось хозяйственно-культурным типом от основного населения Империи. И эти отличия, в первую очередь, заключались в кочевом скотоводческом хозяйстве. И для российских чиновников сложнее было выстроить линию сотрудничества с представителями кочевой культуры, чей образ жизни значительно отличался от оседлого населения. Социальные институты волостных управителей были для российских чиновников важны и необходимы, так как установление ими административной вертикали управления давало прямой канал воздействия на остальное местное население и в конечном итоге – контроль над территорией всех казахских кочевий.

На протяжении XIX в. в Казахской степи постепенно произошло формирование российских государственных учреждений (областное, уездное волостное управление) и создание территориальных структур (области, уезды, волости, аулы). Инициативы российских чиновников (С. Броневского, П. Горчакова, К. Гутковского и других) позволяют выяснить причины изменения тактик региональной администрацией при внедрении низовой территориальной единицы, механизм их преобразований, различные подходы в процессе волостного деления в Степи, выборов волостных управителей. Если на первом этапе образования волостей ими был использован принцип объединения близких родовых групп, соседственно кочующих и имеющих смежные зимние пастбища, вместо прямого территориального распределения пастбищ между этими группами, то в 1860-х годах сохранился только принцип «соседствования». В целом, в содержании административных реформ 1868 и 1891 годов не были предложены новые нормы и правила для организации волости в Казахской степи.

На протяжении XIX в. изменились взгляды русских чиновников и на волостного управителя. К 1860-м годам они осознали, что принадлежность волостного управителя к привилегированному сословию (султанам) не дает возможности стать ему влиятельной фигурой в Степи и проводником политики российского правительства. Взаимодействие русских чиновников с казахским населением показало им, что в кочевой культуре старшина, бий может быть более весомой личностью. Это стало толчком к новым инициативам о допуске почетных казахов на должности волостных. Практический опыт управления позволил русским чиновникам и регламентировать в дальнейшем обязанности, сроки пребывания волостного на должности (3 года), организация ими делопроизводственной документации. Свидетельством проникновения российских атрибутов власти в Степь стал документ, инициированный русскими чиновниками областного правления оренбургского генерал-губернаторства об уравнивании волостных управителей в правовом статусе с российскими должностными лицами. Показателем изменения социо-культурной ситуации в Степи к 80-м годам XIX в. стал и тот факт, что русские чиновники выдвинули перед волостными управителями требование знания русского языка, как обязательного условия для утверждения в должности волостного управителя.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (№1167/ГФ 4).

Литература

Абдрахманова, 2010 – Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганда, 2010. 242 с.

Безвиконная, 2013 – Безвиконная Е. Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблема границы в государственном строительстве Российской империи (20-30-е годы XIX века) // Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. Серия Новые границы. М.: Новое издательство, 2013. 296 с., С. 72–93. // Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space: сайт. - URL: <http://abimperio.net/books/region.pdf> (дата обращения: 10.08.2017.).

Броневский, 1830 – Броневский С.Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Часть 43. № 123. С. 70–97.

Быков, 2006 – Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731–1917 гг.): автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2006. 42 с.

Джампеисова, 2006 – Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Алматы, 2006. 269 с.

Ерофеева, 2001 – Ерофеева И.В. Символы казахской государственности. Позднее средневековье и новое время. Алматы, 2001. 152 с.

Ерофеева, 2003 – Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы, 2003. 178 с.

Ерошкин, 1968 – Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.

Жиренчин, 1996 – Жиренчин К. А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. Алматы, 1996. 352 с.

- Зайончковский, 1978** – *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. 288 с.
- Зиманов, 1958** – *Зиманов С.З.* Общественный строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX вв. Алма-Ата, 1958. 296 с.
- Зиманов, 1960** – *Зиманов С.З.* Политический строй Казахстана в конце XVIII и первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960. 293 с.
- Зиманов, 2009** – *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство. Алматы, 2009. 400 с.
- Касымбаев, 1995** – *Касымбаев Ж.К.* Старший султан Кунанбай Оскенбаев и его окружение. Алматы, 1995. 122 с.
- Касымбаев, 2000** – *Касымбаев Ж.К.* Генерал, султан-правитель Баймухамед Айшуаков (1790–1847). Алматы, 2000. 188 с.
- Любичанковский, 2003** – *Любичанковский С.В.* Губернское правление в системе губернской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003. 275 с.
- Масевич, 1960** – *Масевич М.Г.*, сост. Материалы по истории политического строя Казахстана. Т.1. Алма-Ата, 1960. 441 с.
- Маузузато, 2004** – *Маузузато К.* Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С.427-458.
- Почекаев, 2017** – *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
- ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830a** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29126. 1354 с.
- ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1830b** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXXVIII. № 29127. 1354 с.
- ПСЗРИ-2. Т. XXIX, 1854** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1854. Т. XXIX. № 28255. 910 с.
- ПСЗРИ-2. Т. XXXVI, 1861** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1861. Т. XXXVI. Ч. 1. № 36816. 1057 с.
- ПСЗРИ-2. Т. XLI, 1866** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1866. Т. XLI. Ч. 1. № 43306. 1079 с.
- ПСЗРИ-3. Т. XI, 1891** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. III. СПб., 1891. Т. XI. Ч. 1. № 7574. 685 с.
- Рахимбекова, 2004** – *Рахимбекова А.К.* Роль имперского фактора в трансформации казахского общества (XIX – начало XX вв.): дис... канд. ист. наук. Алматы, 2004. 154 с.
- Ремнев, 2000** – *Ремнев А. В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и дальний Восток) // *Ab Imperio*. № 3-4. С.343-358.
- Сперанский, 1905** – *Сперанский М.М.* План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). Издание "Русской мысли". М., 1905. 120 с. // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (дата обращения 10.08.2017).
- Султангалиева, 2015** – *Султангалиева Г.С.* Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // *Cahiers de monde russe*. 2015. 56/4 Octobre-décembre. С. 651-679.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан
- Burbank, Cooper, 2010** – *Burbank, Jane and Frederick Cooper.* Empires in World History. Power and the Politics of Difference. Princeton University Press, 2010. 511 p.
- Martin, 2010** – *Martin V.* Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet // *Central Asian Survey*. 2010. Vol. 29. pp.79-102.
- Velychenko, 1995** – *Velychenko S.* Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? // *Russian Review*. 1995. Vol. 54 (April). № 2. pp.188-208.

References

- Abdrakhmanova, 2010** – *Abdrakhmanova B.M.* (2010). Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noye ustroystvo v XIX veke. [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the XIX century]. Karaganda. 242 p. [in Russian].
- Bezvikkonnaya, 2013** – *Bezvikkonnaya Ye.* (2013). Geopoliticheskoye prostranstvo Stepnogo kraya: Omskaya oblast' i problema granitsy v gosudarstvennom stroitel'stve Rossiyskoy imperii (20-30-ye gody XIX veka) [Geopolitical space of the Steppe region: Omsk region and the border problem in the state building of the Russian Empire (20-30s of the XIX century)] // *Region v istorii imperii: Istoricheskiye esse o Sibiri. Seriya Novyye granitsy.* [Region in the history of the empire: Historical essays on Siberia. A series of new

boundaries]. M.: Novoye izdatel'stvo. 296 p., pp. 72–93. // Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space: site. URL: <http://abimperio.net/books/region.pdf> (reference date is August 10, 2017). [in Russian].

Bronevskiy, 1830 – *Bronevskiy S.B.* (1830). Zapiski o kirgiz-kaysakakh Sredney ordy [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. *Otechestvennyye zapiski*. SPb. Part 43. no. 123. pp. 70–97. [in Russian].

Bykov, 2006 – *Bykov A.Yu.* (2006). Rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v stepnykh oblastiakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva (1731–1917 gg.) [Russian government policy in the steppe regions and the transformation of traditional Kazakh society (1731–1917)]: avtoref. diss. ... dr. history sciences. SPb. 42 p. [in Russian].

Dzhampeisova, 2006 – *Dzhampeisova Zh.* (2006). Kazakhskoye obshchestvo i pravo v poreformennoy stepi. [Kazakh society and law in the post-reform steppe]. Almaty. 269 p. [in Russian].

Yerofeyeva, 2001 – *Yerofeyeva I.V.* (2001). Simvoly kazakhskoy gosudarstvennosti. Pozdneye srednevekov'ye i novoye vremya. [Symbols of the Kazakh statehood. Later the Middle Ages and modern times.]. Almaty. 152 p. [in Russian].

Yerofeyeva, 2003 – *Yerofeyeva I.V.* (2003). Rodoslovnnyye kazakhskikh khanov i kozha XVIII–XIX vv. (istoriya, istoriografiya, istochniki). [Pedigrees of Kazakh khans and kozha of the XVIII–XIX centuries. (history, historiography, sources)]. Almaty. 178 p. [in Russian].

Yeroshkin, 1968 – *Yeroshkin N.P.* (1968). Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii. [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. M., 1968. 368 p. [in Russian].

Zhirenchin, 1996 – *Zhirenchin K.A.* (1996). Politicheskoye razvitiye Kazakhstana v XIX – nachale XX vekov. [Political development of Kazakhstan in the XIX – early XX centuries]. Almaty. 352 p. [in Russian].

Zayonchkovskiy, 1978 – *Zayonchkovskiy P.A.* (1978). Pravitel'stvennyy apparat samodержавnoy Rossii v XIX veke. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. M. 288 p. [in Russian].

Zimanov, 1958 – *Zimanov S.Z.* (1958). Obshchestvennyy stroy Kazakhstana v kontse XVIII i pervoy polovine XIX vv. [The social structure of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries]. Alma-Ata. 296 p. [in Russian].

Zimanov, 1960 – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskyy stroy Kazakhstana v kontse XVIII i pervoy polovine XIX v. [The political system of Kazakhstan at the end of the XVIII and the first half of the XIX centuries]. Alma-Ata. 293 p. [in Russian].

Zimanov, 2009 – *Zimanov S.Z.* (2009). Obshchestvennyy stroy kazakhov pervoy poloviny XIX v.i Bukeyevskoye khanstvo. [Public system of Kazakhs of the first half XIX century and Bukeyevskoye Khanate]. Almaty. 400 p. [in Russian].

Kasymbayev, 1995 – *Kasymbayev Zh.K.* (1995). Starshiy sultan Kunanbay Oskenbayev i yego okruzhniye. [Senior Sultan Kunanbay Oskenbayev and his entourage]. Almaty. 122 p. [in Russian].

Kasymbayev, 2000 – *Kasymbayev Zh.K.* (2000). General, sultan-pravitel' Baymukhamed Ayshuakov (1790–1847). [The general, the sultan-ruler Baymukhamed Ayshuakov (1790–1847)]. Almaty. 188 p. [in Russian].

Lyubichankovskiy, 2003 – *Lyubichankovskiy S.V.* (2003). Gubernskoye pravleniye v sisteme gubernatorskoy vlasti v posledneye desyatiletie sushchestvovaniya Rossiyskoy imperii (na materialakh Urala). [Provincial government in the system of gubernatorial power in the last decade of the Russian Empire (on the materials of the Urals)]. Yekaterinburg. 275 p. [in Russian].

Masevich, 1960 – *Masevich M.G.* (1960), sost. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. T.1. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata. 441 p. [in Russian].

Matsuzato, 2004 – *Matsuzato K.* (2004). General-gubernatorstva v Rossiyskoy imperii: ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu // Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva. [The Governor-General in the Russian Empire: from the ethnic to the spatial approach]. Kazan'. pp.427–458. [in Russian].

Pochekayev, 2017 – *Pochekayev R.Yu.* (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personality factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XX century]. M.: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki. 384 p. [in Russian].

PSZRI. T. XXXVIII, 1830a – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830. vol. XXXVIII, no. 29126, 1354 p. [in Russian]

PSZRI. T. XXXVIII, 1830b – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830. vol. XXXVIII, no. 29127, 1354 p. [in Russian]

PSZRI-2. T. XXIX, 1854 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1854. vol. XXIX, no. 28255, 910 p. [in Russian]

PSZRI-2. T. XXXVI, 1861 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1861. vol. XXXVI, no. 36816, 1057 p. [in Russian]

PSZRI-2. T.XLI, 1866 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1866. vol. XLI, no. 43306, 1079 p. [in Russian]

- PSZRI-3. T. XI, 1891 – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. III. St. Petersburg, 1891. vol. XI, no. 7574, 685 p. [in Russian]
- Rakhimbekova, 2004 – Rakhimbekova A.K. (2004). Rol' imperskogo faktora v transformatsii kazakhskogo obshchestva (XIX – nachalo XX vv.) [The role of the imperial factor in the transformation of the Kazakh society (XIX – early XX centuries).]: dis. cand. history sciences. Almaty. 154 p. [in Russian]
- Remnev, 2000 – Remnev A.V. (2000). Regional'nyye parametry imperskoy «geografii vlasti» (Sibir' i dal'niy Vostok) [regional parameters of the imperial "geography of power" (Siberia and the Far East)]. *Ab Imperio*. № 3-4. pp.343-358. [in Russian]
- Speranskiy, 1905 – Speranskiy M.M. (1905). Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo (Vvedeniye k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.). Izdaniye "Russkoy mysli". [The plan for the state transformation of Count M.M.Speransky (Introduction to the Code of State Laws of 1809). The edition of "Russian thought"]. M. 120 p. // Library of electronic resources of the Faculty of History of Moscow State University. M.V. Lomonosov: site. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/speran.htm> (reference date is August 10, 2017). [in Russian]
- Sultangaliyeva, 2015 – Sultangaliyeva G.S. (2015). Kazakhskkiye chinovniki Rossiyskoy imperii XIX v.: osobennosti vospriyatiya vlasti [Kazakh officials of the Russian Empire of the XIX century: peculiarities of perception of power]. *Cahiers de monde russe*. 56/4 Octobre-decembre. pp. 651-679. [in Russian]
- TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan] [in Russian]
- Burbank, Cooper, 2010 – Burbank, Jane and Frederick Cooper. (2010). Empires in World History. Power and the Politics of Difference. Princeton University Press. 511 p.
- Martin, 2010 – Martin V. (2010). Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet. *Central Asian Survey*. Vol. 29. pp.79-102.
- Velychenko, 1995 – Velychenko S. (1995). Identities, Loyalties and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands? *Russian Review*. Vol. 54 (April). № 2. pp.188-208.

УДК 94:323.37(47)(574) “1822/1901”

Казахская волость глазами русских чиновников XIX века

Гульмира Салимжановна Султангалиева ^{a, *}, Тенлик Токтарбековна Далаева ^b,
Бахытжан Усенович Маликов ^a

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан

Аннотация. Приоритетной задачей российской власти при строительстве империи являлось административно-территориальное оформление новых пространств посредством инкорпорации традиционных институтов управления в единую политическую систему государства. В статье изучены взгляды русских чиновников (М. Сперанского, С. Броневского, П. Горчакова, К. Гутковского и других) на процесс становления института волостной системы управления в Казахской степи на протяжении XIX в. Социально-политические процессы интегрирования Степи требовали от региональных властей учета особенностей образа жизни, быта, культуры местных народов. Русские чиновники использовали особенности кочевого хозяйства при создании принципов оформления волостей как административно-территориальной структуры. Ими был определен механизма выборов и назначения волостных управителей. В статье исследованы причины изменения тактик региональной администрации при внедрении низовой территориальной единицы, механизм их преобразований, различные подходы в процессе волостного деления в Степи, выборов волостных управителей. На первом этапе при образовании волостей ими был использован принцип объединения близких казахских родов, соседственно кочующих и имеющих смежные зимние пастбища, вместо прямого территориального распределения пастбищ. На протяжении XIX в. изменились взгляды русских чиновников и на волостного управителя. К 60-м годам XIX в. они осознали, что принадлежность волостного управителя к привилегированному сословию (султанам) не дает возможности стать ему влиятельной фигурой в Степи и проводником политики российского правительства. Это стало толчком к новым инициативам о допуске почетных казахов на должности волостных.

Ключевые слова: Казахская степь, волость, Российская империя, русские чиновники, волостной управитель, административные реформы, казахские султаны, российские чины.

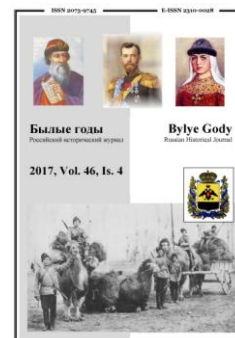
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sultangaliyevagulmira@gmail.com (Г.С. Султангалиева), tenlik95@gmail.com (Т.Т. Далаева), malikov_bakytjan@mail.ru (Б.У. Маликов)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1333-1344, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1333
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis)

Anna V. Shashkova^{a, *}, Inna A. Rakitskaya^a, Evgeniy Ya. Pavlov^a

^aMGIMO – University, Russian Federation

Abstract

The present article is dedicated to the research in activities of artificial legal entities in pre-revolutionary Russia. The author analyzes the concept of "corporation" as an independent person taking part in the civil turnover in the Russian Empire, the United States and Great Britain. In addition to the actual functioning of the first joint-stock companies, cooperatives and full partnerships, the author's attention is focused on the specific legal status of the Russian Trading Company in Constantinople and the Russian-American Company. The greatest interest for the study represents the analysis of the lack of the systematic regulation of the activities of such artificial persons, the comparison with the same regulation in European countries and the United States during the same period. The author mentions judicial precedents as examples. At such a particular stage – the stage of the industrial society of the late 18th century – corporations emerge in Russia on an ad hoc basis. At the same time the neighboring states already elaborated general legal regulations of the activities of artificial persons. Based on documentary sources, the author identifies principles of existence of legal entities in pre-revolutionary Russia, reasons for different levels of regulation of legal entities in the United States, Great Britain and Russia, and the roots for the necessity to take part in private joint-stock companies of the All-Russian Emperor and his associates.

Keywords: corporation, pre-revolutionary Russia, legal entity, artificial person, *Salomon v. Salomon*, industrial society, separate entity, company, House of Lords, court decision, precedent

1. Введение

Историческая смена формаций, развитие общества, переход от доиндустриального общества к индустриальному приводит к изменению экономического взаимодействия внутри общества (Galbraith, 2007). С развитием товарно-денежных отношений определяющую роль начинают играть деньги как общий эквивалент ценностей, вытесняются бартерные сделки, широко начинают применяться рыночные операции. Появляется необходимость создания искусственных лиц – юридических. Границы государств расширяются вследствие проведения колониальных войн, возможности для капиталовложений (инвестирования) в неисследованные регионы также увеличиваются, торговля приобретает юридически защищенный и упорядоченный характер. В то же самое время в Российской империи законодательство не успевает за фактическими экономическими отношениями. Вследствие этого момент появления юридических лиц в России является спорным вопросом. Дискуссию вызывает вопрос самостоятельности функционирования таких юридических лиц, то есть, независимости от создателя, а также юридическое закрепление данного вопроса в дореволюционном российском законодательстве.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.shashkova@inno.mgimo.ru (A.V. Shashkova),
inna_rakitskaya@hotmail.com (I.A. Rakitskaya), 7434645@gmail.com (E.Ya. Pavlov)

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена фондами III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (1826–1880), Департамента полиции Министерства внутренних дел (1881–1917) Государственного архива РФ, Архива внешней политики Российской Империи, Российского государственного исторического архива, Решениями гражданского отделения кассационного департамента Правительствующего Сената, Полным собранием законов Российской империи.

Основой для исследования стали исторический, историко-системный, сравнительно-правовой методы и метод системного анализа. Исторический метод позволяет видеть исторические процессы, происходящие во взаимодействии государства и корпораций с точки зрения исторической перспективы в их реальном развитии и взаимосвязи. Историко-системный метод способствует определению юридического лица как самостоятельного субъекта права еще на том этапе, когда юридически такого закрепления не произошло. Сравнительно-правовой метод и метод системного анализа применяются при исследовании происхождения и юридического закрепления статуса юридических лиц в Великобритании и США и сопоставления с развитием Российской империи в аналогичный период времени, различных выводов исследователей по одному и тому же вопросу, также указанные методы используются при анализе Свода Законов и иных законодательных актов Российской империи.

3. Обсуждение

Исследованию различных аспектов статуса и деятельности юридических лиц как субъектов предпринимательской деятельности посвящены работы ряда зарубежных ученых, например Грантама ([Grantham, 1998](#)), Дигнама ([Dignam, 2011](#)). Появлению, становлению и определению юридического статуса корпораций в Великобритании посвятили свои работы некоторые исследователи XIX века. Антони Пулбрук дал подробные комментарии закона о компаниях (Company Act), принятого в Великобритании в 1862 году и детально регулирующего различные аспекты корпоративного права. Американский профессор Руф Блох ([Bloch, 2013](#)) рассматривает появление и законодательное оформление корпораций с точки зрения семейного права, проводя аналогию между параллельным историческим развитием семейных отношений и корпоративных отношений.

Российские исследователи и публицисты середины XIX века В.Г. Кукольник, В.Ф. Вельяминов – Зернов, Г.И. Терлаич, В.П. Кранихфельд, К.П. Победоносцев ([Победоносцев, 2002](#)) только вскользь затрагивают вопросы появления и определения правового статуса юридических лиц. Вслед за ними Д.И. Мейер ([Мейер, 2003](#)) при анализе Свода гражданских законов Российской империи дает понятие юридического лица, но главный акцент своего исследования ставит на анализе правового статуса физических лиц. Выдающийся теоретик и философ права Н.М. Коркунов ([Коркунов, 1894](#)) на рубеже XIX–XX веков проводит доскональный теоретический анализ российской юридической системы, внеся большой вклад в общую теорию права. Наиболее интересные современные работы российских исследователей посвящены историко-правовому развитию корпораций, сущности юридического лица ([Чукреев, 2003](#)), сущности и ответственности юридического лица ([Богданов, 1997](#)), сравнению опыта нормативного регулирования статуса юридического лица в России с зарубежным опытом ([Кулагин, 1992](#)). Процессы становления института юридического лица в российском и западно-европейском праве рассматривались в работах Н.В. Козловой ([Козлова, 2003](#)), И.Т. Тарасова ([Тарасов, 1880](#)).

Материалы и обобщения, сделанные в настоящей работе, существенно дополняют указанные разделы историко-правовой науки, связанной с официальным закреплением концепции юридического лица, пониманием его сущности и практического функционирования в условиях отсутствия достаточно глубокого исследования данной проблематики в дореволюционной нормативной и правовой литературе в России.

4. Результаты

Переход от аграрного к индустриальному обществу в различных государствах происходил в разное время. Флагманом промышленной революции является Англия, где в XVIII веке начался первый этап индустриализации. Другие европейские государства, США и Япония вышли на данный этап к середине XIX века. Промышленный переворот начался в России в 1830–1840-х годах.

Экономические отношения в сельскохозяйственном секторе неизбежно породили необходимость делового взаимодействия с искусственными лицами – юридическими лицами. Именно проблема юридического лица является связующим звеном на стыке теории права, законодательства, исторического развития отдельного государства.

Степень наибольшей необходимости закрепление статуса юридического лица приобрело после вступления государства на этап индустриализации. Основу индустриального общества составляет частная собственность: это священное и неотъемлемое право. Именно на этом этапе образуются монополии (частные и государственные), происходит сращивание промышленного и банковского капитала, формируется мировой рынок. Борьба основных экономических классов (пролетариата и буржуазии) между собой достигает своего пика: восстание лионских рабочих в 1834 году, силезских

ткачей в 1844 году, чартистское движение в Англии в 1836–1848 годы, а в дальнейшем строительство пролетарско-социалистического общества в России в 1917 году.

Взаимоотношения государства и корпораций на этом этапе индустриального общества получают совершенно новый оттенок. Новое значение приобретает рынок. Рынок, являясь контролирующей силой в экономике, все больше приспосабливается к нуждам корпораций. Началом экономической жизни мог стать небольшой капитал и небольшие предприятия с единоличным хозяином. К ним можно отнести предприятия сферы бытовых услуг, предприятия по оказанию юридических услуг, художественные студии, языковые курсы, некоторые виды розничной торговли. Однако именно корпорации крупного бизнеса держат в руках значительную часть предприятий транспорта, добывающей и обрабатывающей промышленности и средств связи.

Появление концепции юридического лица – это объективный правовой феномен, который является неизбежным следствием развития общественных отношений, связанных с развитием и распределением материальных благ. Рано или поздно в различных государствах законодательство приходит к необходимости юридического закрепления сложившихся фактических отношений. Необходимо отметить, что идеи юридического лица зародились еще в римском частном праве (Ельяшевич, 1910). С одной стороны, римское право наделяло правами исключительно людей, избегая каких-либо искусственных формирований в качестве носителей прав. С другой стороны, постепенно эволюционируя, римское право выделяло муниципальные образования в качестве носителей прав и обязанностей истца и ответчика. Позднее фиск (государственная казна) стал рассматриваться как единое целое, от имени которого выступал магистрат. А затем и корпорации как коллективные субъекты физических лиц начали представлять собой отдельные субъекты права. Именно в римском праве зародилась теория фикции. Различные исследователи не сходятся во мнении, выделялись ли корпорации в качестве отдельного субъекта права или такой вывод следовал из анализа лица, «не совпадающего с личностью естественного человека» (Суворов, 1900). Однако уровень развития римского права, источников, оставленных на изучение потомков, позволяет выделить корпорации, создаваемые по религиозному или профессиональному признаку: публичные корпорации – сенат, жреческие коллегии, римский народ; частные корпорации – коллегии и муниципии (Грешников, 2002).

Технологическое развитие России, а, позднее и ее правовое развитие отставало от аналогичных процессов в Западной Европе (Shashkova, 2007). Имея негативные последствия, такое отставание позволяло не допускать ошибки, которые уже совершила Западная Европа в процессе внедрения концепции юридических лиц в практику. Используя достижения европейской юридической науки и практики, российские правоведы и историки перерабатывали и адаптировали данные концепции к российским реалиям. Тем самым, Россия внесла большой вклад в формирование концепции юридического лица. Россия не является пионером в закреплении концепции юридического лица как самостоятельного субъекта права. Неоднозначным также представляется вопрос возможности юридического лица состоять только из одного физического или юридического лица. Концепция вины юридического лица в качестве субъекта коллективной или индивидуальной ответственности даже до настоящего времени вызывает много дискуссий. Русский юрист Г.Ф. Шершеневич в этом отношении воспринял немецкую концепцию Фридриха Карла фон Савиньи о «врожденной и неизлечимой» недееспособности (Шершеневич, 1893) у искусственного, фиктивного лица, а также о необходимости осуществления юридических действий через представителей (Savigny, 1840).

В Российской литературе отсутствуют упоминания о каких-либо искусственных лицах до правления Петра I. В стране существовали сельскохозяйственные артели, образовавшиеся естественным путем на рубеже XVI–XVII веков. Артели – добровольные товарищеские объединения, создаваемые их участниками для совместной деятельности на основе самоуправления, солидарности и взаимной ответственности (Костомаров, 1862). Артели являлись прообразом современного товарищества. Они обладали суверенитетом от своих членов при взаимодействии с иными торговыми субъектами во внешнем обороте, самостоятельно оплачивали оброки и пошлины (Акты археографической экспедиции, I, 323, 324). Артели в России длительное время существовали при отсутствии законодательного регулирования, их деятельность регулировалась обычаями. До определенного времени артели могли отвечать потребностям развивающихся хозяйственных отношений в Российской Империи. Выйдя на новый уровень, товарные отношения потребовали более четкого определения положения и статуса артелей. Правовое регулирование данных институтов происходило по факту закрепления самой жизнью, с большим опозданием, однако отдельные элементы регулирования были включены в Торговый устав 1653 года, Уставную грамоту от 30 апреля 1654 года, а впоследствии в Новоторговый устав 1667 года и Таможенное уложение 1755 года. Законодательное регулирование такой формы искусственного лица, как артели, позволило использовать юридические механизмы для защиты участников хозяйственных отношений, положительно сказалось на развитии экономики государства и позволило сделать более определенным само наличие такого искусственного субъекта права.

Во время правления Петра I появляются акционерные общества с государственным капиталом как инструмент развития одновременно частной торговли и северных территорий. Однако юридического закрепления правоспособности таких акционерных обществ не происходит.

Императором Петром I 27 октября 1699 года был издан указ “О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний; о расписании городов по торговым делам на провинции, с подчинением малых городов главному Провинциальному городу и о причислении к слободам разночинцев, имеющих промыслы” (ПСЗРИ, Т. 3 (1689–1699). № 1706. 653-654). Этот Указ можно считать первым нормативным документом о компаниях. Указом предписывалось “Московского государства всяких чинов купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями, и чинить отпуска товаров в компаниях, иметь о том меж собой с общего совета установления, от чего надлежит быть в сборах Великого Государя казны пополнение” (ПСЗРИ, Т. 3 (1689-1699). № 1830. 653). Указ Петра I от 2 марта 1711 года “О предоставлении права заниматься торговлей людям всякого звания, о выморочных деревнях и о наказании укрывающихся от службы” был также направлен на расширение круга участников торгового оборота. Таким образом, люди разных чинов и званий получили право торговать и образовывать компании.

В развитие торговых отношений в последние годы правления император издал еще один указ “О прилежном наблюдении, чтобы Российские товары больше на деньги продаваемы были, нежели на товары обмениваемы; о распространении торговли с Францией, Испанией и Португалией: о китовом промысле; об учреждении компании; о посылке в чужие края молодых людей из торгового класса для обучения коммерции” (ПСЗРИ, Т. 7 (1723-1727). № 4348. 152-153). Сенатский указ от 2 марта 1755 года “О вызове русских купцов для заведения торговли компаниею при Темерниковском порте” являлся документом, наиболее приблизившимся к закреплению акционерной формы в России, стимулировавшим купцов на вложение средств в искусственные лица. Данный документ гласил: “...не пожелает ли кто из купцов от Темерниковского порта коммерцию в Царьград и в другие тамошние места компаниею производить, те б с кондициями явились в Правительствующем Сенате, коим при таком новом учреждении особливо некоторые аванжажи показаны будут...” (ПСЗРИ, Т. 14. № 10368, 322-323). Проводится деятельность по законодательному закреплению частной экономической активности. Однако в России того периода не было экономических условий для хозяйственной деятельности корпораций. Поэтому предпринятые Петром I попытки законодательно ввести корпорации в экономический оборот практических результатов не дали. По мнению ряда исследователей, купцы на Руси не испытывали особой необходимости в объединении капиталов и образовании акционерных юридических лиц, поскольку, прежде всего, существовали традиционные формы для ведения мелких кустарных промыслов на Руси. Это, например, артель или артельное товарищество. Во-вторых, отсутствие ответственности русских купцов. Ответственность русских купцов по сравнению с торговцами из других стран была несоизмерима меньше, однако при этом свобода деятельности несоизмеримо больше, в том числе, и вследствие отсутствия законодательного регулирования деятельности (Каминка, 1902: 331-343). Однако нельзя недооценивать значение указов о создании корпораций. Они имели основополагающее значение для развития торгового дела в России в дальнейшем. Мелкие бизнес в лице ремесленников и торговцев получил возможность на более высоком уровне, в более крупных масштабах объединить свои капиталы и заняться промыслом и торговлей.

Таким образом, официальное оформление искусственного лица отсутствовало в России вплоть до середины XVIII века: первым акционерным предприятием в России можно назвать “«Российскую в Константинополе торгующую компанию»», учрежденную 24 февраля 1757 года указом “О привилегии Московской первой гильдии купцу Хостатову и его товарищам на заграничную торговлю от Темерниковского порта, и об именовании сего торгового товарищества Российскойю в Константинополе торгующей коммерческой компанией” (ПСЗРИ, Т. 14. № 10694. 726-733). Спецификой ее создания явилось обычное в Российской Империи закрепление фактической ситуации. В 1756 году купцы Никита Шемякин, Василий Хостатов и Алексей Ярославцев выработали специальные условия – “кондиции” – для создания “складочной торговой компании”. Уставный капитал в размере 100 тыс. рублей был разбит на 200 акций. Удостоверение прав акционеров осуществлялось с помощью билета. Данные права могли быть свободно отчуждены, переводя на покупателя как права, так и обязанности, включая дополнительные обязанности по внесению дополнительных взносов. Кроме указанных купцов, иных лиц, желающих вступить в компанию, не было, несмотря на полученное позднее юридическое закрепление статуса и право монопольной торговли с Константинополем и иными портами Черного моря. Деятельность Российской в Константинополе торгующей компании привела к значительному экономическому и внешнеторговому подъему на юге России. Данная компания просуществовала до 1762 года. Это была компания, созданная под конкретный проект. Общего законодательного регулирования в отношении искусственных лиц принято не было. В дальнейшем и иные компании создавались непосредственно под проект, что снова и снова подтверждало устоявшийся в России порядок вещей: сначала имела место фактическая ситуация, потом под нее подводилось законодательное регулирование.

Вслед за так называемой т.н. Константинопольской компанией в 1758 г. была учреждена компания Персидского торга. Ее складочный капитал состоял из 4000 акций по 150 руб. каждая. В 1763 г. учреждена компания для торговли в Средиземном море. Примечательно то, что сам государь подписался на 20 акций данной компании для торговли в Средиземном море. В 1782 году создается

Санкт-Петербургская компания для строительства кораблей. В 1794 году была образована Российско-американская компания.

Российско-американская компания имела существенные преимущества перед отдельными небольшими коммерсантами: аккумуляция капитала давала очевидное уменьшение предпринимательских рисков. Акционерный капитал был разделен на равные части – акции. Была также заложена концепция современного акционерного общества: внесенный капитал не мог быть истребован обратно со стороны участников (учредителей). Акции не могли быть истребованы и кредиторами действующего акционера, имеющему право только на доходы по акциям. То есть со стороны кредиторов изъятию или аресту они также не подлежали. Акционеры не несли имущественной ответственности перед Российско-американской компанией: взыскать задолженность компании с действующего акционера также было нельзя. В этом состояла концепция ограниченной ответственности. Указ Правительствующего Сената № 21.900 «Об ответственности акционерным компаниям, в случае взыскания, одним складочным капиталом» от 6 сентября 1805 года разъяснял суть данной ограниченной ответственности (ПСЗРИ. Т. 28. (1804-1805). 1211). Данный указ был издан в связи с банкротством Санкт-Петербургской акционерной компании по постройке кораблей. В данном указ было прямое указание на то, что акционерная компания отвечает по своим долгам одним складочным капиталом, а потому при неблагоприятных последствиях никто из акционеров не теряет иного капитала, кроме изначально внесенного в компанию.

В этот же период создаются многочисленные образовательные общества, кружки и клубы (Marchenya, 2017). Однако данные некоммерческие организации самостоятельной экономической деятельности не вели и на процесс легитимации искусственного лица в России не оказали сколь-нибудь существенного влияния. Пожалуй, самым ярким примером торгового объединения является полугосударственная Российско-американская компания, созданная императором Павлом I 8 июля 1799 года (РГИА. Ф. 13. Оп. 1. 1806. Д. 304. Л. 2-5). Российско-американская компания и сама процедура и факт ее создания стали уникальным событием в истории России конца XVIII – начала XIX веков. На протяжении короткого исторического периода купеческое объединение превращается в государственную монополию. Форма ведения коммерческой деятельности принципиально изменяется, однако специфика ведения тихоокеанской меховой торговли учитывается. Особенностью данной корпорации является тесное взаимодействие государственной власти и частного купечества: купцов-перекупщиков и купцов-промышленников. Создается трехзвенная структуры управления бизнесом. Необходимость создания такой структуры обусловлена не только широкой географией: районы промысла и сбыта разделены огромными расстояниями. Данная структура представляла собой зарождение акционерной практики, современного управления акционерным обществом, когда акционеры-хозяева бизнеса – не участвовали в бизнесе непосредственно. Привлечение денежных средств в меховой промысел – это привлечение денег, а не людей. Акционеры, внесшие капиталы пассивно участвовали в управлении обществом, не имея прямого отношения к развитию коммерции. В этих условиях было необходимо обеспечить уверенность акционеров в сохранности капитала, что могла оказать только государственная власть. От конкретного решения властей подчас зависели многотысячные состояния купцов.

Первоначально Российско-американская компания явилась монопольным объединением нескольких компаний. Данная компания принадлежала преимущественно сибирским купцам. Наиболее важная роль в компании была отведена иркутскому купцу 1-й гильдии Николаю Прокофьевичу Мыльникову и его сыновьям Дмитрию и Якову. Также в ней приняли участие наследники известного курского купца Григория Ивановича Шелихова – его вдова Наталья Алексеевна, компаньон Иван Илларионович (Ларионович) Голиков и зятья – богатый купец Михаил Матвеевич Булдаков и обер-секретарь Правительствующего сената, действительный статский советник и камергер Николай Петрович Резанов. Николай Петрович Резанов был приближен к императорскому двору, что определило его роль неофициального главы и ходатая за Российско-американскую компанию перед царским правительством. Именно он настоял на переводе Главного правления Российско-американской компании из Иркутска в Санкт-Петербург в 1801 году. Он также смог получить в качестве акционеров членов царской семьи, самого императора и ряд крупных сановников, следствием чего стала государственная или, точнее полугосударственная монополия. Даже после вступления в Российско-американскую компанию высших должностных лиц Российской Империи Российско-американская компания ещё сохраняла черты купеческого объединения: представители крупного купеческого капитала сохраняли бразды правления корпорацией. 25 августа 1816 года на специальном совете при Главном правлении Российско-американской компании было принято решение назначить главой колониальной администрации капитан-лейтенанта Л.А. Гагемейстера. Таким образом главным правителем Русской Америки стал офицер. С этого момента и далее пост главы Российско-американской компании замещался исключительно офицерами Военно-морского флота обычно в чине капитана 1-го или 2-го ранга. В течение 20 лет вся полнота власти в Российско-американской компании перешла к морским офицерам, командовавшим кораблями данной корпорации. Это явилось следствием естественной зависимости колоний от командования кораблей. Пришедшие к власти в колониях морские офицеры ликвидировали многочисленные права купеческой вольницы. Их интерес был политический, а не экономический:

они обеспечили улучшение положения русских, приживающихся на данной территории, местных жителей, в том числе алеутов и креолов, нанимавшихся на службу в Российско-американскую компанию. Непродолжительность сроков, на которые назначались данные офицеры, привела к потере стратегии развития Российско-американской компании. Их неопытность в коммерции губительно сказалась на экономическом состоянии корпорации. Временность их назначения заставляла их задумываться о сиюминутных результатах, а не о долгосрочной перспективе развития как Российско-американской компании, так и региона в целом.

К середине 1840-х годов Российско-американская компания окончательно превращается в специфическую полугосударственную структуру: ее высший управленческий аппарат состоит из военной бюрократии. Именно военно-бюрократическая монополия отражала сложившийся в России того времени общественный строй. Данный строй не мог и не хотел увидеть объективных изменений, которые принесла новая капиталистическая эпоха, не успел приспособиться к новым реалиям. Финансовое положение Российско-американской компании постепенно ухудшалось. Данный процесс огосударствления и бюрократизации высшей управленческой элиты Российско-американской компании можно считать одной из косвенных причин продажи Аляски США в 1867 году и последующей ликвидации самой Российско-американской компании (Окунь, 1939).

На примере Российско-американской компании хорошо прослеживается развитие акционерного регулирования в России с конца XVIII до начала XIX века. В 1781 году компания была учреждена как постоянная промысловая компания на Тихоокеанском севере на десять лет, а не на один “вояж”, как учреждались компании ранее (Тихменев, 1861). Историческое значение данной компании состоит в том, что она, будучи изначально купеческим объединением, выполняла государственные функции на Тихоокеанском севере. Она явилась инструментом по освоению и колонизации Нового Света. В 1801 году Главное правление компании было переведено из Иркутска в Санкт-Петербург, а акционерами стали император, члены царской семьи и ряд крупных сановников. В 1806 году Российско-американская компания указом императора Александра I получила привилегированное право на собственный флаг (АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. Д. 181. № 10. Л. 108). Таким образом, около 70 лет акционерная компания, юридическое лицо, статус которого не закреплен законодательно, а лишь в приказном порядке императором, осуществляла фактические государственные функции и управляло Камчаткой и Аляской. Таким образом, форма создания акционерных обществ была разрешительная, а не уведомительная. На практике такой порядок являлся тормозом развития равного акционерного учредительства, приводил к злоупотреблениям на этапе учреждения акционерных обществ, отсутствию гарантий прав будущих акционеров, подмене законодательного регулирования на правоприменительное.

Анализ историко-правового материала позволяет сформулировать правовую основу данных акционерных отношений. Она формировалась постепенно, и, по аналогии с регулированием артелей складывалась по факту возникновения акционерных обществ. Таким образом, и в случае акционерных обществ нормативное регулирование отражало уже фактически сложившиеся отношения на практике, акционерный оборот, легкую реализуемость и ликвидность акций (РГИА. Ф. 1276 – Совет министров. Оп. 9. Д. 191. Л. 200-206). Отсюда можно сделать вывод о том, что акционерные общества в Российской Империи становятся первой формой объединения капиталов, а не лиц, где величина внесенного вклада определяет объем прав акционера. Основными актами данного периода являются Указ императора Александра I от 6 сентября 1805 года “Об ответственности акционерных компаний в случае зыскания одним складочным капиталом” (ПСЗРИ, т. XXVIII, № 21900), Манифест императора Александра I от 1 января 1807 года “О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий” (ПСЗРИ, т. XXIX. № 22418), Положение о компаниях на акциях от 6 декабря 1836 года (ПСЗРИ, т. XI, отд. 2, № 9763). Положения данных актов легли в основу главы “О товариществах” Свода Законов Российской Империи.

Особенностью и отличием указанного выше Манифеста императора Александра I от предшествовавших актов Российской Империи является не только формальное закрепление института акционерных обществ, но и регламентирование общего порядка создания и деятельности двух новых организационно-правовых форм: полного товарищества и товарищества на вере (ПСЗРИ, т. XXIX. № 22418). Путем первоначального заключения, а потом регистрации договора о создании товарищества, искусственные лица становились полноправными субъектами гражданского оборота России. Таким образом, искусственные лица создавались явочным порядком, что, в общем свойственно современному подходу. Однако нормативного определения юридического лица так и не появилось.

Император Николай I 6 декабря 1836 года утвердил “Положение об акционерных компаниях”. Данное Положение впоследствии было включено в Свод законов гражданских, регламентировал предельные размеры уставного капитала, способы его оплаты, размеры акций, учреждал такие органы управления корпорацией как общее собрание и правление компании. Таким образом, начался рост предпринимательства в России. До 1855 года в среднем возникало не более трех компаний в год, однако уже в 1856 году было зарегистрировано пять компаний, в 1857 году – 16, в 1858 году – 39. Всего с 1822 по 1855 годы в России была создана 81 акционерная компания, а в 1876 году

насчитывалось уже 550 компаний. Однако они не выдержали общеевропейский кризис, и к 1877 году число осталось всего 141 корпорация (Тарасов, 1878: 111-112).

Свод Законов Российской Империи впервые был опубликован в 1832 году. Затем он несколько раз переиздавался в 1842, 1857 и 1912 годах. В это время в Западной Европе и США уже кроме законодательства, закрепляющего искусственные образования, наделенные правоспособностью, начинают появляться судебные решения, содержащие значимые толкования понятий правоспособности и деликтоспособности данных юридических лиц. В Своде Законов Российской Империи, в отличие от английских Закона об акционерных обществах 1856 года (the Joint Stock Companies Act) и Закона о компаниях 1862 года (the Companies Act), отсутствует понимание корпоративности (Шашкова, 2009: 44). Указанные акты полностью посвящены концепции юридического лица, процедуре его создания, полномочиям и ответственности. Регулирование же юридических лиц в российском Своде Законов можно определить только по той причине, что при толковании становится очевидным, что речь в акте идет не о физическом лице применительно исключительно к торговым отношениям.

Несмотря на то что в российском праве того времени концепция искусственного лица не получила надлежащего регулирования, тем не менее она упоминается в законодательстве Российской Империи XVIII века. В Своде Законов четко указывается, что «права на имущества могут приобретать: казна, дворянские, городские и сельские общества, земские учреждения, епархиальное начальство, монастыри и церкви, кредитные установления, богоугодные заведения, учебные и ученые заведения, сословия лиц» (ПСЗРИ, Т. X. Кн. 2, № 698). При этом акционерные компании продолжали создаваться точечно, по воле государя. Поскольку они были созданы на самом высшем самодержавном уровне, то и так называемая «воля государя», выраженная в уставе компании, обладала приоритетом по отношению к законодательству. Такое положение вещей не соответствовало развитому торгово-экономическому обороту. Кроме специальной цели создания компании, ей могли быть предоставлены и специальные льготы, в зависимости от близости учредителей к государю и возможности личного решения вопросов благосостояния искусственного лица. Подход, существующий в России, оставлял страну позади от довольно развитого на тот момент законодательства и практики, существовавших в Европе и США.

На основании Свода Законов Российской Империи представляется возможным выявить характер появления и эволюции концепции юридического лица в России. Необходимость закрепления юридического статуса искусственного лица явилось следствием бурного развития предпринимательства в XIX веке в России. Из разрозненных статей Свода законов можно вывести положения, посвященные таким видам искусственных лиц, как артель, полное товарищество, товарищество на вере и акционерное общество. Акционерное общество, или акционерная компания, как обычно она именовалась в литературе начала XX века, в Своде Законов Российской Империи не системно именуется как «товарищество на паях», «компания на акциях», «товарищество по участкам», «акционерное общество». Отсутствие общих законов вело к неопределенности правового статуса таких искусственных лиц, ненаделении их в полном объеме правоспособностью юридического лица.

При анализе Свода Законов Российской Империи можно отметить попытку, сделанную по направлению и к регулированию деятельности юридического лица. Отсутствие системного подхода, однако, привело к тому, что различные виды юридических лиц были разбросаны по разным томам Свода Законов, что осложняет определение статуса конкретного искусственного лица. Кроме того, то же самое по сути искусственное лицо имело разные наименования в разных разделах Свода Законов. Наделение правоспособностью не только физических лиц не проливалось свет на общее понимание концепции искусственного лица в данном документе.

Согласно статьи 698 Свода законов (т. X. ч. 1) права на имущества могли приобретать:

- члены Императорского Дома;
- дворцовые управления;
- казна;
- дворянские общества, города и городские общества, сельские общества, а также земские учреждения;
- епархиальные начальства, монастыри и церкви;
- кредитные установления;
- богоугодные заведения;
- ученые и учебные заведения;
- частные лица;
- сословия лиц: товарищества, компании, конкурсы (ПСЗРИ, Т. X. Кн. 2, № 698).

Исследователи при этом отмечают, что перечень искусственных лиц, данный Сводом законов Российской Империи, является примерным, поскольку указания на отдельные лица были рассеяны по всему Своду законов (Шершеневич, 1995: 91).

Различные юридические противоречия и казусы в толковании понятия искусственного лица, а также отсутствие четких критериев для определения признаков юридического лица, того, какие лица является таковыми, а какие нет, приводили к судебным спорам. В 1880 году Сенат, выполнявший в том числе и функцию высшего суда, в решении по частному делу № 246 вывел понятие юридического

лица через отрицание: “юридическое лицо есть субъект права, не подходящий под понятие физического лица. Юридические лица возникают искусственно, с разрешения подлежащей власти, для достижения известных целей. Юридическому лицу не могут принадлежать все те права, которые принадлежат лицам физическим, а только такие, которые необходимы ему для достижения его специальной цели существования, а вследствие того эти права определяются тем актом, который создает и признает существование юридического лица” (РГОКДПС, 1880, № 246).

Дальнейшие решения Сената по частным делам приводили к формированию концепции разделения собственности учредителя и юридического лица (РГОКДПС, 1883, № 115), правопреемственности (РГОКДПС, 1882, № 152) и возможности составления завещания в пользу юридического лица (РГОКДПС, 1888, № 63). Такие решения Сената способствовали признанию в качестве обособленного лица крестьянского двора, владеющего наделом (РГОКДПС, 1892, № 42), что в дальнейшем доказало свою практическую и теоретическую несостоятельность. Казуистичность, разовые противоречивые решения, отсутствие системности приводили к повышению роли судебной практики при нивелировании роли законодательного регулирования концепции юридического лица.

Аналогично обстояли дела с правовой доктриной. Если зарубежные цивилисты, историки и политологи на рубеже XIX–XX веков посвятили значительное число своих исследований концепции юридического лица, то отечественная доктрина не уделяла данному вопросу значимого места, несмотря на сложившуюся и успешно функционирующую на практике акционерную форму организаций. Цивилистическая германская наука середины XIX – начала XX вв. разработала большое количество концепций о юридическом лице, сложившихся как под влиянием римского права, так и под влиянием немецкой классической философии, исторической школы права с учетом объективной политической и экономической ситуации. Анализ российского законодательства и доктрины данного периода позволяет сделать вывод о том, что единообразной теоретической концепции юридического лица не сложилось. Характер и эволюция российского законодательства и доктрины напрямую отражали практические реалии. Дезорганизация экономики в данном периоде также способствовала противоречиям и несогласованности в формировании концепции юридического лица. До 1880-х гг. данное понятие искусственного лица ни в законодательстве, ни в доктрине не фигурировало. В проекте Гражданского уложения Российской Империи, наконец, появляется понятие юридического лица (Pochekaev, 2016). Проект Гражданского уложения имел прогрессивный характер и опередил свое время и уровень развития общественных отношений: он сформулировал не только понятие юридического лица, но и содержал классификацию юридических лиц. Важно отметить, что речь идет именно о проекте, поскольку документ, разработка которого началась в 1882 году, так и не был принят Государственной Думой в 1913 году (Tsiunchuk, Sharafutdinov, 2016). То есть на момент наступления поворотного в российской истории 1917 года юридическое лицо так и не получило официального признания в законодательных актах Российской Империи.

Тем самым, как это ни парадоксально, но советская цивилистика, в условиях фактического отсутствия эффективного хозяйственного оборота, смогла довести до юридического закрепления концепцию искусственного лица, существующего фактически, но отсутствующего официально в документах Российской Империи. Рассматривая эволюцию юридического лица в российском дореволюционном законодательстве, необходимо отметить, что оно появляется в качестве объективного правового феномена, логически проявляющегося в процессе развития общественных отношений, которые связаны с распределением и обменом материальными благами. Это – «живой» правовой институт, существование которого в объективной реальности предшествует его законодательному закреплению. Оформление структуры данного института представляет собой общественное и государственное и правотворчество.

Экономические отношения и в Европе, отличие от России, опережают отношения юридические. Необходимость предоставить гарантии частной собственности, капиталовложениями в производства и государственные бумаги, приводит и к правовому закреплению концепции юридического лица. В этот же период складывается и современное понимание корпорации в качестве структуры, действующей от собственного имени в хозяйственном обороте, обладающей самостоятельностью, в том числе, во взаимоотношении с государством. Одновременно корпорация – это искусственное лицо, защищающее собственника от непосредственной ответственности перед контрагентами и иными лицами, взаимодействующими с корпорацией (stakeholder) (Goulding, 1999: 55). Данная концепция получила юридическое закрепление в судебном прецеденте, вынесенном в 1896 году высшим судом Англии – Палатой Лордов. Дело получило название «Salomon v. Salomon and Co. Ltd» («Саломон против «Саломон и компания»). Концепция “корпорации”, выработанная в рамках этого судебного процесса, представляет собой огромный интерес. Значение данного решения сложно переоценить для становления понятия и института корпорации. Решение Палаты Лордов Великобритании, основанное на законе, стало основой разделения лиц, учредивших корпорацию, и самой корпорации, их прав, полномочий и обязанностей (Dignam, 2011: 101). Факт признания компании отдельным лицом, повлек за собой принятие следующих значимых признаков корпорации:

- Даже в случае владения корпорацией одним лицом, это не умаляет ее юридического статуса в качестве корпорации (Dignam, 2011: 101);

- Корпорация действует от собственного имени: заключает сделки, является истцом и ответчиком в суде и т.д.;
- Корпорация обладает вечной преемственностью (*perpetual succession*): в случае смерти или выхода своих акционеров с компанией ничего не происходит;
- Корпорация обладает полной ответственностью принадлежащим корпорации имуществом, при этом ответственность лиц, являющихся акционерами компании, ограничена величиной их вкладов в имущество компании;
- Компания может владеть имуществом, при этом у акционеров не возникает имущественного интереса в компании (*Goulding, 1999: 55*).

Важно отметить, что компания получает так называемую корпоративность с момента признания ее отдельным лицом со стороны государства – это заключается как в государственной регистрации, так и в прецедентном решении в отношении корпоративной сущности компании. При этом корпоративная сущность компании, представление компании как отдельного искусственного лица не тождественно ограниченной ответственности компании. В некоторых государствах и сегодня можно зарегистрировать как компанию с ограниченной, так и с полной ответственностью.

Кроме выработанной судом концепции о преимуществе кредиторов перед акционерами, концепция корпоративности, самостоятельности корпорации подразумевает более широкую возможность для компании (по сравнению с физическим лицом или индивидуальным предпринимателем) в привлечении внешних средств финансирования компании, а также менее жесткие последствия в случае ликвидации компании (*Shashkova, 2015*). В отличие от негативных последствий личного банкротства, в случае ликвидации корпорации таких последствий не наступает: личное имущество участников корпорации не подвергается риску. Выпуская облигации, корпорация может привлекать денежные средства, что ограничено возможно в случае физического лица или индивидуального предпринимателя. При этом акционер корпорации может также получать фиксированный доход от деятельности компании, если он выдал корпорации облигационный заем.

Продвигая концепцию корпоративности дальше, можно прийти к выводу, к которому пришел суд первой инстанции Великобритании по делу «Саломон против «Саломон и компания»»: корпорация является агентом своих акционеров и должна как агент действовать исключительно в интересах своих акционеров. Однако данная концепция не имеет под собой юридических оснований, поскольку не обособляет акционеров от самой компании, оставляя за ними всю полноту ответственности за действия компании. По закону компания – это самостоятельное лицо, она отделена от прав, обязанностей и имущества своих акционеров. Как следует из окончательного решения по делу «Саломон против «Саломон и компания», даже в случае тождественности наименования, управления бизнесом одним лицом, в руках которого находятся все акции компании, корпорация продолжает обладать самостоятельностью и не является агентом своих акционеров.

Необходимо отметить, что параллельно концепции корпоративности, самостоятельности компании суды Великобритании сформулировали доктрину “снятия корпоративной вуали”, допускающую юридически обоснованное право заглянуть за саму корпорацию с целью привлечь к ответственности лиц, стоящих за ней. Это может произойти в случае злоупотребления корпорацией правом: когда компания является прикрытием реальной агентской деятельности, при которой ответственность падает как на агента, так и на лиц, которых данный агент представляет; в случае нарушения закона и допущения мошенничества со стороны компании; когда речь идет о группе компаний, а не о конкретном юридическом лице; во всех случаях, установленных законом, например при завышенной оценке уставного капитала со стороны учредителей; в случае преднамеренного банкротства корпорации и других допускаемых корпорацией нарушениях. То есть, если корпорация создана должным образом в соответствии с законом, ведёт законную деятельность и не допускает нарушений, юридически отвечают основания заглянуть под “корпоративную вуаль” компании. Напротив, если корпорация начинает допускать нарушения законодательства, злоупотреблять своей корпоративностью и самостоятельностью, такие основания появляются.

До вынесения решения по делу прецедента «Саломон против «Саломон и компания» Верховным судом Соединенных Штатов Америки в 1886 году рассматривалось дело “Графство Санта Клара против Южнотихоокеанской железной дороги” (*Santa Clara County v. Southern Pacific Railroad Co.*) (*Bloch, 2013: 36*). Впервые в истории США адвокат обратился к Верховному суду с требованием применить Четырнадцатую поправку к Конституции США не к физическому лицу, а к корпорации: корпорация была определена в качестве “человека”, как это прописано в Четырнадцатой поправке к Конституции США.

Данное решение стало прецедентным: впервые термин “лицо” был применен не только к физическим лицам, но и к искусственным лицам. Конституционная защита и конституционные требования стали распространяются на искусственных лиц в том же объеме, что и на физических лиц.

Несмотря на то, что в некоторых значимых решениях Верховного суда прямо указывалось, что Четырнадцатая поправка к Конституции США не должна применяться к корпорациям (в 1938 году дело *Connecticut General Life Insurance Company v. Johnson*) (*Bloch, 2013: 31*) в отношении возможности освобождения от уплаты налога компании, осуществляющей страховую деятельность в штате

Калифорния и в штате Коннектикут), решение Верховного суда США 1886 года имеет историческое значение.

Таким образом, на основании анализа прецедентного решения по делу «Саломон против «Саломон и компания», а также прецедентного решения по делу «Графство Санта Клара против Южнотихоокеанской железной дороги» можно сделать вывод о том, что признание искусственного лица – корпорации – в качестве самостоятельного лица, отвечающего по своим обязательствам, находит свое отражение в праве США и Европы в конце XIX века. Функционирование же искусственных лиц в Российской Империи этого периода происходит лишь по факту, законодательного оформления оно не получило.

5. Заключение

Подводя итог, следует отметить, что концепции восприятия феномена искусственного лица в зарубежной и российской практике не только диаметрально образом отличаются, но и получают юридическое закрепление в различное время. Это свидетельствует, с одной стороны, об исторической важности выработки концепции юридического лица для легитимного оформления частнособственнических отношений в торговле. С другой стороны, напротив, институт искусственного лица закрепляет фактически сложившиеся отношения. То есть именно на примере данного института можно проследить уровень общественного развития в том или ином государстве.

Законодательное закрепление искусственного субъекта права позволило развивать хозяйственные отношения как внутри государства, так и за его пределами. Законодательное закрепление делает более безопасным товарный оборот, обеспечивает интересы сторон торговых отношений, уравнивает возможности в использовании института принуждения.

Именно акционерные общества – объединения капиталов – явились одними из факторов экономического развития, как России, так и зарубежных стран. В этой организационно-правовой форме в наибольшей степени заложено право бизнеса диктовать свои условия с учетом суммы средств, вложенных в этот бизнес, а не в зависимости от лица, которое является вкладчиком.

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской Империи.
- Акты археографической экспедиции** – Акты археографической экспедиции. 1836.
- Богданов, 1997** – Богданов Е.В. Сущность и ответственность юридического лица // Государство и право. 1997. №10. С. 97–101.
- Грешников, 2002** – Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. СПб. Издательство «Юридический центр Пресс». 2002.
- Ельяшевич, 1910** – Ельяшевич В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. СПб., 1910.
- Каминка, 1902** – Каминка А.И. Акционерные компании: Юридическое исследование. Т. 1. СПб.: Типо-лит. А.Е. Ландтау. 1902.
- Козлова, 2003** – Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица: очерк истории и теории: учебное пособие. М.: Статут. 2003.
- Коркунов, 1894** – Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1894.
- Костомаров, 1862** – Костомаров Н.И. Очерк Торговли Московского государства в XVI и XVII Столетиях. СПб., В Тип. Н. Тиблена и Комп. 1862.
- Кулагин, 1992** – Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада. Москва: Дело. 1992.
- Мейер, 2003** – Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М. 2003.
- Окунь, 1939** – Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.: Соцэкгиз. 1939.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской Империи.
- Победоносцев, 2002** – Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 1: Вотчинные права. М. 2002.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГОКДПС** – Решения гражданского отделения кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб., 1879-1892.
- Суворов, 1900** – Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 1900.
- Тарасов, 1878** – Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. Киев, типография В.И. Завадского. 1878. С. 111-112.
- Тарасов, 1880** – Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях: Положение об акционерных обществах. (Выпуск) I: Основные понятия, история, значение и учреждение акционерных компаний // *Временник Демидовского Юридического Лицея*. Ярославль. 1880. Книга 20. С. 1–140. Книга 21. С. 141–284.
- Тихменев, 1861** – Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1. Прилож. 3. СПб., 1861.
- Чукреев, 2003** – Чукреев А.А. О сущности юридического лица // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2003. № 1. С. 250–257.
- Шашкова, 2009** – Шашкова А.В. Корпоративное право России. М., 2009.

- Шершеневич, 1893 – Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. Казань, 1893.
 Шершеневич, 1995 – Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995.
 Bloch, 2013 – Bloch H.R. Corporations and the Fourteenth Amendment. UCLA. 2013.
 Dignam, 2011 – Dignam A. Company Law. Oxford University Press. 2011.
 Galbraith, 2007 – Galbraith J.K. The New Industrial State. Princeton University Press. 2007.
 Grantham, 1998 – Grantham R. Corporate personality in the 20th Century. Hart Publishing. Oxford. 1998.
 Goulding, 1999 – Goulding S. Company Law. Cavendish Publishing Limited. London – Sydney. 2nd edition. 1999.
 Marchenya, 2017 – Marchenya P.P. Russian Multiparty System: The Cradle of Civil Society or the Tomb of Imperial Statehood? // *Polis*. 2017. (1). pp. 41-52.
 Pochekaev, 2016 – Pochekaev R.Y. The Political and Legal Views of Mikhail Speransky in the Rules of Siberian Kirghiz // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 2016. 84 (1-2). pp. 290–312.
 Savigny, 1840 – Savigny F.C. System des heutigen römischen Rechts. Berlin. 1840.
 Tsiunchuk, Sharafutdinov, 2016 – Tsiunchuk R.A., Sharafutdinov D.R. The Duma Electoral System of 1906 and Formation of New Ethno-Political Geography of the Steppe Provinces of the Russian Empire // *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. 2016. 19 (Special Issues). pp. 95–100.
 Shashkova, 2015 – Shashkova A.V. Study Manual on Bases of Russian Law. Cambridge Scholars Publishing. 2015.
 Shashkova, 2007 – Shashkova A.V. Russian Business Law. M.: Lincor. 2007.

References

- AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Imperii [Arkhiv of foreign policy of the Russian Empire].
 Akty arkhograficheskoi ekspeditsii – Akty arkhograficheskoi ekspeditsii [Acts of the archeographical expedition]. 1836.
 Bogdanov, 1997 – Bogdanov E.V. (1997). Sushchnost' i otvetstvennost' yuridicheskogo litsa [The nature and responsibility of the legal entity]. *Gosudarstvo i pravo*. №10. pp. 97–101.
 Greshnikov, 2002 – Greshnikov I.P. (2002). Sub"ekty grazhdanskogo prava: yuridicheskoe litso v prave i zakonodatel'stve [The subjects of civil law: juridical person in law and legislation]. SPb. Izdatel'stvo «Yuridicheskii tsentr Press».
 El'yashevich, 1910 – El'yashevich V.B. (1910). Yuridicheskoe litso, ego proiskhozhdenie i funktsii v rimskom chastnom prave [Legal person, its origin and function in Roman private law]. SPb.
 Kaminka, 1902 – Kaminka A.I. (1902). Aktsionernye kompanii: Yuridicheskoe issledovanie [Joint-stock company: a legal study]. T. 1. SPb.: Tipo-lit. A.E. Landtau. 1902.
 Kozlova, 2003 – Kozlova N.V. (2003). Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo litsa: ocherk istorii i teorii [The concept and essence of the legal entity: a history and theory]: uchebnoe posobie. M.: Statut.
 Korkunov, 1894 – Korkunov N.M. (1894). Lektsii po obshchei teorii prava [Lectures on general theory of law]. SPb.
 Kostomarov, 1862 – Kostomarov N.I. (1862). Ocherk Torgovli Moskovskago gosudarstva v XVI i XVII Stoletiyakh [Sketch of trade of the Moscow state in the XVI and XVII centuries.]. SPb., V Tip. N. Tiblena i Komp.
 Kulagin, 1992 – Kulagin M.I. (1992). Predprinimatel'stvo i pravo: opyt Zapada [Entrepreneurship and law: experience of the West]. Moskva: Delo.
 Meier, 2003 – Meier D.I. (2003). Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law]: v 2 ch. M.
 Okun', 1939 – Okun' S.B. (1939). Rossiisko-amerikanskaya kompaniya [The Russian-American company]. M.: Sotsekgiz.
 PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].
 Pobedonostsev, 2002 – Pobedonostsev K.P. (2002). Kurs grazhdanskogo prava [The course of civil law]. Ch. 1: Votchinnye prava. M.
 RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
 RGOKDPS – Resheniya grazhdanskogo otdeleniya kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata [The decisions of the civil division of the cassation department of the Governing Senate]. SPb., 1879-1892.
 Suvorov, 1900 – Suvorov N.S. (1900). Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu [About legal entities in Roman law]. M.
 Tarasov, 1878 – Tarasov I.T. (1878). Uchenie ob aktsionnykh kompaniyakh [Teaching on joint-stock companies]. Kiev, tipografiya V.I. Zavadskogo. pp. 111-112.
 Tarasov, 1880 – Tarasov I.T. (1880). Uchenie ob aktsionnykh kompaniyakh: Polozhenie ob aktsionnykh obshchestvakh [Teaching on joint-stock companies: the regulations on joint-stock companies]. (Vypusk) I: Osnovnye ponyatiya, istoriya, znachenie i uchrezhdenie aktsionnykh kompanii. *Vremennik Demidovskogo Yuridicheskogo Litseya*. Yaroslavl'. Kniga 20. pp. 1–140. Kniga 21. pp. 141–284.

- Tikhmenev, 1861** – *Tikhmenev P.A.* (1861). Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-Amerikanskoi kompanii i deistvii ee do nastoyashchego vremeni [Historical review of the formation of the Russian-American company and its actions to date]. Ch. 1. Prilozh. 3. SPb.
- Chukreev, 2003** – *Chukreev A.A.* (2003). O sushchnosti yuridicheskogo litsa [On the essence of a legal entity]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1. pp. 250–257.
- Shashkova, 2009** – *Shashkova A.V.* (2009). Korporativnoe pravo Rossii [The corporate law of Russia]. M.
- Shershenevich, 1893** – *Shershenevich G.F.* (1893). Nauka grazhdanskogo prava v Rossii [The science of civil law in Russia]. Kazan'.
- Shershenevich, 1995** – *Shershenevich G.F.* (1995). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law]. M.
- Bloch, 2013** – *Bloch H.R.* (2013). Corporations and the Fourteenth Amendment. UCLA.
- Dignam, 2011** – *Dignam A.* (2011). Company Law. Oxford University Press.
- Galbraith, 2007** – *Galbraith J.K.* (2007). The New Industrial State. Princeton University Press.
- Grantham, 1998** – *Grantham R.* (1998). Corporate personality in the 20th Century. Hart Publishing. Oxford.
- Goulding, 1999** – *Goulding S.* (1999). Company Law. Cavendish Publishing Limited. London – Sydney. 2nd edition. 1999.
- Marchenya, 2017** – *Marchenya P.P.* (2017). Russian Multiparty System: The Cradle of Civil Society or the Tomb of Imperial Statehood? *Polis*. (1). pp. 41-52.
- Pochekaev, 2016** – *Pochekaev R.Y.* (2016). The Political and Legal Views of Mikhail Speransky in the Rules of Siberian Kirghiz. *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 84 (1-2). pp. 290–312.
- Savigny, 1840** – *Savigny F.C.* (1840). System des heutigen römischen Rechts. Berlin.
- Tsiunchuk, Sharafutdinov, 2016** – *Tsiunchuk R.A., Sharafutdinov D.R.* (2016). The Duma Electoral System of 1906 and Formation of New Ethno-Political Geography of the Steppe Provinces of the Russian Empire. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. 19 (Special Issues). pp. 95–100.
- Shashkova, 2015** – *Shashkova A.V.* (2015). Study Manual on Bases of Russian Law. Cambridge Scholars Publishing.
- Shashkova, 2007** – *Shashkova A.V.* (2007). Russian Business Law. M.: Lincor.

УДК 93/94

Появление и деятельность юридических лиц в дореволюционной России (сравнительный анализ)

Анна Владиславовна Шашкова ^{a, *}, Инна Александровна Ракитская ^a,
Евгений Яковлевич Павлов ^a

^a Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность искусственных юридических лиц в дореволюционной России. Анализируется концепция «корпорация» как самостоятельного лица, принимающего участие в гражданском обороте в Российской Империи, США и Великобритании. Помимо фактического функционирование первых акционерных обществ, артелей и полных товариществ, внимание автора сосредоточено на закреплении конкретного правового статуса Российской в Константинополе торгующей компании и Российско-американской компании. Наибольший интерес для исследования представляет анализ подхода дореволюционных нормативных источников в регулировании деятельности данных искусственных лиц, сравнение уровня правового развития Российской Империи с аналогичным периодом в Европе и США на примере конкретных судебных прецедентов. Именно на данном этапе – этапе индустриального общества конца XVIII века в России возникают корпорации ad hoc, в то время, как в соседних государствах вырабатывается общее регулирование деятельности искусственных лиц. На основе документальных источников выявлены принципы функционирования юридических лиц в дореволюционной России, определены причины различного уровня регулирования юридических лиц в США, Великобритании и России, выявлены корни необходимости участия Императора Всероссийского и его приближенных в частных акционерных обществах.

Ключевые слова: корпорация, дореволюционная Россия, юридическое лицо, Salomon v. Salomon, индустриальное общество, самостоятельное лицо, компания, Палата Лордов, судебное решение, прецедент.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.shashkova@inno.mgimo.ru (А.В. Шашкова), inna_rakitskaya@hotmail.com (И.А. Ракитская), 7434645@gmail.com (Е.Я. Павлов)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1345-1356, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1345
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 27+930.1

From the history of Religious Studies in Russia: The study of the History of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century)

Marianna M. Shakhnovich^{a,*}, Tatiana V. Chumakova^a

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article was prepared on the basis of a study of the works on the history of Christianity, written by Russian researchers in the second half of the XIX – early XX century. In the history of the study of Christianity in Russia in the period under review, two areas are distinguished: confessional and academic, which was less affected by the church dogmatic tradition and sought to use critical methods. One of the reasons for the relatively late registration of the academic (secular) history of Christianity in Russia was the lack of a tradition of the existence of theological faculties within the universities and the concentration of the study of Church history within the spiritual schools, in which, on the whole, there was only an exclusively canonical attitude toward sources, mainly limited to the Holy Scriptures and the writings of the Church Fathers. Changes in the Russian “Church history science” would be impossible without changing the system of secondary and higher education. After the introduction of the new University Statute in 1863, the level of university teaching of the history of Christianity increased significantly, and the apologetic nature of teaching ceased to prevail in the training courses and in the writings of the faculty. There was no serious research on the history of Russia without touching upon the history of the Russian church; Russian historians explored the historical and ecclesiastical problems in the context of the history of Russia and the history of Russian culture. The history of Western Christianity was studied in Russia before the beginning of the twentieth century, practically, exclusively within the framework of comparative or accusatory theology, which was mainly concerned with the critical examination of the so-called “heterodox” confessions from the standpoint of Orthodox dogma.

Keywords: Religious studies, the history of Christianity, the history of the Christian church, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, Russian historiography.

1. Введение

Несмотря на большое количество трудов, посвященных изучению российской исторической науки в целом, в отечественной и мировой науке отсутствуют исследования, ставящие своей целью создать целостную историю изучения религии в России. Особенно важной задачей является историография изучения истории христианства, необходимая для создания максимально полной картины развития науки о религии в России в культурно-историческом контексте XIX – начала XX в.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена на основе изучения трудов по истории христианства, написанных отечественными исследователями во второй половине XIX – начале XX в. Авторы видят свою основную задачу в исследовании изучения в области истории христианства, которое осуществлялось в России по двум основным направлениям – конфессиональному и академическому. Реализация поставленной задачи осуществлена в предметном поле «новой культурно-интеллектуальной

* Corresponding author

E-mail addresses: m.shakhnovich@spbu.ru (M.M. Shakhnovich); t.chumakova@spbu.ru (T.V. Chumakova)

истории», которая видит свою основную цель в междисциплинарном исследовании интеллектуальной деятельности в сфере гуманитарного и социального знания в социокультурном историческом контексте. В исследовании также применялись методологические подходы, характерные для такого относительного нового направления интеллектуальной истории, каким является дисциплинарная история: в случае этой статьи рассматривалась история религиоведения как научной дисциплины. При этом авторы обращали внимание, прежде всего, на изучение только одного направления отечественной науки о религии – истории религии, причем исключительно истории христианства, а история изучения проблем социологии, психологии и антропологии религии авторами не рассматривалась. В работе применялись традиционные для дисциплинарной истории науки и интеллектуальной истории методы: метод историографического описания в сочетании с методами интеллектуальной истории и социокультурного контекстуального анализа, а также историко-генетический метод, позволяющий выявить закономерности в развитии отечественного религиоведения и сравнительный метод, позволяющий выделить различия конфессионального и академического подхода к истории христианства. Использование авторами данных методологических приемов позволило изучить специфику отечественных исследований в области истории христианства второй половины XIX – начала XX в.

3. Обсуждение и результаты

Становление и развитие исторических наук в нашей стране, прежде всего, российской истории, антиковедения и востоковедения, медиевистики и истории Нового времени, теснейшим образом были связаны с изучением истории религии, так как исследуемый материал не позволяет отделять так называемую «гражданскую» историю от истории культуры, однако, специальных исследований по истории отечественного религиоведения во второй половине XIX – начале XX в. крайне мало (Шахнович, 2006; Академия наук, 2016; Терюкова, 2017), но специальное исследование по истории изучения христианства отсутствует. Представленная статья – это первая попытка заполнения имеющейся лакуны в истории российской науки о религии.

В России изучение истории христианства в качестве самостоятельного направления оформляется только во второй половине XIX в. До этого история христианской церкви была лишь вспомогательной дисциплиной в общем курсе богословия, поэтому о систематических исследованиях истории христианства в России в более ранний периоды можно говорить с большой осторожностью. Тем не менее, следует отметить, что отдельные труды российских ученых начала XIX столетия обеспечили будущий подъем исторических исследований. Прежде всего, следует назвать двухтомный «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви» (СПб., 1818) и «Историческое исследование об иерархах Российской Церкви» (Киев, 1834) митрополита Евгения (Болховитинова).

Одной из причин сравнительно позднего оформления академической, то есть светской, истории христианства в России, было отсутствие традиции существования теологических факультетов в рамках университетов и сосредоточение изучения истории церкви в пределах духовных школ, в которых в целом сохранялось исключительно каноническое отношение к источникам, в основном ограниченным Священным Писанием и сочинениями отцов церкви. В университетах Европы, прежде всего в протестантских странах, историко-церковные дисциплины и изучение религии в целом, подвергались воздействию перемен, происходивших в исторической и филологической науке, связанной с распространением новых научных методов, сравнительно-исторического и критического анализа источников (Шахнович, 2001: 3–12). Постепенно это происходило и в России.

Историк церкви А.П. Лебедев указывал на то, что история христианства в России в основном была связана с изучением православия: «Если есть ... церковно-историческая наука немецкая, французская, английская и проч., то, конечно, должна быть и церковно-историческая наука русская, т.е. родившаяся в России. Такая наука должна быть и действительно есть. Но, к сожалению, по своим достоинствам она не только не равняется со своими иностранными сотоварищами, но и значительно от них отстала. Говоря так, мы разумеем состояние науки касательно так называемой общей церковной истории ... начиная с древних христианских времен, а не состояние нашей науки, поскольку она занимается изучением истории отечественной – русской церкви» (Лебедев, 1907: 5).

Перемены в отечественной «церковно-исторической науке» были бы невозможны без изменения системы среднего и высшего образования. Первый толчок к развитию церковно-исторических исследований был дан введением нового устава духовных школ в 1814 г. Согласно этому уставу изучение истории и истории церкви становилось важнейшей составляющей учебного процесса, и имеют две цели, первая – это обнаружение связи между историческими событиями и современностью, и вторая: «...цель высшая и несравненно полезнейшая состоит в том, чтобы в связи происшествий открыть успехи нравственности, постепенное шествие человеческого разума и различные его заблуждения, образования и превращение Гражданских обществ и коренные причины славы и падения Государств, судьбу ложных религий и преуспеяние единой истинной христианской» (Устав Духовных Академий, 1830: 925). В Уставе также подчеркивалась особая важность изучения общей истории церкви и «истории отечественной, и особенно истории нашей церкви» (Устав Духовных Академий, 1830: 925)

В Российской империи в исследуемый период существовало четыре духовных академии. В области изучения общей истории христианства и истории русской церкви наибольших успехов добились Санкт-Петербургская и Московская, где сформировались собственные школы изучения христианства. Московская школа была представлена именами таких исследователей, как А.П. Лебедев, Н.Ф. Каптерев, Филарет (Гумилевский), А.В. Горский, и множество его учеников, среди которых можно вспомнить историка русской церкви и русской богословской науки Глубоковского. Петербургская школа во многом сформировалась благодаря усилиям И.В. Чельцова и В.В. Болотова, и среди ее представителей можно вспомнить таких историков русской церкви как митрополит Макарий (Булгаков) и Глубоковский. В Казанской Духовной академии разработкой истории христианства занимались Ф.А. Курганов (Курганов, 1880), Я.И. Алфионов, Л.И. Писарев (Писарев, 1894), Д.Н. Беликов, и др. Казанская духовная академия была в значительной мере ориентирована на работу с мусульманами, а поэтому в работах ее преподавателей и учащихся часто затрагивались темы, связанные с отношением ислама и христианства, и уделялось большое внимание апологетике.

Среди преподавателей Киевской духовной академии было много исследователей, занимавшихся общей историей церкви, историей церкви в Западной Руси, а также библеистикой. Среди многочисленных блестящих представителей этой академии – П.А. Лашкарев (Лашкарев, 1876), который занимался церковно-государственными отношениями в римской империи, исследователь процесса христианизации славян А.Д. Воронов, диссертация которого «Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия» (1887), была удостоена Уваровской премии, и историк церкви М.Э. Поснова, начинавший как библеист (в 1898 г. защитил диссертацию «Идея Завета Бога с израильским народом в Ветхом завете: Опыт богословско-философского обозрения истории израильского народа»).

Со второй половины XIX столетия усиливается вовлеченность священнослужителей в научный процесс, чему способствовала и реформа религиозного образования, благодаря которой кардинальным образом изменился уровень подготовки выпускников высших духовных учебных заведений, что помогло поднять уровень богословской науки в целом. Благодаря тому, что учащиеся духовных академий с 1869 г. имели возможность продолжать образование за границей, повысился уровень исследований в области библеистики, византиноведения и проч. Учащиеся и преподаватели духовных школ могли участвовать в работе русских ученых организацией за границей, и в частности в Русском археологическом институте в Константинополе, который благодаря усилиям академика Ф.И. Успенского стал одним из крупнейших центров византийских исследований в мире. Организации экспедиций на «христианский Восток», в которых участвовали как светские ученые, так и преподаватели и учащиеся духовных академий, способствовала деятельность Императорского Православного палестинского общества. Благодаря этому повышался не только уровень диссертационных исследований, но и расширялась их проблематика.

Интерес к церковно-историческим исследованиям стимулировало и то, что в это время в Европе в церковно-исторической науке произошли большие перемены, связанные с применением исторической критики к источникам по истории раннего христианства и христианской церкви. Первая половина столетия – это время расцвета тюбингенской и других либерально-протестантских школ, которые оказали определенное влияние и на отечественные исследования по истории христианства. В.В. Болотов в письме к И.С. Пальмову говорил о значении западных исследований для отечественных ученых: «Вашему славянскому девизу я противопоставлю 1) девиз справедливости: “ищите правды даже и у немцев” 2) девиз практичности: “ищите правды прежде всего у немцев” — и затем — для благочестивых размышлений — из Карамзина: “сравняйтесь с ними, а потом, если можете, и превзойдите их”» (Герд, 2000: 45).

Со второй половины XIX в. происходит заметное увеличение числа публикаций, посвященных тем или иным аспектам исследования религии, авторы которых были православными священнослужителями. Причин этого достаточно много, и одной из важных является увеличение числа периодических изданий, в которых они могли публиковаться. К официальным центральным синодальным изданиям «Церковный вестник» добавилось множество региональных изданий. Это были не только научно-богословские издания духовных академий и семинарий, появившиеся после письма Святейшего Синода 1844 г., в котором указывалось на бедность периодических изданий богословского характера, но и многочисленные епархиальные вестники и епархиальные ведомости, которые стали выходить с 1860 г. в 63 епархиях Российской православной церкви. Епархиальные вестники публиковали статьи и антропологии религии, и конечно же множество материалов о деятельности различных религиозных организаций. Публиковались заметки и статьи священнослужителей и в светских журналах: в губернских ведомостях (выходили с 1838), но чаще всего в изданиях Русского географического общества, как в региональных, так и в журнале «Живая старина», который издавался Этнографическим отделом РГО, а также в изданиях краеведческих обществ, таких как «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». На страницах этих журналов можно найти не только материалы по истории церкви в России, характера христианизации народов Русского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В истории изучения христианства в России в рассматриваемый период можно выделить два направления: конфессиональное и академическое (светское), последнее, естественно, в меньшей

степени было подвержено влиянию церковной догматической традиции и стремилось к использованию критических методов. Во введении к своим «Лекциям по истории древней церкви» В.В. Болотов подробно останавливается на особенностях истории церкви как исторической дисциплины и на отличии истории от других наук. Признавая важную роль критического анализа исторических источников, он отмечает антиномию объективности и конфессионализма в церковной истории, признавая безусловное превосходство православного историка и над историком-протестантом, и особенно над историком-католиком, на котором лежит «ноша в виде папизма». Болотов отмечает: «Против указанного понимания любви к истине в историке, в смысле объективного отношения к фактам, может быть поставлено по отношению к церковной истории возражение, которое может принимать характер довольно сильный. Как наука богословская она возбуждает следующий вопрос: наука хочет знать нечто ей неизвестное, а богословие имеет своим содержанием уже известное,— это его основное положение во всех религиях. ... Поэтому историк должен чувствовать себя членом своей церкви и не должен отступать от церковной точки зрения: даже и там, где чувствуется слабость его точки зрения, он не должен бросать своего дела» (Болотов, 1910: 36).

Повышению требований к качеству исследований по истории церкви отчасти способствовало то, что по университетскому уставу 1835 г. во всех университетах вводилось преподавание богословия и церковной истории, и создавались межфакультетские кафедры богословия и церковной истории, а на юридических факультетах и канонического права. Однако, преподаватели этих кафедр по большей части занимались преподаванием христианской апологетики, и до новой университетской реформы 1863, когда кафедры церковной истории отделяются от межфакультетской кафедры богословия, и входят в состав историко-филологического факультета (согласно §13 Университетского устава 1863 г.), особых успехов в области изучения общей или российской церковной истории, они не показывали. После введения университетского устава 1863 г. уровень университетского преподавания истории христианства значительно возрастает. Апологетический характер преподавания перестает превалировать в учебных курсах и в трудах преподавателей, однако нельзя сказать, что конфессиональный подход перестал определять исследовательскую парадигму.

В Московском университете кафедру церковной истории с 1872 г. возглавлял протоиерей А.М. Иванцов-Платонов. Будучи специалистом по истории западных церквей, он также занимался и раннехристианской историей, и в 1869 выпустил первый труд, посвященный истории христианства среди славян «Очерк истории христианства у славян». Иванцова-Платонов считал, что православие в истинном смысле есть не что иное, как продолжение Священного Предания, поэтому православное начало должно определять не только жизнь историка, но и его исследования. После Иванцова-Платонова кафедру в Московском университете возглавил А.П. Лебедев, который ставил церковную историю выше богословия. Прекрасно зная современную ему западную историю христианства, он в своих «церковно-исторических сочинениях», обнимавших всю историю восточного христианства, знакомил читателей с новейшими достижениями церковно-исторической науки. А.И. Алмазов, который руководил кафедрой последние предреволюционные годы, исследовал народную религиозность, изучая врачевальные молитвы и почитание святых – покровителей сельского хозяйства (Алмазов, 1904).

Среди преподавателей Санкт-Петербургского университета необходимо отметить библеиста, переводчика протоиерея Г.П. Павского, который преподавал не только богословские курсы, но и курс по истории развития религиозных идей. Павский переводил Библию с древнееврейского, а не использовал для своих переводов Септуагинту, а также первым из отечественных библеистов использовал исторический метод, что вызвало нарекания со стороны церковных властей, и привело к так называемому «делу Павского» (Чистович, 1899: 162-168). В 1887 г. в университете состоялось памятное собрание, посвященное столетию протоиерея Павского, на нем с докладом о научной деятельности Павского выступал историк церкви И.Е. Троицкий, один из первых российских арменоведов, защитивший в Санкт-Петербургской Духовной академии диссертацию «Изложение веры церкви армянския, начертанное Нерсесом, кафоликосом армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила: Историко-догматическое исследование в связи с вопросом о воссоединении армянской церкви с православною» (1875). Интерес к изучению истории и догматики армянской церкви в России был вызван тем, что Армения в 1828 г. вошла в состав Российской империи, и достаточно сложным был вопрос о юридическом статусе армянских церквей (Армяно-грегорианской и армяно-католиков). По этой же причине возник и интерес к истории Грузинской православной церкви, поскольку Грузия в 1801 г. присоединилась к Российской империи. Вопрос о статусе Грузинской православной церкви активно обсуждался в трудах ученых, особенно с конца XIX в., когда среди российских грузин крепнет движение автокефалистов. Одним из известных исследователей истории грузинской церкви был кавказовед, профессор Санкт-Петербургского университета А.А. Цагарели. В 1882 г. Цагарели благодаря поддержке Палестинского общества смог побывать на Синае, где он собирал сведения о древних грузинских рукописях. После ухода Цагарели на пенсию, кафедру армянской и грузинской словесности возглавил его ученик Н.Я. Марр, оказавший в будущем значительное влияние на отечественное религиоведение. Вопросы, связанные со статусом Армянской и Грузинской церквей актуализируются в 1905 г., и особенно после февральской

революции 1917 г., когда Грузинская церковь объявляет о своей автокефалии, и этим вопросом занялся специалист по каноническому праву, византист В.Н. Бенешевич.

Благодаря тому, что Университетский устав 1863 года предписывал создание на юридических факультетах университетов кафедр канонического права, появляется некоторое количество междисциплинарных работ сотрудников и выпускников этих кафедр, в которых анализируются проблемы церковно-государственных отношений в Византии и Древней Руси (Чумакова, 2015). Следует отметить труды академика В.Г. Васильевского, занимавшегося аграрными аспектами истории Византии и русско-византийскими отношениями, а также не потерявшую своей актуальности работу академика Ф.И. Успенского «Очерки по истории византийской образованности» (СПб., 1891). Среди исследователей историко-культурного направления необходимо упомянуть А.П. Рудакова, в работе которого «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» (М., 1917), впервые ставился вопрос о типологическом своеобразии византийской культуры, а также труды Ф.И. Буслаева и Н.П. Кондакова, которые сыграли важную роль в изучении христианского искусства и культуры.

Церковные историки рассматривали историю русской церкви как часть Священной истории. Первая обзорная работа по истории досинодального периода была написана митрополитом Платоном (Левшиным) в 1805 г. и называлась «Краткая церковная история, сочиненная Преосвященным Платоном Митрополитом Московским в Вифании». Фундаментальные труды по истории русской церкви появляются в середине XIX столетия. Это двенадцатитомная «История русской церкви» митрополита Макария (Булгакова), и пятитомная «История» архиепископа Филарета (Гумилевского), в которой впервые анализируется и синодальный период истории русской церкви (до 1826 г.) и удостоенная Уваровской премии «История русской церкви» Е.Е. Голубинского, в трудах которого академический подход начинает превалировать над конфессиональным. Надо отметить, что взгляды на историю русской церкви у представителей светской и церковной науки порой существенно различались. Это касается не только такого вопроса, как причины крещения Руси, которые большинство церковных авторов стремились не анализировать, оставаясь на позиции провиденциализма, но и личности церковных иерархов. Достаточно вспомнить скандал, связанный с позицией С.М. Соловьева, высказанной им в 11 томе «Истории России», что причиной конфликта между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем стало ограничение власти патриарха. Критический ответ на это мнение стало целое исследование профессора Московской Духовной академии Н.И. Субботина, частями публиковавшееся в 1861 г. в журнале «Русская речь», а затем вышедшее отдельным изданием (Субботин, 1862).

Ни одно серьезное исследование по истории России не могло не касаться истории русской церкви, поэтому в сочинениях С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова и других российских историков исследовалась историко-церковная проблематика, которая рассматривалась в контексте истории России и истории российской культуры (Милюков, 1916). Специальные сочинения по истории русской церкви чаще всего были нацелены на анализ церковно-государственных отношений, как например, труды М.Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.» (1913) и «Ханские ярлыки русским митрополитам» (1916). Отдельное направление в русской истории связано с изучением истории раскола: в 1887 г. одновременно вышли два огромных библиографических указателя, содержащие перечни трудов по истории раскола и старообрядческого движения. Это – первый выпуск указателя статей по истории и обличению раскола, опубликованных в периодических изданиях, подготовленный преподавателем Тамбовской семинарии Ф.К. Сахаровым (Сахаров, 1887) и указатель материалов по истории старообрядчества историка, этнографа и публициста А.С. Пругавина (Пругавин, 1887).

Изучению истории раннего христианства, несомненно, способствовало развитие отечественного антиковедения. В этом контексте представляют большой интерес труды представителей конфессионального и академического направления. Так профессор Московской духовной академии А.А. Спасский, помимо докторской диссертации «История догматических движений в эпоху вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос. История учения о Святой Троице» (Сергиев Посад, 1906), написал книгу «Эллинизм и христианство. История литературно-религиозной полемики между эллинизмом и христианством в раннейший период христианской истории» (Сергиев Посад, 1913). В обоих сочинениях исследование истории формирования христианской догматики осуществлялись в рамках культурно-исторического направления изучения христианства с привлечением историко-философского материала. К культурно-историческому направлению, безусловно, следует отнести и сочинения профессора Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Зелинского, который полагал, что решающее влияние на формирование христианства оказала античная религия и философия. Цель его работ «Идея нравственного оправдания, ее происхождение и развитие» (1905), «Характер античной религии в сравнении с христианством» (1906), «Идея Богочеловека в греческой и германской саге» (1910) и «Возникновение греха в сознании древнейшей Греции» (1917) «состояла в том, чтобы показать закономерное движение античного, прежде всего греческого, религиозного сознания навстречу христианскому преображению. Автор имел в виду, не умаляя основополагающей роли проповеди Христа, показать, что истинное предуготовление христианства свершалось не в лоне иудаизма, не в

русле ветхозаветных пророчеств о мессии, как обычно полагают, а в духовной жизни античного, западного мира» (Фролов, 1999: 287).

История западного христианства изучалась в России до начала XX века, практически, исключительно в рамках сравнительного или обличительного богословия, занимавшегося в основном критическим рассмотрением т.н. «инославных» исповеданий с позиций православного вероучения. Развитию в России академического изучения истории христианства на Западе мешали правила духовной цензуры, которой подвергались не только богословские и церковно-исторические труды, но и любые другие сочинения, если в них имелись места «духовного содержания, относящиеся или к догматам веры, или к священной истории» (Сборник законоположений, 1870: 53). Запрет накладывался на «произведения словесности, наук и искусств», если они содержали «что-либо клонящееся к поколебанию учения Православной Грекороссийской церкви, ее преданий и обрядов, и вообще истин и догматов Христианской Веры» (Устав о цензуре, 1829: 5). Интересно, что изданные в 1889 г. «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней», ограничивали круг используемых источников в богословских диссертациях: «По своему направлению сочинения, как в целом, там и во всех частностях, должны быть согласованы с духом и учением православной церкви», поэтому они не могут опираться «иностранные и протестантские исторические сочинения по церковной истории», «в коих, хотя бы и с видимостью научных оснований отрицается достоверность таких событий, к которым церковное предание... относится как к достоверным» (Правила, 1900: 39). В качестве примера таких событий в Правилах приводится посещение Руси апостолом Андреем, крещение княгини Ольги в Константинополе, а князя Владимира – в Корсуни. Правила налагали запрет на какую-либо позитивную оценку представителей инославных вероисповеданий, а также на такое изложение «хода и развития истории церкви, которое объясняется только связью причин и действий, выходящих из одних человеческих побуждений и страстей, из честолюбия и властолюбия» (Правила, 1900: 40).

В рассматриваемый период в Москве изучением католицизма в рамках сравнительного богословия занимался протоиерей А. М. Иванцов-Платонов («О римском католицизме», 1869), а в Санкт-Петербурге – протоиерей А.А. Лебедев («О главенстве Папы, или разности православных и папистов в учении о церкви», 1887; «Разности церквей восточной и западной в учении о Пресвятой Деве Марии», 1881 и «О латинском культе Сердца Иисусова», 1882). Одним из крупнейших знатоков истории западного христианства был профессор кафедры сравнительного богословия (с 1884 года она называлась кафедрой по истории и разбору западных вероисповеданий) Казанской духовной академии Н.Я. Беляев, автор диссертации «Римско-католическое учение об удовлетворении Богу со стороны человека» (опубликована в Казани в 1877 г. под названием «Католическое учение о так называемой сатисфакции») и ряда статей в «Православном собеседнике» за 1878-1882 гг. («Характеристика римского католичества с точки зрения папского догмата»; «Догмат папской непогрешимости: Папский догмат в процессе образования и развития до XIV века»; «Теория папской непогрешимости в сопоставлении с фактами истории»). С 1895 г. на той же кафедре подвизался сначала доцентом, а позже и ординарным профессором В.А. Керенский, занимавшийся изучением старокатолицизма (диссертация «Старокатолицизм, его история и внутреннее развитие преимущественно в вероисповедном отношении», 1894). Интерес православного богослова к новому западному христианскому движению, отвергнувшему принятый Первым Ватиканским собором в 1870 г. догмат о непогрешимости папы, был настолько велик, что он посетил четвертый, пятый и шестой конгрессы старокатоликов и опубликовал о них содержательные отчеты (Керенский, 1904; Керенский, 1911).

Пристальное внимание со стороны духовной цензуры ко всему, что касалось католицизма, вызывало определенные сложности для тех ученых, которые стремились изучать историю христианства на Западе. Скажем, В.И. Герье сообщал, что П.Н. Кудрявцев написал в 1844 году первую диссертацию, которая была не допущена к защите в Московском университете из-за того, что в ней были усмотрены сочувствие к папской власти и противоречия учению православной церкви (Герье, 1887: 152). В 1850 г. Кудрявцев защитил в качестве диссертации написанную им новую работу «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим». Высоко оценивая защищенный труд, В.П. Бузескул отмечал признание автором «важности и даже необходимости самостоятельного изучения главных событий истории Запада» в России, включая и историю папства (Бузескул, 1929: 68-69).

Одним из немногочисленных исследователей, занимавшихся во второй половине XIX в. в России изучением истории западного христианства, был В.А. Бильбасов, известный широкой публике, прежде всего, как публицист и историк екатерининской эпохи. Следует заметить, что вторая часть его труда «История Екатерины II» была запрещена цензурой, однако, в отличие от запрещенного сочинения П.Н. Кудрявцева, была опубликована за границей и оказалась доступна читателю. Бильбасов, очень серьезно относившийся к изучению архивных источников, не только был автором нескольких источниковедческих исследований по истории западноевропейского Средневековья, но и подготовил и опубликовал исследования о крестовом походе Фридриха II Гогенштауфена, а также – о поддерживающем папу «короле священников» Генрихе IV Распе. Научный интерес к истории папства привел Бильбасова к написанию статьи «Римские папы и

славянские первоучители» (*Журнал министерства народного просвещения, 1868*), а затем – к созданию фундаментального труда «Кирилл и Мефодий»: первая часть «Кирилл и Мефодий по документальным источникам», включавшая латинские источники была опубликована в 1868 году, а вторая – «Кирилл и Мефодий по западным легендам» в 1871. В.А. Бильбасов – автор первого на русском языке подробного исследования о Яне Гусе, публикация которого сопровождалась изданием собранных и прокомментированных источников (*Бильбасов, 1869*). Любопытно, что с 1871 г. по 1915 г. – год 500-летия со дня смерти Яна Гуса – в России было опубликовано свыше десяти специальных книг о нем, а в 1915 году в Москве и Санкт-Петербурге состоялись торжественные чтения памяти Гуса (*Послания, 1903; Забелло, 1900; Жилина-Дьяконова, 1916; Гус, 1916; Славной памяти, 1916*). Безусловно, внимание к Гусу было связано с восприятием его как «борца за правду», «мученика за веру», лидера освободительного движения славян, противостоявшего папской власти. Особый интерес для ряда исследователей, прежде всего, конфессионального направления, представлял тот факт, что гуситы, хотя и требовали секуляризации церковной собственности, но осуществляли причастие «под двумя видами» (*Пальмов, 1889*).

История конфликтов с папской властью интересовала и профессора Казанского университета Н.А. Осокина, который в 1864 г. написал труд «Савонарола и Флоренция», давший ему право заниматься преподавательской деятельностью. Спустя несколько лет он подготовил последовательно две диссертации, посвященные истории «первой», то есть ранней инквизиции. Кропотливая работа во французских архивах, прежде всего, в городском архиве Тулузы позволила Осокину написать фундаментальный двухтомный труд «История альбигойцев и их времени», первый том «История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III» (Казань, 1869) и второй том «Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами» (Казань, 1872). Интересно, что В.И. Герье, занимаясь историей католицизма, обратился к тому же историческому периоду. Его работу «Франциск, апостол нищеты и любви» (1908) и обе части книги «Западное монашество и папство» (1913 и 1916) объединяет фигура папы Иннокентия III, самого влиятельного и могущественного политического деятеля своего времени. В заключение ко второй части, которая называется «Расцвет западной теократии», Герье писал о необходимости для ученого, занимающегося историей западного Средневековья встать над конфессиональными предпочтениями, указывая, что «современные нам историки расходятся в определении характера и личности Иннокентия, потому что подчиняют его личную оценку поклонению или осуждению того мировоззрения, которому он служил» (*Герье, 1916: III*).

Однако религиозные пристрастия играли очень большую роль при изучении истории христианства не только у церковных историков. В 1864 г. на французском языке было опубликовано сочинение Д.А. Толстого «Римский католицизм в России» (с 1865 г. – обер-прокурор Святейшего синода, а с 1866 по 1880 г. – министр просвещения); в 1876 году оно было напечатано на русском языке. И если Е.Ф. Шмурло, специалист по истории отношений между восточными церквями и западной христианской церковью, писал об этом сочинении в 1895 г., что оно лишь «неравномерно и недостаточно объективно» (*Шмурло, 1895:740*), то католическая церковь в 1866 г. включила его в «Индекс запрещенных книг» как одно из наиболее осуждаемых сочинений (*opus praedamnatum*).

В отличие от Толстого историк и архивист Д. В. Цветаев, автор многочисленных трудов по истории по т.н. «немецкому» вопросу в России, изучал положение и жизнь католиков и протестантов в России по документам, собирая и публикуя наиболее важные из них. Начало его исследованиям было положено в диссертации «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках» (Москва, 1886), которые были продолжены позже в многочисленных публикациях, в основном касающихся положения протестантов («Об отношении протестантов и православной церкви в России». М., 1886; «Памятники к истории протестантства в России». М., 1889; «Протестанты и протестантство в России до эпохи преобразований». М., 1890). Вслед за И.И. Соколовым, выпустившим в свет в 1882 году труд «Отношение протестантизма и России в XVII и XVIII веках», Д.В. Цветаев рассматривал основные вопросы истории протестантизма в России: когда появились протестанты в России, какое положение они занимали и в какой мере пользовались свободой вероисповедания, как к ним относилось государство, церковь и общество. Изучением истории положения неправославных христиан в России занимались профессора церковного права Т.И. Буткевич и М.Е. Красножен. Особая роль в исследовании истории иностранных вероисповеданий в России принадлежит некоторым сотрудникам Министерства внутренних дел, среди которых следует отметить С.Д. Бондаря, автора книг «Адвентизм 7-го дня» (СПб., 1911); «Английская епископальная церковь» (СПб., 1911); «Современное состояние русского баптизма» (СПб., 1911); «Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России)». (Пг., 1916) (*Терюкова, 2017*).

Безусловно, в общем объеме статей и книг по протестантизму, вышедших в России в рассматриваемый период, преобладают труды, написанные в рамках обличительного богословия (*Иннокентий, 1863*), с характерными названиями, например: «Церковь Англиканская по праву ли присваивает себе название церкви католической?» (автор – о. Александр Светлаков; М., 1891), или «Учение об оправдании по символическим книгам лютеран, изложенное по сравнению с православным учением» (автор – о. Антоний Коржавин; Тамбов, 1886), или «Согласно ли с Евангелием действовал и учил Лютер? Из уроков по обличительному богословию» (автор – протоиерей Н.И. Флоринский, с 1874 по 1896 – шесть изданий). Однако постепенно с конца XIX в.

начинают издаваться биографические очерки (*Биографический очерк, 1871; Брихничев, 1912; Быкова, 1894; Прозоровская, 1891; Прозоровская, 1892; Прозоровская, 1898*) и научные труды по истории протестантизма, прежде всего, связанные с изучением Реформации. Среди них следует назвать работы И.В. Лучицкого (*Лучницкий, 1877*), Н.Н. Любовича (*Любович, 1883*) (его докторская диссертация «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше» в 1890 г. была удостоена Макарьевской премии), Р. Ю. Виппера (*Виппер, 1894*) и Н.И. Кареева, который во время своего пребывания экстраординарным профессором Варшавского университета написал большую работу «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» (1886), а затем обращался к истории Реформации в своих у лекциях уже в Санкт-Петербургском университете (*Кареев, 1885; Кареев, 1898*). Историки, которых можно отнести к культурно-историческому направлению, такие, как М.С. Корелин, Л.П. Карсавин и О.А. Добиаш-Рождественская (*Добиаш-Рождественская, 1914*) были полностью сосредоточены на различных аспектах церковной истории (приходская жизнь, культ святых, религиозное мировоззрение и проч.).

Любопытно, что интерес к истории реформационных движений способствовал тому, что на русский язык в начале XX века было переведено довольно много исследований европейских авторов, среди них книга Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» (СПб., 1905; Киев, 1906) и первая часть труда К. Каутского «Предшественники новейшего социализма» (СПб., 1907).

4. Заключение

Исследования по истории христианства, созданные отечественными учеными во второй половине XIX – начале XX вв. развивались под влиянием российской и западноевропейской научной мысли. Повышение качества исследований было связано как с постепенным освобождением академических исследований от конфессионального влияния, с углублением источниковедческого анализа, привлечением новых источников, использованием новых теоретических подходов и общенаучных методов, так и с изменениями в общественно-политических настроениях в стране в целом.

5. Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX вв.»

Литература

- Академия наук, 2016* – Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII-первой половине XX века. Исторические очерки. Отв. ред. Батурин Ю.М. Сост. Смагина Г.И. СПб, 2016. 701 с.
- Алмазов, 1904* – *Алмазов А.И.* Святые – покровители сельскохозяйственных занятий. Одесса, 1904. 82 с.
- Бильбасов, 1869* – *Бильбасов В.А.* Чех Ян Гус из Гусинца. Письма Яна Гуса, выбранные М. Лютером. СПб, 1869. 88 с.
- Биографический очерк, 1871* – Биографический очерк с критическим взглядом на реформаторов Лютера и Кальвина. СПб, 1872. 105 с.
- Болотов, 1910* – *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 2. СПб., 1910. 433 с.
- Брихничев, 1912* – *Брихничев И.П.* Апостолы Реформации. М., 1912. 110 с.
- Бузескул, 1929* – *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч.1. Л., 1929. 221 с.
- Быкова, 1894* – *Быкова А.Ф.* Вильгельм Оранский. Борьба Нидерландов за независимость и свободу вероисповедания. М., 1894. 144с.
- Виппер, 1894* – *Виппер Р.Ю.* Влияние Кальвина и кальвинизма на политическое учение и движение в XVI в. Церковь и государство в Женеве в XVI в. М., 1894. 686 с.
- Герд, 2000* – *Герд Л.А.* Неизданное письмо В.В. Болотова И.С. Пальмову // *Христианское чтение.* 2000. № 19. С. 39–81.
- Герье, 1887* – *Герье В.И.* Кудрявцев в его учено-литературных трудах // *Вестник Европы,* 1887. № 9. С. 146-198.
- Герье, 1916* – *Герье В.И.* Расцвет западной теократии//Западное монашество и папство. Ч. 2. Т. 2.М., 1916. 362 с.
- Гус, 1916* – *Ян Гус.* Московские юбилейные торжества в память 500-летия его кончины (1415-1915). Русско-чешское общество его памяти в Москве. М., 1916. 48 с.
- Добиаш-Рождественская, 1914* – *Добиаш-Рождественская О.А.* Церковное общество Франции в XIII веке: Ч. I. Пг., 1914. 183 с.
- Жилина-Дьяконова, 1916* – *Жилина-Дьяконова Е.Д.* Борец за правду. Славянский учитель Ян Гус. М., 1916. 71 с.
- Забелло, 1900* – *Забелло О.Н.* Ян Гус. Исторический очерк. М., 1900. 74 с.

- Иннокентий, 1900** – Иннокентий (Новгородцев И.М.) Богословие обличительное. Т. 3. Реформация. Лютеранство. Казань, 1863. 586 с.
- Кареев, 1885** – *Кареев Н.И.* Лекции по истории Реформации. СПб., 1885. 481 с.
- Кареев, 1898** – *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Т.2, ч. I. Реформационное движение и католическая реакция. СПб., 1898. 350 с.
- Керенский, 1904** – *Керенский В.А.* Пятый интернациональный старокатолический конгресс. Казань, 1904. 72 с.
- Керенский, 1911** – *Керенский В.А.* Римско-католический модернизм. Его происхождение, сущность и значение. Харьков, 1911. 58 с.
- Курганов, 1880** – *Курганов Ф.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи. Казань, 1880. 720 с.
- Лашкарев, 1876** – *Лашкарев П.А.* Отношение Римского государства к религии вообще и к христианству в особенности до Константина Великого включительно. Киев, 1876. 153 с.
- Лебедев, 1907** – *Лебедев А.П.* Три очерка по церковной историографии у нас. Сергиев Посад, 1907. 86 с.
- Лучицкий, 1877** – *Лучицкий И.В.* Католическая лига и кальвинисты во Франции. Опыт истории демократического движения во Франции во вт. пол. XVI в. (по неизданным источникам). Т. 1. Киев, 1877. 560 с.
- Любович, 1883** – *Любович Н.Н.* История Реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии (по неизвестным источникам). Варшава, 1883. 348 с.
- Милоков, 1916** – *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 2: Церковь и школа: (вера, творчество, образование). СПб., 1916. 399с.
- Пальмов, 1889** – *Пальмов И.С.* К вопросу о сношениях чехов-гуситов с восточной церковью в половине XV в. СПб, 1889. 85 с.
- Писарев, 1894** – *Писарев Л.И.* Учение бл. Августина, епископа Иппонского, о человеке в его отношении к Богу Казань, 1894. 382 с.
- Послания, 1903** – Послания магистра Иоанна Гуса, сожженного Римской курией в Констанце 6 июля 1415 г. Пер. с чешского и латыни. М., 1903. 364 с.
- Правила, 1900** – Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней //Журнал Совета Московской Духовной Академии. № 44. 1889. С. 36-43.
- Прозоровская, 1891** – *Прозоровская Б.Д.* Иоанн Кальвин. Его жизнь и реформаторская деятельность. СПб, 1891. 104 с.
- Прозоровская, 1892** – *Прозоровская Б.Д.* Ульрих Цвингли. Его жизнь и реформаторская деятельность. СПб, 1892. 96 с.
- Прозоровская, 1898** – *Прозоровская Б.Д.* Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность. СПб, 1898. 112 с.
- Пругавин, 1887** – *Пругавин А.С.* Раскол-сектантство. Материалы для изучения религиозно-общественного движения. Вып. I. Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887. 525 с.
- Сахаров, 1887** – *Сахаров Ф.К.* Литература истории и обличения русского раскола: систематический указатель книг, брошюр и статей о расколе, находящийся в духовных и светских периодических изданиях. Вып. 1-3. Тамбов, 1887-1900.
- Сборник законоположений, 1870** – Сборник законоположений и распоряжений по духовной цензуре с 1720 по 1870 г. СПб., 1870. 234 с.
- Славной памяти, 1916** – Славной памяти великого чеха Иоанна Гуса и друга его Иеронима Пражского Речи в Собрании Петроградского благотворительного общества. Пг., 1916. 66 с.
- Субботин, 1862** – *Субботин Н.* Дело патриарха Никона. Историческое исследование по поводу XI тома «Истории России» проф. Соловьева. С приложением актов и бумаг, относящихся к этому делу. М., 1862. 249 стр.
- Терюкова, 2017** – *Терюкова Е.А.* Чиновники департамента Духовных дел иностранных исповеданий – исследователи церковно-государственных отношений в России // Былые годы. 2017. № 44 (2). С. 451-459.
- Устав духовных академий, 1830** – Устав Духовных Академий // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., Т. 32. 1830. 1136 с.
- Устав о цензуре, 1829** – Устав о цензуре. Утв. 22 апр. 1828 г.: с приложением штатов и Положения о правах сочинителей. СПб., 1829. 101 с.
- Фролов, 1999** – *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999. 542 с.
- Чистович, 1899** – *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899. 347 с.
- Чумакова, 2015** – *Чумакова Т.В.* Работы В.Е. Вальденберга по истории философии права // Вопросы философии. 2015. № 6.С.122-125.
- Шахнович, 2001** – *Шахнович М.М.* Феноменологическое религиозиеведение: между теологией и «наукой о религии» // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2001. Серия 6. Политология. Международные отношения. №. 4. С. 3-12.

[Шахнович, 2006](#) – Шахнович М.М. В.С. Соловьев и феноменологическое религиоведение// Шахнович М.М. Очерки по истории религиоведения. СПб, 2006. С.106-120.

[Шмурло, 1895](#) – Шмурло Е.Ф. Католицизм в России//Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIVа, 1895. С. 740-741.

References

[Akademiya nauk, 2016](#) – Akademiya nauk v kontekste istoriko-nauchnyh issledovaniy v XVIII-pervoj polovine XX veka. Istoricheskie ocherki. [Academy of Science in the context of the historical research studies] Otv. red. Baturin Y.M. Sost. Smagina G.I. St.Petersburg, 2016. 701 p. [in Russian]

[Almazov, 1904](#) – *Almazov A.I.* (1904). Svyatye – pokroviteli sel'skohozyajstvennyh zanyatij. [Saints as patrons of agricultural occupations]. Odessa. 82 p. [in Russian]

[Bil'basov, 1869](#) – *Bil'basov V.A.* (1869). Chekh Yan Gus iz Gusinca. Pis'ma YAna Gusa, vybrannye M. Lyuterom. [Czech Jan Hus from Gusinetp. Letters from Jan Hus, selected by M. Luther]. St. Petersburg. 88 p. [in Russian]

[Biograficheskij ocherk, 1871](#) – Biograficheskij ocherk s kriticheskim vzglyadom na reformatyrov Lyutera i Kal'vina. [Biographical sketch with a critical look at the reformers Luther and Calvin]. St. Petersburg, 1872. 105 p. [In Russian]

[Bolotov, 1910](#) – Bolotov V.V. Lekcii po istorii drevnej cerkvi. [Lectures on the history of the ancient church]. T. 2. St. Petersburg., 1910. 433 p. [In Russian]

[Brihnichev, 1912](#) – Brihnichev I.P. Apostoly Reformacii. [Apostles of the Reformation]. Moscow, 1912. 110 p. [In Russian]

[Buzeskul, 1929](#) – Buzeskul V.P. Vseobshchaya istoriya i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka. [General history and its representatives in Russia in the XIX and early XX century. Part 1]. Leningrad, 1929. 221 p. [In Russian]

[Bykova, 1894](#) – Bykova A.F. Vil'gel'm Oranskij. Bor'ba Niderlandov za nezavisimost' i svobodu veroispovedaniya. [Wilhelm of Orange. The struggle of the Netherlands for independence and freedom of religion]. Moscow, 1894. 144p.

[Chistovich, 1899](#) – Chistovich I.A. Istoriya perevoda Biblii na russkij yazyk. 2-e izd. [The history of the translation of the Bible into Russian]. St. Petersburg, 1899. 347 p. [In Russian]

[Chumakova, 2015](#) – Chumakova T.V. Raboty V.E. Val'denberga po istorii filosofii prava [The works of V.E. Waldenberg on the history of the philosophy of law]. *Issues of Philosophy*. 2015. № 6. P.122-125. [In Russian]

[Frolov, 1999](#) – Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriofraficheskie ocherki. [Russian science of antiquity. Historiographical sketches]. St. Petersburg, 1999. 542 p. [In Russian]

[Gerd, 2000](#) – Gerd L.A. Neizdannoe pis'mo V.V. Bolotova I.P. Pal'movu [V.Bolotov's unpublished letter to I. Palmova Pal'movu]. *Christian reading*, 2000. № 19. P. 39–81. [In Russian]

[Ger'e, 1887](#) – Ger'e V.I. Kudryavcev v ego ucheno-literaturnyh trudah [Kudryavtsev in his scholarly literary works]. *Bulletin of Europe*, 1887. № 9. P. 146-198. [In Russian]

[Ger'e, 1916](#) – Ger'e V.I. Rasevet zapadnoj teokratii//Zapadnoe monashestvo i papstvo.[The flowering of the Western theocracy, Western monasticism and the papacy]. Part 2. T. 2. Moscow., 1916. 362 p. [In Russian]

[Gus, 1916](#) – Yan Gup. Moskovskie yubilejnye torzhestva v pamyat' 500-letiya ego konchiny (1415-1915). Russko-cheshskoe obshchestvo ego pamyati v Moskve. [Moscow jubilee celebrations in commemoration of the 500th anniversary of his death (1415-1915). The Russian-Czech Society of His Memory in Moscow]. Moscow, 1916. 48 p. [In Russian]

[Dobiash-Rozhdestvenskaya, 1914](#) – Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. Cerkovnoe obshchestvo Francii v XIII veke. [Church Society of France in the XIII century]. Part I. Petrograd, 1914. 183 p. [In Russian]

[Innokentij, 1900](#) – Innokentij (Novgorodcev I.M.) Bogoslovie oblichitel'noe. T.3. Reformaciya. Lyuteranstvo [Accusatory Theology.V.3. Reformation. Lutheranism]. Kazan, 1863. 586 p. [In Russian]

[Kareev, 1885](#) – Kareev N.I. Lekcii po istorii Reformacii. [Lectures on the history of the Reformation]. St. Petersburg, 1885. 481p. [In Russian]

[Kareev, 1898](#) – Kareev N.I. Istoriya Zapadnoj Evropy v Novoe vremya. T.2, ch. I. Reformacionnoe dvizhenie i katolicheskaya reakciya. [The history of Western Europe in modern times. T.2, Part I. Reformation movement and the Catholic reaction]. St. Petersburg, 1898. 350 p. [In Russian]

[Kerenskij, 1904](#) – Kerenskij V.A. Pyatyj internacional'nyj starokatolicheskij kongresp. [The Fifth International Congress of the Old Catholic]. Kazan, 1904. 72 p. [In Russian]

[Kerenskij, 1911](#) – Kerenskij V.A. Rimsko-katolicheskij modernizm. Ego proiskhozhdenie, sushchnost' i znachenie. [Roman Catholic Modernism. Its origin, essence and meaning]. Kharkov, 1911. 58 p. [In Russian]

[Kurganov, 1880](#) – Kurganov F. Otnosheniya mezhdru cerkovnoj i grazhdanskoj vlast'yu v Vizantijskoj imperii. [Relations between Church and Civil Power in the Byzantine Empire]. Kazan, 1880. 720 p. [In Russian]

[Lashkarev, 1876](#) – Lashkarev P.A. Otnoshenie Rimskogo gosudarstva k religii voobshche i k hristianstvu v osobennosti do Konstantina Velikogo vklyuchitel'no. [The attitude of the Roman state to

- religion in general and to Christianity in particular to Constantine the Great inclusive]. Kiev, 1876. 153 p. [In Russian]
- Lebedev, 1907** – Lebedev A.P. Tri ocherka po cerkovnoj istoriografii v nashej strane. [Three essays on church historiography in our country]. Sergiev Posad, 1907. 86 p. [In Russian]
- Luchickij, 1877** – Luchickij I.V. Katolicheskaya liga i kal'vinisty vo Francii. Opyt istorii demokraticeskogo dvizheniya vo Francii vo vt. pol. XVI v. (po neizdannym istochnikam). [The Catholic League and the Calvinists in France. The essay on the history of the democratic movement in France in the second part of the Tuesday XVI century. (According to unreleased sources)]. Vol. 1. Kiev, 1877. 560 p. [In Russian]
- Lyubovich, 1883** – Lyubovich N.N. Istoriya Reformacii v Pol'she. Kal'vinisty i antitrinitarii (po neizvestnym istochnikam). [The history of the Reformation in Poland. Calvinists and antitrinitarians (according to unknown sources)]. Warsaw, 1883. 348 p. [In Russian]
- Milyukov, 1916** – Milyukov P.N. Ocherki po istorii russkoj kul'tury. CH. 2: Cerkov' i shkola: (vera, tvorcestvo, obrazovanie). [Essays on the history of Russian culture. Part 2: Church and school: (faith, creativity, education)]. St. Petersburg, 1916. 399p. [In Russian]
- Pal'mov, 1889** – Pal'mov I.P. K voprosu o snosheniyah chekhov-gusitov s vostochnoj cerkov'yu v polovine XV v. [To the question of the relations of the Czech-Hussites with the Eastern Church in the half of XV .]. St. Petersburg, 1889. 85 p. [In Russian]
- Pisarev, 1894** – Pisarev L.I. Uchenie bl. Avgustina, episkopa Ipponskogo, o cheloveke v ego otnoshenii k Bogu [The doctrine of st. Augustine, bishop of Ippon, about a man in his relation to God]. Kazan, 1894. 382 p. [In Russian]
- Poslaniya, 1903** – Poslaniya magistra Ioanna Gusa, sozhzhenogo Rimskoj kuriej v Konstancie 6 iyulya 1415 g. Per. s cheshskogo i latyni. x Epistles of the Master John of Hus, Burned by the Roman Curia in Constanta July 6, 1415. Trans. from Czech and Latin]. Moscow, 1903. 364 p. [In Russian]
- Pravila, 1900** – Pravila dlya rassmotreniya sochinenij, predstavlenykh na soiskanie uchenykh bogoslovskih stepenej. [- Rules for the consideration of works submitted for the co-development of scholars of the theological degrees // Journal of the Council of the Moscow Theological Academy] 1889. № 44. pp. 36-43. [In Russian]
- Prozorovskaya, 1891** – Prozorovskaya B.D. Ioann Kal'vin. Ego zhizn' i reformatorskaya deyatel'nost'. [John Calvin. His life and reform]. St. Petersburg, 1891. 104 p. [In Russian]
- Prozorovskaya, 1892** – Prozorovskaya B.D. Ul'rih Cvingli. Ego zhizn' i reformatorskaya deyatel'nost'. [Ulrich Zwingli. His life and reform]. St. Petersburg, 1892. 96 p. [In Russian]
- Prozorovskaya, 1898** – Prozorovskaya B.D. Martin Lyuter. Ego zhizn' i reformatorskaya deyatel'nost'. [Martin Luther. His life and reform]. St. Petersburg, 1898. 112 p. [In Russian]
- Prugavin, 1887** – Prugavin A.P. Raskol-sektantstvo. Materialy dlya izucheniya religiozno-obshchestvennogo dvizheniya. Vyp. I. Bibliografiya staroobryadchestva i ego razvetvlenij. [Schism-sectarianism. Materials for the study of the religious-social movement. Issue. I. Bibliography of the Old Believers and its ramifications]. Moscow, 1887. 525 p. [In Russian]
- Sakharov, 1887** – Sakharov F.K. Literatura istorii i oblicheniya russkogo raskola: sistematičeskij ukazatel' knig, broshyur i statej o raskole, nahodyashchij'sya v duhovnyh i svetskih periodičeskikh izdaniyah. [The literature of the history and denunciation of the Russian schism: a systematic index of books, pamphlets and articles on schism, found in spiritual and secular periodicals]. Issue. 1-3. Tambov, 1887-1900. [In Russian]
- Sbornik zakonopolozhenij, 1870** – Sbornik zakonopolozhenij i rasporyazhenij po duhovnoj cenzure s 1720 po 1870 g. [Collection of statutes and orders on spiritual censorship from 1720 to 1870.] St. Petersburg, 1870. 234 p. [In Russian]
- Slavnoj pamyati, 1916** – Slavnoj pamyati velikogo chekha Ioanna Gusa i druga ego Ieronima Prazhskogo Rechi v Sobranii Petrogradskogo blagotvoritel'nogo obshchestva. [The glorious memory of the great Czech John Hus and his friend Jerome of Prague Speech in the Assembly of the Petrograd Charitable Society. Petrograd, 1916. 66 p. [In Russian]
- Shakhnovich, 2001** – Shakhnovich M.M. Fenomenologičeskoe religiovedenie: mezhdru teologiej i «naukoj o religii» [Phenomenological religious studies: between theology and the “science of religion”]. Bulletin of St. Petersburg University, 2001. Series 6. Political science. International relationships. 2001. №. 4. P. 3-12. [In Russian]
- Shakhnovich M.M.** – V.S. Solov'ev i fenomenologičeskoe religiovedenie // Shakhnovich M.M. Ocherki po istorii religiovedeniya. [V.S. Solov'ev and the phenomenological studies of religion]. St. Petersburg, 2006. P.106-120
- Shmurlo, 1895** – Shmurlo E.F. Katolicizm v Rossii [Catholicism in Russia]. Enciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona. T. XIVa, 1895. P. 740-741.
- Subbotin, 1862** – Subbotin N. Delo patriarha Nikona. Istoricheskoe issledovanie po povodu XI toma «Istorii Rossii» prof. Solov'eva. S prilozheniem aktov i bumag, odnosyashchij'sya k ehtomu delu. [The case of Patriarch Nikon. Historical research on the XI volume of the “History of Russia” prof. Solovyov. With the application of acts and papers relating to this case]. Moscow, 1862. 249 p. [In Russian]

Teryukova, 2017 – Teryukova E.A. Chinovniki departamenta Duhovnyh del inostrannyh ispovedanij – issledovateli cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij v Rossii [The Officials of the Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions as Researchers of the State-Church Relationships in Russia]. *Bylye Gody*. 2017. № 44 (2). P. 451-459. [In Russian]

Ustav duhovnyh akademij, 1830 – Ustav Duhovnyh Akademij. Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. [Charter of the Theological Academies. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The first meeting: from 1649 to December 12, 1825]. St. Petersburg., T. 32. 1830. 1136 p. [In Russian]

Ustav o cenzure, 1829 – Ustav o cenzure. Utv. 22 apr. 1828 g.: s prilozheniem shtatov i Polozheniya o pravah sochinitelej [The Charter on censorship. Approved n 22 Apr. 1828: with the appendix of the states and the regulations on the rights of writers]. St. Petersburg, 1829. 101 p. [In Russian]

Vipper, 1894 – Vipser R.YU. Vliyanie Kal'vina i kal'vinizma na politicheskoe uchenie i dvizhenie v XVI v. Cerkov' i gosudarstvo v Zheneve v XVI v. [The influence of Calvin and Calvinism on political doctrine and movement in the XVI century. Church and state in Geneva in the XVI century]. Moscow, 1894. 686 p.

Zabello, 1900 – Zabello O.N. Yan Gus. Istoricheskij ocherk.[On Jan Hus. Historical essay]. Moscow, 1900. 74 p. [In Russian]

Zhilina-D'yakonova, 1916 – Zylina-D'yakonova E.D. Borec za pravdu. Slavyanskij uchitel' Yan Gus. [The fighter for the truth. Slavic teacher Jan Hus]. M., 1916. 71 p. [In Russian]

УДК 27+930.1

Из истории религиоведения в России: изучение истории христианства (во второй половине XIX – начале XX в.)

Марианна Михайловна Шахнович ^{а,*}, Татьяна Витаутасовна Чумакова ^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья подготовлена на основе изучения трудов по истории христианства, написанных отечественными исследователями во второй половине XIX – начале XX в. В истории изучения христианства в России в рассматриваемый период выделяются два направления: конфессиональное и академическое, которое в меньшей степени было подвержено влиянию церковной догматической традиции и стремилось к использованию критических методов. Одной из причин сравнительно позднего оформления академической, то есть светской, истории христианства в России, было отсутствие традиции существования теологических факультетов в рамках университетов и сосредоточение изучения истории церкви в пределах духовных школ, в которых в целом сохранялось исключительно каноническое отношение к источникам, в основном ограниченным Священным Писанием и сочинениями отцов церкви. Перемены в отечественной «церковно-исторической науке» были бы невозможны без изменения системы среднего и высшего образования. После введения университетского устава 1863 г. уровень университетского преподавания истории христианства значительно возрастает, а апологетический характер преподавания перестает превалировать в учебных курсах и в трудах преподавателей. Ни одно серьезное исследование по истории России не могло не касаться истории русской церкви, поэтому в сочинениях российских историков исследовалась историко-церковная проблематика, которая рассматривалась в контексте истории России и истории российской культуры. История западного христианства изучалась в России до начала XX века, практически, исключительно в рамках сравнительного или обличительного богословия, занимавшегося в основном критическим рассмотрением т.н. «инославных» исповеданий с позиций православного вероучения.

Ключевые слова: религиоведение, история христианства, история христианской церкви, православие, католицизм, протестантизм, отечественная историография.

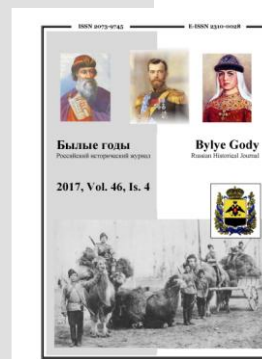
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.shakhnovich@spbu.ru (М.М. Шахнович), t.chumakova@spbu.ru (Т.В. Чумакова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1357-1365, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1357
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.1:392:393.05

Ethnographic Researches of Ecological Culture of the Peoples of the Volga region in the XIX – early XX centuries

Larisa Y. Lepeshkina ^{a, *}

^a Volga Region State University of Service, Russian Federation

Abstract

The ethnographic researches of ecological culture of the peoples of the Volga region, which were realized in the XIX – early XX centuries, are briefly characterized in the article. The emphasis in these researches is placed on a role of such natural objects as water, trees, earth, animals and birds in the traditional worldview of the natives of the Volga region. The crisis processes in a regional ecosystem and the increasing demand to develop technologies of rational use of natural resources cause the importance of studying of ecological culture' history in the Volga region. The analysis of primary sources of the XIX – early XX centuries will allow to systematize data on experience of communication of the person with the nature that can be successfully used at the present time. The problem of the research is that the diaries, travel essays and publications about ecological views of inhabitants of the Volga region have a separate character and demand generalization. Historical sources from capital and regional archives, the published works of local historians and ethnographers of the XIX – early XX centuries have become an empirical basis for the article. The study rests on the system approach allowing to reveal the cultural potential of traditions in the Volga region. In addition, the following methodological procedures are used in the paper: the principle of historicism, comparative-historical, logical, retrospective and problem-chronological methods. The scientific novelty of the research is that an attempt to systematize historical experience of studying of ecological views in the Volga region is made for the first time. The theoretical significance of the article is in determination of ethnic features of ecological culture in the Volga region. On the practical level the results of this research can be used for preparation of programmes for saving of cultural heritage in the Volga region and also in teaching activity.

Keywords: ecological culture, traditional culture, the peoples of the Volga region, ethnographic researches, nature, rational use of natural resources, sacrifice.

1. Введение

В современной мировой науке проблема отношения общества к природе стала предметом пристального внимания. Это, в первую очередь, связано с усилением экологического кризиса в конце XX века. Откликаясь на потребности окружающего мира, научное сообщество выдвигает варианты выхода из кризисной ситуации. Причем освещение означенной проблемы происходит в русле различных наук: экологии, права, истории, культурологии, философии, что свидетельствует о ее важности для всего человечества. Актуальность изучения экологических взглядов народов Поволжья обусловлена следующей причиной: сущность экологической культуры населения региона определяется теми духовными ценностями, которые формировались исторически и составляют морально-нравственный фундамент отношений людей с природой. Изменения, происходившие в окружающем мире благодаря активной индустриализации, стали настолько значительны и серьезны, что сегодня возникает вопрос о безопасности дальнейшего существования человечества и всего

* Corresponding author

E-mail addresses: lara_yura@list.ru (L.Y. Lepeshkina)

живого на планете. На протяжении многих лет человек все сильнее отдалялся от природы, превращаясь из ее союзника в антагониста, и теперь, когда уровень угрозы для него существенно возрос, он задумался о способах выхода из экологического кризиса. Ключевой особенностью современного экологического кризиса является то, что он есть порождение кризиса мировоззренческого, поскольку именно мировоззрение и морально-нравственные ориентиры людей направляют человеческую деятельность либо на созидание, либо на разрушение. Обращение к истории изучения экологической культуры народов Поволжья в XIX – начале XX вв. позволит систематизировать сведения о роли человека в региональной экосистеме, об опыте общения его с природой, что может быть успешно использовано в настоящее время.

Проблема исследования состоит в том, что дневники, путевые заметки и публикации об экологических взглядах жителей Поволжского региона носят разрозненный характер и требуют обобщения. Необходимость такого обобщения продиктована стремлением дать определение экологической культуры и выявить ее особенности в Поволжье XIX – начала XX вв.

Объектом данной статьи является Поволжский регион как полиэтническая и поликонфессиональная среда, где основное население составляют русские, мордва, марийцы, удмурты, чуваша, татары, башкиры и немцы. Предметом анализа выступает историография экологической культуры народов Поволжья, которая формировалась в XIX – начале XX вв.

Обозначенный исторический период выбран потому, что он наиболее показателен с точки зрения отражения глубины отношений между человеком и природой. При изучении Поволжья доминировал этнографический интерес, и природа представлялась в качестве неотъемлемой части традиционной культуры.

Целью данной статьи является характеристика этнографических материалов XIX – начала XX вв. об экологической культуре народов Поволжья. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка систематизировать исторический опыт изучения экологических взглядов волжан. При этом следует учитывать ограниченность объема статьи, который не позволяет охватить все работы, затрагивающие экологический аспект в традиционной культуре региона.

2. Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу статьи составляет совокупность идей, относящихся к философии культуры и этнологии. Большое значение в осмыслении опубликованных и неопубликованных источников об экологической культуре народов Поволжья имеют исследования классиков антропологической и философской науки: И. Канта, А. Швейцера, Л. Леви-Брюля и К. Леви-Стросса. Отдельного внимания заслуживают труды норвежского экофилософа А. Несса, развивающего концепцию глубинной экологии. В частности, центральное место в теории ученого занимают вопросы о ценности жизни и месте человека в природной среде.

Материалами для статьи стали очерки, дневники и записки местных краеведов и этнографов, которые хранятся в архивных фондах Российского этнографического музея (РЭМ), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН), Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН), Национального архива Республики Татарстан (НАРТ), Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО).

Методы исследования базируются на основополагающем принципе историзма, который позволяет изучить генезис экологической культуры Поволжья. Важную роль в статье играет системный подход, предполагающий рассмотрение экологической культуры региона как целостной системы, тесно связанной с другими системами природного и социального характера и включающей такие элементы, как этнические (национальные) традиции и экологическое сознание. Данный подход делает возможным увидеть, по какой траектории будет развиваться изучаемая система, как на нее могут повлиять социальные преобразования, насколько она устойчива в кризисных ситуациях (при стремлении людей отказаться от этнических или национальных ценностей, при потере нравственных ориентиров и т.д.).

Кроме того, в статье используются классические методы научного исследования: сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, проблемно-хронологический и др.

3. Обсуждение

В трудах иностранных философов, антропологов, этнологов экологическая культура становилась предметом исследования начиная с XVIII века. Так, И. Кант опосредованно писал о ней: «В отношении живой, хотя и лишенной разума, части тварей насильственное и вместе с тем жестокое обращение с животными еще более противно долгу человека перед самим собой, так как препятствуется сочувствие человека к их страданиям, ослабляются и постепенно уничтожаются естественные задатки, очень полезные для моральности в отношениях с другими людьми» (Кант, 1965: 382). Следовательно, проявление насилия к природе интерпретировалось Кантом в негативном ключе, как нечто дискредитирующее нравственное начало в человеке.

Особый интерес в определении экологической культуры вызывает этика благоговения перед жизнью, разработанная А. Швейцером. Причем вопрос о взаимоотношениях человечества и природы

решается с позиции свободы: быть «в состоянии помочь жизни и отвести от нее страдание и разрушение» – это и есть признак свободной личности (Швейцер, 1990: 342).

Большую роль в осмыслении экологической культуры сыграло исследование Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении». Его автор констатирует, что первобытный человек воспринимал природу в качестве места обитания «духов, сверхъестественных и невидимых существ», помещенных «совсем близко от мира людей» (Леви-Брюль, 1994: 390-391). В этой связи пренебрежительное отношение к природной среде означало игнорирование сверхъестественного мира.

Французский этнолог К. Леви-Стросс утверждал, что традиционные общества обладают развитым логическим мышлением. К примеру, в своей книге «Первобытное мышление» ученый отмечал: «Разум не может оставаться пассивным, сталкиваясь с технологическими и экономическими условиями, связанными с природным окружением. Он не просто отражает эти условия; он реагирует на них и претворяет их в логическую систему. К тому же разум не только реагирует непосредственно на окружающие условия, но также отдает себе отчет в том, что существуют различные природные среды, на которые обитатели их реагируют по-своему. Все эти среды интегрируются в идеологические системы...» (Леви-Стросс, 1994: 345). Существование человека в конкретной природной среде в соответствии с традиционными представлениями было подчинено различным ментальным ограничителям, которые приводили к обожествлению природы и порождению мифов.

В современной экофилософии привлекают внимание принципы Арне Несса, которые сводятся к следующему: все живое в мире ценно, но даже неживые объекты – реки, горы – имеют внутреннюю ценность. Причем внутренняя ценность абсолютна. Для позитивного изменения своего отношения к миру человек должен духовно совершенствоваться (Шмелева, 2010: 113).

Упомянутые высказывания известных представителей философской науки отражают духовный мир традиционного общества, каким было Поволжье в XIX – начале XX вв. Безусловно, утверждать о доминирующей роли природного фактора в жизни региона возможно, если непосредственно обратиться к результатам исследования местных краеведов и этнографов.

Необходимо подчеркнуть, что с 1970-х гг. начинается «экологизация» гуманитарных и общественных наук, в отечественной этнографии формируется новая научная дисциплина – этноэкология (Корнишина, 2008: 3). По сути, это предполагает поворот в научных исследованиях к «реабилитации» обычаев и традиционных способов жизнеобеспечения волжан в природных условиях их обитания. Начинает переиздаваться краеведческая литература XIX – начала XX вв. таких авторов, как М.А. Машанов, Д. Месарош, Н.В. Никольский, М.Е. Евсеев и др.

В журнале «Советская этнография» (СЭ) публикуются статьи о культуре народов Поволжья, авторы которых становятся менее категоричными в своих высказываниях и опираются на труды исследователей прошлого: П.В. Денисов «Этнографическое изучение чувашского народа за годы советской власти» (СЭ, 1971, №6, С. 28-37), Е.П. Бусыгин, В.И. Яковлев «Гусли у поволжских народов» (СЭ, 1985, №2, С.109-116), И.Ф. Шакирова «Дикорастущие растения в традиционном питании башкир» (СЭ, 1988, №3, С. 99-109) и др. Благодаря этим публикациям различные традиции «общения» жителей региона с природой рассматриваются в качестве культурного ресурса, необходимого для решения экологических проблем.

Интерес к экологической культуре народов Поволжья возрастает в 1990–2000-е гг. В частности, целесообразно назвать исследования В.А. Балашова о бытовой культуре мордвы, Н.Ф. Беляевой об экологических функциях религиозно-мифологических представлений мордвы, Т.И. Ведерниковой об обряде вызывания дождя в Самарской области, Е.В. Владыкина о религиозно-мифологической картине мира удмуртов, А.К. Салмина об обрядности чувашей, в том числе с использованием различных растений и животных, Р.П. Четкаревой о природе, здоровье и табу народа мари, Г.А. Корнишиной об экологических воззрениях мордвы, А.Ф. Илимбетовой и Ф.Ф. Илимбетова о культе животных у башкир, З.Р. Валиуллиной о сущности и духовных императивах экологической традиции башкир. В своих трудах упомянутые авторы опираются на этнографические исследования, проведенные в Поволжье в XIX – начале XX вв. В настоящее время прошлый опыт изучения региона требует обобщения для лучшего понимания экологических взглядов волжан.

4. Результаты

Вопросы, касавшиеся взаимодействия человека и природы в Поволжском регионе, освещались, как правило, опосредованно в этнографических работах XIX – начала XX вв. Поэтому основная трудность в анализе экологической культуры волжан состоит в отборе черт, характеризовавших отношение людей к природной среде. Немаловажное значение здесь имеют публикации отечественных и зарубежных историков и этнографов: В.К. Магницкого, Д. Месароша, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, Б. Гаврилова, С.В. Чичериной, Н.И. Ашмарина, Я.Д. Коблова, И.М. Катаева, И.Н. Смирнова, С.К. Кузнецова и др. Результаты исследований указанных авторов свидетельствуют о зависимости человека и всей традиционной культуры от сил природы. Причем последняя нередко интерпретируется как мать, божество и член родовой общины.

Исходя из предлагаемой типологии восприятия природы в Поволжье (мать, божество, член общины) внимание этнографов сосредотачивалось на анализе образов воды, деревьев, земли,

животных и птиц в пространстве повседневности. Следует подчеркнуть, что названные природные объекты выступали важнейшими ресурсами для решения хозяйственных задач местным населением региона. Перейдем к их характеристике в этнографической литературе.

Любая водная стихия – река, озеро, пруд – в традиционной культуре волжан подвергалась мифологизации. Прежде всего это обуславливалось влиянием реки Волга на социокультурную и экономическую жизнь региона. Особое отношение к Волге инициировалось не только ее транспортным и продовольственным потенциалом, но и представлением о ней как границе, отделяющей загробный мир от мира живых людей. В связи с этим выражение «пойти за водой» ассоциировалось с «уходом в иной мир» (Зиновьев, 1987: 53). В культуре народов региона Волга наделялась антропоморфными чертами, вызывая уважение и страх. В фольклоре волжан распространен сюжет о принесении жертвы Волге. В качестве примера можно привести пересказ историком И.Н. Смирновым мордовской песни. «Едет мордвин по Волге на серебряной лодочке, гребет золотыми веслами, подъезжает к самому устью. Только бы въехал в него, но останавливается его серебряная лодка, задерживаются золотые весла...

Водяная мать, матушка!
Владычица воды серебряная! (говорит мордвин),
Отпусти ты мои золотые весельца,
Отпусти ты мою серебряную лодочку.
Чего просишь, того дам;
Чего просишь, то обещаю,
Гумно мое полно копнами,
Двор мой полон скотом.
«Не надо мне твоих копен,
Не надо мне твоего скота!»
О чем не знаешь, ты мне обещай!
О чем не знаешь, ты мне посули...
О чем не знаю, то обещаю –

отвечает мордвин-Андымо и тронулась его серебряная лодочка. Приезжает Андымо домой, выбегает к нему на встречу сын, но он не велит ребенку радоваться: «Не знал я тебя. Обещал я тебя водяной!»» (Смирнов, 1889а: 11-12). В одной песне молодец отказывается исполнять требования реки, в другой – Волга добивается от него жертвы обманом.

Кроме того, И.Н. Смирнов отмечал, что к Волге народы региона относились не только как к «матери» и «своенравному божеству», но и нередко отождествляли ее с источником потусторонних сил. Для подтверждения этого представления историк обращается к марийской сказке, в которой повествуется о том, «как девушка поехала искать своих братьев и встретила с дочерью водяного духа, как дочь водяного потребовала, чтобы девушка посадила ее с собой в тележку и пригрозила ее в противном случае съесть» (Смирнов, 1889а: 10). Очевидно, что Волга или любой другой водоем (озеро, пруд) ассоциировались у жителей региона с чем-то сверхъестественным и несущем в себе потенциальную угрозу.

Как правило, народами Поволжья совершались обряды, направленные на обеспечение богатого урожая, удачи в сельскохозяйственном году, на увеличение поголовья скота. К примеру, венгерский исследователь региона Дьюла Месарош привел в своей книге молитву низовых чувашей к духам-покровителям о хорошем приплоде и благополучной зимовке для скота:

«Тав таватӑп, пуссапатӑп,
Вьльӑхсене сывлӑхне пар хӗл каҫма.
Урай тулли путек пултӑр,
Пӗр сакай тулли пӑру пултӑр,
Кӗсри хыҫҫӑн тихи чуптӑр,
Ӗни хыҫҫӑн пӑру чуптӑр,
Сураҫ хыҫҫӑн путек чуптӑр,
Пӗр вӗҫӗ шывра пултар,
Пӗр вӗҫӗ картара пултӑр».

(«Благодарю, молюсь: дай скотине доброго здоровья перезимовать. Пусть будет полная изба ягнят и телят. За кобылой пусть жеребенок бежит, за коровой теленок бежит, за овцой пусть ягнята бегут; один конец пусть у воды будет, а другой конец пусть у стойла будет») (Денисов, 1959: 153). В записях самарского священника Григория Беневоленского указывалось, что в чувашской мифологии присутствовал злой дух Хор-сорт – каратель домашнего скота, поэтому при возникновении несчастий с животными ему молились в доме (ЦГАСО. Ф. р. 558. Оп. 1. Д. 264. Л. 1).

Совершение ритуалов жертвоприношения в Поволжском регионе требовало конкретных знаний о размере и характере жертв. Каждое жертвенное животное должно было соответствовать «рангу» богов и увязываться с религиозно-мистическими представлениями волжан. Исследователь культуры татар-кряшен Б. Гаврилов в статье, опубликованной в «Известиях по Казанской епархии», приводил по этому поводу следующий пример: на годовые поминки «аш» резали корову, специально

для этого откормленную. Корову должен был зарезать ближайший родственник покойника. Ему давали полотенце, которым он обвязывал свою шапку или шляпу и, зарезав корову, оставлял его у себя. Тогда же резали несколько баранов, кур и других животных, что в итоге становилось угощением для умерших сородичей (Гаврилов, 1874: 7). Данную информацию о крещеных татарах подтверждает высказывание С.В. Чичериной в книге «У приволжских инородцев»: «... в селе Ш. приносили жертвы в овраг, резали кур, овец, ели их с языческими обрядами: раз в три года приносили в жертву коров» (НАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 201. Л. 87).

Я.Д. Коблов отмечал, что среди татар-мусульман был распространен обычай вручения мулле «могильной милостыни» – гур садакасы, состоящей чаще всего из овцы, коровы, лошади (Коблов, 1908: 37). Обращаясь к обычаям татар-кряшен, Я.Д. Коблов писал о сохранении у данной этнографической группы культа Кереметя и необходимости ему принесения жертв. В частности, после уборки хлеба и овощей перед праздником Покрова крещеные татары резали в избе под столом гуся. Согласно их поверьям, кто ежегодно в день Покрова приносит гуся в жертву, того Кереметь или Бог «не наказывает ни болезнями, ни падежом скота» (Коблов, 1910: 38-39).

В историко-этнографическом очерке И.Н. Смирнова «Черемисы» (т.е. марийцы) в честь духов-вадышей, связанных с культом умерших, могли приноситься жертвы в виде вороной лошади, быка, барана, курицы, утки, петуха, свиньи, зайца, индейки, гуся, овцы, теленка, глухаря (Смирнов, 1889b: 170). В описании марийских обычаев, данном священником Красноярского прихода Чебоксарского уезда Гаврилой Сироткиным, указывалось, что для задабривания злого духа Кереметя необходимо было приносить ему жертву в лесу от курицы до лошади. Если всю деревню постигало несчастье (например, неурожай или эпидемия холеры), тогда ее население отправлялось в лес, взяв с собой курицу, гуся, жеребенка и других домашних птиц и животных (АИЭА РАН. ОЛЕАЭ. Д. 75. Л. 8). Вотяки (удмурты), как описывал И.М. Катаев, совершали в честь злого духа Кереметя жертвоприношения-обманы «по случаю семейного несчастья или болезни кого-либо в доме». По указанию жреца они должны были купить какое-нибудь животное и принести его в жертву Кереметю. Но злого духа часто пытались обмануть, отдавая ему вместо жертвенного быка, например, овцу или поросенка, вместо гуся цыпленка и т.д. (Катаев, 1901: 36-37). Следовательно, И.М. Катаев обратился к такому варианту «рационального» жертвоприношения, когда наиболее ценная с точки зрения затрат на уход жертва заменяется относительно дешевыми и быстро растущими животными или птицами.

«Рациональное» жертвоприношение было характерно и для чувашей, на чём акцентировал внимание Н.В. Никольский при описании чувашских поминальных обрядов. Так, на третий день поминовения, с учетом состояния, кололи овцу, ягненка или курицу на том месте, где делался гроб для покойника (Никольский, 2004: 93). Подобное жертвоприношение не должно было негативным образом сказаться на материальном достатке семьи и рода.

В структурном плане отношение народов Поволжья к животным и птицам выражалось через бинарную оппозицию «свой» – «чужой». «Свое» – домашние скот и птица – выращивалось, приносилось в жертву богам и потреблялось ради морального и материального благополучия семьи и рода. На «чужое» – обитателей леса – накладывалось табу. Безусловно, охота как явление существовала, но применялась при избытке численности волков, лис, кабанов и их опасности для людей. В целом же неотъемлемой частью мифоритуальной традиции народов региона долгое время оставался культ волка, собаки, медведя и оленя (Илимбетова, Илимбетов, 2009). В упомянутом культе отчетливо прослеживается мысль К. Леви-Стросса о том, что запрет на потребление какого-либо «плода» природы превращает последнее в объект поклонения.

Для народов региона особый смысл имел культ деревьев. Так, для чувашей священными являлись липа (женское начало) и дуб (мужское начало), из них изготавливали юпа (намогильный столб) (Ромашкин, 1998: 93-94). Его устанавливали у изголовья могилы, и он, по сути, служил отражением образа умершего, символом связи жизни и смерти. Силен был также культ дуба у мордвы. По этому поводу И.Н. Смирнов писал: «На самый праздник Покрова или за несколько дней перед тем мордва сходилась к дубу со съестными припасами, часть которых съедалась участниками моляна, часть приносилась в жертву земле, часть в большое дупло дуба опускалась и на дерево клалась, особенно старухами, кланявшимися перед дубом; женщины и сходящиеся из прочих деревень в какой-либо печали и немощи прикладывали к дубу принесенную с собой холстину и уносили ее с собой и хранили ее на исцеление» (Смирнов, 1895: 243-244).

Заметное место в культуре волжан отводилось культу березы, особенно среди русских, чувашей и марийцев. Как отмечал известный тюрколог и востоковед Н.И. Ашмарин, в чувашской традиции сохранился образ ама хурән – березы-матери, «низенькой, развесистой, ветвистой и кудрявой» (Ашмарин, 1928: 192). Из списка языческих богов, размещенных в книге В.К. Магницкого «Материалы к объяснению старой чувашской веры», выделяется божество Ғуратакан-Хурән – Береза-Родильница, персонифицированное воплощение толстого и развесистого дерева на берегу оврага. К ней перед родами приходили женщины и просили: «Береза-родильница, не оставь меня! Этого младенца родить облегчение дай!» (Магницкий, 1881: 82-83).

В традиционной культуре луговых марийцев культ деревьев сильнее всего выражался через священные рощи (юмо-пумаш, юмон-ото, кюс-ото), занимавшими более 20 десятин земли. Согласно

отчету И.Н. Смирнова об этнографической экскурсии в Казанскую, Уфимскую и Самарскую губернии летом 1902 года, дерево служит необходимым посредником между человеком, божеством, если не является самим воплощением божества. В священных рощах «религиозное чувство торжествует... над утилитарными стремлениями и охраняет неприкосновенность священных деревьев. Внутренний вид священных рощ – деревья, опоясанные лыком, обогранным первой струей крови жертвенного животного, с гадательными фигурками из олова, которые при помощи его прикреплены к древесным стволам, остатки костров, неподалеку от корней – так же красноречиво свидетельствуют о важной роли дерева в черемисском языческом культе» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 599. Л. 15).

Если в традиционной культуре марийцев были распространены различные жертвоприношения в священных рощах, то представители марийской секты «Куту-сорта» поклонялись единому Всевышнему Богу (монотеистическая черта) и отрицали жертвоприношение животных. С.К. Кузнецов писал, что кутусортинцы остерегались старых языческих рощ «как оскверненных... пролитием жертвенной крови; они выбирали в лесу новые «чистые» места для своих жертвоприношений, которые огораживали высокой загородкой с воротами» (Кузнецов, 1909: 35). В центре рощи (куэрля) устраивалась площадка, где находилось два дерева: береза (куэ) и липа (пистэ). Только эти деревья кутусортинцы считали священными, способными привлечь Божество во время моления, но береза располагалась выше липы и посвящалась самому Великому Богу, а липа – его жене (Кузнецов, 1909: 35-36).

Почитание деревьев в Поволжье было тесным образом связано с культом земли, если верить этнографическим источникам XIX – начала XX вв. Так, у В.К. Магницкого находим, что чуваша, чтобы дать земле отдохнуть от полевых работ, обозначили в своем традиционном календаре период под названием «синьзэ». Он длился две недели, начинался со времени появления цвета на озимых культурах и кончался перед паровой пашней. О времени наступления синьзэ жители селений оповещались особыми выборными людьми, которые рано утром обходили все дома и отбирали подозрительные предметы, способные возделывать землю (Магницкий, 1881: 34-36). Земля, отмечал Г. Комиссаров, в течение синьзэ считалась беременной, потому нельзя было ни копать ее, ни бить по ней, ни бросать на нее тяжести (МАЭ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18. Л. 35).

У марийцев существовал подобный период запретов под названием «синкса». Нарушителей запретов привлекали к суду, если по их вине возникал неурожай или пожар, и строго наказывали (Магницкий, 1881: 36).

Немало молений и коллективных жертвоприношений в честь земли осуществлялось волжанами в XIX веке. В частности, в культуре удмуртов выделяется жертвоприношение Му-Кылчину или Му-Кыллысину, божеству земли. От него зависело избавление растений от червя, засухи, сорных трав, поэтому он постоянно нуждался в «задабривании» со стороны людей (МАЭ РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 18. Л. 37). По этому поводу исследователь удмуртской культуры Н. Блинов писал: «По общему отзыву вотяков Му-Кыллысин землей управляет, или же он сам земля. Не бог родит хлеб, а Му-Кыллысин» (Блинов, 1898: 30). Следовательно, обожествление земли или любого другого природного объекта приводило к формированию такой картины мира, где не существовало возможностей для проявления человеческой воли.

Необходимо обратить внимание на то, что многие исследования XIX – начала XX вв., посвященные традиционной культуре волжан, показывают, что человек был неотделим от природной среды, поэтому принцип «благоговения» перед ее законами превращался в лейтмотив бытия в данный исторический период.

5. Заключение

Обращение к результатам этнографического изучения Поволжья в XIX – начале XX вв. позволяет выделить некоторые этнические особенности экологической культуры региона:

- природа исторически воспринималась как безусловная ценность;
- человек умел приспосабливаться к природной среде, представляя ее в трех ипостасях: мать, божество и член родовой общины;
- природопользование в соответствии с традиционными ценностями волжан носило рациональный характер, поскольку повседневная культура народов региона изначально выстраивалась на основе различных духовных и материальных ограничений.

Часть из выделенных особенностей не теряет своей актуальности в настоящее время, поскольку гармоничное существование современного и будущего человека во многом зависит от его умения эффективно использовать опыт предыдущих поколений.

6. Благодарности

Исследование выполнено на средства гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых в рамках научно-исследовательского проекта № МК-3253.2017.6 «Эколого-правовая культура Поволжья: прошлое и настоящее».

Литература

- АИЭА РАН** – Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.
- Ашмарин, 1928** – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. I. Народный комиссариат по просвещению Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. Казань, 1928. 335 с.
- Блинов, 1898** – *Блинов Н.Н.* Языческий культ вотяков. Вятка: Губерн. Тип., 1898. 103 с.
- Гаврилов, 1874** – *Гаврилов Б.* Погребальные обычаи и поверья старо-крещеных татар деревни Никифоровой Казанской губернии Мамадышского уезда // Отдельный оттиск из «Известий по Казанской епархии». 1874. № 9. 11 с.
- Денисов, 1959** – *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. 408 с.
- Зиновьев, 1987** – *Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Отв. ред. канд. филол. наук Р.П. Матвеева. Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1987. 402 с.
- Илимбетова, Илимбетов, 2009** – *Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф.* Культ животных у башкир: история и современность. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. 306 с.
- Кант, 1965** – *Кант И.* Соч.: в 6 т. / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
- Катаев, 1901** – Вотяки. Состав. И.М. Катаев. М.: Издание книжного магазина торгового дома С. Куприн и К°, 1901. 46 с.
- Коблов, 1908** – *Коблов Я.Д.* Религиозные обряды и обычаи татар магометан (при наречении имени новорожденному, свадебные обряды и похоронные). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1908. 50 с.
- Коблов, 1910** – *Коблов Я.Д.* Мифология казанских татар. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910. 50 с.
- Корнишина, 2008** – *Корнишина Г.А.* Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 156 с.
- Кузнецов, 1909** – *Кузнецов С.К.* Черемисская секта кугу сорта. Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909. 59 с.
- Леви-Брюль, 1994** – *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
- Леви-Стросс, 1994** – *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление / Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Магницкий, 1881** – *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Типография Императорского Университета, 1881. 268 с.
- МАЭ РАН** – Научный архив ФГБУН Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
- НАРТ** – Национальный архив Республики Татарстан.
- Никольский, 2004** – *Никольский Н.В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 526 с.
- Ромашкин, 1998** – *Ромашкин В.Ф.* Чуваша Симбирского Поволжья: (Расселение, состав, этногенез, культура, религия) / В.Ф. Ромашкин, В.Н. Федоров, Л.П. Шабалина. Ульяновск: Симбирская книга, 1998. 168 с.
- РЭМ** – Российский этнографический музей.
- Смирнов, 1889а** – *Смирнов И.Н.* Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах приволжских финнов (Публичная лекция, читанная 31 марта 1889 г. в пользу Общества Археологии, Истории и Этнографии). Казань: Типография «Казанского Биржевого Листка», 1889. 13 с.
- Смирнов, 1889б** – *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань: Типография Императорского Университета, 1889. 212 с.
- Смирнов, 1895** – *Смирнов И.Н.* Мордва (Историко-этнографический очерк). Казань: Типография Императорского Университета, 1895. 310 с.
- ЦГАСО** – Центральный государственный архив Самарской области.
- Швейцер, 1990** – *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью как основа миро- и жизнеутверждения // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 328-350.
- Шмелева, 2010** – *Шмелева И.А.* Проблема взаимодействия человека с окружающей средой: области и аспекты психологического исследования // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2010. № 3. С. 105-119.

References

- AIEA RAN** – Arkhiv Instituta etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya Rossiyskoy akademii nauk [Archive of N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences].
- Ashmarin, 1928** – *Ashmarin N.I.* (1928). Slovar' chuvashskogo yazyka. Vyp. 1. Narodnyi komissariat po prosveshcheniyu Chuvashskoi Avtonomnoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki [Dictionary of the Chuvash language. Issue 1. People's commissariat for education of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic]. Kazan. 335 p. [in Russian].
- Blinov, 1898** – *Blinov N.N.* (1898). Yazycheskii kul't votyakov [The pagan cult of the Votyaks]. Vyatka: Gubern. Tip. 103 p. [in Russian].
- Gavrilov, 1874** – *Gavrilov B.* (1874). Pogrebal'nye obychai i pover'ya staro-kreshchenykh tatar derevni Nikiforovoi Kazanskoj gubernii Mamadyshskogo uezda [Funeral customs and beliefs of the old and christened Tatars of the Nikiforova village of the Kazan province of the Mamadyshsky County]. *The reprint from "The News of the Kazan diocese"*. Nr 9. 11 p. [in Russian].
- Denisov, 1959** – *Denisov P.V.* (1959). Religioznye verovaniya chuvash. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Religious beliefs of the Chuvashes. Historical-ethnographic essays]. Cheboksary: Chuvash. kn. Publ. 408 p. [in Russian].
- Zinoviev, 1987** – *Zinoviev V.P.* (1987). Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoi Sibiri. Otv. red. kand. filol. nauk R.P. Matveeva [Mythological stories of the Russian population of the Eastern Siberia. Executive editor Candidate of Philological Sciences R.P. Matveeva]. Novosibirsk: Nauka Publ., Siberian Branch. 402 p. [in Russian].
- Ilimbetova, Ilimbetov, 2009** – *Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F.* (2009). Kul't zhyvotnykh u bashkir: istoriya i sovremennost' [The cult of animals among the Bashkirs: history and contemporaneity]. Ufa: IYAL UNTs RAN. 306 p. [in Russian].
- Kant, 1965** – *Kant I.* (1965). Soch.: v 6 t. Pod obshchei redaktsiei V.F. Asmusa. A.V. Gulygi, T.I. Oizermana. T. 4. Ch. 2 [The writings in 6 volumes. Under the general editorship of V.F. Asmus. A.V. Gulyga, T.I. Oizermana. Vol. 4. Part 2]. Moscow: Mysl'. 478 p. [in Russian].
- Kataev, 1901** – Votyaki. Sostav. I.M. Kataev [The Votyaks. Compiled by I.M. Kataev]. Moscow: Edition of the bookstore of S. Kuprin & K° trading house. 46 p. [in Russian].
- Koblov, 1908** – *Koblov Ya.D.* (1908). Religioznye obryady i obychai tatar magometan (pri narechenii imeni novorozhdennomu, svadebnye obryady i pokhoronnye) [Religious practices and customs of the Tatars-Mohammedans (at christening of the newborn, wedding and funeral rites)]. Kazan: Typo-lithography of the Imperial university. 50 p. [in Russian].
- Koblov, 1910** – *Koblov Ya.D.* (1910). Mifologiya kazanskikh tatar [Mythology of the Kazan Tatars]. Kazan: Typo-lithography of the Imperial university. 50 p. [in Russian].
- Kornishina, 2008** – *Kornishina G.A.* (2008). Ekologicheskoe vozzrenie mordvy (religiozno-obryadovyi aspekt): monografiya [Ecological view of the Mordva (religious and ceremonial aspect): monograph]. Saransk: Mordovia University Publ. 156 p. [in Russian].
- Kuznetsov, 1909** – *Kuznetsov S.K.* (1909). Cheremisskaya sekta kugu sorta. Opyt issledovaniya religioznykh dvizhenii sredi povolzhskikh inorodtsev [The Cheremis sect kugu sorta. Experience of study of religious movements among the non-Russians of the Volga region]. Moscow: Printing house of the Imperial Moscow University. 59 p. [in Russian].
- Lévy-Bruhl, 1994** – *Lévy-Bruhl L.* (1994). Sverkhhestestvennoe v pervobytnom myshlenii [Primitives and the Supernatural]. Moscow: Pedagogika-Press. 608 p. [in Russian].
- Lévi-Strauss, 1994** – *Lévi-Strauss C.* (1994). Pervobytnoe myshlenie. Per., vstup. st. i prim. A.B. Ostrovskogo [Prelogical thinking. Translation, prolusion and notes of A.B. Ostrovsky]. Moscow: Respublika. 384 p. [in Russian].
- Magnitsky, 1881** – *Magnitsky V.K.* (1881). Materialy k ob'yasneniyu staroi chuvashskoi very [Materials to an explanation of the old Chuvash faith]. Kazan: Printing house of the Imperial University, 268 p. [in Russian].
- MAE RAN** – Nauchnyi arkhiv FGBUN Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN [Scientific archive of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences].
- NART** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National archive of the Republic of Tatarstan].
- Nikolsky, 2004** – *Nikolsky N.V.* (2004). Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 1. Trudy po etnografii i fol'kloru chuvashskogo naroda [Collected works in 4 volumes. Vol. 1. The writings about ethnography and folklore of the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvash. kn. Publ. 526 p. [in Russian].
- Romashkin, 1998** – *Romashkin V.F.* (1998). Chuvashi Simbirskogo Povolzh'ya: (Rasselenie, sostav, etnogenez, kul'tura, religiya) / V.F. Romashkin, V.N. Fedorov, L.P. Shabalina [The Chuvashes of the Simbirsk Volga region: (Resettlement, population composition, ethnogeny, culture, religion)]. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga. 168 p. [in Russian].
- REM** – Rossiyskiy etnograficheskiy muzei [The Russian Museum of Ethnography].
- Smirnov, 1889a** – *Smirnov I.N.* (1889). Sledy chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v poezii i religioznykh obryadakh privolzhskikh finnov (Publichnaya lektsiya, chitannaya 31 marta 1889 g. v pol'zu

Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii) [Traces of human sacrifices in poetry and religious ceremonies of the Volga Finns (A public lecture, which had been read on March 31, 1889 in favor of Society for Archeology, History and Ethnography)]. Kazan: Tipografiya "Kazanskogo Birzhevogo Listka". 13 p. [in Russian].

Smirnov, 1889b – *Smirnov I.N.* (1889). Cheremisy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [The Cheremises. Historical and ethnographic sketch]. Kazan: Printing house of the Imperial University. 212 p. [in Russian].

Smirnov, 1895 – *Smirnov I.N.* (1895). Mordva (Istoriko-etnograficheskiy ocherk). [The Mordovians. Historical and ethnographic sketch]. Kazan: Printing house of the Imperial University. 310 p. [in Russian].

TsGASO – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti [Central state archive of the Samara region].

Schweitzer, 1990 – *Schweitzer A.* (1990). Blagovenie pered zhizn'yu kak osnova miro- i zhizneutverzhdeniya [Reverence for life as a basis of peace and life-affirming]. *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti* [Global problems and universal values]. Moscow: Progress. pp. 328-350 [in Russian].

Shmeleva, 2010 – *Shmeleva I.A.* (2010). Problema vzaimodeistviya cheloveka s okruzhayushchei sredoi: oblasti i aspekty psikhologicheskogo issledovaniya [The problem of human-environment interactions: areas and aspects of psychological study]. *Moscow University Psychology Bulletin*, Nr 3, pp. 105-119 [in Russian].

УДК 930.1:392:393.05

Этнографические исследования экологической культуры народов Поволжья в XIX – начале XX вв.

Лариса Юрьевна Лепешкина^{a,*}

^a Поволжский государственный университет сервиса, Российская Федерация

Аннотация. В статье кратко характеризуются этнографические исследования экологической культуры народов Поволжья, проводившиеся в XIX – начале XX вв. Акцент в данных исследованиях делается на роли в традиционной картине мира волжан таких природных объектов, как вода, деревья, земля, животные и птицы. Актуальность изучения истории экологической культуры в Поволжье обусловлена кризисными процессами в региональной экосистеме и возрастающей потребностью развивать технологии рационального природопользования. Анализ исторических источников XIX – начала XX вв. позволит систематизировать сведения об опыте общения человека с природой, что может быть успешно использовано в настоящее время. Проблема исследования состоит в том, что дневники, путевые заметки и публикации об экологических взглядах жителей Поволжского региона носят разрозненный характер и требуют обобщения. Эмпирической основой для статьи стали исторические источники из столичных и региональных архивов, изданные труды краеведов и этнографов XIX – начала XX вв. Исследование опирается на системный подход, позволяющий выявить культурный потенциал традиций волжан. В статье также используются следующие методологические приемы: принцип историзма, сравнительно-исторический, логический, ретроспективный и проблемно-хронологический методы. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка систематизировать исторический опыт изучения экологических взглядов волжан. Теоретическая значимость статьи состоит в определении этнических особенностей экологической культуры в Поволжье. В практическом отношении результаты исследования могут использоваться для подготовки программ сохранения культурного наследия в Поволжском регионе, а также в преподавательской деятельности.

Ключевые слова: экологическая культура, традиционная культура, народы Поволжья, этнографические исследования, природа, природопользование, жертвоприношение.

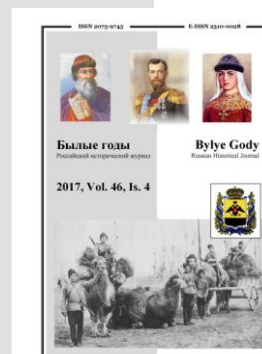
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lara_yura@list.ru (Л.Ю. Лепешкина)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1366-1375, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1366
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47) + 950(=574)"19"

Institute of the Guardian in the Kazakh Steppe in the XIXth century: Legal Status and Duty Regulations

Gulbanu B. Izbassarova ^{a, *}

^a Zhubanov Aktobe regional state university, Kazakhstan

Abstract

The article, based on the archival sources, studies the Institute of Guardian, which arose at the Kazakhs' Orenburg department territory in the middle of the XIXth century. The instruction developed for the 9th canton trustees of the Bashkirs and for the Orenburg Kazakhs' is analyzed. The legal status of the Kazakhs' trustees is considered.

The main source base of the research were the documents of the funds of the state archive of Orenburg region, as well as published materials included in the collections of documents. Some sources are introduced into scientific circulation for the first time.

The certain range of the sources is introduced into the scientific revolution. On the basis of comparative analyzes, it is proven that the guardianship can be viewed not only as a public institution (social sphere institutions' management, in an education, culture, health care in the XIXth century), but also as a political institution widely used in the domestic policy of the Russian Empire.

Keywords: the Trustees, the Kazakh steppe, the Russian Empire, the Cossacks, Bashkirs, K.V. Nesselrode, M.V. Ladyzhensky, the Orenburg military Governor.

1. Введение

Российская империя, по мере расширения границ, включала в себя территории с разным этническим, конфессиональным, социокультурным составом населения. С XVIII в. во внутренней политике империи существовало стремление создать однородное государственное пространство. Вошедшие в разное время и разными способами, имевшие различные формы государственной власти (княжество, ханство и т.д.) народы управлялись с учетом их различий.

«Правители Российской империи были убежденными сторонниками централизации. Они с беспристрастной готовностью и изобретательностью заимствовали по всему миру институты и идеологемы, постоянно перенимая зарубежные модели и приспособляя их к своим условиям», - пишет декан факультета истории в университете Цинциннати (США) В. Сандерленд (Сандерланд, 2010: 107).

Мы должны отметить, что наряду с этим, центральное управление использовало такие институты управления окраинами империи, как институт аманатства (был характерен для начального периода освоения имперского пространства), институт приставства и т.д., которые пройдя апробацию в различных регионах, внедрялись на других территориях с учетом новых требований. К числу таких институтов относится институт попечительства, прошедший проверку временем в Калмыкии, Башкирии и в Казахской степи.

Изучение института попечительства позволит лучше понять внутривластическое положение империи, механизмы управления окраинами в XIX в., даст возможность с введением в научный оборот новых архивных данных сравнить должностные инструкции новой категории чиновников как

* Corresponding author

E-mail addresses: iz_gulbanu@mail.ru (G.B. Izbassarova)

Южного Урала, так и Казахской степи, выявить закономерности, общее и частное в развитии этого политического института.

2. Материалы и методы

Основную источниковую базу исследования составили документы фондов государственного архива Оренбургской области, а также опубликованные материалы, вошедшие в сборники документов. Часть источников впервые вводится в научный оборот. Это должностные инструкции попечителя 9-го башкирского кантона майора Середы, обсуждение текста инструкции для попечителей прилинейных казахов чиновниками различных ведомств.

В данной статье будет использован микроисторический подход, который позволит разглядеть возможности альтернативного развития, что нам четко демонстрируют, например, позиции и взгляды министра иностранных дел К.В. Нессельроде, оренбургского военного губернатора В.А. Обручева, председателя Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженского в ходе создания инструкции для попечителей прилинейных казахов.

Использование компаративного анализа позволило прийти к выводу, что попечительство может рассматриваться не только как общественный институт (управление учреждениями в социальной сфере: в образовании, культуре, здравоохранении XIX в.), но и как политический, широко использованный центром во внутренней политике Российской империи.

3. Обсуждение

Проведение сравнительно-исторического анализа при изучении политики России в отношении нерусских народов окраин, изучение идентичных механизмов управления в регионах империи, с учетом ряда ее особенностей не столь развито в историографии. Важную роль в формировании этого направления сыграла работа А. Каппелера, который рассматривал Россию как полиэтничное государство и поднял проблему разнообразия методов управления империей (Каппелер, 1997). Он предложил изучать империю используя региональный подход. Специалист по теории имперской государственности и типологии имперского управления Р. Суни предложил изучать историю империи через анализ отношений центра и периферии, а не по этническому признаку (Суни, 2001).

Советский ученый Н.С. Киняпина описывая административную политику Российской империи на Кавказе и в Средней Азии обратила внимание на то, что Петербург учитывал полиэтничность региона, конфессиональную ситуацию на окраине. Она указывала, что для этих регионов была «характерна поэтапность введения российской системы управления с учетом местных особенностей» (Киняпина, 1983: 47).

Российский ученый А. Ремнев разработал теоретическую модель организации регионального управления и региональной административной политики на примере Сибири. Вводя в научный оборот такие понятия как «география власти», «имперское пространство в региональном измерении», он изучил общие принципы и динамику территориальной организации управления Сибирью, определил специфику институционального устройства местных и центральных государственных органов (Ремнев, 1997; Ремнев, 2001; Ремнев, 2004).

Известный ученый В.В. Трепавлов в своих работах рассматривает проблему формирования системы отношений между центром и окраинами, изучает проблему определения статуса национальной окраины региона (Трепавлов, 2006).

Д.В. Васильев в своей монографии изучая административную политику Российской империи в Казахской степи и определяя статус территории казахов как окраины, рассматривает модели взаимодействия центра и окраины, анализирует связи между политикой Петербурга в отношении казахов, башкир и калмыков (Васильев, 2014). Институт попечительства затронут автором в связи с анализом реформы 1844 г. (Васильев, 2014: 255).

Казахстанский ученый Г.С. Султангалиева исследуя административную политику Российской империи, обратила внимание на схожие принципы и механизмы имперского управления. Под ее руководством был издан сборник научных статей, посвященный сравнительно-историческому анализу политики Российской империи у кочевых народов Центральной Азии (Султангалиева, 2015). На страницах данного сборника Г.С. Султангалиева на примере института приставства проанализировала систему управления на окраинах. Ж.Б. Кундакбаева рассмотрела методы и этапы политики российской администрации в Калмыкии, обратив внимание на становление имперской бюрократической системы (Кундакбаева, 2015). Г.Б. Избасарова в своих трудах на примере института аманатства, приставства сравнивает имперские механизмы управления у башкир, калмыков и казахов Младшего жуза в XVIII–XIX вв. (Избасарова, 2016; Избасарова, 2017а). Институт попечителей в Казахской Степи Оренбургского ведомства, его функции, роль попечителей в регулировании отношений народов и дальнейшего совершенствования политики правительства в Казахской степи XIX в., отношение казахов к данному институту и предложения по улучшению его действия в Степи анализируется в следующей работе (Избасарова, 2017б). Слабая разработанность данной темы подтолкнуло нас вновь обратиться к ней.

4. Результаты

Подготовка специалистов, которые активно овладевали наукой эффективного управления, была одной из актуальных задач империи за весь период его существования. Это было ярко выражено и в период назначения попечителей для прилинейных казахов после реформы 1844 г.

Если рассмотреть значение термина попечитель, то в «Толковом словаре русского языка» В.И. Даля он имеет следующее значение «попечитель – пекущийся о ком или о чем-либо; старатель, заботник, радетьель. Попечительство – место, должность, званье, округ попечителя; весь состав его управленья» (Даль, 2009: 506).

Институт попечителей возникает в Башкирии в 30-е годы XIX в. 27 ноября 1830 г. в 9-й башкирский кантон был назначен попечителем находившийся на службе в Тифлисском пехотном полку майор Середа. Он получил должность чиновника для особых поручений при оренбургском военном губернаторе с жалованьем 780 руб. ассиг. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 3).

Причинами назначения попечителя башкирам 9-го кантона, как утверждают архивные источники, были злоупотребления кантонных начальников избираемых из среды башкирских чиновников. Хотя башкиры и их «местные управления подчинялись полицейскому надзору, а в отношении отправления службы Военному начальству, но по степени вкравшихся уже беспорядков с давнего времени таковой надзор суть токмо поверхностный, недостаточен, не только к искоренению зла, но и к предупреждению оногo», - констатировал начальник Оренбургского края (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 1).

Следующей причиной особенного внимания к 9 кантону было то, что он в основном состоял из кочевников, которые имели постоянные контакты с кочевыми казахами. Эти контакты, нередко выливались в столкновения.

В 1830 г. под руководством оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена была создана инструкция для попечителя 9-го башкирского кантона. Она состояла из трех разделов: общей, по войсковой части, по гражданской части, и включала 22 параграфа. Инструкция давала большие полномочия данной категории чиновников. Попечители для разъездов по делам службы могли употреблять башкирские подводы, единственно следя за тем, чтобы повинность эта лежала на башкирах поочередно (§21) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 12 об).

Кантонный начальник был главным должностным лицом, «хозяином» в кантоне. В своем кантоне он был наделен большими правами в военной, политико-административной, судебно-полицейской и хозяйственной сфере, выполнял распоряжения и указы вышестоящих властей. Составлял и представлял военному губернатору ведомости о количестве чиновников, рядовых, представителей духовенства, дворов в своем кантоне, контролировал набор служащих на линейную службу, назначал походных чиновников. Наблюдал за продажей и сдачей в аренду башкирских земель, выполнением государственных и земских повинностей, сбором налогов, имел право вмешиваться в хозяйственную деятельность.

Попечителю, согласно инструкции, поручалось наблюдать за его действиями, чтобы разбирательства по жалобам чиновников и башкир производились кантонным начальником справедливо и без замедления. В случае, если кантонный начальник вел разбирательства с нарушениями, то попечитель мог сам произвести расследование дела, и смотря по важности дела, обязан был доносить оренбургскому военному губернатору с изложением своего мнения (§1). Попечитель был обязан наблюдать за успешным и точным исполнением посылаемых к нему от начальства и присутственных мест предписаний, а также следить за исправным составлением месячных и годовых отчетов о состоянии Кантона (§2) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 5–5 об). Поручалось ему также наблюдение за действиями помощника кантонного начальника и юртовыми старшинами (§3).

По военной части попечителю поручалось проверять у кантонного начальника и юртовых старшин формулярные списки чиновников и списки башкир, а если таковых не было, то поручалось составить вновь. Строго поручалось следить, чтобы назначение людей на службу проходило справедливо. Также попечитель был обязан проверять людей и команды назначенные на службу, «осматривать все команды инспекторским смотром и предъявляемые на оном претензии по рассмотрении удовлетворять на месте» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 6–6 об). Четко должны были быть составлены списки будущих служащих. С наступлением 17 лет, молодые башкиры, кроме неспособных или неизлечимо больных, назначались на службу. Список последних должен был быть составлен кантонным начальником и засвидетельствован медицинским чиновником. Также попечители проверяли списки башкир отправляемых в отставку и причину. Например, за старостью лет (§6). Молодые парни зачислялись на службу в 17 лет, но командировались в различные регионы, в основном в Казахскую степь или в центрально-азиатские ханства, по достижении 20 лет (§7) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 7–7 об).

Попечителю поручалось также подтверждать кандидатуры чиновников и служилых башкир, представленных кантонным начальником к повышению чина или к награде. Он должен был удостовериться в способностях, достоинствах, в знании русской и татарской грамоты, хорошей службы кандидатов (§8). Попечитель обязан был присутствовать и наблюдать на общественных собраниях выборы кантонного начальника чиновниками, а юртовых старшин простыми башкирами.

Ему поручалось следить, чтобы избираемые в должности не были судимы, не имели штрафы, были уважаемы в народе. Формулярные списки об их службе должны были быть доставлены главному оренбургскому начальнику (§9) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 8–8 об).

В инструкции уделяется внимание на деятельность попечителя по прекращению преступлений, воровства между башкирами и другими жителями. Для этого попечителю предлагалось завести особенные списки или штрафные журналы, куда вводились бы имена чиновников и башкир находящихся в подозрении за проступки. Такие люди не должны были быть допущены ни к каким общественным выборам, а также должностям (§12). В обязанности попечителя входило: а) наблюдение за башкирскими чиновниками, чтобы они не помогали укрывать воров, так как угон лошадей был одним из незаконных промыслов кочевников; б) стараться по горячим следам отыскивать лошадей и воров; в) обвиняемых в преступлении представлять в Земской суд и наблюдать, чтобы их не отпускали на поруки; г) поощрять людей раскрывающих воров и защищать их от клеветы (§11) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 9–9 об). За маловажные проступки чиновники могли быть арестованы, а представители нижних чинов подвергались наказаньям казачьими плетьюми (§20) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 12 об).

Для прекращения распрей и тяжб между башкирами и казахами, и вытекающих отсюда судебных волокит и разорений предлагалось ввести словесный суд, приглашая на него уважаемых среди башкир и казахов чиновников (§14) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 10 об).

В инструкции делается упор на регулирование вопроса взаимоотношений башкир с каргалинскими татарами, который рассматривается как вредное для первых. Вредность его заключалась в том, что во время кочевек башкир, татары разъезжая по их аулам давали в долг вещи. Когда наступала пора возврата долга, они забирали у башкир скот, который превышал несколько раз стоимость товара. Попечителю поручалось добиться прекращения таких поборов. Для этого ему предлагалось провести проверку торговых билетов у купцов, так как многие татары проводили торг без законного разрешения (§18) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 11 об).

Таким образом, проведенный анализ инструкции для попечителя 9-го башкирского кантона майора Середы показывает, что основным объектом наблюдения были кантонные начальники. Введенная в 1798 г. с целью укрепления юго-восточных границ империи и прекращения восстания башкир, военная форма управления дала свои результаты. Башкиры были переведены в служилое сословие. Но злоупотребления, произвол со стороны кантонных начальников, иногда укрывательство ими находящихся под следствием людей, подтолкнуло оренбургскую администрацию к контролю действий высших начальников башкирского общества.

В середине 40-х г. XIX в. вводится институт попечителей и в Казахской степи. В 1844 г. по «Положению об управлении оренбургскими киргизами (казахами – Г.И.)» было предусмотрено создание института попечителей для прилинейных казахов, для регулирования отношений жителей линии, в первую очередь, казаков с казахами.

Распределение попечителей входило в функцию ОПК (Материалы, 1960: 218). Увольнение этих чиновников также было в ее руках и в ведении военного губернатора. Но в период определения количества попечителей на линии, подготовки инструкции для этих должностных лиц возникло несколько точек зрения.

15 января 1846 г. оренбургский военный губернатор В.А. Обручев отправил инструкцию для попечителей и свое мнение о ней графу И.И. Воронцову-Дашкову в МИД, обратив особое внимание на взаимоотношения казаков и прилинейных казахов (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 2–3). Отметим, что одной из причин учреждения попечителей был постоянный конфликт между казаками и казахами за сенокосные земли, жалобы казахов на захват казаками и линейными жителями земель за чертой линии (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 6 об).

Основной функцией попечителей была защита и ограждение прилинейных казахов от притеснений линейных жителей. Составление инструкций для них было поручено ОПК, а утверждение оренбургскому военному губернатору с непременно согласованием с МИД (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 2).

Вскоре из МИД поступил ответ, где предлагалось составить новую инструкцию с учетом высказанных замечаний. К.В. Нессельроде изучив документ, высказал свое видение нескольких пунктов инструкции.

1. Учитывая обширность попечительских дистанций и множество дел на линии, он предлагал не возлагать на попечителей обязанность самим производить следствия по каждому делу казаха с линейным жителем. По его мнению, в обязанность попечителей нужно было включить только наблюдение за правильным течением всех дел по линии и надзор за действиями следователей. В случае необходимости, попечители могли сами производить следствие. Данное право предлагалось оставить в инструкции. В целом, это дало бы попечителям возможности больше контролировать ситуацию на линии и не быть привязанными к одному месту (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 5–5 об).

Попечители рассматривались в качестве «ока» Пограничной комиссии на линии, которые бы следили, чтобы казахам не причинялись никакие обиды, несправедливости, как со стороны линейных жителей, так и со стороны линейных начальников, чтобы дела к которым были причастны казахи

решались быстро, справедливо и номады бы не содержались напрасно под стражей, не томились под следствием (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 6).

2. Следующим пунктом, на которое обращал внимание начальник МИД, был вопрос разрешения конфликта по сенокосным землям. Важнейшей обязанностью попечителей, по мнению К.В. Нессельроде было наблюдение, чтобы линейные жители не захватывали сенокосные или другие места за чертой линии. Он писал, что «это одна из важнейших обязанностей, которые побудили к самому учреждению попечителей» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 6 об).

3. Он предлагал исключить из инструкции все то, что не относится к прямым обязанностям попечителей. Среди которых были: наблюдения за мнением казахов об управлении, за действиями дистанционных и местных начальников и т.д. «Вообще все, что происходит за линиею не должно официально относиться к их обязанностям, ...они не должны вмешиваться ни в какие дела киргизов (казахов – Г.И.) между киргизами (казахами – Г.И.)», - писал главный начальник МИД (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 6 об).

4. Мир и спокойствие на линии через «содержание казахов в миролюбивом отношении к жителям линии» еще один пункт инструкции, который должен был быть включен в инструкцию. Попечители должны были пресекать возможные конфликты, а если таковые возникали, то, не доводя до следствия и суда, решать их быстро. Суд рассматривался как крайняя мера решения возникших спорных вопросов.

5. К.В. Нессельроде обращал внимание еще на одно обстоятельство, чтобы «попечители и линейное начальство не находились в таких между собою отношениях как две противные стороны, а всегда помнили бы, что служат одному государю». Он напоминал, что казахи как и казаки подданные российского государства, и в установлении мира на линии, в прекращении жалоб, претензий, ссор должны быть заинтересованы все стороны (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 8).

По мнению К.В. Нессельроде в назначении попечителей более нуждались на Оренбургской линии, где столкновения казахов с линейными жителями происходила чаще, чем на Уральской линии (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 7 об). Он предлагал ограничиться пока назначением попечителей только на Оренбургской линии, сократив предполагаемые попечительские дистанции (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 7 об).

Таким образом, К.В. Нессельроде предлагал составить новую инструкцию для попечителей, и разбить ее на статьи и параграфы.

В августе 1846 года оренбургский военный губернатор В.А. Обручев направил в ОПК указания по составлению и дополнению инструкции для попечителей, с учетом высказанных предложений (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 27–31 об). Военный губернатор отмечал, что он предварительно отправив проект инструкции государственному канцлеру К.В. Нессельроде и получив от него отзыв, согласен его предложениями. Перечислив предложения К.В. Нессельроде, В.А. Обручев включил свои видения. Он предлагал, включить пункт, где попечителям запрещалось «требовать к себе находившихся в полковых правлениях или у членов их следствия для рассмотрения и принятия на себя самого производства». В этом он видел ряд недостатков. Во-первых, остановился бы ход следствия; во-вторых, попечители бы подвергли ревизии служебные действия лиц другого ведомства (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 30 об–31).

В случае, если попечители видели беспорядки, упущения в делах следователей, они должны были в письменном виде сообщить это следователю, а также донести ОПК, которая принимала решение по этому вопросу. ОПК в зависимости от важности дела могла принять следующие меры: поручить попечителю самому вести следствие или же командировать для этого особого чиновника от себя (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 31). Военный губернатор поддержал мнение К.В. Нессельроде о назначении попечителей только на Оренбургской линии, где чаще бывали столкновения казахов с линейными жителями.

30 января 1847 г. ОПК представила новый вариант инструкции. Как отмечал председатель этого учреждения М. Ладыженский, изучив предложения К.В. Нессельроде и В.А. Обручева, была составлена новая инструкция, но в тоже время, он высказал мнение, которое противоречило предложению главного начальника МИД, в частности, председатель ОПК предлагал назначить попечителей на Уральской линии. Он отмечал, что в архиве ОПК и в текущих делах учреждения имеются множество дел о претензиях казахов на Уральских казаков. В момент отправки документа в Оренбург, в ОПК содержались 4 арестанта, и находилось на следствии 188 дел (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 40 об). По мнению председателя ОПК, если бы на Уральской линии имелись попечители, многие дела можно было бы разобрать в самом начале и прийти к миролюбивому соглашению.

Для изучения ситуации на линии, об отношении казаков к казахам, а последних к своим дистанционным и местным начальникам, зимой 1844–1845 гг. и весной 1846 г. был командирован на Уральскую линию советник ОПК К.О. Каминский. В своих донесениях он доносил, что угон скота и кража лошадей казахами есть ответ на невежество и корыстолюбие казаков. Также описывал факты угнетения казахов на линии. «Казаки, накашивая летом за р. Урал и за сухою чертою линии значительное количество травы, зимой, когда киргизы (казахи – Г.И.) имеют неизбежную нужду в прикормлении своего скота, продают ее ордынцам. Эта, строго воспрещаемая начальством продажа сена, существует повсюду, в обоих войсках на линии, бывают случаи, что казаки в зимнее время,

стесняют киргиз даже в топливе», – приводил пример из донесения К.О. Каминского председатель ОПК (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 41–41 об).

По мнению М. Ладыженского для прекращения всех таких бед на линии нужны были попечители. «Он (попечитель – Г.И.), будучи выше казачьих форпостных и станичных начальников образованием и вообще понятиями, а также киргизских (казахских – Г.И.) прилинейных дистанционных и аульных (начальников – Г.И.), должен и может предупреждать обоюдные ссоры и водворять спокойствие на линии», – писал он. Причинами побудившими назначить попечителей на линии были: 1. Большое количество дел на линии требующих быстрого решения. Например, отнятия или выкошение казаками у казахов травы, которое влекло в конечном итоге гибель казахского скота или же дела об отнятии у казахов иногда последней лошади, верблюда или коровы, не могли ожидать коллегиального решения и окончания.

2. Казаки часто обсчитывали казахских работников, последние попадали из-за этого в кабалу.

3. Казаки часто косили траву за Уралом у самых кибиток казахов, а зимой кроме продажи ее последним, брали с них суммы за перепуск их табунов на внутреннюю сторону для тебеновки (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 42–43). Такие примеры приводил К.О. Каминский в своих донесениях, которые подтверждались отчетами других чиновников ОПК.

По мнению К.О. Каминского, изучившего обстановку в степи, особенно попечители нужны были в Уральске и Гурьев городке, в главных пунктах, куда казахи прикочевывали большими массами для меновой торговли и найма в работники. Наем казаками в работники в основном в рыболовный промысел шел по всей Уральской линии, на пространстве около 700 верст. Перечисляя выше названные факты, М. Ладыженский высказался о назначении 2-х попечителей на Уральскую линию. По его мнению, они будут «законными и уполномоченными от Комиссии защитниками» казахов от линейных жителей, с другой стороны, будут следить за действиями местных начальников, не вмешиваясь в их дела (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 44–44 об).

Подготовленная ОПК инструкция для попечителей состояла из 5 разделов и 36 параграфов. I раздел «Обязанности попечителей» состоял 27 параграфов; II раздел «Порядок судопроизводства и сношении попечителей» - из 5 параграфов; III раздел «Отчетность» - из 1 параграфа; IV раздел «Пределы власти» - из 2; V раздел «Ответственность» состоял из 1 параграфа.

Главная обязанность попечителей, согласно инструкции заключалась в защите казахов по всем делам от линейных жителей (§1), поддержание всеми средствами мира на линии (§3), а также наблюдение за действиями казахов, чтобы линейные жители не жаловались на них (§2). Охрана права казахов на сенокосения и др. места за чертою линии, и следить, чтобы казаки не захватывали эти земли, также входило в их функции (§8). В период перепуска казахского скота через линию на внутреннюю сторону для зимней тебеневки, попечители должны были следить, чтобы казаки не притесняли казахов. Если замечали обиды, попечители должны были вступить за притесняемых и оказывать им защиту (§16) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 101–103 об).

В случае поступления жалоб от казахов на линейных жителей и наоборот, попечители должны были стараться прекратить такие дела мировым соглашением, устным разбирательством. Следствие рассматривалась как крайняя мера в разбирательствах (§4) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 100). В случае, если стороны не могли прийти к соглашению или претензии заключали особенную важность, попечитель мог требовать, чтобы эти дела проводились соответственно установленным порядком (§5).

Линейное начальство должно было присматривать за производством всех дел казахов с казаками и не допустить со стороны следователей ни малейших проволочек, несправедливости, отступления от закона, следить, чтобы казахи не томились под следствиями, не содержались без следствия под стражей (§6). Попечитель мог прибыть на любое место, где проводилось следствие или где стороны пришли к соглашению. В случае, если он замечал пристрастное отношение или нарушение закона, то попечитель мог предложить устно или письменно следователю исправить допущенную ошибку, донеся в ОПК. В случае необходимости принятия следствия по делу, попечитель должен был спросить разрешение ОПК (§7) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 100 об–101).

В случае жалоб линейных жителей на потраву заготовленного сена и хлеба в скирдах и складах, попечители должны были удостовериться: было ли отравленное огорожено или окопано, если эти меры не были соблюдены, предлагалось оставлять жалобы без рассмотрения (§10). Если были приняты все меры для охраны сена и хлеба, но ответчики не соглашались на мировую сделку, то попечитель должен был отправиться на место происшествия с заседателем полковых правлений, или местным линейным начальником, и понятиями 2-х сторон для оценки убытков. Уточним, что оценка производилась на основании справочных цен представляемых полковыми правлениями, которые ежемесячно сообщали по требованию ОПК.

Свидетелей потравы предлагалось отправить в ОПК для дальнейшего расследования дела (§11). Компенсация ущерба сеном рассматривалось предпочтительным, чем другие виды (§13).

Попечители обязаны были следить за торговлей казахов с другими народами. Они должны были подсказывать казахам, где выгодно приобретать тот или иной товар, где лучше сбывать (§15). Попечители также должны были наблюдать, чтобы при меновой торговле казахи не подвергались обманам и не терпели от того убытков (§24).

Следующий круг обязанностей попечителей, касался контроля за выдачей на линии плакатных билетов казахам, находившимся в работниках у линейных жителей. Согласно 17 параграфу, при выдаче билетов взнос должны были заплатить за своих работников хозяева. Местные линейные начальники должны были следить, чтобы не было допущено ущерба государственной казне, и наблюдать за своевременной выдачей билетов и строго наказывать безбилетных. Выручаемые деньги, как за билеты, так и за штрафные деньги должны были вовремя отсылаться в ОПК.

Попечители имели право проводить ревизию книг билетного сбора, если были подозрения на злоупотребления на лиц ответственных за выдачу билетов (§18). Они также могли требовать от высшего линейного начальства преследования и искоренения злоупотреблений, донеся об этом в ОПК (§19).

Попечители также были обязаны наблюдать за процессом передачи дистанчными начальниками собранного кибиточного налога линейным начальникам, чтобы последние не создавали искусственных проволочек и выдавали в тот же час квитанции о получении суммы. В случае обнаружения несправедливых, незаконных действий со стороны местных линейных начальников, попечитель мог требовать от высшего линейного начальства исправления ситуации (§21).

Попечители отвечали также за контроль вывоза леса линейными жителями. Казаки без разрешения ОПК не могли вывозить лес растущий вне их дач (§22) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 104об). В случае обнаружения нарушения данной статьи, попечитель мог требовать от местного начальства, чтобы вывезенный без разрешения лес был взят под контроль, пока ОПК не даст распоряжения по этому делу (§23).

В целом, отношения попечителей с казахами должны были строиться на сочувствии, благожелательности. Попечители должны были выслушивать жалобы казахов и принимать участие в разрешении их проблем в рамках закона, если же это было невозможно, то «вразумительно объяснить» почему нельзя сделать (§26). Они должны были внушать казахам повиноваться начальству, исполнять их требования, воздержаться от барымты, хищений, грабежей, объясняя, что виновные будут наказаны и преданы российскому суду (§27).

Инструкция определяла порядок делопроизводства и отношений попечителей с различными инстанциями власти. Попечители по делам службы посылали донесения в ОПК, губернские присутственные места, к лицам губернского управления; а к полковым командирам казачьего войска, в полковые правления, в уездные управления адресовали отношения; к станичным, форпостным и отрядным войсковым начальникам, также к дистанчным и местным казахским начальникам относились с предложениями (§32) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 106 об).

ОПК выделяла шнуrowые книги попечителям для записи устных просьб и жалоб казахов (§28). В книге должны были быть записаны кратко, но вместе с тем четко и отчетливо обстоятельства дела, доказательства на которых иск был основан и последовавшее решение. Такие статьи должны были быть подписаны депутатами споривших сторон и попечителем (§29) (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 106).

Также попечители должны были иметь реестры для записи получаемых ими и отправляемых от них бумаг по формам, которые присылались из ОПК (§30).

Инструкция предусматривала четкую структуру отчетности попечителей, и требовала ежемесячное представление в ОПК:

1. перечневых ведомостей с указанием количества устных разбирательств, сделанных ими по жалобам казахов на линейных жителей и наоборот. В примечании под ведомостью, попечители должны были показывать число жалоб, по которым не сделано разбирательства, объясняя причины этого;

2. именных ведомостей о состоящих в производстве уголовных делах;

3. статейных списков об арестантах, содержащихся под стражею (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 107).

Власть попечителей прилинейных казахов распространялась только на дела, которые касались жалоб казахов на линейных жителей, и наоборот. Дела, где речь шла о жалобах казахов на своих соплеменников, дистанчных и местных начальников находились в прерогативе ОПК (§34, 35). За неисполнение своих обязанностей попечители могли подвергаться ответственности на основании общих узаконений (§36).

В июне 1847 г. инструкция для попечителей была отправлена в МИД, лично К.В. Нессельроде (ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 54–56 об). После обсуждения она была утверждена.

6. Заключение

Институт попечителей возникает по мере появления решения задач, связанных с регулированием отношений населения окраины. Изучение двух инструкций созданных для попечителей, показывает нам, что функции данной категории чиновников в целом были схожи. Это – контроль, наблюдение, слежка, регулирование отношений жителей региона. В Башкирии попечители в основном контролировали местное кантонное управление и их начальников, а попечители

прилинейных казахов регулировали отношение казахов с линейными жителями, в первую очередь, с казаками.

Попечителем в 9-й башкирский кантон был назначен российский офицер, т.е. здесь учитывается военная система управления, установленная в Башкирии. В Казахской степи Оренбургского ведомства попечителями были чиновники края, закончившие службу, т.е. гражданские лица. Те и другие получали жалованье за свою службу. Попечитель 9-го башкирского кантона подчинялся непосредственно оренбургскому военному губернатору, а попечители прилинейных казахов подчинялись председателю Оренбургской Пограничной комиссии и оренбургскому военному губернатору. Последние могли получать распоряжения с двух инстанций власти, а майор Середа только от военного губернатора.

Майору Середа разрешалось во время командировок использовать башкирские подводы, а попечителям прилинейных казахов выделялось определенная сумма.

Институт попечительства выполняет свою функцию, дополняя функции казачьих начальников. Попечители выступали как «око» оренбургских начальников, регулируя взаимоотношения населения края.

Литература

Васильев, 2014 – *Васильев Д.В.* Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII–первая половина XIX века. М., 2014.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

Даль, 2009 – *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка: современная версия. М., 2009.

Избасарова, 2016 – *Избасарова Г.Б.* «Почётные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) // *Клио*. 2016. №6 (114). С. 44–51.

Избасарова, 2017a – *Избасарова Г.Б.* Имперские механизмы управления окраинами: башкиры, калмыки, казахи в XVIII – XIX вв. // *Вестник Российской нации*. 2017. № 2 (54). С. 113–124.

Избасарова, 2017b – *Избасарова Г.Б.* Институт попечителей во внутренней политике Российской империи: на примере Казахской степи Оренбургского ведомства XIX в. // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 2017. №6.

Каппелер, 1997 – *Каппелер А.* Россия – многонациональная страна. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С. Червоная. М., 1997

Кундакбаева, 2015 – *Кундакбаева Ж.Б.* От военно-административного надзора к имперской бюрократической системе управления: методы включения калмыков в административно-политическую систему Российской империи в XVIII в. // *Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи*. Сб. научных статей / Отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы, 2015. С. 179–198.

Материалы, 1960 – «Положение об управлении оренбургскими казаками» // *Материалы по истории политического строя Казахстана* / Сост. М.Г. Масевич. Т. 1. Алма-Ата, 1960.

Ремнев, 1997 – *Ремнев А.В.* Генерал-губернаторская власть в XIX в.: к проблеме организации регионального управления Российской империи // *Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук*. Омск, 1997. №2.

Ремнев, 2001 – *Ремнев А.В.* Власть и общество в региональном измерении // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001.

Ремнев, 2004 – *Ремнев А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск, 2004.

Киняпина, 1983 – *Киняпина Н.С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // *Вопросы истории*. 1983. №4. С. 35–47.

Сандерланд, 2010 – *Сандерленд Виллард*. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вильпиус, Алексей Миллер М., 2010. С. 105–149.

Султангалиева, 2015 – *Султангалиева Г.С.* Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Сб. научных статей / Отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы, 2015. 293 с.

Султангалиева, 2015 – *Султангалиева Г.С.* От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. // *Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи*. Сб. ст. Алматы, 2015. С. 237–265.

Суни, 2001 – *Суни Р.* Империя как она есть: имперская Россия, «национальное самосознание» и теория империй // *Ab imperio*. Казань, 2001. №1–2. С. 8–73.

Трепавлов, 1999 – *Трепавлов В.В.* Формирование системы отношений между центром и национальными окраинами в России (XVI–XX века) // *Россия в XX веке: проблемы национальных отношений*. М., 1999. С. 115–120.

Трепавлов, 2006 – Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI–XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Институт российской истории РАН / Отв. ред. член-корр. РАН А.Н. Сахаров. М., 2006. С. 172–182.

References

Vasil'ev, 2014 – Vasil'ev D.V. (2014). Rossiya i Kazahskaja step': administrativnaja politika i status okrainy. XVIII–pervaja polovina XIX veka [Russia and Kazakh steppe: administrative policy and status of the suburb. XVIII–first half of the 19th century]. Moskva. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State archive of the Orenburg region]

Dal', 2009 – Dal' V.I. (2009). Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: sovremennaja versija [Explanatory dictionary of the Russian language: modern version]. Moskva. [in Russian].

Izbassarova, 2016 – Izbassarova G.B. (2016). «Pochjotnye zalozhniki» kak otrazhenie gosudarstvennoj politiki Rossijskoj imperii k podvlastnym narodam v XVIII – XIX vv. (na primere kazahov Mladshego zhuza) ["Honorary hostages" as a reflection of the state policy of the Russian Empire to the subject people in the XVIII – XIX centuries (on the example of the Kazakhs of the Junior Horde)]. *Klio*. №6 (114). pp. 44–51. [in Russian].

Izbassarova, 2017a – Izbassarova G.B. (2017). Imperskie mehanizmy upravlenija okrainami: bashkiry, kalmyki, kazahi v XVIII – XIX vv. [The imperial mechanisms to manage the outskirts. The Bashkirs – the Kalmyks – the Kazakhs in the XVIII–XIX centuries]. *Vestnik Rossijskoj nacii*. 2017. № 2 (54). pp. 113–124. [in Russian].

Izbassarova, 2017b – Izbassarova G.B. (2017). Institut popechitelej vo vnutrennej politike Rossijskoj imperii: na primere Kazahskoj stepi Orenburgskogo vedomstva XIX v. [Institute of guardian in the Russian empire domestic policy: on the example of the 19th century Kazakh steppe in the Orenburg department] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 8. Istorija. 2017. №6. [in Russian].

Kappeler A. (1997) Rossiya – mnogonacional'naja strana. Voznikovenie. Istorija. Raspad [The Russian Empire: A Multi-Ethnic History] / Per. s nem. S. Chervonnaja. Moskva. [in Russian].

Kundakbaeva, 2015 – Kundakbaeva Zh.B. (2015). Ot voenno-administrativnogo nadzora k imperskoj bjurokraticheskoj sisteme upravlenija: metody vključenija kalmykov v administrativno-politicheskuju sistemu Rossijskoj imperii v XVIII v. [From military-administrative supervision to the imperial bureaucratic system of government: the methods of including Kalmyks in the administrative and political system of the Russian Empire in the 18th century] // Kochevye narody Central'noj Evrazii XVIII–XIX vv: sravnitel'no-istoricheskij analiz politiki Rossijskoj imperii. Sb. nauchnyh statej / Otв. red. G.S. Sultangaliev. Almaty. pp. 179–198. [in Russian].

Materialy, 1960 – Materialy po istorii politicheskogo stroja Kazahstana (1960) [Materials on the history of political system of Kazakhstan (since the accession of Kazakhstan to Russia until the Great October Socialist Revolution)]. Sost. M.G. Masevich. T. 1. Alma-Ata. pp. [in Russian].

Remnev, 1997 – Remnev A.V. (1997). General-gubernatorskaja vlast' v XIX v.: k probleme organizacii regional'nogo upravlenija Rossijskoj imperii [The governor-general in the 19th century: to the problem of organizing the regional administration of the Russian Empire]. *Vestnik Omskogo otdelenija Akademii gumanitarnyh nauk*. Omsk. №2. [in Russian].

Remnev, 2001 – Remnev A.V. (2001). Vlast' i obshhestvo v regional'nom izmerenii [Power and Society in the Regional Dimension] // Prostranstvo vlasti: istoricheskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti. Moskva. [in Russian].

Remnev, 2004 – Remnev A.V. (2004). Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaja geografija vlasti XIX – nachala XX vv [Russia of the Far East. The imperial geography of power of the XIX – early XX centuries]. Omsk. [in Russian].

Kinjapina, 1983 – Kinjapina N.S. (1983). Administrativnaja politika carizma na Kavkaze i v Srednej Azii v XIX veke [The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia in the XIX century]. *Voprosy istorii*. №4. pp. 35–47. [in Russian].

Sanderland, 2010 – Sanderland Villard (2010). Ministerstvo Aziatskoj Rossii: nikogda ne sushhestvovalshee, no imevshee dlja jetogo vse shansy kolonial'noe vedomstvo [Ministry of Asian Russia: never existed, but had for this purpose all the chances of a colonial office] // Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917). Sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vil'pius, Aleksej Miller. Moskva. pp. 105–149. [in Russian].

Sultangaliev, 2015 – Sultangaliev G.S. (2015). Kochevye narody Central'noj Evrazii XVIII–XIX vv: sravnitel'no-istoricheskij analiz politiki Rossijskoj imperii [The nomadic peoples of Central Eurasia of the 18th–19th centuries: the comparative historical analysis of the policy of the Russian Empire]. Sb. statej / Otв. red. G.S. Sultangaliev. Almaty. [in Russian].

Sultangaliev, 2015 – Sultangaliev G.S. (2015). Ot pristava k pristavstvu: politika Rossijskoj imperii v Kazahskoj Step'i v pervoj polovine XIX v. [From pristav's to pristavstvo: the policy of the Russian Empire in the Kazakh Steppe in the first half of the 19th century] // Kochevye narody Central'noj Evrazii XVIII–XIX vv: sravnitel'no-istoricheskij analiz politiki Rossijskoj imperii. Sb. nauchnyh statej. Almaty. pp. 237–265. [in Russian].

Suni, 2001 – Suni R. (2001). Imperija kak ona est': imperskaja Rossija, «nacional'noe samosoznanie» i teorija imperij [Empire as it is: imperial Russia, "national identity" and the theory of empires]. *Ab imperio*. Kazan. №1-2. pp. 8-73.

Trepavlov, 1999 – Trepavlov V.V. (1999). Formirovanie sistemy otnoshenij mezhdru centrom i nacional'nymi okrainami v Rossii (XVI–XX veka) [Formation of the system of relations between the center and the national outskirts in Russia (XVI–XX century)] // *Rossija v XX veke: problemy nacional'nyh otnoshenij*. Moskva. pp. 115–120. [in Russian].

Trepavlov, 2006 – Trepavlov V.V. (2006). Osobennosti i zakonomernosti «nacional'noj politiki» v Rossii XVI – XIX vv. [Features and patterns of the "national policy" in Russia XVI – XIX centuries] // *Istorija i istoriki: istoriograficheskiy vestnik / Institut rossijskoj istorii RAN / Otv. red. A.N. Saharov*. Moskva. pp. 172–182. [in Russian].

УДК 94(47) + 950(=574)"19"

Институт попечителей в Казахской степи XIX в.: правовое положение и должностные инструкции

Гульбану Болатовна Избасарова^{a, *}

^a Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Казахстан

Аннотация. В данной статье на основе архивных источников изучается институт попечителей, возникший на территории казахов Оренбургского ведомства в середине XIX в. Проводится анализ инструкций созданных для попечителей 9-го кантона башкир и для казахов Оренбургского ведомства. Рассматривается правовой статус попечителя прилинейных казахов. В научный оборот вводится определенный круг источников.

Основную источниковую базу исследования составили документы фондов государственного архива Оренбургской области, а также опубликованные материалы, вошедшие в сборники документов. Часть источников впервые вводится в научный оборот.

На основе компаративного анализа доказывается, что попечительство может рассматриваться не только как общественный институт (управление учреждениями в социальной сфере: в образовании, культуре, здравоохранении XIX в.), но и как политический, широко использованный центром во внутренней политике Российской империи.

Ключевые слова: попечители, Казахская степь, Российская империя, казаки, башкиры, К.В. Нессельроде, М.В. Ладыженский, оренбургский военный губернатор.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: iz_gulbanu@mail.ru (Г.Б. Избасарова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1376-1385, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1376
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 398.324

**“Study of the Livles Remnants, Descendants of the Primitive Inhabitants of the Province”:
 A. Sjögren and F. Wiedemann Scientific Activity in the middle of XIX c.**

Vladimir I. Kolesov ^{a, *}

^a E.D. Felitsyn`s Krasnodar State Historical and Archeological Museum, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the history of Livonian language investigated by A. Sjögren and F. Wiedemann who were the famous Russian philologists. They typologized and classified this scientific phenomena – Livonian language. As a base of the article, the author use publications of their scientific works and field expedition database.

In addition, the author take records of interviews collected during an expedition on 2016 year by researches of Kuban State University in some of Livles villages in Latvia. Moreover, he pay attention to military-statistical descriptions of settlements from XIX century.

The article provide us with a history and a role of A. Sjögren and F. Wiedemann in saving of Livonian culture and studying of language and folklore of this population.

Besides such classic methods as “historical and typological” and “historical-comparative” there was applied discourse-analysis for deconstructing of scientific texts as well as situational analysis of cooperation of researcher and “field”. The methodology of “historicism” was applied to demonstrate sociohistorical event in interrelationship of texts and contexts.

There were highlighted some stages in the history of investigation. The first stage was pre-scientific one, later it was change by academic epoch, connected with the name of K. Baer, A. Sjögren and F. Wiedemann. The author pay attention to the role of that researches in the protecting of the Livles culture, studding of language popularization of folklore. Actualization/construction of ethno-linguistic Livles community in the proses of A. Sjögren and F. Wiedemann`s investigation are in the focus of the article.

Subsequently “Livles problem” became an object of study previously for “Fenno-Ugorian” world (Finnish and Estonian)

The author come to the conclusion about the decisive contribution of A. Sjögren and F. Wiedemann which defined the boundaries of the Livles community that forms the sample the Livles by next years.

Keywords: the Livles, Russian Empire, K. von Baer, A. Sjögren, F. Wiedemann, ethnography, the Livonian language, history of anthropology.

1. Введение

Внимание к ливам, коренному населению Балтийского побережья Латвии, в последние годы было актуализировано сообщениями о смерти последних носителей ливского языка – Виктора Бертольда (2009 г. в Латвии) и Гризельды Кристиня (в 2013 г. в Канаде). История и судьба современных ливов, утративших свой язык, но сохранивших самосознание стали предметом научных статей исследования и газетных публикаций журналистов. Не первый раз на повестке дня стоит вопрос о вымирании ливов. Тревогу за их судьбу в середине XIX в. проявляли не только общественные деятели, но и академические исследователи. Целью данной статьи станет вопрос о том, как исследователь, фокусируя внимание на изучаемый объект, волей-неволей его

* Corresponding author

E-mail addresses: vovakolesov1971@gmail.com (V.I. Kolesov)

создает/классифицирует или даже конструирует (см. например: Шапира, 2006). В центре статьи – деятельность выдающихся филологов А. Шегрена (Sjögren) и Ф. Видемана (Wiedemann), приведшая к всплеску научного внимания к ливскому вопросу, и создавшая объект исследования для последующих поколений исследователей.

2. Материалы и методы

2.1. Статья построена на анализе широкого круга гетерогенных источников. Во-первых, были использованы материалы опубликованных научных трудов изучаемых исследователей на русском, немецком и иных языках (ЖМНП, 1855: 1–8; Sjögren, 1861a; Sjögren, 1861b; Видеман, 1870; Видеман, 1872), рассмотрена последующая историография, панегирически и критически относящаяся к «романтической» науке XIX в. (Аристе, 1954: 259–263; Аристе, 1958: 34, 37; Загребин, 2006). Во-вторых, проанализированы опубликованные материалы, раскрывающие общеимперский контекст развития науки в центре и на национальных окраинах (в данном случае в Финляндии): взаимоотношения и взаимовлияния, дух Просвещения, рост национализма и национального возрождения (Бер, 1846: 93–115; Записки Русского Географического общества. Кн. 1–6, СПб, 1846–1852; Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским Географическим обществом. Вып. 1–5, СПб, 1853–1862; Могильнер, 2008). Привлечены к анализу статистические материалы (Военно-статистическое обозрение Курляндской губернии), вышедшие в «свет» в стенах неакадемических структур, например, Генерального Штаба (Грандидиер, 1848).

В-третьих, для комплексного раскрытия проблемы были привлечены этнографические источники – материалы 12 «неструктурированных» интервью и фотодокументы (более 500 ед.), собранные в результате проведения этнографической экспедиции Кубанского государственного университета (см. ПМЭ КубГУ). Данные устной истории, полученные в интервью, дополнялись и уточнялись фотоматериалами.

2.2. Решение исследовательских задач предлагаемой статьи методологически основывается на классических принципах историзма и объективности. В ходе исследования автором применялись традиционные в отечественной историографии методы: сравнительно-исторический, историко-типологический, дискурс-анализ. История антропологии (этнологии) бурно развивается в последние десятилетия, потому что позволяет отразить процессы формирования научного знания (например, см.: Могильнер, 2008), методологию сбора полевого этнографического материала. Антропологическая лингвистика была научной практикой А. Шегрена, Ф. Видемана и их последователей, изучавших не только ливский язык, но и особенности ливской культуры. Используемые методы позволили выявить научную преемственность в исследовательских трудах специалистов финно-угроведения от А. Шегрена до П. Аристе, Э. Вяари и Т.-Р. Вийтсо. Дискурс-анализ (Йоргенсен, Филлипс, 2008) раскрыл обусловленность работ А. Шегрена и Ф. Видемана эволюционной парадигмой середины XIX в, их взгляды на модель зависимости культуры от языка. Используется метод деконструкции сформировавшегося в середине XIX в. научного нарратива Шегрена и Видемана. Через деконструкцию возможно продемонстрировать, что сущности, которые считаются объективными и естественными, в реальности могут быть лишь условными комбинациями элементов, которые могли быть артикулированы по-другому (Йоргенсен, Филлипс, 2008: 302).

Применяется ситуационный подход, когда фокус исследователя смещается с акторов исторического события как такового на процесс их взаимодействия с изучаемыми группами (см., например: Миллер, 2006: 29), в данном случае, ливов. Взаимодействие Ф. Видемана с ливами имело итогом не только научные труды, но и создание ливского литературного языка и выпуск первых печатных книг на ливском языке.

Полевой этнографический материал (интервью) анализировался с помощью интеракционистской методики исследования взаимодействия этнолога и информанта как коммуникативного акта, в результате которого происходит взаимовлияние. Таким образом, полученные данные обусловлены тематикой вопросов, мировоззрением и уровнем образованности информанта, а также контекстом проведения интервью.

Применяемая методология «историзма», предложенная Дж. Стокингом в противопоставление «презентизму», позволила проанализировать изучаемое явление во всех аспектах внешних коммуникативных связей, обуславливающих динамику и изменчивость, но с другой стороны, перманентно формирующих и собирающих феномен, попавший в исследовательский фокус (Stocking, 1968: 1–12).

3. Обсуждение

До середины XIX в., до начала академического изучения истории языка и культуры ливов, ими интересовались спорадически и бессистемно. Одним из первых организаторов исследования ливского языка был А.Л. Шлёцер, по инициативе которого пасторы в Курляндии записали ливские слова и предложения, опубликованные в 1770 г. (Аристе, 1958: 33). Любительские записи ливского языка продолжились в начале XIX в. (Jannau, 1828). Один из «героев» данной статьи А. Шегрен стал первым академическим исследователем, описавшим оба диалекта ливского языка и особенности ливской культуры (Sjögren, 1861). Продолжатель дела Шегрена – Ф. Видеман провел собственное

исследование и обработал для публикации шегреновские материалы, соединив их со своими. Кроме того, Видеман был одним из создателей ливского литературного языка. В дальнейшем ливская проблематика находилась в сфере интересов, в основном, финноязычных авторов (Setälä, 1953; Kettunen, 1925; Kettunen, 1938; Posti, 1942), в тоже время национальный подъем 1920–1930-х гг. породил и собственных ливских культурных деятелей, развивавших национальную литературу (Damberg, 1935). Особое место в изучении финно-угорских языков, и ливского в частности, занимает Тартуский университет и Эстонский национальный музей (Loorits, 1927; Loorits, 1931; Loorits, 1936; Пальмеос, 1947: 84–100). Присоединение Латвии к СССР и окончание II Мировой войны ознаменовало новый этап интереса к культуре и языку ливов (Абен, 1947: 7–24; Аристе, 1954; Аристе, 1958). Финно-угорская проблематика аккумулировалась в специализированных научно-исследовательских институтах «профильных» республик и автономий. Ливская тематика традиционно развивалась в Эстонии, в основном в Тарту (Вяари, 1966; Вяари, 1967; Viitso, 1974). После распада СССР ливская филология продолжает функционировать в независимой Эстонии (Tuisk, 2006) и Латвии (Ernštreits, 2002), но и российские языковеды не оставляют своим вниманием зарубежное финно-угроведение. В этом контексте можно отметить защищенную в 2009 г. кандидатскую диссертацию А.М. Даугавет (Даугавет, 2009). Научно-исследовательские вопросы развития финно-угроведения последовательно раскрываются А.Е. Загребиним (Загребин, 2006).

4. Результаты

Зарождающаяся в России в середине XIX в. этнография одним из своих предназначений, через идеи Карла фон Бэра, считала исследование неизведанной территории империи (вместе с географией, в лоне которой она институционализировалась), населенной разнообразными народами, народностями и «племенами». К. фон Бэр (1792–1876), немец, уроженец Эстляндии, один из основателей Русского Географического общества, был озабочен просвещением народных масс, полагал функцией государства продвигать цивилизацию «примитивным» народам, некоторые из которых, к тому же, были под угрозой исчезновения с лица земли. Поэтому, по его мнению, по его мнению, существовала опасность, что с другой стороны, цивилизаторское движение могло разрушить природную особенность и специфику таких народов, и, следовательно, имелась потребность в их немедленном изучении и фиксации языка и культуры. Будучи по образованию биологом, и защитив в 1817 г. в Дерптском (Тартуском) университете докторскую диссертацию по медицине, Бэр до начала 1840-х гг. специализировался по зоологии и физической антропологии (Таммиксаар, 2011: 72–74), актуализировал внимание общественности на необходимость изучения «первобытных древностей» (Платонова, 2010: 611).

В своей программной речи при открытии этнографического отделения ИРГО в 1846 г. Бэр свою озабоченность процессом исчезновения этнических групп проиллюстрировал примером двух народов, живших в Курляндии (прибалтийской провинции Российской империи) – ливов и кривингов (Бер, 1846: 94). Согласно данным того времени, ливов, говоривших на родном языке, к 1839 г. осталось всего 17 чел. (Основание, 1846: 37), а кривингов и вовсе уже не обнаруживалось. Для спасения/изучения культуры и языка этих двух прибалтийских групп по инициативе К. фон Бэра летом того же 1846 г. была организована экспедиция в составе известного филолога и этнографа, финна по происхождению, А. Шегрена (Andreas Johan Sjögren) и художника-портретиста К.-Г.-А.И. Пецольда (Найт, 2005: 169, 174). А. Шегрен – воспитанник гимназии в Борго и знаменитого университета в Або (ныне – г. Турку, Финляндия), целью жизни которого стало «изучение языков Чудского корня», т.е. финно-угорских языков (ЖМНП, 1855: 1–2). Выбор Шегрена в качестве исследователя был не случаен: являясь специалистом по финно-угорским языкам, имевшим богатый экспедиционный опыт, он давно сотрудничал с Бэром и состоял с ним в личной переписке (Таммиксаар, 2009: 145). Большую роль в становлении Шегрена как ученого сыграл созданный канцлером Н.П. Румянцевым своеобразный «кружок» финляндских интеллектуалов (Барышева, 1994), одним из проектов которого должно было стать комплексное изучение финно-угорских народов России (Загребин, 2006: 172–173).

Полученные экспедиционные результаты вроде бы были обязаны успокоить общественность: Шегрен на балтийском взморье в курляндских деревнях обнаружил не 17, а более 2000 ливов и 11 кривингов. В своем отчете, помимо лингвистической характеристики языков двух ливских групп (лифляндской и курляндской), Шегрен указал на основное занятие ливов – рыболовство и мореплавание, отметив, что лишь немногие занимаются скотоводством и хлебопашеством. Описал он также костюмный комплекс ливов, их антропологический тип и другие особенности культуры. «Отличительная черта характера Ливов состоит в мужестве, решительности, расторопности и опрятности; но притом они прямы и корыстолюбивы; главные преступления их – воровство и грабеж судов, выброшенных на берег. Ливы суеверны и слынут колдунами» (Извлечение из отчета 1847: 260). По его наблюдениям, лифляндские ливы (всего 22 чел.) практически не говорили на ливском языке, в отличие от курляндских, довольно широко его еще употреблявших. Отмечая близкородственность двух вариантов ливского языка, Шегрен зафиксировал различные наименования для них: «Лифляндские Ливы называют свое наречие Lübbkiel, а Курляндские свое Randakiel, т.е. береговой язык» (Извлечение из отчета, 1847: 261).

С другой стороны, как справедливо отмечал Н. Найт, будучи лингвистом и приверженцем финской фольклорной традиции, Шегрен обращал внимание на доказательства принадлежности ливского языка финно-угорскому миру (Найт, 2006: 175), тем самым, возможно, акцентируя внимание на одной стороне ливской билингвальной языковой среды, не сосредотачиваясь на владении ими латышским. Шегрен детально и скрупулезно проверил свидетельства и упоминания о местах проживания ливов в текстах XVII–XVIII вв.

Финноязычная этнография являлась выразителем национальной идентичности, и как русская партия в ИРГО фокусировалась на исследовании русского населения, так же искала «своих собратьев» в различных закоулках Российской империи (Загребин, 2006: 179; Найт, 2006: 176). В этом смысле ливы и кривинги оказались чрезвычайно кстати: для поборника просвещенности, писавшего только по-немецки и на латыни, и настаивавшего на изучении нерусских народностей К. фон Бэра – как важный образец вымирающих народов; для угрофила Шегрена – как возможность продемонстрировать распространение «финской» языковой среды и культуры на юг, в более широких пределах по сравнению с ареалами обитания других финно-угорских групп. Не случайно, Шегрен очень интересовался историей ливов, пытаясь выяснить их связь названия с летописной и средневековыми аналогами, тем самым легитимировать укорененность и преемственность их для прибалтийского региона.

Ранее Шегрен выступил таким же первооткрывателем в научном смысле для другой финно-угорской этнической группы – вепсов (Загребин, 2006: 135). Планировалась экспедиция А. Шегрена на следующий 1847 г. в западные пределы Санкт-Петербургской губернии (к ижоре, ингерманландцам и води?), но тенденции в ИРГО, приведшие к победе «русской» партии Н.И. Надеждина, не позволили этому проекту осуществиться: влияние фон Бэра существенно снизилось и финансирование исследований «нерусских» народностей было свернуто. В этом смысле показателен «Этнографический сборник», выпускавшийся ИРГО, начиная с 1853 г. Напечатав в 1847 г., Программу сбора этнографического материала, Общество получило большой объем корреспонденции из разных частей империи, и приняло решение опубликовать эти сведения, отделив статьи об «инородцах» в отдельный том. Таким образом, первые четыре выпуска включили всевозможные локальные описания «великорусского» народа, и лишь в пятом томе встречались несколько текстов о евреях, хивинцах и т.д.

Бэровская озабоченность состоянием ливского и кривингского языков показательна для состояния антропологического знания середины XIX в. – этнографическое сообщество, зародившееся в стенах Русского Географического общества, вне зависимости от взглядов на развитие данной научной дисциплины, считало язык неперменным и, возможно, главнейшим атрибутом культуры и самобытности народа.

Выведа ливов из «тени забвения», Шегрен открыл путь для исследования следующим поколениям этнографов, демографов, историков, по-прежнему, в большей степени связанных академическим бэкграундом с «финским миром» (Загребин, 2006: 173).

В Российской империи науки развивались не только в рамках академических структур, но и под эгидой Военного министерства – ведомства, стимулировавшего комплексные (в основном, географические и статистико-демографические) исследования населения страны, особенно вновь приобретаемых территорий.

Поэтому одновременно с работами Шегрена, мы видим ливов в дискурсе составителя Военно-статистического обозрения Курляндской губернии, капитан Генштаба фон Грандидиера, демонстрировавшего по отношению к ним пренебрежение, смешанное с недоуменностью: «К латышам можно причислить еще Ливонцев; их всего около 1000 душ, они живут в маленьких деревушках, на морском берегу северной оконечности Курляндии, в Виндавском уезде и говорят особым языком; по нравам и быту они совершенно сходствуют с Латышами, стараются однако не сливаться с ними и дорожат какою-то народностью» (Грандидиер, 1848: 30).

Продолжателем шегреновского дискурса спасения исчезающего ливского языка стал Фердинанд Видеман. Посвятив ливам и кривингам несколько работ, создав первый ливский словарь, участвовав в «рождении» письменности, Ф.И. Видеман продолжал вслед за Шегреном «стенать» о незавидной доле финноязычных ливов, подвергшихся вытеснению латышами в неудобные для земледелия северо-западные районы Курляндии и немецкой ассимиляции. Само название работ Видемана «Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния ливов» и «О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривингов» маркируют существовавший эволюционный взгляд и в тоже время представления о некоем «золотом веке» в истории ливского народа. «С Кривинами случилось, таким образом, совершенно то же, что с их родственным им племенем Ливов в Лифляндии. Когда язык, не установившийся посредством литературы, не употребляется ни в церкви, ни в школе, а вращается в одном только ежедневном домашнем обиходе, он необходимо должен прежде всего значительно ограничиться в объеме» (Видеман, 1872: 1–2).

Если допустить, что действительно Шегрен обнаружил в 1846 г. лишь десять или одиннадцать человек кривингов, сохранявших «кое-какие смутные воспоминания о своем родном языке», то уже в 1870 г. Видеман не увидел никого из них и пользовался в своем анализе кривингского языка материалами предшественника. Главный информант Шегрена – старик Миккель Саусайз знал лишь

отдельные слова и «не был в состоянии понять небольшую приветственную фразу», составленную для него Шегреном (Видеман, 1872: 72). Лингвистический анализ Видемана позволили ему дифференцировать кревинский от ливского и отнести первый язык к «западной группе финского семейства языков» (Видеман, 1872: 95–96). «Название «Ливов» в самом народе не употребительно. Хотя, по словам Шегрена, салисские Ливы и называют себя Līb, но едва-ли можно сомневаться в том, что они делают это только потому, что уже вообще не говорят на родном своем языке. Весьма понятно, что говоря по-латышски, они называют Ливов тем-же самым именем, которым их называют Латыши. Курляндским же Ливам это название также правда известно, но говоря по-ливски, они никогда не придают его себе, а называют себя rāndalist (береговыми жителями), в противоположность Латышам, населяющим внутренние части края...» (Видеман, 1870: 6). Видеман фактически излагал собранные Шегреном материалы, опираясь на его авторитет. Первые страницы видемановского текста про ливов пестрили фразами: «Из розысканий Шёгрена, имевшего случай исследовать язык этих мнимых Ливов в Аагофе и Сельтинггофе», «Шегрен, которому не удалось собрать никаких сведений об этих мнимых Ливах» (Видеман, 1870: 4).

Видеман, вслед за Шегреном, говорил о двух группах ливов. Лифляндских (всего 5 человек в 1858 г.) и курляндских (2324 чел.).

«Здесь, конечно, речь идет только о тех, которые говорят по-ливски или, по крайней мере, знакомы с этим языком. Некоторые другие известия о местностях, где будто бы жили ливы, при ближайшем рассмотрении оказались неправильными» (Видеман, 1870: 2).

Но давайте посмотрим, как рассматриваемые Видеманом авторы упоминали ливов. Они, в основном, описывали местность, бывшую когда-то Ливонией, и упоминали остатки долатышского населения, огульно всех именуя ливами. «...мы сообщим те немногие известия, в которых еще упоминается о «Ливах»; вообще употреблялось выражение «ненемцы» или «крестьяне», и не делалось различие между Ливами, Латышами и Эстами» (Видеман, 1870: 7). Для авторов донучной эпохи термин «ливы» – собирательный и территориальный, обозначающий жителей Ливонии.

При этом Ф. Видеман, далее рассматривая уже не группы, а, собственно, языковую ситуацию фиксировал: «Вообще говоря, между лифляндским и курляндским наречием ливского языка столько же, если не больше, различия, сколько между двумя главными наречиями эстского языка; салисское наречие составляет как бы противоположность двум курляндским наречиям ливского языка, которые сами гораздо меньше отличаются одно от другого, и из которых западное наречие в некоторых словах походит на салисское. Но это различие в наречиях не мешает курляндским Ливам, подобно ревельским и дерптским Эстам, считать себя близкими родичами салисских Ливов, о которых они издавна имели сведения» (Видеман, 1870: 139–140).

Таким образом, можно предположить, что Видеман, продолжив шегреновскую линию, объединил вслед за ним две близкородственные по языку группы населения в одну общность – ливы.

С другой стороны, Ф. Видеман помимо научной деятельности, занимался практическим спасением ливского языка. В 1851 г. с его участием был создан литературный ливский язык отдельно для западного и восточного говоров курляндского диалекта с письменностью, базирующейся на латинской основе. Под редакцией Видемана в 1863 г. была выпущена первая печатная книга на ливском языке: Евангелие от Матфея в переводе учителей Ника Полманна и Яна Принца (Вяари, 1966: 143). Память о Яне/Янисе Принце/Принцисе как «культурном герое», создавшем ливскую литературу сохраняется и в среде современных немногочисленных ливов в Латвии. В Микельторнисе, родной деревне Я. Принциса, на кладбище ему поставлен памятник. Памятник Принцису стоит и в Вентспилсе, втором по величине городе Латвии. Лидеры современного ливского движения ежегодно посещают его 1 октября в день смерти языковеда-переводчика (ПМЭ КубГУ, 2016). Видеман отмечал пуризм Я. Принциса, тщательно вычищавшего при составлении литературного языка ливский язык от германизмов и латышских терминов (Видеман, 1870: 140).

В современном языкознании «с легкой руки» выдающегося филолога П.А. Аристе закрепилось мнение о решающем значении исследований А. Шегрена и Ф. Видемана в установлении самостоятельности и самодостаточности ливского языка. В тоже время, тот же Аристе критиковал этих двух известных академиков в «излишнем теоретизировании»: по его мнению, записи салацкого диалекта ливского языка неточны, что, в том числе, могло быть обусловлено методикой сбора материалов. «...Шегрен также не знал латышского языка и, по-видимому, пользовался в качестве вспомогательного немецким языком. Известно, что, находясь среди ливов Дундаги, Шегрен отдавал предпочтение собеседникам, знавшим немецкий язык» (Аристе, 1954: 259).

После пика академического внимания в середине XIX в. о ливах в столицах «забыли», и на долгие годы только национально ориентированная финская академическая интеллигенция разрабатывала «ливский вопрос», чаще всего в контексте общего финно-угроведения. В 1860 е гг. ливский язык и культуру в контексте общефинской проблематики изучали финноязычные автор – Й. Коскинен (Koskinen, 1866) и А. Альквист (Ahlqvist, 1869).

В 1888-м и 1912-м годах места проживания ливов посещал финский фольклорист Э.Н. Сэтэля – продолжатель дела академика Шёгрена, известный филолог, теоретик стадиальности развития прафинноугорского языкового единства. В контексте нашего вопроса интересен факт,

зафиксированный Сэтэля от некоего доктора Ц. Шлау о смерти в 1888 г. последнего лива в Лифляндии ([Setälä, 1887–1890: 242](#); [Вяари, 1967: 77](#)).

И позднее, в контексте «спасения старой народной культуры», провозглашенной целью Эстонского национального музея (осн. в 1909 г), ливов в 1910–1920-х гг. изучали финские и эстонские исследователи: лингвисты Л. Кеттунен ([Kettunen, 1925](#); [Kettunen, 1938](#)) и О. Лооритс ([Loorits, 1927](#); [Loorits, 1931](#); [Loorits, 1936](#)), этнограф Ф. Линнус, бывший в 1929–1942 гг. директором музея и главой отдела этнографии. Он готовил диссертацию о традиции пчеловодства у эстонцев и ливов, и написал рукопись «Этнография ливов» ([Ныммела, 2011: 138–139, 143–144](#)).

5. Заключение

Таким образом, Романтизм и эпоха Просвещения породили в Российской империи новую когорту интеллектуалов, заботящихся о сохранении народной культуры, и не только русских, но и жителей национальных окраин. В этом контексте формирование этнографии как отдельной научной дисциплины в рамках появившегося в 1845 г. Русского Географического общества способствовало актуализации изучения финно-угорских народов империи. Середина XIX в. ознаменовалась новым академическим этапом в исследованиях этнического состава Российской империи. На смену любителям, пришли профессионалы, стремившиеся получить качественные знания для создания научных закономерностей, характерных для естественных наук. В тоже время, проявилась гражданская миссия науки, выражавшаяся в стремлении не только изучить/исследовать, но и, тем самым, сохранить уникальные народы и культурные особенности. Артикулированная К. фон Бэрм проблема исчезновения народов и культур привела к росту исследования малых этнических групп, в том числе ливов – коренного населения Балтийского взморья. Этнографические и лингвистические экспедиции А. Шегрена и Ф. Видемана стали вехой в отечественном финно-угроведении: привели к фиксации ливского языка, доказательству его самостоятельности, и тем самым, выделению из общего финно-угорского массива, и отделению от эстонского языка, в частности. В тоже время, лингвистическая доминанта в определении этнической принадлежности позволила экстраполировать термин «ливы», функционировавший среди лифляндских ливофонов на курляндское население, близкородственное по языку, но имевшее иные параметры самоопределения. Численность курляндских ливов, определенная Шегреном в количестве более 2000 чел., стала аксиомой для всей второй половины XIX в., и транслировалась в неизменном виде вплоть до I Всероссийской переписи населения 1897 г. Эволюционистские взгляды Ф. Видемана мотивировали его участвовать в создании ливского литературного языка, потому что письменность была для него неотъемлемым атрибутом цивилизованного народа и гарантией сохранения языка, и, таким образом, самобытной культуры.

После всплеска внимания середины XIX в., ливская тематика «отошла в тень», превратившись в специфическую научную проблему финляндских интеллектуалов, всячески поддерживающих дискурс ливской укоренности и аутентичной древности.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта, поддержанного Российским научным фондом № 15-18-00008 «Вымирание малых народов: факторы, дискуссии, ревитализация» (2015–2017 гг.). Организация, через которую осуществляется финансирование – Кубанский государственный университет.

Литература

[Абен, 1947](#) – *Абен К.* Ливские и эстонские элементы в латышском языке // Филологические доклады на конференции по вопросам финноугорской филологии в Ленинграде в 1947 г. / *Ученые записки Тартуского государственного университета: Филологические науки*, № 4. Тарту: РК “Teaduslik Kirjandus, 1947. С. 7–24.

[Аристе, 1954](#) – *Аристе П.А.* К вопросу о развитии ливского языка // *Труды Института языкознания СССР*. Том IV. 1954. С. 254–307.

[Аристе, 1958](#) – *Аристе П.А.* Ливы и ливский язык // *Известия Академии наук Эстонской ССР*. Т. VII. Серия общественных наук, 1958, № 1. С. 36–46. Под этим же названием абсолютно идентичный текст в том же году был опубликован в: *Известия Академии наук Латвийской ССР*, 1958, № 11 (136). С. 31–50.

[Барышева, 1994](#) – *Барышева Е.А.* Румянцевский кружок и становление этнографической науки в России // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 3. С. 90–104.

[Бер, 1846](#) – *Бер К.М.* Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // *Записки Русского Географического Общества*. Книжка первая. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1846. С. 93–115.

[Видеман, 1870](#) – *Видеман Ф.И.* Обзор прежней судьбы и нынешнего состояния ливов // Приложение к XVIII тому Записок Императорской Академии наук. СПб., 1870. 140 с.

[Видеман, 1872](#) – *Видеман Ф.И.* О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривоносов // Приложение к XXI тому Записок Императорской академии наук. №3. СПб., 1872. 118 с.

- Вяари, 1966** – Вяари Э.Э. Ливский язык // *Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки*. М.: Наука, 1966.
- Вяари, 1967** – Вяари Э. Ассимиляция ливского языка в Лифляндии и Курляндии // *Вопросы финно-угорского языкознания*. Вып. IV. Ижевск, 1967.
- Грандидиер, 1848** – *Военно-статистическое обозрение Российской империи*. Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-ом отделении Департамента Генерального Штаба. Том VII. Часть 1. Военно-статистическое обозрение Курляндской губернии. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял: Генерального Штаба Капитан Фон-Грандидиер. СПб.: Типография департамента Генерального Штаба, 1848. 59 с.
- Даугавет, 2009** – Даугавет А.М. Слоговая долгота в балтийских языках в сопоставлении с эстонским и ливским: Автореф. на соиск. уч. ст. к.филол. наук. СПб., 2009. 19 с.
- ЖМНП, 1855** – Академик А.М. Шегрен // *Журнал Министерства Народного просвещения*. Часть LXXXVI. Отд. V. Апрель, 1855. С. 1–8.
- Загребин, 2006** – Загребин А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.
- Извлечение из отчета, 1847** – Извлечение из отчета, представленного Русскому Географическому обществу членом-сотрудником А. Шегреном, об этнографической экспедиции в Лифляндию и Курляндию // *Записки Русского Географического общества*. Книжка вторая. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847.
- Йоргенсен, Филлипс, 2008** – Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков, 2008. 352 с.
- Миллер, 2006** – Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Могильнер, 2008** – Могильнер М. Homo imperii: История физической антропологии в России (конец начала) М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Найт, 2006** – Найт Н. Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // *Российская империя в зарубежной историографии*. Работы последних лет: антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2006.
- Ныммела, 2011** – Ныммела М. Становясь этнографом. Полевые исследования Фердинанда Линнуса в 1920-е гг. // *Ежегодник финно-угорских исследований*. Вып. 4 / Науч. ред. Н.И. Леонов; сост.-ред. А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова; отв. ред. Д.И. Черашня. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. С. 138–146.
- Основание, 1846** – Основание в С. Петербурге Русского Географического Общества и занятия его с Сентября 1845-го по Май 1846 года // *Записки Русского Географического Общества*. Книжка первая. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1846. С. 25–42.
- Пальмеос, 1947** – Пальмеос П. Роль Тартуского Университета в исследовании финноугорских языков // Филологические доклады на конференции по вопросам финноугорской филологии в Ленинграде в 1947 г. / *Ученые записки Тартуского государственного университета: Филологические науки*, № 4. Тарту: RK “Teaduslik Kirjandus”, 1947. С. 84–100.
- Платонова, 2010** – Платонова Н.И. Карл Максимович Бэр и начало исследования первобытных древностей России // *Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)* / Отв. редакторы И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М: Гриф и К., 2010. С. 611–623.
- ПМЭ КубГУ, 2016** – *Полевые материалы экспедиции Кубанского государственного университета* (Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш., Колесов В.И., Дрейер Л.М., Дерябкина Л.В.) в ливские села Латвии 24.08 – 3.09. 2016 г.
- Таммиксаар, 2011** – Таммиксаар Э. Отношения между наукой и национальностью в Российской империи XIX века на примере Карла Бэра // *Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв.* Под ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту: Эстонский национальный музей, 2011. С. 71–80.
- Шапира, 2006** – Шапира Д. Как наблюдатель трансформирует наблюдаемый объект: Авраам Фиркович на Кавказе в 1840 г. и в 1849–1850 гг. и его влияние на горских евреев // *Judaica Rossica*. Вып. 4. М., 2006. С. 8–30.
- Ahlqvist, 1869** – Suomalainen Murteiskirja tahi Lukemisia Viron, Karjalan, Vepsän ja Liivin kielillä suomalaisten sanstojen kanssa toimittanut Aug. Ahlqvist. Helsingissä: J. Simeliuksen perillisten kirjapainossa, 1869. 274 p.
- Damberg, 1935** – Damberg P. Jemakiel lugdöbräntöz. 1, Sküol ja kuod pierast. Helsinki : Ulzö andönd Sūomõ Sküollist, 1935. 83 p.
- Ernštreits, 2002** – Ernštreits V. Liivi keele sõnavara kogude analüüs ning liivi-läti ja läti- liivi sõnaraamat. Tartu, 2002. 90 p.
- Jannau, 1828** – Jannau H. Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten // *Belträge zur genaueren Kenntniss der ehstnischen Sprache*. IX. Pernau, 1828. 113 p.
- Kettunen, 1925** – Kettunen L. Untersuchung über die livische Sprache. Tartu, 1925. 348 p.
- Kettunen, 1938** – Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung / *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. V. Helsinki, 1938. 648 p.

- Koskinen, 1866** – Sur l'antiquité des Livens en Livonie par Yrjö Koskinen // *Tiré des Actes de la Société de Finlande*. Helsingfors: Imprimerie de la Société de la littérature finnoise. 1866. Pp. 1–23.
- Loorits, 1927** – *Loorits O.* Valik liivi muistendeid. I. Leelo, 1927. 72 p.
- Loorits, 1931** – *Loorits O.* Eesti-liivi kalurite sõnakeeld ja salakeel // *Eripainos Virittäjästä*. 1931, № 4. Pp. 447–468.
- Loorits, 1936** – *Loorits O.* Volkslieder der Liven. Tartu, 1936.
- Posti, 1942** – *Posti L.* Grundzüge der livischen Lautgeschichte. Helsinki, 1942.
- Setälä, 1887–1890** – *Setälä E.N.* A lív nép és nyelve // *NyK*, XXI. Budapest, 1887–1890. Pp. 28–43.
- Setälä, 1953** – *Setälä E.N.* Näytteitä liivin kielestä. Helsinki, 1953.
- Sjögren, 1861a** – *Sjögren J.A.* Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den Finnisch-Russischen Norden. St. Petersburg, 1861. 679 p.
- Sjögren, 1861b** – *Sjögren J.A.* Gesammelte Schriften. Band II. Livische Grammatik nebst Sprachproblem. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-ethnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann. St. Petersburg, 1861. 289 p.
- Stocking, 1968** – *Stocking J.* On the Limits of “Presentism” and “Historicism” in the Historiography of the Behavioral Sciences // *Stocking J.* Race, Culture, and Evolution: Essays in the history of Anthropology. 1968. Pp. 1–12.
- Tammiksaar, 2011** – *Tammiksaar E.* The Contribution of Karl Ernst von Baer to the Study of Ethnic Minorities in the Russian Empire, 1819–1878. A Case Study // *Defining Self*. Essays on Emergent Identities in Russia Seventeenth to Nineteenth Centuries. Studia Fennica, Ethnologica 10. Helsinki, 2009. Pp. 139–151.
- Tuisk, 2006** – *Tuisk T.* Kestussuhted liivi keeles. Tartu, 2006. 113 p.
- Vääri, 1965** – *Vääri E.* Die neueren Lehnwörter im Livischen // *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Helsinki 23-28.08. 1965. Pars I. Pp. 544–548.
- Vüitso, 1974** – *Vüitso T.-R.* On the phonological role of stress, quantity, and stød in Livonian // *Советское финно-угроведение*. Т. X. № 3. Таллин: Академия наук Эстонской ССР, 1974.

References

- Aben, 1947** – *Aben K.* (1947). Livskiye i estonskiye elementy v latyshskom yazyke [Livonian and Estonian Elements in Latvian] // *Filologicheskiye doklady na konferentsii po voprosam finnougorskoy filologii v leningrade v 1947 g.* [Philological Reports on Fenno-Ugrian Problems Conference. Leningrad, 1947] / *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta: Filologicheskiye nauki*. № 4. Tartu: RK “Teaduslik Kirjandus. [in Russian]
- Ahlqvist, 1869** – *Suomalainen Murteiskirja tahi Lukemisia Viron, Karjalan, Vepsän ja Liivin kielillä suomalaisten sanstojen kanssa toimittanut Aug. Ahlqvist*. Helsingissä: J. Simeliuksen perillisten kirjapainossa, 1869.
- Ariste, 1954** – *Ariste P.A.* (1954). K voprosu o razvitii livskogo yazyka [To Question of Livonian language Evolution]. *Trudy Instituta yazykoznaniya SSSR*. Tom IV. [in Russian]
- Ariste, 1958** – *Ariste P.A.* (1958). Livy i livskiy yazyk [The Liives and Livonian language]. *Izvestiya Akademii nauk Estonskoy SSR*. Tom VII. Seriya obshchestvennykh nauk. № 1. [in Russian]
- Baer, 1846** – *Baer K.E. von.* (1846). Ob etnograficheskikh issledovaniyakh voobshche i v Rossii v osobennosti [About ethnographical studies at Russia and in General]. *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Knizhka pervaya. SPb.
- Barysheva, 1994** – *Barysheva E.A.* (1994). Rummyantsevskiy kruzhok i stanovleniye etnograficheskoi nauki v Rossii [Rummyantsev section and Russian Ethnographical science Rising]. *Etnograficheskoye obozreniye*. № 3. [in Russian]
- Damberg, 1935** – *Damberg P.* (1935). Jemakiel lugdöbräntöz. 1, Sküol ja kuod pierast. Helsinki : Ulzö andönd Süomö Sküollist.
- Daugavet, 2009** – *Daugavet A.M.* (2009). Slogovaya dolgota v baltiyskikh yazykakh v sopostavlenii s estonskim i livskim. PhD thesis. SPb.
- Ernštreits, 2002** – *Ernštreits V.* (2002). Liivi keele sõnavara kogude analüüs ning liivi-läti ja läti-liivi sõnaraamat. Tartu.
- Grandidier von, 1848** – *Voenno-statisticheskoye obozrenie Rossiyskoi imperii*. Izdavaemoe po Vysochaishemu povelenuyu pri 1 otdelenii Departamenta Generalnogo Shtaba. Tom VII. Chast 1. Voenno-statisticheskoye obozrenie Kurlandskoi gubernii. Po rekognostsirovkam i materialam, sobrannym na meste, sostavlyal Generalnogo Shtaba Kapitan fon- Grandidier. SPb.: Tipografiya Departamenta Generalnogo Shtaba., 1848. [Military and Statistical Review of Russian Empire. Published by the First Department of Joint Staff. Vol. VII. Part 1. Military and Statistical Review of the Kurland Province. Collected by Captain von Grandidier]. [in Russian]
- Iz vlechenie iz oycheta, 1847** – *Iz vlechenie iz oycheta, predstavlennoye Russkomu Geograficheskomu obshchestvu chlenom-sotrudnikom A. Sjögren, ob etnograficheskoi ekspeditsii v Liflyandiyu i Kurlandiyu* [Extract from report “Abot ethnographical expeditions to Lifland and Kurland” by A. Sjögren to Russian Geographical Society]. *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Knizhka vtoraya [Second tom]. SPb., 1847. [in Russian]

- Jannau, 1828** – *Jannau H.* (1828). Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten // Beiträge zur genaueren Kenntniss der ehstnischen Sprache. IX. Pernau.
- Jorgensen, Phillips, 2008** – *Jorgensen M., Phillips L.* (2008). Discourse Analysis as Theory and Method. Khar`kov: Gumanitarnyi Tsentr.
- Kettunen, 1925** – *Kettunen L.* (1925). Untersuchung über die livische Sprache. Tartu.
- Kettunen, 1938** – *Kettunen L.* (1938). Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki.
- Knight, 2005** – *Knight N.* (2005). Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845-1855. *Rossiyskaya Imperiya v zarubezhnoi istoriografii*. Raboty poslednikh let: Antologiya. Sost.: P.Werth, P.S.Kabytov, A.Miller. M.
- Koskinen, 1866** – Sur l`antiquité des Lives en Livonie par Yrjö Koskinen // Tiré des Actes de la Societé de Finlande. Helsingfors: Imprimerie de la Societé de la littérature finnoise. 1866.
- Loorits, 1927** – *Loorits O.* (1927). Valik Liivi muistendeid. I. Leelo.
- Loorits, 1931** – *Loorits O.* (1931). Eesti-liivi kalurite sõnakeeld ja salakeel. *Eripainos Virittäjästä*, № 4.
- Loorits, 1936** – *Loorits O.* (1936). Volkslieder der Liven. Tartu.
- Miller, 2006** – *Miller A.* (2006). Imperia Romanvykh i natsionalizm [Romanov`s Empire and Nationalism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
- Mogilner, 2008** – *Mogilner M.* (2008). Istoriya fizicheskoi antropologii v Rosii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Russian Physical Anthropology History (ending XIX – beginning XX cc.)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]
- Nymmela, 2011** – *Nymmela M.* (2011). Stanovyas` etnografom. Poleyve issledovaniya Ferdinanda Linnusa v 1920e gody [Becoming ethnographer. Ferdinand Linnus Field Study in 1920 y.]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Fenno-Ugorean Yearbook]. Vol. 4. Izhevsk. [in Russian]
- Osnovanie, 1846** – Osnovanie v S.Peterburge Russkogo Geograficheskogo Obshchestva i zanyatiyakh ego s Sentyabrya 1845 po May 1846 goda [Russian Geography Society Foundation at S. Petersburg and explorations from September 1845 to May 1846]. *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Knizhka pervaya [First tom]. Spb., 1846. [in Russian]
- Posti, 1942** – *Posti L.* (1942). Grundzüge der livischen Lautgeschichte. Helsinki.
- Platonova, 2010** – *Platonova N.I.* (2010). Karl Maksimovich Baur i nachalo issledovaniya pervobytnykh drevnostey [Karl Ernst von Baer and the Beginnig to the Study of Primitive Antiquities] // *Chelovek i drevnosti: pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova* [Man and Antiquities: Aleksandr Aleksandrovich Formozov in memoriam (1928–2009)] / Eds.: I.S. Kamenetsky, A.N. Sorokin. Moscow: Grif & C., 2010.
- Setälä, 1887–1890** – *Setälä E.N.* (1887–1890). A lív nép és nyelve // NyK, XXI. Budapest.
- Setälä, 1953** – *Setälä E.N.* (1853). Näytteitä liivin kielestä. Helsinki, 1953.
- Shapira, 2006** – *Shapira D.* (2006). Kak nablyudatel` transformiruet nablyudaemyi ob`ekt: Avraam Firkovich na Kavkaze v 1840 g. i v 1849–1850 gg. i ego vliyanie na gorskikh evreev [As an observer transforms the observed object: Avraam Firkovich on Caucasus in 1840, 1849–1850 and his influence on the Mountain Jews]. *Judaica Rossica*. Vypusk [Volume]. 4. M. [in Russian]
- Sjögren, 1861** – *Sjögren J.A.* (1861). Livische Grammatik nebst Sprachproblem. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-etnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann. St. Petersburg.
- Stocking, 1968** – *Stocking J.* (1968). On the Limits of “Presentism” and “Historicism” in the Historiography of the Behavioral Sciences // Stocking J. Race, Culture, and Evolution: Essays in the history of Anthropology.
- Tammiksaar, 2011** – *Tammiksaar E.* (2011). Otnosheniya mezhdou naukoy i national`nostiyu v Rossiyskoy imperii XIX veka na primere Karla Bera [Between Science and Nationality in Nineteenth century Russian Empire (Karl Boer case)]. *Proniknovenie i primenenie diskursa national`nosti v Rosii i SSSR v kontse XVIII – pervoy polovine XX vv.* Pod red. Indrek Jääts i Erki Tammiksaar Tartu: Estonsky national`ny muzey [The Penetration and Implementation of the Discourse of Nationality in Russia and the USSR from late Eighteen to the early Twentieth Centuries. Ed. by Indrek Jääts and Erki Tammiksaar. Tartu: Estonian National Museum]. [in Russian]
- Tuisk, 2006** – *Tuisk T.* (2006). Kestussuhted liivi keeles. Tartu.
- Vääri, 1965** – *Vääri E.* (1965). Die neueren Lehnwörter im Livischen // *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Helsinki 23-28.08. 1965. Pars I.
- Vääri, 1966** – *Vääri E.E.* (1966). Livskiy yazyk [Livonian language] // *Yazyki narodov SSSR: Finno-Ugorskíe i samodiyskíe yazyki* [Languages of USSR nations: Fenno-Ugorean and Samoyed Languages].
- Vääri, 1967** – *Vääri E.E.* (1967). Assimilyatsiya livskogo yazyka v Liflyandii i Kurlyandii [Liiv`s language Assimilationin Lifland and Kurland] // *Problemy finno-ugorskoj lingvistiki*. Vypusk IV. Izhevsk.
- Wiedemann, 1870** – *Wiedemann F.I.* (1870). Obzor prezhney sud`by i nyneshnego sostoyaniya livov [Livonian Old Destiny and modern situation] // Prilozhenie k XVIII tomu Zapisok Imperatorskoi Akademii nauk. Sankt-Petersburg.
- Wiedemann, 1872** – *Wiedemann F.I.* (1872). O proiskhozhdenii i yazyke vymershikh nyne kurlyandskikh krevinov [About Extinct Krevins origin and language] // Prilozhenie k XXI tomu Zapisok Imperatorskoi Akademii nauk. Sankt-Petersburg. [in Russian]

Viitso, 1974 – Viitso T.-R. (1974). On the phonological role of stress, quantity, and stød in Livonian. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. T. X. № 3. Tallin.

Zagrebin, 2006 – Zagrebin A.E. (2006). Finno-ugorskie issledovaniya v Rossii [Fenno-Ugorian Study in Russia (XVIII – first part XIX cc.)]. Izhevsk. [in Russian]

ZhMNP, 1855 – Akademik A. Sjögren // *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. Chast` [Part] LXXXVI. Otdel [Series] V. April, 1855. pp. 1–8. [in Russian]

УДК 398.324

**«Исследование остатка Ливов, потомков первобытных обитателей края»:
научная деятельность А. Шегрена и Ф. Видемана в середине XIX в.**

Владимир Игоревич Колесов ^{a, *}

^a Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории изучения ливского языка и культуры выдающимися учеными-филологами XIX в. Андреасом Шегреном и Фердинандом Видеманом, способствовавшим лингвистической типологизации, научной классификации этого феномена.

При написании статьи автор использовал опубликованные материалы научных трудов и экспедиций ученых, военно-статистических описаний середины XIX в., и полевые этнографические данные интервью, собранных экспедицией Кубанского государственного университета в 2016 г. в ливских селах Латвии. Помимо классических методов историко-типологического, и историко-сравнительного, использован метод дискурса-анализа – деконструкции научных текстов и ситуационный подход анализа процесса взаимодействия исследователя и изучаемой общности. Применяется методология «историзма», раскрывающая историческое явление во всей его полноте взаимосвязей, текстов и контекстов.

Было выделено несколько этапов в истории изучения ливов. Отмечено, что на смену донаучному (любительскому) периоду пришла академическая эпоха, связанная с личностями К. Бэра, А. Шегрена и Ф. Видемана. Исследована роль указанных ученых и их последователей в сохранении ливской культуры, изучении языка и фольклора. Внимание сфокусировано на актуализации/конструировании этнолингвистической ливской общности в процессе научного исследования А. Шегреном и Ф. Видеманом. Впоследствии, ливская проблематика стала объектом исследования в основном для ученых финно-угорского «мира» (финских и эстонских). Делается вывод о решающем вкладе А. Шегрена и Ф. Видемана в определении границ ливской общности, что на последующие годы сформировало образ ливов.

Ключевые слова: Ливы, Российская империя, К. фон Бэр, А. Шегрен, Ф. Видеманн, ливский язык, история антропологии

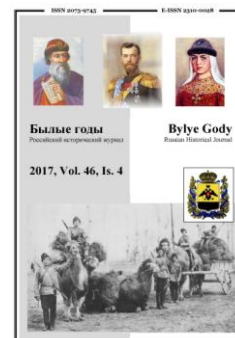
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vovakolesov1971@gmail.com (В.И. Колесов)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1386-1394, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1386
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.85 (571.1)

Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX – early XX century

Evgeny N. Likhachev^{a,*}, Gennady I. Pustovetov^a, Alla E. Likhacheva^a

^aNovosibirsky State University of architecture, design and art, Russian Federation

Abstract

The process of the evolution of well-to-do peasant farms of commodity (farmer) type in Western Siberia during the epoch of capitalism is considered: the mid-19th – early 20th centuries. The stages of development of peasant commodity farms in Western Siberia from their inception to the formation of large farms of the farm type have been revealed. A set of factors of the territorial distribution of peasant farms, of commodity type and the development of their functional – planning structures is determined. Features of evolutionary development of types of planning of manor complexes of prosperous peasants – old residents in different zones of the studied region, have been considered. The role of the Stolypin agrarian reform in accelerating the process of ethno-cultural development in the region, in the formation of a number of regional types of farmsteads of wealthy peasants-settlers is noted. The development of a multi-faceted estate complex of well-to-do peasants in the zone of settlement of Western Siberia went along the path of complicating its functional and planning structure, the introduction of new architectural and construction solutions, the inclusion in the complex of facilities for the processing of agricultural products, the repair of inventory, maintenance of vehicles and trade.

Keywords: evolution, planning, land management, peasant farming, rural settlements, Western Siberia, Stolypin reform, old residents, settlers, peasant farmstead.

1. Введение

Русский ученый-аграрник А.В. Чайнов в начале XX века научно обосновал преимущества крестьянского ведения хозяйства. Семейную ферму он определял как, веками отработанный производственный, социальный, культурно-нравственный базовый элемент эффективного товарного сельскохозяйственного производства (Чайнов, 1989). Современное становление крестьянского фермерского уклада в аграрном производстве страны является своего рода воспроизведением исторически сложившегося образа жизни российской деревни второй половины XIX – начала XX в., возрождением крестьянина-собственника. В этой связи поиск оптимальных моделей современных крестьянских фермерских хозяйств (КФХ) должен основываться на глубоком изучении исторического опыта эволюции крестьянских хозяйств товарного типа в России. В их архитектурно-планировочных решениях отражалось стремление крестьян к рациональному ведению хозяйства и раскрывалось их отношение к своей земле, окружающей природе и социокультурной среде.

2. Материалы и методы

Источником исследования послужили хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) документы фондов Земельной комиссии Новосибирского окружного земельного управления и Земельного управления Новосибирского окрисполкома, Земельные переселенческие

* Corresponding author

E-mail addresses: lixachev@ngaha.ru (E.N. Likhachev), pustovetovgi@gmail.com (G.I. Pustovetov), lixacheve@mail.ru (A.E. Likhacheva)

карты и планы из Коллекции картографических документов 1838–1927 гг., а также публикации по материалам экспедиций и полевых этнографических исследований сельских жилищных комплексов на территории Западной Сибири, позволяющие рассмотреть особенности зарождения и эволюции крестьянских хозяйств товарного типа в рассматриваемом периоде. В работе использованы историко-генетический, статистический и сравнительно-исторический методы: сопоставляется информация междисциплинарного характера об особенностях возникновения и этапного развития крестьянских товарных хозяйств в Западной Сибири. В качестве методологической основы исследования был избран системный подход. Это позволило проанализировать и осмыслить характер эволюционного развития крестьянских хозяйств товарного типа старожилов и переселенцев в Западной Сибири как процесс адаптации к новым условиям. Данный подход также дал возможность рассматривать вопросы воздействия внешних факторов на организацию системы землеустройства сельских поселений и на развитие традиционных типов крестьянских усадеб, выявить особенности и динамику изменений планировочных структур их жилищно-производственных комплексов.

3. Обсуждение

Систематическое научное изучение планировки крестьянских усадеб, и русских сельских поселений началось во второй половине XIX века, которое продолжилось и после 1917 года. Примером являются работы В.Д. Мачинского, который проанализировал планировку хуторов и устройство помещений в типичных крестьянских домах по всем великорусским губерниям. В первой половине XX века по результатам полевых исследований публикуются работы по истории традиционного крестьянского жилья. В научных трудах Е.Э. Бломквист были раскрыты основные типы восточнославянского крестьянского жилища сложившиеся в различных регионах страны. Одним из авторов историко-этнографического атласа «Русские» О.А. Ганцкой описаны типы комплексов русского крестьянского жилища, распространенных на территории Европейской России. И.В. Маковецкий, исследуя памятники сельской архитектуры XVII–XIX вв., разработал карту распространения типов русского крестьянского дома по территории Европейской части страны. Этнографы А.К. Байбурина, и А.Б. Пермиловская раскрыли семантику строительной обрядности, семиотические аспекты повседневной культуры северного крестьянского дома. В трудах А.В. Ополовникова и Е.Н. Бубнова были детально изучены крестьянские постройки усадеб, обнаруженные на Русском Севере и на Урале. Большой вклад в исследование архитектуры крестьянских усадеб Сибири внес Е.А. Ащепков. В его монографиях, вышедших в середине XX в. впервые был представлен обширный художественно-графический материал по эволюции архитектуры и декоративного оформления жилищ и крестьянских усадеб Западной и Восточной Сибири (XVIII–XIX вв.) Организация усадебных комплексов сибирских старообрядцев, латышей, российских немцев, и других переселенцев конца XIX – начала XX в. рассмотрены в работах Е.Э. Бломквист, А.Б. Свитнева, В.А. Липинской, А.Ю. Майничевой и др. Большой интерес представляют научные труды Института истории Сибирского отделения РАН и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, в частности, «Историческая энциклопедия Сибири», «Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.)», в которых описывается материальная культура сибирского крестьянства; раскрыты региональные особенности развития крестьянских усадеб Сибири. В перечисленных научных трудах затрагиваются вопросы истории, культуры, этнографии, искусствознания и архитектуры традиционного семейного крестьянского хозяйства в исторические периоды его развития. В контексте современной практики, данный тип крестьянского хозяйства по экономическим параметрам соответствует личному подсобному хозяйству крестьян (ЛПХ), которое ведется членами семьи в целях удовлетворения личных потребностей и является формой не предпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции. Отдельных исследований, посвященных генезису, развитию и особенностям планировочной организации зажиточных крестьянских хозяйств товарного типа XIX – начала XX вв., не проводилось. В этой связи в настоящей статье предполагается рассмотреть особенности эволюции планировочных решений усадебных комплексов зажиточных крестьянских хозяйств Западной Сибири в период с 1860-х по 1920-е гг., как прототипов современных фермерских хозяйств.

4. Результаты

До конца XVII века в Сибири преобладало два типа селений – слобода с большими массивами «государственных полей» и одно-двухдворные деревни «гнезда» (Баландин, 1984: 11). Слободы были неукрепленными крестьянскими поселениями вблизи городов и острогов, вокруг которых складывалась система малодворных деревень и широкая сеть заимок (одnodворные поселения вдали от освоенной территории), разбросанных на значительном расстоянии. Так, в 1640 годах вокруг г.Верхотурье заимки раскинулись на пространстве от 5 до 120 верст, основная их часть располагалась в радиусе до 50 верст. Жители, рядом расположенной Ямской слободы разрабатывали 70 заимочных участков расположенных в радиусе до 70 верст (Этнография, 1981: 66, 67). На начальной стадии заимка отделялась от жилища в деревне. Развиваясь, она становилась постоянным местопребыванием крестьянской семьи и, преобразовывалась в «гнездо». Каждая однодворная

деревня – «гнездо» представляла самостоятельный аграрно-хозяйственный комплекс жилых и хозяйственных построек со свободной планировкой, расположенный на земельном участке. Первоначальное заселение Сибири (XVI–XVIII вв.) осуществляли выходцы с территории европейского Севера, Поморья и Приуралья. Значительную часть первых переселенцев составляли старообрядцы. По мере увеличения числа дворов в деревне, застройка уплотнялась, появлялись ряды дворов (линейная планировка), а затем – уличная застройка. С конца XVIII в. крестьянская община становится владельцем исторически сложившегося вокруг нее комплекса земель, а ее члены – крестьяне получили право на владение участком земли не менее 15 десятин на душу мужского пола. Сенокосные и промысловые угодья находились в коллективном пользовании. К началу XIX века на юге региона сложились три типа планировки сельских поселений: с гнездовым расселением, с рядовой приречной (приозерной) планировкой и с регулярной уличной застройкой в притрактных селениях. Многие из этих селений были построены при участии землемеров на основе правил указов 1724, 1797 и 1817 гг. которые регламентировали расположение улиц, общественных зданий, усадеб и других строений в целях пространственной организации и безопасности от пожара.

В конце XVIII – начале XIX в. с уплотнением расселения на уже освоенной территории их жители стали ощущать затруднения в землепользовании; часть семей стала выселяться из старых деревень, что положило начало новому типу поселений – выселкам и хуторам. Выселки располагались недалеко от основного поселения в границах его землепользования. Хутор был поселением одной семьи с усадьбой и прилегающими сельскохозяйственными угодьями, расположенными в стороне от других селений. К середине XIX в. сложилась зона плотного и компактного расположения сельских поселений, протянувшаяся широкой полосой от Урала до Дальнего Востока (*Этнография, 1981: 96, 97*). В многоземельных районах в крестьянском землеустройстве господствовала беспередельное землепользование с заимочно-захватной формой присвоения земли, при которой право на земельные угодья (заимку) определялось фактом первичного захвата. Одновременно, в связи началом массового переселения, все большее распространение получало уравнильно-передельное землепользование, которое коснулось малоземельных районов Западной Сибири. С этого времени крестьянская община стала активно вмешиваться в регулирование землепользования (*Мамсик и др., 2009: 593*).

История зарождения товарных крестьянских хозяйств в Сибири связана с процессами развития капитализма в России и реформами середины XIX в., которые способствовали развитию рыночных отношений в сельском хозяйстве. Эволюция аграрного сектора России шла по двум путям. Для первого пути была характерна «прусская» модель развития сельского хозяйства на основе сохранения крупного помещичьего землевладения в европейской части Российской империи. Второй путь развития села основывался на «американской» модели и более подходил для Сибири и других регионов, где отсутствовало помещичье землевладение, где крестьяне могли арендовать или выкупать кабинетные земли. В Сибири к середине XIX в. среди крестьян, составляющих около 80 % от общей численности населения выделилась группа богатых и зажиточных домохозяев. По результатам обработки окладной книги 1827 г. Кайлинской волости, проведенной Т.С. Мамсик, из 750 дворов 45 населенных пунктов, расположенных в Среднем Приобье, почти 26 % дворов составляли группу богатых и зажиточных домохозяев, строившие аграрное производство на основе наемных работников (*Мамсик, 1998: 204*). Параметры хозяйства такой семьи: – до 45 голов крупного скота и до 20 десятин пашни. Товарность животноводства богатой группы хозяйств составляла 51 % (*Мамсик, 2009: 310, 312*). Гарантию стабильности зажиточный крестьянин видел в сбалансированном хозяйстве, с наличием в нем двух основных сфер деятельности: земледелия и скотоводства – и созданием на их базе многопрофильного комплексного производства. В Кайлинской, одной из наиболее развитых в аграрном отношении волостей в Приобье, к середине XIX в., 60 % крестьянских хозяйств имели в составе до 5 товарных отраслей, производивших на рынок хлеб, мясо, масло, лошадей, мед (*Зверев и др., 2009: 200*). Обилие свободных земель создавало возможность свободной застройки, а желание крестьянина защитить свое хозяйство от жестоких морозов и огородиться от соседей, привело к созданию замкнутого типа крытых и открытых усадеб. Замкнутые крытые усадьбы были широко распространены в деревнях лесотаежной зоны Томской губернии, а во многих деревнях степной зоны Омского уезда чаще встречался замкнутый открытый тип планировки двора, развитие которого шло путем пристройки хозяйственных помещений по периметру усадьбы.

Первый этап формирования крестьянских товарных хозяйств в Сибири начинается со второй половины XIX века, после принятия закона, разрешавшего переселение в Сибирь. В Центрально-земледельческих районах Европейской России наблюдалась тенденция к аграрному перенаселению, где плотность населения в 1862 г. составила 29,4 человека на кв. версту. В то же время плотность населения, например, на Алтае не превышала 1,4 человека на кв. версту (*Очерки истории, 1987: 135*). Различные этнические группы переселенцев, прибывших в Западную Сибирь, принесли системы землепользования, характерные для этих групп в местах выхода из Европейской России. Так, российские немцы из Поволжья принесли с собой общинную передельную систему землепользования (*Auhagen, 1939: 32-35*). Немцы-меннониты с юга Украины использовали подворно-отрубную систему, когда все пахотные угодья хозяина находились в одном месте (*Rahn, 1975: 37*). Волынские немцы придерживались хуторской системы землепользования (*Бетхер, 2013: 59-60; Nikel,*

1935). Для расширения производства практиковалась аренда или покупка земли. Наряду с крестьянскими хозяйствами переселенцев, формировались крупные специализированные товарные хозяйства, которые нередко арендовали большие участки земли у Сибирского казачьего войска (Вибе, 1997: 37-39). Переселенцы адаптировали европейский опыт строительства животноводческих и племенных ферм в сибирские условия. В конце XIX — начале XX вв. со строительством Транссибирской магистрали в зажиточных крестьянских хозяйствах Западной Сибири формировалась устойчивая предпринимательская система хозяйствования, связанная с включением сельского хозяйства региона в общероссийский капиталистический рынок (Никулин, 2009а: 325; Marks, 1991).

К концу XIX в Западной Сибири сложились разнообразные приемы застройки крупных крестьянских усадеб, соответствующих природно-географическим особенностям территорий и обусловленные культурно-историческими, социально-экономическими, этническими и другими факторами. Повседневный труд сибирского крестьянина характеризовался традиционными формами организации хозяйственных и семейно-бытовых процессов, которые влияли на планировочную структуру крестьянской усадьбы. Основной тип застройки старожильческих усадеб лесной зоны Западной Сибири, представлял собой волжско-камский, или вятский тип, когда высокая изба своей продольной осью ставилась поперек улицы, нередко в глубине усадьбы. Также встречался прием расположения избы вдоль улицы, что больше соответствовало южнорусскому типу застройки усадьбы. Удаленность некоторых районов Сибири от широких путей сообщения способствовала сохранению ряда композиционных приемов древнерусского зодчества таких как «тройные» и «двойные» дома, а также комбинированные, сложные избы, которые в середине XX в. еще встречались в кержацких селах на реках Бухтарме, Иртыше и в ряде сел Томской области (Ащепков, 1950: 47). Сплошь крытые, замкнутые усадьбы в большинстве случаев устраивались в заезжих постоянных дворах и избах с развитым хозяйством. Общая композиция усадьбы в плане при регулярной планировке поселка развивалась в глубину участка. Его ширина в большинстве случаев составляла 10–15 саженей, а глубина доходила до 60 саженей. Передняя часть усадебного участка служила чистым двором, задний двор, пригон, предназначался для скота, за которым могли располагаться еще 2–3 пригона, хозяйственные дворы и различные огражденные участки. Нередко дворы имели зимнее, сезонное покрытие. Часто скотный двор устраивался по другую сторону дома, противоположную чистому двору. К избе примыкали навесы, где были сосредоточены хозяйственные постройки: погреб, баня, мастерские для ремонта инвентаря, затем располагались помещения для мелкого скота и птицы. Заднюю сторону двора, обычно, замыкали пригоны – постройки для крупных домашних животных с устроенными тут же сеновалами и помещениями для соломы. Создавались очень большие усадебные комплексы с двумя, тремя жилыми домами и соответствующим числом построек для скота. При такой планировочной схеме, усадьба развивалась вдоль улицы, на которую выходили основные дворы усадьбы со своими входами. Сторона усадьбы, выходящая на улицу, протягивалась более чем на 30 саженей. В случае объединения двух участков в один (блокировали дома люди, связанные родственными узами), двор становился гораздо просторнее, что позволяло производить на его территории ремонт сельскохозяйственного инвентаря и другие работы.

После проведения Сибирской железной дороги, стали прибывать новосёлы, преимущественно из средне- и южно-европейской полосы (Baikalov, 1933: 328-340). В местах, куда в конце XIX – начале XX в. шел переселенческий поток, создались зоны с новыми этнокультурными традициями, которые отличались от сложившегося быта сибиряков-старожилов. (Традиционное жилище, 1997: 61). Культура старожилов основывалась на северорусских традициях, а позднейших переселенцев – преимущественно на южнорусских и украинских. Строительные навыки были чрезвычайно разнообразны. Мигранты устанавливали трудовые и бытовые контакты с коренным населением; арсенал народного знания пополнялся за счет обычаев тюркского и угро-финского населения Западной Сибири. В Кулундинскую и Барабинскую степи переселялись жители Украины, Поволжья, Северного Кавказа, Кубани, которых привлекали привычный характер степного ландшафта и сравнительно теплое сибирское лето. Переселенцы приносили обычаи своих мест, применяя южнорусскую планировку помещений дома. Однако, западный тип планировки сохранялся в Сибири ненадолго, и к началу XX века возобладала северо-русская планировка жилища, развивающаяся в дальнейшем, благодаря дополнительным хозяйственным постройкам, в единый усадебный комплекс (Липинская, 1997: 62). В крестьянских хозяйствах состоятельных крестьян-переселенцев, как и старожилов, размещалось по два-три жилых дома, разнообразные хозяйственные постройки, как на центральных усадьбах, так и на удаленных заимках и на сезонных усадьбах. Для многих переселенцев процесс обустройства усадьбы занимал от 5 до 10 лет.

Второй этап эволюции крестьянских товарных хозяйств был связан с аграрной реформой П.А. Столыпина, центральным звеном которой было постепенное упразднение сельской общины как коллективного собственника земель и создание крепкого семейного крестьянского хозяйства фермерского типа (Atkinson, 1990: 7–20). В период с 1906 по 1909 г. в Сибирь переехало около 1850500 человек (Дубровский, 1963: 390). Аграрная реформа отводила большую роль хуторам, которые должны были обеспечивать наиболее благоприятные условия для развития фермерского производства. Среди документов о размежевании деревни Ключи, Кулундидийской волости

Славгородского уезда мы находим Временные правила о землеустройстве, разработанные отделом Землеустройства и переселения Томского района на основании Циркуляра Главного Управления Землеустройства и Землепользования от 6 февраля 1909 г. за №4. В Правилах отмечалось: «Наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор; поэтому необходимо всемерно стремиться к образованию хуторских участков, а при необходимости нарезки отрубных участков, таковые отводятся в таких границах, чтобы каждый из них можно было впоследствии обратить в самостоятельный хутор» (ГАНУ. Ф. 1988. Оп. 1а. Д. 4. Л. 16). В документе определены и приоритетные формы единичных землепользований в следующей последовательности: а) хутор в одном сплошном участке, по возможности квадратного очертания, заключающий все полевые угодья и усадебную землю; б) хутор в одном сплошном участке удлинённого вида, с пределом растянутости участка не превышающим его ширины более чем в три раза; в) хутор, состоящий более чем из одного участка, причем в один из них входит усадьба вместе с пахотной землей; г) отруб в одном сплошном участке отдельно от усадебной земли с пределом растянутости участка не превышающим его ширины более чем в три раза; д) отруб, заключающий в одном участке пахотную землю, с отведением вспомогательных угодий. Процесс по обустройству хуторов и переселенческих участков под отруба в Западной Сибири в первые годы реформы шел медленно, но к 1911–1912 гг. он ускоряется. От первоначальной практики организации отдельных хуторов землеустроительные органы переходят в выделению земельных угодий под группы хуторов (ГАНУ. Ф. 1988. Оп. 1а. Д. 53).

Заметно увеличивается количество земельных наделов выделяемых переселенцам и старожилам под отруба в планах переселенческих участков (ГАНУ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 68). По проекту переселенческой дачи «Кокбие» Омской волости Акмолинской области, принятой Омской временной комиссией 15 ноября 1911 г., участок, образованный из свободных земель кабинета его Величества был разбит на поселковую территорию, которая образовывалась из земель общего пользования и участков по 1.0 десятина на каждую из 33 усадеб и на отрубные участки под каждое хозяйство, преимущественно прямоугольной формы площадью от 25 до 40 десятин (ГАНУ. Ф. 1988. Оп. 1а. Д. 365. Л. 1). В отрубах и хуторах переселенцев Тобольской губернии в 1915 г. находилось 23,3 % земель, у старожилов — 3,1 %, а в целом, данная форма землепользования в Западной Сибири охватывала только 5,9 % крестьянских земель (Мамсик и др., 2009: 593). К 1916 г. в Томской губернии ходатайства о размежевании старожильческих общин поступили от 290 тыс. старожильческих дворов, из которых было создано лишь 72 тыс. хуторов. В целом удельный вес хуторов в поселенческой сети Сибири оставался к 1917г. незначительным.

В экономике западносибирской деревни состоятельное крестьянство производило 60% сельскохозяйственной продукции и охватывало, примерно, четверть всех дворов. В Западной Сибири на одно такое хозяйство приходилось, в среднем, около 17 лошадей и до 25 дойных коров (Никулин, 2009а: 318). На 1916 год различными формами кооперации было охвачено 60–65 % крестьянских дворов середняков и 65–75 зажиточных домохозяев региона. По оценке П.Ф. Никулина кооперативный путь эволюции хозяйства создавал оптимальные условия для модернизации производственно-технической базы земледельческих дворов и инновационного агрикультурного развития зажиточных хозяйств (Никулин, 2009б: 90).

На большей части Западной Сибири под влиянием переселенцев шли процессы взаимовлияния строительных навыков в новых условиях. Исследуя постройки Бухтарминских старообрядцев в конце 1920-х годов, Е.Э. Бломквист отмечала, что наряду с архаизмами в этих постройках наблюдается также наслоение более позднего времени, «...несложные постройки древнейшего типа превратились в очень сложные и развитые постройки последних десятилетий» (Бломквист, Гринкова, 1930: 197). В горных долинах Алтая сформировались особые типы слитной застройки дома и надворных строений: хоромный и охватывающий типы, вызванные высоким снежным покровом (Липинская, 1997: 70-71). При хоромной застройке к дому плотно пристраивались хозяйственные постройки так, что из дома можно было пройти в любое хозяйственное помещение, не выходя на улицу. Охватывающая застройка более монолитна – к дому примыкал обширный крытый двор, который соединялся с домом по принципу двухрядной связи. Дом окружался пристройками. В начале XX века продолжилось заселение Западной Сибири немцами-колонистами. Так, в Локтевской и Успенской волостях Алтайского округа они образовали 10 поселков (Денгоф, Нейдорф, Александрполь, Фриденталь и др.). К 1906 году сложились три основных района расселения немецких колонистов: два из них в Кулундйской степи, третий – на юге Алтайского округа. В социально-экономическом плане немецкие поселения значительно отличались от русских деревень. Перенеся сюда ростки фермерского хозяйства, они занимались товарным производством, в первую очередь, зерном, также развивались перерабатывающие технологии (Fast, 1957: 57). При усадьбах устраивались пивоваренные производства, колбасные мастерские, мукомольные мельницы, маслобойни, работающие на рынок и внутрихозяйственное потребление (Шмидт, 2001: 112). Так, в имении Г.А. Брауна, по данным на 1913 г., был маслобойный завод со стационарным нефтяным двигателем, который обслуживал и молотилку. Кроме него имелись маслодельный завод с конным приводом и сепаратором и производство растительного масла (Бетхер, 2013: 42). В отдельных крупных немецких хозяйствах создавались конные заводы, где содержались высокопородистые производители. Наличие теплых помещений для стойлового содержания скота отличало немецких крестьян от местного русского и татарского населения, где скот зимой содержался на открытых площадках. Хозяйские постройки у

немцев-меннонитов сооружались в основном в одну линию с жилым домом, под одной крышей и со сквозным проходом в виде длинного глинобитного корпуса: за жилой зоной размещались с одной стороны стойла для коров, с другой – стайка для лошадей, затем другие хозяйственные помещения. Под высокой крышей находился амбар и сеник. У поволжских немцев хозяйственные постройки размещались отдельно от жилого дома. У волынских немцев для содержания скота заводили теплые рубленые сараи, объединенные с жилым домом и другими хозяйственными постройками в один крытый двор «П»-образный в плане. В зажиточных хозяйствах для большого стада крупного скота строились комплексы отдельно стоящих животноводческих сооружений. У переселенцев латышей и эстонцев к началу XX в. сложились два типа крестьянских хозяйств. Однодворные крестьянские хозяйства формировались как господствующая форма расселения в лесных районах Томской губернии. В районах Омской волости сосуществовали хуторские поселения и деревни с отрубной системой землепользования. У латышей встречались четыре типа планировки усадеб: замкнутая прямоугольная усадьба со службами расположенными по периметру двора (П-образная); Г-образная; трехрядная и свободная застройка двора с крытым или с открытым двором (Свитнев, 2001: 135).

Развитие усадебного комплекса зажиточных крестьян в зоне расселения Западной Сибири шло по пути усложнения его функционально-планировочной структуры, включения в нее инженерного оборудования, производств по переработке сельскохозяйственной продукции, ремонту инвентаря, расширения торговых и складских помещений, развития пространства жилого дома, расширения состава хозяйственных построек. Дальнейшее развитие получили усадьбы на заимках, по обустроенности не уступающие постоянному жилищу. Но, заимочная форма сельского расселения развивалась не по всей Западной Сибири. В ряде районов ей препятствовала монополия собственности Кабинета на леса, доступ в которые для крестьян был закрыт. По этой причине, например, в районе Нижнего Причумышья до 1921 г. редко встречались выселки (Щеглова, 1997: 85). Зажиточные крестьяне жили не только за счет хлебопашества, но и занимались перевозкой леса, ямщиной и извозом благодаря близости Сибирского торгового тракта. Позднее, новые условия землепользования, уничтожившие кабинетную собственность, способствовали переселению крестьян из старых сел, с образованием вдали от них выселок по 20–25 дворов. По переписи 1917 г. на территории Сибири находилось 1,43 млн крестьянских хозяйств. На одно хозяйство приходилось, в среднем 64 десятин наделной земли (Ноздрин, 2009: 205). Крупнокрестьянское хозяйство Западной Сибири начала XX в. представляло собой предпринимательский тип традиционного, семейного, мелкотоварного крестьянского хозяйства. Эта группа, составляющая 2–3 % от числа всех крестьянских хозяйств региона, в дальнейшем могла эволюционировать в хозяйства капиталистического, фермерского типа (Никулин, 2015: 12).

Начало третьего этапа эволюции крестьянских товарных хозяйств связан с Февральской революцией 1917 года, которая приостановила аграрную реформу. Временное правительство не смогло добиться контроля над ситуацией в деревне: начался захват помещичьих земель и разорение усадеб. После Октябрьской революции земли сельскохозяйственного назначения в России подлежали распределению между гражданами, желающими их обрабатывать на основе уравнительного землепользования (Крестьянство Сибири, 1983: 223). Земельные участки с высококультурными хозяйствами превращались в государственные хозяйства. Наемный труд не допускался. В годы Гражданской войны и в период крестьянских восстаний в Сибири 1921–1922 гг. значительная часть товарных крестьянских хозяйств были уничтожены. Описывая организацию крестьянских усадеб Бухтарминских старообрядцев, Е.Э. Бломквист отмечает: «Крестовых связей было много в богатой деревне Берели, расположенной к востоку от ясяка, вверх по Бухтарме, но все они погибли во время гражданской войны, когда Берель вся была выжжена дотла» (Бломквист, Гринкова, 1930: 208). После землеустройства 1927 г., когда продолжился процесс перераспределения земли между наличным населением, многим заимочникам пришлось побросать свои заимки и вернуться обратно в деревню. Государство берёт курс на создание коллективных крестьянских хозяйств, ликвидацию всех форм частной собственности на средства производства. Зажиточные крестьянские хозяйства как товарные производители перестают существовать и трансформируются в личные подсобные хозяйства.

5. Заключение

К середине XIX в. в Западной Сибири среди старожильческих крестьянских хозяйств выделилась группа зажиточных хозяйств основанных на традиционно-общинных, семейно-трудовых процессах. В местах, куда шел переселенческий поток, создались зоны с новыми этнокультурными традициями, отличавшиеся от сложившегося быта сибиряков-старожилов. В этих условиях в различных районах Западной Сибири сложились разнообразные приемы землеустройства и планировочной организации крестьянских хозяйств товарного типа старожилов и переселенцев. Крестьянское зажиточное хозяйство к началу XX в. представляло собой развивающийся производственно-селитебный комплекс, состоящий из усадьбы и объектов сельскохозяйственного производства, сельхозпереработки, торговли, складского и транспортного обслуживания, размещаемых как на территории поселка, так и на хуторах и заиках. В дальнейшем такое хозяйство могло эволюционировать в предприятие фермерского типа. Крестьянская усадьба зажиточного хозяина к началу XX в. сформировалась как целостный и развитый жилищно-хозяйственный и архитектурно-планировочный комплекс.

Литература

- Ащепков, 1950** – *Ащепков Е.А.* Русское народное зодчество Западной Сибири. М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1950.
- Баландин, 1984** – *Баландин С.Н.* История архитектуры русских земледельческих поселений в Сибири (XVII – нач. XX в.). Учебное пособие. Новосибирск, изд. НИСИ им. В.В. Куйбышева. 1984.
- Бетхер, 2013** – *Бетхер А.Р.* Хозяйство и материальная культура немцев Сибири: монография / А.Р. Бетхер, С.Р. Курманова, Т.Б. Смирнова; под общ. ред. Т.Б. Смирновой. Омск: Издательский дом «Наука», 2013.
- Бломквист, Гринкова, 1930** – *Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П.* Бухтарминские старообрядцы. Л.: Издание Академии Наук СССР, 1930.
- Вибе, 1997** – *Вибе П.П.* Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири // Немцы в Сибири. / Под. ред. П.П. Вибе. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1997. С. 5–45.
- ГАНО** – Государственный архив Новосибирской области.
- ГАНО** – Государственный архив Новосибирской области.
- Дубровский, 1963** – *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа // Из истории хозяйства и крестьянства в России в начале XX века. М., 1963.
- Зверев и др., 2009** – *Зверев В.А., Ильиных В.А., Мамсик Т.С.* Крестьянское хозяйство // Историческая энциклопедия Сибири // Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С.199-202.
- Ильиных, Ноздрин, 2009** – *Ильиных В.А., Ноздрин Г.А.* Кулачество // Историческая энциклопедия Сибири // Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 222-223.
- Крестьянство Сибири, 1983** – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
- Липинская, 1997** – *Липинская В.А.* Жилище восточнославянского населения Сибири // Традиционное жилище народов России: XIX – начала XX в. М.: Наука, 1997. С. 60–78.
- Мамсик, 1998** – *Мамсик Т.С.* Социальный фактор в этнокультурном развитии русских старожилов Сибири (агрехозяйственный комплекс начала XIX века) // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы Междунар. симп). Новосибирск, 1998. Т. 2.
- Мамсик, 2009** – *Мамсик Т.С.* Крестьянство. // Историческая энциклопедия Сибири // Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009.-Т.2.-С.204
- Мамсик и др., 2009** – *Мамсик Т.С., Ноздрин Г.А., Ильиных В.А.* Землепользование. // Историческая энциклопедия Сибири / Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1.
- Никулин, 2009a** – *Никулин П.Ф.* Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / Под ред. В.П. Зиновьева.-Томск: «ТМЛ-Пресс», 2009.
- Никулин, 2009b** – *Никулин П.Ф.* Социально-экономическая природа наемного труда в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX столетия. // *Вестник Томского государственного университета*, 2009. № 319. С. 84-90.
- Никулин, 2015** – *Никулин П.Ф.* К вопросу о модернизационно-экономических факторах развития сельскохозяйственного производства в Сибири в начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*, 2015. № 1 (33). С. 10-14.
- Ноздрин, 2009** – *Ноздрин Г.А.* Крестьянство во 2-й половине XIX–начале XX в. // Историческая энциклопедия Сибири // Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 205-206.
- Очерки истории, 1987** – Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987.
- Свитнев, 2001** – *Свитнев А.Б.* К вопросу об исследовании поселенческо-усадебного комплекса латышей и латгалцев Западной Сибири // *Культурологические исследования в Сибири*. Омск, 2001. № 1. С. 129-137.
- Традиционное жилище, 1997** – Традиционное жилище народов России: XIX–начала XX в. М.: Наука, 1997.
- Чаянов, 1989** – *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. /Ред. Л.И.Абалкин (перед). М.: Экономика, 1989.
- Шмидт, 2001** – *Шмидт А.В., Лихачев Е.Н.* Возникновение торгово-промышленной деятельности на территории немецких поселений Алтая. Известия вузов. Строительство, 2001, N 2, С. 108-113.
- Щеглова, 1997** – *Щеглова Т.К.* Особенности развития населенных пунктов Нижнего Причумышья в XX веке // Нижнее Причумышье. Очерки истории и культуры. Материалы краевой научно-практической и методической конференции. Тальменка, 1997. С. 84-89.
- Этнография, 1981** – Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX в.). М.: «Наука», 1981.
- Auhagen, 1939** – *Auhagen O.* Uber die Entwicklung der Agrarverfassung der deutschen Bauern im heutigen Gebiet der Union der Sozialistischen Sowjet-Republiken // *Agrarverfassungen der deutschen Auslandssiedlungen in Osteuropa*. Hrsg. Sering v. Dietze. Bd. 1. Berlin, 1939. pp. 1–85.

Atkinson, 1990 – *Atkinson D.* "Egalitarianism and the Commune // Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Russia. Edited by Roger Bartlett. London: MacMillan, 1990. pp. 7-20.

Baikalov, 1933 – *Baikalov V.A.* Siberia since 1894 // Slavonic and East European Review. Vol. XI. no. 32. 1933. pp. 328-340.

Marks, 1991 – *Marks, Steven G.* Road to power : The Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850-1917 / Steven G. Marks. London : Tauris, 1991. XXI, 240 p.

Nikel, 1935 – *Nikel S.* Die Deutschen in Wolhynien. Kiew; Charkow, 1935. 105 p.

Rahn, 1975 – *Rahn, P.* Mennoniten in Umgebung von Omsk. Winnipeg (Canada): Christian Press Ltd., 1975. 248 p.

References

Ashchepkov, 1950 – *Ashchepkov E.A.* (1950). Russkoe narodnoe zhdchestvo Zapadnoj Sibiri [Russian folk architecture of Western Siberia]. Moscow: Publishing House of the Academy of Architecture of the USSR.

Balandin, 1984 – *Balandin S.N.* (1984). Istoriya arhitektury russkikh zemledel'cheskikh poselenij v Sibiri (XVII – nach. XX v.) [History of the architecture of Russian agricultural settlements in Siberia (XVII-early XX century)]. Novosibirsk: Typography of NSIB.

Bether, 2013 – *Bether A.R.* (2013). Hozyajstvo i material'naya kul'tura nemcev Sibiri: monografiya [Economy and material culture of the Germans in Siberia: monograph]. A.R. Bekhter, S.R. Kurmanova, T.B. Smirnova; Under the general wording T.B. Smirnova. Omsk: Science Publishing House.

Blomkvist, Grinkova, 1930 – *Blomkvist E.Eh., Grinkova N.P.* (1930). Buhtarminskie staroobryadcy [Bukhtarma Old Believers]. Leningrad: Publication of the Academy of Sciences of the USSR.

Vibe, 1997 – *Vibe P.P.* (1997). Obrazovanie i stanovlenie nemeckikh kolonij v Zapadnoj Sibiri // Nemcy v Sibiri [Formation and formation of German colonies in Western Siberia // Germans in Siberia]. Edited by P.P. Vibe. Omsk: State Museum of Local History. pp. 5-45.

GANO – Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State Archives of the Novosibirsk Region].

GANO – Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State Archives of the Novosibirsk Region].

Dubrovskij, 1963 – *Durovskij S.M.* (1963). Stolypinskaya zemel'naya reforma [Stolypin land reform]. From the history of the economy and peasantry in Russia in the early twentieth century. M.

Zverev et al., 2009 – *Zverev V.A., Il'inyh V.A., Mamsik T.S.* (2009). Krest'yanskoe hozyajstvo // Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri [Peasant farming// Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Publishing house Historical heritage of Siberia. Vol. 2. pp. 199-202.

Il'inyh, Nozdrin, 2009 – *Il'inyh V.A., Nozdrin G.A.* (2009). Kulachestvo / Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri [The kulaks // Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Publishing house Historical heritage of Siberia. Vol. 2. pp. 222-223.

Krest'yanstvo Sibiri, 1983 – *Krest'yanstvo Sibiri v ehphohu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk, 1983.

Lipinskaya, 1997 – *Lipinskaya V.A.* (1997). Zhilishche vostochnoslavyanskogo naseleniya Sibiri [The dwelling of the East Slavic population of Siberia]. Traditional dwelling of the peoples of Russia: the XIX – early XX century. Moscow, Science Publishing House, 1997. pp. 60-78.

Mamsik, 1998 – *Mamsik T.S.* (1998). Social'nyj faktor v ehcnokul'turnom razvitii russkikh starozhilov Sibiri (agrohozyajstvennyj kompleks nachala XIX veka [The social factor in the ethnocultural development of Russian old-timers in Siberia (the agricultural complex of the beginning of the XIX century)] / Siberia in the panorama of millennia (Materials of the International Symposium). Novosibirsk. Vol. 2.

Mamsik, 2009 – *Mamsik T.S.* (2009). Krest'yanstvo / Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri [Peasantry. / Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Publishing house Historical heritage of Siberia. Vol. 2. 204 p.

Mamsik et al., 2009 – *Mamsik T.S., Nozdrin G.A., Il'inyh V.A.* (2009). Zemlepol'zovanie. / Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri [Land use. Historical encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk: Publishing house Historical heritage of Siberia. T. 1.

Nikulin, 2009a – *Nikulin P.F.* (2009). Ehkonomicheskij stroj krest'yanskogo hozyajstva Zapadnoj Sibiri nachala XX v. [The economic structure of the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the XX century]. Under the general wording V.P. Zinoviev. Tomsk: "TML-Pross" Publishing House, 2009.

Nikulin, 2009b – *Nikulin P.F.* (2009). Social'no-ehkonomicheskaya priroda naemnogo truda v krest'yanskom hozyajstve Zapadnoj Sibiri nachala XX stoletiya [The socio-economic nature of hired labor in the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the twentieth century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009. № 319. pp. 84-90.

Nikulin, 2015 – *Nikulin P.F.* (2015). K voprosu o modernizacionno-ehkonomicheskikh faktorah razvitiya sel'skohozyajstvennogo proizvodstva v Sibiri v nachale XX v. [On the issue of modernization and economic factors in the development of agricultural production in Siberia in the early twentieth century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1 (33). pp. 10-14.

Nozdrin, 2009 – *Nozdrin G.A.* (2009). Krest'yanstvo vo 2-j polovine XIX – nachale XX v. / Istoricheskaya ehnciklopediya Sibiri [The peasantry in the second half of the XIX – early XX century / Historical Encyclopedia of Siberia]. Novosibirsk, Publishing house Historical heritage of Siberia. Vol. 2. pp. 205-209.

- Ocherki istorii, 1987** – Ocherki istorii Altajskogo kraja [Essays on the history of the Altai Territory]. Barnaul: Alt. Book. Publishing house, 1987.
- Svitnev, 2001** – *Svitnev A.B.* (2001). K voprosu ob issledovanii poselencesko-usadebnogo kompleksa latyshej i latgal'cev Zapadnoj Sibiri [To the question of the study of the settlement-estate complex of Latvians and Latgians of Western Siberia]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. № 1. pp. 129-137.
- Tradicionnoe zhilishche, 1997** – Tradicionnoe zhilishche narodov Rossii: XIX–nachala XX v. [The traditional dwelling of the peoples of Russia: the XIX – early XX century]. Moscow, Science Publishing House, 1997.
- Chayanov, 1989** – *Chayanov A.V.* (1989). Krest'yanskoe hozyajstvo: Izbrannye Trudy [Peasant farming: Selected works]. M.: Economy Publishing House [in Russian].
- Shmidt, 2001** – *Shmidt A.V., Lihachev E.N.* (2001). Vozniknovenie torgovo-promyshlennoj deyatel'nosti na territorii nemeckih poselenij Altaya [The emergence of commercial and industrial activities in the territory of the German settlements of Altai]. *Izvestiya vuzov. Stroitel'stvo*. N 2, pp. 108-113.
- Shcheglova, 1997** – *Shcheglova T.K.* (1997). Osobennosti razvitiya naseleennykh punktov Nizhnego Prichumysh'ya v XX veke [Features of the development of settlements of the Lower Prichumyshye in the twentieth century] / *Nizhnee Prichumysh'e. Ocherki istorii i kul'tury. Materialy kraevoj nauchno-prakticheskoy i metodicheskoy konferencii*. Tal'menka. pp. 84-89.
- Ehtnografiya, 1981** – Ehtnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri (XVII- seredina XIX v.) [Ethnography of the Russian peasantry of Siberia (XVII – middle of XIX century)]. M.: Science Publishing House, 1981.
- Atkinson, 1990** – *Atkinson D.* (1990). "Egalitarianism and the Commune // Land Commune and Peasant Community in Russia. Coommunal Froms in Imperial and Early Soviet Russia. Edited by Roger Bartlett. London: MacMillan. pp. 7-20.
- Auhagen, 1939** – *Auhagen O.* (1939). Uber die Entwicklung der Agrarverfassung der deutschen Bauern im heutigen Gebiet der Union der Sozialistischen Sowjet-Republiken // Agrarverfassungen der deutschen Auslandsiedlungen in Osteuropa. Hrsg. Sering v. Dietze. Bd. 1. Berlin. pp. 1–85.
- Baikalov, 1933** – *Baikalov V.A.* (1933). Siberia since 1894. *Slavonic and East European Review*. Vol. XI. no. 32. pp. 328-340.
- Marks, 1991** – *Marks, Steven G.* (1991). Road to power: The Trans-Siberian railroad a. the colonization of Asian Russia, 1850-1917 / Steven G. Marks. London: Tauris. XXI, 240 p.
- Nikel, 1935** – *Nikel S.* (1935). Die Deutschen in Wolhynien. Kiew; Charkow. 105 p.
- Rahn, 1975** – *Rahn, P.* (1975). Mennoniten in Umgebung von Omsk. Winnipeg (Canada): Christian Press Ltd. 248 p.

УДК 930.85(571.1)

Эволюция планировочных решений крестьянских фермерских хозяйств в Западной Сибири середина XIX – начало XX в.

Евгений Николаевич Лихачев ^{a,*}, Геннадий Иванович Пустоветов ^a, Алла Евгеньевна Лихачева ^a

^a Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусства, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается процесс эволюции зажиточных крестьянских хозяйств товарного (фермерского) типа в Западной Сибири в эпоху капитализма: середина XIX – начало XX в. Выявлены этапы развития крестьянских товарных хозяйств в Западной Сибири от их зарождения до формирования крупных хозяйств фермерского типа. Рассмотрен комплекс факторов территориального размещения крестьянских хозяйств товарного типа и развития их функционально - планировочных структур. Выявлены особенности развития типологии усадебных комплексов зажиточных крестьян-старожилов. Раскрыта роль Столыпинской аграрной реформы в формировании региональных типов усадеб зажиточных крестьян-переселенцев. Развитие многодворного усадебного комплекса зажиточных крестьян в зоне расселения Западной Сибири шло по пути усложнения его функционально-планировочной структуры, внедрения новых архитектурно-строительных решений, включения в состав комплекса объектов по переработке сельскохозяйственной продукции, ремонту инвентаря, обслуживанию транспортных средств, торговли.

Ключевые слова: эволюция, планировка, землеустройство, крестьянское фермерское хозяйство, сельские поселения, Западная Сибирь, Столыпинская реформа, старожилы, переселенцы, крестьянская усадьба.

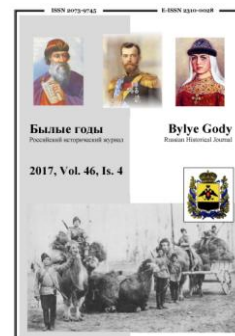
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lixachev@ngaha.ru (Е.Н. Лихачев), pustovetovgi@gmail.com (Г.И. Пустоветов), likhacheve@mail.ru (А.Е. Лихачева)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1395-1400, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1395
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Cruising Service of the Black Sea Fleet in the 1860s: Regulations and Practical Application

Nikolai A. Okatiev^a, Anna A. Ostrovskaya^{b,*}, Yurii N. Makarov^c

^a JSC «IVTS «METATEK», Russian Federation

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^c Sochi State University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the regulations and the practical implementation of the cruising service of the Black sea fleet in the 1860s. The attention is also paid to the issues of armament of ships and their participation in the suppression of smuggling.

There are used as materials the documents of the Central state archive of the Navy (St. Petersburg, Russian Federation), introduced into scientific circulation for the first time, and scientific publications on the research topic.

The methodological basis of the study was the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, a critical attitude to the sources, the judgments in the analysis of the totality of the facts and the screening phenomena in the development and the context of the historical situation. This is important when studying the extent of smuggling and countering it. The comparative method was applied during the work, which allowed to correlate the regulations and the practical implementation of cruising service.

In conclusion the authors stated that military courts continued the cruising service in 1860s, which was aimed at curbing the turkish smuggling. In order to avoid the complications in diplomatic relations with the foreign states there was spelled out in detail the terms under which the smuggling ship could be considered as lawful prize. The significant scale of smuggling in the 1860s is evidenced by the fact that only in 1863, the courts of the Black sea fleet intercepted 16 smuggling vessels.

Keywords: cruising service, Black sea fleet, Black sea highlanders, regulations, contraband, 1860s.

1. Введение

После установления русского военного присутствия на Восточном берегу Черного моря, для русской администрации встал вопрос об осуществлении крейсерской службы. В задачи крейсерской службы входило недопущение поставок оружия, с территории Турции на территорию Черноморья, которая находилась в составе Российской империи. Такие мероприятия сопровождались дипломатическими конфликтами, которые едва не заканчивались военными конфликтами. Наиболее показательным примером здесь может служить случай с английской шхуной «Виксен». Напомним, что 14 ноября 1836 года русский бриг «Аякс» задержал в Суджукской (ныне Цемесская) бухте английскую шхуну «Виксен» (Vixen), занимавшуюся разгрузкой контрабандных товаров прибрежным горским племенам.

* Corresponding author

E-mail addresses: ostrovskaya_aa@pfur.ru (A.A. Ostrovskaya)

2. Материалы и методы

В качестве материалов использованы впервые вводимые в научный оборот документы Центрального государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также научные публикации по теме исследования.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. На наш взгляд, это важно при изучении масштабов контрабанды и противодействия ей. В ходе работы применял сравнительный метод, который позволил соотнести регламент и практическое воплощение крейсерской службы.

3. Обсуждение

Тема крейсерской службы не получила значительного освещения в историографии. Частично эти вопросы затрагивались в дореволюционных и современных работах по истории азовского казачьего войска, которое в течение нескольких десятилетий несло службу по охране приморской границы. Здесь необходимо назвать труды Ф.А. Щербины «История Кубанского казачьего войска» (Щербина, 1913), А.П. Гаденко «Азовское казачье войско» (Гаденко, 1912), Л. Маленко «Азовское казачье войско» (Маленко, 2000), А.А. Смирнова «Морская история казачества» (Смирнов, 2006), А.Ю. Соклакова (Соклаков), В.П. Пономорева (Пономорев, 2011), Ю.Ю. Клычникова ««Чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе...»: усилия российской власти по умиротворению Северо-западного Кавказа в 30-60-х годах XIX века» (Клычников, 2015), К.А. Павлова, О.Б. Клочкова «Азовские казаки на охране черноморского побережья Кавказа 1853–1865 гг.» (Павлов, Клочков, 2017), В.Б. Каратаева, И.А. Гордеева, Л.Г. Зимовец «Азовское казачье войско на территории Черноморского побережья» (Karataev et al., 2016) и др.

4. Результаты

4.1. Регламент применения крейсерской службы

Главным документом, регламентирующим применение крейсерской службы Черноморского флота в 1860-е гг. была «Инструкция крейсерам у Восточных берегов Черного моря». Документ состоял из 10 частей, в которых подробно излагались правила поведения капитанов во время крейсерской службы у восточных берегов Черного моря. Инструкция была подписана генерал-адмиралом Константином и свиты Его Величества контр-адмиралом Н. Крабе. Инструкция была подписана в ноябре 1867 года. Однако практическое применение крейсеров свидетельствует о том, что аналог данных инструкций действовал в Черноморском флоте и до 1867 г.

Так, основной задачей крейсерской службы было содействие совместно с таможенными и карантинными организациями в допущение иностранных коммерческих судов только к тем пунктам российского Черноморского побережья, в которых существуют карантинные пункты и таможни, а именно: к Анапе, Сухуму, Редуту и Потти. При этом крейсерам вменялась задача не допускать иностранные суда во все другие места и принимать меры к задержанию контрабандистов.

Что касается русских торговых судов, то они имели право входить и в военные укрепления, например, для осуществления снабжения войск, но при этом на судне должны были находиться документы, в котором обозначалось место следования судна.

В инструкции принималось во внимание и то, что бури и другие обстоятельства могли принудить купеческие суда невольно изменить курс своего пути. Крейсера, которые встретили бы такие суда по направлению к запрещенным пунктам, должны были ограничиваться остановкой их и предупреждая об опасности, которым они могли подвергнуться идя тем же курсом. При этом необходимо было ставить соответствующую отметку в корабельных документах.

В инструкции определялась и дистанция, в которой крейсера не могли оказывать противодействие иностранным судам. Таким расстоянием были установлены 5 итальянских миль.

Располагая вескими подозрениями, крейсера могли останавливать иностранные суда в русских водах и ограничиваться осмотром судов. В случае если на судне не окажется запрещенных товаров, крейсера имели право только требовать, чтобы судно удалилось от берега на расстояние, дозволенное для беспрепятственного плавания. Крейсера не имели права ни отстранять насильно шкипера от командования своим судном, ни заставлять его явиться к какому-либо начальству на берег для допроса. Еще меньше дозволялось крейсерам изменять направление пути иностранного судна, если он вне пределов дозволенных для осмотра, или же шкипер сам предложит, что бы его осмотрели в море, для удостоверения крейсерам отсутствия всякого с его стороны подлога против законных намерений, и это ходе осмотра оказалось оправданным.

В случае если бы крейсера обнаружили в открытом море, т.е. на расстоянии более 5 итальянских миль, иностранное судно, которое показалось бы им подозрительным, то они должны были только наблюдать и следовать за ним, к осмотру же его приступать в таком только случае, если судно это следуя по направлению к одной из запрещенных местностей берега, приблизится на расстояние менее 5 миль и при осмотре такового судна, крейсера обязаны между прочим удостовериться, были ли представлены в Русское Консульство, и оным засвидетельствованы

корабельные документы. Отсутствие консульских документов могло послужить к усилению подозрения (ЦГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 6752. Л. 1-4).

Задерживаемые суда согласно инструкции направлялись в Анапу или в Сухум для судебного разбирательства в специальной комиссии. Причинами к задержанию могло служить:

- суда, которые, вопреки, сделанному им предостережению, продолжали свой путь к местам запрещенным;
- суда, которые оказывали противодействие осмотру на расстоянии дозволенном правилами;
- суда, которые окажутся на якоре у запрещенного места берега, если они не были вынуждены к стоянке необходимостью (например, аварийной ситуацией, как то потеря мачт или руля);
- суда, на которых окажутся военные снаряды и оружие. Однако же, если на судне будет не более четырех зарядов, то оно не могло быть задержано;
- суда по требованию таможни, задержанные за контрабандный торг, подвергались суду таможенного ведомства, которые поступают с ним на основании законов.

Как при простом опросе судна, так и при оказавшемся необходимым осмотре, крейсера должны были соблюдать всевозможную осмотрительность и вежливость относительно иностранного судна, чтобы убедить его, что, принимая меры предосторожности, вынужденная необходимостью, правительство Российской империи старается избегать всего, что могло бы стеснить движение законами разрешенной торговли.

Во избежание недоразумений, на каждом крейсере полагалось иметь хотя бы одно лицо, знающее европейские языки, которые могли, в случае нужды, объясниться с иностранными шкиперами, исполнять должность переводчика при допросах, прочесть корабельные документы, и так далее.

Помимо этого в случае крушения, крейсера должны были оказывать иностранным судам, даже если они принадлежали контрабандистам, самую разнообразную помощь, которые «требует долг человеколюбия» (ЦГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 6752. Л. 4-7).

4.2. Практическое применение крейсеров в борьбе с контрабандой

Необходимо отметить, что к крейсерской службе привлекались быстроходные суда Черноморского флота, такие как парусные и винтовые шхуны, винтовые транспорты, а также корветы. На вооружении судов была не только малокалиберная артиллерия, но и ракетное оружие. Ракетное оружие стояло на вооружении части легких кораблей и русского боевого флота. Так, во время русско-турецкой войны 1823–1829 гг. русские моряки применяли ракеты против кораблей противника на Дунае, при форсировании этой реки в районе Силистрии, а также при осаде ряда городов. О том, что ракетной технике в те времена уделялось очень большое внимание, говорит и такой факт: в 1830-х годах русский военный инженер А. А. Шильдер сконструировал подводную лодку, вооруженную ракетами, которые можно было запускать из-под воды.

В 1850–1860-х годах в русской армии и флоте имелись 2-, 2,5- и 4-дюймовые пороховые ракеты (зажигательные, осколочные и фугасные). Применялось ракетное оружие и русскими моряками при обороне Севастополя, и англо-французским флотом, его осаждавшим.

Рис. 1. Азовские казаки атакуют турецких пиратов. Картина Григория Гагарина 1847 года (Karataev et al., 2016: 394)

Только в 1863 г. крейсера Черноморской флотилии перехватили или уничтожили 16 торговых кораблей контрабандистов. О количестве не перехваченных судов остается только догадываться.

Приведем в качестве примеров несколько случаев фактической реализации крейсерской службы судами Черноморского флота за 1863 год. Так, 23 января корветом «Ястреб» находящемся в крейсерстве между Адлером к Сочи, была обнаружена турецкая кочерма¹, которая двигалась к берегу. Судно было перехвачено при осмотре оказалось, что судно было загружено солью и мануфактурными товарами. Так как у шкипера судна никаких документов не оказалось, то судно было взято в качестве приза и доставлено в Сухум (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 1).

25 февраля тот же корвет обнаружил кочерму идущую к Сочи, несмотря на то, что немедленно был взят курс, чтобы отрезать судно от берега, но кочерма выставив весла и пристала к берегу в 2-х милях южнее мыса Сочи. Набежавшие горцы стали перетаскивать тюки с кочермы на берег. Корвет подойдя к берегу на 2 кабельтова и став на глубине 30 фунтов открыл огонь по кочерме. Первое же ядро попало в кочерму, выбросило несколько тюков и сундуков, убило двух горцев, а третьему оторвало ногу. Вскоре от гранаты кочерма загорелась. Затем чтобы не допустить горцев тушить кочерму корвет открыл штуцерный огонь и изредка продолжал стрелять картечью; спустя некоторое время на судне прогремели два небольших взрыва, после чего кочерма накренилась на правую сторону и окончательно затонула (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 1-2).

25 марта корвет «Зубр» находясь в крейсерстве близ устья реки Пшады захватил кочерму стоявшую у берега на якорю без команды; при чем горцы хотя и собирались в большом числе на берегу увидев кочерму буксируемую катером открыли огонь, но по дальности расстояния вреда никакого корвету не сделали (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 5).

11 апреля шхуной «Саук-су» не далеко от Сочи была задержана турецкая кочерма направлявшаяся от берега, у шкипера данного судна не оказалось других бумаг кроме билета, в котором было показано, что он следует в Анапу с грузом, но означенного в билете груза на кочерме не оказалось, а находилось 56 пассажиров убухов и абадзехов с багажом и груз пшена и кукурузы. Кочерма приведена шхуною в Сухум и передана в распоряжение местного начальства (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 3).

11 мая винтовой транспорт «Воин» следуя из Новороссийска в Сухум, при совершенном штиле встретил у Адлера в 3-х милях от берега кочерму нагруженную солью. Экипаж состоял из 5 турецкоподданных. По неимению свидетельства кочерма задержана и приведена в Сухум где и сдана в карантинное правление (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 7).

25 апреля в крейсерство вышел корвет «Кречет». Корвет разбил ядрами одну кочерму вытасченную на берег у р. Псахэ; одну большую кочерму стоявшую на якорю у Вардане, главного притона контрабандистов, грузившуюся кукурузою, на обратном пути разбил две кочермы в Субашахе и одну в кочерму у Адлера (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 10).

30 мая тот же корабль выйдя из Сухума вместе с шхуной «Саук-су», разбил ядрами 4 кочермы бывшие на берегу у Туапсе (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 10-11).

В ночь с 18 на 19 июня винтовая шхуна в районе Сочи в 3-х милях от берега, арестовала турецкую кочерму с командою из 10 человек, в числе которых были 4-е турка и 6-ть горцев. Кочерма приведена в Сухум и сдана была по принадлежности (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 12).

6 июля корвет «Кречет» настиг в 5-ти милях на траверзе Шубаши, турецкую кочерму нагруженную солью. Кочерма имела карантинное свидетельство из Требизонда, для следования с грузом соли на Дунай, но при **so** ветре она шла на N, прямо в кавказский берег и там завидев гнавшихся за нею корвет немедленно поворотила на другой галс, почему и успела удалиться от берега на 5 миль, а также, принимая во внимание тот же **so** ветер во все продемонстрировавшие время благоприятный для плавания по назначению, явно было намерение шкипера выгрузиться в одном из пунктов кавказского берега, что и случается постоянно. А потому командир корвета счел долгом арестовать и представить кочерму эту для обследования в Сухум (ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1893. Л. 13).

5. Заключение

В заключении мы можем отметить, что в 1860-е гг. военными судами продолжала осуществляться крейсерская служба, которая была направлена на пресечение турецкой контрабанды. При этом во избежание осложнения дипломатических отношений с иностранными государствами были подробно прописаны условия, при которых контрабандное судно могло считаться законным призом. О значительных масштабах контрабанды в 1860-е годы свидетельствует тот факт, что только за 1863 год судами Черноморского флота было перехвачено 16 контрабандных судов.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта No.26.1146.2017/4.6 «Разработка математических методов прогнозирования эффективности применения космических услуг в народном хозяйстве».

¹ Кочерма – торговое судно.

Литература

Бойко, Маленко, 1995 – Бойко А.В., Маленко Л.М. Матеріали до історії Азовського козачого війська. Запоріжжя, 1995.

Гаденко, 1912 – Гаденко А.П. Азовское казачье войско. Кашира, 1912

Клычников, 2015 – Клычников Ю.Ю. «Чтобы они согласились жить с нами в мире и дружбе...»: усилия российской власти по умиротворению Северо-западного Кавказа в 30-60-х годах XIX века // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2015. № 5 (84). С. 21-25.

Маленко, 2000 – Маленко Л. Азовское казачье войско (1828–1866). Запорожье, 2000. 514 с.

Павлов, Клочков, 2017 – Павлов К.А., Клочков О.Б. Азовские казаки на охране черноморского побережья Кавказа 1853–1865 гг. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 1-1. С. 75-78.

Пономорев, 2011 – Пономорев В.П. Заселение территории современного Абинского района Краснодарского края азовскими казаками в 1863 году // *Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия*. Вып. 5. Краснодар – Киев, 2011. 352 с

Смирнов, 2006 – Смирнов А.А. Морская история казачества. М., 2006.

Соклаков – Соклаков А.Ю. Казачий флот в контексте рассмотрения развития системы комплектования казачьих войск (электронный вариант). <http://www.cossackdom.com/articles/s/soklakovflot.htm> Дата доступа: 1.06.2017 г.

Щербина, 1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2. Екатеринодар, 1913.

ЦГА ВМФ – Центральный государственный архив военно-морского флота.

Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2, pp. 392-397.

References

Boiko, Malenko, 1995 – Boiko A.V., Malenko L.M. (1995). Materiali do istorii Azovskogo kozachogo viisk'a [Materials for the history of the Azov Cossack troops]. Zaporizhzhya.

Gadenko, 1912 – Gadenko A.P. (1912). Azovskoe kazach'e voisko [Azov Cossack host]. Kashira.

Klychnikov, 2015 – Klychnikov Yu.Yu. (2015). «Chtoby oni soglasilis' zhit' s nami v mire i druzhbe...»: usiliya rossiiskoi vlasti po umirotvorenii Severo-zapadnogo Kavkaza v 30-60-kh godakh XIX veka ["That they agreed to live with us in peace and friendship...": the efforts of the Russian authorities to pacify the North-western Caucasus in the 30s-60s of the XIX century]. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. № 5 (84). pp. 21-25.

Malenko, 2000 – Malenko L. (2000). Azovskoe kazach'e voisko (1828–1866) [Azov Cossack Host (1828–1866)]. Zaporozh'e. 514 p.

Pavlov, Klochkov, 2017 – Pavlov K.A., Klochkov O.B. (2017). Azovskie kazaki na okhrane chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza 1853–1865 gg. [Azov cossacks on the protection of the Black sea coast of the Caucasus in 1853-1865]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. Т. 9. № 1-1. pp. 75-78.

Ponomorev, 2011 – Ponomorev V.P. (2011). Zaselenie territorii sovremennogo Abinskogo raiona Krasnodarskogo kraia azovskimi kazakami v 1863 godu [The settling of territory of modern Abinsk district of the Krasnodar territory of the Azov Cossacks in 1863] // *Kuban'-Ukraina: voprosy istoriko-kul'turnogo vzaimodeistviya*. Vyp. 5. Krasnodar – Kiev. 352 p.

Smirnov, 2006 – Smirnov A.A. (2006). Morskaya istoriya kazachestva [The naval history of the Cossacks]. M.

Soklakov – Soklakov A.Yu. Kazachii flot v kontekste rassmotreniya razvitiya sistemy komplektovaniya kazach'ikh voisk [The Cossack fleet in the context of the development of the recruitment system of Cossack troops] (elektronnyi variant). <http://www.cossackdom.com/articles/s/soklakovflot.htm> Data dostupa: 1.06.2017 g.

Shcherbina, 1913 – Shcherbina F.A. (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban Cossack Army]. V 2 t. Т. 2. Ekaterinodar.

TsGA VMF – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [The central state archive of the navy].

Karataev et al., 2016 – Karataev V.B., Gordeev I.A., Zimovets L.G. (2016). Azov Cossack Host on the Territory of the Black Sea Coastline. *Bylye Gody*, Vol. 40, Is. 2, pp. 392-397.

УДК 93/94

**Крейсерская служба Черноморского флота в 1860-е гг.:
регламент и практическое применение**Николай Аркадьевич Окатьев^a, Анна Александровна Островская^{b,*}, Юрий Николаевич Макаров^c^a Инновационно-внедренческий центр «МЕТАТЕК», Российская Федерация^b Российский университет дружбы народов, Российская Федерация^c Сочинский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается регламент и практическое воплощение крейсерской службы Черноморского флота в 1860-е гг. Уделено также внимание вопросам вооружения кораблей и участия их в пресечении контрабанды.

В качестве материалов использованы впервые вводимые в научный оборот документы Центрального государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также научные публикации по теме исследования.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. Это важно при изучении масштабов контрабанды и противодействия ей. В ходе работы применялся сравнительный метод, который позволил соотнести регламент и практическое воплощение крейсерской службы.

В заключении авторы отмечают, что в 1860-е гг. военными судами продолжала осуществляться крейсерская служба, которая была направлена на пресечение турецкой контрабанды. При этом во избежание осложнения дипломатических отношений с иностранными государствами были подробно прописаны условия, при которых контрабандное судно могло считаться законным призом. О значительных масштабах контрабанды в 1860-е годы свидетельствует тот факт, что только за 1863 год судами Черноморского флота было перехвачено 16 контрабандных судов.

Ключевые слова: крейсерская служба, Черноморский флот, горцы черноморья, регламент, контрабанда, 1860-е гг.

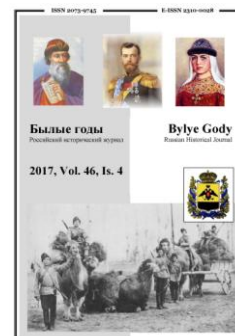
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ostrovskaya_aa@pfur.ru (A.A. Ostrovskaya)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1401-1415, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1401
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

"Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation Whether They Need This Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, c, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

^c American Historical Association, USA

Abstract

In the second part of the article, we continue to explore regional prerequisites of the reforms of the Don Cossacks 1860–1870 on the basis of the works of contemporaries including unpublished manuscripts. We were able to identify some manifestations of the crisis of the Don Cossacks in the mid 19-th century. Troops of Don Cossacks demonstrated lesser combatant value with each new war. Government system of Don Host Oblast was archaic and inefficient. We concluded that reforms were necessary for Don Cossacks because of internal, not external reasons, but the fact that these reformatations were directed on its "civil development" to the detriment of martial part was personal decision of Minister of War D.A. Milyutin. Although this decision was supported by office of Ministry of War many his contemporaries considered it false.

Keywords: the reforms of Alexander II, D.A. Milyutin, Don Host Oblast, the reforms of the Don Cossacks 1860–1870, the crisis of the Don Cossacks in the mid 19-th century.

3) *Неэффективность системы управления Землей Войска Донского.* Казачья замкнутость наложила свой отпечаток и на систему управления Донским войском. Казаки вообще рассматривали Землю Войска Донского как свою территорию, территорию, пожалованную им Высочайшими грамотами (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 506.-606). Приведем еще одну цитату из критики П.А. Валуевым нового проекта «Положения о войске Донском». «Увлечение к предвзятой идее о замкнутости является неразумным; в ст. 442 на основании коей все должности по учебным заведениям замещаются училищными чинами обоего пола, преимущественно из казачьего сословия. Тут не сделано даже никакой оговорки, следовательно, допускается прямое заключение о преимуществе менее способных, если только они принадлежат к казачьему сословию, над более способными, если последние, по происхождению из уроженцев Империи, не подходят к этому условию» (Волвенко, 2014а: 18). Может показаться, что словам министра внутренних дел не стоит придавать особого значения, поскольку они касались нереализованного проекта. Однако ситуация в сфере образования была как раз нетипична для Земли Войска Донского. Большинство должностей на его территории могли занимать исключительно казаки, независимо от их способностей: так, за ними были закреплены все офицерские вакансии в донских полках и большая часть административных постов в регионе. И, как мы увидим ниже, слова П.А. Валуева о «неразумности» предоставления ответственных должностей некомпетентным людям исключительно из-за их «правильного», казачьего происхождения, очень удачно характеризовали ситуацией на Дону.

Само появление в тексте проекта «Положения об управлении Донским войском» требований распространить сословную систему назначений на учебные учреждения было далеко не случайным.

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

О настроениях в казачьей среде можно судить по тому, что депутаты Новочеркасского и Хоперского округов критиковали этот проект с противоположной П.А. Валуеву позиции. По их мнению, в нем было прописано недостаточно привилегий казаков, дающих им права на приоритетное занятие должностей внутри войска: лицам казачьего происхождения следовало предоставить такие привилегии не только в военной, административной и образовательной сферах, но и в сфере религиозной. Депутаты утверждали, что после того, как в 1835 г. епархиальным властям разрешили назначать приходских священников в станицы без учета их происхождения, прихожанам против их воли стали навязывать лиц совершенно посторонних, «даже иногородних». Казаки не могли относиться к таковым «с прежним благоговением», и только возврат к традиционному порядку, когда «войсковые граждане» пользовались преимуществом при получении постов в местной духовной иерархии, мог вернуть царствовавшее ранее «между духовенством и прихожанами взаимное согласие и истинно-христианское уважение» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 3-4; Д. 240. Л. 21-23об).

Как видно из проекта «Положения о войске Донском» и его критики станичными депутатами, донское общество 1850–1860 гг. было достаточно ксенофобским, и тяготело к еще большей закрытости. Не стоит думать, что влияние подобных настроений на местную администрацию компенсировалось тем фактом, что атаманскую должность после смерти М.Г. Власова в 1848 г. занимали исключительно генералы не казачьего происхождения. Управление войском, реальный контроль за различными сферами его функционирования все еще оставались в руках казаков. Об этом можно судить из воспоминаний В.Д. Новицкого, состоявшего чиновником особых поручений при донском атамане М.И. Черткове. Его свидетельство столь интересно, что мы позволим себе остановиться на нем подробно.

Иногда не книги основываются на реальных событиях, но реальность словно пародирует книги. На Дону в середине XIX в. будто бы заново разыгрывался сюжет «Мертвых душ» Н.В. Гоголя: донские помещики по малоизвестному закону имели право получать 5 десятин на каждого крепостного крестьянина, и некий хорунжий Когальников попытался воспользоваться этим, фиктивно приобретая крепостных, порой уже умерших, и получая на них участки. «Когальников совершил массу подложных купчих крепостей от таких лиц, которые десятки лет назад поумирали; другие, находившиеся в живых, совершенно даже не знали о числящихся за ними по окладным книгам крестьянских душах; причем для запутания дела и скрытия всяких следов, души перепродавались из одних рук в другие, на имя лиц, в действительности не существовавших или же давно умерших, и полученные в надел на эти души земли тотчас же распродавались такими же путями и способами, и таким образом дела запутывались всевозможными махинациями, к числу которых, между прочим, должна быть отнесена и выдача подложных паспортов и видов из атаманской канцелярии, о чем также было следственное производство. Хорунжий Когальников был на Дону в 1860-х годах тот же Чичиков. По этому следственному делу возвращены были *десятки тысяч десятин земли* (курсив мой – А.П.) в войсковую собственность из частных рук, завладевших неправильно и незаконно казенными войсковыми землями» (Новицкий, 1991: 54). Для нас в этой истории важен тот факт, что В.Д. Новицкий не был первой кандидатурой атамана для расследования этого дела. Офицер в своих воспоминаниях признавал, что ему «пришлось» заниматься им только потому, что ни один казак не брался раскрывать преступления Когальникова, и у этого нежелания были принципиальные причины (Новицкий, 1991: 53).

«По внедрившемуся в казачью плоть и кровь убеждению, все войсковое имущество и земли составляют достояние одних казаков. К войсковой собственности казаки относились так, что они все считали своим достоянием, даже войсковую казну, на которую простирали свое право самым незатейливым образом и приемами» (Новицкий, 1991: 53). Это свое утверждение В.Д. Новицкий иллюстрировал и другими примерами: например, при строительстве Новочеркасского собора прямо на глазах у властей расхищали казенный кирпич, «каковой увозили, говоря, что это – войсковое имущество, принадлежащее каждому казаку». Атаманы пытались бороться с этим, назначая специальные следственные комиссии, однако продолжать воровать они ничуть не мешали (Новицкий, 1991: 54).

Таким образом, на Дону сложилась крайне не типичная для Российской империи в целом ситуация: контроль за выполнением имперских законоположений и распоряжений центральной власти был возложен на представителей достаточно узкой сословной группы, для которых нередко местные традиции были куда важнее этих законоположений и распоряжений. Ситуацию дополнительно осложняло то, что для казачьего сословия в целом была характерна круговая порука: В.Д. Новицкий для ее характеристики приводил характерную для донцов фразу «русским может быть каждый, а казаком нужно родиться» (Новицкий, 1991: 53), а М.Н. Харузин писал, что «при решении тяжбы «русского» с казаком в станичных судах нередко применяется правило «казака на мужика менять не приходится» (Харузин, 1885: XXVIII). В качестве примера уместно снова вернуться к описанию дела Когальникова: были украдены десятки тысяч десятин, в преступном сговоре участвовали правительственные чиновники, но ни один казак, вопреки воле атамана, не взялся вести расследование. Конечно, было бы неправильно изображать Землю Войска Донского как царство некоего казачьего произвола, где не действовали законы Российской империи. Однако очевидно, что

с точки зрения центральных властей было бы неплохо, если бы эти законы действовали в несколько большей степени.

А привлечению дополнительных иногородних чиновников для контроля над их исполнением мешали как ксенофобия донского общества, так и правительственные законоположения об управлении Донским войском. В.Д. Новицкий жаловался, что ему служилось на Дону нелегко, во многом как раз из-за враждебного отношения казаков к чужаку (Новицкий, 1991: 52). Приведем ярчайшую цитату из документа, характеризующую отношение казаков к подобным пришельцам. Она взята из анонимного письма, адресованного боровшемуся со сложившейся в донской администрации ситуацией М.И. Черткову. «Для инспектирования полков – Вы выписали генерала, объясняя это тем, «что инспектора из донских могут запинать на улице, если он добросовестно исполнит свое дело». Вы знаете, почтенный Михаил Иванович, что это значит? Если только сами понимали всю мерзость смысла этого своего обвинения! Ведь это значит, что Вы не находили на Дону людей честных, которым можно давать отдельные поручения, что Вы подозреваете целое общество в какой то повальной подлости. Но Вы этого не смеете думать, Вы это сделали по своей обычной тупой несообразности, и общество ответило Вам своим презрением, хотя и не могло забыть оскорбления» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 3). Борьба М.И. Черткова с местными традициями особенно примечательна тем, что донскому обществу удалось, в конце концов, победить атамана: он ушел с должности по собственному желанию, несмотря на поддержку императора, не желая оставаться постоянной мишенью для подобных анонимок. Более того, по свидетельству все того же В.Д. Новицкого, из-за крайней непопулярности атамана «все начинания его ни к чему, в действительности, не сводились и имели недостаточный и нежелательный результат» (Новицкий, 1991: 55).

Если таким было положение дел в середине 1870-х гг., то десятилетием раньше все было еще хуже. К донской ксенофобии добавлялась ограниченность полномочий атамана. Идеальный лидер казакманов, А.М. Дондуков-Корсаков, считал господствовавший тогда принцип выборности донских чиновников одновременно соответствующим либеральному духу времени и глубоко традиционным для донского казачества. Он подчеркивал, что почти все чиновники на Дону, даже занимающие высокие должности, избирались волей местного населения, а не назначаются сверху (Карасев, 1896: 577). Однако фактически дела обстояли совсем не так благобно. Недостатки победителей выборов, которых атаман не имел права менять, далеко не всегда ограничивались специфически казачьим взглядом на свои обязанности. Еще в 1823 г. будущий военный министр Российской Империи А.И. Чернышев писал по поводу системы назначения чиновников в Донском войске: «Многие из них (чиновников – А.П.) достойные, но недостаточные по своим способам часто не могли присутствовать при выборах и сами быть избираемы единственно потому, что за отдаленностью жительства своего от города и по трудному переезду не могли в оном быть, или неправильно от сего устранялись поводом войсковой власти. От сего в выборах к должностям участвовали не все чиновники войска, и нередко жребий падал на людей, не имеющих общего к себе доверия» (Столетие, 1902b: 275-276). Увы, в дальнейшем положение не слишком изменилось. Современная исследовательница Н.В. Горбунова обнаружила, что, например, в 1839 г. из 496 донских дворян, имевших право голосовать, в Новочеркасске на выборы прибыл только 201, еще 129 прислали объяснения с оправданием своего отсутствия, а 166 оставшихся просто не явились без уважительных причин (Горбунова, 2011: 59). В Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) нами были обнаружены следы любопытной истории, разыгравшейся уже в 1860 гг.: один из мировых посредников, подполковник Скасырский, проявил себя как нерадивый чиновник, после чего «внезапно» выяснилось, что с военной службы он ушел с судом. В городе, где квартировалась часть под командованием этого офицера, начался пожар, и за последовавшие за этим беспорядки Скасырский был отдан под суд, признан виновным и приговорен к штрафу, аресту на 20 дней и последующей отправке на Дон. Однако это не помешало как раз выборному дворянскому депутату Донецкого округа, штабс-капитану Исаевичу, рекомендовать Скасырского на новую должность (ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 906. Л. 2-7).

И окончательно усугубляло проблему то, что в случае конфликта с местным чиновничеством донские атаманы не могли рассчитывать на безоговорочную поддержку центрального правительства. В этом отношении показателен сюжет с другим атаманом, А.Л. Поповым, которого А.А. Волвенко характеризует как «грозу местного чиновничества» (Волвенко, 2017: 115). А.Л. Потапов попытался инициировать сенатскую ревизию войсковой администрации, однако уже изданный указ по этому поводу был отменен лично Александром II. В документах содержится такое объяснение данному решению: «сенаторская ревизия – факт небывалый в этом крае, приравнивая его к прочим губерниям империи, поселит опасения в умах населения, расположенного видеть во всяком правительственном распоряжении посягательство на привилегии, приобретенными боевыми заслугами и которыми оно столь дорожит» (Волвенко, 2017: 116).

Система управления Донским войском нуждалась в кардинальной перестройке, чтобы обрести хотя бы минимальную эффективность. Это относилось не только к гражданской, но и к военной составляющей. Нам бы хотелось привести еще один обширный отрывок из воспоминаний В.Д. Новицкого, характеризующий положение с назначением уже не гражданских чиновников, но военных офицеров. Он показывает, насколько ограниченными были права атамана и в этой сфере, и

одновременно может служить переходом к следующему разделу нашей статьи. «Сверх того при атамане Черткове был положен конец назначению командирами казачьих полков с Дону на внешнюю службу полковников, по старшинству и по очереди, по общему кандидатскому списку, в который вносились все без исключения полковники, какие бы они должности, как гражданские, так и военные, ни занимали. Таким образом, лица, состоявшие в чинах полковников и достигнувшие сих чинов при бытности их исключительно и только на гражданской службе, никогда на конях не сидевшие, и пик в руках не державшие, по дошедшей до них очереди по кандидатскому списку получали полки, вели их для отправления службы за пределами войска и не были совершенно ознакомлены со строевою военною службою. Получения полков выжидали все полковники с целью, конечно, обогащения от командования полками, нажития состояний, несомненно, на счет своих же донских казаков-урядников и простых казаков. В результате получалась на Дону, по возвращении полков с внешней службы на Дон, такая картина: полк входил в пределы войска без командира полка, который, укрываясь, из боязни, от казаков полка, исчезал в неизвестное пространство, а на границе области полк встречался командированными атаманом генералами и штаб-офицерами для опроса претензий казаков, и претензии были таковы, по громадности злоупотреблений, что приходилось почти всех командиров полков предавать суду» (Новицкий, 1991: 56). Реформы были необходимы не только казачеству, как сословию, но и войсковой администрации, и в 1860 гг. эти реформы действительно начались.

4) *Спорная боеспособность донских казачьих частей.* Мы не случайно употребляем слово «спорная». Дискуссия о том, насколько донцы 1850–1860 гг. были опасны для противника, была начата еще современниками и продолжается по сей день. Совершенно особняком тут стоят события Кавказской войны, в ходе которой донские части проявили себя особенно слабо. По свидетельству А.В. Захаревича, посвятившего большую часть своего творчества исследованию участия донских полков и батарей в этом конфликте, за неспособность к службе на Кавказе донцы даже получили обидное прозвище «камыш». Правда, в своей монографии он называет это прозвище незаслуженным (Захаревич, 2005: 192). Однако впоследствии историк сменил свое мнение и в соавторстве с К.В. Скибой выпустил интереснейшую статью «О донских казаках, служивших на Кубанской линии в 1790–1830-х гг.» (Захаревич, Скиба, 2016: 90-98). В ней авторы привели любопытные замечания В.Б. Броневского, которые воспроизведем по их работе и мы. «Наш донской ратник на своей пахотной лошадке, плохо владеет саблей, невпопад стреляя из ружья, с одной только пикой, в наезде один на один не может равняться с закубанским рыцарем... и, если в бою казак хотя бы немного выедет вперед и выстрелит невпопад, тогда пиши его в расход. Черкес пускается на него во весь дух, наскакав, ловко уклоняется от острия его пики, отводит ее в сторону или булатом своим пересекает ее как тонкий прут и, тогда, рубит сопротивника своего как капусту, и если время позволит, в мгновение ока прекращает жизнь его, одним ударом острого кинжала. <...>. К сожалению, донцы наши, которым поручено охранять дорогу, ведущую к Минеральным Водам, столь мало уважаются черкесскими хищниками, что три или четыре конвойных нимало не обеспечивают жизни проезжающего. Даже вместо 20 казаков, лучше иметь при себе трех или четырех егерей, которые в опасном случае, зная, что пеший от конного не уйдет, защищая собственное свое тело, постараются продать свою жизнь как можно дороже, и вверенного для защиты путешественника не предадут разбойникам на верную смерть. Казаки же, при появлении превосходной силы, непременно будут скоро рассеяны и прогнаны, или сами заблаговременно ускачут, для истребования помощи из ближнего селения» (Захаревич, Скиба, 2016: 96). А.В. Захаревич и К.В. Скиба считают, что боеспособность донских частей резко упала в 1820 гг., когда, с одной стороны, закончили службу большинство ветеранов наполеоновских войн, а, с другой, наметился упадок традиций военной подготовки в станицах (Захаревич, Скиба, 2016: 95).

Но, при всей яркости подобных описаний, они содержат в себе только часть истины. Кавказский театр военных действий носил достаточно специфический характер, к которому донские части, в отличие от линейных, оказались совершенно не готовы. Это признавали и пытались исправить даже донские генералы: И.И. Краснов, служивший походным атаманом на Кавказе, с одобрением отзывался о проектах начальства отдельного кавказского корпуса, предполагавших организацию специальной подготовки донских полков к военным действиям в этом регионе. Донской полководец соглашался, что «природа Кавказа и его своеобразный неприятель требуют для успешного действия казаков ближайшего знакомства с краем» (И.К., 1865: 76). Но в то же время И.И. Краснов призывал не недооценивать донское казачество. Он считал, что донцы превосходят линейцев в способности к действиям в составе крупных отрядов, хотя и уступают им в «наездничестве, джигитовке и даже в стрельбе». И на Кавказе, где донские полки часто раздергивались на мелкие отряды, их лучшие качества, по мнению походного атамана, оказывались не нужны, но они могли быть востребованы в других условиях (И.К., 1865: 80). Схожего мнения придерживался и А.М. Дондуков-Корсаков, который, признавая многие неудачи донцов на Кавказе, делал важнейшую оговорку. «При других условиях, по опыту, считаю донские полки отличнейшею кавалериею, и если они уступают линейным казакам в одиночных схватках с неприятелем, то безропотным перенесением трудов, стойкостью под огнем и строем при атаке они далеко превосходят первых» (Карасев, 1896: 591).

Таким образом, неудачи донских полков на Кавказе имели объективные причины, и до Крымской войны им не придавали особого значения. В конце концов, даже в боях с горцами донцы могли похвастаться отдельными значительными успехами (А.В. Захаревич и К.В. Скиба в качестве примера подобного приводят подвиги Я.П. Бакланова (Захаревич, Скиба, 2016: 96-97)). Однако события 1853–1856 гг. показали, что кличка «камыш» если и представляла собой определенное преувеличение, то, по крайней мере, «приклеилась» к донским казакам отнюдь не безосновательно. И враги, и офицеры русской армии ждали от потомков казаков М.И. Платова много большего. В качестве типичного примера подобных больших ожиданий и неоправдавшихся надежд Н.И. Краснов приводил в одной из своих книг следующие две цитаты из статьи анонимного французского автора «Les bachi-bosouks. Souvenirs de la guerre d'Orient». «Иррегулярная кавалерия находится не во всех государствах: в Англии ее никогда не было; в Австрии так же нет; Пруссия не показывала их в строю. Франция сделала два опыта: один с спагами, увенчавшийся успехом; другой, неудавшийся – с баши-бузуками. Что касается до России, она обладает с давнего времени истинною регулярною кавалериею, выразившейся в казаках. У нее-то и нужно учиться употреблению этого рода войска» (Краснов, 1870: XII-XIII). «Какими же мы нашли казаков в 1854 году? Что делали знаменитые их бекеты во время высадки французских войск? Сент-Арно доносит: «Я высадился без одного выстрела». Видели ли мы их около Камышенской бухты, в начале осады? Какая же причина такого упадка? Чему нужно приписать исчезновение этой драгоценной руды? Без сомнения, опыту – организации их в регулярное войско» (Краснов, 1870: XIII).

В чем-то соглашаясь, а в чем-то оппонировав подобной критике, Н.И. Краснов выдвинул важнейшую для нашего исследования идею о «кажущемся упадке воинственности в казаках». Генерал, признавая очевидное падение боеспособности донских частей по сравнению с прежними временами, акцентировал внимание на объективных причинах, мешающих донскому казачеству в полной мере раскрыть свой военный потенциал. Прежде всего, Н.И. Краснов подчеркивал, что в прежние годы воинское звание «было для казака ремеслом», и поэтому в введении специального военного обучения в станицах или в строевых частях не было необходимости. Однако эти времена давно прошли, а власти продолжали требовать от донцов несения службы, даже не задумываясь, как обеспечить качественную подготовку к ней. «До выхода на службу казаки, ни перед поступлением в полки, ни в самих полках, не обучались никаким воинским упражнениям, и, за исключением одного учебного полка, гвардейских частей и артиллерии, не имели ни смотров, ни фронтовых учений» (Краснов, 1870: XIII-XIV). Далее казачий генерал отмечал, что донские части не только на Кавказе раздергивались на малые отряды, но и в других регионах терпели такую же участь – вот только там их использовали не для борьбы с горцами, но для исполнения разного рода нестроевых обязанностей, вроде сопровождения арестантов или конюшенной службы. «Ко всему этому следует прибавить, что штабная администрация, разъединяя казачьи полки не только по сотням, но и на самые мелкие части и поодиночке, не могла уследить, чтобы казаки не продавали своих степных лошадей, покупая взамен их крестьянских кляч; собранные вновь в состав полка казаки представляли собою не строевые части, а людей, дурно обмундированных, еще хуже вооруженных, и, при всем этом, на худых конях» (Краснов, 1870: XV). Но свои самые убедительные доводы Н.И. Краснов оставил напоследок. «Казаки 1812–1815 гг. воспитывались в войнах конца XVIII и начала XIX столетия, тогда как выступившие в поход в войну 1854–1856 гг. (очевидная ошибка в тексте, имеется в виду 1853–1856 гг. – А.П.) могли участвовать в весьма непродолжительном венгерском походе и только старослуживые успели побывать в войне 1831 г.» (Краснов, 1870: XV).

Интересно, что Н.И. Краснов не пытался противопоставить рассуждениям французского анонима вполне реальные подвиги донцов в 1853–1856 гг., ограничившись своими рассуждениями. Между тем такие подвиги были ему хорошо известны: в другой своей книге он упоминал о обороне побережья Азовского моря в 1855 г., когда казачьи части не дали противнику осуществить десант (Краснов, 1863: 62). Более того, Н.И. Краснов сам был героем этих событий, сыграв заметную роль в обороне Таганрога (Королев, 1991: 218-219). Однако в середине XIX в. от донцов очевидно ждали гораздо большего: помимо текста французского анонима, в котором именно русская иррегулярная кавалерия прежних времен называлась образцовой и рекомендовалась как пример для подражания, донской генерал приводил цитаты и из других сочинений, содержащие, без преувеличения, почти мифологический образ казаков прошлого. «С волчьим взглядом и чутьем – они неутомимы, деятельны, верны службе, терпеливы в нужде и чрезвычайно кротки и послушны» (Краснов, 1870: XI). «Идучи ночью по звездам, а днем направляясь по солнцу, казак не потеряет дороги, не заблудится в лесу, везде пройдет и нигде не попадет в засаду. Никто скорее его не отыщет брода, проходимых мест на болоте и никто вернее его не осмотрит леса, дефилей и побочных путей, ведущих во фланг и в тыл неприятельской позиции» (Краснов, 1870: XI). «В местах опустошенных казак не умрет с голоду, и всегда добудет корма своей лошадке, невидной собою, но чрезвычайно сносной и довольствующейся самым плохим подножным кормом» (Краснов, 1870: XI). Н.И. Краснов помнил и о том, что «Карл XII, Фридрих II и Наполеон I, в особенности последние двое, считали казаков лучшею легкою кавалерией во всей Европе» (Краснов, 1870: X). Крымская война стала первым крупным конфликтом после того, как слава казачества достигла своего высшего пика: донцы М.И. Платова поили коней из вод Сены, и некоторые европейцы приписывали им почти мистические качества.

И казакам была предъявлена планка, которую, на наш взгляд, едва бы взяли даже донские полки 1812–1815 гг.: мнения, приводимые Н.И. Красновым, описывают уже не реальных воинов давних лет, но абсолютно мифологизированный, эпический образ, превосходящий любого человека. И поэтому герой Крымской войны не пытался равняться с подобными легендами, противопоставляя их эпическим подвигам скромные успехи последней войны, кажущиеся ничтожными на таком фоне, но оправдываясь за то, что нынешние казаки уступают им.

И все же Н.И. Краснов хотел справедливости: он доказывал, что казачество прежних времен, особенно казачество 1812–1815 гг., казачество эпохи наполеоновских войн и М.И. Платова, является не вполне корректным образцом для сопоставления с современным ему казачеством. Генерал признавал, что «упадок воинственности в казаках» по сравнению с началом XIX в. действительно имел место, однако связывал его с объективными обстоятельствами (прежде всего – с отсутствием у большинства солдат и офицеров донских частей полноценного боевого опыта), а не каким-то «ухудшением» самих донцов. Поэтому, очевидно, он и называл этот упадок «кажущимся», имея в виду не то, что его не было, но то, что он мог быть исправлен. И далее Н.И. Краснов приводил список мер, которыми Военное Министерство в 1860 гг. пыталось спасти положение за неимением войн, «в которых естественно лучше формируется казак» (Краснов, 1870: XV–XVI).

Нам кажется, что из изложенного понятно, почему оценка боеспособности донского казачества в 1850–1860 гг. была именно спорной. Кавказская война носила слишком специфический характер, чтобы безоговорочно переносить ее опыт на конфликты с европейскими державами. Крымская война однозначно показала, что донские казаки уже не так хороши, как были полстолетия назад. Однако в ходе этого конфликта вся российская армия проявила себя не самым лучшим образом, а донцы отметились целым рядом весьма достойных эпизодов, вроде успешной обороны Таганрога. Поэтому мы не беремся судить о том, насколько в принципе были конкурентоспособны донские части. Но для нас важно, что их боевая ценность вызывала у современников все большие сомнения, по свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, доходящие до полного отрицания «военных достоинств иррегулярной легкой кавалерии» в казаках (Карасев, 1896: 589). Хотя такое мнение кажется преувеличенным, и донские полки все еще приносили пользу Российской империи, каждая новая война все ярче демонстрировала такие их проблемы, которые нельзя было списать на театр военных действий. И последней каплей стало Польское восстание 1863–1864 гг. «Весною 1863 года, по случаю вспыхнувшего в Польше мятежа, вытребованы с Дона в западные губернии наши, экстренно и разом, двенадцать полков. В поспешности, некоторые из этих полков выступили без всякого приготовления и были наполнены, почти наполовину, малолетками. На обучение последних в походе имелось весьма мало времени, тем более, что в иных местах полки перевозимы были по железным дорогам. Прибыв на места назначенного для них служения, полки тотчас же поступали в дело и раскомандывались по взволнованному краю мелкими партиями и командами. Чрез это полковые и сотенные командиры лишены были всякой возможности заняться не только систематическим обучением казаков, но даже и поверхностным ознакомлением их с фронтом. Между тем, отовсюду, где служили новые донские полки, высшее правительство начало получать сведения, что большая часть их пришли с Дона в крайней неисправности; что многие офицеры обращают себя внимание незнанием своего дела и даже ненадлежащим поведением; что казаки, и особенно молодые, не умеют стрелять, не умеют и обращаться с ружьями; что вообще оружие у казаков дурного качества и неисправное, и, наконец, что в некоторых полках встречаются даже казаки, плохо ездящие верхом» (И.К., 1865: 79). Нам кажется, после прочтения такого отрывка становится понятно, насколько назрели изменения в военной организации Донского войска.

5) *Субъективные настроения в Военном Министерстве.* Эпоха Великих реформ в российской армии неразрывно связана с одним именем, с именем Дмитрия Алексеевича Милютин, человека, который был военным министром большую часть правления Александра II. Вопрос о его отношении к казачеству до недавних пор специально не изучался. Роль первооткрывателя в этой области взял на себя А.А. Волвенко, чью статью «Д.А. Милютин и казачество» мы считаем без преувеличения прорывной (Volvenko, 2016). И некоторые выводы, к которым пришел современный историк, принципиально значимы для темы нашего исследования.

Прежде всего, заслуживает внимания тот факт, что Д.А. Милютин был едва ли не единственным в истории Российской империи военным министром-либералом. При этом особенную неприязнь у генерала вызывали сословные привилегии и сепаратизм (Volvenko, 2016: 399). Ничего удивительного, что уже на раннем этапе своей деятельности будущий реформатор характеризовал сословно замкнутые и феодально-архаичные по своей структуре казачьи войска как необходимое для Российской империи... зло. Вот что писал Д.А. Милютин в конце 1830 г.: «Всем известны невыгоды всякого вооруженного населения. Везде, где подобные учреждения существовали, они были вынуждены крайней необходимостью и терпелись как зло, но зло неизбежное, отвращающее, может быть, гораздо большее зло. Однако ж всякое правительство старается, по мере возможности, уменьшить этот разряд населения и там, где исчезнет цель, с которою оно было некогда учреждено, должно всеми силами стараться подводить его под общие государственные установления (курсив мой – А.П.)» (Volvenko, 2016: 400).

Кроме того, Д.А. Милютин был «кавказцем», офицером Кавказской армии, в рядах которой, как мы помним, донские казаки проявили себя значительно худшими воинами, чем представители местных казачьих войск. По оценке А.А. Волвенко, в мемуарах генерала явное предпочтение отдается линейным и черноморским казакам, хотя от острых критических выпадов в адрес донцов он воздержался (Volvenko, 2016: 400). Но до вступления на пост военного министра Д.А. Милютин был куда менее корректен, и в некоторых текстах позиционировал Донское войско как отжившее свое время. Приведем еще одну показательную цитату. «Не нужно доказывать, что всякие иррегулярные поселенные войска тогда только хороши, полезны для государства и страшны для неприятеля, пока они находятся вблизи от сего последнего; они образуются опытностью и без войны не могут быть никакими средствами поддерживаемы, как войска регулярные. Не говоря уже о донских казаках, которые теперь живут, можно сказать, внутри Империи, нельзя не заметить даже и в линейных казаках разницы в воинственности между станицами, поселенными на самой линии, и внутренними, отдаленными от линии» (Volvenko, 2016: 400).

Впрочем, Д.А. Милютин оказался достаточно разумным и осторожным государственным деятелем, чтобы, несмотря на все подобные соображения, так и не поставить открыто вопроса о необходимости немедленного расформирования Донского войска. Однако уже вскоре после назначения на должность военного министра в 1861 г. генерал заявил о необходимости отказа от традиционной, достаточно консервативной правительственной политики в казачьих войсках. Едва ли не впервые в истории России для центральных властей на первое место выходила не военная, но гражданская составляющая казачества. Более того, впервые на таком уровне было выражено сомнение в эффективности казачьих частей. Но красноречивее всего об этом скажут слова самого Д.А. Милютина, обращенные к императору в рамках самого первого всеподданешего доклада нового военного министра. «В какой степени боевая сила, доставляемая 3-х миллионным казачьим населением, вознаграждает те потери, которые государство несет в экономическом отношении – это такой вопрос, для решения которого требовались бы весьма сложные исследования; касаться его здесь было бы неуместным. Военное министерство, на которое возложено не одно лишь заведование казаками как частью военных сил государства, но также и управление всем населением известных областей, – должно считать своею задачей вести дело так, чтобы согласовать, сколько возможно, противоположные интересы военные и гражданские, то есть заботиться о наибольшем развитии и устройстве казачьего войска в боевом отношении, насколько эта цель совместима с гражданским благосостоянием и преуспеянием народа. *Министерство не должно забывать, что казачьи территории – не военные лагеря, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития, наравне с другими частями Империи.* В этих видах предстояло приступить к целому ряду мер и преобразований по всем частям гражданского устройства с тою целью, чтобы *применить по возможности к казачьим областям предпринимаемые общие государственные реформы*; устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения. Существовавшее законодательство относительно казачьих войск, основанное на Положении, составленном в 1835 году для Донского войска, совершенно устарело и не могло уже служить руководством на практике (курсив везде мой – А.П.)» (Милютин, 1999: 262-263).

Безусловно, начало полномасштабных реформ донского казачества было связано не только с личностью Д.А. Милютина, но и с приведенными выше объективными факторами. Об этом говорит уже то, что разработка нового «Положения о войске Донском» началась еще в 1859 г., до прихода генерала на должность военного министра. Однако тогда Военное Министерство только отреагировало на вскрывшиеся проблемы, причем предоставив решение этих проблем местным властям и не предложив какой-либо собственной политики. Мы пишем об этом так уверенно потому, что работы над аналогичными «Положениями» были начаты во всех казачьих войсках, но центральной властью не было даже сформулировано, каким требованиям эти документы должны будут соответствовать и на каких идеях основываться (Милютин, 1999: 263). И только в 1861 г., сразу после назначения Д.А. Милютина, центральный аппарат Военного Министерства приступил к разработке «общей программы, в которой были бы установлены общие начала для всех Положений», причем роль местных комиссий было решено свести до простой адаптации нового документа «сообразно особенным местным условиям» (Милютин, 1999: 263).

Разумеется, военный министр, загруженный множеством иных обязанностей, не мог осуществлять непосредственное руководство процессом реформ в казачьих войсках. Он нуждался в доверенных людях для этого, и одним из первых действий Д.А. Милютина в качестве руководителя военного ведомства стало отстранение от должности генерал-лейтенанта А.И. Веригина, начальника Управления иррегулярных войск. Это кадровое решение представляется нам крайне значимым: А.И. Веригин не принадлежал к числу выдающихся офицеров, и его пребывание на данном посту свидетельствовало о том, что предыдущий военный министр, Н.О. Сухозанет, не относил Управление иррегулярных войск к ключевым. Вот что писал об этом Д.А. Милютин: «Хотя сам он (А.И. Веригин – А.П.) был высокого мнения о себе, но в действительности не отличался ни особенными способностями, ни обширным умственным кругозором, и мало имел значения в глазах министра

(Н.О. Сухозанета – А.П.)» (Милютин, 1999: 26). На смену А. И. Веригину пришел не человек из аппарата Военного Министерства, но офицер-«кавказец», связанный с Д.А. Милютиным личными отношениями. Генерал-лейтенант Н.И. Карлгоф никогда не командовал казачьими частями и не служил в местных войсковых администрациях, зато был «своим сотрудником» нового военного министра (Милютин, 1999: 97). Таким образом, Управление иррегулярных войск возглавлял теперь не ординарный генерал, без «особенных способностей» и «умственного кругозора», но многолетний сподвижник Д.А. Милютина, способный взять на себя реализацию далеко не самых простых и популярных идей своего начальника о предстоящих реформах.

И Н.И. Карлгоф справился с этой сложной и неблагодарной задачей: он успешно руководил Управлением иррегулярных войск, позже переименованным в Главное Управление Иррегулярных войск, десять лет (Столетие, 1902а: 783), причем именно на этот период пришлись самые радикальные правительственные реформы казачества в XIX в. Д.А. Милютин был вполне доволен своим соратником: по его свидетельству, Н.И. Карлгофу даже при работе с депутатами от казачьих войск удавалось «свести суждения на среднюю почву благоразумной умеренности, приняв одну руководящую мысль – отрешиться от прежней казачьей замкнутости и открыть простор развитию народного хозяйства, промышленности и торговли» (Милютин, 2005: 403).

В 1861 г. именно Н.И. Карлгофу было поручено руководить составлением «общей программы» для новых «Положений» о казачьих войсках (Милютин, 1999: 263). Однако едва ли бывшего офицера Кавказской армии стоит рассматривать как главного автора этого документа. А.А. Волвенко уже обращал внимание на то, что реальные знания Н.И. Карлгофа о казачестве в это время не могли быть особенно велики, и, вероятно, основную работу взяли на себя другие чиновники Управления иррегулярных войск (Волвенко, 2014b: 75). И тут Д.А. Милютину очень повезло, но чтобы понять суть этого везения нужно сделать достаточно обширное отступление.

Как ни странно, в первой половине XIX в. Земля Войска Донского если и не была terra incognita для широких слоев российского общества, то, по крайней мере, недалеко ушла от подобного статуса. Историкам известен целый ряд анекдотичных случаев, показывающих, насколько российские интеллигенты и чиновники ничего не знали о Доне. Снова дадим слово И.И. Краснову. «Когда я в молодости приехал в Петербург на службу, в гвардию, то мне часто приходилось слышать вопросы: «Каким языком говорят у вас на Дону?» и «Вы довольно чисто говорите по-русски, и у вас в разговоре не слышно ничего азиатского?» (Королев, 1991: 211). Еще более любопытен анонимный текст, который был опубликован в «Русской старине» донским генералом А.П. Чеботаревым. В нем, помимо всего прочего, рассказывалось о званном обеде у писателя П.Р. Фурманна, состоявшемся в 1851 г. Но лучше опять обратимся к первоисточнику. «Греч (Н.И. Греч – А.П.) обратился к донскому полковнику с вопросом:

- А что-как теперь поживают на Дону? Начинают ли исчезать кочевья? Делает ли успехи христианская проповедь? И вообще показываются ли на Дону какие-нибудь начала европейской жизни?

Донской полковник, видимо, смутился; лицо его выразило крайнее недоумение... После нескольких секунд молчания он, дрожащим от сильного волнения голосом, произнес:

- Извините меня, Николай Иванович; но я, в свою очередь, хочу сделать вам вопрос – серьезно ли вы спрашиваете меня, или хотите шутить? К подобной шутке я не вижу никаких побудительных причин. Стало быть, вы спрашивали серьезно... И поэтому я не могу не высказать того, что чувствую теперь... Вы изъездили всю Европу, вы так глубоко изучили быт и нравы всех ее народов, вы так подробно описали все закоулки Германии, а вовсе не знаете даже замечательных областей «нашего» отечества, для сынов которого вы написали и грамматику их языка... Повторяю, что если вы спрашивали меня о нынешнем состоянии Дона «серьезно», то я вам отвечу, что нынешние донцы вполне оседлые, вполне русские люди, русские люди не только по происхождению, по религию, по языку, по жилищам их и нравам, но даже и по уровню цивилизации со всеми обитателями русских губерний...

Греч вскочил со своего места и рассыпался в извинениях» (Дон, 1879: 179).

Мы не случайно привели развернутый ответ донского полковника и реакцию на него Н.И. Греча. Донские офицеры, служащие в столице, невольно и неизбежно служили для русского общества источником знаний о казачестве, о его проблемах и чаяниях. Но соответствовал ли реальности тот образ Донского войска, который они транслировали столичным жителям? Еще В.Н. Королев установил, что представители казачьей аристократии, «дворяне из высшего круга» – а с петербургским обществом общались в основном они обычно симпатизировали прогрессистским идеям (Королев, 1991: 229). И это неизбежно сказывалось на их описаниях. Например, Н.И. Краснов, доказывая необходимость реформ на Дону, в середине 1860 гг. утверждал следующее: «Статистические изучения казачьих территорий наглядно показали, что земли, населенные казаками, несмотря на благоприятные свои уголья, заключающиеся в судоходных и обильных рыбою водах, при неисчерпаемых минеральных богатствах и плодородии почвы, едва прокармливают казачье население (курсив наш. – А.П.), не принося никаких доходов в государственную казну» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1160б-117). Между тем правительственная документация 1860 гг. рисуют совсем другую картину, картину всеобщей зажиточности в казачьих войсках. Приведем отрывок из

документации Военного Совета. «Благосостояние их (станций – А.П.) находится на степени более чем удовлетворительной; казак живет зажиточно, собственные их постройки, так же как и общественные, в хорошем состоянии; храмы Божии благолепны, вообще нужды в станице не замечается, и нищенство не существует» (Столетие, 1911: 77). Казакоманы в это десятилетие и вовсе доказывали, что казак живет куда богаче русского крестьянина (Х.П., 1863: 2-3). Можно усомниться в достоверности этих сведений, но в работах, специально посвященных экономическому развитию Дона, сам Н.И. Краснов был вынужден признавать правоту своих оппонентов: так, в 1864 г., в «Военном обозрении Земли Войска Донского» он писал, что «донские обитатели, при сравнении их с жителями других губерний и областей империи, пользуются большими удобствами жизни» (Краснов, 1864: 213).

Не удивительно, что казакоманы прямо обвиняли живущих в Санкт-Петербурге казаков в предательстве войсковых интересов и обмане имперского правительства. Вероятно, лучше всего об этом писал А.М. Дондуков-Корсаков. «Часть дворянства, преимущественно незнакомая совершенно с краем, народным бытом, остается равнодушна к общим интересам массы. Частью личные виды или материальные причины, частью болезненное в настоящее время увлечение к изменению всего существующего, хорошего и дурного, суть причины, по которым всякая, даже основная перемена будет встречена помянутыми лицами с бессознательным одобрением. В Петербурге понятие о казаках и потребностях войска преимущественно составляется из мнений этого меньшинства. Странно слышать в обществе выражение, что казаки «желают того-то» или «тяготеют тем-то», когда знаем, что мнения эти подчерпнуты из слов какого-нибудь богатого помещика или служащего, никогда не живущего на Дону, или молодого офицера, считающего лучшим средством доказать свое образование и современные понятия отрицанием идеи казачества» (Карасев, 1896: 587).

Должность помощника начальника Управления иррегулярных войск и при А.И. Веригине, и при Н.И. Карлгофе занимал генерал-майор А.П. Чеботарев. Этой интереснейшей личности так же посвятил статью А.А. Волвенко (Volvenko, 2015). А.П. Чеботарев был донским казаком по происхождению, причем принадлежал к ближайшему окружению прогрессистского семейства Красновых. Так, В.Н. Королев упоминает о его дружбе с И.И. Красновым (Королев, 1991: 222). Позже правительственный чиновник сблизился с Н.И. Красновым, несмотря на разницу в возрасте. Именно донскому статистику вдова А.П. Чеботарева передала воспоминания мужа для публикации (Воспоминания, 1884: 322-335).

Неудивительно, что, имея таких друзей, А.П. Чеботарев стал одним из тех «богатых служащих» в Санкт-Петербурге, которые внушали имперскому правительству мысль о необходимости радикальных реформ донского казачества. Еще в бытность военным министром Н.О. Сухозанета А.П. Чеботарев считал неизбежным введение на Дону частной собственности на землю, с правом ее свободной продажи иногородним. Тогда идеи генерала не встретили поддержки старого военного министра, который полагал, что они слишком радикальны и их реализация может просто разрушить казачество. Но помощник начальника Управления иррегулярных войск не только не изменил позиции, но и назвал доводы Н.О. Сухозанета «уродственными рассуждениями» (Volvenko, 2015: 110). Куда более благосклонно к его идеям отнесся заместитель военного министра Д.А. Милютин. При участии Д.А. Милютина А.П. Чеботарев сумел реализовать один из своих самых смелых проектов, добившись все-таки того, чтобы в одном из казачьих войск при определенных условиях земля передавалась казакам не в пользование, а в полное владение. Казачий генерал предложил проявить определенную гибкость при освоении закубанских территорий, используя не кнут – насильственное переселение – но пряник, заключающийся в предоставлении всем переселившимся туда лицам войскового происхождения в полную собственность нескольких десятин земли (Volvenko, 2015: 110). Этот локальный на первый взгляд проект стал поворотной точкой во всей истории казачества: в 1860 г. именно на его основе было пересмотрено земельное законодательство во всех казачьих войсках и введена частная собственность. Лично Александр II, довольный результатами реформы, выразил желание распространить ее «на прочие войска в видах развития торговли и промышленности» (Волвенко, 2014а: 14).

Таким образом, А.П. Чеботарев был убежденным прогрессистом, уверенным в том, что от системных реформ казачества Дон только выиграет. Близость такого подхода к либеральным и антисловным идеям Д.А. Милютина очевидна. Более того, еще в бытность военным министром Н.О. Сухозанета А.П. Чеботарев при участии Д.А. Милютина начал работу над введением в казачьих войсках частной собственности, которая неизбежно разрушала принцип замкнутости казачества, поскольку предполагала возможность продажи земли иногородним. Поэтому казачий генерал не только сохранил свою должность после назначения Н.И. Карлгофа начальником Управления иррегулярных войск, но и стал членом «команды» нового военного министра, не забывшего о своем подчиненном и после его ухода с ответственных должностей в 1870 г. (Volvenko, 2015: 112).

Заслуживают внимания и другие казаки-прогрессисты, занимавшие ключевые должности в Управлении иррегулярных войск. Так, в 1858–1864 гг. чиновником для особых поручений при А.И. Веригине и Н.И. Карлгофе был И.Д. Попко (Список, 1891: 106), кубанский казак по происхождению и известный военный писатель. Административная деятельность ничуть не мешала ему публиковаться в эти годы на страницах периодической печати под псевдонимом «Есаул» (Волвенко, 2017: 76). Статьи «Есаула», доказывающие правильность избранной Военными

Министерством политики, вызывали у многих крайнее раздражение. Во время архивной работы в ГАРО мы обнаружили развернутый критический текст Х.И. Попова, посвященный одной из статей И.Д. Попко. «Кто знаком сколько-нибудь с литературной деятельностью Есаула, тот не только не нуждается в пояснениях о направлении произведения его под названием «О преобразованиях в казачьих войсках», напечатанного в 8 номере «Русского вестника», но и не удивится нисколько, что ему пришлось по сердцу известное сочинение господина Кр-ва «О народности в Войске Донском» (под псевдонимом Кр-ва были руководствами для нашего автора (курсив мой – А.П.). *Идеи и статьи господина Кр-ва были руководствами для нашего автора* (курсив мой – А.П.)» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 1). Сменил же И.Д. Попко в 1864 г.... Н.И. Краснов, сын И.И. Краснова и еще один радикальный прогрессист (Список, 1891: 445). Личный друг главного идеолога донских проправительственных либералов-прогрессистов, его сын и его убежденный сторонник – раз такие люди занимали ключевые должности в Управлении иррегулярных войск в 1860 гг., неудивительно, что разработанная коллективным трудом чиновников данного органом «общая программа» для составления новых «Положений» о казачьих войсках предполагала проведение самых радикальных реформ и вполне удовлетворила Д.А. Милютину. А.А. Волвенко предполагает, что главную роль в разработке этого документа, получившего название «Соображения учрежденного при УИВ комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», сыграли А.П. Чеботарев и И.Д. Попко (Волвенко, 2014b: 75). И действительно, в нем трудно не заметить точек пересечения с теми идеями, которые выдвигались А.П. Чеботаревым еще в бытность военным министром Н.О. Сухозанета: так, планировалось введение в казачьих войсках частной собственности на землю с правом ее свободной продажи иногородним и уничтожение сословной замкнутости войскового сословия (Волвенко, 2014a: 15). Военное Министерство, утвердив данный документ, и разослав его во все казачьи войска, сразу сделало ставку на уничтожение основополагающих принципов казачества, которые, по любопытному мнению А.М. Дондукова-Корсакова, вообще делали казака казаком (Карасев, 1896: 569-591).

Остается подчеркнуть необычность отношений имперской власти с казачеством в 1860 гг. Для Российской империи традиционно был характерен достаточно консервативный подход к казачьим войскам, боязнь разрушить их уклад. А.П. Чеботарев был свидетелем того, как Николай I дал такой наказ донскому атаману М.Г. Власову: «Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: *надобно чтобы на Дон не доходила никакая реформа* (курсив мой – А.П.), ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении. Пускай казаки останутся славными казаками Отечественной войны двенадцатого года» (Волвенко, 2015: 109). Современный историк Б.С. Корниенко использовал для характеристики подобной политики удачное определение «усилия правительства, направленные на сохранение «славного Войска Донского»» (Корниенко, 2013: 32). Однако Д.А. Милютин был сторонником совершенно иного, реформаторского подхода: он неоднократно подчеркивал, что иррегулярные войска представляют собой только часть Российской империи, и должны существовать только до тех пор, пока приносят ей пользу. Соответственно, его политика не предполагала консервацию сложившегося порядка с решением только наиболее очевидных и насущных проблем (подобную политику, на наш взгляд, проводило большинство военных министров). Тем более Д.А. Милютин не хотел, как предлагали казакманы, с некоторыми усовершенствованиями реставрировать старые казачьи порядки. Генерал сразу показал себя сторонником смелых реформ, направленных на обеспечение максимальной «полезности» казачества для России. И, как либерал и западник, он вполне предсказуемо считал своей целью не столько вернуть казачеству прежнюю боевую силу, сколько сделать казачьи войска нормальными частями государства, развитыми экономически, доступными для всех его граждан и лишенными особых, связанных с сепаратизмом привилегий.

И Д.А. Милютину повезло. Уже к моменту его назначения военным министром в Управлении иррегулярных войск ключевые позиции занимали А.П. Чеботарев и И.Д. Попко, представители двух крупнейших казачьих войск, хорошо знающие ситуацию внутри них, и разделяющие идеи своего нового начальника. Фактически им не хватало только поддержки сверху, чтобы начать активно действовать: как мы показали выше, Н.О. Сухозанет, подобно большинству российских военных министров, боялся радикально реформировать казачество, полагая, что это приведет к его уничтожению. Этому есть свидетельства и кроме воспоминаний А.П. Чеботарева: в 1859 г. действительный статский советник А.Д. Крылов подал в Военное Министерство записку, в которой обращал внимание на не разработанность ресурсов донского края, и призывал «сделать из казаков не только военных людей, но и полезных государству граждан». Добиться этого он предлагал уничтожением замкнутости Донского войска и введением частной собственности на землю (Волвенко, 2014a: 14). Трудно не заметить явной близости этой записки правительственным «Соображениям учрежденного при УИВ комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках», которые были разработаны всего через три года. Но это было уже при другом военном министре, а Н.О. Сухозанет отверг идеи А.П. Крылова (Волвенко, 2014a: 14).

Таким образом, Д.А. Милютин и его сослуживец по Кавказу, новый начальник Управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф были поддержаны немногочисленной, но крайне значимой

группой казаков, служивших в центральном аппарате Военного Министерства. Трудно переоценить значение подобной поддержки: как мы показали выше, столичное общество было недостаточно информировано о положении дел в казачьих войсках, и служащие в Санкт-Петербурге офицеры этих войск служили еще и источником знаний о своей малой родине. Если бы в аппарате Управления иррегулярных войск преобладали гораздо более многочисленные в казачьей среде казакоманы, реформы были бы серьезно затруднены, и потребовали бы массовой чистки аппарата, как то было на местах: например, на Дону к серьезным преобразованиям удалось перейти только после увольнения оппозиционных правительству атамана П.Х. Граббе и начальника штаба А.М. Дондукова-Корсакова (Волвенко, 2014а: 13-18). Но если бы Д.А. Милютин не поддерживали хотя бы казаки из центрального аппарата Военного Министерства, этот процесс был бы еще больше осложнен или, возможно, даже сорван (в конце концов, кто-то должен был заниматься черновой работой, преобразуя довольно обобщенные идеи Д.А. Милютина в конкретные, привязанные к ситуации на местах законоположения, и не саботируя процесс попытками реализовать казакоманские проекты) (Волвенко, 2014а: 16-17). При всей важности объективных факторов, вызывавших необходимость реформ донского казачества в середине XIX в., без Д.А. Милютина, Н.И. Карлгофа, А.П. Чеботарева, И.Д. Попко и представителей семейства Красновых эти реформы вряд ли удалось начать так быстро, и им едва ли удалось приобрести такой масштабный характер.

Для сравнения уместно обратиться к опыту конца XIX – начала XX вв. К этому времени стали очевидны новые проблемы Донского войска, прежде всего связанные с падением благосостояния казачьих хозяйств и проистекающей отсюда неспособностью казаков самостоятельно снарядиться на службу. Однако адекватного решения им так и не было найдено до самой революции 1917 г. По оценке А.А. Волвенко, донской атаман Н.И. Святополк-Мирский, при котором эти проблемы впервые достигли критического масштаба, вообще не считал их значимыми и не пытался каким-либо образом разрешить (Волвенко, 2017: 120). А.П. Скорик отмечает, что к концу правления этого атамана донская элита оказалась разделена на «традиционалистов», «считающих, что ничего не стоит менять, поскольку дела в казачьем крае идут не так уж плохо», и «реалистов», «оценивающих сложившееся положение вещей весьма критически и выступающих за радикальные перемены в жизни донского казачества» (Скорик, 2015: 77-78). Военное Министерство в этих условиях действовало крайне медленно и осторожно, не рискуя реализовывать даже достаточно невинные проекты вроде создания новых территориальных округов (Скорик, 2015: 83). Фактически в течение 20 лет перед революцией имперские власти не решались перейти к серьезным реформам Донского войска, и имеющиеся проблемы углублялись и обретали хронический характер. Напротив, уже в первый год пребывания Д.А. Милютина в должности военного министра правительство четко показало желание радикально преобразить казачество, и в дальнейшем относительно успешно разрешило все те проблемы, которые мы отметили в своей статье. Но далеко не все из принятых решений были оптимальными, а некоторые из них (в особенности свободный допуск на территорию Донского войска иногородних с правом покупки земли) породили новые сложности. И к 1880 г. многие казачьи общественные деятели и чиновники Военного Министерства считали, что лекарство оказалось хуже болезни. Ярким примером такого мнения могут служить приведенные в начале нашей работы высказывания Н.А. Маслаковца. И он был далеко не одинок: в 1899 г. члены Комиссии для изыскания мер к восстановлению экономического благосостояния донского казачества связывали начало стремительного обеднения казаков именно с неудачными реформами 1860–1870 гг., особенно выделяя военную реформу 1875 г. (Маслаковец, 1899: 1).

5. Заключение

К началу 1860 гг. реформы на Дону назрели уже давно. Правда, необходимы они были скорее Российской империи, чем самому казачеству: постепенно возрастающее экономическое отставание Земли Войска Донского от соседних губерний становилось все очевиднее, а падение боеспособности казачьих частей, начавшее проявляться в ходе Кавказской войны, к Польскому восстанию 1863–1864 гг. достигло критических масштабов. В этих условиях даже зазвучали голоса о необходимости ликвидировать казачьи войска, заменив их регулярной кавалерией и обратив казачьи земли в гражданское состояние. Как мы показали выше, в начале 1860 гг. именно к этому призывал Н.А. Маслаковец, поскольку казаки якобы были «дурно или даже вовсе не обучены и совершенно почти не привычны к отбыванию воинской службы». Н.И. Краснов отстаивал ту же идею с несколько иных позиций, доказывая, что даже при равной боеспособности казачьи части куда менее выгодны для казны (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290). Эти авторы, вероятно, несколько сгущали краски, но правительство уже не могло игнорировать вопроса о том, насколько в государстве XIX в., мощь которого определялась не только силой армии, но и развитием экономики, были нужны далеко не идеальные донские полки в обмен на экономическую стагнацию богатейшего края.

Необходимость реформ обуславливалась и другими факторами. Управление Землей Войска Донского, несмотря на назначение атаманами лиц не казачьего происхождения, все еще осуществлялось скорее в соответствии с местными традициями, чем с законодательством Российской империи. Более того, в рамках этого же законодательства большая часть донских чиновников была выборными, причем кандидатами могли быть только немногочисленные донские дворяне, а

командиры строевых полков вообще назначались в порядке живой очереди полковников. В результате на высоких должностях нередко оказывались заведомо неспособные или недобросовестные люди, а атаман не мог сменить их. Попытки изменить эту порочную систему трактовались как наступление на казачьи привилегии, а среди самих донских офицеров и чиновников процветала круговая порука. Государство несло от этого вполне ощутимый убыток: напомним, что в ходе одного дела Когальникова вскрылась передача в частные руки тысяч десятин земли!

Самой вопиющей из донских традиций, столь дорогих местным чиновникам, была пресловутая «замкнутость» Донского войска. Как мы показали выше, она состояла из двух частей: из запрета иногородним покупать недвижимость на Дону и из закрытости казачьего сословия. Но первый из этих двух принципов уже в 1850 гг. не соблюдался, в чем сознавались даже казачьи депутаты: «полезные» иногородние без проблем покупали в станицах дома и лавки, причем юридические способы обойти закон не составляли ни для кого тайны. «Вредные» же представители не казачьего сословия «без проблем» изгонялись из станиц, очевидно, по одному решению местных властей. Понятно, что такое положение дел не могло устроить центральные власти, и с ним нужно было что-то предпринимать.

Нужно было что-то делать и с казаками, не горящими желанием проходить традиционную казачью службу. Отрицать существование таковых не брались даже казакманы: люди, мечтающие стать столь необходимыми Дону торговцами, ремесленниками, мастерами, были вынуждены до 40 с лишним лет служить в строевых частях, возвращаясь на Дон только на краткую льготу. Даже казаки, получившие высшее образование, не освобождались от службы, в отличие от представителей других сословий. В то время, как на территории Земли Войска Донского почти не было учителей, юристов, экономистов, закон мешал работать по специальности людям, обучавшимся этим профессиям!

Поэтому, на наш взгляд, Великие реформы на Дону нужно связывать не только (а, возможно, и не столько) с общероссийским контекстом модернизации и либеральных реформ, как это традиционно принято в историографии. Само Донское войско, донское казачество в прежних формах все больше утрачивало эффективность, и грозило превратиться в обузу для имперской власти. Мы рискуем высказать предположение, что даже если бы в Российской империи не было Великих реформ, Военное Министерство рано или поздно было бы вынуждено начать серьезные преобразования донского казачества. С другой стороны, даже в условиях 1860 гг. действия центральной власти на Дону могли бы быть совершенно иными, если бы военным министром был не Д.А. Милютин, а другой человек.

Об этом свидетельствует, в частности, позиция предыдущего военного министра, Н.О. Сухозанета, который опасался, что радикальные реформы в конечном счете приведут к ликвидации донского казачества. Программы же иных, не радикальных реформ, содержат и предложения станичных депутатов по поводу нового «Положения о войске Донском» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. 240), и «Записка о Земле Войска Донского» А.М. Дондукова-Корсакова (Карасев, 1896). Возможно, в других условиях реализованы были бы подобные проекты казакманских, а не прогрессистских по духу преобразований. Однако здесь в дело вступили уже субъективные факторы.

И тут прежде всего следует отметить крайнюю неприязнь имперской элиты к идее о замкнутости Донского войска. В этом вопросе сошлись либералы и консерваторы, К.П. Победоносцев и П.А. Валуев. Правда, либералов не устраивала архаичная, сословно-феодалная природа этой идеи, дающей преимущество части населения исключительно из-за происхождения, а консерваторы видели в ней основу для будущего сепаратизма, особенно опасного после Польского восстания. Показательно, что против казакманского проекта нового «Положения о войске Донском», составленного при участии депутатов от станиц, выступили представители всех центральных органов Российской империи, куда он был разослан, кроме Святейшего Синода (Волвенко, 2014а: 18).

Но окончательно либерально-прогрессистскую направленность Великих реформ на Дону, по мнению многих современников, противоречащую самому духу казачества, определила личность Д.А. Милютина. Генерал, в отличие от большинства своих предшественников и преемников, уже в момент назначения на должности военного министра если и не имел детальной программы предстоящих преобразований в казачьих войсках, то, по крайней мере, четко представлял, каким целям эти преобразования должны будут служить. И на первом месте для него было экономическое развитие казачьих территорий, превращение их из «военных лагерей» в нормальные «части Империи». Именно это, а не проведение реформ в принципе, позже вменяют ему в вину противники. Так, Н.А. Маслаковец в 1889 г. напишет: «Взамен прежнего поддержания в казаках военного духа и строгой дисциплины даже в домашнем быту, с половины шестидесятых годов возникла идея о развитии среди казачьего населения духа гражданственности» (ОР РНБ, Ф. 1055, Д. 104, Л. 5-50б). По мнению генерала, в результате применения этой идеи экономика казачьих войск, возможно, в чем-то и выиграла, но... если бы правительство продолжило претворять ее в жизнь «прежняя служебная деятельность казаков в сфере боевых сил Империи вскоре стала бы невозможной» (ОР РНБ, Ф. 1055, Д. 104, Л. 5-50б).

Радикальная политика военного министра нашла активную поддержку в Управлении иррегулярных войск. Несмотря на преобладание в казачьей среде казакманских настроений, именно

в этом органе казачество представляли почти исключительно прогрессисты: так, еще до назначения Д.А. Милютин военным министром, помощником начальника этого управления служил личный друг лидера донских прогрессистов И.И. Краснова А.П. Чеботарев, а чиновником особых поручений состоял «руководствовавшийся идеями и статьями господина Краснова» И.Д. Попко. И поэтому Военное Министерство сразу же после смены министра сумело взять в свои руки инициативу в деле составления «Положений» о казачьих войсках, сумев оперативно сформулировать для них единую радикально-прогрессистскую программу, в которой трудно не заметить идей не только Д.А. Милютин, но и А.П. Чеботарева. И в конечном счете, пользуясь своим влиянием, поддержкой в аппарате Военного Министерства и неприятием российской элитой идеи о замкнутости Донского войска, Д.А. Милютин сумел реализовать именно свою программу реформ, уничтожившую законодательное закрепление многих традиционных для Донского войска принципов.

Итак, Х.И. Попов был не прав, доказывая, что казачество 1860 гт. не нуждалось в новых порядках. Возможно, простые казаки не чувствовали «бедствий» сложившегося положения, не понимали его обреченности, но Донское войско стремительно теряло свою эффективность как государственный институт. И желание имперских чиновников провести реформы не было простой попыткой соответствовать тенденциям времени, улучшив в чем-то архаичную, но еще вполне действующую структуру, как писал П.Н. Краснов. Донское казачество 1850–1870 гт. испытывало ряд острых проблем, и мы считаем возможным говорить о его кризисе, не менее серьезном, чем в начале XX в. И реформы этого времени на Дону были не столько частью реформ общероссийских, сколько попыткой эти проблемы решить.

Литература

Волвенко, 2014a – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. 2014. Т. 16. №3. С. 12–20.

Волвенко, 2014b – Волвенко А.А. Программа гражданского курса Военного министерства в отношении казачьих войск (1860-е гг.) // *Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки* (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов-на-Дону, 2014. С. 73–79.

Волвенко, 2017 – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.

Воспоминания, 1884 – Воспоминания донского казака // *Военный сборник*. 1884. № 2. С. 322–335.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Горбунова, 2011 – Горбунова Н.В. Донское казачество как институт самоорганизации: некоторые исторические реалии // *Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2011. № 6. С. 55–60.

Дон, 1879 – Дон и донцы в прежнее и настоящее время (из дорожных записок кавказского офицера). 1877 г. // *Русская старина*. 1879. Т. 25. С. 173–188.

Захаревич, 2005 – Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны. Ростов-на-Дону, 2005. 220 с.

Захаревич, Скиба, 2016 – Захаревич А.В., Скиба К.В. О донских казаках, служивших на Кубанской линии в 1790–1830-ых гг. // *Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX*. Пятигорск, 2016. С. 90–98.

И.К., 1865 – И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // *Военный сборник*. 1865. № 1. С. 73–89.

Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*, 1896. Кн. 12. С. 569–591.

Корниенко, 2013 – Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.

Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

Краснов, 1863 – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.

Краснов, 1864 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. 352 с.

Краснов, 1870 – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.

Маслаковец, 1899 – Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899. 11 с.

Милютин, 1999 – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1860–1862. М., 1999. 559 с.

Милютин, 2005 – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1865–1867. М., 2005. 696 с.

Новицкий, 1991 – Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

- Скорик, 2015** – Скорик А.П. Милотинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Список, 1891** – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1891 г. СПб., 1891. 907 с.
- Столетие, 1902a** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. 973 с.
- Столетие, 1902b** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.2. СПб., 1902. 372 с.
- Столетие, 1911** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.4. СПб., 1911. 462 с.
- Х.П., 1863** – Х.П. Мысли казака о казачестве по поводу современных слухов // *Донские войсковые ведомости*. 1863. № 20. С. 2–3.
- Харузин, 1885** – Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885. 432 с.
- Volvenko, 2015** – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114.
- Volvenko, 2016** – Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. pp. 398-411.

References

- Volvenko, 2014a** – Volvenko A.A. (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860–1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860–1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is. 3. pp. 12-20 [in Russian].
- Volvenko, 2014b** – Volvenko A.A. (2014). Programma grazhdanskogo kursa Voennogo ministerstva v otnoshenii kazach'ikh voisk (1860-e gg.) / The program of the civilian course of the Military Ministry with respect to the Cossack troops (1860s). / Scientific heritage of Professor A.P. Prinshtein and the actual problems of the development of historical science (to the 95th anniversary of the birth of an outstanding Russian scientist). Rostov-on-Don. pp. 73-79 [in Russian].
- Volvenko, 2017** – Volvenko A.A. (2017). Ocherki po istorii donsogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. pp. 226 [in Russian].
- Vospominaniya, 1884** – Vospominaniya donsogo kazaka [Memories of Don Cossack]. *Voennyi Sbornik*. 1884. № 2. pp. 322-335 [in Russian].
- GARO** – State archive of the Rostov region.
- Gorbunova, 2011** – Gorbunova N.V. (2011). Donskoe kazachestvo kak institut samoorganizatsii: nekotorye istoricheskie realii [Don Cossacks as an institution of self-organization: some historical realities]. *University news. North-Caucasian region. Social sciences series*. № 6. pp. 55-60 [in Russian].
- Don, 1879** – Don i dontsy v prezhnee i nastoyashchee vremya (iz dorozhnykh zapisok kavkazskogo ofitsera). 1877 g. [Don and Don Cossacks in the past and present (from the road notes of an officer of Caucasian army). 1877]. *Russkaya starina*. 1879. Vol. 25. pp. 173-188 [in Russian].
- Zakharevich, 2005** – Zakharevich A.V. (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voiny [Don Cossacks in battles with mountaineers in the North Caucasus during the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-on-Don. 220 p. [in Russian].
- Zakharevich, Skiba, 2016** – Zakharevich A.V., Skiba K.V. (2016). O donsikh kazakakh, sluzhivshikh na Kubanskoj linii v 1790–1830-ykh gg. [About the Don Cossacks, who served on the Kuban line in the 1790-1830's]. *Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus – IX. Pyatigorsk*. pp. 90-98 [in Russian].
- I.K., 1865** – I.K. (1865). Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske [Training of young Cossacks from the Don]. *Voennyi Sbornik*. №1. pp. 73-89 [in Russian].
- Karasev, 1896** – Karasev A.A. (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note by the Prince A. M. Dondukov-Korsakov about Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 569-591 [in Russian].
- Korniyenko, 2013** – Korniyenko B.S. (2013). Pravyj Don: kazaki i ideologiya nacionalizma (1909–1914). [Right Don Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)]. SPb. 232 p. [in Russian].
- Korolev, 1991** – Korolev V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. [in Russian].
- Krasnov, 1863** – Krasnov N.I. (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. [in Russian].
- Krasnov, 1864** – Krasnov N.I. (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. [in Russian].
- Krasnov, 1870** – Krasnov N.I. (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. 290 p. [in Russian].
- Maslakovets, 1899** – Maslakovets N.A. (1899). Predstavlennye g. Predsedatelem komissii soobrazheniya po povodu dokladov gg. Mordvintseva, Biryukova i Dontsova. [Submitted by the Chairman of

the Commission considerations of reports of Mordvintsev, Biryukov and Dontsov]. Novocherkassk. [in Russian].

Miljutin, 1999 – *Miljutin D.A.* (1999). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860-1862]. M. [in Russian].

Miljutin, 2005 – *Miljutin D.A.* (2005). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865-1867]. M. [in Russian].

Novickij, 1991 – *Novickij V.D.* (1991). Iz vospominanij zhandarma [From policeman memories]. M. [in Russian].

OR RNB – Department of manuscripts of Russian national library.

RGVIA – Russian state military and historical archive.

Skorik, 2015 – *Skorik A.P.* (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. [in Russian].

Spisok, 1891 – Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn po 1 sentjabrja 1891 g. [The list of generals in seniority. Compiled by September 1, 1891]. SPb., 1891. [in Russian].

Stoletie, 1902a – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.1. SPb., 1902. [in Russian].

Stoletie, 1902b – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.2. SPb., 1902. [in Russian].

Stoletie, 1911 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. [in Russian].

H.P., 1863 – H.P. (1863). Mysli kazaka o kazachestve po povodu sovremennyh sluhov [Thoughts about the Cossacks by Cossack about contemporary rumors]. *Donskie vojskovye vedomosti*. № 20. pp. 2-3 [in Russian].

Kharuzin, 1885 – *Kharuzin M.N.* (1885). Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. [Information about the Cossack communities on the Don: materials for customary law: vol. 1]. M. [in Russian].

Volvenko, 2015 – *Volvenko A.A.* (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114 [in Russian].

Volvenko, 2016 – *Volvenko A.A.* (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. pp. 398-411 [in Russian].

УДК 93/94

«Чтобы дать народу или племени новый порядок, надо сперва спросить его, нужен ли ему этот порядок»: местные предпосылки реформ 1860–1870 гг. на Дону. Часть II

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, c*}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^c Американская ассоциация историков, США

Аннотация. Во второй части статьи мы продолжаем исследование региональных предпосылок реформ 1860–1870 гг. на Дону на основании работ современников, включая неопубликованные рукописи. Нам удалось выявить еще некоторые проявления кризиса донского казачества середины XIX в. Донские части демонстрировали все меньшую боеспособность с каждой новой войной. Система управления донским краем была архаичной и малоэффективной. Мы пришли к выводу, что реформы были необходимы донскому казачеству по внутренним, а не внешним причинам, однако то, что преобразования были направлены на его "гражданское развитие", в ущерб военной составляющей, было личным решением военного министра Д.А. Милотина. Хотя это решение было поддержано аппаратом Военного Министерства, многие современники считали его ошибочным.

Ключевые слова: Великие реформы, Д.А. Милотин, Область Войска Донского, преобразования Донского войска 1860–1870 гг., кризис донского казачества середины XIX в.

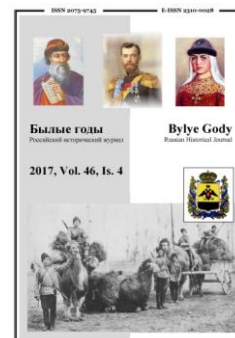
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1416-1432, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1416
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 34.07

Evolution of Judicial System of the Russian Empire: from Estate Court to All-Estates Court

Marina V. Nemytina ^{a,*}, Nadezhda N. Efremova ^b, Tsybik Ts. Mikheeva ^a

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation

^b Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Russian Federation

Abstract

The article researches the connection between estate and judicial systems of the Russian Empire from the birth of estates in times of Peter the Great to their liquidation in 1917 by the decree of the Soviet regime. As a part of fundamental basis of the Empire estate system determined social relations and legal status of the subjects, influenced the form of rule and system of governmental bodies. In the same way estate system with its privileges and restrictions affected the Imperial judicial system. Principle of equality of subjects before law and court proclaimed by Alexander II in Court Statutes of 1864 meant establishment of all-estates court in Russia. But during the judicial reform of 1864 peasant volost' courts were preserved, and in 1889 after the abolition of justice of the peace in the most part of territory of the Empire offices of district captains with administrative and judicial functions for peasants were established. Volost' courts kept working even after the reform of local justice of 1912. The authors emphasize existence of elements of the estate system inside organisation and work of the Russian courts even in the beginning of the XXth c. that disturbed the judicial system. Local courts in Russia were finally not integrated into all-estates court system because of traditional relations existed in the Russian villages for ages.

Keywords: judicial system of the Russian Empire, estate system, estate privileges and restrictions, estate court, all-estates court, local justice, district captains, volost' courts, Court Statutes of 1864, Local Courts' Act of 1912.

1. Введение

2017 г. идет под знаком Великой российской революции, сто лет назад изменившей мир. Важно отметить, что в русле современной методологии революция понимается не как одномоментный переход власти от одних социальных сил к другим, а как цепь изменивших общество событий экономического, социального, политического и правового характера. В ряду требующих пристального внимания с позиций исторической и юридической науки событий 1917 г. – принятие Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов (*Декрет, 1957а: 71–72*), отменившего сословный строй, связанные с ним привилегии и ограничения граждан (до принятия Декрета – подданных Российской империи).

Сословный строй являлся одной из фундаментальных основ, определявших как правовой статус человека, его личные, экономические, социальные, политические права и обязанности, так и всю систему социальных отношений в российском обществе. На протяжении двух веков отечественной истории сословный строй оказывал мощное воздействие на характер государственной власти и на построение системы государственных органов в Российской империи, в том числе судебной системы. Представляют научный интерес проблемы становления и расцвета сословного строя России в XVIII,

* Corresponding author

E-mail addresses: nemytina_mv@rudn.university (M.V. Nemytina), nadnike@mail.ru (N.N. Efremova), mikheeva_tsts@rudn.university (Ts.Ts. Mikheeva)

его «раскачивания» в ходе реформ второй половины XIX в. (крестьянской, судебной, земской, городской), медленного разрушения в ходе преобразований начала XX в. и, наконец, его крушения осенью 1917 г.

Авторы настоящей статьи, не претендуя на глубинное изучение такого сложного социального явления как сословный строй, в значительной степени определявшего картину жизни России, обращаются к проблематике влияния сословного строя на судоустройство и судопроизводство, показывают роль и значение сословного строя как определяющего фактора построения судебной системы, концентрируют внимание на переходе от сословных судов к всесословным в ходе судебной реформы императора Александра II и на сохранении элементов сословного строя в деятельности судов и судебно-административных органов на рубеже XIX–XX вв.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников привлечены нормативные правовые акты из Полного собрания законов Российской империи, Свода законов Российской империи, регламентировавшие сословный строй и судебную систему (более 20-ти), использованы материалы официального делопроизводства (стенографические отчеты с заседаний Государственной Думы и Государственного совета с 1907 по 1912 гг., отражающие ход рассмотрения Закона о местном суде 1912 г.), дневники и воспоминания государственных деятелей (министра внутренних дел П.А. Валуева, государственного секретаря А.А. Половцова и др.), материалы периодической печати (передовые статьи М.Н. Каткова в Московских ведомостях), а также научные публикации отечественных авторов дореволюционного, советского и постсоветского периода, зарубежные научные публикации

2.2. Развитию исследований сословного строя в России, формированию достоверных представлений о нем долгое мешал господствовавший в отечественной науке формационный подход, в русле которого такого рода проблематика «растворялась» в общей схеме общественно-экономических формаций, их типов, определявших, в свою очередь, типы общества, права и государства. В русле устоявшейся в советский период методологии сословия «привязывались» к классам и «растворялись» в них, что в известной мере носило искусственный характер и мешало созданию картины социальной жизни российского общества, максимально приближенной к реальной.

При построении методологии исследования авторами использовался цивилизационно-культурный подход (Немыгина, 2017), в соответствии с которым Россия рассматривается как цивилизационное пространство, а существовавший в ней сословный строй – как элемент надбиологической программы, определившей развитие общества (Степин, 2011: 43). Современная цивилизационно-культурная парадигма исследований предполагает отход от формационной схемы развития общества. В этой связи необходимо изучение сословного строя в России как самостоятельного явления, подчеркивающего уникальность российского социума черты и находившегося во взаимосвязи и взаимообусловленности с институтами права и государства.

3. Обсуждение

В историко-правовых исследованиях, посвященных судебной системе имперского периода отечественной истории, нельзя «обойти» тему сословного строя как определяющего фактора построения судебной системы, авторы обращаются к следующим исследованиям.

Существует обширная дореволюционная историография, отражающая дореформенное и пореформенное судоустройство и судопроизводство. Дореволюционные авторы, независимо от их общественно-политических воззрений, отмечали противоречие принципов и институтов Судебных уставов 20 ноября 1864 г. устоявшимся основам общественной и государственной жизни Российской империи. В дореволюционной отечественной историографии было неоднозначное отношение к волостному суду. Признавая противоречие основ организации и деятельности этого суда учрежденной Уставами 1864 г. судебной системе, авторы, вместе с тем, обращали внимание на отражение в этом институте социального уклада жизни крестьян, действовавших в их среде традиций и обычаев (Коц, 1913).

В советской историографии первыми значительными исследованиями, посвященными судебной реформе 1864 г., ее подготовке и реализации, стали монографии Б.В. Виленского – Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России (Виленский, 1963), Судебная реформа и контрреформа в России (Виленский, 1969). В русле господствовавшей в тот период методологии автор подчеркивал в своих исследованиях ограниченно-классовый характер судебной реформы, критически относился к сохраненным Судебными уставами волостным судам, учреждение в 1889 г. на местном уровне вместо мировых судей должностей земских участковых начальников автор рассматривал как ключевое мероприятие в ходе судебной контрреформы 1870–1880-х гг. (Виленский, 1969: 232).

В 1970-е гг. американский исследователь У. Вагнер (Wagner, 1976), критически оценивая историографию проблемы, отмечал, что исследователи не могли выявить причин, приведших к изменениям недавно учрежденной судебной структуры сразу же после ее введения. В науке существовал недостаточно разработанный, по его мнению, подход, объясняющий изменения новых судебных порядков последующим законодательством несовместимостью многих принципов реформы

1864 г. с административными, политическими и социальными реалиями, в которые они были внедрены. (Wagner, 1976: 372).

Зарубежные авторы, изучавшие волостные суды в общем контексте жизни российской деревни в оценках деятельности этих судов придерживаются позиций, обозначенных в дореволюционной историографии и склонны к обоснованию неизбежности существования этого института в России, поиску в нем положительных черт (Burbank, 2004).

С конца 80-х гг. XX в. в отечественной исторической и историко-правовой науке наблюдается живой интерес к судебной реформе 1864 г. как наиболее прогрессивному из преобразований, проведенных правительством Александра II. Следует обратить внимание, что монографические исследования авторов настоящей статьи были посвящены становлению и развитию судебного строя России в контексте развития государственных учреждений (Ефремова, 1983), эволюции суда в XVIII – начале XX в. (Ефремова, 2007), судебным преобразованиям второй половины – начала XX вв. (Немытина, 1999), отдельным аспектам развития судебной системы во взаимосвязи с развитием административных учреждений в России (Михеева, 2011).

В последнее время наблюдается интерес к исследованию отдельных принципов и институтов судебной системы, в частности местной юстиции. Так, истории мировых судов в России посвящены работы С.В. Лонской (Лонская, 2013). Расширяет представления о местной юстиции России на рубеже XIX – XX вв. и К.П. Краковский, акцентируя внимание на деятельности земских участковых начальников и городских судей (Краковский, 2017).

В оценке деятельности сословных крестьянских волостных судов в современной научной литературе наблюдается, с одной стороны, возвращение на устоявшиеся в дореволюционной отечественной и зарубежной историографии позиции, с другой – включение новых методологических подходов (культурологического, социологического, антропологического и др.). Так, Ю.Н. Сушкова, занимаясь проблемами отправления правосудия у мордовского народа, выявляя в нем этнические черты, отмечает недоверие к мировым судам со стороны крестьян (Сушкова, 2009: 175), что побуждало их обращаться в волостные суды. Изучением организации и деятельности волостных судов как низшего звена судебной системы у мордовских крестьян занимается В.В. Баринов (Баринов, 2014).

Вместе с тем провозглашенное Судебными уставами 1864 г. начало всеобщности в построении судебных учреждений Российской империи, неразрывно связанное с другим основополагающим началом – равенства всех перед законом и судом – до настоящего времени не стало предметом самостоятельного исследования авторов. Этот существующий в исследованиях «пробел» отчасти восполняют изложенные ниже результаты исследования.

4. Результаты

4.1. Социальная дифференциация российского общества в XVIII – первой половине XIX вв.

Сословное деление российского общества формировалось постепенно. Законодательное закрепление сословных различий в статусе российских подданных было заложено Петром I и завершено Екатериной II. Формирование сословных судебных органов также исторически пришлось на период становления и укрепления абсолютной монархии и имперского устройства в России и проходило в условиях социально-культурных, экономических, государственно-правовых и идеологических преобразований, проводимых правящими монархами, начиная с царя Алексея Михайловича и продолжившего преобразования, но уже радикальными методами, его младшего сына Петра Алексеевича. Преемники последнего на троне – Елизавета Петровна, Екатерина II, Александр I и Николай I – предпринимая меры по совершенствованию общественного и государственного строя и законодательства Российской империи, не могли не затронуть так или иначе сословный строй.

Так, в период правления Николая I наряду с Полным собранием законов Российской империи был введен в действие Свод законов Российской империи, в соответствии с которым городское и сельское население делилось «по различию прав состояния» на «четыре главные рода людей: 1) дворянство; 2) духовенство; 3) городские обыватели; 4) сельские обыватели» (ст. 2). Далее в ст. 4 говорилось: «Все лица, принадлежащие к одному из означенных в статье 2 сословий, пользуются правом состояния, оному присвоенным...» (Свод законов о состояниях: 1).

Понятие «сословие» в дореволюционной историографии связывалось с волеизъявлением государства, законодательным закреплением социальной дифференциации в обществе (Градовский, 1875: 210; Шершеневич, 2017: 83). Американский исследователь Дж. Бурбанк отмечает, что российское государство, оставив за собой полномочия назначать, переназначать и отменять права, обязанности и привилегии отдельных групп населения, для социальной дифференциации брало различные критерии – религия, этническая принадлежность, территория, статус, пол, возраст, профессия и культура (Burbank, 2006: 407).

В соответствии со сложившейся в российском обществе сословной дифференциацией развивались сословно-ориентированное законодательство (позитивное право) и применявшие его сословные суды. Не преуменьшая несовершенств сложившейся к середине XIX в. судебной системы,

следует отметить, что ее имперская модель периода становления и развития, т.е. с конца XVII и на всем протяжении XVIII в., была для своего времени достаточно прогрессивной, соответствовавшей сословному типу общества и форме правления в виде абсолютной монархии. Сословная система, пронизывавшая различные сферы жизни общества, в своем итоговом варианте нашла отражение в Жалованной грамоте городам и Жалованной грамоте дворянству 1785 г., в которых в полной мере были закреплены сословные ограничения для одних и привилегии для других. Формально-юридически в российском обществе вплоть до реформ 60–70-х гг. XIX в. мера свободы личности определялась в соответствии с сословным статусом. Легализация сословного статуса дворян и горожан в актах Екатерины II особенно подчеркивала фактическую отсутствие правового статуса у крепостных крестьян, составлявших подавляющую часть населения империи.

Вместе с тем, наряду с государственным правосудием, в России сохранялась сложившаяся за период крепостной зависимости крестьян вотчинная (негосударственная) юстиция, организация и судебные порядки которой определялись произвольно помещиком. В ходе судебных преобразований Екатерины II крестьяне оставались под юрисдикцией помещиков. Справедливости ради, стоит отметить, что просвещенное дворянство в своих имениях устраивало судопроизводство, аналогичное государственному, основывая его на установленных правилах, либо сохраняя традиционную общинную модель юстиции, ориентированную на местные правовые обычаи. Необходимо также отметить, что формированию единого крестьянского сословия на данном историческом этапе препятствовало не только наличие многочисленной группы частновладельческих крестьян, находившихся в крепостной зависимости, но также и иных (посессионных, экономических (ранее монастырских), государственных (казенных), дворцовых (удельных) и приравненных к ним других малочисленных социальных групп, разделенных в подведомственности и подсудности (как правило, они пребывали в ведении коллегий и их местных отделений, соответствующих отрасли, в которой они трудились). Однако общая тенденция на статусное сближение крестьянства сохранялась.

4.2. Становление при Петре I системы сословных судов в России

Учреждение судов общей юрисдикции для дворян. Сословная организация государственного суда начинает формироваться в период правления Петра I. Последняя была частью проводимых им комплексных государственных преобразований, принципы которых влияли и на создаваемую судебную систему (бюрократизация, коллегиальность, специализация и т.д.).

Российское дворянство, как единое сословие, оформилось на основании Указа о единонаследии 1714 г. (Российское законодательство, 1986а: 295–300). Указ касался в первую очередь имущественных прав, тогда как иные права законодательно еще не были закреплены. В подведомственности и подсудности подлежащих судебному рассмотрению дел дворяне были разделены с горожанами. Петр I создал для дворян систему судов общей юрисдикции. Уместно отметить, что сословным характером отличалась в первую очередь местная юстиция, тогда как центральные и высшие суды (коллегии и соответственно Правительствующий Сенат) сословными не являлись, и, кроме того, в них сохранялось традиционное совмещение судебных и административных функций.

В ходе начавшегося в 1702 г. изменения административно-территориального деления России были созданы губернии, обер-комендантские провинции, как промежуточные округа между губерниями и уездами, а в 1715 г. ландратские доли. Они были одновременно административными и судебными новыми округами в большей мере, чем старая организация, приближенными к населению, что способствовало обеспечению доступности суда. Однако они не были введены повсеместно. В новых округах создавались суды для дворян: административным главой губернии становился губернатор, наделенный также судебными функциями, свои функции он должен был осуществлять совместно с вводимыми при нем в 1713 г. ландратами (ПСЗРИ–I. Т. V. 1830а: 27). По Указу от 28 января 1715 г. последних должны были выбирать дворяне провинции (ПСЗРИ–I. Т. V. 1830с: 140), а с 1716 г. – назначать Правительствующий Сенат. Однако дворяне пока не были готовы к выборному самоуправлению, поэтому ландраты просуществовали лишь два года (позднее провинциальное дворянство направляло указы в Уложенную комиссию с просьбой воссоздания выборных ландратов (Латкин, 1887: 408)). Согласно замыслу Петра I, ландраты должны были избирать ландрихтеров, предусмотренных уже штатами 1715 г., для выполнения исключительно судебных функций, которые законом не были конкретизированы.

По мнению К.Д. Кавелина, ландрихтеры наделялись полномочиями «высшей судебной власти» (Кавелин, 1844: 136–137) в губерниях преимущественно по спорным земельным искам, число которых несомненно возрастало в связи с реализацией Указа о единонаследии 1714 г. С 1715 г. ландрихтеры выступали судами первой инстанции в городах (ПСЗРИ–I. Т. V. 1830б: 134; ПСЗРИ–I. Т. V. 1830с: 140), где не было военных гарнизонов и комендантов. Апелляционной инстанцией для этих судов являлись последовательно Юстиц-коллегия (с 1718 г.) и Вотчинная коллегия (с 1720 г.), просуществовавшая до 1786 г. В 1718 г. также была введена должность обер-ландрихтера, предусматривавшаяся и позднее в Табели о рангах 1722 г. (Российское законодательство, 1986б: 65), однако предполагавшийся в качестве нижестоящей в отношении него инстанции ландрихтер упоминается в законодательстве последний раз в 1719 г. (ПСЗРИ–I. Т. V. 1830е: 754).

Судя по всему, заимствованный в Швеции институт не прижился в России, а потому судебные преобразования продолжились. В 1718–1720 гг. были созданы нижние и городские суды, наделенные компетенцией ландрихтеров, ставшие судами первой инстанции. Надо сказать, что в законодательстве эта инстанция имеет и другие названия: уездный, земский, провинциальный суд, поскольку единства в названиях округов, в которых они вводились, тоже не было. Однако известно, что апелляции на их решения подавались в Юстиц-коллегию, под управлением которой они состояли. Следует отметить, что они являлись первой местной судебной инстанцией, тогда как второй становился учрежденный наряду с ними Надворный суд. Достоинством новых судов было функциональное и организационное их отделение от администрации, однако они не вводились повсеместно. Там, где они отсутствовали, суд вершили воеводы, губернаторы или предшествующие не упраздненные суды (ПСЗРИ–I. Т. V. 1830d: 603–604; ПСЗРИ–I. Т. V. 1830e: 754; ПСЗРИ–I. Т. VI. 1830a: 189–191; ПСЗРИ–I. Т. VI. 1830c: 662–664). Состав Надворных судов законодательством не был определен, но он был дворянским и коллегиальным. С 1720 г. при нем учреждалась должность прокурора. Этим судам были подсудны уголовные и гражданские дела. Апелляционной инстанцией для Надворных судов являлась Юстиц-коллегия, бывшая общесословным судебно-административным органом, как и Правительствующий Сенат.

Учреждение духовных судов. В ходе реформы церковного управления, проводимой Петром I, были преобразованы и церковные суды. С упразднением патриаршества коллегиальным органом церковного управления стал Святейший Синод, организованный и действовавший на основании Регламента или Устава Духовной коллегии, утвержденного в 1721 г. Коллегиальность церковного управления и судопроизводства преподносилась как преимущество в сравнении с единоличной властью патриарха, поскольку Коллегия «свободнейший дух в себе имеет к правосудию» (ПСЗРИ–I. Т. VII: 21). Согласно Регламенту Святейший Синод состоял из 12 «правительствующих особ», из которых трое обязательно должны быть архиереями. К Святейшему Синоду, который становился высшей судебной инстанцией судебного ведомства, была отнесена прежняя подсудность дел патриаршего суда, однако круг дел исключительной подсудности законом установлен не был. Нижестоящей инстанцией был суд архиерея. При Петре I судебными функциями наделялись также Духовный приказ и Монастырский приказ, а также и другие специальные органы. Как и светские суды, церковные суды в этот период находились в стадии становления и не представляли собой стройной иерархической системы.

Учреждение судов для горожан. Мероприятия по модернизации страны требовали, помимо прочего, больших финансовых затрат. Пополнение казны ожидалось за счет увеличения поступлений налогов и прочих сборов с торгов, промыслов, ремесленного и мануфактурного производства горожан, нуждавшихся для развития последних в определенной свободе предпринимательства. Этому могло способствовать изъятие горожан из подведомственности и подсудности органов территориального самоуправления, земских и губных изб, а также предоставление им обособленного от прочего населения административных округов (провинций и др.) самоуправления и суда, тех социальных преимуществ, которыми уже обладало городское сословие в Западной Европе, и с чем успел познакомиться Петр I. Однако если на Западе городская община относительно самостоятельно вырабатывала нормы и методы управления городами, включая организацию городской юстиции, что привело, в частности, к выделению самостоятельной подсистемы городского права в партикулярной правовой системе эпохи Средневековья, то в России городское самоуправление и суд, как его элемент, было организовано монархом, исходя из интересов не только горожан, но и государства. Впрочем, эти интересы во многом совпадали: и первым, и второму требовалось единство страны, безопасность дорог, широкие рыночные связи и единая полноценная монета.

С укреплением городов живущее в них на постоянной основе население (состоявшее из «регулярных граждан») объединялось в особую сословную корпорацию, которая рассматривала абсолютного монарха в качестве законного арбитра в своем противостоянии с сформировавшимся дворянским сословием. В рамках политики меркантилизма, содействующей, с одной стороны, развитию промышленности и торговли, с другой стороны, позволяющей использовать экономику городов и увеличить поборы с городского населения, двумя Указами от 30 января 1699 г. (ПСЗРИ–I. Т. III. 1830a: 598–600; ПСЗРИ–I. Т. III. 1830b: 600–601) горожане (посадское население) изымались из ведения и юрисдикции воевод и земских изб прежнего образца и переходили в подчинение новым выборным из своего состава земским избам, которые также назывались бурмистерскими, а позднее были переименованы в ратуши и магистраты.

Солитаризируясь с мнением В.Н. Латкина, характеризовавшего эту реорганизацию городского управления, следует отметить, что «реформа имела строго государственно-фискальный характер, стимулируя организацию торгово-промышленного класса как общегосударственного сословия в целях упрочения отправления повинностей, лежащих на нем» (Латкин, 1887: 408). Важно подчеркнуть, что эта реформа ускоряла процесс оформления особого социального и правового статусов горожан, нацеленного на создание материальной опоры власти абсолютного монарха, с одной стороны, и получение привилегированного положения этим сословием – с другой.

Центральным органом управления городами стала выбираемая московским купечеством Бурмистерская Палата, которая после учреждения с соответствующей компетенцией и юрисдикцией Главного Магистрата (ПСЗРИ–I. Т. VI. 1830б: 291–309), стала его московским отделением. Бурмистерские избы, осуществлявшие помимо прочих и функцию суда первой инстанции в городах, подлежали ежегодному переизбранию и возглавлялись президентом, который в свою очередь избирался сроком на один месяц. При этом избиратели несли материальную ответственность за избранных – в случае недоимок в окладах и сборах в пользу казны обязывались возместить недостачу из своих средств. Следует уточнить, что в число избирателей включалось не только тяглое торгово-промышленное население городов (прежде всего, купцы и ремесленники), но и проживавшие в уездах тяглые государственные крестьяне (Дитятин, 1875: 502). В 1708 г. городские бурмистры были переподчинены по апелляции губернаторам, что умалило значение Бурмистерской Палаты в Москве.

Реформирование городского самоуправления и суда продолжилось в 1718–1724 гг., когда бурмистерские избы были заменены магистратами в городах, однако не во всех. Города были разделены на пять разрядов, в соответствии с количеством дворов, соответственно магистраты в них имели разный количественный состав. Члены магистратов избирались сначала пожизненно, но с 1728 г. стали устанавливаться сроки их пребывания в должности. Помимо сохранявшихся полномочий в судебной, полицейской, хозяйственной и финансовой деятельности (такое совмещение характерно для данного исторического периода), городские магистраты стали органами управления делами городского сословия. Тем самым городское самоуправление и юстиция, как его составляющая, все более приобретали сословный, а не территориальный, характер. При этом следует принять во внимание, что государственные крестьяне, занимавшиеся в городах извозом, ремеслами и т.п., в городское сословие не включались, а оставались с прежним правовым статусом крестьян (Дитятин, 1875: 504).

Таким образом, можно отметить что бурмистерские избы и Бурмистерская палата, а позднее – магистраты (ратуши) и Главный магистрат явили собой первую системную модель специального суда для горожан, поступательно консолидировавшегося в особое сословие. Фискальная цель реформы Петра I обусловила включение в подведомственность и подсудность этих органов другой категории тяглого населения – государственных крестьян, которые проживали и имели доходы в городах, что некоторым образом нарушает чистоту определения указанных органов как сословных для горожан.

Завершая характеристику судебных преобразований Петра I, следует отметить, что проводились они без определенной программы, хотя цели их были очевидны – ввести в организацию суда прогрессивные для того времени принципы: коллегиальность, инстанционность, специализацию и сословность, определяющую процессуальное положение сторон. Однако не все получилось, система судостроительства оказалась разрозненной, сложной, множественной по видам судов, а потому дорогостоящей, что заставило самого Петра I, а в большей степени его преемников эпохи переворотов, от некоторых судов отказаться и вернуться к совмещению судебных и административных функций провинциальными воеводами и губернаторами. Эта архаичная организация судостроительства, страдавшая множеством пороков, и прежде всего взяточничеством, произволом и неправосудием, не была приемлемой как для общества, так и для правительства, вследствие чего в правление Екатерины II вновь появилась потребность в обновлении судебной организации.

4.3. Создание сословных судов общей и особенной юрисдикции

Развитие системы сословных судов при Екатерине II. Радикальные преобразования судостроительства проводились в период губернской, называемой также местной или областной, реформы 1775–1780 гг., в соответствии с Учреждениями для управления губерний Всероссийская империи, утвержденными в 1775, 1780 гг. (ПСЗРИ–I. Т. VII. 1830: 229–304) При их подготовке были учтены как написанный в духе идей Просвещения Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения Екатериной II 8 апреля 1768 г. (Наказ Уложенной комиссии: 29–112), так и поданные в Комиссию наказания депутатов от дворян и горожан, отражавшие их сословные интересы в особом управлении и суде. В отличие от Петровского опыта реформирования судостроительства, Екатерининская реформа была нацелена на создание судебной системы, построенной иерархично, сочетающей выборность и назначаемость судей, наличие сословных и общесословных судов, предусматривавшей суды общей и особенной юрисдикций, отдельные двухинстанционные суды для трех сословий: дворянства, горожан и крестьян-однодворцев.

Отчасти новая судебная организация предполагала организационное и функциональное обособление от административных и полицейских органов в городах, уездах и губерниях как новых административных округах. По общему правилу на местах устанавливалось по две судебные инстанции: низшая – в уезде, высшая в уездном городе, что должно было приблизить суд к населению, с учетом того, что уезды и губернии создавались с условно равной численностью населения. При высших состояли прокуратуры. Членами судов были выборные представители сословных «местных обществ». Суды были коллегиальными, в своем составе включавшими коронное (назначение правительством и подконтрольность ему) и общественное (выборность населением) начала. Вместе с тем в губерниях для рассмотрения дел, превышавших компетенцию сословных

судов, а также в качестве апелляционных и ревизионных инстанций, учреждались Палаты уголовного суда и Палаты гражданского суда.

В соответствии с Учреждениями для управления губерний система сословных судов общей юрисдикции включала следующие звенья: суды для дворян – Уездный (Нижний) суд и Верхний земский суд; суды для горожан – Нижний городской магистрат и Верхний городской магистрат; суды для крестьян-однодворцев, проживавших в городах – Нижнюю расправу и Верхнюю расправу.

Нижние суды являли собой первую, а Верхние – вторую, апелляционную и ревизионную – инстанции. Кроме того в Санкт-Петербурге и Москве создавались Надворные суды для рассмотрения дел пребывавших в столицах по долгу службы дворян.

В состав Уездного (Нижнего) суда входили уездный судья и два заседателя, избиравшиеся в уездных дворянских собраниях и утверждавшиеся губернатором. Верхний земский суд состоял из двух председателей (для двух департаментов), каждый из которых утверждался высочайшей властью из кандидатов, представленных Сенатом и десяти заседателей, избиравшихся через каждые три года губернским дворянством.

Городовой магистрат или Ратуша являлись низшей (первой) судебной инстанцией соответственно для горожан или жителей посада. В состав входили два бургомистра и четыре ратмана, которые могли заседать в половинном составе поочередно. Все они выбирались городским купечеством и мещанством один раз в три года. Число членов Ратуш устанавливалось соответственно численности населения посада сроком на три года, их члены также избирались.

Губернский магистрат выступал второй, апелляционной и ревизионной, инстанцией относительно Городового магистрата или Ратуши. В его состав входило два председателя и шесть заседателей. Первые назначались Сенатом по представлению губернского правления, а вторые – губернским городом из купцов и мещан при утверждении губернатором и сроком на три года.

Нижняя расправа создавалась по усмотрению губернатора в тех городах, где проживали крестьяне однодворцы. В состав Нижней расправы входили расправный судья, назначавшийся наместничьим правлением, и восемь заседателей, избиравшихся селением, составленным округ данного суда. Заседателей утверждал губернатор. Расправным судьям, как и другим судьям, присваивались чины. Верхняя расправа состояла из двух департаментов и была второй – апелляционной и ревизионной – инстанцией по отношению к Нижней. Полное ее присутствие включало двух председателей и десять заседателей, определявшихся к должности в том же порядке, как и в Нижней. В 1787 г. судебная система для крестьян была дополнена сельской юстицией (ПСЗРИ–I. Т. XXII. 1830: 974–1008): сельскими старостами и выборными, или словесными разборщиками. Апелляционной инстанцией для таких судов была Нижняя расправа.

Помимо сословных судов общей юрисдикции в каждой губернии учреждался «особенный» Совестьный суд (ПСЗРИ–I. Т. XX. 1830: 278–279), вводившийся по одному на губернию. В его состав входили назначаемый губернатором судья, шесть заседателей (по два от каждого из упоминавшихся сословий). Заседатели принимали участие в делах тех сословий, к которым принадлежали сами. Вышестоящей инстанцией для Совестьных судов был Сенат.

После преобразований Екатерины II и вплоть до середины XIX в. в России существовало множество судебных инстанций (сословные суды, магистраты, ратуши, надворные суды и т.п.) с неопределенной подсудностью, с различным порядком судопроизводства, что затрудняло обращение в суд. В первой половине XIX в. в российском гражданском процессе (при рассмотрении имущественных споров, споров, вытекающих из обязательств и причинения вреда) насчитывались: общий, четыре главных, шестнадцать особенных порядков судопроизводства. Неопределенность процессуальных сроков, неограниченное число бумаг, подаваемых тяжущимися с целью замедлить дело, неточность законов о судебных издержках порождали волокиту в судах и произвол со стороны судейских чиновников. Требовалось соблюдать строгие требования в отношении внешней формы исковых прошений при полном отсутствии правил об их внутреннем содержании. Одни и те же органы государства выполняли одновременно административные и судебные функции. Смешение полицейской и судебной власти, элементы розыскного процесса (например, требование канцелярской тайны) имели место не только в уголовном, но и в гражданском судопроизводстве, придавая ему несвойственные черты.

Таким образом, российская судебная система характеризовалась многоинстанционностью, носила закрытый характер, порождала волокиту и, как следствие, взяточничество, а также другие недостатки судебной организации, что предопределяло необходимость радикальной судебной реформы. Следует иметь в виду, что недостатки в судостроительстве и судопроизводстве стали особенно ощутимы и подвергались острой критике в первой половине XIX в. не только в силу присущих им внутренних пороков, но и в связи с появлением официальных и неофициальных планов и проектов, направленных на ограничение абсолютизма, привнесение в государственный механизм конституционных начал, в числе которых был независимый суд, необходимостью утверждения в обществе и государстве принципа законности.

4.4. Введение сословных судов Судебными уставами Александра II

Крестьянская реформа, прекратившая юрисдикцию помещиков над крестьянами, заняла центральное место в ряду преобразований второй половины XIX в. в России и обусловила проведение других реформ. Манифест и Положение 19 февраля 1861 г., сохранив экономическую зависимость крестьян, предоставили им личную свободу, выражавшуюся в возможности заключать гражданские сделки, участвовать в суде в качестве истцов и ответчиков, открывать торговые и промышленные заведения. Экономическая свобода крестьян в ходе подготовки реформы рассматривалась как производная от личной свободы. Хотя в центре развития деревни продолжала оставаться не личность крестьянина, а «мир», община, предоставленная крестьянину правоспособность вела к расслоению деревни, кризису общины, экономической свободе как основе формального равенства.

Проведенная вслед за крестьянской судебная реформа (1864 г.) обеспечивала защиту отношений собственности и прав личности, в ходе земской (1864 г.) и городской (1870 г.) реформ были образованы сословные органы местного самоуправления, взявшие на себя решение на низовом уровне наиболее острых проблем хозяйственной и социальной жизни. Земская, городская и судебная реформы были призваны обеспечить экономическое и социальное продвижение страны без радикальных, как казалось поначалу, перемен в сфере организации публичной власти, не меняя сущности отражавшего интересы дворян политического строя, модернизировать правопорядок в стране в строго очерченных рамках. Реформаторская деятельность по модернизации публичной власти в России в 60–70-е гг. XIX в. была сосредоточена на реформах местного самоуправления и суда. Правительство Александра II, идя на уступки такого рода, по меткому замечанию известного государственного деятеля пореформенного периода П.А. Валуева, стремилось «откупиться по возможности» (Валуев, 1961: 252) теми из них, что позволяли сохранить форму правления и политический режим, основой которых было господствующее положение дворянского сословия с его опекой над крестьянами.

В Указе императора Александра II Сенату от 20 ноября 1864 г., оповещавшем российских подданных о придании проектам Судебных уставов силы закона и введении в России новых судебных установлений, говорилось: «Рассмотрев сии проекты Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших...» (Судебные уставы: XXXVIII). Новые суды, по мысли реформаторов, должны были стать судами в подлинном смысле этого слова – органами правосудия, действовавшим на началах сословности, равенства подданных перед законом и судом, представляющими населению надлежащую сумму гарантий беспристрастного, в разумные сроки, справедливого, юридически правильного рассмотрения и разрешения гражданских и уголовных дел.

Причины, побудившие императора Александра II пойти на радикальные преобразования в сфере суда, не трогая при этом «верхний эшелон» государственных органов, в исторической и историко-правовой науке по сей день остаются не выясненными. По свидетельству государственного секретаря А.А. Половцова, Александр III, оценивая характер судебных преобразований, проведенных его отцом, полагал, что Судебные уставы «были утверждены покойным государем по настоянию лиц, желавших навязать ему конституцию, к которой это и был бы первый шаг» (Половцов, 1966: 228).

В ходе проведения судебной реформы в российское общество и государство по сути внедрялись основы конституционного строя: сословные суды, равенство перед законом и судом, самостоятельная и независимая судебная власть, участие представителей общества в лице присяжных заседателей в рассмотрении уголовных дел, гласность судопроизводства и др. Как отметил известный публицист, издатель «Московских ведомостей» М.Н. Катков, провозглашение Судебными уставами 1864 г. этих принципов и институтов, вело к тому, что «власть монарха лишалась части своих верховных прав» (Московские ведомости, 1884: 44), а суды становились самостоятельным «государством в государстве» (Московские ведомости, 1885: 427).

Таким образом, с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 г. правительство Александра II по сути вступило на путь превращения России в конституционную монархию, в силу чего возникло глубинное противоречие между основанной на сословном строе абсолютистской государственностью, с одной стороны, и конституционным по своей сути судостроительством и судопроизводством – с другой. Это противоречие во второй половине XIX – начале XX вв. будет обостряться, все глубже охватывая российское общество и государство.

Следует особо остановиться на закреплённом в Судебных уставах 1864 г. принципе сословности. В то время как жизнь общества в целом и в различных его сферах строилось на сословных началах, судебная система Российской империи стала, наконец, единой для всех подданных. Отказавшись от хаотично построенных сословных судов дореформенной эпохи, «отцы судебной реформы» ввели стройную систему судебных органов со строго очерченной компетенцией (Российское законодательство, 1991: 32–116). Параллельно и обособленно друг от друга действовали мировые суды для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел, замыкавшиеся на уровне уезда, и общие судебные установления: окружные суды, охватывавшие территорию нескольких уездов, и судебные палаты, юрисдикция которых распространялась на несколько губерний. Высшей судебной инстанцией, объединявшей систему мировых и общих судов, был Сенат.

Мировой судья избирался сроком на 3 года представительными органами местного самоуправления (уездными земскими собраниями или городскими думами) на основе образовательного, служебного и имущественного ценза. Участковому мировому судье (мировой участок охватывал часть уезда) были подсудны уголовные дела, по которым предусмотренное в законе наказание не превышало 1 года лишения свободы, или гражданские дела с суммой иска не свыше 500 руб. Наряду с участковыми были учреждены должности почетных мировых судей, которые по просьбе сторон или при отсутствии участковых мировых судей рассматривали подсудные им дела. Уездный съезд мировых судей в составе всех участковых и почетных судей уезда был второй (апелляционной) инстанцией для дел, единолично рассмотренных мировыми судьями.

Параллельно с мировыми судами, как уже было сказано, действовали общие судебные установления. Окружной суд рассматривал уголовные и гражданские дела, выходявшие за пределы подсудности мирового суда. Уголовные дела, по которым в законе было предусмотрено наказание, соединенное с лишением или ограничением прав состояния, рассматривались окружным судом с участием присяжных заседателей. Скамья присяжных заседателей, самостоятельно и независимо от коронного судьи выносивших вердикт о виновности или невинности подсудимого, на основании которого затем постановляется приговор суда, формировалась из представителей всех сословий. Судебная палата являлась апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных окружным судом без участия присяжных заседателей, и судом первой инстанции для государственных и должностных преступлений.

Участие представителей общества при рассмотрении уголовных дел в общих судебных установлениях после введения в действие Судебных уставов 1864 г. носило как всеобщий, так и сословный характер. Присяжные заседатели, участвовавшие при рассмотрении уголовных дел окружными судами избирались органами местного самоуправления из разных сословий. В то же время при рассмотрении дел в качестве суда первой инстанции судебными палатами участвовали сословные представители (губернский и уездный предводители дворянства, городской голова, волостной старшина). То есть, к рассмотрению уголовных дел, которые могли носить политический характер, призывались должностные лица органов сословного управления.

Венчал систему судебных органов Российской империи Сенат. Наряду с созданными в ходе судебной реформы кассационными департаментами, призванными обеспечить единство судебной практики, охранять правила и обряды судопроизводства и тем самым служить опорой законодателю, в составе Сената сохранялись старые структуры, выполнявшие административные полномочия. Поэтому Сенат был достаточно громоздким учреждением, наделенным не только судебной, но и административной властью.

Мировой суд должен был открыть доступ к правосудию широким слоям населения, обеспечить быстрое и справедливое рассмотрение мелких уголовных и гражданских дел выборными, пользующимися доверием населения судьями.

В то же время новый судебный строй сохранял остатки «старых» судов (волостные суды по крестьянским делам, «инородческие» суды), значительная доля дел подпадала под церковную юрисдикцию. Сохранение юрисдикции волостного суда по крестьянским делам противоречило провозглашенным уставами 1864 г. принципам всеобщности и равенства всех перед законом и судом.

Введенный в 1838 г. для государственных крестьян волостной суд после реформы 1861 г. распространил свои полномочия на всех крестьян, вышедших из крепостной зависимости и в силу этого освобожденных от помещичьей юрисдикции. Предполагалось, что сословный суд по крестьянским делам будет действовать до судебной реформы. Однако Судебные уставы 1864 г. его сохранили. Действие волостного суда было неразрывно связано с применением в крестьянской среде обычного права. При наследовании и разделах имущества, по делам об опеке и попечительстве над малолетними, в спорах о земельных наделах крестьяне руководствовались не законодательными нормами, содержащимися в X томе Свода законов, а обычаями. Волостные судьи разрешали споры, руководствуясь особенностями местного быта, нравов и обычаев, не заботясь о том, чтобы точно указать, какой обычай они применили к решению данного дела. Волостной суд в большей степени был компетентен разбирать споры, предметом которых являлись земельные участки, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, урожай и другое движимое и недвижимое имущество, непосредственно связанное со сферой сельского хозяйства (Баринов, 2014: 115). Ю.Н. Сушкова, занимаясь проблемами отправления правосудия в крестьянской среде, отмечает, что и сами крестьяне больше доверяли волостным судам, нежели мировым судьям (Сушкова, 2009: 175).

Таким образом, при пристальном изучении организации и деятельности местной юстиции пореформенного периода, становится очевидным, что одновременно с всеобщими органами официального правосудия действовали сословные крестьянские суды. Местную юстицию в России того периода времени следует рассматривать во всем многообразии ее организационно-правовых форм и институтов и их динамике сквозь призму социальных отношений в крестьянской среде.

4.5. Местная юстиция и отношения в крестьянской среде в конце XIX – начале XX вв.

Упразднение в 1889 г. (ПСЗРИ–III Т. IX. 1891a: 508–535; ПСЗРИ–III Т. IX. 1891b: 685–714), в период правления Александра III, на большей части территории России мировой юстиции (мировые суды оставались и продолжали действовать только в нескольких крупных городах России: Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Казани, Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове, Кишиневе) и одновременное введение института земских участковых начальников существенно изменили не только построение местных судов, но и всю систему отношений на уровне уезда и волости, вернув ее к прежним дореформенным порядкам. Одновременно в городах были введены должности городских судей, которым стали подсудны дела, прежде рассматривавшиеся мировыми судьями. Введение в городах вместо выборных мировых назначаемых городских судей не оказало существенного влияния на систему социальных отношений. Это лишний раз подчеркивает, что целью принятия Положения и Правил 1889 г. было осуществление управления в деревне и контроль над крестьянами.

Наиболее значимым фактором, обусловившим введение института земских участковых начальников, было совпадение интересов правительства и дворянского сословия по осуществлению управления в крестьянской среде. Вместо действовавших на основании Судебных уставов 1864 г. выборных мировых судей были введены должности земских участковых начальников, назначаемых Министром внутренних дел преимущественно из представителей местного дворянства и наделенных смешанными судебными-административными полномочиями. Земские участковые начальники не относились к судебному ведомству, чем нарушалась целостность системы судов.

Упразднение мировых судов привело к тому, что часть подсудных им дел была передана волостному суду, что способствовало расширению его компетенции. Волостные суды перестали быть исключительно сословными, ориентированными только на крестьянскую среду. Шло постепенное превращение волостных судов из органов сословного крестьянского правосудия в низовой судебный орган для всех живущих в сельской местности сословий. Одновременно был введен контроль за деятельностью волостных судей со стороны земских участковых начальников. «Нередко земские начальники прямо предписывали волостному суду решить дело в том или ином смысле», – отмечает Е.С. Коц в работе, посвященной местному суду (Коц, 1913: 28).

В.Д. Кузьмин-Караваев, характеризуя в начале XX в. взаимоотношения земских участковых начальников с крестьянами, утверждал следующее: «По закону 12 июня 1889 г. основной принцип отношений земского начальника – центральной фигуры современной жизни деревни – к крестьянам – попечительная опека. Земский начальник есть «начальник» не по названию только, а в техническом смысле понятия, как оно усвоено дисциплинарным правом. Крестьяне – его подчиненные. Уже отсюда ясно, без дальнейших доказательств, что отношение власти к крестьянам и обратно регулируются не столько законом, сколько усмотрением, т.е., другими словами, в своем существе более или менее произвольны» (Кузьмин-Караваев, 1904: 353).

По оценке современного российского исследователя К.П. Краковского, введение земских участковых начальников «имело многоцелевой характер: это, прежде всего, укрепление роли дворянства в местном управлении и усиление их контроля за крестьянским самоуправлением и обычным правосудием в волостных судах» (Краковский, 2017: 90).

При характеристике местной юстиции в России во второй половине XIX – начале XX вв. встает также проблема многообразия ее форм. С.В. Лонская приходит к выводу, что после реформы 1889 г. в России одновременно существовали несколько систем судебных (и судебно-административных) учреждений, рассматривающих малозначительные дела: 1) мировые суды, действовавшие на основании Общего учреждения судебных установлений 1864 г.; 2) мировые суды в национальных окраинах, действовавшие на основании Особенных учреждений судебных установлений 1864 г.; 3) земские участковые начальники, городские судьи и уездные члены окружных судов, действовавшие на основании Положения о земских участковых начальниках 1889 г. и Правил об устройстве судебной части в местностях, в которых введено Положение 1889 г.; 4) волостные суды, действовавшие на основании Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 г., и Временных правил о волостном суде 1889 г.; 5) инородческие суды, действовавшие на основании особых о них положений в местностях компактного проживания этнических групп (самоеды, горцы и т.д.); 6) до конца 1890-х гг. в отдаленных губерниях Сибири, Дальнего Востока, Севера действовали дореформенные суды (земские и т.п.) на основании Учреждений для управления губерний 1775 г. Преобразования второй половины XIX в. не устранили пестроты судеустройства, отмечает автор. Напротив, медленное введение Судебных уставов, использование их в качестве инструмента в политических комбинациях еще более усугубили положение (Лонская, 2013: 126-127).

Наиболее значимым мероприятием правительства в сфере суда начала XX в. считается принятие Закона о местной юстиции 1912 г. Законопроект о местном суде, внесенный министерством юстиции, пройдя через Государственную думу трех созывов, Государственный совет, став предметом острых думских дебатов, в результате превратился в компромиссный закон. И все-таки этот закон, в отличие от многих других, был реализован правительством. Разработанный министерством юстиции проект закона о местном суде, поступив в I Государственную думу, не был ею рассмотрен.

II Государственная дума постановлением от 20 марта 1907 г. образовала специальную комиссию для рассмотрения этого законопроекта. Речь шла о замене существующего многообразия местных судебных органов (волостной суд, земские участковые начальники, городские судьи, выборные и назначаемые от правительства мировые судьи) единой судебной инстанцией – мировым судом, действующим на началах выборности. Мировой суд в будущей его постановке должен был «поглотить» сословный волостной суд.

Во II Думе шла острая полемика и по вопросам о волостных судах и применении обычного права. Так, народники, отстаивая особый, отличный от Западной Европы путь развития России и делая в политической борьбе ставку на крестьянство, превратили обычай в один из лозунгов своей программы. Сторонники марксизма, напротив, категорически отказывались считаться с обычным правом, действовавшим в крестьянской среде ([Государственная Дума, 1907: ст.ст. 1345–1390](#)).

Вскоре после начала работы III Государственной думы была учреждена комиссия по судебным реформам, при этом каждая думская фракция стремилась предложить свой проект судебных преобразований. Отмечается, что в Думу были внесены 25 законопроектов по вопросу о местном суде ([Государственная дума, 1908: ст. 253](#)). Реформа местной юстиции шла в общем ряду преобразований, предполагаемых с целью уравнивать крестьян в правах с другими сословиями. Острую необходимость этого одинаково признавали и думские депутаты, и правительство. В стране, где большую часть населения составляли крестьяне, хотя и вышедшие из крепостной зависимости, но не ставшие на общегражданский путь (сохранялась сословная волость, обычное право, волостные суды, не говоря уже о пережитках в сознании людей), обеспечение правовых нужд деревни было особенно значимо.

В III Государственной думе развернулась острая дискуссия, в центре которой, как и во II Думе, стоял вопрос о необходимости сохранения в России волостного суда. Прозвучавшие с думской трибуны со стороны представителей привилегированных сословий в адрес крестьян обвинения в низком нравственном и умственном уровне волостных судей получили резкий отпор со стороны крестьянских депутатов ([Государственная Дума, 1910: ст.ст. 1049–1297](#)). Большинство депутатов III Думы высказалось за упразднение волостных судов и должностей земских участковых начальников, за введение (или точнее, восстановление) института мировых судей, избираемых органами местного самоуправления ([Государственная Дума, 1910: ст.ст. 2751–2752](#)).

Далее законопроект о местном суде поступил в Государственный совет, где была образована Особая комиссия для предварительного обсуждения реформы местного суда, проработавшая около полутора лет. Выводы комиссии разошлись с мнением думского большинства. Хотя раздавались авторитетные требования об упразднении волостных судов – так, С.Ю. Витте заявил, что «после всего пережитого Россией со времени освобождения крестьян, мы в новом законе опять намерены провозгласить, что крестьянство все-таки не доросло до того, чтобы к нему в отношении способов охранения и восстановления нарушенного права применялись те же основания, какие применяются к другим подданным» ([Государственный совет, 1912: ст. 1901](#)), – большинство членов Государственного совета проголосовало за сохранение волостного суда, который предлагалось ввести в общий строй судебных установлений ([Государственный совет, 1912: ст.ст. 1966–1967](#)). Встал вопрос и о судебных полномочиях земских участковых начальников. Из 137 лиц, принявших участие в голосовании по данному вопросу в Государственном совете, 92 человека проголосовали против этого института, 45 – за его сохранение ([Государственный совет, 1912: ст. 1966](#)).

Таким образом, законопроект о местном суде в том виде, в каком он вышел из Государственного совета, противоречил позиции III Государственной думы. Для устранения противоречий была образована согласительная комиссия из представителей обоих органов, в которую вошли 20 человек. Члены согласительной комиссии от Думы, чья задача заключалась в отстаивании парламентской концепции местного суда, почти без сопротивления согласились с проектом Государственного совета. Проект закона о местном суде прошел в III Думе при постатейном голосовании ([Государственная дума, 1912: ст.ст. 1664–1761, 1817–1905, 2014–2076](#)).

Закон от 15 июня 1912 г. о преобразовании местного суда ([ПСЗРИ–III Т. XXXII. 1915: 662–705](#)) предусматривал следующее устройство низовых звеньев судебной системы. Волостные суды, хотя и сохраняли свой сословный характер (оставались преимущественно крестьянскими судами), но вводились в общую систему судебных установлений в качестве низшей инстанции местного суда. Был положительно решен и вопрос о применении обычного права, чем также была подтверждена обособленность крестьян от других сословий в части подлежащих применению в их среде правовых норм. Верхний сельский суд являлся апелляционной инстанцией для волостного суда. Он состоял из мирового судьи в качестве председателя и двух председателей волостных судов в качестве членов, заседающих по установленной мировым съездом очереди.

Вместе с тем нельзя не усматривать некоторого усовершенствования в устройстве волостного суда по сравнению с предшествующим состоянием – введение его в общий строй судебных учреждений, существенное увеличение денежного содержания волостным судьям, подконтрольность не земскому участковому начальнику, а мировому съезду. Тем не менее, принципиальный вопрос о выравнивании правового статуса крестьян с представителями других сословий оставался открытым.

Наиболее значимым положением Закона от 15 июня 1912 г. считается восстановление в России мировой юстиции с одновременным упразднением института земских участковых начальников.

Обсуждение Закона о местном суде в Государственной думе, Государственном совете со всей полнотой иллюстрирует половинчатость и непоследовательность политики правительства, задумавшего уравнивать крестьян в правовом отношении с другими сословиями, но не реализовавшего это начинание. Прохождение законопроекта о местном суде через Государственную думу трех созывов и Государственный совет, бурные обсуждения, политические разногласия, компромиссы дали весьма скромный результат – новый закон в основном восстановил, правда с некоторыми коррективами, основные положения Судебных уставов 1864 г. о мировых судах и оставил в силе Временные правила о волостном суде 1889 г. Закон 15 июня 1912 г. не уравнил крестьян в правах с другими сословиями при обращении в суд и не вывел на новый уровень социальные отношения в деревне.

Интересна судьба волостных судов уже после установления советской власти. Волостные суды как сословные крестьянские суды были упразднены в связи с введением в действие Декретов о суде (Декрет, 1957b: 124–126) и Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов (Декрет, 1957a: 71–72). В соответствии с последним подлежали «уничтожению» все учреждения Российской империи, обладавшие сословным признаком. Декрет о суде упразднил общие судебные установления и мировые суды, а также связанные с ними институты судостроительства и судопроизводства дореволюционной России. Однако, несмотря на принятые законы, сельское население продолжало обращаться в волостные суды. По мнению ряда авторов, опыт деятельности волостных судов послужил основой новых судебных институтов с широким народным представительством.

5. Заключение

Процесс формирования и юридического оформления сословного строя в России занял достаточно продолжительный период времени, весь XVIII век, оказав влияние на форму правления в виде абсолютной монархии, социальной основой которого являлось дворянство как привилегированное сословие с юрисдикцией над крестьянами, на всю систему государственных органов, частью которой являлись суды. Организация и деятельность судов Российской империи в этот период носила ярко выраженный сословный характер, что, может быть, проявлялось более отчетливо по сравнению с другими звеньями государственного механизма.

С принятием Судебных уставов 1864 г. появилось глубинное противоречие между построенной на общегражданских началах судебной системой и сословным характером общественной жизни Российской империи. Этот конфликт высвечивается в деятельности местной юстиции, непосредственно взаимодействовавшей с населением. Особенности организации и деятельности местной юстиции в различных частях Российской империи, сохранение имевших сословный характер волостных судов, охватившие сферу местной юстиции в пореформенный период реорганизации (замена мировых судей земскими участковыми начальниками) – все это отражает сложные социальные отношения в российском обществе.

Сословное крестьянское правосудие продолжало оставаться явлением российской повседневности и в начале XX в., несмотря на существующее в обществе осознание того, что оно тормозит развитие страны, и предпринимавшиеся попытки законодательно закрепить юридическое равенство подданных. Непоследовательная политика правительства в решении крестьянского вопроса отчетливо проявляется в ходе принятия и введения в действие Закона 15 июня 1912 г. о местном суде, сохранившего в России волостные суды и возможность руководствоваться при рассмотрении споров в крестьянской вреде нормами обычного права.

Литература

Баринов, 2014 – Баринов В.В. Организационно-правовые основы деятельности волостной юстиции в условиях крестьянской реформы в России // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2014. № 3. С. 113–120.

Валуев, 1961 – Валуев П.А. Дневник / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 тт. Т. 1. 1861 – 1864 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 421 с.

Виленский, 1963 – Виленский Б.В. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1963. 147 с.

Виленский, 1969 – Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Прив. книж. изд-во, 1969. 400 с.

Государственная Дума, 1907 – Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 г. Сессия вторая. Т. 2. СПб., 1907.

Государственная дума, 1908 – Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1907–1908 гг. Сессия первая. СПб., 1908.

Государственная Дума, 1910 – Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. Ч. 1. СПб., 1910.

Государственная дума, 1912 – Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Ч. IV. 1912. СПб., 1912.

- Государственный совет, 1912** – Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия седьмая. 1911–1912 гг. СПб, 1912.
- Градовский, 1875** – *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. В 3-х тт. Том I. О государственном устройстве. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1875. 436 с.
- Декрет, 1957а** – Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Том I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд. полит. литер., 1957. 626 с.
- Декрет, 1957б** – Декрет «О суде» от 22 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Том I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М.: Гос. изд. полит. литер., 1957. 626 с.
- Дитятин, 1875** – *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т. I. СПб.: тип. П.П. Меркулева, 1875. 512 с.
- Ефремова, 1983** – *Ефремова Н.Н.* Министерство юстиции Российской империи. 1802 – 1917 гг. (историко-правовое исследование). М.: Наука, 1983. 152 с.
- Ефремова, 2007** – *Ефремова Н.Н.* Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. Историко-правовое исследование. М.: РУДН, 2007. 267 с.
- Кавелин, 1844** – *Кавелин К.Д.* Основные начала русского судостроительства и гражданского судопроизводства, в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях. М.: тип. А. Семена, 1844. 186, III с.
- Коц, 1913** – *Коц Е.С.* Местный суд и его реформа. СПб.: журн. «Земледелец», 1913. 61, 2 с.
- Краковский, 2017** – *Краковский К.П.* Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс.* 2017. Выпуск 1 (19). С. 53–95.
- Кузьмин-Караваев, 1904** – *Кузьмин-Караваев В.Д.* Правовые нужды деревни // *Земство и деревня. 1898–1903 гг.* Статьи, рефераты, доклады, речи. СПб.: Библиотека «общественной пользы», 1904. 430 с.
- Латкин, 1887** – *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст.: Историко-юрид. исслед. Т. I. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1887. 607 с.
- Лонская, 2013** – *Лонская С.В.* Очерки истории мировой юстиции Российской империи (1864–1917 гг.). М.: Юрлитинформ, 2013. 168 с.
- Михеева, 2011** – *Михеева Ц.Ц.* Институт губернатора в России (1708–1917 гг.) Учебное пособие. М.: РУДН, 2011. 124 с.
- Московские ведомости, 1884** – *Московские ведомости.* 1884. 23 января. Передовая статья // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Тип. В.В. Чечерина, 1898. 671 с.
- Московские ведомости, 1885** – *Московские ведомости.* 1885. 4 сентября. Передовая статья. // Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. М.: Тип. В.В. Чечерина, 1898. 653 с.
- Наказ Уложенной комиссии** – Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 533 с.
- Немытина, 1999** – *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999. 254 с.
- Немытина, 2017** – *Немытина М.В.* Цивилизационно-культурный подход в правоведении // *Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).* 2017. № 4 (37). С. 28–40.
- Половцов, 1966** – *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря А.А. Половцова / Под ред. П.А. Зайончковского: В 2 тт. Т. 1. 1883–1886 гг. М.: Наука, 1966. 551 с.
- ПСЗРИ–I. Т. III. 1830а** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее ПСЗРИ–I). Т. III. 1689–1699. № 1647 Указ «Об учреждении Бурмистерской палаты для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов» от 30 января 1699 г. СПб., 1830. 694 с.
- ПСЗРИ–I. Т. III. 1830б** – ПСЗРИ–I. Т. III. 1689–1699. № 1675 Указ «Об учреждении в городах земских изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства воевод и приказов» от 30 января 1699 г. СПб., 1830. 694 с.
- ПСЗРИ–I. Т. V. 1830а** – ПСЗРИ–I. Т. V. 1713–1719. № 2673. Указ «Об учреждении при губернаторах и вице-губернаторах ландратского совета» от 24 апреля 1713 г. СПб., 1830. 782 с.
- ПСЗРИ–I. Т. V. 1830б** – ПСЗРИ–I. Т. V. 1713–1719. № 2865. Указ «О подписывании площадными подъячими ... на сочиняемых ими просителям челобитных...» от 8 декабря 1714 г. СПб., 1830. 782 с.
- ПСЗРИ–I. Т. V. 1830с** – ПСЗРИ–I. Т. V. 1713–1719. № 2879. Указ «О жаловании губернаторам, вице-губернаторам и прочим чинам и о взимании на канцелярии от решений гражданских дел пошлин» от 28 января 1715 г. СПб., 1830. 782 с.
- ПСЗРИ–I. Т. V. 1830д** – ПСЗРИ–I. Т. V. 1713–1719. № 3261 Указ «О неподаче Государю прошений о таких дел, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных

правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертной казнью» от 22 декабря 1718 г. СПб., 1830. 782 с.

[ПСЗРИ–I. Т. V. 1830e](#) – ПСЗРИ–I. Т. V. 1713–1719. № 3453. Указ «О рассылке из Юстиц-коллегии дел фискальских ... по губерниям в надлежащие судебные места» от 16 ноября 1719 г. СПб., 1830. 782 с.

[ПСЗРИ–I. Т. VI. 1830a](#) – ПСЗРИ–I. Т. VI. 1720–1722. № 3577 Указ «О переносе дел по апелляциям из низших в высшие инстанции и об отводе тяжущимися судей по подозрениям» от 4 мая 1720 г. СПб., 1830. 817 с.

[ПСЗРИ–I. Т. VI. 1830b](#) – ПСЗРИ–I. Т. VI. 1720–1722. № 3708 «Регламент или Устав Главного магистрата» от 16 января 1721 г. СПб., 1830. 817 с.

[ПСЗРИ–I. Т. VI. 1830c](#) – ПСЗРИ–I. Т. VI. 1720–1722. № 3979 Указ «О должности генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 г. СПб., 1830. 817 с.

[ПСЗРИ–I. Т. VII](#) – ПСЗРИ–I. Т. VII. 1723–1727. № 4160 Указ «Об учинении особой Коллегии для розыскных духовных дел, под апелляцией Синода» от 8 февраля 1723 г. СПб., 1830. 933 с.

[ПСЗРИ–I. Т. XX. 1830](#) – ПСЗРИ–I. Т. XX. 1775–1780. № 14392 «Учреждение для управления губерний Всероссийския империи» Ч. I. от 7 Ноября 1775 г.; Ч. 2. 4 января 1780 г. СПб., 1830. 1041 с.

[ПСЗРИ–I. Т. XXII. 1830](#) – ПСЗРИ–I. Т. XXII. 1784–1788 № 16603 «Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, директору домоводства подведомственных» б.д. 1787 г. СПб., 1830. 1174 с.

[ПСЗРИ–III. Т. IX. 1891a](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее ПСЗРИ–III). Т. IX. № 6196 от 12 июля 1889 г.: Положение о земских участковых начальниках; Правила об устройстве судебной части в местностях, в которых введено означенное Положение; Временные правила о волостном суде в тех же местностях; Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках. СПб., 1891. 1490 с.

[ПСЗРИ–III Т. IX. 1891b](#) – ПСЗРИ–III Т. IX. № 6483 «Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским участковым начальникам и городским судьям» от 29 декабря 1889 г. СПб., 1891. 1490 с.

[ПСЗРИ–III Т. XXXII. 1915](#) – ПСЗРИ–III Т. XXXII. 1912. Ч. 1. № 37328 Закон «О преобразовании местного суда». Петроград, 1915. 1819 с.

[Российское законодательство, 1986a](#) – Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. / Указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 г. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.

[Российское законодательство, 1986b](#) – Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. / «Табель о рангах» от 24 января 1722 г. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.

[Российское законодательство, 1991](#) – Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. / «Учреждение судебных установлений» М.: Юридическая литература, 1991. 496 с.

[Свод законов о состояниях](#) – Свод законов Российской империи Т. IX. Ч. 1. Свод законов о состояниях. СПб., 1857. 477, 88 с.

[Степин, 2011](#) – *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

[Судебные уставы](#) – Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1867. 763 с.

[Сушкова, 2009](#) – *Сушкова Ю.Н.* Этноправосудие у мордвы. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 576 с.

[Шершеневич, 2017](#) – *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Издательство Юрайт, 2017. Серия: Антология мысли. 532 с.

[Burbank, 2004](#) – *Burbank J.* Russian peasants go to court: Legal culture in the countryside, 1905–1917. Indiana University Press, 2004. 374 p.

[Burbank, 2006](#) – *Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Volume 7, Number 3, Summer 2006 (New Series), pp. 397–431.

[Wagner, 1976](#) – *William G. Wagner* Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: A Study in Inconsistencies // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 54. Number 3 (Jul., 1976). pp. 371–394.

References

[Barinov, 2014](#) – *Barinov V.V.* (2014). Organizatsionno-pravovye osnovy deyatelnosti volostnoi yustitsii v usloviyakh krestyanskoi reformy v Rossii [Organizational and Legal Foundations of Activities of Volost Justice in the Conditions of the Peasant Reform in Russia]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, No. 3, pp. 113–120 [in Russian]

[Valuev, 1961](#) – *Valuev P.A.* (1961). Dnevnik [The Diary] / Ed. by P.A. Zainchkovskii. In 2 volumes. Vol. 1. 1861–1864. Moscow, USSR AS. 421 p. [in Russian]

- Vilenskii, 1963** – *Vilenskii B.V.* (1963). Podgotovka sudebnoi reformy 20 noyabrya 1864 goda v Rossii [Preparation of Judicial Reform Nov. 20 1864 in Russia]. Saratov: Saratov State University Publ. 147 p. [in Russian]
- Vilenskii, 1969** – *Vilenskii B.V.* (1969). Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii [Judicial Reform and Counter-Reform in Russia]. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 400 p. [in Russian]
- Gosudarstvennaya Duma, 1907** – *Gosudarstvennaya Duma* (1907). Vtoroi sozyv. Stenograficheskie otchety. 1907. Sessiya vtoraya. T. 2 [The State Duma. Convention II. Verbatim records. 1907. Session II. Vol. II]. St. Petersburg. [in Russian]
- Gosudarstvennaya Duma, 1908** – *Gosudarstvennaya Duma* (1908). Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety. 1907–1908. Sessiya pervaya [The State Duma. Convention III. Verbatim records. 1907–1908. Session I]. St. Petersburg. [in Russian]
- Gosudarstvennaya Duma, 1910** – *Gosudarstvennaya Duma* (1910). Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety. 1909. Sessiya tret'ya. Ч. 1 [The State Duma. Convention III. Verbatim records. 1909. Session III. Vol. I]. St. Petersburg. [in Russian]
- Gosudarstvennaya Duma, 1912** – *Gosudarstvennaya Duma* (1912) Tretii sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya pyataya. Ч. IV [The State Duma. Convention III. Verbatim records. Session I. Vol. IV]. St. Petersburg. [in Russian]
- Gosudarstvennyi soviet, 1912** – *Gosudarstvennyi soviet* (1912). Stenograficheskiy otchet. Sessiya sed'maya. 1911–1912 [The State Council. Verbatim record. Session VII. 1911–1912]. St. Petersburg. [in Russian]
- Gradovskii, 1875** – *Gradovskii A.D.* (1875). Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. [Basics of Russian Legal State]. In 3 volumes. Vol. I. St. Petersburg, Tip. M. Stasyulevicha. 436 p. [in Russian]
- Dekret, 1957a** – *Dekret* (1957). Dekret ob unichtozhenii soslovii i grazhdanskikh chinov ot 11 noyabrya 1917 [Decree On abolition of Estates and Civil Ranks adopted on November 11, 1917] *Dekrety Sovetskoi vlasti*. Vol. I. Moscow, Gos. izd. polit. liter. 626 p. [in Russian]
- Dekret, 1957b** – *Dekret* (1957). Dekret o sude ot 22 noyabrya 1917 [Decree On Court adopted on November 22, 1917]. *Dekrety Sovetskoi vlasti*. Vol. I. Moscow, Gos. izd. polit. liter. 626 p. [in Russian]
- Dityatin, 1875** – *Dityatin I.I.* (1875). Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii [Organization and Management of Russian Cities]. Vol. I. St. Petersburg, Tip. P.P. Merkul'eva. 512 p. [in Russian]
- Efremova, 1983** – *Efremova N.N.* (1983) Ministerstvo yustitsii Rossiiskoi imperii. 1802 – 1917 (istoriko-pravovoe issledovanie) [Ministry of Justice of the Russian Empire. 1802 – 1917 (historical and legal research)]. Moscow, Nauka. 152 p. [in Russian]
- Efremova, 2007** – *Efremova N.N.* (2007) Stanovlenie i razvitie sudebnogo prava v Rossii XVIII – nachala XX v. Istoriko-pravovoe issledovanie [Formation and development of judicial law in Russia from 18th to the beginning the 20 centuries. Historical and legal research]. Moscow, RUDN university. 267 p. [in Russian]
- Kavelin, 1844** – *Kavelin K.D.* (1844). Osnovnye nachala russkogo sudoustroistva i grazhdanskogo sudoproizvodstva, v period vremeni ot Ulozheniya do Uchrezhdeniya o guberniyakh [Basic Principles of Russian Judicial System and Civil Proceedings from Ulozhenie to the Establishment of Provinces]. Moscow, Tip. A. Semena. 186, III p. [in Russian]
- Kots, 1913** – *Kots E.S.* (1913) Mestnyi sud i ego reforma [The Local Court and its Reform]. St. Petersburg, Zhurn. «Zemledelets». 61, 2 p. [in Russian]
- Krakovskii, 2017** – *Krakovskii K.P.* (2017). Zemskie nachal'niki i mirovaya yustitsiya (reforma mestnogo suda 1889) [Land Commandants and Justice the Peace (Local Court reform of 1889)]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. Issue 1 (19), pp. 53-95. [in Russian]
- Kuz'min-Karavaev, 1904** – *Kuz'min-Karavaev V.D.* (1904) Pravovye nuzhdy derevni [Legal Needs of the Village]. *Zemstvo i derevnya. 1898 – 1903. Stat'i, referaty, doklady, rechi*. St. Petersburg, Biblioteka «Obshchestvennoi pol'zy». 430 p. [in Russian]
- Latkin, 1887** – *Latkin V.N.* (1887). Zakonodatel'nye komissii v Rossii v XVIII st.: Istoriko-yurid.issled. T. I. [Legislative Committees in Russia in the 18th century: historical and legal research. Vol. I]. St. Petersburg, Izd. L.F. Panteleeva. 607 p. [in Russian]
- Lonskaya, 2013** – *Lonskaya S.V.* (2013). Ocherki istorii mirovoi yustitsii Rossiiskoi imperii (1864–1917) [Essays on the History of Justice the Peace of the Russian Empire (1864–1917)]. Moscow, Yurlitinform. 168 p. [in Russian]
- Mikheeva, 2011** – *Mikheeva Ts.Ts.* (2011). Institut gubernatora v Rossii (1708-1917) [Institute of the Governor in Russia (1708–1917)]. Moscow, RUDN university. 124 p. [in Russian]
- Moskovskie vedomosti, 1884** – *Moskovskie vedomosti* (1884). [The Moscow News]. 23 yanvarya. Peredovaya stat'ya / Katkov M.N. Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. 1884. Moscow, Tip. V.V. Checherina, 1898. 671 p. [in Russian]
- Moskovskie vedomosti, 1885** – *Moskovskie vedomosti* (1885). [The Moscow News]. 1885. 4 sentyabrya. Peredovaya stat'ya / Katkov M.N. Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. 1885. Moscow, Tip. V.V. Checherina, 1898. 653 p. [in Russian]

- [Nakaz Ulozhennoi komissii](#) – *Imperatrítsa Ekaterina Vtoraya. Nakaz, dannyi Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya* (2008) [The Grand Instructions to the Commissioners, appointed to frame a new Code of Laws for the Russian Empire. Composed by Her Imperial Majesty Catherine II] / Ed. by V.A. Tomsinov. Moscow, Zertsalo. 533 p. [in Russian]
- [Nemytina, 1999](#) – *Nemytina M.V.* (1999). Court in Russia (second half of XIX – the beginning the XX centuries). Saratov, SYuI MVD RF. 254 p. [in Russian]
- [Nemytina, 2017](#) – *Nemytina M.V.* (2017). Tsivilizatsionno-kul'turnyi podkhod v pravovedenii [Civilizational-cultural approach in jurisprudence]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA) [Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. No. 4(37). Pp. 28–40. [in Russian]
- [Polovtsov, 1966](#) – *Polovtsov A.A.* (1966). Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya A.A. Polovtsova [The State Secretary A.A. Polovtsov's Diary] / Ed. by P.A. Zaionchkovskoi. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Nauka. 551 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. III. 1830a](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I (PSZRI–I)* (1830). T. III. № 1647 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 1st edition. Vol. III. No. 1647]. St. Petersburg. 694 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. III. 1830b](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. III No. 1647. St. Petersburg. 694 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. V. 1830a](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. V. No. 2673. St. Petersburg. 782 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. V. 1830b](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. V. No. 2865. St. Petersburg. 782 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. V. 1830c](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. V. No. 2879. St. Petersburg. 782 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. V. 1830d](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. V. No. 3261. St. Petersburg. 782 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. V. 1830e](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. V. No. 3453. St. Petersburg. 782 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. VI. 1830a](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. VI. No. 3577. St. Petersburg. 817 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. VI. 1830b](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. VI. No. 3708. St. Petersburg. 817 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. VI. 1830c](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. VI. No. 3979. St. Petersburg. 817 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. VII. 1830](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. VII. No. 4160. St. Petersburg. 933 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. XX. 1830](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. XX. No. 14392. St. Petersburg. 1041 p. [in Russian]
- [PSZRI–I. T. XXII. 1830](#) – *PSZRI–I* (1830). Vol. XXII. No. 16603. St. Petersburg. 1174 p. [in Russian]
- [PSZRI–III. T. IX. 1891a](#) – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie III (PSZRI–III)* (1891). T. IX. № 6196 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 3^d edition. Vol. IX. No. 6196]. St. Petersburg. 1490 p. [in Russian]
- [PSZRI–III. T. IX. 1891b](#) – *PSZRI–III* (1891). Vol. IX. No. 6483. St. Petersburg. 1490 p. [in Russian]
- [PSZRI–III. T. XXXII. 1915](#) – *PSZRI–III* (1915). Vol. IX. No. 37328. Petrograd. 1819 p. [in Russian]
- [Rossiiskoe zakonodatel'stvo, 1986a](#) – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov (1986). Vol. 4. / Ukaz «O poryadke nasledovaniya v dvizhimykh i nedvizhimykh imushchestvakh» ot 23 marta 1714 [Decree On the Order of Inheritance of Personal and Real Assets adopted on March 23, 1714]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 512 p. [in Russian]
- [Rossiiskoe zakonodatel'stvo, 1986b](#) – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov (1986). Vol. 4. / Tabel' o rangakh ot 24 yanvarya 1722 [The Table of Ranks adopted on January 24, 1722]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 512 p. [in Russian]
- [Rossiiskoe zakonodatel'stvo, 1991](#) – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov (1991). Vol. 8. / Uchrezhdenie sudebnykh ustanovlenii [The Statute of Judicial Institutions]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 496 p. [in Russian]
- [Svod zakonov o sostoyaniyakh](#) – *Svod zakonov Rossiiskoi imperii* (1857) T. IX. Ch. 1. Svod zakonov o sostoyaniyakh [The code of Laws of the Russian Empire. Vol. IX. Laws about Estates]. St. Petersburg. 477, 88 p. [in Russian]
- [Stepin, 2011](#) – *Stepin V.S.* (2011) Tsivilizatsiya i kul'tura [Civilization and culture]. St. Petersburg, SPbGUP. 408 p. [in Russian]
- [Sudebnye ustavy](#) – Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda s izlozheniem rassuzhdenii, na koikh oni osnovany. Ch. 1. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva (1866) [The Judicial Statutes, adopted on Nov. 20, 1864, outlining the arguments they are based on. Vol. 1. The Statutes of Civil Procedure]. St. Petersburg. 990 p. [in Russian]
- [Sushkova, 2009](#) – Sushkova Ju.N. (2009). Etnopravosudie u mordvy [Ethnic Processes of the Mordvinians]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta. 576 p. [in Russian]
- [Shershenevich, 2017](#) – *Shershenevich G.F.* (2017). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [The Textbook of Russian Civil Law]. Moscow, Izdatel'stvo Yurait. Seriya: Antologiya mysli. 532 p. [in Russian]
- [Burbank, 2004](#) – *Burbank J.* (2004). Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905-1917. Indiana University Press. 374 p.
- [Burbank, 2006](#) – *Burbank J.* (2006). An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, Vol. 7, No. 3, pp. 397–431. DOI: 10.1353/kri.2006.0031
- [Wagner, 1976](#) – *William G. Wagner* (1976) Tsarist Legal Policies at the End of the Nineteenth Century: A Study in Inconsistencies. *The Slavonic and East European Review*, Vol. 54, No. 3, pp. 371-394.

УДК 34.07

**Эволюция судебной системы Российской империи:
от сословного к всесословному суду**Марина Викторовна Немытина ^{a, *}, Надежда Николаевна Ефремова ^b,
Цыбик Цырендоржиевна Михеева ^a^a Российский университет дружбы народов, Российская Федерация^b Институт государства и права РАН, Российская Федерация

Аннотация. Авторы статьи прослеживают связь между сословным строем и судебной системой Российской империи на протяжении двух веков отечественной истории – с формирования сословий в период правления Петра I и до их отмены в 1917 г. Декретом советской власти. Являясь одной из фундаментальных основ Российской империи, сословный строй строго очерчивал контуры социальных отношений в обществе и определял правовой статус подданных, влиял на форму правления и построение системы государственных органов. Сословный строй с его привилегиями и ограничениями во многом определил и построение судебной системы Российской империи. Провозглашенный императором Александром II в Судебных уставах 1864 г. принцип равенства всех подданных перед законом и судом означал учреждение в России всесословного суда. Вместе с тем в ходе судебной реформы 1864 г. были сохранены крестьянские волостные суды, а в 1889 г., в связи с упразднением на большей части России мировых судей, были учреждены должности земских участковых начальников, наделенных административно-судебными полномочиями в отношении крестьян. Волостные суды продолжали оставаться в России и после реформы местной юстиции 1912 г. Авторы статьи отмечают, что и в начале XX вв. в организации и деятельности российских судов сохранялись элементы сословного строя, что нарушало целостность судебной системы. Местные суды в России так и не стали всесословными, что было обусловлено сложившимися на протяжении веков отношениями в деревне.

Ключевые слова: судебная система Российской империи, сословный строй, сословные привилегии и ограничения, сословный суд, всесословный суд, местная юстиция, волостные суды, земские участковые начальники, Судебные уставы 1864 г., Закон о местном суде 1912 г.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nemytina_mv@rudn.university (М.В. Немытина), nadnike@mail.ru (Н.Н. Ефремова), mikheeva_tsts@rudn.university (Ц.Ц. Михеева)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1433-1442, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1433
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930

"Exchanging the Past": Historical Memory, Money and National Identity in the Russian Empire and Central Europe in second half of XIX – early XX centuries

Oksana V. Golovashina ^{a,*}, Andrey A. Linchenko ^{b,c}

^a Tambov State University, Russian Federation

^b Financial University, Lipetsk branch, Russian Federation

^c Lipetsk state technical university, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the visual series of banknotes and coins of Russia, Austria-Hungary and Germany in the second half of the XIXth – early XXth century. The authors rely on the idea of forming the "imaginary community" of B. Anderson, the practice of "everyday nationalism", described by M. Biling, the formation of national identity through the "invention of traditions" (E. Hobsbaum). The choice of the chronological period and the states is determined by the political and social transformations that have occurred in the countries. As the representation of national identity and the state, the authors distinguish the following visual images: the rulers of the past and the present, state symbols, unofficial artistic and historical symbols, images of the nation. The portraits of the past monarchs are most characteristic of the Russian Empire. Thus, the government emphasized its continuity with respect to the most significant pages of the Russian past. The tasks of reducing national tension in the Habsburg Empire dictated the need to move away from the state symbols towards abstract images and to emphasize the equality of the "German" and "Hungarian" parts of the dualistic empire, and by the beginning of the XXth century – the use of the languages of other peoples. In the German Empire, the emphasis was placed on the formation of state identity. The images of the states' symbols, which were characteristic of all the countries, were determined by political tasks: centralization of state power, increasing of national cohesiveness. In the authors' opinion, the use of the image of a nation on banknotes, whose romantic images were called to consolidate unstable empires socially and politically is particularly interesting. The images of the past, the use of which was characteristic of banknotes of the Russian, German and Austro-Hungarian empires, continued to be broadcast in the XXth century.

Keywords: bonds, money, commercialization of the past, national identity, Russian Empire, German Empire, Habsburg Empire.

1. Введение

Историческая память, равно как и образы национально-исторической идентичности, в последние годы привлекает все большее внимание исследователей. Несмотря на то, что memory studies как междисциплинарное направление научных исследований сформировалось в 70–80-е годы XX века на основе преимущественно работ социологов, философов и культурологов, в последние три десятилетия изучение исторической памяти и коммеморативных практик стало важной частью исторической науки в нашей стране (Репина, 2005) и за рубежом (Olick, Robbins, 1998). В фокусе внимания исследователей все чаще оказываются различные по своей значимости и масштабу аспекты воспроизводства исторической памяти, практики воспоминаний, массовые коммеморации и «изобретенные традиции». Одним из таких «необычных» аспектов изучения исторической памяти и

* Corresponding author

E-mail addresses: ovgolovashina@mail.ru (O.V. Golovashina), linchenko1@mail.ru (A.A. Linchenko)

исторической политики является исследование художественно-эстетической функции денег как средства формирования массовой исторической памяти государством. Адам Смит и Карл Маркс анализировали деньги как особый вид товара, заменяющий любой другой товар. Однако, помимо того, что деньги являются средством накопления, платежа и мерой стоимости, они также представляют собой особый тип информации (Юровицкий, 2007) и определяет некоторые аспекты социокультурной модернизации (Никитин, 2013). Подобная «символическая» сторона изучения социокультурных функций денег открывает нам понимание их как одного из элементов материальной памяти общества, которая наряду с музеями, мемориалами, памятниками формируется также монетами и банкнотами. Деньги, в подобном случае, выступают одним из «мест памяти», о которых в свое время писал П. Нора (Нора, 1999) и одним из важнейших оснований национально-исторической идентичности (Kuzniatsov, 2008). Предметом нашей статьи является сравнительный анализ банкнот Российской империи, Австро-Венгрии и Германской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Нас будут интересовать бумажные деньги как определенный символ государства, с помощью которого власть формирует образы массовой исторической памяти и национальной идентичности и ретранслирует их на территорию не только своего государства, но и за его пределы.

2. Материалы и методы

В качестве методологической основы в данной статье используются идеи Б. Андерсона (Андерсон, 2016), М. Биллига (Billig, 1995) и Э. Хобсбаума (*The Invention*, 1992). Андерсон рассматривал нацию как сконструированное сообщество, члены которого «воображают» свою общность. Основным механизмом, с помощью которого конструируется нация, Андерсон назвал «печатный капитализм». Именно распространение книгопечатания позволило показать людям, живущим в разных уголках страны, относящимся к разным социальным слоям, что они имеют одинаковую историю, язык, что происходящее в одной провинции может быть действительно важно для другой, а строки гимна – это не просто песня, а что-то большее, то есть – что все читатели относятся к одной нации. Однако мы считаем, что этой цели служили не только печатные издания, но и деньги. Единая валюта на территории всей страны также способствовала формированию воображаемого сообщества. Изображения на банкнотах и монетах оказывались более доступным средством трансляции необходимых символов, так как уровень грамотности в XVIII или даже XIX веках не позволял всем жителям страны читать газеты, журналы, книги. Теория Андерсона относится к числу классических в истории и антропологии. Современный исследователь М. Биллиг вводит понятие «повседневный национализм», с помощью которого описывает привычки, представления, позволяющие осуществлять, по выражению Э. Ренана «ежедневный плебисцит». С точки зрения Биллига, важно не то, как появляется нация (на чем концентрирует внимание Андерсон), а как она сохраняется, как непрерывно воображает себя (Billig, 1995: 70). То есть, ежедневный просмотр вечерних новостей может оказаться более успешным способом формирования национальной идентичности, чем редкое посещение митинга, посвященного Дню независимости или изучение истории в школе. Одним из таких способов формирования «повседневного национализма» являются деньги. Изображенные на них государственные символы доступнее, чем та же символика власти на парадах. Посредством денег значимые для государства образы транслируются на территории всей страны и представляют собой ее презентацию. Более того, образы государства, исторической памяти или национальной идентичности по терминологии Э. Хобсбаума могут создаваться, «изобретаться» в зависимости от актуального общественно-политического контекста (*The Invention*, 1992).

Появление бумажных денег в этой связи расширило возможности государства в деле использования символического значения денег. По сравнению с монетами, которые традиционно чеканились с изображениями монархов, государственными символами и номиналом, банкноты благодаря быстрому развитию технического прогресса начинают транслировать не только наиболее значимую символику, но и показывают большое количество аллегорических образов, предоставляют большие возможности для текстовой информации.

Исходя из данных методологических оснований в статье будут рассмотрены только банкноты выпусков второй половины XIX – начала XX века, имевшие обращение в России, Австро-Венгрии и Германии. В частности, нами были проанализированы российские государственные кредитные билеты (выпуски 1866–1886, 1887–1896 и 1898–1912 гг.), немецкие имперские кассовые знаки (1874–1906 гг.) и рейхсбанкноты (1876–1914 гг.), а также гульден Австро-Венгрии (выпуски 1881–1884 и 1900–1918 гг.). Выбор данного хронологического периода и государств обусловлен серьезными трансформациями, бросающими вызов национальной идентичности, которые происходили на территории этих стран (образование Германской империи, преобразование Австрии в Австро-Венгрию, трансформации социального уклада в процессе «Великих реформ» в России). Нас также будет интересовать вопрос о том, стремилось ли государство формировать «воображаемое сообщество» (в том числе, при помощи изображения на банкнотах), и насколько успешными были эти попытки. Анализ банкнот Российской, Германской и Габсбургской империй позволил нам выделить следующие основные репрезентации государства, власти и национальной идентичности,

использующие образы исторической памяти: образы правителей прошлого и настоящего, государственная символика, неофициальные художественные и исторические символы, образы нации. Именно в рамках данных репрезентаций нам и предстоит провести сравнительный анализ.

3. Обсуждение

Истории денежного обращения в различных странах посвящен большой объем литературы. Вместе с тем, в многочисленной литературе по бонистике данного исторического периода (Денисов, 2003; Горянов, 2014; Михаэлис, Харламов, 1993) отсутствуют попытки анализа эволюции бумажных денег в контексте определенных социокультурных процессов. Безусловно, ссылки на взаимосвязь художественно-эстетического дизайна банкнот и определенной государственной политики имеются, но полноценного анализа данная тема так и не получила (Коняев, 2007). Исключения составляют исследования Д.Г. Черных (Черных, 2015) и С. Кузнецову (Kuzniatsova, 2008). Однако, исследование Д.Г. Черных рассматривает эволюцию дизайна российских банкнот в широкой исторической перспективе становления российской государственности, начиная с XVIII и заканчивая XXI вв. Подобная широта хронологических рамок позволяет автору выделить ключевые тенденции идеологического влияния на российские банкноты, но не позволяет выявить специфику каждого исторического периода, отличающегося своеобразием. Исследование С. Кузнецову посвящено изучению символической роли банкнот на постсоветском пространстве.

Выпускаются также специализированные альбомы (Боровиков, 2006; Васюков и др., 1993), позволяющие представить внешний вид банкнот и монет прошлого, проследить эволюцию. Однако эти альбомы больше интересуют коллекционеров, чем исследователей, поскольку представляют собой простые описания монет и банкнот, представленных в хронологической последовательности.

Сходная ситуация наблюдается и в области изучения немецких и австро-венгерских банкнот. Имеют место многочисленные каталоги, отражающие эволюцию металлических и бумажных денег (Pick, Rixen, 1986; Pick, Rixen, 1998). Среди исследований обратим внимание на статью З. Шустека. Автор подробно анализирует дизайн банкнот Австрии и Австро-Венгрии с 1762 по 1918 гг. (Шустек, 2010). Однако, предметом изучения автора является анализ дизайна банкнот и роста технических возможностей австрийского государства в деле выпуска бумажных денег. Более интересными представляются теоретические исследования репрезентации социальной памяти и социальных норм посредством денег (Araujo, 2004), роли памяти как информации в трансформации сущности денег (Berentsen, Rocheteau, 2004). Однако, данные исследования имеют теоретическую направленность и не связаны с интересующей нас темой.

4. Результаты

История денежных знаков в России начинается только в 1769 году, когда Екатерина II издала указ о выпуске ассигнаций. Как правило, в России выпуск новых банкнот был связан с денежной реформой или просто попытками преодолеть инфляцию, но это совпадало с кризисными для государства моментами, когда возникала необходимость в использовании не только финансовых, но и символических ресурсов. В качестве таких моментов можно назвать «Великие реформы», а также период Контрреформ, период конца XIX – начала XX века.

В Германской империи необходимость выпуска новой валюты была обусловлена образованием единого государства. До 1871 года каждое из объединившихся впоследствии нескольких десятков государств могли осуществлять самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, в том числе, выпускать собственные деньги. Это создавало экономические и политические трудности. Несмотря на Мюнхенский монетный договор 1837 года и Дрезденскую монетную конвенцию 1848 года к моменту введения марки на территории Германии обращались около 140 различных денежных единиц. 4 декабря 1871 года канцлером Отто фон Бисмарком был подписан новый Монетный закон, регулирующий особенности введения единой валюты (Gese Deutsches, 1871). Договор интересен тем, что там прописан механизм осуществления государственных функций через финансовую систему. Обменный курс местной валюты на марку отражал не столько ее реальную стоимость, сколько определенную иерархию независимых прежде государств в составе единой Германской империи. Например, баварская валюта еще долгое время сохраняла свои функции, несмотря на повсеместное введение марки. Отдельная статья монетного закона регулировала внешний вид монет с обязательным германским гербом. Использование государственной символики было необходимо для формирования идентификации с новым государством.

Первые бумажные деньги в Австрии появились в 1762 году. Изображения были довольно простые: геометрические фигуры и орнаменты. Фигуры появляются на купюрах 1841 года. Применительно ко второй половине XIX века, особое внимание стоит уделять именно банкнотам, так как после пятилетнего экономического кризиса, который разразился в 1873 году, золотые и серебряные монеты почти не участвовали в обращении, так как использовались населением для накопления. В 1892 году была введена новая денежная единица – крона, с помощью которой, как и в Германии и России, осуществлялся переход к золотому стандарту. Но вплоть до Первой мировой войны крона и банкноты в гульденах ходили параллельно.

Одним из важнейших элементов трансляции национальной идентичности и идеологии государства на монетах и банкнотах являются образы правителей прошлого и настоящего. Какие различия в данном случае наблюдаются между Российской, Германской и Габсбургской империями?

Ю. Левада неоднократно замечал, что в России «общественное мнение постоянно персонализирует власть» (Левада, 1998), неудивительно, что изображения правителей на российской валюте занимали главное место. Вместе с тем, на царских ассигнациях, равно как и на государственных кредитных билетах 1840–1860-х гг. изображения монархов отсутствовали, что было связано во многом с техническими возможностями изготовления бумажных денег. Однако, необходимость борьбы с фальшивомонетчиками, а также улучшение технических возможностей позволили правительству в середине 60-х гг. XIX века перейти к новым банкнотам. Идея изображений государей исходила от Министерства финансов, направившего в Экспедицию заготовления государственных бумаг в 1860-х гг. письмо с соответствующим содержанием, в котором уже предлагался список «знаменитых в отечественной истории государей»: Дмитрия Донского (5 рублей), Михаила Федоровича (10 рублей), Алексея Михайловича (25 рублей), Петра I (50 рублей) и Екатерины II (100 рублей). Данные портреты были изображены на государственных кредитных билетах выпуска 1866–1886 гг. Отметим казавшийся бесспорным хронологический подход, отсутствие дискуссией в современной России фигуры Ивана Грозного, образ которого в середине XIX века больше ассоциировался с причинами Смутного времени, а не с «сильной рукой». Зато персона Дмитрия Донского уже заняла свое место в пантеоне «всемирно известных князей». Это неудивительно, потому что спасение отечества от захватчиков – одно из оснований формирования национального самосознания в России (Тишков, 2013). Надо заметить, что банкноты номиналом 1 и 3 рубля были напечатаны без портретов. Источником для изображений были портреты из Романовской галереи Эрмитажа (Михаила Федоровича, Алексея Михайловича), из Екатерининского зала Зимнего дворца (Екатерина II) – таким образом люди знакомы с классическими образами, которые и сейчас встречаются в учебниках истории. Выбор персоналий вполне объясним. Правители России эпохи дворцовых переворотов вряд ли могли выступать значимыми символами национальной идентичности и государственной преемственности. Только отсутствие Елизаветы Петровны в этой связи может вызвать вопросы.

Традиция изображения портретов монархов неожиданно прерывается в рамках выпуска государственных кредитных билетов образца 1887–1896 гг. Однако, несмотря на то, что портреты монархов были заменены аллегорическими образами России, на банкнотах номиналом 1, 3, 5 и 25 рублей появляется вензель Александра III.

В конце XIX – начале XX века в оборот вошли новые банкноты (государственные кредитные билеты образца 1898–1912 гг.). На 25-рублевой купюре был изображен Александр III, на 50-рублевой – Николай I, на банкноте в 100-рублей остался тот же портрет Екатерины II, а на появившейся купюре в 500 рублей – Петр I, на этот раз увенчанный императорской короной, с лентой ордена Андрея Первозванного, украшенный лавровой ветвью. То есть, идея с правителями прошлого сохранилась, но был нарушен линейный принцип. Предпочтение логично для политической культуры того времени отдавалось императорам-консерваторам как вызывающим больше уважения у Николая II. Роль Петра I признавалась более значительной, чем Екатерины II. Привычную 100-рублевую банкноту в народе называли «катеринка», «катенька», 500 рублей были слишком редкими в народном кошельке, однако тоже получили название «петруши» или «петеньки».

Еще одним способом персонификации правителя на банкнотах продолжал оставаться вензель правителя. В отличие от предыдущих серий, на банкнотах 1898–1912 гг. был изображен вензель Николая II. Данная практика во многом являлась традиционной для дизайна бумажных и металлических денег России, где вензель действующего монарха изображался на реверсе монеты. Надо заметить, что в России на монетах чеканили профиль или вензель действующего монарха, а на банкнотах – монархов прошлого, используя, таким образом, монеты как способ трансляции актуальной информации, а банкноты как инструменты формирования исторической памяти и образов национальной идентичности.

На германских банкнотах портрета императора не было, возможно, потому что решение о выборе изображений долгое время оставалось за канцлером. По мысли Бисмарка, объединяющим элементом должна быть не фигура императора, а сама идея Германской империи. На банкнотах также отсутствовали вензеля Вильгельма I и Вильгельма II.

Что касается Габсбургской монархии, то портрет Франца Иосифа использовался как на аверсе, так и на реверсе купюр в 1, 5 и 50 гульден (выпуск 1881–1884 гг.). Выпуски крон 1900–1902, 1904–1912, 1913–1914 гг. вообще не содержали ни одной отсылки к историческим личностям или правящим особам. Из императоров прошлого чести быть изображенным на банкнотах удостоился только Франц Иосиф, но его личность использовалась не столько для трансляции образа власти, сколько в качестве символа дружбы сословий и народов империи.

Таким образом, персонификация власти посредством изображения монарха в рассматриваемый период была характерна только для Российской империи, где во второй половине XIX – начале XX века изображения правителей прошлого служили одним из способов трансляции идеи национально-государственной консолидации общества, образов исторической идентичности

империи и ее преемственности по отношению к наиболее значимым страницам российского прошлого.

Традиционным элементом трансляции национальной идентичности и идеологии государства всегда выступала государственная символика. Основными государственными символами являются герб и флаг, но во времена империй к символам, олицетворяющим государство, прибавлялись еще знаки императорского дома. Формирование «воображаемого сообщества» предполагало распространение официальной символики, в том числе, на самые отделенные уголки государства. Этой роли, больше чем что-либо другое (образовательные учреждения, печатные органы) соответствовали деньги. Поэтому государственный герб был обязательной составляющей как монет, так и банкнот. В статье для примера рассмотрим сочетание государственной и ставшей после 1871 года локальной символики в Германии. До 1892 года молодая Германская империя не имела утвержденного гимна и флага, поэтому утвержденный герб был единственным утвержденным официальным символом. Пятая статья Монетарного закона Германии 1871 года прописывала, что на одной стороне монеты, кроме номинала и года изготовления, обязательно должен находиться герб Германской империи. Другая сторона отводилась под герб городов-государств, которые вошли в империю, или портрет правителя. Таким образом, осуществлялось символическое объединение образов независимых государств (в том числе, сформированных прежней монетарной системой, действующей в провинции до создания единого государства) с символом империи (*Gese Deutsches, 1871*). Причем, в следующем законе 1873 года, регулирующем чеканку разменных монет, прописывалось, что подобные изображения описывают только внешний вид монет, номиналом выше 1 марки. На остальных монетах уже не хватало места для символов прежде независимых государств – одна сторона была посвящена изображению номинала и надписи «Deutsches Reich», а на второй – герб империи. То есть, более новая редакция отводила все больше места государству (*Deutsches Reichsgesetzblatt, 1973*). Герб Германской империи (без символов княжеств и городов-государств, вошедших в империю), располагался также и на купюрах. И здесь, несмотря на наличие определенного пространства на полотно банкноты мы также не видим присутствия символики немецких княжеств и городов. Вместе с тем, герб государства - не единственный официальный символ Германской империи, использовавшийся на банкнотах. Например, на банкноте 1874 года в 50 марок, кроме герба (четыре по углам банкноты), изображены два ангела, держащих корону империи.

Сходная ситуация складывалась и в Российской империи, где различные варианты императорского герба занимали центральное место на полотне банкноты. Это в равной мере относится ко всем выпускам государственных кредитных билетов 1866–1886, 1887–1896 и 1898–1912 гг. Также как и в Германии, на некоторых банкнотах России появляется императорская корона. В рамках серии государственных кредитных билетов 1866–1886 гг. это может быть прослежено на банкнотах номиналом 5, 10, 25 и 100 рублей. Сохраняется изображение императорской короны и на большинстве банкнот других выпусков (1887–1896 и 1898–1912 гг.).

Иные концептуальные основания были положены в основу дизайна банкнот Австро-Венгерской империи, которые в полной мере отразили все сложности политической и национальной ситуации во второй половине XIX – начале XX вв. Как отмечается в литературе, «для всех периодов выпуска бумажных денег в монархии Габсбургов характерно постоянное улучшение их технического уровня. Почти все выпуски представлены новыми элементами или отличаются художественным подходом. Оформление бумажных денег постоянно анализировалось. Если в каком-то выпуске упускались преимущества оформления билетов предыдущего выпуска или новый выпуск отрицательно влиял на функциональность денег, находящихся в обращении, тогда в следующем выпуске имевшиеся негативные моменты устранялись» (*Шустек, 2010: 90*). Однако, вместе с повышением технического уровня выполнения банкнот, мы можем наблюдать и усложнение их «смысловой нагрузки». И это связано в первую очередь с австро-венгерским соглашением. Одна сторона купюры получила текст на немецком, другая – на венгерском языке. Австро-венгерские банкноты перестали иметь «лицевую» и «оборотную» стороны, которые стали считаться равноценными. Для удобства их называли «немецкая» и «венгерская» стороны. Обе стороны были очень похожи визуально и содержали минимум отличий. На «немецкой» стороне располагался герб Австрии, на «венгерской» стороне соответственно герб Венгрии.

Еще одним важным элементом использования образов прошлого и настоящего на банкнотах исследуемого периода является неофициальная символика и изображения, символизирующие образы нации. Несмотря на то, что данные образы могли выглядеть довольно абстрактными, тем не менее они выполняли важную роль. Государственная символика или портреты правителей как правило несут прямой смысл, в то время как неофициальные символы и аллегорические изображения могут быть более информативными, а значит оказываться ценным источником исследования. Итак, насколько существенными были различия между Германской, Австро-Венгерской и Российской империями в данном аспекте?

Если Германия стояла перед необходимостью формирования государственного самосознания, то Габсбургская империя долгое время не видела необходимости в конструировании гражданской общности (*Головашина, 2009*). Поэтому, например, символика на банкнотах 1841 года эксплуатирует

образы, которые доказали свою популярность в среде интеллектуальной элиты: Дунай, как река, объединяющая империю (50 гульденов), Вена (100 и 1000 гульденов), символы изобилия, торговли, промышленности и т.д. Более того, среди исследуемых стран, впервые фигура, символизирующая нацию, появляется именно на австрийских банкнотах 1841 года. На купюре в 50 гульденов (наряду с мужчиной, символизирующим Дунай) изображена сидящая женщина, которая визуализирует Австрию. Этот образ (в несколько другом исполнении) повторяется на банкноте 1902 года в 100 крон.

Австрия была единственной из исследуемых государств, которая использовала в своих купюрах не только образы государства и власти, но и фигуры простых людей – крестьянина, шахтера и пастуха. Они были изображены на банкнотах в 10 гульденов – то есть, были вполне доступны. После революционных событий 1848–1849 гг., неудачных войн (с Пруссией и Сардинией) в 1851 году была выпущена довольно интересная банкнота в 50 гульденов с изображением императора Иосифа II и крестьянина Иржи Трнка (Моравия). Конечно, это банкнота, символизирующая социального согласие, была следствием стремления принимать желаемое за действительное – согласия не было, но присутствовала потребность его пропаганды.

На более банкнотах 1881–1884 гг. было много абстрактных фигур, символизирующих право, власть (5 гульденов), сельское хозяйство и науку (100 гульденов). Например, на купюре в 5 гульденов образца 1881 г. перед нами предстает образ женщины с книгой, символизирующей право, а также образ женщины, символизирующей власть.

Как мы уже отмечали, отличительной стороной банкнот, выпускаемых в Австро-Венгрии, было их двуязычное обозначение. Причем изображения на двух сторонах были одинаковые (кроме самых поздних банкнот, когда сложность была увеличена с целью борьбы с фальшивомонетчиками), подчеркивая таким образом, равноправие австрийского и венгерского народа в Габсбургской империи. Однако национальное самосознание народов, входящих в Австро-Венгрию росло, и в 1900 году были выпущены банкноты, в которых номинал обозначался также на чешском, польском, итальянском, словенском, хорватском, сербском и румынском языках. Причем надписи на национальных языках появляются только на «немецкой» стороне банкноты. Символы всех народов было бы тяжело поместить на одной купюре, и это противоречило бы самопозиционированию элиты Габсбургской монархии как наднациональной, но в 1902 году «в народ» была отправлена последняя купюра, изображение которой имело четкое социальное содержание: на одной стороне банкноты (с надписями на немецком языке) был изображен кузнец как символ промышленной части империи, а на другой («венгерской») – крестьянин. На купюре в 1000 крон уже начала XX века (автор Генрих Лефлер) рисунок представляет собой абстрактный геометрический орнамент.

Интересно, что если тематика изображений на банкнотах в рассматриваемых странах отличалась, то использование образа государства было характерно для всех рассматриваемых стран. Это особенно заметно, если сравнить художественно-эстетические образы австро-венгерских банкнот с банкнотами Германии и России.

В связи с особенностями истории немецких народов, Германия в виде женщины изображала то территорию, заселенную немцами, то саму общность немецкого народа (Brandt, 2010). В начале XIX века в период романтического национализма Германия персонифицировала желаемое национальное единство. Женщину изображают вместе с немецким флагом и/или имперским гербом (картины Филиппа Вейта, 1834–1836 гг., Кристиана Келера, 1849 и др.), а после объединения Германии потребность в популяризации образа только увеличивается (Gall, 1993). При помощи плакатов, журналов и, конечно, банкнот, Германия как персонифицированное единство всех немцев проникало во все уголки империи. Образ женщины, олицетворяющей государство, появился и на германских банкнотах 1899 года номиналом в 50 марок. Также с атрибутами королевской власти, но без детей и фруктов.

В России этот образ восходит к образу Святой Руси, получив определенное распространение в искусстве (например, гравюра Н. Колпакова «Аллегория на восшествие на престол императрицы Екатерины II» (1762–1763), на которой Россия в горностаевой мантии с изображением двуглавых орлов преподносит новой правительнице свое сердце (Комелова, 1981: 135), литературе (в произведениях М.В. Ломоносова, Н.А. Некрасова и т.д.), а к концу XIX века – на медалях, интерьерах и т.д.

1 декабря 1895 года в России в обращение была введена купюра номиналом 5 рублей (выпускалась до 1898 г.) с изображением сидящей женщины в шапке Мономаха, со щитом и скипетром в руках, а также с лавровым венком и цветами у ног. В 1894 году появляется банкнота с номиналом 10 рублей, на аверсе которой изображается женская фигура, символизирующая Россию. Фигура была облачена в богатую княжескую одежду и шапку Мономаха. В левой руке она держит ветвь, в правой руке – щит с изображением малого государственного герба образца 1883 года. 20 августа 1892 года была выпущена банкнота номиналом в 25 рублей также с изображением женской фигуры в шапке Мономаха со скипетром и державой, на этот раз Русь стояла, а около ее ног изображались две детских фигуры – с колосьями пшеницы и фруктами. Дети символизировали народ России, который почему-то, в отличие от Австро-Венгрии, ассоциировался только с земледелием, а не промышленностью, наукой, торговлей.

На российские банкноты большое влияние оказал «Русский стиль», возникший на волне интереса к национальному культурному наследию, прежде всего, переосмысления древнерусской архитектуры. На банкнотах изображались архитектурные детали, выполненные в «Русском стиле», а также изображения старинного русского оружия.

Женский образ, воплощающий государство-нацию, довольно распространен в европейских странах. Первой подобной аллегорией является «Британия» (II век) – молодая женщина в тоге с обнаженной правой грудью, часто – со щитом и копьем. В конце XVIII – XIX вв. в период активного националстроительства женские образы получают распространение практически во всех странах, получая некоторые национальные особенности (Landes, 2001; Mosse, 1985). Женский образ государства связан с бытовавшей идеей иерогамии (Канторович, 2014) – священного брака правителя государства и страны. Государь в таком случае представляется как защитник страны (Рябов, 2007; Рябова, 2008).

В целом, образ Руси или Германии на банкнотах – молодая женщина со знаками власти и/или мечом и щитом вполне соответствовал визуализации государства того времени. Формирование и укрепление национального единства диктовало необходимость самого широкого распространения визуализированных образов нации, и этой цели вполне соответствовали деньги.

5. Заключение

Подводя итоги статьи, следует отметить, что вторая половина XIX – начало XX века ознаменовалась серьезными трансформациями, бросающими вызов национальной идентичности, которые происходили на территории Германии, Австро-Венгрии и России). В этой связи претерпевает существенные изменения сам образ государства, а также соответствующая ему интерпретация прошлого. Это находит отражение в различных коммеморативных практиках, в том числе и в использовании образов государства, прошлого и национальной идеи в художественно-эстетической композиции бумажных денег. Проведенный сравнительный анализ показал, что персонафикация власти посредством изображения монарха в рассматриваемый период была характерна только для Российской империи, где во второй половине XIX – начале XX века изображения правителей прошлого служили одним из способов трансляции идеи национально-государственной консолидации общества, образов исторической идентичности империи и ее преемственности по отношению к наиболее значимым страницам российского прошлого. Изображение государственной символики на банкнотах всех изучаемых нами государств было подчинено определенным политическим задачам. Именно они диктовали особенности, масштаб изображения того или иного символа государственной власти, а также использование образов исторической памяти. В случае Германской империи данные политические задачи были связаны с централизацией государственной власти, в случае Российской империи – консолидацией российского общества на основе идеи монархии и национальной идентичности, в случае империи Габсбургов – с задачей формирования дуалистической монархии и нормализации отношений с народами империи. При этом, наиболее востребованными образы прошлого оказались на банкнотах Российской империи. Для всех представленных в настоящей статье стран было характерно использование образа государства. Однако, образы эти, равно как и значение образов прошлого и исторических аллегорий в Российской империи и Центральной Европе существенно различались. Неофициальная символика и образы нации Австро-Венгрии на ее банкнотах были призваны снизить высокий уровень противостояния между немецким и немецким населением империи. Это нивелировало образы прошлого и прямые отсылки к государственным символам. Именно неофициальная символика представляющая собой совокупность абстрактных символов и портретов приобретает ключевое значение на банкнотах Австро-Венгрии. В отличие от империи Габсбургов, неофициальная символика на банкнотах Российской и Германской империи наоборот отражала консолидирующие образы единой нации, изображаемые посредством использования национально-романтических элементов декора, а также национальных мифологизированных образов. При этом, использование неофициальной символики равно как и образов нации на российских бумажных деньгах в большей степени было обращено к истории, в том время как немецкие банкноты содержат скорее отсылки к общему средневековому прошлому. Улучшение технологии изготовления бумажных денег во второй половине XIX – начале XX вв. увеличило возможности использования банкнот в качестве важного элемента трансляции символов государственной идеологии, а вместе с ней и образов исторической памяти, которые пережив три монархии, продолжили свое существование в XX веке.

5. Благодарности

Исследование выполнено за счет средств гранта Президента РФ (МК-5552.2016.6).

Литература

Андерсон, 2016 – Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. 416 с.

Боровиков, 2006 – Боровиков С.В. Государственные Кредитные Билеты Российской Империи 1898-1912. Управляющие и кассиры. Альбом-каталог. СПб., 2006. 238 с.

- Васюков и др., 1993** – *Васюков А.И., Горшков В.В., Колесников В.И., Чистяков М.М.* Бумажные денежные знаки России и СССР. СПб.: Политехника, 1993. 216 с.
- Головашина, 2009** – *Головашина О.В.* Перспективы развития австрийской государственности в оценке политической элиты Первой республики // *Ineternum*. 2009. Вып. 1. С. 8-28.
- Горянов, Мурадян, 2014** – *Горянов И.М., Мурадян М.А.* Бумажные деньги России (1769-2010). М., 2014. 356 с.
- Денисов, 2003** – *Денисов А.Е.* Бумажные денежные знаки России 1769-1917 годов. Часть 2. Государственные бумажные денежные знаки 1840-1896 годов. М., 2003. 284 с.
- Канторович, 2014** – *Канторович Э.* Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 336 р.
- Комелова, 1981** – *Комелова Н.Г.* Русский гравёр Н. Я. Колпаков // *Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследования*. Л., 1981. С. 131 – 143.
- Коняев, 2007** – *Коняев А.Е.* Бумажное лицо Империи. Ярославль, 2007. 68 с.
- Левада, 1998** – *Левада Ю. А.* Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1998. № 5 (37). С. 9-15.
- Михаэлис, Харламов, 1993** – *Михаэлис А.Э., Харламов Л.А.* Бумажные деньги России. Пермь, 1993. 168 с.
- Никитин, 2013** – *Никитин А. П.* Значение денег в процессе социокультурной модернизации // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 33 (324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. С. 102-107.
- Нора, 1999** – *Нора П.* Проблематика мест памяти // *Франция-память*. СПб., 1999. С. 17-50.
- Репина, 2005** – *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // *Феномен прошлого* / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М., 2005. С.105-144.
- Рябов, 2007** – *Рябов О.* «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart, 2007. 290 с.
- Рябова, 2008** – *Рябова Т. Б.* Пол власти: Гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново, 2008. 245 с.
- Тишков, 2013** – *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 650 с.
- Черных, 2015** – *Черных Д.Г.* Дизайн денежных знаков в России XVIII-XXI вв. как индикатор идеологической парадигмы и суверенитета государства // *Архитектон: известия вузов* № 52 / Декабрь 2015 // URL: http://archvuz.ru/2015_4/16 (дата обращения 11.08.2017).
- Шустек, 2010** – *Шустек З.* Бумажные деньги монархии Габсбургов // *Банкаўскі веснік, САКАВІК* 2010. С. 86-90.
- Юровицкий, 2007** – *Юровицкий В.* Денежное обращение в эпоху перемен. М., 2007. 496 с.
- Агауо, 2004** – *Araujo L.* Social Norms and Money // *Journal of Monetary Economics*. 2004. No 51: 2 March. pp. 241-256.
- Berentsen, Rocheteau, 2004** – *Berentsen A., Rocheteau G.* Money and Information // *Review of Economic Studies*. 2004. No 71. pp. 915-944.
- Billig, 1995** – *Billig M.* Banal Nationalism. London: Sage, 1995. 200 p.
- Brandt, 2010** – *Brandt B.* Germania und ihre Söhne . Repräsentationen von Nation , Geschlecht und Politik in der Moderne. Göttingen, 2010. 413 p.
- Das deutsche, 1993** – *Das deutsche Staatspapiergeld* Heinrich Gietl Verlag, Regenstauf, 1993. 202 p.
- Deutsches Reichsgesetzblatt, 1973** – *Deutsches Reichsgesetzblatt* Band 1873, Nr. 22, Seite 233–240 // <https://de.wikisource.org/wiki/Münzgesetz> (accessed: 1.09.2017).
- Gall, 1993** – *Gall L.* Die Germania als Symbol nationaler Identität im 19. und 20. Jahrhundert // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften Göttingen, I. Philologisch-Historische Klasse* 1993. pp. 35 – 88.
- Gese Deutsches, 1871** – *Gese Deutsches Reichsgesetzblatt* Band 1871. Nr. 47. pp. 404–406 // https://de.wikisource.org/wiki/Gesetz,_betreffend_die_Ausprägung_von_Reichsgoldmünzen (accessed: 1.09.2017).
- Kocherlakota, 1998** – *Kocherlakota N.* Money is Memory // *Journal of Economic Theory*. 1998. No 81: 2. pp. 232-251.
- Kuzniatsou, 2008** – *Kuzniatsou S.* Symbolism of money: finances and historical consciousness of Ukraine, Lithuania and Belarus // *Political Sphere*. 2008. № 11. pp. 89-100.
- Landes, 2001** – *Landes J. B.* Visualizing the Nation: Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France. Ithaca, 2001. 272 p.
- Mosse, 1985** – *Mosse G. L.* Nationalism and Sexuality: Respectability and Abnormal Sexuality in Modern Europe. New York, 1985. 232 p.
- Olick, Robbins, 1998** – *Olick J.K., Robbins J.* Social Memory Studies: From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. pp.105-140.
- Pick, Rixen, 1986** – *Pick A., Rixen J-U.* Papiergeld Spezialkatalog Österreich 1759-1986. 2. erweiterte Auflage. Sedlmayer KG, Dornbirn, 1986. 220 p.
- Pick, Rixen, 1998** – *Pick A., Rixen J-U.* Papiergeld-Spezialkatalog Deutschland. Auflage 3. Gietel

Verlag, 1998. 415 p.

The Invention, 1992 – The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge University Press, Cambridge, 1992. 296 p.

References

Anderson, 2016 – *Anderson B.* (2016). Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. [Imagined Communities]. M. 416 p. [in Russian].

Borovikov, 2006 – *Borovikov S.V.* (2006). Gosudarstvennye Kreditnye Bilety Rossiiskoi Imperii 1898-1912. Upravlyayushchie i kassiry. [The State Credit Of The Russian Empire 1898-1912. Managers and cashiers]. Al'bom-katalog. SPB. 238 p. [in Russian].

Vasyukov i dr., 1993 – *Vasyukov A.I., Gorshkov V.V., Kolesnikov V.I., Chistyakov M.M.* (1993). Bumazhnye denezhnye znaki Rossii i SSSR. [Paper money of Russia and USSR]. SPb.: Politekhnik. 216 p. [in Russian].

Golovashina, 2009 – *Golovashina O.V.* (2009). Perspektivy razvitiya avstriiskoi gosudarstvennosti v otsenke politicheskoi elity Pervoi respubliki [Prospects for the development of the Austrian state in assessing the political elite of the First Republic]. *Ineternum*. Vyp. 1. pp. 8-28. [in Russian].

Goryanov, Muradyan, 2014 – *Goryanov I.M., Muradyan M.A.* (2014). Bumazhnye den'gi Rossii (1769-2010). [Russian paper money (1769-2010)]. M. 356 p. [in Russian].

Denisov, 2003 – *Denisov A.E.* (2003). Bumazhnye denezhnye znaki Rossii 1769-1917 godov. Chast' 2. Gosudarstvennye bumazhnye denezhnye znaki 1840-1896 godov. [Paper money Russia 1769-1917 years. Part 2. State paper money 1840-1896 years]. M. 284 p. [in Russian].

Kantorovich, 2014 – *Kantorovich E.* (2014). Dva tela korolya. Ocherk politicheskoi teologii Srednevekov'ya. [The king's two bodies. Essay on the political theology of the middle Ages]. M. 336 p. [in Russian].

Komelova, 1981 – *Komelova N.G.* (1981). Russkii graver N. Ya. Kolpakov [Russian engraver N. Kolpakov]. *Kul'tura i iskusstvo Rossii XVIII veka*. Novye materialy i issledovaniya. L. pp. 131-143 [in Russian].

Konyaev, 2007 – *Konyaev A.E.* (2007). Bumazhnoe litso Imperii. [The paper face of the Empire]. Yaroslavl'. 68 p. [in Russian].

Levada, 1998 – *Levada Yu. A.* (1998). Fenomen vlasti v obshchestvennom mnenii: paradoksy i stereotipy vospriyatiya [The phenomenon of power in public opinion: the paradoxes and stereotypes of perception]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. № 5 (37). pp. 9-15. [in Russian].

Mikhaelis, Kharlamov, 1993 – *Mikhaelis A.E., Kharlamov L.A.* (1993). Bumazhnye den'gi Rossii. [Russian paper money]. Perm'. 168 p. [in Russian].

Nikitin, 2013 – *Nikitin A. P.* (2013). Znachenie deneg v protsesse sotsiokul'turnoi modernizatsii [The value of money in the process of sociocultural modernization]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 33 (324). Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Vyp. 30. pp. 102-107. [in Russian].

Nora, 1999 – *Nora P.* (1999). Problematika mest pamyati [The problems of places of memory]. *Frantsiya-pamyat'*. SPb. pp. 17-50. [in Russian].

Repina, 2005 – *Repina L.P.* (2005). Kontseptsii sotsial'noi i kul'turnoi pamyati v sovremennoi istoriografii [The concept of social and cultural memory in contemporary historiography]. *Fenomen proshlogo* / pod red. I.M. Savel'evoi, A.V. Poletaeva. M. pp.105-144. [in Russian].

Ryabov, 2007 – *Ryabov O.* (2007). «Rossiya-Matushka»: Natsionalizm, gender i voina v Rossii XX veka. [“Mother Russia”: Nationalism, gender and war in Russia XX century]. Stuttgart. 290 p. [in Russian].

Ryabova, 2008 – *Ryabova T. B.* (2008). Pol vlasti: Gendernye stereotipy v sovremennoi rossiiskoi politike. [Gender of power: Gender stereotypes in contemporary Russian politics]. Ivanovo. 245 p. [in Russian].

Tishkov, 2013 – *Tishkov V.A.* (2013). Rossiiskii narod. Istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya. [The people of Russia. The history and meaning of national identity]. M.: Nauka. 650 p. [in Russian].

Chernyh, 2015 – *Chernykh D.G.* (2015). Dizain denezhnykh znakov v Rossii XVIII-XXI vv. kak indikator ideologicheskoi paradigmy i suvereniteta gosudarstva [The design of banknotes and coins in Russia XVIII-XXI centuries as an indicator of the ideological paradigm of state sovereignty]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov*. № 52 / Dekabr' 2015 // URL: http://archvuz.ru/2015_4/16 (data obrashheniya 11.08.2017) [in Russian].

Shustek, 2010 – *Shustek Z.* (2010). Bumazhnye den'gi monarkhii Gabsburgov [Paper money of the Habsburg monarchy]. *Bankajski vesnik, SAKAVIK*. pp. 86-90. [in Russian].

Yurovitskii, 2007 – *Yurovitskii V.* (2007). Denezhnoe obrashchenie v epokhu peremen. [The circulation of money in an era of change]. M. 496 p. [in Russian].

УДК 930

«Разменивая прошлое»: историческая память, деньги и национальная идентичность в Российской империи и Центральной Европе во второй половине XIX – начале XX вв.Оксана Владимировна Головашина ^{a, *}, Андрей Александрович Линченко ^{b, c}^a Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Российская Федерация^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация^c Липецкий государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу визуального ряда банкнот и монет России, Австро-Венгрии и Германии во второй половине XIX – начале XX века. Авторы опираются на идею формирования «воображаемого сообщества» Б. Андерсона, практики «повседневного национализма», описанные М. Билингом, формирование национальной идентичности путем «изобретения традиций» (Э. Хобсбаум). Выбор хронологического периода и государств обусловлен политическими и социальными трансформациями, которые произошли в исследуемых странах. В качестве репрезентации национальной идентичности и государства авторы выделяют следующие визуальные образы: правители прошлого и настоящего, государственная символика, неофициальные художественные и исторические символы, образы нации. Изображения портретов прошлых монархов более всего характерны для Российской империи. Таким образом власть подчеркивала свою преемственность по отношению к наиболее значимым страницам российского прошлого. Задачи снижения национальной напряженности в Габсбургской империи диктовали необходимость отхода от государственной символики в сторону абстрактных образов, акцент на равенстве «немецкой» и «венгерской» части дуалистической империи, а к началу XX века – использование языков других народов. В Германской империи акцент был сделан на формирование государственного самосознания. Изображения государственной символики, которые были характерны для всех исследуемых стран, определялись политическими задачами: централизация государственной власти, повышение сплоченности нации. Особенно интересным авторы считают использование образа нации на банкнотах, романтические изображения которых были призваны консолидировать социально и политически нестабильные империи. Образы прошлого, использование которых было характерно для банкнот Российской, Германской и Австро-Венгерской империи, продолжали транслироваться и в XX веке.

Ключевые слова: бонны, монеты, коммерциализация прошлого, национальное самосознания, Российская империя, Германская империя, Габсбургская империя.

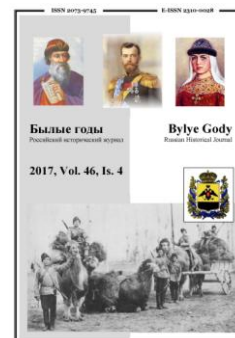
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ovgolovashina@mail.ru (О.В. Головашина),
linchenko1@mail.ru (А.А. Линченко)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1443-1453, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1443
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93(471)

N.K. Mikhailovski and the Democratic Movement in Russia in the second half of the XIX century: Political Doctrine and Activity (to the 175th Anniversary of Birthday)

Vladimir V. Blokhin^{a,*}, Evgeni A. Soloviev^a

^a Russian University of friendship of peoples (RUDN University), Russian Federation

Abstract

The article analyzes the socio-political concept and social activities of Nikolay Konstantinovich Mikhaylovsky, the theorist of reformist populism, editor of the magazine "Otechestvennye Zapiski" and "Russian wealth", sociologist and literary critic. The authors on the basis of the sociological heritage and legal journalism proves, that Mikhailovsky is the national leader of the democratic intelligentsia, such as his reformist populism was ideologically close to the liberal conception of the rule of man and the values of the political freedoms. The article shows that the struggle for political freedom and a constitution was a priority for Mikhailovsky, while the socialist aspects of his doctrine recede into the background. On the basis of unknown archival materials (Foundation of E. P. Letkova-Sultanova) authors prove a significant role of Mikhailovsky in the formation of the ideology of the party "Narodnaya Volya". The convergence of the populist thinker with a liberal opposition movement manifested in the fact of his cooperation with the party of the "People's rights" and participation in actions to protect freedom of expression at the beginning of the 1900-ies.

Keywords: populism, liberalism, democracy, post-reform Russia, the revolution, the intelligentsia, the Constitution, progress.

1. Введение

До сего дня не утихают споры о природе и характере революции 1917 года в России. Однако бесспорен тот факт, что она вовлекла в политическую жизнь миллионы людей, привела в движение социальную материю. Едва ли возможно оспорить и то обстоятельство, что революция идейно была подготовлена оппозиционной российской интеллигенцией, «воспитавшей» определенным образом народные массы, о чем провидчески указывали «Вехи». В этой связи уместно вновь обратиться к «идейным отцам» российской интеллигенции, среди которых не последнюю роль сыграл Николай Константинович Михайловский (1842–1904), «учитель русской жизни», «властитель дум» нескольких поколений российских оппозиционеров.

Деятельность Н.К. Михайловского многогранна. Будучи автором известных социологических трудов – «Что такое прогресс», «Борьба за индивидуальность», цикла «Герои и толпа», он являлся редактором и идейным вдохновителем известных радикально-народнических изданий «Отечественные записки» и «Русское богатство». Полвека он «воспитывал» российскую интеллигенцию, поэтому не случайно имел репутацию идейного вдохновителя демократического движения в России.

Актуальность изучения наследия мыслителя видится не только в том, что по масштабу своего влияния на общество этот «народнический Ленин» (Г.Н. Мокшин) превосходил Н.Г. Чернышевского или других теоретиков народничества, но олицетворял альтернативную тоталитарной революционности большевиков модель демократического преобразования России, основанную на

* Corresponding author

E-mail addresses: blohin.vladimir.1960@mail.ru (V.V. Blokhin)

идеях либерального немарксистского социализма прудонистского типа. Социалистическую доктрину Н.К. Михайловского Р.В. Иванов-Разумник справедливо охарактеризовал как «индивидуалистический социализм», в котором были соединены и теоретически синтезированы идеи социальной справедливости и личной свободы человека.

2. Материалы и методы

Реконструкция и изучение научного и общественно-политического наследия Михайловского возможна при обращении, как к обширному социологическому наследию народника, так и к весьма разнообразному корпусу его публицистики. Основной массив научной и литературной публицистики, социологических трактатов и литературных заметок, а также материалов нелегальной печати включен в Полное десяти томное собрание сочинение публициста, систематизированное и подготовленное его биографом Е.Е. Колосовым (Михайловский, 1909: 13). Важным источником являются воспоминания современников публициста, известных народнических деятелей. (Александров, 1906; Аптекман, 1907; Вольнский, 1903; Иванчин-Писарев, 1929; Николенко-Гильченко, 1913). Среди архивных документов наибольшую ценность представляют материалы фонда писательницы Е.П. Летковой-Султановой, хранящиеся в РГАЛИ (РГАЛИ. Ф.280. Оп.1. Д.19). Фонд содержит важные документы-протоколы заседания Общества Политкаторжан и ссыльно-поселенцев о роли Н.К. Михайловского в народолюбстве, включающие записи выступлений Е.П. Прибылевой-Корбы, А.М. Редько, Н.Я. Быховского и др.

3. Обсуждение

Литература о Н.К. Михайловском поистине колоссальна и включает как исследования о его социологии (Бердяев, 1901; Ранский, 1901), так и труды о роли народника в общественно-политическом движении России (Твардовская, 1968; Виленская, 1979; Зверев, 1997; Мокшин, 2005).

Говоря об общественной деятельности Н.К. Михайловского, наиболее актуальными в научном дискурсе являлись вопросы формирования демократической платформы мыслителя (Виленская, 1979), взаимоотношения с «Народной волей» (Твардовская, 1968).

На протяжении почти века ведется дискуссия о типологии общественно-политических взглядов Н.К. Михайловского. Одни исследователи заявили о революционной программе народника (Колосов, 1913: 74; Русанов, 1907: 132; Виленская, 1978: 222), другие относят публициста к реформаторскому крылу народничества (Зверев, 2003: 143; Мокшин, 2003: 370). Во всех этих исследованиях, между тем, наследие демократического публициста рассматривается лишь в парадигме принадлежности публициста народническому идейному течению. Между тем, было бы наивно полагать, что народничество не «взаимодействовало» с либеральным течением, не «пропитывалось» им и наоборот. «Партийное» исследование общественно-политической деятельности мыслителя и публициста упрощает и обедняет его «политический портрет». Для многих современников он являлся надпартийным вождем всей демократической интеллигенции пореформенной России. Народничество и либерализм в России имели множество точек соприкосновения, что объясняет появление новой историографической тенденции последних лет – изучение народнически-либерального синтеза, сближения взглядов народников и левых либералов (Арсланов, 2010: 42-59; Арсланов, 2011: 5-22). Исследование демократической платформы и деятельности публициста позволит определить «линии сопряжения» российских либералов и радикалов в едином оппозиционном лагере противников самодержавия, нюансировать саму народническую позицию этого общественного деятеля и мыслителя.

4. Результаты

Демократизм Н.К. Михайловского может быть понят при условии анализа, как его социальной доктрины, так и исследования его общественно-политической деятельности.

Определяющей идеей социальной теории народника является идея личности как цели и движущей силы прогресса. Обоснование суверенности личности, ее прав было для него фундаментом его демократических воззрений. Сама проблематика положения человека в обществе, вопрос о его правах инициировался пореформенной действительностью. Отмена крепостного права 19 февраля 1861 года и последовавшие за ней либеральные реформы 1860–1870-х гг., по мнению Н.К. Михайловского, решительным образом изменили характер социальных отношений в России. Утверждавшийся капитализм с его «культом денег» и бездушной конкуренцией, «борьбой за существование» как принципа жизни порождал социальную аномию. В среде образованного класса, прежде всего интеллигенции, росло разочарование пореформенными реалиями. Власть «хозяев новой жизни», современных российских предпринимателей оборачивалась, по мнению народнического вождя, бесправием людей труда, неравенством и азиатской дикостью.

Для такой анти-буржуазной интерпретации окружающей реальности, безусловно, были социальные основания. Рост капитализма с характерным для него первоначальным накоплением сопровождался расслоением общества, и, прежде всего, разорением крестьянства. Однако антикапиталистический критицизм народников вообще, и Н.К. Михайловского, в частности отличался односторонностью, российские радикалы в азарте социальной критики практически не

замечали созидательных сторон капитализма, его промышленных и социальных успехов. В их понимании капитализм – означал лишь очередное, вслед за крепостничеством, ограбление народных масс. Не случайно, ключевой формулой народнического социализма стал тезис, даже некая идеологическая формула, что «богатство нации есть нищета народа». В этом идейном концепте «нация» противопоставлялась «народу» как совокупности трудящихся масс.

Второй стороной пореформенной эмансипации общества стало рождение «разночинной интеллигенции». Появившийся термин «разночинец» означал межсословную группу, сформировавшуюся из различных общественных слоев – обедневших дворян, купцов, выучившихся крестьян. Без сомнения природа разночинцев имела маргинальный характер. Образ пореформенного интеллигента имел множество синонимов: «умственный пролетариат» (Д.И. Писарев); «люди чести» (Н.К. Михайловский), «новые люди» (Н.Г. Чернышевский), «критически мыслящие личности» (П.Л. Лавров), «отщепенцы» (Н.В. Соколов). Социальное мышление разночинцев складывалось весьма противоречивым образом. С одной стороны, они, вышедшие из народа и «воспитанные за его счет», считали себя обязанными «вернуть долг народу» (П.Л. Лавров), освободить его из-под власти капитала и самодержавия, «снять с креста» (П.Н. Ткачев). С другой стороны, сформировавшись в университетах и усвоив западное интеллектуальное наследие, они опасались неуправляемой и чуждой образованным интеллигентам народной стихии. Разбуженная призывами к революции крестьянская масса пугала интеллигенцию, опасавшуюся «бессмысленного и беспощадного русского бунта», способного уничтожить плоды культуры. Поэтому, не столько благо народа, а вопросы личной свободы для разночинной интеллигенции являлись приоритетными ценностями. Борьба за народ и социальные гарантии крестьянства одновременно становилась и борьбой за освобождение личности, как от «оков» капиталистической эксплуатации, так и власти самодержавия. Социалистические и демократические задачи интеллигенции, таким образом, совпадали, переплетались.

Важным фактором формирования идейной атмосферы времени стала рецепция европейского интеллектуального наследия, ставшим теоретической основой народнического демократизма. Идеи демократизма формулировались посредством критического осмысления «экономического либерализма», отличавшегося отчетливой индивидуалистической направленностью, для которой было характерно абсолютизация автономного «Я» и веры в могущество «невидимой руки рынка». Научное обоснование своего демократического идеала Н.К. Михайловским наиболее ярко выражено в его отношении к «органической теории» Г. Спенсера и социал-дарвинизму.

Мыслитель, осмысливая в своей работе «Что такое прогресс» (1868 г.) популярную в XIX веке «органическую теорию» Г. Спенсера, приходил к убеждению, что общественная эволюция в той исторической форме, как она сложилась при капитализме в Европе дегуманизирует, расщепляет единую сущность человека. Опираясь на «органическую теорию» как учение о социальной системе, он доказывал, что человека нельзя считать просто бездушным ее элементом, как всякую другую социальную институцию или организацию. Личность, по его справедливому мнению, не являясь социологической абстракцией, наделена способностью мыслить, чувствовать, переживать, сострадать. Европейский исторический опыт, весь путь экономического и социального развития Запада закрепощает человека, подчиняя его законам рыночного капитализма. Встраивая человека в производство ради извлечения прибыли, капиталистическая система специализирует человека, делая его служебным средством другой «индивидуальности», стоящей над человеком – цехом, фабрикой, государством.

Г. Спенсер полагал, что развитие специализации и углубление общественного разделения труда является критерием прогресса: каждый должен занимать в обществе зафиксированную разделением труда общественную позицию. Закон общественного прогресса, согласно мнению Спенсера, состоял, таким образом, в углублении специализации между органами, элементами, частями общественного организма. По сути, модель европейского капиталистического прогресса предполагала превращение личности в служебное средство капиталистической системы, встраивание ее в систему в качестве бездумного и специализированного винтика социальной машины. «То, что нормально, законно, справедливо, словом физиологично по отношению к органам, делается несправедливым, словом, патологичным по отношению к неделимому», – писал мыслитель. При этом он ссылаясь на рецензию труда немецкого антрополога Р.Вирхова, принадлежащую, по мнению биографа Е.Е. Колосова, Н.Д. Ножину (Михайловский, 1913: 717).

Представление о прогрессе в среде отечественных позитивистов было иным. Н.К. Михайловский считал, что условием прогресса является ликвидация общественного разделения труда. Личность тем целостней и гармоничней, чем меньше в обществе социальное разделение и сопряженное с ним неравенство. В таком понимании цены прогресса народник стоял весьма близко к идеям К. Маркса, его мысли об «отчуждении» творческих сил личности капиталистическим производством.

По существу, народнический публицист социологически обосновал концепцию переустройства общества на принципах приоритета интересов личности, под которой он понимал человека труда. Так демократический идеал социального раскрепощения личности сопрягался с идеей исторического творчества и проектирования.

Наряду с критикой спенсерианства народник подверг интеллектуальной ревизии социал-дарвинизм. В середине XIX века в общественной мысли запада весьма популярной стала «метафора» Ч. Дарвина о возможности применения принципа «борьбы за существование» в общественной жизни. Адепты дарвинизма, в первую очередь либералы, отождествляли «борьбу за существование» в природе с законом конкуренции, с невидимой силой рынка, очищающего пространство жизни от слабых и несовершенных индивидов. Применение в жизни «метафоры Дарвина», таким образом, служило обоснованию наиболее диких форм отечественного капитализма, перераспределению общественного богатства в руки новых «хозяев жизни».

В статьях 1870-х гг. «Теория Дарвина и общественная наука», «Дарвинизм и оперетки Оффенбаха» и др., когда капитализм достаточно прочно утвердился в России, Михайловский критически переоценил теоретические постулаты социал-дарвинизма. Его критика и аргументация отмечены несомненной оригинальностью. Полемизуя с Клеманс Ройе, одной из последовательниц великого англичанина, народник доказывал, что в ходе эволюции биологических организмов выживают из них отнюдь не совершенные, а приспособившиеся типы. Однако адаптация организма к среде ведет к отрицательным для него последствиям, к атрофии ряда функций организма, в результате чего он утрачивает целостность, становится узкоспециализированным. Кроме того постулирование «права сильного» и принципа «struggle for life» в общественной жизни является аморальным, противоречит нравственным чувствам личности. Н.К. Михайловский был убежден, что наряду с законом «борьбы за существование» действует «закон солидарности», прямо противоположный по своей направленности «борьбе за существование». И в природе (животные), и в обществе (человек) отношения строятся на взаимовыручке и взаимопомощи, сотрудничестве в достижении общих целей. Сам «закон борьбы за существование» теоретически был весьма уязвим, поскольку этим законом не исчерпывается прогрессивная тенденция к развитию организмов. Наряду с ним существует и «закон развития», открытый Бэром, – «закон постепенного и постоянного усложнения и совершенствования организации». В итоге, вывод для социал-дарвинистов, по мнению мыслителя, неутешителен: «метафора Дарвина» ни теоретически, ни нравственно несостоятельна (Михайловский, 1909: 334).

Критическое осмысление западных теорий, стремление научно обосновать демократический идеал привело народнического мыслителя к оригинальной теории «практических и идеальных типов». Михайловский полагал, что в общественной жизни присутствует два типа личностей – практические и идеальные. Практическая личность – та, что в условиях борьбы за существование приспособилась к среде, адаптировалась. Она не отличается высотой идеалов, а ее цель состоит в удовлетворении материальных и узкоэгоистических запросов, ее цель утилитарна и приземлена. Иной тип – идеальная личность, стремящаяся приспособить среду «под себя», изменить жизнь согласно своим стремлениям. Ее жизнь посвящена высоким идеальным стремлениям к достойной жизни, борьбе за общественное благо. В такой направленности «идеального типа» угадывается образ российского интеллигента, смотревшего на жизнь как пространство воплощения своих социальных идеалов, бескомпромиссно воюющего против власти. Показательно, что учение Н.К. Михайловского о типах личности перекликается с концепцией Э. Фромма о модусах человека – «модусах обладания» и «модусах бытия». К тем, кто стремился жить полной жизнью во всем богатстве идеальных устремлений, кто хотел «быть», а не влачить жалкое существование Э. Фромм относил народников (Фромм, 1990: 110).

Демократический идеал Н.К. Михайловского – это гармоничная целостная личность, за благо которой должна бороться интеллигенция. Социальное благо личности, суверенность и неотъемлемость ее прав – таков критерий и цель прогресса для народнического публициста. Идея верховенства и суверенности личности как высшей и абсолютной ценности сближали его взгляды с некоторыми идеями либерализма. Хотя надо оговориться, что народник не принимал многих принципов «экономического либерализма» с его апологетикой безраздельной конкуренции, абсолютизации рынка и индивидуализма. Социологические идеи публициста о ценности человека как цели прогресса, воспринимаемые широкими кругами народнической и либеральной интеллигенции, волей-неволей создавали из него образ национального демократического лидера, что впрочем, проявилось в его общественной деятельности.

Принципиально важным вопросом изучения наследия публициста – это оценка им перспектив революции в России. Размышления на эту тему пронизывают переписку Михайловского с Петром Лавровым, лидером народнического пропагандизма. В своих письмах П.Л. Лаврову в 1873 г. он определенно заявляет об отказе участвовать в непосредственном революционном деле. «Я не революционер, всякому своё. Борьба со старыми богами меня не занимает (*т.е. с самодержавием* – авторы), потому что их песня спета, падение их дело времени. Новые боги гораздо опаснее и, в этом смысле, хуже. Смотри так на дело, я могу до известной степени быть в дружбе со старыми богами (*надеяться на сотрудничество с самодержавием в вопросе предотвращения капитализма* – авторы)...» (Михайловский, 1913: 65).

Очевиден скепсис народника как в отношении перспектив революции, так создания радикально-социалистической оппозиции. В этом вопросе позиция Михайловского решительно расходилась с мнением русских бланкистов, сторонниками П.Н. Ткачева, призывавших к

непосредственному революционному действию. «Скажите же мне ваше повелительное наклонение не в теоретической области, а в практической. В ожидании я вам скажу своё: сидите смиренно и готовьтесь. Другого я не знаю, другого, по-моему, русский социалист теперь не может иметь. Никакой радикально-социалистической оппозиции в России нет, ее надо воспитывать» (Михайловский, 1913: 65).

Главной проблемой социалистической оппозиции в России он считал оторванность интеллигенции от народа. «Молодежь должна его встретить (*момент действия* – авторы) в будущем не с Молешоттом на устах и не с игрушечными коммунарами, а с действительным знанием русского народа...» (Михайловский, 1913: 65).

Н.К. Михайловского, очевидно, трудно отнести к романтикам революции. Исследование им форм народной жизни, наблюдение над акциями радикальной молодежи убеждало лишь в главном – в политической пассивности крестьянства, в глубинном расхождении народных представлений и идеалов социалистической молодежи.

Отвечая публицистам умеренной газеты «Неделя», преклонявшимся перед идеалами народной жизни, публицист отмечал: «Если народ, в самом деле, всегда, везде во всех своих действиях, чувствах и помышлениях так хорош, то, значит века бесправия, рабства и нищеты прошли для него даром, не наложив на него и пятна порока, а, чего доброго, даже способствовали его улучшению. Тогда из-за чего хлопотать и биться? Из-за чего жить на этом свете, где рабство людей не портит?» (Михайловский, 1913: 66).

Публицистически – злободневно звучали строчки в публицистическом цикле – «Записки профана» (1875 г.). Народник не исключал, что высвобожденная революционной агитацией народная стихия обрушится и на саму интеллигенцию, претендовавшую на нравственное и политическое руководство народом. «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, я не покорюсь и людям деревни; я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки. И если бы даже меня осенил дух величайшей кротости и самоотвержения, я все-таки сказал бы: прости им, Боже истинный и справедливый, они не знают, что творят» (Михайловский, 1911: 420).

Угроза революционного максимализма, страх перед «русским бунтом» диктовали Н.К. Михайловскому смену тактики, перенос ее акцентов на необходимость борьбы за политические свободы, о чем наглядно свидетельствует его разочарование практикой «хождения в народ». Э.С. Виленская, одна из авторитетных исследовательниц народничества, напротив, считала публициста сторонником этой деятельности (Виленская, 1978: 255). Однако обращение к воспоминаниям А.И. Иванчина-Писарева, товарища и участника «хождения в народ», позволяют усомниться в таком мнении.

В доверительной беседе с ним публицист посоветовал прекратить работу в деревне. «Вы работали, – сказал Михайловский, – при самых благоприятных условиях... Людям вашего типа, умеющим отказываться от земных благ, давно пора подумать о политической борьбе... Ведь только она может повести к созданию обстановки, благоприятной для всякой культурной работы в деревне и для свободного проявления крестьянских идеалов... Без «конституции» нельзя обойтись в России, и бояться ее, ввиду возможного развития буржуазии, значит, не понимать политических требований времени. Бросьте ваше паломничество в деревню и займитесь организацией политической борьбы... Давайте вместе работать!» (Иванчин-Писарев, 1929: 103) Как видно из фраз Михайловского, он считал «хождение в народ» не только бесполезной тратой сил, но не верил в организацию крестьянских сил. После этого весьма знаменательного разговора А.И. Иванчин-Писарев занялся организацией газеты для пропаганды идеи политической борьбы.

Призыв публициста к политической борьбе отчетливо звучит в «Летучем листке», прокламации народовольцев, где он предупреждает власть о последствиях отказа от введения Конституции. Результатом игнорирования политических требований оппозиции может стать, по мнению публициста, создание Тайного комитета общественной безопасности. Поводом к написанию «Летучего листка» стало оправдание присяжными Веры Засулич, которая 5 февраля 1878 года стреляла в градоначальника Петербурга Ф.Ф. Трепова.

Выход из ситуации Михайловский связывает с введением конституции. «Принцип этот называется: конституция, земский собор.<...> Исторического движения задержать нельзя. Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории!... Решительные минуты создают решительных людей» (Революционная журналистика: 66).

Очевидно то, что новые политические акценты в публицистике мыслителя свидетельствовали о фундаментальной эволюции его народнической доктрины от ее классической формы, с присущими ей аполитизмом и надеждами на «реформы сверху», в направлении либерального демократизма. Михайловский, разуверившись в реформаторском потенциале правительства и в его способности воспрепятствовать развитию капитализма в начале 1870-х гг., пришел к выводу о необходимости политической борьбы с самодержавием.

В этой связи вполне объясним призыв мыслителя к объединению радикалов с либералами. «Союз с либералами тоже не страшен, если вы вступите в него честно и без лицемерия объявите им свой святой девиз «Земля и воля». Они к вам пристанут, а не вы к ним...» (Михайловский, 1913: 35).

В сущности, такая позиция свидетельствует о буржуазном радикализме Михайловского, сам лозунг – «Земля и воля!» не содержит ничего социалистического. По мнению публициста, союз радикальной интеллигенции и российских либералов обусловлен общностью целей и условиями политической деятельности: и тем, и другим нужна свобода и конституция. «Я убежден, что словами «Земля и воля» исчерпывается для нашей интеллигенции единственно – возможная программа, и что вне ее интеллигенция осуждена на роль вечного политического недоноска» (Михайловский, 1913: 37).

Такая идейная платформа, безусловно, расходилась с классическим народничеством, адепты которого стояли за социальное освобождение личности, отрицая при том необходимость формальных, политических свобод. В отличие от народников 1870-х гг. Н.К. Михайловский связывал социальное освобождение народа с установлением политических свобод и конституции. Фактически он становится первым народническим теоретиком, для которого были приоритетны не социалистические, а демократические цели. Это смещение акцентов в народнической доктрине мыслителя, видимо, вызывалось как социальной апатией крестьянства, так и потребностью в поиске новых союзников в лице либералов. К последним, как известно, народники-социалисты всегда относились с недоверием.

В этой связи трудно не согласиться с мнением В.А. Твардовской, которая в своей блестящей работе отмечала: «Новая постановка вопроса о политической борьбе, естественно вызвала и новый взгляд на либералов» (Твардовская, 1968: 176).

Призыв публициста в консолидации оппозиционных сил, к союзу с «людьми мирного прогресса» естественно ставит законный вопрос о роли самого Михайловского в народовольчестве, о его отношениях с партией «Народная воля». Начало дискуссии по этой проблеме положил биограф публициста, эсер Евгений Колосов (Дм. Кузьмин), опубликовавший в 1930 г. книгу «Народовольческая журналистика» под псевдонимом – «Дм. Кузьмин». Время издания работы Кузьмина было весьма показательным, поскольку советские историки все свои усилия направили на историческую легитимацию октябрьской революции; на страницах партийной печати оживленно обсуждалась тема предшественников большевизма. Само собой разумеется, многие историки даже немарксистского плана, каким был Д. Кузьмин, старались увидеть в своих изучаемых персонажах, прежде всего, революционеров. Без сомнения, это «приписывание революционности» имело характер некой реабилитации народничества, которое обвинялось официальной марксистской историографией в мелкобуржуазности, и даже – реакционности. Центральным тезисом Кузьмина (Колосова) являлось утверждение, что Михайловский был идеологом «Народной воли». «Михайловский был не только публицистом, но точно также и одним из редакторов, стало быть, и руководителей «Народной воли» (Кузьмин, 1930: 65).

Ссылаясь на свидетельства А. Иванчина-Писарева, Д. Кузьмин заключил: «Он (т.е. Михайловский – авторы) даже выработал целый план систематического использования с революционными целями легальных журналов. Это должно было достигаться путем введения во все тогдашние крупные радикальные органы печати своих людей». Так, Л. Тихомиров писал в журнале «Дело», а Кибальчич в – «Слове». «Что касается Михайловского, то сам он в «Деле» не писал..., но не только внимательно следил за деятельностью Тихомирова в этом журнале, но даже фактически руководил им» (Кузьмин, 1930: 19).

С решительным неприятием точки зрения Е. Колосова-Кузьмина выступила один из лидеров партии, Вера Николаевна Фигнер, написавшая послесловие к «Народовольческой журналистике». Оценивая мотивы Колосова-Кузьмина, она задалась вопросом о том, что «отрицательное отношение к Тихомирову, проводимое систематически в труде Кузьмина, не представляет ли примера того порядка явлений, что если человек пал политически или морально, то для него нет справедливости, и надо отнять у него все заслуги»? (Фигнер, 1930: 254).

Оспаривая идейную роль публициста в «Народной воле», она подчеркивала, что Н.К. Михайловский «стоял вне ее внутренней и конспиративной жизни», а его взгляды никак не коррелировались с программой партии (Фигнер, 1930: 263). По ее мнению, «Он (Михайловский – В.Б.) шел рядом с ней (Народной волей – авторы) но на более умеренной почве (home stead law либералов), можно, сказать даже, отставая от нее, но никак уж не впереди и не в качестве «руководителя движения» (Фигнер, 1930: 269).

Заявление В.Н. Фигнер вызвало решительное несогласие со стороны ветеранов народовольчества. В 1931 г. на заседании ленинградского отделения Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев они выступили с единодушной критикой в ее адрес. С основным докладом на заседании отделения выступил Н.Я. Быховский, подчеркнувший, что «идеологическое влияние Михайловского на программу и тактику «Н.В.» бесспорно. Его теория роли личности в истории, героев и толпы, силы подражания, массовых движений – все это нашло свое действительное воплощение в народовольчестве... Самая тесная связь между идеологией Михайловского и идеологией и действительностью «Н.В.» очевидна для всякого, знакомого с той эпохой. И в этом отношении заслуживает

Кузьмина является напоминание об этом обстоятельстве в наши дни, когда многими это забывается...» (РГАЛИ. Ф.280. Оп.1. Д.19. Л.4).

Автор вопреки мнению В.Н. Фигнер, подчеркивал близость идейных позиций Михайловского партии, отмечал его помощь в редактировании газеты «Народная Воля»: «Точно установлено также, что Исполнительный комитет «Н.В.» пригласил Михайловского сначала в качестве сотрудника, а затем и в качестве одного из редакторов «Н.В.»» (РГАЛИ. Ф.280. Оп.1. Д.19. Л.4об.).

В схожей тональности выступила и А.П. Прибылева-Корба, член ИК «Народной воли». По ее мнению, «Кузьмин, конечно, преувеличил роль Михайловского в «Н.В.», руководствуясь bona fide заранее взятой целью умалить значение Тихомирова, ставшего потом ренегатом. Сам Михайловский на такую роль никогда не претендовал. А В.Н. Фигнер в полемике с Кузьминым лишила Михайловского даже и заслуг, которые у него, несомненно, имеются и будут признаны за ним историей, как неоспоримые (выделено нами – авторы). Между тем истории не нужны ни чрезмерные похвалы, ни заслуженные развенчания. Истории нужна только истина» (РГАЛИ. Ф.280. Оп.1. Д.19. Л.10). Тема дискуссии была настолько остра и злободневна, что нужным высказаться сочли многие. Послесловие Фигнер единодушно расценивалось как необъективное и искажающее истину.

О роли Михайловского в народолюбстве красноречиво говорят и обстоятельства подготовки Письма Исполнительного Комитета Народной Воли Александру III. Имеются веские основания полагать, что публицист 1 марта 1881 г. редактировал его проект (Богучарский, 1906: 38).

Историк В.Я. Богучарский, ссылаясь на сообщение неназванного лица из ИК НВ и приводит весьма ценные сведения: «Не протестуя против террора, как одного из средств политической борьбы, Николай Константинович всегда требовал, чтобы революционеры давали террористическим актам надлежащее объяснение, способное вызвать в обществе, если не симпатию, то, во всяком случае, истинное понимание его широких мотивов. В особенности он требовал этого по отношению к посягательствам на жизнь Александра II» (Письмо Исполнительного комитета, 1906: 39).

Очевидно, что Михайловский, хотя и не был членом партии, старался обелить ее в глазах общественности, разрушить складывающийся в обществе образ народолюбцев как террористов.

«Естественно явилась потребность в ярком освещении этого крупного события, и письмо к Александру III было признано наиболее подходящей формой, исключающей всякую мысль о революционерах, как о простых убийцах» (Письмо Исполнительного комитета, 1906: 39). В письме достаточно емко заявлена политическая позиция публициста, подчеркивающая закономерность террора. По его мнению, она вызывалась внутренней политикой правительства, защищавшего интересы крепостников, дворянства. «Императорское правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников <...> Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Цареубийство в России очень популярно» (Письмо Исполнительного комитета, 1906: 39). В этой связи трудно не согласиться с В.А. Твардовской в том, что: «Нельзя обратить внимания на то, что это единственный случай редактирования Михайловским программного документа партии... Для документов подобного рода, каким было письмо к царю революционеров, только что совершивших смертный приговор над его отцом и теперь предъявляющих свои требования, – вопросы тона, формы приобретали особое, можно сказать, самостоятельное значение. От них в огромной степени зависело само идейное воздействие на общество, как в России, так и за границей» (Твардовская, 1968: 188)

Нет сомнения в том, что Михайловский, редактируя документы партии, придавая им литературную убедительность, не только популяризировал деятельность революционеров, но нравственно их оправдывал. Анализ проблемы не оставляет сомнений в идейной близости публициста программе «Народной воли». Не будучи сторонником террора, он активно пропагандировал методы борьбы за политические свободы. Во многом, благодаря его усилиям эта идея «привилась в народничестве», заняв место отжившего народнического аполитизма. В этом смысле уместно даже говорить, что народник явился теоретическим предтечей неонародничества. В определенной мере это справедливо и в отношении таких популярных и ключевых идей и концепций, как учения о роли личности в истории, теории «героев и толпы», формулы прогресса, субъективного метода, принципа суверенности человеческой личности. Конечно, он не был членом партии, не был близок ее организационной структуре, но идейно-литературное влияние Н.К. Михайловского было огромным.

Хотя нелегальное сотрудничество Н.К. Михайловского с партией «Народная воля» не была известна правительству, но за свою литературную деятельность в качестве редактора «Отечественных записок» он все же поплатился. В 1882 году он был выслан в Любань, что, впрочем, не мешало ему заниматься литературно-публицистической деятельностью. В 1884 году правительство Александра III закрывает журнал за антиправительственную деятельность, и народнический публицист был вынужден искать новое литературное пристанище, которым стал издаваемый А.М. Евреиновой журнал «Северный вестник». Идеино-художественная концепция журнала существенно расходилась с литературным народничеством. Евреинова считала, что журнал должен быть вне политики, независимым, и акценты ставила на просветительской и научно-популярной деятельности, весьма далекой от политической борьбы. Так, журнал едва ли не первым в России стал публиковать

материалы о различных сектах, религиозных течениях неправославного характера, мистериях и культах Древнего Востока, явившись площадкой для популяризации адогматических учений. Хотя авторы журнала поднимали темы духовных основ жизни, однако, их трактовки были весьма далеки от официального православия.

Как редактор и издатель А. Евреинова вела дела неумело, прибыльность журнала оставляла желать лучшего, тиражи падали. В этих условиях Михайловский попытался придать журналу привычное направление, взявшись за формирование народнически-литературной команды, в которую пригласил ближайших друзей – Сергея Николаевича Кривенко («Сереженьку»), «очаровательную профессоршу» Екатерину Павловну Леткову. Однако журнал так и не стал «своим», поскольку редактировать его взялась Любовь Яковлевна Гуревич, впоследствии ставшей его собственником. Литературную политику при ней осуществлял мало тогда известный, но крайне амбициозный и скандальный критик и публицист Аким Львович Волинский. «Он (Н.К. Михайловский – авторы) вскоре разошелся с журналом, где приобретал все большее значение и влияние Флекснер-Волинский, тогда уже питавший неприязнь к Николаю Константиновичу, разросшуюся вскоре в ненависть» (Николенко-Гильченко, 1913: 9).

Главная причина взаимной неприязни двух литературных талантов – Н.К. Михайловского и А.Л. Волинского состояла в различном отношении к «наследию 1860-х гг.», к критикам-материалистам – Н.Г. Чернышевскому, Н.А. Добролюбову, Д.И. Писареву, смотревших на литературу и литературную критику как на орудие «идейной борьбы» за осуществление своих социально-политических идеалов. Защита народником «литературного утилитаризма» сталкивалась с позицией Акима Волинского, проповедника «чистого искусства». «Михайловский пишет и о малых, и о великих талантах, обо всем, что делается в текущей литературе, но его расценка талантов производится по тому же «субъективному методу», т.е. согласно с требованиями политической передовитости «Отечественных записок». Так именно оценил он мощную работу Толстого, которая, конечно, не может уложиться в прокрустово ложе либеральной программы... Так именно оценил он и Достоевского...», - писал о Михайловском А. Волинский в скандальной «Книге Великого гнева» (Волинский, 1903: 139). Впрочем, Михайловский продолжал активно отстаивать «линию Чернышевского».

Девяностые годы были отмечены новым ростом общественной активности: упрочились земства, росло студенческое движение. Несомненно, новый импульс оживлению оппозиции придало развитие рабочего движения, вносившего в нее известную долю радикализма. Никто уже не мог не учитывать этой новой реальности, идеологическим оформлением которой станет в 1890-е годы распространение марксизма. Наступление нового десятилетия было отмечено для мыслителя очередной высылкой, связанной со смертью народника Николая Васильевича Шелгунова в 1891 году. Похороны Н.В. Шелгунова вылились в очередную политическую демонстрацию, устроенную студенческой молодежью. Яркая речь Михайловского стала удобным поводом выслать его в Любань. В это же время он пытался завязать сотрудничество с «Группой народолюбцев», пытавшихся возродить традиции «Народной воли», для которой он пишет прокламацию «Свободное слово», апеллируя к идее утверждения парламентаризма: «Генерал-губернаторы, министры и губернаторы привели Россию к самому краю пропасти. Пора призвать других людей. Только созыв выборных представителей земли и свободное обсуждение настоящего положения рассеют вялость и недоверие общества, сделают ненужными развращающие лотереи, вызовут энтузиазм самоотвержения, который всегда спасал Россию» (Михайловский, 1913: 71).

Публикация прокламации вызвала решительную критику со стороны радикальных членов «Группы народолюбцев» и публицист был обвинен в «ереси либерализма». Для рядовых членов группы, В.М. Чернова и Ю. Александрова была предельно ясна либеральная позиция Михайловского. Будучи горячим приверженцем социализма в России, он стремился к политической силе более умеренного, реформаторского характера (Александров, 1906: 55). Н.К. Михайловский чутко ощущал общественные настроения. Начало 1890-х годов демонстрировало несомненные успехи модернизации страны: наблюдался общественный подъем, «жизнь рвалась вперед и не находила естественного выхода в отживших порядках... Возродилась надежда на улучшение законов о печати, чтоб дать простор духовной жизни народа, свободе совести, мысли и слова» (Цензура в России, 2003: 244).

В этих условиях публицист активно отстаивал свободу печати, требовал снятия цензурного контроля. Надежды на цензурные послабления питались началом нового царствования Николая II. В это время демократическая и либеральная пресса, «прогрессивные» оппозиционные литераторы уже стали весомой общественной силой, влияющей на общественные настроения. Либерал Г.К. Градовский вспоминал: «В девяностых годах к концу века возродились общие литературные обеды. С новой силой сказалась потребность в единении, в создании общих интересов литературы и печати, в совместной защите их. Собрания эти именовались «обедами сотрудников»... Требовалась литературная чистота и бесспорная принадлежность к прогрессивным направлениям. Современные Булгарины, переметчики не приглашались в эту среду» (Цензура в России, 2003: 245).

Н.К. Михайловский оказался в эпицентре легальной оппозиционной деятельности. От имени писателей ему было поручено сочинить прошение о пересмотре законов о печати. Текст прошения удовлетворял интересам всех оппозиционных течений и большинства писателей. По существу, в

подготовке этой акции публицист выступил в роли национального оппозиционного лидера, идейного вождя как либеральной, так и народнической оппозиции. Эти два лагеря российской интеллигенции были объединены общностью исторических задач – утверждения в России основ гражданственности и права. По сообщению Г.К. Градовского, инициаторы кампании собрали не менее 80-ти подписей только в Петербурге ([Цензура в России, 2003: 250-251](#)).

В 1890-е гг. публицист активно сотрудничал с партией «Народное право», став, по сути, ее идеологом. Центр партии находился в Орле. Хотя Михайловский не состоял членом организации, но идейно был близок ей. Как и в случае с «Народной волей», он принял деятельное участие в редактировании программных документов, имевших отчетливый полу-либеральный, полу-народнический характер. Борьба за политические свободы, неприятие самодержавной системы, требование социальной справедливости – все это порождало своеобразный народнически-либеральный идейный синтез. Либерализм и народничество сходились в одном важном пункте – требовании демократического обновления страны. Публицист отчетливо понимал, что без решения демократических задач бессмысленно говорить о перспективах социализма в России, а логика политического противостояния с властью выводила публициста на роль ведущего лидера демократического движения в России.

5. Заключение

Анализ социально-политической доктрины Н.К. Михайловского и его общественно-литературной деятельности позволяет сделать ряд выводов. Идейной предпосылкой демократической доктрины народнического мыслителя является учение мыслителя о социальном благе личности как цели и критерии прогресса, разработанное в комплексе социологических работ – «Что такое прогресс», «Борьба за индивидуальность» и политической публицистике 1860–1890-х гг.

Социально-политический идеал мыслитель сформулировал на основе теоретического переосмысления идейного наследия спенсерианства и социал-дарвинизма. Социалистический характер доктрины Михайловского был обусловлен неприятием первоначальной формы капитализма, на путь которого вступила пореформенная Россия. Теория «практических и идеальных личностей», созданная мыслителем теоретически санкционировала борьбу интеллигенции против власти.

В своей практической общественной деятельности Н.К. Михайловский не верил в возможность революции в 1870-е гг., был в значительной мере разочарован итогами «хождения в народ» в 1874 г. В отличие от многих теоретиков народничества, например П.Л. Лаврова, он реалистично смотрел на взаимоотношения интеллигенции и народа, справедливо считая, что интеллигенция культурно отдалена от народа, не понимает его. Осознание социальной пассивности крестьянства приводило публициста к пониманию творческой роли революционного меньшинства (интеллигенции), которая может быть успешной лишь при условии демократических свобод. Этим обстоятельством мотивировался призыв Н.К. Михайловского бороться за конституцию. Объективно такие требования публициста сближали его с политической платформой пореформенных либералов. Провозгласив борьбу за «землю и волю» и гражданские свободы Н.К. Михайловский по существу модифицировал классическую народническую доктрину, отрицавшую необходимость политической борьбы.

Не будучи прямым участником революционного движения, публицист оказал заметное идейное влияние на программу партии «Народная воля», непосредственно редактировал ее важнейшие документы. Отстаивание и защита народником своей центральной идеи о суверенности прав личности, необходимости политических свобод объективно способствовали сближению народнических и леволиберальных идей в пореформенной России, что в определенной мере выводило народнического публициста в разряд лидеров демократического движения. Не случайно, такие представители редакции журнала «Русское богатство», возглавляемого до 1904 г. Н.К. Михайловским, как А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, «легальные народники» войдут в руководство Народно-трудовой социалистической партии России, стремившейся к соединению идеалов свободы и справедливости.

Литература

- [Александров, 1906](#) – Александров М. Группа народолюбцев (1891-1894 гг.) // *Былое*. 1906. №11. С.50-57.
- [Аптекман, 1907](#) – Аптекман О. Партия «Народного права» (По личным воспоминаниям) // *Былое*. 1907. №10. С.175-186.
- [Арсланов, 2011](#) – Арсланов Р.А. Становление и эволюция реформаторского демократизма в России конца XIX – начала XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2011. №2. С.5-22.
- [Арсланов, 2010](#) – Арсланов Р.А. Реформаторский демократизм в концепции В.А. Гольцева // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2010. №1. С. 42-59
- [Бердяев, 1901](#) – Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901.
- [Богучарский, 1906](#) – Богучарский В.Я. Событие 1 марта и Николай Константинович Михайловский. // *Былое*. 1906. №3. С.38-41

- Виленская, 1978** – *Виленская Э.С.* Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х-начале 80-х годов XIX века. М., 1979.
- Волынский, 1903** – *Волынский А.Л.* «Книга великого гнева». Критические статьи. Заметки. Poleмика. СПб. 1903.
- Зверев, 2003** – *Зверев В.В.* Народники в истории России. М., 2003.
- Иванов-Разумник, 1923** – *Иванов-Разумник Р.В.* Русская литература от семидесятых годов до наших дней. Берлин. 1923.
- Иванчин-Писарев, 1929** – *Иванчин-Писарев А.И.* Хождение в народ. Воспоминания. М.-Л., 1929.
- Колосов, 1913** – *Колосов Е.Е.* Бакунин и Михайловский в старом народничестве // *Голос минувшего*. 1913. №5. С.61-89.
- Кузьмин, 1930** – *Кузьмин Дм.* Народовольческая журналистика. С послесловием В.Н. Фигнер. М., 1930.
- Михайловский, 1909-1913** – *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. Изд. 2. СПб., 1909-1913. ТТ. I-X.
- Мокшин, 2003** – *Мокшин Г.Н.* Реформаторское народничество и проблема самоидентификации российской интеллигенции.// Исторические исследования. Семь лет спустя. М., 2003. С.363-289
- Николенко-Гильченко, 1913** – *Николенко-Гильченко В.А.* Воспоминания о Михайловском. // Заветы. 1913. №1. С.1-50.
- Письмо Исполнительного комитета, 1906** – Письмо Исполнительного комитета к Александру III // *Былое*. 1906. №3. С.33-38.
- Ранский, 1901** – *Ранский Н.С.* Социология Н.К.Михайловского. СПб., 1901. С.33-38.
- РГАЛИ** – Российский государственный архив литературы и искусства
- Революционная журналистика, б/г** – *Революционная журналистика семидесятых годов.* / под. ред. В. Богучарского. Ростов на Дону. б/г
- Русанов, 1907**– *Русанов Н.С.* «Политика» Н.К. Михайловского // *Былое*. 1907. №7. С.124-133
- Твардовская, 1968** – *Твардовская В.А.* Н.К.Михайловский и «Народная воля»// *Исторические записки*. 1968. Т.82. С.163-203.
- Фигнер, 1930** – *Фигнер В.Н.* По поводу исследовательской работы Дм.Кузьмина «Народовольческая журналистика». М., 1930.
- Фромм, 1990** – *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.
- Цензура в России, 2003** – *Цензура в России в конце XIX – начала XX века.* Сборник воспоминаний. СПб., 2003.

References

- Aleksandrov, 1906** – *Aleksandrov M.* (1906). Gruppy narodovol'cev (1891-1894 gg.) [Party group of "Narodnaya Volya"]. *Byloe*. №11. [in Russian]
- Aptekman, 1907** – *Aptekman O.* (1907). Partiya «Narodnogo prava» (Po lichnym vospominaniyam) [Party of "People's rights"]. *Byloe*. №10. pp.175-186. [in Russian]
- Arslanov, 2011** – *Arslanov R.A.* (2011). Stanovlenie i evolyuciya reformatorskogo demokratizma v Rossii konca XIX – nachala XX v. [Formation and evolution of the reformist democracy in Russia in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. №2. pp.5-22 [in Russian]
- Arslanov, 2010** – *Arslanov R.A.* (2010). Reformatorskij demokratizm v koncepcii V.A. Gol'ceva [The reformist democracy in the concept of V. A. Goltsev]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. №1. pp.42-59 [in Russian]
- Berdyaev, 1901** – *Berdyaev N.A.* (1901). Sub"ektivizm i individualizm v obshchestvennoj filosofii [Subjectivism and individualism in social philosophy]. SPb. [in Russian]
- Bogucharskij, 1906** – *Bogucharskij V.Y.* (1906). Sobytie 1 marta i Nikolaj Konstantinovich Mihajlovskij [The event on March 1 and Nikolay Konstantinovich Mikhaylovsky]. *Byloe*. №3. pp.38-41 [in Russian]
- Vilenskaya, 1979** – *Vilenskaya E.S.* (1979). N.K. Mihajlovskij i ego idejnaya rol' v narodnicheskom dvizhenii 70-h-nachale 80-h godov XIX veka [N.K. Mikhaylovsky and his ideological role in the populist movement of the 70's-early 80-ies of the XIX century]. М. [in Russian]
- Volynskij, 1903** – *Volynskij A.L.* (1903). «Kniga velikogo gneva». Kriticheskie stat'i. Zаметki. Poleмика [Volynsky, A. L. "the Book of great wrath". Critical articles. Notes. Controversy]. SPb. [in Russian]
- Zverev, 2003** – *Zverev V.V.* (2003). Narodniki v istorii Rossii [Populists in the history of Russia]. М. [in Russian]
- Ivanov-Razumnik, 1923** – *Ivanov-Razumnik R.V.* (1923). Russkaya literatura ot semidesyatyh godov do nashih dnei [Russian literature from the seventies to the present day]. Berlin. [in Russian]
- Ivanchin-Pisarev, 1929** – *Ivanchin-Pisarev A.I.* (1929). Hozhdenie v narod. Vospominaniya [Among the people. Memories]. М.-Л. [in Russian]
- Kolosov, 1913** – *Kolosov E.E.* (1913). Bakunin i Mihajlovskij v starom narodnichestve [Bakunin and Mihajlovski in the old populism]. *Golos minuvshego*. №5. [in Russian]

- Kuz'min, 1930** – *Kuz'min Dm.* (1930). Narodovol'cheskaya zhurnalistika. S poslesloviem V.N. Figner [The journalism of the party "Narodnaya Volya". With an afterword by V. N. Figner]. M. [in Russian]
- Mihajlovskij, 1909-1913** – *Mihajlovskij N.K.* (1909-1913). Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Izd. 2. SPb. TT. I-X [in Russian]
- Mokshin, 2003** – *Mokshin G.N.* (2003). Reformatorskoe narodничество i problema samoidentifikacii rossijskoj intelligencii. // Istoricheskie issledovaniya. Sem' let spustya [Reformist populism and the problem of self-identification of the Russian intelligentsia. // Historical research. Seven years later]. M. [in Russian]
- Nikolenko-Gil'chenko, 1913** – *Nikolenko-Gil'chenko V.A.* (1913). Vospominaniya o Mihajlovskom [Memories of Mihajlovsky]. *Zavety*. №1. pp.1-50. [in Russian]
- Pis'mo Iсполnitel'nogo komiteta, 1906** – Pis'mo Iсполnitel'nogo komiteta k Aleksandru III [A letter to the Executive Committee to Alexander III]. *Byloe*. 1906. №3 [in Russian]
- Ranskij, 1901** – *Ranskij N.S.* (1901). Sociologiya N.K. Mihajlovskogo [Sociology of N.K. Mikhailovsky]. SPb. [in Russian]
- RGALI** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art] [in Russian]
- Revolucionnaya zhurnalistika, b.g.** – Revolucionnaya zhurnalistika semidesyatyh godov [Revolutionary journalism of the seventies]. pod. red. V. Bogucharskogo. Rostov na Donu. b/g. [in Russian]
- Rusanov, 1907** – *Rusanov N.S.* (1907). «Politika» N.K. Mihajlovskogo ["Politics" N.K. Mikhailovsky]. *Byloe*. №7. [in Russian]
- Tvardovskaya, 1968** – *Tvardovskaya V.A.* (1968). N.K. Mihajlovski i «Narodnaya volya» [N.K. Mikhailovsky and "Narodnaya Volya"]. *Istoricheskie zapiski*. T.82. pp.163-203. [in Russian]
- Figner, 1930** – *Figner V.N.* (1930). Po povodu issledovatel'skoj raboty Dm. Kuz'mina «Narodovol'cheskaya zhurnalistika» [Concerning the research work of Dm. Kuzmin «Journalism of party Narodnaya volya»]. M. [in Russian]
- Fromm, 1990** – *Fromm E.H.* (1990). Imet' ili byt'? [To have or to be?]. M. [in Russian]
- Cenzura v Rossii, 2003** – Cenzura v Rossii v konce XIX – nachala XX veka. Sbornik vospominanij [Censorship in Russia in the late XIX - early XX century. Collection of memories]. SPb., 2003. [in Russian]

УДК 93(471)

Н.К. Михайловский и демократическое движение в России во второй половине XIX века: политическая доктрина и деятельность (к 175-летию со дня рождения)

Владимир Владимирович Блохин^{а, *}, Евгений Алексеевич Соловьев^а

^а Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы социально-политическая концепция и общественная деятельность Николая Константиновича Михайловского, теоретика реформаторского народничества, редактора журналов – «Отечественные записки» и «Русского богатства», социолога и литературного критика. Авторы на основании социологического наследия и легальной публицистики доказывают, что Н.К. Михайловский являлся общенациональным лидером демократической интеллигенции, поскольку его программа реформаторского народничества была идейно близка либеральным представлениями о верховенстве человека и ценности политических свобод. В статье показано, что борьба за политические свободы и конституцию были приоритетны для Михайловского, в то время как социалистические аспекты его доктрины отступают на второй план. На основании неизвестных архивных материалов (Фонда Е.П. Летковой-Султановой) авторы доказывают существенную роль Н.К. Михайловского в формировании идеологии партии «Народная воля». Сближение народнического мыслителя с либеральным оппозиционным движением проявилось в факте его сотрудничества с партией «Народного права» и участиях в акциях по защите свободы слова в начале 1900-х гг.

Ключевые слова: народничество, либерализм, демократизм, пореформенная Россия, революция, интеллигенция, конституция, прогресс.

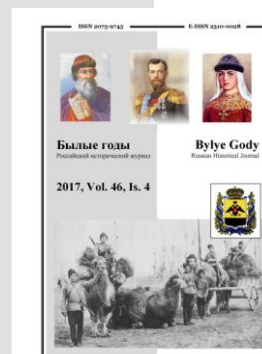
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: blohin.vladimir.1960@mail.ru (В.В. Блохин)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1454-1467, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1454
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

Night as a Special Dimension of Human Life in the Cultural Life of the Russian Provincial Town in terms of the Historical end of the late 19th – early 20th century

Evgeniia N. Menshikova ^{a,*}, Mikhail Y. Semenov ^a, Konstantin V. Kozlov ^a, Evgenii V. Dvoretzkiy ^a

^a Belgorod National Research University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the study of the cultural specificity of the night as a special dimension of the human life of residents of a number of Russian provincial towns in the late 19th – early 20th centuries. The study of the history of the cultural life of various Russian cities at the turn of the century has deep roots in the Russian historical science. The appeal to the study of the history of the cultural life of a Russian provincial town at night as a separate research problem is non-traditional and under-researched segment. The article goes on the characteristics the night as a special type of social and time-and-space organization of the town life. In the course of solving these problems, the question is whether the night becomes an independent socio-cultural phenomenon in the life of Russian provincial towns in the late 19th and early 20th centuries; whether there was a legislative "rationing" of the night; who and how formed the cultural and historical space of the night in the Russian province; whether there existed any material and technical conditions for singling out the nightlife into a separate segment of the social reality in Russia of a provincial town.

Keywords: «night», cultural life, city, Russian province, late XIX – early XX century.

1. Введение

В современной мировой исторической науке оформился устойчивый интерес к различным проявлениям человеческого (как феномена), порожденный развитием идей в духе «Школы Анналов». Одним из наиболее зримых результатов развития этого направления стало оформление многообразных исторических методологий, позволяющих измерить «человеческое» в различных исторических проявлениях (например, «человек в кругу семьи», «человек в мире чувств», «история идей», «история ментальностей», «история детства», «история старости» и т.д.). В русле этого процесса в отечественной исторической науке также наблюдается тенденция к антропологизации; происходит адаптация западноевропейских методологий и их применение в процессе анализа отечественных исторических источников.

На фоне устойчивого интереса в мировой исторической науке к «человеческому» в прошлом одним из таких нетрадиционных «человеческих сюжетов» в истории является исследование проблемы существования человека в ночное время. Следует сказать, что в западной научной традиции с недавнего времени сформировалось междисциплинарное исследовательское направление – «история ночи», разработкой которого занимаются, соответственно, историки ночи (Кабантус, 2008; *Verlust der Nacht*, 2013; *Urban culture*, 2001: 245).

* Corresponding author

E-mail addresses: menshikova@bsu.edu.ru (E.N. Menshikova), semenov@bsu.edu.ru (M.Y. Semenov), kozlov@bsu.edu.ru (K.V. Kozlov)

2. Материалы и методы

2.1. Для исследования были привлечены различные исторические источники, хранящиеся в фондах Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), запечатлевшие события «ночной» культурной жизни русской провинции – городов, расположенных в Центрально-черноземных губерниях Российской Империи (Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской). А именно: законодательные и нормативные документы – гражданские законы, постановления, указы, определения и распоряжения Синода; делопроизводственные материалы уездных земских собраний и общественных некоммерческих организаций; материалы периодической печати.

2.2. Методологическую основу исследования составили историко-антропологический и микроисторический подходы, позволившие расширить представление об истории культурной жизни русского провинциального города, проследить трансформацию поведенческих моделей горожан и изменение ими восприятия культурного пространства города в ночное время на рубеже столетий. Авторами применялись такие специальные методы исторического исследования, как историко-генетический метод – для характеристики становления и последующего развития различных сегментов истории ночной культурной жизни; историко-сравнительный метод – для сопоставления ночной культурной жизни ряда русских провинциальных городов.

3. Обсуждение

Российская наука многое сделала в исследовании «ночи» / «ночной жизни» как исторического явления. Фокус своего исследовательского внимания в большей степени на это направляли культурологи (Гильденбрант, Симонова, 2008; Терновая, 2015; Дуков, 2005, 2008, 2012; Сиюхова, 2011; Кузнецова, 2012; Николаева, 2012), этнографы (Симонова, 2008; Шестеркина, 2009; Пашина, 2011), социологи (Нарбони, 2016; Грякалов, 2010), искусствоведы (Крылова, 2016), литературоведы (Радионова, 2012; Кочнова, 2015; Кононова, 2015; Шубакова, 2016; Бакалов, 1998; Максимов, 2010; Авдеенко, 2015; Ерофеева, 2006; Штырлина, 2011; Маргушина, Манджиева, 2013; Петрич, 2016; Тимралиева, 2016; Зверева, 2012; Железнякова, 2012; Штерн, 2012; Абузова, 2005; Бутыркина, 2015; Бутыркина, Евстигнеева, 2015; Карасев, 2011); историки – пока в меньшей (и надо заметить, в основном речь идет об исследовании ночной жизни столичных городов) (Алпатова, 2012). Так, статья Т. Алпатовой посвящена исторической интерпретации поведения двух признанных «ночных» героинь русской истории – императрицы Елизаветы Петровны и княгини А.И. Голицыной (Алпатова, 2012). В целом, в исторической науке сложилась определенная модель исследования «ночи». Рассматриваются такие аспекты как: проблемы границ «ночи»; культурная специфика «ночи»; ритмы «ночи» как временного пространства; «ночь» как особый тип социальной и пространственной организации; «ночь» в аспекте механизмов юридического контроля; история «ночной» преступности и девиантного поведения в целом; «ночные» профессии; «ночные модели» поведения; психология «ночи» – психологические особенности поведения человека в условиях ночного времени; и др. Например, в статье Алена Кабантуса намечены основные направления исторического исследования «ночи»; обозначены основные сложности, с которыми сталкиваются историки при исследовании ночи как феномена; автор вводит такое понятие, как «ночная история» (Кабантус, 2008).

4. Результаты

Восприятие ночи современными горожанами как особого измерения человеческого бытия уходит своими корнями в конец XIX – начало XX века и связано с тем, что с появлением искусственного освещения произошла пролонгация светового дня. Это открыло перед жителями городов новые возможности использования как рабочего, так и нерабочего времени.

Следует отметить, что юридическое понимание «ночи» как времени совершения противоправных действий, привело в последней четверти XIX века в Европе к тому, что законодательстве отдельных исторических областей «нормировали» понятие ночи. Так, в Веймарском, Саксен-Альтенбургском, Базельском, Люцернском, Фрейбургском, Ватландском кодексах точно определялась грань ночного и дневного времени: «ночь» – время между 10 часов вечера и 4 часов утра в период с 1 апреля по 30 сентября; и между 8 часов вечера и 5 часов утра с 1 октября по 30 марта (Вульфферт, 1877: 1). В Цюрихском кодексе ночью признавалось время, «в которое обитатели известного дома или местности обыкновенно предаются сну...» (Вульфферт, 1877: 1).

В российском правовом поле конца XIX – начала XX столетия понятие «ночь»/«ночное время» существовало в рамках трудового и уголовного законодательства (Вульфферт, 1877: 1). В трудовом законодательстве границы ночного времени как нерабочего времени были определены рядом законодательных актов (Закон «О воспрещении фабрикантам...», 1845: 591; Закон «О малолетних...», 1882: 265; Закон «Об изменении постановлений...», 1890: 309; «О продолжительности...», 1900: 355). С 1845 года границами ночной смены для малолетних считалось время с полуночи до 6 часов утра; позднее, границы ночной смены были определены временем с 21.00 до 5 часов утра.

В уголовном законодательстве и судебной практике России понятие «ночного времени» встречалось в статьях «Уложения о наказаниях», посвященных грабежу и краже (ст. 1642, ст. 1659)

поджогам (ст. 1607); в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьям» (п. 2 ст. 170) (Вульферт, 1877: 2). Совершение преступления ночью рассматривалось как обстоятельство, «увеличивающее вину».

В конце XIX – начала XX века начался процесс электрификации городов Центрального Черноземья, сопровождавшийся появлением уличного освещения, что расширило границы светового дня. А это, в свою очередь, открывало перед горожанами новые возможности использования времени, отведенного для сна, в рекреационных целях. Историки, занимавшиеся проблемами благоустройства городов в указанный период, конкретно – вопросами уличного освещения – отмечали в этом сегменте городской жизни сложности как технического, так и бюрократического характера (Сергиенко, 2010а, Сергиенко, 2010б; Терещенко, 2008).

В городах Центрального Черноземья к концу XIX – началу XX века сложились материально-технические предпосылки для выделения «ночи» как специфического, вполне самостоятельного отрезка времени суток, который мог быть наполнен событиями культурной жизни. Кроме уличного освещения в городах в рассматриваемый период этому способствовали наличие зданий и помещений для реализации «ночных» досуговых практик (спены, залы), что можно считать вторым непременным условием выделения «ночи»/«ночной жизни» в качестве самостоятельного сегмента культурной жизни провинциального города на рубеже XIX–XX столетий. Таким образом, «ночная жизнь» городов становилась продолжением дневной (Кошман, 2008; Семенов, 2010).

В конце XIX – начале XX века в связи с развитием описанных выше исторических условий, а также в связи с развитием буржуазных тенденций и постепенным размыванием сословных границ изменялся не только облик городов, но и их функции. Теперь это не только и не столько административно-политические центры губерний или уездов, но это и локальные культурные центры, которые могли предложить жителям разнообразные способы проведения досуга, т.н. «праздник каждый день», который, мог продолжаться круглосуточно. Учитывая все это, и исходя из законов рынка, очень скоро стали появляться люди, которые в частном порядке, и/или при помощи каких-либо институций стали систематически предлагать возможности для удовлетворения досуговых потребностей горожан в нерабочее время.

Культурное пространство «ночной жизни» русских провинциальных городов рассматриваемого региона в конце XIX – начале XX века формировали частные лица, общественные организации, органы городского самоуправления. На рубеже столетий удовлетворение досуговых потребностей жителей в ночное время могло быть осуществлено уже не только в губернских, но и в уездных городах. Площадками, становившиеся центрами ночной культурной жизни городов, являлись театры, клубы, кинотеатры, бильярдные (Вся Россия, 1912-1913).

Среди наиболее известных и активно функционировавших театральных площадок губернских городов рассматриваемого региона в конце XIX – начале XX века следует отметить следующие: в Курске – Летний театр Коммерческого собрания, Зимний театр, открытая сцена в Купеческом саду, театр Коммерческого собрания; в Воронеже – Городской театр, Зимний городской театр, Народный дом имени цесаревича Алексея, театр «Старый-Бег» (Вся Россия, 1912-1913: 624), театр Семейного собрания Воронежского общества приказчиков и лиц торгово-промышленного и служебного труда, в слободе Бутурлиновка Воронежской губернии – театр М. Циммермана (Вся Россия, 1912-1913: 632); в Орле – Летний театр в саду Купеческого собрания; в Тамбове – сцена Дворянского собрания.

Клубы были сосредоточены в основном в губернских городах: в Курске – Коммерческое собрание, Купеческое собрание, Общественный клуб, Офицерское собрание 21-й мортирной дивизии, Офицерское собрание 173-го Каменецкого пехотного полка, Офицерское собрание 174-го Роменского пехотного полка (Вся Россия, 1912-1913: 1369), в городе Белгороде Курской губернии – Железнодорожное общественное собрание; в Воронеже – Семейное собрание Воронежского общества приказчиков и лиц торгово-промышленного и служебного труда; в Орле – Купеческое собрание, Коммерческое собрание; в Тамбове – Семейное собрание приказчиков, Купеческое собрание, в городе Кирсанове Тамбовской губернии – клуб в Общественном собрании (Вся Россия, 1912-1913: 2405).

Новыми центрами культурной жизни губернских городов становится кинематограф (синематограф): в Курске – «Био», содержащийся Киреевским, «Грезы», содержащийся Раздольским, «Чары», содержащийся Холодовым (Вся Россия, 1912-1913: 1369), синематограф в здании Купеческого собрания, в городе Белгороде Курской губернии – «Орион», «Эрмитаж», «Иллюзион», «Биограф», в городе Грайвороне Курской губернии – кинематограф М.Д. Золотко (Вся Россия, 1912-1913: 1374); в Воронеже – «Биограф»; «Иллюзион»; «Тауматограф» (Вся Россия, 1912-1913: 620); в городе Ливны Орловской губернии – синематограф, содержащийся Бурьяновым (Вся Россия, 1912-1913: 1814); в Тамбове – «Колизей» в здании Дворянского собрания, в городе Козлове Тамбовской губернии – «Иллюзион» (Вся Россия, 1912-1913: 2411), в городе Моршанске Тамбовской губернии – «Биоскоп», содержащийся А.П. Андреевым (Вся Россия, 1912-1913: 2419).

По данным справочной книги «Вся Россия» за 1912-1913 г. бильярдные как отдельные заведения находились в городе Усмани Тамбовской губернии, которые содержали С.Г. Кирьянов, Е.П. Трубочанинов, А.Ф. Шашин (Вся Россия, 1912-1913: 2426); бильярдные также были в курском и тамбовском купеческих собраниях.

Что же могла предложить «ночная жизнь» провинциального города? Привлеченные исторические источники позволяют реконструировать отдельные сегменты культурной жизни города ночью в конце XIX – начале XX в. Так, например, тон «ночной жизни» Курска в исследуемый период задавало Коммерческое собрание. Оно было учреждено в 1896 году Взаимно-вспомогательным обществом купеческих приказчиков с целью «доставить своим членам проводить с удобством свободное от занятий время» (Устав, 1896: 1). В уставе общества было указано, что для достижения этой цели «... собрание устраивает для своих членов и их гостей балы, маскарады, танцевальные, музыкальные, литературные и семейные вечера и драматические представления» (Устав, 1896: 1). Из этого перечня видно, что проведение указанных мероприятий изначально предполагалось в темное время суток (например, маскарады). Иными словами понимание границ «свободного от занятий времени» расширилось, а само это время пролонгировалось и вполне осознанно и планомерно выводилось в темное время суток – в «ночь».

Из Устава Курского коммерческого собрания следует, что пребывание в нем разрешалось до 01.20 часов. Однако посетителям дозволялось оставаться и позднее с условием оплаты при выходе штрафа в пользу собрания: за первые полчаса – 30 коп.; вторые – 90 коп.; третьи – 2 руб. 10 коп.; четвертые – 4 руб. 50 коп.; пятые – 9 рублей 30 коп.; шестые – 18 руб. 90 коп.; седьмые – 38 руб. 10 коп. (Устав, 1896: 3). Собрание закрывалось летом после 4, зимой – после 5 часов утра (Устав, 1896: 3). То есть, деятельность и имущественный комплекс Курского коммерческого собрания изначально были ориентированы и на ночное пребывание посетителей. Несложно подсчитать, что, учитывая все «штрафные санкции», развлекаться в собрании до самого утра было недешевым, но возможным удовольствием. Подобный режим работы собрания, с одной стороны, свидетельствовал о трансформации представлений о досуговых практиках у горожан, об их стремлении (при наличии материальной возможности) использовать свое свободное время с целью удовлетворения потребностей в развлечениях ночью. С другой же – свидетельствовал о стремлении учредителей Коммерческого собрания использовать подобные желания посетителей для «доставления обществу возможности увеличения своих средств» (Устав, 1896: 1).

Типичная программа вечера в зале Коммерческого собрания была таковой: спектакль, затем – концертное выступление, и далее танцы. Так было, например, 26 августа 1911 года. Тогда вечер открыл русско-украинский спектакль «За голод и холод», поставленный членами русско-украинского кружка в пользу кассы вдов и сирот, учрежденной при правлении Курского взаимно-вспомогательного общества приказчиков, в полночь – выступление юмориста Сарматова. И, наконец, танцы, которые завершились в четыре часа утра. Причем, по наблюдению газетного репортера, театр в этот вечер был переполнен (Курская газета, 1911g).

Надо сказать, что обозреватели культурной жизни на страницах местных газет, выражали сомнение в необходимости затягивания спектаклей далеко за полночь. Они не видели в этом пользы ни для публики, ни для артистов. Их аргументация была такова: «Жаль только, что поздно кончают на открытой сцене и таким образом лишают возможности все посмотреть учащимся, которым пребывание после 12 часов (ночи) в саду запрещено» (Курская газета, 1913c); «... многие спектакли прошли в художественном отношении весьма неудовлетворительно, – вина падает исключительно на главного режиссера... вследствие нераспорядительности, затягивание спектаклей почти до половины второго ночи, что охлаждало как публику, так и артистов. Конечно, некоторым оправданием может послужить и то, что спектакли шли без перерыва и делали из артистов автоматов, а не художников. Целый день до 4-х часов – репетиции, а потом – почти до расцвета – спектакль, когда, даже у лучших артистов, пропадает всякий «подъем», всякое желание творить. И это изо дня в день, без перерыва, в течение шести недель, когда по закону уже нельзя было играть» (Курская газета, 1913d).

В Воронеже вечерние «увеселительные» мероприятия могли как правило начинаться в восемь вечера. Так, 5 февраля 1903 года в Зимнем городском театре режиссером Г.Ф. Демюром была поставлена пьеса Ж. Ришпена «Мученица» (Смерть и жизнь) из репертуара Comedie Francaise в Париже, водевиль Н. Грессера «Накануне золотой свадьбы» (Воронежский телеграф, 1903b).

В зимний сезон 1907/1908 гг. только Орловским купеческим собранием было устроено 26 спектаклей, 1 музыкальный вечер, 2 детских вечера и 7 молодежных (Доклад, 1908: 2). Примечательно, что «устраиваемые вечера в зимнем сезоне доставляли членам и их семьям и посетителям собрания большое удовольствие и приятное развлечение, о чем ярко свидетельствуют переполненные залы Собрания во время исполнительных вечеров, тогда как сад в течение всего лета, не смотря ни на хороший оркестр музыки, ни на бесплатный вход, почти никем не посещался» (Доклад, 1908: 2).

В период с марта 1910 по март 1911 года Купеческим собранием в Орле были организованы 11 спектаклей, 13 «четвергов», 12 маскарадов, 1 семейно-танцевальный вечер, 2 детских вечера (Отчет, 1911b: 1). А в Курске за летний сезон 1911 года Общественным клубом были устроены музыкальные вечера, посвященные творчеству различных композиторов: 2 вечера русских композиторов, 1 вечер – польских, 1 – Р. Вагнера, 1 – Н.А. Римского-Корсакова и А.К. Глазунова, 1 – П.И. Чайковского, 1 – Э. Грига и Я. Сибелиуса, 1 вечер вальсов и 1 – французских композиторов. Музыкантами на этих мероприятиях было исполнено 200 премьерных номеров (Курская газета, 1911f).

Обязательным элементом «ночных» культурных практик были театральные постановки. С них, зачастую, и начиналась «ночная жизнь» русского провинциального города. Общественные организации, формировавшие «ночной сегмент» в культурной жизни города, старались организовать любительские труппы своими силами или же приглашали профессиональных артистов из столичных театров и даже Европы. Например, курские театральные критики в 1913 году отмечали, что «... труппа Коммерческого собрания может быть отнесена к наилучшим провинциальным труппам, какие возможны в провинции и, конечно, только летом, так как большая часть этих артистов занята в течение зимнего сезона в столичных и в больших провинциальных театрах» (*Курская газета, 1913d*).

Спектакли, начинавшиеся в темное время суток, открывали «ночную жизнь» провинциального города. Так, в летний сезон 1911 года курской публике в театре Сада Купеческого Собрания были представлены следующие оперы: «Паяцы», «Жизнь за царя», «Евгений Онегин», «Аида», «Миньон» и «Пиковая дама» (*Курская газета, 1911c*). А на сцене Коммерческого собрания в Курске в первый день Рождества 26 декабря 1912 года вечерним спектаклем шла комедия «Петербургские когти» (*Курская газета, 1912a*); через день – вечером была исполнена драма «Воровка детей», собравшая «массу публики» (*Курская газета, 1912a*). В 1913 году на сцене Зимнего театра в Курске состоялся гастрольный спектакль с участием известной в то время артистки столичного театра Сабурова – Елены Маврикиевны Грановской, шел фарс в 3-х действиях «Шалая бабенка» и скетч в 1 действие «Вечер настроений» (*Курская газета, 1913b*).

Помимо театральных представлений жителям провинциальных городов исследуемого региона в конце XIX – начале XX столетия в ночное время были доступны и другие развлечения. Среди них можно назвать следующие: балы, танцевальные вечера (как правило, начинавшиеся после вечерних спектаклей, за полночь) (*Отчет, 1913: 53*) и музыкальные вечера. Часто организаторы «культурных сезонов» приглашали оркестры военных музыкантов (*Отчет, 1911b: 1*).

Отдельным сегментом ночных культурно-развлекательных практик провинциального города в зимнее время были маскарады и сопровождавшие их фейерверки, общественные встречи Нового года (*Отчет, 1913: 21, 53; Отчет, 1912: 56, 83, 86; Отчет, 1913: 6; Отчет, 1911b: 1, 16; Отчет, 1911a: 5; Отчет, 1908: 2, 5; Отчет, 1910a: 17*). Этот вид развлечений был чрезвычайно популярен у горожан. На его устройство общественные организации не жалели средств, поскольку затраты с лихвой окупались вырученной прибылью за продажу билетов.

«Ночную жизнь» провинциального города в конце XIX – начале XX века невозможно представить без таких развлечений, как катание на коньках на катке (зимой) (*Отчет, 1906: 12*), игра в кегельбан (*Отчет, 1912: 89; Отчет, 1913: 5*), игра в лото (данный вид развлечений приносил его организаторам стабильно высокий доход – так, прибыль Семейного собрания Воронежского общества приказчиков и лиц торгово-промышленного и служебного труда от этой игры в 1905–1906 гг. составила 41700 рублей 90 копеек) (*Отчет, 1906: 12*); игра в биксовый бильярд (*Отчет, 1912: 89*); стрельба в тире (*Отчет, 1912: 89*); развлечение биоскопом (*Отчет, 1912: 86*) и силомером (*Отчет, 1906: 17*).

В конце XIX – начале XX века безусловным фаворитом среди жителей провинциального города не только в дневное, но и в вечернее и ночное время был синематограф (кинематограф) – демократичное, доступное и относительно новое развлечение. Киносансы проводились не только в специально оборудованных стационарных зданиях, но и на сценах открытых летних площадок, в зданиях общественных клубов и сословных собраний (*Отчет, 1911b: 1; Отчет, 1910b: 40*).

Конкуренцию синематографу в русском провинциальном городе в рассматриваемый период традиционно составляли цирковые представления. «Грандиозными» вечерними представлениями в апреле 1913 года в Курске стали выступления артистов Цирка А.Д. Горец (*Курская газета, 1913a*). Как писали местные газеты, «благодаря праздничным дням и хорошей погоде первые дни открытия представлений прошли при аншлаге, все места были заняты, а билеты проданы, масса приставных стульев» (*Курская газета, 1913a*). Выступления артистов завершились далеко за полночь. А в мае 1912 года в Курске гастролировал «всемирно-известный» дрессировщик лошадей Жижетто Александрович Труцци. Вечерние выступления, оканчивавшиеся также за полночь, прошли с большим успехом (*Курская газета, 1912c*).

В связи с появлением и распространением искусственного освещения в провинциальных городах в рассматриваемый период, происходит «утрата» горожанами традиционного понимания ночи как темного, таинственного и наиболее опасного времени суток. В дополнении к этому, развитие городской инфраструктуры, направленной на удовлетворение разнообразных потребностей горожан в культурных впечатлениях и развлечениях приводит к тому, что появляется «ночная культурная жизнь». Ночь становится наполненной не только событиями криминальной жизни, страхами и мифическими созданиями, пугающими людей, но и временем суток не уступающим по своей насыщенности и разнообразию культурно-развлекательной жизни светового дня. Всё это, в совокупности с социально-экономическими изменениями в конце XIX – начале XX вв. приводило к формированию не только нового образа мысли, но и как следствие нового образа жизни в провинциальном городском пространстве. Его характерной чертой можно считать дальнейшее развитие идеи «праздник каждый день» и ее трансформацию в «праздник каждый день днем и ночью».

Очевидно, что быстротечные изменения подобного рода, затрагивавшие как образ жизни, так и мышление горожан, не могли не вызвать реакцию со стороны наиболее консервативных социальных структур русского общества, среди которых ведущее место занимала Русская Православная церковь.

Русская Православная церковь выступала против любого рода «ночных практик» в культурной жизни русского провинциального города. Ее служители решительно противостояли любым формам ночной жизни (в том числе и культурно-развлекательным мероприятиям), призывали к их прекращению, утверждая, что подобный образ жизни угрожает потерей шанса на вечное Спасение (Сборник, 1880; Тимофеев, 1915; Увеселение, 1914; Алфавитный указатель, 1902).

Так, Русская Православная церковь и консервативно настроенные представители городского общественного управления ратовали за отмену любых «общенародных забав» (в том числе, в вечернее и ночное время) в дни церковных праздников и предпраздничные дни: «...в сочельник (Рождественский) и в день праздника Рождества Христова, накануне двенадцатых праздников и дня Усекновения Главы Иоанна Предтечи, в первую, четвертую и страстную недели, а также в первый день (воскресенье) второй недели (неделя Православия) в субботу третьей недели Великого поста, в Вербное Воскресенье, в первый день святой Пасхи и дни Воздвижения Креста Господня...» (Алфавитный указатель, 1902: 442).

Контроль за соблюдением данного постановления возлагался на полицейское ведомство. Ему предписывалось следить за тем, чтобы «... в воскресные или торжественные дни, или в табельные или храмовые праздники в городах и селениях, прежде окончания в приходской церкви литургии не были начинаемы игрища, музыка, пляски, пение песен по домам и улицам, театральные представления и всякие иные общенародные забавы и увеселения...» (Сборник, 1880: 225). В противном случае, нарушители этих правил должны были подвергаться взысканиям на основании статей 249 и 250 Уложения о наказаниях.

Любого рода увеселительные мероприятия в городе во время, предназначенное для религиозных практик горожан (как в дневное время, так и в ночное), однозначно трактовалось духовенством как исключительно коммерческие действия «ловкачей-предпринимателей», главной целью которых являлось получение прибыли – наживы (Тимофеев, 1915: 502).

С началом Первой мировой войны служители церкви особенно активно выступали за прекращение любых развлекательных мероприятий, «этого нездорового явления общественной жизни» (Тимофеев, 1915: 502; Увеселение, 1914: 433, 434), духовно растлевающего человека «...в грозный час суда Божия над народами» (Увеселение, 1914: 433). Предпринимателей, содержащих любые увеселительные заведения, называли не иначе, как «приспешниками врага нашего Спасения» (Тимофеев, 1915: 501).

На страницах епархиальных газет священнослужители обращались к местным властям с призывом оказать всемерное содействие в деле укрепления общественной нравственности, а именно – максимально отдалить горожан от разлагающего духовную суть человека влияния развлекательных мероприятий. Так, например, в 1915 году на страницах «Курских епархиальных ведомостей» было опубликовано письмо священника Якова Тимофеева, который от имени белгородского духовенства обратился к членам Белгородской городской думы с призывом положить «скорый и решительный конец» любым развлекательным мероприятиям в городе в воскресные дни и в канун церковных праздников (Тимофеев, 1915: 502). Он выражал тревогу духовенства такими словами: «...какой повод и причина безудержному веселью в кровавые черные дни, когда наши братья и дети выдерживают в течение почти года борьбу титаническую с врагами лютыми, давно забывшими об увеселениях и помнящими только о борьбе и победе?» (Тимофеев, 1915: 503). Сравнивали «даже обыкновенные, не праздничные» развлечения с «диким пиром во время чумы» (Тимофеев, 1915: 503).

При этом, священнослужители опасались того, что Белгородская городская дума может предпринять недостаточные усилия – нравственные и юридические – в этом направлении. В таком случае представители церкви были готовы «обратиться к Господину Начальнику губернии, облеченному властью, необходимою и достаточною для немедленного и решительного прекращения этого нездорового явления общественной жизни, и самого в себе, и в связи с переживаемыми событиями мировой исторической важности» (Тимофеев, 1915: 503).

Тревогу белгородского священства вызывало положение «общественных дел» в городе: «Наш Белгород ... – город русский и православный. Без иностранного и инородческого засилья, за что говорит его многоцерковность; в числе ее две святые обители, и в одной из них драгоценная святыня – недавно всенародно прославленные мощи святителя Иосафа. Будем терпеливы – заглянем несколько внутрь его общественной жизни, проследим его настроенность частично, но характерно – накануне дней воскресных и праздничных» (Тимофеев, 1915: 503).

Духовенство беспокоил факт совпадения по времени начала увеселительных мероприятий и вечерних богослужений: «Шесть часов вечера. Медная толща благовестников 16-ти храмов сливается в общий призывной гул. Часом ранее «Орион», со своим филиальным отделением «Эрмитажем», «Иллюзией» и «Биограф», зажигают разноцветные безмолвные огни, предварительно на всех видных местах расклеив афиши содержания, в смысле зазыва, самого кричащего. И, странная ирония, под дружный звон колоколов идут не в храмы освежиться душой, встряхнуть недельный налет греховной обыденщины, а в эти злачные места. К стыду, идут и стар и млад, и возраст средний,

ведя за собой и «малых сих» – детей. Не замерший еще в прозрачном воздухе малиновый звон обители женской и мощный тысячепудовый – мужской сменяется музыкой в новорожденном «Эрмитаже» и престарелом уже железнодорожном общественном собрании. И гремит, не смолкая, до часов полуночных, порой далеко и за них» (Тимофеев, 1915: 501). Критике со стороны служителей церкви подвергались и театральные площадки вместе с выступавшими на них артистами, которые характеризовались как «померкшие в столице и кочующие по провинции звезды» (Тимофеев, 1915: 501).

Таким образом, увеселительные мероприятия в вечернее (после 17.00 часов) и ночное (после полуночи) время виделись представителям Русской Православной церкви «безобразным явлением», «дикой реальностью» (Тимофеев, 1915: 502). Противодействие церкви ночной культурно-развлекательной жизни на практике было ничем иным, как борьбой с зарождающимся буржуазным укладом жизни (когда город воспринимается как пространство, где возможен «праздник каждый день» днем и ночью, а городской стиль жизни предполагает гетерогенность в способах заработка – получение прибыли в любой области экономики, в любое время суток); с новыми культурными тенденциями, часто вступающими в противоречие с традиционалистским для церкви подходом к пониманию досуговых практик, образу жизни.

5. Заключение

В конце XIX – начале XX века в ряде русских городов рассматриваемого региона происходила постепенная трансформация представлений горожан о ночи как особом отрезке времени. Теперь с ночью ассоциировались не только такие слова как «темнота», «страх», «криминал», «сон». На рубеже столетий появляются новые ассоциации с ночным временем, обусловленные, во многом научно-техническим прогрессом и изменениями в социально-экономической жизни общества. Ночь ассоциируется теперь еще и с праздником, весельем (зачастую безудержным), с возможностью на вполне законных основаниях делать то, на что нет времени днем, более того, под покровом ночи позволять себе немного больше, чем это было допустимо в светлое время суток. Следует отметить, что в городах рассматриваемого региона на рубеже XIX–XX столетий «ночная жизнь» становится привлекательной для горожан разнообразием предлагавшихся культурно-развлекательных мероприятий, своего рода продолжением светового дня, который проходил в труде. Вопреки природным ритмам, предполагающим успокоение в ночное время, ночь выделяется во вполне самостоятельный отрезок времени, наполненный разнообразными событиями, в которых жители провинциальных городов принимали активное участие и как потребители и как организаторы.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации НИУ «БелГУ», номер проекта 33.6611.2017/8.9.

Литература

- Абузова, 2005 – Абузова Н.Ю. Суточный цикл в русской поэзии: вечер – ночь (Жуковский, Тютчев) // *Культура и текст*. 2005. № 8. С. 122-131.
- Авдеенко, 2015 – Авдеенко И.А. Семантика символа ночь в языке русской рок-поэзии // *Амурский научный вестник*. 2015. № 1. С. 23-45.
- Алпатов, 2012 – Алпатов Т. «Ночная жизнь» в культуре Петербурга XVIII – первой трети XIX века // *Ночь: закономерности, ритуалы, искусство*: Вып. 3. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 228-236.
- Алфавитный указатель, 1902 – *Алфавитный указатель* действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего правительствующего Синода (1791-1901 включительно) и гражданских законов, относящихся к духовному ведомству православного исповедания / Сост. С.В. Калашников. СПб.: Издание книготорговца Н.Л. Тузова, 1902. 592 с.
- Бакалов, 1998 – Бакалов А.С. Ночь для неспящих (тема ночи в немецкой поэзии) // *Культура и текст*. 1998. № 3. С. 118-133.
- Бутыркина, 2015 – Бутыркина И.С. Многозначность мотива «ночи» в поэме Эдварда Юнга «The complaint; or night thoughts on life, death and immortality» («Жалоба, или ночные думы о жизни, смерти и бессмертии») // *Пути формирования лингвокультурологической компетенции: традиции и инновации: сборник научных трудов*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 3-11.
- Бутыркина, Евстигнеева, 2015 – Бутыркина И.С., Евстигнеева М.В. Модификации полифункционального мотива «ночи» в поэме Эдварда Юнга «The complaint; or night thoughts on life, death and immortality» («Жалоба, или ночные думы о жизни, смерти и бессмертии») // *Ceteris Paribus*. 2015. № 5. С. 69-72.
- Воронежский телеграф, 1903а – *Воронежский телеграф*. 1903. № 97. 22 августа.
- Воронежский телеграф, 1903б – *Воронежский телеграф*. 1903. № 16. 5 февраля.

Вся Россия, 1912-1913 – *Вся Россия*. Справочная книга российской промышленности, торговли, сельского хозяйства, администрации, представителей общественной и частной служебной и экономической деятельности и пр. Киев: изд. Т-ва Л.М. Фиш, 1912-1913. 5124 с.

Вульферт, 1877 – *Вульферт А.К.* О понятии ночного времени как увеличивающего вину обстоятельство. М.: Университетская типография, 1877. 12 с.

Гильденбрант и др., 2008 – *Гильденбрант Е.К., Симонова Е.А., Горсткова Е.И.* Социокультурная роль ночной жизни города Хабаровска // Новые идеи нового века: материалы международной научной конференции ФАД ТОГУ. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2008. Т. 1. С. 374-378.

Грякалов, 2010 – *Грякалов А.А.* Ночное при свете дня: к герменевтике субъективности // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2010. Т. 2. № 4. С. 215-225.

Джидарьян, 2001 – *Джидарьян И.А.* Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001, 240 с.

Доклад, 1908 – Доклад по проверке денежного отчета Орловского купеческого собрания за 1907/1908 гг. и заключение об общей деятельности Собрания. Орел: Типография Аристова, 1908. 2 с.

Дуков, 2005 – *Дуков Е.В.* Ночь и город // От заката до рассвета. Ночь как культурологический феномен. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2005. 300 с. С. 7-21.

Дуков, 2008 – *Дуков Е.В.* Ночь как ритуал // *Обсерватория культуры*. 2008. № 3. С. 28-32.

Дуков, 2012 – *Дуков Е.В.* Ночная культура: освоение новых пространств, жанров и форм // *Художественная культура*. 2012. № 3 (<http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/prikladnaya-kulturologiya/593.html>).

Ерофеева, 2006 – *Ерофеева Л.А.* Метафорическая объективация концепта ночь в поэзии Р.М. Рильке // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006. № 2. С. 69-76.

Железнякова, 2012 – *Железнякова Т.В.* Образ дня и ночи в лирике Ф.И. Тютчева // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2016. Т. 6. № 1. С. 157-159.

Закон «О воспрещении фабрикантам...», 1845 – Закон «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» от 7 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. 1845. Т. XX. Отд. 1. С. 591.

Закон «О малолетних...», 1882 – Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» от 1 июня 1882 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3. 1882. Т. II. С. 265-267.

Закон «Об изменении постановлений...», 1890 – Закон «Об изменении постановлений в работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» от 24 апреля 1890 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3. 1890. Т. X. Отд. 1. С. 309-310.

Зверева, 2012 – *Зверева Т.В.* Преображение ночи в русской поэзии второй половины XVIII века // *Язык. Культура. Коммуникация*. Ижевск. 2012. С. 94-103.

Историогенез, 2015 – *Историогенез: современное состояние российского менталитета*. М.: Институт психологии РАН, 2015. 479 с.

Кабантус, 2008 – *Кабантус А.* Ночь как объект исторической науки (Западная Европа XVII – XVIII вв.) // *Одиссей: Человек в истории*. М.: Наука, 2008. С. 211-229.

Карасев, 2011 – *Карасев Л.В.* «Чтобы видно было, как днём» (мистика "ночного света" у Гоголя) // *Вопросы философии*. 2011. № 6. С. 40-54.

Кононова, 2015 – *Кононова Н.В.* Алкоголь как знаменатель вальпургиевой ночи в трагедии Венедикта Ерофеева «Вальпургиева ночь, или шаги командора» // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2015. № 1. С. 100-107.

Кочнова, 2015 – *Кочнова К.А.* Ночь в языковой картине мира А.П. Чехова // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 393. С. 28-36.

Кошман, 2008 – *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.

Крылова, 2016 – *Крылова А.В.* Об одном модусе воплощения образа ночи в музыке // *Проблемы музыкальной науки*. 2016. № 3 (24). С. 131-136.

Кузнецова, 2012 – *Кузнецова Н.И.* «Ночь нежна»: феномен ночи в разнообразии социокультурных контекстов // *Ночь: закономерности, ритуалы, искусство: Вып. 3*. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 14-23.

Курская газета, 1911a – Курская газета. 1911. № 23. 17 июля.

Курская газета, 1911b – Курская газета. 1911. № 28. 29 июля.

Курская газета, 1911c – Курская газета. 1911. № 3. 29 мая.

Курская газета, 1911d – Курская газета. 1911. № 30. 03 августа.

Курская газета, 1911e – Курская газета. 1911. № 31. 05 августа.

Курская газета, 1911f – Курская газета. 1911. № 43. 03 сентября.

Курская газета, 1911g – Курская газета. 1911. № 72. 16 ноября.

Курская газета, 1912a – Курская газета. 1912. № 123. 30 декабря.

- Курская газета, 1912b** – Курская газета. 1912. № 44. 06 августа.
Курская газета, 1912c – Курская газета. 1912. № 46. 21 мая.
Курская газета, 1913a – Курская газета. 1913. № 36. 21 апреля.
Курская газета, 1913b – Курская газета. 1913. № 38. 26 апреля.
Курская газета, 1913c – Курская газета. 1913. № 68. 04 августа.
Курская газета, 1913d – Курская газета. 1913. № 70. 09 августа.
Максимов, 2010 – Максимов Б. Мнимая смерть и возрождение: образ ночи в «Гимнах к ночи» Новалиса // *Мир романтизма*. 2010. № 15 (39). С. 69-75.
- Маргушина, Манджиева, 2013** – Маргушина Д.В., Манджиева Б.В. Мифопоэтика образа ночи в лирике В. Набокова // Сборник трудов молодых ученых, аспирантов и студентов Калмыцкого государственного университета. Элиста: ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет», 2013. С. 95-97.
- Нарбони, 2016** – Нарбони Р. От светового урбанизма к ночному урбанизму // *Светотехника*. 2016. № 6. С. 30-33.
- Николаева, 2012** – Николаева Е. Ночь рукотворная: городские социокультурные и художественные практики // *Ночь: закономерности, ритуалы, искусство: Вып. 3*. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 122-143.
- «О продолжительности...», 1900** – «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской инспекции» от 2 июня 1897 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3. 1900. Т. XVII. С. 355-356.
- Отчет, 1910a** – Отчет Курского коммерческого собрания с 1 октября 1909 до 1 октября 1910 г. Курск: Электрическая типо-литография П.З. Либермана, 1910. 52 с.
- Отчет, 1910b** – Отчет Курского купеческого собрания с 1 ноября 1909 по 1 ноября 1910 г. Курск: Электрическая типо-литография П.З. Либермана, 1910. 59 с.
- Отчет, 1911a** – Отчет Орловского коммерческого собрания с 01.11.1909 г. по 01.11.1910 г. Орел: Типография газеты «Орловский вестник», 1911. 33 с.
- Отчет, 1911b** – Отчет Орловского купеческого собрания с 11 марта 1910 по 11 марта 1911 года. Орел: типография газеты «Орловский вестник» А.И. Аристова, 1911. 18 с.
- Отчет, 1908** – Отчет Орловского купеческого собрания с 21 ноября 1907 по 21 ноября 1908 г. Орел: Типография газеты «Орловский вестник» А.И. Аристова, 1908. 13 с.
- Отчет, 1906** – Отчет Семейного собрания Воронежского общества приказчиков и лиц торгово-промышленного и служебного труда с 1 октября 1905 по 1 октября 1906 г. Воронеж: Типо-литография товарищества «П. Кравцов и Ко», 1906. 19 с.
- Отчет, 1913** – Отчет Семейного собрания приказчиков г. Тамбова с 1 января 1911 по 17 сентября 1912 г. Тамбов: Электрическая типография П.С. Москалева, 1913. 76 с.
- Отчет, 1912** – Отчет Тамбовского купеческого собрания за 1911 год. Тамбов: Типо-Литография Н. Бердоносова и Ф. Пригорина, 1912. 91 с.
- Отчет, 1913** – Отчет Тамбовского купеческого собрания за 1912 год. Тамбов: Электрическая типография П.С. Москалева, 1913. 40 с.
- Пашина, 2011** – Пашина О.А. Ночная свадьба на Смоленщине // *Живая старина*. 2011. № 2. С. 23-25.
- Петрич, 2016** – Петрич А.С. Единицы суточного цикла «ночь» и «день» в художественном мире романа М.А. Булгакова «Белая Гвардия» // *Бакалавр*. 2016. № 5-6 (18-19). С. 9-12.
- Радионова, 2012** – Радионова А.В. О «ночном» сознании в философии и поэзии // *Общественные науки*. 2012. № 5. С. 5-14.
- Российская империя чувств, 2010** – Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2010, 511 с.
- Сборник, 1880** – Сборник церковно-гражданских постановлений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб.: Типография Главного Штаба Его Императорского Величества, 1880. 232 с.
- Семенов, 2010** – Семенов М.Ю. Проблема исторического исследования феномена городской культуры. Театр и театральная жизнь Курска в конце XIX - начале XX веков как часть городской культуры // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2010. Т. 19. № 16. С. 128-136.
- Сергиенко, 2010a** – Сергиенко М.А. Влияние органов общественного управления Курской губернии на структуру городской повседневности в конце XIX – начале XX вв. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История Политология Экономика Информатика*. 2010. Выпуск 14. № 7 (78). С. 168-177.
- Сергиенко, 2010b** – Сергиенко М.А. Вопросы городского благоустройства в деятельности органов общественного управления Курской губернии в конце XIX в. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История Политология Экономика Информатика*. 2010. Выпуск 14. № 7 (78). С. 137-144.
- Симонова, 2008** – Симонова В.В. Холодный ноктюрн: антропология ночи эвенкийской деревни // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. XI. № 4. С. 163-184.

- Сиюхова, 2011** – Сиюхова А.М. Ночь как предмет культурологического анализа // *Культура и искусство*. 2011. № 4. С. 36-42.
- Терещенко, 2008** – Терещенко А.А. Город и пригородные слободы Центрально-Черноземного региона европейской России в 30-90-е годы XIX в. // *Вестник Нижневартковского государственного университета*. 2008. № 3. С. 18-25.
- Терновая, 2015** – Терновая Л.О. Ночи культуры вместо ночей политики // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2015. № 3 (81). С. 153-158.
- Тимофеев, 1915** – Тимофеев Я., свящ. Голос белгородских пастырей // *Курские епархиальные ведомости*. 1915. № 27-28. Часть неоф. С. 501-503.
- Тимралиева, 2016** – Тимралиева Ю.Г. «Ночь» и «Вечер» как ключевые метафоры времени в лирике и малой прозе немецкого экспрессионизма // *Когнитивные исследования языка*. 2016. № 25. С. 415-420.
- Увеселение, 1914** – *Увеселение под праздник* // *Владивостокские епархиальные ведомости*. 1914. № 24. 15 декабря. Часть неофициальная. С. 433-434.
- Устав, 1896** – *Устав Курского коммерческого собрания*. Курск: Типо-литография Братьев Н. и И. Ваниных, 1896. 15 с.
- Шестеркина, 2009** – Шестеркина Н.В. Концепты день/ночь: на материале русских пословиц // *Альманах современной науки и образования*. 2009. № 8-2. С. 208-210.
- Штерн, 2012** – Штерн М.С. «Ночные» циклы в литературе романтизма: «Русские ночи» В.Ф. Одоевского и «Флорентийские ночи» Г. Гейне // *Вестник Омского университета*. 2012. № 2 (64). С. 403-407.
- Штырлина, 2011** – Штырлина Е.Г. Ночь в поэтическом языке И. Бродского // *Вестник Башкирского университета*. 2011. Т. 16. № 3. С. 729-732.
- Шубакова, 2016** – Шубакова Е.А. Описание ночи в повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или утопленница» // Первые Щеулинские чтения (Липецк, 25 марта 2016 года). Липецк: ЛГПУ, 2016. Ч. 2. С. 103-108.
- Urban culture, 2001** – *Urban culture: the culture of the day and the culture of the night* // *Encyclopedia of european social history from 1350 to 2000*. New York: Scribner, 2001. Vol. 2. p. 245.
- Verlust der Nacht, 2013** – *Verlust der Nacht*. Backnang: WIR machen DRUCK GmbH, 2013. 32 p.

References

- Abuzova, 2005** – Abuzova N.Ju. (2005). Sutochnyj cikel v ruskoj poezii: vecher – noch' (Zhukovskij, Tjutchev) [The daily cycle in Russian poetry: evening - night (Zhukovsky, Tyutchev)]. *Kul'tura i tekst*. № 8. pp. 122-131. [in Russian]
- Avdeenko, 2015** – Avdeenko I.A. (2015). Semantika simvola noch' v jazyke ruskoj rok-poezii [Semantics of the symbol of the night in the language of Russian rock poetry]. *Amurskij nauchnyj vestnik*. № 1. pp. 23-45. [in Russian]
- Alpatova, 2012** – Alpatova T. (2012). «Nochnaja zhizn'» v kul'ture Peterburga XVIII – pervoj treti XIX veka ["Nightlife" in the culture of St. Petersburg XVIII - the first third of the XIX century] // *Noch': zakonomernosti, ritualy, iskusstvo*: Vyp. 3. M.; SPb.: Nestor-Istorija. 484 p. pp. 228-236. [in Russian]
- Alfavitnyj ukazatel', 1902** – *Alfavitnyj ukazatel' dejstvujushhij i rukovodstvennyh kanonicheskijh postanovlenij, ukazov, opredelenij i rasporjazhenij Sujatejshego pravitel'stvujushhego Sinoda (1791-1901 vkljuchitel'no) i grazhdanskih zakonov, odnosjashhihsja k duhovnomu vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija (1902)* [The alphabetical index of current and guiding canonical decrees, decrees, definitions and orders of the Holy Synod of Saints (1791-1901 inclusive) and civil laws relating to the spiritual department of the Orthodox confession]. Sost. S.V. Kalashnikov. SPb.: Izdanie knigotorgovca N.L. Tuzova. 592 p. [in Russian]
- Bakalov, 1998** – Bakalov A.S. (1998). Noch' dlja nespjashhijh (tema nochi v nemeckoj poezii) [Night for the Sleepless (the theme of the night in German poetry)]. *Kul'tura i tekst*. № 3. pp. 118-133. [in Russian]
- Butyrkina, 2015** – Butyrkina I.S. (2015). Mnogoznachnost' motiva «nochi» v pojeme Jedvarda Junga «The complaint; or night thoughts on life, death and immortality» («Zhaloba, ili nochnye dumy o zhizni, smerti i bessmertii») [The ambiguity of the motif of "night" in Edward Young's poem "The complaint; or night thoughts on life, death and immortality" (" Complaint, or night thoughts about life, death and immortality")]. // *Puti formirovanija lingvokul'turologičeskoj kompetencii: tradicii i innovacii: sbornik nauchnyh trudov*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, pp. 3-11. [in Russian]
- Butyrkina, Evstigneeva, 2015** – Butyrkina I.S., Evstigneeva M.V. (2015). Modifikacii polifunkcional'nogo motiva «nochi» v pojeme Jedvarda Junga «The complaint; or night thoughts on life, death and immortality» («Zhaloba, ili nochnye dumy o zhizni, smerti i bessmertii») [Modifications of the polyfunctional motif of "night" in Edward Young's poem "The complaint; or night thoughts on life, death and immortality" (" Complaint, or night thoughts about life, death and immortality ")]. *Ceteris Paribus*. № 5. pp. 69-72. [in Russian]
- Voronezhskij telegraf, 1903a** – *Voronezhskij telegraf (1903)* [Voronezh Telegraph]. № 97. 22 avgusta. [in Russian]

- Voronezhskij telegraf, 1903b** – *Voronezhskij telegraf (1903) [Voronezh Telegraph]*. № 16. 5 fevralja. [in Russian]
- Vsja Rossija, 1912-1913** – *Vsja Rossija*. Spravochnaja kniga rossijskoj promyshlennosti, trgovli, sel'skogo hozjajstva, administraciji, predstavitelej obshhestvennoj i chastnoj sluzhebnoj i jekonomicheskoj dejatel'nosti i pr. (1912-1913) [All Russia. Reference book of Russian industry, trade, agriculture, administration, representatives of public and private service and economic activities, etc.]. Kiev: izd. T-va L.M. Fish. 5124 p. [in Russian]
- Vul'fert, 1877** – *Vul'fert A.K.* (1877). O ponjatii nochnogo vremeni kak uvelichivajushhego vinu obstojatel'stva [About the concept of night time as a circumstance increasing the guilt]. M.: Universitetskaja tipografija. 12 p. [in Russian]
- Gil'denbrant i dr., 2008** – *Gil'denbrant E.K., Simonova E.A., Gorstkova E.I.* (2008). Sociokul'turnaja rol' nochnoj zhizni goroda Habarovska [Sociocultural role of night life in the city of Khabarovsk] // *Novye idei novogo veka: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii FAD TOGU*. Habarovsk: Izd-vo TOGU. T. 1. 503 p. pp. 374-378. [in Russian]
- Grjakalov, 2010** – *Grjakalov A.A.* (2010). Nochnoe pri svete dnja: k germenektivke sub'ektivnosti [Night in the light of day: towards hermeneutics of subjectivity]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. T. 2. № 4. pp. 215-225. [in Russian]
- Dzhidar'jan, 2001** – *Dzhidar'jan I.A.* (2001). Predstavlenie o schast'e v rossijskom mentalitete [The idea of happiness in the Russian mentality]. SPb.: Aletejja, 240 p. [in Russian]
- Doklad, 1908** – Doklad po proverke denezhnogo otcheta orlovskogo kupecheskogo sobranija za 1907/1908 gg. i zakljuchenie ob obshhej dejatel'nosti Sobranija (1908) [Report on the Verification of the Financial Report of the Orel Merchant Assembly for 1907/1908. and an opinion on the general activities of the Meeting]. Orel: Tipografija Aristova, 2 p. [in Russian]
- Dukov, 2005** – *Dukov E.V.* (2005). Noch' i gorod [Night and city] // *Ot zakata do rassveta. Noch' kak kul'turologičeskij fenomen*. SPb.: Izd-vo Dmitrij Bulanin, 300 s. pp. 7-21. [in Russian]
- Dukov, 2008** – *Dukov E.V.* (2008). Noch' kak ritual [Night as a ritual]. *Observatorija kul'tury*. № 3. pp. 28-32. [in Russian]
- Dukov, 2012** – *Dukov E.V.* (2012). Nochnaja kul'tura: osvoenie novyh prostranstv, zhanrov i form [Night culture: mastering new spaces, genres and forms] // *Hudozhestvennaja kul'tura*. № 3 (<http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2012-2/prikladnaya-kulturologiya/593.html>). [in Russian]
- Erofeeva, 2006** – *Erofeeva L.A.* (2006). Metaforičeskaja ob'ektivacija koncepta noch' v poezii R.M. Ril'ke [Metaphorical objectification of the concept night in the poetry of R.M. Rilke]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija*. № 2. pp. 69-76. [in Russian]
- Zheleznjakova, 2012** – *Zheleznjakova T.V.* (2012). Obraz dnja i nochi v lirike F.I. Tjutčeva [The image of the day and night in the lyrics of F.I. Tyutchev] // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. T. 6. № 1. pp. 157-159. [in Russian]
- Zakon «O vospreshhenii fabrikantam...», 1845** – *Zakon «O vospreshhenii fabrikantam naznachat' v nochnye raboty maloletnih menee 12-letnego vozrasta» ot 7 avgusta 1845 g.* (1845) [The law "On the prohibition of manufacturers ...", 1845 - The law "On the prohibition of factory owners to assign night work to minors under 12 years of age" of August 7, 1845] // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 2. T. XX. Otd. 1. S. 591.*
- Zakon «O maloletnih...», 1882** – *Zakon «O maloletnih, rabotajushhij na zavodah, fabrikah i manufakturah» ot 1 ijunya 1882 g.* (1882) [The Law "On Minors Working in the Plants, Factories and Manufactories" of June 1, 1882] // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 3. T. II. S. 265-267.*
- Zakon «Ob izmenenii postanovlenij...», 1890** – *Zakon «Ob izmenenii postanovlenij v rabote maloletnih, podrostkov i lic zhenskogo pola na fabrikah, zavodah i manufakturah i o rasprostranenii pravil o rabote i obuchenii maloletnih na remeslennye zavedenija» ot 24 aprelja 1890 g.* (1890) [The Law "On Amendments to the Resolutions ...", 1890 - The Law "On Amendments to the Regulations in the Work of Minors, Adolescents and Women in Factories, Factories and Manufactures and on the Distribution of the Rules on the Work and Education of Minors to Crafts" of April 24, 1890] // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 3. T. X. Otd. 1. S. 309-310.*
- Zvereva, 2012** – *Zvereva T.V.* (2012). Preobrazhenie nochi v russkoj poezii vtoroj poloviny XVIII veka [Transfiguration of the Night in Russian Poetry of the Second Half of the 18th Century]. *Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija*. Izhevsk. pp. 94-103. [in Russian]
- Istoriogenez, 2015** – *Istoriogenez: sovremennoe sostojanie rossijskogo mentaliteta* (2015) [Historiogenesis: the current state of the Russian mentality]. M.: Institut psihologii RAN, 479 pp. [in Russian]
- Kabantus, 2008** – *Kabantus A.* (2008). Noch' kak ob'ekt istoričeskoj nauki (Zapadnaja Evropa XVII – XVIII vv.) // *Odissej: Chelovek v istorii*. M.: Nauka, 483 p. pp. 211-229. [in Russian]
- Karasev, 2011** – *Karasev L.V.* (2011). «Chtoby vidno bylo, kak dnjom» (mistika "nochnogo sveta" u Gogolja) ["To be seen, as in the daytime" (the mystic of "night light" in Gogol)]. *Voprosy filosofii*. № 6. pp. 40-54. [in Russian]

- Kononova, 2015** – *Kononova N.V.* (2015). Alkohol' kak znamenatel' val'purgievoj nochi v tragedii Venedikta Erofeeva «Val'purgieva noch', ili shagi komandora [Alcohol as the denominator of the Walpurgis Night in the tragedy of Venedikt Erofeev "Walpurgis Night, or the steps of the Commander]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki*. № 1. pp. 100-107. [in Russian]
- Kochnova, 2015** – *Kochnova K.A.* (2015). Noch' v jazykovej kartine mira A.P. Chehova [Night in the language picture of the world. Chekhov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 393. pp. 28-36. [in Russian]
- Koshman, 2008** – *Koshman L.V.* (2008). Gorod i gorodskaja zhizn' v Rossii XIX stoletija: social'nye i kul'turnye aspekty [City and city life in Russia in the XIX century: social and cultural aspects]. M.: ROSSPJeN. 446 p. [in Russian]
- Krylova, 2016** – *Krylova A.V.* (2016). Ob odnom moduse voploshhenija obraza nochi v muzyke [About one mode of the embodiment of the image of the night in music]. *Problemy muzykal'noj nauki*. № 3 (24). pp. 131-136. [in Russian]
- Kuznecova, 2012** – *Kuznecova N.I.* (2012). «Noch' nezhdna»: fenomen nochi v raznoobrazii sociokul'turnyh kontekstov [The night is tender ": the phenomenon of the night in a variety of sociocultural contexts] // Noch': zakonomernosti, ritualy, iskusstvo: Vyp. 3. M.; SPb. Nestor-Istorija, 484 p. pp. 14-23. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1911a** – Kurskaja gazeta (1911) [The Kursk newspaper]. № 23. 17 iulja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1911b** – Kurskaja gazeta (1911) [The Kursk newspaper]. № 28. 29 iyulja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1911c** – Kurskaja gazeta (1911) [The Kursk newspaper]. № 3. 29 maja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1911d** – Kurskaja gazeta (1911) [The Kursk newspaper]. № 30. 03.08 avgusta. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1911e** – Kurskaja gazeta (1911) [The Kursk newspaper]. № 31. 05 avgusta. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1911f** – Kurskaja gazeta (1911) [The Kursk newspaper]. № 43. 03 sentjabrja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1911g** – Kurskaja gazeta (1911) [The Kursk newspaper]. № 72. 16 nojabrja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1912a** – Kurskaja gazeta (1912) [The Kursk newspaper]. № 123. 30 dekabrja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1912b** – Kurskaja gazeta (1912) [The Kursk newspaper]. № 44. 06 maja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1912b** – Kurskaja gazeta (1912) [The Kursk newspaper]. № 46. 21 maja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1913a** – Kurskaja gazeta (1913) [The Kursk newspaper]. № 36. 21 aprelja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1913b** – Kurskaja gazeta (1913) [The Kursk newspaper]. № 38. 26 aprelja. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1913c** – Kurskaja gazeta (1913) [The Kursk newspaper]. № 68. 04 avgusta. [in Russian]
- Kurskaja gazeta, 1913d** – Kurskaja gazeta (1913) [The Kursk newspaper]. № 70. 09 avgusta. [in Russian]
- Maksimov, 2010** – *Maksimov B.* (2010). Mnimaja smert' i vozrozhdenie: obraz nochi v «Gimnah k nochi» Novalisa [Imaginary death and rebirth: the image of the night in Hymns to the Night by Novalis]. *Mir romantizma*. № 15 (39). pp. 69-75. [in Russian]
- Margushina, Mandzhieva, 2013** – *Margushina D.V., Mandzhieva B.V.* (2013). Mifopojetika obraza nochi v lirike V. Nabokova [Mythopoeitics of the image of the night in the lyrics of V. Nabokov] // Sbornik trudov molodyh uchenyh, aspirantov i studentov Kalmyckogo gosudarstvennogo universitet. Jelista: «Kalmyckij gosudarstvennyj universitet». pp. 95-97. [in Russian]
- Narboni, 2016** – *Narboni R.* (2016). Ot svetovogo urbanizma k nochnomu urbanizmu [From light urbanism to nighttime urbanism]. *Svetotehnika*. № 6. pp. 30-33. [in Russian]
- Nikolaeva, 2012** – *Nikolaeva E.* (2012). Noch' rukotvornaja: gorodskie sociokul'turnye i hudozhestvennye praktiki // Noch': zakonomernosti, ritualy, iskusstvo: Vyp. 3. M.; SPb.: Nestor-Istorija. 484 p. pp. 122-143. [in Russian]
- «O prodolzhitel'nosti...», 1900** – «O prodolzhitel'nosti i raspredelenii rabocheho vremeni v zavedenijah fabrichno-zavodskoj inspekcii» ot 2 ijunja 1897 g. (1900) ["On the duration and distribution of working hours in establishments factory factory inspection" of June 2, 1897] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 3. T. XVII. S. 355-356.
- Otchet, 1910a** – *Otchet Kurskogo Kommercheskogo Sobranija s 1 oktjabrja 1909 do 1 oktjabrja 1910 g.* (1910) [Report of the Kursk Commercial Meeting from October 1, 1909 to October 1, 1910]. Kursk: Jelektricheskaja tipografija P.Z. Libermana. 52 p. [in Russian]
- Otchet, 1910b** – *Otchet Kurskogo kupecheskogo sobranija s 1 nojabrja 1909 po 1 nojabrja 1910 g.* (1910) [Report of the Kursk Merchant Assembly from November 1, 1909 to November 1, 1910.]. Kursk: Jelektricheskaja tipografija P.Z. Libermana, 59 p. [in Russian]

- Otchet, 1911a** – *Otchet Orlovskogo Kommercheskogo Sobranija s 01.11.1909 g. po 01.11.1910 g.* (1911) [Report of the Orel Commercial Meeting from 01.11.1909 to 01.11.1910.]. Orel: Tipografija gazety «Orlovskij vestnik». 33 p. [in Russian]
- Otchet, 1911b** – *Otchet Orlovskogo kupecheskogo sobranija s 11 marta 1910 po 11 marta 1911 goda* (1911) [Report of the Orel Merchant Assembly from March 11, 1910 to March 11, 1911]. Orel: Tipografija gazety «Orlovskij vestnik» A.I. Aristova. 18 p. [in Russian]
- Otchet, 1908** – *Otchet Orlovskogo kupecheskogo sobranija s 21 nojabrja 1907 po 21 nojabrja 1908 g.* (1908) [Report of the Orel Merchant Assembly from November 21, 1907 to November 21, 1908]. Orel: Tipografija gazety «Orlovskij vestnik» A.I. Aristova. 13 p. [in Russian]
- Otchet, 1906** – *Otchet Semejnogo sobranija Voronezhskogo obshhestva prikazchikov i lic torgovo-promyshlennogo i sluzhebnogo truda s 1 oktjabrja 1905 po 1 oktjabrja 1906 g.* (1906) [The report of the Family Meeting of the Voronezh Society of Shop assistants and persons of commercial, industrial and official labor from October 1, 1905 to October 1, 1906]. Voronezh: Tipo-litografija tovarishhestva «P. Kravcov i Ko», 19 p. [in Russian]
- Otchet, 1913** – *Otchet Semejnogo sobranija prikazchikov g. Tambova s 1 janvarja 1911 po 17 sentjabrja 1912 g.* (1913) [The report of the Family meeting of the clerks of Tambov from January 1, 1911 to September 17, 1912]. Tambov: Jelektricheskaja tipografija P.S. Moskaleva, 76 p. [in Russian]
- Otchet, 1912** – *Otchet Tambovskogo kupecheskogo sobranija za 1911 god.* (1912) [Report of the Tambov Merchant Assembly for 1911]. Tambov: Tipo-Litografija N. Berdonosova i F. Prigorina, 91 p. [in Russian]
- Otchet, 1913** – *Otchet Tambovskogo kupecheskogo sobranija za 1912 god* (1913) [Report of the Tambov Merchant Assembly for 1912]. Tambov: Jelektricheskaja tipografija P.S. Moskaleva, 40 p. [in Russian]
- Pashina, 2011** – *Pashina O.A. (2011). Nochnaja svad'ba na Smolenshhine* [Night Wedding in the Smolensk Region]. *Zhivaja starina*. № 2. pp. 23-25. [in Russian]
- Petrich, 2016** – *Petrich A.S. (2016). Edinicy sutochnogo cikla «noch'» i «den'» v hudozhestvennom mire romana M.A. Bulgakova «Belaja Gvardija»* [The units of the daily cycle "night" and "day" in the artistic world of the novel MA. Bulgakova "The White Guard"]. *Bakalavr*. № 5-6 (18-19). pp. 9-12. [in Russian]
- Radionova, 2012** – *Radionova A.V. (2012). O «nochnom» soznanii v filosofii i poezii* [About "night" consciousness in philosophy and poetry]. *Obshhestvennye nauki*. № 5. pp. 5-14. [in Russian]
- Rossijskaja imperija chuvstv: podhody k kul'turnoj istorii jemocij, 2010** – *Rossijskaja imperija chuvstv: podhody k kul'turnoj istorii jemocij* (2010) [Russian empire of feelings: approaches to the cultural history of emotions]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 511 p. [in Russian]
- Sbornik, 1880** – *Sbornik cerkovno-grazhdanskijh postanovlenij v Rossii, odnosjashhhsja do lic pravoslavnogo duhovenstva* (1880) [The printing house of the General Staff of His Imperial Majesty]. SPb.: Tipografija Glavnogo Shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva, 232 p. [in Russian]
- Semenov, 2010** – *Semenov M.Ju. (2010). Problema istoricheskogo issledovanija fenomena gorodskoj kul'tury. Teatr i teatral'naja zhizn' Kurska v konce XIX - nachale XX vekov kak chast' gorodskoj kul'tury* [The problem of historical study of the phenomenon of urban culture. Theater and the theatrical life of Kursk in the late XIX – early XX centuries as a part of urban culture]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija*. T. 19. № 16. pp. 128-136. [in Russian]
- Sergienko, 2010a** – *Sergienko M.A. (2010). Vlijanie organov obshhestvennogo upravlenija Kurskoj gubernii na strukturu gorodskoj povsednevnosti v konce XIX – nachale HH vv.* [The influence of public administration bodies of the Kursk province on the structure of urban everyday life in the late XIX - early XX centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija Politologija Jekonomika Informatika*. Vypusk 14. № 7 (78). pp. 168-177. [in Russian]
- Sergienko, 2010b** – *Sergienko M.A. (2010). Voprosy gorodskogo blagoustrojstva v dejatel'nosti organov obshhestvennogo upravlenija Kurskoj gubernii v konce XIX v.* [Questions of urban improvement in the activities of public administration authorities of the Kursk province at the end of the XIX century]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija Politologija Jekonomika Informatika*. Vypusk 14. № 7 (78). pp. 137-144. [in Russian]
- Simonova, 2008** – *Simonova V.V. (2008). Holodnyj nochtjurn: antropologija nochi jevenkijskoj derevni* [The cold nocturne: the anthropology of the night of the Evenki village]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. T. XI. № 4. pp. 163-184. [in Russian]
- Sijuhova, 2011** – *Sijuhova A.M. (2011). Noch' kak predmet kul'turologicheskogo analiza* [Night as a subject of cultural analysis]. *Kul'tura i iskusstvo*. № 4. pp. 36-42. [in Russian]
- Tereshhenko, 2008** – *Tereshhenko A.A. (2008). Gorod i prigorodnye slobody Central'no-Chernozemnogo regiona evropejskoj Rossii v 30-90-e gody XIX v.* [The city and suburban settlements of the Central Black Earth region of European Russia in the 30-90s of the XIX century]. *Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3. pp. 18-25. [in Russian]
- Ternovaja, 2015** – *Ternovaja L.O. (2015). Nochi kul'tury vmesto nochej politiki* [Nights of culture instead of nights of politics]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*. № 3 (81). pp. 153-158. [in Russian]
- Timofeev, 1915** – *Timofeev Ja., svjashh (1915). Golos belgorodskih pastyrej* [The voice of the Belgorod pastors]. *Kurskie eparchial'nye vedomosti*. № 27-28. Chast' neof. pp. 501-503. [in Russian]

Timralieva, 2016 – *Timralieva Ju.G.* (2016). «Noch'» i «Večer» kak kljuchevye metafory vremeni v lirike i maloj proze nemeckogo jekspressionizma ["Night" and "Evening" as key metaphors of time in the lyrics and small prose of German expressionism]. *Kognitivnye issledovanija jazyka*. № 25. pp. 415-420. [in Russian]

Uveselenie, 1914 – *Uveselenie pod prazdnik* (1914) [Cheerful holiday] // Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti. № 24. 15 dekabnja. Chast' neofizial'naja. pp. 433-434. [in Russian]

Ustav, 1896 – *Ustav Kurskogo kommercheskogo sobranija* (1896) [Charter Kursk commercial meeting]. Kursk: Tipo-litografija Brat'ev N. i I. Vaninyh. 15 p. [in Russian]

Shesterkina, 2009 – *Shesterkina N.V.* (2009). Koncepty den'/noch': na materiale russkih poslovic [Concepts day / night: based on Russian proverbs]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*. № 8-2. pp. 208-210. [in Russian]

Shtern, 2012 – *Shtern M.S.* (2012). «Nochnye» cikly v literature romantizma: «Russkie nochi» V.F. Odoevskogo i «Florentijskie nochi» G. Gejne [«Nochnye» cikly v literature romantizma: «Russkie nochi» V.F. Odoevskogo i «Florentijskie nochi» G. Gejne]. *Vestnik Omskogo universiteta*. № 2 (64). pp. 403-407. [in Russian]

Shtyrlina, 2011 – *Shtyrlina E.G.* (2011). Noch' v pojeticheskom jazyke I. Brodskogo [The night in the poetic language of I. Brodsky]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. T. 16. № 3. pp. 729-732. [in Russian]

Shubakova, 2016 – *Shubakova E.A.* (2016). Opisanie nochi v povesti N.V. Gogolja «Majskaja noch', ili utoplennica» [Description of the night in the story of N.V. Gogol "May Night, or the Drowned Woman"] // Pervye Shheulinskie chtenija (Lipeck, 25 marta 2016 goda). Lipeck: LGPU, Ch. 2. 251 p. pp. 103-108. [in Russian]

Urban culture, 2001 – *Urban culture: the culture of the day and the culture of the night* (2001) // Encyclopedia of european social history from 1350 to 2000. New York: Scribner. Vol. 2. p. 245. [in English]

Verlust der Nacht, 2013 – *Verlust der Nacht* (2013). Backnang: WIR machen DRUCK GmbH [Loss of the night]. 32 p. [in German]

УДК 93/94

«Ночь» как особое измерение человеческого бытия в культурной жизни русского провинциального города в условиях исторического перехода конца XIX – начала XX века

Евгения Николаевна Меньшикова ^{a, *}, Михаил Юрьевич Семенов ^a, Константин Викторович Козлов ^a, Евгений Владимирович Дворецкий ^a

^a Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена историческому исследованию «ночи» как особого измерения человеческого бытия жителей ряда русских провинциальных городов в конце XIX – начала XX в. Исследование истории культурной жизни различных русских городов на рубеже столетий имеет глубокие традиции в отечественной исторической науке. Этой проблеме посвящено множество фундаментальных работ, а также работ краеведческого характера. Вместе с тем, обращение к исследованию истории культурной жизни русского провинциального города в ночное время, выделение ночной культурной жизни в качестве отдельной научно-исследовательской проблемы, и проблема влияния ночи на содержание и характер самой культурной жизни представляется авторам статьи несколько нетрадиционным и недостаточно изученным сегментом. Обращение к данной теме связано с антропологизацией современной исторической науки и устойчивым интересом к различным проявлениям человеческого в прошлом. Авторами предпринята попытка охарактеризовать ночь как особый тип социальной и пространственно-временной организации жизни города. Использование разнохарактерных исторических источников позволило выявить информацию о событиях ночной культурной жизни ряда русских провинциальных городов рассматриваемого периода. При анализе этих исторических источников предполагается ответить на следующие вопросы: становится ли ночь самостоятельным («заметным» / «видимым») социокультурным феноменом в жизни русских провинциальных городов; существовало ли законодательное «нормирование» ночи; как и кем формировалось культурно-историческое пространство ночи в русском «захолустье»; существовали ли материально-технические условия для выделения «ночной жизни» в отдельный сегмент социальной реальности в русском провинциальном городе.

Ключевые слова: «ночь», культурная жизнь, город, русская провинция, конец XIX – начало XX века.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: menshikova@bsu.edu.ru (Е.Н. Меньшикова), semenov@bsu.edu.ru (М.Ю. Семенов), kozlov@bsu.edu.ru (К.В. Козлов)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1468-1479, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1468
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.1

The Concepts of Multifactor and the Historical Regularity in Russian Liberal Historical Thought at the turn of XIX and XX centuries

Andrei A. Konovalov ^{a,*}, Muslim S. Tamazov ^a, Maryana B. Shorova ^a, Svetlana G. Mirzoeva ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

The turn of the XIX and XX centuries is the time of rapid development of historical science. This period is characterized by a crisis of classical scientific instruments and the search for new methods and approaches to understanding the historical process. The liberal direction of historical science was at the forefront of this process. Historians - representatives of this trend tried to adapt the heuristic means of classical rationality to the changing intellectual climate in historical science. The study of these searches is of interest for today, when many researchers, trying to find an answer to the challenge of postmodernity, are building a neoclassical model of explaining the past.

The article explores the fundamental principles of the liberal historical paradigm. Most of the liberal historians were based on positivist methodology. It is this direction of liberal historiography that has become the subject of this article. The theoretical bases of scientific views of N.I. Kareyeva, P.N. Milyukov, E.V. De Roberti and other positivist historians. In a situation of clashes with empirio-criticism and neo-Kantianism, they defended the fundamental principles of the classical view of the historical process. Their scientific worldview continued to be based on the principle of historical pluralism, within which they developed the concept of the multifactority of the process of social evolution. Another important principle of historical explanation, which they defended in their polemics with opponents, was the principle of reliance on facts, the desire to avoid unconfirmed metaphysical generalizations.

At the same time, the need to adjust their scientific attitudes in accordance with the changed intellectual climate led to the emergence of contradictions in their theory of history. Antimetaphysical aspirations were combined with the construction of schemes, the bases of which, in fact, were speculative constructions that went beyond the world of phenomena.

Keywords: russian liberalism, positivism, history, and Russian historical thought, historical regularity, the theory of multifactor, historical fact.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. в отечественной исторической науке произошло столкновение теоретико-методологических установок классической рациональности, высшим проявлением которой стал позитивизм, и неклассической парадигмы, которая была представлена главным образом неокантианством и некоторыми идеями эмпириокритицизма. Еще в конце XIX в. позитивистское течение в российской исторической мысли оставалось доминирующим, но уже с 1890-х гг. наблюдается антипозитивистская реакция. Историческое сознание, опиравшееся на парадигму классического рационализма, в начале XX в. оказалось в ситуации кризиса. Односторонность и прямолинейность прежних методологических принципов стала причиной их переосмысления. Позитивистские взгляды на взаимодействие субъекта и объекта, отрицание активности субъекта в

* Corresponding author

E-mail addresses: homunculus2@yandex.ru (A.A. Konovalov), muslimt@mail.ru (M.S. Tamazov), mshorova@mail.ru (M.B. Shorova), mirzoevasveta@mail.ru (S.G. Mirzoeva)

процессе исторического познания стали восприниматься как упрощенные и не соответствующие новым задачам науки.

Влияние неокантианства привело к пересмотру принципов закономерности развития общества. Критика со стороны неокантианства стимулировала позитивистски настроенных историков (П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, Н.П. Павлова-Сильванского, А.А. Корнилова, Б.И. Сыромятникова и др.) к новому осмыслению своих взглядов на проблемы развития государства и общества. Однако они не собирались сдавать свои позиции, стремясь, с одной стороны, отстоять базовые принципы методологии классической рациональности, с другой, - приспособить ее основы «к новой теоретической атмосфере».

2. Материалы и методы

2.1. В качестве источников выступает ряд неопубликованных документов фондов Государственного архива Российской Федерации и опубликованных текстов, в которых нашли отражение теоретико-методологические взгляды представителей либерально-позитивистского крыла исторической мысли рубежа XIX и XX веков. Используемые опубликованные источники условно можно разделить на несколько групп:

- теоретические и методологические исследования историков-либералов, как позитивистской ориентации, так и их оппонентов, внутри либерального лагеря, ориентировавшихся на другие теоретические паттерны;

- историографические работы, исследующие с либеральных позиций предшествующие направления исторической науки;

- исследования историков-либералов общего характера и тексты, посвященные специальной проблематике;

2.2. Либеральная общественно-политическая мысль характеризуется диалектичностью, это обусловило использование диалектического метода при анализе идейно-теоретического содержания изучаемой проблемы. Данный подход позволил выявить противоречия в либеральных концепциях и проследить перспективы их разрешения.

Характер исследуемого материала создал необходимость применения междисциплинарного подхода. Использование системного подхода позволило проанализировать соотношение исторического обоснования либерализма и либеральной парадигмы в целом, как взаимоотношения «элемент-система».

Модернизационный подход создал общий исторический фон данного исследования и позволил определить общее и особенное в условиях деятельности российского либерализма и формировании либеральных теоретических концепций.

3. Обсуждение

В отечественной историографии проблеме изучения различных аспектов развития либеральной традиции в общественно-политической и духовно-интеллектуальной жизни России отведено значительное место.

Советские исследования о либеральной общественно-политической мысли конца XIX – начала XX в. опирались на устоявшееся в науке утверждение о переживаемом ею кризисе. Понятие «кризис» использовалось для обоснования беспомощности «буржуазных» деятелей в объяснении прошлого. В работах советских авторов допускались неточности и искажения при анализе дореволюционных концепций и идей. Тем не менее, многие исследования, выполненные в рамках марксистской историографии характеризуются высоким научным уровнем. Их авторы сумели адекватно представить взгляды либеральных историков на российский общественно-политический процесс.

Со второй половины 1980-х гг. в отечественной историографии происходит обновление концептуальных подходов к осмыслению теоретического наследия либералов. Наблюдается систематическое изучение общественно-политической и творческой деятельности представителей либеральной мысли.

Современные исследования характеризуются наличием методологического плюрализма в изучении феномена российского либерализма. Часть авторов рассматривает либерализм как социально-политическое явление в общероссийском историческом контексте, в сознании других исследователей он предстает как подвижный социокультурный феномен. Наиболее плодотворным нам представляется подход, подчеркивающий амбивалентность либеральной мысли.

Очевидно, что проблематика российской общественно-политической мысли требует глубокого научного осмысления. В данной статье рассмотрен один из множества аспектов проблемы – один из вариантов исторического обоснования либерализма.

4. Результаты

Анализ русской исторической мысли рубежа XIX и XX столетий делает очевидным тот факт, что российский либерализм при всей его целостности оказывается внутренне дифференцированным. В этой связи особое место занимают представления позитивистского крыла либеральной мысли о месте России в мире.

Позитивистские принципы разделяли многие крупнейшие русские либеральные мыслители, среди которых П. Милюков, Н. Кареев, А. Кизеветтер, А. Корнилов и другие. При этом большинство из них не были позитивистами в строгом контовском или спенсеровском смысле. Из философских систем классического позитивизма они брали то, что соответствовало их собственному мировоззрению, научным или политическим задачам.

В конце XIX в. на первое место в русской исторической науке и общественно-политической мысли выходит неокантианское направление. Влияние неокантианства привело к переосмыслению рядом исследователей принципов закономерности развития общества. Для А.С. Лаппо-Данилевского, склонного к позитивистской методологии, но впоследствии перешедшего на позиции неокантианства, понятие закономерности – лишь продукт человеческого сознания. Сходной точки зрения придерживался Р.Ю. Виппер. Будучи последователем эмпириокритицизма – второго этапа развития позитивизма – Виппер отходит от свойственных классическому позитивизму методов обоснования общественных закономерностей – законами биологическими. Он противопоставляет историческое и естественнонаучное познание. Отказывается он и от свойственного классическому позитивизму объективизма, воспринимая релятивистскую концепцию. То, что мы называем историческими фактами и процессами, полагал Р.Ю. Виппер, есть данные сознания историка, созданные из необозримого хаоса ощущений, есть одна из субъективных категорий, причем категория, изменчивая по своему содержанию (Шапиро, 1962: 128). Исторические теории и концепции, по его мнению, не являются адекватным выражением действительности. Это – всего лишь результат организации исторического материала, конструкции, созданные нашим сознанием на основании результатов интерпретации им данных опыта и способности группировать и сцеплять воедино то, что мы называем фактами прошлого. Любая историческая концепция, таким образом, не может претендовать на какое-либо объективное значение, то, что мы полагаем объективной действительностью, есть не более чем субъективная категория. Исторические законы, таким образом – ограничительное условие, которое мы вносим, руководствуясь возрастающим опытом в наши ожидания и предвидения (Сафронов, 1976, 164). Любой исторический феномен – это бесконечное количество процессов, объединенных в одно целое исключительно в нашем сознании. Предвосхищая рассуждения Т. Куна, Виппер считал, что наши современные представления о развитии общества научнее средневековых представлений только потому, что объясняют большее количество явлений. Критерием научности является, таким образом, принцип «экономии мышления», разработанный Э. Махом. Все эти идеи не могли не учитываться либеральными мыслителями позитивистского направления.

Позитивистское крыло либеральной мысли в начале XX века столкнулось с ситуацией кризиса позитивистской методологии истории и социологии. Его причины можно объяснить внутренней логикой развития исторической науки, необходимостью пересмотра господствующих в ней ранее принципов позитивистской философии истории, страдавшей односторонностью и прямолинейностью подходов, не учитывавшей в должной степени сложности взаимодействия субъекта и объекта в процессе постижения прошлого и активности субъекта такого процесса (Рамазанов, 1999: 22-23). Критика методологии позитивистов со стороны неокантианства побудила историков-позитивистов к новому осмыслению традиционных позитивистских взглядов на общество. Однако представители позитивистского течения не собирались сдавать свои позиции. В условиях борьбы альтернативных методологических концепций представители позитивистского крыла пытались, с одной стороны, отстоять базовые принципы своей методологии, с другой, – приспособить ее основы «к новой теоретической атмосфере». Это оказало самое непосредственное влияние и на осмысление либералами-позитивистами места России в мировом культурно-историческом процессе.

Важнейшими новыми явлениями в исторической эпистемологии рубежа XIX–XX вв. стали: «1) творческая активность субъекта познания и зависимость от нее результатов научного опыта; 2) неожиданно сложный и непредсказуемый в своих характеристиках окружающий мир, не укладывающийся в разработанную систему понятий и законов; 3) релятивный характер научных истин; 4) зависимость результатов научного опыта от применяемого метода; 5) возможность и совместимость различных теоретических формул для одних и тех же фактов; 6) роль бессознательного в жизни общества и индивида» (Нечухрин, 2003: 87).

Не приемля релятивистского обоснования истории, историки-позитивисты рубежа XIX-начала XX в. отстаивали принципы классического позитивизма: онтологический натурализм (представление о глубинной взаимосвязи социальной и природной среды); утверждение возможности познания

природы социального; интерес к общим проблемам общественных наук, в частности, к понятиям об обществе, порядке, прогрессе; интерпретация идей социальной физики Конта как проекта новой науки, в которой социология занимает ведущее место. В то же время кризис начала XX века благотворным образом сказался на состоянии исторической науки и общественно-политической мысли. Происходило расширение исторического кругозора ученых. Усиливается интерес к психологическим элементам социологической теории и связанный с этим субъективизм, «плюралистичность» социологической теории. Но, все же, ядро позитивистской методологии либералы исследуемого направления попытались сохранить.

Концепция классического позитивизма, привлекала историков «своими идеями о закономерном прогрессивном характере исторического процесса», «утверждением возможности достижения в истории такой же объективности, посредством таких же рациональных методов, как и в естественнонаучных дисциплинах, уверенностью, что в исторической науке возможны такие же законы, как в физике и в биологии» (Рамазанов, 1999: 69). Так, Д.М. Петрушевский утверждал, что «не может быть речи об исторических законах... можно говорить лишь о законах социологических» (Петрушевский, 1916: 18).

В этой ситуации они должны были сформулировать свою позицию по ряду проблем, наиболее важными из которых представляются следующие: принцип опоры на факты; плюралистическая теория многофакторности процесса общественной эволюции; понимание исторической закономерности.

В начале XX века стремление идеологов либерализма, придерживающихся позитивистского мировоззрения, избавиться от метафизических рассуждений и спекулятивных обоснований своих теорий выглядело весьма современно. Спекулятивную философию истории (объяснение исторических явлений «не на основании эмпирических данных, а с помощью умозрительных построений» (Макушин, Трибунский, 2001: 339) они пытались заменить «научной социологией» (Медушевский, 1991: 24). Такая позиция позволяла позитивистам претендовать на преодоление дихотомии «идеализм-материализм», объявив оба направления вариантами «метафизики». Построенные на их основе исторические гипотезы, полагал Милоков, являлись последовательным приложением мировоззренческих положений о духовной или материальной основе истории к объяснению исторических явлений (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Л. 13; Д. 3404. Л. 14). Милоков «пытался доказать, что его теоретические и концептуальные построения имеют строго «позитивный» характер, полностью базируются на фактах» (Сидненко, 2008: 55).

Милоков сторонился метафизики потому, что она не могла дать надежных результатов – «там приходилось иметь дело не с фактами, а с ценностями и там вступали в свои права вера, чувство, интуиция». Милоков настаивал, на том, что его «теоретические и концептуальные построения имеют строго «позитивный» характер, полностью базируются на фактах, без примеси субъективизма» (Макушин, Трибунский, 2001: 339).

Оппонент Милокова, сторонник релятивистской «критической» концепции исторического процесса Р.Ю. Виппер, в этом отношении согласился с ним. «Новая социальная философия не допускает особых духовных сущностей, витающих в истории и толкающих ее; она не видит в идеях двигателей событий и людей. Идеи – только знаки, символы действий, показатели интересов, они не цели и не целесообразные размахи. Они – произвольные выражения тех же самых мотивов, которые выступают в действиях. Идеи – лишь громкие свидетели, но не творящие начала» (Виппер, 1912: 272). Попытки объяснить исторический процесс, выходящий за пределы истолкования феноменов, он трактует как метафизическую реакцию, базирующуюся на идеалистической философии (Виппер, 1912: 272).

Феноменализм, лежащий в основе исторических и социологических концепций либералов-позитивистов, приводил их к выдвиганию на первый план методологического принципа опоры на факты.

Российский социолог, философ-позитивист Е.В. де Роберти, указывая на необходимость опираться в исследовании не на метафизические категории, а на факты и только на их основе делать широкие обобщения, отмечал, что следует «идти от исследования конкретных исторических фактов, управляемых законами второго порядка, к познанию отвлеченных социологических истин, нормируемых законами первого порядка» (Де Роберти, 1909: 43).

Позитивисты декларировали свое нежелание заглядывать «за пределы мира явлений, в «непознаваемое» (Пустарнаков, 2000: 22). Принимая существование некоторых вопросов, не решаемых в рамках опыта, но доступных лишь «философскому объяснению», Милоков, тем не менее, резко критиковал метафизические попытки объяснения сущности явлений не на основании эмпирических данных, а с помощью умозрительных построений (Сидненко, 2008: 54). Милоков был уверен в первичности объективного факта, на основе которого впоследствии создается историческая теория или концепция (Сидненко, 2006: 95).

При этом историкам-позитивистам был свойствен объективизм и стремление свести к минимуму роль исследователя. Каждый факт считался независимым от познающего субъекта, поэтому все субъективные элементы, привносимые точкой зрения историка, полагали указанные мыслители, должны быть уничтожены. Историк не должен давать оценки фактов, его дело сказать

каковы они были. «Я всегда был против раскраски фактов», - писал Милуков, заявляя о своем стремлении заставить «говорить факты их подбором и сопоставлением их в естественном порядке» (Милуков, 1990: 178). Главной задачей историка он считал открытие закономерностей социальной эволюции.

Позитивистский культ фактов подвергался критике со стороны историков, исходивших из принципов эмпириокритицизма. Р.Ю. Виппер, полемизировал с позитивистской убежденностью в том, что факты – достаточный элемент дискурса историков, что для исторического исследования достаточно выявить раз и навсегда данный факт. По мнению Виппера, исторический факт как следствие теоретических построений исследователя представляет собой «результат... нашей привычки воспринимать впечатления в известной группировке». «Факты» появляются и исчезают в различных исторических представлениях и картинах. Факты существуют для одного глаза и отсутствуют для другого» (Виппер, 1912: 31-32). Сконструировав, таким образом, факты, историческое сознание создает универсальные, термины, лишённые пространственной и временной локализации, посредством которых в дальнейшем происходит осознание действительности прошлого. Необходимость взгляда на прошлое посредством укорененного в сознании терминологического ряда заставляет исследователя при дальнейшем изучении помогать себе новыми формулами и рядами «предвзятых комбинаций» (Виппер, 1912: 38-39, 42).

Представление классического позитивизма о монистической обусловленности исторического процесса было пересмотрено. Была создана теория многофакторности. Это не отменяло монистического взгляда на исторический процесс. По их мнению, подлинный монизм в понимании исторической реальности заключается не в доминировании одного фактора, а в понимании истории как потока, в котором объединяются все факторы развития. Стремление избежать глобальных, «спекулятивных» обобщений приводило многих историков-позитивистов к отрицанию существования какого-либо главного или решающего фактора исторического процесса, или, как предпочитали говорить многие из них, социальной эволюции. При изучении развития общества, полагали они, необходимо изучать меняющуюся роль каждого из действующих факторов. И если в конкретных трудах они уделяли преимущественное внимание социально-экономической стороне истории, то на уровне теории исходили из идеи равнозначности различных факторов, выступали против «крайностей» материализма и идеализма (Нечухрин, 2003: 27-28).

Так, например, Милуков, выделяя в качестве сторон исторического процесса экономическую, политическую, государственную, умственную, правовую, религиозную и эстетическую, вопрос о том, какие из перечисленных сторон – главные, а какие – второстепенные считал открытым. Попытки же свести эти стороны исторической эволюции к какой-нибудь одной историк называл «совершенно безнадежными» (Милуков, 1909: 3-4). Милуков выступает против историков, которые важнейшим считают изучение духовного начала и ставят «душу» на недостижимую высоту над «материей». В этом он даже был готов солидаризироваться с «экономическим материализмом» (марксизмом). Но далее он дистанцируется и от последнего, объявляя материальный характер экономического производства кажущимся. Явления экономики, по его мнению, происходят в той же психической среде, как и все другие явления общественности. И, оставаясь в рамках социологического объяснения, «мы не можем выйти за ее пределы». Противоположность же духовного и материального начал снимает научный синтез. Жесткая взаимосвязь культурно-исторического процесса и экономического базиса им отрицается. Историк, по мнению Милукова, должен следить за параллельным развитием различных сторон человеческой деятельности. Политическая, экономическая история, история культуры развиваются как бы параллельными рядами, и внимание уделяется изучению внутренней эволюции каждого из них.

Принцип многофакторности в той или иной мере разделяли все либералы позитивистской ориентации. «В истории каждого отдельного народа, - писал Н.И. Кареев, - проявляется не одна какая-либо действующая сила, а действует великое множество таких сил. Даже отдельные события в жизни каждого народа порождены обыкновенно сочетанием целого ряда причин, из которых каждая есть не что иное, как место встречи или пересечения также нескольких самостоятельных каузальных рядов. Законов, действующих в общественной и исторической жизни человека много, и лишь разные сочетания их действий в отдельных случаях производят некоторое общее течение исторического процесса, а не какой-то единый основной закон, из которого все остальное вытекало бы как из основного источника» (Кареев, 1915: 47).

М.М. Ковалевский полагал, что любой общественный факт или явление обуславливаются множеством причин, при этом, ни одну из них он не объявлял главной, доминирующей, считал, что развитие науки не говорит «в пользу признания первенствующего значения ни за одним, так называемых факторов развития» (Ковалевский, 1905). Если же доминирующий фактор все же выделяется, то это свидетельствует, по мнению Ковалевского, о «добровольной односторонности» исследователя (Ковалевский, 1905: 14). Он подчеркивал, что экономические явления обусловлены психически, вызываются к жизни определенными запросами и чувствами. Каждое экономическое явление обладает двойственной природой, будучи материальным по своим последствиям и духовным в своем базисе (Ковалевский, 1905: 9).

Признание многофакторности исторического процесса приводило к тому, что он виделся

многогранным явлением. Общество рассматривалось как разноуровневая, саморазвивающаяся система, имеющая сложный характер взаимосвязей между ее составляющими. «Выделенный на общественном уровне, каждый фактор имел свою степень исторической конкретизации, на которой только и имело смысл его рассматривать». Очевидно, с ним следует согласиться и в том, что принцип многофакторности имел и свою ограниченность. Сам по себе он еще не решал проблемы системного единства концепции; преодолеть ограниченность дуалистических взглядов в рамках данной теории, в конечном счете не удалось. И если материалистический монизм сводит основные принципы общественного бытия в определенную систему, то дуалистический подход лишь позволяет рассмотреть две его параллельные стороны (Шувалов, 1999: 28).

И, все же, этот принцип позволил преодолеть односторонность классического позитивизма, единым образом решавшего все исторические проблемы. В столкновении с неокантианской точкой зрения (по которой исторический закон есть не столько реальные отношения, сколько следствия субъективного взгляда исследователя) была сохранена базовая идея закономерности исторического процесса. Позитивистская теория начала XX в. стала более глубокой и сложной.

Критикуя упрощенное понимание исторического развития, Виппер удерживается, однако от позиций крайнего релятивизма. Одной из важнейших задач науки он считал выявление взаимосвязи общественных явлений, сходств и аналогий, выстраивание причинно-следственных рядов. Виппер предлагает избавиться от соблазна приписывать исторической действительности не свойственные ей формы организации. Он признает, что социальные явления – отнюдь не «горы случайностей», а группы сцеплений, образующих «повторяющиеся единства». Осмысление связей между явлениями необходимость и главная исследовательская задача. Виппер не против установления и исторических «законов». Он лишь предлагает их понимать не как неминуемо действующие организующие силы исторического процесса, но и как «ограничительные условия, которые мы вносим, руководствуясь возрастающим опытом в наши ожидания и предвидения» (Виппер, 1912: 278). Главная проблема субстанционализма (который проявляется как в позитивистских представлениях о прогрессизме, так и в идеалистических столкновениях истории) по мнению Виппера, имеет гносеологический характер. Все дело в правильной постановке научных проблем. «Вопрос наперед определяет ответ, он уже заключает в себе те группы и рамки, в которых потом подыскивается материал». Всем, кому методы научного критицизма кажутся «медленными и ползущими», Виппер предлагает получать «в ответе на свои вопросы отражения собственных видений» (Виппер, 1912: 279).

В ситуации кризиса, либералы-позитивисты в отличие от Виппера, не отказывались от сложившихся взглядов в трактовке проблемы исторической закономерности. Они «не сомневались в самой идее о законосообразном развитии исторического процесса. Они воспринимали её как исходное положение, не требующее доказательств, поскольку в природе всё закономерно, а общество, как продукт эволюции, имеет органическую сущность и развивается по своим внутренним законам» (Леонченко, 2016: 35). Историки-позитивисты могли спорить о характере законов исторического развития (Нечухрин, 2003: 20), «о том, выявлены ли они, либо это дело будущего, о том, какая конкретно наука их открывает – история, социология, или психология; само же существование законов было священным принципом, догматом веры, из которого исходил всякий исследователь. Они отвергали гносеологический релятивизм, свойственный неокантианству и эмпириокритицизму и в то же время пытались использовать новейшие достижения философии.

Н.И. Кареев подверг критике традиционное понимание идеи исторической закономерности. Он подчеркивал, что «история есть процесс, состоящий из последовательной смены явлений, которые нам даются лишь один раз в данной совокупности, другими словами исторические факты не повторяются, они вполне индивидуальны. Исторические законы для него – «могила истории» (Кареев, 1889: 106, 142). Они относятся «к области химер, вроде философского камня». Однако даже Кареев – наибольший в лагере позитивистского либерализма скептик в отношении исторических законов – не был представителем гносеологического релятивизма, подобно Випперу.

Суровые инвективы, вроде вышеприведенных, относятся не к идее закономерности, «сообразности», а к метафизической историософии, базирующейся на знаниях, полученных априорным путем (Кареев, 1916: 24). Общественные явления, как и явления материального мира, объявляются подчиненными действию естественных законов. Поэтому задача истории, как и любой другой науки – «познание действительности, открытие объективной истины, установление причинной или эволюционной связи между явлениями, возведение отдельных фактов к общим началам, проникновение в сущность законов, управляющих явлениями» (Кареев, 1894: 505). Еще важнее для науки законы развития не общества «взятого как единое целое, а известных сторон общественной жизни, представляющих собой... не столь сложные явления» (Кареев, 1915: 37-38).

Другие либералы-позитивисты еще в большей мере принимали идею закономерности. А.А. Кизеветтер подчеркивал особую значимость исторических обобщений, ставил сложную методологическую задачу определения связи этих обобщений с детальным изучением общественных явлений (Вандалковская, 1990: 244). Стремился отыскать исторические закономерности и Н.П. Павлов-Сильванский (Шапиро, 1962: 77). Открытие законов исторического развития считал целью историка Б.И. Сыромятников (Сыромятников, 1906: 94). «Нет явлений без законов» – полемизировал Милуков с Кареевым (Милуков, 1887: 91). Милуков выступал приверженцем именно

идеи объективной закономерности, присущей самой действительности (Макушин, Трибунский, 2001: 347). По их словам, он «предпочитал иметь дело не с прагматической политической историей, а с социально-экономическими процессами, которые можно изучать статистически. Таким путем он надеялся уйти от истории как случайного нагромождения фактов и приблизиться к пониманию ее «законов» (Макушин, Трибунский, 2001: 343-344).

Либералы-позитивисты не принимали неокантианского деления на номотетические и идиографические науки. Они предпочитали настаивать на принципах классического позитивизма. Отвергая неокантианское противопоставление естественных и общественных наук, Милоков заявлял о своем стремлении находить объяснение явлений общественной жизни в «более простых явлениях мира – физических, химических, биологических», и распространять понятие закономерности «из области естественных наук в область наук гуманитарных» (Милоков, 1909: 9). Выступая против неокантианского понимания истории как индивидуализирующего знания, Милоков был уверен, что история должна изучать преимущественно не единичное, а общее. «При всем своем эмпиризме, особенно и единичному описательный историк отводил подчиненную роль по отношению к конструированию общих законов развития общества» (Рамазанов, 1999: 71). Уступка делается лишь в утверждении, что всякая конкретная наука является низшей степенью науки абстрактной. Конкретной наукой считается история, абстрактной – социология. Но и здесь, полагал Милоков, не стоит проводить резкой грани; тенденция же развития указанных наук – в их сближении (Вандалковская, 1990: 122; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Л. 8; Д. 3487. Л. 1-2). Милоков выступал приверженцем именно идеи объективной закономерности, присущей самой действительности.

Подобно тому, как существуют закономерности в природе, полагали позитивисты, существует и объективная историческая закономерность; именно она должна лежать в основе научного или социологического объяснения истории. Наука, пытаясь отыскать их, может ошибаться, считая исторической закономерностью не столько реальные отношения, сколько идеальный тип. Этим грешит «метафизика» и «философия истории», являющаяся тем паровым котлом, «в котором возможные иррациональные обрезки человеческого духа претворяются в однородную и бесцветную массу высшего синтеза, готовую принять в умелых руках какую угодно форму» (Милоков, 1909: 8, 6). Осознавал Милоков и то, что действительность слишком многообразна, чтобы в полной мере следовать закономерности. Невозможность подвести все многообразие исторической реальности под единый ранжир заставила Милокова признать, что «установить дедуктивным путем известной закономерности развития - еще не значит объяснить вполне историческую реальность». Выделенная в качестве закономерной тенденция есть только один из факторов исторического процесса и, кроме того, такая тенденция никогда не осуществляется в чистом виде» (Милоков, 1909: 11).

Кризис традиционного позитивистского мировоззрения и влияние неокантианства вынуждали Милокова смягчать жесткий позитивистский детерминизм, заставляя отчасти признавать значение субъективного взгляда исследователя и влияние его взглядов и предпочтений на научную концепцию. Позитивистская «социология», по мнению Милокова, осознает, что часто «историческим законом» в популярной речи называют произвольным образом объединенные в сознании факты. «Мы рассуждаем о причинах развития реформации или о причинах неудачи революции, как будто бы реформация и революция были каким-то осязаемым предметом, а не бесконечным количеством фактов, объединяемых в одно целое исключительно в нашем сознании. При этих условиях мы легко принимаем за исторический закон такие сочетания явлений, которые, собственно говоря, требуют еще дальнейшего, более глубокого анализа» (Милоков, 1909: 8). Однако далеко это влияние не пошло. Милоков и другие позитивистски настроенные историки и политические деятели настаивали на необходимости объективной оценки исторических событий. Субъективистское представление неокантианства об определяющей роли исследователя в построении исторической теории отвергается. По мнению Кареева, необходимо устранять влияние характера и среды на исследователя, освобождаться от стремления вносить произвол, пристрастие и односторонность в исторические концепции. Единственный субъективизм, который может позволить себе историк – это общечеловеческая точка зрения (Кареев, 1889: 382, Золотарев, 1991: 127-131).

В общем, для позитивистской социологии были характерны: отстаивание детерминизма против идеи свободы действия; прогрессизм; примат общего перед индивидуальным, общества перед государством (Бон, 2000: 230).

Логическое развитие принципа феноменализма могло бы привести к отрицанию существования вечных и неизменных законов, управляющих человеческим обществом и его историей. Следствием недоверия к «метафизике» должно было бы стать удаление из научного арсенала представления о том, что все общество, весь всемирно-исторический процесс развивается по единому, раз и навсегда заданному плану. Однако научные концепции большинства либералов-позитивистов в начале XX в. не развивались ни в сторону неопозитивизма, ни в сторону неокантианства. В ситуации борьбы позитивистского и неокантианского взглядов на исторический процесс, либералы-позитивисты продолжали ориентироваться на принципы объективизма и детерминизма, обнаруживая склонность к конструированию «вечных и неизменных законов» (Могилицкий, 1969: 128).

Пафос борьбы со спекулятивной философией в их концепциях сочетался с унаследованным от классического позитивизма стремлением к созданию «большой теории», способной к синтетическому объяснению всех сторон действительности. Позитивистски ориентированные либералы зачастую «не замечали» фактически спекулятивного характера их научных допущений. Одними фактами обойтись невозможно, их подбор и сопоставление, которыми ученые-позитивисты хотели «заставить говорить» саму реальность, есть проявление того самого «приложения мировоззренческих положений о духовной или материальной основе истории к объяснению исторических явлений» (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Л. 13; Д. 3404. Л. 14), против которого так горячо выступал Миллюков.

Одним из источников тяготения либералов исследуемого направления к спекулятивности были сами принципы позитивизма. Учение Конта о трех стадиях общественной эволюции по сути представляло собой «большую», спекулятивную теорию. Она не была эмпирически верифицируема.

Попытка отстоять принципы классического позитивизма на фоне увеличивающейся популярности неокантианства заставляла либералов еще активнее настаивать на объективном характере «открытых» ими закономерностей, а также усиливать «жесткость» действия исторических законов в своих научных концепциях: «номотетический» характер своих научных построений. Миллюков «не был свободен от субъективизма» и осознавал существенное влияние априорности своих исходных мировоззренческих установок на научные взгляды (Макушин, Трибунский, 2001: 339). Желание оставаться на почве факта, объяснять исторические феномены каждый раз выявляя конкретную ситуацию, явившуюся причиной того или иного исторического события, сочеталось у либералов-позитивистов с выстраиванием схем, весьма напоминавших подвергаемые критике «метафизические спекуляции».

Еще в начале XX века Н.М. Соколов обвинял Миллюкова в том, что «он грешит тем, в чем обвиняет своих противников», т.е. в склонности к метафизике и «спекулятивному мышлению»: «Миллюков по наклону своего ума, по методам и приемам мышления отъявленный метафизик» (Скиф, 1903: 676). Соколов полагал, что, декларируя приверженность к эмпирическим данным и фактологии, Миллюков в действительности основанием своей концепции делает не факты, а процессы мышления, выходит за пределы феноменального мира и демонстрирует почти в каждом утверждении внутреннее противоречие (Скиф, 1903: 275). На пользу подобным обвинениям послужила знаменитая фраза Миллюкова из «Очерков по истории русской культуры», в первом томе которых он объявляет о том, что принимает закономерность исторических явлений «совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы... даже если бы нам никогда не было суждено было открыть ни одного исторического закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки предполагать закономерности социального процесса» (Миллюков, 1909: 8).

Таким образом, уже в самой основе мировоззрения либералов, разделяющих принципы позитивизма, обнаруживается важное противоречие между стремлением избежать метафизики неподтвержденных обобщений и созданием «больших» теорий, основания которых, по сути, представляют собой умозрительные построения, выходящие за пределы мира явлений. Противоречие это коренится как в самих принципах позитивистской методологии, так и в разнонаправленном взаимодействии принципов классического позитивизма и неокантианства в сознании деятелей части либеральной общественно-политической мысли.

Представление о неминуемом действии исторической закономерности привнесло в либеральные исторические концепции весомый элемент фатализма. Либералы пытались отрицать его наличие. Но рассмотренные выше особенности их научных построений снижали убедительность этих попыток. Показательный пример тому – рассуждения Б.Н. Сыромятникова. Подчеркнув, что «планомерная сознательная деятельность человека для того, чтобы быть продуктивной должна всегда исходить из понятия закономерности, он сразу же попытался отместить обвинения в фатализме, «слепом преклонении перед неумолимым роком истории» (Сыромятников, 1906: 97). Пояснял он эту мысль довольно оригинально. Заметив, что «мы изучаем законы природы с тем, чтобы, следуя, повинаясь им побеждать и властвовать, сознательно и целесообразно творить», Сыромятников тут же пишет: «нас не смущает мысль о том, что мы не сможем разорвать цепей железного закона гармонии стихийных сил, сознание, что мы с нашей планетой - ничтожная песчинка, гонимая в необходимом мировом процессе по сути загадочной и непонятной для нас вечности» (Сыромятников, 1906: 97). Что есть тогда фатализм, если не это?

Когда либералы переходили к конкретному историческому анализу, исторический фатализм проявлялся достаточно ярко. Будучи практикующими политиками, позитивистски ориентированные либералы должны были сочетать свои историко-философские и практически-политические идеи. Представление о неминуемом светлом либеральном будущем сочеталось с утверждением о существовании определяющих общих закономерностей, которые должны привести к модернизации и либерализации страны. Эти представления стали одной из основ формирования либеральной историософской парадигмы.

5. Заключение

Либеральному варианту осмысления исторического процесса в наибольшей степени соответствовала методология позитивизма. В борьбе с альтернативными философскими

направлениями (в частности – с неокантианством с одной стороны и эмпириокритицизмом с другой) позитивисты стремились отстоять свои основополагающие принципы, что побуждало к более глубокому их осмыслению и приведению в соответствие с запросами времени. Это придавало решению проблемы российской идентичности следующие характерные черты: эмпирический принцип опоры на факты, стремление избегать неподтвержденных метафизических обобщений; принцип исторического плюрализма – постулирование многофакторности процесса общественной эволюции; принцип детерминизма, объективной исторической закономерности, противоречиво сочетающийся с предыдущими.

Стремление следовать этим принципам приводило к противоречивому сочетанию антиметафизических устремлений с выстраиванием схем, основания которых, по сути, представляли собой умозрительные построения, выходящие за пределы мира явлений. А довольно жесткий детерминизм привносил в либеральный вариант идентификации России элемент фатализма.

Литература

- Бон, 2000** – *Бон Т.М.* История культуры в Германии и России в трудах Карла Лампрехта и Павла Милюкова: сравнительный анализ // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. М.: РОССПЭН, 2000. С. 225-235.
- Вандалковская, 1990** – *Вандалковская М.Г. А.А.* Кизеветтер: история и политика в его жизни. // История и историки: историографический ежегодник. М.: Наука, 1990. С. 231-258.
- Вишпер, 1912** – *Вишпер Р.Ю.* Реакционный идеализм и новая наука // Вишпер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сборник статей и публичных лекций 1900-1912 гг. М.: Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1912. 321 с.
- Вишпер, 1912** – *Вишпер Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Вишпер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сборник статей и публичных лекций 1900-1912 гг. М.: Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1912. 321 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации
- Де Роберти, 1909** – *Де Роберти Е.В.* Новая постановка основных вопросов социологии. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1909. 292 с.
- Кареев, 1916** – *Кареев Н.И.* Историка (Теория исторического знания). Пг.: Типография Стасюлевича, 1916. 330 с.
- Кареев, 1915** – *Кареев Н.И.* Историология (теория исторического процесса). Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915. 324 с.
- Кареев, 1894** – *Кареев Н.И.* История // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 тт. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1894. Т. 25. 489 с.
- Кареев, 1889** – *Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. В 3 тт. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. Т. 1. 475 с.
- Ковалевский, 1905** – *Ковалевский М.М.* Современные социологи. СПб.: Издательство Л.Ф. Пантелеева, 1905. 414 с.
- Леонченко, 2016** – *Леонченко Т.И.* Предмет исторической науки в трактовке российской позитивистской историографии // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2016. Выпуск 4. С. 32-36.
- Макушин, Трибунский, 2001** – *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: Труды и дни (1859–1904). Рязань: НРИИ, 2001. 439 с.
- Медушевский, 1991** – *Медушевский А.Н.* П.Н. Милюков – ученый и политик. // История СССР. 1991. № 4. С. 20-41.
- Милюков, 1990** – *Милюков П.Н.* Воспоминания. В 2-х т. М.: Современник, 1990. Т. 1. 446 с., Т. 2. 448 с.
- Милюков, 1913** – *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб.: издание М.В. Аверьянова, 1913. 342 с.
- Милюков, 1887** – *Милюков П.Н.* Историософия г. Кареева / Основные вопросы философии истории Ч. I и II. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1887 // *Русская мысль.* 1887. Кн. IX. 475 с.
- Милюков, 1909** – *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. М.: издание журнала «Мир Божий», 1909. 436 с.
- Могильницкий, 1969** – *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900-х годов. Томск: Издательство Томского университета, 1969. 294 с.
- Нечухрин, 2003** – *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы русской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.– 1917 г.). Гродно: ГрГУ, 2003. 349 с.
- Петрушевский, 1916** – *Петрушевский Д.М.* К вопросу о логическом стиле исторической науки. Пг.: Типография Р.Г. Шредера, 1916. 21 с.
- Пустарнаков, 2000** – *Пустарнаков В.Ф.* Социологическая концепция П.Н. Милюкова – антитеза метафизической философии истории // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М.: РОССПЭН, 2000. С. 11-32.

Рамазанов, 1999 – Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. В 2 ч. Ч.1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. 144 с.

Сафронов, 1976 – Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М.: издательство Московского университета, 1976. 224 с.

Сидненко, 2006 – Сидненко Т.И. Идеино-теоретические и методологические взгляды представителей российской либерально-исторической мысли конца XIX – начала XX вв. СПб.: Нестор, 2006. 248 с.

Сидненко, 2008 – Сидненко Т.И. Русская либеральная историография и европейская философская мысль в конце XIX – начале XX века // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. Вып. № 72. С.53-62.

Скиф, 1903 – Скиф Н. (Соколов Н.М.) Г. Милуков и славянофильство // *Русский вестник*. 1903. № 1. С. 269-317.

Скиф, 1903а – Скиф Н. (Соколов Н.М.) О русской национальной традиции // *Русский вестник*. 1903. № 2. С. 675-687.

Сыромятников, 1906 – Сыромятников Б.И. Основные моменты в развитии исторической мысли // *Русская мысль*, 1906. № 12. С. 94-96.

Шапиро, 1962 – Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. 235 с.

Шувалов, 1999 – Шувалов В.И. Многофакторный подход к истории. Пенза: Пензенский государственный педагогический университет, 1999. 106 с.

References

Bon, 2000 – Bon T.M. (2000). Istoriya kul'tury v Germanii i Rossii v trudakh Karla Lamprekhta i Pavla Milyukova: sravnitel'nyi analiz [The history of culture in Germany and Russia in the works of Karl Lamprecht and Pavel Milyukov: a comparative analysis] // P.N. Milyukov: historian, politician, diplomat. М.: ROSSPEN. pp. 225-235. [in Russian].

Vandalkovskaya, 1990 – Vandalkovskaya M.G. (1990). A.A. Kizevetter: istoriya i politika v ego zhizni [A.A. Kiesewetter: history and politics in his life] // *History and historians: historiographical yearbook*. М.: Science. pp. 231-258. [in Russian].

Vipper, 1912 – Vipper R.Yu. (1912). Reaktsionnyi idealizm i novaya nauka [Reactionary idealism and a new science] // Vipper R.Yu. Two intelligentsia and other essays: Collection of articles and public lectures 1900-1912. М.: Printing house of the company I.N. Kusneryev and K. 321 p. [in Russian].

Vipper, 1912a – Vipper R.Yu. (1912). Neskol'ko zamechaniy o teorii istoricheskogo poznaniya [A few remarks on the theory of historical knowledge] // Vipper R.Yu. Two intelligentsia and other essays: Collection of articles and public lectures 1900-1912. М.: Printing house of the company I.N. Kusneryev and K. 321 p. [in Russian].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation] [in Russian].

De Roberti, 1909 – De Roberti E.V. (1909). Novaya postanovka osnovnykh voprosov sotsiologii [New formulation of the main issues of sociology]. М.: Printing house of the company I.D. Sytin. 292 p. [in Russian].

Kareev, 1916 – Kareev N.I. (1916). Istoriya (Teoriya istoricheskogo znaniya) [Historian (Theory of Historical Knowledge)]. Pg.: Printing house of the company Stasyulevicha. 330 p. [in Russian].

Kareev, 1915 – Kareev N.I. (1915). Istoriologiya (teoriya istoricheskogo protsesssa) [Historian (Theory of Historical Knowledge)]. Pg.: Printing house of the company M.M. Stasyulevicha. 324 p. [in Russian].

Kareev, 1894 – Kareev N.I. (1894). Istoriya // *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. V 86 tt. [History // *Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. In 86 vols.]. SPb.: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efron). T. 25. 489 p. [in Russian].

Kareev, 1889 – Kareev N.I. (1889). Osnovnye voprosy filosofii istorii. V 3 tt. [The main issues of the philosophy of history. In 3 vols.]. SPb.: Printing house of the company M. M. Stasyulevicha. T. 1. 475 p. [in Russian].

Kovalevskii, 1905 – Kovalevskii M.M. (1905). Sovremennye sotsiologi [Contemporary sociologists]. SPb.: Publishing house L.F. Panteleeva, 1905. 414 p. [in Russian].

Leonchenko, 2016 – Leonchenko T.I. (2016). Predmet istoricheskoi nauki v traktovke rossiiskoi pozitivistskoi istoriografii [The subject of historical science in the interpretation of Russian positivist historiography]. *Bulletin of the Baranovichi State University. Series: historical sciences and archeology. Economic sciences. Juridical sciences*. Is. 4. pp. 32-36. [in Russian].

Makushin, Tribunskii, 2001 – Makushin A.V., Tribunskii P.A. (2001). Pavel Nikolaevich Milyukov: Trudy i dni (1859–1904) [Pavel Nikolaevich Milyukov: Works and Days (1859-1904)]. Ryazan: NRII. 439 p. [in Russian].

Medushevskii, 1991 – Medushevskii A.N. (1991). P.N. Milyukov — uchenyi i politik [P.N. Miliukov is a scientist and a politician]. *History of the USSR*. № 4. pp. 20-41. [in Russian].

- Milyukov, 1990** – *Milyukov P.N.* (1990). Vospominaniya. V 2-kh t. [Memories]. In two volumes. Moscow: Sovremennik. T. 1. 446 p., T. 2. 448 p. [in Russian].
- Milyukov, 1913** – *Milyukov P.N.* (1913). Glavnye techeniya russkoi istoricheskoi mysli [The main trends of Russian historical thought]. SPb.: publication of MV Averyanov. 342 p. [in Russian].
- Milyukov, 1887** – *Milyukov P.N.* (1887). Istoriosofiya g. Kareeva [Historiography of Mr. Kareev] / Basic questions of the philosophy of history Ch. I and II. SPb.: type. M. M. Stasyulevicha, 1887. *Russian Thought*. Book. IX. 475 p. [in Russian].
- Milyukov, 1909** – *Milyukov P.N.* (1909). Ocherki po istorii russkoi kul'tury [Essays on the history of Russian culture]. Part 1. M.: publication of the magazine "The Peace of God". 436 p. [in Russian].
- Mogil'nitskii, 1969** – *Mogil'nitskii B.G.* (1969). Politicheskie i metodologicheskie idei russkoi liberal'noi medievistiki serediny 70-kh godov XIX v. – nachala 1900-kh godov [Political and methodological ideas of Russian liberal medieval studies in the mid-1970s. - the beginning of the 1900s]. Tomsk: Publishing house Tom. University. 294 p. [in Russian].
- Nechukhrin, 2003** – *Nechukhrin A.N.* (2003). Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossiiskoi pozitivistskoi istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.) [Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (80s of the XIX century – 1917)]. Grodno: GrSU. 349 p. [in Russian].
- Petrushevskii, 1916** – *Petrushevskii D.M.* (1916). K voprosu o logicheskom stile istoricheskoi nauki [To the question of the logical style of historical science]. Pg.: Printing house RG. Shreder. 21 p. [in Russian].
- Pustarnakov, 2000** – *Pustarnakov V.F.* (2000). Sotsiologicheskaya kontseptsiya P.N. Milyukova – antiteza metafizicheskoi filosofii istorii [Sociological concept of P.N. Milyukova – the antithesis of the metaphysical philosophy of history] // PN. Milyukov: historian, politician, diplomat. Materials of the international scientific conference. M.: ROSSPEN. pp. 11-32. [in Russian].
- Ramazanov, 1995** – *Ramazanov S.P.* (1999). Krizis v rossijskoi istoriografii nachala XX veka. V 2 ch. Ch.1. Postanovka i popytka resheniya problemy [Crisis in Russian historiography of the beginning of XX century. At 2 o'clock part 1. Statement and attempt to solve the problem]. Volgograd: Publishing house of Volgograd State University. 144 p. [in Russian].
- Safronov, 1976** – *Safronov B.G.* (1976). Istoricheskoe mirovozzrenie R.Yu. Vippera i ego vremya [Historical world view R.Yu. Vipper and his time]. Moscow: Publishing House of the Moscow University. 224 p. [in Russian].
- Sidnenko, 2006** – *Sidnenko T.I.* (2006). Ideino-teoreticheskie i metodologicheskie vzglyady predstavitelei rossiiskoi liberal'no-istoricheskoi mysli kontsa XIX – nachala XX vv. [Ideological, theoretical and methodological views of representatives of Russian liberal historical thought of the late XIX - early XX centuries]. St. Petersburg: Nestor. 248 p. [in Russian].
- Sidnenko, 2008** – *Sidnenko T.I.* (2008). Russkaya liberal'naya istoriografiya i evropeiskaya filosofskaya mysl' v kontse XIX – nachale XX veka [Russian liberal historiography and European philosophical thought in the late XIX – early XX century]. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen*. Is. 72. pp. 53-62. [in Russian].
- Skif, 1903** – *Skif N. (Sokolov N.M.)* (1903). G. Milyukov i slavyanofil'stvo [G. Milyukov and Slavophilism]. *Russkii vestnik*. No. 1. pp. 269-317. [in Russian].
- Skif, 1903a** – *Skif N. (Sokolov N.M.)* (1903). O russkoi natsional'noi traditsii [On the Russian national tradition]. *Russkii vestnik*. № 2. P. 675-687. [in Russian].
- Syromyatnikov, 1906** – *Syromyatnikov B.I.* (1906). Osnovnye momenty v razvitii istoricheskoi mysli [The main points in the development of historical thought]. *Russian thought*. No. 12. pp. 94-96. [in Russian].
- Shapiro, 1962** – *Shapiro A.L.* (1962). Russkaya istoriografiya v period imperializma [Russian historiography in the period of imperialism]. Leningrad: Publishing House of Leningrad University. 235 p. [in Russian].
- Shuvalov, 1996** – *Shuvalov V.I.* (1999). Mnogofaktornyj podhod k istorii [Multifactor approach to history]. Penza: Penza State Pedagogical University. 106 p. [in Russian].

УДК 930.1

Концепты многофакторности и исторической закономерности в русской либеральной исторической мысли рубежа XIX и XX веков

Андрей Анатольевич Коновалов^{a, *}, Муслим Султанович Тамазов^a, Марьяна Буденовна Шорова^a, Светлана Григорьевна Мирзоева^a

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: homunculus2@yandex.ru (А.А. Коновалов), muslimt@mail.ru (М.С. Тамазов), mshorova@mail.ru (М.Б. Шорова), mirzoevasveta@mail.ru (С.Г. Мирзоева)

Аннотация. Рубеж XIX и XX веков время бурного развития исторической науки. Этот период характеризуется кризисом классического научного инструментария и поиском новых методов и подходов к осмыслению исторического процесса. Либеральное направление исторической науки находилось на переднем крае этого процесса. Историки – представители этого течения старались приспособить эвристические средства классической рациональности к меняющемуся интеллектуальному климату в исторической науке. Исследование этих поисков представляет интерес для сегодняшнего дня, когда многие исследователи, пытаюсь найти ответ на вызов постмодерна, выстраивают неоклассическую модель объяснения прошлого.

В статье исследуются основополагающие установки либеральной исторической парадигмы. Большая часть историков-либералов основывалась на позитивистской методологии. Именно это направление либеральной историографии стало предметом настоящей статьи. Проанализированы теоретические основы научных взглядов Н.И. Кареева, П.Н. Милюкова, Е.В. Де Роберти и других историков-позитивистов. В ситуации столкновения с эмпириокритицизмом и неокантианством они отстаивали основополагающие принципы классического взгляда на исторический процесс. Их научное мировоззрение продолжало базироваться на принципе исторического плюрализма, в рамках которого они разработали концепцию многофакторности процесса общественной эволюции. Другим важнейшим принципом исторического объяснения, который они защищали в полемике с оппонентами, был принцип опоры на факты, стремление избегать неподтвержденных метафизических обобщений.

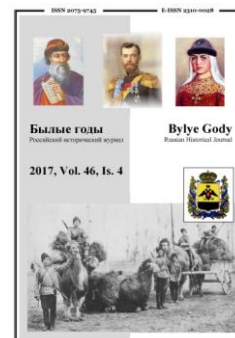
При этом, необходимость корректировать свои научные установки в соответствии с изменившимся интеллектуальным климатом приводил к возникновению противоречий в их теории истории. Антиметафизические устремления сочетались с выстраиванием схем, основания которых, по сути, представляли собой умозрительные построения, выходящие за пределы мира явлений.

Ключевые слова: российский либерализм, позитивизм, история, русская историческая мысль, историческая закономерность, теория многофакторности, исторический факт.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1480-1487, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1480
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93/94

The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontier Modernization

Yuliya A. Lysenko ^{a, *}, Yurii M. Goncharov ^a

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the analyses of the policy of the Russian Empire for the Khanate of Khivan and the Emirate of Bukhara. These states are viewed as the Central Asian Russian possessions of the frontier region, it is characteristic a number of signs: a special political and legal status (protectorate), the existence of a border, autonomous administrative and management system, judicial-legal system, tax system, other ethnic population with a distinctive economic and cultural type and religious-world outlook. In this regard the Russian-Bukharian and Russian-Khiva relations between the turn of the 19th – 20th centuries the authors to consider it as a frontier modernization. Its goal was to blur the border between Russia and its Central Asian protectorates, integrate them into the imperial legal, socio-economic and cultural space, and change the ethno-demographic situation by "connecting" to the process of Russian peasant colonization. The author of the article links the beginning of active modernization reforms in Bukhara and Khiva with the Anglo-Russian settlement of the "Middle Eastern problem", as well as the internal logic of the economic development of Russia in the post-reform period, which requires the expansion of "sales markets" and legal regulation of foreign trade in Central Asia. The concrete filling of the reforms in Khiva and Bukhara was connected with the implementation of tax, monetary and military reforms, inclusion of two states in the customs zone of Russia and the establishment of Russian-Bukhara-Khiva trade relations, the phased strengthening of the administrative and political presence and the establishment of control over the Khiva Khan and Bukhara emir. In general, for the frontier modernization of Khiva and Bukhara, weighed and cautious, step-by-step in the implementation of reforms, their coordination with the rulers of the two states were characteristic.

Keywords: Russian Empire, the Khanate of Khivan, the Emirate of Bukhara, frontier, modernization.

1. Введение

Военно-политические успехи Российской империи в 1860-е гг., связанные с поглощением территорий Старшего жуза, Кокандского ханства и образованием Туркестанского генерал-губернаторства, поставили на повестку дня вопрос об урегулировании российско-бухарских и российско-хивинских отношений (Халфин, 1965). По условиям мирных межгосударственных соглашений конца 1860–1870 гг. центральноазиатские государства переходили под протекторат России. По условиям торговых договоров с Хивой и Бухарой, Россия получила право учреждения на их территории агентств и факторий, свободной торговли и транзита в азиатские страны, экстерриториальной юрисдикции для российских коммерсантов (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 2).

На протяжении 1870–1890 гг. имперские власти не предпринимали решительных мер, направленных на модернизацию традиционных принципов внутривосточного и социального устройства Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Данное обстоятельство объяснялось противостоянием России и Англии на Среднем Востоке, что актуализировало целесообразность

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko), yuriiig@yandex.ru (Yu.M. Goncharov)

сохранения буферной зоны, территориально разграничивающей сферы влияния двух империй в регионе. Англо-русское соглашение по определению границы Афганистана 1885–1887 гг. и Памирское разграничение 1895 г. привели к стабилизации международной ситуации на Среднем Востоке и поставили на повестку дня вопрос о дальнейшей судьбе Бухарского эмирата и Хивинского ханства (Парфенов, 1991).

Необходимость их включения в правовое поле Российской империи диктовалась, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, в пореформенный период происходил неизменный рост интереса российских коммерческих кругов к центральноазиатским рынкам. Во-вторых, Андижанские события 1898 г. и открытое противостояние шиитов и суннитов в Старой Бухаре в начале XX в., свидетельствовали о радикализации ислама и росте антироссийских настроений (История и историография..., 1989; Касымбеков, 1978). Таким образом, обеспечение экономических интересов, безопасности и стабильности в Центральной Азии на рубеже XIX–XX вв. стало одним из приоритетных направлений региональной внешней политики России. Именно поэтому с 1890-х гг. она преступила к фронтальной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

2. Материалы и методы

Анализ правовых и социально-экономических преобразований, осуществлявшихся Россией в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве рассматривается в рамках теории фронтальной модернизации. Термин «фронт» как известно, был введен в научный оборот американским исследователем Ф.Дж. Тернером, который отводил процессам освоения/колонизации свободных земель ключевую роль в истории американской цивилизации (Тернер, 1947).

В отечественной науке теория фронта получила наибольшее теоретическое осмысление в трудах И.В. Побережникова (Побережников, 2011а; Побережников, 2011б; Побережников, 2012). К признакам фронтальной территории исследователь относил, прежде всего, наличие дихотомии центр-периферия, природных и демографических ресурсов, делающих ее привлекательной для освоения. Суть фронтальной модернизации определяется И.В. Побережниковым как сближение центра и периферии по всем параметрам, расширение социокультурных контактов населения фронтальной зоны с центром, усилением миграции на периферийные территории и ассимиляцией их населения. Фронтальная модернизация характеризуется «растянутостью и продолжительностью колониальных процессов во всем многообразии их проявления», акцентом на развитие транспортных и иных коммуникаций, милитаризацией системы административного управления фронтальной территорией. Следствием данных процессов, по мнению И.В. Побережникова становится с одной стороны конгломератность, с другой – усиление «фрагментарности» и «пространственной неравномерности» фронтального общества (Побережников, 2013: 253).

Основными источниками для анализа фронтальной модернизации Россией Бухарского эмирата и Хивинского ханства стали материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве. Документы позволяют проследить дискуссию политических кругов России о характере и направлениях реформирования традиционных институтов двух государств, его конкретное наполнение и содержание, выявить проблемы и противоречия данных процессов.

3. Обсуждение

В современной отечественной науке теория фронта является достаточно востребованной у исследователей, занимающихся историей азиатских регионов России – Урала, Сибири, Дальнего Востока (Агеев, 1997: 30–31; Басыров, 2002: 460–463; Резун, Шиловский, 2005; Шайдулов, 2014; Lysenko, Anisimova, Bochkareva, 2015). Они солидарны в том, что пространственный фактор и тенденции перманентного расширения территории России на протяжении нескольких столетий, оказывали значительное влияние на историческую динамику страны в целом, «существенно воздействуя на ее внутренний строй, территориальную морфологию». Начавшаяся в XVIII в. модернизация, по мнению И.В. Побережникова, осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения и поэтому приобрела характер фронтальной модернизации (Побережников, 2013: 254).

В.В. Алексеев историю фронтальной модернизации Азиатской России предлагает рассматривать как три последовательно сменявших друг друга волны: Уральской, в ходе которой усилия государства были направлены на формирование комплекса металлургических производств; Сибирской, связанной со строительством Транссибирской железной дороги; Дальневосточной, характеризовавшейся хозяйственным освоением восточных рубежей империи. При этом исследователь отмечает, что фронтальная модернизация Азиатской России, предполагавшая поэтапный переход от традиционности к индустриализации, диктовалась скорее «геополитическими и технологическими вызовами, нежели логикой внутреннего поступательного развития страны» (Алексеев, 2017: 6).

Доминирование восточного вектора российской колонизации и ее колоссальные усилия, направленные на включение новых территорий в процесс модернизации, имели, по мнению И.В. Побережникова, далеко идущие последствия. С одной стороны, «расширение территории

увеличивало ресурсы для хозяйственного развития, способствовало складыванию обширного внутреннего рынка», с другой – объективно создавало «предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие». Поэтому Россия «превратилась в самобытную мир-экономику со своим собственным институциональным порядком», внутренняя логика развития которой была нацелена на изоляцию и стремление избегать взаимодействия с другими мирами-экономиками (Побережников, 2013: 254).

Территории Хивинского ханства и Бухарского эмирата как фронтальные, впервые предложил рассматривать Р.Ю. Почекаев (Почекаев, 2013: 174–190; Почекаев, 2016а: 172–184). Исследователь убежден, что политика России в национальных окраинах вполне соответствовала стандартам фронтальной модернизации и сопровождалась их интеграцией в имперское пространство, милитаризацией региона, формированием военизированной системы административно-территориального управления и социокультурной ассимиляцией коренного населения (Почекаев, 2013: 176).

4. Результаты

Курс на фронтальную модернизацию Хивинского ханства и Бухарского эмирата обозначился в середине 80-х гг. XIX в. после урегулирования «афганского вопроса» в англо-русских отношениях. Однако архивные документы свидетельствуют о том, что четкого представления о содержании реформ и их конечной цели у политических кругов Российской империи не было. Принятию конкретных шагов в данном направлении предшествовали многочисленные дискуссии и обмен мнениями на заседаниях Особых совещаний. При этом региональные органы власти в лице туркестанских генерал-губернаторов и военных губернаторов областей Туркестанского края призывали к более решительным действиям в отношении Хивы и Бухары вплоть до прямой аннексии их территорий. Министерские чиновники традиционно придерживались более умеренных позиций и призывали не форсировать события. Их стремлением сохранить стабильность в регионе и избежать конфронтации с политическими элитами двух государств объясняется, на наш взгляд, тот факт, что каждая конкретная реформа, направленная на трансформацию политической и экономической системы Бухарского эмирата и Хивинского ханства, осуществлялась только после согласования с эмиром и ханом и проводилась от их имени.

Административно-политический контроль за деятельностью бухарского эмира стал официально осуществлять с 1885 г., когда в рамках нового российско-бухарского договора в Бухаре было учреждено Российское императорское политическое агентство. В первые годы XX столетия последовало усиление надзора за внутривластной ситуацией в эмирате, что было связано и радикализацией ислама и суннитско-шиитскими погромами. Последовательные и активные действия туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова, его взаимодействие с Сеид Алим-ханом привели к открытию в Старой Бухаре в марте 1911 г. полицейского управления. Позднее его филиалы, как и полицейский розыск, были созданы в других крупных городах эмирата (Бахтурина, 2014: 321).

Важным направлением фронтальной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства стал ряд экономических реформ, носивших протекционистский характер. С целью повышения конкурентоспособности российских товаров на центральноазиатских рынках и вытеснения английской продукции было принято решение о включении Бухары и Хивы в Российскую таможенную зону (Почекаев, 2016а: 175). Разработка плана реализации реформы осуществлялась на протяжении нескольких лет достаточно сложно. Центральным в нем являлся вопрос о схеме налоговых таможенных сборов в пользу этих государств и России.

Наконец в 1894 г. Особому совещанию удалось согласовать проект устройства «таможенной части в Средней Азии». Проект был внесен на рассмотрение Госсовета и утвержден императором Николаем II 6 июня 1894 г. По проекту для контроля за передвижением товаров и сбора налогов в Хивинском ханстве таможенный пункт открывался в административном центре Закаспийской области – Асхабаде, в Бухарском эмирате – непосредственно в Бухаре и в Келифе (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 8). Содержание и план реализации таможенного договора были согласованы с эмиром Абдул-Ахадом и с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II. Это позволило начать процедуру включения Бухары и Хивы в таможенную зону России от имени самих правителей этих государств. В июле 1894 г. они обнародовали предписания оказывать «всевозможное дружеское содействие русским таможенным властям» в вопросе создания таможенных пунктов (Почекаев, 2016а: 177).

В рамках таможенного союза Россия получила возможность устанавливать новые налоговые сборы на ввозимые в Хиву и Бухару, а через них, транзитом в Россию, товары. Наиболее высокие тарифы были установлены на чай, индиго, кисею, которые поступали на центральноазиатский рынок из Британской Индии. Одновременно начался усиленный вывоз из России промышленных товаров, доля которых на рубеже XIX–XX вв. составляла 96,5 % всех товаров, ввозимых на территорию Бухарского эмирата (История Узбекской..., 1968: 378). Однако успехи протекционистской политики России, связанные со включением Хивинского ханства и Бухарского эмирата в единую таможенную зону, значительно омрачались проблемой зякета.

Налоговая система двух государств была основана на единоличном праве их правителей собирать зякет – религиозный мусульманский налог – в свою пользу. Формальным основанием для этого являлось позиционирование хивинским ханом и бухарским эмиром своей власти как не только светской, но и духовной. Зякет имел очень неопределенный объект обложения, что позволяло

среднеазиатским правителям устанавливать его, в том числе, и на товары, ввозимые в пределы Хивы и Бухары иностранными/российскими купцами. В таможенном договоре 1894 г. данный вопрос не получили правового урегулирования. Это привело к параллельному функционированию российских таможенных постов и местных «закятчи» и к фактически двойному налогообложению российских товаров (Хорошкин, 1876: 294–285).

Сложившаяся ситуация обсуждалась на уровне правительственных кругов Российской империи. Однако, не смотря на все ее несовершенство, речь о кардинальной модернизации и отмене зякета не велась. Главное, на чем было сосредоточено внимание российских чиновников – это концентрация усилий на защите интересов российского купечества. В 1895 г. по настоянию исполняющего должность туркестанского генерал-губернатора Д.И. Субботича, Мухаммад Рахим-хан II издал распоряжение о прекращении «всякого рода торговых сборов и зякета с тех хивинских подданных, которые покупают товары у русских купцов» (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 12). Однако, вопрос об отмене налогообложения российский купцов в пользу хивинской казны, так и не был решен положительно вплоть до 1917 г. Не удалось добиться положительного результата в решении проблемы выплаты русским купечеством зякета и в Бухарском эмирате. Все усилия туркестанской администрации и политического агента в Бухаре в данном направлении оказались напрасными (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 12).

Либеральная позиция России в вопросе реформирования налоговой системы Бухарского эмирата и Хивинского ханства объясняется, на наш взгляд, рядом обстоятельств. Во-первых, сохраняя главный мусульманский налог – зякет, Россия подчеркивала формальную независимости Хивы и Бухары от империи. Во-вторых, реформирование налоговой системы этих государств, структурированной в рамках шариата, неизбежно привело бы «к открытому противостоянию с влиятельным мусульманским духовенством и консервативными политическими кругами обоих ханств». Именно поэтому российская администрация отдавала предпочтение в решении проблемы более либеральным методам – дипломатическим переговорам и консультированию властей Бухары и Хивы, что в конечном итоге снижало эффективность предпринимаемых в данном направлении усилий (Почекаев, 2015).

Не менее значимым моментом фронтальной модернизации стало поэтапное изъятие из обращения хивинских и бухарских денежных знаков и включение этих государств в рублевую зону. Хива и Бухара имели собственные денежные системы и чеканили серебряные монеты под названием кокан или теньга. После завершения присоединения территории Туркестана в состав Российской империи, региональные органы власти стали принимать хивинские и бухарские деньги от местного населения для выплаты налогов в пользу российской казны, рассчитывая их по стоимости 20 копеек за штуку. При этом на 1890 г. официальный курс серебряной монеты, в чистом весе содержащегося в нем серебра, составлял для хивинских коканов – 15,04 коп., бухарской теньги – 14,32 коп. серебра (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 79).

В ноябре 1890 г. Правительственный сенат принял решение о поэтапном изъятии из обращения «туземной деньги» на территории Туркестанского генерал-губернаторства. С 1 мая 1895 г. должен был полностью прекратиться прием коканов и теньга в кассы Министерства финансов Российской империи (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 79об.). Однако падение курса серебра на мировых рынках в начале 1890-х гг. вынудило российское правительство внести коррективы в финансовую политику и завершить изъятие бухарской серебряной монеты – теньги к августу 1893 г. В Хивинском ханстве серебряная монета находилась в обороте до конца срока выплаты ханом контрибуции России, предусмотренной российско-хивинским договором 1873 г. Последняя выплата по контрибуции была проведена в 1900 г., после чего чеканка кокана в Хиве прекратилась (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 80).

Позитивная динамика торговли и рост численности российских подданных в Бухаре и Хиве поставила на повестку дня вопрос о правовом урегулировании возникающих между ними и коренным населением судебных вопросов. По российско-бухарским соглашениям российские подданные были изъяты из сферы действия местной юриспруденции и российский политический агент в Бухаре с 1888 г. наделялся правом производить следствие и разрешать судебные дела, возникавшие между русскими и бухарцами. В ряде случаев он вместе с русскими мировыми судьями, действовавшими на территории русских поселений в Бухарском эмирате, имел возможность рассматривать дела, возникавшие между самими бухарцами; эти решения приравнивались к вердиктам шариатских судов (Лагофет, 1909: 145–146).

В начале XX в. последовало дальнейшее расширение сферы российской судебно-правовой системы в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Так, в примечании к ст. 117 Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством от 1906 г. были закреплены правила функционирования «мировых судей в Бухарском ханстве, Самаркандского окружного суда и российского политического агентства в Бухаре». В компетенцию мировых судей переходили все уголовные и гражданские дела, связанные с проживающими в эмирате русскими подданными и иностранцами-христианами, а также дела между Государственным банком и частными лицами. Меры к исполнению решений данных судов в пределах Бухарского эмирата принимались по просьбе истцов российским политическим агентством в Бухаре (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 193).

Гражданские и уголовные дела, возникающие между русскими-подданными и коренным населением, в которых ответчиками являлись коренные жители, подлежали ведению Российского

политического агента в Бухаре. Последний рассматривал такую категорию дел «сообразно местным законам и обычаям», для чего проводил консультации с бухарским эмиром. Эту же категорию дел политический агент мог рассматривать в роли третейского судьи, при условии, что обе стороны, и истец, и ответчик этого пожелают. Решение третейского судьи не могло быть обжаловано.

Хивинское ханство на основании указа императора Николая II от 2 июня 1898 г. «О расписании окружных судов» было отнесено к ведению Самаркандского окружного суда, а территория ханства разделена между двумя мировыми судьями (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 192об.). В 1909 г. по ходатайству генерал-губернатора Туркестанского края Д.И. Субботича в Хиве были введены судебные правила, аналогичные действующим на основании Туркестанского положения 1906 г. в Бухарском эмирате (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 33. Л. 194).

Интеграция Хивы и Бухары в российское экономическое пространство, помимо расширения торговли, осуществлялась посредством расширения производства товарного хлопка для российской текстильной промышленности, строительства сети железных дорог (Тухтаметов, 1977: 273), интеграции в российскую банковскую систему. К началу XX в. русские капиталовложения в Бухарский эмират достигли крупных объемов – семь отделений русских банков в основном занимались кредитованием расширяющихся производств каракуля и шерсти, а также хлопкосеянья. Значительные капиталовложения были привлечены в начале XX в. для работ по ирригации и орошению наименее развитых и малонаселенных территорий Бухарского эмирата в бассейне реки Кашка-Дарьи (Хотамов, 1990: 56–62).

Завершая анализ направлений фронтальной модернизации Бухарского эмирата и Хивинского ханства, несколько слов следует сказать о военной реформе. Она была нацелена на создание регулярных «национальных» воинских частей по принципу казачьих бригад, которые должны были нести службу непосредственно в центральноазиатском регионе. Таким образом, туземцы Хивы и Бухары, в отличие от коренного населения Степного края и Туркестана, не освобождались от воинской повинности (Почекаев, 2016b: 204–209). Столь не рациональный подход, с точки зрения безопасности российских интересов в регионе, объяснялся убежденностью политических кругов страны в низкой боеспособности хивинской и бухарской армий, а также в лояльности хана и эмира, целенаправленно интегрированных в военную систему Российской империи и имевших офицерские чины (Почекаев, 2016b: 206).

Реализация военной реформы в Бухарском эмирате началась в 1895 г. по просьбе эмира. В ходе нее были созданы 12 линейных пехотных батальонов – сарбазов, одна гвардейская рота – джиляу, две крепостные артиллерийские роты и конная милиция (Холикова, 2014: 399–402). Однако, по оценкам современников, бухарская армия после реструктуризации продолжала оставаться крайне слабо подготовленной и не могла действовать в условиях современной войны (Логофет, 1911). Территориальная замкнутость Хивинского ханства, его отдаленность от границ Российской империи и отсутствие транспортных коммуникаций исключали возможность реализации военной реформы. Поэтому вопрос о формировании регулярных частей в ханстве на высшем уровне даже не обсуждался.

«Терпимая» политика России в отношении центральноазиатского мусульманского анклава и мягкие формы и методы фронтальной модернизации привели к формированию оппозиционно настроенной части российского политического истеблишмента, настаивающей на кардинальном разрешении «бухарского» и «хивинского вопросов». Осенью 1909 г. по инициативе туркестанских властей состоялся ряд совещаний, в ходе которых туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов и поддержавший его самаркандский военный губернатор Н.В. Галкин призвали ускорить процесс реформирования Бухарского эмирата и Хивинского ханства с последующей их аннексией. В пользу это решения приводился ряд аргументов: необходимость защиты «русских интересов» в Хиве и Бухаре, нестабильная религиозная ситуация, связанная с противостоянием суннитов и шиитов, деспотический характер верховной власти и т.д. (Бахтурина, 2014: 320).

Петербург инициативу туркестанской администрации в целом поддерживал. Особое совещание при Совете министров в 1910 г. признало целесообразным присоединение Бухарского эмирата к России, но при условии предварительного проведения целой серии реформ. Предлагалось в ближайшем будущем ввести российскую администрацию и создать систему управления эмирата по российскому образцу; создать российскую модель формирования чиновничества, финансово-налоговую систему с ее разделением на «государственную казну» и «казну эмира»; ликвидировать «игрушечную армию» эмира, усилив взамен гарнизоны российской армии (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 614. Л. 12–17об.). Однако вплоть до 1917 г. конкретных шагов в реализации намеченной программы реформ предпринято не было.

Целесообразность аннексии Хивинского ханства была призвана еще в 1910 г. в ходе петербургских совещаний представителей Совета министров. Однако к разработке конкретного плана реформ в Хиве российское правительство подошло только накануне первой мировой войны. Инертность властей объяснялась не столько территориальной отдаленностью и замкнутостью ханства, сколько наличием во внутривосточной ситуации сложных межэтнических туркменско-казахско-каракалпакских проблем и сильной антиханско-русской оппозиции. Поэтому, как и Бухарский эмират, Хивинское ханство сохранило своей автономный статус вплоть до революционных событий 1917 г.

4. Заключение

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. Российская империя реализовала в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате ряд реформ, направленных на интеграцию в общеимперское пространство и носивших модернизационный характер. Осторожность и взвешенная позиция российского правительства в вопросе о конечной цели фронтальной модернизации Хивы и Бухары привела к тому, что к 1917 г. оба государства сохранили статус формально независимых. Однако интегральные задачи были решены в известной степени достаточно успешно, что подготовило почву и позволило большевикам несколько лет позже аннексировать Хивинское ханство и Бухарский эмират, завершив формирование границ российского государства в центральноазиатском регионе.

Литература

- Агеев, 1997** – Агеев А.Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // *Американский и сибирский фронт*. Вып. 2. Томск, 1997. С. 30–31.
- Алексеев, 2017** – Алексеев В.В. Фронтальная модернизация в имперской России // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. 2017. Т. 17. № 2. С. 6–13.
- Басыров, 2002** – Басыров Р.Р. Теория модернизации и история Башкирии XVIII в. // *Человек. Природа. Общество*. СПб., 2002. С. 460–463.
- Бахтурина, 2014** – Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. 388 с.
- История и историография, 1989** – История и историография национально освободительных движений второй половины XIX – начала XX в. в Средней Азии и Казахстане: итоги, поиски, перспективы изучения. Ташкент, 1989. С. 43–49.
- История Узбекской** – История Узбекской ССР. Ташкент. 1968. 653 с.
- Касымбеков, 1978** – Касымбеков К. Ф. Из истории народных движений в Фергане в конце XIX – начале XX вв. Ташкент, 1978. 87 с.
- Лагофет, 1909** – Лагофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 145–146.
- Парфенов, 1991** – Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (Движущие силы, формы и методы). М., 1991. 188 с.
- Побережников, 2011a** – Побережников И.В. Азиатская Россия: фронтальная модернизация // *Известия Уральского федерального университета*. Т. 96. 2011. No 4. С. 191–203.
- Побережников, 2011b** – Побережников И.В. Фронтальная модернизация в контексте российской цивилизации // *Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу*. Екатеринбург, 2011. С. 47–61.
- Побережников, 2012** – Побережников И.В. Административный фактор в контексте фронтальной модернизации Урала XVIII–XIX вв. // *Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI века)*. Оренбург, 2012. С. 17–20.
- Побережников, 2013** – Побережников И.В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // *Россия реформирующаяся*. М., 2013. Вып. 12. С. 246–274.
- Почекаев, 2013** – Почекаев Р.Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. № 4. С. 174–190.
- Почекаев, 2015** – Почекаев Р.Ю. Ислам, налоги и империя: налоговый институт зякет в Бухаре и Хиве в эпоху российского протектората // *Страны и народы Востока*. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. М., 2015. С. 97–112.
- Почекаев, 2016a** – Почекаев Р.В. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.). // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 3. С. 172–184.
- Почекаев, 2016b** – Почекаев Р.Ю. Казачьи «мотивы» в военном деле Бухары и Хивы под российским протекторатом // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2016. № 8. С. 204–209.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Резун, Шиловский, 2005** – Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. 289 с.
- Тухтаматов, 1977** – Тухтаматов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. 320 с.
- Халфин, 1965** – Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90 гг. XIX в.). М., 1965. 468 с.
- Хорошкин, 1876** – Хорошкин А.П. Заметка о зякете в Бухарском ханстве // *Сборник статей, касающихся до Туркестанского края*. СПб., 1876. С. 294–295.
- Холикова, 2014** – Холикова Р.Э. Из истории военного дела в Бухарском эмирате // *Молодой ученый*. 2014. № 9 (68). С. 399–402.
- Хотамов, 1990** – Хотамов Н.Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х годов XX в. – 1917 г.). Душанбе, 1990. С. 56–62.

Shaydurov, 2014 – *Shaydurov V.N.* Jews and their place in the social structure of Siberian society in the XIX century // *Bylye Gody*. 2014. 32 (2). pp. 239–244.

Lysenko et al., 2015 – *Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Bochkareva I.B.* Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. pp. 955–964.

Turner, 1947 – *Turner F.J.* The Frontier in the American History. New York, 1947.

References

Ageev, 1997 – *Ageev A.D.* (1997). Amerikanskiy «frontir» i «sibirskiy rubezh» kak faktoryi tsivilizatsionnogo razloma [American frontier" and "Siberian frontier" as factors of a civilizational breakdown]. *Amerikanskiy i sibirskiy frontir*. Vol. 2. Tomsk. pp. 30–31. [in Russian]

Alekseev, 2017 – *Aleksetv V.V.* (2017). Frontirnaya modernizatsiya v imperskoy Rossii. [Frontier modernization in imperial Russia]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, T. 17, Nr.2, pp. 6–13. [in Russian]

Basyirov, 2002 – *Basyirov R.R.* (2002). Teoriya modernizatsii i istoriya Bashkirii XVIII v. [The theory of modernization and history of Bashkortostan]. *Chelovek. Priroda. Obschestvo*. St. Petersburg. pp. 460–463. [in Russian]

Bahturina, 2014 – *Bahturina A.U.* (2014). Okrainyi Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsionalnaya politika v godi pervoy mirovoy voyni (1914–1917 gg.). [Outskirts of the Russian Empire: Public Administration and National Policy during the First World War]. Moscow. [in Russian]

Istoriya i istoriografiya, 1989 – History and historiography. Istoriya i istoriografiya natsionalno osvoboditelnykh dvizheniy vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. v Sredney Azii i Kazahstane: itogi, poiski, perspektivy izucheniya. [History and historiography of national liberation movements of the second half of the XIX – early XX century. in Central Asia and Kazakhstan: results, searches, prospects of studying]. Tashkent, 1989. pp. 43–49. [in Russian]

Istoriya Uzbekskoy – Istoriya Uzbekskoy SSR. [History of the Uzbek SSR]. Tashkent, 1968. [in Russian]

Kasyimbekov, 1978 – *Kasyimbekov K.F.* (1978). Iz istorii narodnykh dvizheniy v Fergane v kontse XIX – nachale XX vv. [From the history of popular movements in Fergana in the late XIX – early XX centuries]. Tashkent. [in Russian]

Lagofet, 1909 – *Lagofet D.N.* (1909). Strana bespraviya. Buharskoe hanstvo i ego sovremennoe sostoyanie. [A country without rights. The Khanate of Bukhara and its current state]. St. Petersburg. pp. 145–146. [in Russian]

Parfenov, 1991 – *Parfenov I.D.* (1991). Kolonialnaya ekspansiya Velikobritanii v posledney treti XIX v. (Dvizhuschie silyi, formy i metody). [Colonial expansion of Britain in the last third of the XIX century. (Driving forces, forms and methods)]. Moscow. [in Russian]

Poberezhnikov, 2011a – *Poberezhnikov I.V.* (2011). Aziatskaya Rossiya: frontirnaya modernizatsiya. [Asian Russia: Frontier Modernization]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*. T. 96. No 4. pp. 191–203. [in Russian]

Poberezhnikov, 2011b – *Poberezhnikov I.V.* (2011). Frontirnaya modernizatsiya v kontekste rossiyskoy tsivilizatsii. [Frontier modernization in the context of Russian civilization]. *Modernizatsiya v tsivilizatsionnom kontekste: rossiyskiy opyt perehoda ot traditsionnogo k sovremennomu obschestvu*. Ekaterinburg. pp. 47–61. [in Russian]

Poberezhnikov, 2012 – *Poberezhnikov I.V.* (2012). Administrativnyy faktor v kontekste frontirnoy modernizatsii Urala XVIII–XIX vv. [Administrative factor in the context of the frontier modernization of the Urals XVIII–XIX centuries]. *Regionalnoe upravlenie i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII – nachalo XXI veka)*. Orenburg. pp. 17–20. [in Russian]

Poberezhnikov, 2013 – *Poberezhnikov I.V.* (2013). Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen. [Frontier Modernization as a Russian Civilizational Phenomenon]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Moscow. Vol. 12. p. 246–274. [in Russian]

Pochekaev, 2013 – *Pochekaev R.U.* (2013). Evolyutsiya nalogoblozheniya v Kazahstane v XIX veke v kontekste frontirnoy modernizatsii. [Evolution of taxation in Kazakhstan in the XIX century in the context of a frontier modernization]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Nr. 4. pp. 174–190. [in Russian]

Pochekaev, 2015 – *Pochekaev R.U.* (2015). Islam, nalogi i imperiya: nalogovyy institut zyaket v Buhare i Hive v epohu rossiyskogo protektorata. [Islam, taxes and empire: tax institute zyaket in Bukhara and Khiva in the era of the Russian protectorate]. *Stranyi i narody Vostoka*. Vyip. XXXVI: Religii na Vostoke. Moscow. p. 97–112. [in Russian]

Pochekaev, 2016a – *Pochekaev R.V.* (2016). Vklyuchenie Buharskogo emirata i Hivinskogo hanstva v tamozhennuyu chertu Rossiyskoy imperii (1895 g.). [Inclusion of the Bukhara Emirate and Khiva Khanate in the customs features of the Russian Empire (1895)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Nr. 3. pp. 172–184. [in Russian]

Pochekaev, 2016b – *Pochekaev R.U.* (2016). Kazachi «motivyi» v voennom dele Buharyi i Hivy pod rossiyskim protektoratom. [Cossack "motives" in the military affairs of Bukhara and Khiva under the Russian protectorate]. *Srednevekovyye tyurksko-tatarskie gosudarstva*. Nr. 8. pp. 204–209. [in Russian]

- RGIA** – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv. [Russian State Historical Archive]. [in Russian]
- Rezun, Shilovskiy, 2005** – Rezun D.Y., Shilovskiy M.V. (2005). Sibir, konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsialnykh i etnokulturnykh protsessov. [Siberia, the end of the XVI – the beginning of the XX century: a frontier in the context of ethnosocial and ethno-cultural processes]. Novosibirsk. [in Russian]
- Tuhtametov, 1977** – Tuhtametov T.G. (1977). Rossiya i Buharskiy emirat v nachale XX veka. [Russia and the Emirate of Bukhara at the beginning of the 20th century]. Dushanbe. [in Russian]
- Halfin, 1965** – Halfin N.A. (1965). Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii (60–90 gg. XIX v.). [The accession of Central Asia to Russia (60–90's of the XIX century)]. Moscow. [in Russian]
- Khoroshkin, 1876** – Khoroshkin A.P. (1876). Zametka o zyakete v Buharskom hanstve. [Note on the zayak in the Khanate of Bukhara]. *Sbornik statey, kasayuschihsya do Turkestanskogo kraya*. St. Petersburg. pp. 294–295. [in Russian]
- Holikova, 2014** – Holikova R.E. (2014). Iz istorii voennogo dela v Buharskom emirate. [From the history of military affairs in the Emirate of Bukhara]. *Molodoy ucheniy*. Nr. 9 (68). pp. 399–402. [in Russian]
- Hotamov, 1990** – Hotamov N.V. (1990). Rol bankovskogo kapitala v sotsialno-ekonomicheskom razvitiy Sredney Azii (nachalo 90-h godov XX v. – 1917 g.). [The role of bank capital in the socio-economic development of Central Asia (early 90th of the twentieth century – 1917)]. Dushanbe. pp. 56–62. [in Russian]
- Shaydurov, 2014** – Shaydurov V.N. (2014). Jews and their place in the social structure of Siberian society in the XIX century. *Bylye Gody*. 32 (2). pp. 239–244.
- Lysenko et al., 2015** – Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Bochkareva I.B. (2015). Elements of European Political Culture in the Central Asian National Outskirts of the Russian Empire: Perception Specifics of Foreign Cultural Innovations (late 19th – early 20th). *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. pp. 955–964.
- Turner, 1947** – Turner F.J. (1947). The Frontier in the American History. New York, 1947.

УДК 93/94

Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтальной модернизации

Юлия Александровна Лысенко ^{a, *}, Юрий Михайлович Гончаров ^a^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ политики Российской империи в отношении Хивинского ханства и Бухарского эмирата. Указанные государства рассматриваются как фронтальный регион центральноазиатских владений России, для которого был характерен ряд признаков: особый политико-юридический статус (протекторат), наличие границы, закрепленной автономной административно-управленческой, судебной-правовой, налоговой системой, иноэтничное население, обладающие отличительным хозяйственно-культурным типом и религиозно-мировоззренческими установками. В связи с этим, российско-бухарские и российско-хивинские отношения рубежа XIX–XX вв. автор предлагает рассматривать как фронтальную модернизацию. Ее целью являлось стирание границы между Россией и ее центральноазиатскими протекторатами, их интеграция в имперское правовое, социально-экономическое и культурное пространство, изменение этнодемографической ситуации посредством «подключения» к процессу русской крестьянской колонизации.

Начало активных модернизационных преобразований в Бухаре и Хиве автор статьи связывает с англо-русским урегулированием «средневосточной проблемы», а также внутренней логикой экономического развития России пореформенного периода, требующей расширения «рынков сбыта» и правового урегулирования внешней торговли в Центральной Азии. Конкретное наполнение преобразований в Хиве и Бухаре было связано с проведением налоговой, денежной, военной реформ, включением двух государств в таможенную зону России и налаживанием российско-бухарско-хивинских торговых отношений, поэтапным усилением административно-политического присутствия и установлением контроля за деятельностью хивинского хана и бухарского эмира. В целом, для фронтальной модернизации Хивы и Бухары были характерны взвешенность и осторожность, поэтапность в проведении реформ, их согласование с правителями двух государств.

Ключевые слова: Российская империя, Хивинское ханство, Бухарский эмират, фронт, модернизация.

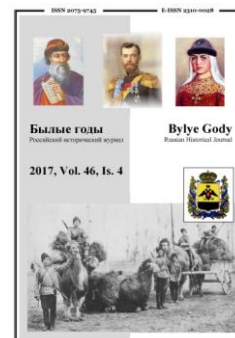
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко), yuriig@yandex.ru (Ю.М. Гончаров)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1488-1496, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1488
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 316+94 (571.12)

Local Authorities and Prostitution in Pre-Revolutionary Siberia (on materials of the city of Tyumen)

Alexander B. Khramtsov ^{a, *}

^a Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

In article it is investigated evolution of legal adjustment (legalization) of prostitution and the organization of control of it from the Russian state during the pre-Soviet period (on materials of the city of Tyumen). It is established that at the beginning of the 20th century the central government ordered to local authorities (city and police departments) to establish supervision of prostitution. To open a brothel "was permitted" with the permission of police department. It was supposed to frame city sanitary bureaus and the medical and police committees (MPC). However the city didn't dig up resources for the organization of bureau. Military industrial complex recorded prostitutes. After registration to each maiden the health certificate or "a yellow card" was granted. The subsupervising prostitute was obliged to follow the rules ordered it in accuracy. It is obvious that many "individuals" tried to avoid registration. Women of all estates were among prostitutes. In Tyumen most of all prostitutes were from petty-bourgeois estate. Among holders of brothels visitors to the city of the person prevailed. Actions of City Council and police on concentration of trade in certain districts of the city, to accounting of prostitutes, public institutions and an order in them, to prophylaxis and treatment of women for a lues are surveyed. The conclusion is drawn that sanitary and police surveillance was powerless to fight against secret prostitution in the city which "prospered". Moreover, it was closely bound to local crime. For supervision of the resolved brothels and identification of secret brothels there weren't enough supervisors, medical personnel and money.

Keywords: prostitution, brothel, police, City Councils, supervision, city sanitary bureau, medical and police committee.

1. Введение

Неоднократно в разных странах мира предпринимались меры к искоренению «древнейшей профессии», Россия не исключение. Как свидетельствует история, зародилась проституция на ранних стадиях жизни общества, «пережила» периоды взлета и падения, но так и не исчезла. В наши дни она достигает огромных размеров, действует целая всемирная сеть секс-индустрии. В поисках современных моделей социального контроля за проституцией неценимую помощь оказывает исторический опыт, позволяющий сопоставить планируемые меры и получаемые результаты. Проституция как социальное явление наиболее активно распространялась в процессе изменения общественно-политических и социально-экономических отношений в стране, коренных реформ в ее духовной культуре и жизнедеятельности.

В Российской империи период второй половины XIX в. ознаменовался резким ростом масштабов проституции, официальным признанием ее в качестве легального промысла, разработкой норм легализации и пр. Правительство, прежде считавшее проституцию уголовным преступлением, пересмотрело свое отношение к ней и стало разрабатывать систему мероприятий медико-административного характера: врачебный осмотр женщин, подозреваемых в проституции, лечение

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

заболевших из них сифилисом и другими венерическими болезнями, организация воспитательных (исправительных) домов, определение особых районов (мест) для публичных домов и др. Николай I, убедившись в тщетности всевозможных карательных мер, признал проституцию терпимой и в 1843 г. распорядился организовать для надзора за ней Врачебно-Полицейские Комитеты (далее – ВПК). Легализация публичных домов потребовала также обеспечения надлежащего медицинского обслуживания (Зюбан, 2008: 85).

2. Материалы и методы

Источниковую основу данного исследования составили документы Государственного архива Тюменской области (ГАТО). В архивных фондах органов местного самоуправления и полиции отложился комплекс документов, отражающих развитие отношений в сфере проституции на уровне г. Тюмени в 1880–1917 гг., исследованный крайне фрагментарно. Большая часть документов представляет собой оригиналы и впервые вводится в научный оборот.

Источники по проблеме проституции подразделены на несколько групп. Во-первых, это законодательные и нормативные акты (положения, инструкции), составившие основу правового регулирования проституции в стране. Вторая группа источников объединяет материалы служебного делопроизводства (городского и полицейского управления), которые, в отличие от нормативных источников, фиксируют, не правовой идеал, а практику реализации их политики, характерную для местного общества. Такие источники интересны тем, что показывают процесс эволюции (развития) явления (процесса). Особую группу источников составили заявления (жалобы) местных жителей на тайную проституцию. В этом контексте любопытна реакция местных властей на подобные сигналы. Указанные группы источников с различных сторон отражают вопросы, связанные с эволюцией общественных отношений в этой сфере.

Методологическую основу этого исследования составили традиционные для исторической науки принципы историзма и объективности, аналитический, системный, типологический, статистический и сравнительный методы. Принцип историзма позволяет раскрыть исторические условия жизни местного общества, показать как складывались отношения местной власти, проституток и содержателей публичных домов. Автор обращается к общелогическим научным методам: анализ, синтез, логический.

Использовался метод контент-анализа содержания однотипных документов служебного делопроизводства (органов городского и полицейского управления) – протоколов, журналов, отчетов, справок, ведомостей и др. Изучение документов предполагает критическое отношение к их сведениям, установление их достоверности и полноты. Для выявления общего и особенного в развитии политики местных властей к проституции применялись методы аналогии и историко-сравнительного анализа. Методы типологии и сравнительного анализа дают возможность установить общие проблемы в регулировании проституции в сибирских городах.

Широко применялся системный подход, как совокупность методологических принципов познания проституции как социального явления в системе общественных отношений сибирского социума.

3. Обсуждение

Проблема проституции стала предметом научного осмысления еще в досоветский период. Ученые и практики (прежде всего, доктора) исследовали характер развития этого явления в стране, текущую статистику, предлагали способы ее регулирования (Бландова, 1909) и реорганизации надзорной деятельности за ней (Грацианов, 1895).

В советское время проблема изучалась лишь в 1920-е годы, затем исчезла со страниц научных журналов, хотя в действительности существовала.

На современном этапе можно заметить очевидный научный интерес к изучению этого явления, его причин, эволюции, практики легализации и применения наказаний в конкретных местностях. Среди них отметим статью А.Г. Быковой, посвященную характеристике развития проституции в крупных городах Западной Сибири (в основном, Омска и Томска), в сравнении с положением проституток в Санкт-Петербурге (Быкова, 2000: 59–65). В работе М.Н. Зюбан прослежена эволюция государственной политики в отношении проституции с момента организации контроля до 1917 г. (Зюбан, 2008: 82–86). П.А. Сунгуров сравнивает количественные показатели проституции в сибирских губерниях, выявляет причины ее распространения в регионе (Сунгуров, 2015: 110–111).

По историографии темы можно заметить, что, несмотря на ряд работ, посвященных отдельным вопросам развития проституции в стране в целом и в Сибири в частности, пока нет комплексного исследования, в котором бы одновременно раскрывались теоретико-правовые и практические аспекты данного явления, его региональные особенности.

4. Результаты

В 1870–1880 гг. центральная власть беспокоилась быстрыми темпами распространения проституции и венерических болезней, когда МВД, по донесениям губернских врачебных управ, «усмотрело», что общее количество ВИЧ-больных превысило число больных другими болезнями, а

число заразившихся в последнее время достигло 25 тыс. человек. Министерство потребовало от губернаторов принять все зависящие от них распоряжения о строгом соблюдении врачебно-полицейских правил, в особенности в тех местностях, где «бывает временный или постоянный наплыв бесхозяйного населения» (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 524. Л. 18-19). В то же время, в циркуляре Медицинского департамента отмечалось, что излишне строгие полицейские меры приводят к усилению тайной проституции и, при недостаточной осторожности, могут незаслуженно оскорбить честь женщины, причинить ей непоправимый вред. В виду этого «отнодь не должны быть допускаемы уличные облавы на проституток» (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 1-1 об.).

До начала XX в. контроль за проституцией, ее правовая регламентация не имели общероссийского масштаба. В этом контексте города подразделялись на 3 категории. В первой группе – города с действовавшими ВПК, во второй – города, в которых надзор вели санитарные комитеты и иные самостоятельные учреждения, не входящие в полицию, в третьей – города, где надзором занималась общая полиция. К последней категории относились сибирские города.

Положением «Об организации надзора за городской проституцией в империи», утвержденным МВД 8 октября 1903 г., врачебно-полицейский контроль за ведением промысла вводился повсеместно, во всех городах страны (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 2-4 об.). В нем, частности, отмечалось, что проституция является главнейшим источником распространения венерических болезней: «установить правильный врачебный надзор за ней является настоятельной необходимостью для охранения городского населения от заражения его сказанными болезнями через проституток». В соответствии с данным законом, для надзора за проституцией в городах страны создавались ВПК, как совещательные коллегиальные органы в ведении городской (уездной) полиции и Городские Санитарные Бюро (далее – ГСБ) в ведении городских дум и управ.

В уездных городах ВПК состоял из председателя – начальника местной полиции, уездного и городского врачей, члена от городского управления и члена-распорядителя из чинов полицейского управления, на которого возлагались обязанности по делопроизводству комитета. Деятельность ВПК распространялась на весь город и ближайши районы; к его обязанностям относились: розыск тайных проституток, их привлечение к ответственности, а также лиц-содержателей тайных притонов, сутенеров и пр.; подчинение проституток врачебно-полицейскому надзору; попечение о беременных, больных, несовершеннолетних проститутках; выдача разрешений на открытие публичных домов, надзор за ними, их закрытие; проведение врачебных осмотров и амбулаторного лечения проституток и др. Общая полиция занималась исполнением постановлений комитета.

Врачебно-полицейский надзор за проститутками устанавливался секретный или явный: первому подлежали все одиночки, а второму – проститутки домов терпимости. К этому промыслу не допускались женщины, не достигшие 18-летнего возраста. Если женщина после решения ВПК о привлечении ее в качестве проститутки не являлась к осмотрам, то она привлекалась к административной ответственности мировым судьей в соответствии со статьей 44 Устава о наказаниях к аресту до одного месяца или денежному взысканию до 100 руб. «за неисполнение распоряжений правительства, относящихся к предупреждению непотребства и пресечению вредных от оных последствий» (Устав, 1910: 117). В частности, Тюменская уездная полиция с января по март 1905 г. выявила 8 проституток, уклонившихся от врачебных осмотров.

ГСБ устраивалось на средства города для надзора за санитарным состоянием проституток, домов терпимости и поднадзорных притонов. Бюро выполняло следующие функции: производство врачебных осмотров проституток, направленных ВПК в смотровые пункты и организация на этих пунктах амбулаторного лечения проституток, страдающих венерическими болезнями; сообщение ВПК о проститутках, уклоняющихся от врачебных осмотров; ведение санитарных статистических листов и отчетность по деятельности бюро и др.

В Сибири официальная статистика (Перепись 1897 г.) зарегистрировала 1480 человек, занимавшихся проституцией как промыслом, из них 1324 женщины и 156 мужчин. Регион по этому показателю занимал 2 место в стране. Количество проституток в крупных городах региона, состоявших на учете, было таково: Барнаул – 10, Тобольск – 29, Тюмень – 37, Томск – 110 (Сунгуров, 2015: 110). Указанные цифры не отражали действительность.

5 января 1904 г. тобольский губернатор, руководствуясь новым законом, дал распоряжение тюменскому уездному исправнику установить по новым правилам полицейский надзор за местной проституцией (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 19-19 об.). Тем не менее, городские власти не спешили с решением этого вопроса. Только 9 марта 1905 г. уездный исправник препроводил в управу список зарегистрированных женщин, занимающихся проституцией и домов терпимости в городе: 2 заведения с 13 женщинами и 37 проституток-одиночек (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 27-28). Кроме того, исправник указал, что в настоящее время врачебные осмотры проституток проводятся городским врачом в городской больнице; проститутки вносятся в полицейскую книгу с выдачей им медицинских билетов. Очевидно, что реальное число проституток и публичных домов в городе с населением около 40 тыс. человек, было на порядок выше. По данным источников, в 1886-1888 гг. местная полиция выдала 4 разрешения на открытие домов терпимости и выявила 7 тайных притонов; в 1889 г. зарегистрировано 6 домов с 48 женщинами и 17 одиночек (ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 763. Л. 2-3

об., Ф. И-1. Оп. 1. Д. 524. Л. 3-3 об.; Проституция, 1890: 36). Это не значит, что в начале XX в. число проституток в городе уменьшилось. Все больше женщин работали самостоятельно.

Зарегистрированная проститутка обычно снимала комнату, в которую и водила посетителей. С момента установления надзора публичная женщина лишалась паспорта. Отныне «желтый билет» являлся ее основным документом. Поэтому скрыть свою профессию от окружающих жителей было невозможно. Многие «индивидуалки» работали тайком, старались избегать официальной регистрации.

Гласные думы согласились с мнением членов управы, что организация ГСБ потребует от города значительных расходов и привлечения дополнительного медицинского персонала (врачей, фельдшеров), поэтому выполнить требования закона, в особенности в настоящее время, «совершенно невозможно» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 534. Л. 23, 36 об.-40). Они посчитали, что в связи с военным положением, а также небольшого числа проституток в городе, на первое время может быть учрежден только ВПК, тем более, что проституция находилась и сейчас находится в исключительном ведении городской полиции. При этом упоминание о местном ВПК встречается только в апреле 1913 г., когда его председатель обратился в управу с просьбой назначить в члены комитета представителя от городского управления (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 137).

ВПК, кроме сказанного, обязан был составлять списки содержателей домов терпимости и проживающих у них девушек, указывались их возраст, социальное положение, прежнее место жительства и пр. В Тюмени до организации ВПК такие списки вели участковые приставы. Легальный промысел имели право открывать исключительно женщины не моложе 35 лет. Эта норма закона часто нарушалась. Так, в 1905 г. два разрешенных публичных заведения в арендуемых домах держали туринский и ишимский мещане (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 45-46 об., 48). Один из домовладельцев сообщал управе о трех тайных притонах, которыми также владели мужчины (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 71).

Интересно, что в 1886 г. все разрешенные полицией публичные дома в городе (четыре) держали не коренные жительницы: две ялutorовские мещанские жены, крестьянская вдова ишимского округа и девица екатеринбургского уезда (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 524. Л. 9 об.). В то же время, из материалов полицейского дознания следует, что владельцами тайных притонов являлись мужчины, из мещан и крестьян округа, 30 с небольшим лет, содержащие промысел в собственном доме, хотя были и исключения (см.: табл. 1).

Таблица 1. Содержатели домов терпимости в г. Тюмени. Конец XIX в. (ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 763. Л. 2-3 об.)

№	Сословная принадлежность содержателя публичного дома	Возраст	Образование	Расположение дома терпимости
1.	Крестьянин тюменского округа	27	грамотный	арендуемый
2	Крестьянская дочь тюменского округа	33	неграмотная	арендуемый
3	Тюменский мещанин	30	грамотный	собственный дом
4	Тюменский мещанин	30	грамотный	собственный дом
5	Тюменский мещанин	32	неграмотный	собственный дом
6	Ялutorовский мещанин	36	грамотный	собственный дом
7	Польский переселенец	52	неграмотный	арендуемый

По результатам дознания, надзиратель IV участка Тюмени рапортовал окружному исправнику, что двое из них, а именно, польский переселенец, который «содержит двух девиц и принимает посетителей для совокупления» и дочь крестьянина «способны на всевозможные низкие и вообще предосудительные деяния» и подлежат прокурорскому надзору. Губернский прокурор приказал приступить к производству следствия в отношении этих лиц (ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 763. Л. 4, 6).

Для противодействия тайным притонам разврата, которые часто скрывались под вывесками питейных домов, городские думы разрабатывали обязательные постановления, запрещавшие открытие трактиров на «определенных улицах» (районах города). В частности, тюменский исправник предложил думе принять обязательное постановление для жителей о воспрещении отдавать свои дома в арендное содержание под дома терпимости, с наложением на домохозяев денежного взыскания. Иногда трактиры закрывались, однако на их месте открывались квасные или чайные, где, по мнению одного члена санитарной комиссии, всегда есть: «20% водки, 30% пиво и 50% сифилиса». Следовательно, санитарный надзор был практически бессильно бороться с такими заведениями.

Открыть публичный дом можно было с «дозволения» местной полиции. Полицейские для выдачи разрешения собирали справки о просительнице: ее образе жизни, поведении, о месте, где желают открыть дом, о степени населенности прилегающего квартала и пр. Квартиры для ведения промысла должны были располагаться от церквей, училищ, школ и т.п. заведений не ближе 150 саженей. При подаче заявления на открытие дома, его содержатель обязан был подать

письменное согласие домовладельца (собственника). Участковый пристав с местным врачом производили осмотр этого помещения.

В соответствии с правилами для хозяев публичных заведений, они не могли содержать проституток больше, чем отмечено в свидетельстве, выданном полицией. Содержатель не мог допускать к промыслу посторонних девиц, не записанных в списке «жильцов»: «о всякой вновь прибывшей, они должны были докладывать в полицейское управление, и не допускать ее к промыслу пока она не будет освидетельствована врачом и ей не будет выдан медицинский билет». В домах терпимости разрешалось иметь фортепиано, но запрещалось вешать портреты высочайших императорских особ. Стало быть, публичные дома открывались и закрывались помимо воли органов городского самоуправления.

Нередко такие заведения служили поводом для столкновений административной власти (губернатора, полиции) с городским управлением. За различные проступки (не исполнение правил для содержателей домов терпимости, не выдачу девицам медицинских билетов, продажу спиртных напитков, содержание тайных проституток и др.), по решению полиции содержатель, кроме привлечения к административной ответственности, лишался права на содержание дома.

Правда ему позволялось открыть дом терпимости вновь на тех же условиях. В архивных документах г. Тюмени нами обнаружен только один факт привлечения к ответственности лица по делу, связанному с нарушениями правил легального ведения проституции. Тобольский окружной суд 18 мая 1907 г., по ст. 29 Устава о наказаниях, за невыполнение законных распоряжений, требований и постановлений правительственных и полицейских властей, земских и общественных учреждений, подвергнул местного домовладельца денежному взысканию (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 109).

Каждой девице после регистрации выдавалось медицинское свидетельство или «желтая карточка», которая обменивалась на паспорт в полицейском управлении. В ней указывались правила для публичных женщин, отмечалось состояние здоровья, фамилия, имя, отчество, место жительства, номер паспорта, по которому она проживает в доме терпимости или на квартире. В 1909 г. власти приняли решение изъять из обращения «желтые билеты» и заменить их на билеты белого цвета. На новые билеты предполагалось наклеивать фотографии женщин (Быкова, 2000: 64). Ключевой причиной этого нововведения стал частый обмен билетами в случае заболевания проститутки. Зачастую на осмотр являлась не настоящая обладательница билета. Однако эта новация принята не была. Поднадзорная проститутка должна была хранить медицинский билет в чистоте и опрятности. Выходя из дома, она обязана была брать его с собой. Если клиент желал удостовериться в ее здоровье, она беспрекословно должна была его предъявить.

Поднадзорная проститутка обязана была в точности выполнять все предписанные правила: проживать в домах терпимости или особых квартирах, но не более как по две в одной комнате. Ей запрещалось жить в местах продажи крепких напитков, показываться в окнах в непристойном виде, затрагивать на улицах прохожих, зазывать их к себе, занимать места в театрах и пр. Для предохранения себя от возможного заражения, проститутка имела право на осмотр половых органов и белья посетителя, до сексуального контакта с ним.

Проституция не знала сословно-статусных «границ». В число проституток входили женщины всех сословий: купечества, мещанства, солдатских жен, вдов и дочерей, крестьянства и дворовых людей, вольноотпущенных и пр. В то же время, в Тюмени больше всего проституток было из мещанского сословия, а также из крестьянских дочерей округа (езда), приехавших в город и «оказавшихся» в рядах публичных женщин. В документах местной полиции и больницы нами не обнаружено данных о проститутках из купеческого и дворянского сословий.

Инструкция ВПК содержала порядок и основания для исключения женщин из числа проституток. К таким основаниям относились: болезнь, вследствие которой они уже не могли заниматься распутством, для подтверждения которой необходимо было заключение врача комитета; возраст; выход замуж; отъезд на родину или другие города (комитет вручал девице пропуск для следования, а паспорт направлялся в полицию городскую или уездную, куда она направляется); поступление в богадельню и в другие благотворительные (воспитательные) заведения для призрения, а также женщину могли исключить по требованию ее родителей, родственников и опекунов. Родственники и опекуны должны были дать расписку в том, что будут заботиться о благоразумии и нравственности вверенной им женщине.

С начала XX в. регламентация данной сферы расширилась, многие вопросы были определены в общую компетенцию городских дум и полиции. Местные жители часто обращались в управу и исправнику по этому поводу. Например, домовладельцы Малоразъездной улицы в своем заявлении писали, что в доме Коробкина состоит постоялый двор и публичный дом, в котором нарушаются не только правила проживания, но и общественный порядок. Находящиеся в нем девицы выходят днем на улицу полунагие, пьяные и выражаются сквернословием, не стесняясь ни проходящих, ни живущих рядом, что плохо влияет на подрастающее поколение. Жители просили городскую власть закрыть этот дом терпимости (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 38).

Как отмечалось, публичные заведения подлежали удалению от церквей, училищ, школ, общественных учреждений, не менее чем на 150 сажень (320 метров). Однако это требование закона часто нарушалось. В частности, на ул. Серебряжковской, где существовали 2 разрешенных полицией

дома терпимости (дома № 47 и 58), поблизости располагались также Народное училище и Съезд крестьянских начальников. В апреле 1905 г. тюменский уездный исправник сообщил управе о двух открытых квартирах для проституток-одинок, расположенных недалеко от центра города. Исправник посчитал «крайне нежелательным» их здесь оставлять и предложил думе удалить такие заведения из центральной части города на окраины. Городская дума 26 апреля и 11 июня 1905 г. рассмотрела этот вопрос и, принимая во внимание доводы начальника полиции, постановила: открытие домов терпимости разрешать по окраинам города, часть в новых кварталах, часть на малом городище, часть за Тюменкою и в заречной части города, «если представится надобность, точно также по окраинам» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 534. Л. 70).

Городская управа препроводила исправнику «для надлежащего руководства» план города, с указанием на нем красными чернилами районов, где могут располагаться публичные дома и квартиры для проституток-одинок (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 66).

Полицейские приставы г. Тюмени предупредили содержателей публичных заведений, не входящих в разрешенную думой местность, об их закрытии, что вызвало негативную реакцию последних. Одна из них в заявлении своем отмечала, что в ее доме более 20 лет существует публичное заведение, и закрытие его приведет к ее полному разорению, тем более, накануне проведения ежегодной тюменской ярмарки, «в ожидании которой мною затрачены последние копейки на благоустройство внутреннего помещения» (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 42 об.). Содержательница просила отсрочить закрытие заведения до 1 января 1906 г., чтобы в этот промежуток времени она нашла возможность подыскать подходящую квартиру в указанных кварталах города. Другие хозяева домов обратились с подобными же просьбами. Дума согласилась с аргументами некоторых содержателей и продлила им разрешения оставить заведения на определенный период. Ходатайства же новых лиц, пожелавших открыть публичные дома в непопавшем месте, отклонялись. В дальнейшем от содержателей в управу поступали заявления о том, что в отведенных для промысла кварталах, нет соответствующих, удобных домов и квартир для размещения публичных заведений. Один из них даже арендовал у города участок земли, в разрешенном месте, где начал возводить деревянный двухэтажный дом (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 95-95 об.).

В то же время, обращения тюменцев с просьбой закрыть публичные дома не заканчивались. Например, обыватели Войновской улицы просили принять меры против безобразий, царивших на их улице, где около домов тайной проституции днем и ночью происходят драки, убийства и крики вопиющих людей о помощи. Местные домохозяева, писали жители, опасаются за свою жизнь, не имеют возможности в ночное время показаться на улице, потому что безобразники вооружены палками, ножами и револьверами. Все это происходит от находящихся здесь тайных притонов проституции, где торгуют вином и пивом (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 67-67 об.). В другом заявлении отмечалось, что один из домовладельцев содержит у себя притон девок и разный сброд... Днем и ночью производится пьянство... Не так давно был сделан поджог» (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 120). Городской голова обратился к исправнику с просьбой принять меры к прекращению бесчинства и немедленному закрытию этих притонов.

Иногда жители вводили городское управление в заблуждение, сообщая о тайных притонах в районах, разрешенных думой и полицией для ведения промысла. В этой связи тюменский исправник в апреле 1909 г. предложил думе объединить местности для размещения домов терпимости и квартир одиночек, что позволит сгруппировать проституток в несколько публичных домов, где за ними будет легче вести надзор, и больничные недоимки за лечение проституток взимать надо будет только с содержателей публичных заведений.

Несмотря на эти меры, тайная проституция в городе «процветала». Один из жителей жаловался управе, что о существовании таких притонов «хорошо известно тюменской полиции». Полицейские, давая разрешение на открытие публичных заведений, чуть ли не открыто брали взятки с их содержателей, и закрывали глаза на многие беспорядки, которые там происходили. В основном публичные женщины скапливались в кабаках, банях, трактирах, портерных, ночлежных домах и т.п. Кроме того, тайные притоны скрывались под вывесками модных магазинов и гостиниц. В частности, домовладельцы II участка города обратились в управу с заявлением о том, что одному владельцу дома терпимости в 1898 г. полицией было запрещено содержать такое заведение, так он открыл в своем доме «меблированные комнаты» (гостиницу), где также имелись проститутки, разгул и продажа крепких напитков не прекращались, в связи с чем, жители просили ни ему, ни его жене разрешение на 1899 г. по содержанию таких комнат не выдавать (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 36. Л. 85-86). В 1910 г. чиновник Министерства юстиции в данном контексте официально признавал, что содержатели домов терпимости тратят огромные суммы на подкуп властных структур, что лишает надзор за ними всякого значения (Ярмыш, 1991: 98).

Проституция была тесно связана с местной преступностью. Именно в питейных заведениях чаще всего совершались убийства, полиция регистрировала случаи мошенничества, находила фальшивые деньги и краденые вещи. В частности, домовладельцы IV участка Тюмени заявляли, что на окраинах города проживали лица из разных уездов губернии, без определенных занятий и без вида на жительство, которые полицией и не преследовались. Здесь допускалась тайная продажа водки, притоны проституции, особенно в местах, прилегающих к пароводным пристаням: «отчего и

совершаются буйства, грабежи и убийства... шляющаяся публика мало занимается трудами, а большей частью занимается легкой наживой в домах, кладовых и лавках...». Жители жаловались на уездного исправника, что он слабо вел надзор за этой местностью, никогда не проводил облав и ночных объездов, а большая часть его полицейских находилась в нетрезвом виде (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1210. Л. 1-2).

Правовое регулирование «проституционного бизнеса» предусматривало обеспечение санитарного надзора за ним (медико-профилактическое направление). По Городовому положению 1892 г. в компетенцию городских дум входило «участие в мероприятиях по охранению народного здоровья, развитие средств врачебной помощи городскому населению и изыскание способов к улучшению местных условий в санитарном отношении», устройство лечебных и санитарных заведений, обеспечение из всем необходимым (в том числе, ГСБ). Однако Тюменская городская управа в докладе думе посчитала, что «не представляется и существенной надобности в учреждении особого санитарного бюро», а городской смотровой пункт, за отсутствием средств и свободных врачей, и фельдшеров, целесообразно устроить при городской больнице (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 534. Л. 39 об.).

Врачебный осмотр и лечение проституток проводились прямо в больнице, смотритель которой в особой ведомости фиксировал сведения о проститутках и других женщинах, поступающих на излечение от венерических болезней, в частности, сохранилась ведомость за 1886 г. (см.: табл. 2).

Таблица 2. Врачебные осмотры и лечение проституток в городской больнице (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 524. Л. 24-28 об.)

всего	из них проституток	Поступило женщин			Лечилось	
		сама явилась (или не указано откуда)	по освидетельствованию врача	из полицейского управления	однократно	два и более раз
48	32	13	22	13	38	10

Лечение было платным. Деньги за лечение и обследование в кассу городской управы обязаны были вносить как проститутки-одиночки, так и содержатели публичных домов. В частности, из журнала управы от 18 мая 1887 г. следует, что она, руководствуясь циркуляром Медицинского департамента МВД от 24 ноября 1877 г., предложила окружному полицейскому управлению «в виду нахождения на излечении значительного числа проституток» обязать хозяек домов терпимости вносить деньги за их лечение.

Управа просила полицейских надзирателей сделать по имеющимся у них книгам «самые верные справки», с указанием у каких именно содержательниц находились проститутки, бывшие на лечении в больнице. По архивным данным, в 1886 г. в городской больнице женщины лечились 1752 дня, то есть в среднем 36,5 дней каждая; общая сумма за лечение составила 1 021 руб. (в среднем 21,3 руб.).

Хозяева публичных заведений неохотно вносили деньги за лечение проституток. В случае неуплаты, возбуждалось гражданское дело, и в судебном порядке хозяйка принуждалась к оплате. В городской управе велся алфавит содержательниц домов терпимости с указанием их долгов за лечение девиц. Наличие у них недоимок по оплате лечения являлось одним из препятствий для получения разрешения на ведение промысла в последующие годы. Некоторые из них были заинтересованы в неимении долговых обязательств. В частности, ялutorовская мещанская вдова просила управу выдать ей удостоверение об отсутствии таких недоимок (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 524. Л. 55, 57).

Нередки были случаи, когда городские власти продолжительное время не могли отыскать хозяйку публичных домов, чтобы те уплатили числящиеся за ними долги. Розыскные мероприятия полиции не проносили желаемого результата. В частности, более полугода искали тюменскую мещанку, хозяйку дома терпимости, которая должна была уплатить за лечение двух проституток в больнице. К этому процессу привлекли Томское полицейское управление, поскольку появилась информация, что мещанка уехала в Томск. Однако там ее не обнаружили. Когда она вернулась, полицейский надзиратель IV участка Тюмени вызвал ее для взыскания денег. Выяснилось, что она не может заплатить «за неимением средств». Надзиратель совершил осмотр принадлежавшего мещанке имущества, опросил знающих ее лиц и установил, что она никакой собственности не имеет (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 526. Л. 2, 26-26 об.). В этой связи управе пришлось войти в положение содержательницы и ее долг со счетов больницы списать.

В начале XX в. правительство приняло целый ряд законодательных актов в этой области. В частности, 25 декабря 1909 г. император утвердил одобренный Государственным советом и Государственной думой закон «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата», в соответствии с которым, например, «лицо мужского пола, виновное в извлечении себе, в виде

промысла, имущественной выгоды, получением оной от промысляющей непотребством женщины, находящейся под его влиянием или в его зависимости, наказывается заключением в тюрьме» (*Собрание узаконений, 1910: 90-94*). Такому же наказанию подвергались лица, виновные в вербовании женщин, а также склонившие их к выезду из России для занятий проституцией за пределами страны.

В годы Первой мировой войны заметно возрос уровень проституции в городе, прежде всего, тайной, что было связано со значительным наплывом беженцев, переселенцев, ссыльных, военнопленных и др. В это время активно обсуждался вопрос о полном закрытии домов терпимости, о чем свидетельствует переписка местных органов власти. Комитет общественного здоровья также призывал власти закрыть такие заведения, как «рассадники венерических болезней». Интересно, что один из содержателей обратился в управу с просьбой оставить публичные дома, с тем, чтобы «таковые были обложены налогом в доход города или в пользу семейств лиц, призванных на войну». Дума посчитала данное предложение не приемлемым в нравственном отношении (*ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 532. Л. 139*). Тем не менее, дома терпимости продолжали функционировать.

Очевидно, что бороться с распространением проституции и венерических болезней невозможно было лишь этими средствами. На состоявшемся в Петербурге первом Всероссийском женском съезде (1908 г.), в частности, отмечалось: «1) регламентация проституции бесполезна, так как если бы сейчас при помощи ее удалось изъять из обращения всех женщин, зараженных венерическими болезнями, и заменить их безусловно здоровыми, то завтра же эти женщины были бы заражены больными мужчинами, которые, как известно, медико-полицейскому надзору не подлежат; 2) регламентация проституции, безусловно, вредна, так как отмежевывает известную область, в черте которой распутство как мужчины, так и женщины регулируется, покровительствуется и даже поощряется. На арену борьбы с такой злокачественной общественной язвой, как проституция, русская женщина должна выступить немедленно, а когда она только приобретет себе право голоса в народном представительстве, одним из первых ее требований должно быть требование отмены регламентации, одной из первых забот – оздоровление общественных нравов» (*Бландова, 1909: 273*).

5. Заключение

Как следует из сказанного, городские власти стремились контролировать ситуацию с проституцией: проводили политику концентрации промысла в отдельных районах (участках города); осуществляли учет проституток, публичных заведений и порядка в них, профилактику и лечение женщин от сифилиса и других болезней.

Деятельность Тюменского ВПК и полицейского управления сводилась лишь к выдаче разрешений на ведение промысла и обсуждению вопросов распространения венерических болезней. Что касается конкретных операций по выявлению и пресечению тайной проституции (облавы, розыскных, агентурных действий), то полицейские чиновники в этом плане фактически ничего не делали. Городское управление особое санитарное бюро так и не организовало.

Для надзора за разрешенными публичными домами и борьбы с тайными притонами не хватало надзирателей, медицинского персонала и денежных средств. Врачебно-полицейская регламентация проституции была отменена Временным правительством в 1917 г.

Литература:

Бландова, 1909 – Бландова М.Е. О надзоре за проституцией // Труды I Всероссийского Женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. СПб., 1909. С. 273.

Быкова, 2000 – Быкова А.Г. Проституция в городах Западной Сибири (1880-1917 гг.) // *Социологические исследования*. 2000. № 5. С. 59-65.

ГАТО – Государственный архив Тюменской области.

Грацианов, 1895 – Грацианов П.А. К вопросу о реорганизации надзора за проституцией в России // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины*. 1895. Т. 29. Отд. 2. С. 139-169.

Зюбан, 2008 – Зюбан М.Н. Политика российского государства в отношении женской проституции: середина XIX столетия – 1917 год // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 77. С. 82-86.

Проституция, 1890 – Проституция в Российской империи по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб., 1890. Т. 13. С. 36.

Собрание узаконений, 1910 – Собрание узаконений и распоряжений Правительства. I пол. I отдел. СПб., 1910. Ст. 58. С. 90-94.

Сунгуров, 2015 – Сунгуров П.А. Проституция в сибирских губерниях (конец XIX – начало XX вв.) // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 6. С. 110-111.

Устав, 1910 – Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1908. С. 117.

Ярмыш, 1991 – Ярмыш А. Самая древняя профессия // *Позиция*. 1991. № 4. С. 98.

References

- Blandova, 1909** – *Blandova M.E.* (1909). O nadzore za prostituciej [About supervision of prostitution]. Trudy I Vserossijskogo Zhenskogo sezda pri Russkom zhenskom obshhestve v Sankt-Peterburge. SPb. p. 273. [in Russian].
- Bykova, 2000** – *Bykova A.G.* (2000). Prostitucija v gorodah Zapadnoj Sibiri (1880-1917 gg.) [Prostitution in the cities of Western Siberia (1880-1917)]. *Sociologicheskie issledovanija*. Nr. 5. pp. 59-65. [in Russian].
- GATO** – Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti [State archive of the Tyumen region].
- Gracianov, 1895** – *Gracianov P.A.* (1895). K voprosu o reorganizacii nadzora za prostituciej v Rossii [To a question of reorganization of supervision of prostitution in Russia]. *Vestnik obshhestvennoj gigieny, sudebnoj i prakticheskoj mediciny*. T. 29. Otd. 2. pp. 139-169. [in Russian].
- Zjuban, 2008** – *Zjuban M.N.* (2008). Politika rossijskogo gosudarstva v otnoshenii zhenskoj prostitucii: seredina XIX stoletija – 1917 god [Policy of the Russian state for women's prostitution: the middle of the XIX century – 1917]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. Nr. 77. pp. 82-86. [in Russian].
- Prostitucija, 1890** – Prostitucija v Rossijskoj imperii po obsledovaniju na 1 avgusta 1889 g. [Prostitution in the Russian Empire on inspection for August 1, 1889]. SPb. T. 13. p. 36. [in Russian].
- Sobranie zakononij, 1910** – Sobranie zakononij i rasporzazhenij Pravitel'stva [Meeting of legalizations and orders of the Government]. I pol. I otdel. SPb. St. 58. pp. 90-94. [in Russian].
- Sungurov, 2015** – *Sungurov P.A.* (2015). Prostitucija v sibirskih gubernijah (konec XIX – nachalo XX vv.) [Prostitution in the Siberian provinces (the end of XIX – the beginning of the 20th centuries)]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*. Nr. 6. pp. 110-111. [in Russian].
- Ustav, 1910** – Ustav o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sud'jami [The charter about the punishments imposed by magistrates]. SPb. p. 117. [in Russian].
- Jarmysh, 1991** – *Jarmysh A.* (1991). Samaja drevnjaja professija [The most ancient profession]. *Pozicija*. Nr. 4. p. 98. [in Russian].

УДК 316+94 (571.12)

Местные власти и проституция в дореволюционной Сибири (на материалах города Тюмени)Александр Борисович Храмов ^{a,*}^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследована эволюция правового регулирования (легализации) проституции и организации контроля за ней со стороны российского государства в досоветский период (на материалах города Тюмени). Установлено, что в начале XX в. центральное правительство предписало местным властям (городским и полицейским управлениям) установить надзор за проституцией. Открыть дом терпимости «дозволялось» с разрешения полицейского управления. Предполагалось создать городские санитарные бюро и врачебно-полицейские комитеты (ВПК). Однако город не изыскал средств на организацию бюро. ВПК вели регистрацию проституток. После регистрации каждой девице выдавалось медицинское свидетельство или «желтая карточка». Поднадзорная проститутка обязана была в точности соблюдать предписанные ей правила. Очевидно, что многие «индивидуалки» старались избегать регистрации. В число проституток входили женщины всех сословий. В Тюмени больше всего проституток было из мещанского сословия. Среди содержателей домов терпимости преобладали приезжие в город лица. Рассмотрены действия городской думы и полиции по концентрации промысла в отдельных районах города, учету проституток, публичных заведений и порядка в них, профилактике и лечению женщин от сифилиса. Сделан вывод, что санитарный и полицейский надзор был бессилем бороться с тайной проституцией в городе, которая «процветала». Более того, она была тесно связана с местной преступностью. Для надзора за разрешенными публичными домами и выявления тайных притонов не хватало надзирателей, медицинского персонала и денежных средств.

Ключевые слова: проституция, публичный дом, полиция, городские думы, надзор, городское санитарное бюро, врачебно-полицейский комитет.

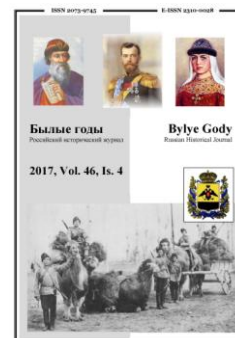
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1497-1507, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1497
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93(930.2)

The Role of the "Siberian Trade Newspaper" in the Development of the Advertising Business of Merchant Tyumen at the end of the 19th century

Irina V. Stavetskaya ^{a, *}, Natalia G. Medvedeva ^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The authors of the article turn to the consideration of a little-studied topic relating to the specifics of advertising in Russia at the end of the 19th century, using the example of the Siberian merchant city of Tyumen, which has more than 400 years of history. Tyumen at that time was more known as the "Gateway to Siberia", as a transit point, through which wagons and steamships carried prisoners from the center of Russia to the city of Tomsk, to the Far East.

Geographical, socio-economic characteristics of Tyumen, its appointment as a transit point, predetermined the specifics of entrepreneurship of the old Russian merchant city, the present Russian remote places. In Tyumen at the end of the nineteenth century, trade and industry, transport services and publishing generally developed. Advertisements on the supply of goods, the performance of certain works and services provided were located in the only business newspaper in the city that was time-based and was called the "Siberian Trade Newspaper."

In the course of the study, the authors studied the materials of the "Siberian Trade newspaper" over the last decade of the late 19th century. The structure, volume dynamics, thematic range and the verbal component of advertisements in the "Siberian Trade newspaper", in the opinion of the authors, expressively recreate the uniqueness of the social and economic life of Tyumen at the end of the XIX century. The advertisement, posted in the "Siberian Trade Newspaper.", reflected the development not only of trade, industry and publishing, but also how Tyumen entrepreneurship became more socially oriented – the types of activities related to the provision of legal and other social services to the population began to develop.

Keywords: newspaper market, Tyumen city, advertisements, "Siberian Trade Newspaper", entrepreneurship.

1. Введение

К середине 1890-х годов Тюмень не была представлена повременными изданиями, демонстрируя тем фактом изрядное отставание от крупных городов европейской России. Все инициативы на этом поприще уничтожались требованиями жесткой цензуры, препятствием со стороны местных жандармских управлений, предписаниями Главного управления по делам печати. Ускоренное развитие капиталистических отношений после отмены крепостного права в 1861 году способствовало снятию государственных запретов в России на помещение коммерческой рекламы в печатных изданиях (Васильев, Поляков, 2006: 12). Правительственный Указ «Временные правила о печати» от 1865 года стал толчком для развития частного газетного предпринимательства, ослабив требования к цензуре и, главным образом, отменив государственную монополию на публикацию частных объявлений (Учёнова, Старых, 2003: 257).

И хотя к исследуемому нами периоду большинство газет было избавлено от предварительной цензуры, для публикаций рекламных объявлений цензурный досмотр сохранялся, ответственность за

* Corresponding author

E-mail addresses: irina.vita22@yandex.ru (I.V. Stavetskaya), natamedw2004@mail.ru (N.G. Medvedeva)

торгово-промышленные сообщения была возложена на административную власть (Николаева, 2001: 46). «Сибирская торговая газета» ознаменовала своим появлением в 1897 году новый исторический этап становления и развития периодических изданий как в Тюмени, одном из старинных купеческих городов Сибири, так и во всей Тобольской губернии.

2. Материалы и методы

В ходе исследования были использованы документальные материалы Тобольского государственного музея и Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева, составившие основную группу источников.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективизма. В качестве методов исследования использован контент-анализ рекламных объявлений «Сибирской торговой газеты», позволивший подсчитать объём рекламных объявлений за период с 1897–1899 годы, проанализировать тексты коммерческих объявлений, выявить основные тематические приоритеты и упоминания о самых известных в Тюмени фамилиях промышленников, судовладельцев и торговцев в рекламных объявлениях газеты.

3. Обсуждение

Специальных исследований, посвящённых особенностям становления и развития рекламного дела в «Сибирской торговой газете», крайне недостаточно, тема малоизучена. Отдельные тематические фрагменты, касающиеся восприятия частного газетного предпринимательства, проблем с цензурой, взаимоотношений главного редактора «Сибирской торговой газеты» с полицейскими чинами, содержатся в коротких публикациях разных лет (Жукова и др., 2002: 215).

Например, известный в Тобольской губернии публицист Н.М. Ядринцев в 80-е годы XIX века указывал на то, что современные издатели набивают себе карман, угождая подписчикам, а не руководствуются целями воспитания читающей публики. Исходя из данного убеждения, в Тюмени, в силу большого купеческого прагматизма, развитие прессы стало продвигаться по первому направлению, далёкому от просветительских устремлений (Печатные СМИ, 2013: 30).

В то же время, известны утверждения исследователей о том, что важной чертой сибирского предпринимательства была забота о репутации. Наряду с репутацией отдельного предпринимателя, бережно пестовалась и формировалась репутация семейных купеческих кланов, переходившая из поколения в поколение (купцы Колокольниковы, Колмаковы, Жернаковы, Шуваловы и др.) (Беспалова, 2002: 67).

Н. Жукова в своих исследованиях акцентирует внимание на особенностях получения дозволения на открытие нового печатного органа в Тюмени, а также сложных взаимоотношениях цензора «Сибирской торговой газеты», одного из образованнейших людей Тобольской губернии И.Я. Словцова и редактора нового издания А.А. Крылова (Жукова и др., 2002: 216).

В свою очередь Л.П. Рощевская относила появление «Сибирской торговой газеты» к культурным событиям Тюмени, формирующим облик города в капиталистическую эпоху второй половины XIX века (Рощевская, 1986).

Указанные работы дают представление, прежде всего, о сложных коллизиях, сопровождающих долгий и тернистый путь открытия нового периодического издания в Тюмени конца XIX века, а также неоднозначность восприятия новой коммерческой газеты со стороны просвещённой публики и упорстве редактора А.А. Крылова, открывшего «Сибирскую торговую газету» и собственную типографию под тем же названием.

4. Результаты

1890-е годы были ознаменованы бурным развитием повременных изданий Москвы и Санкт-Петербурга. Эволюцию газетного дела в данный период продвигала поддержка крупного капитала и жёсткая конкуренция российского печатного рынка.

Пореформенные годы существенно меняют социальные функции и характер печати. А.Н. Боханов акцентировал внимание на том, что с 60-х годов XIX века главным средством массовой коммуникации становится частная ежедневная газета. Газета несла своему читателю наиболее оперативную информацию, купцы и фабриканты издавали газеты исключительно с целью расширения сбыта товаров и услуг (Боханов, 1984: 148). В конце XIX века реклама становится основным источником дохода периодических изданий. По данным на 1898 год крупнейшие столичные газеты получали огромные прибыли от рекламных публикаций: «Новое время» – 499 807 руб., «Биржевые ведомости» – 131 381 руб., «Петербургский листок» – 305 812 руб. (Николаева, 2001: 45).

В 1898 году А. Веригиным была предпринята первая попытка осмысления цели, побудительных мотивов рекламы, обращения к характеристикам «важнейшей формы промышленно – торговой рекламы – газетному объявлению». Несмотря на сетования Веригина на то, что «мы до сих пор не имеем русской рекламы и не выходим из рабского подражания заграничным образцам» (Веригин, 1898: 8), автору пришлось констатировать неоспоримый факт, который сводился к убеждению, что реклама есть двигатель торговли и это великая истина (Веригин, 1899: 10).

В то время, когда газетный рынок России переживал к концу XIX века необычайный подъём, труднообъяснимым фактом является полная стагнация издательского дела в Тюмени. В историю вошёл громкий эпитет, которым одарили старинный русский город – «Ворота в Сибирь». Очевидно, что вплоть до первого выхода в свет «Сибирской торговой газеты», состоявшегося 9 июля 1897 года, информационные ворота в Сибирь были закрыты наглухо.

Исследователи развития промышленности Тюмени пореформенного периода обращают внимание на кардинальные перемены в сфере предпринимательской деятельности (Бойко, 1986), (Шпалтаков, 1997: 304). За два десятилетия, завершивших XIX век, в Тюмени основывается судостроительный завод парходчиков Колчина и Игнатова, открываются оснащённые паровыми двигателями мукомольные мельницы купцов А. Текутьева и В. Волчихина, разворачивают свою деятельность фабриканты П. Андреев, А. Корякин, А. Щербаков. К тому же, Тюмень в 1880–1890-е годы становится центром хлеботорговли в Западной Сибири. Тюмень осуществляла стратегически важную связь как с торговыми центрами Сибири, киргиз – кайсаками, Китаем, так и с Европейской Россией, именно сюда сходились гигантские сухопутные и водные грузопотоки (Шпалтаков, 1997: 131).

В 1890-е годы в Тюмени насчитывалось 18 капиталов I-й гильдии, в то же время как в Томске – 14, в Кургане и Барнауле – по 4, в Бийске и Омске – по 3, а по все Западной Сибири – 58 (Бойко, 1986: 19). В первую гильдию входили немногие купцы, имевшие капитал не менее 50 тысяч рублей. Гильдейское купечество обладало монополией на внутреннюю и внешнюю торговлю. Первогильдейские купцы имели привилегию вести внутренний и заграничный оптовый торг всякими товарами повсеместно, заниматься банковской деятельностью, брать казённые подряды и откупа на любые суммы (Шпалтаков, 1997: 240).

В то же время, газетный рынок Тюмени пустовал, заметно отставая от вызовов времени. Местная администрация, следуя предписанию Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел, не считала целесообразным открывать новые периодические издания, традиционно предпочитая губернские ведомости. Здесь необходимо учитывать и тот факт, который отмечал в своих исследованиях Б.И. Есин, – это правовое положение дореволюционного газетчика. В конце XIX века государственная власть нуждалась в гласности, т.е. периодической печати, но в силу своего бюрократического характера, не доверяла большинству работников печати (Есин, 1983: 150). В пользу многочисленных прошений А.А. Крылова о разрешении на создании газеты, был учтён тот факт, что он состоял корреспондентом «Вестника финансов, промышленности и торговли», находившегося под эгидой Министерства финансов.

В первом номере «Сибирской торговой газеты» от 9 июля 1897 года редактор обозначил главную задачу газеты: «Следить за всеми проявлениями торгово-промышленной жизни Сибири, но не ограничиваться этими узкими рамками, а, насколько позволяет общество, уделять место вопросам общественной жизни нашей окраины» (Сибирская торговая газета, 1897: 1). Тюменскую публику уведомили о цене отдельного номера – 5 копеек, о подписной цене на полгода – 3 рубля. Редакция поставила читателей в известность, что подписка принимается в Санкт-Петербурге, в конторе объявлений торгового дома Л. и Э. Метцель и К^о; в Москве – у Н. Чукмалдина, в Тобольске – в конторах Курбатова, Игнатова, Корнилова и магазине Н. Ершова; в Тюмени – в конторе редакции и типографии «Сибирской торговой газеты», а также в Омске, Томске, Барнауле, Екатеринбурге, Перми, Челябинске, Кургане. Объявления принимались на первой странице по 20 копеек, на 4 странице: для городских – 5 копеек, иногородних – 10 копеек. Выход газеты ежедневно, кроме понедельника и послепраздничных дней (Сибирская торговая газета, 1897: №1).

А.А. Крылов, как газетный предприниматель, сделал ставку на доход от рекламных объявлений, – необходимо было оплачивать работу корреспондентов, бумагу, содержание типографии, транспортные и другие расходы. Поначалу, тюменские купцы и фабриканты заняли выжидательную позицию, что вполне в традициях прижимистого и степенного сибирского характера. В первом номере газеты было опубликовано всего лишь четыре рекламных объявления: объявление Товарищества парходства А. Трапезникова об отправке очередного буксиро-пассажирского парохода с арестантскими партиями из Тюмени в Томск; торговца Генриха Перетца, который заверил господ покупателей в отличном качестве своих полотняных товаров; редакции торгово-промышленной газеты «Камско-Волжский край» из г. Казани, которая уведомила тюменцев о начале подписки на 1898 год; объявление о приглашении выпускников музыкальных классов нижегородских курсов на уроки музыки. Здесь же редактор Крылов разрекламировал собственную типографию, оснащённую самым современным оборудованием для того времени – большую иллюстрированную машину «Кёниг и Бауэр», бостонский пресс с усовершенствованным красочным аппаратом, снабжённым значительным количеством разнообразных шрифтов (Сибирская торговая газета, 1897: 1).

Рекламный процесс набирал обороты крайне медленно. В первый месяц выхода газеты, редактор Крылов был вынужден несколько раз сокращать выпуски, извиняясь перед читателями за «сбои» в работе типографии. Сначала продемонстрировали своё доверие газете богатые промышленники Памфиловы, известные на всю Сибирь первым паровым маслобойным заводом. Затем, первополосные площади газеты, в связи с пиком навигации, прочно заняли парходчики Игнатов, Курбатов, Корнилов, Трапезников. Эти уважаемые в предпринимательских кругах фамилии

выступили своеобразным гарантом за репутацию и благонадёжность нового печатного издания. Постепенно «Сибирская торговая газета» стала наполняться объявлениями тюменских фабрикантов и торговцев.

Выбирая периоды публикаций к исследованию, авторы руководствовались данными полной сохранности выпусков газеты за календарный месяц в архивах Тобольского государственного музея. В качестве анализируемого периода, на первом исследовательском этапе, были выбраны три первых месяца со дня появления газеты, соответственно – июль, август и сентябрь 1897 года. Единицей счёта проведённого контент-анализа стал номер газеты и рекламное объявление (Табл. 1).

Таблица 1. Общий объём выпусков «Сибирской торговой газеты» и общее количество рекламных объявлений за июль – август – сентябрь 1897 года

Июль (№ 1 - № 20)		Август (№ 21 - № 44)		Сентябрь (№ 45 - № 68)	
Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений	Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений	Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений
20	181	23	252	23	312
Всего: выпусков газеты – 66 из общего количества за год – 137 выпусков, рекламных объявлений за три месяца – 745					

Результаты проведённого контент – анализа свидетельствуют о нарастающем объёме рекламных объявлений в «Сибирской торговой газете», от 181 в июле – до 312 объявлений в сентябре. Объявления размещались на двух страницах – 1-й и 4-й. В зависимости от заполняемости номера, редактор размещал объявления и на 2-й странице, но были и «полупустые» номера, где вместе с тюменскими парходчиками соседствовало только объявление А. Крылова о подписке на «Сибирскую торговую газету» (Сибирская торговая газета, 1897).

География объявлений на первых парах не выходила за границы Тобольской губернии. Тексты объявлений не отличались разнообразием шрифтов, смысловым подходом и иллюстрациями. Возможно, с более сложными задачами не справлялись работники типографии, – за вёрстку объявлений в типографиях отвечали метранпажи, – но, скорее всего, на первоначальном этапе и требования рекламодателей были предельно простыми и прагматичными.

Первыми с иллюстрированными объявлениями в «Сибирской торговой газете» обосновались парходчики, и поскольку им в этом направлении принадлежит бесспорный приоритет, обратимся к одному из них.

На рисунке 1 мы видим бегущий по волнам мощный пароход, набравший максимальную скорость. Динамика движения вперёд, подтверждает неукротимую энергию сибирских предпринимателей, которая обречена только на успех (Сибирская торговая газета, 1897: 12). Из текста рекламного объявления усматривается размах бизнеса – по рекам Западной Сибири, расписание движения водного транспорта от Тюмени до Томска. Кроме того, из данного объявления видим, что по рекам Сибири «бороздили буксиро-пассажи́рские суда», что зачастую эти самые реки могли быть неудоходными (Рис. 1).

Рис. 1. Рекламное объявление Товарищества «Курбатовъ и Игнатовъ».

Проведённый контент-анализ текстов рекламных объявлений позволил определить тематические приоритеты рекламы в «Сибирской торговой газете», которые нашли отражение в Таблице 2.

Таблица 2. Основные темы, наиболее часто встречающиеся в рекламных объявлениях «Сибирской торговой газеты» в период с июля по сентябрь 1897 года

Темы рекламных объявлений	Июль № 1 - 20	Август № 21 - 44	Сентябрь № 45 - 68
1. Торговля, промышленность	45	91	75
2. Пароходства Тюмени и Тобольска	42	78	32
3. Издательское дело	25	31	39
4. Адвокатские, нотариальные услуги	10	22	24
5. Частные объявления	9	19	25
6. Интеллектуальные услуги	14	15	12
7. Зрелищные мероприятия	8	11	15
8. Благотворительность	6	8	3

Анализ тем рекламных объявлений «Сибирской торговой газеты» выявляет общие тенденции обращений рекламодателей, расставляет доминирующие приоритеты при вёрстке газетных номеров. В расстановке восьми основных тем газетных выпусков, на первом месте – публикации торгово-промышленной информации, на втором – пароходства Тюмени и Тобольска, на третьем – издательское дело, последнее место по тематике рекламных объявлений занимает благотворительность.

Таково реальное ранжирование тематики рекламных объявлений в газетных выпусках «Сибирской торговой газеты» в период с июля по сентябрь 1897 года. В данном контексте необходимо акцентировать внимание на том, что если в июле и августе тематические приоритеты оставались неизменными, то в сентябре, в связи с окончанием сезона навигации, судовладельцы уступили первенство издателям и практически покинули газету до следующей весны.

Проведённый контент-анализ текстов рекламных объявлений выявляет следующие особенности смысловых подходов. Рекламные тексты судовладельцев не отличаются разнообразием и, в то же время, чётко обозначают приоритеты каждого пароходства. Например, пароходство «Курбатов и Игнатов», отправляют свои буксиро-пассажи́рские пароходы из Тюмени в Томск по четвергам, ориентируясь на прибытие поездов (*Сибирская торговая газета, 1897: 25*). В свою очередь, буксиро-пассажи́рское пароходство И.Н. Корнилова отправляет свои пароходы по воскресеньям и подчёркивает, что к услугам пассажиров имеются буфеты (*Сибирская торговая газета, 1897: 30*).

Особняком от своих конкурентов держится в рекламных объявлениях пароходство А. Трапезникова, который оповещает об отправке своих буксиро-пассажи́рских пароходов с арестантскими партиями по средам, от Тюмени до Томска и дальше вверх по Иртышу до Семипалатинска (*Сибирская торговая газета, 1897: 35*).

Рекламные тексты торгово-промышленных объявлений отличаются разнообразием шрифтов, вариантами размеров на газетной полосе, такие тексты уже содержали свою аргументацию в пользу того или иного товара. Прежде всего, промышленники делали акцент на высокое качество товара, географии его востребованности, большом ассортименте. Например: «Гончарно-изразцовый завод «Фортуна» в Тюмени изготавливает для всех городов Сибири всевозможные печи узорчатые и гладкие, камины, вазы садовые и комнатные, бордюры для цветников, кронштейны и розетки, а также гончарные трубы для печей и водопроводов, огнеупорный кирпич разных сортов и образцов, клинкера и пр. Имеются подробные каталоги и прейскуранты» (*Сибирская торговая газета, 1897: 19*).

Тюменские торговцы осваивали приём прямого обращения к покупателям в виде предупреждения, совета выбрать лучшее по качеству и цене, и не совершить ошибку. Одним из первых стал действовать в этом направлении Генрих Перетц: «ПРЕЖДЕ ЧЕМ КУПИТЬ где-либо полотно и вообще полотняный товар, прошу посмотреть в магазине ГЕНРИХА ПЕРЕТЦ (Тюмень, ярмарочная площадь), где найдёте много дешевле, чем у прочих торговцев. Цены поставлены только на время ярмарки. Бельё собственного производства: готовое и на заказ» (*Сибирская торговая газета, 1897: 12*). Весьма корректные советы покупателям от Генриха Перетца затмили своим появлением рекламные объявления господина Шустова из Москвы. Это было уже новое слово в рекламе для тюменской публики, удивлённой невиданно бесцеремонным обращением: «ТРЕБУЙТЕ! Коньяк Шустова. Высшая награда 1896 года на Всероссийской выставке – Золотая медаль. ТРЕБУЙТЕ!» (*Сибирская торговая газета, 1897: 42*).

Рекламные объявления А.Ф. Памфилова отличались большим достоинством. Известный в Сибири промышленник делал упор на признании его товара на самом высоком уровне: «Большая серебряная медаль ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Общества Сельского Хозяйства в 1895 году. Первый Сибирский паровой маслобойный завод Алексея Фёдоровича ПАМФИЛОВА. Вырабатывает масла: льняное, конопляное, горчичное, маковое – отличное качество, из совершенно чистых, прекрасно отсортированных семян. Усовершенствованные машины и аппараты английской фабрики, личное заведывание владельца дают заводу возможность вырабатывать технически совершенные

продукты. Оптовые склады в Тюмени, Екатеринбурге, Кургане». Весьма амбициозно обозначен адрес тюменского фабриканта: Тюмень, Памфилову» (*Сибирская торговая газета, 1897: 37*).

Под началом редактора А. Крылова в «Сибирской торговой газете» стали активно распространяться рекламные объявления о подписке на газеты и журналы из других городов России, причём с большим географическим охватом.

Крылов первый использовал в рекламе своей газеты обозначения: «дешевый», «новый», «практичный», которые в центральной коммерческой периодике уже давно к этому времени обосновались (*Сибирская торговая газета, 1897: 20*) (Рис. 2).

Рис. 2. Рекламное объявление типографии «Сибирской торговой газеты»

Темой – аутсайдером в объявлениях «Сибирской торговой газеты» стала благотворительность. С июля по сентябрь 1897 года газета разместила лишь одно объявление с просьбой о помощи нуждающимся: «Обращаем внимание тюменского общества попечения о бедных и местных благотворителей на бедственное положение семьи крестьянина Архипова. Сам Архипов страдает ревматизмом, жена его только что вышла из родильного дома. Шесть человек детей не каждый день имеют достаточное количество пищи. Адрес Архиповых: у Земельного моста, д. Патрушева» (*Сибирская торговая газета, 1897: 8*).

Справедливости ради надо отметить, что тюменцы отличались способностью к состраданию, причём, и к людям, и к животным. Ветеринар Сенявский регулярно размещал объявления следующего содержания: «Ветеринарный врач СЕНЯВСКИЙ (Ялutorовская улица, д. Гильдебранта, 12 телефон № 147), ежедневно от 2 до 3 часов дня: бесплатный приём больных животных» (*Сибирская торговая газета, 1897: 12*).

В данном контексте целесообразно отметить, что в «Сибирской торговой газете» изначально отсутствовали следующие темы объявлений: книжные новинки, мода, банковское дело, жанр некролога, реклама лекарств, бесплатные объявления, приглашения на свадьбу и к совместным путешествиям. К тому же, на страницы газеты почти не поступала информация об учебных заведениях Тюмени. Крайне редко до сведений тюменцев доводились следующие объявления: «Александровское тюменское реальное училище объявляет во всеобщее сведение, что приёмные экзамены в настоящем году начнутся с 11 августа, а молебен перед началом учения будет отслужен 16 августа» (*Сибирская торговая газета, 1897: 23*).

Важно акцентировать внимание ещё на одном аспекте: редактор А.А. Крылов не демонстрировал маркетинговый подход к объявлениям, видимо не считая необходимым публично оговаривать с потенциальными рекламодателями такие позиции как скидки, например, за размещение объявлений в течение года, скорость публикаций, обязательное оформление квитанций и прочее.

В качестве анализируемого периода на втором исследовательском этапе были выбраны выпуски газеты за январь, февраль, март 1898 года. Единица счёта – номер выпуска и рекламное объявление (Табл. 3).

Таблица 3. Общий объём выпусков «Сибирской торговой газеты» и общее количество рекламных объявлений за январь, февраль, март 1898 года

Январь (№ 1 - № 25)		Февраль (№ 26 - № 47)		Март (№ 48 - № 72)	
Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений	Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений	Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений
25	328	21	355	24	338
Всего: выпусков газеты за три месяца – 70 из общего количества за год – 138, рекламных объявлений за три месяца – 1021					

Результаты проведённого анализа позволяют сделать вывод о значительном возрастании рекламных объявлений при тех же объёмах выпусков, от 745 объявлений за три месяца выхода газеты в 1897 году, до 1021 объявления за три месяца 1898 года.

Необходимо отметить и тот факт, что газета А.А. Крылова претерпела значительные изменения в верстке номеров к началу 1898 года. В последнюю декабрьскую неделю 1897 года (*Сибирская торговая газета, 1897: 125*) с первой полосы газеты исчезает Программа содержания выпуска, причём без каких-либо комментариев редактора. Следует напомнить, что весь 1897 год газета публиковала подробную Программу, в которую, в частности, входил перечень основных направлений публикаций:

- правительственные распоряжения, общие и специально касающиеся Сибири;
- телеграммы собственных агентов и Российского телеграфного агентства;
- торговый отдел представлял отчёты о состоянии сибирских рынков и обзор ярмарочной торговли;
- промышленный отдел давал сведения о развитии промышленных предприятий Сибири и Приуралья и многое другое.

Возрастающее количество рекламных объявлений заставило редактора освободить для них первую полосу газетного издания (*Сибирская торговая газета, 1897: 126*).

Новая расстановка приоритетов подтверждает выводы исследователей о том, что к концу XIX века газеты превращаются в коммерческие предприятия, процветающие благодаря рекламе (*Николаева, 2001: 48*).

Проведённый анализ тематического содержания рекламных объявлений выявляет следующие приоритеты «Сибирской торговой газеты» (*Табл. 4*).

Таблица 4. Основные темы, наиболее часто встречающиеся в выпусках «Сибирской торговой газеты» в период за январь, февраль, март 1898 года

Темы рекламных объявлений	Январь № 1-25	Февраль № 26-47	Март №48-72
1. Торговля (магазины, лавки)	92	137	136
2. Издательское дело (подписки на газеты, журналы, услуги типографии)	74	68	54
3. Частные объявления	36	21	39
4. Промышленность (фабрики, заводы, склады)	40	36	38
5. Зрелищные мероприятия (концерты, спектакли, зимние катания и др.)	43	11	21
6. Интеллектуальные услуги (уроки музыки, иностранных языков)	9	1	1
7. Адвокатские, нотариальные услуги	4	4	2
8. Благотворительность	3	1	2

Ранжирование тем рекламных объявлений в рамках указанного периода складывается следующим образом: на первом месте – торговля (магазины, лавки), на втором – издательское дело (подписка на газеты, журналы, типографские услуги), на третьем месте по количеству упоминаний – промышленность (фабрики, заводы, склады) и следом – частные объявления. Темой – аутсайдером по количеству упоминаний по-прежнему является тема благотворительности.

Небывалым для Тюмени по количеству упоминаний стали объявления, приглашающие на зрелищные мероприятия. Объяснение этому найти просто, январь – месяц ярких новогодних праздников, концертов, вечеров, маскарадов. Одно их праздничных новогодних объявлений: «Тюменский приказчиный клуб в воскресенье, 4 января приглашает на «ДЕТСКОЕ УТРО». Программа: танцы, игры, чтение малолетним детям в лицах, костюмах, гриме, басен Крылова, фокусник. Начало в 2 часа дня, окончание в 6 часов вечера» (*Сибирская торговая газета, 1898: 1*). Театр А. Текутьева устраивает 9 января благотворительный спектакль, весь сбор от которого поступит в пользу Владимирского сиропитательного заведения (*Сибирская торговая газета, 1898: 6*). Концертные афиши заманивают тюменских зрителей экзотическими гастролёрами: «В пятницу 9 января состоится знаменитый концерт НЕГРО–МУЛАТЫ, прозванная ЧЕРНАЯ–ПАТТИ. Билеты в магазинах братьев Агафуровых (*Сибирская торговая газета, 1898: 5*).

Братья Агафуровы рекламировали свои магазины не только под вывеской редких для Тюмени гастролёров, они смело экспериментировали «перевернутыми» объявлениями, первыми в Тюмени, по моде столичных изданий, стали изображать в своих рекламных объявлениях указующий перст (*Сибирская торговая газета, 1898: 5*). Торговцы того времени считали, что указующий перст усиливает воздействие рекламного сообщения, что, на самом деле выглядит безвкусно и слишком навязчиво (*Герашенко, 2008: 15*). Этот приём подхватил купец А. Аверкиев (*Сибирская торговая газета, 1898: 10*). Это нашло отражение на *Рис. 3*.

Рис. 3. Рекламные объявления с «указующим перстом»

На страницах «Сибирской торговой газеты» разворачивались настоящие баталии за отстаивание границ собственного бизнеса. Трудно предположить, что заставило купца А. Аверкиева опубликовать объявление о поступлении в его магазины Парижского масла. Это была неслыханная дерзость. К этому времени уже прочно закрепили свои позиции на сибирском рынке основатели сибирского маслоделия Памфиловы (Копылов, 2002: 130). Анна Яковлевна Памфилова владела чернореченской сельскохозяйственной фермой, сыры и сливочное масло отличались высоким качеством и пользовались устойчивым спросом. Алексей Фёдорович Памфилов владел Первым сибирским паровым маслобойным заводом, продукция которого была отмечена наградами самого высокого российского уровня. И вдруг, такой непочтительный выпад от Аверкиева, - он предлагал в своих магазинах Парижское масло от иногородней фирмы Гоголева (Сибирская торговая газета, 1898: 21). Любопытно, что господин Памфилов не посчитал необходимым отвечать на вызов Аверкиева, а вот Анна Яковлевна Памфилова отреагировала самым решительным образом: она удвоила свои рекламные объявления. Отдельная информация касалась Парижского масла: «По требованию господ покупателей поступило в продажу с чернореченской фермы А.Я. Памфиловой ПАРИЖСКОЕ МАСЛО (из гретых сливок) цена 40 копеек, к предстоящей масленице поступят в продажу сметана и топленое масло» (Сибирская торговая газета, 1898: 26). В результате Аверкиев отступил. Все необходимые акценты были расставлены, раз и навсегда (Сибирская торговая газета, 1898: 31).

Показательным для рекламного процесса стало активное проникновение на газетные полосы предпринимателей из Санкт-Петербурга и Москвы. В частности, Санкт-Петербургская Технохимическая лаборатория выступила постоянным рекламодателем «Сибирской торговой газеты», предлагая тюменским покупателям мыло, духи, зубные порошки, кремы – румяна и другие новинки парфюмерии и косметики. На страницах газеты обосновались объявления от московских промышленников: Колокольню-литейного завода П.И. Финляндского, конторы и склада машин К. Люке. Посредством рекламных объявлений «Сибирской торговой газеты» на тюменский рынок вышли такие мировые бренды как «НЕСТЛЕ» (Сибирская торговая газета, 1898: 58).

1899 год стал серьёзным испытанием для «Сибирской торговой газеты» (Жукова и др., 2002: 215). После затяжного периода стычек и конфликтов редактора А.А. Крылова с местной полицией и цензурой, решением министра внутренних дел Горемыкина выход газеты был приостановлен на 8 месяцев со 2 мая 1899 года, и с № 94 газета перестала поступать к подписчикам. А. Крылов не отказался от издательской деятельности и 9 мая 1899 года под его редакцией, вышел из печати первый номер «Бюллетеней Тюменского Агента Российского телеграфного агентства». Редакция заверяла своих читателей, что «подписчики тотчас по возобновлении издания, будут получать газету самым аккуратным образом» (БТАРТА, 1899: 1). А. Крылов сдержал слово и 14 декабря 1899 года в «Бюллетенях» было помещено объявление об открытии подписки на «Сибирскую торговую газету» на 1900 год (БТАРТА, 1898: 23).

В качестве анализируемого периода на третьем исследовательском этапе были выбраны выпуски газеты за февраль, март, апрель 1899 года (Табл. 5):

Таблица 5. Общий объём выпусков и общее количество рекламных объявлений в «Сибирской торговой газете» за февраль, март, апрель 1899 года

февраль (№ 26 - № 46)		март (№ 47 - № 71)		апрель (№ 72 - № 93)	
Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений	Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений	Общее количество выпусков	Количество рекламных объявлений
20	445	24	436	21	423
Всего: выпусков газеты за три месяца – 65 из общего количества за год – 93, рекламных объявлений за три месяца – 1304					

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о впечатляющей динамике возрастания количества рекламных объявлений в выпусках «Сибирской торговой газеты».

В данном контексте уместно привести в пример следующие сравнительные цифры: если в первые три месяца выхода газеты было опубликовано 745 рекламных объявлений, то за три месяца 1899 года – 1304. Рекордное количество объявлений превратило в 1899 году газету в рекламный каталог. В одном номере уже публикуются десятки рекламных сообщений.

Таким образом, реклама вытесняет традиционные рубрики газеты и вносит свои коррективы в вёрстку каждого номера.

Обратимся к тематическому содержанию рекламных объявлений (Табл. 6).

Таблица 6. Основные темы, наиболее часто встречающиеся в выпусках «Сибирской торговой газеты» в период за февраль, март, апрель 1899 года

Темы рекламных объявлений	февраль №26 - 46	март №47 - 71	апрель №72 - 93
1. Торговля (магазины, лавки)	106	158	204
2. Издательское дело (подписки на газеты, журналы, услуги типографии)	64	66	36
3. Частные объявления	104	78	89
4. Промышленность (фабрики, заводы, склады)	61	65	68
5. Зрелищные мероприятия (концерты, спектакли, зимние катания и др.)	5	5	18
6. Интеллектуальные услуги (уроки музыки, иностранных языков)	3	3	4
7. Пароходства Тюмени и Тобольска	14	4	5
8. Благотворительность	1	2	1

Количество рекламных объявлений в апреле 1899 года достигло высшего показателя за три года. Результаты контент – анализа свидетельствуют о том, что информация, рекламоделателями которой стали купцы и лавочники, по количеству объявлений значительно опережает все лидирующие позиции тех, кто оказался рядом – частные объявления и информацию по издательскому делу. Тюменские купцы и промышленники стараются занимать привычные для себя рекламные площади, выходят с объявлениями регулярно, считая этот процесс обязательным для коммерческого успеха. Не пропускают ни одного выпуска «Сибирской торговой газеты» такие известные владельцы магазинов как братья Агафуровы, братья Дмитриевы, Альшуллер, Аверкиев, Ефимов, Брюханова, Трифонов, Карамышев, Мясников ([Сибирская торговая газета, 1899: 62](#)).

На третий год издания газеты, фабриканты Сибири и Урала уже привычно рекламируют изделия своего производства на страницах «Сибирской торговой газеты»: техническая контора А.Эрлангера, техническое бюро «Урал» Т.Вардроппера, экипажно-колёсная шорная фабрика В.Сырчина из Екатеринбурга ([Сибирская торговая газета, 1899: 74](#)), табачная фабрика Я. Серебрякова из Омска ([Сибирская торговая газета, 1899: 78](#)), фабрика «Усовершенствованные гвозди» П. Калинина из Перми ([Сибирская торговая газета, 1899: 79](#)), склад электротехнических принадлежностей И. Плотникова из Иркутска ([Сибирская торговая газета, 1899: 83](#)).

«Сибирская торговая газета» сообщала своим подписчикам о новых судовладельцах, приумножающих торговый флот Тюмени и Тобольска. К уже известным именам Товарищества Западно-Сибирского Пароходства и Торговли, сколотившему капитал к 1899 году в 3 млн. рублей, присоединяются пароходство И.Любимова и пароходство братьев Вардроппер ([Сибирская торговая газета, 1899: 27](#)).

В феврале 1899 года «Сибирская торговая газета» проинформировала своих читателей о начале беспрецедентного по своей грандиозности проекта – Английской морской торговой экспедиции ([Сибирская торговая газета, 1899: 28](#)). Доверенный экспедиции для Обского бассейна Эдуард Робертович Вардроппер доводит до сведения предпринимателей Сибири, что «английская морская торговая экспедиция «ПООПАМ и ВИЛЛЕТ» принимает на доставку всякого рода товары из Англии в Сибирь через Карское море в реку Обь до городов Тобольск, Тюмень и Томск, а также и от означенных пунктов до Лондона. Принимает на себя исполнение заказов на покупку всякого рода машин, ввоз которых в реку Обь разрешён беспошлинно» ([Сибирская торговая газета, 1899: 72](#)). Данная экспедиция ознаменовала новый исторический этап в развитии торгового дела Сибири и полноправным участником этого этапа стала «Сибирская торговая газета», которая внесла свой весомый вклад в формирование неповторимого облика купеческой Тюмени конца XIX века.

5. Заключение

Таким образом, результаты проведённого контент-анализа рекламных объявлений «Сибирской торговой газеты» за 1897, 1898, 1899 годы (общее количество – 201 выпуск и 3070 объявлений), позволили авторам сделать следующие выводы:

- о возрастающей динамике рекламных объявлений от 745 в 1897 году до 1304 в 1899 году;
- ранжирование тематики рекламных объявлений выявило темы – лидеры, и ими стали торговые объявления и сообщения крупнейших пароходств Тюмени и Тобольска, издательское дело и частные объявления;
- темами-аутсайдерами стали – интеллектуальные услуги и благотворительность.

Исследуемый материал позволил авторам раскрыть особенности рекламного процесса в единственном повременном издании Тюмени конца XIX века, обосновать значительный вклад «Сибирской торговой газеты» как в развитие рекламного дела богатого купеческого города, так и в социально-экономические изменения стремительно развивающейся Сибири пореформенного периода.

В 2017 году исполнилось ровно 120 лет со дня выхода в свет первого номера «Сибирской торговой газеты», эта памятная дата служит основанием для объективного осмысления исторической роли повременного издания, ставшего основателем газетных традиций дореволюционной Тюмени, а значит, и современного нам дня.

Литература

Беспалова, 2002 – *Беспалова Ю.М.* Западносибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв.: имена, биографии, судьбы: Монография. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2002. 156 с.

Бойко, 1986 – *Бойко В.П.* Крупная буржуазия Тюмени во второй половине XIX века / 400 лет Тюмени: история и современность. Тезисы докладов и сообщений городской научной конференции. Тюмень, 23–24 мая 1986 г.

Боханов, 1984 – *Боханов А.Н.* Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. 1914 год. М.: Наука, 1984. 148 с.

БТАРТА, 1899 – Бюллетени Тюменского Агента Российского телеграфного агентства, №1 (9 мая).

Васильев, Поляков, 2006 – *Васильев Г.А., Поляков В.А.* Основы рекламы: учеб. пособие для студентов. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2006. 719 с.

Веригин, 1898 – *Веригин А.* Русская реклама. СПб. Ред. газ. «Русский труд». 1898. 23 с.

Герашенко, 2008 – *Герашенко Л.* Психология рекламы. М., Владимир: ВКТ, 2008. 299 с.

Есин, 1983 – *Есин Б.И.* Путешествие в прошлое (газетный мир XIX века). М., 1983. 160 с.

Жукова и др., 2002 – *Жукова Н.А., Крылов С.Т., Словцов И.* // *Лукич.* 2002. №1 (21). С. 204–216.

Копылов, 2002 – *Копылов В.Е.* Окрик памяти. История тюменского края глазами инженера: в 3-х книгах. Тюмень: ИФ «Слово», 2000–2002. Книга третья: ИФ «Слово», 2002. 368 с.

Николаева, 2001 – *Николаева Д.В.* Особенность рекламного процесса в газетах конца XIX – начала XX в. // *Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика.* 2001. №4. С. 44–53.

Печатные СМИ, 2013 – Печатные СМИ Тюменской области: век XIX – век XXI. 1 том. Тюмень: ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. 560 с.

Рощевская, 1986 – *Рощевская Л.П.* Культурная и общественная жизнь Тюмени во второй половине XIX века // 400 лет Тюмени: история и современность. Тезисы докладов и сообщений городской научной конференции. Тюмень, 23–24 мая 1986 г.

СТГ, 1897 – Сибирская торговая газета. 1897.

СТГ, 1898 – Сибирская торговая газета. 1898.

СТГ, 1899 – Сибирская торговая газета. 1899.

Ученова, Старых, 2003 – *Ученова В.В., Старых Н.В.* История рекламы. 2-е изд. СПб.: Питер. 2003. 304 с.

Шпалтаков, 1997 – *Шпалтаков В.П.* Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в 1-й пол. XIX века. Омск: ООО «Литограф», 1997. 304 с.

References

Bespalova, 2002 – *Bespalova Yu.M.* (2002). Zapadnosibirskie predprinimateli vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: imena, biografii, sud'by [West Siberian entrepreneurs of the second half of the XIX – early XX centuries: names, biographies, fates]: Monografiya. Tyumen': Izd-vo TyumGU. 2002. 156 p.

Boiko, 1986 – *Boiko V.P.* (1986). Krupnaya burzhuaziya Tyumeni vo vtoroi polovine XIX veka [The Big bourgeoisie of Tyumen in the second half of the XIX century] / 400 let Tyumeni: istoriya i sovremennost'. Tezisy dokladov i soobshchenii gorodskoi nauchnoi konferentsii. Tyumen', 23–24 maya 1986 g.

Bokhanov, 1984 – *Bokhanov A.N.* (1984). Burzhuaznaya pressa Rossii i krupnyi kapital. Konets XIX v. 1914 god [The bourgeois press of Russia and large capital. The end of XIX century. 1914 year]. M.: Nauka. 148 p.

BTARTA, 1899 – Byulleteni Tyumenskogo Agenta Rossiiskogo telegrafnogo agentstva [Bulletins of the Tyumen Agent of the Russian Telegraph Agency], №1 (9 maya).

Vasil'ev, Polyakov, 2006 – *Vasil'ev G.A., Polyakov V.A.* (2006). Osnovy reklamy: ucheb. posobie dlya studentov [Basics of advertising: Textbook. allowance for students]. M.: YuNITI–DANA. 719 p.

- Verigin, 1898 – Verigin A. (1898). Russkaya reklama [Russian advertising]. SPb. Red. gaz. «Russkii trud». 23 p.
- Gerashchenko, 2008 – Gerashchenko L. (2008). Psikhologiya reklamy [Psychology of Advertising]. M.: AST: Astrel', Vladimir: VKT. 299 p.
- Esin, 1983 – Esin B.I. (1983). Puteshestvie v proshloe (gazetnyi mir XIX veka) [Journey to the past (the newspaper world of the XIX century)]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta. 160 p.
- Zhukova i dr., 2002 – Zhukova N.A., Krylov S.T., Slovtsov I. (2002). *Lukich*. №1 (21). pp. 204-216.
- Kopylov, 2002 – Kopylov V.E. (2002). Okrik pamyati. Istoriya tyumenskogo kraja glazami inzhenera [Memory of memory. The history of the Tyumen region through the eyes of an engineer]. v 3-kh knigakh. Tyumen': IF «Slovo», 2000–2002. Kniga tret'ya: IF «Slovo». 368 p.
- Nikolaeva, 2001 – Nikolaeva D.V. (2001). Osobennost' reklamnogo protsessa v gazetakh kontsa XIX – nachala XX v. [The peculiarity of the advertising process in the newspapers is k. XIX – nach. XX century]. *Vestnik MGU. Ser. 10. Zhurnalistika*. №4. pp. 44-53.
- Pечатnye SMI, 2013 – Pечатnye SMI Tyumenskoi oblasti: vek XIX – vek XXI [Printed media of the Tyumen region: the XIX century – the XXI century]. 1 tom. Tyumen': OAO «Tyumenskii izdatel'skii dom», 2013. 560 p.
- Roshchevskaya, 1986 – Roshchevskaya L.P. (1986). Kul'turnaya i obshchestvennaya zhizn' Tyumeni vo vtoroi polovine XIX veka [Cultural and social life of Tyumen in the second half of the XIX century] // 400 let Tyumeni: istoriya i sovremennost'. Tezisy dokladov i soobshchenii gorodskoi nauchnoi konferentsii. Tyumen', 23–24 maya 1986 g.
- STG, 1897 – Sibirskaya trgovaya gazeta. 1897.
- STG, 1898 – Sibirskaya trgovaya gazeta. 1898.
- STG, 1899 – Sibirskaya trgovaya gazeta. 1899.
- Uchenova, Starykh, 2003 – Uchenova V.V., Starykh N.V. (2003). Istoriya reklamy [History of advertising]. 2-e izd. SPb.: Piter. 304 p.
- Shpaltakov, 1997 – Shpaltakov V.P. (1997). Formirovanie i razvitie rynochnogo khozyaistva v Zapadnoi Sibiri v 1-i pol. XIX veka [Formation and development of market economy in Western Siberia in the first half of the XIX century]. Omsk: OOO «Litograf». 304 p.

УДК 93 (930.2)

Роль «Сибирской торговой газеты» в развитии рекламного дела купеческой Тюмени конца XIX века

Ирина Витальевна Ставецкая^{a, *}, Наталья Георгиевна Медведева^a

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Авторы статьи обращаются к рассмотрению малоизученной темы, касающейся особенностей ведения рекламного дела в России конца XIX века, на примере сибирского купеческого города Тюмень, имеющего более чем 400-летнюю историю. Тюмень в то время была более известна как «Ворота в Сибирь», как пересыльный пункт, через который вагонами и пароходами везли заключенных из центра России в город Томск, на Дальний Восток. Географические, социально-экономические особенности Тюмени, его назначение как пересыльного пункта, предопределили специфику предпринимательства старого российского купеческого города, настоящей российской глубинки. В Тюмени конца XIX века в основном развивалось торгово-промышленное дело, транспортные услуги, издательское дело. Рекламные объявления о поставках товаров, выполнении тех или иных работ и оказываемых услугах размещались в единственной в городе деловой газете, которая была повременной и называлась «Сибирская торговая газета».

В ходе исследования авторами были изучены материалы «Сибирской торговой газеты» за последнее десятилетие конца XIX века. Структура, динамика объёма, тематический диапазон и словесный компонент рекламных объявлений в «Сибирской торговой газете», по мнению авторов, выразительно воссоздают неповторимость социально – экономической жизни Тюмени конца XIX века. Реклама, размещаемая в «Сибирской торговой газете», отражала развитие не только торговли, промышленности и издательского дела, но и то, как тюменское предпринимательство становилось более социально ориентированным – начали развиваться виды деятельности, связанные с оказанием правовых и иных социальных услуг населению.

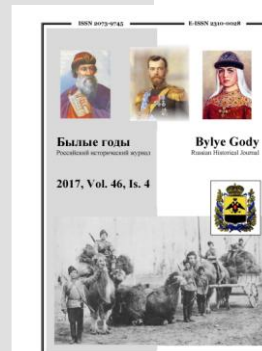
Ключевые слова: газетный рынок, город Тюмень, рекламные объявления, «Сибирская торговая газета», предпринимательство.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: irina.vita22@yandex.ru (И.В. Ставецкая),
natamedw2004@mail.ru (Н.Г. Медведева)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
 Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
 Co-published in the Russian Federation
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 46, Is. 4, pp. 1508-1516, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.4.1508
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 908 (911.375.4)

The Socio-Economic Situation of Omsk at the beginning of the 20th century

Pavel A. Sungurov^{a, *}

^a Tyumen industrial university, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the history of Omsk. Based on the bank of the great Siberian river – Irtysh, Omsk will become a major city in the region for a relatively short period of time, an administrative, cultural center. As is known, during the Civil War it would be Omsk that was declared the new capital of Russia by Admiral Kolchak. The work traces the history of the foundation of the city, identifies the people who played a key role in the formation of the new city. It's not a secret that the choice of a place for Omsk is due to its borderline position. Obviously, the appearance of the city on the border of Russia and the nomadic steppe, clearly fit into the implemented policy of Tsar Peter I to strengthen the state. The process of the founding of the city, the social composition of the population in different historical epochs, the number of specific features that distinguished Omsk from other cities of Siberia are traced. In addition, the work has a description of individual areas, the most significant buildings located in the city, analyzed the economic potential of Omsk. The statistical information describing the social realities of the city, the population, the share of indigenous Omsk citizens, the number of literate inhabitants, and the customs that prevailed in society are outlined. and had in the urban environment a place of drunkenness and ignorance. The main spheres of production and trade in the region are described, the most popular and profitable types of fisheries are revealed. The data on financial and credit institutions that existed in Omsk are indicated. Long-term prospects for the development of the city have been identified, which, undoubtedly, after the Trans-Siberian railway, of course. There are a number of problems of the city, such as high concentration of exiles, low prosperity, low level of population education, which, however, compared to other Siberian regions was not the lowest.

Keywords: Omsk, base, settlement, development, reform, economy, Irtysh, Western Siberia.

1. Введение

В 1721 г. Россия становится империей. Новый статус державы требовал динамичных изменений во всех сферах жизни страны. Крайне важным условием укрепления империи было, безусловно, как продвижение России на восток, так и обеспечение территориальной целостности государства. Юг Сибири, как известно, не редко подвергался набегам кочевых народов Азии. В связи с чем, укрепление границ России в обозначенном регионе, превращалось в стратегически важную задачу, одной из форм реализации которой и станет основание города Омска.

2. Материалы и методы

Источниковой основой представленной работы являются сведения, содержащиеся в фондах Государственный архив в городе Тобольске (ГА в Тобольске), различного рода официальные статистические материалы, воспоминания политических и общественных деятелей. Важными источниками для исследования явились материалы периодической печати, подробно освещавшей жизнь сибирского региона, особенно в сложный для государства период рубежа XIX–XX вв. Являясь,

* Corresponding author

E-mail addresses: Pavelsungurov@yandex.ru (P.A. Sungurov)

по большей части, оппозиционными, издания «не спешили» приукрашивать существовавшее положение дел, как в экономике, так и в социально-политической и культурной сфере. Однако, следует учитывать и тот факт, что оппозиционные издания зачастую выступали с резко обвинительным уклоном по отношению к существовавшей власти, что в свою очередь не всегда благополучно сказывалось на объективности представляемых сведений.

Методологической основой исследования выступает теория парциальной (частичной) модернизации.

Важно отметить базовый принцип любого исторического исследования – принцип историзма. В качестве метода исследования источников используется контент-анализ, нацеленный на раскрытие симантических характеристик текстовых массивов, применительно к статье – материалов содержащихся в вышеперечисленных группах источников. Кроме того, в работе задействованы методы описательной статистики, аналогии и историко-сравнительного анализа. Метод историко-системного анализа позволяет выявить общие проблемы развития г. Омска в исследуемый период.

3. Обсуждения

История отдельных городов во все времена представляла интерес для ученых, журналистов, государственных и общественных деятелей. Модернизационные процессы, протекавшие в нашем государстве, стимулировали интерес к теме городов в самом широком смысле. Предметами изучения становилась городская архитектура, социальные, коммунальные, санитарно-эпидемиологические и иные проблемы крупных населенных пунктов. Весь массив историографических работ можно подразделить на несколько групп.

В первую категорию можно отнести дореволюционные исследования. Вопросы становления и развития сибирских городов затрагивались в трудах Н.А. Рубакина, Н.М. Ядринцева, Л.Г. Дейча. В данных исследованиях на основе большого количества фактического материала описываются специфические черты становления и развития Сибири, немало информации посвящено отдельным сибирским городам, источником для работ выступали в т.ч. личные наблюдения ([Рубакин, 1908](#); [Ядринцев, 1892](#); [Дейч, 1905](#)).

Вторая группа исследований представлена работами, опубликованными после 1917 г. Они принципиально отличались от дореволюционных иным взглядом на происходившие процессы в социально-политической и экономической жизни Империи. К этой группе можно отнести труды В.В. Покшишевского, Л.П. Роцевской. В работе Е.И. Меламед подробно описаны перемещения американского журналиста Джорджа Кеннана и его размышления о сибирской действительности ([Покшишевский, 1951](#); [Роцевская, 1976](#); [Меламед, 1981](#)).

История Российской империи в целом, так и история становления и развития российских городов, не осталась без внимания иностранных исследователей. В данной группе хотелось бы отметить работу широко известного современным историкам ученого, а именно Ричарда Пайпса. Также стоит упомянуть труды Д. Саундерса, М. Карповича, В. Моссэ ([Пайпс, 1974](#); [Саундерс, 1995](#); [Карпович, 1932](#); [Моссэ, 1958](#)).

Демократические преобразования в России конца XX в., дали толчок для развития изучения городов. Появляются работы, посвященные не только общим вопросам истории г. Омска, но и ее отдельным аспектам, так, в работе Гефнер О.В. объектом изучения является медицинская деятельность военных Омска в конце XIX – начале XX вв. Интеллигенция Омска на рубеже XIX–XX вв., исследовалась Сабуровой Т.А. Аспекты художественной жизни Омска XIX – первой четверти XX вв., разрабатывались Девятьяровой З.Г. Всесторонне процессы, протекавшие в сибирском регионе изучены выдающимся омским ученым А.В. Ремневым ([Гефнер, 1998](#); [Сабурова, 1995](#); [Девятьярова, 2000](#); [Ремнев, 1997](#)).

Очевидно, что на сегодняшний день, несмотря на интерес ученых к истории отдельных местностей, требуется дальнейшая детальная разработка многих вопросов, касающихся городов дореволюционной России. Представленная работа призвана заполнить незначительный пробел в исторической науке.

4. Результаты

Город Омск был заложен в 1716 г., в стратегических целях, для предупреждения вторжения и набегов кочевых народов на российские земли. Фактическим основателем города стал подполковник Бухгольц, заложивший острог на левом берегу р. Омь. В 1763 г. начальник пограничной линии генерал Шпрингер основал в этой местности свое пребывание, и вместо обветшавшей старой крепости построил новую – на правом берегу р. Омь. Возведенная крепость была сооружена по всем правилам тогдашнего искусства, снабжена несколькими бастионами, а впоследствии – и прочными каменными воротами ([ДСАР, 1899](#): Кн. 1). В то время грабежи и набеги степных кочевников были частым явлением, местное население испытывало постоянный страх, что крайне негативно сказывалось, в частности, на развитии земледелия. В 1782 г. Омск становится уездным городом Тобольской области, в 1797 г. будет значиться заштатным, но в 1804 г. снова будет возведен в уездный город, на этот раз уже Тобольской губернии. В 1822 г., при образовании Омской области, в которую вошли все уезды существовавших на конец XIX в. Семипалатинской и Акмолинской областей, Омск

был назначен местом областного управления, а с упразднением этой области в 1838 г., снова отписан к Тобольской губернии, в качестве уездного города. В 1839 г. по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири князя П.Д. Горчакова, в Омск было перенесено из Тобольска главное управление Западной Сибири, а также – резиденция генерал-губернатора. В 1868 г. Омск был причислен к Акмолинской области, а в 1882 г. (после ликвидации поста генерал-губернатора Западной Сибири и учреждения степного генерал-губернаторства) – сделан областным и главным городом степного генерал-губернаторства. В 1887 г. в Омске учреждается епископская кафедра, а из Акмолинской и Семипалатинской области была образована новая епархия, епископ именовался «Акмолинский и семипалатинский» (Головачев, 1902: 12).

Таким образом, город, выросший из крепости, расположился при самом впадении р. Омь в р. Иртыш. Омск вытягивается по правому берегу Иртыша, река Омь разделяет его на две резко отличавшиеся (на конец XIX в.) части. Левая (по течению Оми) более равнинна, с уклоном к Иртышу, правая – низменна. Отдельные части города именовались форштадтами: Казачий, Слободской, Ржевский, Мокринский, Катышевский, Бутырский; низменная часть города, раскинувшаяся на наносной полосе, прилегавшей к левому берегу р. Омь, носила название Луговой стороны или просто – Луга (Краткий..., 1911: 53).

На начало XIX в. город состоял преимущественно из деревянных построек. Несколько имеющихся там каменных домов принадлежало правительственным учреждениям, каковы: дом Генерал-губернатора, Военная гимназия, суконный завод для армейских надобностей (долгое время не действовавший) и различные церкви. Из церквей самой крупной была, так называемая «казацкая» церковь во имя Св. Николая Чудотворца). Также имелись каменная мечеть, католическая и протестантская церкви (ДСАР, 1899: Кн. 1).

Благоустройство Омска оставляло желать лучшего. К 1900 г., улицы были не мощены, тротуаров мало, и те, в большинстве случаев, представляли опасность, по причине уступов, неустойчивости и ветхости. Впрочем, на протяжении (сажень 100) Любинского проспекта, со стороны домов тянулся каменный тротуар; на противоположной стороне проспекта, прилегавшая к Любинскому саду отсутствовал даже деревянный тротуар. На Любинском проспекте были сосредоточены все самые крупные магазины, такие как: магазин Терехова (посуда, железные и медные изделия), Шаниной (мануфактура, белье, обувь, готовое платье), торговый дом братьев Волковых (различные товары), в магазинах Собенникова и Молчанова можно было приобрести чай и сахар, кроме того имелось множество лавок различного рода кустарей (Сибирский..., 1900: 142).

Среди образовательных учреждений первое место по величине помещений и затратам правительства занимала военная гимназия, единственное в этом роде учреждение в Сибири, основанное в 1827 г., под именем Войскового казачьего училища; в 1877 г. оно праздновало свой 50-ти летний юбилей. Кроме того в городе находились основанные в последние десятилетия XIX в.: классическая гимназия, учительская семинария, женская гимназия, основанная на деньги купца Попова, училище для киргизских мальчиков (ГА в Тобольске. Ф. И-152. Оп. 44. Д. 161. Л. 4-7). При войсковом Управлении имелась публичная библиотека, она была основана казачьими офицерами в 1862 г., к сожалению, с переходом этого полезного учреждения в руки канцелярии оно «упало» и заметно продолжало «падать». Кроме того, была еще библиотека при военном клубе. Большая, сравнительно хорошо обставленная библиотека при военной гимназии была недоступна для публики. В городе кроме казенных типографий, располагалась одна частная, два книжных магазина, музыкальное общество и отдел русского географического общества (Памятная книжка, 1897: 29).

Несмотря на множество проблем социально-экономического характера, развивалась культурная жизнь Омска. С целью организации досуга горожан, кроме всех прочих учреждений, в городе существовало два клуба: общественное собрание – работало ежедневно с 7 часов вечера, вход был платный – 30 коп.; военное общественное собрание, также было открыто ежедневно, а летом располагалось в особом помещении с живописным садом. Предпринимались усилия и для приобщения к культуре и просвещению лиц находившихся в заключении: в 1896 г. при Омской тюрьме открылась школа грамотности, и даже небольшая библиотека для арестантов (Путеводитель..., 1897: 25).

В 1874 г. был построен Омский академический театр драмы, к несчастью деревянное здание театра сгорело спустя несколько лет. До самого начала XX в., как омские творческие коллективы, так и множество приезжих (в т.ч. из-за рубежа), были вынуждены терпеть неудобства из-за отсутствия стационарного помещения, которое будет возведено в 1900-е гг. из камня (СВ, 1910: 27).

Горожане имели возможность получать актуальную информацию из различного рода периодических изданий: «Записки Западно-Сибирского отдела географического общества», «Акмолинские областные ведомости», «Киргизская степная газета» (издавалась на русском и киргизском языках). Кроме того, существовали две частные газеты: «Степной край» и «Сибирь». Зачастую корреспонденты перечисленных изданий обличали недостатки функционирования власти; полицейские, судьи, и даже губернаторы, регулярно подвергались серьезной критике (Путеводитель..., 1897: 25).

В 1877 г. была произведена первая однодневная перепись Омска. Произведенная перепись жителей насчитала 24818 чел., из которых, что самое интересное, только 9259 чел. были коренными омичами. Мещан насчитывалось 21,48 % от всего населения, купцов 1,48 %, почетных граждан 6 %, нижних воинских чинов – служащих, запасных и отставных – 32,82 %, личных и потомственных дворян – 9,94 %. Очень важно отметить, что процент грамотных, благодаря обилию чиновничества и офицерства, по Омску был очень внушительным, достигая среди мужчин 51 % и женщин 27 % (Краткий..., 1911: 52).

Медицинская помощь населению была организована неудовлетворительно. Хотя в городе имелся госпиталь (постройка деревянная и состояла из нескольких отдельных корпусов) и железнодорожная больница, но в первом плата за лечение была высока, вторая предназначалась исключительно для служащих на дороге. Городская больница была устроена на 25 кроватей. 25 мест на население города более 30 тыс. чел. (на начало XX в.), было, конечно же, катастрофически недостаточно. На практике обывателям не редко приходилось обращаться к мещанскому старосте и к полицейским приставам с мольбою отправить их в больницу, так как не было уже сил у человека ходить, но просьба часто оставалась без исполнения (Памятная книжка, 1882: 292).

Характеризуя социальный состав Омска, нельзя не упомянуть о поселенцах, живущих здесь по отбытии установленного срока ссылки в местах их приписки и поселения, или являвшихся в город временно из Томской и Тобольской губерний, особенно из городов Тара и Тюкалинск, иногда даже не имея на то права, по причине преждевременной отлучки из места поселения. Положение этой категории населения заслуживает внимания и некоторого освещения еще и потому, что она была присуща не одному Омску и являлась «больным местом» всей Сибири. Так как ссылка на поселение производилась в определенные районы и не регулировалась, то и все поселенцы концентрировались так или иначе в установленных пунктах. Таким образом, пункты, не отличавшиеся ни торговлей, ни промышленностью, становились более или менее переполненными лицами водворенными в них, из них немногие находили себе какое-нибудь честное занятие или заработок, остальные оставались свободными и не занятыми. В надежде раздобыть заработок и тем самым более менее достойно существовать, поселенцы, оставляя место своего водворения, естественно – тяготели к пунктам более оживленным в торговом, промышленном и иных планах (ДСАР, 1899: Кн. 1).

Ссылные элементы, главным образом, ютились на постоянных дворах Мокринского форштадта, так как город, вообще, не имел для бедного и бездомного люда хоть какого-нибудь ночлежного дома. Имевшие возможность спать за плату на постоянных дворах – это, так сказать, «аристократы»: массы ссыльных регулярно ночевали при полицейских управлениях, в помещениях для задержанных, благо полиция пускала! Город о своем бедном и бездомном населении, как видно, не особо хлопотал. Питался «недостаточный» люд или в грязных харчевнях, или на базаре, провизией сомнительного качества (Телешов, 1897: 116). Надзора за торговцами практически не производилось. Столы для еды, находящиеся в специальном ряду на базаре, были устроены под навесами, закрытых и теплых помещений, где бы бедняки в зимнее время могли спокойно поесть и обогреться, не было. Поэтому вся бездомная и безработная беднота целыми днями сидела в питейных домах. Однако, следует указать, что для бедного люда в городе содержалась на средства благотворительного общества бесплатная столовая, но она была не в состоянии удовлетворить потребности в пище всех нуждавшихся. Тоже самое благотворительное общество снабжало также некоторых бедняков теплой одеждой и обувью, предварительно каждый раз наводя через полицию справки о поведении и действительной бедности просителя. Конечно, не обходилось без печального злоупотребления доверием и помощью (ДСАР, 1899: Кн. 1).

В целом же, социальная обстановка в городе была далека от идеальной. Причин на то было много. К примеру эта: для значительной части населения единственным и всегда желанным развлечением была водка... Потребление водки на столько укоренилось в обывательском сознании, что нисколько не считалось предосудительным, и упивались этим зельем даже семейные женщины. Не отказывались от водки и девушки, предварительно, конечно, поцеремонившись и пожеманясь. Свадьбы, еще до факта венчания, т.е. смотрины, сговор, обручение – все эти прелюдии к предстоящей брачной жизни не обходились без изрядного злоупотребления алкоголем. День свадьбы и, затем, несколько последующих дней – были днями необузданного пьянства, песен и гульбы (ДСАР, 1899: Кн. 1).

Причина вышеперечисленных явлений, от части, крылась в весьма широко развитой виноторговле. Кроме ренсковых погребов (магазины, реализовывавшие алкогольные напитки навынос), в городе существовало более 40 питейных заведений, но и ренсковые погреба мало чем отличались от питейных. Торговля алкоголем концентрировалась в руках: Козел-Поклевского, Чистякова, Ерофеева и Хаймовича. В городе существовало две аптеки и три аптекарских магазина: Розенплентера, Бибенина и Щепановского. Имелась контора для найма прислуги, с соискателей работы за посреднические услуги взимали 20 коп., а с нанимателей 50 коп., недостатком данного учреждения было отсутствие рекомендаций на прислугу, так что на деле горожане могли привести в свой дом совершенно нежелательных людей (ДСАР, 1899: Кн. 1).

В Омске на начало XX в. существовало несколько извозчичьих бирж. Все извозчики распределялись по стоймости экипажей на разряды, и сообразно этим разрядам устанавливалась такса. Железнодорожный вокзал располагался за городом, здание было каменным, по размерам не

большое, но вполне удовлетворявшее потребности омичей. Около вокзала образовался поселок, называвшийся Царским хутором, имевший торговые лавки. Настроенные там домики отдавались под квартиры железнодорожным служащим и мастеровым. В поселке работали свои извозчики, такса за проезд у которых была ниже, чем в центре города. Дорога из города на вокзал была вполне сносной, но из-за ям, оставшихся от бывших по близости кирпичных заводов, все же, была опасной, особенно, в темное время суток, в силу слабого развития сети городского освещения (ДСАР, 1899: Кн. 1).

Неразвитость и непонимание самых простых и очевидных вещей проглядывалось во многих сферах жизни омичей. Например, даже к началу XX в., многие из обывателей ни за что не соглашались, сколько бы их не убеждали, привить ребенка против оспы. Результатом чего бывали случаи вымирания от оспы всех детей в семье; при этом часто люди присутствующие на похоронах заболевших этой страшной болезнью, сами того не понимая переносили ее в свои и чужие семьи. Низкий уровень сознательности жителей подтверждали различного рода сведения о совершаемых преступлениях. Так, например, известно, что в 1824 г. было совершено ограбление Омской городской соборной Пророкоильинской церкви, преступники завладели деньгами и куском канфы, приложенными после смерти генерал-лейтенанта Глазенапа (ГА в Тобольске. Ф. И-156. Оп. 10. Д. 7. Л. 8).

Промышленное и торговое значение Омска долгое время было незначительным. До проведения железной дороги Омск был лишь административным центром и стоял в стороне от более оживленных и торговых местностей Сибири. С проведением железной дороги, торговое значение города значительно увеличилось. В него начали приезжать скупщики хлеба (пшеницы) из центральных и приволжских губерний, а также из Ливавы и Риги; некоторые из приезжих скупщиков открывали конторы. Покупка хлеба производилась или в самом Омске, или в местностях по железной дороге, или в стороне от неё, и оттуда уже закупленный хлеб отправлялся в Омск. До конца XIX в., скупщики хлеба были стеснены в своих действиях обязательным постановлением думы, воспрещавшим скупку продуктов питания с возов до 12 часов дня, а тем, кто занимался подрядами вообще было запрещено скупать продукты на базаре; именно из-за этого хлеботорговцы обратились в городскую думу с просьбой об отмене стеснявшего их торговые операции обязательного постановления, ссылаясь на Самару, Челябинск и другие города, в которых скупка хлеба в зерне производилась свободно, и доказывая, что отмена этого ограничения в прямых интересах города. Дума ходатайство удовлетворила, и к концу XIX в. покупка зернового хлеба в Омске производилась свободно (ДСАР, 1899: Кн. 1).

Помимо хлеба, из Омска отправлялись в остальную Россию масло, мясо, кожи. Главная забойка скота обычно начинала производиться с ноября месяца, а с установления зимних дорог, в город завозилось мясо из деревень. Цены на мясо в зимнее время были от 2,5 до 4 коп. за фунт; оптом, разумеется, гораздо дешевле. Масло покупалось в близлежащих деревнях, для отправки его в различные местности России, с начала по 5 руб. за пуд и дешевле, но к концу XIX в. цена поднялась и дошла в самом городе до 8 руб. за пуд. На кожи цена была совсем не высокая. В Омске существовало два пивоваренных завода: Губаря и Любарского, табачная фабрика Серебрякова. Табак в листах закупался в центральной части страны, на месте он уже подвергался дальнейшей переработке. Как говорили современники эпохи, качество высших сортов табака фабрики Серебрякова было почти на равных с крупными производителями, а качество низших сортов табака даже многих опережало. При фабрике существовала воскресная школа, но из-за недостатка помещений для расширяющейся фабрики, ее переместили в одно из городских училищ (Долгоруков, 1903-1904: 32).

В Омске имелись маслобойные заводы, но техническая сторона постановки их оставляла желать лучшего. Это создавало условия для совершенствования данного дела. Так, в начале 1898 г., было подано в думу ходатайство г. Яздовским об отводе ему 800 кв. саж. городской земли под устройство паровой маслобойни, с ежегодным производством не менее 100 тыс. пудов высококачественного масла. Но дума вопрос этот оставила открытым до представления в нее топографическим отделом городского плана, по которому можно было установить, возможно ли разрешение на постройку завода в указанной просителем местности. Ходатайствующий не стал дожидаться представления плана и взял в пользование земли, принадлежавшие местным казакам. Имелась в Омске паровая мельница для производства крупчатки у Г.И. Ременникова, несколько десятков ветряных мельниц находилось за городом; все они не стояли без работы и давали хороший доход владельцам. Словом, капитал в энергичных, предприимчивых руках всегда находил и находит приложение. Омские купцы активно вели торговлю и вне города, выезжая с мануфактурными, железными и иными товарами на ярмарки; например в станицу Николаевскую, Черлаковскую и др. На эти ярмарки съезжались крестьяне и казаки с мясом, мукой, овсом и маслом, киргизы привозили кожи, овчину, козлиные шкуры. Цена на яловые кожи на Черлаковской ярмарке (с 12 по 17 ноября) была около 4–5 руб. Строевой лес шел в Омск плотами или привозился на баржах пароходами. Торговля лесом была довольно выгодным делом: стоимость была высокая, спрос тоже. Крупнейшими лесоторговцами Омска на начало XX в. являлись Бородин и Ярков, однако, даже на их предприятиях отсутствовали паровые устройства для распиловки леса, как следствие весь процесс производился посредством ручного труда рабочих, также как и на существовавших в городе кирпичных заводах (ДСАР, 1899: Кн. 1).

Промышленное значение города с проведением железной дороги значительно возрастало, имелось 113 заводов и фабрик. Начинаясь производства сельскохозяйственных орудий (3 склада), так

благодетельно влияющая на увеличение посевной площади; росло число гостиниц, являвшееся показателем увеличивающегося приезда заинтересованных лиц. Конечно, стоит отметить, что сельскохозяйственные орудия, большей частью, были привозные. Вообще же, ввоз в Омск состоял преимущественно из предметов обрабатывающей фабрично-заводской промышленности (мануфактура, изделия из железа, стали, чугуна, соль, строительные материалы, галантерея). Вывозили из города, несомненно, большое количество различного сырья, лидерство здесь принадлежало хлебу и продуктам скотоводства. Тем не менее, нельзя не отметить, что к началу XX в., стала прослеживаться тенденция на высококачественную обработку сырья на месте производства. Обработанное сырье в виде полуфабрикатов начинало проникать на европейские рынки, имелись и готовые изделия, шедшие на экспорт (*Памятная книжка, 1882: 214*). Так, например, можно было сказать о мукомольном промысле и особенно о маслоделении, которое в сельской местности являлось одной из ключевых статей хозяйства. Как прогрессировало маслоделие видно из статистических сведений по вывозу масла из города за отдельные годы: в 1900 г. – 224 тыс. пудов, в 1904 г. – 451 тыс. пудов, в 1907 г. – 540 тыс. пудов, а в 1909 г. – уже 628 тыс. пудов. Из общего числа контор, занимавшихся маслом, пятнадцать имели выходы на европейские рынки (*Краткий..., 1911: 52*).

Одним словом, город быстро эволюционировал и, как указывали статистические данные, масштабы его роста имели хорошие перспективы (*Долгоруков, 1903-1904: 32*). Остановившись на анализе причин экономического подъема города, можно прийти к выводу, что они были органически спаяны с общим подъемом всего Степного Края. Факт этот особенно ярко свидетельствовался ростом земельной ренты, что связано с переселенческим движением и развитием в крае частного землевладения (*Краткий..., 1911: 61*).

В 1875 г. в Омске открылся первый банк - городской общественный. Обслуживал он узкий круг местных интересов, и операции его были очень скромны, определяясь в 1894 г. - до открытия Сибирского банка в 216 тыс. руб., в 1894 г. - открывает свое отделение Сибирский Банк (Дворцовая ул.), в 1895 г. - Государственный банк (Почтамтская ул.), в 1905 г. - Волжско-Камский, в 1908 г. - Русско-Китайский (позже Русско-Азиатский), в 1909 г. - Русский для внешней торговли и, наконец, в 1910 г. открывает свою деятельность Общество Взаимного Кредита (*ДСАР, 1899: Кн. 1*).

Существовали в городе и благотворительные учреждения: кроме уже упоминавшейся бесплатной столовой, содержавшейся на средства благотворительного общества, имелись – приют для бедных детей, частный детский приют госпожи Санниковой, городская благотворительная чайная, богадельни (*Памятная книжка, 1882: 171*). Имелось медицинское общество с лабораторией при нем, общество взаимного вспомоществования приказчиков, вспомоществования ученикам мужской и женской гимназии, взаимного страхования от пожаров, вспомоществования переселенцам, также общество любителей конского бега, и даже общество любителей правильной охоты. Существовало в Омске, также как и в ряде других городов с преимущественно деревянной застройкой, вольное пожарное общество, имевшее свой обоз, состоявший из двух больших пожарных машин, одной малой, трех бочек для воды, пяти лошадей (*Долгоруков, 1903-1904: 35*).

В Омске, кроме казенного склада земледельческих орудий, были два частных (комиссионных), продающих машины на льготных для покупателей условиях. Булочных и кондитерских было несколько, лучшие – Терехова и Островского; колбасные заведения Млечковского (Почтамтская площадь) и Коха. Гостиницы – «Россия» (с буфетом) и гостиница Щепановского, кроме того, можно было снять комнаты в «Европейской столовой», имелось несколько постоянных дворов, находившихся в Мокринской части города, лучшим в городе считался постоянный двор Корба (*ДСАР, 1899: Кн. 1*).

В начале XX в. активно обсуждался вопрос об открытии в Омске высшей сельскохозяйственной школы, или ветеринарного института, и ожидалось положительное его разрешение; также ожидалось, что с постройкой Омск-Тюменской железной дороги в Омск перейдет управление головного участка Сибирской железной дороги, так как в 1890-е гг. обсуждался проект сооружения железной дороги от Омска до Иркутска (*ГА в Тобольске. Ф. И-152. Оп. 47. Д. 122. Л. 14*). На начало XX в. планировалось строительство электрической трамвайной линии фирмой Подобедов и Ко, линия должна была протянуться на верст и соединить железнодорожный вокзал с противоположным концом города (*Краткий..., 1911: 76*).

По словам корреспондента «Дорожника по Сибири и Азиатской России», Омску в конце XIX в. «предстояла будущность», но общая не благоустроенность, антисанитария, и прочие явления не внушали оптимизма (*ДСАР, 1899: Кн. 1*). Менее чем за 200 лет, Омск смог стать административным центром Степного генерал-губернаторства и Сибирского военного округа, в городе размещалась канцелярия генерал-губернатора, военный окружной совет, окружной штаб, медицинское, артиллерийское, интендантское управления, топографический отдел, военно-окружной суд. Из гражданских учреждений: акцизное управление, казенная и контрольная палаты, управление государственными имуществами и почтово-телеграфного округа, Акмолинский областной суд, две камеры мировых судей: городского и Омского уезда. Город разделялся на пять полицейских участков (*ГА в Тобольске. Ф. И-205. Оп. 1. Д. 1206. Л. 5*).

5. Заключение

Таким образом, представленные сведения позволяют сделать вывод, что город Омск, основанный в начале XVIII в., по воле Петра Великого, гармонично вписался в общегосударственные процессы, тем самым став крепкой опорой государства в Зауралье. Именно пограничное положение города определяло его стратегическое значение для страны; этот фактор определит и исторический пути развития города. Вместе с тем, изложенные факты (несмотря на явный оппозиционный характер ряда источников) указывают на то, что к началу XX в. Омск имел множество проблем, требовавших оперативного решения.

Литература

- ГА в г. Тобольске – Государственный архив в городе Тобольске.
 Гефнер, 1998 – *Гефнер О.В.* Медицинская деятельность военных Омска в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Омского университета.* 1998. №1. С.46-50.
 Головачев, 1902 – *Головачев П.М.* Сибирь: природа, люди, жизнь. М.: Издание Ю. И. Базановой: Типо-литография Товарищества «Кушнерев и Ко», 1902. 300 с.
 Девятьярова, 2000 – *Девятьярова И.Г.* Художественная жизнь Омска XIX- первой четверти XX века. Омск: Лео, 2000. 143 с.
 Дейч, 1905 – *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири. Женева: Склад изданий: P. Axelrod, 1905. 332 с.
 Долгоруков, 1903-1904 – *Долгоруков В.А.* Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1903-1904. 552 с.
 ДСАР – Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1899. Кн. 1.
 Краткий..., 1911 – Краткий историко-статистический очерк города Омска. Омск: Художественная типография, 1911. 79 с.
 Меламед, 1981 – *Меламед Е.И.* Джордж Кеннан против царизма: Сибирь и ссылка Дж. Кеннана. М.: Книга, 1981. 127 с.
 Памятная книжка, 1882 – Памятная книжка Западной Сибири. 1882. Омск, 1882. С. 292.
 Памятная книжка, 1897 – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Томск, 1897. С. 29.
 Покшишевский, 1951 – *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1951. 208 с.
 Путеводитель..., 1897 – Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Томск: Типография Г. В. Прейсман и Н. Я. Беляев, 1897. С. 25.
 Ремнев, 1997 – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1997. 253 с.
 Роцевская, 1976 – *Роцевская Л.П.* История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень: Б. и., 1976. 141 с.
 Рубакин, 1908 – *Рубакин Н.А.* Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М.: Типо-литография Товарищества «Кушнерев и Ко», 1908. 198 с.
 Сабурова, 1995 – *Сабурова Т.А.* К вопросу о духовных интересах омской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. // Проблемы истории Сибири XIX–XX вв.: сб. ст. / под ред. В. Н. Худякова. Омск: ОмГПУ, 1995. С. 122-131.
 СВ – Сибирские вопросы: периодический сборник. 1910.
 Сибирский..., 1900 – Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 г. Томск: Издание Ф. П. Романова, 1900. С. 142.
 Телешов, 1897 – *Телешов Н.Д.* За Урал. Из скитаний по Западной Сибири. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1897. 220 с.
 Ядринцев, 1892 – *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. 750 с.
 Karpovich, 1932 – *Karpovich M.* Imperial Russia: 1801-1917. New York: Holt, 1932. 106 p.
 Mosse, 1958 – *Mosse W.* Alexander II and the Modernization of Russia. New York: Collier Books, 1958. 159 p.
 Pipes, 1974 – *Pipes R.* Russia Under the Old Regime. New York: Charles Scribner's Sons, 1974. 361 p.
 Saunders, 1995 – *Saunders D.* Russia in the Age of Reaction and Reform 1801–1881. London: Taylor and Francis, 1995. 400 p.

References

- GA v g. Tobol'ske – Gosudarstvennyj arhiv v gorode Tobol'ske.
 Gefner, 1998 – *Gefner O.V.* (1998). Medicinskaya deyatel'nost' voennyh Omska v konce XIX – nachale XX vv. [Medical activities of military Omsk in the late XIX – early XX centuries]. *Bulletin of Omsk university.* Nr. 1. pp. 46-50.
 Golovachev, 1902 – *Golovachev P.M.* (1902). Sibir': priroda, lyudi, zhizn'. [Siberia: nature, people, life]. M.: Izdanie Yu. I. Bazanova: Typo-lithography of the Association «Kushneryov and Co». 300 p. [in Russian].

- Devyat'yarova, 2000** – *Devyat'yarova I.G.* (2000). Hudozhestvennaya zhizn' Omska XIX – pervoj chetverti XX veka [The artistic life of Omsk XIX – the first quarter of the XX century]. Omsk: Leo. 143 p. [in Russian].
- Dejch, 1905** – *Dejch L.G.* (1905). 16 let v Sibiri [16 years in Siberia]. Geneva: The Warehouse of Publications: P. Axelrod. 332 p. [in Russian].
- Dolgorukov, 1903-1904** – *Dolgorukov V.A.* (1903-1904). Putevoditel' po vsej Sibiri i Aziatskim vladenyam Rossii [Guide to the whole of Siberia and the Asian possessions of Russia]. Tomsk: Steam typolithography of PI Makushin. 552 p. [in Russian].
- DSAR** – Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoj Rossii [Roadman in Siberia and Asian Russia]. 1899. Book. 1.
- Kratkij..., 1911** – Kratkij istoriko-statisticheskij ocherk goroda Omska [Brief historical and statistical essay of the city of Omsk]. Omsk: Art printing house. 79 p. [in Russian].
- Melamed, 1981** – *Melamed E.I.* (1981). Dzhordzh Kennan protiv carizma: Sibir' i ssylka Dzh. Kennana [George Kennan against tsarism: Siberia and the reference of J. Kennan]. M.: Book. 127 p. [in Russian].
- Pamyatnaya knizhka, 1882** – Pamyatnaya knizhka Zapadnoj Sibiri [Memorable book of Western Siberia]. Omsk, 1882. [in Russian].
- Pamyatnaya knizhka, 1897** – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnyh zavedenij s ukazaniem vremeni otkrytiya, istochnikov sodержaniya, razmera platy za uchen'e, chisla uchashchih i lichnogo sostava sluzhashchih [Memorable book of the West Siberian educational district, which includes a list of educational institutions with an indication of the opening time, sources of content, the amount of fees for studying, the number of students and the staff of employees]. Tomsk, 1897. [in Russian].
- Pokshishevskij, 1951** – *Pokshishevskij V.V.* (1951). Zaselenie Sibiri [The settlement of Siberia]. Irkutsk: Irkutsk Regional State Publishing House. 208 p. [in Russian].
- Putevoditel'..., 1897** – Putevoditel' po vsej Sibiri i Sredne-Aziatskim vladenyam Rossii [Guide to the whole of Siberia and the Middle Asian possessions of Russia]. Tomsk: Typography GV Preisman and N.Ya. Belyaev. [in Russian].
- Remnev, 1997** – *Remnev A.V.* (1997). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Autocracy and Siberia. Administrative policy of the second half of the XIX - early XX century]. Omsk: Izd-vo Omsk University. 253 p. [in Russian].
- Roshchevskaya, 1976** – *Roshchevskaya L.P.* (1976). Istoriya politicheskoy ssylki v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX v. [The history of political exile in Western Siberia in the second half of the XIX century]. Tyumen: B. and. 141 p. [in Russian].
- Rubakin, 1908** – *Rubakin N.A.* (1908). Rasskazy o Zapadnoj Sibiri ili o guberniyah Tobol'skoj i Tomskoj i kak tam zhivut lyudi [Rubakin N.A. Stories about Western Siberia or the provinces of Tobolsk and Tomsk and how people live there]. M.: Typo-lithography of the Kushneryov and Co Partnerships. 198 p. [in Russian].
- Saburova, 1995** – *Saburova T.A.* (1995). K voprosu o duhovnyh interesah omskoj intelligencii na rubezhe XIX–XX vv. [On the question of the spiritual interests of the Omsk intelligentsia at the turn of the 19th and 20th centuries]. *Problems of the history of Siberia XIX-XX centuries*: Sat. Art. / Ed. VN Khudyakova. Omsk: OmGPU. pp. 122-131. [in Russian].
- SV** – Sibirskie voprosy: periodicheskij sbornik. 1910.
- Sibirskij..., 1900** – Sibirskij trgovno-promyshlennyj i spravocnyj kalendar' na 1900 g. [Siberian trade and industrial and reference calendar for 1900 year]. Tomsk: Publication of F. P. Romanov. [in Russian].
- Teleshov, 1897** – *Teleshov N.D.* (1897). Za Ural. Iz skitanij po Zapadnoj Sibiri [Over the Urals. From wanderings through Western Siberia]. M.: The printing house of the Association I.D. Sytina. 220 p. [in Russian].
- Yadrincev, 1892** – *Yadrincev N.M.* (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, ehtnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical respect]. SPb.: Publishing of IM. Sibiryakova. 750 p. [in Russian].
- Karpovich, 1932** – *Karpovich M.* (1932). Imperial Russia: 1801-1917. New York: Holt. 106 p.
- Mosse, 1958** – *Mosse W.* (1958). Alexander II and the Modernization of Russia. New York: Collier Books. 159 p.
- Pipes, 1974** – *Pipes R.* (1974). Russia Under the Old Regime. New York: Charles Scribner's Sons. 361 p.
- Saunders, 1995** – *Saunders D.* (1995). Russia in the Age of Reaction and Reform 1801–1881. London: Taylor and Francis. 400 p.

УДК 908 (911.375.4)

Социально-экономическое положение г. Омска в начале XX векаПавел Александрович Сунгуров ^{a, *}^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена истории г. Омска. Основанный на берегу великой сибирской реки – Иртыш, Омск за сравнительно непродолжительный период времени станет крупным городом региона, административным, культурным центром. Как известно, во времена гражданской войны именно Омск будет объявлен адмиралом Колчаком новой столицей России. В работе прослеживается история основания города, указываются лица, сыгравшие ключевую роль в становлении нового города. Не для кого не секрет, что выбор места для Омска обусловлен его пограничным положением. Очевидно, что появление города на границе России и кочевой степи, четко вписывалось в реализуемую политику царя Петра I по укреплению государства. Исследуется процесс основания города, социальный состав населения в различные исторические эпохи, прослеживаются ряд специфичных черт, отличавших Омск от других городов Сибири. Кроме того, в работе присутствует описание отдельных районов, наиболее значимые постройки, располагавшиеся в городе, проанализирован экономический потенциал Омска. Приводятся статистические сведения, характеризующие социальные реалии города, численность населения, долю коренных омичей, количество грамотных жителей, обрисованы царившие в обществе нравы, в т.ч. и имевшее в городской среде место пьянство и невежество. Описаны основные сферы производства и торговли в регионе, раскрываются наиболее востребованные и прибыльные виды промыслов. Указаны данные о существовавших в Омске финансовых и кредитных учреждениях. Обозначены долгосрочные перспективы развития города, которые, особенно после проведения Транссибирской железной дороги, несомненно, были. Указано и множество проблем города, таких как высокая концентрация ссыльных, низкая благоустроенность, слабый уровень просвещения населения, который, однако, в сравнении с иными сибирскими регионами был не самым низким.

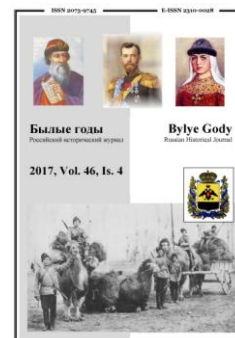
Ключевые слова: Омск, основание, заселение, развитие, реформы, экономика, Иртыш, Западная Сибирь.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: Pavelsungurov@yandex.ru (П.А. Сунгуров)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1517-1524, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1517
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 070:93/94 (571.1)

Historical Sources of the early XX century about the Siberian Students: an Analysis of Archival Data and Published Materials

Vera N. Cherepanova ^{a, *}, Yulia V. Putilina ^b, Yulia P. Savitskaya ^c

^a Tyumen State Medical University, Russian Federation

^b Tyumen regional Academy for professional development, Russian Federation

^c Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

Under article derivative analysis of the historical source base of the early twentieth century, depicting information about the Siberian students. On the basis of the study developed a classification of the main types of historical sources early last century, covering various aspects of life and activities of students of Siberia.

It is proved that the form and the thematic focus of the respective materials conventionally can be divided into the following key groups: official data reporting and statistical information on students and universities where they were trained; documents governing nature, governing the educational process and activities of the Siberian universities; documentation of authorities and police, as well as cooperating individuals and organizations aimed at combating and preventing unrest and revolutionary sentiment among students; materials, reflecting the ideological and social-political life of students of Siberia in the early twentieth century with the attitudes of members of certain political movements and events; published materials in the Siberian periodical and literary publications about the problems, worldview, social, political, scientific and everyday life of the students at the beginning of the last century.

Keywords: Siberia, higher education institutions, the West Siberian educational district, Tomsk state University, Tomsk technological Institute, Siberian higher women's courses, historical sources, foundations, archives, periodicals, liberal and student of the press, Circulars of the Ministry of education, reports, letters, leaflets.

1. Введение

Историко-источниковый комплекс начала прошлого столетия, запечатлевший сведения о сибирском студенчестве в дореволюционное время XX века, представлен многочисленными документами, хранящимися в отечественных архивных фондах, а также публикациями в дореволюционной прессе, материалами памятных книжек, отчетов, статистических сборников и др.

Однако, несмотря на многочисленность и разнообразие сохранившихся исторических источников, материалы, освещающие студенческую тему, неоднородны по своему содержанию, характеру и структуре. Наиболее полное освещение получили аспекты, связанные с социальной, демографической характеристикой сибирского студенчества, участием молодежи в учебных процессах, деятельности привузовских кружков, студенческих организаций, различных общественно-политических движений и партий. При этом вопросы, касающиеся мировоззрения и неформальных аспектов жизни сибирских студентов вне образовательного процесса, студенческих кружков и

* Corresponding author

E-mail addresses: veranikandrovna@mail.ru (V.N. Cherepanova), putilina-yulia@mail.ru (Yu.V. Putilina), saviczka.y@mail.ru (Yu.P. Savitskaya)

организаций, а также вне политических движений, раскрыты в выявленных и зарегистрированных исторических источниках слабо.

2. Материалы и методы

Исследование проведено на базе анализа исторических источников начала XX века. В качестве методов исследования были применены:

- метод контент-анализа, с помощью которого изучены исторические источники начала прошлого столетия, запечатлевшие сведения об учащихся томских вузов;
- системный метод, позволивший осуществить систематизацию выявленных фактов, установить закономерности и взаимосвязи между ними;
- исторический и историографический методы, с помощью которых были изучены особенности формирования историко-источниковой базы, освещающей различные вопросы о сибирском студенчестве в начале XX века, а также специфика развития научно-исследовательской мысли в данном тематическом направлении.

3. Обсуждение

Ряд трудов, посвященных студенческим вопросам, вышел еще в дореволюционный период XX века. Однако в них почти не уделялось внимания раскрытию и анализу вопросов, касающихся образа жизни, мировоззрения и быта учащихся томских вузов. В основном речь шла о студентах столичных учебных заведений, что обусловлено продолжительным сроком работы данных образовательных учреждений, позволившим к началу XX столетия изучить и систематизировать отдельные сведения о столичной студенческой молодежи, ее отношении к учебе, участию в культурной жизни общества (Булгаков, 1912; Сватиков, 1916).

В начале XX века были опубликованы немногочисленные труды о высшем образовании в Сибири. В основном исследования базировались на констатации фактических и статистических данных: о месте и времени открытия учебных заведений; начале и окончании строительства тех или иных корпусов; лицах, внесших средства на их строительство; количестве задействованного преподавательского состава; численности обучающихся студентов, их успеваемости и т.д. (Сапожников, 1912). Преимущественно в трудах излагалась информация из официальных документов вузов (списков студентов, журналов успеваемости и т.д.). Информация, как правило, излагалась кратко, без подробного анализа.

В качестве исключения в этот же период выходят отдельные работы, содержащие анализ изложенных фактов. В частности, исследование М.Ф. Попова, помимо констатации сведений из первичной документации вузов, содержит их комплексный анализ, выводы и рассуждения (Попов, 1913).

В советский и постсоветский периоды появляются труды, в которых авторы проводят комплексный анализ и систематизацию различных сведений о деятельности томских вузов. Наиболее исследованными в этом плане оказались: история Томского университета (Зайченко, 1960; Некрылов, 2010), история бывшего Томского технологического института, а ныне Томского политехнического университета (История..., 1975). Также вышли единичные работы, подробно освещающие деятельность Сибирских высших женских курсов (Кузьминова, 2005).

Однако в перечисленных исследованиях ключевое внимание уделяется деятельности самих учебных заведений, тогда как специфика повседневной жизни сибирских студентов в начале XX века раскрывается фрагментарно и кратко.

Вопросы о сибирском студенчестве начала XX века рассматриваются в контексте обобщенных тематик: например, обо всех учащихся края, в т.ч. низших и средних учебных заведений; обо всех студентах Российской империи, в том числе, проходивших обучение в столичных вузах, а также в образовательных учреждениях других регионов (Блинов, 2001; Иванов, 1999; Dudgeon, 1975; Johanson, 1998).

Перечисленные исследования представляют большую ценность, так как студенческие вопросы здесь рассматриваются на базе анализа широкой первоисточниковой исторической базы (материалов архивных фондов, публикаций в периодических изданиях, сборниках, вышедших в начале XX века), а также исследований историков.

Тем не менее, комплексных работ монографического уровня, посвященных жизни и деятельности сибирского студенчества в начале прошлого столетия, на сегодняшний день не представлено.

4. Результаты

Регламентация учебного процесса, а также требований к поведению, посещаемости занятий, успеваемости, дисциплине и другим аспектам внутривузовской жизни и деятельности студентов в начале XX века зафиксирована в документации Министерства народного просвещения. Ее положения получили дальнейшее развитие в специальных циркулярах, заверенных и подписанных попечителями учебных округов, конкретизированных, детализированных и дополненных на местах администрациями соответствующих высших учебных заведений. Эти материалы хранятся в фондах

733 «Департамент народного просвещения», 740 «Департамент общих дел МНП» РГИА, фонде 126 «Управление Западно-Сибирского учебного округа» ГАТомО.

В последнем из вышеотмеченных архивов хранится также развернутая и подробная информация о деятельности конкретных трех сибирских вузов в начале XX в. Сведения такого рода сосредоточены в следующих фондах:

- Ф. 102 «Томский госуниверситет» (полное наименование – «Томский государственный университет Министерства народного просвещения, г. Томск Томской губернии (1888-1919)»);

- Ф. 193 «Сибирские высшие женские курсы» («Сибирские высшие женские курсы Министерства народного просвещения, г. Томск Томской губернии (1910-1920)»);

- Ф. 194 «Томский технологический институт» («Томский технологический институт Министерства народного просвещения, г. Томск Томской губернии (1896-1920)»).

Указанные фонды содержат подробную информацию, отображающую особенности официального документооборота в данных учебных заведениях. В частности, в них хранятся:

- Циркуляры Министерства народного просвещения и попечителя Западно-Сибирского учебного округа по организационно-методическим вопросам;

- Журналы и протоколы заседаний Совета, правлений факультетов, комиссий по вопросам учреждения факультетов и отделений, комитета по студенческим делам, квалификационной комиссии;

- Годовые отчеты о состоянии и деятельности вузов;

- Переписка с Министерством народного просвещения, попечителем Западно-Сибирского учебного округа, в т.ч.: о борьбе с революционным движением студентов, об участии Томского университета на Всемирной выставке в Париже (1900 г.), научно-исследовательской работе, деятельности студенческих кружков и обществ;

- Рапорты, сведения, списки студентов, участвовавших в сходках и демонстрациях, дела о революционных выступлениях учащихся вузов;

- Сведения о деятельности инспекции по студенческим делам, политической благонадежности студентов, их допуске к экзаменам;

- Личные дела студентов, профессорско-преподавательского состава, рабочих и служащих;

- Прошения, заявления студентов, профессоров и преподавателей о приеме на работу и учебу в университет;

- Списки, зачетные книжки учащихся вузов;

- Программы, учебные планы, штатные расписания;

- Требовательные ведомости на выдачу жалования преподавателям;

- Приказы ректора;

- Воззвания и прокламации Сибирского Союза РСДРП, Томского комитета РСДРП;

- Сметы расходов и др.

В перечисленных фондах имеется информация, отображающая особенности функционирования сибирских вузов в дореволюционный период XX века, некоторые сведения о студентах, их успеваемости, действующих факультетах и т.д.

Помимо архивных материалов, информация отчетно-статистического характера о деятельности сибирских вузов, а также некоторые сведения об обучающихся в них студентах содержится в опубликованных в начале XX в. официальных отчетах образовательных учреждений (*Отчет...*, 1911), а также в памятных книжках, сформированных учебной администрацией сибирского региона (*Памятная...*, 1909).

Сохранившиеся документы носят официальный характер, нередко представлены в табличном виде, с перечислением количественных показателей тех или иных параметров (например, сведений о возрасте зачисленных студентов, числе факультетов и т.п.).

Безусловно, информация такого рода имеет большую ценность для формирования представления о жизни и обучении студенческой молодежи Сибири в начале XX века. Тем не менее, сведений, которые бы подробно и полно отображали индивидуальные особенности, характер студентов, специфику их повседневного быта, мировоззрение, нормы морали, идеи, творческие устремления, отношение к жизни, семье, вступлению в брак, вкусовые, театральные предпочтения и т.д., в перечисленных источниках явно недостаточно. Лишь косвенно и опосредовано из содержания этих источников можно судить о насущных проблемах, быте, настроениях учащихся сибирских вузов.

Например, в ГАТомО хранятся сведения о поданных прошениях от нуждающихся в материальной поддержке студентов Томского технологического института. Как следует из архивных материалов, студенты-технологи в 1902 году подали 68 прошений о выдаче ссуд и пособий в размере от 10 до 50 рублей. Больше всех прошений (21) было подано от представителей мещанского сословия; почти столько же – от студентов, являвшихся выходцами из крестьянской среды (18), существенно меньше – от детей чиновников (8), духовенства (7), дворян (5) и купцов (4) (*ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 159. Л. 8-12*).

Представленные в архивных документах данные позволяют сделать ряд логических выводов. Во-первых, они свидетельствуют о большой доле представителей мещанского сословия в общей

структуре студенческой молодежи вуза. Во-вторых, о тенденции стирающихся границ между уровнем материального положения представителей различных сословий.

В архивных источниках сохранились сведения о размере студенческих стипендий, тексты ходатайств об их выдаче, а также решений уполномоченных на то лиц из администрации вузов, комитетов по студенческим делам и т.п. (ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 159. Л. 1-2).

Другая группа источников по исследуемому спектру вопросов представлена документацией центральных и местных управленческих и правоохранительных структур. Данные исторические источники представлены в форме обзоров, отчетов начальников жандармских управлений, служебных записок, материалов следственных дел, агентурных донесений и др.

В них сосредоточены имевшиеся в распоряжении центральной и местной власти материалы, отображающие участие студентов в общественной и политической жизни Сибири, запечатлены сведения о протестных действиях со стороны учащихся вузов (стачках, митингах, сходках), реакции на данное поведение со стороны органов власти и полиции.

В данную источниковую группу вошли также документы политических партий, в том числе: письма, отчеты, листовки, имеющие серьезное значение для исследования деятельности эсеров и социал-демократов в среде сибирских студентов. Здесь же содержатся сведения об участии студенческой молодежи в деятельности политических партий, а также степени воздействия и способах влияния партий на образ мыслей и идеологию учащихся вузов.

Например, в архивных документах запечатлены сведения о попытках эсеров найти поддержку и одобрение в молодежной студенческой среде, привлечь в ряды партии как можно больше студентов. Так, в распространявшейся в 1903 году по г. Томску прокламации Петербургского комитета партии социалистов-революционеров «К учащейся молодежи!» эсеры призывали студенчество не бросать учебу, но одновременно вести «активную работу в массах» (ГАТомО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 92. Л. 146-148). Представителями партии нередко использовались манипулятивные приемы, нацеленные на вызов симпатии в молодежной студенческой среде. Зачастую в текстах призывов содержалось явно преувеличенное превозношение роли студентов в деле «построения общественного благополучия», их сравнивали с «героями времени», называли «совестью народа», хранителями его идеалов и т.п. Например, в упомянутом выше документе встречаются следующие фразы на этот счет: «Вы ... занимаете слишком важную позицию», «Изо всей интеллигенции только вы можете ... демонстрировать святость ее идеалов» (ГАТомО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 92. Л. 147).

Интересно отметить, что при обращении к другим социальным прослойкам, эсеры использовали те же манипулятивные приемы (например, обращаясь к крестьянам и называя их «столпом справедливого общества», рабочим – «основной силой на пути к справедливости» и т.п.) (Зольников, 1986: 56–58; Вандалковская, 1982: 136–139).

В архивах сохранились сведения об отдельных лидерах политических движений и партий, в том числе из числа сибирских студентов. Например, в ГАТомО хранятся сведения о студенте Томского технологического института, Александре Дистлере, - одном из лидеров Томской организации партии социалистов-революционеров. Как отмечалось в документах Томского губернского жандармского управления, оформленных в 1903 году, Дистлер был основателем Томского комитета партии эсеров и для налаживания связей комитета с центром он регулярно выезжал в Москву, Петербург и другие российские города (ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1940. Л. 117-118).

Несмотря на определенную необъективность и предвзятость, именно эти источники зачастую выступали в качестве единственных документов, запечатлевших сведения об участии сибирской студенческой молодежи в отдельных событиях и мероприятиях общественно-политической направленности в дореволюционный период прошлого столетия.

Исторические первоисточники данной группы распределены по различным архивным фондам, в т.ч.: ф. 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел» ГА РФ, ф. 733 «Департамент народного просвещения Министерства народного просвещения», ф. 1405 «Министерство юстиции», ф. 740 «Департамент общих дел Министерства народного просвещения» РГИА, ф. 411 «Томское губернное жандармское управление», ф. 104 «Томское городское полицейское управление», ф. 126 «Управление Западно-Сибирского учебного округа», ф. 3 «Томское губернное управление» ГАТомО и др.

Материалы, отображающие взгляды монархистов и либералов на молодежные движения (телеграммы, обращения и т.д.), находятся в ф. 733 «Министерство народного просвещения» РГИА.

Помимо перечисленных материалов ценными представляются исторические источники личного происхождения. Например, перехваченные органами полиции письма сибирских студентов, хранящиеся в ф. 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел» ГА РФ и других архивных фондах. Некоторые воспоминания бывших студентов о событиях, произошедших во время первой российской революции в Томске, изложенные в рукописной форме, хранятся в ф. 4204 ЦДНИТомО («Коллекция документов о борьбе за установление Советской власти и социалистическом строительстве»).

В состав фонда 5600 ЦДНИТомО («Библиотека Томского комитета РСДРП») вошли некоторые издания трудов В.И. Ленина, отдельные экземпляры газет «Рабочий», «Пролетарий», «Социал-демократ», «Искра» и др.; прокламации, бюллетени Томского и Сибирского комитета РСДРП,

листовки. В коллекции фонда хранится обращение к учащимся вузов - членам Объединенного комитета технологов и студентов университета, Устав Центрального союза студенческой молодежи, листовки Томского комитета молодежного союза и др.

Информация о творческой жизни сибирских студентов содержится в отчетах о деятельности студенческих организаций, воззваниях, гектографированных и рукописных журналах и газетах. Большинство источников данного типа хранится в фондах ГАТомО: ф. 102 «Томский университет», ф. 194 «Томский технологический институт», ф. 126 «Управление Западно-Сибирского учебного округа».

Определенный пласт сведений об участии сибирской студенческой молодежи в общественной, творческой, культурной и политической жизни края в начале XX века содержится в официальных печатных периодических изданиях. Например, в журнале «Сибирские вопросы», газетах «Утро Сибири» и «Сибирская жизнь» опубликована информация о проблемах, материальном положении студенческой молодежи, сходках и студенческих забастовках, деятельности землячеств, научных кружков и др. В них, наряду с обзором студенческих проблем, содержатся слова поддержки, обращенные к студенческой молодежи Сибири.

Произведенный анализ позволяет констатировать, что существенная часть информации о студенчестве Сибири в начале XX века среди иных (неспециализированных на студенческих вопросах) периодических изданий содержится в либеральной печатной прессе. Правомонархические и леводемократические периодические издания оказались менее информативными в данном тематическом спектре (Есин, 2007: 55–57).

Наибольшее количество сведений о студенчестве сосредоточено в специализированной студенческой прессе. Из изданий такого рода, регулярно выходивших в Томске, можно выделить журнал «Сибирский студент», издававшийся с 1914 по 1916 годы. Наиболее часто в нем обсуждалась студенческая жизнь, актуальные проблемы учащихся вузов, тема первой мировой войны, вопросы сибирского областничества и др. Также в журнале публиковались результаты опросов учащихся высших учебных заведений (по материалам переписей и студенческих анкет), материалы дискуссионного характера, заметки, эссе, рассказы самой студенческой молодежи (Енисейский, 1915; Вяткин, 1914).

О творчестве авторов журнала, публикующих материалы в рубрике «беллетристика», следует сказать особо. Большой пласт информации о повседневной жизни, характере, преобладающих настроениях, чувстве юмора, отношении к родному краю, близким, сокурсникам можно подчеркнуть именно из этих исторических источников. В рассказах, эссе, стихотворениях, опубликованных в студенческой прессе, написанных как самими студентами, так и уже известными к тому времени писателями и поэтами, нередко отображались именно черты повседневной жизни, быта и умонастроений сибирских студентов, их отношение к родному краю, дружбе и своей семье (Шишков, 1914: 79–82; Вяткин, 1914: 85–86).

Оригиналы выпусков журнала «Сибирский студент» хранятся в Томской областной универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина, являющейся центральной библиотекой Томской области.

5. Заключение

Основываясь на результатах исследования, можно сделать ряд выводов. Как выяснилось, по тематической направленности и своей форме материалы дореволюционного периода XX века о положении, умонастроениях, обучении, жизни и деятельности сибирских студентов можно распределить на следующие основные группы:

- Отчетные и статистические данные о вузах и обучающихся в них студентах (в т.ч.: о количестве зачисленных и отчисленных студентов, их успеваемости, проходимых ими образовательных программах, действующих факультетах, суммах назначенных стипендий, функционирующих студенческих кружках, землячествах, молодежных объединениях), запечатленные в списках, личных делах учащихся вузов, зачетных книжках, отчетах о деятельности конкретных вузов и др.;

- Документы регламентирующего характера, регулирующие деятельность высших учебных заведений Томска, устанавливающие требования к обучению и поведению студентов (распоряжения, приказы, учебные планы, циркуляры и др.);

- Документация органов полиции и власти, направленная на запрещение, пресечение и предотвращение революционных настроений и волнений в среде сибирских студентов (отчеты полиции о задержании студентов – членов оппозиционных движений, левых партий и организаций; агентурные донесения о революционных настроениях и взглядах среди учащихся вузов; инструкции и указания по противодействию волнениям, предотвращению сходок; материалы следственных и судебных дел и др.);

- Материалы идеологической и политической направленности, отражающие жизнь учащихся сибирских вузов в начале прошлого столетия с позиции самой студенческой молодежи, принимавшей участие в общественно-политических событиях или мероприятиях, либо с позиции организаций, объединений, политических партий, членами которых являлись сибирские студенты (письма участников социал-демократического и либерального движения, кадетов, эсеров, представителей оппозиционных течений; листовки, агитационные материалы, плакаты, рукописные (официально неутвержденные)

студенческие газеты и журналы; переписка между студентами и лицами, придерживающимися общих политических взглядов; идеологическая литература, брошюры, авторами, либо читателями, которых являлись сибирские студенты, мемуары, воспоминания и др.);

- Статьи аналитического и публицистического цикла в печатной студенческой прессе и иных периодических изданиях (в основном либеральной направленности) об актуальных проблемах, научной и общественно-политической жизни сибирских студентов;

- Повести, беллетристика, рассказы, стихи в художественном и юмористическом жанре, освещающие некоторые вопросы о жизни, желаниях, устремлениях, мировоззрении сибирской студенческой молодежи, ее театральных, вкусовых предпочтениях, отношении к природе, дружбе и семье, опубликованные в книгах, литературных сборниках, а также некоторых периодических изданиях начала прошлого столетия (в т.ч. журналах «Сибирский студент», «Сибирские вопросы», газете «Сибирская жизнь» и др.).

Существенная часть документов перечисленных групп хранится в ГАТомО и других российских архивах. Часть материалов находится в открытом доступе в областных и региональных библиотеках.

В целом можно констатировать, что имеющаяся источниковая база начала прошлого столетия достаточно подробно отображает особенности положения и жизни сибирских студентов в это время. Тем не менее, среди сохранившихся документов преобладают материалы отчетно-статистического характера, отображающие деятельность томских вузов как таковых, в том числе аспекты, характеризующие положение студентов в соответствующих образовательных учреждениях, а также некоторые факты из их жизни. Также в имеющихся архивных фондах широко представлены документы распорядительной направленности, регламентировавшие на официальном уровне порядок и требования к обучению сибирских студентов.

Другая значимая часть сохранившейся документальной базы представлена материалами, тем или иным образом освещающими участие студенческой молодежи Сибири в общественно-политической работе, движениях, партиях, политических организациях и объединениях. Однако содержание материалов данной источниковой группы носит политизированный характер, что, в свою очередь, накладывает на него отпечаток некой тенденциозности. Многие факты освещаются здесь односторонне и предвзято – в зависимости от взглядов, идеологических и политических убеждений авторов того или иного материала (либеральных, социал-демократических, монархических и т.д.).

Определенный информационный пробел среди исторических источников начала прошлого столетия выявлен в освещении вопросов, связанных с повседневной и неформальной жизнью сибирских студентов вне учебных заведений, научных кружков, землячеств, студенческих организаций, равно как и вне общественно-политической и агитационной деятельности, запрещенной в исследуемый временной период официальными органами власти.

Материалов данного типа, которые бы хранились в российских архивных фондах, выявлено немного. В некоторой степени данный информационный пробел компенсируется за счет беллетристики, произведений художественной литературы, где повествуется об обычной жизни сибирских студентов, их мировоззрении, вкусовых, театральных предпочтениях, отношении к моде, еде, романтических отношениях с представительницами (представителями) противоположного пола, взаимоотношениях с семьей и другими людьми.

Однако тексты такого рода, как правило, не фиксировали точные исторические факты своей эпохи. Используемые авторами литературные образы нередко являлись вымышленными.

С исторической точки зрения для полноценного и комплексного понимания повседневного образа жизни, настроения и мыслей сибирских студентов, не менее ценными представляются источники личного происхождения, хранящиеся в семейных и частных незарегистрированных архивах (семейная переписка бывших сибирских студентов в начале прошлого столетия с их родителями, членами семей, близкими людьми, автобиографические рукописные записки, личные дневники и т.д.).

Литература

Блинов, 2001 – Блинов В.И. Развитие образования в России в XVIII – начале XX вв. под влиянием изменений во взглядах на цели воспитания. М., 2001.

Булгаков, 1912 – Булгаков В. Университет и университетская наука. М., 1912. 98 с.

Вандалковская, 1982 – Вандалковская М.Г. История изучения русского революционного движения (середина XIX – 1917 г.). М., 1982.

Вяткин, 1914 – Вяткин Г. Сибирская студенческая песенка // Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск. 1914. №1 (май). С. 85-86.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГАТомО – Государственный архив Томской области.

Енисейский, 1915 – Енисейский Б. Студенчество о самом себе // Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск. 1915. №3-4 (нояб.-дек.). С. 33-38.

Есин, 2007 – Есин Б.И. Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики. М., 2007. 186 с.

Зайченко, 1960 – *Зайченко П.А.* Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880-1955). Томск: Изд-во Томского университета, 1960. 480 с.

Зольников, 1986 – *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск: «Наука», 1986. 208 с.

Иванов, 1999 – *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX - начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999. 414 с.

История ..., 1975 – История Томского политехнического института в документах. Т. 1. 1896-1917. Сборник документов и материалов. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. 172 с.

Кузьминова, 2005 – *Кузьминова Е.Ф.* Сибирские высшие женские курсы в Томске в общероссийском движении за право женщин на образование // Томск-400. Судьба регионального центра России. Томск: ТГУ, 2005. С. 165-168.

Некрьлов, 2010 – *Некрьлов С.А.* Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск, 2010. 426 с.

Отчет..., 1911 – Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов (за осенний семестр 1910–1911 академического года). Томск, 1911.

Памятная..., 1909 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год.* Томск, 1909.

Попов, 1913 – *Попов М.Ф.* Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1913. 315 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Сапожников, 1912 – *Сапожников В.В.* Томский университет. Томск, 1912. 142 с.

Сватиков, 1916 – *Сватиков С.Г.* Русское студенчество прежде и теперь // *Путь студенчества.* М., 1916. С. 3-19.

ЦДНИТомО – Центр документации новейшей истории Томской области.

Шишков, 1914 – *Шишков В.Я.* Первый блин (Маленький шарж) // *Сибирский студент:* ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск. 1914. №1 (май). С. 79-86.

Dudgeon, 1975 – *Dudgeon R.* Women and Higher Education in Russia 1855–1905. Washington, 1975.

Johanson, 1998 – *Johanson Ch.* Women's Struggle for Higher Education in Russia 1855–1900. New York, 1998.

References

Blinov, 2001 – *Blinov V.I.* (2001). Razvitie obrazovaniya v Rossii v XVIII – nachale XX vv. pod vliyaniem izmenenii vo vzglyadakh na tseli vospitaniya. [The development of education in Russia in XVIII – early XX centuries under the influence of changes in views on the purpose of education.]. М. [in Russian].

Bulgakov, 1912 – *Bulgakov V.* (1912). Universitet i universitetskaya nauka. [University and University science]. М. 98 p. [in Russian].

Vandalkovskaya, 1982 – *Vandalkovskaya M.G.* (1982). Istoriya izucheniya russkogo revolyutsionnogo dvizheniya (seredina XIX – 1917 g.). [History of the study of the Russian revolutionary movement (middle of XIX – 1917)]. М. [in Russian].

Vyatkin: Sibirskaya..., 1914 – *Vyatkin G.* (1914). Sibirskaya studencheskaya pesenka. [The Siberian student song]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №1 (mai). pp. 85-86. [in Russian].

GA RF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. [State archive of the Russian Federation].

GATomO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. [State archive of Tomsk region].

Eniseiskii, 1915 – *Eniseiskii B.* (1915). Studenchestvo o samom sebe. [Students about yourself]. *Sibirskii student: ezhemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk.* №3-4 (noyab.-dek.). pp. 33-38. [in Russian].

Esin, 2007 – *Esin B.I.* (2007). Osnovnye etapy 300-letnei istorii russkoi zhurnalistiki. [The main stages of the 300-year history of Russian journalism]. Ocherki: O nastoyashchem i proshlom otechestvennoi zhurnalistiki. М., 186 p. [in Russian].

Zaichenko, 1960 – *Zaichenko P.A.* (1960). Tomskii gosudarstvennyi universitet imeni V.V. Kuibysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955). [Tomsk state University named after V.V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University over 75 years (1880–1955)]. Томск: Изд-во Томского университета. 480 p. [in Russian].

Zol'nikov, 1986 – *Zol'nikov D.M.* (1986). Rabochie Sibiri v gody pervoi mirovoi voiny i Fevral'skoi revolyutsii. [Workers of Siberia during the first world war and the February revolution]. Novosibirsk: «Наука». 208 s. [in Russian].

Ivanov, 1999 – *Ivanov A.E.* (1999). Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba. [Students of Russia of late XIX – early XX century: a socio-historical destiny]. М. 414 p. [in Russian].

Istoriya..., 1975 – Istoriya Tomskogo politekhnicheskogo instituta v dokumentakh. Т. 1. 1896-1917. Sbornik dokumentov i materialov. [History of the Tomsk Polytechnic Institute in the documents. Vol. 1. 1896-1917. A collection of documents and materials]. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. 172 p. [in Russian].

[Kuz'minova, 2005](#) – *Kuz'minova E.F.* (2005). Sibirskie vysshie zhenskije kursy v Tomske v obshcherossiiskom dvizhenii za pravo zhenshchin na obrazovanie. [Higher Siberian courses for women in Tomsk all-Russian movement for women's right to education]. *Tomsk-400. Sud'ba regional'nogo tsentra Rossii*. Tomsk: TGU, pp. 165-168. [in Russian].

[Nekrylov, 2010](#) – *Nekrylov S.A.* (2010). Tomskii universitet – pervyi nauchnyi tsentr v Aziatskoi chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. –1919 g.). [Tomsk University is the first science center in the Asian part of Russia (mid 1870–1919)]. Tomsk, 426 p. [in Russian].

[Otchet..., 1911](#) – Otchet o sostoyanii i deyatelnosti Sibirskikh vysshikh zhenskikh kursov (za osennii semestr 1910–1911 akademicheskogo goda). [Report on the status and activities of the Siberian higher women's courses (for the fall semester of 1910–1911 academic year)]. Tomsk, 1911. [in Russian].

[Pamyatnaya..., 1909](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 god. [The memorable book of the West Siberian educational district in 1909]. Tomsk, 1909. [in Russian].

[Popov, 1913](#) – *Popov M.F.* (1913). Kratkii istoricheskii ocherk Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913). [A brief historical sketch of the Imperial Tomsk University for 25 years (1888–1913)]. Tomsk, 315 p. [in Russian].

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. [Russian state historical archive].

[Sapozhnikov, 1912](#) – *Sapozhnikov V.V.* (1912). Tomskii universitet. [Tomsk University]. Tomsk, 142 p. [in Russian].

[Svatikov, 1916](#) – *Svatikov S.G.* (1916). Russkoe studenchestvo prezhde i teper'. [Russian students before and now]. *Put' studenchestva*. pp. 3-19. [in Russian].

[TsDNITomO](#) – Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Tomskoi oblasti. [The documentation center of modern history of Tomsk region]. [in Russian].

[Shishkov, 1914](#) – *Shishkov V.Ya.* (1914). Pervyi blin (Malen'kii sharzh). [The first attempt (a Little cartoon)]. *Sibirskii student: ezheimesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk*. №1 (mai). pp. 79-86. [in Russian].

[Dudgeon, 1975](#) – *Dudgeon R.* (1975). Women and Higher Education in Russia 1855–1905. Washington.

[Johanson, 1998](#) – *Johanson Ch.* (1998). Women's Struggle for Higher Education in Russia 1855–1900. New York.

УДК 070:93/94 (571.1)

Историко-источниковая база начала XX века о сибирских студентах: анализ архивных данных и опубликованных материалов

Вера Никандровна Черепанова^{a,*}, Юлия Викторовна Путилина, Юлия Петровна Савицкая

^a Тюменский государственный медицинский университет, Российская Федерация

^b Тюменская региональная академия профессионального развития, Российская Федерация

^c Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В рамках статьи произведен анализ историко-источниковой базы начала XX века, запечатлевшей сведения о сибирском студенчестве. На основе проведенного исследования разработана классификация основных типов исторических источников начала прошлого столетия, освещающих различные аспекты жизни и деятельности студенчества Сибири.

Обосновано, что по форме и тематической направленности соответствующие материалы условно можно распределить на следующие ключевые группы: официальные данные отчетно-статистического характера о студентах и вузах, где они проходили обучение; документы регламентирующего характера, регулирующие учебный процесс и деятельность сибирских вузов; документация органов власти и полиции, а также сотрудничающих с ними лиц и организаций, направленная на пресечение и предотвращение волнений и революционных настроений в среде студенческой молодежи; материалы, отображающие идеологическую и общественно-политическую жизнь студенчества Сибири в начале XX века с позиции самих студентов-участников тех или иных общественно-политических движений и событий; опубликованные материалы в сибирских периодических и литературных изданиях о проблемах, мировоззрении, общественной, политической, научной и повседневной жизни студенческой молодежи в начале прошлого столетия.

Ключевые слова: Сибирь, высшие учебные заведения, Западно-Сибирский учебный округ, Томский государственный университет, Томский технологический институт, Сибирские высшие женские курсы, исторические источники, фонды, архивы, периодические издания, либеральная и студенческая пресса, Циркуляры Министерства народного просвещения, отчеты, письма, листовки.

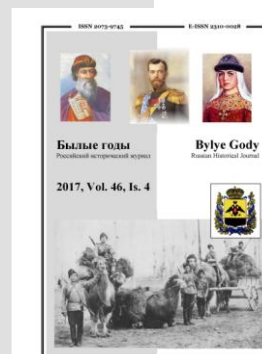
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: veranikandrovna@mail.ru (В.Н. Черепанова), putilina-yulia@mail.ru (Ю.В. Путилина), saviczka.y@mail.ru (Ю.П. Савицкая)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1525-1533, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1525
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 98

Location of the Industry and Industrial Typology of the Counties of the Central Chernozem region in the early XX century

Ruslan M. Zhitin ^{a, *}, Alexey G. Topilsky ^a

^aTambov state university named after G. R. Derzhavin, Russian Federation

Abstract

In the article the problem of industrial zoning and location of industry in the Central Chernozem region in the beginning of the XX century was studied. We proposed our own version of the analysis of the spatial distribution of industries in the Central Black Earth region. The urgency of the work is determined by the need to identify the features of the Chernozemye industry, which is largely determined by the factor of the territorial concentration of factories and plants. As the main source, the edition of the «List of factories and plants of the Russian Empire» (1910) was used, containing information on the categorical factory facilities in the European part of Russia. The task is to identify quantitative indicators of the structure of industrial development of individual territories of the region. This problem was solved with the help of the technique of multidimensional automatic classification of industry. This is an agglomeration-hierarchical method of cluster analysis, the main idea of which is to distinguish groups of objects (or clusters) that are similar to each other in the aggregate of characteristics characterizing them. The procedure for constructing the classification consists of a sequence of steps, on each of which the two closest objects (clusters) were combined. An analysis of the results shows that the development of the Chernozem region's industry in the early twentieth century was characterized by extreme unevenness. There are several groups of counties with different levels of factory economy, industry specificity, concentration of factory establishments. A characteristic feature of the group of the most developed counties was the factory polycentricism, an unusually high concentration of large enterprises, a close connection of industry with the factory infrastructure. The identified group determines the specifics of the development of industry in the region, the specifics of its modernization in conditions of domination of the agrarian economic complex.

Keywords: industry, business, Central black earth zone, zoning, cluster, working, upgrade, counties, statistics, economics.

1. Введение

Одной из важных проблем историографии промышленного производства дореволюционной России является определение уровня и характера фабричного развития аграрных территорий. Довольно часто встречаются некорректные оценки развития «непромышленных» регионов, где распространение пищевой индустрии расценивается как показатель ее отсталости (Воронкова, 1995: 14). Между тем, как и в странах Европы, крупнейшей отраслью российской промышленности к началу XX века была переработка пищевых продуктов, рост которой являлся непосредственным результатом капиталистической эволюции аграрного сектора. На ее долю приходилось почти половина всей стоимости продукции, около трети всех заводов (Бovyкин, 1984: 163).

При раскрытии проблемы промышленного развития аграрных регионов потребуется изучить неравномерность заводского развития России, определить центры перерабатывающего производства, выявить факторы модернизации индустриального хозяйства. В рамках данной работы мы

* Corresponding author

E-mail addresses: istoriko8@mail.ru (R.M. Zhitin), a-topil@yandex.ru (A.G. Topilsky)

сосредоточились на проблеме отраслевой специфики фабричного предпринимательства, вопросах размещения и типологии промышленности Черноземья.

2. Материалы и методы

Объектом исследования стали Орловская, Курская, Воронежская и Тамбовская губернии. Эти территории наиболее полно отражают условия функционирования аграрной экономики (Лившиц, 1955: 215).

Репрезентативнее остальных индустрию региона характеризуют материалы промышленной переписи 1908 года, проводившейся под руководством В.Е. Варзера (Список, 1912: 31-298). Несомненным достоинством источника является учет акцизных предприятий, объединяющих до 35 % всех фабричных объектов региона. Данные по населению и площади губерний взяты из книги «Вся Россия» (Вся Россия, 1897: 22, 60, 115, 140).

В силу того, что выбранный нами источник принадлежит к категории массовых, его обработка потребовала создания базы данных «Промышленность Центрального Черноземья в начале XX века» (среда MS Access). Информация БД содержит сведения о владельцах, количестве и энергообеспеченности заведений, численности рабочих, расположении заведений. Материал базы стал основой для решения проблем промышленной типологии уездов Черноземья.

Для выявления однородных в фабричном отношении районов региона использовалась методика многомерной автоматической классификации объектов, предложенная И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкиным (Ковальченко, Бородкин, 1981: 102-128). Она основана на методе кластерного анализа (Айвазян, Староверов, 1974: 75-100) и заключается в выделении групп объектов схожих по совокупности их признаков.

В число последних мы включили данные концентрации, отраслевой специфики черноземных уездов, уровень концентрации городских и сельских фабрик. В работе использовались только абсолютные показатели, поскольку для рассмотрения уездов как единиц промышленной системы требуется изучение масштаба их производства, из-за чего реальные величины должны приниматься во внимание в первую очередь (Воронкова, 1995: 242).

Отобранные признаки промышленного развития уездов Черноземья:

- количество заводов, энергооснащенность (в л. с.), численность рабочих, производительность (в тыс. руб.) для пищевых/непищевых предприятий;
- количество заводов, энергооснащенность (в л. с.), численность рабочих (в тыс. руб.) для предприятий с суммой производительности более 500 тыс. руб.;
- количество фабрик и заводов, энергооснащенность (в л. с.), годовое производство (в тыс. руб.) для предприятий с числом рабочих более 100;
- количество фабрик и заводов, энергооснащенность (в л. с.), численность рабочих, сумма производительности (в тыс. руб.) для городских предприятий.

Исходная информация для проведения анализа задается в виде матрицы данных, т. е. таблицы, имеющей n строк и m столбцов, где каждая строка соответствует одному из n объектов, а каждый столбец задает значение одного из m признаков. В нашем случае матрица данных содержит 51 строку по числу уездов в регионе и 12 столбцов по числу признаков промышленного развития.

Об однотипности объектов (уездов) можно судить по расстоянию между соответствующими точками в матрице. Расстояние каждой пары в 12-ти мерном пространстве рассматриваемых показателей отражает степень близости их промышленной структуры (Еличеева, 1977: 123). Это означает, что уезды тем похожи, чем меньше различий между показателями их фабричного развития. Вычислив расстояние между каждой парой точек объектов, мы получили матрицу размером 51 на 51. Она является основой для реализации методов кластерного анализа.

3. Обсуждение

Наиболее полно развитие черноземной промышленности рассматривалось в контексте проблемы районирования российской индустрии.

Одним из первых схему территориального деления российской индустрии предложил П.П. Семенов-Тянь-Шанский (Россия. Полное, 1899-1914: 11 т.). Группируя административные единицы в зависимости от их аграрной специализации и природно-географических условий, ученый разделил европейскую часть России на 12 областей, одна из которых (центрально-земледельческая) служила прообразом современного Центрального Черноземья и объединяла 8 губерний. В последующем идеи Тянь-Шанского были использованы Д.И. Менделеевым; в Средний хлебный (Черноземный) район он выделил 9 губерний (Фабрично-заводская, 1893: 19-31).

Три промышленные переписи начала XX века углубили существующие принципы районирования индустрии, сочетая географические принципы размещения со статистикой структуры производства по губерниям. Однако группировка фабричных объектов в переписях имела некоторые отличия. Так, если переписи 1900 г. выделяли 10 районов расположения промышленности (Статистические, 1903: 528), то в переписи 1910–1912 гг. таких районов было уже 13 (Фабрично-заводская, 1914-1915: 12 т.).

Таким образом, принципы промышленного районирования дореволюционной России носили экономико-географический характер, суть которого состояла в выделении непременно смежных территориальных единиц, обладающих набором схожих географических и экономических факторов.

Этот метод получил распространение и в советских исследованиях (Динамика, 1929: 325). Однако территориальная смежность не всегда совпадала с внутренней однотипностью губерний. Убедительным доказательством этого факта послужили работы И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина, в которых была разработана модель промышленной типологии губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. (Ковальченко, Бородкин, 1981: 107). Согласно результатам их работы, фабричное развитие Черноземья не являлось однородным. Так, Орловская и Тамбовская губернии попали в IV кластер, Курская – в VI, Воронежская оказалась вне кластерных групп.

Другой современный историк В. А. Куликов обратил внимание на то, что губернский уровень не передает всей специфики размещения промышленности (Куликов, 2009: 108-109). Для репрезентативного анализа им был предложен уездный уровень пространственной характеристики производств. Используя геоинформационные технологии, автор показал, что территориальное размещение фабрик Украины характеризуется гораздо большей неравномерностью, чем в модели И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина.

В зарубежной историографии проблема региональной концентрации промышленности России получила освещение в рамках изучения иностранного капитала в фабричном комплексе отдельных территорий (Mai, 1970: 255), динамике развития индустриальных производств на микро (Brandes, 1998: 576) и макроуровне (Gregory, 2003: 108-109), истории бизнеса отдельных фирм и предпринимателей (Hausmann, 1998: 529). Несмотря на высокое сосредоточение производства в традиционных фабричных центрах страны, большинство иностранных исследователей отмечает увеличение экономического потенциала новых областей фабричного развития.

Таким образом, вопросы размещения промышленности и промышленного районирования Черноземья продолжают быть актуальными для комплексной характеристики экономического развития региона в начале XX века.

4. Результаты

Согласно данным «Списка фабрик и заводов», на территории 4-х губерний Центрального Черноземья действовало 750 фабрик и заводов с 76,9 тыс. трудящимися на них рабочими и общей производительностью в 153,9 млн. рублей. В общероссийском масштабе местная промышленность занимала 3,3 % по общему числу предприятий, 3,2 % по совокупной стоимости продукции. По совокупности перечисленных характеристик Черноземье имело один из самых низких показателей. Вместе с тем, обращает на себя внимание высокий уровень технической оснащенности местных заведений. Практически 80 % фабрик края использовали в своей работе какой-либо тип двигателя.

Структурно все фабрично-заводские объекты региона были включены в 13 из 14 представленных в источнике отраслей производства. Это означает, что в Центральном Черноземье в той или иной степени присутствовали почти все отрасли промышленности дореволюционной России. Абсолютное лидерство по количеству предприятий принадлежало фабрикам пищевого направления. В количественном плане они включали 67,4 % всех предприятий, 77,2 % всей доходности, 48,3 % всех рабочих и 71,1 % всей мощности двигателей. В число пищевых заведений входили мельницы, сахарные заводы, винокуренные и маслобойные производства (Терещенко, 2011: 105-106).

Несколько приведенные особенности промышленности Черноземья характерны для отдельных территорий региона, видно из погубернского анализа концентрации производства, характеризующей масштаб развития фабричного хозяйства региона (Таблица 1).

Таблица 1. Абсолютные показатели промышленного развития ЦЧР

Губернии	Предприятий		Производство (руб.)		Рабочих		Энергооснащенность (л. с.)	
	кол-во	%	млн.	%	тыс.	%	тыс.	%
Воронежская	156	20,9	33,4	22	12,5	16	10,5	19,7
Курская	169	22	43,7	28	18,2	24	15,7	29,3
Орловская	203	27,7	32,2	21	23,9	31	12,3	23
Тамбовская	222	29,4	44,5	29	22,6	29	14,8	27,8
Черноземье	750	100	153,8	100	77,2	100	53,2	100

Полученные данные не позволяют однозначно точно установить лидеров промышленности региона, так как в целом существенных отставаний в каком-либо параметре у губерний не наблюдается. Какие-то показатели выше для одних губерний, какие-то – для других.

Однако возможно ли, исходя из этих данных, получить представление о величине промышленного потенциала Черноземья? Если взять за основу показатель стоимости продукции, который по подсчетам С. В. Воронковой в среднем в России достигал 52 млн руб. (Воронкова, 1995: 101), то на территории региона не было ни одной губернии, которая бы превышала этот важный показатель. Вместе с этим, Курская и Тамбовская губернии практически приближались к этому уровню, что говорит о значительных успехах местной индустрии к началу XX века.

Поскольку изучаемые губернии не были одинаковы по размеру и количеству проживающего в них населения, уместным является привлечение относительных показателей, и прежде всего – объема производства и рабочих на душу населения и площадь (Таблица 2).

Таблица 2. Относительные показатели промышленного развития ЦЧР

Губернии	Предприятий		Производство (тыс. руб.)		Рабочих		Двигатели (л. с.)	
	на 1000 верст ²	на 100 тыс нас.	на 1000 верст ²	на 100 тыс нас.	на 1000 верст ²	на 100 тыс нас.	на 1000 верст ²	на 100 тыс нас.
Воронежская	2,7	58,1	752,9	16,2	21,4	461,7	0,18	3907,6
Курская	4,1	66,8	1068,5	17,2	44,8	722,9	0,38	6195
Орловская	5	99,8	780,7	15,7	57,6	1162	0,3	6037,1
Тамбовская	3,8	93,6	767,1	18,9	38,7	955,1	0,25	6227,8
Всего	2,7	58,1	827,4	17,1	38,8	800,1	0,27	5531,5

Как и в случае с абсолютными данными, расчет относительных параметров развития промышленности не позволяет говорить о каком-то преимуществе одних губерний Черноземья над другими. Регион характеризовался практически равными показателями на единицу площади региона и душу проживающего здесь населения. Это развитие сильно отставало от индустриальных центров России, однако являлось вполне сопоставимым с другими территориями России. В частности, средний объем производства жителя Наднепрянской Украины составлял 21 руб., поволжских губерний 22 руб. (Воронкова, 1995: 196).

Таким образом, о слаборазвитости Черноземья приходится говорить только при сравнении его с территориями традиционного развития индустрии, с соседними районами регион имел сопоставимые показатели.

Более того, специфика развития черноземной промышленности приобретает качественно иные характеристики при детализации масштабов рассмотрения местной индустрии. Первое, что обращает на себя внимание – различие губерний по средним показателям на одно предприятие (Таблица 3).

Таблица 3. Средние показатели губерний ЦЧР на одно предприятие

Губерния	На одно предприятие приходилось:		
	производительности (тыс. руб.)	рабочих	мощность двигателей (л. с.)
Курская	258	98,3	92,8
Воронежская	214,6	79,4	67,2
Тамбовская	202,1	102	66,5
Орловская	157,8	116,4	60,5
Черноземье	205,3	102,6	71

Четко выделяются две группы губерний, различающихся по уровню и характеру индустриального развития. Группа с Воронежской и Курской губерниями выделяется большими

показателями производительности и энергооснащенности, группа с Тамбовской и Орловской губерниями – большим средним количеством рабочих на местных предприятиях.

Предложенные группы сохраняются и при распределении предприятий каждой из губерний на городские и сельские (Таблица 4).

Таблица 4. Доля абсолютных показателей для городов Черноземья (в %)

Губерния	Количество предприятий	Производительность	Число рабочих	Мощность двигателей
Воронежская	35,1	43,7	39,3	26,5
Курская	37,8	26,6	16	13,6
Орловская	60,6	38,2	29,8	12
Тамбовская	53,1	55,1	47,5	42,2

Отчетливо видно, что в Орловской и Тамбовской губерниях большая часть промышленных объектов сосредоточена в городах, тогда как для Курской и Воронежской характерно развитие значительного числа внегородских центров, связанных с сетью железных дорог. Именно здесь концентрировалась основная часть доходности предприятий, мощности двигателей и числа рабочих.

Среди других характерных отличий двух групп – различия в отраслевой структуре местного производства. Несмотря на то, что пищевая индустрия доминировала в местной промышленности, ее концентрация для выделенных групп была различной. В Тамбовской и Орловской губерниях доля пищевых заводов была ниже (65,3 %), чем на территории Воронежской и Курской губерний (34,7 %), где сельскохозяйственная промышленность практически полностью доминировала в структуре производства.

Таким образом, в промышленном отношении Черноземье не выглядит единообразно. Существовавшие различия в уровне и характере развития губерний, их специализации позволяют выделить две группы, представляющие разные направления развития экономики региона в начале XX века.

Исходя полученных данных, логичны вопросы: как была распределена индустрия по территории региона, что определило специфику и характер этого распределения. Для этого проанализируем показатели промышленности каждого из 51 уезда Черноземья.

С помощью методики, предложенной И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкиным, выявим наиболее похожие по уровню и промышленному состоянию группы черноземных уездов, определим факторы их развития.

Результаты применения методики показывают, что на территории Черноземья в начале XX века можно выделить четыре группы уездов, схожих по общему облику промышленного развития. К первой группе можно отнести кластер с Борисоглебским и Тамбовским уездами, занимающий обособленное положение в структуре иерархических связей дендрограммы. В структуру второго кластера входит три группы с 4-мя, 9-ю и 34-мя уездами соответственно. Особое место в крае занимали Брянский и Воронежский уезды, образующие самостоятельные классификационные единицы.

Судя по расстояниям, с которыми кластеры включаются в общую структуру показателей Черноземья, Тамбовский и Борисоглебский уезды образуют самую крепкую связку промышленного развития региона. По всей видимости, к ним же следует отнести Брянский и Воронежский уезды – наиболее близкие к первой группе по общему уровню и характеру развития территории. Несколько плотнее расстояния в структуре второго кластера и третьего микрокластера. Что же касается четвертой группы уездов, то она имеет наименьшие расстояния среди всех выделенных групп, объединяя территории, существенно не отличающиеся по общему уровню развития фабрик и заводов.

Состав кластерных групп

I группа: Борисоглебский, Брянский, Воронежский, Тамбовский уезды;

II группа: Грайворонский, Елецкий, Козловский, Курский, Липецкий, Моршанский, Орловский, Острогожский, Рыльский уезды;

III группа: Белгородский, Бобровский, Львовский, Путивльский уезды;

IV группа: Болховский, Валуйский, Дмитриевский, Карачаевский, Кирсановский, Ливенский, Новохоперский, Обоянский, Севский, Суджанский, Темниковский, Шацкий, Богучарский, Дмитровский, Задонский, Коротоякский, Лебедянский, Малоархангельский, Мценский, Нижнедевицкий, Ново-оскольский, Павловский, Спасский, Тимский, Усманский, Фатежский,

Щигровский, Елатомский, Землянский, Корочанский, Старооскольский, Трубчевский, Бирюченский уезды.

Дополнительную информацию по степени однородности промышленного облика уездов Черноземья дает высота вариации отдельных значений показателей (Дюран, 1977: 27-35). Расчет меры разброса данных показывают, что все восемь кластеров включали разные по общему промышленному облику уезды. В первой группе средний коэффициент не превышал 60 %, во второй и третьей группе он был равен 65 % и 73 % соответственно, в четвертой составлял 137 %. Таким образом, в полной мере подтверждается обособленность положения первого кластера, сходство фабрично-заводской структуры второй и третьей группы кластеров, особое положение четвертой группы, характеризующейся наибольшим разбросом показателей.

С целью прослеживания характера развития черноземных уездов необходимо привлечь конкретные показатели их промышленного производства. Сравнительные значения основных показателей для каждой из групп уездов свидетельствуют о высоком уровне фабричного хозяйства 1–2 группы, промежуточного по региону развития третьей группы и сильно отстающих показателях четвертой группы уездов (Таблица 5). В абсолютном значении на долю этих уездов приходилось до 79 % всех предприятий края, 72 % стоимости всей продукции, 74 % всех рабочих.

Таблица 5. Средние показатели промышленности групп уездов Черноземья

Группы	Количество фабрик	Производительность (в млн. руб.)	Численность рабочих	Энергооснащенность (в л. с.)
1	38,8	121,6	7412	4536,5
2	26,9	4,6	2174,8	1498,9
3	16,5	6,6	2435,8	2091
4	8,2	1,0	514,5	377,5

Первое, что обращает на себя внимание – неоднородность распределения сильно развитых уездов по территории Черноземья. Вместо смежных групп уездов высокого развития наблюдаются отдельные образования близко расположенных друг к другу уездов-лидеров. Так, на территории Курской губернии к ним относятся 7 из 17 относительно развитых уездов региона. При этом они располагаются преимущественно на западе губернии вплотную к Надднепрянской Украине. В своих работах И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкин выдвинули идею о том, что новейшая буржуазно-капиталистическая организация промышленного юга могла воздействовать на экономические процессы во всей южной полосе (Ковальченко, Бородкин, 1981: 126). Видимо, это сказывалось и на развитии Черноземья.

Примечательна и существенная корреляция уездов-лидеров с железнодорожной инфраструктурой. На территории всех уездов-лидеров располагались узловые станции и крупная сеть путей сообщения (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3380. Л. 1-10). Наличие развитой сети железных дорог стимулировали рост производства, облегчали вывоз сырья и материалов.

Второе, что заметно при более полном изучении промышленности уездов-лидеров – отличия в отраслевой специфике тамбовско-орловских и воронежско-курских уездов-лидеров.

Несмотря на то, что на территории всего региона в той или иной степени ощущалась сельскохозяйственная специализация индустрии, тамбовские и орловские уезды-лидеры характеризовались несравненно меньшими показателями непищевой промышленности, нежели уезды в Воронежской и Курской губерниях. Существенные различия видны в количестве пищевых и непищевых заведений, их производительности и энергооснащенности.

В то же время среди уездов-лидеров промышленного развития Черноземья не было существенных различий в показателях концентрации производства. В данных уездах находилось большинство крупных заводов региона. Так, заведения с числом рабочих от 100 до 500 человек почти полностью (72,4 %) располагались в наиболее развитых черноземных уездах. Похожая картина наблюдалась и с группой предприятий с производительностью от 100 тыс. руб. до 1 млн. руб. (67,8 %).

Для объективной картины концентрации стоимости производства и рабочей силы воспользуемся методом группировки крупных предприятий по двум признакам: более 100 рабочих и свыше 100 тыс. руб. произведенной продукции на предприятие. Полученные результаты отчетливо показывают тенденцию преобладания концентрации стоимости над концентрацией рабочей силы. Процесс развития крупных промышленных зон в поселениях первой группы опережал процесс интенсификации индустрии. Это свидетельствует о не завершившейся капиталистической эволюции промышленности региона.

В результате, очевидно, что для развития Черноземья характерно наличие определенного числа относительно развитых уездов, особенностью которых является наличие значительного числа крупных предприятий.

Третья группа промышленного развития объединяла всего лишь три уезда Курской и один уезд Воронежской губерний. Особенностью района было размещение фабрик в целом ряде сельских центров, в которых располагались 82 % заведений группы. Вне городов находились отдельные предприятия винокуренной промышленности (42 %), мукомольной (15 %), маслобойной (7 %). Однако особое распространение здесь получили сахарные заводы, технико-технологические особенности которых обеспечивали им центральное место в местной структуре. В совокупности сахарные заводы объединяли 49 % производительности и 72 % работников заводов второй подгруппы.

Развитие этой группы уездов ограничивалось низкой товарностью продукции земледелия. Пытаясь преодолеть негативные последствия низких цен на сельхозпродукцию, владельцы имений переходили к развитию промышленной переработке сырья на своих предприятиях (ГАТО. Ф. 195. Оп. 1. Д. 264. Л. 117).

Дополняя характеристику фабричной инфраструктуры края, следует сказать о серьезном значении местных кустарных производств. В регионе располагалось множество мелких, хорошо развитых центров малой промышленности, вносящих существенный вклад в качественные и количественные показатели индустрии (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 8. Д. 826). В начале XX века абсолютное число занятых в кустарном производстве Черноземья достигло 700 тыс. человек или почти 88 % черноземных работников (Атлас, 1930: 34). Такая концентрация промыслов нивелировала различия в уровне индустриализации отдельных районов, создавая обширные зоны производства.

5. Заключение

Итоги разработки проблемы размещения промышленности и промышленного районирования Центрального Черноземья в начале XX века позволяют заключить, что «монолитный» аграрный регион выглядит таким лишь при непосредственном его сравнении с показателями промышленного центра. Комплексное же рассмотрение региона показывает наличие своеобразной структуры пространственного размещения фабрично-заводских предприятий. Она была обусловлена различиями в отраслевой структуре, уровне и концентрации местного хозяйства. Большое значение для индустрии Черноземья играли сосредоточение крупных фабрик и заводов, предприятий непищевого направления, тесная связь заведений с железнодорожным транспортом. Эти особенности определяли органическое строение черноземной промышленности, факторы и формы ее развития.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых (Проект № МК-5688.2016.6)

Литература

- Айвазян, 1974 – Айвазян С.А. Классификация многомерных наблюдений. М., 1974. 240 с.
 Атлас, 1930 – Атлас промышленности СССР. М. 1930. Вып. 2. 54 с.
 Бovyкин, 1984 – Бovyкин В.И. Концентрация промышленного производства в России в конце XIX – начале XX в. Исторические записки. М., 1984. С. 154-195.
 Воронкова, 1995 – Воронкова С.В. Российская промышленность начала XX века. М., 1995. 242 с.
 Вся Россия, 1897 – Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства. СПб., 1897. Т. 2. 343 с.
 ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.
 Динамика, 1929 – Динамика российской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). М., 1929. 325 с.
 Дюран, 1977 – Дюран Б. Кластерный анализ. М., 1977. 128 с.
 Елисеева, 1977 – Елисеева И.И. Группировка образов. М., 1977. 143 с.
 Ковальченко, Бородкин, 1981 – Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Промышленная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков // Математические методы в социально-экономических исследованиях. М., 1981. С. 102-128.
 Куликов, Шубин, 2009 – Куликов В.А., Шубин Ю.В. Размещение промышленности и промышленное районирование Надднепрянской Украины в начале XX в. // Юг России в прошлом и настоящем. 2009. С. 104-109.
 Лившиц, 1955 – Лившиц Р.С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. 295 с.
 РГАЭ – Российский государственный архив экономики.
 РГИА – Российский государственный исторический архив.
 Россия, 1899-1914 – Россия. Полное географическое описание нашего отечества: настольная книга для русских людей. СПб., 1899-1914. 11 т.
 Список, 1912 – Список фабрик Российской Империи. СПб., 1912. 721 с.

Статистические, 1903 – Статистические сведения о фабриках по производствам необложенным акцизом за 1900 год. СПб., 1903. 538 с.

Терещенко, 1911 – *Терещенко А.А.* Развитие промышленности в городах центрального черноземья во второй половине XIX начале XX века // *Ученые записки. Журнал курского университета.* Курск, 2011. С. 103-124.

Фабрично-заводская, 1914-1915 – Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910-1912 гг. Вып. 1-13. Петроград, 1914-1915. 12 т.

Фабрично-заводская, 1893 – Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. 347 с.

Brandes, 1998 – *Brandes D.* Die Entwicklung der suedukrainischen Landmaschinenfabriken in der Sowjetzeit // *Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert.* Essen, 1998. pp. 575-588.

Gregory, 2003 – *Gregory P.* Economic growth of the Russian Empire (end of XIX – beginning XX century). М., 2003. 253 p.

Hausmann, 1998 – *Hausmann G.* Deutsche Unternehmer im Wirtschaftsleben Odessas am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // *Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert.* Essen, 1998, pp. 523-540.

Kirchner, 1986 – *Kirchner W.* Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands 1815-1914. St. Katharinen, 1986. 365 p.

Mai, 1970 – *Mai J.* Das deutsche Kapital in Russland. 1850–1894. Berlin. 1970. 255 p.

References

Ajvazyan, 1974 – *Ajvazyan S.A.* (1974). Klassifikaciya mnogomernyh nablyudenij. [Classification of multidimensional observations]. М. 240 p. [in Russian]

Atlas, 1930 – Atlas promyshlennosti SSSR. [Atlas of the industry of the USSR] М. 1930. Vyp. 2. 54 p. [in Russian]

Bovykin, 1984 – *Bovykin V.I.* (1984). Koncentraciya promyshlennogo proizvodstva v Rossii v konce XIX nachale XX v. Istoricheskie zapiski. [The concentration of industrial production in Russia in the late XIX beginning of the XX century. Historical Notes] М. pp. 154-195. [in Russian]

Voronkova, 1995 – *Voronkova S.V.* (1995). Rossijskaya promyshlennost' nachala XX veka. [Russian industry of the early XX century]. М. 242 p. [in Russian]

Vsya Rossiya, 1897 – *Vsya Rossiya.* Russkaya kniga promyshlennosti, trgovli, sel'skogo hozyajstva. [All Russia. The Russian Book of Industry, Trade, Agriculture and Administration]. SPb., 1897. V.2. 343 p. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti [State Archive of the Tambov Region]. [in Russian]

Dinamika, 1929 – *Dinamika rossijskoj promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo hozyajstva za sorok let (1887-1926 gg.).* [Dynamics of the Russian and Soviet industry in connection with the development of the national economy for forty years (1887-1926)]. М., 1929. 325 p. [in Russian]

Dyuran, 1977 – *Dyuran B.* (1977). Klasternyj analiz. [Cluster analysis]. М. 128 p. [in Russian]

Eliseeva, 1977 – *Eliseeva I.I.* (1977). Gruppirovka obrazov. [Grouping recognition]. М. 143 p. [in Russian]

Koval'chenko, Borodkin, 1981 – *Koval'chenko I.D., Borodkin L.I.* (1981). Promyshlennaya tipologiya gubernij Evropejskoj Rossii na rubezhe XIX-XX vekov [Industrial typology of the provinces of European Russia at the turn of the 19th and 20th centuries] // *Matematicheskie metody v social'no-ehkonomicheskikh issledovaniyah.* М. pp. 102-128. [in Russian]

Kulikov, Shubin, 2009 – *Kulikov V.A., Shubin Yu.V.* (2009). Razmeshchenie promyshlennosti i promyshlennoe rajonirovanie Naddneprianskoj Ukrainy v nachale XX v. [The location of industry and industrial zoning of the Naddniproians Ukraine at the beginning of the 20th century]. *Yug Rossii v proshlom i nastoyashchem.* pp. 104-109. [in Russian]

Livshic, 1955 – *Livshic R.S.* (1955). Razmeshchenie promyshlennosti v dorevolucionnoj Rossii. [The location of industry in pre-revolutionary Russia]. М. 295 p. [in Russian]

RGAE – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics]. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian]

Rossiia, 1899-1914 – *Rossiia.* Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: nastolnaya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudej. [Russia. A full geographical description of our country: a desktop and road book for Russian people] SPb., 1899-1914. 11 v. [in Russian]

Spisok, 1912 – Spisok fabrik Rossijskoj Imperii. [List of factories and plants of the Russian Empire]. SPb., 1912. 721 p. [in Russian]

Statisticheskie svedeniya, 1903 – Svideniya o fabrikah po proizvodstvam neoblozhennym akcizom za 1900 god. [Information on factories on manufactures by an unclaimed excise for 1900]. SPb., 1903. 538 p. [in Russian]

Tereshchenko, 1911 – *Tereshchenko A.A.* (1911). Razvitiye promyshlennosti v gorodah central'nogo chernozem'ya vo vtoroj polovine XIX nachale XX veka [The development of industry in the cities of the central black earth in the second half of the XIX beginning of the XX century]. *Uchenye zapiski. Zhurnal kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Kursk, pp. 103-124. [in Russian]

Fabrichno-zavodskaya, 1914-1915 – *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Evropejskoj Rossii v 1910-1912 gg.* [The factory industry of European Russia in 1910-1912]. №. 1-13. Petrograd, 1914-1915. 12 v. [in Russian]

Fabrichno-zavodskaya, 1893 – *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' Rossii*. [Factory Industry and Trade in Russia]. SPb., 1893. 347 p. [in Russian]

Brandes, 1998 – *Brandes D.* (1998). Die Entwicklung der suedukrainischen Landmaschin enfabriken in der Sowjetzeit // *Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Essen, pp. 575-588.

Gregory, 2003 – *Gregory P.* (2003). Economic growth of the Russian Empire (end of XIX – beginning XX century.). М. 253 p.

Hausmann, 1998 – *Hausmann G.* (1998). Deutsche Unternehmer im Wirtschaftsleben Odessas am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // *Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Essen, pp. 523-540.

Kirchner, 1986 – *Kirchner W.* (1986). Die deutsche Industrie und die Industrialisierung Russlands 1815-1914. St. Katharinen. 365 p.

Mai, 1970 – *Mai J.* (1970). Das deutsche Kapital in Russtand. 1850–1894. Berlin. 255 p.

УДК 98.8

Размещение промышленности и промышленная типология уездов Центрального Черноземья в начале XX века

Руслан Магомедович Житин ^{a, *}, Алексей Геннадьевич Топильский ^a

^a Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучена проблема промышленного районирования и размещения индустрии в Центральном Черноземье в начале XX века. Предложен собственный вариант анализа пространственного распределения производств региона. Актуальность работы определяется необходимостью выявления особенностей промышленности Черноземья, во многом определяемой фактором территориальной концентрации фабрик и заводов. В качестве основного источника было использовано издание «Списка фабрик и заводов Российской империи» (1910 г.), содержащее информацию о ценовых фабричных объектах Европейской части России. Задача состоит в выявлении количественных показателей как структуры промышленного развития отдельных уездов края, так и образуемых ими типических групп. Эта задача решалась с помощью методики многомерной автоматической классификации промышленности. Это агломеративно-иерархический метод кластерного анализа, основная идея которого заключается в выделении групп объектов (или кластеров), схожих друг с другом по совокупности характеризующих их признаков. Процедура построения классификации состоит из последовательности шагов, в каждом из которых производилось объединение двух ближайших объектов (кластеров). Анализ полученных результатов свидетельствует, что развитие индустрии Черноземья в начале XX века характеризовалось крайней неравномерностью. Выделяются несколько групп уездов с разным уровнем фабричного хозяйства, отраслевой спецификой, концентрацией фабричных заведений. Характерной особенностью группы наиболее развитых уездов был фабрично-заводской полицентризм, необычно высокое сосредоточение крупных предприятий, тесная связь промышленности с заводской инфраструктурой. Выявленная группа определяет специфику развития индустрии в регионе, особенности ее модернизации в условиях доминирования аграрного социально-экономического комплекса.

Ключевые слова: Промышленность, предпринимательство, Черноземье, районирование, кластер, рабочие, модернизация, уезды, статистика, экономика.

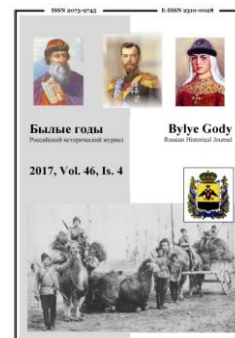
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: istoriko8@mail.ru (Р.М. Житин), a-topil@yandex.ru (А.Г. Топильский)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1534-1545, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1534
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(510.1)

The Role of Russian Diplomatic Mission in Beijing in Safeguarding Russia's Interests in the Establishment of the Statehood of Barga (1912–1915)

Pavel N. Dudin ^{a, *}

^a East-Siberian State University and Technology and Management, Russian Federation

Abstract

Self-appointed states began to emerge in the vast territory of Inner Asia with the collapse of the Qing Empire and the outbreak of the Xinhai Revolution in October 1911, one of such states was Barga (Hulunbuir). For that same period, the position of Russia in the Far East became relatively stable, after the uncertainty caused by the loss in the Russo-Japanese War. Secret agreements between Russia and Japan determined the position of Barga, as well as of Outer Mongolia, in the sphere of interests of Russia, but the new Chinese authorities looked at that situation from a different angle. In this regard, the ability of Russia to display political will and to show the international community the ability to achieve its goals became very important. V.N. Krupensky headed the diplomatic mission in Beijing that had the leading role in this process. The success to ensure the interests of our country by any acceptable means depended on Krupensky, his will, his sense of duty and the steps he took. The elaboration and harmonization of the position and conditions under which Russia returned Barga to China's state sovereignty, wisdom and foresight in cooperation with the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, rigidity in cooperation with the representatives of the Chinese foreign policy department, flexibility - with the new authorities of Barga allowed Russia strengthen its positions in the region, protect own interests and the interests of its subjects, demonstrate the partners the ability to reach a cut by peaceful means. Extensive diplomatic correspondence allows a wide audience of scientists to look at the process under study from the other side and show the complexity and drama of the political situation in which the Russian diplomatic mission fulfilled its tasks.

Keywords: East Asia, international treaty, China, Mongolia, Russian diplomatic mission in Beijing, Strategic presence, security of Russia.

1. Введение

Проиграв русско-японскую войну 1905-1906 гг., Россия оказалась в очень сложном положении. С одной стороны, Россия была вынуждена пойти на уступки по ряду принципиальных вопросов, касающихся как политических, так и экономических вопросов: было утрачено влияние в регионе, потеряна южная часть Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД) и Квантунская область. С другой стороны, проигрыш показал слабость, демонстрировать которую в сложившихся на тот момент условиях было крайне опасно, и речь шла не только и не столько о Китае, который также был слаб – западные державы могли воспользоваться этим для окончательного удаления России из региона. Решать вопросы военным путем страна не могла, в связи с чем особая ответственность ложилась на дипломатический корпус, который должен был как вернуть престиж и влияние страны, так и защитить те интересы, которые были сохранены и учтены Японией. Это особенно четко видно из текстов секретных соглашений, а также дипломатической переписки, материалы по которым стали доступны широкому кругу ученых после Октябрьского переворота 1917 г. Ключевая роль в решении поставленных задач была возложена на дипломатический корпус, чей персонал не только всегда

* Corresponding author

E-mail addresses: dudin2pavel@gmail.com (P.N. Dudin)

отличался блестящей подготовкой, знанием региона и ключевых политических деятелей, но и был сложен из настоящих патриотов, готовых применить все возможное и невозможное для защиты интересов своей Родины.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы исследования включают в себя данные из Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1912-1915. Д. 3443. Л. 54-57); результаты исследований, опубликованных в периодических изданиях как Российской империи (Нольде, 1915; Речь..., 1914), так и эмигрантского сообщества (Баранов, 1926); сборники договоров (Гримм, 1927) и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (Международные отношения..., Т. 1..., 1931 и т.д.).

2.2. В ходе исследования для достижения целей применялись компаративный анализ позиций российской, китайской и баргутской стороны, способов их обеспечения; ситуационный анализ позволил сопоставить стратегии и действия основных участников этого процесса в изучаемый период; системный подход позволил оценить политическую ситуацию в регионе как комплексный сегмент общей международной ситуации сквозь призму сочетания условий и обстоятельств политической жизни. Помимо этого, в ходе исследования мы опирались на ряд концепций, актуальных для своего времени (подход к государственному суверенитету, субъектов международных отношений и т.д.). Поскольку с момента окончания Второй мировой войны миропорядок претерпел значительные изменения, с нашей точки зрения, возникла необходимость обратиться к научным позициям, современным рассматриваемым событиям, чтобы нынешняя политическая и международно-правовая действительность не препятствовали объективному пониманию международной ситуации в изучаемый период.

Целью статьи явилась историко-политическая оценка деятельности русской дипломатической миссии в Пекине по обеспечению национальных интересов России в Северной Маньчжурии путем изучения процесса формирования позиции Российской империи в отношении международно-правового статуса округа Хулунбуир (Барга) в период между 1912 и 1915 гг.

3. Обсуждение

Научные изыскания в выбранной сфере носят фрагментарный характер и направлены либо на изучение русской эмиграции в Маньчжурии (правовое положение, образ жизни, учреждения, школы и т.д.), либо на исследование КВЖД и ее роль в формировании и существовании русской эмиграции. Редкие труды, предметно посвященные российской политике в Восточной Азии, лишь мимоходом затрагивали вопросы обеспечения стратегических интересов нашей страны на Дальнем Востоке. Так в работе Н.Е. Абловой (Аблова, 2005) основной упор сделан на положение русской эмиграции, при этом и российская дальневосточная политика, и инструменты ее обеспечения анализируются через обозначенный предмет. В труде О.В. Вишнякова (Вишняков, 2007) роли КВЖД в геополитической стратегии России на Дальнем Востоке посвящен отдельный параграф, однако речь в нем идет об уже изученных и описанных проблемах и преимуществах включения в состав России дальневосточных окраин, об обострении противоречий между ведущими мировыми державами из-за передела колоний и сфер влияния в регионе, а также о поверхностном анализе внешней политики ряда западных стран в Китае (США, Великобритания, Германия, Япония и др.), причем с использованием устаревшей советской терминологии и клеше (напр. «...активизировали захватническую политику...», «...японские милитаристские круги...» и т.д. В.П. Казанцев (Казанцев, 2015) рассматривал создание и совершенствование систем управления арендованными российскими территориями как часть решения т.н. «Маньчжурского вопроса», в канве преимущественно обеспечения функционирования КВЖД, уделяя внимание арендованным территориям, не затрагивая другие институты и не прослеживая их политическую судьбу и причины прекращения деятельности. В ряде случаев соавтор В.П. Казанцева (Салогуб, Казанцев, 2015), в ряде случаев – самостоятельный автор, Я.Л. Салогуб (Салогуб, 2015), сосредотачивает научное внимание на российском Дальнем Востоке, а в вопросах, касающихся обеспечения российских интересов в Китае, уделяет внимание инструментам на тех же арендных территориях без глубокого сравнения и сопоставления.

Определенный интерес вызывают предметные работы по Барге (Бадмаева, Нимаев, 2013; Нацагдорж, 2012; Ордынская, Козыренко, 2017; Цыбенков, 2017), однако они носят историко-антропологический характер. Таким образом, в отечественной науке крупных работ по изучению вопросов, связанных с российскими национальными интересами на Дальнем Востоке и инструментами их обеспечения на сегодняшний день нет, что и попытался исправить автор настоящей статьи.

4. Результаты

Безусловно, определяющей в вопросе обеспечения российских национальных интересов на Дальнем Востоке в исследуемый период стала секретная часть Русско-японской конвенции от

31 января 1907 г.¹, в которой стороны провозглашали намерение устранить все причины трений или недоразумения в отношении Манчжурии, Кореи и Монголии. Державы договорились о ключевом разделении сфер интересов и влияния, которые предопределили судьбу региона на последующие 40 лет, установив демаркационную линию между Северной и Южной Манчжурией (Гримм, 1927: 170). По обоим сторонам этой линии Россия и Япония были свободны в получении железнодорожных и телеграфных концессии в Манчжурии. Помимо этого, Япония признавала за Россией все права на КВЖД северной обозначенной демаркационной линии, а также обязывалась не вмешиваться в ситуацию во Внешней Монголии, а Россия обязывалась не вмешиваться в корейско-японские отношения с гарантией предоставления российским консулам в Корее прав наиболее благоприятствуемой нации. В отношении Внутренней Монголии сферы влияния были поделены в рамках Русско-японской Конвенция от 25 июня 1912 г. (Гримм, 1927: 180). Еще ранее, 21 июня (4 июля) 1910 г., в развитие достигнутых договоренностей, было заключено Соглашение, секретная часть которого подтверждала разграничение сфер специальных интересов в Манчжурии, признавала за каждой из сторон право принимать меры защиты своих интересов (Гримм, 1927: 177). Таким образом округ Хулунбуир, или Барга, где с началом Синьхайской революции началось движение за независимость, оказался в зоне российских интересов, признаваемых Японией, что давало широкие возможности для маневров.

Хулунбуир располагался в западной части провинции Хэйлунцзян, имея в качестве естественных границ хребет Большой Хинган и реки Аргунь и Халху. Правовой статус его всегда вызывал определённые дискуссии, поскольку роль округа в качестве своеобразного буфера недооценить нельзя.

Российские интересы в регионе сводились к нескольким направлениям, где экономический интерес совпадал с военно-стратегическим и геополитическим. Так, в первую очередь, речь шла об обеспечении доступа к районам, по которым должна была пройти КВЖД: территория Чжэримского Сейма, Барги и Маннайгуна. Во-вторых, необходимо было обеспечить наши экономические интересы, вытекающие как от эксплуатации КВЖД, так и из разработки месторождений, торговли и т.д.

С 1730-х гг. Барга имела полное самоуправление, которое было подтверждено в 1793 г. императором Цяньлуном и сохранялось до боксерского восстания (Меньшиков, 1918: 606). В 1900 г. баргутские караулы были сняты и восстановлены в 1904-1906 гг. В 1906 г. китайскими властями был фактически положительно решен вопрос о колонизации Барги, а сам регион оказался разделен на 3 части. Прежнее деление на хошуны было временно сохранено, но значение баргутских чиновников свелось к выполнению функций низших исполнительных органов, а в административные центры созданных областей были введены китайские войска. Одновременно с этим были открыты китайские школы в Хайларе и других местах, появляются китайские торговцы (Меньшиков, 1918: 448). Этот шаг был воспринят местными жителями не только как покушение на древние устои, обеспечиваемые издавна маньчжурскими императорами, но и как угроза потери языка, традиций и культуры при ассимиляции с китайским населением, что уже испытывала на себе Внутренняя Монголия, непосредственно граничившая с центральными провинциями Внутреннего Китая.

В результате действий цинского правительства в предреволюционный период в среде местного населения сформировалось мнение о необходимости противодействия китайской экспансии. В сентябре 1911 г. состоялся съезд баргутской знати, на котором были выработаны следующие требования к центральному правительству: во-первых, удаление из Барги всех китайских чиновников и передача управления в руки баргутского населения; во-вторых, удаление из Барги китайских войск; в-третьих, прекращение китайской колонизации региона; в-четвертых, подчинение китайцев, проживающих в Барге, баргинским властям и выселение тех, кто не пожелает ее признания; в-пятых, передача в казну Барги всех доходов, получаемых в виде таможенных пошлин и налогов за разработку естественных богатств региона. Эти требования были предъявлены китайским властям, но были ими отклонены. Синьхайская революция, начавшаяся в октябре того же года, усилила центробежные тенденции. Уже 2 января 1912 г. вооруженные отряды из числа местного населения взяли Хайлар, 22 января захватили Лубин-фу и следом – Кэлари (Цзилалин), а китайские войска, не оказав серьезного сопротивления, вынуждены были покинуть Баргу. Во главе округа встал выходец из даурской аристократии Шэн Фу (Цыбенев, 2017). Незамедлительно власти региона объявили о выходе из состава Китая, признании над собой протектората Богдо-гэгэна (Меньшиков, 1918: 449), причем этот процесс оказался обоюдным. Так И.Я. Коростовец телеграммой от 27 сентября 1912 г. сообщал, что у монгольского правительства, помимо интереса о признании Монголии в качестве как минимум автономного государства, повышения статуса российского посланника в Урге и принятия монгольского посланника в аналогичном статусе в Санкт-Петербурге, имелось намерение распространить действие готовящегося соглашения и протокола к нему на Внутреннюю Монголию, ряд других территорий и, безусловно – Баргу (Сборник..., 1914: 5). Крупный специалист в области международного права барон Б.Э. Нольде также обращал на это внимание без, впрочем, каких-либо комментариев относительно справедливости подобных претензий (Нольде, 1915: 2158). Донесение вице-консула в Хайларе на имя российского посланника в Пекине от 29 декабря 1913 г. сообщало о

¹В статье датировка документов приводится по Юлианскому календарю.

том, что в Барге состоялся съезд старейшин, который принял решение обратиться к монгольскому правительству с просьбой о принятии Барги под власть Богдо-гэгэна, а в случае, если это сделать невозможно, следовала просьба через Богдо-хана ходатайствовать перед российским правительством о предоставлении округу автономии под властью Китая с непосредственным подчинением китайскому президенту. Это было сделано для получения со стороны России гарантий того, что в отношении баргинских властей не будут применены карательные меры и полученные округом права в последствии не будут отменены.

Вместе с тем в донесении сообщалось о намерении китайских властей в Цицикаре начать переговоры с баргутами (*Международные отношения...*, Т. 1..., 1931: 71-72), прекрасно понимая, что и без того беспокойный регион, вдохновленный фактической независимостью Внешней Монголии, способен добиться самостоятельности. Для приведения этого плана в исполнение власти Барги уже приступили к формированию собственной государственности с опорой, как и западный сосед, на Россию: наблюдая за политикой русских властей во Внешней Монголии, баргуты убедились в добрых намерениях последних, в противовес китайской администрации, и, не без участия российской стороны, установили автономию, которая просуществовала вплоть до 1920 г.

Таким образом, уже в середине 1912 г. стало очевидным, что ситуация вышла из-под контроля центрального китайского правительства и развитие событий прогнозировать крайне сложно. Российская империя, которая уверенно контролировала процесс автономизации Внешней Монголии, в Барге на первом этапе попытки добиться независимости округа не могла заявить о подобном участии и это явилось предметом пристального внимания царского правительства к региону и формирования собственной позиции, выраженной в выступлении министра иностранных дел С.Д. Сазонова на заседании Государственной думы. Сазонов подчеркнул своеобразие отношений, которые баргинские власти стремились выстроить с правительством Богдо-хана: с одной стороны, они готовы были признать его власть над собой и принимать любую возможную помощь, с другой стороны, отказывались признавать его юрисдикцию и платить налоги и другие сборы. В связи с этим формировался т.н. «баргинский вопрос», решать который необходимо было отдельно не только от ситуации с Внешней Монголией, но, как оказалось, и от ситуации в самой Маньчжурии, где у России возникали новые интересы, помимо КВЖД. Во-первых, в регионе за время его фактической независимости (1912-1914 гг.) русскими промышленниками и предпринимателями (не без участия российских властей) были заключены контракты с баргинскими властями (*Речь...*, 1914: 26), одинаково выгодные для обеих сторон. Во-вторых, в т.н. Полосе отчуждения КВЖД проживало значительное количество русских подданных, работающих на железной дороге и любой военный конфликт мог привести к жертвам, что подрывало доверие и к дороге как предприятию, и к российской центральной власти, обязанной обеспечивать безопасность и интересы своих граждан. В-третьих, в Маньчжурии имелись интересы других держав (Великобритании, Франции, Японии и др.), взаимодействие с которыми должно было выстраиваться с учетом и их позиций, поскольку российское присутствие не ограничивалось лишь Северо-Восточным Китаем (напр. у России имелись концессии в Тяньцзине и Ханькоу), и на поддержку этих государств необходимо было рассчитывать и далее. Таким образом, были четко очерчены интересы Российской империи на охваченном смутой пространстве приграничной с Китаем зоны и было заявлено о том, что эти интересы наша страна намерена была отстаивать.

Особый интерес в этом вопросе представляет как процесс формирования позиции России, так и процесс ее обеспечения и достижения заявленных целей, что наиболее полно иллюстрирует дипломатическая переписка министерства иностранных дел с посланником в Пекине Василием Николаевичем Крупенским, а также его переписка с консулами и агентами в регионе. Брат Василия Николаевича состоял на дипломатической службе в Италии, а сам он в возрасте 25 лет отправляется сначала в Турцию (1894 г.), затем в Китай (1899 г.), Германию (1902 г.), США (1907 г.), в 1911 г. ненадолго прибывает в Австро-Венгрию и в этом же году, сменив И.Я. Коростовца, в декабре в статусе российского посланника в Пекине снова отправляется в Китай, где и пребывает до 1916 г., приняв непосредственное участие в разрешении «баргинского вопроса».

На первоначальном этапе дипломатической переписки были определены ключевые условия политической судьбы округа – невозможность его включения в состав Внешней Монголии, на чем настаивала монгольская сторона и что, в принципе, допускала баргинская знать, а также сохранение над этой территорией китайского суверенитета. В.Н. Крупенский в телеграмме № 21 от 7 января 1914 г. на имя вице-консула в Хайларе П.К. Усатого, в ответ на его донесение от 29 декабря 1913 г. № 72, сообщал, что, не имеет четких указаний от министерства иностранных дел о начале переговоров с китайской стороной по т.н. «баргутскому вопросу» и о форме, которую должен приобрести итог этих переговоров. Барга, упоминаемая и как Хулунбуирский округ, должна была разделить участь Северной Манчжурии, поэтому округ не должен был быть включен в состав Внешней Монголии, а российская сторона соглашалась на восстановление на территории Барги китайского суверенитета при условии мирных переговоров, в которых Россия брала на себя роль посредника. Применение вооруженной силы наносило бы серьезный ущерб русским интересам, поэтому данные обстоятельства вынуждали Россию вступить в примирительный процесс. На любое известие о приготовлениях китайских вооруженных сил в Баргу Россия направляла в адрес китайской стороны

категорическое представление, на которое китайское правительство заверяло намерение решить вопрос мирным путем и принять помощь России как посредника ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 72](#)). Таким образом, Китай принял участие нашей страны в разрешении возникшего конфликта, а к двум имеющимся добавилось третье условие – мирный характер разрешения вопроса.

Министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов в телеграмме от 22 января 1914 г. за № 174 сообщал В.Н. Крупенскому, что министерство иностранных дел предполагает отложить переговоры о Барге до подписания русско-китайско-монгольского договора (будущий т.н. «Кяхтинский договор» от 25 мая 1915 г. ([История..., 1967: 248-250](#))), рассматривая неразрешенный «баргутский вопрос» в качестве средства давления на китайскую сторону при переговорах о тройственном договоре ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 232](#)), но В.Н. Крупенский в телеграмме от 24 января 1914 г. № 32 сообщал, что отсрочка в переговорах могла быть чревата тем, что баргинские власти могли самостоятельно договориться с китайской стороной без участия России, допустить чего было нельзя ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 233](#)). Эти опасения не были праздными и беспокоили не только русскую миссию в Пекине, что и членов кабинета министров России. Так 26 января 1914 г. за № 73 министр финансов России В.Н. Коковцов направил на имя С.Д. Сазонова письмо, в котором просил уточнить официальную позицию относительно допуска ввода китайских войск в Хайлар и перехода ими КВЖД. Здесь следует напомнить, что еще в 1912 г. между двумя министрами была достигнута договоренность о недопущении расправы с активистами движения за независимость Барги, в силу чего управляющему КВЖД и начальнику Заамурского округа пограничной стражи были даны указания о принятии необходимых к этому мер. По мнению В.Н. Коковцова вопрос о судьбе Барги на тот момент представлялся недостаточно проработанным и поэтому имеющаяся договоренность должна была быть применена и к этим обстоятельствам ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 267](#)). В ответной секретной телеграмме от 28 января 1914 г. № 91 С.Д. Сазонов сообщал о согласии с его мнением о необходимости не допустить вступление китайских войск в Хайлар, о чем управляющему КВЖД вновь были даны соответствующие указания ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 268](#)).

Предложенный В.Н. Крупенским министру иностранных дел Китая Сунь Баоци вариант участия в переговорах российской стороны изначально не рассматривался, поскольку китайцы планировали вести переговоры с баргинскими властями непосредственно, однако в итоге вынуждены были согласиться и просили уточнить позицию России по этому вопросу, которая и была запрошена телеграммой от 3 февраля 1914 г. за № 48 ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 351-352](#)). Телеграммой от 6 февраля 1914 г. № 288 С.Д. Сазонов обращал внимание В.Н. Крупенского на недопущение китайских войск и на информацию военного министра В.А. Сухомлинова о численности регулярных китайских войск в количестве 32 тыс. человек, и присутствии в Хейлунцзянской и Гиринской провинциях сельской и резервной полиции (сюньцзин и юйбей-сюньцзин) численностью до 127 тыс. человек. От китайской стороны требовалось согласие на ограничение численного состава китайских вооруженных сил в Маньчжурии и на то, что его изменение без согласия российской стороны было бы невозможно. Вместе с тем, трезво оценивая обстановку, В.А. Сухомлинов предлагал С.Д. Сазонову (телеграмма от 25 октября 1913 г.), в случае неуспеха этой идеи, обязать китайскую сторону [хотя бы] информировать российских представителей об увеличении численности войск и их передвижении, и делать это заблаговременно ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 349-350](#)). В тот же день была направлена телеграмма № 483 о стремлении России восстановить китайский суверенитет в Барге при соблюдении 4 условий. Во-первых, речь шла о сохранении национального управления округом и назначение баргинского амбана из числа местных жителей. Во-вторых, Россия в очередной раз обращала внимание на необходимость признания Пекином договоров и сделок, заключенных русскими подданными с баргинскими властями с 1912 г. В-третьих, за российской стороной должно было быть признано преимущественное право постройки в Барге подъездных путей к КВЖД в случае возникновения такой необходимости. И, в-четвертых, русские золотопромышленники, лишившиеся права разрабатывать концессии, выданные им до начала войны, должны были получить соответствующую компенсацию, размер которой подлежал обсуждению на уровне межведомственной комиссии при министерстве торговли России. Так же имела инструкция об информировании китайской стороны о недопущении решения участи Барги без российского участия и если это произойдет, Россия оставляла за собой право не признавать заключенных между китайским правительством и баргинскими властями соглашений ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 351-352](#)). Реакция китайской стороны была адекватной и ее содержание, равно как и диалог с министром иностранных дел Китая, содержался в телеграмме В.Н. Крупенского С.Д. Сазонову от 10 февраля 1914 г. № 65. Каждый из предложенных Россией пунктов был прокомментирован и получил четкую позицию и развитие.

В отношении сохранения национального управления округом и назначение баргинского амбана из числа местных жителей (телеграмма В.Н. Крупенского С.Д. Сазонову от 10 февраля 1914 г. № 65) китайская сторона обозначила свое решение завуалированным согласием в виде готовности «возвращения к старому порядку вещей», но просила уточнения относительно того, что подразумевать под «национальными властями»: только ли монголы, или, например, и маньчжуры? ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 402](#)) Определяющее значение в формировании

российской позиции как в этом вопросе, так и в трех других, играло мнение самого В.Н. Крупенского. Так в телеграмме от 13 февраля 1914 г. № 343 С.Д. Сазонов просил его высказать свою позицию, имевшую в дальнейшем определяющее значение. По мнению В.Н. Крупенского (телеграмма от 15 февраля 1914 г. №79) в вопросе об управлении Баргой следует выяснить желание самих баргутов (*Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 403*). При этом необходимо было учитывать, что эти желания в ряде случаев имели завышенные ожидания и невыполнимые условия (донесение от 1 марта 1914 г. телеграммой № 115). Ярким проявлением этого явились донесения П.К. Усатова, который в телеграммах № 16 от 22 февраля и № 19 от 28 февраля 1914 г. обрисовывал правовое положение Барги с позиции ее фактического руководства. Согласно первой телеграмме, Шэн Фу при участии своей администрации принял постановление, согласно которому Барга готова была либо перейти под власть Богдо-Хана, либо остаться в составе Китая при соблюдении им условий, фактически повторяющих выработанные в конце 1911 г. Вторая телеграмма сообщала о правовом положении региона и его внутреннем устройстве согласно «прежнему порядку». В связи с этим П.К. Усатов в двух телеграммах (№ 15 и № 18, тексты не сохранились) В.Н. Крупенскому характеризовал эти условия как невыполнимые, поскольку в этом случае регион приобрел бы статус, равный Халхе (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 13*).

В.Н. Крупенский допускал возможным подтверждение требования о запрете китайской колонизации, но считал непосредственное подчинение Хулунбуира китайскому нежелательным, поскольку в этом случае официальный Пекин настаивал бы на направлении в Хайлар своего особого представителя, вмешательство которого было бы еще более неудобным, чем вмешательство цинцарских властей. В отношении финансового вопроса, российская сторона считала самым подходящим возвращение к прежним условиям, по которым из столицы регулярно поступали суммы на содержание местных чиновников. В качестве альтернативы этого предлагалось все доходы предоставить в ведение властей Барги с освобождением китайского правительства от всех финансовых обязательств в отношении региона, но это предложение встретило упорное сопротивление со стороны пекинских властей (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 14*), поскольку означало фактическую финансовую автономию. В результате 3 марта 1914 г. С.Д. Сазонов в телеграмме № 493 изложил окончательную позицию российской стороны. Она сводилась к тому, что хоть создание из Барги автономной области на предложенных баргутами условиях соответствовало российским интересам, однако выступать против Китая было бы нецелесообразно, в связи с чем Россия оставалась в роли «примирителя» (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 18*). Остальные позиции оставались неизменными.

7 марта 1914 г. № 125 на имя министра иностранных дел была направлена телеграмма, дополненная депешей от 21 марта 1914 г. № 147 о предложениях, сделанных 15 марта 1914 г. китайской стороной: предлагалось вернуть управление округом в состояние, существовавшее до 1909 г. (в этом году хайларским амбаном был назначен Сюн Сяолян, действия которого и привели к отложению Барги), что, по словам В.Н. Крупенского, соответствовало и российским, и баргутским интересам. В дополнение к этому, по словам Сунь Баоци, на место хулунбуирского фудутуна предполагается назначить находящегося без этого во главе Барги самопровозглашенного руководителя округа Шэн Фу (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 193*). Таким образом, во-первых, вводилась должность хулунбуирского фудутуна, аналогичная должности периода правления династии Цин, во-вторых, ее вакансию заполнял китайский президент, в-третьих, на эту позицию могло быть назначено лицо из числа манчжуров или монголов, при этом президент не был ограничен выбором только среди лиц из числа местного населения (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 195*). Вместе с тем, было предложено восстановить именно тот режим (дословно – «порядки»), который был установлен Сюн Сяоляном. Предлагалось разграничить знаменное управление и управление гражданскими делами области так, что в составе знаменного управления находятся фудутун, пять ухэрида (цзун-гуань), знаменные чины высших и низших классов и определенное число солдат, а в компетенции этой структуры находились исключительно вопросы знаменного управления. Для управления гражданскими делами предполагалось учредить должности даотая, уездных начальников и иных чинов, на которые могли назначаться любые граждане Китая, без учета национальности. Это позволило бы китайским властям сохранить управление округом в своих руках, предоставив баргутам лишь незначительную часть автономии. На эти условия российская сторона пойти не могла и предлагала либо и в этом вопросе вернуться к состоянию до 1909 г., либо, для «сохранения лица» принять совместное решение о том, что «на должности, учрежденные для оборудования гражданских дел Барги, назначаются лица исключительно из местных уроженцев» (*Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 194*), на чем в итоге стороны и сошлись.

Пока шли российско-китайские переговоры, съезд представителей 17 хошунов Барги, состоявшийся 18 июня 1914 г., отклонил идею воссоединения с Китаем, что означало сохранённые за округом статуса провозгласившей независимость территории, в связи с чем в тот же день в телеграмме № 304 поверенный в делах в Пекине В.В. Граве направил на имя МИДа информацию об уточнении и разъяснении нашей позиции (*Международные отношения..., Т. 4..., 1931: 86*). Она сводилась к необходимости сохранить «status quo» в связи с тем, что России предстояли важные

переговоры по железнодорожному и монгольскому вопросам и не стоило их осложнять еще и ситуацией вокруг Барги. Инструкции также содержали указание на недопустимость связывания этих вопросов с вопросом о концессии на новые железнодорожные линии в Северной Манчжурии, которая имела для России первостепенное значение ([Международные отношения..., Т. 4..., 1931: 136-137](#)).

На условие признания за российской стороной преимущественного права постройки в Барге подъездных путей к КВЖД Сунь Баоци (телеграмма от 7 марта 1914 г. № 125 и депеша от 21 марта 1914 г. № 147) настаивал на том, чтобы предоставить китайцам право самостоятельно и самим строить железные дороги в Барге, предоставляя российской стороне это право лишь в случае необходимости ее обращения для этой цели к иностранным займам. Хотя было очевидно, что китайские власти в регионе еще долгое время не смогут это делать ни финансово, ни организационно ([Международные отношения..., Т. 2..., 1933: 194](#)), но вручала китайцам легальный инструмент отклонять любой российский проект, ссылаясь на готовность осуществить постройку самостоятельно. Временно управляющий IV политическим отделом Д.И. Абрикосов высказал позицию о том, что переговоры по Северной Маньчжурии и вопрос о постройке путей между собой не связаны ([Международные отношения..., Т. 4..., 1931: 336-337](#)). Желаемое возымело действие и в телеграмме от 23 июля 1914 г. № 407 В.В. Граве сообщал, что Сунь Баоци выразил намерение содействовать достижению компромисса в «баргутском вопросе».

Запросив инструкций, В.В. Граве поделился своим впечатлением о том, что китайцы сильно обеспокоены войной в Европе и боятся, что военные действия разыграются также на Дальнем Востоке, опасаясь агрессивных замыслов японцев. Граве предложил использовать это беспокойство китайцев и продолжать переговоры с ними, подчеркивая, что события на Западе не отражаются на российской политике на Дальнем Востоке» ([Международные отношения..., Т. 6..., 1935: 28](#)). В ответ на это С.Д. Сазонов сообщал, что не видит необходимости ни затягивать, ни ускорять решение «баргутского вопроса» и одобрил предложенную стратегию переговоров ([Международные отношения..., Т. 6..., 1935: 29](#)). В телеграмме от 14 августа 1914 г. № 487 В.В. Граве докладывал о том, что агент министерства финансов в Китае Л.В. Гойер «неизменно отклонял» различные варианты китайских предложений, а сам В.В. Граве неоднократно настаивал перед Сунь Баоци на необходимости ускорить разрешение дела и через некоторых своих доверенных лиц некоторым способом воздействовали на президента. Наконец телеграммой от 16 августа 1914 г. № 490 В.Н. Крупенский со ссылкой на телеграмму В.В. Граве № 487 сообщал, что китайское правительство, во-первых, выразило принципиальное согласие на финансирование русскими средствами линии Сахалин – Харбин с веткой на Цицикар; во-вторых, было намерено обратиться к российской стороне после изучения условий постройки трех других линий при их безусловной необходимости; в-третьих, вопрос о железнодорожных линиях в Барге следовало бы обсудить при переговорах об округе в целом; в-четвертых, оно отказывается предоставить права на разработку естественных богатств вдоль линии ввиду отсутствия подобных преимуществ в других аналогичных контрактах. Сам В.Н. Крупенский обращал внимание на то, что в аналогичных иностранных контрактах подобные условия не звучали столь категорично и это следовало учитывать при обсуждении китайской позиции ([Международные отношения..., Т. 6..., 1935: 180-181](#)). Следовательно, большинство условий, предложенных русской миссией в Пекине и утвержденных министерством иностранных дел, оказалось принятыми китайской стороной и переговоры существенно продвинулись вперед.

Вопрос о необходимости признания Пекином договоров и сделок, заключенных русскими подданными с баргинскими властями с 1912 г. (телеграмма В.Н. Крупенского С.Д. Сазонову от 10 февраля 1914 г. № 65) также не вызывали серьезных расхождений и сводились лишь к деталям. Китайская сторона предлагала перечислить эти соглашения и сделки, и рассмотреть возможность их перезаключения уже с центральным правительством ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 402](#)). По мнению В.Н. Крупенского (телеграмма от 15 февраля 1914 г. № 79) желание китайского правительства было «вполне естественным», а ввиду принципиального сопротивления переходу земель в собственность иностранцев, можно было бы придать этим сделкам характер срочной аренды ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 403](#)).

Самым сложным и затянутым оказалось обсуждение условия о получении русским золотопромышленниками, лишившимися права разрабатывать концессии, выданные им до начала войны, соответствующей компенсации. Размер компенсации подлежал обсуждению на уровне междуведомственной комиссии при министерстве торговли России и, как и ожидалось, встретил возражение китайской стороны (телеграмма В.Н. Крупенского С.Д. Сазонову от 10 февраля 1914 г. № 65), которая хотела также выяснить, шла ли речь о концессиях исключительно в Барге, или предполагались еще и другие концессии на других территориях, поскольку в этом случае связь с восстановлением в Барге китайского суверенитета не прослеживалась и диалог терял всякий смысл ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 402](#)). Претензии золотопромышленников казались самому В.Н. Крупенскому «чрезмерными и недостаточно обоснованными» (телеграмма от 15 февраля 1914 г. № 79) ([Международные отношения..., Т. 1..., 1931: 471-472](#)), исходя из чего и формировалась дальнейшая позиция российского стороны. По условиям, предложенным Сунь Баоци китайские власти заявили, что права русских подданных по разработке горных богатств, утраченные после русско-японской войны, должны были быть урегулированы «отдельным делом» ([Международные](#)

отношения..., Т. 2..., 1933: 195), в итоге разрешение вопроса затянулось более чем на год и его историю, в самых общих чертах, можно восстановить из содержания пространного письма С.Д. Сазонова на имя [последнего] министра финансов Российской империи П.Л. Барка от 9 мая 1915 г. № 248. Опуская нюансы и лишние подробности, С.Д. Сазонов акцентировал внимание на том, что золотопромышленники приступили «к своей деятельности в Северной Манчжурии по прямому приглашению русского правительства, которое тем самым как бы давало им уверенность в том, что работы их будут ограждены от затруднений внешнего характера». Однако со стороны предпринимателей имелись и нарушения, на которые справедливо обратила внимание китайская сторона: разработка ранее открытых приисков (что было делать запрещено), неисполнение некоторых формальностей и т. д. Для определения размера убытков в Петрограде при министерстве торговли и промышленности было создано особое междуведомственное совещание, которое определило сумму заявленных претензий в 2 628 000 руб., включая проценты, и распределение ее по категориям в зависимости от обоснованности претензий. Но рассчитывать на удовлетворение российских требований не приходилось, в первую очередь, «из-за одного оскудения китайской казны, независимо от принципиальных соображений» по этому вопросу со стороны правительства Китая, поэтому В.Н. Крупенский рекомендовал добиваться лишь возвращения концессий прежним владельцам. В качестве выхода из ситуации министр иностранных дел, в свою очередь, предлагал удовлетворить требования промышленников «из суммы в 5 миллионов лан, причитающихся Китаю по статье 12-й контракта на постройку Китайской Восточной железной дороги», но министерство финансов не поддерживало это предположение, хотя В.Н. Коковцов допускал возможность распоряжения этой суммой в предложенных МИДом целях (*Международные отношения..., Т. 7..., 1935: 504-507*). В итоге к моменту подписания Россией и Китайской Республикой Соглашения о Хулунбуирском округе 24 октября 1915 г., ситуация не разрешилась и отражения в нем не нашла.

Уже к концу июля – началу августа 1915 г. у российской стороны имелся проект Соглашения, в связи с чем секретной телеграммой от 5 августа 1915 г. № 3993 В.Н. Крупенский был уполномочен на обмен с китайским министром иностранных дел нотами, предполагающими стремление России и готовность Китая к его обсуждению. Несмотря на осложнение ситуации как с российской (подозрения в «двойной игре» генерала Спицын), так и с китайской стороны (действия князя Улая и Бабуджава), переговоры начались, а В.Н. Крупенский на основе инструкций (телеграмма С.Д. Сазонова от 13 октября 1915 г.) от лица российского правительства потребовал от китайской стороны подписания соглашения не позже следующей недели, в противном же случае оно предполагало вернуть себе полную свободу действий по отношению к Барге. Китайский представитель Лу Чжэнсян, сменивший в текущем году Сунь Баоци, заявил, что днем подписания соглашения назначена суббота 24 октября 1915 г. В последнюю минуту при счетке текстов в вайцзябу первым драгоманом императорской миссии переписанных текстов китайцами была сделана еще одна попытка пересмотреть некоторые условия. Чтобы заставить их отказаться от этой затеи, потребовалось заявление В.Н. Крупенского по телефону о необходимости отказаться от этой затеи. Только после этого подписание соглашения состоялось.

Договор закрепил все условия, выдвигаемые российской стороной: Хулунбуир приобретал статус специального округа (*АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1912-1915. Д. 3443. Л. 54-57*), непосредственно подчиненного правительству Китая, китайские вооруженные силы на территорию округа не допускали, в случае строительства на территории округа железной дороги правительство Китая должно было обратиться в первую очередь к России, контракты, заключенные между русскими предпринимателями и властями Хулунбуира, утверждались правительством Китайской Республики (*АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1912-1915. Д. 3443. Л. 54-57*), а заключенные ранее договоры сохраняли свою юридическую силу. Текст Соглашения о положении Хулунбуира от 24 октября 1915 г. и обмен нот о назначении первого футудуна был опубликован в «Известиях МИД» за 1916 г., книга II, страница 2 (*Международные отношения..., Т. 9..., 1937: 212*), однако специальной ноте о порядке утверждения будущих контрактов российских предпринимателей в Барге был придан характер секретности. Секретной телеграммой от 25 октября 1915 г. № 657 В.Н. Крупенский сообщал С.Д. Сазонову о желании президента Юань Шикая отложить опубликование соглашения по Барге, чтобы японцы не могли предположить, что такой ценой Китай заплатил России за ее поддержку в вопросе о восстановлении монархии (*Международные отношения..., Т. 9..., 1937: 212*). Нотой китайского министра иностранных дел от 24 октября 1915 г. на имя В.Н. Крупенского и российской стороны извещались о стремлении китайского правительства прийти к соглашению с российским правительством о предоставлении русским золотопромышленникам в провинции Хейлунцзян компенсаций за понесенные ими убытки после русско-японской войны. Нотой от 12 декабря 1915 г. В.Н. Крупенский сообщил Лу Чжэнсяну, что российское правительство приняло информацию к сведению (*Международные отношения..., Т. 9..., 1937: 213*). Соглашение явилось своего рода продолжением юридического оформления российско-китайских отношений по исследуемому нами региону: ранее с китайскими властями был достигнут компромисс и относительно аренды русскими подданными свободных земель Хулунбуира, оформленный в виде правил, утвержденных хулунбуирской администрацией и русским вице-консулом в Хайларе от 24 апреля 1914 г. № 608.

Суть этих условий сводилась к предоставлению русским подданным права аренды земельных участков для посева злаков и огородничества на срок от 1 года до 12 лет.

В 1916 г. между Россией и Китаем было подписано новое соглашение о положении Хулунбуира, статья 1 которого говорила о том, что Хулунбуир образует особую область, непосредственно подчиненную центральному правительству Китайской Республики, а статья 2 подтверждала ранее закреплённое положение главы Барги, который назначался декретом президента и пользовался правами губернатора (Баранов, 1926: 24). В 1919 г. Шэн Фу сменил Гуй Фу, остающийся на своей должности до 1920 г.

5. Заключение

Переходя к выводам, следует выделить тот факт, что России путем сложных переговоров, согласования позиций, в ряде случаев – давления, в ряде случаев – временных уступок, удалось добиться сделаемого результата и склонить Китайскую Республику к принятию предложенных условий на взаимовыгодной основе. Первостепенное значение здесь имело само участие нашей страны в качестве гаранта и миротворца. Так удалось вернуть округ, который стоял на пороге независимости, под китайский суверенитет, не включив его в состав Внешней Монголии; удалось восстановить систему управления этой территорией, которая существовала до этого более полутора веков и доказала свою эффективность; удалось сохранить мирный характер процесса переговоров, не допустить вооруженных столкновений, что сохраняло лояльность к верховной государственной власти. Но, безусловно, гораздо большее значение имел факт защиты русских национальных интересов в регионе. За русскими подданными сохранялась позиция наибольшего благоприятствования, они получили возможность селиться на просторах Барги и заниматься огородничеством; договоры, заключенные ими в период с 1912 по 1915 г., признавались китайским правительством; а право на постройку подъездных железнодорожных путей закреплялось за российской стороной. Затянувшиеся переговоры относительно компенсаций русским золотопромышленникам были в значительной степени результатом несогласованности позиций российских министерств, в итоге русская миссия в Пекине упустила возможность форсировать события, но добилась своей цели, закрепив обсуждаемые условия в секретной ноте к Соглашению. В результате настойчивости дипломатического корпуса удалось даже добиться ограничения численности китайских вооруженных сил в регионе, что так категорично отвергало руководство страны на первоначальном этапе переговоров.

Таким образом и русский дипломатический корпус в целом, и миссия в Пекине во главе с В.Н. Крупенским в частности, не только отстаивали интересы нашей страны на стратегически важном участке российско-китайской границы, но и подтвердили статус России как державы, способной, в отличие от своих «заключенных друзей» по региону, добиваться поставленной цели мирным способом. Это имело определяющее значение для безопасности уже советско-китайской границы на последующие три десятилетия и не позволило развязать масштабный военный конфликт и начать боевые действия на Дальнем Востоке в преддверии и в разгар Великой Отечественной Войны.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук «Квази-государства Внутренней Азии: проблема государственности в контексте борьбы наций за самоопределение» (МК-6398.2016.6).

Литература

Аблова, 2005 – Аблова Н.Е. Деятельность белоэмигрантских организаций в Китае во время обострения советско-китайских отношений (1929-1931 гг.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2005. № 4. С. 143-153.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1912-1915. Д. 3443. Л. 54-57. Копия. Перевод с французского яз. Опул.: Сборник документов, относящихся к Китайской Восточной железной дороге.

Бадмаева, Нимаев, 2013 – Бадмаева Л.Б., Нимаев Д.Д. Об исторических связях бурят и баргутов // *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2013. № 3 (11). С. 18-25.

Баранов, 1926 – Баранов И.Г. Административное устройство Северной Маньчжурии // *Вестник Маньчжурии*. 1926. № 11-12. С. 5-27.

Вишняков, 2007 – Вишняков О.В. Создание Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX – начало XX века // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 1. С. 55-57.

Гримм, 1927 – Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Издание Института востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 219, III с.

История..., 1967 – История Монгольской Народной республики. 2 изд. М., 1967. 538 с.

Казанцев, 2015 – *Казанцев В.П.* Формирование системы гражданского управления на арендованных Россией территориях: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 1890-х годов – февраль 1917 года). Издательство: Самарский медицинский институт «РЕАВИЗ», 2015. 587 с.

Международные отношения..., Т. 1..., 1931 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 1: 14 января – 13 марта 1914 г. / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подгот. к печати А.Л. Попов. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. XLIII, 614 с.

Международные отношения..., Т. 2..., 1933 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 2: 14 марта – 13 мая 1914 г. / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подгот. к печати А.С. Ерусалимский, Б.Г. Вебер. М.; Л.: Соцэкгиз, 1933. XX, 559 с.

Международные отношения..., Т. 4..., 1931 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 4: 28 июня – 22 июля 1914 года / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского: Подготовил к печати: Э.Д. Гримм. М.; Л.: Соцэкгиз, 1931. XVI, 423 с.

Международные отношения..., Т. 6..., 1935 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 6: 5 августа 1914 г. – 13 января 1915 г. Ч. 1 / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подготовил к печати А.Л. Попов при участии Б.Я. Галиной и В.В. Альтмана. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. XIX, 482 с.

Международные отношения..., Т. 7..., 1935 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 7: 14 января – 23 мая 1915 г. Ч. 2 / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подготовил к печати Ф.О. Нотович при участии Л.А. Телешевой и С.А. Левиной. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. XX, 535 с.

Международные отношения..., Т. 9..., 1937 – Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878 – 1917 гг. Серия III: 1914 – 1917 гг. Т. 9: 17 октября 1915 г. – 13 января 1916 г. / Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М.Н. Покровского; Подготовил к печати Ф.О. Нотович при участии Л.А. Телешевой и С.А. Левиной. М.; Л.: Соцэкгиз, 1937. XXVIII, 822 с.

Меньшиков, 1918 – *Меньшиков П.Н.* Северная Маньчжурия: С приложением карты всей Маньчжурии: Отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги: П.Н. Меньшикова, П.Н. Смольникова и А.И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Том II: Хейлунцзянская провинция / Китайская Восточная железная дорога. Харбин: Издание Коммерческой части Китайской Восточной железной дороги, 1918. XVIII, 646, IX с.

Нацагдорж, 2012 – *Нацагдорж Ц.Бю.* О побеге баргутов в Россию в 1730 г. / Ц.Бю. Нацагдорж // Культурное наследие народов Центральной Азии. Выпуск 3. Улан-Удэ, 2012. С. 206-225.

Нольде, 1915 – *Нольде Б.Э.* Международное положение Монголии / Проф. бар. Б.Э. Нольде // Право. Еженедельная юридическая газета. Петроград. 1915. № 34 (23 августа). Стб. 2153-2168.

Ордынская, Козыренко, 2017 – *Ордынская Ю.В., Козыренко Н.Е.* Этапы и методы колонизации округа Хулунбуир XVII – XIX вв. / Ю.В. Ордынская, Н.Е. Козыренко // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 4 (86). С. 109-112.

Речь..., 1914 – Речь Министра Иностранных Дел, произнесенная в общем собрании Государственной Думы 10 мая 1914 года // Известия Министерства иностранных дел. Петроград, 1914. – Книга IV. С. 18-28.

Салогуб, Казанцев, 2015 – *Салогуб Я.Л., Казанцев В.П.* Международный договор аренды территории как форма колониальной экспансии в Китае на рубеже XIX-XX вв. / Я.Л. Салогуб, В.П. Казанцев // *Общество и государство в Китае*, 2015. Т. 45. № 18-2. С. 653-661.

Салогуб, 2015 – *Салогуб Я.Л.* Организационно-правовые основы создания российской администрации и полиции в открытом китайском порту Инкоу (1900-1904 гг.) / Я. Л. Салогуб // Вестник Санкт-Петербургской Юридической Академии, 2015. № 3 (28). С. 46-49.

Сборник..., 1914 – Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. – 2 ноября 1913 г.). – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. 91 с. (Известия Министерства Иностранных Дел. Приложение к кн. II, 1914).

Цыбенков, 2017 – *Цыбенков Б.Д.* К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911-1917) / Б.Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Байкальский государственный университет, Региональный центр научных исследований экономической истории России. 2017. С. 201-210.

References

- Ablova, 2005** – *Ablova N.E.* (2005). Deyatel'nost' beloemigrantskikh organizatsiy v Kitae vo vremya obostreniya sovetsko-kitayskikh otnosheniy (1929 – 1931 gg.) [The activity of white emigre organizations in China during the aggravation of Soviet-Chinese relations (1929-1931)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, Nr 4, pp. 143-153 [in Russian].
- AVPRI** – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F. Kitayskiy stol. Op. 491. 1912 – 1915. D. 3443. L. 54-57. Kopya. Perevod s frantsuzskogo yaz. Opubl.: Sbornik dokumentov, otnosyashchikhsya k Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy doroge [in Russian].
- Badmaeva, Nimaev, 2013** – *Badmaeva L.B., Nimaev D.D.* (2013). Ob istoricheskikh svyazyakh buryat i bargutov [On the historical ties of the buryats and barguts]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, Nr 3 (11), pp. 18-25 [in Russian].
- Baranov, 1926** – *Baranov I.G.* (1926). Administrativnoe ustroystvo Severnoy Man'chzhurii [Administrative structure of Northern Manchuria]. *Vestnik Man'chzhurii*, Nr 11-12, pp. 5-27 [in Russian].
- Vishnyakov, 2007** – *Vishnyakov O.V.* (2007). Sozdanie Zhamurskogo okruga otdel'nogo korpusa pogranichnoy strazhi. Konets XIX – nachalo XX veka [The establishment of the Zhamur District as a separate body of the border guards. The end of XIX – the beginning of the XX century]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, Nr 1, pp. 55-57 [in Russian].
- Grimm, 1927** – *Grimm E.D.* (1927). Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy na Dal'nem Vostoke (1842–1925) [Collection of treaties and other documents on the history of international relations in the Far East (1842–1925)]. M. pp. 219 [in Russian].
- Istoriya, 1967** – *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. M., 1967. pp. 538 [in Russian].
- Kazantsev, 2015** – *Kazantsev V.P.* (2015). Formirovanie sistemy grazhdanskogo upravleniya na arendovannykh Rossiye territoriyakh: polosa otchuzhdeniya KVZhD, Kvantunskaya oblast' (seredina 1890-kh godov – fevral' 1917 goda) [Formation of the civil administration system in the territories leased by Russia: the zone of alienation of the KVZhD, Kwantung region (mid. 1890-ies – February 1917)]. Samara. pp. 587 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 1..., 1931** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v jepohu imperializma: Dokumenty iz arkhivov carskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 1: 14 yanvarja – 13 marta 1914 g.* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 1: January 14 – March 13, 1914]. M.; L., 1931. Pp. XLIII, 614 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 2..., 1933** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arkhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 2: 14 marta – 13 maya 1914 g.* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 2: March 14 – May 13, 1914]. M.; L., 1933. Pp. XX, 559 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 4..., 1931** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arkhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 4: 28 iyunya – 22 iyulya 1914 goda* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 4: June 28 – July 22, 1914]. M.; L., 1931. Pp. XVI, 423 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 6..., 1935** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arkhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 6: 5 avgusta 1914 g. – 13 yanvarya 1915 g. Ch. 1* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 6: August 5, 1914 – January 13, 1915, Part 1]. M.; L., 1935. Pp. XIX, 482 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 7..., 1935** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arkhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 7: 14 yanvarya – 23 maya 1915 g. Ch. 2* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 7: January 14 – May 23, 1915, Part 2]. M.; L., 1935. Pp. XIX, 482 [in Russian].
- Mezhdunarodnye otnosheniya..., T. 9..., 1937** – *Mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu imperializma: Dokumenty iz arkhivov tsarskogo i vremennogo pravitel'stv 1878 – 1917 gg. Seriya III: 1914 – 1917 gg. T. 9: 17 oktyabrya 1915 g. – 13 yanvarya 1916 g.* [International Relations in the Era of Imperialism: Documents from the Archives of the Tsarist and Provisional Governments of 1878 – 1917. Series III: 1914 – 1917 Vol. 9: October 17, 1915 – January 13, 1916]. M.; L., 1937. Pp. XXVIII, 882 [in Russian].
- Men'shikov, 1918** – *Menshikov P.N.* (1918). Severnaya Man'chzhuriya: S prilozheniem karty vsey Man'chzhurii: Otchet po komandirovke agentov Kommercheskoy chaste Kitayskoy Vostochnoy zheleznoy dorogi [North Manchuria: With the map of the whole of Manchuria: Report on business trips of agents of the Commercial Section of the Chinese Eastern Railway]. Harbin. pp. 646 [in Russian].
- Natsagdorzh, 2012** – *Natsagdorj Ts.B.* (2012). O pobege bargutov v Rossiyu v 1730 g. [On the escape of barguts to Russia in 1730]. *Kul'turnoe nasledie narodov Tsentral'noy Azii*, Issue 3, pp. 206-225 [in Russian].

Nol'de, 1915 – *Nolde B.E.* (1915). Mezhdunarodnoe polozhenie Mongolii [The international situation of Mongolia]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*, Nr 34, Stb. 2153-2168 [in Russian].

Ordynskaya, Kozyrenko, 2017 – *Ordynskaya Y.V., Kozyrenko N.E.* (2017). Etapy i metody kolonizatsii okruga Khulunbuir XVII – XIX vv. [Stages and methods of colonization of the Hulunbuir district of the XVII – XIX centuries]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya*, Nr 4 (86), pp. 109-112 [in Russian].

Rech'..., 1914 – Rech' Ministra Inostrannykh Del, proiznesennaya v obshchem sobranii Gosudarstvennoy Dumy 10 maya 1914 goda. (1914). [Speech of the Minister of Foreign Affairs, delivered at the general meeting of the State Duma on May 10, 1914]. *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del*, pp. 18-28 [in Russian].

Salogub, Kazantsev, 2015 – *Salogub Y.L., Kazantsev V.P.* (2015). Mezhdunarodnyy dogovor arendy territorii kak forma kolonial'noy ekspansii v Kitae na rubezhe XIX – XX vv. [International lease of territory as a form of colonial expansion in China at the turn of the XIX-XX centuries]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae*, Nr 18-2, pp. 653-661 [in Russian].

Salogub, 2015 – *Salogub Y.L.* (2015). Organizatsionno-pravovye osnovy sozdaniya rossiyskoy administratsii i politsii v otkrytom kitayskom portu Inkou (1900 – 1904 gg.) [Organizational and legal basis for the establishment of the Russian administration and police in the open Chinese port of Yingkou (1900 – 1904)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy Yuridicheskoy Akademii*, Nr 3 (28), pp. 46-49 [in Russian].

Sbornik..., 1914 – Sbornik diplomaticheskikh dokumentov po Mongol'skomu voprosu (23 avgusta 1912 g. – 2 noyabrya 1913 g.) [Collection of diplomatic documents on the Mongolian issue (August 23, 1912 – November 2, 1913)]. St. Petersburg, 1914. Pp. 91 (*Izvestiya Ministerstva Inostrannykh Del. Prilozhenie k kn. II, 1914*) [in Russian].

Tsybenov, 2017 – *Tsybenov B.D.* (2017). K izucheniyu istorii daurov Khulun-Buira (1911 – 1917 gg) [To the study of the history of the Hulun-Buir daurs (1911 – 1917)]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2017. Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, Regional'nyy tsentr nauchnykh issledovaniy ekonomicheskoy istorii Rossii*, pp. 201-210 [in Russian].

УДК 94(510.1)

Русская дипломатическая миссия в Пекине и ее роль в обеспечении интересов России при становлении государственности Барги (1912-1915 гг.)

Павел Николаевич Дудин ^{а, *}

^а Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

Аннотация. С началом Синьхайской революции в октябре 1911 г. и распадом империи Цин на обширном пространстве Внутренней Азии стали возникать самопровозглашенные государства, одним из которых была Барга (Хулунбуир). На этот же период приходится относительная стабилизация положения России на Дальнем Востоке, сменившая неопределенность, вызванную проигрышем в русско-японской войне. Секретные соглашения между Россией и Японией определили положение Барги, равно как и Внешней Монголии, в сфере интересов нашего государства, однако новые китайские власти смотрели на эту ситуацию под другим углом. В связи с этим очень важное значение приобрела способность России проявить политическую волю и показать международному сообществу способность добиваться поставленной цели. Ведущая роль в этом процессе была возложена на дипломатическую миссию в Пекине, которую возглавлял В.Н. Крупенский. Именно от его воли, чувства долга и стремления любыми приемлемыми способами обеспечить интересы нашей страны зависел успех предпринятых шагов. Выработка и согласование позиции и условий, при которых Россия бралась за возвращение Барги под государственный суверенитет Китая, проявление мудрости и дальновидности во взаимодействии с министерством иностранных дел Российской империи, жесткости – во взаимодействии с представителями китайского внешнеполитического ведомства, гибкости – с новыми властями Барги позволили России укрепиться в регионе, защитить свои интересы и интересы своих подданных, продемонстрировать своим партнерам способность мирными средствами достигать результата. Обширная дипломатическая переписка позволяет сегодня широкому кругу ученых взглянуть на исследуемый процесс с другой стороны и показать всю сложность и драматизм политической обстановки, в которой русская дипломатическая миссия выполняла возложенные на нее задачи.

Ключевые слова: Восточная Азия, международный договор, Китай, Монголия, русская дипломатическая миссия в Пекине, стратегическое присутствие, безопасность России.

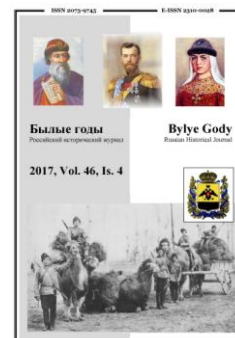
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudin2pavel@gmail.com (П.Н. Дудин)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1546-1553, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1546
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(57)

Charitable Siberian Students at the turn of XIX–XX centuries

Irina V. Pivovarova ^{a, *}, Julia V. Zubareva ^b

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Northern Trans-Ural State Agricultural University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the peculiarities of the charitable activities of the student youth of Siberia at the turn of XIX – XX centuries. A sharp rise in charitable activity was observed among students at the beginning of the first world war (1914 – 1915). At this time, numerous student clubs and organizations actively involved in activities of charitable nature, they were held in the evening, concerts and other events, collecting funds from which went to the needs of soldiers and front.

It is established that the participation of pupils of the Siberian institutions of higher education in charity work especially clearly manifested during epidemics, when there was an acute shortage of doctors, and Tomsk students voluntarily provided medical care to the population. The students participated in vaccination, cholera and scurvy. However, in 1916 the activity of the charitable activity from the Siberian student's youth has sharply gone on recession. The attitude of University youth as to the war taking place in the world political developments and methods of involving students in activities of charitable nature.

Keywords: Siberia, students, educational institutions, first world war, charity, plate collections, charity events, student organizations, clubs.

1. Введение

Благотворительность как явление получила особое распространение к началу XX века. Практически во всех средних и крупных сибирских городах к этому времени было создано множество благотворительных организаций. Среди них выделялись кассы взаимопомощи; организации, ориентированные на помощь бедным учащимся средних и низших учебных заведений, а также студентам вузов; общества трезвости и др. Только в городе Томске целенаправленно благотворительной деятельностью занималось более 20 специализированных организаций.

Однако сибирская студенческая молодежь имела множество ограничений в сфере занятий деятельностью благотворительной направленности. Беря свое начало в конце XIX века, всплески активности данной деятельности сменялись регулярными спадами. Причинами подъемов и спадов выступали проблемы в области медицины, политическая и экономическая ситуация, события первой мировой войны, идеологические настроения и взгляды, превалирующие в студенческой среде в тот или иной временной период, а также их регулярная трансформация под влиянием тех или иных событий, политических движений, организаций и партий.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование осуществлено на основе анализа документов Государственного архива Томской области (ГАТомО), а также публикаций, размещенных в периодических изданиях Сибири, выходивших в начале XX века (журнале «Сибирский студент», газетах «Сибирская жизнь» и «Омский вестник»).

* Corresponding author

E-mail addresses: pivovarova_irina@mail.ru (I.V. Pivovarova), j_zubareva@mail.ru (Ju.V. Zubareva)

В числе научных методов были использованы:

- метод контент-анализа, при помощи которого реализовано исследование содержания архивных материалов, а также публикаций, размещенных на страницах сибирской печатной прессы начала XX века, повествующих о каких-либо фактах участия студентов томских вузов в деятельности благотворительного характера в исследуемый исторический период;
- историко-системный подход, благодаря которому установлены и систематизированы различные взаимосвязи между историческими событиями и фактами;
- нарративный подход, позволивший изложить в последовательном порядке выявленные исторические факты и события.

3. Обсуждение

Исторические источники начала прошлого столетия, запечатлевшие сведения о благотворительной деятельности сибирской студенческой молодежи на рубеже XIX–XX веков, хранятся в многочисленных фондах ГАТомО. Кроме того, такие сведения зафиксированы на страницах сибирской прессы, выходящей в это же время. Данные источники дают представление о благотворительности студентов томских вузов в исследуемый исторический период.

Помимо прочего, нам удалось обнаружить ряд научных исследований, в которых тем или иным образом затрагивались вопросы интересующей нас тематики (Комарова, 2016; Шиловский, 2016; Попов, 2006; Павлова, 2003; Сулимов, 1995; Cherkasov et al., 2016; Vermeer, Van Der Ven, 2003; Dudgeon, 1982).

В то же время, в работах перечисленных ученых вопросы о благотворительной деятельности сибирских студентов раскрываются среди многочисленных иных аспектов, связанных с функционированием высших учебных заведений, особенностями студенческой жизни и быта на рубеже XIX–XX веков и др. Благотворительная же деятельность учащихся сибирских вузов в них рассматривается, как правило, кратко и фрагментарно. Изложенное позволяет нам сделать вывод об актуальности выбранной темы, нуждающейся в дальнейшем исследовании и проработке.

4. Результаты

Благотворительность в сибирском крае получила большое распространение к началу XX века. Во многих сибирских городах к этому времени были созданы различные благотворительные организации.

Однако учащаяся и студенческая молодежь имела многочисленные ограничения в самостоятельном занятии деятельностью благотворительного характера. Особенно эти ограничения касались учащихся средних и низших образовательных учреждений. Наиболее рано в общественно-полезную деятельность на добровольных началах включились студенты высших учебных заведений, и, в первую очередь, Томского университета, что обуславливалось специальностью, по которой они проходили обучение.

Острая нехватка врачей в Российской империи вынудила органы власти привлечь к медицинскому обслуживанию населения лиц из числа сибирской студенческой молодежи. В связи с этим, уже в 1893 году студентам Томского университета П. Кедрову, И. Голубеву и А. Баженову предоставили отпуск для поездки по городам России на период каникул с целью борьбы с холерой. При этом студент-университет П. Успенский, с разрешения вузовской администрации и с этой же целью, направился в Европейскую Россию и Верхотурье. Активное участие в борьбе с эпидемией холеры принял также учащийся Томского университета – студент Земляничский. В 1899 году, в ответ на предложение благотворительной организации Красного креста, студенты-университеты с медицинского факультета – А. Карпов, А. Лисовский, Д. Лебедев, С. Корелин, В. Крыжановский, А. Молотков – также выразили желание принять участие в борьбе с цингой (ГАТомО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 68. Л. 30-32, 68-69).

Помимо прочей общественно-полезной деятельности, зачастую студенты томских вузов по собственной инициативе осуществляли пожертвования денежных средств для общественно-полезных целей. Создание видным меценатом Томска, П.И. Макушиным, Дома науки как открытого заведения культурно-просветительской направленности встретило широкое одобрение и поддержку со стороны сибирской общественности.

В 1913 году, в числе прочих обращений, П.И. Макушин получил письмо от учащихся Томского университета, в котором студенты предлагали принять их посильную помощь. В частности, в обращении речь шла о собранных ими 19 рублях на обустройство библиотеки Дома Науки (Сибирская..., 1913. 25 сентября).

Начало Первой мировой войны способствовало патриотическому подъему в среде сибирской студенческой молодежи, что, в свою очередь, еще больше активизировало благотворительную деятельность со стороны студентов томских вузов. В это же время в благотворительную деятельность впервые активно включились и учащиеся средних и низших учебных заведений Сибири. Органы власти, вместо запрещения, впервые начали активно поощрять такую деятельность со стороны данной социальной прослойки.

При этом сибирская студенческая молодежь, уже имевшая к этому времени некий опыт участия в деятельности благотворительной направленности, усилила свои старания в данном направлении.

Как отмечалось в одном из выпусков журнала «Сибирский студент», вышедшем в 1914 году, «условия текущего момента таковы, испытания ... настолько серьезны, что молодежь неизбежно будет метаться от лабораторий и аудиторий к общественной жизни, от лекций, учебников, научных работ к публицистике и телеграфным известиям в ожидании серьезных возможностей» (Ленский, 1914: 71-72). В статье также обращалось внимание на то, что реалии времени заставляют студенчество обратиться не только к учебе, но и к нуждам и потребностям «широких народных масс» (Ленский, 1914: 73).

В этот же период учащиеся высших учебных заведений начали уходить на фронт в качестве добровольцев. Например, в ноябре 1914 года более 60 учащихся Томского технологического института выразили желание поступить в ряды действующей армии. По сообщениям сибирской печатной прессы со стороны ректора Томского университета студентам, обучающимся медицинскому делу, было предложено направиться на фронт в качестве фельдшеров. Данное предложение нашло широкую поддержку среди учащихся третьего и четвертого курсов Томского университета (Омский..., 1914. 7 ноября; Сибирская..., 1914. 5 ноября).

В 1914 году в одном из выпусков журнала «Сибирский студент» была опубликована статья, где давался краткий обзор прессы, разместившей на своих страницах тексты писем, обращений студентов различных городов и вузов с призывами принять участие в благотворительной помощи нуждающимся воинам и их семьям. Статья начиналась с цитирования письма одного из столичных студентов, поступившего в редакцию «Петербургского курьера»:

«Братья-товарищи! – писалось в публикации – Помните: чем скорее и энергичнее придете на помощь, тем быстрее можно будет и тем солиднее будет организована помощь ждущим поддержки от общества семьям запасных». Далее шло перечисление конкретных действий, к которым петербургский студент призывал других учащихся вузов: «Идите в попечительства за бланками и вносите вместе со своим появлением в бедных кругах луч надежды, что семьи запасных и ополченцев не будут брошены на произвол судьбы» (К текущему..., 1914: 89 - 90).

Как видно из цитаты, в письме содержались эмоциональные призывы к студенческой молодежи, направленные на ее активное включение в деятельность благотворительного характера.

Также в «Сибирском студенте» были приведены данные из газеты «Русское слово», где сообщалось о том, что 80 слушательниц харьковского женского института, получившие уже выпускные свидетельства, обратились к попечителю учебного округа с ходатайством об отсрочке государственных экзаменов. Свое ходатайство слушательницы мотивировали выраженным желанием вступить в ряды действующего медицинского персонала, «прийти на помощь Родине ... в тяжелую годину» (К текущему..., 1914: 90).

Целью подобных статей, публикуемых в «Сибирском студенте» и иных периодических изданиях, было представление перед читательской аудиторией, и, прежде всего, сибирской студенческой молодежью, яркого примера самоотверженного служения Отчизне, мотивирование их к оказанию бескорыстной помощи фронту, воинам и членам их семей.

Нередко цель таких публикаций эффективно достигалась. Воодушевленные героическими примерами студентов из других вузов, учащиеся томских высших учебных заведений включались в деятельность благотворительного характера.

В числе прочих студенческих организаций, патриотические настроения затронули и сибирские землячества. Члены данных организаций приняли решение о перечислении не менее 10 % от доходов, получаемых ими от проведения творческих вечеров, на нужды воинов.

Например, 19 февраля 1915 года в г. Томске был организован вечер, собранные средства от которого переданы малоимущим студентам из числа тюменцев, с отчислением 10 % в помощь раненым солдатам (Сибирская..., 1915. 21 февраля). В октябре этого же года уже екатеринбургским землячеством было перечислено 20 % доходов от проведения вечера в помощь беженцам (Сибирская..., 1915. 28 октября). Однако даже в сложное время (годы Первой мировой войны) первоочередной задачей студенческих землячеств являлась материальная поддержка именно своих членов, так как общее число материально нуждающихся студентов в этот период только росло.

К началу первой мировой войны в Сибири появилось значительное количество студенческих организаций, специализирующихся именно на благотворительной деятельности. Так, в сентябре 1914 года администрацией Томского университета был утвержден студенческий кружок «помощи жертвам войны», основной целью которого провозглашено оказание педагогической, юридической, медицинской и материальной помощи раненым и солдатам.

Для управления кружком был сформирован комитет, в состав которого вошли такие секции как: медицинская; педагогическая; юридическая; секция по поиску средств и связей с иными организациями; по изучению материального положения и выявлению материальных трудностей у семей раненых и запасных; по оказанию помощи беженцам.

На протяжении 1914–1915 гг. секция по изысканию связей и средств организовывала кружечные сборы, собирала членские взносы, проводила вечера и иные благотворительные

выступления. Секция пользовалась уважением, в ее адрес регулярно поступали пожертвования от частных лиц, известных меценатов и различных организаций.

Другая секция, занимающаяся изучением материального положения и выявлением материальных трудностей у семей раненых и запасных, выдавала пособия нуждающимся от 3 до 5 рублей на человека.

Педагогическая секция организовывала детям дошкольного возраста игры, а также несла дежурство в помещениях, предназначенных для обучения детей, достигших школьного возраста. При этом медицинская секция принимала участие в оспопрививании детей солдат, в то время как юридическая – оказывала правовую помощь членам семей призванных в армию лиц. Секция, ориентированная на оказание помощи беженцам была сформирована позднее остальных. Именно по этой причине в 1914–1915 годах она не успела себя проявить какой-либо активной деятельностью.

Следует отметить, что комитетом, учрежденным на базе вышеупомянутого кружка, было организовано дежурство в помещении почтовой конторы с целью оказания помощи родственникам солдат, отправлявшим посылки и письма в армию. В состав комитета, наравне со студентами Томского университета, вошли слушательницы высших женских курсов.

Большая часть средств студенческого кружка формировалась из добровольных взносов курсисток и студентов, ежемесячная сумма которых составляла примерно 150–160 рублей. На средства кружка содержалась одна койка в госпитале, открытом при сибирском отряде, который действовал на передовой (*Сибирская..., 1914. 5 ноября*).

В апреле 1915 года с инициативы, проявленной членами секции по изысканию средств и связей с иными организациями, вышла однодневная газета под названием «Студенческий день». Тираж газеты составил 13 тысяч экземпляров, а сбор от продажи данного издания – около 1 900 рублей. В дальнейшем он был направлен для помощи воинам и другим жертвам войны (*Сибирская..., 1915. 1 апреля; 28 октября*). В соответствии с отчетом о деятельности кружка, всего за время его существования им было собрано около 4 тыс. рублей, из которых 1 тыс. рублей была направлена на специальное пособие для семей запасных, а 600 рублей – на содержание и обслуживание койки имени студентов Томского университета.

Взаимодействие студенческого кружка с иными томскими организациями благотворительной направленности проявилось в том, что сибирские студенты активно помогали Дамскому комитету, действующему при Томском университете, в сфере организации и проведения благотворительных сеансов кинематографии, а также Губернскому дамскому комитету при сборе, упаковке подарков и вещей для воинов, несущих службу на фронте.

Помимо прочего, сибирские студенты принимали участие в организации выставки военных трофеев, проходившей в здании кинотеатра «Новый». Члены кружка собственноручно изготавливали материалы для празднования дня «Красного яичка», в рамках которого производился сбор вещей и подарков для воинов ко дню Пасхи.

Кроме того, сибирские студенты принимали участие в кружечных сборах. Они организовали осмотры публичной различных вспомогательных учреждений университета. Выручка от мероприятий отчислялась Дамскому комитету, который в дальнейшем распределял ее на дела благотворительной направленности, помощь воинам и другим жертвам войны (*ГАТомО. Ф. 102. Оп. 1 Д. 663. Л. 74-75*).

Однако не только учащиеся Томского университета, но и студенты других сибирских вузов принимали активное участие в благотворительности. Например, 13 октября 1914 года в Томском технологическом институте было проведено собрание студентов, где сформирован комитет, главной целью которого стало оказание помощи солдатам и жертвам войны. На студенческом собрании было вынесено решение вывесить кружки, предназначенные для сбора денежных средств в пользу благотворительной организации Красного креста. С ноября 1914 года сбор средств осуществлялся посредством добровольного ежемесячного самообложения. Собранные комитетом пожертвования были разделены на три части: оказание помощи студентам, ушедшим на фронт, и членам их семей; для нужд сибирского лазарета, расположенного в Петрограде; в помощь организации Красного креста. Директором технологического института в распоряжение комитета был предоставлен актовый зал, а также иные помещения для проведения благотворительных вечеров и собраний. Комитетом было принято решение об установлении связи с организациями благотворительной направленности иных сибирских высших учебных заведений – с целью совместной организации «дней подарков» для воинов.

На собрании учащихся Томского технологического института приняли решение о целесообразности активного взаимодействия со всеми остальными благотворительными организациями Томска, оказывающими помощь жертвам войны (*Сибирская..., 1914. 16 октября, 19 октября*). При этом в сентябре 1914 года слушательницами и преподавателями Сибирских высших женских курсов было решено открыть и содержать на собственные денежные средства «убежища на двенадцать больных воинов» (*Сибирская..., 1914. 14 сентября*).

В числе прочих мероприятий благотворительной направленности, большой популярностью пользовался так называемый «День сапога», в рамках которого осуществлялся сбор средств на приобретение, изготовление, отправку сапог для воинов. С этой целью проводились благотворительные вечера и выступления. Например, в ноябре 1914 года прошел благотворительный

вечер, организованный студентами Томского технологического института (*Сибирская..., 1914. 30 ноября*). В октябре 1915 года комитетом по оказанию помощи воинам и жертвам войны, действовавшим при Томском технологическом институте, были собраны и направлены на фронт посылки с табаком и другими подарками для солдат (*Сибирская..., 1915. 28 октября*). В ноябре того же года по инициативе комитета был организован кружечный сбор, средства от которого пошли на покупку одежды для воинов (*Сибирская..., 1915. 3 ноября*).

Деятельностью благотворительного характера стали заниматься и существовавшие в сибирских вузах студенческие технические и научные кружки. Например, в декабре 1914 года технический кружок, действовавший при Томском технологическом институте, провел платный осмотр данного института. Сбор от мероприятия был направлен в учрежденный техническим кружком благотворительный фонд, организованный с целью помощи фронту и воинам. С той же целью члены студенческой организации читали и платные доклады (*Сибирская..., 1915. 4 января*).

Как отмечалось в 1914 году попечителем Западно-Сибирского учебного округа, в начале войны активное участие в сборе средств для армейских нужд принимали фото-, аэро- и холодильный кружки, функционирующие при Томском технологическом институте (*Сибирская..., 1914. 5 ноября*).

В годы первой мировой войны учащиеся томских вузов осуществляли помощь фронту, воинам и членам их семей не только от имени студенческих кружков и сформированных собственных объединений благотворительной направленности. Также они сотрудничали с аналогичными организациями, действовавшими при столичных вузах.

Более того, студенческая молодежь, проходившая обучение в столице, как отмечалось ранее, обращалась к студентам других городов и вузов с призывом о сотрудничестве в делах оказания помощи воинам и членам их семей. Например, в ноябре 1914 года газета «Омский вестник» опубликовала воззвание «К молодой Сибири!». В тексте содержалось обращение студентов, уроженцев Сибири, проходивших обучение в Петрограде, к студентам высших учебных заведений Томска. Они просили оказать деятельное старание в деле помощи раненым солдатам через специальное Сибирское общество.

Как отмечалось в обращении, студенты-сибиряки, обучающиеся в столице, активно работали в этом направлении: собирали деньги, устраивали вечера, организовывали сборы, собирали журналы, книги, шили белье, работали в качестве санитаров. Студенческой молодежи, обучающейся в Томске, предлагалось последовать их примеру, поддержав данную деятельность столь же активным старанием (*Омский..., 1914*). Учащиеся томских вузов горячо встретили призыв студенческой молодежи из Петрограда.

В марте 1915 года в Томске студентами вузов был проведен творческий концерт, сбор денег от которого предназначался для Сибирского общества помощи раненым солдатам. Члены аэрокружка, действовавшего на базе Томского технологического института, передали в фонд Сибирского общества 150 рублей, собранные от проведения научного вечера. Денежные средства пошли на устройство в госпитале койки имени студентов технологического института. Еще одна больничная койка открылась на средства технического студенческого кружка.

Кроме перечисленных видов помощи, студенты работали в команде трудовых дружин, организованных для помощи крестьянам. Например, в 1915 году в г. Красноярске в рамках заседания комиссии по вопросам об организации групп из добровольцев-горожан и учащихся различных учебных заведений с целью оказания помощи сельским жителям губернии было принято решение о вхождении согласившихся добровольно принять участие в сельскохозяйственных работах студентов Томского технологического института, Томского университета, а также слушательниц высших женских курсов в местную комиссию (*Омский ..., 1915*).

Таким образом, в 1914–1915 годах студенческие организации благотворительной направленности принимали активное участие в сборе денежных средств, белья, вещей и подарков для воинов и нужд армии. Резюмировать вышеизложенное можно характерной цитатой, опубликованной в одном из выпусков «Сибирского студента» в 1915 году. Как повествовалось в статье, в это время «Много устраивалось сборов под всевозможными названиями: тут был и «сапог» и «вербочка», «красный крест» и «яичко» и многое другое. Во всех случаях жертвователю вознаграждался ничего не стоящим жетончиком. Во всех этих сборах студенчество принимало самое живое участие. Нельзя, конечно, оставаться равнодушным зрителем, когда вокруг тебя взывают о помощи, и студенчество отзывалось и помогало устраивать благотворительные сборы» (*Отрядное ..., 1915: 83-85*).

В то же время, несмотря на активное участие студенческой молодежи Сибири в благотворительной деятельности в 1914–1915 гг., с начавшимся призывом учащихся вузов в армию, одновременно начался и интенсивный рост антивоенных настроений. В связи этим уже в 1916 году деятельность благотворительного характера со стороны сибирской студенческой молодежи стала идти на спад.

При этом в сибирской прессе 1916 года сведения о помощи студенческих кружков жертвам войны, фронту, семьям воинов, кружечных сборах и т.п. стали встречаться все реже. Если в 1914–1915 годах периодические издания регулярно публиковали статьи и заметки подобного рода, то к 1916 году такие материалы публиковались нечасто.

Студентами томских вузов негативно было воспринято решение Общества сельского хозяйства Западной Сибири от 29 ноября 1915 года об обязательном привлечении студентов томских вузов к работам сельскохозяйственного профиля. В одной из заметок, размещенных в январском выпуске газеты «Сибирская жизнь» за 1916 год, от имени лица, подписавшегося анонимной подписью «Студент», повествовалось о том, что учащиеся томских вузов категорически против их принудительного привлечения в ряды действующей армии, а также в трудовые дружины, так как они могут помогать «и добровольно, и иначе» (*Сибирская..., 1916*).

С учетом сложившихся обстоятельств и преобладающих настроений, уже к концу 1916 года Томское Центральное бюро объединенного студенчества принимает резолюцию, в которой констатирует, что деятельность студенческой организации по оказанию помощи жертвам войны должна быть прекращена, так как она не соответствует преобладающим настроениям в молодежной студенческой среде.

5. Заключение

Подводя итоги исследованию, можно констатировать, что благотворительная деятельность студентов, направленная на помощь воинам, а также пострадавшим от войны лицам, равно как и членам их семей, особенно активно проявилась в первые годы войны (1914–1915 гг.).

К 1916 году отношение вузовской молодежи к участию в благотворительности существенно изменилось. Многие студенты по-другому стали воспринимать саму суть происходящих в мире событий. Среди студенчества стало утверждаться мнение о ненужности благотворительной деятельности, навязанностью ее извне со стороны заинтересованных политических структур.

Студенческая молодежь к этому периоду начала проявлять недовольство и методами, используемыми органами власти для ее вовлечения в деятельность по оказанию помощи воинам и фронту. Многие студенты полагали, что благотворительность должна исходить исключительно из доброй воли и усмотрения каждого отдельного человека, и никак не может быть навязана насильно. Введение правил и регламентов, обязывающих студентов участвовать в трудовых отрядах и иных работах, вызвала волну возмущений и недовольства среди учащихся томских вузов.

Если учащиеся средних и низших учебных заведений в 1916 году продолжали активно помогать фронту, воинам и членам их семей, то вузовская молодежь к этому периоду резко сокращает благотворительную деятельность, изменив свои взгляды и убеждения на этот счет.

В целом можно констатировать, что на рубеже XIX–XX веков активность в благотворительной деятельности со стороны сибирских студентов была непостоянной: всплески активности сменялись спадами, в зависимости от политических и других событий, состояния медицины, изменений в умонастроениях в студенческой среде и других обстоятельств.

Литература

- ГАТомО – Государственный архив Томской области.
 К текущему..., 1914 - К текущему моменту // *Сибирский студент: ежемесячный журнал*, издающийся в городе Томск. 1914. №2 (авг.). С. 89-91.
 Комарова, 2016 – Комарова В.Н. Организация добровольческой деятельности студентов: от идеи к реализации // *Научно-методический журнал «Концепт»*. 2016. Т. 11. С. 2521-2525.
 Ленский, 1914 – Ленский В. К началу академического года // *Сибирский студент: ежемесячный журнал*, издающийся в городе Томск. 1914. №2 (авг.). С. 69-74.
 Омский..., 1914 – Омский вестник. 1914. 4 ноября.
 Омский..., 1914. 7 ноября – Омский вестник. 1914. 7 ноября.
 Омский..., 1915 – Омский вестник. 1915. 28 марта.
 Отрадное..., 1915 – Отрадное явление // *Сибирский студент: ежемесячный журнал*, издающийся в городе Томск. 1915. №7-8 (март-апр.). С. 83-86.
 Павлова, 2003 – Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003.
 Попов, 2006 – Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.
 Сибирская..., 1913. 25 сентября – Сибирская жизнь. 1913. 25 сентября.
 Сибирская..., 1914. 14 сентября – Сибирская жизнь. 1914. 14 сентября.
 Сибирская..., 1914. 16 октября – Сибирская жизнь. 1914. 16 октября.
 Сибирская..., 1914. 19 октября – Сибирская жизнь. 1914. 19 октября.
 Сибирская..., 1914. 30 ноября – Сибирская жизнь. 1914. 30 ноября.
 Сибирская..., 1914. 5 ноября – Сибирская жизнь. 1914. 5 ноября.
 Сибирская..., 1915. 1 апреля – Сибирская жизнь. 1915. 1 апреля.
 Сибирская..., 1915. 14 февраля – Сибирская жизнь. 1915. 14 февраля.
 Сибирская..., 1915. 21 февраля – Сибирская жизнь. 1915. 21 февраля.
 Сибирская..., 1915. 25 февраля – Сибирская жизнь. 1915. 25 февраля.
 Сибирская..., 1915. 28 октября – Сибирская жизнь. 1915. 28 октября.
 Сибирская..., 1915. 3 ноября – Сибирская жизнь. 1915. 3 ноября.

Сибирская..., 1915. 4 января – Сибирская жизнь. 1915. 4 января.

Сибирская..., 1916 – Сибирская жизнь. 1916. 14 января.

Сулимов, 1995 – Сулимов В.С. Очерки по истории народного образования Западной Сибири. Тюмень, 1995.

Шиловский, 2016 – Шиловский М. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2016.

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Metreveli R.V., Shmigel M., Molchanova V.S. The Russian Society of the Red Cross on the Caucasus Front (1914–1917): Its Characteristics // *Terra Sebus*. 2016. Is. 8. pp. 16-31.

Dudgeon, 1982 – Ruth A. Dudgeon. The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872–1917 // *Russian History*. Vol. 9. Is. 1. pp. 1-26.

Vermeer, Van Der Ven, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes. Moral Consciousness Secondary School Students // *Journal of Empirical Theology*, 2003. Vol. 16, Is. 1, pp. 51-71.

References

GATomO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. [State archive of Tomsk region]. [in Russian].

К текущему..., 1914 – К текущему моменту. [To the current time]. *Sibirskii student: ezhegodnyy zhurnal*, izdayushchiysya v gorode Tomsk. 1914. №2 (avg.), pp. 89-91. [in Russian].

Komarova, 2016 – Komarova V.N. (2016). Organizatsiya dobrovol'cheskoi deyatel'nosti studentov: ot idei k realizatsii. [The organization of the volunteer activities of the students: from idea to implementation]. *Nauchno-metodicheskii zhurnal «Kontsept»*. T. 11. pp. 2521-2525. [in Russian].

Lenskii, 1914 – Lenskii V. (1914). K nachalu akademicheskogo goda. [By the beginning of the academic year]. *Sibirskii student: ezhegodnyy zhurnal*, izdayushchiysya v gorode Tomsk. №2 (avg.), pp. 69-74. [in Russian].

Omskii ..., 1914 – Omskii vestnik. 1914. 4 noyabrya. [in Russian].

Omskii ..., 1914. 7 noyabrya – Omskii vestnik. 1914. 7 noyabrya. [in Russian].

Omskii ..., 1915 – Omskii vestnik. 1915. 28 marta. [in Russian].

Otradnoe ..., 1915 – Otradnoe yavlenie. [Joyful event]. *Sibirskii student: ezhegodnyy zhurnal*, izdayushchiysya v gorode Tomsk. 1915. №7-8 (mart-apr.). S. 83-86. [in Russian].

Pavlova, 2003 – Pavlova I.P. (2003). Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny. [Social care in Russia during the First world war]. Krasnoyarsk. [in Russian].

Popov, 2006 – Popov D.I. (2006). Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Cultural and educational society in Siberia in the late XIX – early XX centuries]. Omsk: Izd-vo OmGU. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1913. 25 sentyabrya – *Sibirskaya zhizn'*. 1913. 25 sentyabrya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1914. 14 sentyabrya – *Sibirskaya zhizn'*. 1914. 14 sentyabrya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1914. 16 oktyabrya – *Sibirskaya zhizn'*. 1914. 16 oktyabrya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1914. 19 oktyabrya – *Sibirskaya zhizn'*. 1914. 19 oktyabrya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1914. 30 noyabrya – *Sibirskaya zhizn'*. 1914. 30 noyabrya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1914. 5 noyabrya – *Sibirskaya zhizn'*. 1914. 5 noyabrya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1915. 1 aprelya – *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 1 aprelya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1915. 14 fevralya – *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 14 fevralya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1915. 21 fevralya – *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 21 fevralya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1915. 25 fevralya – *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 25 fevralya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1915. 28 oktyabrya – *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 28 oktyabrya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1915. 3 noyabrya – *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 3 noyabrya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1915. 4 yanvarya – *Sibirskaya zhizn'*. 1915. 4 yanvarya. [in Russian].

Sibirskaya ..., 1916 – *Sibirskaya zhizn'*. 1916. 14 yanvarya. [in Russian].

Sulimov, 1995 – Sulimov B.C. (1995). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya Zapadnoi Sibiri. [Essays on the history of public education in Western Siberia.]. Tyumen'. [in Russian].

Shilovskii, 2016 – Shilovskii M. (2016). Pervaya mirovaya voina 1914–1918 godov i Sibir'. [The first world war of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk. [in Russian].

Cherkasov et al., 2016 – Cherkasov A.A., Metreveli R.V., Shmigel M., Molchanova V.S. (2016). The Russian Society of the Red Cross on the Caucasus Front (1914–1917): Its Characteristics. *Terra Sebus*. Is. 8. pp. 16-31.

Dudgeon, 1982 – Ruth A. Dudgeon. The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872–1917. *Russian History*. Vol. 9. Is. 1. pp. 1-26

Vermeer, Van Der Ven, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes. Moral Consciousness of Secondary School Students. *Journal of Empirical Theology*, 2003. Vol. 16, Is. 1, pp. 51-71.

УДК 94(57)

Благотворительная деятельность сибирских студентов на рубеже XIX–XX вековИрина Валерьевна Пивоварова ^{a, *}, Юлия Валерьевна Зубарева ^b^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация^b Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности благотворительной деятельности студенческой молодежи Сибири на рубеже XIX–XX веков. Резкий подъем благотворительной активности наблюдался среди студенческой молодежи в начале Первой мировой войны (1914–1915 гг.). В это время многочисленные студенческие кружки и организации активно включались в деятельность благотворительного характера, ими устраивались вечера, концерты и другие мероприятия, сбор средств от которых шел на нужды солдат и фронта.

Установлено, что участие воспитанников сибирских высших учебных заведений в благотворительной деятельности особенно явно проявилось во время эпидемий, когда ощущалась острая нехватка врачей, и томские студенты добровольно оказывали медицинскую помощь населению. Студенты участвовали в оспопрививании, борьбе с холерой и цингой. Однако уже в 1916 году активность благотворительной деятельности со стороны сибирской студенческой молодежи резко пошла на спад. Изменилось отношение вузовской молодежи как к самой войне, происходящим в мире политическим событиям, так и методам вовлечения студентов в деятельность благотворительного характера.

Ключевые слова: Сибирь, студенты, высшие учебные заведения, Первая мировая война, благотворительность, кружечные сборы, благотворительные вечера, студенческие организации, кружки.

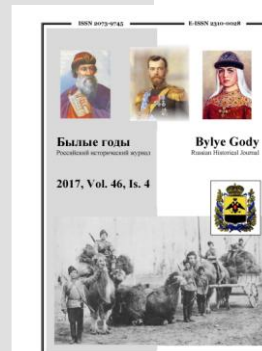
* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pivovarova_irina@mail.ru (И.В. Пивоварова), j_zubareva@mail.ru (Ю.В. Зубарева)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1554-1562, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1554
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 378.4+94(57)

Regulation of Behavior of Studying Youth of Siberia at the turn of XIX–XX centuries

Vera N. Rodina ^a

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the peculiarities of regulation of behaviour of students in secondary and elementary schools of Siberia at the turn of XIX–XX centuries. It was determined that in this period, acting simultaneously, various circulars and decrees of the Ministry of education, amended and extended by the Trustees of the various school districts, specified by the administrations of educational institutions.

Existing at the time the system of training and education had a higher control and from the restrictions common pupils are treated without any respect and even using physical force. Observed phenomena often caused the pupils of the schools of resentment, anger, feelings of injustice and acute anxiety. Strict regulation of student conduct is largely a result of massive student riots that took place before and during the First Russian revolution. Some relief in this matter appeared only in 1914 – the beginning of the first world war. Lack of funds, manpower has forced the authorities not only allow students to participate in some social activities, to engage in activities of charitable nature, but also encouraged them in this direction.

Keywords: Siberia, wcase youth, middle and lower educational institutions of the first revolution, the first world war, restriction of rights, prohibitions, Ministry of education, circulars, decrees, behavior, academic performance, a point rating system.

1. Введение

В XIX веке положение учащихся средних и низших учебных заведений Российской империи регулировалось правилами, закрепленными в специальных циркулярах, указах и иной документации. В это время существовало множество отдельных и разрозненных, иногда противоречивых по смыслу нормативных актов, регламентирующих соответствующую сферу. Четкой и стройной системы правового регулирования поведения учащейся молодежи, несмотря на неоднократные попытки ее формирования, предпринимаемые Министерством народного просвещения и другими ведомствами и органами, к этому времени так и не сложилось.

В начале XX века продолжают попытки органов власти сформировать единую унифицированную систему, которая содержала бы свод четких правил поведения для воспитанников образовательных учреждений. Уполномоченные органы стремятся усовершенствовать предыдущие документы в данном направлении. В этот период отчетливо прослеживается воспитательная линия, направленная на формирование патриотических настроений, уважения к власти и православным традициям среди учащейся молодежи. В то же время, отголоски студенческих волнений в Москве и Петербурге накануне Первой русской революции, заставляют администрации образовательных учреждений Сибири прибегнуть к ужесточению регламентации поведения учащихся.

2. Материалы и методы

Исторические первоисточники конца XIX - начала XX века, запечатлевшие сведения о регулировании поведения учащейся молодежи Сибири в этот временной период, хранятся в многочисленных фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Омской области (БУ «ИсА»), Государственного архива Красноярского края

(ГАКК), Государственного архива Иркутской области (ГАИрО), Государственного архива Тюменской области (ГАТюО), Государственного архива Томской области (ГАТомО) и др.

Также автором изучены материалы сибирской периодической печати начала прошлого столетия (журнала «Сибирские вопросы», газет «Сибирская жизнь» и др.).

В числе методов исследования были использованы: метод контент-анализа, при помощи которого изучено содержание документов архивных фондов, а также материалов печатной прессы, запечатлевших сведения об особенностях регламентации поведения учащихся Сибири в исследуемый исторический период; историко-системный метод, с помощью которого были определены взаимосвязи между различными историческими событиями; объединены и систематизированы характеристики установленных сведений; сформировано комплексное представление о системе воспитания и регулирования поведения учащейся молодежи Сибири на рубеже XIX–XX веков; нарративный подход, позволивший изложить выявленные факты в последовательном порядке.

3. Обсуждение

Немногочисленные труды, раскрывающие заявленную тему, условно можно сгруппировать следующим образом. Первую группу научных работ составляют исследования, касающиеся быта и культурной жизни учащихся томских вузов. В них анализируются сведения о столичной студенческой молодежи, ее отношении к учебе, участию в жизни общества (Булгаков, 1912; Сватиков, 1916; Cherepanova, Putilina, Savitskaya, 2017). Вторая группа – это научные труды, посвященные изучению статистических и иных данных о высшем образовании в Сибири в целом и деятельности отдельных учебных заведений (Сапожников, 1912; Попов, 1913; Зайченко, 1960; Некрылов, 2010; Кузьмина, 2005; История ..., 1975). Третья группа – это исследования, раскрывающие регламентацию поведения сибирской учащейся молодежи (Сулимов, 1995; Попов, 2006; Dudgeon, 1982). Четвертая группа представлена исследованиями, раскрывающими особенности студенческих движений и волнений в пореформенный период Российской Империи, отражающие отношение студенчества к проводимым реформам (Geifman, 2013; Гейфман, 1997; Гусятников, 1971).

Однако в представленных научных работах интересующие нас в рамках темы исследования, аспекты рассматриваются, либо фрагментарно, либо в контексте других тем (например, особенностей работы учебных заведений, студенческих столкновений с администрацией и профессорами вузов). Поэтому эмпирическую основу исследования преимущественно составили архивные источники, дающие общее представление об особенностях воспитания и регламентации поведения воспитанников средних и низших учебных заведений Сибири на рубеже XIX–XX веков.

4. Результаты

Регламентация различных сторон жизни учащихся низшей и средней школы брала свое начало от Министерства народного просвещения. В последствие, на основании утвержденных документов, «на местах» попечителями и администрациями учебных заведений принимались соответствующие распоряжения и постановления.

Установленные правила носили обязательный характер. Контроль за их выполнением возлагался на педагогов образовательных учреждений, а в некоторых случаях - на карательных, административных органы и родителей учащейся молодежи.

Так, например, во время поступления в образовательные учреждения Сибири (Омское землемерное училище, Омскую мужскую гимназию и др.) родители будущих учащихся должны были предоставить в письменной форме обязательство, содержащее согласие следить за поведением и исполнением их детьми всех распоряжений учебной администрации. В случае неисполнения данного соглашения, учащиеся могли быть исключены из образовательного учреждения.

Отношение к учащимся как несамостоятельным и незрелым людям, обязанным во всем беспрекословно слушаться старших и педагогов, было особенно распространено в конце XIX века, после выхода 18 июня 1887 года циркуляра министра просвещения И.Д. Делянова, прозванного в народе иронично - циркуляром «о кухаркиных детях».

В документе учебной администрации предписывалось допускать в прогимназии и гимназии лишь детей обеспеченных родителей, которые могли дать «достаточные ручательства о правильном домашнем надзоре за ними», предоставить «любые необходимые удобства» во время прохождения учащимися всех учебных занятий. Далее в тексте циркуляра давалось пояснение о том, что при неуклонном соблюдении данного правила прогимназии и гимназии будут освобождены от поступления в них дети прачек, поваров, лакеев, мелких лавочников, кучеров и «тому подобных людей», которых за исключением особо одаренных необычными способностями и талантами «не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» (Рождественский..., 1909: 37-39). Из циркуляра также следовала допустимость в определенных случаях, как ограничения свободы учащихся, так и приложения к ним грубой физической силы.

В Красноярской учительской семинарии в 1880-х гг. действовали «Правила о взысканиях», предусматривающие два вида взысканий: взыскания словом и действием. К первой группе относились выговор и порицание; ко второй – стояние на одном месте во время уроков, оставление в

учебном учреждении в выходные или будничные дни (после уроков), полное исключение из образовательного учреждения (ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 9. Л. 123-129).

Следует заметить, что большое внимание в правилах для воспитанников низших и средних образовательных учреждений уделялось исполнению религиозных обязанностей. Так, в инструкции для учащихся учительской семинарии г. Иркутска предписывалось, чтобы в процессе богослужения и молитвы воспитанники стояли безмолвно, прямо, внимая всему, что поется и читается (Инструкция ..., 1893: 2-3).

В соответствии с Правилами для учащихся Красноярской учительской семинарии воспитанникам данного учебного заведения было предписано обязательное посещение церкви, исповеди, соблюдение режима дня, избегание в учебные дни всяких увеселений и развлечений.

Полагаем, что само по себе приучение учащейся молодежи к православной вере должно было сеять добро в сердцах и молодых душах, что соответствует самой сути и природе христианского вероучения. Однако та насильственная форма, обязательный характер приобщения к церковным ритуалам, без должного внимания обучению сути вероучения, порой давали прямо противоположный эффект, приводя к озлоблению и недовольству в среде учащейся молодежи.

В отличие от церковных служб, посещать театры учащимся средних и низших образовательных заведений запрещалось вообще, либо это можно было делать только после специального разрешения со стороны наставников из числа педагогов. Как указывалось в соответствующих Правилах, ходить в театры в учебные дни нужно стараться как можно меньше либо вообще исключить из своего распорядка данную форму времяпровождения, «дабы больше сосредоточиться на обучении, как первейшем долге любого юного отрока». В этом же документе содержался запрет на организацию и посещение учащимися каких-либо «недозволенных обществ». В случае же проведения таких собраний, даже в собственных квартирах, и даже «с учебной целью», учащиеся должны были обязательно заранее уведомить об этом своих наставников (ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 9. Л. 60-71).

Со стороны органов власти отчетливо прослеживалось стремление оградить воспитанников низших и средних образовательных учреждений от посещения различных публичных мероприятий. Например, в циркулярном письме, составленном в 1903 году за подписью главного инспектора училищ Восточной Сибири, направленном начальникам образовательных учреждений, пояснялось, что в соответствии с § 36 правил от 4 мая 1874 года, воспитанникам соответствующих учебных учреждений должно быть строго запрещено посещение общественных собраний и увеселительных клубов. Для посещения публичных чтений, организованных частными лицами, администрация образовательных учреждений в каждом конкретном случае должна испрашивать разрешение у главного начальника края путем подачи предварительной заявки на имя главного инспектора сибирских училищ (ГАИрКО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 236. Л. 2).

Жесткая регламентация практически всех сторон жизни учащихся средних и низших образовательных учреждений, многочисленные ограничения и запреты в правилах для их поведения вызвали серьезные недовольства и возмущения в среде учащейся молодежи, что особенно отчетливо проявилось накануне и во время Первой русской революции (1905–1907 гг.). В этот период воспитанники учебных заведений больше всего протестовали против чрезмерного контроля над ними как со стороны учебного начальства, так и педагогов-наставников.

Небезосновательно полагать о всеильном влиянии на мировоззрение и поведение студентов в этот период событий, происходивших накануне Первой русской революции 1905 г., в Москве и Петербурге. Массовые демонстрации столичных студентов, охваченных общественным настроением, критикой самодержавного режима, сопровождалась ожесточенными столкновениями с полицией.

Если участие студентов в событиях 1899–1902 гг. проходило под лозунгами демократических свобод (свободы слова, собраний, печати, гарантий личной неприкосновенности), университетской автономии, то накануне Первой русской революции политические партии обратили особое внимание на студенчество как «социальную силу», стараясь привлечь ее под свои знамена. В обзоре Министерства народного просвещения, датируемом началом 1905 г., говорится, что «студентами умышленно пользуются как агитационным материалом решительно все: и социалисты, и земцы, и представители городов, выставляя вперед эту загнипнотизированную, отзывчивую, порывистую и самоотверженную рать (РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 9). «Академисты» выступали за чисто студенческие требования, а «политики» часто с помощью внешних революционеров, выступали за участие студенчества в освободительном движении (Norman, 1983).

Среди студентов постоянно велась агитационная работа со стороны социалистов-революционеров, социал-демократов, «Союза освобождения» и др. (Nefedov, 2016). Результатом чего становились акты индивидуального террора, имеющие политическую направленность. Например, убийство 4 февраля 1901 г. консервативного министра образования Н.П. Боголепова студентом Петром Карповичем, незадолго до того исключенным из университета (Спиридович, 1922).

Политизация студенчества в пореформенный период – многогранная тема для исследования. Известны случаи конфликтов в вузах ректоров с профессурой и студентами на фоне разногласий, возникших под влиянием студенческих движений в Москве и Петербурге.

Например, профессор В.И. Герье отказался голосовать за резолюцию о созыве «выборных от населения», проинициированный Московской городской думой 30 ноября 1904 г. и был освистан

курсистками Высших женских курсов, не давшими почтенному ученому взойти на кафедру (РГИА. Ф.733. Оп. 152. Д. 173. Л. 49).

Другой пример, когда профессура поддерживала студенческие инициативы, - агитационная статья профессора Московского университета К. Тимирязева «Академическая свобода»..., опубликованная 27 ноября 1904 г. в газете «Русские ведомости». Профессор говорил о необходимости выбора «идти ли нам тем же путем, которым шли обогнавшие нас цивилизованные народы» или «сохранить дорогие нашим охранителям исконные самобытно-византийские устои?». Он указывал на важность свободы совести, свободы слова и собраний, гарантий основных прав личности, которые должны быть под защитой свободного народного представительства (Тимирязев, 1904). Некоторые из профессоров Московского университета занялись организацией тенденциозных собраний под своим председательством (РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 8 об., 11-11 об.).

Активные студенческие движения – стихийные забастовки, митинги, агитации - в Москве и Петербурге в 1904-1905 гг., постоянные сходки учащихся в стенах образовательных учреждений под любым предлогом для обсуждения своих идей, ставили во главу угла пересмотр правил, регламентирующих поведение учащихся.

Протесты учащихся г. Омска проявлялись в различных формах и действиях. Например, в октябре 1905 года воспитанники Центральной фельдшерской школы города направили педагогическому совету петицию, содержащую комплекс требований, в том числе: о полной отмене карцера (т.к. в некоторых учебных заведениях это наказание еще допускалось); введении дополнительных отпусков; разрешении свободного посещения театров и иных общественных мест и др. (БУ «ИсА». Ф. 113. Оп. 1. Д. 7. Л. 5-7).

При этом учащиеся Тюменской женской гимназии и Тюменского реального училища потребовали от педагогических советов своих образовательных учреждений предоставить им право на участие в собраниях, организацию кружков, свободное посещение театра, библиотек. Они требовали отменить правило об обязательном посещении церковных служб, полагая, что это должно быть добровольным делом и выбором каждого конкретного человека. Также воспитанники тюменских образовательных учреждений требовали прекратить внеклассный надзор, ввести в обязанности педагогов вежливое обращение к своим воспитанникам, недопущение грубости и оскорблений. Свои требования тюменская молодежь обосновывала «ненормальностью текущего положения». По мнению учащихся, в учебных заведениях, где они проходили обучение, царящая атмосфера была схожей с режимом исправительной колонии (ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1961. 103-105, 127-128).

Подобные умонастроения и протесты проявлялись и в среде воспитанников других средних и низших учебных заведений Сибири. В циркуляре Министерства народного просвещения, вышедшем 4 марта 1905 года, было рекомендовано привлекать к деятельности образовательных учреждений родителей учащихся. При этом педагогам, а особенно «нервным вследствие болезни или продолжительной службы», предлагалось регулярно внушать, чтобы те применяли более «мягкие педагогические методы», которые бы не вызывали какого-либо «озлобления» у детей. В документе обращалось внимание на то, что любая бестактность и несправедливость в обращении с обучающимися недопустима, тем более, «в нынешнее тревожное время», так как эти проявления со стороны педагогов могут повлечь за собой «нежелательные последствия» (ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1479. Л. 58-59).

Активное участие воспитанников средних и низших учебных заведений в событиях Первой русской революции, вынудило органы власти вновь перейти к прямым и категоричным запретам на некоторые формы деятельности и поведения учащейся молодежи (Сулимов, 1995: 25-31).

Например, в ноябре 1906 года Министерство народного просвещения выпускает циркулярное распоряжение, в котором регламентируется недопущение организаций учащихся с избранными ими делегатами и старостами. Данным распоряжением запрещались собрания и сходки воспитанников средних образовательных учреждений. В соответствии министерскому циркуляру, вышедшему в декабре того же года, учащимся запрещалось посещение любых публичных представлений. Также давался и строгий запрет на самостоятельную организацию и проведение каких-либо платных концертов или спектаклей (Российское ..., 1994: 96-98).

15 марта 1907 года выходит распоряжение министра народного просвещения, Петра Михайловича Кауфмана, в котором говорится о восстановлении в средних образовательных учреждениях ранее отмененной системы переводных экзаменов. Выход данного документа не замедлил вызвать бурный протест со стороны учащейся молодежи, а также острую критику в печатной прессе (Российское ..., 1994: 112-114).

Волнения и недовольства среди учащейся молодежи в годы Перовой русской революции вызвали, в свою очередь, и повышенное внимание со стороны местных органов власти. Так, в марте 1906 года главный инспектор училищ Восточной Сибири довел до сведения администрации образовательных учреждений, что генерал-губернатор Иркутска издал «похвальное» распоряжение, в котором говорилось о том, что учащиеся не имеют никакого права предъявлять собственных требований, так как им нужно только обучаться, а не «не закон созидать». Виноватых же, по его мнению, надобно было не жалея исключать, так как любое послабление к правилам приводит только

к многочисленным недоразумениям. Дело же учащихся должно сводиться к тому, чтобы «учиться чему их учат» (ГАИркО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 242. Л. 4-6).

Документы подобного рода нередко дублировались начальством средних и низших образовательных учреждений. Так, в январе 1906 года педагогическим советом механико-технического училища г. Омска было установлено правило, в соответствии с которым категорически запрещалось проведение любых сходок в училище, участие воспитанников в каких-либо союзах и митингах. Также было принято решение обратиться к родителям учащихся с просьбой об оказании возможного воздействия на своих детей с целью их настоятельного увещевания о необходимости соблюдать дисциплину, подчиняться наставникам, педагогам и учебному начальству (БУ «ИсА». Ф. 43. Оп. 1. Д. 169. Л. 41-43).

К 1907 году требования к дисциплине воспитанников средних и низших учебных заведений еще больше ужесточились. Так, Л.И. Лаврентьевым, попечителем Западно-Сибирского учебного округа, в январе 1907 года было издано распоряжение, в котором говорилось о необходимости выработки мер, направленных на «восстановление в школах должного порядка» (Российское..., 1994: 138-142).

В августе 1908 года министром народного просвещения А.Н. Шварцем издается циркуляр, в котором содержится требование к начальникам средних образовательных учреждений о восстановлении в них «серьезной дисциплины» и «серьезного обучения» (Константинов, 1956: 108-111).

От поведения воспитанников учебных заведений стала зависеть и возможность получения ими бесплатного образования за счет государственных средств. В это время не успеваемость, а именно поведение становится приоритетным фактором в решении данного вопроса.

В марте 1909 года за самовольный уход с занятий из-за произошедшего конфликта с директором, учащихся пятого и шестого классов Томского реального училища наказали снижением оценки за поведение, а тем, кто учился бесплатно, отказали в дальнейшем пользоваться этим правом. На счет данного случая Л.И. Лаврентьевым, выступающим в должности попечителя Западно-Сибирского учебного округа, было сказано: «В будущем льготы на бесплатное образование нужно будет заслужить примерным отношением к своим ученическим обязанностям» (ГАТомО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2199. Л. 135 – 136).

Большое внимание со стороны учебной администрации уделялось контролю за поведением учащихся вне стен учебного учреждения. Например, в сентябре 1908 года в г. Томске было проведено совещание, на котором выступили представители низших, средних и высших образовательных учреждений. В качестве председателя собрания выступил губернатор К.С. Нолькен. В частности, он сделал доклад о необходимости тщательного внеучебного надзора за учащимися средних образовательных учреждений. В рамках доклада были перечислены ключевые положения правил для обучающихся лиц, в соответствии с которыми они должны были в обязательном порядке посещать церковь, носить при себе постоянно форменную одежду, билеты, удостоверяющие их личность. Посещение увеселительных мест, садов, театров разрешалось лишь с согласия учебной администрации. При этом в обязанности педагогов вменялось наблюдение за воспитанниками при посещении ими каких-либо зрелищ, а также активное содействие полиции в делах недопущения посещения таких зрелищ в будничные дни (Сулимов, 1995: 147-149).

Педагогическими советами образовательных учреждений на базе общих положений вырабатывались собственные правила и требования к поведению учащейся молодежи. При этом регулярно дополнялись положения, регламентированные органами власти, вносились определенные пояснения. Например, учащимся Тюменского реального училища было предписано аккуратное посещение занятий, сообщение точных адресов проживания, а в случаях проживания на съемных квартирах – обеспечение туда регулярного допуска педагогов - для инспектирования и надзора. Воспитанницам Тюменской женской гимназии в одно время было запрещено даже присаживаться на скамейки группами и вести «пустые или недозволенные беседы» у магазинов во время прогулок по главным улицам (ГАТюмО. Ф. И-55. Оп. 1. Д. 4. Л. 33-36). На совещании администрации образовательных учреждений г. Омска приняли решение о запрете на посещение катка учащейся молодежью города (Константинов, 1956: 123-125).

На отсутствие у воспитанников низших и средних учебных заведений элементарных прав и свобод в выборе действий и поведения регулярно обращала внимание и местная пресса. Например, со страниц журнала «Сибирские вопросы» нередко звучала острая критика существующих правил контроля поведения учащихся Сибири. Так, в одном из номеров периодического издания приводились сведения о том, что в Мариинской женской гимназии г. Томска учебное начальство и педагоги создали такие «условия» для обучающихся там лиц, они больше походили на «арестантский режим» (Очерки..., 1912. № 17: 61).

В «Сибирских вопросах» давалась преимущественно негативная оценка деятельности Министерства народного просвещения, а также чиновников, работающих в образовательной сфере на местах. В одном из выпусков журнала цитировалась заметка из газеты «Якутская окраина», где обращалось внимание на то, что «Официальные представители народного образования толкуют о введении «всеобщего обучения», говорят годами, а на деле министерство не находит ничтожных средств на открытие 3-4 школ. Хотя оно нашло средства на учреждение должности инспектора училищ 2-го района Якутской области». Должность была учреждена для заведывания будущими

школами этого района, которые к этому времени даже не были открыты, в то время как вступивший на должность инспектор уже получал приличное жалование (*Сибирские...*, 1912. № 29: С. 30-31).

Резкой критике подвергалась и деятельность попечителя Западно-Сибирского учебного округа. В одной из заметок говорилось о непопозволенном расточительстве должностного лица, о роскоши, в которой он проживает, в то время как существенная часть учащейся молодежи живет крайне бедно и голодает (*О чем...*, 1910: 20-23).

Администрацией образовательных учреждений делались попытки оградить учащуюся молодежь от влияния печатной прессы. С этой целью воспитанницам Барнаульской женской гимназии запретили читать любые газеты (*Очерки...*, 1912. № 29: 27-30). При этом в селе Красноярка, расположенном на территории Тобольской губернии, учащимся не только не разрешали выписывать журналы и газеты, но более того, Совет школы запретил им даже читать известных классиков, угрожая, что в случае нарушения данного «правила», им будут снижены баллы за успеваемость. Под данный запрет попали книги Толстого, Никитина, Некрасова и некоторых других авторов (*Сибирская...*, 1913).

В феврале 1901 года в Чите директором мужской гимназии было подано обращение в Совет Читинского отделения русского географического общества. В письме содержалась настоятельная просьба не пускать в библиотеку данного общества учащихся женской и мужской гимназий г. Читы (*ГАИркО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5. Л. 36-39*).

Таким образом, воспитанники сибирских образовательных учреждений были весьма ограничены в правах на участие в общественной жизни края. Заметное послабление в системе воспитания и регулирования поведения учащихся средних и низших учебных заведений проявилось лишь к 1914 году – к началу Первой мировой войны, когда нехватка трудовых ресурсов, денежных средств и продовольствия вынудила органы власти изменить мнение о возможности допуска учащейся молодежи к общественной жизни Российской Империи (*Шиловский*, 2016: 34-38). В этот период воспитанники низших и средних образовательных учреждений стали активно вовлекаться в деятельность благотворительного характера и трудовых отрядов. Учащиеся добровольно помогали фронту, воинам, раненым солдатам и членам их семей.

5. Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что воспитанники средних и низших образовательных учреждений Сибири на рубеже XIX–XX веков практически были лишены возможностей для формирования собственного выборного представительства, молодежных организаций, а их поведение, как в стенах учебных заведений, так и за их пределами, жестко регламентировалось различными правилами и указами.

Запрещалось почти любое выражение общественной инициативы со стороны учащихся средних и низших учебных заведений, даже в легальных ее формах и проявлениях. В некоторых же учебных заведениях запреты доходили до абсурда и нелепости, когда учащимся запрещалось даже «совместное сидение на лавочках», «введение пустых или неблагообразных разговоров», посещение литературных вечеров общепризнанных классиков, чтение журналов, книг, посещение читален и библиотек. Жесткая регламентация поведения учащихся во многом была обусловлена массовыми студенческими волнениями, происходившими накануне и в период Первой русской революции.

Ситуация несколько изменилась лишь к началу Первой мировой войны, когда для достижения победы возникла необходимость в объединении всех общественных сил. Острая нехватка денежных средств, трудовых ресурсов, происходящие трансформации в общественных настроениях и взглядах на происходящие события, вынудили правительство положительно решить вопрос о допустимости и целесообразности привлечения учащейся молодежи к общественной жизни страны, и, в первую очередь, к деятельности благотворительного характера.

Литература

БУ «ИсА» – Бюджетное учреждение «Исторический архив Омской области».

Булгаков, 1912 – Булгаков В. Университет и университетская наука. М., 1912. 98 с.

ГАИркО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАТомО – Государственный архив Томской области.

ГАТюмО – Государственный архив Тюменской области.

Гейфман, 1997 – Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917. / Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. 448 с.

Гусятников, 1971 – Гусятников П.С. Революционное студенческое движение в России: 1899-1907. М.: Мысль, 1971. 264 с.

Зайченко, 1960 – Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева. Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880-1955). Томск: Изд-во Томского университета, 1960. 480 с.

Инструкция..., 1893 – Инструкция для воспитанников Иркутской учительской семинарии. Иркутск, 1893.

- История..., 1975** – История Томского политехнического института в документах. Т. 1. 1896-1917. Сборник документов и материалов. Томск: Изд-во Томского университета, 1975. 172 с.
- Константинов, 1956** – *Константинов Н.А.* Очерки по истории средней школы, 1956.
- Кузьмина, 2005** – *Кузьмина Е.Ф.* Сибирские высшие женские курсы в Томске в общероссийском движении за право женщин на образование // Томск-400. Судьба регионального центра России. Томск: ТГУ, 2005. С. 165-168.
- Некрылов, 2010** – *Некрылов С.А.* Томский университет - первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг.-1919 г.). Томск, 2010. 426 с.
- О чем..., 1910** – О чем печется попечитель Западно-Сибирского учебного округа? // Сибирские вопросы: периодический сборник. 1910. №24. С. 20-28.
- Очерки..., 1912** – Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы: периодический сборник. 1912. №17. С. 46-64.
- Очерки..., 1912а** – Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы: периодический сборник. 1912. №29. С. 28-65.
- Попов, 2006** – *Попов Д.И.* Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX - начале XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006.
- Попов, 1913** – *Попов М.Ф.* Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за 25 лет его существования (1888-1913). Томск, 1913. 315 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Рождественский..., 1909** – *Рождественский С.В.* Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1909.
- Российское..., 1994** – Российское законодательство X-XX веков. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1994.
- Сапожников, 1912** – *Сапожников В.В.* Томский университет. Томск, 1912. 142 с.
- Сватиков, 1916** – *Сватиков С.Г.* Русское студенчество прежде и теперь // Путь студенчества. М., 1916. С. 3-19.
- Сибирская ..., 1913** – Сибирская жизнь. 1913. 29 января.
- Спиридович, 1922** – *Спиридович А.И.* История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1922. 476 с.
- Сулимов, 1995** – *Сулимов В.С.* Очерки по истории народного образования Западной Сибири. Тюмень, 1995.
- Тимирязев, 1904** – *Тимирязев К.* Академическая свобода (мысли вслух старого профессора) // Русские ведомости. 1904. № 330. С. 2-3.
- Шиловский, 2016** – *Шиловский М.* Первая мировая война 1914-1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2016.
- Dudgeon, 1982** – *Ruth A. Dudgeon.* The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917 // *Russian History*. Volume 9. Issue 1. p. 1-26
- Cherepanova et al., 2017** – *Cherepanova V.N., Putilina J.V., Savitskaya J.P.* Literary works in the student press of the early twentieth century as historical sources that reflect the characteristics of the worldview and lifestyle of Siberian students in the beginning of the last century // *Bylye Gody*, 2017. Vol. 45, Is. 3. pp. 1119-1126.
- Geifman, 2013** – *Geifman A.* The liberal left opts for terror // *Terrorism and Political Violence*. 2013. 25 (4), pp. 550-560.
- Nefedov, 2016** – *Nefedov S.* The student movement in Moscow on the eve of the 1905 revolution: anatomy of a protest // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. №3. pp. 235-253.
- Norman, 1983** – *Norman M.* Terrorists and social democrats: the Russian revolutionary movement under Alexander III. Cambridge MA: Cambridge University Press, 1983.

References

- BU «IsA»** – Byudzhetnoe uchrezhdenie «Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti». [in Russian].
- Bulgakov, 1912** – *Bulgakov V.* (1912). Universitet i universitetskaya nauka. [University and University science]. М. 98 p. [in Russian].
- GAIrKO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. [in Russian].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya. [in Russian].
- GATomO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. [in Russian].
- GATyumO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tyumenskoi oblasti. [in Russian].
- Geifman, 1997** – *Geifman A.* (1997). Revolyutsionnyi terror v Rossii, 1894-1917. [Revolutionary terrorism in Russia, 1894-1917]. / Per. s angl. E. Dorman. М. 448 p.
- Gusyatnikov, 1971** – *Gusyatnikov P.S.* (1971). Revolyutsionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii: 1899-1907. [The revolutionary student movement in Russia: 1899-1907]. М.: Mysl'. 264 p.
- Zaichenko, 1960** – *Zaichenko P.A.* (1960). Tomskii gosudarstvennyi universitet imeni V.V. Kuibysheva. Ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880-1955). [Tomsk state University named after

- V. V. Kuibyshev. Essays on the history of the first Siberian University over 75 years (1880-1955)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. 480 p. [in Russian].
- Instruktsiya..., 1893** – Instruktsiya dlya vospitannikov Irkutskoi uchitel'skoi seminarii. Irkutsk, 1893. [in Russian].
- Istoriya..., 1975** – Istoriya Tomskogo politekhnicheskogo instituta v dokumentakh. T. 1. 1896-1917. Sbornik dokumentov i materialov. [History of the Tomsk Polytechnic Institute in the documents. Vol. 1. 1896-1917. A collection of documents and materials]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1975. 172 p. [in Russian].
- Konstantinov, 1956** – *Konstantinov H.A.* (1956). Ocherki po istorii srednei shkoly [Essays on the history of high school]. [in Russian].
- Kuz'minova, 2005** – *Kuz'minova E.F.* (2005). Sibirskie vysshie zhenskie kursy v Tomske v obshcherossiiskom dvizhenii za pravo zhenshin na obrazovanie. [Higher Siberian courses for women in Tomsk all-Russian movement for women's right to education]. *Tomsk-400. Sud'ba regional'nogo tsentra Rossii*. Tomsk: TGU, pp. 165-168. [in Russian].
- Nekrylov, 2010** – *Nekrylov S.A.* (2010). Tomskii universitet - pervyi nauchnyi tsentr v Aziatskoi chasti Rossii (seredina 1870-kh gg.-1919 g.). [Tomsk University is the first science center in the Asian part of Russia (mid 1870-1919)]. Tomsk, 426 p. [in Russian].
- O chem ..., 1910** – O chem pechetsya popechitel' Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga? [Cares about what a Trustee of the West Siberian educational district?]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. 1910. №24. pp. 20-28. [in Russian].
- Ocherki..., 1912** – Ocherki sibirskoi zhizni. [Sketches of Siberian life]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. 1912. №17. pp. 46-64. [in Russian].
- Ocherki..., 1912a** – Ocherki sibirskoi zhizni. [Sketches of Siberian life]. *Sibirskie voprosy: periodicheskii sbornik*. 1912. №29. pp. 28-65. [in Russian].
- Popov, 2006** – *Popov D.I.* (2006). Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX - nachale XX vv. [Cultural and educational society in Siberia in the late XIX - early XX centuries]: Izd-vo OmGU. [in Russian].
- Popov, 1913** – *Popov M.F.* (1913). Kratkii istoricheskii ocherk Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 25 let ego sushchestvovaniya (1888-1913). [A brief historical sketch of the Imperial Tomsk University for 25 years (1888-1913)]. Tomsk, 315 p. [in Russian].
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv.
- Rozhdestvenskii ..., 1909** – *Rozhdestvenskii S.V.* (1909). Istoricheskii ocherk deyatelnosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. [Historical sketch of the activities of the Ministry of national education]. SPb. [in Russian].
- Rossiiskoe..., 1994** – Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. Tom 9. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuzno-demokraticeskikh revolyutsii. [Russian legislation X-XX centuries. Vol. 9. The legislation of the epoch of bourgeois-democratic revolutions]. / Pod red. O.I. Chistyakova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1994. [in Russian].
- Sapozhnikov, 1912** – *Sapozhnikov V.V.* (1912). Tomskii universitet. [Tomsk University]. Tomsk, 142 p. [in Russian].
- Svatikov, 1916** – *Svatikov S.G.* (1916). Russkoe studenchestvo prezhde i teper'. [Russian students before and now]. *Put' studenchestva*. pp. 3-19. [in Russian].
- Sibirskaya ..., 1913** – Sibirskaya zhizn'. 1913. 29 yanvara. [in Russian].
- Spiridonovich, 1922** – *Spiridonovich A.I.* (1922). Istoriya bol'shevizma v Rossii ot vzniknoveniya do zakhvata vlasti. [The history of Bolshevism in Russia from the beginning to the seizure of power]. 476 p.
- Sulimov, 1995** – *Sulimov B.C.* (1995). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya Zapadnoi Sibiri. [Essays on the history of public education in Western Siberia]. Tyumen'. [in Russian].
- Timiryazev, 1904** – *Timiryazev K.* (1904). Akademicheskaya svoboda (mysli vslukh starogo professora). [Academic freedom (thinking aloud old Professor)]. *Russkie vedomosti*. №330. pp. 2-3.
- Shilovskii, 2016** – Shilovskii M. (2016). Pervaya mirovaya voina 1914-1918 godov i Sibir'. [The first world war 1914-1918 and Siberia. The first world war 1914-1918 and Siberia]. Novosibirsk. [in Russian].
- Dudgeon, 1982** – *Ruth A. Dudgeon.* (1982). The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917. *Russian History*. Volume 9. Issue 1. pp. 1-26
- Cherepanova et al., 2017** – *Cherepanova V.N., Putilina J.V., Savitskaya J.P.* (2017). Literary works in the student press of the early twentieth century as historical sources that reflect the characteristics of the worldview and lifestyle of Siberian students in the beginning of the last century. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3. pp. 1119-1126.
- Geifman, 2013** – *Geifman A.* (2013). The liberal left opts for terror. *Terrorism and Political Violence*. 25 (4), pp. 550-560.
- Nefedov, 2016** – *Nefedov S.* (2016). The student movement in Moscow on the eve of the 1905 revolution: anatomy of a protest. *Quaestio Rossica*. Vol. 4. №3. pp. 235-253.
- Norman, 1983** – *Norman M.* (1983). Terrorists and social democrats: the Russian revolutionary movement under Alexander III. Cambridge MA: Cambridge University Press.

УДК 378.4+94(57)

Регламентация поведения учащейся молодежи Сибири на рубеже XIX–XX вековВера Николаевна Родина^{a, *}^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности регулирования поведения учащихся средних и низших учебных заведений Сибири на рубеже XIX–XX веков. Определено, что в этот период действовали одновременно различные циркуляры и указы Министерства народного просвещения, дополненные и расширенные попечителями различных учебных округов, конкретизированные на местах администрациями образовательных учреждений.

Существовавшая в это время система обучения и воспитания отличалась повышенным контролем и многочисленными запретами, распространенным обращением к ученикам без всякого уважения и даже с применением физической силы. Отмеченные явления нередко вызывали в воспитанниках учебных заведений чувства обиды, досады, ощущения острой несправедливости и беспокойства. Жесткая регламентация поведения учащихся во многом была обусловлена массовыми студенческими волнениями, происходившими накануне и в период Первой русской революции.

Некоторое послабление в этом вопросе проявилось лишь к 1914 году – к началу Первой мировой войны. Нехватка денежных средств, трудовых ресурсов побудили органы власти не только разрешить учащимся участвовать в некоторых общественных мероприятиях, заниматься деятельностью благотворительного характера, но также всячески поощрять их в данном направлении.

Ключевые слова: Сибирь, учащая молодежь, средние и низшие учебные заведения, первая революция, первая мировая война, ограничение прав, запреты, Министерство народного просвещения, циркуляры, указы, поведение, успеваемость, балльная система оценок.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rodinao805@mail.ru (В.Н. Родина)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1563-1571, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1563
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 316.354+94(57)

Socio-Demographic Characteristics of Siberian students in the early twentieth century (on materials of the journal "Siberian student": 1914–1916)

Oksana V. Ustinova^{a, *}, Olga V. Kirilova^b

^a Tyumen Industrial University, Russian Federation

^b Northern Trans-Ural State Agricultural University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the materials of the journal "Siberian student", published in Moscow from 1914 to 1916, revealing the socio-demographic characteristics of Siberian students in the early twentieth century. The study found that among students studying in Tomsk universities, quantitatively dominated by men. The average age of students of Tomsk University and Tomsk technological Institute, representing the largest part of the entire student population of Siberia in the early twentieth century, in 1913, according to data published in the journal, was about 24 years old. A few more young was the audience of girl students (students of Siberian higher female courses), where the average age of students was in the range of 21 to 22 years.

Identified socio-demographic data on the Siberian students beginning of last century was associated with the average age of the population of the Russian Empire in this time period. Based on the presented results, it is concluded that the Siberian students of the early twentieth century were older, Mature people by the standards of that time, many of them had families of their own.

It was also determined that the majority of students enrolled in higher educational institutions of the city of Tomsk in the beginning of the last century, identified themselves to the persons who hold the Orthodox Christian religious tradition. According to the social class among the students of Tomsk universities were quantitatively dominated by the descendants of the clergy, the nobility, officials and commoners. Several smaller but also significant part of the students, was presented came from peasant families. Representatives of other States were found much less frequently. It is proved that the magazine "Siberian student" is an important historical source of the early twentieth century, contains a large reservoir of valuable information about the Siberian students beginning of last century.

Keywords: higher education institutions, students, Siberia, socio-demographic characteristics, demographic composition, social class, religion.

1. Введение

Журнал «Сибирский студент», издававшийся регулярно в период с 1914 по 1916 годы и являющийся важным историческим источником, содержит большой пласт информации о численности, половозрастном составе, сословной и религиозной принадлежности сибирского студенчества в начале XX века. В указанном периодическом издании нередко публиковались статьи, освещающие те или иные социально-демографические характеристики студентов. Интересными с исторической точки зрения представляются анализ и сопоставление данных Государственного архива Томской области, и сведений, опубликованных в журнале «Сибирский студент», относительно социально-демографических характеристик сибирского студенчества в начале XX века.

* Corresponding author

E-mail addresses: sema_79@bk.ru (O.V. Ustinova), o-kirilova2009@yandex.ru (O.V. Kirilova)

2. Материалы и методы

Исследование реализовано на базе анализа документов Государственного архива Томской области (ГАТомО), а также публикаций в журнале «Сибирский студент», выходившем с 1914 по 1916 годы включительно.

Среди методов исследования были применены:

- метод контент-анализа, с помощью которого было изучено содержание архивных документов, а также материалов сибирской студенческой прессы, содержащих сведения о половозрастном составе, вероисповедании, сословной принадлежности студентов томских вузов;

- историко-сравнительный метод, позволивший выявить корреляцию общих и специфических особенностей демографических процессов и явлений исследуемого периода и социально-демографических характеристик студенчества;

- статистический метод, с помощью которого была произведена структуризация и анализ статистических данных о сибирском студенчестве в начале XX века, опубликованных в журнале «Сибирский студент» и других исторических источниках начала прошлого столетия.

3. Обсуждение

Социально-демографические характеристики сибирского студенчества в начале XX века отображены в различных исторических источниках, в том числе в ряде документов Государственного архива Томской области (ГАТомО), а также в журнале «Сибирский студент», выходившем регулярно с 1914 по 1916 годы (Возраст..., 1914: 49–52; Енисейский, 1915: 33–38; Чепалов, 1914: 77–78). Данные источники дают представление о половозрастном составе, сословной принадлежности, успеваемости и других характеристиках учащихся томских вузов в начале XX века.

Нам удалось обнаружить ряд исследований, посвященных изучению жизни и деятельности студенчества в начале прошлого столетия. (Общий..., 1905; Мультановский, 1915; Vermeer, Van Der Ven, 2003; Dudgeon, 1982), а также работы, авторы которых анализировали общие социально-демографические характеристики населения Российской империи в начале XX века. (Новосельский, 1916; Рашин, 1956; Сулимов, 1995). Однако в этих трудах социально-демографические характеристики именно сибирского студенчества либо не рассматривались, либо описаны вкратце – в числе иных аспектов. Таким образом, обозначенная тематика является достаточно актуальной.

4. Результаты

Журнал «Сибирский студент», издававшийся с 1914 по 1916 годы, в числе прочей информации, имеющей важное историческое значение, регулярно выпускал материалы о социально-демографических и иных характеристиках сибирского студенчества в начале XX века. Чаще всего такие материалы были построены на базе анализа отчетов высших учебных заведений (Чепалов, 1914: 7–80). Кроме того, в ряде публикаций сведения о студенчестве были получены с помощью анкетирования представителей данной социальной прослойки (Енисейский, 1915: 33–38; Возраст..., 1914: 47–54).

Так, например, в 1914 году выходит статья под авторством В. Чепалова, где приводятся подробные сведения о численности студентов Томского университета и их распределении по конкретным факультетам. Как отмечается в соответствующем материале, к концу 1912 года в Томском университете числилось 892 студента, из которых 316 будущих юристов и 576 медиков, при этом 95 человек находились в статусе вольнослушающих (в т.ч. 84 на медицинском и 11 на юридическом факультетах).

Среди обучающихся в вузе из числа тех, кто окончил какие-либо гимназии, всего было 485 человек (290 будущих медиков и 195 юристов), семинаристов 321 человек (90 – юристов и 231 медик), реалистов 78 человек (27 юристов и 51 медик), коммерсантов – 2 человека (1 – юрист и 1 медик), кадетов 6 человек: 3 юриста и 3 медика (Чепалов, 1914: 76).

Сведения о распределении учащихся Томского университета по специальностям, форме и месту окончания средних учебных заведений по состоянию на 31 декабря 1913 года представлены в табл. 1.

Таблица 1. Распределение студентов Томского университета по получаемым специальностям, форме и месту окончания средних учебных заведений по состоянию на 31.12.1913 г. (Чепалов, 1914: 77)

Место получения ср. образования	Гимназисты		Семинаристы		Реалисты		Кадеты		Итого		Всего
	Мед.	Юр.	Мед.	Юр.	Мед.	Юр.	Мед.	Юр.	Мед.	Юр.	
Восточная Сибирь	138	83	23	12	8	5	-	-	169	100	269
Западная Сибирь	126	115	24	23	29	24	3	3	182	165	347
Европейская часть России	39	18	158	52	14	5	-	-	211	175	286
Итого:	303	216	205	87	51	34	3	3	562	340	902
Всего:	519		292		85		6		902		-

Как видно из табл. 1, в 1913 году в Томском университете большинство студентов обучалось медицинскому делу, несколько меньшая их доля – правовым наукам. При этом большая часть студентов, обучающихся в университете, была выходцами из Западной Сибири либо Европейской части России. Несколько меньшее число студентов прибыло из Восточной Сибири.

В «Сибирском студенте» также была опубликована информация о распределении сибирского студенчества в зависимости от его сословной принадлежности (табл. 2).

Таблица 2. Распределение студентов Томского университета по сословной принадлежности: 1912 – 1913 годы (Чепалов, 1914: 77–78)

Сословная принадлежность семьи (родителей студентов)	Медицинский факультет	Юридический факультет	Всего по состоянию на 31.12.1913 г.	Было по состоянию на 31.12.1912 г.
Духовенство	176	90	266	270
Дворяне и чиновники	115	122	237	223
Почетные граждане	19	10	29	64
Представители купеческих сословий	20	15	35	
Мещане	132	59	191	197
Цеховые	1	1	2	
Крестьяне	56	23	79	84
Казачи	25	5	30	26
Иностранцы	3	-	3	2
Представители военных сословий	3	7	10	26
Иностранцы поданные	1	-	1	
Фельдшеры	6	4	10	
Учителя	5	4	9	
Итого:	562	340	902	892

Как видно из табл. 2, большая часть студентов, обучающихся в Томском университете в период с 1912 по 1913 годы, принадлежала к семьям духовенства, дворян, чиновников и мещан. Несколько меньшая, но также существенная доля студенчества, представлена выходцами из крестьянских семей. Остальные – представители различных сословий – встречались значительно реже.

Помимо прочей информации, в «Сибирском студенте» находим материалы о религиозной принадлежности учащихся Томского университета в 1912–1913 годы (табл. 3).

Таблица 3. Распределение студентов Томского университета по принятому вероисповеданию в 1913 году (Чепалов, 1914: 78)

Принятая религиозная традиция	Медицинский факультет	Юридический факультет	Всего по состоянию на 31.12.1913 г.	По состоянию на 31.12.1912 г.
Православное христианство	487	297	784	753
Русский католицизм	17	22	39	41
Лютеранское вероисповедание (протестантизм)	22	4	26	35
Старообрядчество	3	-	3	8
Иудейское вероисповедание	27	17	44	53
Магометанство (ислам, мусульманство)	2	-	2	1
Армяно-григорианское христианское вероисповедание	3	-	3	1
Принадлежность к определенной религиозной традиции точно не определена	1	-	1	-

Как видно из табл. 3, большая часть студентов Томского университета представлена лицами, придерживающимися того или иного христианского вероисповедания (православные, русские католики, протестанты-лютеране, старообрядцы, христиане-григорианцы). Среди христиан наиболее распространенной оказалась группа, представленная студентами, придерживающимися православной религиозной традиции. Приверженцев других вероисповеданий среди учащихся вуза было значительно меньше.

На страницах сибирской студенческой прессы также приводятся данные о присвоенных ученых званиях и степенях. Так, в 1913 году на медицинском факультете были присвоены следующие звания и степени: доктора медицины (5 человек), кандидата медицины – 2 человека, 52 – почетное звание действительных студентов, 159 – лекарей (88 чел. – с отличием), 32 – уездных врачей, 3 провизоров, 36 – аптекарских помощников, 26 – зубных врачей. Всего выпускных свидетельств в 1913 году было выдано 196 единиц (87 на юридическом факультете и 109 на медицинском факультете) (Чепалов, 1914: 78).

Подробные сведения о возрастном составе сибирской студенческой молодежи по состоянию на 20 декабря 1913 года (дате анкетирования) также приводятся в периодическом издании. В исследовании, описанном в опубликованной статье, приняли участие 437 студентов-технологов, 365 учащихся Томского университета и 65 курсисток.

В связи с тем, что от вольнослушающих (вольнослушательниц) и других слушателей не поступило заполненных бланков, сведения о них были взяты авторами статьи из списков студентов, изданных канцелярией Томского университета. Опубликованные в «Сибирском студенте» данные были систематизированы и распределены по отдельным категориям (табл. 4).

Таблица 4. Распределение студентов томских вузов по возрастным группам по состоянию на 20 декабря 1913 года (Возраст..., 1914: 49–50)

Возраст	Универсанты		Технологи		Курсистки		Вольносл.		Др. слушат.	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
17–19	20	5,9	42	10,3	7	10,6	-	-	3	27,3
20–22	115	34,1	136	33,4	45	68,2	-	-	7	63,6
23–25	115	34,1	93	22,8	10	15,2	6	14,0	1	9,1
26–28	50	14,8	68	16,7	3	4,5	21	48,8	-	-
29–31	24	7,1	46	11,3	1	1,5	9	20,9	-	-
32 и старше	13	3,9	22	5,4	-	-	7	16,3	-	-
Итого	337	100	407	100	66	100	43	100	11	100

Как видно из [табл. 4](#), основная часть сибирских студентов, сведения о которых были приведены в исследовании, представлена учащимися Томского университета, а также Томского технологического института (всего 744 чел. или 86,1 %). Доля курсисток, вольнослушающих (вольнослушательниц) и других слушателей в общей совокупности лиц, упомянутых в публикации, была существенно меньшей. При этом в анкетировании приняло участие существенно меньшее количество женщин в сравнении с числом мужчин.

Данное распределение в целом было характерно для всех учащихся томских вузов в исследуемый временной период, что свидетельствует о высокой репрезентативности выборки, сделанной авторами статьи при проведении исследовательской работы.

Как видно из приведенных данных, большая часть учащихся вузов представлена студентами в возрасте от 20 до 25 лет включительно. Более старшая возрастная категория превалирует среди вольнослушающих, существенная часть которых в этот период была в возрасте от 26 лет до 31 года.

Подтверждением данных тенденций стали и сведения о среднем возрасте учащихся сибирских вузов, опубликованные в «Сибирском студенте» в 1914 году ([табл. 5](#)).

Таблица 5. Средний возраст учащихся томских вузов: 1901 и 1913 годы ([Возраст..., 1914: 49](#))

Группы обучающихся в томских вузах лиц	Годы	
	1901	1913
Студенты Томского университета (универсанты)	24,1	23,9
Студенты-технологи	-	24,1
Курсистки	-	21,5
Вольнослушающие (вольнослушательницы)	-	28,6
Другие слушатели	-	20,7

Как видно из [табл. 5](#), средний возраст студентов-универсантов в 1913 году остался примерно на том же уровне, что и в 1901 году, лишь незначительно уменьшившись. При этом к 1913 году средний возраст универсантов и студентов-технологов был примерно на одном уровне (около 24 лет), в то время как наиболее старшей оказалась категория вольнослушающих, где средний возраст составил около 28,6 лет, а наиболее молодыми – группы курсисток и других слушателей (21,5 и 20,7 лет – соответственно).

Далее сопоставим данные о возрастном составе студентов томских вузов со сведениями о возрасте лиц, проживающих примерно в это же время на территории города Томска. Говоря о студенчестве, Р.В. Сергеев справедливо замечает, что в разные времена критерии к определению молодости были различны. Понятие же самой молодости имеет смысл только в сопоставлении с иными возрастами ([Сергеев, 2010: 37–38](#)).

Отметим, что полные и развернутые данные о возрасте жителей г. Томска содержатся в материалах переписи томского населения, проведенной в 1912 году ([табл. 6](#)).

Таблица 6. Распределение населения г. Томска по половозрастным группам по данным переписи 1912 года ([Мультановский, 1915: 6–7](#))

Возрастные группы (в годах)	Численность населения в тыс. чел.			На 1000 мужчин приходилось женщин
	Мужчин	Женщин	Обоего пола	
0-10	9,7	9,8	19,5	1010
11-20	9,0	10,5	19,5	1167
21-30	13,0	9,9	22,9	761
31-40	7,5	6,3	13,8	840
41-50	4,8	4,3	9,1	896
51-60	3,0	3,0	6,0	1000
61 и старше	1,9	2,4	4,3	1263
Итого:	48,9	46,2	95,1	947
В %	51,4	48,6	100	-

Как видно из [табл. 6](#), большая часть населения г. Томска (61,9 %) по результатам переписи, проведенной 2 декабря 1912 года, представлена лицами в возрасте до 30 лет. Лишь 38,9 % городского населения составили лица старше 30 лет, из которых 13,8 тыс. чел. или 14,5 % представлены гражданами, возраст которых находился в интервале от 31 до 40 лет, и только каждый четвертый житель Томска (24,4 %) был старше 40 лет.

Выявленные тенденции в целом характерны для распределения населения Российской империи по возрастному составу в начале XX века. Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения России в 1896–1897 годах по данным 50 губерний Европейской части России составила только 30,54 лет (для мужчин – 29,43, женщин – 31,69 – соответственно). К 1926–1927 году данный показатель вырос до 42,93 лет (40,23 для мужчин и 45,61 – для женщин) (табл. 7). (Статистический ..., 2017).

Таблица 7. Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения России, 1896–1897, 1926–1927 гг., лет

Годы	Число лет								
	Все население			Городское население			Сельское население		
	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины
1896–1897 (по 50 губерниям Европейской части России)	30,54	29,43	31,69	29,77	27,62	32,24	30,63	29,66	31,66
1926–1927 (по Европейской части РСФСР)	42,93	40,23	45,61	43,92	40,37	47,50	42,86	40,39	45,30

Однако, как отмечает С.А. Новосельский, в период с 1907 по 1914 годы средняя ожидаемая продолжительность жизни населения России, отнесенного в соответствующих документах к православному, составила около 32 лет у мужчин и 34 лет у женщин (Новосельский, 1916: 179–181). Он приводит расчеты средней ожидаемой продолжительности жизни российского населения по различным научным методикам. В ходе исследовательской работы, С.А. Новосельский приходит к выводу, что в конце XIX – начале XX века этот показатель колебался в разные годы на разных территориях России в интервале от 30 до 40 лет, что в целом соответствует вышеприведенным статистическим данным (Новосельский, 1916: 182).

Для сравнения заметим, что к настоящему времени средняя ожидаемая продолжительность жизни российского населения существенно возросла. Так, в 1990 году она составила 69,19 лет, а к 2015 – 71,39 лет (Статистический..., 2017).

При этом к концу XIX – началу XX века, как видно из табл. 7, в Европейской части Российской империи наблюдалось некоторое количественное преобладание женщин над общим числом мужчин. Однако иная ситуация была характерной для г. Томска в 1912 году (табл. 6). Преобладание мужчин среди томского населения было обусловлено, прежде всего, пришлым рабочим населением, студенчеством и солдатами (Мультановский, 1915: 6–7).

Молодость российского населения в конце XIX – начала XX объяснялась, прежде всего, высоким уровнем рождаемости. В среднем в период с 1861 по 1913 годы количество родившихся в России превысило количество умерших в 1,45. На каждый официально заключенный брак к 1910 году в среднем по пятидесяти губерниям Европейской части России приходилось около 5,3 рожденных детей. Тем не менее, несмотря на высокую рождаемость, в исследуемый период наблюдался и очень высокий уровень смертности, обусловленный, в свою очередь, низкой продолжительностью жизни населения Российской империи на рубеже XIX–XX веков (Рашин, 1956: 263–265).

Причем смертность имела свои специфические особенности. Как отмечается в работе С.А. Новосельского: особо высокая смертность была зафиксирована в детском и младенческом возрасте. Данный показатель находился на высоком уровне в юношеском, студенческом и рабочих возрастах. Существенно более низкая смертность наблюдалась в более старших возрастных группах (Новосельский, 1916: 179).

При этом в некоторых исследованиях приводятся данные о том, что средний возраст жителя Российской империи на рубеже XIX–XX веков составлял около 26 лет (Общий..., 1905: 160–161; Рашин, 1956: 266–287). Напомним, что средний возраст подавляющего большинства студентов томских вузов, представленного универсантами и студентами-технологами, согласно ранее приведенных данных, составлял примерно 24 года.

В сравнении заметим, что согласно данным, опубликованным Росстатом на базе обобщения и систематизации результатов переписи населения в 2010 году, средний возраст россиянина к этому моменту составил около 39 лет ([Результаты..., 2017](#)). При этом в исследовании А.С. Евдокимова указывается на то, что средний возраст российского студента-очника в начале XXI века находился в интервале от 19 до 22 лет ([Евдокимов, 2017: 19 - 21](#)).

Таким образом, можно констатировать, что сибирские студенты начала прошлого столетия, в сравнении со студентами-современниками, были уже взрослыми, зрелыми людьми по меркам того времени, многие из них имели собственные семьи, либо, по крайней мере, к этому возрасту, согласно устоявшемуся менталитету и сформировавшимся традициям, было принято жениться и заводить детей. Очевидно, что в таких условиях проблема низких стипендий, при одновременной нехватке времени для постоянной работы, была нелегким испытанием для многих лиц, желающих получить высшее образование.

5. Заключение

Подводя итоги исследованию, необходимо отметить следующее:

1. Материалы журнала «Сибирский студент» (1914–1916 гг.), являясь ценным историческим источником, содержат важный пласт сведений о социально-демографических и многих других характеристиках сибирского студенчества в начале XX века.

2. По сведениям, опубликованным в сибирской студенческой прессе, в начале XX века среди студенчества наблюдалось явное преобладание лиц мужского пола. Данная тенденция в отношении полового состава учащихся вузов в целом была характерной для Российской империи, при этом достаточно ярко проявлялась в сибирском крае, где только в 1910 году открывается первое и единственное в Сибири высшее учебное заведение, специализированное на обучении девушек – Сибирские высшие женские курсы. Однако количество курсисток, проходивших обучение в данном учебном заведении, было существенно меньшим в сравнении с общим числом студентов Томского университета и Томского технологического института, где полноценное обучение было доступно только для лиц мужского пола. Женщины имели ограниченные права на получение образования в этих учебных заведениях – лишь в качестве вольнослушательниц.

3. Общая демографическая ситуация в Российской империи в этот период была несколько иной, чем в студенческой прослойке. Как выяснилось, в начале XX века в большинстве регионов страны в этот период преобладало количество женщин, однако в Томске (городе, где в это время были расположены три единственных сибирских вуза) количественно преобладало мужское население, что было обусловлено проживающим в городе студенчеством, пришлым населением и солдатами.

4. Определено, что с одной стороны, возраст сибирских студентов в начале XX века в среднем был несколько старше среднего возраста современных учащихся вузов, обучающихся на очной форме. С другой стороны – средний возраст жителей России в начале XX века был значительно ниже аналогичного показателя, сформировавшегося через столетие – т.е., к началу XXI века.

5. Установлено, что сибирские студенты в начале прошлого столетия были уже взрослыми, зрелыми людьми по меркам того времени, многие из них имели собственные семьи, либо, по крайней мере, к этому возрасту, согласно устоявшемуся менталитету, было принято жениться и заводить детей.

6. Определено, что в числе сибирских студентов численно преобладали лица, придерживающиеся православного христианского вероисповедания. Также среди студенчества имели некоторое распространение другие христианские религии (русский католицизм, протестантизм (лютеранство), григорианство, старообрядчество). Лица иных вероисповеданий, помимо христианства, среди сибирского студенчества начала XX века встречались значительно реже.

7. Выявлено, что по сословной принадлежности среди студентов томских вузов в исследуемый временной период количественно преобладали выходцы из семей духовенства, дворян, чиновников и мещан. Несколько меньшая, но также существенная часть студенчества, была представлена выходцами из крестьянских семей. Представители других сословий встречались значительно реже.

Литература

[Возраст..., 1914](#) – Возраст учащихся высших учебных заведений города Томска (по данным анкеты 1913 года) // Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск. 1914. №1 (май). С. 49-52.

[ГАТомО](#) – Государственный архив Томской области.

[Евдокимов, 2017](#) – *Евдокимов А.С.* Социальный портрет современного студента. М., 2017.

[Енисейский, 1915](#) – *Енисейский Б.* Студенчество о самом себе // Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск. 1915. №3-4 (нояб.-дек.). С. 33-38.

[Мульгановский, 1915](#) – *Мульгановский П.М.* Население г. Томска по данным переписи 2-го декабря 1912 года (возрастной, профессиональный, вероисповедный и национальный состав). Томск, 1915.

[Новосельский, 1916](#) – *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.

Общий..., 1905 – Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб, 1905.

Рашин, 1956 – Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813-1913). Статистические очерки / Под редакцией академика С.Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое издательство, 1956.

Результаты..., 2017 – Результаты переписи населения 2010 года. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (по состоянию запроса на 10.08.2017). / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

Сергеев, 2010 – Сергеев Р.В. Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2010. С. 37-38.

Статистический..., 2017 – Статистический отчет «Ожидаемая продолжительность жизни». Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (по состоянию запроса на 10.08.2017). / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

Сулимов, 1995 – Сулимов В.С. Очерки по истории народного образования Западной Сибири. Тюмень, 1995.

Чепалов, 1914 – Чепалов В. Томский университет в 1913 г. (по данным официального отчета о состоянии Томского университета за 1913 год) // *Сибирский студент: ежемесячный журнал, издающийся в городе Томск*. 1914. №2 (авг.). С. 75-80.

Dudgeon, 1982 – Ruth A. Dudgeon. The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917. // *Russian History*. 1982, Volume 9. Issue 1. p. 1-26

Vermeer, Van Der Ven, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes. Moral Consciousness of Secondary School Students. // *Journal of Empirical Theology*, 2003, Volume 16, Issue 1, p. 51-71.

References

Vozrast ..., 1914 – Vozrast uchashchikhsya vysshikh uchebnykh zavedeniyakh goroda Tomsk (po dannym ankety 1913 goda). [Age of students in higher educational institutions of the city of Tomsk (according to the questionnaire, 1913)]. *Sibirskii student: ezheemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk*. 1914. №1 (mai). S. 49-52. [in Russian].

GATomO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. [in Russian].

Evdokimov, 2017 – Evdokimov A.S. (2017). Sotsial'nyi portret sovremennogo studenta. [Social portrait of a modern student Social portrait of a modern student]. М. [in Russian].

Eniseiskii, 1915 – Eniseiskii B. (1915). Studenchestvo o samom sebe. [Students about yourself]. *Sibirskii student: ezheemesyachnyi zhurnal, izdayushchiysya v gorode Tomsk*. №3-4 (noyab.-dek.). S. 33-38. [in Russian].

Mul'tanovskii, 1915 – Mul'tanovskii P.M. (1915). Naselenie g. Tomsk po dannym perepisi 2-go dekabrya 1912 goda (vozrastnoi, professional'nyi, veroispovednyi i natsional'nyi sostav). [The population of Tomsk according to the census of 2 December 1912 (age, professional, religious and national composition)]. Tomsk. [in Russian].

Novosel'skii, 1916 – Novosel'skii S.A. (1916). Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii. [Mortality and life expectancy in Russia]. Pg. [in Russian].

Obshchii..., 1905 – Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 g. [General set on the Empire of the results of the development data of the first General census of the population produced 28 January 1897]. SPb, 1905. [in Russian].

Rashin, 1956 – Rashin A.G. (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1813-1913). Statisticheskie ocherki. [The population of Russia for 100 years (1813-1913). Statistical essays]. / Pod redaktsiei akademika S.G. Strumilina. М.: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo. [in Russian].

Rezul'taty..., 2017 – Rezul'taty perepisi naseleniya 2010 goda. Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki (po sostoyaniyu zaprosa na 10.08.2017). [The results of the census of 2010. Official site of the Federal service of state statistics (as request 10.08.2017)]. / [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/> [in Russian].

Sergeev, 2010 – Sergeev R.V. (2010). Molodezh' i studenchestvo kak sotsial'nye gruppy i ob'ekt sotsiologicheskogo analiza. [The youth and students as social groups and an object of sociological analysis]. *Vestnik Aдыгейского государственного университета. Серия 1: Regionovedenie, filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 2010. S. 37-38. [in Russian].

Statisticheskii ..., 2017 – Statisticheskii otchet «Ozhidaemaya prodolzhitel'nost' zhizni». Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki (po sostoyaniyu zaprosa na 10.08.2017). [Statistical report "life expectancy". Official site of the Federal service of state statistics (as request 10.08.2017)]. / [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru/> [in Russian].

Sulimov, 1995 – Sulimov B.C. (1995). Ocherki po istorii narodnogo obrazovaniya Zapadnoi Sibiri. [Essays on the history of public education in West Siberia]. Tyumen'. [in Russian].

Chepalov, 1914 – Chepalov V. (1914). Tomskii universitet v 1913 g. (po dannym ofitsial'nogo otcheta o sostoyanii Tomskogo universiteta za 1913 god). [Tomsk University in 1913 (according to the official report on

the status of the University in 1913)]. *Sibirskii student: ezheemesyachnyi zhurnal, izdayushchiisya v gorode Tomsk*. №2 (avg.). S. 75-80. [in Russian].

Dudgeon, 1982 – Ruth A. Dudgeon. (1982). The Forgotten Minority: Women Students in Imperial Russia, 1872-1917. *Russian History*. Volume 9. Issue 1. p. 1-26

Vermeer, Van Der Ven, 2003 – Vermeer Paul, Van Der Ven Johannes. (2003). Moral Consciousness of Secondary School Students. *Journal of Empirical Theology*, Volume 16, Issue 1, p. 51-71.

УДК 316.354+94(57)

Социально-демографические характеристики сибирского студенчества в начале XX века (по материалам журнала «Сибирский студент»: 1914–1916 годы)

Оксана Вячеславовна Устинова ^{a, *}, Ольга Викторовна Кирилова ^b

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

^b Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются материалы журнала «Сибирский студент», издававшегося в г. Томске с 1914 по 1916 годы, раскрывающие социально-демографические характеристики сибирского студенчества в начале XX века. В рамках исследования установлено, что среди лиц, обучающихся в томских вузах, количественно преобладали мужчины.

Средний возраст учащихся Томского университета и Томского технологического института, представляющих наибольшую часть всего студенчества Сибири в начале XX века, к 1913 году, по данным, опубликованным в журнале, составил около 24 лет. Несколько более молодой оказалась аудитория курсисток (студенток Сибирских высших женских курсов), где средний возраст учащихся находился в интервале от 21 до 22 лет.

Выявленные социально-демографические данные о сибирском студенчестве начала прошлого столетия были сопоставлены с показателями среднего возраста населения Российской империи в этот временной период. На основе представленных результатов, сделан вывод о том, что сибирские студенты начала XX века были взрослыми, зрелыми людьми по меркам того времени, многие из них имели собственные семьи.

Также было определено, что подавляющая часть студенчества, обучающегося в высших учебных заведениях города Томска в начале прошлого столетия, относилась к лицам, придерживающимся православной христианской религиозной традиции. По сословной принадлежности среди студентов томских вузов количественно преобладали выходцы из семей духовенства, дворян, чиновников и мещан. Несколько меньшая, но также существенная часть студенчества, была представлена выходцами из крестьянских семей. Представители других сословий встречались значительно реже.

Обосновано, что журнал «Сибирский студент» является важным историческим источником начала XX века, содержащим большой пласт ценной информации о сибирском студенчестве начала прошлого столетия.

Ключевые слова: высшие учебные заведения, студенты, Сибирь, социально-демографическая характеристика, половозрастной состав, сословная принадлежность, вероисповедание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sema_79@bk.ru (О.В. Устинова),
o-kirilova2009@yandex.ru (О.В. Кирилова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1572-1581, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1572
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).084.2

Position of the Cossacks of the Petrograd garrison during the October uprising in the Capital and Participation of Cossack Units in the Campaign of Kerensky-Krasnov

Vladimir P. Trut ^{a, b*}, Sergey V. Borodin ^a, Vasily V. Tarakanov ^c

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

^c Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article, based on analysis of archival and published documents and materials, works of domestic and foreign historians on this issue, we investigated the political positions of the Cossacks of the Petrograd garrison and their direct participation in the important and drama events of the October insurrection the Bolsheviks in the capital and in the period of the so-called March of the Kerensky-Krasnov on Petrograd. Based on comprehensive analysis of different in nature and content sources, a variety of historiographical approaches reveal various factors that most directly influenced the position of the Cossacks in the period under review.

During the Bolshevik uprising in Petrograd in October 1917. The Cossacks of the Don Cossack regiments, which were at that time part of the garrison, refused to speak on the side of the Provisional government, took a neutral political and military positions. It is largely and most directly affected the course of the uprising, it is almost a bloodless character, and partly even in its General results. After receiving a report of an armed intervention of the Bolsheviks in the capital to seize power, according to the order of the command a small part of the Cossacks of the 3rd cavalry corps, moved to Petrograd on a Bolshevik suppression. But a very small number of unit of General Krasnov, as well as the ever increasing discontent of the Cossacks, who did not want to take part in the flares of the civil war, led to the failure of the so-called campaign of Kerensky-Krasnov.

Analysis of neutral political and military positions actually Cossacks Don Cossack regiments from the garrison during the October uprising of the Bolsheviks in Petrograd and the Cossacks of the 3rd cavalry corps during the campaign of Kerensky and Krasnov to the capital allows to make a conclusion about the quite significant effect of this factor for the victory of the Bolsheviks in Petrograd in October 1917. And, as a consequence, the further development of political events in the country.

Keywords: cossacks, cossack units, the October uprising, the political events, the campaign of Kerensky-Krasnov.

1. Введение

События Октябрьского восстания большевиков, ставшего прологом Октябрьской революции 1917 г. в России, оказавшей, несмотря на самые различные, порой полярно диаметрально общественно-политические и исторические оценки, колоссальное влияние не только на всю историю России XX века, но в определённой мере и на ход мировой истории, продолжают оставаться в центре внимания исследователей. При этом на современном этапе исторического познания внимание учёных сосредоточено не столько на рассмотрении собственно фактологических событий данного

* Corresponding author

E-mail addresses: trut.vladimir@rambler.ru (V. P. Trut), dddboro@yandex.ru (S. V. Borodin), rector@volsu.ru (V.V. Tarakanov)

восстания, сколько на выявлении и всестороннем анализе объективных и субъективных факторов, способствовавших победе большевиков в октябрьские дни в Петрограде, содержания политических процессов, происходивших в различных столичных социальных слоях, особенно, учитывая так называемый «солдатский отпечаток» революции, в составе солдат Петроградского гарнизона. Самого пристального внимания в этой связи заслуживает анализ политических позиций и конкретных действий во время большевистского восстания казаков столичного гарнизона, дисциплинированность, боевая выучка и авторитет в армейской среде который были очень высоки. И современникам, непосредственным участникам тех событий, и впоследствии исследователям было очевидно, что от позиций казаков в то время зависело многое. В то же время позиции казаков Петроградского гарнизона во время Октябрьского восстания в столице и участие казачьих частей в последовавшем буквально сразу же вслед за ним так называемом походе Керенского-Краснова исследованы недостаточно всесторонне и обстоятельно.

2. Материалы и методы

В статье использованы архивные и опубликованные как в нашей стране, так и за рубежом, документы и материалы самого разного характера, включая официальные документы, приказы, распоряжения, телеграфные и телефонные переговоры высших политических и военных деятелей Временного и Советского правительств, материалы центральной и региональной периодической печати того времени, воспоминания непосредственных участников событий. Привлечены разнообразные материалы отечественной, эмигрантской и зарубежной историографии по данной проблеме. В работе использован многофакторный подход, историко-системный метод, позволяющий изучать объект исследования путём выделения его отдельных структурных элементов, их прямых и опосредованных функций, их связи между собой и с целым, научно-критический анализ.

3. Обсуждение

Позиция казаков столичного гарнизона во время большевистского восстания в Петрограде и участие казачьих частей в известном походе Керенского-Краснова получили соответствующее освещение в историографии (Голуб, 1967; Гражданская война в СССР, 1980; Дыков, 1960; Ермолин, 1982; Ерыкалов, 1966; Иоффе, 1995; История гражданской войны в СССР: 1917–1922, 1966; Кириенко, 1988; Минц, 1979; Октябрьское вооружённое восстание, 1967; Пайпс, 1994; Поликарпов, 1990; Соболев, 1985; Старцев, 1987). Однако эти вопросы рассматривались отечественными и зарубежными историками главным образом в контексте исследования различных аспектов Октябрьской революции. При этом роль казаков столичного гарнизона в период большевистского восстания и похода Керенского-Краснова на Петроград в октябре 1917г. и особенно значение позиций, занятых ими в это время для победы большевиков и последующего развития событий, продолжают оставаться предметом научных дискуссий. В то же время специальных работ, в которых бы всесторонне и обстоятельно были рассмотрены все аспекты данных вопросов, нет. К тому же целый ряд моментов как фактологического, так и содержательного характера вплоть до настоящего времени остается вне поля зрения исследователей.

4. Результаты

Ко времени Октябрьского восстания в составе Петроградского гарнизона, то есть непосредственно в столице и в близлежащих пригородах, находились следующие казачьи части и подразделения. В самом городе располагались три донских казачьих полка (1-й, 4-й и 14-й), общая численность которых составляла 2,5 тыс. чел. (Ерыкалов, 1966: 256), (по другим данным она доходила до 3,2 тыс. чел. (Кочаков, 1956: 75; Соболев, 1985; 87), казачья сотня Николаевского кавалерийского училища (порядка 120 чел.), а также аппарат Совета Союза казачьих войск (примерно 50 чел.). В Царском Селе располагалась половина, 3-я и 4-я терские сотни, бывшего императорского конвоя численностью около 300 казаков (Другая половина конвоя, 1-я и 2-я кубанские сотни, сопровождавшая Николая II в его поездке в Ставку в г. Могилев и застигнутая там Февральской революцией, осталась на месте и уже на следующий день после отречения императора была переименована в Конвой Верховного Главнокомандующего. Но спустя немного времени генерал М.В.Алексеев казаков этих сотен на Кубань передал в распоряжение войскового атамана). В Павловске находилась 6-я Гвардейская Донская батарея. В Гатчине, Петергофе, Красном Селе, Оранненбауме были мелкие казачьи подразделения. Общая численность расквартированных в столичных пригородах казачьих подразделений составляла всего 820 человек (Ерыкалов, 1966: 256). В относительной близости к Петрограду находились части III конного корпуса, в состав которого входила 1-я Донская казачья дивизия (9-й, 10-й, 13-й и 15-й Донские полки), Уссурийская конная дивизия (Уссурийский, 1-й Нерчинский и 1-й Амурский казачьи полки и неказачий Приморский драгунский полк), шесть казачьих батарей (пять донских и одна Амурская) двухсотенный уссурийский казачий дивизион (РГВИА. Ф. 5046. Оп. 1. Д. 173. Л. 62).

Но после корниловского выступления и вплоть до 20-х чисел октября происходило рассредоточение частей корпуса по различным городам и населенным пунктам на очень значительном расстоянии друг от друга. Так, 13-й и 15-й Донские полки были в Ревеле, Уссурийский

дивизион и четыре сотни 1-го Амурского полка в Боровичах, две сотни 10-го Донского полка в Новгороде, сотни Уссурийского и 1-го Нерчинского полков в Старой Руссе, Витебске, Осташкове и Торопце (Денисов, 1937: 115). В г. Острове, где находился штаб корпуса, к моменту большевистского восстания в распоряжении командира корпуса генерала Краснова было всего только 18 сотен (6 сотен 9-го Донского, 4 сотни 10-го Донского, 6 сотен 1-го Нерчинского и 2 сотни 1-го Амурского казачьих полков) и 16 орудий (12 орудий 6-й, 7-й и 27-й Донских и 4 орудия недавно сформированной и практически необученной, ни разу не стрелявшей, 1-й Амурской батареей) (Краснов, 1922: 144). В общей сложности части III-го конного корпуса к этому времени были разбросаны на большом расстоянии, более 450 км по фронту и примерно таком же на глубину, друг от друга (Денисов, 1937: 27).

На дальних подступах к Петрограду, в Финляндии, располагались 5-я Кавказская казачья дивизия в составе четырех полков (1-го Кавказского, 1-го Таманского, 3-го Таманского и 3-го Линейного), двух батарей (4-й и 6-й Кубанских), пулеметной команды, четырехсотенного пешего стрелкового дивизиона, а также 23-й Донской казачий полк (Трут, 1997: 116-118). В целом все эти казачьи части, учитывая их высокий уровень боевой подготовки, большой фронтовой опыт, хорошую организаторскую и весьма высокую дисциплинированность, представляли собой достаточно серьезную военную силу.

Правительство и армейское командование далеко не бесосновательно считало казачьи части наиболее организованными, дисциплинированными, боеспособными, надежными в политическом и военном отношении. Но в то же самое время ими далеко не в полной мере учитывались изменения, происшедшие в сознании и общих настроениях казаков. Наиболее отчетливо они проявлялись, в частности, в казачьих полках столичного гарнизона. Так, члены специальной делегации донского войскового правительства, прибывшей в Петроград в первых числах октября с целью добиться у Временного правительства издания им оправдательной декларации по, так называемому, «делу Каледина», сразу же после встречи с казаками 1-го, 4-го и 14-го Донских полков потребовали от правительства и командования армией немедленного вывода этих полков из столицы ввиду «разложения» казаков под воздействием большевистской агитации (Вольный Дон. 1917. 4 октября). Примечательно, что по свидетельству очевидцев, посланцев войскового правительства казаки данных полков встретили весьма сдержанно (Вольная Кубань. 1917. 27 октября).

Не случайно в начале октября атаман А.М. Каледин направил командующему Петроградским военным округом полковнику Г.П. Полковникову срочное письмо, в котором настаивал на выводе донских полков из столицы. Но только через две недели, 20 октября, военный министр А.И. Верховский отдает распоряжение начальнику штаба Северного фронта генералу С.Г. Лукомскому о смене казачьих полков в Петрограде по причине их большевизации (Великая Октябрьская, 1961: 356). При этом следует сразу же оговориться, что, употребляя термин «большевизация», официальные лица в то время подразумевали, главным образом, общее усиление процессов критических, оппозиционных настроений среди казаков столичного гарнизона, отчасти, падение среди них дисциплины и, как следствие, возможный отказ от исполнения приказов. О какой-либо их действительной большевизации, то есть о принятии большевистских политических установок, поддержке большевистской партии, в то время говорить не приходилось.

В 20-х числах октября обстановка в столице стала сильно накаляться. Полным ходом осуществлялась активная деятельность большевистского руководства по подготовке открытого вооруженного выступления с целью захвата власти. При этом им во всю использовались лозунги «защиты революции», действий от имени и в интересах народа, необходимости борьбы с «наступлением контрреволюции» и т.п. Такой довольно удачный тактический политический ход принес весьма значительные конкретные результаты, поскольку в существенно «полевевшем» российском обществе тогда практически никто не желал прослыть «контрреволюционером».

Одним из основных практических инструментов реализации большевистской стратегии по захвату власти стал Петроградский Военно-революционный комитет. На состоявшемся 21 октября в Смольном втором совещании представителей воинских частей Петроградского гарнизона, первое прошло еще 18 октября, была принята резолюция, поддерживавшая идею образования ВРК и все шаги, направленные «на более тесную связь фронта с тылом в интересах революции» (Рабинович, 1989: 266). Образованный ЦК РСДРП(б) еще 16 октября Партийный центр (Военно-революционный центр) вошел в Петроградский ВРК по сути дела, как его руководящее политическое ядро.

Под прикрытием мощной агитационно-пропагандистской компании, большевистская партия через ВРК начинает устанавливать свой непосредственный контроль над частями столичного гарнизона. По свидетельству генерала А.И. Деникина, после образования Петроградского ВРК «...в последующие дни, после ряда собраний полковых комитетов, почти все части гарнизона признали власть революционного комитета, и последний в ночь на 22-е (октября – В.Т.) объявил приказ о неподчинении войск военному командованию» (Деникин, 1926: 271). И уже начиная с вечера 21-го, а также в течение следующего дня 22-го октября ВРК практически полностью взял на себя функции руководителя всего гарнизона. Во все воинские части на смену правительственных комиссаров были направлены комиссары ВРК. Но в 1-м, 4-м и 14-м Донских казачьих полках, единственных из всех частей гарнизона, их не приняли.

С началом большевистского восстания правительство сразу же предприняло настойчивые попытки по привлечению для борьбы с ним 1-го, 4-го и 14-го Донских полков. В ночь с 24 на 25 октября А.Ф. Керенский отдает приказ о направлении на подавление «беспорядков» находившихся в столице донских полков (Керенский, 1922: 201). В эти полки была передана телефонограмма №65457 подписанная генералом Багратуни и комиссаром ЦИК Милевским с приказом Керенского «...не теряя ни минуты, выступить на помощь Центральному Комитету Советов, революционной демократии, Временному правительству...» (Иоффе, 1995: 168). Но казаки не поспешили выполнить данный приказ. Тогда же, в ночь с 24 на 25 октября, командующий Петроградским военным округом полковник Полковников разослал телеграммы на имя Керенского и командующего Северным фронтом генерала Черемисова, в которых сообщал: «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. (Так в тексте – В.Т.). Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступали» (Архив Русской революции, 1922: 286). Спустя два часа генерал для поручений при Верховном Главнокомандующем Левицкий в разговоре по прямому проводу с начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом Духониным передал последнему текст телеграммы с приказом Керенского командующему Северным фронтом, командиру 42-го пехотного корпуса и начальнику 5-й Кавказской казачьей дивизии направить все полки пятой Кавказской казачьей дивизии с артиллерией, 23-й Донской казачий полк и все остальные казачьи части, находящиеся в Финляндии, в Петроград в распоряжение начальника Петроградского округа полковника Полковникова. Причем, в случае невозможности их перевозки по железной дороге эти части должны были идти походным порядком (Архив Русской революции, 1922: 286). В ходе данного разговора одновременно была передана и еще одна телеграмма с приказом Керенского командующему Северным фронтом немедленно отправить в Петроград все полки 1-й Донской казачьей дивизии со своей артиллерией по железной дороге, а в случае невозможности этого – походным порядком (Архив Русской революции, 1922: 287). Вместе с Керенским этот приказ подписал и войсковой старшина Греков от Союза казачьих войск (Архив Русской революции, 1922: 287). Но находившиеся в Финляндии 5-я Кавказская казачья дивизия и 23-й Донской казачий полк не выполнили поступившего приказа и не покинули места своего расположения. (А через два дня полковые казачьи комитеты 5-й Кавказской дивизии приняли постановление о том, что «...казаки не будут выполнять приказов Временного правительства, а пойдут вместе с Советами» (Лутовинов, 1970: 194).

В течение всей ночи с 24 на 25 октября между штабом Петроградского военного округа и членами правительства с одной стороны и 1-м, 4-м и 14-м Донскими полками с другой, шли телефонные переговоры относительно выхода этих полков к Зимнему дворцу на защиту правительства (Архив Русской революции, 1922: 304). По словам Керенского, казаки настаивали на придании им пехотных частей и «...упорно отсиживались в своих казармах и на частые телефонные звонки все время отвечали, что вот они через 15-20 минут «все выяснят» и «начнут седлать лошадей» (Керенский, 1922: 201). В результате многочасовых переговоров к Зимнему на Дворцовую площадь прибыло только три сотни 14-го Донского полка (ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 23. Л. 144). Утром 25 октября командиры всех трех донских полков довели до сведения правительства, что общим решением полковых комитетов казаки отказываются выступать на защиту правительства без поддержки пехотных армейских частей, броневых автомобилей и пулеметов (Приазовский край. 1917. 8 ноября). Свой отказ действовать без пехоты они подтвердили при ответе на новый телефонный приказ штаба Петроградского военного округа о немедленном выступлении (Большевики Петрограда в 1917 году, 1957: 691). Условие привлечения пехоты для совместных действий казаки выдвигали отнюдь не просто так. За этим скрывалась не чисто военная тактическая подоплека (боязнь самостоятельного выступления ввиду малочисленности и отсутствия вооруженной поддержки со стороны пехотных полков), а скорее политическая. Для казаков «пехота», состоявшая из крестьян и рабочих, являлась выразителем доминирующих политических взглядов и настроений большинства населения страны. Поэтому, говоря о возможности каких-либо действий в поддержку правительства только совместно с пехотой, казаки присоединялись к воле народа, выразителем которой, по их мнению, могли служить солдаты столичного гарнизона. Днем 25 октября в Зимний прибыла делегация казачьих полков. Министры А.И. Коновалов и Н.М. Кишкин уговаривали прибывших защищать правительство. В ответ казаки вновь категорически заявили, то «...ни один казак не выступит» (Дневник А.В. Ливеровского, 1960: 42). На возобновившемся после этих безрезультатных переговоров заседании Временного правительства Коновалов сообщил о безуспешных попытках уговорить казаков (Ерыкалов, 1966: 420). В эти тревожные часы по казармам казачьих полков ездили председатель Предпарламента Н.Д. Авксентьев, представители правительства, безуспешно пытавшиеся уговорить казаков выступить на защиту Временного правительства (Акулинин, 1930: 13).

Максимальные усилия с целью повлиять на позиции казаков прилагал Совет Союза казачьих войск. На состоявшихся 25 октября в его помещении нескольких заседаниях присутствовали и специально приглашенные члены полковых комитетов 1-го, 4-го и 14-го Донских полков. Но, несмотря на все их увещевания, казаки однозначно заявили о нейтралитете всех трех казачьих полков (Вольная Кубань. 1917. 4 ноября). Члены Совета Союза есаул Анисеев и прапорщик Худяков

много раз приезжали в казармы донских полков, вели там переговоры, но выступления казаков без выдвинутых ими условий добиться не смогли (ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 23. Л. 144; Вольный Дон. 1917. 28 октября). В такой ситуации Совет Союза казачьих войск прибегнул даже к тому, что от своего имени направил специальное обращение проходившему в Киеве общефронтовому казачьему съезду с просьбой «при помощи резолюции съезда опомнить казачьи полки в Петрограде» (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 1. Л. 3).

Вечером 25 октября, в 21 ч. 45 мин., казаки находившихся на Дворцовой площади трех сотен 14-го Донского полка поставили в известность членов правительства о своем решении уйти в казармы (Дневник А.В. Ливеровского, 1960: 46).

Позиции донских казаков во время восстания в столице, учитывая его особенности, в частности, численность и особенно уровень боевой подготовки красногвардейцев, практически нейтральные позиции основной массы солдат гарнизона, во многом непосредственно сказались на его ходе, бескровном характере и отчасти даже общих итогах. При этом не следует упускать из виду такие важные факторы, как значительные боевые возможности казачьих полков, пассивность подавляющего большинства солдатских частей. Так, по подсчетам известного зарубежного исследователя Р. Пайпса в восстании на стороне большевиков участвовали только 4% от общего числа солдат столичного гарнизона (Пайпс, 1994: 160). К тому же, следует добавить, что это были солдаты запасных полков и батальонов, уровень военной подготовки и боевой дух которых был крайне низок. По свидетельству П.Н. Краснова, прибывший к нему из Петрограда сотник Карташов характеризовал настроения столичного гарнизона, как колеблющиеся, «не знающего на чью сторону стать, держащего нейтралитет» (Краснов, 1922: 154). Об этом же говорят и современные исследователи, указывающие, что солдаты Петроградского гарнизона во время восстания «...Заняли пассивную позицию, отсиживались в казармах и требовали от обеих сторон перехода к переговорам» (Белоцкий, 1998: 119). В таких условиях за позициями казаков весьма внимательно наблюдали не только обе противоборствующие стороны, а также и некоторые силы, занимавшие выжидательные позиции, в частности, многие юнкерские училища Петрограда. Так, вечером 25 октября некоторые юнкерские училища запрашивали донские полки относительно их намерений выходить на защиту правительства. Получив от них уклончивый ответ, юнкера воздержались от каких-либо активных действий и остались в своих помещениях (Большевики Петрограда в 1917 году, 1957: 691).

Оказавшись в очень сложном и практически безвыходном положении, члены Временного правительства уповали на прибытие в столицу верных частей с фронта и, прежде всего, конечно, казачьих полков. Утром 26 октября прибывший в штаб Северного фронта Керенский вновь приказывает частям 3-го конного корпуса двигаться на Петроград. И, благодаря усилиям его командира генерала Краснова, днем этого же дня первые эшелоны с казаками отправились в путь. Правда Краснову удалось собрать весьма незначительные силы: всего шесть сотен 9-го Донского полка и четыре сотни 10-го Донского полка. Причем все эти сотни были, так называемого, слабого состава и насчитывали только примерно по 70 казаков в каждой. По словам самого П.Н. Краснова, на Петроград двинулось в общей сложности 700 казаков (Краснов, 1922: 155).

Общие настроения казаков, шедших на столицу, также как и противостоявших им красногвардейцев, солдат и матросов, были далеко не воинственными. Приказ о движении на Петроград они исполняли с большой неохотой. Цели похода оставались для них во многом неясными к тому же, как верно заметил А.И. Деникин, в то время «...казаков сильно смущали их одиночество (т.е. отсутствие поддержки со стороны других, прежде всего, пехотных, армейских частей – Авт.) и мысль, что они идут «против народа» (Деникин, 1926: 93). Но казаки все-таки продолжали продвигаться вперед. 27 октября они без боя занимают Гатчину. Находившиеся там солдаты и матросы, которые были направлены из Петрограда навстречу Красновским войскам, были разоружены казаками. Вечером этого же дня дежурный Петроградского ВРК получил сообщение из Гатчины о том, что там «разоружены матросы, 100 человек, и взято шесть пулеметов. Разоружены семеновцы и измайловцы. Всего обезоружено 1500 человек» (Петроградский Военно-революционный комитет, 1966: 210). Начавшееся вооруженное противостояние не отличалось тогда масштабностью и жесточечностью действий. По свидетельству Н.И. Подвойского, «...уже после первой перестрелки казаков с красногвардейцами и войсками началось братание» (Подвойский, 1927: 43-44).

В тот же день к войскам Краснова подошло еще две сотни 10-го Донского полка с 2 орудиями (Краснов, 1922: 155). 28 октября Краснов отдает приказ о дальнейшем наступлении на Петроград (ГАРФ. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 5. Л. 89). В этот же день его части занимают Царское Село. Тогда же к ним подходят на подкрепление три сотни 1-го Амурского казачьего полка из состава Уссурийской конной дивизии. Но амурцы, по словам Краснова, заявили, что «...в братоубийственной войне принимать участия не будут, что они держат нейтралитет», и отказались даже выставить заставы для охраны Царского Села и смены усталых донцов (Краснов, 1922: 162). В это же время и сами донские казаки через свои полковые комитеты заявили Краснову, что до похода пехоты они дальше не пойдут (Краснов, 1922: 162). С большим трудом генералу при помощи комиссаров Станкевича и Войтинского удалось успокоить казаков. Керенского, присутствие которого в войсках, вызывало открытое и все возрастающее недовольство казаков, уговорили уехать в тыл в Гатчину.

Терпели неудачу и попытки переброски к Краснову дополнительных воинских сил, в том числе и казачьих полков его корпуса. Приказ Керенского о безотлагательной посылке в Гатчину 13-го и 15-го Донских полков выполнен не был (ГАРФ. Ф. 336. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). В донесении генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина Керенскому по данному вопросу говорилось, что эти полки не были отправлены из-за отказа железнодорожников подавать вагоны. Сами же казаки противодействия им не оказали и не изъявили желания выполнять приказ (Дыков, 1960: 28).

К вечеру 29 октября в распоряжении генерала Краснова находилось всего 630 казаков, 18 орудий, броневик и бронированный поезд (Краснов, 1922: 164). Несмотря на столь незначительные силы, Керенский, Савинков, Станкевич решительно настаивали на дальнейшем наступлении. Но ситуация в Красновском отряде серьезно осложнилась ввиду того, что в самом конце дня к генералу явились члены комитетов 1-й Донской и Уссурийской дивизий и заявили, что казаки отказываются идти дальше на Петроград без пехоты. При этом они высказали мысль, которая сильно беспокоила казаков: «Если пехота не приходит – значит, она вся против правительства и идет с большевиками» (Краснов, 1922: 164). Краснову пришлось долго убеждать явившихся казаков продолжить движение вперед. Несмотря на значительные колебания, утром 30 октября казаки возобновили наступление. Под Пулковым они были встречены довольно многочисленными сводными отрядами Петроградского ВРК, состоявшими из красногвардейцев, солдат и матросов. После достаточно упорного боя казаки вынуждены были отойти в Царское Село, а затем и дальше в Гатчину. Бой под Пулковым стал практически решающим и наиболее кровопролитным. В ходе него казаки, по свидетельству П.Н. Краснова, потеряли 3 человека убитыми и 28 ранеными. Потери же частей ВРК, по его словам, основанным на высказывании командовавшего большевистскими войсками полковника М.А. Муравьева, составили более 400 человек (Краснов, 1922: 177).

Вечером из Гатчины в занятое частями ВРК Царское Село прибыла делегация казаков с предложением начать переговоры о прекращении боевых действий. На следующий день в Гатчину к казакам приехала делегация от Петроградского ВРК во главе с П.Е. Дыбенко. На состоявшемся совместном митинге большинство казаков заявило о своем нежелании участвовать в гражданской войне (Октябрьское вооружённое восстание, 1967: 399).

1 ноября между казаками и членами ВРК было достигнуто соглашение о прекращении боевых действий, аресте Керенского и передаче в руки ВРК. Сами же казаки подлежат свободному пропуску домой. На следующий день по всей стране была разослана телеграмма №34 «Всем, всем, всем» с сообщением о переходе казаков на сторону революционных войск (ГАРФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 298). Поход Керенского-Краснова на Петроград окончился неудачей.

5. Заключение

Отказ казаков столичного гарнизона выступить на стороне Временного правительства, занятая ими нейтральная позиция оказали весьма существенное влияние на ход и итоги Октябрьского восстания. В то же самое время преувеличивать значение данного фактора не стоит. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждениями некоторых авторитетных эмигрантских деятелей, как, например, бывшего председателя Предпарламента Н.Д. Авксентьева, о том, что «вмешательство казаков» во время восстания имело бы «решающее значение» (Дни. 1927. 6 ноября).

Подчиняясь приказам командования, небольшая часть казаков 3-го конного корпуса двинулась к столице на подавление большевистского восстания. Однако незначительная численность отряда генерала Краснова, а самое главное – растущее недовольство казаков, не желавших принимать участия в разгорающейся гражданской войне, привели к провалу похода Керенского-Краснова.

Все более определяющее воздействие на позицию казаков начинают оказывать пацифистские, миролюбивые настроения. Казаки-фронтовики все настойчивее выражают требования мира, как на внешнем, так и на внутреннем фронте. Конечно, позиция казаков столичного гарнизона и части полков 3-го конного корпуса не отражала полностью настроений и взглядов фронтового казачества в целом. Но она свидетельствовала о довольно значительных и очень непростых процессах, происходивших в их политическом сознании.

Литература:

- Акулинин, 1930 – Акулинин И.Г. Казаки и октябрьский переворот. // Родимый край. 1930. №11. С. 7-18.
- Архив Русской революции, 1922 – Архив Русской революции. / Под ред. И.В. Гессена. В 22-х т. Т. VII. Документы. Берлин: Медный всадник, 1922. 181 с.
- Белоцкий, 1998 – Белоцкий К.М. Гатчинский фронт. // Вопросы истории. 1998. №3. С.114-131.
- Большевики Петрограда в 1917 году, 1957 – Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника революционных событий в Петрограде. Март-октябрь 1917 г. 2-е изд. Л.: Лениздат, 1957. 763 с.
- Великая Октябрьская, 1961 – Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. В 4-х т. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 671 с.
- Вольный Дон, 1917 – Вольный Дон. 1917. 4 октября.
- Голуб, 1967 – Голуб П.А. Партия, армия и революция. М.: Политиздат, 1967. 296 с.

- Гражданская война в СССР, 1980 – *Гражданская война в СССР*. В 2-х т. Т. 1. М.: Воениздат, 1980. Т.1. 367 с.
- Дыков, 1960 – Дыков И.Г. Разгром контрреволюционного мятежа Керенского-Краснова. М.: Знание, 1960. 40 с.
- Ермолин, 1982 – Ермолин А.П. Революция и казачество. М.: Мысль, 1982. 224 с.
- Ерыкалов, 1966 – Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966. 487 с.
- Иоффе, 1995 – Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 240 с.
- История гражданской войны в СССР: 1917-1922, 1966 – История гражданской войны в СССР: 1917-1922. В 5-ти т. М.: Госполитиздат, 1966. Т. 2. 651 с.
- Кириенко, 1988 – Кириенко Ю.К. Революция и Донское казачество (февраль-октябрь 1917). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1988. 242 с.
- Минц, 1979 – Минц И.И. История Великого Октября: В 3-х т. Изд-е 2-е.: Наука, 1979. Т.3. 903 с.
- Октябрьское вооружённое восстание, 1967 – Октябрьское вооружённое восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2-х кн. Л.: Наука, Ленинградское отд. 1967. Кн. 2. 454 с.
- Пайпс, 1994 – Пайпс Р. Русская революция: В 3-х т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1994. Т. 2. 361 с.
- Поликарпов, 1990 – Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России в 1905–1917 годах. М.: Наука, 1990. 381 с.
- Соболев, 1985 – Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. 311 с.
- Старцев, 1987 – Старцев В.И. Штурм Зимнего. Л.: Лениздат, 1987. 136 с.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Деникин, 1926 – Деникин А.И. Большевицкий переворот. // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Т.2. Октябрьская революция. М.-Л.: Государственное изд-во, 1926. 478 с.
- Денисов, 1937 – Денисов С.В. Белая Россия. Альбом № 1. Нью-Йорк: Изд-е Главного Правления Зарубежного Союза русских военных инвалидов, 1937. 128 с.
- Дневник А.В. Ливеровского, 1960 – Дневник А.В. Ливеровского о последних часах Временного правительства. // Исторический архив. 1960. №6. С. 40-48.
- Дни, 1927 – Дни. 1927. 6 ноября.
- Дыков, 1960 – Дыков И.Г. Разгром контрреволюционного мятежа Керенского-Краснова в 1917 году. М.: Знание, 1960. 40 с.
- Ерыкалов, 1966 – Ерыкалов Е.Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1966. 487 с.
- Иоффе, 1995 – Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 240 с.
- Керенский, 1922 – Керенский А.Ф. Издалека. Сб. ст. (1920–1921 гг.). Париж: Б.и., 1922. 86 с.
- Кочаков, 1956 – Кочаков Б.М. Состав Петроградского гарнизона в 1917 г. // Учёные записки Ленинградского государственного университета. №205. Серия исторических наук. Вып. 24. Л., 1956. С.67-82.
- Краснов, 1922 – Краснов П.Н. На внутреннем фронте. Архив Русской революции: В 22-х т. Под ред. И.В. Гессена. Берлин: Медный всадник, 1922. Т. 1. 312 с.
- Лутовинов, 1970 – Лутовинов И.С. Установление Советской власти на Северо-Западе России. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1970.
- Октябрьское вооружённое восстание, 1967 – Октябрьское вооружённое восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2-х кн. Л.: Наука, Ленинградское отд. 1967. Кн. 2. 454 с.
- Пайпс, 1994 – Пайпс Р. Русская революция: В 3-х т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1994. Т. 2. 361 с.
- Петроградский Военно-революционный комитет, 1966 – Петроградский Военно-революционный комитет. Сб. док. В 3-х т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1966. 584 с.
- Подвойский, 1927 – Подвойский Н. Красная гвардия в Октябрьские дни. М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. 105 с.
- Приазовский край, 1917 – Приазовский край. 1917. 8 ноября.
- Рабинович, 1989 – Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. Пер. с английского. М.: Мысль, 1989. 198 с.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Соболев, 1985 – Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. / Г.Л. Соболев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. 311 с.
- Трут, 1997 – Трут В.П. Казачий излом. (Казачество Юга-Востока России в начале XX века и в период революций 1917 года). Ростов-на-Дону: Гефест, 1997. 256 с.

References

- Akulinin, 1930 – Akulinin I.G. (1930). Kazaki i oktjabr'skij perevorot [The Cossacks of the I October revolution]. *Rodimyj kraj*. №11. pp. 7-18. [In Russian]

- [Arhiv Russkoj revoljucii, 1922](#) – *Arhiv Russkoj revoljucii*. Pod red. I.V. Gessena. V 22-h t. T.VII. Dokumenty. [Archive Russkoj revoljucii. Under the order. I.V. Gessena. V 22-h t. T. VII. Dokumenty]. Berlin: Mednyj vsadnik, 1922. 181 p. [In Russian]
- [Belockij, 1998](#) – *Belockij K.M.* (1998). Gatchinskij front [Gatchina front]. *Voprosy istorii*. №3. pp. 114-131. [In Russian]
- [Bol'sheviki Petrograda v 1917 godu, 1957](#) – *Bol'sheviki Petrograda v 1917 godu*. Hronika revoljucionnyh sobytij v Petrograde. Mart-oktjabr' 1917 g. [The Bolsheviks of Petrograd in 1917. Chronicle of the revolutionary events in Petrograd. March-October 1917]. 2-e izd. L.: Lenizdat, 1957. 763 p. [In Russian]
- [Velikaja Oktjabr'skaja socialističeskaja revoljucija, 1961](#) – *Velikaja Oktjabr'skaja socialističeskaja revoljucija*. Hronika sobytij. [The great October socialist revolution. Chronicle of events]. In 4 t. T. 4. M.: Izd-vo an SSSR, 1961. 671 p. [In Russian]
- [Vol'nyj Don, 1917](#) – *Vol'nyj Don* [Free Don]. 1917. 4 oktjabrja. [In Russian]
- [Vol'naja Kuban, 1917](#) – *Vol'naja Kuban* [Volnaya Kuban]. 1917. 4 nojabrja. [In Russian]
- [Golub, 1967](#) – *Golub P.A.* Partija, armija i revoljucija [Party, the army and the revolution]. Moscow: Politizdat, 1967. 296 p.
- [Grazhdanskaja vojna v SSSR, 1980](#) – *Grazhdanskaja vojna v SSSR* [Civil war in the USSR]. 2-ht.-Moscow: Voenizdat, 1980. Vol. 1. 367 p.
- [Dykov, 1960](#) – *Dykov I.G.* (1960). Razgrom kontrrevoljucionnogo mjatezha Kerenskogo-Krasnova [The defeat of the counter-revolutionary rebellion of Kerensky and Krasnov]. Moscow: Znanie. 40 p.
- [Ermolin, 1982](#) – *Ermolin A.P.* (1982). Revoljucija i kazachestvo [Revolution and the Cossacks]. Moscow: Mysl'. 224 p.
- [Erykalov, 1966](#) – *Erykalov E.F.* (1966). Oktjabr'skoe vooruzhennoe vosstanie v Petrograde [October armed uprising in Petrograd]. Leningrad: Lenizdat. 487 p.
- [Ioffe, 1995](#) – *Ioffe G.Z.* (1995). Semnadcatyj god [Seventeenth year]. Moscow: Nauka. 240 p.
- [Istorija grazhdanskoj vojny v SSSR, 1966](#) – *Istorija grazhdanskoj vojny v SSSR* [History of the civil war in the USSR] 1917-1922. V 5-ti t. Moscow: Gospolitizdat, 1966. T. 2. 651 p.
- [Kirienko, 1988](#) – *Kirienko Ju.K.* (1988). Revoljucija i Donskoe kazachestvo (fevral'-oktjabr' 1917) [Revolution and the don Cossacks (February-October 1917)]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta. 242 p.
- [Minc, 1979](#) – *Minc I.I.* (1979). Istorija Velikogo Oktjabrja: [The history of the Great October]. V 3-h t. Izd-e 2-e. Moscow: Nauka. T. 3. 903 p.
- [Oktjabr'skoe vooruzhjonnoe vosstanie, 1967](#) – *Oktjabr'skoe vooruzhjonnoe vosstanie*. Semnadcatyj god v Petrograde [October armed uprising. Seventeenth year in Petrograd] V 2-h kn. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd. 1967. Kn. 2. 454 p.
- [Pajps, 1994](#) – *Pajps R.* (1994). Russkaja revoljucija: V 3-h t. [The Russian revolution]. Moscow: OLMA-PRESS. T. 2. 361 p.
- [Polikarpov, 1990](#) – *Polikarpov V.D.* (1990). Voennaja kontrrevoljucija v Rossii v 1905-1917 godah [The Military counter-revolution in Russia in 1905-1917 years]. Moscow: Nauka. 381 p.
- [Sobolev, 1985](#) – *Sobolev G.L.* (1985). Petrogradskij garnizon v bor'be za pobedu Oktjabrja. [The Petrograd garrison in the struggle for the victory of the October revolution]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd. 311 p.
- [Starcev, 1987](#) – *Starcev V.I.* (1987). Shturm Zimnego. [Winter Storm]. Leningrad: Lenizdat. 136 p. [In Russian]
- [GARF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj [State archive of the Russian Federation (SARF)].
- [Denikin. 1926](#) – *Denikin A.I.* (1926). Bol'shevistskij perevorot. // Revoljucija i grazhdanskaja vojna v opisanijah belogvardejcev. T. 2. Oktjabr'skaja revoljucija [The Bolshevik revolution. // Revolution and civil war in the descriptions of whites. Vol. 2 The October revolution]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo. 478 p. [In Russian]
- [Denisov, 1937](#) – *Denisov S.V.* Belaja Rossija. Al'bom № 1 [White Russia. 1 album]. New York, Izd-e Glavnogo Pravlenija Zarubezhnogo Sojuza russkih voennyh invalidov, 1937. 128 p. [In Russian]
- [Dnevnik A.V. Liverovskogo, 1960](#) – *Dnevnik A.V. Liverovskogo o poslednih chasah Vremennogo pravitel'stva* [The diary of A. V. Liverovskiy about the last hours of the Provisional government]. Istoricheskiy arhiv [A historical archive]. 1960. No. 6. pp. 40-48. [In Russian]
- [Dni, 1917](#) – *Dni*. [Days]. 1927. 6 nojabrja. [In Russian]
- [Dykov, 1960](#) – *Dykov I.G.* (1960). Razgrom kontrrevoljucionnogo mjatezha Kerenskogo – Krasnova v 1917 godu [the defeat of the counter-revolutionary rebellion Kerensky – Krasnov in 1917]. Moscow: Znanie. 40 p. [In Russian]
- [Erykalov, 1966](#) – *Erykalov E.F.* (1966). Oktjabr'skoe vooruzhennoe vosstanie v Petrograde [October armed uprising in Petrograd]. Leningrad: Lenizdat. 487 p. [In Russian]
- [Ioffe, 1995](#) – *Ioffe G.Z.* (1995). Semnadcatyj god: Lenin, Kerenskij, Kornilov [Seventeenth year of Lenin, Kerensky, Kornilov]. Moscow: Nauka. 240 p. [In Russian]
- [Kerenskij, 1922](#) – *Kerenskij A.F.* (1922). Izdaleka. Sb. st. (1920-1921 g.g.) [From Afar. Sat. St. (1920-1921)]. Paris: B.i. 86 p. [In Russian]

Kochakov, 1956 – Kochakov B.M. Sostav Petrogradskogo garnizona v 1917 g. [Composition of the Petrograd garrison in 1917]. *Uchjonye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. №205. Serija istoricheskikh nauk. Vyp. 24 [Composition of the Petrograd garrison in 1917]. Leningrad, 1956. pp.67-82. [In Russian]

Krasnov, 1922 – Krasnov P.N. (1922). Na vnutrennem fronte [On the domestic front] Arhiv Russkoj revoljucii: V 22-h t. Pod red. I.V. Gessena [Red. History of the Russian revolution: In 22 t. edited by I. V. Gessen]. Berlin: Mednyj vsadnik. T.1. 312 p. [In Russian]

Lutovinov, 1970 – Lutovinov I.S. (1970). Ustanovlenie Sovetskoj vlasti na Severo-Zapade Rossii. [The establishment of Soviet power in the North-West of Russia]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta. 376 p. [In Russian]

Oktjabr'skoe vooruzhjonnoe vosstani, 1967 – Oktjabr'skoe vooruzhjonnoe vosstanie. Semnadcatyj god v Petrograde [October armed uprising. Seventeenth year in Petrograd. In 2 vol.]. V 2-h kn. Leningrad.: Nauka, Leningradskoe otd. 1967. Kn. 2. 454 p. [In Russian]

Pajps, 1994 – Pajps R. (1994). Russkaja revoljucija: V 3-h t. [The Russian revolution]. Moscow: OLMA-PRESS. T. 2. 361 p. [In Russian]

Petrogradskij Voенно-revoljucionnyj komitet, 1966 – Petrogradskij Voенно-revoljucionnyj komitet. Sb. dok. V 3-h t. T.1 [The Petrograd Military revolutionary Committee. SB. Doc. In 3 t. T. 1]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1966. 584 p. [In Russian]

Podvojskij, 1927 – Podvojskij N. (1927). Krasnaja gvardija v Oktjabr'skie dni [The red guards in the October days]. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo. 105 p. [In Russian]

Priazovskij kraj – Priazovskij kraj [Azov region]. 1917. 8 nojabrja. [In Russian]

Rabinovich, 1989 – Rabinovich A. (1989). Bol'sheviki prihodjat k vlasti. Revoljucija 1917 goda v Petrograde [the Bolsheviks come to power. The revolution of 1917 in Petrograd]. Per. s anglijskogo. Moscow: Mysl'. 198 p. [In Russian]

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archiv]. [In Russian]

Sobolev, 1985 – Sobolev G.L. (1985). Petrogradskij garnizon v bor'be za pobedu Oktjabrja [Petrograd garrison in the struggle for the victory of the October revolution]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 311 p. [In Russian]

Trut, 1997 – Trut V.P. (1997). Kazachij izlom. (Kazachestvo Juga-Vostoka Rossii v nachale XX veka i v period revoljucij 1917 goda) [Cossack fracture. (Cossacks of the South-East of Russia in the early twentieth century and during the revolution of 1917)]. Rostov-na-Donu: Gefest. 256 p. [In Russian]

УДК 94(47).084.2

Позиция казаков петроградского гарнизона во время октябрьского восстания в столице и участие казачьих частей в походе Керенского-Краснова

Владимир Петрович Трут ^{a, b*}, Сергей Витальевич Бородин ^a, Василий Валерьевич Тараканов ^c

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье, на основе анализа архивных и опубликованных документов и материалов, работ отечественных и зарубежных историков по данному вопросу, исследуются политические позиции казаков Петроградского гарнизона и их непосредственное участие в важных и драматических событиях Октябрьского восстания большевиков в столице и в период так называемого похода Керенского-Краснова на Петроград. На основе комплексного и всестороннего анализа разных по своему характеру и содержанию источников, разнообразных историографических подходов, раскрываются различные факторы, самым непосредственным образом повлиявшие на позиции казаков в рассматриваемый период времени.

Во время большевистского восстания в Петрограде в октябре 1917 г. казаки Донских казачьих полков, входивших в то время в состав столичного гарнизона, отказались выступить на стороне Временного правительства, заняли нейтральные военно-политические позиции. Это в значительной мере и самым непосредственным образом сказалось на ходе восстания, его практически бескровном характере и отчасти даже на его общих итогах.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: trut.vladimir@rambler.ru (В.П. Трут), dddboro@yandex.ru (С.В. Бородин), rector@volsu.ru (В.В. Тараканов)

Получив сообщения о вооружённом выступлении большевиков в столице с целью захвата власти, по приказу командования небольшая часть казаков 3-го конного корпуса, двинулась к Петрограду на подавление большевистского выступления. Но весьма незначительная численность отряда генерала Краснова, а также постоянно усиливавшиеся недовольство казаков, не желавших принимать участия в разгоравшейся гражданской войне, привели к провалу так называемого похода Керенского-Краснова.

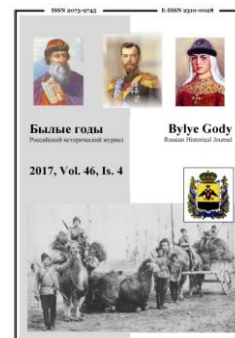
Анализ нейтральных политических и собственно военных позиций казаков Донских казачьих полков столичного гарнизона во время Октябрьского восстания большевиков в Петрограде и казаков 3-го конного корпуса в период похода Керенского-Краснова на столицу позволяет сделать вывод о довольно существенном влиянии данного фактора для победы большевиков в Петрограде в октябре 1917 г. и, как следствие, дальнейшего развития политических событий в стране.

Ключевые слова: казаки, казачьи части, Октябрьское восстание, политические события, поход Керенского-Краснова.

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2017 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 46, Is. 4, pp. 1582-1590, 2017
DOI: 10.13187/bg.2017.4.1582
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 655.3.022.1

Networking in Scientific Projects on Naval History

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, *}, Robert V. Kondratenko ^a, Alexey V. Korobeinikov ^a, Alexander V. Dashyan ^a,
Alexander F. Mitrofanov ^a

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^b Academico-correspondiente Real Academia de la Mar, Spain

Abstract

The recent trend towards networking is generally understood as a means of seeking information or enhancing academic mobility. But networking can open up great opportunities for scientific research in a network format. On the example of solving the problem of reconstruction of ship and ship biographies it is shown that in the reconstruction of the biographies of individual ships it is expedient to network the interaction of individual historians. Network laboratories should be involved in solving the problems of reconstructing the biographies of a series of ships or ships.

The work of the network laboratory is described by the example of the solution of the task of reconstructing floating watercraft of Izhevsk-Votkinsk antibolshevik rebellers in the autumn of 1918. For the indicated period, the People's Army had ready, but not handed to the customer barges of 120 and 200 tons, and, possibly, 250 tons. Some of them were used for a combat flotilla of the insurgents.

Keywords: network interaction, scientific research, historical project, reconstruction of ship biographies. Izhevsk-Votkinsk rebellion.

1. Введение

В 2016 году в Удмуртском государственном университете прошла конференция «Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств» (Митюков, 2016). Прозвучавшие на ней доклады наглядно продемонстрировали, каким образом можно выносить в сетевое пространство процесс обучения. Дистанционное обучение, консультирование по скайпу, общение через электронную почту и другие инновации последнего десятилетия прочно вошли в нашу жизнь. Однако, как показывают материалы этой конференции и прозвучавшие доклады, сетевое научное сотрудничество пока воспринимается большинством работников научных и учебных учреждений исключительно как способ легкого поиска информации. Даже появившиеся в последнее время «сетевые университеты» имеют в первую очередь задачу не столько сетевых научных исследований, сколько развитие научной мобильности, в том числе за счет сетевого взаимодействия университетов (Федорова, Чуркина, 2016). Эта тенденция отразилась, например, в «Сетевом университете СНГ», «Сетевом университете Гостехнадзора» и других подобных структурах.

Причины сведения деятельности сетевых научных центров в образовательную область и область поиска информации, анализировались, например, в работе М.В. Рыжковой (Рыжкова, 2017). Она тоже, независимо от нас, пришла к выводу об «ограниченной представленности науки в интернете» и постаралась выявить причины этого. По ее мнению, возможны лишь два основных пути развития сетевых лабораторий: интернет-проект и виртуальная реальность, при этом на основе анализа существующих лабораторий сделан вывод о невозможности «стабильного существования виртуальных лабораторий» в рамках интернет-проекта.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico01@mail.ru (N.W. Mitiukov)

Тем не менее, еще в конце 1990-х гг. для сетевого научного взаимодействия исследователями США (куда были привлечены и российские специалисты) была организована международная лаборатория «Gunnery Fire Control Group», результаты работы которой в деле реконструкции параметров корабельной нарезной артиллерии и полученный опыт уже неоднократно обобщались и публиковались (Mitiukov, Crawford, 2015). В 2014 г. был создан «Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований», ориентированный под сетевое взаимодействие в научных исследованиях, одним из приоритетных направлений работы которого стали исторические исследования, например, реконструкция корабельных и судовых «биографий».

2. Материалы и методы

В военно-исторической литературе распространен жанр коллективных биографий. Речь идет о написании истории и реконструкции боевого пути войсковых частей и соединений. Применительно к истории военно-морского флота наиболее интересной является служба отдельных кораблей. Традиционно для этого исследователи привлекают имеющиеся у них различные документы, составлявшиеся в штабах различного уровня, а также на самом корабле: прежде всего донесения командиров и вахтенные журналы. При этом источники оказываются рассредоточенными по разным архивам, а зачастую и по разным странам, войска которых сражались друг против друга в военных конфликтах. Одному человеку, представителям одной научной школы просто не под силу получить к ним доступ.

Поэтому возникает набор специфических задач объективной и полной реконструкции. Они наиболее эффективно решаются именно сетевым взаимодействием историков:

1. Реконструкция «биографий» отдельных кораблей и судов, если они переходили под флаги разных государств. В этом случае относительно просто восстанавливается лишь служба в национальном флоте, а остальная часть «биографии» компилируется из доступных работ иностранных авторов. Кроме того, поскольку документы о службе могут содержаться в штабах различного уровня, сетевое взаимодействие дает возможность объединить в рамках одного проекта исследователей, работающих в разных архивах.

2. Реконструкция «биографий» кораблей и судов серийной постройки. Обычно корабли небольшого водоизмещения тиражировались сериями и сравнительно часто гибли или выводились из строя. В этом случае документация нередко оказывалась утерянной вместе с кораблем. Аналогичная ситуация в случае с торговыми судами. Здесь из-за многочисленных переподчинений и продаж нередко документация оказывается либо утраченной, либо переданной в разные архивы, где иногда находится в составе единиц хранения под самыми неожиданными названиями. В этом случае также оказывается полезным объединение исследователей, использующих разные архивы.

Указанное выше позволяет сформулировать главное преимущество сетевого взаимодействия. Таковым является системный подход, поскольку появляется возможность не только дополнить информацию из разных источников, но и путем ее сопоставления сделать научно-обоснованные реконструкции, невозможные при автономном использовании каждого источника.

3. Обсуждение

Для решения задач первого типа обычно оказывается вполне достаточным создание виртуальной группы, состоящей из отдельных исследователей, которые имеют доступ к информации и способны на высоком уровне прописать национальную часть биографии корабля. Одна из наиболее «экзотичных» комбинаций образовалась при реконструкции биографий эсминцев «Спартак» и «Авторил», где российскую и советскую часть реконструировал Н. Митюков, эстонскую А. Вальдре, а перуанскую Х. Родригес (Митюков, 2007; Вальдре, Митюков, 2008а; Вальдре, Митюков, 2008б, Вальдре, Митюков, Родригес, 2008). В этом случае уместнее говорить не о сетевых научных исследованиях, а использовании сетевых технологий для работы над конкретной публикацией. Как известно, соавторство может быть разрывным и неразрывным, также и при «сетевом» написании научных работ соавторы могут как писать отдельные самостоятельные разделы, так и осуществлять правку совместного текста, пока созданный продукт не удовлетворит все стороны творческого процесса.

Нередко большое значение может иметь описание текущего состояния судна, когда осуществляется его посещение, если оно сохраняется в строю как памятник, или погружение на него с использованием водолазного снаряжения, если оно затоплено (Mitrofanov, 2015, Mitrofanov, 2016).

Решение задач второго типа, т.е. работа с историей группы кораблей или судов – дело более сложное, требующее принципиально других методов исследования. Как показывает практика, наиболее эффективно они решаются с использованием статистической литературы, типа регистров или судовых списков (Mitiukov, 2016b). Однако данный вид источника при всех своих преимуществах имеет существенный недостаток – небольшие тиражи указанной справочной литературы. До настоящего времени не существует единого массива данных даже по речным регистрам Российской империи. Регистры за одни годы очень распространены и содержатся во множестве библиотек, регистры за другие годы либо вообще не издавались (как регистр 1941 г.) и содержатся в виде рукописей в архивах, либо издавались малым тиражом, пострадавшим, например, в годы

Гражданской войны и потому экземпляры таких изданий сохранились лишь в относительно «спокойных» зарубежных библиотеках, в частности, на территории Финляндии.

Опыт работы с регистрами позволил выбрать следующие методы исторического исследования, дающие наибольший эффект (Mitiukov, 2016b).

Метод историзма состоит в том, что если расположить справки из регистров, относящиеся к одному судну, в хронологическом порядке, то по изменениям записи можно проследить изменения в биографиях судов. При дублировании записи в более позднем регистре сообщенная информация хоть и повторяется, но не теряет актуальности. Если же запись меняется, значит, дата изменения лежит в годах прошедших между регистрами. В соответствии с *ретроспективным методом*, следует проводить реконструкцию биографий судов в обратном порядке: от новых регистров к старым. В этом случае, если запись о судне пропадает, то ее следует искать под наименованиями, указанными в более молодых регистрах, как «бывшие наименования». При поиске от старых регистров к молодым в случае смены наименования придется пересматривать весь регистр, что представляет собой более трудоемкую процедуру. *Типологический метод* может использоваться тогда, когда возникает ситуация неопределенности, которая однако разрешается, если вести поиск по всей референтной группе, например по судам данного хозяина, или по всем судам одного места постройки. Иногда в регистрах отсутствуют данные о переименовании. Тогда преемственность приходится оценивать косвенно по году постройки и габаритным характеристикам. Таким образом, если не удастся проследить прямую связь между судном «А» старого регистра и «Б» нового, то следует проследить все возможные варианты этих связей. И тогда по логическому принципу исключения других соответствий, последняя оставшаяся пара, скорее всего и подскажет линию преемственности. Если не удастся отыскать соответствия между старой и новой записью регистра, в качестве дополнительного метода анализа можно использовать соотношение характеристик, действуя в рамках *генетического метода*. В случае однородных данных метод дает неплохую точность.

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, очевидные методы работы, полученная реконструкция не может восприниматься как истина. Так, при написании биографии штабного судна «Амур» на основе генетического метода была высказана гипотеза, что это бывший пароход «Камский судостроительный завод», что не подтвердилось архивными документами, поскольку указанное судно оказалось пароходом «Павел Троян» (Матвеев, 2017). Поэтому все изданные справочники, составленные на основе регистров, следует воспринимать как повод для диалога, а не как истину в последней инстанции (Лапшин, Коробейников). В связи с этим идея сетевого взаимодействия может оказаться очень плодотворной для проведения идентификации предложенных реконструкций. Помещение на сайте лаборатории виртуального справочника с возможностью быстрой коррекции информации дает возможность гораздо быстрее получить идентифицированные достоверные данные, чем при традиционной бумажной печати.

В 2018 г. исполняется сто лет Ижевско-Воткинскому восстанию, или мятежу, как его именуют в зависимости от политических пристрастий, явлению поистине уникальному в российской истории. В августе 1918 г. рабочие Ижевского оружейного и Воткинского машиностроительного заводов вместе с крестьянами Вятской, Пермской и Казанской губерний выступили с оружием в руках против большевизации Советов. В орбиту восстания тогда был втянут регион с населением около миллиона человек, а само народное выступление длилось более трёх месяцев и было подавлено силами Второй, Третьей и Пятой армий РККА.

Как оказалось, исследовать восстание оказалось возможным только с использованием сетевого взаимодействия, поскольку материалы и документы, разобранные на крупницы, оказались разбросанными по всему миру. И авторы, использовавшие только часть источников нередко приходили к ангажированным и явно предвзятым выводам.

В событиях Ижевско-Воткинского восстания есть множество интригующих моментов, один из которых – феномен Галевской флотилии, не рассмотренный ни в советской, ни в эмигрантской литературе. Не имея ни специалистов по боевым действиям на реках, ни оружия в достаточном количестве, флотилия смогла нанести серьезные потери действовавшим против нее красным соединениям судов, а после – в тяжёлых условиях окончания навигации быстро и четко осуществить эвакуацию личного состава и техники Воткинской Народной армии за Каму, где они вошли в войска адмирала А.В. Колчака. Как это им удалось сделать? С применением каких именно технических средств?

Не вдаваясь в описание боевых действий и судового состава флотилии в целом, попытаемся проиллюстрировать идею и результаты сетевого взаимодействия на достаточно локальном эпизоде: участие в Галевской флотилии судов, а именно, барж, которые находились в то время на Воткинском заводе. Источниковый корпус в данном случае можно разделить на три группы, которые будут взаимно дополнять и корректировать информацию друг друга:

1. данные речных регистров;
2. архивные сведения о Воткинском заводе и деятельности судостроительного цеха;
3. мемуарные свидетельства участников восстания.

4. Баржи Галевской флотилии

Чтобы определить, какие баржи могли находиться в Галево к августу 1918 г., есть смысл разобраться, с какими заказами работал завод в указанное время. Ранее была проведена реконструкция номеров заказов (Митюков, Матвеев, 2017). К сожалению, из него не понятно, были ли завершены работы по этим заказам или нет. Но имеется архивный документ, сообщающий о готовности заказов на 1 января 1919 г. (МИКВ. Д. 4812. Л. 32–33). Относительно 200-тонных барж для Архангельского порта там значит: «Четыре из них в разобранном виде отправлены в Архангельск, а остальные 6 шт. кончены и находятся здесь, стоят спущенные на воду». Шаланды в 20 куб. саж. для Астраханского порта: «выпускаются шаблоны и идет правка листового железа». Баржи в 120 т. 10 шт. из последнего заказа с готовность в 1918 г.: «Идет правка листового железа, и приготавливаются шаблоны».

Еще один документ дает представление о готовности заказов на 1 февраля 1919 г. (МИКВ. Д. 4812. Л. 34–35). Баржи речные для Архангельского порта: «Начата правка листового материала, сделано 3 %». Баржи в 200 т. для Архангельского порта: «Четыре баржи в разобранном виде отправлены в Архангельск, 6 шт. находятся здесь, нет корпусных принадлежностей. Сделано 99 %. Стоят на воде». Шаланды 200 куб. м. для Астраханского порта «Выпускаются шаблоны, идет правка листового железа. Сделано 3 %». Но поскольку 200-кубовые шаланды и 120-тонные баржи отсутствуют в работах 1921-22 гг. (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 154), можно сделать вывод об аннулировании заказа и использовании заготовленных материалов для других работ.

В годы Первой мировой войны Воткинский завод работал над грунтоотвозными шаландами для Астрахани и над шаландами и грузовыми баржами для Архангельска. Относительно шаланд для Астрахани можно уверенно утверждать, что кроме указанных выше 200-кубовых шаланд все они были приняты заказчиком (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 11127). А вот относительно Архангельских барж, дело об их готовности и сдаче в архиве отсутствует.

Для идентификации барж воткинской постройки, отправленных на Север, есть смысл свести воедино всю произведенную продукцию и наложить ее на имевшиеся в Архангельске плавсредства. В военные и предвоенные годы, судя по полученному ранее списку заводских заказов (Митюков, 2017), было построено для севера шесть грунтоотвозных шаланд (четыре 100-кубовые и две 130-кубовые), 24 120-тонные баржи для сухого груза (8 барж для Архангельского порта, потом еще 10 барж для того же порта и 6 «Кольских» барж, заказ на еще десять отменили, как было видно из приведенных выше документов), 10 250-тонных и 10 200-тонных барж.

По данным регистра 1922 г. (раздел «Баржи, Белое море» – Регистр, 1922: 194–199) всего в Мурманске числится 5, в Архангельске 66 барж. Причем, все мурманские баржи разнотипные, что делает невозможным нахождение среди них шести «Кольских» барж. По всем баржам указан прежний владелец, что дает основание сразу вывести из рассмотрения бывшие баржи Шмидта (15 шт.), что уменьшает список до 51 баржи.

Сразу обращает на себя внимание большая серия однотипных литерных барж грузоподъемностью по 20 тыс. пудов (327 т.), длиной 133 (40,6 м) и шириной 26 (7,9 м) футов. Все они 1916 года постройки. По некоторым баржам в регистре пропущены размерения, по другим – год постройки, но однотипность всей серии не вызывает сомнений. Размерения с воткинскими совпадают, а грузоподъемность здесь, вероятно, перепутана с водоизмещением (120 тонн это несколько более 7000 пуд). Это литерные баржи: А, Н, К, Л, М, О, П, Р, С, Т, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, всего 16 шт. Все они числятся в Управлении Архангельского торгового порта. Однозначно однотипна им «Баржа № 3», находящаяся в ведении военного порта, хотя ее ширина больше на 2 фута, вероятно, это опечатка. 120-тонных барж Воткинский поставил на север на одну больше. Как видно из приведенного списка, кроме «Литер А», остальные практически целиком дают алфавитный порядок за пропуском «Литер У», которая, вероятно, не пережила Гражданскую войну.

Из оставшихся большую серию также представляют собой 6 барж типа ТЛ: ТЛ-6, ТЛ-9, ТЛ-15, ТЛ-16, ТЛ-18, ТЛ-19. Их характеристики: грузоподъемность 15.000 пуд. (245 т.), длина 105 (32 м), ширина 21 (6,4 м) фут., все 1919 года постройки. Это однозначно указывает на эти баржи, как на 250-тонные заказанные морским ведомством. Год постройки не должен смущать, это год сборки прибывших из Воткинска комплектов. Поскольку проект задумывался как баржа типа «река-море», весьма показательным, что три из них в разделе «бывший владелец» указывают «военный речной транспорт».

Из остальных серий баржи типа Б (Б-1, Б-2, Б-3, № 3, № 6) явно выпадают из-за своих небольших размеров: 7000 пуд. (114 т.), длина 84 (25,6 м), ширина 21 (6,4 м) фут. Это явно плоскодонные плашкоуты, которых завод не строил. Баржи типа Г (Г-1, Г-2, Г-3) также выпадают ввиду деревянного корпуса (Воткинский строил лишь железные корпуса). Выпадают также разнотипные и разномастные именные баржи («Анна», «Дора», «Доброволец» и др.).

Две баржи типа Ш (Ш-1 и Ш-2), вероятно расшифровываются как «шаланда», имеют следующие параметры: грузоподъемность 12.000 пуд. (200 т.), длина 126 (38,4 м), ширина 21 (6,4 м) фут. 1919 год постройки. Указанные характеристики очень близки к шаландами (Стр. № 229-330), при условии, что здесь приведено водоизмещение, а не вместимость.

Наконец, среди номерных барж выделяется серия явно однотипных: № 1, № 2, № 3. Все они 1916 года постройки, грузоподъемность 20.000 пуд. (327 т.), длина 105 (32 м), ширина 21 (6,4 м) фут., что очень близко к характеристикам 100-кубовых грунтоотвозных шаланд. Дополнительный довод в пользу указанного предположения состоит в том, что если № 1 и № 2 числятся за военным портом, то № 3 – угольная. Дело в том, что у баржи № 3 особая судьба, бывший ее хозяин указан – Воткинский завод. Из анализа архивной документации Воткинского завода можно сделать вывод, что они имели в собственности одну из барж в Архангельске, которую использовали как временное жилье и склад при сборке остальных барж. Там не указано, что это была за баржа, но использование для этой цели одной из барж самой первой архангельской серии выглядит вполне логичным. И снова, в ряду отсутствует баржа № 4, очевидно потерянная в ходе войны.

Наконец, в регистре имеется еще шесть барж: № 302, 313, 314, 315, 340, в характеристиках которых значатся прочерки. Лишь для № 313 и 314 указана грузоподъемность 20.000 пуд. Все они числятся в Управлении Военного порта.

По данным Сергеевского, баржи № 313, 314 и 315 в 1920-х гг. находились в устье Енисея, где в 1926 г. использовались как угольная база в Усть-Енисейском порту (№ 313) и на Диксоне (№ 314), а также как продовольственная и техническая база в Новом порту (№ 315) (Сергеевский, 1936: 175). Кроме того, он указывает также баржу № 316, «не имеющую штатной комплектации». На следующий 1927 г. № 315 также находился в Новом порту, а № 313 и 314 стояли в Усть-Енисейске, при этом первая находилась в распоряжении триангуляционной партии (Сергеевский, 1936: 195).

В регистре 1928 г. (Регистр, 1928: 111) имеются сведения о наличии в устье Енисея трех воткинских барж: № 333, 335, 336. Поскольку доставка в этот район плавсредств была очень трудной, уместнее предположить переименование имевшихся там барж, а не их ротацию. Причины переименования также кажутся вполне очевидными: в Сибири уже есть баржи с такими номерами (имеются баржи № 313–316 на Иртыше–Оби). А по ним регистр прямо указывает Воткинск как место постройки. При этом размерения следующие: № 333 – 40,07 × 8,05 м, № 335 – 40,00 × 8,05 м, № 336 – 39,00 × 7,92 м. Так что достаточно легко все баржи идентифицируются как 120-тонные «Кольские».

Как видно, в регистре 1922 г. отсутствуют прямые указания на 200-тонные баржи, по-видимому, сыгравшие большую роль в ходе Воткинского восстания. Частично прояснить их судьбу может регистр 1926 г. (Регистр, 1926). В нем имеются сведения о пяти баржах, размеры и даты постройки которых совпадают с 200-тонными. Кроме того, по всем указан Воткинский завод в качестве места их постройки. Это «Моряк», «Рабочий», «Юг», «Сатурн» и «Дебаркадер» – пять из шести оставшихся на Каме. Что интересно, все состоят на балансе Прикамского металлургического округа, которому после национализации достались многие плавсредства Воткинского завода.

Подводя итог данным, извлеченным из регистров и сведенных с архивной информацией (стоит отметить – разных регистров, что было невозможно без сетевого взаимодействия), получается, что на заводе к августу 1918 г. однозначно находились шесть 200-тонных барж, а также возможно 250-тонные, отсутствующие в Архангельске. Зато в Воткинске однозначно не было грунтоотвозных шаланд, сданных еще в 1917 г. заказчику.

Попытаемся свести это воедино с третьим корпусом источников – мемуарными данными 1918 г. Имеются свидетельства очевидцев, что пленных и заложников содержали в недостроенных шаландах (Коробейников, 2012). Получается, что они ошибались и практически со стопроцентной вероятностью можно утверждать, что их содержали в 200-тонных баржах, строившихся по заказу морского ведомства. Поскольку в это время других готовых корпусов просто не было. По свидетельству Н. Старцева «Нам пришлось перевести две железных плоскодонных баржи в Галево с заводского пруда» (Коробейников, 2012: 77). Вряд ли здесь речь может идти о сплаве достаточно больших 200-тонных барж, скорее всего это все-таки сравнительно небольшие плашкоуты, использовавшиеся для перевозок по заводскому пруду.

Судьба 250-тонных барж, заказанных морским ведомством для Белого моря получается следующая. С одной стороны, имеются сведения, что все десять барж сданы морскому ведомству в период с 1 января 1917 г. по 1 января 1918 г. (ЦГА УР. Ф. Р-785. Оп. 1. Д. 29. Л. 2). Однако выше уже говорилось, что по регистру 1922 г. в составе плавсредств Архангельского порта фигурируют лишь шесть барж типа ТЛ (Регистр, 1922: 196-197), характеристики которых совпадают с построенными в Воткинске. Регистр 1926 г. не вносит ясности в их судьбу. Однако он прямо указывает на наличие воткинских барж этого типа «Цефей» и «Пегас» на Верхней Волге (вопросов к их идентификации не возникает, регистр прямо указывает место постройки Воткинский завод, дату постройки – 1917 г.). Но среди барж, дата и место постройки которых не указаны, имеется еще баржа «Литер Б», чьи характеристики совпадают с воткинскими (Регистр, 1926: 534). Довод за то, что это именно 250-тонная баржа, кроме того, что других барж с подобными характеристиками в регистре просто нет, в том, что она числится среди воткинских грунтоотвозных шаланд Волго-Каспийского канала. Сам факт наличия 250-тонной баржи на Волге, несмотря на то, что по документам все баржи сданы заказчику еще в 1917 г., заставляет задуматься.

Согласно современной терминологии, это была баржа типа «река-море», то есть одинаково пригодная для перевозки грузов, как в реке, так и в море. Среди всех барж воткинской постройки она выделяется наличием двух грузовых стрел в центре корпуса, что имеет очень важное значение при

грузоперевозках в условиях архангельского порта, где нередко необходимо было загружаться и выгружаться на неподготовленное побережье. Но грузовые стрелы отчетливо видны на фотографиях знаменитой «Гольянской» баржи, захваченной вместе с узниками кораблями Ф.Ф. Раскольникова в 1918 г.

Исходя из чертежа баржи, она имела кормовое помещение для команды, носовое для инвентаря и два грузовых трюма (рис. 1).

Баржевик Викентий Карманов дает следующие характеристики баржи: «В барже был один люк, который тотчас же закрыли, как нас ввели...» (Иднакар, 2017: 144). Ефим Малюганов пишет: «Баржа, превращенная в плавучую тюрьму, имела метров 60 в длину и около 20 в ширину. Верхняя палуба была обита кровельным железом. Массивные просмоленные борта не пропускали ни звуков, ни света. В глубоком трюме, высотой около пяти метров, два квадратных люка (один на корме, другой на носу) вели на палубу»... (Иднакар, 2017: 166).

В приведенных свидетельствах присутствуют размеры баржи, но вряд ли они имеют практическую ценность, поскольку носят скорее аллегорический характер. Действительно, плавсредство длиной 60 м при ширине 20 м это, вероятно, плоскодонный плашкоут, но размеры его явно чрезмерны. Скорее всего, тут важнее пропорции, а среди всех барж именно 250-тонная баржа имеет необычайно малое отношение длины к ширине корпуса – 1 : 4, что немного не совпадает с данными мемуариста – 1 : 3 и очень высокую, по сравнению с остальными баржами, высоту корпуса. Глубина трюма в 5 м, высота двухэтажного дома, тоже видится явно аллегорической. Тем более, далее из текста следует, что когда один человек садился на другого, он мог дотянуться до люка. Судя по чертежам, высота баржи по борту составляет три метра, что дает высоту трюмов 2,5–3 м. Указанная высота делает подобную операцию вполне возможной. Имеются разночтения по поводу грузовых люков. Карманов пишет об одном люке, вероятно, имея в виду тот, через который их заводили и выводили из трюма. Малюганов более близок к истине, указывая на два люка. Наконец, практически все баржевики были едины во мнении, что охрана жила прямо на барже. Как видно из приведенного чертежа, в кормовом помещении показаны спальные места на четыре человека, а также шкафы и прочий инвентарь, предназначенный для относительного комфортного пребывания команды на борту. Носовое помещение лишено всех этих удобств, и оно может использоваться лишь как подсобка.

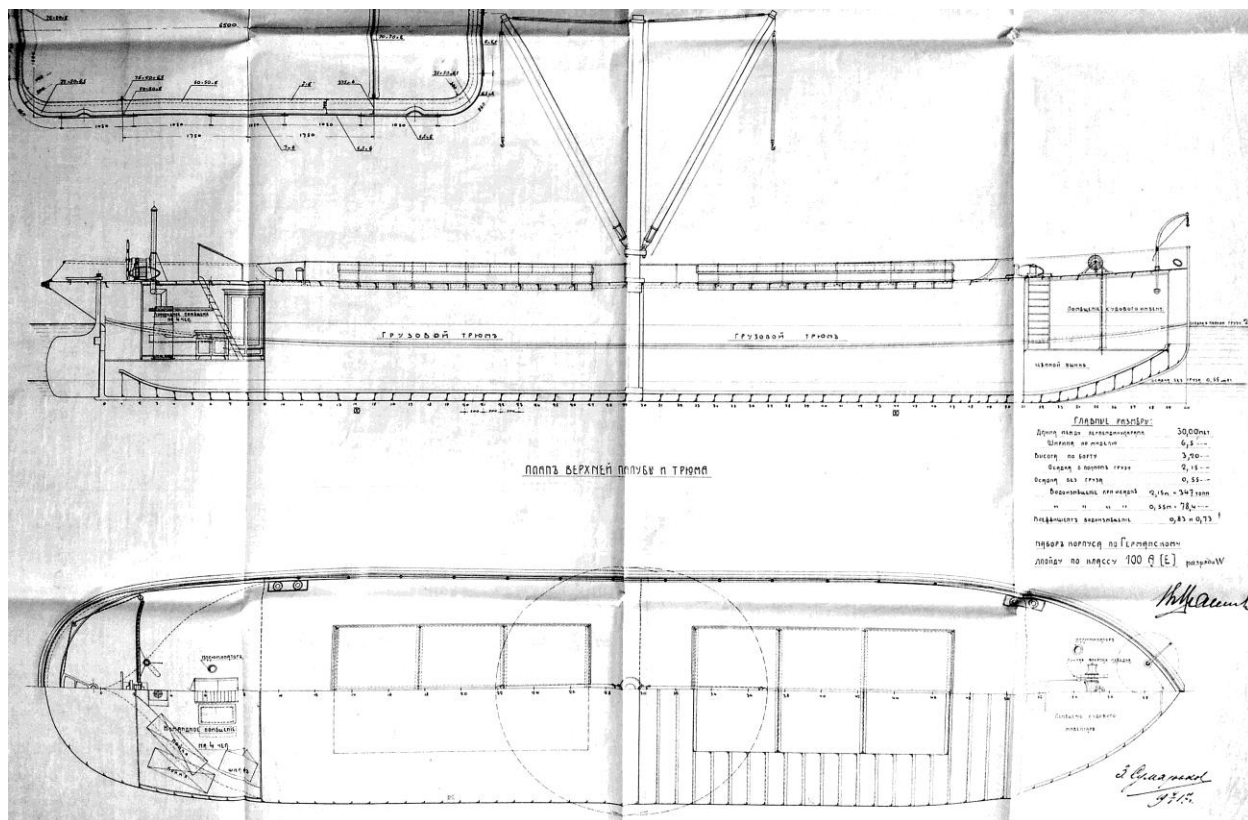

Рис. 1. Разрез и план трюмов 250-тонной баржи (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 7к. Д. 337, фрагмент, публикуется впервые)

Таким образом, получается, что одна из 250-тонных барж, заказанных морским ведомством, вполне могла остаться на Каме, стать знаменитой «Гольянской баржей» и после войны войти в состав средств Волго-Каспийского канала. В этой связи весьма показателен факт, что в 1930-х гг. в восточной части Черного моря (Новороссийск, Батуми) работала землечерпалка, якобы, воткинской постройки

(1914–1915 гг.), которая по заводским документам не строилась. Учитывая ее размеры (32 × 7 м), это вполне могла быть переделанная в Астрахани бывшая 250-тонная баржа, только вот «Литер Б», или другая, чья судьба пока непонятна – все еще остается под вопросом.

Рис. 2. Фрагмент диорамы «Переправа» (художники В.П. Василевич и В.Н. Ильинков) – переправа Народной армии через Каму на соединение с Белой армией 12 ноября 1918 г.

На рис. 2 изображен фрагмент диорамы «Переправа», изображающий переход Народной армии через Каму. Оставляя в стороне дискуссию о наличии погон у военнослужащих Народной армии и корректности изображенного места переправы, можно отметить, что изображенные плавсредства, в соответствии произведенной выше реконструкцией не верны. Серии наливных барж, построенных Воткинским заводом в начале XX века и изображённых художником, на указанном месте быть не могло. Вероятно, мост строился с использованием собственных плавсредств Воткинского завода (баржи «Вотка», «Лена», «Сива» и другие, переведенные с Воткинского пруда), а также недостроенных барж 120-тонного, 200-тонного и, возможно, 250-тонного типов.

5. Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что при решении задач по реконструкции биографий отдельных кораблей целесообразно сетевое взаимодействие отдельных историков. Сетевые лаборатории следует привлекать при решении задач по реконструкции биографий серии кораблей или судов.

Работа сетевой лаборатории приведена на примере решения задачи реконструкции наличных плавсредств в Галево на осень 1918 г. На указанный период в распоряжении Народной армии имелись готовые, но не сданные заказчику баржи 120 и 200-тонного, а также, возможно и 250-тонного типов. Свидетельства мемуаристов о наличии на заводе грунтоотвозных шаланд не подтверждаются другими источниками.

Литература

- МИКВ** – Архив Музея истории и культуры города Воткинска.
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
Crawford, Mitiukov, 2013 – Crawford K. R., Mitiukov N. W. Identification of the Parameters of Naval Artillery. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. 212 p. ISBN 978-80-87786-52-9. DOI: 10.17686/sced_rusnauka_2013-1180
Crawford, Митюков, 2006 – Crawford K.R., Митюков Н.В. База данных по морской артиллерии «Database of Naval Guns» // ГР в ВНТИЦ 17.10.2006 № 50200601789.
Mitiukov, 2016a – Mitiukov N.W. Ship's Biographies as a Source of the Spanish-Russian Naval Cooperation // *Bylye Gody*. 2016. № 1 (39). pp. 76–82.
Mitiukov, 2016b – Mitiukov N.W. Maritime and river registers as a historical source // *Bylye Gody*. 2016. № 2 (40). pp. 469–478.
Mitiukov, Crawford, 2015 – Mitiukov N.W., Crawford K.R. The Method of Analysis Derived Coefficients of Database as a New Method of Historical Research (for Example, a Database of Ballistic Parameters of Naval Artillery) // *Bylye Gody*. 2015. № 4 (38). pp. 1078–1084.
Mitiukov et al., 2017 – Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S. Votkinsk's Shipbuilding During the First World War. Reconstruction and Analysis of the Structure of Military Orders // *Bylye Gody*. 2017. № 44 (2). pp. 644–652.

- [Mitrofanov, 2015](#) – *Mitrofanov A.F.* Sail-ship «Juan Sebastián de Elcano» // *International Naval Journal*. 2015. № 3 (7). pp. 158-166.
- [Mitrofanov, 2016](#) – *Mitrofanov A.F.* «Almirante Grau» – long-lived cruiser // *International Naval Journal*. 2016. № 1 (9). pp. 44-54.
- [Валдре, Митюков, 2008a](#) – *Валдре А., Митюков Н.В.* Одиссея балтийских эсминцев (Часть 2) // *Гангут*. 2008. № 46. С. 85–97.
- [Валдре, Митюков, 2008b](#) – *Валдре А., Митюков Н.В.* Одиссея балтийских эсминцев (Часть 3) // *Гангут*. 2008. № 47. С. 115–129.
- [Валдре и др., 2008b](#) – *Валдре А., Митюков Н.В., Родригес Асти Х.* Одиссея балтийских эсминцев (Часть 4) // *Гангут*. 2008. № 48. С. 108–128.
- [Коробейников 2012](#) – *Коробейников А.А.* Воткинское судостроение и гражданская война. Ижевск, 2012. 190 с.
- [Лапшин, Коробейников, 2014–2016](#) – *Лапшин Р.В., Коробейников А.В.* Белый флот гражданской войны. В 6-ти т. Ижевск: Иднакар, 2014–2016.
- [Матвеев 2017](#) – *Матвеев Д.В.* Андриан Зырянов и пароход «Павел Троян» // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2017. № 2 (10). С. 47-49.
- [Митюков, 2007](#) – *Митюков Н.В.* Одиссея балтийских эсминцев (Часть 1) // *Гангут*. 2007. № 45. С. 134–147.
- [Митюков, 2016](#) – *Митюков Н.В.* Международное сетевое взаимодействие в проектах по истории // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: Мат. III Междунар. научн.-практ. конф. (Ижевск, 17-18 ноября 2016 г.). Ижевск, 2016. С. 245–248.
- [Регистр 1928](#) – Регистр Союза ССР. Список речных судов на 1.3.1927. Бассейны рек: Днепра и Буга, Дона и Кубани, Сибирских и Среднеазиатских рек. Рыбинск, 1927.
- [Регистр, 1922](#) – Торговый флот РСФСР. Список судов к 1 января 1922 г. М.: ЦУМОР, 1922. С. 194-199.
- [Регистр, 1926](#) – Регистр Союза ССР. Список речных судов. Составлен по данным Местных Бюро Регистра Союза ССР на 1 марта 1926 г. М., 1926.
- [Рыжкова, 2017](#) – *Рыжкова М.В.* Возможности организации виртуальных научных лабораторий в сетевом пространстве // *Креативная экономика*. 2017. Т. 11. № 3. С. 315-324.
- [Сергеевский, 1936](#) – *Сергеевский Б.А.* Гидрографические исследования юго-восточной части Карского моря. Обь-Енисейский район. Л.: Гидрографич. упр. Главсевморпути при СНК СССР, 1936. 402 с.
- [Федорова, Чуркина, 2016](#) – *Федорова Н.М., Чуркина Н.И.* Организация научно-исследовательской деятельности студентов магистратуры в сетевом формате // *Вестник СиБиБиИТ*. 2016. № 4. С. 161–165.

References

- [МИКВ](#) – Arhiv Muzeja istorii i kul'tury goroda Votkinska [Archive of the Museum of History and Culture of Votkinsk]
- [ЦГА УР](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic]
- [Crawford, Mitiukov, 2013](#) – *Crawford K.R., Mitiukov N.W.* (2013). Identification of the Parameters of Naval Artillery. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 212 p. ISBN 978-80-87786-52-9. DOI: 10.17686/sced_rusnauka_2013-1180
- [Crawford, Mitjukov, 2006](#) – *Crawford K.R., Mitjukov N.V.* (2006). Baza dannyh po morskoj artillerii «Database of Naval Guns» [Database of naval artillery "Database of Naval Guns"] // GR v VNTIC 17.10.2006 № 50200601789.
- [Mitiukov, 2016a](#) – *Mitiukov N.W.* (2016). Ship's Biographies as a Source of the Spanish-Russian Naval Cooperation. *Bylye Gody*. № 1 (39). pp. 76–82.
- [Mitiukov, 2016b](#) – *Mitiukov N.W.* (2016). Maritime and river registers as a historical source. *Bylye Gody*. № 2 (40). pp. 469-478.
- [Mitiukov, Crawford, 2015](#) – *Mitiukov N.W., Crawford K.R.* (2015). The Method of Analysis Derived Coefficients of Database as a New Method of Historical Research (for Example, a Database of Ballistic Parameters of Naval Artillery). *Bylye Gody*. № 4 (38). pp. 1078–1084.
- [Mitrofanov, 2015](#) – *Mitrofanov A.F.* (2015). Sail-ship «Juan Sebastián de Elcano». *International Naval Journal*. № 3 (7). pp. 158-166.
- [Mitrofanov, 2016](#) – *Mitrofanov A.F.* (2016). «Almirante Grau» – long-lived cruiser. *International Naval Journal*. № 1 (9). pp. 44-54.
- [Valdre, Mitjukov, 2008a](#) – *Valdre A., Mitjukov N.V.* (2008). Odisseja baltijskih jesminecev (Chast' 2) [The Odyssey of the Baltic Destroyers (Part 2)]. *Gangut*. № 46. pp. 85–97.
- [Valdre, Mitjukov, 2008b](#) – *Valdre A., Mitjukov N.V.* (2008). Odisseja baltijskih jesminecev (Chast' 3) [The Odyssey of the Baltic Destroyers (Part 3)]. *Gangut*. № 47. pp. 115–129.
- [Valdre et al., 2008b](#) – *Valdre A., Mitjukov N.V., Rodrigues Asti H.* (2008). Odisseja baltijskih jesminecev (Chast' 4) [Odyssey of the Baltic destroyers (Part 4)]. *Gangut*. № 48. pp. 108–128.
- [Korobejnikov, 2012](#) – *Korobejnikov A.V.* (2012). Votkinskoe sudostroenie i grazhdanskaja vojna [Votkinsk shipbuilding and civil war]. Izhevsk. 190 p.

- Lapshin, Korobejnikov, 2014–2016 – Lapshin R.V., Korobejnikov A.V. (2014–2016). Belyj flot v grazhdanskoj vojny [White Navy in the Civil War]. V 6-ti t. Izhevsk: Idnakar.
- Matveev, 2017 – Matveev D.V. (2017). Andrian Zyryanov i parohod «Pavel Trojan» [Andrian Zyryanov and the steamer "Pavel Troyan"]. *Vostochno-Evropejskij nauchnyj vestnik*. № 2 (10). pp. 47–49.
- Mitjukov, 2007 – Mitjukov N.V. (2007). Odisseja baltijskih jesminecev (Chast' 1) [The Odyssey of the Baltic Destroyers (Part 1)]. *Gangut*. № 45. pp. 134–147.
- Mitjukov, 2016 – Mitjukov N.V. (2016). Mezhdunarodnoe setevoe vzaimodejstvie v proektah po istorii [International networking in projects on history] / Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo: integracija obrazovatel'nyh prostranstv [International cooperation: integration of educational spaces]: Mat. III Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. (Izhevsk, 17-18 nojabrja 2016 g.). Izhevsk: Udmurtskij universitet. pp. 245–248.
- Mitiukov et al., 2017 – Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S. (2017). Votkinsk's Shipbuilding During the First World War. Reconstruction and Analysis of the Structure of Military Orders. *Bylye Gody*. № 44 (2). pp. 644–652.
- Registr, 1922 – Torgovyj flot RSFSR. Spisok sudov k 1 janvarja 1922 g. [Merchant Fleet of the RSFSR. The list of ships by January 1, 1922]. M.: CUMOR, 1922. pp. 194–199.
- Registr, 1926 – Registr Sojuza SSR. Spisok rechnyh sudov. Sostavljen po dannym Mestnyh Bjuro Registra Sojuza SSR na 1 marta 1926 g. [Register of the USSR. List of river vessels. Compiled according to the data of the Local Bureau of the Register of the USSR on March 1, 1926]. M., 1926.
- Registr, 1928 – Registr Sojuza SSR. Spisok rechnyh sudov na 1.3.1927. Bassejny rek: Dnepra i Buga, Dona i Kubani, Sibirskih i Sredneazijskih rek [Register of the USSR. List of river vessels on 1.3.1927. River basins: Dnieper and Bug, Don and Kuban, Siberian and Central Asian rivers]. Rybinsk, 1927.
- Ryzhkova, 2017 – Ryzhkova M.V. (2017). Vozmozhnosti organizacii virtual'nyh nauchnyh laboratorij v setevom prostranstve [Possibilities of organizing virtual scientific laboratories in the network space]. *Kreativnaja jekonomika*. T. 11. № 3. pp. 315–324.
- Sergeevskij, 1936 – Sergeevskij B.A. (1936). Gidrograficheskie issledovanija jugo-vostochnoj chasti Karskogo morja. Ob'-Enisejskij rajon [Hydrographic studies of the southeastern part of the Kara Sea. Ob'-Yenisei region]. L.: Gidrografich. upr. Glavsevmorputi pri SNK SSSR. 402 p.
- Fedorova, Churkina, 2016 – Fedorova N.M., Churkina N.I. (2016). Organizacija nauchno-issledovatel'skoj dejatel'nosti studentov magistratury v setevom formate [Organization of research activities of students of the master's degree in a network format]. *Vestnik SibIBiIT*. № 4. pp. 161–165.

УДК 655.3.022.1

Сетевое взаимодействие в научных проектах по военно-морской истории

Николай Витальевич Митюков^{a, b, *}, Роберт Владимирович Кондратенко^a,
Алексей Владимирович Коробейников^a, Александр Владимирович Дашьян^a,
Александр Федорович Митрофанов^a

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований,
Российская Федерация

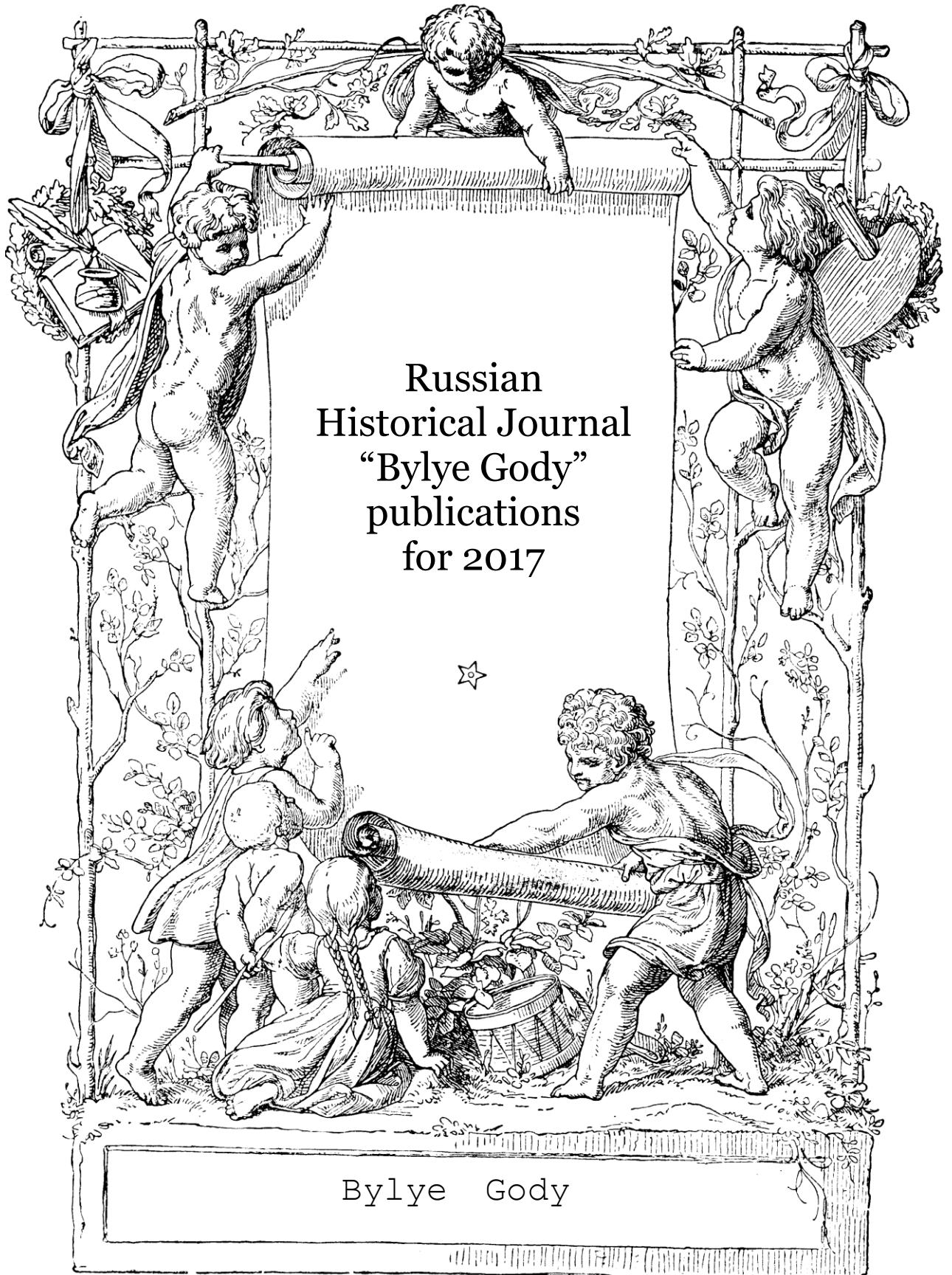
^b Королевская морская академия, Испания

Аннотация. Существующая тенденция последнего времени к сетевому взаимодействию в основном понимается как средство поиска информации или повышения академической мобильности. Но сетевое взаимодействие может открыть большие возможности и при проведении научных исследований творческими сообществами учёных, которые проживают в различных городах и странах и объединяются, благодаря сети Интернет для решения конкретной научной задачи.

Работа созданной нами сетевой лаборатории показана на примере решения задачи реконструкции истории и боевого применения плавсредств Галевской боевой флотилии Ижевско-Воткинских антибольшевистских повстанцев периода осени 1918 г. Тогда в распоряжении созданной ими Народной армии имелись готовые, но не сданные заказчику баржи 120 и 200-тонного, а также, возможно, и 250-тонного типов. Используя их, повстанцы не только успешно противодействовали Волжской и Пермской флотилиям Красной армии, но и организовали эвакуацию своего войска за Каму после поражения восстания.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, научные исследования, исторический проект, реконструкция корабельных биографий, Ижевско-Воткинское восстание.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nico01@mail.ru (Н.В. Митюков)

Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2017

Bylye Gody. 2017. № 43 (1)

ARTICLES AND STATEMENTS

Conceptual Understanding of the Russian-Caucasian Relations in the XVI–XIX centuries in the Official Imperial Historiography Sabanchiev H.A., Tekueva M.A., Soblirova Z.H., Zhurtova A.A.	4
The Peculiarities of Social Organization of the Serving Population of the South of Russia in the First third of the XVII centuries (on Materials Guarantee Records of Voronezh) Lyapin D.A., Zhirov N.A.	13
Office Administration and Cartography at the turn of the XVII–XVIII centuries: to the Problem of Studying the Population of the Middle Priirtyshje Kabakova N.V., Korusenko S.N.	21
The Ethno-Confessional Relations in the Context of Culture and Education (Kazan province, XVIII – beginning of XX century) Faizrakhmanova L.T., Kovrikova E.V.	30
The Formation of the Russian Medical Activities in the Caucasus in 1736–1799 Gvarliani T.E., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.	39
Participation of Aral Military Flotilla in the Accession of Central Asia to the Russian Empire Katorin Y.F., Shadymov A.V., Glebanova A.Yu.	48
The Image of Russia in French Travel Literature of the XIXth century Aroutiounova J.M., Linkova E.V., Arslanov R.A.	59
The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.	68
Who were the Clerks in Siberia? Professional Characteristics of Russian Empire Local Governmental Officials from the 19th to the early 20ies century Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Severyanov M.D.	86
Formation of the Kazakh Employees in the Conditions of Russian Management Military-Administrative Model Aitmuhambetov A.A., Bekmagambetov R.K., Bimoldanova A.A., Bekmagambetova M.G.	94
The Patriotic Enthusiasm during the Crimean War (1853–1856) as a Factor of Modernization Turn in Russia Krot M.N., Chernicin S.V., Zavyalova O.O.	103
The Crimean War (1855–1856): the Combat Operations in Rioni Region Vazeroval A.G., Gurbanov R.A., Micky N.V.	112
Role of Russian Orthodox Church in Life of Peasants in Russia in XIX – the beginning of the XXth centuries Perevozchikova L.S., Ershov B.A., Ashmarov I.A., Volkova E.A.	121
Ukrainian Question in the Russian Conservative Thought. The end of XIXth – early XXth century Ivanov A.A., Kotov A.E., Yanchenko D.G., Ovsjannikov D.V.	129
The Slovak Politics and Society in Austria-Hungary before the First World War Syrný M.	139
Problems of Votkinsk’s Shipbuilding: to Analyze the Historical Sources Mitiukov N.W., Matveev D., Svechnikova N.V.	145

The Siberian Students in Research, Cultural and Social Life of the Region in the Late XIX – Early XX centuries Ustinova O.V., Skifskaya A.L.	153
German Industrial Enterprises in Western Siberia in the second half of the 19 th century Shaidurov V.N.	162
Russian Subjects on the Territory of the Grand Duchy of Finland (according to the Russian and Finnish Population Statistics of the late 19 th century) Kashchenko S.G., Markova M.A., Rodionova O.V.	169
Engineer Pavel Izotov in Service in the Russian Imperial Navy and the Bulgarian Fleet Kozhukharov A.N., Najmushin I.N.	179
Models of Mating Behavior of the Mordva in Tumkino of Simbirsk Province in the 1885–1918 according to Parish Registers Kobzev A.V., Kobzeva T.A., Buzaev D.E.	189
District Police Officers in the Siberian Region: to the Social Portrait Khramtsov A.B.	200
The Agriculture and Industry of the Black Sea Province at the beginning of the 20 th century Polyakova L.G., Ostrovskaya A.A., Murtuzaliev S.Yu.	209
Military-Political Events in the History of Russia in 1904–1905 in Interpretation of the German Naval Attaché P. Hinze Sinegubov S.N., Shilov S.P.	218
Ukrainian National Movement and State Power in Late Imperial Russia, 1905–1914 Matishov G.G., Grom O.A.	227
The Influence of State-Confessional Policy on the Situation of Muslim Organizations in Western Siberia in 1905 – the beginning of 1917 years Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.	238
The Activities of the Armenian parties Dashnaktsutyun and Gnchak on the territory of the Black Sea Province at the beginning of the XX century Taran K.V., Dyuzhov A.V., Rassolov I.M.	248
The Interaction of Civil Society Institutions and the State in the Sphere of Youth Policy Implementation: the Russian Experience of the Beginning of XX Century Merkulov P.A., Sokolov V.V., Melnikov A.V.	257
Russian Societies of the Mutual Credit in the years of Economic Recovery (1909–1913) Kattsina T.A., Marinenko L.E., Pashina N.V., Vakulina E.A.	265
I.Ya. Korostovetz, "the Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Urga in 1912 Dudin P.N.	274
The Great War on the Pages of County Newspapers: the Formation of Public Opinion in Russian province (on materials of Samara, Simbirsk and Penza region) Kulyanina U., Kurakina L., Ilushin A.	285
Public Organizations of the Rear City during World War I (on Materials of Tsaritsyn) Litvinova I.N., Karagodina O.A., Gulyaikhin V.N., Borovkov A.V.	294
The Russian Aviation in the First World War: the Features of Artillery Fire Correction Karataev V.B., Chursin A.A., Semenov A.S.	301
The Social Welfare of Soldiers' Families in Yenisei Province (1914–1917) Dolidovich O.M., Starovoitova E.N.	309
Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia Lysenko Y.A., Demchik E.V., Anisimova I.V., Bochkareva I.B.	317

ARTICLES AND STATEMENTS

The Structure of the Boyarskaya Duma and the Court Administration in Vasily III's Reigning Korzinin A.L., Shtykov N.V.	330
Rivetednarrowly-Plate helmet from the Collection of the Central State Museum of Kazakhstan Bobrov L.A., Salnikov A.V.	342
Events of 1688–1689 in England: Revolution, Coup d'etat or Conquest? Sidorenko L.V.	358
The Aristocratic Societies in the Caucasus in the XVIII–XIX centuries and Serfdom (on the Materials of the Collection of Laws of the Georgian King Vakhtang VI) Adinyaev S.I., Mineeva E.K., Kurbanov R.A.	370
Artisans in the Social-Class Structure of the Cities of the North Caucasus Tuaeva B.V., Kanukova Z.V., Usova Y.V., Plieva Z.T.	378
The Right and the Theory of the Empire in the Thought of European Enlightenment of the Second Half of the XVIII century Demicheva T.M., Baryshnikov V.N., Borisenko V.N.	387
Russian Exports to the Great Britain in 1760–1825: Who Benefited More? Park Ji-bae	396
Confessional Policy of Russia in Relation to Christian non-Orthodox Denominations in the North Caucasus in the late XVIII – early XX centuries Kuliev F.M.	409
Religious Culture in the Caucasus: Pagan Temples and Traditions Bulgarova B.A., Vazeroval A.G., Ochirov O.R.	420
The Sanitary-epidemiological State of the Russian Troops in the Caucasus in 1797–1801 Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V.	428
The Features of Raiding Tactics of Circassians in the period of the Caucasian War (1801–1864) Diesperova N.A., Zulfugarzade T.E., Kucherkov I.A.	438
The Evolution of Social Organization in Abkhazia and Samurzakano in 1810–1870 Byshkov P.A., Novitskaya L.Y., Artemova S.F.	445
The Officials of the Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions as Researchers of the State-Church Relationships in Russia Teryukova E.A.	451
Transformation of the Traditional Power of Kazakhs in the Russian Empire (on the example of the Kazakhs of the Orenburg Department) Yermenbayeva G.K., Balgabayeva G.Z., Isenov O.I., Nauryzbayeva E.K.	460
Sultan-rulers as Officials of Russian Empire (1824–1868) Galimov Y.A., Ksenzshik G.N., Atygayev N.A., Tuleshova U.Z.	468
Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries Olga P. Tsys'	478

The Efficiency of Gendarme Supervision of a Private Gold Mining in Western Siberia in the Middle of the 19th Century (on the Example of Relationship with Local Executive Power) Rumyantsev P.P.	487
Major State Fairs in the Middle Volga in the Second Half of the XIX Century Korneeva J.V.	495
Administrative and Legal Transformation of the 1850–1870s among the Peoples of the North Caucasus in the Assessment of Representatives of Liberal Historiography Kuz'minov P.A., Zhurtova A.A., Dyshekov M.V., Tamazov M.S.	505
Formation of the System of Public Administration of Youth Policy in the Sphere of University Education in Russia at the turn of the XIX–XX centuries Merkulov P.A., Malik E.N., Filonov V.I.	513
On the Question of the Terms «Muhajirun» and «Muhajirism» Dudarev S.L.	525
Societies of Agricultural Colonies and Craft Shelters in Siberia (the end of XIX – the beginning of the XX th century): Realization of Social Expectations Kattsina T.A.	533
Governors and Cities of Siberia: to Assessment of a Conflictness of Interaction (1870–1917) Kamynin V.D., Khramtsov A.B.	542
The role of Muslims in Migration Processes in the Russian Empire in the second half of XIX – early XX century Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.	551
Sports and Patriotic Education of Students of the Middle and Lower Schools of Siberia in the late XIX – early XX centuries Tolmacheva S.V., Ustinova O.V., Zubareva J.V.	560
The Migration of Germans to Kazakhstan in the end of XIX –beginning XX century Apendiyev T.A., Zhandybaeva S.S., Tulebaev T.A., Abykenova K.E.	568
The Place and Role of the Cathedral in the Socio-cultural life of the Provincial town of the late XIX – early XX centuries (on the example of Yeniseisk) Dvoret'skaya A.P., Gonina N.V., Gaydin S.T.	576
The Influence of Labor Market on the Formation of Socio-economic Structure of the Province of Tobolsk in the late XIX century Konev Y.M., Pilipenko L.M.	586
Civil and Legal Activities of the Lawyer A. Turlybayev in Siberia at the beginning of the 20 th century Baidaly R.Z., Kabul'dinov Z.E., Aitmuhambetov A.A., Nauryzbaeva E.K.	597
The Financial Situation of Students at the Beginning of the Twentieth century: in Light of the Siberian Press Rodina V.N., Filippova I.A., Sulkarnaeva G.A.	608
The Representatives of the Steppe Region and Turkestan in the Russian Parliament: the Experience of Fractional Interaction in Solving Regional Ethno-Social Problems Lysenko Y.A.	616
Intelligentsia and the Folk between Russian Revolutions (1905–1917) Gryaznukhina T.V., Sejtkanova A.A., Gryaznukhin A.G., Gergilev D.N., Malutina L.F.	625
Measures to Combat Hunger and Crop Failure of 1911–1912 in the Ufa Province Kantimirova R.I., Pavlova O.S., Yavnova I.I.	635

Votkinsk's Shipbuilding During the First World War. Reconstruction and Analysis of the Structure of Military Orders Mitiukov N.W., Matveev D., Semyonov A.S.	644
The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings Leontyeva E.Yu., Leontyev A.N., Bogdanova I.N.	653
The Role of Communities in Solving Social and Economic Problems of Students in Siberia (on Materials of the Tomsk Student Press of the early twentieth century) Cherepanova V.N., Putilina J.V., Pivovarova I.V.	663
Press as a Destabilizing Factor in Russian Society in Autumn of 1917 Korobkov Y.D., Buryak E.M., Koldomasov I.O.	672
The Social and Psychological Profile of the Russian Proletariat and Its Role in the Revolutionary Movement Mironov B.N.	680

Bylye Gody. 2017. № 45 (3)

ARTICLES AND STATEMENTS

The Process of Adaptation of Traditional Society and Empire (on the examples of the Roman and Russian Empires, Kazakhs and Gallo-Germans) Gorovoy V.V., Tuleuova B.T., Smagulova G.M., Ibragimova G.Ye.	716
«Circassian Armor» in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV – mid XIX centuries Bobrov L.A., Salnikov A.V.	727
Tsar Alexis Mikhailovich through the Eyes of Western Contemporaries: a Personal Image in the Light of Potestiar Stereotypes Kozulin V.N., Kurnykin O.Y., Malysheva N.S., Chernyshov Y.G.	754
Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland Merkulov P.A., Turin E.A., Savinova E.N.	765
The Problem of Russian-Caucasian Historical Interaction in the National Liberal Historiography of the late XVIII–XIX centuries Zhurtova A.A., Kuz'minov P.A., Konovalov A.A., Muratova E.G.	776
The Causes of the Flow and Evolution of the Petitions in the Composition of the Cases on Personnel Movements Clerics in the XVIII – beginning of XX centuries (on the example of the Churches of Tobolsk Diocese) Spichak A.V.	785
The Origins of Russian Archaeography of the XVIII century: Nikolai Ivanovich Novikov Brachev V.S., Polynov M.F.	794
Circassia in the Russian-Turkish Relations at the end of the XVIII – the beginning of the XIX centuries Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.	803
The Siberia of the 19 th century through the Russian Intelligentsia' eyes Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gaydin S.T., Reut G.A.	811
Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders Krinko E.F., Suschiy S.J., Mamadaliev A.M.	821

The Traditional Medicine in the Caucasus and the Activities of the Georgian Medical Board (1801–1804 years) Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.	836
The Combatant of the Caucasian Army (1801–1864 years): Uniform, Equipment, Traditions Karataev V.B., Belyalova A.M., Artemova S.F., Yakushev A.N.	847
The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the beginning of the XIX century Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.	853
Russian in Captivity: The Art of Surviving and Vinning Ushakov V.A., Sokhor T.E., Il'in E.V., Goncharova T.N., Petrova A.A.	861
The Policy of the Caucasian Authorities Regarding the Mountaineers of Circassia who fled to the Russian Side (1815–1861) Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Smigel M., Valteau A.	871
Letters from Captivity as a Unique Source of the Caucasian War Period Bulgarova B.A., Bragina M.A., Zolotykh E.A.	878
Health Activities of Local Governments in the Kalmyks of the XIX – early XX centuries Lidgieva I.V.	885
From the History of the Development of Artisanal Industrial Enterprises in the Central Chernozem Region since the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries Dushkova N.A., Grigorova V.A.	894
The Concept of S.M. Solovyev on the Interaction of Society and Nature and its Further Development in Historiography Sadykova R.O., Baigondin R.T.	903
Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900 Zaikov K.S., Tamitskiy A.M.	915
The Unrealized Project of Railway Construction: the Caucasian Saddle Road Darchieva S.V., Darchiev A.V.	928
"Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I Peretyatko A. Y.	937
Factors of the Evolution of the Guild of Merchants of the Yenisei Province (in the post-reform period) Tuman-Nikiforova I.O., Fedorchenko V.I., Pashina N.V., Krylov I.I.	949
The Serfdom in Russia: the Historiographic Aspect Miku N.V., Galushkin A.A., Ekimov A.I.	957
The Fertility of Women in Subcarpathian Russia in the Second Half of the Nineteenth Century and the First Half of the Twentieth Century Šprocha B., Tišliar P.	964
Russia and the Establishment of the Hague System of International Legal Protection of the Prisoners of War Kokebayeva G.K., Chatybekova K.K., Abisheva M.M.	978
Group Rapes in Russian Villages in the beginning of the 20th Century Bezgin V.B.	986

Educational Correctional Institutions for Minors in Provinces of Eastern Siberia of the end of XIX – the beginnings of the XX th centuries: plan and result Kattsina T.A., Vysotskaya N.V., Cherkashina E.Y., Potapova E.V.	995
Infanticide and Abortion as a Social Phenomenon of the late 19th – early 20th century Ustinova O.V.	1003
The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V.	1010
Value-grain Potential of the North Caucasus in the late XIX – the early XX century Ratushnyak V.N., Ratushnyak T.V.	1025
Views of S.Yu. Witte on the Cultural and Historical Tasks of Russia in the East Suvorov V.V.	1036
Ethnopolitical Landscape of Arkhangelsk Governorate at the turn of the century: the end of XIX – the beginning of XX centuries (based on the materials of the diocesan press) Vereshchagin I.F., Zadorin M.Y.	1044
Consumption of Wine in Russia and Siberia in the beginning of the XX century Zinovyev V.P., Falileev D.A., Sulyak S.G.	1063
Documents of the Archives of the Budim Orthodox diocese about the Orthodox Movement in Transcarpathia at the beginning of the XX century Danilets J.V.	1072
Gnosiological Bases of the Philosophy of War N.L. Klado Zubritskaya N.V., Katorin Y.F., Makarov Y.N., Ageeva V.A.	1082
The Problems of Forming the Image of a Foreign State in the Periodicals of the Russian Empire (1905–1917) Blagoder Y.G.	1093
The Role of Students in Secondary and Elementary Schools of Siberia in Volunteer and Charitable Activities during the First World Pivovarova I.V., Zubareva J.V.	1102
Fight against High Cost and Providing the Population with Essentials in the cities of Western Siberia in the years of First World War Kamynin V.D., Khramtsov A.B.	1110
Literary Works in the Student Press of the early twentieth century as Historical Source that Reflect the Characteristics of the Worldview and Lifestyle of Siberian Students in the beginning of the XX century Cherepanova V.N., Putilina Y.V., Savitskaya Y.P.	1119
Socio-psychological Bases of the Views of Workers' Ideas of Mining Ural on Socialism in 1917 Korobkov Y.D., Dorozhkin A.G., Starodubova O.Y.	1127

Bylye Gody. 2017. № 46 (4)

ARTICLES AND STATEMENTS

The Late Jurchen (Early Manchu) Helmet of the Second Half of the 1610s to the Mid-1630s from the Collection of the Armoury Chamber of the Moscow Kremlin Bobrov L.A., Zaytsev V.P., Orlenko S.P., Salnikov A.V.	1140
--	------

The Formation of Entrepreneurship in Russia: Historical Background and Modernity Dudin M.N., Smirnov W.V., Rusakova E.P.	1174
The Formation and Discharge service of the Cossacks of Siberia in the XVIII century Puzanov V.D.	1184
Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V.	1194
On the History of the Roma in the Russian Empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century) Shaidurov V.N.	1207
The Military Factor and the Mobilization Wave Mechanism as the Main Features of Modernization in Russia during the Imperial Period Samokhin K.V., Korolyova L.Yu.	1219
The Development of Russia-Mountain People Interaction in the last quarter of XVIII century in the Context of Factors, Prospective and Problems of Integrating of Mountain People into Imperial State System Vinogradov B.V.	1229
To the Issue of the Combat Use of Missile Weapon in the Caucasus in the XIX century Chursin A.A., Semenov A.S., Kokuitseva T.V.	1237
At the Origins of the Formation of the Entrepreneurial Layer Among the Handicraftsmen in the Central Chernozem Region Dushkova N.A., Grigorova V.A.	1244
Military-Sanitary Affairs in the Caucasus in 1803–1808 years: the Characteristic Peculiarities Ermachkov I.A., Koroleva L.A., Svechnikova N.V., Gut J.	1252
The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part I Rajović G., Ezhevski D.O., Vazerova A.G., Trailovic M.	1261
Estimates of the Colonial Policy of Great Britain in Malaya and Singapore Buranok S.O., Malkin S.G., Levin Y.A.	1275
The Natural Environment in the Daily Life of Disabled People in the Volga region (XIX century) Nurova O.G.	1283
Sports Training in Parts of the Active Army in the Period of the Caucasian War Natolochnaya O.V., Chikhladze L.T., Yablochkina I.V., Gordeev I.A.	1291
Transformation of Legal Status and its Influence on the Culture of Native Minorities of the Far East in XIX – Early XX centuries Akhmetova A.V., Dementeva V.V., Ivaschenko Y.S.	1297
Features of Regional Management in Russia: Historical and Legal Aspects (on the Example of Kalmykia) Ochir-Garyaeva I.K., Komandzhaev E.A.	1305
The Losses of the Russian army during the Russian-Persian War of 1826–1828: the Historical-Statistical Study Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S., Valleau A.	1315
Understanding of Kazakh Volost by Russian Officials of the XIX century Sultangalieva G.S., Dalayeva T.T., Malikov B.U.	1322

Emergence and Activity of Legal Entities in Russia in the Pre-Revolutionary Period (comparative analysis) Shashkova A.V., Rakitskaya I.A., Pavlov E.Ya.	1333
From the history of Religious Studies in Russia: The study of the History of Christianity (in the second half of the 19-th – early 20-th century) Shakhnovich M.M., Chumakova T.V.	1345
Ethnographic Researches of Ecological Culture of the Peoples of the Volga region in the XIX – early XX centuries Lepeshkina L.Y.	1357
Institute of the Guardian in the Kazakh Steppe in the XIXth century: Legal Status and Duty Regulations Izbassarova G.B.	1366
“Study of the Livles Remnants, Descendants of the Primitive Inhabitants of the Province”: A. Sjögren and F. Wiedemann Scientific Activity in the middle of XIX c. Kolesov V.I.	1376
Evolution of the Planning Organization of Peasant Farmers in Western Siberia the middle of XIX – early XX century Likhachev E.N., Pustovetov G.I., Likhacheva A.E.	1386
The Cruising Service of the Black Sea Fleet in the 1860s: Regulations and Practical Application Okatiev N.A., Ostrovskaya A.A., Makarov Y.N.	1395
"Before Giving to the Nation or Tribe a New Order, One Must First Ask the People of this Nation Whether They Need This Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 on the Don. Part II A.Y. Peretyatko	1401
Evolution of Judicial System of the Russian Empire: from Estate Court to All-Estates Court Nemytina M.V., N.N. Efremova, Mikheeva T.Ts.	1416
"Exchanging the Past": Historical Memory, Money and National Identity in the Russian Empire and Central Europe in second half of XIX – early XX centuries Golovashina O.V., Linchenko A.A.	1433
N.K. Mikhailovski and the Democratic Movement in Russia in the second half of the XIX century: Political Doctrine and Activity (to the 175th Anniversary of Birthday) Blokhin V.V., Soloviev E.A.	1443
Night as a Special Dimension of Human Life in the Cultural Life of the Russian Provincial Town in terms of the Historical end of the late 19th – early 20th century Menshikova E.N., Semenov M.Y., Kozlov K.V., Dvoretzkiy E.V.	1454
The Concepts of Multifactor and the Historical Regularity in Russian Liberal Historical Thought at the turn of XIX and XX centuries Konovalov A.A., Tamazov M.S., Shorova M.B., Mirzoeva S.G.	1468
The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontery Modernization Lysenko Y.A., Goncharov Y.M.	1480
Local Authorities and Prostitution in Pre-Revolutionary Siberia (on materials of the city of Tyumen) Alexander B. Khramtsov	1488
The Role of the "Siberian Trade Newspaper" in the Development of the Advertising Business of Merchant Tyumen at the end of the 19th century Stavetskaya I.V., Medvedeva N.G.	1497

The Socio-Economic Situation of Omsk at the beginning of the 20th century Sungurov P.A.	1508
Historical Sources of the early XX century about the Siberian Students: an Analysis of Archival Data and Published Materials Cherepanova V.N., Putilina Y.V., Savitskaya Y.P.	1517
Location of the Industry and Industrial Typology of the Counties of the Central Chernozem region in the early XX century Zhitin R.M., Topilsky A.G.	1525
The Role of Russian Diplomatic Mission in Beijing in Safeguarding Russia's Interests in the Establishment of the Statehood of Barga (1912–1915) Dudin P.N.	1534
Charitable Siberian Students at the turn of XIX–XX centuries Pivovarova I.V., Zubareva J.V.	1546
Regulation of Behavior of Studying Youth of Siberia at the turn of XIX–XX centuries Rodina V.N.	1554
Socio-Demographic Characteristics of Siberian students in the early twentieth century (on materials of the journal "Siberian student": 1914–1916) Ustinova O.V., Kirilova O.V.	1563
Position of the Cossacks of the Petrograd garrison during the October uprising in the Capital and Participation of Cossack Units in the Campaign of Kerensky-Krasnov Trut V.P., Borodin S.V., Tarakanov V.V.	1572
Networking in Scientific Projects on Naval History Mitiukov N.W., Kondratenko R.V., Korobeinikov A.V., Dashyan A.V., Mitrofanov A.F.	1582
Russian Historical Journal “Bylye Gody” publications for 2017	1591